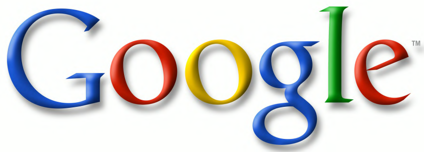


I-II

98

УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА

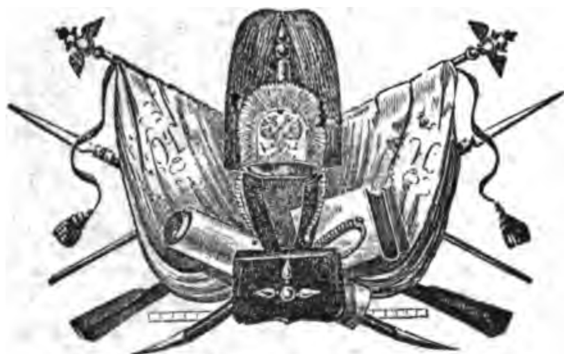
для

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).



ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

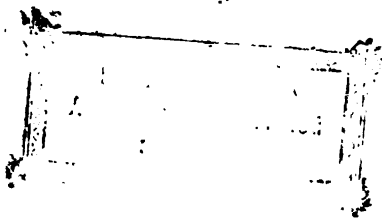
НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ I.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО КАРАМЗИНА).

Составлена, на основаніи Наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній, Высочайше утвержденнаго 24-го Декабря 1848 года,

А. Галаховымъ.

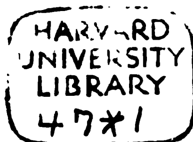


САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО—УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1861.

Утверждено для Военно-Учебныхъ Заведеній.
5 Мая 1856 года.
Начальникъ Главнаго Штаба, Генералъ-Адъютантъ *Ростовцовъ.*



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 26 Ноября 1860.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

Всеподданнѣйшее приношеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга назначается въ пособіе при изученіи новаго періода Исторіи Русской Словесности. Она содержитъ въ себѣ, въ хронологическомъ порядкѣ расположенный, выборъ изъ сочиненій отечественныхъ писателей, отъ Петра I до нашего времени. Такое же пособіе для изученія языка и словесности древняго, до-петровскаго періода составлено Ѳ. И. Буслаевымъ, подъ названіемъ: «Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ.»

Обстоятельнымъ разборомъ избранныхъ сочиненій, внесенныхъ въ Христоматію, подкрѣпляются данныя, предлагаемыя Исторіею Русской Словесности (*). Христоматія сообщаетъ учащемуся тотъ необходимый и по возможности полный матеріалъ, безъ котораго нельзя имѣть опредѣленнаго понятія ни о характерѣ сочиненій того или другаго писателя, ни о сущности того или другаго литературнаго направленія. Не вдругъ, а постепенно учащіеся усвоиваютъ этотъ матеріалъ. Они начинаютъ пользоваться имъ съ первыхъ лѣтъ своей школьной жизни, съ первыхъ ступеней словесной науки. Еще задолго до преподаванія Исторіи Русской Словесности, они уже читаютъ и заучиваютъ наизусть многія піесы, находя въ нихъ основаніе для научныхъ выводовъ, или образцы для собственныхъ трудовъ. Грамматика, теорія прозы и теорія поэзіи столько же нуждаются въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, сколько нуждается въ нихъ историко-литературное ихъ изученіе. Не съ именами только, но и съ дѣятельностію классическихъ писателей знакомился учащійся. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ успѣлъ уже собрать значительный запасъ

(*) Учебное руководство къ Исторіи Русской Словесности, древней и новой, для военно-учебныхъ заведеній, составлено мною.

примѣровъ, который будетъ пополняться въ послѣдній годъ его учебнаго курса, посвященный Исторіи Русской Словесности.

Назначеніемъ книги опредѣлялся ея составъ. Изъ сочиненій какого-либо писателя вошли въ нее наиболѣе характеристичныя, которыя отличаютъ его, какъ особаго дѣятеля въ ряду другихъ авторовъ и по которымъ онъ занялъ мѣсто въ исторіи литературы. Эта характеристика, соотвѣтственно двумъ сторонамъ словесныхъ произведеній (Исторія Русской Словесности, § 6), должна указывать двоякое ихъ значеніе: историческое и литературное. Чѣмъ знаменательнѣе была дѣятельность писателя, тѣмъ больше матеріала онъ далъ сборнику. Заимствованія въ этомъ случаѣ не ограничивались лучшимъ, отборнѣйшимъ: они имѣли въ виду свидѣтельствовать также о постепенномъ возрастаніи таланта, отъ первыхъ его опытовъ въ литературѣ до самыхъ зрѣлыхъ его произведеній. Въ интересѣ науки любопытно сличить, напримѣръ, нестройный переводъ Фенелоновой оды Ломоносова съ мастерскимъ его переложеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Іова, или такой же переводъ Геснеровой идилліи, Карамзина, съ художественнымъ повѣствованіемъ въ Исторіи Государства Россійскаго. Что же касается до второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, они, конечно, не имѣютъ права на такое вниманіе: Христоматія беретъ у нихъ лучшее ихъ достояніе, на сколько понятіе о лучшемъ можетъ согласоваться съ педагогическими требованіями учебника.

Для исторіи литературы, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначить то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ. Многіе приговоры ихъ о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій отличаются замѣчательною вѣрностью. Если наука не всегда видитъ въ ихъ отзывѣ сознательное опредѣленіе литературнаго факта, то этотъ отзывъ всегда уважителенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Ни исторія литературы, ни христоматія не имѣютъ права пренебрегать имъ: одна обязана объяснить причину громкой молвы, сопровождавшей какое-либо сочиненіе, другая—отвести ему мѣсто на своихъ страницахъ, какъ такому, современное значеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Объясню сказанное примѣромъ. Вскорѣ за появленіемъ «Фелицы», напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. Одно стихотвореніе, подписанное буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), говоритъ, что Державинъ проложилъ «новый путь» на Парнассъ, что

......кромѣ пышныхъ одъ
Во стихотворствѣ есть «иной хорошій родъ».

Признаки этого «новаго стихотворнаго рода» указаны его противоположностью «пышнымъ одамъ». «Оды», замѣчаетъ «Собесѣдникъ» въ одной статьѣ (*),

(*) Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги «Собесѣдникъ».

«наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; Фелица написана «совсѣмъ инымъ слогомъ», какъ прежде такого рода писались». Въ другомъ стихотвореніи, Кострова, также признается за Державинымъ слава обрѣтенія «новаго и непротоптаннаго пути»: ибо въ то время, какъ «слухъ нашъ оглохъ отъ громкихъ тоновъ, Державинъ сумѣлъ безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣянія Фелицы; ему дана была способность и важно пѣть, и играть на гудкѣ». Въ послѣдствіи, Державинъ подкрѣпилъ справедливость похвальныхъ о себѣ отзывовъ собственнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ:

......первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

Назвавъ Державина «пѣвцомъ Фелицы», современники его дали знать, что особенность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой піесѣ. Справедливое прoименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ Державинъ тоже «пѣвецъ Фелицы»; пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для дальнѣйшаго времени. И то поэтическое отличіе, которое его обезсмертило, этотъ «забавный русскій слогъ»—развѣ понятіе о немъ измѣнилось? Критика раскрыла объемъ и содержаніе понятія, указала въ подробности значеніе небывалаго дотолѣ въ искуственной русской поэзіи сочетанія двухъ тоновъ, высоко-лирическаго и рѣзко-сатирическаго, въ одной и той же піесѣ, которая потому становится какъ бы одой-сатирой или сатирой-одой, но не выходила изъ предѣловъ, начертанныхъ самосознаніемъ Державина.

Не только голосъ людей, стоявшихъ близко къ литературному памятнику, но и воззрѣнія на него послѣдующихъ эпохъ, христоматія обязана принимать къ свѣдѣнію: ибо одинъ и тотъ же памятникъ для разныхъ поколѣній представляетъ разный интересъ. Современная обстановка сочиненія часто теряетъ свою прелесть и даже смыслъ въ дальнѣйшее время. Политическія и общественныя отношенія, среди которыхъ оно выросло и которыя въ немъ отразились, становятся на второй планъ или и совсѣмъ скрываются изъ виду, такъ что для точнаго ихъ уразумѣнія оказывается нужда въ комментаріи. Старое сочиненіе нравится новымъ людямъ не тѣмъ, чѣмъ нравилось прежде, а другими сторонами, сообразно тяготѣнію времени къ извѣстнымъ предметамъ. Историческое значеніе уступаетъ мѣсто дидактическому или чисто-литературному началу. Читатель дорожитъ красотою слога или силою мысли, независимо отъ тѣхъ отношеній, которыми произведеніе связывалось съ минувшею дѣйствительностью. Аддисонова трагедія: «Катонъ» (1713), при всемъ отсутствіи художественнаго достоинства, заслужила восторженный пріемъ отъ современниковъ, какъ вѣрное зеркало борьбы между парламентскими партіями въ послѣдніе годы королевы Анны. Но не этою борьбою восторгался нашъ лирикъ Петровъ, жившій въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка въ Лондонѣ, а «сладкими глаголами» Аддисона, «истинами грознаго добротою Катона» (*). Для него, непричастнаго государственнымъ

(*) См. его Посланіе къ ***, изъ Лондона (1774.)

интересамъ Англіи, Цезарь не былъ представителемъ торійскаго принципа, а Катонъ представителемъ вигизма. Въ Катонѣ онъ видѣлъ философа-оратора, который плѣнялъ зрителей стоическою твердостію духа и краснорѣчивымъ изложеніемъ возвышенныхъ мыслей, и котораго знаменитый нѣкогда монологъ:

Ты правъ, Платонъ, ты правъ: нашъ духъ не умираетъ,

украшалъ прежніе сборники образцовыхъ сочиненій. И этотъ монологъ дѣйствительно былъ тамъ на мѣстѣ, какъ образчикъ дидактической моральной драмы, господствовавшей въ XVIII в. у Англичанъ и Французовъ. Помѣщеніемъ его, сборникъ показалъ сущность литературныхъ теорій и направленіе эстетическаго вкуса въ извѣстный періодъ времени. Еще болѣе знаменитая книга: «Похожденія Телемака», при выходѣ въ свѣтъ (1699) произвела сильное волненіе во французскомъ образованномъ классѣ своею косвенною критикою характера и правленія Людовика XIV, по преимуществу выражавшеюся словами Ментора. Въ нѣкоторыхъ лицахъ романа даже подозрѣвали портреты современныхъ лицъ: въ Идоменеѣ и Сезострисѣ—самого короля, въ Протезилаѣ—Лувуа, въ нимфѣ Калипсо—Монтеспанъ. Но съ теченіемъ времени этотъ животрепещущій для Француза интересъ книги не возбуждалъ уже ни тревоги, ни любопытства: за романомъ удержалась дидактическая, нравоучительная сторона, почему отрывки изъ него входили во всѣ сборники такъ называемыхъ уроковъ литературы и нравственности (Leçons de littérature et de morale). Смотря на него съ этой точки зрѣнія, объясняемой господствомъ извѣстныхъ теорій, трактатъ Рамсэ объ эпической поэзіи (Discours sur le poëme épique, 1717) отдаетъ Фенелону преимущество предъ Гомеромъ и Виргиліемъ: эти, какъ язычники, не могли стоять на высотѣ нравственнаго ученія, которой достигнулъ тотъ, какъ христіанинъ (*). Наконецъ «Похожденія Телемака» сдѣлались, по чистотѣ и пріятности языка, дѣтскою учебною книгою, представляющею, слѣдовательно, одинъ стилистическій интересъ: и хрестоматія, назначенная дѣтямъ, какъ пособіе при изученіи французскаго языка и слога, поступаетъ разумно, заимствуя мѣста изъ Фенелонова романа.

Большая часть сочиненій, вошедшихъ въ первый томъ Хрестоматіи, напечатана по первымъ ихъ изданіямъ, которыми я пользовался въ библіотекахъ: Императорской Публичной и Академіи Наукъ. При этомъ случаѣ мнѣ пріятно выразить чувства искренней признательности А. Ѳ. Бычкову и А. А. Кунику, за ихъ просвѣщенное содѣйствіе моему труду. Къ позднѣйшимъ изданіямъ я прибѣгалъ въ томъ случаѣ, когда они были исправ-

(*) Рамсэ (Ramsay), Шотландецъ, членъ лондонскаго королевскаго общества и воспитатель дѣтей претендента Якова III, прибывъ во Францію, перешелъ, по совѣту Фенелона, изъ англиканской церкви въ католицизмъ и сдѣлался послѣ того жаркимъ приверженцемъ автора «Похожденій Телемака». Его «Discours sur le poëme épique» почти цѣликомъ переведенъ Тредьяковскимъ въ «Предъизъясненіи объ ироической піимѣ». Другой переводъ, Ивана Захарова, напеч. вмѣстѣ съ «Странствованіями Телемака» (1786 г.).

ніе начальнаго. За эту исправность не всегда отвѣчаетъ самъ авторъ: она зависитъ отъ болѣе или менѣе вѣрнаго списка его сочиненій, отъ большей или меньшей заботливости издателя, отъ большей или меньшей грамотности корректора. Извѣстно, что Державинъ отрекся отъ перваго изданія своихъ стихотвореній, напечатаннаго (1798) по искаженной рукописи, хотя и подъ надзоромъ Карамзина. Но—мимоходомъ сказать—онъ имѣлъ бы такое же право отказаться и отъ послѣдняго, Смирдинскаго ихъ изданія, замѣчательнаго своего небрежностью. Иногда сочиненіе является въ свѣтъ спустя долгое время послѣ того, какъ оно было написано, и при своемъ появленіи получаетъ новый или подновленный видъ: такъ Путешествіе графа Б. П. Шереметева (1697—99), изданное черезъ семьдесятъ четыре года (1773) академикомъ Миллеромъ, вѣроятно, потерпѣло перемѣны въ ороографіи и языкѣ; такъ и въ Запискахъ княгини Н. Б. Долгорукой, съ которыми въ первый разъ познакомилъ русскую публику родной ея внукъ, извѣстный стихотворецъ кн. И. М. Долгорукій, разсказъ отзывается по мѣстамъ новымъ складомъ рѣчи. Необходимость прибѣгать къ изданіямъ позднѣйшаго времени нерѣдко вынуждается трудностью добыть первое изданіе, совершенно исчезнувшее или сохранившееся въ немногихъ, чрезвычайно рѣдкихъ экземплярахъ, неизвѣстныхъ даже записнымъ библіоманамъ. Нѣкоторыя статьи (Ядро Россійской Исторіи, Похожденія Телемака, Записная книга всякимъ вѣдомостямъ гр. Матвѣева и др.) напечатаны съ рукописей Императорской Публичной Библіотеки и Румянцовскаго Музея. Сюда же относятся и многія письма Петра I, которыя еще не были изданы въ то время, какъ первый томъ Христоматіи находился въ печати. Возможностію украсить ими мою книгу, обязанъ я благосклонному вниманію управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, князя М. А. Оболенскаго: онъ дозволилъ мнѣ просмотрѣть богатое собраніе хранящихся въ этомъ Архивѣ писемъ преобразователя Россіи.

Во многихъ статьяхъ перваго тома передана въ точности ороографія ихъ подлинниковъ. Но неуклонно держаться этого правила значило бы безполезно затруднять чтеніе книги. Поэтому, оставляя неприкосновеннымъ содержаніе текста, со всѣми особенностями его языка и слога, я замѣнялъ старинную ороографію новою и разставлялъ въ надлежащихъ мѣстахъ знаки препинанія, которыхъ вовсе не было или которые не подчинялись никакой твердой системѣ. Если въ древнерусской словесности важно соблюденіе всѣхъ палеографическихъ особенностей, потому что писцы и справщики книгъ слѣдовали постояннымъ правиламъ въ употребленіи и начертаніи буквъ, основаннымъ на свойствахъ церковно-славянскаго языка или на обычаѣ, принявшемъ силу закона, то безполезно находить подобную важность въ соблюденіи ороографіи новаго періода, пошатнувшейся въ своихъ основахъ. Здѣсь правописаніе различно не только въ разныхъ книгахъ, но и въ разныхъ мѣстахъ одной и той же книги. Христоматія, рабски подчиняясь въ этомъ случаѣ подлиннику, повторитъ всѣ ошибки корректора.

Главнѣйшіе варіанты, сдѣланные самимъ авторомъ, отнесены въ примѣчанія. Они заимствованы изъ первыхъ или позднѣйшихъ изданій, смотря по тому, какое изданіе положено основнымъ текстомъ. Каково бы ни было значеніе этихъ варіантовъ—ограничиваются ли они маловажными поправками словъ и выраженій, какъ у Ломоносова и Карамзина, заботившихся о тщательной отдѣлкѣ своихъ сочиненій, или представляютъ далекія отклоненія отъ начальнаго вида, какъ въ иныхъ піесахъ Сумарокова, любившаго торопливую работу; выигрываетъ ли отъ нихъ сочиненіе во внутренней цѣнности, какъ у Жуковскаго и Пушкина, или, напротивъ, проигрываетъ, какъ у Гоголя,—они всегда любопытны, свидѣтельствуя о постепенно мужавшемъ искуствѣ автора, о поворотѣ въ образѣ его мыслей, или о новыхъ требованіяхъ со стороны общества. Исторія литературы обязана раскрыть побужденія, вольныя и невольныя, заставившія автора рѣшиться на перемѣны, которыя иногда такъ значительны, что могутъ быть названы передѣлкой или преобразованіемъ. Послѣднее обстоятельство заставило меня помѣстить вполнѣ двѣ первыя сатиры Кантемира по двумъ редакціямъ: начальной (рукописной) и вторичной (печатной). Читатель самъ увидитъ, какъ велико между ними различіе.

Статьи сопровождаются примѣчаніями историко-литературными, филологическими и другими, необходимыми для надлежащаго ихъ уразумѣнія. При отрывкахъ изложено содержаніе сочиненій, откуда они заимствованы, и такимъ образомъ показано отношеніе части къ цѣлому. Думая о полнотѣ текста, я вмѣстѣ думалъ и о полнотѣ объясненій. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатель имѣлъ возможность пользоваться книгой безъ посторонней помощи, не всегда состоящей на лицо. Кромѣ того я имѣлъ въ виду облегчить и занятія преподавателя, весьма часто не владѣющаго пособіями, нужными для справокъ и объясненій.

Въ заключеніе, благодаря всѣхъ, трудами которыхъ я пользовался при составленіи Христоматіи, вмѣняю себѣ въ обязанность принести особенную признательность А. Н. Аѳанасьеву, Н. Н. Буличу, Ѳ. И. Буслаеву, А. Ѳ. Бычкову, И. Е. Забѣлину, П. П. Пекарскому, А. Н. Пыпину, С. М. Соловьеву, Н. С. Тихонравову. Своими радушными совѣтами они оказали большое содѣйствіе моему труду.

А. Галаховъ.

1861 Сентября 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I:

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

ОТДѢЛЪ II:

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

I.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

А. ПИСЬМА (1689—1725) (*).

1. *Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ изъ Переславля-Залѣсскаго (20 апрѣля 1689 г.)* (**).

✝(***).

Вселюібененшеи і паче живота телесного дрожаищеи моеи матушьке, государыни царице і великои Княгине наталиі кириловънѣ. Сынишъка твои, вра́боте Пребывающеи, Петрушъка, благосъловения прошу, а о твоем здравиі слышет желаю; а у насъ молитвами твоіми здорово все, а озеро все вскрылос сего к. го (1) числа, і суды все (2), кромѣ болшого коробля, воддѣлъкѣ; Тол (3) за канатами станет: і о том милости прошу, чтоп тѣ канат, по семисот сажен, из пушъкарского приказу (4), не мешкоѳъ, присланы были. А за ними дѣло станет і жите (5) наше продолжитца. Посем пакиблгословения прошу. Із переславъля. Апреля к. д. 1689. (6).

2. *Ей же, оттуда же (1689)* (7).

Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, недостойный сынишка твой, Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ; только, гей, гей, дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе, а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе писалъ я ко Льву Кирилловичу (8), и онъ тебѣ, государынѣ, донесетъ. Посемъ и наипокорственнѣ предаюся въ волю вашу. Аминь.

3. *Ей же, изъ Архангельска (14 августа 1693)* (9).

Государынѣ моей матушкѣ, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Василіемъ Соймоновымъ, что я тебя, Государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ (10) не писалъ; и о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу, для того, что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о

(*) №№ 1—5, 7—10, 12—14 взяты изъ Исторіи царствованія Петра I, г. Устрялова; 6, 11, 21, 23—25, 35 изъ Дѣяній Петра Великаго, Голикова; 16, 18 изъ писемъ Петра къ Шереметеву (1774); 15, 17, 22, 26—35 изъ Москов. Архива Минист. Иностр. дѣлъ; 36 изъ Объявленія розыскнаго дѣла и суда на царевича Алексѣя Петровича (1718); 37 изъ Отчета И. П. Библ. за 1854 г.

(**) Въ письмахъ, подъ №№ 1, 7, 15, 29—35, сохранена въ точности орѳографія подлинниковъ; только для ясности поставлены знаки препинанія.

(***) Въ началѣ писемъ вездѣ ставится крестикъ.

томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка.

Отъ Города ([11]) августа въ 14 д.

4. *Ей же, оттуда же (1693)* ([12]).

Радость моя! По письму твоему, ей, ей, зѣло печалился, потому: тебѣ печаль, а мнѣ какая радость? Пожалуй, сдѣлай меня бѣднаго безъ печали тѣмъ: сама не печалься. А истинно, не заживусь. А словесно о нашемъ пребываніи извѣститъ Ѳеодоръ Чемодановъ. А у насъ по се время все здорово молитвами твоими.

5. *Графу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, изъ Москвы въ Архангельскъ (29 января 1694 г.).* ([13]).

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче воспоминая Апостола Павла, »яко не скорбѣти о таковыхъ», и Ездры, «еже не возвратити день, иже мимо иде», сія вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдалъ), еще поелику возможно разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу (*). Аминь. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему ([14]), паче же отъ безмѣрной печали, незапно здѣ ([15]) присѣтити хощу, и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего:

1. Посылаю Никласа да Яна ([16]) для строенія малаго карабля, и чтобъ имъ лѣсъ, и желѣзо, и все къ тому было вскорѣ готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ.

2. Полтораста шапокъ собачьихъ и столько же башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности не сомнѣваюсь. И желаю отъ Бога купно здравія компаніи вашей. Piter.

6. *Брату, царю Іоанну Алексѣевичу, изъ Архангельска въ Москву (14 іюня 1694).* ([17]).

Превозлюбленный мой государь батько и братецъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ!

Здравствуй на многія лѣта съ сожительницею своею, а моею государынею невѣстушкою и съ рожденіемъ ([18]).

А которое государь братецъ было завѣщаніе прошлаго году о поклоненіи мощамъ чудотворцевъ Зосима и Савватія, и нѣкаимъ случаемъ того обѣщанія не снесъ, а нынѣ соизволеніемъ Божіимъ тотъ залогъ содержалъ, и будучи въ обители, и раки ихъ чудотворцевы видѣть сподобился, и оттуда во всякомъ здравіи за ихъ святыми молитвами и поспѣшеніемъ Божіимъ доѣхалъ до города іюня въ 13 день, слава Богу во всякомъ здравіи со всѣми будучими со мною, и для сей вѣдомости, яко ко отцу и брату, посылаю вѣдомость.

Да прошу, братецъ, милости, пожалуй прикажи отдать поклонъ теткѣ и матери, государынѣ царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, потомужъ невѣсткѣ и сестрамъ, что слава Богу живъ.

А о кораблѣ ([19]) еще подлинной вѣдомости нѣтъ и буду дожидаться у города.

За симъ здравствуй государь братецъ
Вашъ братъ Петръ.

(*) Г. Устряловъ прибавляетъ здѣсь слова: «такъ угодно», которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, но которыя необходимы для смысла.

7. Думному дьяку Андрею Андреевичу Виніусу, изъ Архангельска въ Москву (12 іюля 1694).

Писмо твое і въ нем перевод списма витценова ([20]) Мнѣ вѣрученъ, іскоторого начала восприем радости, что s. недѣль на море: конъца ожидаем, дабы его же слышанием радуемся, руками могъли осезат. А твой ([21]) корабъль 11 д. іюля савъсем отдѣланъ і окрешенъ во імя Павъла апостола і марсовым ладоном даволно куренъ; втом же курениі и бахус припочътен былъ довольно. О скол нахальчиоъ вашъ вульканус! Не довольствуееся вами на хуше ([22]) пребывающими, но і здѣсь на непътуносову державу дерзнул і едва не въсе суды, въ кунъчукоре ([23]) лежащия къ ярмонъкѣ стовары, въсе пожегъ; абаче ([24]) чрезъ наши труды весма разорен; точию едину барси ([25]) кровълю і бортъ жѣгъ слебом ([26]); а возле ее была барка съ пенькою і естлибъ та загорелое, тогдабъ отнюь ([27]) не возмозно было отнят', і чаю, чтоб сеи пожар не меньши былъ всех московъскихъ, і коробли старым ([28]) бы песком домои пошли.

Piter.

8. Кн. Өедору Юрьевичу Рамодановскому, изъ Воронежа въ Москву (29 марта 1696 г.)

Min Her Koninih ([29]).

Письмо ваше государское, марта 23 дня писанное, мнѣ въ 29 день отдано, въ которомъ изволите гнѣвъ свой объявлять, будто я, холопъ вашъ, къ вамъ, государю, не пишу: и я, государь, уже другое письмо нынѣ пишу; развѣ прежнее письмо какъ истерялось. А здѣсь ([30]), государь, милостію Божіею и вашимъ государскимъ счастіемъ, все строятся къ морскому каравану ([31]) съ поспѣшеніемъ; а что впредь станетъ дѣлаться, писать буду

Холопъ вашъ Kaptein ([32]) Piter.

9. Царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, изъ подъ Азова въ Москву (1696).

Сестрица, здравствуй! А я, слава Богу, здоровъ. По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ; а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ ([33]).

Piter.

10. Виніусу, изъ подъ Азова въ Москву (20 іюля 1696 г.)

Min Her.

Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися: понеже Господь Богъ двалѣтніе ([34]) труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались. Измѣнника Якушку ([35]) отдали жива въ руки наши. А какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущей почтѣ.

Съ галеры Принципіумъ, іюля 20.

Piter.

11. Патріарху Адріану, изъ Амстердама въ Москву (10 сентября 1697).

Святѣйшій архипастырю Россіянъ! Вашего архипастырства письмо, августа 13 писанное, мнѣ отдано сентября въ 9 день, изъ котораго выразумѣлъ вашея святости доброжеланіе и молитвы, за что многократно благодаримъ вашу персону. О насъ же аще соизволите вѣдать, и мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими мо-

литвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіянъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть, чего до послѣдняго издыханія не престану желать, церкви святой и вашимъ молитвамъ предая себя. (36). Piter.

12. *Кн. Ѳ. Ю. Рамодановскому, изъ Амстердама въ Москву (9 мая 1698 г.).*

Min Her Kenih.

Письмо ваше государское, апрѣля въ 8 д. писанное, я принялъ мая въ 8 д., и выразумѣвъ, благодарствую, и впредь прошу, дабы не былъ оставленъ. Покупки всѣ и наемныхъ людей отпустили къ Городу (37), и сами поѣдемъ на сей недѣлѣ въ четвергъ въ Вѣну. Пожалуй сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тихонъ Никитичъ (38), для Бога.

P.S. Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамона (39) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались) и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистину, скоряе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуды на васъ такой страхъ бабій! Мало ль живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь; неколи ничего ожидать съ такою трусостью. Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ (40).

Piter.

13. *Ему же изъ Вѣны въ Москву (16 іюля 1698)* (41).

Min Her Kenih.

Пясьмо твое, іюня 17 д. писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишешь ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (42) растетъ: въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно.

Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (43), однако, сей ради причины, будемъ къ вамъ такъ (44), какъ вы не чаете. Piter.

14. *Ему же (въ октябрѣ 1698)* (45).

Сестрамъ, кромѣ свѣтлой недѣли и праздника Богородицына, который въ іюлѣ живетъ (46), не ѣздить въ монастырь (47) въ иные дни, кромѣ болѣзни (48). Со здоровьемъ посылать Степана Нарбекова, или сына его, или Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бабъ и дѣвокъ не посылать; а о пріѣздѣ брать письмо у князь Ѳедора Юрьевича (49). А въ праздники бывъ, не оставаться; а если останется, до другаго праздника не выѣзжать и не пускать. А пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо; лишь бы вѣра была, а не такъ что въ церкви поютъ: «спаси отъ бѣдъ», а въ паперти деньги на убійство даютъ (50).

15. *Меншикову (13 февраля 1700).* (51).

Меінъ Герценкинъ!

Какъ тебѣ сие писмо вѣручитца, пожалуй осмотри у меня на дворе і вели вычистить везде і починить; такъже вели въ съпалной здѣлать полъ липовой, да і въ другихъ вели новыя полы переделать; такъже вели пиво сълобоцькое

і другое Андреева въ ледъ засѣчь; такъ же вели здѣлать въноов погрепъ потъ тѣмъ мѣстомъ, гъдѣ ботъ сътоітъ. іли гъдѣ сътарая баня; такъже і во въсемъ осмотри і прикажи. А самъ, для Бога, не мешъкой; а для чего, самъ знаешъ.

За семъ предаю васъ въ сохранение въсехъ хъранителя Бога.

Piter.

16. *Гр. Борису Петровичу Шереметеву, изъ Новгорода (17 ноября 1702)* (52).

Min Her.

Письмо вашей милости я принялъ, на которое отвѣтствую: мы чаяли, что уже полонъ давно въ пути; а за чѣмъ задержанъ, не знаю. Подводъ тое число напрасно, полно (53) начальнымъ (54) по одной лошади, а прочіе пѣши; женской полъ и тяжко раненые можно прислать послѣ, потому что оные въ церемонію не годятся. Мы и такъ живемъ уже шестой день. Пушки уже отсель пошли третій день; для Бога, не помѣшкай полономъ: самъ вѣдаешь, сколько дѣла намъ въ Москвѣ, а здѣсь живемъ даромъ, а безъ того ѣхать нельзя. Драгунскія лошади для чего не удовольствованы кормами по указу? Извольте на тѣхъ, кому приказаны, сдѣлать воинской судъ и по достоинству наказанія, а на ихъ мѣста выбери добрыхъ. Я давно говорю, пиши ко мнѣ, кто куда надобно именно; учинено будетъ тотчасъ. А нынѣ, чаю, лучше, чтобъ послать оныхъ къ кормамъ, нежели кормы къ нимъ. Отъ к. Григорья (55) была вѣдомость еще въ обозѣ, и та не лихая, а впредь, что увѣдомимся, объявимъ. Изъ Турецкой земли достовѣрныя письма есть; о начинаніи никакомъ военномъ нѣтъ слуху, только подтверждаютъ о визирѣ. Для Бога не замѣшкай отпускомъ; самъ вѣдаешь, сколько дѣла намъ на Москвѣ.

Piter.

17. *Меншикову, изъ Раненбурга (3 февраля 1703)* (56).

Меінъ Герцъ!

Мы по слову вашему здѣсь, слава Богу, веселились довольно, не оставя ни единаго мѣста. Городъ, по благословенію кіевскаго (57), именовали купно съ больверками и воротами, о чемъ послалъ я чертежъ при семъ письмѣ; а при благословеніи пили: на 1 вино, на 2 секъ (58), на 3 ренское, на 4 пиво, на 5 медъ, у воротъ ренское. О чемъ довольнѣе донесетъ доноситель сего письма. Все добро, только дай, дай, дай, Боже! видѣть Васъ въ радости, самъ знаешь.

Изъ Оранібурха (59), въ 3 д. февраля, 1703.

Послѣднія ворота воронежскія свершили съ великою радостію, поминая грядущая.

Piter.

18. *Гр. Б. П. Шереметеву, изъ Преображенскаго (14 февраля 1705)* (60).

Min Her.

Письмо ваше я принялъ и выразумѣлъ, въ которомъ объявляешь о сборѣ непріятелей и что оные тщатся выбить нашихъ изъ Польши, а ты будто по указу нашему никуда итить не смѣешь. И о томъ зѣло удивляюсь. Ибо я писалъ вамъ прежде, чтобъ вы, какъ возможно, надъ непріятелемъ промыслъ чинили; противъ чего вы писали, что онаго за провіантомъ учинить не возможно: и для того я писалъ къ вамъ, чтобъ вамъ до указу не ходить. А что естьли какой удобный случай будетъ, а наипаче къ отпору или оборонѣ своихъ становищъ, сей указъ весьма недѣйственъ. И сіе подобно, когда слуга, видя тонущаго господина, не хочетъ его избавить, донжеже справится, написано ль то въ его договорѣ, чтобъ его изъ воды вынуть.

Piter.

19. *Ивану Андреевичу Толстому* ([61]), *изъ Москвы* (*12 января 1706*).

Иванъ Толстой!

Сынъ твой Борисъ чрезъ Саву Рагузинскаго ([62]) просилъ, чтобъ тебѣ выдать изъ азовской казны въ зачетъ годоваго жалованья тысячу рублей: бери.

Piter.

20. *Гр. Өедору Алексѣевичу Головину изъ Петербурга* (*7 апрѣля 1706*).

Господинъ Адмиралъ!

Понежебудущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затмѣніе, того для нѣкоторыя трубки и инструменты надобны: изволь прислать ихъ (по вложенной грамоткѣ аглинскихъ математиковъ къ ихъ товарищу) сюды немедленно; такожъ изволь сіе поразславить въ нашихъ людѣхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не ставили: понеже когда люди про то вѣдаютъ, не есть чудо ([63]).

Piter.

21. *Рамодановскому, изъ Кіева* (*7 августа 1706*).

Sir!

Сего мѣсяца въ 6 день, по указу Вашего Величества, господинъ криксъ-коммиссарій объявилъ мнѣ чинъ полковника въ полку преображенскомъ, которая Вашего Величества милость не по долгу службы нашей, но единыхъ ради щедротъ вашихъ, въ чемъ недоумѣваемся, какое благодареніе принести вамъ за сіе, точію аще и зѣло малую, но усердную службу и должность. Сіе объявя, пребываю Вашего Величества ([64]).

Piter.

22. *Меншикову, изъ Петербурга* (*11 сентября 1706*) ([65]).

Min Brudor!

По отъѣздѣ отъ васъ, пріѣхали въ Нарву 4 число сего мѣсяца, а во флотъ прибыли 7-ое число, а въ 8-е сюда, гдѣ слава Богу покой отъ дороги получили (которая зѣло чувствуется во всемъ тѣлѣ, однакожъ по малу забываемъ). Каменное строеніе въ городѣ совершится отъ сего дня меньше двухъ недѣль и зѣло изрядно; казармы отъ половины Никиты Моисеевича ([66]) болверка едва не до самаго Гаврилы Ивановича ([67]) выгорѣли, но паки все сдѣлано. Правда, что явною милостію Божіею и заступленіемъ патрона своего сей городъ спасся, ибо по обѣимъ фасамъ Гаврила Ивановича болѣе 200 бочекъ пороху въ казармахъ было, и ежели бы добралось, то чаю, чтобъ едва не вся крѣпость взлетѣла; и для чего держали столько лишняго пороху, не знаю, и нынѣ велѣлъ развезть, который за погребами остался. Кронверкъ ([68]) былъ бы готовъ сего лѣта, ежели бы не помѣшала сія препона, которая отняла работниковъ. Крѣпость Св. Александра такожъ въ совершенство приходитъ, и уже казармы дѣлаютъ, и прочія жилища солдатамъ; впрочемъ, милостію Вышняго, все добро, и какъ возможно, Богу помогающу, тщимся на предлежащій намъ подвигъ съ радостію; точію едина (о чемъ самъ знаешь), которое всегда прескожаетъ ([69]) нашему веселію. За симъ, вручая васъ Господу всѣхъ, пребываемъ. Пожалуй всѣмъ вышнимъ и нижнимъ офицерамъ, и рядовымъ отдай поклонъ.

Изъ парадиза ([70]) или Санктпетербурга въ 11 день сентября 1706 г.

Третьяго дня вѣтромъ вестъ-зюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверхъ полу 21 дюймъ, а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ ѣздили въ лодкахъ; однакожъ не долго держалась, меньше 3-хъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли, не точію мужики, но

и бабы; однакожъ хотя и зѣло велика была, но бѣды великой не сдѣлала.

P. S. Съ Волги водою привезли въ суднѣ 80 стерлядей.

23. *Къ И. А. Толстому, изъ Жолквы (27 апрѣля 1707)* (71).

Господинъ Губернаторъ!

Рыбу, присланную отъ васъ, принялъ, за который подарокъ благодарствую. Такожъ предлагаю, по управленіи нужныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобъ на Таганъ-Рогѣ (72) въ удобныхъ мѣстахъ (а лучше за городомъ) насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева, привезши съ Дону немалое число маленькихъ деревцовъ въ осень (по листопадѣ). Такожъ подалѣ отъ города въ удобныхъ же мѣстѣхъ нѣсколько десятинъ посѣять желудковъ для лѣсужъ; такожъ при вышеписанныхъ рощицахъ виноградъ умножить и цвѣтники хорошіе завесть. Съ великимъ желаніемъ желалъ бы я самъ тамъ быть вскорѣ, но еще время не допускаетъ. Господину Савѣ Рагузинскому въ его торговомъ дѣлѣ чини всякое вспоможеніе. Piter.

24. *Конону Никитичу Зотову, изъ Воронежа (25 февраля 1709)* (73).

Господинъ Зотовъ!

Книгу о Фортификаціи манера Блонделева, которую вы перевели, мы оную прочли; и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить Фортификацію дѣлать, также въ табелѣ мѣра не именована, футыль или тоузы, то зѣло темно и непонятно переведено; который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый, вырѣзавъ, при томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность; и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ, какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть. Piter.

25. *Рамодановскому, изъ Полтавы (15 іюля 1709)* (74).

Sir!

Вашего Величества милостивое писаніе намъ, и указъ къ его превосходительству господину фельдмаршалу и кавалеру Шереметеву, отъ котораго именемъ вашимъ чинъ третьяго флагмана во флотѣ, и рангъ старшаго генералалейтенанта на земли мнѣ объявленъ; и хотя я еще столько не заслужилъ, но точію ради единаго вашего благоутробія сіе мнѣ даровано, въ чемъ молю Господа силъ, дабы могъ вашу такую милость впредь заслужить. Piter.

26. *Меншикову, изъ Петербурга (26 февраля 1710)* (75).

Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли. Препарація къ обѣимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ и ни въ чемъ остановки нѣтъ; только лошадей (которыя положены съ государства для сего похода) еще тихо приводятъ, однакожъ надѣемся исполнену и сему быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются: и сухари, и крупа, все готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и что здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю. Только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ, и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ трудовъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ; чего отъ сердца желаю, ибо сіе мѣсто, истинно какъ изрядный младенецъ, что день — преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши

домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются.

Прошу, кому надлежитъ, мой отдать поклонъ.

27. *Ему же, отъ рѣки Жижи* (*15 іюля 1711*) ([76]).

Хотя я николибѣ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь; однакожъ понеже такъ воля Божія благоволила (а грѣхи христіанскіе не допустили). Ибо мы въ 8 день сего мѣсяца съ Турками сошлись, и самого того дни даже до 10 числа полуденъ, въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были, и правда никогда, какъ и началъ служить, въ такой десперацій ([77]) не были (понеже не имѣли конницы и провіанту); однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятель вяще ста тысячъ ([78]) числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами ([79]), яко фортецією ([80]), наши единые только рогатки добывать, и потомъ когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ ([81]), а намъ вышереченное, то въ вышереченный день учинено штиль–штандъ ([82]) и потомъ згодились и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города у Турковъ взятые отдать, а новопостроенные разорить, и тако тотъ смертный часъ симъ окончился, которая и не безъ печали есть лишиться сихъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, но однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которое несравнительною прибылью намъ есть, и потомъ взяли свой маршъ до Жванца ([83]).

P. S. Какъ прежде, такъ и нынѣ подтверждаемъ, чтобъ вы корпусъ въ Померанію какъ наискорѣе отправляли, а нынѣ чаю возможно и умножить, ибо мы можемъ на то мѣсто изъ арміи прибавить.

28. *Рамодановскому, изъ Торгау* (*14 октября 1711*) ([84]).

Sir!

Объявляемъ Вашему Величеству, что сегодня бракъ сына моего, съ помощію Божіею, совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ, и присемъ герцогъ вольфенбительскій, сватъ мой, со всею фамиліею Вашему Величеству лицеземный поклонъ отдаютъ. Петръ.

29. *Императрицѣ Екатеринѣ I, изъ Выборга въ Петербургъ* (*25 апрѣля 1712*) ([85]).

Катеринушка здравъствуй! О себѣ обьявъляю, что сюды приѣхалъ вчера на вечеръ; а ежелибъ ночь не стоялъ на якорѣ, тобъ тѣмъ же днемъ могъ поспѣть какъ отъ васъ поѣхалъ. За симъ здраоъствуй, і поклонъ отдай каму надлежитъ. О непърияпеле на морѣ еще неслышно, а нашъ провиантъ весь дошелъ і судны отпущены отселъ.

Петръ.

30. *Ей же, изъ Грейфсвальда въ Штетинъ* (*2 августа 1712*) ([86]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Мы, слава Богу, здоровы, толко зело тежело жить, ібо я левщею не умѣю въладеть, а в адной правой рукѣ принужденъ держать шпагу і перо; а помочникоѳъ сколко, сама знаешъ. Петръ.

P. S. Карабль нашъ Святого Петра сего дня сюды пришелъ, а двухъ ждемъ скоро; я чаю скоро поѣду в Датской ѳлотъ, однакожъ долго мѣшкать тамъ не чаю.

31. *Ей же, оттуда же и туда же* (*8 августа 1712 г.*) ([87]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Я слышу, что ты скучаешъ, а і мнѣ не безкушножъ; однако можешъ разсудить, что дѣла на скуку мѣнять не на-

добно. Я еше отсель ѣхать скоро себѣ к вамъ не чаю, і ежели лошади твоі пришли, то поѣжай тѣми тремя баталионы, которымъ велено ітить въ Анкламъ; толко для Бога бережно поѣжай і отъ баталионоѳъ ни на ста саженъ не отъѣжжай, ібо неприятелскихъ судоѳъ зело много в Гаѳѣ ([88]) і непърестанно выходятъ в лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсоѳъ миновать нелзя. Петръ.

32. *Ей же изъ Берлина въ Грейфсвальдъ* (*2 октября 1712* ([89]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Объявляю вамъ, что я третьево дни приѣхалъ сюды і былъ у Короля, а въчерась онъ поутру былъ у меня, а въ вечеру я былъ у Королевы. Посылаю тебѣ сколко могъ сыскать устерсоѳъ, а болше сыскать не могъ для того, что въ Гамбурхѣ сказываютъ явился пестъ ([90]), і для того тотчасъ заказали всячину оттоль сюды возить. Я сего моменту отъѣжаю в Лейпъцихъ.

Петръ.

33. *Ей же изъ Лагоу* (*2 декабря 1712*) ([91]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Благодарствую за пълатье, которое обновилъ въ день С. Андрея. Что же приказывала ты, чтобъ взять васъ сюды, і о томъ теперь отложить надобно, понеже время пришло вамъ молитца, а намъ трудитца, ібо Шведы вчерась рушились противъ Датчанъ, чтобъ не допустить оныхъ до конъюнкціи ([92]) с нами; а мы сего моменту подымемся отсель на сикурсъ ([93]) Датскимъ. І тако на сей недѣли чаемъ быть бою, гдѣ все окажетца, куды конъюнктуры поворотятца. Петръ.

34. *Ей же, съ корабля Полтава въ Петербургъ* (*2 мая 1713*) ([94]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Посылаю к тебѣ бутылку Венгерскаго (і прошу, для Бога, не печалься: мнѣ тѣмъ наведешъ мненье). Дай Богъ на здоровье вамъ пить, а мы про ваше здоровье пили. Петръ.

35. *Ей же, изъ Гельзингфорса въ Петербургъ* (*12 августа 1713*) ([95]).

Катеринушка, другъ мой, здравъствуй! Объявъляю вамъ, что мы, слава Богу, въ 5 д. сего мѣсеца прибыли сюды здорово с транспортомъ; только отъ бывъшего шторма, которой былъ въ 3-мъ числѣ, нѣсколько судоѳъ повъредилась, а іменно: Велькомхельтъ, Драгарсъ и одинъ голиотъ. Однакожъ не только люди, но і запасы целы, такожъ і іхъ починить мочно. Мы по праздникѣ Успения Богородицы чаемъ ітить далее землею къ Абоу, но бою быть не чаю, понеже вчерась поворотился Генералъ Л. Господинъ Голицынъ, которой ходилъ за непъриятелемъ, сказываетъ, что не могъ настичь, всѣ бѣгутъ; і когда отъ части такъ бѣгутъ, то какъ отъ всего войска стоять будутъ. При семъ объявляю, что 6-го сего мѣсѣца г. адмиралъ объявилъ мнѣ милость Государя ([96]) нашего, чинъ Генерала полного, чемъ васъ, яко госпожу Генеральшу, поздравъляю. Какъ чинъ Шаутъ-Бейнанта, такъ и сей мнѣ сказанъ зело странно, ібо на степи пожалованъ въ флагманы ([97]), а на морѣ въ Генералы. І чаю, съ помощию Божиею, быть къ вамъ не горазда замѣшкафъ. Петръ.

36. *Царевичу Алексѣю Петровичу* (*11 Октядря 1715*) ([98]).

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начінаніемъ сея воіны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ! которые не толіко ограбіли толь нужными отеческіми прістанми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію доброи

задернули завѣсъ, и со всѣмъ свѣтомъ коммуніцакію пресѣкли. Но потомъ когда сія воіна началась (которому дѣлу едінъ Богъ руководцомъ былъ, и есть) О коль велікое гоненіе отъ ихъ всегдашніхъ непріятелеи, ради нашего неискусства въ воінѣ претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достоінои степени вышереченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобіліся відѣть, что онои непріятель отъ котораго трепетали, едва не вящшеѣ отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все помогающу вышнему, моіми бѣдными и протчіхъ істінныхъ сыновъ Россіискіхъ равноревностныхъ трудами достіжено. Егда же сію Богомъ данную нашему Отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на лінѣю наслѣдства, едва неравная радости гореѣть меня снѣдаетъ, відя тебя наслѣдника, весма на правленіе дѣлъ Государственныхъ самовольно непотребнаго (ибо Богъ не есть віновенъ, ибо разума тебя нелішілъ, ніже крѣпость тѣлесную весма отнялъ. Ибо хотя не весма крѣпкои пріроды, обаче не весма слабои) паче же всего о воінскомъ дѣлѣ ніже слышати хощешъ; Чѣмъ мы отъ тмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почітаютъ. Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать беззаконныя прічіны, но любіть сіе дѣло, и всею возможностію снабдѣвать и учіть. Ибо сія есть едина изъ двухъ необходімыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Нехочу многіхъ прімѣровъ пісать, но точію равновѣрныхъ намъ грековъ. не отъ сеголи пропали, что оружіе оставили? и едінымъ міролюбіемъ побѣждены, и желая жіть въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, котороі ихъ покои, въ некончаемую работу тіраномъ отдалъ. Аще кладешъ во умѣ своемъ, что могутъ то Генералы по повелѣнію управлять, но сіе воістинну не есть резонъ; ибо всякъ смотрітъ на начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевідно есть. Ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче протчаго любіли платье и лошадеи, и нынѣ оружіе, хотя кому до обѣіхъ дѣла нѣтъ, и до чего охотнікъ начальствуяи, до того и всѣ. А отъ чего отвращаетца, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которые толко веселятъ человѣка, такъ скоро покідаютъ, колми же паче сію ѕѣло тяжкую забаву, (сірѣчь оружіе) оставятъ. Къ тому жъ не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешся, и такъ не знаешъ дѣлъ воінскіхъ. Аще же не знаешъ, то како повелѣвать оными можеши, и какъ доброму доброе воздать, и нерадіваго наказать, незная сілы въ ихъ дѣлѣ? но прінужденъ будешъ, какъ птіца молодая въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговаріваешся, что воінскіхъ трудовъ понести не можешъ? но и сіе не резонъ! ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую ни какая болѣзнь отлучіть не можетъ. Спроси всѣхъ, которыя помнятъ вышепомянутаго брата моего, которои тебя несравненно болѣзненнѣе былъ, и не могъ ѣздіть самъ на досужіхъ лошадяхъ. Но имѣя велікую къ німъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ, чего для нікогда бывала, ніже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Відішъ, не все трудами велікими, но охотою. Думаешли что многія не ходятъ сами на воіну, а дѣла правятца? правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ: Какъ и умершіи король французскои (99), которои не много на воінѣ самъ бывалъ, но какую охоту велікую имѣлъ къ тому, и какіе славные дѣла показалъ въ воінѣ, что его воіну, театрумъ и школою свѣта назвали. И не точію къ однои воінѣ, но и къ протчімъ дѣламъ и маніфактурамъ, чѣмъ свое Государство паче всѣхъ прославілъ. Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая, ибо я есмь человѣкъ, и смерти подлежу, то кому вышепісанное съ помощію вышняго насажденіе, и уже нѣкото—

рое и возвращенное оставлю. Тему иже уподобился лѣнивому рабу Евангелскому, вкопавшему талантъ свои въ землю (сірѣчь все что Богъ далъ бросілъ). Ещеже и сіе воспомяну, какова ѕлова нрава и упрямова ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранівалъ, и не точію бранілъ, но и бівалъ, къ томужъ сколко лѣтъ почітаи не говорю съ тобою, но нічто сіе успѣло, нічто ползуетъ, но все даромъ, все на сторону, и нічего дѣлать не хочешъ, толькобъ дома жить, и имъ веселітця. Однакожъ всего лутче, всего дороже безумнои радуешся своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать! (истіину Павелъ святыи пішетъ, како тои можетъ церковь Божію управіть, иже о домѣ своемъ нерадітъ) Не точію тебѣ, но и всему государству, что все я съ горестію размышляя, и відя что нічѣмъ тебя склонить не могу къ добру. За блага изобрѣлъ сеи послѣднеи тестаментъ ([100]) тебѣ напісать, и еще мало пождать, аще неліцемѣрно обратішся. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весма тебя наслѣдства лішу, яко удъ гангренныи ([101]), и не мни себѣ, что одінъ ты у меня сынъ ([102]) и что я сіе только въ устрастку пішу, воістінно (Богу изволшу) исполню. Ибо я за мое отечество и люди, жівота своего не жалѣлъ, и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть, лутче будь чужеи доброи, неже свои непотребнои. Петръ.

37. *Кн. Голицыну (29 октября 1715) ([103]).*

Господинъ Подполковникъ!

Объявляю вамъ, что сей ночи Богъ далъ мнѣ рекрута отцовымъ именемъ. Дай Богъ, чтобъ видѣть подъ мушкетомъ. Прошу господамъ офицерамъ и солдатамъ моѝ отдать поклонъ и о семъ объявить, а что изойдетъ на веселья, пишите на мой счетъ. Петръ.

B. Воинскій уставъ (1716).

1. *Обнародованіе его* ([104]).

Понеже всѣмъ есть извѣстно, коімъ образомъ отецъ нашъ, блаженныя и вѣчнодостоіныя памяті, въ 1647 году, началъ регулярное воиско употреблять, и уставъ воинской изданъ былъ. и тако воіско въ такомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ полшѣ показаны, и едва не все полское королевство завоевано было. также купно, и съ шведами воина ведена была. Но по томъ оное не токмо умножено при растущемъ въ наукахъ свѣтѣ, но едва і не весма оставлено. и тако что послѣдовало по томъ, не точію съ регулярными народы, но и съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чігіринѣ и Крымскіхъ походѣхъ, умалчивая старѣе) и не толко тогда, но и гораздо не давно, какъ съ турки прі азовѣ, такъ и съ начала сея воіны при Нарвѣ. Но по томъ, когда воіско распоряділи, то какіе велікія прогрессы съ помощію вышняго учініли, надъ какімъ славнымъ, и регулярнымъ народомъ. и тако всякъ можетъ разсудіть, что ни отъ чего иного то послѣдовало, токмо отъ добраго порядку. Ибо всебезпорядочнои варварскои обычаи смѣху есть достоіныи, и никакова добра изъ оного ожідать возможно. Того ради будучи въ семъ дѣлѣ самовідцы обоімъ, за благо изобрѣли сію кнігу воинскои уставъ учініть, дабы всякои чінъ зналъ свою должность, и обязанъ былъ своімъ званіемъ, и невѣденіемъ не отговарівался. Еже чрезъ собственнои нашъ трудъ собрано, и умножено. совершено же, въ данціхѣ. 1716 Году, Марта въ 30 день.

2. *О Генералиссимусѣ.*

Сеи чiнъ коронованнымъ главамъ и велiкiмъ владѣющiмъ прiнцамъ толко надлежiтъ, а наiпаче тому чiе есть воiско. въ небытiиже своемъ онои, команду даетъ надъ всемъ воiскомъ, своему генералу фелтъмаршалу. лiбо самовластно по случаю поступать, како онъ за благо изобрящетъ и государю своему въ томъ отвѣтъ дать можетъ. или съ воiнскiмъ совѣтомъ (что всегда надлежiтъ чiнiть) или по данной ему iнструкцiи чiнiлъ, и кромѣ оной, онъ нiчего важного съ помянутымъ воiскомъ предпрiять могъ. но чiнiлъ бы прежде о томъ доношенiе своему государю и военному совѣту, и, не получа ихъ въ томъ благоизобрѣтенiя и позволенiя, главныхъ дѣлъ собою не чiнiлъ. однакожъ, ежели чего въ iнструкцiи и не изображено, а увiдiтъ что надежно возможно авантажъ получiть, то съ воiнского совѣта конечно чiнiть, и такого случая непропускать. въпротчемъ первое главное дѣло есть, егда генералiссiмусъ воiну предпрiять хощетъ, то надлежiтъ имѣть попеченiе военному совѣту, да бы въ пропiтанiи и содержанiи воiска чрезъ устроенныя порядочные магазеiны въ способныхъ мѣстахъ, и во всемъ таковое учрежденiе учiнiть, да бы воiско не токмо благовремянно во всѣхъ потребностяхъ удоволствовать, но да бы оное, елiко возможно, достаточно было (и чтобъ всѣ воiска охотны къ службѣ были) и прiчiны къ плохой службѣ не имѣли.

(Уставъ Воинскiй. Спб. 1717).

В. МОРСКОЙ УСТАВЪ (1720) ([105])

1. *Предисловiе* ([106]).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархiи Россiйской и ея початiи, и что далѣе дѣда князя Владимiра ([107]) правдивой исторiи не имѣемъ; но, оставя сiе историкамъ, возвратимся къ состоянiю. Оный вышереченный Владимiръ какъ владычествовалъ и храбростiю своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведенiемъ своего отечества отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но, основавъ оную, вмѣсто назиданiя и укрѣпленiя, яму къ паденiю учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сiю монархiю раздѣлилъ, отъ чего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары, видя сiю махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежелибъ милосердый Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли, или бусурманство; который Владимiрово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещенiемъ, силою воинскою христiанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ, и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовавъ, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сiя линiя пресѣклась злодѣйствомъ Годунова, тогда черезъ смятенiе едва паки къ паденiю не пришла, которую дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщенiе жъ и распространенiе сыну своему оставилъ, который какое тщанiе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точiю на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенiя двухъ кораблей въ Дединовѣ ([108]) на Каспiйское море видѣть

возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не воспослѣдовало, однакожъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло, такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблеплаваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матрозовъ, которые, сдѣлавъ корабль именемъ Орелъ и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду, и оттоль въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лекарь Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ и констапель Кастерсъ Брантъ, по усмиреніи бунта, возвратились къ Москвѣ, и лекарь присталъ къ доктору Симону Зомеру, а Карштенъ Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

(Ист. царств. Петра I, г. Устрялова).

2. *О качествѣ власти Адмиральской.*

Генералъ-Адміралъ или Аншефъ командующіи есть репрезентація своего Государя, которому должны быть всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, которыя къ ползѣ Государя и Государства касаются, съ достоінымъ респектомъ Его персоны. Ему подобаетъ быть храбру и доброго кондуіта (сірѣчь всякія годности) котораго бы квалітеты (или качества) съ добродѣяніемъ были связаны. Ибо командующіи, не точію твердыми указы людеи въ доброи порядокъ пріводітъ, но паче образомъ своего житія, ежели благо поступітъ. Его храбрость сочіняетъ всѣхъ храбрыхъ. Его справедлівость страшітъ всѣмъ поползновеніе, умножаетъ послушаніе. Его ревность сочіняетъ всѣхъ ревнітелныхъ. Едінымъ словомъ, вышніи командіръ какъ душа въ тѣлѣ человѣка, безъ которои нікакой удъ двігнутіся не можетъ. Ему надлежитъ къ подчіненнымъ быть яко отцу, пещіся о ихъ доволствѣ, жалобы ихъ слушать, и во оныхъ правои судъ имѣть. Также дѣла ихъ накрѣпко смотріть, добрыя похвалять и награждать, а за злыя наказывать. Онъ долженъ репортовать о всемъ своего Государя и воінскую коллегію, и за все отвѣтъ дать.

Указы всѣ не точію о какои надъ непріятелемъ экспедиціи, но и въ своеи командѣ, ежели что важное, долженъ давать на пісмѣ а не на словахъ, да бы кто что протівно учінітъ, яснѣе облічёнъ, а исполнітель указа оправданъ быть могъ; равно же и репорты принимать.

Главныя дѣла и воінскія начінаніи нікогда да не дерзаетъ чініть безъ консіліи пісьменнои, развѣ нечаянно атакованъ будетъ отъ непріятеля, и сіе нападеніе не отъ его оплошки, но отъ законныя прітчіны пріидетъ, яко въ ходу случается пріподыманіи долговременно бывшаго тумана, или сему подобнаго, подъ лішеніемъ чіна.

Такожде надлежітъ частыя консіліи имѣть, сколко время и случаи допустітъ, о управленіи дѣла врученнаго ему, и о порядкѣ людемъ, подъ штрафомъ вычету полумѣсячного жалованья.

Такожъ надлежітъ ему смотріть да бы воінскіе суды право отправлялісь, не маня кому, ніже посягая на кого. И когда какои неправои судъ учінітся, тогда оныхъ судеи судіть надлежітъ. Ежели же онои сіе пренебрежетъ, то самъ достоінъ будетъ такого наказанія, какъ тѣ вінные.

И понеже корень всему ѕлу есть сребролюбіе, того для всякъ командующіи

Анкефъ, долженъ блюсти себя отъ лихоимства. И не точію блюсти, но и другіхъ отъ оного жестоко унімать и довольствоватся определеннымъ ибо многіе Інтересы Государственные чрезъ сіе ѕло потеряны бываютъ. И такой командіръ, которой лакомство великое имѣетъ, не много лучше измѣнніка почтенъ быти можетъ, понеже оного непріятель (хотя оный и вѣренъ) постороннімъ образомъ подаріть, и съ прямого пути свесть легко можетъ: того ради всякому командіру надлежітъ сіе непрестанно въ памяти имѣть, и отъ оного блюстіся. Ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть, или безчестное житіе купіть.

Еще же другое ѕло случается равное вышепісанному, то есть похлѣбство, Ибо оное многіе, не толко за худое дѣло, но и за добродѣтель вмѣняютъ, ставя въ мілосердіе еже вінныхъ легко судіть, или послучаю иныхъ и весма свободныхъ отъ суда имѣть, да бы тѣмъ отъ людей любовь получіть. По таковый храміну свою на песцѣ созідаетъ безъ твердаго основанія, и всегда готова къ паденію, понеже нічто такъ людей ко ѕлу не пріводітъ, какъ слабая команда, которой прімѣръ суть дѣти въ волѣ, безъ наказанія и страха возращенныя, которые обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родітелемъ пагубу пріносятъ. Тако и въ воіскѣ командующіи суть отцомъ оныхъ, которыхъ надлежітъ любіть, снабдѣвать, а за прегрѣшеніе наказывать, какъ прежде пісано. А когда послабітъ, то тѣмъ по времени въ непослушаніе оныхъ пріведетъ, и изъ добрыхъ ѕлыхъ сочінітъ и нерадѣтелныхъ, и въ своемъ званіи оплошныхъ. И тако самъ себѣ гробъ ископаетъ, и Государству бѣдство пріключітъ. Чего такожде всякому командующему весма отребатіся и яко смерти достоінаго страха опасатіся надлежітъ.

(Уставъ Морской. Спб. 1720).

[1]) 20-го.

[2]) Всѣ.

[3]) Только.

[4]) Пушкарскій приказъ завѣдывалъ пушкарями, оружейными и пороховыми заводами, снабженіемъ войска огнестрѣльнымъ оружіемъ и наблюдалъ за строеніемъ городовыхъ и другихъ укрѣпленій.

[5]) Житье.

[6]) Первое собственноручное письмо Петра (хранится въ Государ. Архивѣ). По страсти къ мореплаванію, быстро развивавшейся, Петръ не могъ довольствоваться катаньями на дѣдовскомъ ботѣ по Яузѣ и прудамъ села Измайловскаго: онъ выпросилъ у матери дозволеніе построить суда при Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ находится большое озеро. Какъ только начали вскрываться рѣки, Петръ, оставивъ жену (Е. Ѳ. Лопухину), на которой былъ обвѣнчанъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, уѣхалъ въ Переславль, гдѣ изъ двухъ судовъ, строившихся корабельными мастерами: Карштеномъ-Брантомъ и Кортомъ, два были уже въ отдѣлкѣ.

[7]) Получивъ письмо Петра (№ 1), Наталья Кирилловна приказала ему воротиться въ Москву. Отомъ же просила его и жена: «Государю моему радости, Царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ! Просимъ милости, пожалуй, Государь, буди къ намъ не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ» (1689).

[8]) Дядя Петра.

[9]) Первое путешествіе Петра къ Архангельску совершено имъ 1693 г. Онъ прибылъ туда 30 іюля. Такъ какъ нѣсколько англійскихъ и голландскихъ судовъ, нагруженныхъ товаромъ, собрались изъ Архангельска въ обратный путь, подъ конвоемъ голландскаго военнаго корабля, то Петръ воспользовался этимъ случаемъ посмотрѣть плаваніе настоящихъ кораблей по океану. Онъ отправился съ ними, 4 августа, въ море, доходилъ до трехъ острововъ, на Терской сторонѣ (больше чѣмъ на 300 верстъ отъ Архангельска), и 10-го воротился въ городъ. По возвращеніи, увѣдомилъ обо всемъ мать, обѣщаясь немедленно отправиться въ Москву, какъ скоро придутъ изъ-за моря гамбургскіе и голландскіе корабли. Наталья Кирилловна, ничего не зная о морскомъ походѣ сына, посылала къ нему письмо за письмомъ, чтобъ узнать, когда онъ воротится. «Свѣту моему, радости моей, паче живота моего возлюбленному, драгому моему (писала она). Здравствуй, радость моя, Царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! А мы, радость наша, живы. О томъ, свѣтъ мой,

радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать, — и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта своего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальномъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда наша, да сохранитъ; а отъ меня, свѣтъ мой, радость моя, благословеніе». На это то письмо, посланное съ Соймоновымъ, отвѣчалъ Петръ (№ 3).

[10]) О возвращеніи въ Москву.

[11]) Архангельска.

[12]) Получивъ письмо Петра (№ 3) и еще прежде того узнавъ, чрезъ архангельскую почту, о морскомъ его путешествіи, встревоженная Наталья Кирилловна писала ему: «Прелюбезному моему свѣту, радости моему. Здравствуй, батюшка мой, Царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! А мы, милостію Божіею, живы. Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего-радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, сего прошенія, о чемъ просила выше сего. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить. И я, свѣтъ мой, о томъ благодарю Господа Бога и Пресвятую Владычицу Богородицу, общую нашу надежду, что тебя, свѣта моего, сохранила въ добромъ здравіи. Да буди надъ тобою, свѣтомъ моимъ, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, надеждѣ своей Пресвятой Богородицѣ, и мое грѣшное благословеніе». — Кромѣ того, Царица послала Петру, отъ имени трехлѣтняго сына его, Алексѣя, такое письмо: «Превеликому Государю моему, батюшку. Здравствуй, радость мой батюшка, Царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! Сынишка твой, Алешка, благословенія отъ тебя, свѣта своего радости, прошу. А я, радость мой Государь, при милости государыни своей бабушки царицы Наталіи Кирилловны въ добромъ здравіи. Пожалуй, радость наша, къ намъ, Государь, не замѣшкавъ; ради того, радость мой Государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали. Не покручинься, радость мой Государь, что худо писмишко: еще, Государь, не выучился. За симъ, Государь мой радость батюшка, благословенія прошу.» — На письмо Царицы Петръ отправилъ отвѣтъ свой (№ 4) съ думнымъ дворяниномъ Чемодановымъ, находившимся въ свитѣ Петра при путешествіи въ Архангельскъ. Посланный успокоилъ Царицу, разсказавъ ей о занятіяхъ Петра.

[13]) Писано на четвертый день по смерти Наталіи Кирилловны (ум. 25 янв. 1694). Гр. Ѳ. М. Апраксинъ, ближній стольникъ, былъ въ то время воеводою.

[14]) Поклониться соловецкимъ чудотворцамъ — Зосимѣ и Савватію.

[15]) Въ Архангельскѣ, гдѣ находился Апраксинъ.

[16]) Корабельные мастера.

[17]) Изъ втораго путешествія въ Архангельскъ, 1694 г. По обѣщанію, данному въ 1693 г., поклониться мощамъ соловецкихъ угодниковъ, Петръ 30 мая, на яхтѣ Св. Петръ, отправился изъ Архангельска въ монастырь, куда прибылъ 2 іюня, вытерпѣвъ наканунѣ страшную бурю.

[18]) Съ дѣтьми.

[19]) Кораблѣ Santa Profeetiae (Святое Пророчество), заказанномъ въ Голландіи.

[20]) Николай Витсенъ — амстердамскій бургомистръ. Петръ обращался къ нему съ разными порученіями чрезъ Виніуса. Послѣдній увѣдомилъ его, что, по письмамъ Витсена, купленный въ Голландіи фрегатъ уже около шести недѣль вышелъ въ море и скоро долженъ придти къ Архангельску. Вмѣстѣ съ тѣмъ Виніусъ доносилъ о частыхъ пожарахъ въ Москвѣ.

[21]) Новый корабль: Апостолъ Павелъ, выведенный на рейдъ въ день именинъ Петра (29 іюня). По сему случаю былъ у Царя обѣденный столъ, а вечеромъ пировали у англійскаго капитана Джона Греймса.

[22]) Сушѣ.

[23]) Кунчукорье — устье рѣки Кунчугурки, притока Двины.

[24]) Обаче.

[25]) Барки.

[26]) Сжегъ съ хлѣбомъ.

[27]) Отнюдь.

[28]) Съ старымъ

[29]) Ѳ. Ю. Рамодановскій, въ отсутствіе Петра, заступалъ его мѣсто. Къ нему, какъ Государю, обращался и Петръ.

[30]) Въ Воронежѣ, гдѣ строились корабли.

[31]) Вооруженная эскадра.

[32]) Готовясь ко второму походу подъ Азовъ, Петръ сформировалъ морской регнментъ, зачисливъ себя въ немъ «Капита-

номъ». Адмираломъ назначенъ былъ Лефортъ.

[53]) Дочь Алексѣя Михайловича, отъ втораго брака, любимая сестра Петра. Царевна, какъ видно, просила брата избѣгать опасностей, которымъ онъ подвергался и на морѣ, и на сухомъ пути.

[54]) 1695 и 1696.

[55]) Яковъ Янсенъ, поступившій въ русскую службу въ Архангельскѣ и принявшій православную вѣру. Петръ такъ полюбилъ его, что въ первый азовскій походъ проводилъ съ нимъ дни и ночи, не скрывая отъ него своихъ намѣреній. Янсенъ передался тогда Туркамъ.

[56]) Петръ изучалъ кораблестроеніе въ Амстердамѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей — Остъиндской. Здѣсь, 9 сентября, заложилъ онъ фрегатъ во имя Св. Апостолъ Петра и Павла. Въ письмѣ къ патріарху Петръ показываетъ причину трудовъ своихъ. Адріану, вмѣстѣ со многими другими, не нравились ни пребываніе Царя за границей, ни то, что онъ работалъ, какъ простой работникъ.

[57]) Воротясь изъ Англіи въ Амстердамъ 20 апрѣля 1698 г., Петръ отправилъ въ Москву нанятыхъ иноземцевъ — Англичанъ, Голландцевъ, Италіянцевъ, Грековъ.

[58]) Стрѣшневъ.

[59]) Автамонъ Михайловичъ Головинъ, командиръ преображенскаго полка.

[60]) Кн. Рамодановскій, кратко и неопредѣленно, донесъ Петру о безпорядкахъ, произведенныхъ стрѣльцами, изъявляя въ тоже время опасеніе, не случилось ли чего съ Государемъ, такъ какъ уже четыре почты не было отъ него писемъ. Петръ отвѣчалъ съ досадою и огорченіемъ.

[41]) Петръ намѣревался изъ Вѣны отправиться въ Венецію, какъ получилъ письмо отъ Рамодановскаго, который извѣщалъ его, что стрѣлецкіе полки, стоявшіе на литовской границѣ, возмутились, прогнали полковниковъ, захватили пушки, снаряды, казну; что они идутъ къ Москвѣ и уже подошли къ Волоколамску.

[42]) Милославскаго, главнаго виновника перваго стрѣлецкаго мятежа.

[43]) Путешествія, которое Петръ долженъ былъ оставить, по крайней мѣрѣ на время.

[44]) Такъ скоро.

[45]) Писано въ Москвѣ послѣ того, какъ царевны Софія и Мароа были пострижены въ монахини, и какъ было раскрыто участіе другихъ царевенъ (Маріи, Екатерины, Өеодосіи) въ стрѣлецкомъ бунтѣ.

[46]) Храмовой праздникъ Богородицы Одигитріи Смоленской 28 іюля.

[47]) Московскій Новодѣвичій, гдѣ находилась Софія.

[48]) Въ случаѣ болѣзни Софіи.

[49]) Рамодановскій былъ главный стражъ Софіи.

[50]) Въ письмѣ приписка рукою Шафирова: «А Царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ (теткѣ Петра) побить челомъ, чтобъ въ монастырь не изволила ходить, кромѣ свѣтлаго воскресенья, да въ праздникъ іюля 28 д., или занемощуетъ» (Царевна Софья). Внизу помѣта кн. Рамодановскаго: «Письмо Государево, кого пропущать».

[51]) Писано, вѣроятно, съ дороги въ Воронежъ, куда Петръ отправился изъ Москвы, 11-го февраля. На оборотѣ письма собственноручная надпись: «отдать Алексашѣ».

[52]) По взятіи Шлюссельбурга (11-го октября 1702 г.), Петръ I отправился въ Москву, въ которую имѣлъ торжественный въѣздъ 6-го декабря. На пути въ столицу, изъ Новгорода, писалъ онъ Шереметеву о немедленной высылкѣ плѣнныхъ Шведовъ, взятыхъ въ Лифляндіи и въ Шлюссельбургѣ и нужныхъ для церемоніи при тріумфальномъ шествіи. Кромѣ того, требуетъ онъ произвести судъ надъ тѣми, которые не удовольствовали кормами лошадей.

[53]) Довольно.

[54]) Начальникамъ.

[55]) Григорья Өедоровича Долгорукова, полномочнаго министра въ Польшѣ.

[56]) Собственноручное письмо, къ которому приложены: чертежъ Раненбурга (на особомъ листѣ), и подписи лицъ, присутствовавшихъ при его освященіи. Чертежъ дѣлалъ самъ Петръ, на скорую руку. Представлена цитадель на берегу озера, имѣющая видъ пятиугольника; углы выдаются впередъ; больверки нумерованные и съ надписями: 1-й «видѣніе», 2-й— «слышаніе», 3-ій—«обоняніе», 4-ый—«вкушеніе», 5-ый—«осязаніе». Между 1-мъ и 5-мъ больверками, примыкающими къ озеру, предназначены ведущія къ нему изъ города ворота «шлютенбургскія» (шлюссельбургскія); между 4-мъ и 5-мъ—ворота «воронежскія»; между 4-мъ и 3-мъ ворота «московскія». Подписямъ предшествуетъ заглавіе, писанное рукою Петра: «Извѣшеніе іже быша на посвешеніи сего града».

Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Гедеонъ, Архіепископъ.

Питиримъ, протодіаконъ (Петръ I).

Зосима, протодіаконъ казанскій.

По нѣмецки: «Отъ души и много выпито мною нынѣ». Ренне.

Алексѣй Измайловъ.

По нѣмецки: «Великій Царь освящаетъ сегодня любимцевъ замокъ и справедливо называетъ егоОраніенбургомъ. Мы всѣ

желаемъ, да сохранитъ его Богъ навсегда и славу его да покажетъ всему свѣту. Георгъ Іоаннъ фонъ Кайзерлингъ».

Henry Lefort.

По нѣм. «Ад. Гиніусъ желаетъ всякаго благополучія Ораніенбургу».

По франц. «Кениксекъ (*Саксонскій посланникъ*) — вѣрный слуга, и Александръ справедливъ.

По франц. «Бялозоръ, резидентъ великаго княжества литовскаго.

Стейлеъ желаетъ всякаго благополучія своему покровителю и Ораніенбургу.

Иванъ Толстой.

Александръ Кикинъ.

Семенъ Нарышкинъ.

Ипатъ Мухановъ Мунгалка.

Янъ Басъ.

. . . . (подпись, которую невозможно разобрать).

Сватъ Петелинъ.

Казначей.

Стрѣлецъ.

Князь . . . . . Гагаринъ.

Екимъ Волковъ.

[57]) См. первую подпись.

[58]) Сектъ, канарское вино.

[59]) Ораніенбургъ — Раненбургъ, городъ рязан. губ., бывшій помѣстьемъ Меншикова, который въ 1702 г. построилъ здѣсь крѣпость.

[60]) 6-го декабря 1704 Петръ изъ Нарвы отправился въ Москву и вошелъ въ нее съ тріумфомъ (по случаю взятія Нарвы). Въ столицѣ пробылъ по 18 февраля и потомъ поѣхалъ въ Воронежъ.

[61]) Азовскому губернатору.

[62]) Графа, бывшаго посланникомъ въ Китаѣ.

[63]) Такъ какъ война съ Карломъ XII была тогда въ самомъ разгарѣ, и народъ, по суевѣрію своему, считая все ему непонятное чудомъ, могъ выдумывать разные толки и подвергаться пустому страху, то Петръ письмами къ начальствующимъ въ Польшѣ и Россіи предписывалъ поразславить о затмѣніи. Такимъ образомъ, говоритъ кн. Щербатовъ, Петръ все предвидѣлъ и на все учреждалъ способы. — При этомъ письмѣ приложено письмо англійскихъ математиковъ къ ихъ товарищу Фергарсону, преподавателю въ Московской Навигаціонной школѣ (бывшему профессоромъ математики въ Абердинскомъ университетѣ и прибывшему въ Россію, по приглашенію Петра).

[64]) Въ бытность Петра I въ Кіевѣ (1706 г.) для заложенія Печерской крѣпости, Ромодановскій переименовалъ его изъ капитанъ-бомбардира въ полковники.

[65]) Изъ Кіева, по заложеніи крѣпости (15 августа), Петръ выѣхалъ 20-го; прибылъ въ Нарву 4-го сентября, отсюда во флотъ, стоявшій у Котлина острова, и наконецъ въ Петербургъ.

[66]) Зотова.

[67]) Головкина (больверки именовались по фамиліямъ приближенныхъ къ царю особъ).

[68]) Укрѣпленіе, имѣющее два бастіонныхъ фронта съ крыльями.

[69]) Пре-скажаетъ — искажаетъ, препятствуетъ.

[70]) Рая: такъ Петръ I нерѣдко называлъ Петербургъ.

[71]) 15 декабря (1706) Петръ изъ Нарвы отправился къ войску въ Кіевъ, куда пріѣхалъ 24-го. Изъ Кіева прибылъ, 28-го, въ Жолкву, гдѣ находились Шереметевъ, Меншиковъ и другіе генералы и министры русскіе, равно и нѣсколько польскихъ сенаторовъ. Въ Жолквѣ оставался по 30-е апрѣля 1707. Отсюда писалъ къ азовскому губернатору Толстому, не забывая, среди военныхъ трудовъ и безпокойствъ, заботиться объ устройствѣ внутреннемъ. Читая подобныя письма Петра I, необходимо припомнишь слова о немъ Неплюева: «На что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ».

[72]) Прежде Троицкъ, построенный 1698 г. и обращавшій на себя вниманіе Петра.

[73]) Петръ прибылъ въ Воронежъ 14 февраля 1709 г. изъ Бѣлагорода. Книга, о которой говорится въ письмѣ, есть переводъ съ франц. и напечатана 1711, подъ названіемъ: «Блонделева новая манера укрѣпленію городовъ». (*Сопик. II*, 2270; *Смирд.* 4286). Она показана и Голиковымъ, въ спискѣ книгъ изданныхъ при Петрѣ: «Блондіева новая манира укрѣпленію городовъ» (*Дѣянія, IX*). Переводчикъ ея — флота капитанъ Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисеевича.—Письмо это любопытно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно показываетъ неутомимую дѣятельность Петра, который, во время борьбы съ Карломъ XII, находилъ досугъ не только просматривать, но даже исправлять переводъ; во-вторыхъ, изъ него видно ясное понятіе Петра о томъ, какъ должно переводить съ иностраннаго: «Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть.

[74]) Послѣ полтавской побѣды, по просьбѣ всѣхъ министровъ, генераловъ и офицеровъ, Петръ принялъ чинъ генералъ-поручика (*Дѣянія, III*). Генералъ-адмиралъ Апраксинъ произвелъ его по флотской службѣ въ чинъ третьяго флагмана (*см. письмо Петра къ Апраксину отъ 13 августа 1709, въ Дѣян. XII*).

[75]) Выѣхавъ изъ Москвы 17 февраля (1710)

Петръ прибылъ въ Петербургъ 21. Князя же Меншикова изъ Москвы отправилъ въ Ригѣ, для осмотра мѣста между Ригою и Динаминдъ-шанцемъ. Чтобы удобнѣе перенимать съ моря непріятельскія суда, велѣно было ему на Двинѣ укрѣпить бревна съ цѣпями, и, сдѣлавъ нѣсколько прамовъ (поромовъ), поставить на нихъ пушки.

[76]) Писано изъ обоза у рѣки Жижи, послѣ сраженія съ Турками на берегу Прута и черезъ три дня по заключеніи мира.

[77]) Отчаяніе.

[78]) Послѣ узнано, что Турокъ было 250 т., а Русскихъ только 40 т.

[79]) Земляныя работы, прикопы.

[80]) Крѣпостію.

[81]) Обращеніе.

[82]) Перемиріе.

[83]) У Голикова: Живатца—польское мѣстечко.

[84]) Послѣ прутскаго похода Петръ съ супругою отправился въ Польшу. Екатерина осталась въ Торуни, а Государь, 2-го сентября 1711, отправился въ Карлсбадъ для пользованія водами, которыя и употреблялъ съ 15 сентября по 3 октября. — 12 октября прибылъ въ Торгау (резиденцію королевы польской) для бракосочетанія царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Вольфенбительскою Шарлоттою Христиною. — Такого же содержанія и отъ того же числа письмо въ Сенатъ. Петръ въ немъ пишетъ: «Слава Богу, что сіе (бракъ) счастливо совершилось; домъ князей вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядный», давая тѣмъ знать, что Шарлотта Христина—внука владѣтельнаго герцога, свояченица римскаго императора и внука королевы англійской.

[85]) Письма къ Екатеринѣ (№№ 29—35) относятся къ 1712—13 г. г., времени военныхъ дѣйствій Петра съ Шведами въ Финляндіи и Помераніи. Первое писано изъ Выборга. Отправивъ провіантъ къ галерному флоту, находившемуся при этомъ городѣ и назначенному для дѣйствій по берегамъ финляндскимъ, Петръ самъ отправился туда, 23 апрѣля, на шнявѣ Лизавета; прибылъ 21-го и воротился въ Петербургъ 30-го.

[86]) Получивъ извѣстіе, что короли: датскій (Фридрихъ IV) и польскій (Августъ II), воевавшіе съ Шведами въ Помераніи, вели тайные переговоры съ Карломъ XII, для заключенія отдѣльныхъ съ нимъ трактатовъ, Петръ I рѣшился самъ отправиться въ Померанію. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 12 іюня и прибылъ въ Нарву 20, куда пріѣхала также Екатерина. Изъ Кеслина, Екатерина продолжала путь прямо къ арміи, стоявшей у Штетина, а Государь въ Ландсбергѣ (21 іюля) видѣлся съ Августомъ. 24-го, въ мѣстечкѣ Гарцахъ, встрѣтилъ его Меншиковъ, а при лагерѣ у Штетина царевичъ Алексѣй Петровичъ. Отсюда Петръ ѣздилъ въ Анкламъ, гдѣ стоялъ датскій флотъ, къ датскому вице-адмиралу Сегестету, и просилъ у него артиллерія для дѣйствія противъ Штетина, который, вмѣстѣ съ Стральзундомъ, принадлежалъ еще Карлу XII: всѣ же прочія мѣста шведской Помераніи заняты были союзными войсками. Вице-адмиралъ соглашался исполнить желаніе Петра не прежде, какъ прибудетъ саксонская артиллерія. Тогда Петръ велѣлъ министру своему при Августѣ просить его о немедленной присылкѣ артиллеріи. Въ ожиданіи отвѣта, онъ отправился въ Грейфсвальдъ. Письма, писанныя имъ отсюда, показываютъ крайнее его сожалѣніе о потерѣ времени въ слѣдствіе медленнаго дѣйствія союзниковъ, равно какъ и о ненадлежащемъ выполненіи имя договоровъ. 2-го августа пришелъ корабль Св. Петръ, а 11-го и два другіе изъ Архангельска, съ капитаномъ Рейсомъ. Письмо изъ Грейфсвальда отправлено къ Екатеринѣ въ Штетинъ, гдѣ она оставалась.

[87]) Петръ I оставался въ Грейфсвальдѣ до 14 августа и въ этотъ день прибылъ въ Вольгастъ. Отсюда писалъ онъ къ Екатеринѣ два письма: однимъ (14-го авг.) извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ; другимъ (17-го авг.) приглашалъ къ себѣ. Екатерина пріѣхала въ Вольгастъ 23-го авг.

[88]) Заливъ.

[89]) Изъ Вольгаста Петръ I, вмѣстѣ съ Екатериной, прибылъ въ Грейфсвальдъ 24 авг.; выѣхалъ въ Карлсбадъ, для пользованія водами, 28 октября. На пути, 30 сентября, пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ конференціи съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I, и откуда, 2 октября, отправился въ Лейпцигъ. Въ Карлсбадъ пріѣхалъ 8. Началъ пить воды 10-го, какъ видно изъ письма къ Екатеринѣ, отъ 11-го: «Мы вчерашняго дня зачали пить воду въ сей ямѣ». Леченіе продолжалось 16 дней: «Курсъ кончилъ вчерась; воды, слава Богу, дѣйствовали изрядно: какъ будетъ послѣ» (письмо отъ 27-го). Выѣхалъ въ обратный путь 31-го.

[90]) Моровая язва.

[91]) 28 ноября Петръ прибылъ въ мѣстечко Лагоу, гдѣ стояли полки преображенскій и семеновскій. 30-го, въ день кавалерскаго праздника Св. Андрея, пріѣзжалъ поздравлять его король польскій, на котораго Петръ возложилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и самъ получилъ отъ Августа орденъ Бѣлаго Орла. Извѣстясь, что шведскій фельдмаршалъ Штейнбокъ изъ Поме-

ранія направился къ Шверину въ намѣреніи остановить Датчанъ и Саксонцевъ, Петръ приказалъ своей арміи идти на соединеніе съ союзниками.

[92]) Соединеніе.

[93]) Помощь.

[94]) 30-го января 1713 г. Петръ разбилъ Штейнбока и 1-го февраля вошелъ въ оставленный Шведами Фридрихштатъ. Здѣсь онъ узналъ о намѣреніи Англіи подать помощь Карлу XII. Это заставило его поспѣшить отъѣздомъ въ Петербургъ (куда Екатерина прибыла еще въ декабрѣ 1712 г.), чтобы вмѣстѣ вступить съ войскомъ въ Финляндію и овладѣть ею, прежде чѣмъ Англія подастъ помощь Шведамъ. Онъ выѣхалъ изъ Фридрихштата 14 февраля и прибылъ въ Петербургъ 2 марта. 26 апрѣля выведенъ былъ въ море галерный флотъ. Государь самъ отправился къ мѣсту дѣйствія. 27-го флотъ пришелъ къ Кроншлоту, гдѣ, за противнымъ вѣтромъ, стоялъ четыре дня. 2-го мая, съ корабля: Полтава, Петръ писалъ къ своей супругѣ.

[95]) 10-го мая (1713) Петръ началъ бомбардированіе Гельсингфорса. Шведскій генералъ Армфельдъ, зажегши городъ, отошелъ къ Борго. Преслѣдуя его, Петръ вышелъ на берегъ при этомъ городѣ, и отсюда, 16 мая, извѣщалъ Екатерину о бѣгствѣ Шведовъ и о своемъ вступленіи во внутрь Финляндіи: «Шведы насъ зѣло стыдятся, ибо нигдѣ лица своего казать не изволятъ». 12-го іюня онъ воротился въ Петербургъ, для отправленія припасовъ новымъ кораблямъ, пришедшимъ къ Кроншлоту. Снова отправился къ Гельсингфорсу, 31-го іюля, на шнявѣ «Мукеръ» и въ плаваніи своемъ былъ задержанъ бурею. 5-го авг. прибылъ подъ Гельсингфорсъ. 6-го генералъ-адмиралъ (Апраксинъ) въ награду за претерпѣнную Государемъ опасность и за труды его на службѣ отечеству, просилъ его принять чинъ сухопутнаго полнаго генерала (въ генералъ-поручики онъ произведенъ 1709 г.).

[96]) Рамодановскаго.

[97]) Чинъ шаутбенанта Петръ получилъ 1709 г., послѣ полтавской битвы.

[98]) Писано по смерти супруги царевича, и отдано ему въ самый день ся погребенія. Напечатано съ точнымъ соблюденіемъ ороографіи подлинника.

[99]) Лудовикъ XIV.

[100]) Завѣщаніе, увѣщаніе.

[101]) Членъ, пораженный антоновымъ огнемъ.

[102]) Писано до рожденія Петра Петровича за 18 дней (т. е. до 28 октября 1715 г.).

[103]) Писано по случаю рожденія Царевича Петра. Въ Сѣвер. Архивѣ 1822 г., № 20, напеч. такое же письмо и отъ того же числа къ маіору преображенскаго полка Салтыкову, съ самыми незначительными отмѣнами.

[104]) Военн. Уставъ обнародованъ 30 марта 1716, напеч. 15 декабря 1717. Въ отрывкѣ сохранена точная ороографія подлинника.

[105]) Въ указѣ, при обнародованіи Морскаго Устава (13 января 1720), изображено: «Учиня уставъ воинскій сухопутный, нынѣ, съ помощію Божіею, приступаемъ къ Морскому, которое такожъ прежде сего начинаемо было, а именно при блаженной и вѣчно достойной памяти Его Величества Государя Отца Нашего, для мореплаванія на Каспійскомъ морѣ; но тогда чего ради тому не исполнитися, и на насъ сіе бремя воля Вышняго правителя возложить изволила, оное оставляемъ непостижнымъ судьбамъ Его. И понеже сіе дѣло необходимо нужное есть государству (по оной пословицѣ: что всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ), того ради сей Воинскій Морской Уставъ учинили, дабы всякій зналъ свою должность, и невѣдѣніемъ никтобъ не отговаривался. Которое выбрано изъ пяти морскихъ регламентовъ, и къ тому довольную часть прибавили, что потребно, еже все чрезъ собственный Нашъ трудъ учинено и совершено въ Санктпетербургѣ, 1720 года генваря въ 13 день (*Собр. Рос. Зак., т. VI, № 3485*). При составленіи Морскаго Устава вмѣстѣ съ Государемъ занимался контръ-адмиралъ Госселеръ (*Жизнеоп. рос. адмираловъ, Берха, т. I*).

[106]) При изданіи Морскаго Устава, предисловіе значительно измѣнено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который многое исключилъ, а многое прибавилъ (*Ист. Петра I, Устр. II*, 397). Г. Устряловъ напечаталъ его съ собственноручной рукописи Петра, хранящейся между кабинетными дѣлами. Вторая статья (*о качествѣ власти*) напеч. въ точности съ подлинника.

[107]) Т. е. прежде Игоря.

[108]) Село Дединово, ряз. губ., на Окѣ, въ 25 верстахъ отъ Коломны.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА (1697—99) (1).

Пребываніе Шереметева у Мальтійскихъ кавалеровъ

Мая 1 числа, поѣхавъ изъ Капо—Пассары (2), увидѣли въ далекости оный морскій мальтійскій караванъ (3), стоящій въ море, къ которому и поѣхали; а какъ были миль за̀—пять до каравана, то встрѣтили насъ въ баркѣ посланные изъ каравана отъ генерала, и пріѣхавъ спрашивали, кто ѣдетъ. И увѣдавъ о бояринѣ, поѣхали къ каравану: потомъ же генералъ господинъ Спинола выслалъ въ своей баркѣ капитана, которая барка рѣзьбою и золотомъ весьма украшена, и пріѣхавъ той капитанъ встрѣтилъ до каравана мили за̀—двѣ, и учинилъ боярину отъ генерала поклоненіе; также просилъ боярина отъ лица генеральскаго сѣсть въ ту барку и ѣхать до генеральской галеры, и бояринъ, благодарствуя за склонную любовь его генерала, сѣлъ въ ту барку съ братьями своими (4), и поѣхали. А какъ были не доѣзжая каравана за милю или меньше, то оный караванъ всѣ семь галеръ пошли на встрѣчу боярину, устроися по воински; и какъ съѣхалися, то опустили съ генеральской галеры лѣстницу, а какъ бояринъ вступилъ той галеры на лѣстницу, выстрѣлили на оной галерѣ изъ пяти большихъ пушекъ, отдавая честь боярину, и на галеру принялъ боярина за̀—руку самъ генералъ: привитався (5) же, бояринъ и братья его съ генераломъ и съ капитаномъ и съ кавалеры сѣли, и потомъ говорилъ бояринъ генералу, объявляя ему намѣреніе пути своего, и что Богъ исполнилъ его желаніе видѣти въ военномъ ополченіи его господина генерала и кавалеровъ мальтійскаго каравана, и въ особливое ставилъ себѣ въ томъ божеское милосердіе, что въ такой часъ къ нимъ благоволилъ Богъ ему пріѣхать и быть подъ его генеральскою командою; а генералъ, выслушавъ отъ боярина оныя слова, отвѣтствовалъ:

«Весьма и мы радуемся, и въ особливое себѣ ставимъ счастіе, что изъ таковаго далекаго и превеликаго государства и такого преславнаго и мудрохрабраго государя его царскаго пресвѣтлаго величества видимъ въ военномъ нашемъ убогомъ караванѣ знатнѣйшую вашу особу, войскъ его славнаго и усерднаго генералиссимуса, и подъ командою моею тебѣ быть не достоитъ, но достоитъ быть намъ паче подъ твоею командою, яко у искуснаго многихъ войскъ вожда, что мы слышали о тебѣ многократно: и всю врученную мнѣ команду и меня самого вручаю милости твоей во управленіе, и прошу о томъ всеусердно управити насъ не погнушатися.»

Бояринъ же, выхваляя ихъ славную военную храбрость и искуство, говорилъ: что онъ пріѣхалъ къ нимъ не для ихъ управленія, но чтобы видѣти отважное ихъ и храброе противъ непріятелей Креста Святаго за все христіанство усердіе; однакожъ по многимъ отговоркамъ, чтобъ не быть боярину на томъ караванѣ генераломъ, а быть бы ему подъ ихъ командою, но никакъ никакимъ способомъ отъ того отговориться не могъ, принужденъ былъ надъ всѣмъ караваномъ быть генераломъ. И мальтійскій генералъ господинъ Спинола весь свой урядъ (6) отдалъ ему боярину. И Божіею непобѣдимою помощію за предстательствомъ Его Пресвятыя Бого-

матери и молитвами великаго пророка и Предтечи и Крестителя Господня Іоанна ([7]) тотъ военный караванъ управленъ къ лучшей чести и къ славѣ преславнаго имени великаго и премилостивѣйшаго нашего государя.

Потомъ сторожевые увидѣли въ далекости четыре корабля турецкихъ, о чемъ и сказали, и того жъ часа ни мало не мѣшкавъ, поднявъ парусы на всѣхъ галерахъ и греблею, гнали не малые часы, построяся въ ордеръ баталіи ([8]), и уже не въ великой далекости были, какъ при томъ же явилась тартана ([9]), которая бѣжала изъ Александріи до Барбаріи до города Туниса: и они Мальтійцы, знатно видя, что тѣхъ кораблей не догнать, поворотились за тою тартаною, и въ скорости ее почали догонять, а какъ приближились, стрѣляли по той тартанѣ изъ пушки съ генеральской галеры, и на той тартанѣ выставили флакъ французскаго короля, и тѣ галеры, оный французскій флакъ увидя, отвернули, и сказали боярину, что та тартана французская, везутъде Французы турецкихъ купцовъ въ Тунисъ, и повернувъ оныя галеры пришли къ тому урочищу, откуда погнали, на вечеръ не обѣдавъ: и тутъ генералъ чинилъ боярину и братьямъ его во всемъ всякое удовольствованіе, и со всѣхъ галеръ капитаны и знатные кавалеры пріѣзжали на генеральскую галеру, и витався отдавали уклонъ ([10]) боярину, и поздравляли боярина, приписуя то прогнаніе и страхъ непріятелямъ его счастію, и ужинавъ говорилъ генералъ боярину, яко бы прося соизволенія, итти съ вечера чрезъ каналъ ([11]) до Мальта; и за часъ до вечера, поднявъ парусы, побѣжали, и ту ночь бѣжали всю великою погодою, отъ которой погоды на галерахъ были въ великомъ страхѣ; а фелюки ([12]), на которыхъ ѣхалъ бояринъ, были привязаны къ двумъ галерамъ, и едва ихъ не потопило. Часу въ другомъ дня прибѣжали къ мальтійскому порту, а какъ въ портъ въѣхали, выстрѣлили съ генеральской галеры изъ вѣстовой пушки, и въ томъ портѣ встрѣтилъ боярина грандъ-магистра магистеръ Диказа, то есть дворецкій, отдавая боярину и братьямъ его отъ грандъ-магистра поклонъ, притомъ спросилъ о здравіи, и объявилъ боярину о дворѣ, сказавъ, что грандъ-магистеръ и всѣ кавалеры, почитая честь имени твоего, просятъ милость твою стать съ братьями твоими во дворѣ бывшаго грандъ-магистра, а не на постояломъ дворѣ, и бояринъ за то благодарствовалъ.

А какъ пріѣхали къ пристани къ городу, и бояринъ, поклоняся генералу и капитанамъ, пошелъ съ галеры въ барку, а какъ сошли съ лѣстницы въ барку, и въ то время, отдавая честь боярину, выстрѣлили изъ трехъ большихъ пушекъ: а къ пристани грандъ-магистеръ выслалъ съ конюшимъ своимъ три кареты, одна о четырехъ возникахъ, а прочіе о двухъ; а какъ бояринъ съ братьями сѣлъ въ каретѣ, и въѣхалъ въ городъ, то для въѣзду боярскаго съ верхняго роскату выстрѣлили изъ девяти пушекъ, и какъ улицами ѣхали, то смотрѣло людей премножество.

А какъ пріѣхали къ тому двору, гдѣ стоять, встрѣтили тутъ и приняли боярина и братьевъ его изъ кареты три кавалера, изъ которыхъ одинъ былъ многіе годы за генералъ-командора; и уклоняся боярину, спрашивали отъ грандъ-магистра боярина и братьевъ его о здоровьѣ, и потомъ сказали, что имъ тремъ грандъ-магистеръ и все кавалерство повелѣли ему боярину и братьямъ его во всемъ служить, и быть при нихъ неотступно; вошедши въ палаты, отвели боярину и братьямъ его и всѣмъ людямъ особыя палаты съ преизрядными

уборы и постельми, всего съ проходными 15 палатъ.

Оные кавалеры говорили боярину, представляя просьбу отъ грандъ-магистра и отъ всего кавалерства, чтобъ бояринъ изволилъ и братья его и при нихъ находящіеся довольствоваться всѣми съѣстными потребами, будучи въ Мальтѣ, отъ нихъ всякаго удовольствованія, а покупать бы ничего не изволили; и бояринъ за любовь грандъ-магистра и за пріязнь всѣхъ кавалеровъ благодарствовалъ, и просилъ ихъ, чтобъ ему, будучи въ Мальтѣ, довольствоваться и покупать все своими деньгами, дабы тѣмъ имъ не учинить какого убытку, а они, выслушавъ боярскую рѣчь, отвѣтствовали: «Милостію Божіею и Его Пресвятыя Богоматери, молитвами же патрона нашего великаго пророка и Предтечи Господня Іоанна, въ законѣ нашемъ нужды никакія не имѣемъ, но еще во всемъ имѣемъ многое изобиліе, и его милостиваго нашего патрона о насъ попеченіемъ вси христіанскіе монархи не малыми богатствы и всякими удовольствованіи насъ снабдѣваютъ; и въ томъ, что будемъ милость вашу довольствовать, убытка себѣ не вмѣнимъ никакого, но еще то припишемъ себѣ къ счастію и къ доброй славѣ.»

Просили еще боярина, чтобъ на то ихъ прошеніе склонился, и презрѣнныхъ ихъ не учинилъ, чтобъ въ томъ грандъ-магистеръ и все кавалерство оскорбленія себѣ не имѣли: «да и законъ нашъ, говорили, еще повелѣваетъ намъ—посѣщающимъ насъ всякую показывать услужность и благопривѣтство, что и чинимъ ко многимъ по достоинству лицъ, которыя пріѣзжаютъ къ намъ и не изъ далекихъ государствъ, а вы, знатнѣйшая ваша особа съ братьями вашими, приняли себѣ трудъ превеликій, пріѣхали къ намъ изъ далекаго и преславнаго государства высокой фамиліи особы, наипаче же какъ мы слышали чрезъ многія извѣстія и чрезъ листы монарховъ о славной твоей особѣ, и о преславныхъ твоихъ надъ непріятельми Креста Святаго военныхъ побѣдахъ, которые ты учинилъ, будучи за повелѣніемъ твоего великаго государя его царскаго пресвѣтлаго величества надъ войски его генералиссимусомъ:» И бояринъ, не хотя ихъ тѣмъ оскорбить, сказалъ имъ — быть по ихъ волѣ.

(Записки путешествія Гр. Бориса Петровича Шереметева въ европейскія государства. 1773 г.)

[1]) «Записки путешествія гр. Б. П. Шереметева въ Европейскія Государства, въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Мальтійскій островъ, изданы сыномъ его Петромъ Борисовичемъ (1773 г.)».

[2]) Мысъ Пассаро на ю. в. оконечности Сициліи.

[3]) Вооруженная эскадра мальтійскихъ рыцарей.

[4]) Васильемъ и Владиміромъ, отправленными въ 1797 г. Петромъ 1-мъ, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, за границу для обученія наукамъ.

[5]) При—витавгя—отъ *витатися (вътатися)*—привѣтствовать кого-нибудь.

[6]) Начальство, команда.

[7]) Патронъ ордена мальтійскихъ кавалеровъ, которые потому и называются иногда Іоаннитами.

[8]) Въ боевой порядокъ.

[9]) Небольшое судно съ косымъ парусомъ.

[10]) Поклонъ.

[11]) Чрезъ пространство воды, отдѣлявшее караванъ отъ Мальты.

[12]) Небольшое парусное судно съ низкимъ бортомъ.

III.

БАСНИ ЕЗОПА (1700) (1).

1. *Тати и Пѣтель.*

Тати въ домъ нѣкіи внидоша, ничегоже не обрѣтщи кромѣ кура (1), возхитивши того, поидоша, егда же оубити его хотяща, проси ихъ да пустятъ его жива, сказываше имъ яко потребныи и полезныи есть людемъ, въ нощи будитъ ихъ труждатися. Они же отвѣщаша, того ради наипаче оубіенъ будеши, егда убо ихъ будишъ, намъ красть недаешъ.

Прилаганіе (3).

Притча знаменуетъ, яко сія лукавымъ людемъ суть тщетна яже благимъ полезна.

2. *Волкъ и Журавеи.*

Волку егда кость оувязе въ горлѣ, обѣща мзду жоравію, аще вложивши главу, кость изыиметъ, онже яко долгошіи, есть, изтя (4) кость, и нача мзды просити, онъ посмѣваяся, и остря зубы, рече, годѣ (5) тебѣ есть, та единна мзда, яко от оустъ волковыхъ, здраву главу свою изялъ еси.

Прилаганіе.

Притча на тыхъ людеи, Которіи от бѣдъ избавлены своимъ благодѣтелемъ сице Воздаютъ.

1) «Притчи Эссоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ ихже Авіенія (*) стихами, изобрази совокупно же брань жабъ и мышеи Гомером древле описана со изрядными въ обоихъ книгахъ лицами (**) и с толкованіемъ. В Амстеродамѣ напечатася у Івана Андреева Тесинга Лѣта 1700». И притчи и война мышей и лягушекъ переведены Ильею Копіевскимъ, о которомъ, равно какъ и о типографщикѣ Теснигѣ, см. въ Ист. Рус. Слов. Всѣхъ басенъ 40.

2) Пѣтуха.

3) Смыслъ, нравоученіе басни (Affabulatio).

4) Извлекъ (Eduxisset).

5) Достаточно (sufficiat).

(*) Авіанъ, латин. баснописецъ V-го в., смѣшиваемый нерѣдко съ Авіеномъ, латин. стихотворцемъ IV-го в.

(**) Картинками.

IV.

КРАТКОЕ УЧЕНІЕ О СТРОЕНІИ ПѢШИХЪ ПОЛКОВЪ (1702) (1).

Тривѣнечному орлу трекраесточный риѳмъ (2).

Обновляй орле	Жизнь твою	И лѣта
Птенцы зрѣть къ солнцу	Изучай	Въ день свѣта
Еже служити	Въ воинствѣ	Разумно
Твоихъ врагъ норы	Изчистить	Аки гумно
Роги лжесловцевъ	Неправду	Гордыню
Еще низлагай	Аспидъ	И львовъ выю
Царствъ разныхъ тя Богъ	Вѣнцы	Развѣтляетъ
А трудъ твой онъ, гдѣ	Еси	Управляетъ
Ружье се имать	Кровь враговъ	Багрити
Юже самъ из нихъ	Имаши	Излити

1) «Краткое обыкновенное ученіе, съ крѣпчайшимъ и лучшимъ растолкованіемъ, (въ строеніи пѣшихъ полковъ), какъ притомъ поступати и во осмотреніи имѣти надлежитъ господамъ капитаномъ, и прочимъ началнымъ, и урядникомъ.» Небольшая книжка (8 страницъ) напеч. славянскимъ шрифтомъ.

2) Стихи подъ картинкой на оборотѣ заглавнаго листа, изображающей орла съ тремя коронами. въ правой ногѣ его мечъ, съ надписью «врагомъ,» въ лѣвой держава, съ надписью «рабомъ;» подъ нимъ мечи, копья, знамена, щитъ, пушки, ядра. Начальныя большія буквы трекраестрочныхъ стиховъ образуютъ акростихъ :» О Петре Царю, живи на вѣки и враги руби.»

V.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ (1703) (1).

ВѢДОМОСТИ,

На москвѣ Вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400. тѣ пушки, ядромъ по 24. по 18. и по 12 фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и дву–пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ гоубицъ, и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскіе школы (2) умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектіку окончили.

Въ математіческой штюрманской школѣ (3) болше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.

На москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ персиды пишутъ. Индейскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Изъ града шемахи отпущенъ онъ въ астрахань сухимъ путемъ.

Изъ казани пишутъ, На рѣкѣ соку нашли много нефти, и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отъ чего чаютъ немалую быть прибыль московскому государству.

Изъ сибири пишутъ. Въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ олонца пишутъ, Города олонца, Попъ иванъ окуловъ собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячю человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу, и разбилъ свѣйскіе ругозенскую, и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую, заставы, А на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя барабаны, и шпагъ, фузей и лошадей, доволно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ попъ, и тѣмъ удоволствовалъ салдатъ своихъ. а досталные пожитки, и хлѣбные запасы коихъ немогъ забрать все пожегъ. И соловскую мызу сжегъ, и около соловской многіе мызы, и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеписанныхъ заставахъ, по скаскѣ языковъ которыхъ взялъ конницы швецкой убито 50 человѣкъ, пѣхоты 400 человѣкъ; ушло ихъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска толко ранено салдатъ два человѣка (4).

Изолвова пишутъ. декабря въ 14 день. Силы казацкіе подъ полковникомъ самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ немировѣ коменданта, съ своими ратными людми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть бѣлую церковь добывать, и чаютъ что и тѣмъ городкомъ овладѣетъ, какъ палей съ нимъ соединится съ своими войски, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12,000 человѣкъ (5). Литовской полной гетманъ, ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую бресть, войско шведское по скаскѣ секретаря орухо частію въ казимерѣ, частію въ сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ что чрезъ великую полшу въ прускую землю пойдетъ. Подъѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ болшую часть снесли, и нѣсколко въ ихъ платье въ полскомъ обозе повѣсили (6).

Изъ нiенавоингерманландской землѣ октября въ 16 день. Мы здѣсь живемъ въ бѣдномъ постановленіи, понеже москва въ здѣшнѣй землѣ зѣло не добро посту-

паетъ, и для того многіе люди отъ страха отселѣ выйбуркъ (7) и въ ѳінляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою.

Крѣпость орѣшекъ (8) высокая, кругомъ глубокою водою объятая, въ 40 верстахъ отселѣ, крѣпко отъ московскихъ войскъ осажена, и уже болши 4000 выстрѣловъ изъ пушекъ вдругъ по 20 выстрѣловъ было, и уже болши 1500 бомбъ выбросано, но по се время невеликой убытокъ учинили, а еще много трудовъ имѣти будутъ, покамѣстъ ту крѣпость овладаютъ.

Изъ нарвы, октября въ 13 день. Сентября въ 27 день. московскіе войска 10000 человѣкъ на сей сторонѣ рѣки невы при нотенбуртѣ между рускимъ, и ингермансландскимъ рубежи пришли, и стали тамо, и учали шанцы дѣлать, за 500 шаговъ отъ крѣпости на сей сторонѣ рѣки. Войско наше съ генераломъ кроніортомъ стоитъ на той сторонѣ рѣки между нотенбурхомъ, и не всю имѣетъ пѣхоту, и конницу, ипушечной снарядъ, и возбраняетъ рускимъ войскимъ переправы, на невѣ рѣкѣ, которые наудачу туда пройдутъ ли. Намѣрены крѣпости той нотенбурху, пушками досажать, но что вся изъ камени построена и войска добрые въ ней во осадѣ суть, и вновь 400 человѣкъ вту введено, и тако нынѣ нѣчего опасатись.

Изъ амстердама ноября въ 10 день,

Отъ архангелскаго города пишутъ, сентября въ 20 день; что какъ его Царское величество войска свои въ разлічныхъ корабляхъ на бѣлое море запровадилъ. оттолѣ далѣе пошелъ, и корабли паки назадъ къ архангелскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15000 человѣкъ салдатъ, и на новой крѣпости на двинкѣ нареченной, ежеденно 600 человѣкъ работаютъ (9).

На москвѣ 1703 генваря въ 2 день.

(1) «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года». Вѣдомости 1703 года печатались, въ Москвѣ, въ 8 д. л., церковнымъ шрифтомъ. Полное изданіе состоитъ изъ 39-ти нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, вѣроятно по мѣрѣ накопленія статей, и различающихся какъ объемомъ (отъ 2 до 7 листковъ), такъ иногда числомъ и длиною строкъ. Печатались вѣдомости въ числѣ 1000 экземпляровъ, что даетъ понятіе о потребности, которую ощущали современники въ изданіи подобнаго рода; а степень его занимательности для нихъ подтверждается рукописными того времени сборниками, въ которые составители ихъ очень часто переписывали отдѣльные нумера газетъ. Свѣдѣнія, относящіяся до Россіи, помѣщались прежде извѣстій иностранныхъ, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ двухъ газетъ, которыя получала тогда посольская канцелярія: «Breslauer Nouvellen» и «Reichs-Post-Reuter». Кромѣ того графъ Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю не только отдѣльные нумера газетъ, издававшихся въ Голландіи, но также любопытныя выписки изъ выходившихъ въ другихъ государствахъ. Все это вполнѣ, или въ извлеченіяхъ, помѣщалось въ вѣдомостяхъ, и въ нѣкоторыхъ нумерахъ передъ иностранными извѣстіями напечатано: «Вѣдомости изъ Гаги». Изложеніе извѣстій, особенно когда они касались Россіи, безпристрастное и вмѣстѣ довольно полное, обличаетъ искуснаго составителя — можетъ быть графа Ѳедора Алексѣевича Головина, о которомъ А. Ѳ. Малиновскій, въ своихъ рукописныхъ библіографическихъ свѣдѣніяхъ, говоритъ, что онъ «завелъ изданіе газетъ». Многія изъ отечественныхъ извѣстій сохраняютъ и до сихъ поръ полную занимательность; таковы свѣдѣнія о числѣ вылитыхъ въ Москвѣ пушекъ, объ успѣшномъ ходѣ обученія въ московскихъ школахъ, объ отысканіи мѣдной руды по рѣкѣ Соку, объ открытіи такой же руды въ Олонецкомъ, квасцовъ, купороса и сѣры въ козельскомъ уѣздѣ, объ основаніи Петербурга, о военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, и проч. Вѣдомости писаны довольно правильнымъ языкомъ, близкимъ къ разговорному того времени, но нерѣдко погрѣшаютъ противъ правописанія, не вполнѣ установившагося, и еще болѣе противъ употребленія знаковъ препинанія и удареній.

Полныхъ экземляровъ Вѣдомостей 1703 г. сохранилось только два и оба они принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ, начальство которой издало ихъ 1855 г. и посвятило Московскому Университету въ день празднованія столѣтняго его существованія (Первыя русскія вѣдомости и пр. Нов. изд. 1855).

[2]) Славяно-греко-латинская Академія.

[3]) Навигаціонной, помѣщавшейся въ зданіи Сухаревой башни.

[4]) О дѣйствіи олонецкаго попа Ивана Окулова разсказано и Голиковымъ (*Дѣянія П. В., изд. 1, ч. 2, стр. 94*), и въ Журналѣ П. В. (*ч. 1, стр.* 60—61). Шведы, въ числѣ 600, стояли на рубежѣ Карельскаго уѣзда. Окуловъ, на четырехъ заставахъ: Рутозейской, Гиппонской, Сумерской и Керикурской, побилъ до 400 человѣкъ непріятельскаго войска.

[5]) Въ бытность Петра I-го подъ Канцами (Нейшавцемъ), 1702 г., пріѣзжали къ нему литовскіе послы съ просьбою о помощи, деньгами и войскомъ, противъ Шведовъ. По ихъ же прошенію, посланъ указъ къ гетману Мазепѣ, чтобъ онъ «о возвращеніи отъ Палѣя Бѣлой церкви и о успокоеніи тамошнихъ бунтовъ чинилъ великое стараніе, и Палѣя къ тому пристойными способы приводилъ, и престерегалъ бы того, чтобъ подданные къ Россіи принадлежащіе казаки къ тому бунту не приставали» (*Журн. П. В., 1*, 68—69).

[6]) Относительно расположенія шведскихъ войскъ на зимнихъ квартирахъ (1702 г.), въ журналѣ сказано: «Когда наступила зима, то король шведскій войска свои разставилъ въ Варшавѣ, Яновцѣ, Казимирѣ и Севдомирѣ и около тѣхъ мѣстъ». Въ шведскомъ войскѣ находились Волохи. Журналъ описываетъ, какъ однажды, заставивъ маневрировать роту Волоховъ, Карлъ XII жестоко расшибся (I, 49).

[7]) Выборгъ.

[8]) Нотенбургъ (Шлиссельбургъ). Осада его начата 27 сентября, сдача послѣдовала 12-го октября.

[9]) Получивъ извѣстіе, что шведскій флотъ готовится къ нападенію на Архангельскъ, Петръ I, въ третій разъ, отправился туда съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и съ пятью баталіонами гвардіи. По пріѣздѣ укрѣпилъ онъ устье рѣки Двины батареями и шанцами, а на взморьѣ заложилъ новую крѣпость, назвавъ ее новою Двинкою (*Голик. II*, 77; *Жур. I*, 49).

VI.

АРИѲМЕТИКА МАГНИЦКАГО ([1]).

1. *Изъ стиховъ на гербъ.*

Ону волю мы въ тебѣ зряще ([2]),
и паче всѣхъ тя быти мняще,
Въ тойже ревности есмы суще,
и нѣчто наукъ тѣхъ имуще,
Едину отъ всѣхъ тѣхъ избрахомъ,
аріѳметіку написахомъ.
Люботрудно ся въ ней потщавше,
изъ многихъ разныхъ книгъ собравше.
Изъ грецкихъ убо и латінскихъ,
немецкихъ же и італійскихъ ([3]).
Чинъ ([4]) и порядокъ избирахомъ,
и вся странства ([5]) ихъ изыскахомъ.
Елико же въ нихъ изобрѣтохомъ,
въ достойныхъ мѣстѣхъ приплетохомъ.
Сличіемъ ([6]) добрымъ и изряднымъ,
еже мнится намъ быть пріятнымъ.
Тѣмъ сличіе то объявлено,
въ двѣ книги просто раздѣлено.
Въ первой общая вся гражданства,
коеголибо государства.
Аріѳметіка обычайная,
въ купецкихъ дѣлѣхъ случайная ([7]).
Цѣну товаровъ обрѣтати,
и достойно ю исчисляти.
А не точію тому чину ([8]),
но и всѣмъ людемъ требна выну ([9]).
Ремесленникомъ и художнымъ,
подданнымъ всякимъ и велможнымъ.
Яко бы рещи всѣмъ обилно,
творитъ всякія пользы силно.

И сія паки раздѣлена,
и на пять частей разложена.
Сихъ первая есть въ числѣ цѣломъ,
ясно явлена самымъ дѣломъ.
Аще бо кто и безъ учителя,
творится въ ней обучителя.
Мню яко ни чимъ той погрѣшитъ,
токмо усердно да прилѣжитъ.
О ней же въ цѣлыхъ первой части,
умыслихъ ино что прикласти.
Денги и вѣсы вѣковъ давныхъ,
великихъ царствъ и докторъ славныхъ.
Единой вещи сей примѣнше,
въ подобство зернамъ вся приведше.
Ради сего въ томъ есть способность,
обрѣсти древнихъ мѣръ подобность
Желаему намъ, такожде и вѣсовъ,
равнѣ и всѣхъ рудъ безъ примѣсовъ,
Цѣлыхъ и чистыхъ просту тягость,
и между ими праву разность.
Аще бо кто вѣсть руды мѣру,
знаетъ и ину по примѣру.
По тягости тѣхъ величество,
а чрезъ то вѣсовъ количество.
Есть какъ и примѣсъ познавати,
колько чего въ чемъ изчисляти (10).
Таже ина часть яже въ дробныхъ,
ѕѣло въ наукѣ сей пригодныхъ.
Равнымъ тщаніемъ учреждена,
чинно и явно положена (11).
А о правилѣхъ яже о трехъ,
въ третіей части быть усмотрѣхъ.
А въ ней не токмо о томъ тройномъ,
но съ пятернымъ и о семерномъ.
Лѣпотно (12) она вся разчинихъ,
и такъ третію часть окончихъ.
Ейже восхотѣхъ то приложить,
что треми частми мочно творить.
Купецкая вся и иная,
яже въ мірѣ къ тѣмъ сочиняя.
Сирѣчь вся дѣйства въ насъ сущая,
права правила имущая.
И колко могохъ вся изискахъ,
и добрымъ чиномъ здѣ написахъ.
Еже бы всяко знать коварство,
что имать обще всегражданство (13).
Во четвертой же части ина
положена суть ради чина,
И разности дѣйствъ оныхъ правилъ,
якоже обычай ихъ уставилъ.
Чинъ не правилно содѣвати,
егда что кому обрѣтати.
А ради правилъ сихъ косвенныхъ,
четвертой части присвойственныхъ,
Вся фалшивая часть назвася,
отъ нихже древле та издася.
Сей же части чинъ инъ изъискахъ,
ѕѣло кратокъ и тутже вписахъ.
Еже отняти трудъ великій,
хотящымъ разумъ взять толикій.
Яко да и всякъ тщится паче
къ наукѣ той по сей издаче (14).
Радиксовъ же всѣхъ чинъ пріятный,
въ пятой части есть всѣмъ поятный.
Они бо вси суть многогубы,
яко квадраты такъ и кубы.
Съ своимъ ихъ дѣйствомъ объявлены,
преясно, и всѣмъ предложены (15).

2. *Изъ Ариѳметики Практической.*

Что есть аріѳметика;

Аріѳметика или числителница, есть художество честное, независтное, и всѣмъ удобопоятное, многополезнѣйшее, и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлшихся изряднѣйшихъ аріѳметіковъ, изобрѣтенное, и изложенное.

Что есть аддиціо;

Аддиціо или сложеніе есть, дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень (16) совокупленіе.

Что есть субстракціо;

Субстракціо, или вычитаніе есть, имже малое число, изъ болшаго вычитаемъ, и излишнее объявляемъ.

Что есть умноженіе;

Умноженіе есть, имже что въ чис-

лахъ умножаемъ, или коликимъ вещемъ по множеству иныхъ вещей раздаемъ: и количество ихъ числомъ показуемъ.

Что есть дѣленіе;

Дѣленіе есть, имже болшее число, или перечень, на равныя части меншимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину, числомъ же показуемъ.

Вопросная.

Единъ человѣкъ выпьетъ кадь питія въ 14 дней, а со женою выпьетъ тое же кадь въ 10 дней, и вѣдателно есть ([17]) въ колико дней жена его особно выпьетъ тое же кадь;

Единъ корабль пловяше отъ града въ домъ, а можетъ преплыти въ 4 дни. А иный корабль поплы отъ дому во градъ, а можетъ преплыти въ 3 дни. А поплыли оба та корабля отъ мѣстъ своихъ во единъ и тойже часъ, и вѣдателно есть въ колико время сойдутся оба корабля;

Вопроси нѣкто учителя нѣкоего глаголя: повѣждь ми колико имаши учениковъ у себе во училищи, понеже имамъ сына отдати во училище: и хощу увѣдати о числѣ учениковъ твоихъ. учитель же отвѣщавъ рече ему: аще придетъ ми учениковъ толико же, елико имамъ, и полтолика, и четвертая часть, еще же и твой сынъ, и тогда будетъ у мене учениковъ 100.

[1]) «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на словенскій языкъ переведенная учителемъ математики Леонтіемъ Магнитскимъ». Она напечатана славянскими буквами. Виньетка, на первомъ листѣ, изображаетъ храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано по еврейски имя Божіе, сидитъ женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ: это Ариѳметика. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ: *тщаніемъ*, на другой: *ученіемъ*, поддерживается восьмью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: «Ариѳметика что дѣстъ, на столпахъ то все имѣетъ». Кромѣ виньетки находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пиѳагора. За оглавленіемъ слѣдуетъ обширное предисловіе «къ трудолюбивому и миролюбивому читателю»: здѣсь авторъ разсуждаетъ о превосходствѣ человѣка предъ другими животными, исчисляетъ его внѣшнія и внутреннія качества. Данныя отъ Бога свойства человѣкъ обязанъ украшать: украшеніе ума составляютъ науки—«царственное удобреніе человѣческаго естества». Отъ наукъ вообще предисловіе обращается къ Ариѳметикѣ въ особенности, указывая на ея приложеніе къ жизни. Въ заключеніи Магницкій говоритъ о своей книгѣ, собранной изъ многихъ иностранныхъ и старопереводныхъ славянскихъ книгъ.

Ариѳметика Магницкаго раздѣлена на двѣ части: Ариѳметику Политику и Ариѳметику Логистику. Первая есть собственно Ариѳметика, содержащая въ себѣ пять отдѣловъ: о числахъ цѣлыхъ, о числахъ ломаныхъ, о правилахъ подобныхъ (тройныхъ), о правилахъ фальшивыхъ или гадательныхъ и о правилахъ радиксовъ квадратныхъ и кубическихъ. Вторая подраздѣляется на три отдѣла: объ алгебраическихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ геометрическихъ, о нѣкоторыхъ предметахъ относящихся къ землемѣрію и мореплаванію. Послѣ каждаго правила помѣщены стихи, въ которыхъ приносится благодареніе Богу за уразумѣніе пройденнаго, или выражается упрекъ лѣнивому ученику, или хвалится ученикъ прилежный. О Магницкомъ (р. 1669, ум. 1739) см. въ Ист. Рус. Слов. По источникамъ, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда, можно судить о его знаніяхъ. Уважая эти знанія, Петръ I оказывалъ ему много милостей: благословилъ его образомъ, пожаловалъ деревнями и приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ. Есть извѣстіе, что, бесѣдуя съ нимъ часто о математическихъ наукахъ и восхищенный его свѣдѣніями и привлекательнымъ разговоромъ, Царь прозвалъ его «магнитомъ» и приказалъ писаться «магнитскимъ». Какую фамилію носилъ онъ до того времени—неизвѣстно. Тредьяковскій, знавшій Магницкаго лично, называетъ его «сущимъ христіаниномъ, добросовѣстнымъ человѣкомъ, въ немъ же лести не было». Ариѳметика Магницкаго, какъ первое наше математическое руководство, возбудившее любознательность Ломоносова, долгое время употреблялась въ школахъ;

въ послѣдствіи смѣнила ее ариѳметика Курганова (нап. 1757). (*Словарь свѣтскихъ писателей*; *Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ, г. Берха, ч. 1*; *см. также Ист. Рус. Слов.*).

[2]) Волю или желаніе Петра В. просвѣщать свой народъ, основывать училища, вводить разныя науки и искуства.

[3]) Къ этимъ источникамъ Ариѳметики Магницкаго прибавлены, въ предисловіи, *старопреводныя славянскія*. Какими именно сочиненіями пользовался авторъ, неизвѣстно. Между рукописями покойнаго академика Бередникова находится Ариѳметика (1645), приписываемая Василію Бурцову (Обзоръ Духовной Литературы, въ Учен. Зап. Ак. Н. 2-го отд.). Въ 1672 перевелъ Ариѳметику Николай Спафарій, переводчикъ посольскаго приказа и потомъ посланникъ въ Китаѣ. Въ рукописяхъ XVII вѣка (*Опис. ркп. Румянц. музеума, № XII и Опис. ркп. гр. Толстаго, отд. II, № 188*) содержится: Книга, глаголемая по гречески Ареѳметика, а по нѣмецки алгоризма, а по руски цыфирная счетная мудрость. Тая мудрость едина изъ большихъ изъ седми мудростей мудрость пятая (первыя четыре мудрости — грамматика, геометрія, астрономія, музыка). Одна рукопись Румянц. муз., конца 17 или начала 18 в. (№ CCXLII) заключаетъ въ себѣ «Курсъ математики, писанный, по видимому, въ Венеціи, съ италіанскаго какого-нибудь руководства». Ариѳметика или счисленіе состоитъ изъ трехъ книгъ: 1) начальныя четыре правила, 2) познаніе ѳрактъ (дробей), 3) регула трехъ (тройное правило). Въ концѣ, послѣ правилъ о радиксѣ квадрата или о корнѣ четвероякомъ, сказано слѣдующее: «Есть и иные многіе регулы въ сей наукѣ, которыхъ употребляютъ болши на Москвѣ, чая себѣ къ повышенію великой своей наукѣ, но мы всѣ отставляемъ, для того, что по тѣхъ регулахъ никакіе помощи ни въ чемъ не сыщетъ никто, и всѣ тѣ бездѣльные регулы, фальшивые по ихъ зовутся, родятся изъ сихъ же настоящихъ фундаментовъ и кто хорошо вызнаетъ всѣхъ регулъ фундаменты, можетъ самъ тѣхъ бездѣлицъ дѣлать сколько похочетъ. Только мы своимъ ученіемъ не позволяемъ. Лучше голову ломать о дѣлѣ, неже о бездѣльѣ». Эти слова какъ будто направлены противъ Фергарсона, Магницкаго и другихъ учителей навигаторской школы. Въ 1682 г. издано въ Москвѣ «Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ, купующій или продающій, зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи» (*Опис. книгъ Толстаго, отд. 1, № 165*). Между рукописями Царскаго, подъ № 289, находится Пасхалія съ прибавленіями (17-го в.) — «курсъ математическихъ и другихъ знаній грамотѣевъ 16 и 17 столѣтій», по замѣчанію г. Строева. Копіевичъ напечаталъ въ Амстердамѣ, 1699, Руковведеніе во Ариѳметику.

[4]) Порядокъ, связь.

[5]) Особенности.

[6]) Сличеніемъ, согласіемъ.

[7]) Случающаяся, встрѣчающаяся.

[8]) Сословію, званію.

[9]) Во всякое время.

[10]) Здѣсь говорится о содержаніи 1-ой части Ариѳметики-политики.

[11]) Содержаніе 2-ой ч. (о дробяхъ) той же Ариѳметики.

[12]) Красиво, систематично распредѣливъ.

[13]) Содержаніе 3-ей ч. (о тройныхъ правилахъ).

[14]) Содержаніе 4-ой ч. (о правилѣ фальшивомъ).

[15]) Содержаніе 5-ой ч. (о квадратахъ и кубахъ).

[16]) Сумма, итогъ.

[17]) Требуется знать, спрашивается.

VII.

ПРИКЛАДЫ, КАКО ПИШУТСЯ КОМПЛИМЕНТЫ (1708) ([1]).

I. *Поздравітельное пісаніе въ день рожденія.*

Послѣ тітла ([2]).

Вашъ моего господіна счастліво воsсіявшіи день рожденія воѕбуждаетъ меня къ должності моеі, и повелѣваетъ мнѣ вамъ поѕравлять. Богъ іже нашi дні сочітаетъ, і оные счастліво въ свою кнігу вписалъ, да умножітъ оные, да бы вы моі господіне сіе вашъ день рожденія во многочісленныя годы во умноженноі радості відѣти, между тѣмже богу і свѣту полеѕные услугі учініти, і ему особліво къ славѣ отечествія и любеѕнымъ вашымъ ко утѣшенію отдаленно отъ всѣхъ протівно-

стеі здраво і удоволно жіті моглі, скоторымъ вѣрносердечнымъ желаніемъ я сіе окончаю, і себя вашеі не премѣнноі склонності сердечно вручаю і пребываю, вашъ.

Отвѣтъ.

Вамъ не могу я доволно благодарствовати за особлівую склонность, юже вы мнѣ прі объявівшемся нынѣ дні моего рожденія объявілн. Я не желаю болѣе, яко онымъ въ вашемъ услуженіі зачати і продолжіти, да бы я удоволствованіемъ объявленноі вамъ должності моеі, едіножды могъ радостно сообщітіся. Богъ же да сохранітъ васъ прі всякомъ благополучіі, и вашу жізнь да украсітъ честію і славою, і все ваше хрістіанское желаніе да ісполнітъ, въ егоже мілостівые руцѣ я васъ сімъ сміренно вручаю.

2. ***Поздравительное писаніе къ женскому полу въ день ея имянинъ.***

Моя госпожа.

Понеже я не сумнѣваюся, что вы въ сеі радостноі день, котороі ваше высокодрагое імя представляетъ, на многія изустныя поздравительныя комплементы отвѣщать імѣти будете, но я тако бесчастенъ есмь, что раді отлученія моего поздравленія протчімъ не могу прісовокупіть, однако же уповаю что вамъ неиепріятно будетъ, егда я пісмянно объявлю, како меня увеселілъ вашъ дарагоі день тезоіменітства, і прітомъ должнѣішее мое поздравленіе къ вамъ въ сіхъ малыхъ строкахъ чрезъ почту посылаю, богъ да подастъ, да бы вы еще многократно таковаго достоінопамятнаго дня прі всегда умножающемся счастіі дожіті сподобілісь, і егда оныі пакі случітся, что бъ намъ тогда васъ отъ нѣкоторого ізряднаго любезнаго обязану відѣті, нынѣ же я яко вашъ преданныі слуга дерзаю васъ мою госпожу, чрезъ прісланноі прі семъ малоі помінокъ перевезать, въ тоі надеждѣ, что вы сіцевое склоннымъ сердцемъ восприімете, і меня впредь пріязні своеі рекомендованна быть допустіте, якоже і я противъ того при всѣхъ данныхъ случаяхъ себя въ дѣлѣ іазвіті не оставлю.

Вашъ моеі госпожі
послушныі.

3. ***Поздравительное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему при начатіи новаго года.***

Высокопочтенныі господінъ отецъ.

Во ісполненіе моей чадской должності не могу оставіть прі начатіі божіею мілостію новаго года, вамъ всякаго блага желать, да подастъ мілость всемогущаго, да бы вы господінъ отецъ не точію сеі, но і многія послѣдствующія годы і съ госпожею матерью моею, въ добромъ здравіі і во всемъ пожеланномъ благополучіі препровадить, такожде за положенныя къ моему і моіхъ любезныхъ братеі і сестръ рачітельному воспітанію, і за показанныя неоцѣненныя благодѣянія всякую честь і радость дожіть, і за оное тысящекратное благословеніе получіть моглі, якоже я, что ко мнѣ прінадлежітъ нікакого прилѣжанія не оставлю, моі наукі съ божіею помощію сіце продолжаті, да бы о мнѣ положенное доброе упованіе могло ісполнітіся, і да бы я моего представленнаго намѣренія достігнуть могъ; Въ прочемъ предаю васъ господіна отца і весь нашъ домъ божіему защищенію, і пребываю во всю жізнь свою, моего высокопочтеннаго господіна отца—послушныі сынъ: N. N.

[1]) «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецкомъ языкѣ, то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатомъ поздравителные и сожалѣтелные и иные; такожде между сродниковъ и пріятелеі». Другія изданія 1712 и 1725 г.г. Тредьяковскій, въ Разговорѣ о правописаніи, выражается о гражданскихъ буквахъ этой книж-

ки такимъ образомъ: «Прекрасна была сія первая печать: круглая, мѣрная, чистая, словомъ совершенно уподоблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется». — «Приклады» считались первою книгою, напечатанною гражданскимъ шрифтомъ, но изъ отчета И. Пуб. Биб. за 1854 г. видно, что первою гражданскою книгою нашею была «Геометрія славенскі землемѣріе», напеч. въ мартѣ 1708 г.

[2]) Титула, обращенія къ лицу, къ которому пишутъ.

VIII.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ (1708) ([1]).

(Изъ экземпляра, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ).

1. *О плодоносії і недородії,*

Богу моліся, і трудіся.

Кто прілѣжно Богу молится, і прі томъ своі руцѣ прілѣжно къ работѣ прілагаетъ, у того благословеніе божіе будетъ: якоже сіе і пророкъ давідъ въ 127 псалмѣ глаголетъ: труды плодовъ твоіхъ снѣсі, блаженъ есі. і добро тебѣ будетъ.

Нѣсколко годовъ імѣлі мы благословеніе божіе богато, но пріято ли оное благословеніе отъ всякаго съ благодареніемъ, о томъ сумнѣваюсъ я ѕѣло. сего раді въ сумнѣнії есмъ, да бы Господь богъ у насъ хлѣба, не благодарства ради рода человѣческаго, не умалілъ.

Однакожъ въ началѣ апрѣля обрящутся ізрядные теплые дні, іхже ѕемледѣлному человѣку пренебрещі не подобаетъ.

Во іулѣ і августѣ воѕдухъ мнится не покоенъ быть, со многімі жестокімі вѣтры, велікімі молнії і громамі, і лівнымъ дождемъ, еже все хлѣбноі жатвѣ помѣшателно будетъ.

Богъ же всевышнії можетъ все предъявленное ѕло, (егда мы токмо прілѣжно ему помолімся) отъяті, і насъ своімъ благословеніемъ пакі мілостіво обогатіті.

2. *О ѕравії і болѣзняхъ.*

Астрономъ прімѣчаетъ небесные бѣгі, аспекты [2]), і ісъ того чаянные інфлуенціі (пріключенія.) въ ніжнемъ воѕдухѣ можетъ ісъ того по чаянію провѣщаті, болѣе лі воѕдухъ къ благу ілі ѕлу скланяется. Но понеже інфлуенціа дѣиствуетъ, інако въ высокіхъ на горныхъ, інако въ равныхъ і лужныхъ мѣстѣхъ, інако въ жаркіхъ, інако въ студеныхъ существахъ, інако которые доброі порядокъ въ жітіі держатъ, інако которые во обжірствѣ въ піянствѣ і не постоянствѣ жівутъ, сіце невоѕможно астроному купно многімъ землямъ, і толь невоѕможнѣе купно многімъ человѣкамъ подлінное провѣщаніе учініті. но онъ пріѕнаваетъ охотно, еже въ кнігѣ премудрості въ девятоі главѣ въ шестомъ надесятъ стіхѣ стоітъ. Мы едва раѕумѣваемъ іже на ѕемлі, і яже въ рукахъ обрящемъ съ трудомъ, а яже на небесі кто ісслѣді, волю же божію кто увѣдѣ [3]).

Боже пріиді къ намъ съ мілостію, і іѕбаві насъ отъ всякаго ѕла, і подаждь намъ во удобное время і часъ, хрістіанскую блаженную кончину. Амінь.

[1]) «Календарь ілі мѣсяцословъ хрістіанскії По старому штілю ілі ісчісленію. На лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709. Отъ міробытія же, 7127. Напечатанъ въ царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ, лѣта Господня, 1708. Декабря въ 28 день». Небольшая книжка in-4, гражданской печати. Содержаніе ея слѣдующее: знаки мѣсячные и знаки дней седмичныхъ, хронологія важнѣйшихъ событій, святцы, о затмѣніяхъ, о началѣ года, о четырехъ временахъ года, о войнѣ и мирскихъ дѣлахъ, о пло-

доносіи и недородія, о здравія и болѣзняхъ, о кровопусканіи (т. е. въ какіе дни каждаго мѣсяца пускать кровь). «Обозрѣніе русскихъ календарей или мѣсяцословов», г. Перевощикова, см. въ 3 т. Магазина землевѣдѣнія, изданнаго Н. Флоровымъ». Составъ календарей, безъ сомнѣнія, извѣстенъ былъ намъ въ 17-мъ в.: въ одномъ изъ хронографовъ (Опис. рукоп. Румянц. муз., № CCCCLVII) помѣщена «повѣсть о Махметѣ, о началѣ ученія его и кончинѣ» изъ нѣмецкаго календаря (на 1684) Ягана Фохта, математика и философа свейскаго (шведскаго) королевства.

[2]) Положенія небесныхъ свѣтилъ.

[3]) Въ теперешней Библіи, по исправленному переводу: «И едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ; а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? волю же Твою кто позна»?

IX.

ИСТОРІЯ ОБЪ ОРДЕНАХЪ ИЛИ ЧИНАХЪ ВОИНСКИХЪ (1710) ([1]).

Посвященіе Вильгельма, графа голландскаго, въ рыцари.

Прімѣръ о вілімѣ [2]) графѣ галандскомъ есть сеи, что онъ былъ учіненъ кавалеромъ въ 1248–мъ году на сеімѣ (или совѣтѣ) колонскомъ (*) [3]) чрезъ короля боемского съ помощію петра капуціа кардинала святаго георгія, и легата (или посла) апостолского прежде восприятія короны императорскія, въ городѣ Эксъ Лашапелъ [4]) (по латінѣ аквисгранъ [5]) а по немецки аахенъ). Дабы удоволствовать любопытныхъ чітателеи, я опішу здѣ слово въ слово всѣ церемоніи, которые практіковалися (или употребляліся) въ смъ случае.

Послѣ евангелія большія літургіи, вілімъ галандскіи быъ объявленъ, чрезъ короля боемского и представленъ сімі термінами.

Вашеі честности отче почтеннѣішіи объявляетъ сего обранного [6]) оруженосца, покорственно прося, дондеже ваша честность знатное о немъ увѣдомленіе воспріимете, дабы въ воінскомъ нашемъ учіліщи вписанъ быти могъ.

Кардіналъ же ему истолковалъ тогда, сілу слова, miles (сірѣчь воінъ).

Мужественъ въ протівности [7]).

Благороденъ въ сродствѣ [8]).

Ѕѣло щедръ въ чести [9]).

Изрядныи во тщаніи, и отважныі въ мужественномъ искуствѣ [10]):

По томъ онъ ему прочелъ инструкціи (или ученія человѣку воінскому), о которыхъ здѣ есть въ пісмѣ заключеніе.

Сіе есть правіло ордіновъ воінскихъ.

1. Вначалѣ съ прілѣжнымъ воспоміnаніемъ молітвъ страстемъ хрістовымъ, по вся дни да слушаетъ.

2. За вѣру католіческую усердно (свое) тѣло да предаетъ.

3. Святую церковь и оныя служітелеи отъ всякіхъ обідніковъ да обороняетъ.

4. Вдовамъ и сіротамъ и скуднымъ въ ихъ нуждахъ вспоможеніе да чінітъ.

5. Отъ неправедныя воіны да хранітся.

6. Оброки неправедные собірати да не соізволяетъ.

7. За свободу всякого невінного брань да чінітъ.

8. Императору рімскому, или его добродѣямъ честно во время послушенъ да будетъ.

9. Рѣчь посполітую [11]), непоколебіму въ крѣпости своеи да содержітъ.

10. Добра изобілные или прісягу и вѣрность королевства или государства нікогда да не отчюждаетъ.

11. Предъ Богомъ и предъ человѣки непорочно на семъ свѣтѣ да жіветъ.

(*) Колонъ или Колонія есть городъ въ Цесаріи.

Сіе уставленіе воінского чіна ежели тщательно сохраніші, и мужественно съ прилѣжаніемъ исполнішь, какъ времянную честь на земли, такъ по семъ жітіи упокоеніе вѣчное и въ небѣ заслужішь.

Сему бывшу окончену, кардіналъ велѣлъ графу положіть руцѣ сложа на евангеліе еже прочтено было въ кнігѣ літургіиной и вопросілъ его.

Хощеши ли воінскіи чинъ во імя господне сохранно пріяті, и уставъ словомъ тебѣ изображенъ по твоеи сілѣ исповѣсти. На что онъ отвѣтствуетъ. Хощу.

По томъ кардіналъ далъ ему прісягу на пісмѣ, которую графъ прочелъ громко, сіми термінами. азъ гвіліелмъ галанскаго воинства князь, священного государства ([12]) васаллусъ, свободныи, подъ прісягою, исповѣдую устава воінского храненіе, при бытности господіна моего пиерекъ: завѣсы златои діакона, кардінала, и апостолскаго престола легата, чрезъ сіе святое евангеліе, которое въ рукахъ имѣю, къ чему кардіналъ прібавілъ, сіе усердное исповѣданіе да будетъ грѣховъ твоіхъ истінное отпущеніе, амінь.

Сему бывшу окончену, король богемскіи ударілъ по щекѣ графа, глаголя ему.

Во славу всемогущаго: тебе воіна вчіняю, и въ наше ученіе доброхотно пріемлю, и памятуи, яко создатель міра предъ каіафою понтіискимъ за тебе по ланітѣ біенъ былъ и поруганъ, и предъ пілатомъ бічеванъ; и вѣнцемъ терновымъ вѣнчанъ, предъ игемономъ въ різу облеченъ и поруганъ, и предъ всѣмъ народомъ нагъ, израненъ, ко кресту прігвожденъ, которого поношеніе памятовати тебѣ совѣтую, и его крестъ тебѣ пріяти желаю, котораго хріста смерть мстіти увѣщаваю.

По семъ они отслушали літургію, и вышли изъ церкви со звономъ и шумомъ на свірѣляхъ, на гобояхъ, барабанахъ, и на трубахъ.

[1]) Полное заглавіе книги: «Исторія о ординахъ ілі чинахъ воинскихъ паче же кавалерскіхъ обдержащая уставленія, поведенія и практіку пріанціпалныхъ дѣиствъ, и велікомагістерскіхъ, со оружіемъ и ихъ фігурами. Автора Адріана Шхонбека. Часть первая». Это переводъ франц. сочиненія Адріана Шоонебека (Schoonebeck): «Histoire de tous les ordres militaires, ou de chevalerie», и пр. 2 ч. (1699). На рус. языкъ переведена только 1-я ч. Имя переводчика неизвѣстно. Отрывокъ взятъ изъ предисловія, содержащаго въ себѣ исторію установленія рыцарей.

[2]) Вильгельмъ, гр. голландскій, императоръ германскій, второй именемъ (у. 1256). Во время междуцарствія, Иннокентій IV провозгласилъ его (1247) нѣмецкимъ императоромъ, чтобы противопоставить Фридриху II. Въ 1248 Вильгельмъ взялъ Ахенъ, послѣ шестимѣсячной осады, и былъ тамъ коронованъ архіеп. кельнскимъ.

[3]) Кельнскомъ, въ гор. Кельнѣ (Cologne, Colonia Agrippina).

[4]) Aix-la-Chapelle.

[5]) Aquis granum.

[6]) Избраннаго.

[7]) Magnanimus in adversitate.

[8]) Ingenuus in consanguinitate.

[9]) Largifluus in honestate.

[10]) Egredius in curilitate et Strenuus in virili probitate. Начальныя буквы этихъ пяти качествъ образуютъ слово Miles (воинъ).

[11]) Rempublicam illibatam.

[12]) Священную римскую имперію.

X.

КНИГА МАРСОВА (1713) ([1]).

Изъ реляціи о полтавской битвѣ.

О 9 часу предъ полуднемъ генералная баталія началась. Въ которои хотя и ѕѣло жестоко во огнѣ оба воіска білісь, однакожь далѣе дву часовъ не продолжалась, ибо не побѣдімыя господа

шведы, скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ воiскъ съ такою храбростiю вся непрiятелская армея (съ малымъ урономъ нашiхъ воiскъ, иже при томъ наiвящше удiвiтелно) какъ кавалерiя, такъ и инфантерiя весма опровергнута такъ, что шведцкое воiско нiедiножды по томъ не остановiлось, но безъ остановки отъ нашiхъ, шпагами, багинетами (²), и пiками, колото, и даже до обрѣтающагося въ блiзу лѣсу гнаны и бiты. При томъ въ началѣ генералъ маеоръ реiншелтъ, и прiнцъ вiртенберской купно съ многiми полковнiки и иными полковыми и ротными офiцеры, и нѣсколко тысячь рядовыхъ, которые болшая часть съ ружьемъ и съ лошадми отдалiсь, и въ полонъ взяты. Въ погоню же за уходящiмъ непрiятелемъ послѣдовала наша кавалерiя болши полуторы мiли, а имянно пока лошади ради утомленiя итти могли; такъ что почiтаи отъ самои полтавы въ цiркумференцiи (³), мiли на три и болши, на всѣхъ поляхъ и лѣсахъ мертвые непрiятелскiе тѣлеса обрѣталiсь, и чаемъ оныхъ отъ десяти до трiнатцати тысячь побiто (ибо перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ, девять тысячь, двѣсти двадцать четыре) а сколко пушекъ, знаменъ, и лiтавръ взято, такожъ сколко и съ нашеи стороны людеи побiто и ранено, тому послѣдуетъ роспiсь. I тако мiлостiю всевышшаго, совершенная вiкторiя, (которои подобнои мало слыхано) съ легкiмъ трудомъ и малою кровiю противъ гордаго непрiятеля, чрезъ Его Царскаго Велiчества славное оружiе, и персоналнои храброи и мудрои прiводъ, и храбрость начальныхъ и салдатъ одержена, Iбо его Велiчество въ томъ случае свою храбрость, велiкодушiе, и воiнское искусство, не опасаясь нiкакого страха своеи высокои особѣ, въ вышнемъ градусѣ показалъ, и при томъ шляпа на немъ пулею прострѣлена. Подъ его же свѣтлостiю князѣмъ меншiковымъ, которои такожъ мужество свое при томъ доволно показалъ, три лошади ранены.

¹) Полное заглавiе: «Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ воискъ Царскаго Величества россiискихъ. Во взятiи преславныхъ фортiфiкацеи, и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталiи учiненныхъ. Надъ воiски Его Королевскаго Величества Свѣиского. Санктъпiтербурхъ, лѣта господня. 1713. Генваря въ день». Въ ней описаны успѣхи русскихъ войскъ. Текстъ сопровождается планами и гравюрами; объясненiя послѣднихъ иногда очень замысловаты. Такъ къ реляцiи о полтавской баталiи приложенъ планъ сраженiя, а за реляцiей слѣдуютъ двѣ картины: на одной представлены трiумфальныя ворота «по полученной полтавской баталiи», на другой—фейерверкъ бывшiй въ Москвѣ, 1 января 1710 г. Вторая картина изображаетъ, на лѣвой сторонѣ листа, Фаетона, Аполлонова сына, низвергнутаго съ колесницы перунами Юпитера, съ надписью: «отъ вознешенiя низверженiя». (Въ письмахъ къ разнымъ особамъ послѣ полтавской битвы, Петръ I писалъ: «Вся непрiятельская армiя *Фаетоновъ конецъ* восприяла»); на правой сторонѣ: льва, опоясаннаго цѣпью, съ надписью: «да знаетъ правительствовати». Въ низу, подъ этими изображенiями, еще четыре: а) каменная гора (образъ Швецiи); б) левъ выходящiй изъ за-горы (шведская армiя); в) столпъ съ короною (Польша), къ которому левъ приблизился и нагнулъ его (побѣда Карла надъ Августомъ II и возведенiе на польскiй престолъ Лещинскаго); г) другой столпъ съ короною (Россiя), къ которому левъ приблизился съ такимъ же намѣренiемъ; д) орелъ (войско русское), поражающiй льва перунами, послѣ чего и первый столпъ снова сталъ прямъ (избавленiе Польши отъ Карла и возвращенiе короны Августу помощiю русскаго оружiя. (Въ Словѣ Яворскаго по случаю Полтавской побѣды, Петръ I представленъ также въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ).

²) Штыками.

³) Окружности.

XI.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ СЪ КАРЛОМЪ XII, СОЧ. ШАФИРОВА (1717 г.) (1).

Хотя при начатіи сея воіны межъ Іnперіемъ (2) Россіискімъ, и Короною Швецкою со обоіхъ странъ многіе Декларація (3), Маніфесты, и універзалы (4) пісменные выдаваны суть; однакожъ, понеже оные токмо по каждои страны интересу и по состоянію времяни, и по потребности всегда Конъюнктуръ (5), а особліво съ стороны Его Царского Велічества, токмо въ краткіхъ определеніяхъ были сочінены. И болшая часть оныхъ во отвѣтъ на многіе съ Шведскои страны ругателные, и Его Царскаго Велічества собственнои высокои особѣ, и всего Россіискаго народа, чести и славѣ съ поношеніемъ касающыяся, маніфесты, и універзалы, къ возмущенію Его Царскаго Величества подданныхъ, протівъ всѣхъ хрістіанскіхъ, и політічныхъ (6) народовъ обычаю выдаванныхъ, учінены и публікованы суть. И того ради во оныхъ токмо ко опровердженію тѣхъ калумнія (7) и поносовъ (8), и ко очіщенію обруганнои славы Его Царского Велічества, и его оружія, и къ содержанію подданныхъ его въ вѣрности пісаны. Итако того, что ко объявленію правыхъ и законныхъ прічінъ сеи воіны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, къ томуже оные всѣ объявітелные грамоты и пісма для народа Россіискаго, на Россіискомъ языкѣ, и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ не многіхъ въ полшѣ, и на Полскомъ языкѣ пісанныхъ. И тако въ протчіхъ краяхъ Европеіскіхъ, мало или и весма о оныхъ неізвѣстно. Протівъ тогоже съ стороны Шведскои, оные всѣ пісма, болшая часть на нѣмецкомъ языкѣ штілізованы (сочінены), и по томъ на иные языки въ Европѣ употребляемыя, нарочно для внушенія всѣмъ перевожены, и дівулгованы (разглашены), да бы тѣмъ Его Царское Величество, яко начінателя противъ Короны Шведскои воіны, предъ всѣмъ честнымъ Свѣтомъ, въ тотъ концептъ или мнѣніе прівесть, будто Его Величество, оную воину безъ праві лныхъ и законныхъ прічінъ началъ, и оную безъ прімірітелно продолжаетъ: внеся во оные многіе несносные, и межъ потентаты (9) хрістіанскими не обыкновенные клеветы. Отъ чего, а особліво, понеже всегда натуралио есть человѣкомъ о бѣдствующіхъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющіхъ завість имѣти, не смотря на прічіны, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первоштерпітъ, віновенъ, якоже всѣмъ извѣстно есть, многіе особліво же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сіхъ обоіхъ Сѣверныхъ Коронъ о древніхъ и новыхъ ихъ гісторіяхъ основательного извѣстія не имѣютъ. по тѣмъ Шведскімъ внушеніямъ въ томъ мнѣнія и до нынѣ пребываютъ, что сія воіна, на его Королевское Велічество Свѣіское (10), не токмо отъ Его Царского Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокіхъ союзніковъ, безъ праведныхъ прічінъ, для едіного токмо властолюбія, начата есть, и для его конечного опроверженія не прімірітелно продолжаетца. Того ради побужденъ нѣкоторои вѣрнои патріотъ (отечества сынъ) изъ Россіиского народа, для оправданія своего Всемілостивѣішаго Самодержца, и правдулюбівого Царя и Государя, въ начатіи сея воіны, отъ такіхъ неправедныхъ клеветъ, и швецкіхъ внушеніи, испросілъ у высокопомянутого Его Велічества всемілостивѣішее соизволеніе, сіе разсужденіе на свѣтъ выдать, и тѣмъ оному показать.

1) Правые важные и законные древніе и новые прічіны, которыхъ ради

Его Царское Велічество, яко Хрістіанскіи Монархъ, и истінныи отецъ отечествія своего, не токмо долженъ, но и необходімо прінужденъ былъ начать сію воину противъ Короны Шведскои, яко изъ древніхъ лѣтъ и непремѣнно, даже и до счастливого государствованія его, Імперію ([11]) Россиискому не приміріте лнои, враждебнои преслѣдователніцы.

2) И что толь долговременному продолженію сея воины, и пролітію многои крови человѣческои, и разоренію земель, весма не Его Царское Велічество, но нікто инои, кромѣ самого его Королевского Велічества Швецкого, віна и прічіна есть.

3) Что съ стороны Царского Велічества во время сея воины со всякою умѣренностію хрістіянскімъ мілосердіемъ, и отъ болшеи части, по обычаю всѣхъ політічныхъ хрістіянскіхъ народовъ, поступлено, и ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отмщенія Швецкои жестокости, къ Его Царскаго Велічества воіскамъ, и вѣрнымъ подданнымъ, учінено. Противъ тогожъ съ Швецкои страны оная воіна съ начала и до сего времяни была, не по обычаю політічныхъ народовъ, но со всякою суровостію, не людкостію, и досадітелствы ведена. И уповаемъ что мы все сіе съ такімъ основаніемъ и истінною докажемъ, что всякъ безпрістрастнои, не можетъ укоріть и доказать, чтобъ въ семъ объявленіи, что обрѣтено было мімо самои истінны, или по пристрастію и по ѕлобѣ къ Шведскому народу, писанное.

[1]) «Разсужденіе какіе законные прічіны Его Величество Петръ Первыи царь и повелітель Всеросcіискія, и проч., и проч., и проч., къ начатію воіны протівъ Короля Карола 12 Шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сіхъ обоіхъ потентатовъ, во время сеи пребывающеи воіны болѣе умѣренности и склонности къ прімиренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь велікімъ разлітіемъ крови христіанской и разореніемъ многіхъ земель віновенъ, и съ которой воюющей страны та воіна по правіламъ хрістіянскихъ и політічныхъ народовъ болѣе ведена». 1717. Сочиненіе посвящено наслѣднику престола, царевичу Петру Петровичу. Въ приношеніи, или дедикаціи, исчисляются безсмертныя дѣла Петра Великаго, который, по выраженію автора, «сочинилъ изъ Россіи самую метаморфозисъ, или претвореніе»: это—краткое похвальное слово преобразователю нашего отечества. Разсужденіе раздѣлено на 3 части: въ 1-ой разсматриваются причины, по которымъ Петру I слѣдовало начать войну съ Карломъ XII; во 2-ой доказывается, что долговременному продолженію войны причиною былъ король шведскій, а не Петръ I; 3-ья показываетъ, что со стороны Россіи война ведена была съ умѣренностію, по образцу просвѣщенныхъ народовъ. Заключеніе содержитъ въ себѣ пространный отвѣтъ на возраженіе нѣкоторыхъ: «не лучше ли бы было вмѣсто продолжительной и тягостной войны заключить миръ, хотя и съ уступкою»? Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ. Къ концу книги приложено пять документовъ, относящихся къ сношеніямъ Россіи съ Швецією. Она имѣла 3 изданія: 1717, 1719 и 1722. Авторъ ея—баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ, пользовавшійся большою довѣренностію Петра.

[2]) и [11]) Отъ муж. «имперій» вм. жен. «имперія».

[3]) Объявленіе иностраннаго двора по какому-нибудь случаю.

[4]) Циркуляръ какого-нибудь двора къ другимъ дворамъ.

[5]) Обстоятельствъ (conjoncture).

[6]) Образованныхъ.

[7]) Клеветы.

[8]) Поношеній, поруганій.

[9]) Владѣтельныя особы, государи.

[10]) Шведское (отъ Свѣя—Швеція).

XII.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, САМУИЛА ПУФФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1718) (1).

Филиппъ II, король испанскій.

Подъ Філіппомъ вторымъ королемъ необычное монархіи Ішпанскои велічество умалятіся начатъ. Ніже къ тому возможно бяше вся Государства прілучіти, понеже бракъ Філіпповъ состоявшіися съ Маріею королевою брітанскою, не токмо недолголѣтныи, но и безплодныи бысть. И сіе ўбо въ первыхъ по моему разсужденію ѕѣло Ішпанскія сілы оскорбіло (2), яко отдавши Фердінанду (3) брату страны немецкія, послѣ Кароль (4) Імператоромъ его огласіти повелѣлъ. Которою вещію, не токмо сілы народа своего сламанныи и разрушенныи сотворілъ, но и достоінство Імператорское отъ Ішпановъ отъято. Аще же и хотяше послѣ, да бы Фердінандъ Філіппа наслѣднікомъ кесарства огласілъ, обаче сіе не восхотѣлъ сотворіти, паіпаче совѣтомъ Матоея сына подтвержденъ, да бы полученное при себѣ задержалъ. Онъ въ началѣ господамъ немецкімъ доброхотенъ былъ, и любімъ, Филиппъ же ненавідімъ, понеже каковъ нібылъ, весь Ішпанъ былъ, и ніже языка немецкаго умѣлъ. Протчее же Фердінандъ, и которые вскорѣ по немъ были наслѣдніки, ѕѣло доброхотны были, ніже тако Ішпановъ слушаху, но паче часто о намѣреніи и воли ихъ небрежаху. Паіпаче же сілы Ішпанскія раззорены суть бунтами Белгійскіми, которые аки неуврачеванная язва, яже ракъ именуемая разшірішася, яко частію безвременно завладѣти Ішпанією, имѣлъ препятіе, и не брежаше своімъ прісутствіемъ ѕло оное воспятіти, донелѣже ѕѣло умножіся, подобнѣ яко и отецъ его сотворілъ былъ, иже хотящи Гандаву (5) градъ едіныи усміріти, Франціцкови тяжчаішему своему непріятелю, подъ власть и послушаніе неусумнѣлъ датіся: частію же егда хотяше жестоко на бунтовщікахъ мстітіся, Князя Албанскаго (6), человѣка жестоконравнаго надъ Белгами отъ древле подъ мілостівымъ владѣніемъ жіти пріобыкшіми, поставілъ: которыи въ отчаяніе бѣдныхъ пріведе: паіпаче егда изъявленно бысть отъ Істязателеи Святыхъ вопросовъ (7), яко не токмо бунтовщікі и Іконоборцы должни главою казнены быти, но и саміи каѳолікі, которые имъ несопротівляліся. Тѣмже нѣкіи началнікъ Ішпанскіи, именемъ Антоніи Варгасъ ѕѣло красно по латінѣ, аще Богомъ угодно: изрече: (haeretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt conra, ergo omnes Debent Patibulare. Сіесть еретікі раззоріша храмы, а сопротівъ нічтоже доброе сотворіша, убо всѣхъ подобаетъ повѣшати): но еще неімовѣрно, Ішпановъ ненавідяху Белги не точію ради обычаевъ несогласія, но такожде что оные у Кароля 5 (8), подобнаго имъ ѕѣло въ велікои чести бяху, протівнымъ же образомъ Філіппъ токмо Ішпановъ своіхъ почіталъ, которые нестерпімою гордостію вознесшіися хотяху Белгомъ, которыхъ невоенныхъ мняху, сопротівітіся. Такожде и о семъ скорбяху, яко Белги вещи новыя замышляли, понеже едіно сіе имъ бысть желаніе, да бы король преславныя и древнія Белгекія отрінувши прівілегія, превелікое оное государство ни которыхъ законовъ имущее восприялъ. И тако брань въ инномъ мѣстѣ начавши, съ котораго Французовъ и Брітанновъ побѣждати возмоглибы, Ішпанскую монархію къ превелікои чести и славѣ вознести хотяху. Но Белги свободу свою сердечно защіщаху, ніже сего хотяху попустіти, да бы они въ сравненіи съ народами побѣжденными были.

Егда убо Філіппъ отъѣжжаючи изъ Белгіи, хотя усміріти ненависти, Іспанскія помощи и сілы оставіти хотяше, Князя Авріатскаго, и Коміта Эгмонданскаго (9) надъ німя поставіти тщашеся, но они весма сопротівішася, глаголюще: яко аще сіцевымъ игомъ обтягчены будутъ, то не миромъ, но бранію подъ иго должни завоеваны быти; погранічные такожде и въ первыхъ Елісавета Королева Аглінская, віда сіцевыя смятенія, нікакімъ образомъ хотяше сего случая опустіти, да бы Іспанскія сілы и богатства могли сміріти: протестанты тожъ немецкія Іспановъ ѕѣло ненавідящія и смятеніямъ ихъ ради помощъ Авріатскому велікую подаваху: Імператоры же токмо своя празднованія цѣло сохраняти, и како нѣмцомъ угодіти наче тщахуся, нежели како помоществовати бліжнімъ. И по тому убо случаю бунтовъ Белгіискіхъ, брань между Філіппомъ и Елісаветою королевою началася: которою не токмо всякіми образы, иміже можаше Белгомъ помоществоваше, но такожде пололівши карабли Індіи западнои превелікія Іспаномъ убытки сотворіла. Драконъ (10) такожде преславныи мужъ самыя полуденныя Америки страны опустошаше. Філіппъ же своіми денгами въ Гіберніи (11) бунтовщіковъ содержащи, много королеву оскорбляше. На конецъ Філіппъ Брітанію въ конецъ разоріти хотяше, сего ради чрезъ многія лѣта флотъ созідаетъ, которыи именованъ бысть непобѣдімыи (12), и даже до того времени нігдѣже флотъ равныи тому обрѣташеся. Состояшеся во стѣ и пятідесятъ караблахъ, на которыхъ было пушекъ мѣдныхъ 1600, желѣзныхъ 1050, карабелніковъ 8000, воінства 20000 кромѣ благородныхъ и самоволныхъ (13). Къ содержанію же флота того, на всякъ день 30000 золотыхъ выходіло, которые всѣ счісливши, сто двадесять кратъ сто тысящеи издержано. Сікстъ же Папа Рімскія прокляревши Елісавету, королевство Філіппу прісуділъ. Но внічто обратіся пріуготовленіе толь велікое, егда велія часть флота онаго ово отъ Англічанъ и Батавовъ (14), ово бурею и непогодами на Океанѣ нѣмецкомъ погублена, тако, яко ѕѣло мало кораблеи въ Іспанію возвратішася. И не бяше сіцевыи домъ благородныи, въ немже по своіхъ погібшіхъ гласы плачевныя не слышахуся. Обаче удівішіся мощно не удобовѣрному Філіппа велікодушію, иже не утѣшную восиріявши вѣсть, нікаковаго скорби и печали, на себѣ изъявілъ знаменія, токмо едінъ сеи глаголъ изрече: кое зло съ вѣтрами и волнами брань творіти імъ повелѣ; лѣта 1588. Оттуду Англічане Батавовъ въ союзство пріявши, флотъ Іспанскіи при Гадесахъ (15) побѣждаютъ, караблеи премного всякімъ пріпасомъ и вещами исполненныхъ, уловляютъ, и самыи градъ плѣняютъ: которыи разоренныи Комітъ Эссексінскіи (16) вождь Аглінскіи съ велікімъ безчестіемъ оставілъ, и аще бы сего несотворілъ веліе бы тамо пораженіе Іспаномъ могло быти, лѣты 1596.

¹) «Введеніе въ Гисторію Европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, таже чрезъ Іоанна Фрідеріка Крамера на латінскіи преложенное, нынѣ же повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Велікаго Князя Петра Перваго, Всероссінскаго Імператора на Россійскій съ латінскаго преведенное. Печатано въ Санктпетербурхѣ, 1718, декабря въ 5 день». Переводчикъ, Гавріилъ Бужинскій, посвятилъ свой переводъ Петру I, по возвращеніи его, въ 1717 г., изъ заграничнаго путешествія. Въ предисловіи выражается радость о возвращеніи Государя, который возвелъ Россію на такую степень величія, что всѣ европейскіе народы принуждены измѣнить о ней свое мнѣніе и признать ея могущество. Какой же видимый знакъ душевнаго веселія принести отцу отечества? переводчикъ приноситъ ему переводъ, уподобляя даръ свой чашѣ воды, предложенной персидскимъ поселяниномъ своему государю, который принялъ ее «паче всѣхъ пребогатыхъ дарованій». Слѣдуетъ потомъ описаніе пользы историческихъ книгъ и примѣры великихъ людей, любившихъ за-

заниматься исторіею. Далѣе говорится о самомъ переводѣ, который сдѣланъ съ латинскаго Крамерова перевода, а не съ подлинника, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Бужинскій не зналъ. Въ заключеніе переводчикъ снова обращается къ Петру. Второе изд. Введенія – 1723 г. Другой переводъ съ нѣм. принадлежитъ Волкову (1767). Книга Пуфендорфа (историка и юриста, р. 1632, у. 1694), «сладостно отъ всѣхъ чтомая», была, какъ и другія его сочиненія, въ великомъ уваженіи: «многія князи и начальницы учителемъ чадъ своихъ книгу сію толковати повелѣваху, наставляюще ихъ и поучающе отъ исторіи благаго правленія». Достоинство ея предисловіе полагаетъ въ томъ, что она кратко, разумно и въ порядкѣ излагаетъ дѣянія государствъ, чуждаясь «фабулъ, басней и забабоновъ» (вздорныхъ, нелѣпыхъ розсказней). Переводъ Бужинскаго, запрещенный указомъ 25 іюня 1738 г., за неприличныя въ немъ, по словамъ митр. Евгенія, тогдашнему времени изъясненія, разрѣшенъ указомъ 17 ноября 1743 г. Неизданные переводы той же книги см. въ Опис. рук. Толстаго (I, 247 и 248; II, 125 и 427). Переводы другихъ сочиненій Пуфендорфа. «О состояніи нѣмецкаго государства», «О законахъ естества и народовъ» (I, 344, 368 и 369). О должностяхъ человѣка и гражданина, переводъ Бужинскаго (нап. 1726).

[2]) Ослабило, ограничило.
[3]) Фердинандъ 1.
[4]) Карлъ 5.
[5]) Гентъ.
[6]) Герцога Альбу.
[7]) Инквизиторы.
[8]) Карлъ V.
[9]) Принца Оранскаго и Графа Эгмонта.
[10]) Дракъ, англ. мореплаватель.
[11]) Ирландія.
[12]) Непобѣдимая Армада.
[13]) Волонтеровъ.
[14]) Голландцевъ.
[15]) Кадиксѣ.
[16]) Графъ Эссексъ.

XIII.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО (1719) ([1]).

Вопервыхъ наіпаче всего должни дѣти отца и матерь въ великои чести содержать. И когда отъ родітелеи что имъ пріказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а пред німи не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садітися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ веліхімъ почтеніемъ не съ німи врядъ, но не много уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторыи или слуга. Въ домѣ нічего своімъ имянемъ не повелѣвать, но имянемъ отца или матере, отъ челядінцевъ просітелнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особлівыя слуги, которыя самому ему подвержены бываютъ. для того, что обычаіно служітели и челядінцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господіну охотно служатъ. А окромѣ того, часто проіеходятъ ссоры и веліхія между ими бываютъ отъ того матежи въ домѣ, такъ, что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежітъ.

2. Дѣти неімѣютъ безъ имянного пріказу родітелского, нікого бранітъ, или поносітельными словами поренать. А ежели то надобно, и оное они должни учінітъ вѣжліво и учтіво.

3. У родітелеи рѣчеи перебівать не надлежітъ, и ніже прекословітъ, и другіхъ ихъ сверстніковъ въ рѣчи не впадать ([2]), но ожідать пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять, на столъ, на скамью, или на что иное, не опиратся, и не быть подобнымъ деревенскому мужіку, которои на солнцѣ валяется, но стоять должни прямо.

4. Без спросу не говорітъ, а когда и говорітъ имъ случітся, то должни они

благопріятно, а не крікомъ и ніже съ сердца, или съ задору говорить, не якобы сумозброды. Но все что имъ говоріть, имѣетъ быть правда истінная, ни прібавляя и не убавляя ни чего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтівыхъ словахъ предлагать; подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокімъ лицемъ говоріть случілось, да бы они въ томъ тако и обыкли.

5. Не прілічно имъ руками, или ногами, по столу вездѣ колобродіть, но смірно ѣсти. А вілками и ножікомъ по торѣлкамъ, по скатерти, или по блюду не чертіть, не колоть, и не стучать, но должни тіхо, и смірно, прямо, а не избоченясь сідѣть.

6. Когда родітели, или кто другіи ихъ спросятъ, (позовутъ) то должни они къ німъ отозватца и отвѣщать тотъ часъ, какъ голосъ послышатъ. И по томъ сказать что изволіте государь батюшко; или государыня матушка, или что мнѣ пріка̀жете государь; а не такъ, что, чего, што, какъ ты говорішъ, чегохо чешъ. И не дерзостно отвѣщать: Да, такъ, и ніжѐ вдругъ наотказъ молвіть, нѣтъ; но сказать: такъ мои государь, слышу государь: я выразумѣлъ государь, учіню такъ, какъ вы государь пріказали. А не смѣхомъ дѣлать якобы ихъ презірая, и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно прімѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать, и прежняго паки вдругорядь не спрашівать.

7 Когда имъ говоріть съ людьми, то должно имъ благочінно, учтіво, вѣжліво, разумно, а не много говоріть, потомъ слушать, и другіхъ рѣчи неперебівать, но дать все выговоріть, и по томъ мнѣніе свое, что достоіно, предъявіть. Ежели случітся дѣло и рѣчь печалная, то надлежітъ при такіхъ быть печалну, и имѣть сожалѣніе. въ радостномъ случае быть радостну, и являть себе весела съ веселыми. А въ прямомъ дѣлѣ и въ постоянномъ, быть постоянну, а другіхъ людеи разсудковъ (3) отнюдъ не презірать и не отметать. но ежели чіе мнѣніе достоіно и годно, то похвалять, и въ томъ соглашатца. ежелиже которое сумнітелно, въ томъ себя оговоріть, что въ томъ ему разсуждать не достоіно. А еже ли въ чемъ оспоріть можно, то учініть съ учтівостію и вѣжлівыми словами, и дать свое разсужденіе на то, длячего. А ежели кто совѣту пожелаетъ, или что повѣріть, то надлежітъ совѣтовать сколко можно, и повѣренное дѣло содержать таіно.

8. Съ духовными должни дѣти вездѣ благочінно, постоянно, учтіво и вѣжліво говоріть, а глупости нікакои не предъявлять. Но о духовныхъ вещахъ и о чінѣ ихъ, или духовныя вопросы предлагать.

9. Нікто себя самъ много не хвали и не унічіжая (не стыдя) и не срамоти, и ніжѐ дѣла своего возвелічівая, разшіряя болѣ, нежели какъ оное въ подлінномъ дѣиствѣ состоітъ, и нікогда роду своего и прозванія безъ нужды не возвышая, ибо такъ чінятъ люди всегда такія, которыя не вѣдавнѣ токмо прославились. А особліво въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весма не надлежітъ того дѣлать, но ожідать, пока съ стороны другія похвалятъ.

10. Съ своіми или съ посторонніми служітели гораздо не сообщаіся. Но ежели оныя прілѣжны, такіхъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудліви) будучи, незнаютъ держать мѣры. Но хотятъ при случаѣ выше своего господіна вознестісь, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прілѣжно когда что хощешь о другіхъ говоріть опасаіся, чтобъ при томъ слугъ и служа—

ногъ не было. А имянъ не упоминай но обіняками говори чтобъ дознатца было неможно, потому что такія люди много пріложіть и прібавіть искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ прісутствіи ихъ, почітай, и въ нуждѣ ихъ, имъ служи, также и о умерших никакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдъ не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣніво, не бодро, а разумъ ихъ затміется и иступится, потомъ изтого добра нікакова ожідать можно, кромѣ дряхлова тѣла и червоточіны, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младыи отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбівъ, прилѣженъ и безпокоенъ (4), подобно какъ въ часахъ маетнікъ, для того что бодрыи господінъ ободряетъ и слугъ: подобно яко бодрыи и рѣзвыи конь учіняетъ сѣдока прілѣжна, и осторожна. потому можно отъчасти смотря на прілѣжность и бодрость или радѣніе слугъ признать, како правленіе котораго господіна состоітъ и содержітся. ибо не напрасно пословица говорітся, *каковъ ігуменъ такова и братія.*

Како младыи отрокъ долженъ поступать, когда оныи въ беспдѣ съ другіми сідітъ.

Когда прилучитца тебѣ съ другіми за столомъ сідѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу.

Въ первыхъ обрѣжъ свои ногти, да не явітся яко бы оныя бархатомъ обшіты. Умой руки и сади благочінно, сіди прямо, и не хватай первой въ блюдо, не жри какъ свинія, и не дуй въ ушное (5) чтобъ вездѣ брызгало, не сопи егда яси. Первой не пій, будь воздерженъ, и бѣгай піянства, пій, и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдніи. Когда что тебѣ предложать, то возми часть изъ того, протчее отдай другому, и возблагодари ему. Руки твои да не лежать долго на талеркѣ (6), ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ піть, не утірай (рта) губъ рукою, но полотенцомъ, и не пій пока еще піщи не проглотілъ. Не облізывай перстовъ, и не грызи костей, но обрѣжъ ножемъ. Зубовъ ножемъ не чісти, но зубочісткою, и одною рукою прікрой ротъ когда зубы чістішъ, хлѣба пріложа къ грудямъ не рѣжъ, ѣшъ что предъ тобою лежітъ, а индѣ не хватай. Ежели передъ кого положітъ хощешъ, не пріимай перстами какъ нѣкоторыя народы нынѣ обыкли. надъ ѣствою не чавкай, какъ свінія, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. часто чіхать, сморкать, и кашлять не пригожо. Когда яси яіцо, отрѣжъ напредь хлѣба, и смотри чтобъ притомъ невытекло, и яждь скоро. яішнои скорлупы не разбівай, и пока яси яіцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти, и не облізывай перстовъ, около своеи талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и протчаго. когда престанешъ ясти, возблагодари Бога, умой руки и ліце, и выполощи ротъ.

[1]) «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ». Здѣсь содержатся: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ печатныхъ и рукописныхъ; слози двописменнія и триписменнія; нравоученія отъ Священнаго Писанія по алфавиту избранная; числа церковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія) и римскія;зерцало житейскаго обхожденія. Книжка эта, изданная по повелѣнію Петра I, пользовалась въ свое время почетомъ. Историкъ Татищевъ рекомендуетъ ее сыну своему, въ Духовномъ завѣщаніи: «Малая букварь, или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить можетъ». Любопытно, въ правилахъ житейскаго обхо-

жденія, употребленіе пословицъ, которыя Императоръ Петръ I любилъ. Всѣхъ изданій было четыре (1719, 1723, 1740, 1745).

²) Вмѣшиваться.

³) Разсудовъ (отъ разсудъ)—разсужденій, мнѣній.

⁴) Постоянно дѣятеленъ.

⁵) Уха. Здѣсь употреблено въ смыслѣ супа вообще.

⁶) Тарелкѣ (нѣм. Teller).

XIV.

ПОХОЖДЕНІЯ ТЕЛЕМАКА (1724). (¹).

(Съ рукописи Императорской Публичной Библіотеки).

Калипсо, по отшествіи Улиссовомъ, утешитись не можетъ; въ печали своея бѣдную себя называетъ, что бѣзсмертна; въ пещере ея сладкого пения уже нетъ; нимоы, служащия еи, молчатъ і не смѣютъ промолвити. Часто едина по лугамъ цвѣтущимъ гуляетъ, которыми вѣчная весна островъ ея украсила; но оные красные мѣста скорби ея не облегчали, но паче Улиссе (²) еи воспоминали, которого на сихъ веселыхъ мѣстахъ многожды видала і съ нимъ гуляла. Часто стояла недвижимо на брегу моря, обливая его слезами и обращаяся непрестанно на страну, гдѣ корабль Улиссавъ, разсекая морския волны, отъ очеи ея скрылся (³). Внѣзапу увидѣла остатки карабля разбитого: лавки гребцовъ на части поломаны; весла на пескѣ повсюду разметаны; кормило, машты, конаты къ брегу плывутъ. Потомъ зритъ издалеча два человѣка: единъ старъ, а другиі младъ, подобѣнъ Улиссѣ приятностию, бодростию, возрастомъ своимъ і велѣдушиемъ. Богиня проразумѣла быти Тѣлемаку, сыну преславного мужа Улисса; но хотя боги превосходятъ въ познаніі всякого человѣка, однакожъ не могла увѣдати, кто онои почтенны мужъ съ Телемакомъ: отъ вышнихъ боговъ изволение скрывати отъ нижныхъ всѣ, что хотятъ. Минерва, спутница Телемакова, подъ видомъ і имянемъ Мантора (⁴), не хотела и Колипсѣ открытися; но Колипсо сему разбитию карабѣлному радуется, понеже принесло на ея сына Улиссова, его родителю подобного. Идетъ къ нему, якобы его не знала, и говоритъ ему: откуда вамъ далося дерзновение къ сему острову пристати (⁵)? ведаешли, о юноше іностранныи, что близь моего владения никто безъ наказания не приближается. Хочетъ такими грозными словами скрыти радость своего сердца, которая на лицѣ ея сияетъ.

Телемакъ отвѣщаетъ: не знаю, кто ты, о благопочтенная богиня или человѣкъ (хотя всякъ, видя тебя, за богиню почтетъ); возможно ли тебѣ немилостивои быти къ нещасному, которои ищетъ отца, вдавшеся ветромъ і волнамъ і видя карабль его разбиты у твоихъ горъ. Она же вопросила его: кто отецъ твои? кого ищеши? Улиса, говоритъ Телемакъ, единъ отъ царей, которыя, по десятолѣтнои осаде, разорили преславную Трою. Імя его прославилося по всеи Греческои землѣ і по всеи Азіі, ради его мужества на воинахъ, опаче ради его премудрости въ совѣтехъ; нынѣ окружаетъ моря і плаваетъ чрезъ камение и пороги страшныя, въ отечество свое приити не можетъ; жена его Пенелопія і я, сынъ его, отчаявши паки его видити, бѣзнадежды пребываемъ, и я, съ такимъ страхомъ бѣгая повсюду, хощу вѣдати, гдѣ онъ обрѣтается. Что я говорю? можетъ быть, что онъ нынѣ покрытъ во глубинѣ бѣздны морския. Умилися надъ бѣднымъ, о богиня! будѣ

знаеши, какой предѣлъ положенъ—ко спасенію или погибели Улиссовой—изволь сказать сыну его Телемаку. Калипсо удивилася і умилилася, видя въ такой юности, младости многую мудрость и сладкоречие; не можетъ видениемъ очей своихъ насытити и стоитъ долго молча; потомъ промолвила: скажу тебѣ все, что отцу твоему случилося, но повѣсть его не малая, а тебѣ время отъ всѣхъ трудовъ твоихъ упокоитися. Пріиди въ домъ мой: пріиму тебя яко моего сына; пріиди: будешъ мнѣ утѣшение въ сей пустыни и будешъ жити благополучно, толко умей себя содержати.

[1]) «Похожденіе Телемака, сына Улиссова; сложеніе чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ Делямонтъ Фенелонъ, учителя государей дѣтей француженскихъ, потомъ архіепископъ дюкъ декамбре и князь святыя имперіи; новыя печати. Съ подлинного манускрипта авторова умножена и исправлена. Двѣ части. Нынѣ внове переведеся на россійской языкъ. Спб. 1724». Переводъ полный. Слово: «внове» показываетъ, что сочиненіе Фенелона переводилось и прежде 1724 г.

[2]) Вѣроятно пропущенъ предлогъ «о» (о Улиссѣ).

[3]) У Тредьяковскаго: «корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.»

Эти стихи Дельвигъ находилъ единственно-хорошими въ цѣлой Тилемахидѣ.

[4]) Манторъ или Менторъ—другъ Улисса, который, отправляясь подъ Трою, препоручилъ ему надзоръ надъ своимъ домомъ. Фенелонъ вывелъ, подъ видомъ Ментора, самую Минерву, чтобы тѣмъ болѣе придать важности его мудрымъ наставленіямъ.

[5]) Въ Тилемахидѣ:
Ты съ чего, рекла, воспріялъ толикую дерзость,
Что къ моему привадивъ такъ-острову, вышелъ на сей же?

Отсюда можно видѣть различіе въ конструкціи рѣчи между нескладнымъ стихотворнымъ переложеніемъ Тредьяковскаго и прозаическимъ переводомъ, для своего времени очень удовлетворительнымъ.

XV.

АПОЛЛОДОРА БИБЛІОТЕКИ ИЛИ О БОГАХЪ, ПЕРЕВ. БАРСОВА (1725). ([1]).

Борьба Гигантовъ съ богами (книга 1, глава 6).

Геа (или земля), скорбящи о Тітанахъ ([2]), родила отъ Ураноса (или неба) ([3]) богатырей, не токмо величествомъ тѣла всѣхъ превосходящихъ, но и силою непреодолѣнныхъ: которіи страшни убо взоромъ видѣлися ([4]), отрастивше великія власы на главѣ и брадѣ; а на ногахъ имѣли чешую ѕмеиную. И какъ нѣкоторые сказываютъ, что они жили во Флеграхъ ([5]), а какъ иные глаголютъ — въ Пеллинѣ ([6]). И на небеса метали каменіе и древеса горящія; отъ нихъже лучшіи всѣхъ былъ Порфvріонъ и Алкvоней ([7]), который тою землею, въ нейже рожденъ бысть, сражаяся, безсмертенъ былъ ([8]), сейже ([9]) и Иліевыхъ (то есть Солнцевыхъ) ([10]) воловъ изъ острова Ервѳіи ([11]) отгналъ. А между богами рѣчь была, что богамъ не можно убить ни одного богатыря; а ежели будетъ съ богами кто смертный, то боги погубятъ богатырей. Сіе егда Геа (или земля) услышала, искала противнаго ѕелія, чтобъ ни отъ смертнаго не можно было имъ убитымъ быть: Зевсъ же Иоѣ (зарницѣ) ([12]), Селинѣ же (лунѣ) ([13]) и Илію (солнцу), запретивъ свѣтити, а самъ, оное ѕеліе, предваривъ ([14]), подкосилъ. А Иракл еа ([15]) споборника чрезъ Аѳину ([16]) призвалъ. И онъ ([17]) перво всѣхъ стрѣлою застрѣлилъ Алкvонеа; а самъ ([18]) наиболше отъ земли нагрѣвался (то есть силу умножалъ). Аѳина же, когда о томъ Ира-

клію объявила, онъ изъ Пелланы града вонъ выволокъ его, и тако онъ умиралъ. Порфvріонъже противу Ираклія и Иры (19) на брань устремился.... Тогда Діи (20) перуномъ ударилъ его, а Ираклій, стрѣлою застрѣливъ, убилъ. Отъ прочіихъ же Аполлонъ убо Эфіалту лѣвыи глазъ выстрѣлилъ, а Ираклій правыи; а Эvрита дубовою палицею убилъ. Клvтіа же, сказуютъ, (что убила) Еката (21), а паче Ифестъ (22), метая желѣзомъ. Аѳина же на Егкелада бѣгущаго островъ Сіцілію наложила, а съ Палланта кожу содравши, на бою тѣло свое покрывала ею. Полvвотъ же, прогнанъ чрезъ море отъ Посідона, пришелъ въ островъ Ко (23): Посідонъ же, отъ острова часть отторгъ, бросилъ на него, которая (часть) называется островъ Нисvръ (24). Ермеи (25) убо Аідовымъ (то есть, адовымъ) (26) шлемомъ покрытъ на бою, убилъ Іпполvта, а Артеміда (27) Гратіона. Міры же (28) Агріа и Ѳоона убили, которые мѣдными дубинами билися, а иныхъ Зеvсъ перунами погубилъ, и всѣхъ погибающихъ Ираклій стрѣлами застрѣлялъ. Егда же боги побѣдили Гігантовъ (или богатырей), Геа (или земля), наипаче оскорбившися, совокупляется съ тартаромъ, и родила Тvфона въ Сіціліи, которыи имѣлъ смѣшаную натуру, человѣческую и ѕвѣрскую Сеи убо какъ величествомъ... костію тѣла, такъ и силою превосходилъ всѣхъ, которыхъ Земля родила: у него же до стегнъ (29) безмѣрное было величество человѣкообразное, такъ что выше всѣхъ горъ быть видѣлся; а глава его многажды до ѕвѣздъ касалася; руки у него были, одна протягнена на западъ, а другая на востокъ, изъ нихже выходили сто главъ ѕмеіныхъ, а отъ стегнъ превеликія клубы эхіднъ имѣлъ, ихже ошиби (30), къ самому верху протягнени, великіи свистъ испущали. И все тѣло его обрасло перьемъ; на главѣ же и брадѣ имѣлъ гнусныя власы распущены на вѣтеръ; а очи какъ пламень блистали. Таковъ и толикъ будучи Тvфонъ, метая на самое небо горящія камни, съ свистомъ купно и шумомъ носился; а изъ устъ его великіи кипѣлъ вихорь. Боги же, егда увидѣли его на небо устремляющася, бѣгомъ ушли въ Егvпетъ, и какъ видѣли что ихъ гонитъ, въ различныя виды животныхъ прелагалися (31). Зеvсъ же на Тvфона, далече суща отъ себе, металъ перунами; егда же близъ бысть, съ алмазнымъ серпомъ налетѣлъ на него, и бѣгуща гналъ до горы Касіа (32). Сія же гора прилежитъ Сvріи. И тамо егда увидѣлъ его изъязвлена, драку съ нимъ учинилъ. Тvфонъ же, клубами (Эхіднъ) обвився, Діа удержалъ; и отъемъ серпъ, пресѣкъ жилы у рукъ и у ногъ, и взявъ на плеча, пренеслъ его чрезъ море въ Кілікію (33); и пришедъ въ Корvцкіи вертепъ (34), съ себе сложилъ; такъ же и жилы, скрывъ въ медвѣжью кожу, тамже спряталъ, и приставилъ (дѣвку названную) Ѕмеику Делфvну (сія же дѣвица была половина звѣря). Ермій же и Егіпанъ (35), украдше жилы таино, Дію припаяли. Зеvсъ же, прежнюю воспріявъ силу, внезапу съ неба, крылатыми коньми возимь на колесницѣ, ударивъ перунами, прогналъ Тvфона на гору глаголемую Нvсу, гдѣ Міры загнана его прелстиша, понеже уговорили его, что наипаче будетъ силенъ, того ради, плодовъ обыденныхъ (по инымъ зрѣлыхъ) вкусилъ: чего для, паки нагоняемь, ушелъ во Ѳракію, и окрестъ Ема (36) горы біяся, всѣ горы разстрѣлялъ. И егда тѣ горы отъ Перуна паки на него метаны были, тогда на горѣ много изтекло крови; и сказываютъ, что отъ того названа гора Емонъ (отъ греческаго реченія Эма, то есть кровь). И какъ устремился онъ бѣжати чрезъ Сіцілиское море, Зеvсъ накинулъ на него гору Этну въ Сіціліи. Сіяже гора превелика есть: изъ нея же, сказываютъ, что до нынѣ отъ наметаныхъ

перуновъ бываетъ огненное дыханіе; но о сихъ убо до здѣ глаголано нами бысть ([57]).

[1]) «Аполлодора, Грамматіка Аѳинейскаго (*), библіотеки или о богахъ. Напечатася повелѣніемъ Императорскаго Величества въ Москвѣ 1725 году, въ Генварѣ». Переводъ сдѣланъ Алексѣемъ Барсовымъ, справщикомъ Московской Духовной Типографіи, и впослѣдствіи директоромъ ея. Изданіе весьма тщательно, представляя читателю приложенія, нужныя для уразумѣнія сочиненія. «Предисловіе къ читателю», написанное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, сообщаетъ извѣстіе объ авторѣ, излагаетъ содержаніе книги и показываетъ причину ея перевода: «Державнѣйшій Императоръ нашъ Петръ Великій отъ любомудраго съ людьми учеными собесѣдованія, въ яковомъ онъ (получая отъ многотрудныхъ попеченій своихъ нѣкую свободу) паче прочіихъ утѣхъ охотно упражняется, возъимѣлъ честное любопытство, откуду язычницы производятъ начало суетнаго своего многобожія, и естьли о томъ нѣкая языческая исторія. И услышавъ о семъ авторѣ Аполлодорѣ, возжелалъ обрѣсти его, и обрѣтеннаго на еллинскомъ діалектѣ купно съ переводомъ латинскимъ повелѣлъ на русскій нашъ языкъ перевесть и напечатать. Вина же того не простое Его Величества любопытство было, но съ намѣреніемъ великой въ народѣ нашемъ пользы. Понеже бо Апостолъ Духомъ Святымъ нарече, что любящимъ Бога вся поспѣшествуетъ во благое, то и языческая, аще и ложная и суевѣрная писанія, можетъ боголюбивый христіанинъ обратить себѣ къ созиданію. И якоже Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы, Божіею помощію, можемъ и во вредномъ пользу получить. И сіе вѣдуще древніи отцы наши, Святіи церковніи учители, не токмо отъ чтенія книгъ еллинскихъ не удалялися, но и учениковъ своихъ къ чтенію оныхъ поощряли, о чемъ собственное слово написалъ Василій Великій, къ юношамъ учащимся; и ясно видимъ, какъ прилежно трудилися въ таковыхъ-то книгъ чтеніи великіи оныи христіанскаго сословія столпы: Іустинъ мученикъ, Кипріанъ и Ириней священномученицы, Климентъ Александрійскій, Евсевій Памфиловъ, Аѳанасій Великій, Василій, Златоустъ, Нисскій и Назіанскій Григоріи, Іерусалимскій и Александрійскій Кириллы, Августинъ, Іеронимъ, Ѳеодоритъ и многіи прочіи; ибо въ книгахъ ихъ многая словеса видимъ отъ Омира, Платона, Аристотеля и иныхъ еллинскихъ писателей произносимая». За предисловіемъ слѣдуетъ: «Предъувѣщаніе любопытному читателю отъ переводчика». Послѣ библіотеки Аполлодора помѣщено: «Изслѣдованіе Самуила Бохарта о родословіи первыхъ боговъ языческихъ, како оное изъ истинной исторіи Священнаго Писанія языки вышлели развращеніемъ». Оно дополняется разсужденіемъ Ѳеофана Прокоповича: «О другихъ знатныхъ слѣдахъ священной исторіи, обрѣтающихся въ еллинскихъ басняхъ». Въ концѣ приложены: «Каталогъ собственныхъ именъ греческихъ, съ означеніемъ употребленія ихъ россійскаго», и «Экстрактъ изъ Аполлодоровой книги сумнѣнныхъ рѣчей». Притомъ въ сочиненіи, противъ каждаго собственнаго имени иностраннаго поставлено въ скобкахъ русское. Другой переводъ (двухъ только книгъ) Аполлодоровой библіотеки (съ лат. В. П.) (*) напеч. 1787 г.

[2]) Дѣти Урана и Геи, низверженные Юпитеромъ въ адъ. Послѣ борьбы съ ними, Юпитеръ велъ войну съ гигантами.

[3]) Уранъ, отецъ Сатурна. Жена его Гея (земля), иначе Титея. По сказанію Гезіода, гиганты произошли изъ крови Урана.

[4]) Имѣли страшный видъ.

[5]) Флегры, городъ въ Кампаніи. Долина, близъ города Кумы, называется Phlegraei campi (champs phlégréens). Здѣсь, по сказаніямъ миѳологіи, боги сражались съ гигантами.

[6]) Городъ въ Ѳессаліи, при горѣ Пеліонѣ или Пеліосѣ, знаменитой въ миѳологіи тѣмъ, что гиганты хотѣли взгромоздить на нее гору Оссу, чтобы такимъ образомъ взойти на небо.

[7]) Имена гигантовъ: Порфиріонъ, Алкіоней, Эѳіальтъ, Эвритъ, Клитій, Энкеладъ, Паллантъ, Поливотъ, Ипполитъ, Гратіонъ, Агрій, Ѳоонъ.

[8]) Алкіоней долженствовалъ быть безсмертнымъ, если оставался на мѣстѣ своего рожденія. Подобно Антею, получалъ онъ новыя силы отъ прикосновенія къ землѣ. Поэтому Геркулесъ вытащилъ его изъ роднаго города.

[9]) Здѣсь это слово относится къ Порфиріону.

(*) Аполлодоръ, грамматикъ аѳинскій, ученикъ Аристарха, жившій почти за 150 лѣтъ до Р. Х. Сочиненіе его не дошло до насъ вполнѣ: мы имѣемъ только сокращенное его изложеніе, переведенное на лат. языкъ Сомюромъ, подъ названіемъ: «Apollodori Atheniensis bibliotheces, sive de Diis, libri tres. Здѣсь содержится исторія боговъ и героевъ до возвращенія Гераклидовъ въ Пелопонесъ.

(*) Подшиваловымъ.

[10]) Иліосъ или Геліосъ, сынъ Гиперіона. По его имени названо солнце.

[11]) Островъ близь Кадикса. Воздухъ на немъ (по древнему сказанію) такъ благорастворенъ, что люди раждаются тамъ безсмертными.

[12]) Эосъ или Аврора.

[13]) Селена или Луна.

[14]) Предупредивъ (Землю).

[15]) Ираклъ, Геркулесъ.

[16]) Паллада или Минерва.

[17]) Ираклъ.

[18]) Алкіоней.

[19]) Гера, Юнона.

[20]) Дій, Юпитеръ.

[21]) Геката, богиня ада. Также другое названіе Діаны.

[22]) Гефестъ, Вулканъ.

[23]) Иначе Станхо, островъ на Архипелагѣ.

[24]) Низаро, Низиросъ, островъ на Архипелагѣ.

[25]) Гермесъ, Меркурій.

[26]) Аидъ, Плутонъ.

[27]) Діана.

[28]) Парки.

[29]) Стегно, верхняя часть ноги до колѣна.

[30]) Ошибъ, хвостъ.

[31]) Меркурій въ ибиса, Діана въ кошку, Вакхъ въ козла, Вулканъ въ быка, и пр.

[32]) Гора въ Каменистой Аравіи. Здѣсь былъ храмъ Юпитера Кассійскаго. Есть также гора Кассія въ Антіохіи.

[33]) Страна Малой Азіи.

[34]) При городѣ Корикѣ (Coricus, нынѣ Курко), въ Киликіи.

[35]) Панъ.

[36]) Балканскія горы (Hemus).

[37]) Т. е.: но о семъ предметѣ уже достаточно.

XVI.

О ДОЛЖНОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА, САМУИЛА ПУФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1726). ([1]).

Изъ главы 2-ой: о правілѣ дѣйствъ человѣческіхъ или о законѣ общемъ и о правдѣ.

1. Понеже дѣйствія человѣческая отъ воли проісходятъ, воли же каждаго человѣка не всегда себѣ подобныя, но разныхъ въ разная идутъ, того ради для благочінія и изрядства въ родѣ человѣческомъ потребно было правілу нѣкоему быти, которому бы оныя воли согласоваліся. Инако бо, аще бы въ таковой свободности воли, и въ такой пріклонности ([2]), и хотѣніи различности, всякъ безъ разсужденія ко извѣстному правілу, еже бы хотѣлъ—творілъ, невозможно было бы не быти велікому смѣшенію и безчінію въ родѣ человѣческомъ.

2. Правіло оное именуется законъ, который есть декретъ, или установленіе, которымъ начальствующіи подчіненнаго своего обязуетъ, да бы по оному уставу своя дѣйствія согласовалъ.

3. Сіе правіла опредѣленіе да бы лучши уразумѣлося, вѣдати надобно: что есть обязателство? и откуду проісходітъ? кто пріяти обязателство, и кто тоежде другому наложіті можетъ? обще убо глаголется обязателство союзъ права ([3]), которымъ по нуждѣ прівязуемся повелѣнное исполняти: то есть, налагается чрезъ оное аки нѣкая узда свободности нашей, что хотя бы весма воля наша чего не хотѣла и разнствовала, обаче онымъ обязателствомъ, акі внутренніимъ движеніемъ познаваетъ, что аще положенному уставу дѣйствіе ея не будетъ согласно, то оное не добрѣ учініла; и тако аще кое отъ того ѕло человѣку пріключітся, то праведно себѣ оное долженъ вмѣнять. Ибо аще бы правіло сохранялъ, могъ бы отъ онаго ѕла ухранітіся.

4. А яко къ воспріятію обязателства человѣкъ способенъ, двоякая сего віна есть. Первая: что человѣкъ волю имѣетъ, которая къ разнымъ вещамъ склонна есть, того ради и къ правілу можетъ прістати. Вторая: понеже человѣкъ отъ власти на-

чалствующаго не свободенъ есть; ибо гдѣ дѣлающаго сілы по естеству къ едінообразному нѣкоему дѣйствію суть прівязаны, тамъ не свободное есть дѣйствіе: и таковому всуе полагать правіло, которыи онаго ніже познати, ніже къ оному прістати можетъ. А когда кто не имѣетъ надъ собою началствующаго, то для того самого нікто таковъ сыскатіся не можетъ, кто бы ему обязателство правілно могъ наложіті: ибо хотя онъ въ дѣйствіяхъ правілно поступать будетъ, и отъ нѣкоторыхъ дѣйствіи постоянно воздержітся, однакожъ оное не по обязателству нѣкоему, но собственнымъ изволеніемъ своімъ тое дѣлаетъ. Слѣдуетъ отъ сего, что оныи къ обязателству есть способенъ, кто имѣетъ началствующаго, и правіло предложенное можетъ разумѣти, и волю къ разлічнымъ вещямъ имѣетъ пріклонную, которая, познавші правіло, отъ началствующаго предложенное, поразумѣетъ, что неправілно отступаетъ отъ онаго. И таковъ по естеству своему есть человѣкъ.

5. Налагается же обязателство умамъ человѣческімъ собственно отъ началствующаго, то есть таковаго, которыи не токмо имѣетъ власть нѣкое бѣдство протівляющымся содѣлать, но которыи имѣетъ праведныя прічіны, для чего, по мнѣнію своему, воли нашея свободности хощетъ употреблятн (⁴). Таковая бо власть аще въ которомъ есть, тогда аще изволеніе свое объявітъ, то подобаетъ да бы умъ человѣческіи со страхомъ и почтеніемъ къ тому прісталъ: со страхомъ для власти, а съ почтеніемъ разсуждая прічіны, которые бы и безъ страха подвізать должны ко исполненію и восріятію воли его. Кто бы ни едінои прічіны показать не можетъ, для чего мнѣ, и не хотящу, обязателство хощетъ наложіти, кромѣ едінаго насілія; тои мене устрашіти можетъ, да бы, зла вящшаго удаляяся, ему повіновался. Но когда страхъ мінуетъ, тогда все могу паче по моеи воли, нежели по его дѣлать. Протівнымъ же способомъ (⁵) кто прічіны имѣетъ, для чего оному я долженъ повіноватіся, а сілы не имѣетъ бѣдствіе нѣкое мнѣ учініть, онаго повелѣнія безбѣдно могу пренебрещи: развѣ сілнѣйшіи кто за честь его пренебреженную вступітся. Прічіны же, для которыхъ кто праведно требовати можетъ, да бы другіи былъ ему подчіненъ, сія суть: аще отъ того сему велікія благодѣянія явлены; аще явітся что тои благожелаетъ ему, и о немъ смотреніе вящшее имѣетъ, нежели бы онъ о себѣ могъ имѣти. Такожде аще самымъ дѣломъ подъ его правленіемъ долженъ быть, и егда самъ себе доброволно подчінілъ и подъ правленіемъ тѣмъ быть восхотѣлъ.

¹) «О должности человѣка и гражданина по закону естественному. Книги двѣ, сочиненныя Самуиломъ Пуфендорфомъ, нынѣ же на россійскій съ латинскаго переведенныя, повелѣніемъ благочестивѣйшія великія государыни Екатерины Алексіевны, императрицы и самодержицы всероссійскія, благословеніемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода». Спб. 1726. Переводчикъ (Гавріилъ Бужинскій) посвятилъ свой переводъ Екатеринѣ I, а не Аннѣ Іоанновнѣ, какъ ошибочно значится у Сопикова (II, 3,256). Въ посвященіи объяснено, что книга эта должна бы была показаться «на россійскомъ оризонтѣ» — украшенною именемъ Петра, но кончина его тому воспрепятствовала; затѣмъ исчислены заслуги преобразователя Россіи—въ военномъ искуствѣ, по внутреннему устройству и особенно по изданію книгъ; потомъ разсказано, какъ Петръ, узнавъ, что во многихъ академіяхъ «аки алфавитъ употребляютъ въ наученіи юношъ книгу преславнаго юристы Пуфендорфа», пожелалъ видѣть се на русскомъ языкѣ, вручилъ се синоду для скорѣйшаго перевода, во время котораго нетерпѣливо спрашивалъ, скоро ли онъ будетъ окончены; что, не дожидаясь конца его, пожелалъ видѣть нѣкоторыя части, и получивъ 10 главъ 1-й книги (всѣхъ главъ 35), во многихъ мѣстахъ самъ исправлялъ ихъ и лично отдалъ въ типографію для печатанія; что при собраніяхъ сенаторовъ, во дворцѣ, на асамблеяхъ восхвалялъ эти 10 главъ, на-

зывая автора мудрымъ юрисперитомъ (законознателемъ). За посвященіемъ слѣдуетъ «Правдолюбивому россійскому читателю»: здѣсь кратко говорится о Пуфендорфѣ и его книгѣ и о переводѣ. Переводчикъ отклоняетъ отъ себя упреки читателя за темноту нѣкоторыхъ мѣстъ: «егда чтыи увидиши что неудобопонятное или реченіе кое примрачное, вѣждь, яко сему въ переводѣ потрудивыися невиновенъ есть; но трудности оныя суть вины, яко въ малую сію книгу авторъ толико вещей собралъ, яже въ превеличайшихъ волюминахъ (книгахъ) едва вмѣститися могутъ». Далѣе предложенъ реестръ реченій неудобно прелагаемыхъ съ лат. на рус. яз.; напр. spontaneitas — самоволіе, imputatio — вмѣненіе, norma — правило, injuria — безправіе или обида, hypothetica — виновныя или подпричинныя, conditio — прилогъ, cognatio — сродство, agnatio — свойство, factio — согласіе злое, interregnum — междугосударство, и проч.

[2]) Наклонность (inclinatio).

[3]) Т. е. обязательствомъ называется союзъ права (vinculum juris).

[4]) Ограничить (circumscribere).

[5]) Напротивъ.

XVII.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

А. СЛОВА И ПРОПОВѢДИ. (*).

1. *Слово о побѣдѣ подъ Полтавою въ 1709 г.*

Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ. (Марк. XI, 24).

Радуйтеся и веселитеся, Христоименитіи людіе! Ликуй и торжествуй Церковь Христова и православная великороссійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопріятно: уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша; цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей великороссійской. Нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдные благополучно собраны; плевелы же нечестивыхъ Шведовъ лютѣ пожаты, и иніи въ снопы связаны, а иніи сожжени. Процвѣте скипетръ державнѣйшаго Государя и плодъ принесе не сторичный, но безчисленный, коимъ всю свою державу насытилъ есть и вселенную всю безсмертною славою наполнилъ. Радуется убо Россійская держава, яко таковую Господь посла милость свою и побѣду Монарху нашему, каковой отъ начала міра не было: исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе царево — членовныя ([2]) льву Шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ; яко обѣща намъ, тако и сотвори, рече: просите и дастся вамъ, вся елика аще молящеся просите. (Марк. XI, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святѣй, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша, яко хвалитись ей съ Давидомъ Святымъ: растерзалъ еси вретище ([3]) мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ, спасе мя отъ устъ львовыхъ. (Псал. XXIX, 12).. Лютый оный звѣрь левъ, король шведскій, рыкаше и зіяше устами своими, хотя поглотити Россію; но прехрабрый Сампсонъ, нашъ Государь Царь, заградилъ есть уста тому льву, паче же растерза льва шведскаго. Побѣдилъ есть отъ колѣна Іудова побѣдитель Христосъ чрезъ Христа нашего Царя. Се большая сила орла царскаго, неже львова! Горняя сей мудрствуетъ, а не земная. Орелъ — царь есть воздушныхъ, левъ же земныхъ; орелъ отъ вышнихъ всѣхъ выше возвышается, левъ паки по земли

ползаетъ; орелъ свѣтло очи своя и зѣницы къ солнцу всегда обращаетъ, несмѣженно на лучи солнечныя смотритъ, а наипаче къ присносіяющему солнцу, еже есть Христосъ: Азъ есмь свѣтъ міру; левъ по пустынямъ, по вертепамъ крыется. Яко орелъ, Государь нашъ покры гнѣздо свое, царство свое, Церковь Христову, льва же растерза. Ярящеся левъ сей, гордящеся и хвалящеся Церковь святую и государство наше поглотити, но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти (4) быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся (Псал. XIX, 9.).

Хвалящеся прегордый онъ Голіаѳъ на новаго Божія Израиля, и глаголаше: мечь мой снѣсть мяса. Утну (5) мечемъ моимъ, пообладаетъ ихъ рука моя: не возвращуся, дондеже скончаются; но прехрабрый Царь Петръ, яко кроткій Давидъ, пращею Духа Святаго и каменемъ Христомъ, побѣдилъ есть. Мечи ихъ сломи, оружія сокруши, щиты сожже, иже имать мечь исходящій отъ устъ своихъ Христосъ. Святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: и видѣхъ изъ моря звѣрь исходящь, имущь главъ седмь, и роговъ десять: а на главахъ его имена хульна, и звѣрь, его же видѣхъ, бѣ подобенъ рыси, и нозѣ его, яко медвѣдя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змій силу свою, и видѣхъ едину отъ главъ его, яко заколену въ смерть (Апок. XIII, 1—3).

Звѣрь изъ моря есть король шведскій, имѣяй главъ седмь главнѣйшихъ генераловъ, который пройде Польшу, Литву, разорилъ домы Божія и обнажилъ, и дерзнулъ окаянный внити въ державу Государеву; но Господь, сокрушаяй брани, левъ отъ колѣна Іудова, побѣдоносный орелъ сокруши главы морскаго звѣря того, и самого уязви язвою смертоносною, еже пребудетъ неисцѣльна на вѣки.

Но и той съ клевреты (6) своими, который поклонился тому звѣрю, пріиметъ казнь и погибель свою, сице глаголетъ Писаніе: иже аще кто поклонится звѣрю, и іконѣ (7) его, и пріиметъ начертаніе на челѣ своемъ, или на руцѣ своей, и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ Ангелы святыми, и предъ агнцемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходитъ (Апок. XIV). Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко тако будетъ.

Звѣрь той, иже хотяше пожерти (8) жену, то есть невѣсту Христову, Церковь святую, ятъ будетъ. Скорѣйшій орелъ, нежели звѣрь левъ, постигнетъ ихъ и поперетъ ногами, главы сокрушитъ гордыя, роги сотретъ. Святый пророкъ глаголетъ: видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія, и мимоидохъ, и се не бѣ, и взыскавъ его, и не обрѣтеся мѣсто его (Псал. XXXVI, 35).

И сей лютый звѣрь, паче же бездѣльный, превозносашеся, яко кедры Ливанскія, и крѣпляшеся, аки дубъ; но, противляяйся гордымъ, Господь низложи гордыню его, посѣче тыя гордыя кедры, сломи дуба мнящагося быти крѣпка и непреодоленна. Се исполнися Іоанново пророченіе: всякое древо не творящее плода и пр. (Іоан. XV, 2). Образъ сего предивный зѣло и вельми страшный видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, царь вавилонскій: видѣхъ бо, и се дубъ среди земли, высота досязаше до небесъ, и кореніе его въ концѣхъ всея земли, листвіе его красно, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ веселяхуся вси звѣріе дивіи (9), и въ вѣтвѣхъ его живяху вся птицы небесныя, и отъ него питашеся вся земля. Веліе воистинну и пречудное сіе древо! но егда только вознесся, абіе смирися, ибо

видѣ Ангела вопіюща: посѣцыте дубъ, и обѣйте вѣтвія его, и обрушите листвіе его, и разсыпляте плодъ его. Оле (10) паденія великаго, превысокаго древа до небесъ! Что исполнилося на самѣмъ же Навуходоносорѣ (Дан. IV).

Не тако ли и сей Навуходоносоръ шведскій гордяшеся, и возношашеся до небесъ? но сѣкирою, о ней же Іоаннъ: се уже и сѣкира при корени древа лежитъ и пр. (Мат. III, 10), то есть силою Божіею, и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго Монарха посѣченъ есть. Обиты вѣтви, то есть генералы и полководцы; обрушены и побиты листвія, то есть оружницы; разсыпаны плоды, побраны корысти, знаменія, воинскія потребы. Се коль великое дуба сего паденіе, намъ же востаніе! Тіи спяти быша и падоша. Вопрошенъ бысть нѣкто отъ ріторовъ: что Богъ на небеси дѣетъ? Отвѣщавъ, рече: играетъ со тварію своею, гордыя смиряетъ, смиренныя возвышаетъ. Но не играетъ то Богъ, о ріторе! но правдолюбецъ правду дѣетъ, о ней же Петръ святый: Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (I Петр. V, 5). Сице гордящагося Голіаѳа смири и погуби чрезъ Давида смиренна, который каменемъ побѣди. Сице смири гордость Філvстиновъ чрезъ Сампсона, Мадіама чрезъ Гедеона, Гаваониты чрезъ Фінеесa и Іисуса Навіна, который побѣди пять царей амморейскихъ со многими тысящами. Славна та бысть побѣда, яко въ то время на прощеніе и моленіе Іисуса Навіна ста солнце и мѣсяцъ среди небеси, и пособствоваше сіяніемъ своимъ побѣдити пять оныхъ царей. Но славнѣйшая здѣсь побѣда надъ Шведами. Тамо безсловесныя свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила: самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна—пресвятая Дѣва Марія, стали и пособствовали побѣдити гордаго сего. Тамо только солнце и мѣсяцъ стояли, а здѣсь и звѣзды, то есть россійстіи чудотворцы и апостоли святіи и вси святіи помогали. Благополучное убо сіе есть время—мѣсяцъ іюнь, въ онь же дарова побѣду Господь: въ семъ бо мѣсяцѣ солнце входитъ въ знаменіе дѣвицы. Солнце Христосъ вниде во знаменіе Дѣвицы, юже видѣлъ Святый Іоаннъ во Апокалипсисѣ, знаменіе веліе явися на небеси: жена облеченна въ солнце и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяте. Сладко воспѣваше со сверстницами своими сестра Моvсеова Марія, восклицающи со гусльми и тvмпаны и иными мусикійскими органы, егда Моvсей пройде море, и погрузи въ немъ Фараона со всѣмъ воинствомъ; несравнително сладкіе нынѣ гімны Марія Церковь святая и Россіа, егда скипетродержавецъ нашъ погрузи аки въ мори въ ихъже крови Шведа, воспѣваютъ и славятъ глаголя: славою и честію вѣнчалъ еси, Господи, Царя нашего, и покорилъ еси подъ нозѣ его вся востающыя на ны, и будутъ величати и прославляти сицевую побѣду, сицевый подвигъ, донѣлеже рѣки въ море плыти будутъ.

Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ Тя, Монархо нашъ Петре? Недоумѣемъ. Се самъ Царь небесный, вѣнчавый Тя за труды твоя толикіе, безсмертною вѣнчаетъ Тя славою и честію, глаголя: достоинъ еси пріяти славу, и честь, и силу. Побѣждаяй не имать вредитися отъ смерти: побѣждающему и соблюдающему дѣла моя до конца дамъ ему власть надъ языки, и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скуделничи сокрушатся; побѣждающаго сотворю столпъ, и дамъ сѣсти со мною на престолѣ моемъ, якоже азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его. И дамъ ему ясти отъ манны со-

кровенныя (Апок. II).} О которомъ благополучіи благодаряще мы, сынове россійстіи, Господа, церковь святую долженствуемъ непрестанно молити, да сохранитъ тя, Государя нашего, цѣла, и покоритъ всю силу вражію льва, расширитъ государство и миромъ оградитъ на вѣки. Аминь.

В. КАМЕНЬ ВѢРЫ (1728) (11).

I. *Изъ Предисловія.*

Каменемъ краеугольнымъ, каменемъ вѣры, каменемъ созиданія Сіону, Христа Спасителя нашего Писанія Божественная нарицаютъ, читателю благочестивый. Слыши, что глаголетъ Господь у Исаіи пророка, въ гл. XXVIII: Се азъ вложу во основаніе Сіону камень многоцѣненъ, избранъ, краеголенъ, честенъ, во основаніе ему, и вѣруяй въ онь, не постыдится.

Тое же воспоминаетъ и Петръ святый, въ своемъ посланіи I, въ главѣ 2. О томъ же и Псаломникъ глаголетъ. Камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла (Пс. 117).

Истинно слово и всякаго пріятія достойно: Церковь бо Христова на Христѣ, аки на камени утверждается, и не просто рещи на камени, но на краеугольномъ камени, двѣ стѣнѣ, сіесть два рода, еврейскій и языческій, вѣрою во Христа, совокупляющемъ. Утверждается же до толика, яко ни вѣтромъ, ни волнамъ, но ниже самымъ вратамъ адовымъ одолѣти ей.

Но сіе удивително есть по премногу, яко того же Христа Спасителя нашего, Божію силу и Божію премудрость, верховникъ Апостоломъ Петръ, въ своемъ посланіи первомъ, во гл. 2, каменемъ претыканія и каменемъ соблазна, не обинуяся, нарицаетъ, глаголя: Вамъ убо вѣрующымъ честь, а противящымся камень претыканія и камень соблазна. Ужасно воистинну слово: како источникъ всякія святыни можетъ быти каменемъ претыканія и соблазна? Коимъ образомъ камень краеуголенъ, избранъ, честенъ, въ толикое пріиде умаленіе, яко быти ему подножіемъ претыкающымся запинателнымъ?

Не точію же Апостолъ Петръ, но и Богоносецъ Сумеонъ, сѣдиною мудрости духовныя украшенъ, подобныя глаголы вѣщаетъ: приходитъ старецъ честный въ церковь Господню, Духомъ Святымъ движимь, въ срѣтеніе Христу отрочати, и воспріимшъ на руку своею Создателя своего, начнетъ глаголати: Се сей лежитъ на паденіе и на востаніе многихъ. Что глаголеши, Пророче Святый, на паденіе Христа лежаща? Христа на востаніе лежаща добрѣ глаголеши: Онъ бо есть Господь нашъ и Богъ нашъ; Онъ Спаситель, животъ и воскресеніе наше. Но на паденіе лежаща Христа, коимъ дерзновеніемъ вѣщаеши? Обаче тако есть, якоже старецъ Духомъ Святымъ вдохновенный просвѣщаетъ. Былъ Христосъ Спаситель нашъ каменемъ претыканія, на паденіе лежащымъ, во первыхъ невѣрному роду іудейску: тіи бо чтуще пророчества о Христѣ реченная и уже пришествіемъ его упразднившаяся, слышаще же глаголы живота отъ устъ его исходящая, многими чудесы утверждаема, сопротивишася истинѣ и не вѣроваша словесемъ его, тѣмъ же преткнушася о сей камень и падоша окаяннии. И не точію царствія земнаго, но и небеснаго лишишася, по неложному глаголу Господню: сынове царствія изгнани будутъ во тму кромѣшную. Бяше Христосъ каменемъ претыканія Еллиномъ (12): ибо егда гласъ евангельскій всю пройде подсолнечную, егда слава дѣлъ и чудесъ Христовыхъ вся народы проничe, егда труба проповѣди апостольскія во всю землю и въ концы вселенныя возгремѣ, Еллини, затыкающе правдѣ ушеса своя и

свѣта небеснаго зрѣти не хотяще, ученіе душеполезное отвергоша и о пути въ небо ведущемъ вознерадѣвше, преткнушася о сей камень и падоша погибельнымъ паденіемъ, по глаголу Христову: аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли (Іоан. XV).

Се видиши, читателю благочестивый, яко Христосъ Спаситель нашъ, по глаголу Сѵмеона Богоносца, лежитъ и на паденіе многимъ, и на востаніе: есть каменемъ претыканія и каменемъ созиданія. Невѣрующымъ убо въ него, или неправо вѣрующымъ, есть камень претыканія и соблазна, якоже глаголетъ Павелъ: Проповѣдуемъ Христа распята, Іудеомъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе; вѣрующымъ же въ него есть камень созиданія и утвержденія недвижимаго. Изъясняетъ сію истину верховный Апостоломъ Петръ, въ посланіи своемъ вышереченномъ глаголя: Понеже вкусисте, яко благъ Господь; къ нему же приходяще, каменю живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избранну, честну, и сами яко каменіе живо зиждитеся въ храмъ духовенъ. Тѣмже и писано есть: се полагаю въ Сіонѣ камень краеуголенъ, избранъ, честенъ: и вѣруяй въ онь, не постыдится. Вамъ убо честь вѣрующымъ; а противящымся камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла, и камень претыканія, и камень соблазна, о немже и претыкаются, слову противляющіися (1 Петр. II, 3—8). Сія о Іудеахъ и Еллинахъ.

Что же речемъ о еретікахъ и древнихъ и нынѣшнихъ? Не и тѣмъ ли Христосъ и божественная его словеса каменемъ суть претыканія? Ей такъ есть поистиннѣ. Тіи бо кичені емъ разума дмящеся ([13]) и правому Писаній Священныхъ толкованію, отъ столповъ и свѣтилъ церковныхъ отцевъ святыхъ бываемому, не покаряющеся, ниже плѣняюще разумъ въ послушаніе вѣры, отъ самыхъ словесъ Христовыхъ повредишася и донынѣ вредятся, и о сей камень преткнушася, и доселѣ, высокоуміемъ помрачени, претыкаются. И якоже болѣзненни и недугомъ холеричнымъ, или желчнымъ, одержими, сладкая брашна горька быти вмѣняютъ, и отъ самыя сладости за немощь свою множайшій вредъ пріемлютъ: тако и тіи, гордостію и непокорствомъ недугующе, отъ самыхъ словесъ Христовыхъ, паче меда и сота сладчайшихъ, неправымъ толкованіемъ своимъ повреждаются, и ядъ еретічества отъ сладчайшихъ сосецъ Христовыхъ иссысаютъ, и претыкаются о Камень, иже лежитъ на паденіе злочестивымъ, на востаніе же правовѣрнымъ.

—

Случай и поощреніе мнѣ бысть къ сему писанію—развращеніе нѣкіихъ отъ нашего православія лишенниковъ ([14]), о нихъ же выше писахомъ, ихъ же сатана, всякихъ расколовъ началникъ, хоботомъ вражіихъ своихъ навѣтовъ, аки звѣзды небесныя отъ неба церковнаго сими времены отторже въ путь заблужденія погибелный. Отъ насъ изыдоша (глаголетъ наперсникъ Христовъ), но не бѣша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами (I Іоан., II, 19).

Вещь поистиннѣ сожалѣнія, слезъ и воздыханія достойная! Человѣцы равнодушніи, единоутробная братія наша, тояжде матере Церкве святыя сынове, въ купѣли крещенія святаго родившіися, и млекомъ ея сладчайшимъ, догматовъ православныхъ воспитани, тѣломъ и кровію Христовою подъ видомъ хлѣба и вина утаенною насыщени, како нынѣ на матерь свою разсвирѣпѣша? како матернюю ея утробу (порожденія єхіднова) песіими челюстми своими терзати не устыдѣшася? Оле неблагодарствія! Оле нечувствія и окаменѣнія душепагубнаго!

Плакаше древле Іеремія пророкъ надъ

запустѣніемъ Іерусалима: Како, рече, потемнѣ злато и измѣнися сребро доброе, разсыпашася камыцы (¹⁵) святыни? (Плач. Іерем. IV). Сообразнѣ сему, и надъ сими подобаетъ изливати слезы, видяще ихъ плачевную измѣну: како потемнѣ злато блистающееся прежде православіемъ? како нынѣ тмою отступленія помрачися?

Аще же и всякому православному печаль о сицевыхъ отступникахъ уязвляетъ сердце; но мнѣ наипаче, недостойному пастырю сущу, печаль, купно же и страхъ, душу пронзаетъ. Печаль убо о ихъ нечаянной измѣнѣ, страхъ же неизбѣжимаго суда Божія, на немже за ихъ развращеніе отвѣтъ имамъ воздати, яко пастухъ за овцы погибшыя.

Ужасъ слышати страшное прещеніе Божіе, на пастырей гремящее у Іезекіиля пророка (гл. XXXIV): Оле пастуси Израилевы! еда пасутся пастуси сами, не овцы ли убо пасутъ пастуси? Се млеко ядасте, и волною одѣвастеся, и тучное закаласте, а овецъ моихъ не пасосте, изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, и уязвленнаго не заврачевасте, и плавающаго не обратисте, и погибшаго не поискасте. Сего ради, пастуси, слышите слово Господне: Се глаголетъ Адонаі Господь: се азъ на пастухи, и взыщу овецъ своихъ отъ руку пастушеску (¹⁶). Сей есть громъ на пастырей, душу и сердце пронзающій, его же трепещущь, пастухъ сый, потщахся по силѣ моей симъ писаніемъ заблуждшыя овцы взыскати, изнемогающыя подъяти, болящыя уврачевати и сокрушенныя обязати.

2. *Изъ увѣщанія къ архіереямъ, іереямъ и міряномъ.*

Что есть Церковь Святая?

Церковь Христова есть градъ Царя великаго, въ немже и ты живеши. Почто убо о семъ градѣ попеченія не имаши? И въ градѣ убо вещественномъ егда видиши огнь домы поядающь, абіе мятешися, и ярость огня бурнаго всячески тщишися угасити, да и не тебе пламень постигнетъ. Почто убо сицеваго благодѣянія граду Царя великаго, въ немъ же обиталецъ еси, не твориши?

Церковь Христова есть корабль, въ немже и ты плоовеши въ пристанище небесное. Чесо ради убо о семъ корабли твоемъ душеспасителномъ не брежеши? И аще случится вѣтромъ, и волнамъ на корабль устремитися, почто о семъ не радиши? О сокровищахъ твоихъ всячески промышляеши, но и тыя, кораблю погибающу, погибнутъ, аще не прежде о корабли попечителство воспріимеши.

Церковь есть тѣло Христово, егоже и ты еси членъ. И аще убо тѣлу сему случится какой либо недугъ, почто врачевства не ищеши? О цѣлости тлѣннаго тѣла своего всячески попечителство имаши; а о тѣлѣ Христовомъ, отъ него же всю силу духовную воспріемлеши, не радиши.

Церковь есть мати твоя, яже ти духомъ породи, въ крестителной купѣли и млекомъ догматовъ православныхъ воспита. Таже и твердыя пищи тѣла и крове Христовы тебе вкусити даде, и нынѣ тя на лонѣ своемъ пѣстуетъ матерски, донелѣже при сосцахъ ея сладчайшихъ, яко любимое чадо, сномъ блаженнымъ успеши. Почто убо аще случится досада нѣкая и безчестіе матери твоей, ты о семъ не радиши? О безчестіи плотскія матере твоея гнѣвомъ разъяряешися, о досадахъ же и укоризнахъ духовныя матере твоея (оле неблагодарствія!) подобныя ревности не имаши.

Церковь Христова есть домъ Божій, его же и ты еси домашнимъ: долженъ убо еси о семъ домѣ твоемъ всячески радѣніе имѣти, и отъ татей, подкопывающихъ и крадущихъ того, опасно хранити.

Церковь есть невѣста Христова, женихъ ея есть Христосъ. Мы яко слузи тѣхъ есмы. Предлежитъ убо намъ честь господей нашихъ всячески хранити, и на сицево дѣло трудовъ и здравія не щадити.

¹) Проповѣди Стефана Яворскаго. 3 ч. Москва. 1804 — 1805 г. г. Похвальное слово по случаю полтавской побѣды, выражая чувство радости, почти все состоитъ изъ сравненій, которыми показывается превосходство Петра I предъ Карломъ XII. Король шведскій изображенъ въ видѣ льва, Голіаѳа, морскаго апокалипсическаго звѣря, дуба, видѣннаго во снѣ Навуходоносоромъ. Семь главъ звѣря и вѣтви дуба суть шведскіе генералы, листья — воины, плоды разсыпанные — знамена и воинскіе доспѣхи. Императоръ Петръ I представленъ въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ, новаго Давида, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры, просѣкающей гордое древо.

²) Вообще относящееся къ членамъ тѣла; здѣсь же челюсти.

³) Одежда изъ грубой ткани.

⁴) Низвергнуты, опрокинуты.

⁵) Поражу.

⁶) Въ буквальномъ значеніи слуги, прислужники; также участники, товарищи.

⁷) Образу.

⁸) Пожрать.

⁹) Дикій, лѣсной.

¹⁰) О.

¹¹) «Камень Вѣры православнымъ Церкве Святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на востаніе и исправленіе». Въ началѣ книги помѣщено «Сказаніе о творцѣ книги»—небольшая біографія Яворскаго; потомъ идетъ «Вина и случай писанія книги» — появленіе, 1713 г., въ Москвѣ, между нѣкоторыми Русскими, послѣдователей кальвинизма. Далѣе слѣдуетъ «Предисловіе къ читателю»: здѣсь объясняется смыслъ изреченій Св. Писанія, въ которыхъ Спаситель называется камнемъ Вѣры, камнемъ созиданія, и въ тоже время камнемъ претыканія, камнемъ соблазна. «По глаголу Симеона Богоносца, Христосъ лежитъ и на паденіе многимъ, и на возстаніе: есть каменемъ претыканія и каменемъ созданія. Невѣрующимъ бо въ Него или неправо вѣрующимъ, есть камень претыканія и соблазна, вѣрующимъ же въ Него есть камень созиданія и утвержденія недвижимаго». Христосъ и Божественныя словеса Его были камнемъ претыканія роду іудейскому, еллинамъ (язычникамъ), еретикамъ древнимъ и новѣйшимъ. Въ исчисленіи главнѣйшихъ ересей говорится особенно о Лютерѣ. Отсюда объясняется названіе книги и вытекаетъ ея содержаніе и раздѣленіе: состоитъ она въ разсмотрѣніи различныхъ догматовъ, и каждый догматъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой «писано отъ камня Вѣры и созиданія духовнаго на утвержденіе православнымъ, а во второй обнаруживается камень претыканія на опасеніе и сохранное блюденіе правовѣрнымъ». Кромѣ того есть «Предувѣщаніе православнымъ христіаномъ благопотребно», которое содержитъ въ себѣ предостереженіе отъ еретиковъ, толкующихъ ложно Св. Писаніе, и показываетъ знаменія лжепророковъ. Наконецъ приложено одобреніе книги Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, архіеп. тверскимъ, который называетъ ее не токмо полезною на утвержденіе въ догматахъ Православной Христіанской Церкви, на возраженіе богохульныхъ еретическихъ языкоболій, но и весьма потребною. Сочиненіе дѣлится на 3 части. Въ 1-й ч. три догмата: о святыхъ иконахъ, о честномъ крестѣ, о мощахъ святыхъ; во 2-ой четыре: о евхаристіи, о призываніи святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи преставльшимся; въ 3-ей четыре: о преданіяхъ, о литургіи, о постахъ, о благихъ дѣлахъ. Въ каждомъ догматѣ, какъ выше сказано, двѣ части.

¹²) Въ смыслѣ язычниковъ, по обыкновенному употребленію этого слова въ церковной литературѣ; такъ въ правилѣ Кирилла, митр. кіевскаго, сказано: обычаи треклятыхъ «Еллинъ».

¹³) Гордяся.

¹⁴) Отверженныхъ.

¹⁵) Отъ камыкъ — камни.

¹⁶) Сличи съ исправленнымъ переводомъ нынѣшней Библіи.

XVIII.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

А. Слова и проповѣди.

1. Изъ Слова въ день рожденія в. к. Петра Петровича (1716) (1).

(Сравненіе древней Россіи съ новою).

. . . . Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданского и воинского правителства. Въ который первѣ устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній: воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтелство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ недолгого времяни, и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлые, на мѣсто худаго хврастія— дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градцкія крѣпости? имѣемъ таковыя верщію (2), каковыхъ и фігуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Возэримъ на сѣдалища правителскія? новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный (3), желателный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишныхъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь! Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже ариѳметическія, геометрическія и протчыя філософскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры (4) хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ. Аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистинну никіи же мастеры совершити сего, всуе бо было тектонское (5) искусство и труды, аще бы не предстала здѣ монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати извести (6) матерію; аще бы не явила себе здѣ велелѣпная щедрость, еже бы не жалѣти толикихъ иждивеній; аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикого и толь трудного, а еще новаго дѣла; аще бы не воспланулося (7) здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и всемъ (8) не попустити отъ инныхъ протчихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, единоглавнѣйшее изречемъ, на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ, не доволно было никоеже имѣніе, ни лѣсы дубравные, ни труды дѣлателскіе (9). Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящымъ полатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало прострѣтися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ самая правда на бреги Інгріи (10) и Кареліи хищеніемъ лва свѣйского давно отъятые; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдителная и прогна далече звѣря оного полунощного, протяже владѣніе свое на

моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію: се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, самъ ([11]) флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царского Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора ([12]) твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жителства человѣческого, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ ([13]) здѣ пришедъ, и о самой истиннѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіесть, тщателствомъ Монарха нашего испразднися ([14]) оная древняя пословица сарматская ([15]): не разомъ Краковъ будовано ([16]). Или великое бо время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: «кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю». А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарсѣ тщета была бы, а не похвала, сіе пригласити ([17]); исповѣсти ([18]) бо воистинну подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси; зданіи, крѣпостьми, правилми и правителми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

А еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій (аще и тако уже того минути мы не возмогли), и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времяни предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикермень ([19]), разруши Азовъ и дракона асійского ([20]) устраши, возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва свѣйского, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Інгріи, въ Ливоніи, въ Померани, въ Кареліи, въ Финляндіи, и въ чуждыхъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Питавѣ ([21]) Курляндской, и въ Елбингѣ Прускомъ, и на мѣстахъ протчихъ; дерзнувша же встрѣтися на полѣ ратномъ преславно побѣди подъ Калишемъ, на Чорной Напѣ ([22]) подъ Пропойскомъ ([23]), подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистинну преславной оной викторіи ([24]) тысяща устъ риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многія, донелѣже міръ стоитъ. Но и инныя побѣды прочая пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ едпнымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бо кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити?

А что въ первыхъ воспомянути подобало, и что всей толикой славѣ основаніе, есть регула ([25]) воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ; за ([26]) сіе дѣло, что либо и гдѣ либо россійскимъ оружіемъ достохвалное содѣвается, содѣваетея Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо; за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всяхъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое и извѣстное россійского щастія свидѣтелство; минувше бо многія оттуду произшедшыя ползы домашныя, да помыслитъ всякъ, колику обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ

мнѣнія, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ [27] мнимiи варвари, у гордыхъ и величавыхъ презрѣннiи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганны. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣнiе, обаче было мнѣнiе таковое, и изобличила была то не единократно Россiя своимъ оружiемъ, но не доволно и не совершенно, наипаче яко оружiемъ страхъ точiю содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростiю, любомудрiемъ, правдолюбiемъ, исправленiемъ и обученiемъ отечества, не себѣ точiю, но и всему Россiйскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? то, что которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыя безчестили—славятъ, которыя грозили—боятся и трепещутъ, которые презирали—служити намъ не стыдятся; многiе во [28] Европѣ коронованныи главы не точiю въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотны; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестiе: отмѣнили мнѣнiе, отмѣнили прежнiи свои о насъ повѣсти, затерли исторiйки своя древнiя, инако и глаголати и писати начали: вознесла главу Россiя свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ силнымъ, но истиннымъ словомъ все еiе: Зависть славою Россiйскою побѣждена есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точiю имать грызти персты своя, и утробою снѣдатися.

2. *Изъ Слова въ недѣлю осмуюнадесять (1717)* [29].

(Польза путешествiя для человѣка вообще и для Царя въ особенности).

Якоже бо рѣка, далей и далей проводя теченiе свое, болше и болше растетъ; получая себѣ прибавку [30] изъ припадающихъ потоковъ, и тако походомъ [31] своимъ умножается, и великую прiемлетъ силу: тако и странствованiе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодiами слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ, прочiимъ убыточно есть. Чего жъ много? того, еже есть и собственному и общему добру основанiе, искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллiнскiй Омиръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вожда греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго [32]. Сокращенная похвала, но великая: многiя бо и великiя пользы сокращенно содержитъ. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божiе: невидимая его отъ созданiя мiра творенiи видима познаемая суть [33], и присносущная сила его и Божество (Рим. I, 20). И сiю-то философiю свою сказалъ быти Антонiй Великiй, егда вопрошающымъ его языческимъ философомъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь мiръ, и реклъ: сiя есть книга моя. Молю же [34]: той ли книгу сiю чтетъ лучше, которому гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего мiра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различiе, и временъ разнствiе, и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную кую [35] давано пользу, точiю самое томъ многихъ вещей познанiе, и сiя была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокiя, которымъ вѣденiе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанiя твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанiю Творца, и только выше къ познанiю Бога восхо-

дить, елико множайшая созданія познаетъ. О единномъ плаваніи морскомъ, что глаголетъ Псаломникъ: Исходящіи на ([36]) море въ корабляхъ, творящіи дѣланія въ водахъ многихъ. Тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его во глубинѣ. Рече, и ста духъ буренъ, и вознесошася волны его. Восходятъ до небесъ, и нисходятъ до безднъ (Пс. CVI, 23—26). Аще же отъ единаго сего, дѣла чудная Божія познаются, кольми паче показуетъ то странствіе, обоихъ пути ([37]) искусившее.

Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая ([38]) лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ; егда тое жъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ історіческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя толко мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искусствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стіхотворцевъ и істориковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Морреею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій, не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи, колми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голые толко древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и самые народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правителства образы ясно видимъ. Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегателства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собствемныя, и своего народа, и исправленія и недостатки: сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость.

Особенно же къ ([39]) дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ перегринація ([40]). Молю, да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учителско сказую, но точію, поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ того ([41]) оставляя. Кому же и легко сіе разсуждающему явѣ ([42]) есть? аще бо географскія ([43]) карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ, какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оноя надежда и въ чемъ боязнь, каковое искуство людей, и каковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которые угодные и которые трудные мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталей, и прочая-симъ подобная. Перегринація ([44]) едина все тое какъ на дланѣ показуетъ, и живую географію въ памяти написуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оные предъ очима.

3. *Изъ похвальнаго слова о флотѣ Россійскомъ (1720)* ([45]).

(Необходимость заведенія флота).

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и без-

нѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, болшую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весма не угодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи) ([46]), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное другољобіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оныи на сихъ нижѐ посмотрѣли бы единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, да бы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже не возможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій пролiялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего не любящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о ползѣ флота много бы глаголати, но не нуждно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нуждный и полезный есть морскій флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или езеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и силной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей ([47]), не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорително. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стіхотворскихъ фабулахъ ([48]) нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Но ([49]) смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить, и отъ нападенія непріятелскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный непріятелскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ: есть время приготовится и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ тотъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали,—узрѣвше ихъ, немощно бы уготовить трактаментъ ([50]) для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія ([51]), единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи городы, не весма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота доволнаго, погибли, разоренни, не отъ силнаго супостата, но отъ піратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ, на-

страдавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешся, отходящаго не лзя догонять. Кратко реши: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратся съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходится съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго ([52]) духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но толко раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обилный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великое сумнителство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не менщая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Інгріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе; и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждее себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не велми щастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не толко бо голова и силна тебѣ отъ нападенія непріятелскаго оборона, которой бы не имѣла еси не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступателная на оного сила велика, и вікторіи не трудны.

4. *Слово на погребеніе Петра Великаго (1725)* ([53]).

Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? охъ ([54]), какъ истинная печаль! охъ ([55]), какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію, и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійстіи сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безепокойствахъ, печалехъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жить нѣчто ([56]) начиналъ. Доволно же видимъ, коль прогнѣвили мы тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть; видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменелъ есть. Но что намъ умножать жалости и сердоболія, которыя утолять, елика возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли великія его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печалной траты развѣ бы летаргомъ ([57]) нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишилися?

Се отецъ твой, Россіе, Сампсонъ, каковый да бы въ тебѣ могль явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и здѣлалъ по имени своему каменную, адамантову (58); засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое; и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающыя на насъ разрушалъ, купно и злемыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершивший, строеніе и плаваніе корабелное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея селенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на мори крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала (59) правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправителствующій сгклитъ (60), и подъ нимъ главныя и частныя правителства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и ко обличенію свирѣпыхъ? Воистинну оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвалный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаянныхъ лестецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не доволно ли о семъ свидѣтелствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ подданымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданскія, и честныя образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе красновретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежднихъ лѣтъ лучшее, и весма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о и церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло — правителство сунодалное, его попеченіе пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго! колкія ревности на суевѣрія, и лестническія (61) притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія!

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объимемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли (62) со временемъ нѣчто (63) притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда доволно, и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій

ріевъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весма же, о Россіане, изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весма бо и оставилъ насъ сей велицій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою здѣлалъ, такова и будетъ: здѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; здѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; здѣлалъ на весь міръ славную, славная и быть не престанетъ. Оставилъ намъ духовнія, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобоправнаго владѣтеля по смерти его, Тебе, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтелское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣятся, что здѣланная отъ него утвердишъ, недодѣланная сотворишъ, и все въ добромъ состояніи удержишъ? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть несторпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилася она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери ([64]), и аки жестокая рана новымъ уязвеніемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и въ прегоркомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несумнѣнным познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей Государыни нашей, и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе! видя, кто и каковый тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе. Аминь.

в. ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ (1720) ([65]).

Объ ученіи.

Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правилнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе ([66]) велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ Первый, обучилъ оное изрядны-

ми регулами. Тожъ разумѣть и о архітектурѣ, и о врачествѣ, и о політіческомъ правителствѣ и о всѣхъ протчихъ дѣлахъ.

И напаче тоежъ разумѣть о управленіи Церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, не льзя быть доброму церкве поведенію, и не льзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ.

Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей ([67]): ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентіновъ, Маніхеовъ, Каѳаровъ, Евхитовъ ([68]), Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Ірнней, Епіфаній, Августінъ, Ѳеодоритъ и иные,— наши же рускія расколщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иныя; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софісмы, сіесть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло приписовалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачь опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый салдатъ хитро и силно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ Історіи, аки чрезъ зрителныя трубки, на мимошедшые вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спесивелись такъ епіскопи до четыресотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, напаче константинополскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися; а то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней ([69]) философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные посбрствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а имянно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащымся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана Апостата ([70]). Но много бы говорить, аще бы о единомъ семъ нарочное слово было.

Убо ученіе доброе и основателное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкве, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основателное.

Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе.

Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица ([71])? И когда услышатъ, что былъ онъ въ реторікѣ, въ философіи и въ богословіи,— за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою: колми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ.

Вѣдати же подобаетъ, что отъ пятисотнаго до четыренадесятьсотнаго году, сіесть чрезъ девять сотъ лѣтъ, во всей Европѣ вся почитай ученія въ великой скудости и неискусствѣ были, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ, во оные времена писавшихъ, остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ.

Но четыреостаемъ надъ тысящу гдѣ почали прoявлятися любопытнѣйшія и потому искуснѣйшія учители, и помалу многіе академіи горaздо великую, и почитай отъ древнихъ оныхъ Августовыхъ лѣтъ болшую силу возъимѣли: многіе обаче училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторіки, и философіи, и прочихъ ученій имена точію суть, а дѣло не тое. Причины того различные суть, которыя здѣ за краткость не воспоминаются.

Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго (72) и мечтателнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все чтолибо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и болше учитися. Когда вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ.

Сеже велми бѣдно, что именованные неосновaтелные мудрецы не только неполезны, но и велми вредны суть и дружеству, и отечеству, и Церкви; предъ властми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ; и если кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія. Когда богословствуютъ, не льзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себѣ, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойство есть отмѣнить мнѣніе.

1). Произнесено 28 октября 1716 г., напеч. 1717. Послѣ краткаго вступленія, проповѣдникъ выражаетъ *предложеніе* рѣчи: сыны царскіе не для однихъ родителей своихъ раждаются, но для всего народа своего, для всего отечества; на нихъ утверждаются надежды наши; отъ нихъ ожидаемъ того, чего не имѣемъ, отъ нихъ надѣемся продолженія, умноженія и утвержденія того, что имѣемъ. Рѣчь *дѣлится* на двѣ части. Первая разсматриваетъ, «коликое счастіе есть отъ царскаго чадородія государствамъ чина монаршескаго, наипаче же тѣмъ, въ которыхъ не наслѣдію преходитъ скипетръ, а не по избранію предается, и сіе какъ Россія, такъ и всѣмъ монархіямъ подобнымъ есть общее (*выгоды наслѣдственной Монархіи*). Вторая показываетъ, «коликое благополучіе монархіи, егда не коего либо царя, но царя по сердцу Божію, царя храбраго, премудраго, добраго и всякими государственными талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе». (*Счастіе отечества, основанное на наслѣдникѣ Царя Великаго*). — Слова и рѣчи Прокоповича, отдѣльно печатавшіяся, изданы вмѣстѣ въ 3 ч. (1760—1765). 4-ая ч. Полн. Собр. его сочиненій содержитъ сочиненія богословскія (1774). Помѣщенное въ Хрест. напеч. по первымъ изданіямъ; варіанты изъ нов. изд. отнесены къ примѣчаніямъ.

2) На самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности.

3) Неподкупный, нелицепріятный.

4) Воинской и гражданской.

5) Строительное, архитектурное.

6) И свезти (варіантъ).

7) Воспламенилося (вар.).

8) Въ семъ (вар.).

9) Дѣлателей (вар.).

10) Ингерманландія.

11) Единъ (вар.).

12) Основателя.

13) Иностранцевъ.

14) Упразднилась, уничтожилась.

15) Польская.

16) Не вдругъ построенъ Краковъ.

17) Произнести.

18) Исповѣдать, признать.

19) Каза—кермень или Кизы—кермень. турецкій городъ, взятый 1695 г.

20) Турцію.

21) Митавѣ.

22) Рѣчкѣ въ Литвѣ. Побѣда одержана кн. Голицынымъ 1708 г. августа 29.

23) Мѣстечко, гдѣ Меншиковъ, 1708 г., разбилъ Шведовъ, послѣ сраженія при деревнѣ Лѣсной.

24) Побѣды.

25) Правило.

26) Чрезъ (вар.).

[27]) Образованныхъ.
[28]) Въ (вар.).
[29]) Слово въ недѣлю осмуюнадесять произнесено 23 октября 1717 г, въ присутствіи Петра 1-го, по долгомъ странствіи возвратившагося (10 окт. 1717), на текстъ: «якоже преста глаголя, рече къ Симону: поступи во глубину» (Лук. V, 4). Напеч. того же года ноября 9. Проповѣдникъ объясняетъ смыслъ этого велѣнія Господа. Поступить въ глубину озера значило не держаться Апостоламъ въ одной Іудеѣ, какъ при брегѣ, но идти во глубину всего міра, странствовать въ далекихъ краяхъ, проповѣдать Евангеліе всей твари. Отсюда переходъ къ Императору Петру, не безъ смотрѣнія Божія носящему имя Верховнаго Апостола: «Не у брега мѣшкаетъ и твой Петръ, Россіе, но во глубинѣ ищетъ корыстей твоихъ; такъ устремленъ къ странствованію, яко бы ему речено было: поступи во глубину. Колико же сего польза, коликая прибыль народу нашему, и легко разсудивши, всякъ познастъ».
[30]) Прибавленіе (вар.).
[31]) Шествіемъ (вар.).
[32]) Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который
Странствуя долго со дня, какъ свѣтлый Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ (*въ пер. Жуков.*).
[33]) Въ неправ. переводѣ Библіи: «помышляема видима суть».
[34]) Спрашиваю-же.
[35]) Какую (вар.).
[36]) Въ непр. пер. Биб.: «Сходящіи въ море».
[37]) Путій (вар.)—на землѣ и на морѣ.
[38]) Тое (вар.).
[39]) Къ въ вар. изд. выпущенъ.
[40]) Странствованіе (вар.).
[41]) Искуснымъ въ томъ (вар.).
[42]) Не явѣ (вар.).
[43]) Географическія (вар.).
[44]) Странствованіе (вар.).
[45]) Слово произнесено 8 сентября 1720 г., въ присутствіи Императора, по случаю морской побѣды, одержанной 27-го іюля кн. Голицынымъ при островѣ Гренгамѣ, надъ шведской эскадрой. Напеч. того же года окт. 14. Оно дѣлится на двѣ части: въ первой показывается «милостивое къ намъ Божіе смотрѣніе, водныхъ викторій виновное, т. е. что благовременнѣ подвигнулъ Богъ державнѣйшаго Государя нашего къ устроенію морскаго флота» (*похвала Русскому флоту*); вторая — изображаетъ самую побѣду.
[46]) Шестодневѣ, Василія Великаго, или о шести днахъ творенія.
[47]) Южными и сѣверными морями обладающей.
[48]) Басняхъ, вымыслахъ.
[49]) Да (вар.).
[50]) Угощеніе, пріемъ.
[51]) Смятеніе.
[52]) Тщательнаго.
[53]) Произнесено 1-го, а напеч. 14 марта 1725 г. Оно выражаетъ чувство скорби, поразившей все отечество, и величіе народной утраты. Здѣсь нѣтъ полнаго исчисленія талантовъ и дѣяній Петра: «краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая только проливать слезы и испускать стенанія». Поэтому слово ограничивается краткими и отрывочными похвалами, въ которыхъ Просвѣтитель Россіи сравнивается съ Сампсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ. — Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій Монархъ и отецъ оставилъ насъ не совершенно нищими и сирыми: при насъ безмѣрное богатство силы и славы — Россія, которую онъ сдѣлалъ любимою, грозною и славною; при насъ Его супруга, искушенная, какъ злато въ горнилѣ, сообществомъ Его мудрости, трудовъ и бѣдствій.
[54]) и [55]) Ахъ (вар.).
[56]) Только что.
[57]) Усыпленіемъ.
[58]) Алмазную, т. е. твердую.
[59]) Ограды, стѣны.
[60]) Синклитъ собственно: собраніе, верховное правительство. Этимъ указывается на сенатъ, который обыкновенно и назывался въ такъ называемомъ высокомъ слогѣ синклитомъ.
[61]) Обманчивыя. Слово *лесть* значило собственно обманъ: льстивъ, льстецъ—обманщикъ.
[62]) Развѣ, можетъ быть.
[63]) Немного.
[64]) Натальи.
[65]) «Регламентъ, или Уставъ Духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, такожъ и мірскихъ лицъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ, и притомъ въ отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣетъ». 1720. Раздѣляется на 3 части, по числу трехъ духовныхъ нуждъ, вѣдѣнія достойныхъ и управленія требующихъ: 1) описаніе и важныя вины таковаго правленія, 2) дѣла управленію сему подлежащія, 3) самыхъ управителей должность, дѣйство и сила. Основанія управленію: Законъ Божій въ Св. Писаніи предложенный, каноны или правила соборныя святыхъ отцевъ, и уста-

вы гражданскія, Слову Божію согласные.— Чтеніе Духовнаго Регламента слушалъ Императоръ Петръ I: онъ разсуждалъ о немъ и исправлялъ его 1720 февраля 11; потомъ, февраля 23 того же года, слушали, разсуждали и исправляли архіереи, архимандриты и сенаторы.

[66]) Сверхъ чаянія.

[67]) Ханжа Критонъ, въ 1-ой сат. Кантемира, говоритъ:
Расколы и ереси науки суть дѣти.

[68]) Египтовъ.

[69]) Свѣтской.

[70]) Вѣроотступника.

[71]) Такой-то.

[72]) Призрачнаго, пустаго.

XIX.

ПОСОШКОВЪ.

КНИГА О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ (1724). ([1]).

Изъ главы о купечествѣ: важность его; торговля должна быть производима одними купцами; мѣры противъ обмановъ купеческихъ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ ([2]) блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ иночинные ([3]) люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать торгъ имъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ русскому купечеству свободный, чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы къ торгу русскимъ людемъ помѣшательства нималогобъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи ([4]). Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ разночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить, и записаться въ купечество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало ни таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить, такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще иного званія человѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ глаголя: единъ рабъ не можетъ двѣ господинамъ служити (Матѳ. VI, 24). Тако и воину и иного чина человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прилнутися, то въ военномъ дѣлѣ солгать будетъ. Самъ же Спаситель рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А святый Павелъ апостолъ глаголетъ (II, 41): яко никто воинъ обязуйся купляни угоденъ будетъ воеводѣ. А по простонародному реченію есть глаголъ ([5]) приличенъ сему, еже глаголется: одно взять — либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечествовать не подобаетъ: но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже посторонникъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ.

А еще Господь Богъ у насъ въ россійскомъ царствѣ устроитъ сице: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, но токмо ихъ отъ обидниковъ защищать; такие и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатомъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пецися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ; а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣетъ, тобы записался въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ ([6]), а уже нихотъ ему не пахать и крестьяниномъ не слыть, но слыть купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣденіемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлину платить, въ мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколомъ ([7]), то такъ тому и платить неизмѣнно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ неотложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасалисъ бы, и никогда бы даромъ, ни лѣтомъ, ни зимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы; а буде купитъ хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможню, извѣститъ, то у того торгаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять осьминъ. А буде кто купитъ для продажи десять

четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадетъ охота къ купечеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бъ въ магистратѣ и сказалъ, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вящше, то указомъ Его Императорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вящше.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество провозятъ (8) безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралася, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ (9) торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что приносулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто—другое, а пошлинъ ни до деньгѣ даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники (10) и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пятидесяти (11) имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ ни по деньгѣ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземны, тако и русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъяняютъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ, и въ убожество вящшее приходятъ; и тако вси стончеваютъ.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а малѣйшіябъ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивалибъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотской; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямолъ отвѣсилъ или

обмѣрялъ, и товаръ доброй или плохой и настоящуюль цѣну взялъ.

А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ; а буде въ другой разъ такъ же учинитъ, то доправить штрафу сугубо и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продаётъ, то таковому жесточае чинить наказаніе, и штрафъ противо товарныя цѣны взять десятиричнo.

А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотской, или пятидесятской, или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкцію съ великимъ подкрѣплeніемъ, чтобъ они за своими десятками смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику поноровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакова товару худаго добрымъ не запрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, доброй за доброй, середній за середній, а плохой бы за плохой, и вѣсили бы и мѣряли самою правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, тогобы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камни и прочія парчи, мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ не пришелъ, богатъ или убогъ, аще разуменъ или ничего не смыслящъ, всѣмъ единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублевъ единыя копѣйки не имали и не припрашивали бы.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе, не отлагая до инаго дня; когда кто провинится, тогда бы и платили; и принявъ штрафу, записывалибъ въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія коммандира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего коммандира, то взять съ него штрафъ сторично; за всякой взятой рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли коммандира своего, по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

¹) «Книга о скудости и о богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается». Въ ней девять главъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествахъ (о промышленности мануфактурной), о разбойникахъ (объ уголовномъ дѣлѣ), о крестьянствѣ, о дворянствѣ и землѣ, о царскомъ интересѣ.

Содержаніе главы «о купечествѣ слѣдующее:» Важность купечества; необходимо его поддерживать и защищать; торговля должна быть занятіемъ только купцовъ; мѣры противъ обмановъ купеческихъ; какъ поступать съ иностранцами и какъ опредѣлять цѣну нашимъ товарамъ; какъ принудить иностранцевъ принять установленныя цѣны; необходимость нашихъ товаровъ; описаніе иностранныхъ товаровъ и

ихъ негодности; о тарифѣ; о цѣнѣ денегъ; противъ роскоши; необходимость разрядовъ въ одеждѣ по званіямъ; о щегольствѣ монашескомъ; объ употребленіи иностранныхъ винъ; о табакѣ; о торговыхъ товариществахъ.»

[2]) Приличествуетъ, подобаетъ.

[3]) Другаго званія, сословія.

[4]) Счисленій, числѣ.

[5]) Пословица.

[6]) Въ другомъ спискѣ: «на старинѣ». Въ обоихъ спискахъ это мѣсто не ясно.

[7]) Отъ *уколоть, отколоть*—какъ въ Рус. Правдѣ: *присопъ отъ присыпать.*

[8]) Вар: производятъ.

[9]) Вар: вовсе.

[10]) Присяжные продавцы, сборщики казенныхъ пошлинъ.

[11]) Шести.

XX.

ИНСТРУКЦІЯ ВОЛЫНСКАГО ДВОРЕЦКОМУ ИВАНУ НѢМЧИНОВУ О УПРАВЛЕНІИ ДОМУ И ДЕРЕВЕНЬ (1724). ([1]).

Пунктъ I. *О смотрѣніи дому и деревень и о содержаніи людей, и чтобъ нигдѣ не сидѣли вина и табакомъ не торговали, и разбойники бы и плуты никакова пристанища не имѣли, также и крестьяня краденого ничего ни у кого не принимали.*

Жить въ Москвѣ и управлять домъ мой и деревни, и по часту ѣздить тебѣ во всѣ деревни каждый годъ раза по два; протчихъ же людей содержать въ своемъ послушаніи, и всего надъ ними смотрѣть и наказывать всѣхъ, кромѣ стряпчего: ибо, кромѣ другихъ, все взыщется на тебѣ. Также смотрѣть, чтобъ нигдѣ не сидѣли вина и табакомъ никтобъ не торговалъ, какъ люди, такъ и крестьяня; и чтобъ разбойники и плуты никакова пристанища у крестьянъ моихъ и въ моихъ лѣсахъ не имѣли: а буде гдѣ явятся, такихъ, если сила есть, ловить и приводить въ городъ; а буде нѣтъ силы поймать, то о томъ въ городахъ, гдѣ пристойно, доносить и подавать явки. Также чтобъ люди и крестьяня краденыхъ лошадей и протчаго отнюдь ни у кого не принимали ничего, и для того вездѣ о томъ указами чаще подтверждать, и сверхъ того и самому накрѣпко смотрѣть. А ежели гдѣ какія шалости явятся, съ тѣми поступать по указамъ Его Императорскаго Величества; и для того плутовъ приводить и просить о розыску и о наказаньѣ, а отнюдь въ томъ никому не токмо потакать, но и не упускать и не покрывать, а поступать во всемъ по силѣ состоявшихся Его Императорскаго Величества указовъ, и какіе впредь будутъ.

Пунктъ II. *О содержаніи крестьянъ въ законѣ и должности христіанской, и о покупкѣ новоизданныхъ книжицъ о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, о символѣ вѣры, о девяти блаженствахъ, и о раздачѣ оныхъ во всѣ деревни священникомъ, и о выборѣ десяти человѣкъ робятъ, и объ ученіи ихъ грамотѣ, также о выборѣ отъ семей выростковъ для обученія кузнечному, колѣсному, бочарному и протчему ремеслу.*

Понеже у насъ деревенскіе мужики ни закону Божію, ни должности христіанской не знаютъ: того ради посылается при семъ къ вамъ новоизданная книжица о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, о символѣ вѣры и о девяти блаженствахъ ([2]). Купи такихъ и роздай въ деревняхъ во всѣхъ священникомъ, и скажи имъ отъ меня, чтобъ они по вся

воскресные и въ праздничные дни, но окончаніи святой литургіи, прежде отпуска, читали на амбонѣ вмѣсто поученія—иногда заповѣди съ толкованіемъ, иногда символъ вѣры, а иногда блаженствы: понеже сіе надлежитъ вѣдать всякому христіанину и то дѣлать. И для того надлежитъ священникомъ внушать сіе прилежно, дабы всякой могъ помнить, что слышитъ. Также велите накрѣпко прикащикомъ смотрѣть, чтобъ дворовые люди, крестьяня, и жены ихъ и дѣти ихъ всегда въ воскресные и въ праздничные дни ходили въ церковь, и по прошествіи того дни, чтобъ всякой десятской объявлялъ о своемъ десяткѣ, кто былъ и кто не былъ, — и которые не будутъ, тѣмъ чинить наказанье. Также, чтобъ по вся годы всеконечно исповѣдывались; ежели не случится кому въ великій постъ, то можно и въ другой который. И по прошествіи года велите священникомъ подавать росписи тѣмъ, которые были; и которыхъ имянъ въ росписи не явится, также и женъ ихъ и дѣтей —тѣхъ жестоко наказывать. Притомъ же всѣми образы надобно трудится, чтобъ было въ деревняхъ по нѣскольку человѣкъ умѣющихъ грамотѣ, въ чемъ состоитъ крайняя нужда. Того ради конюховыхъ дѣтей велите всѣхъ учить; и если у конюховъ мало, то брать и изъ крестьянъ сиротъ; буде же сиротъ не сыщется, то брать и у отцовъ, но токмо у такихъ, которые семьянисты, а такъ бѣдны, что съ нуждою и со скитаніемъ по міру питаются. Изо всѣхъ деревень выбери нынѣ десять человѣкъ, чтобъ не гораздо малые были, а имянно отъ осми лѣтъ до двѣнадцати, — и роздай священникомъ, и вели учить ихъ грамотѣ. И понеже имъ во дьячкахъ не бывать, того ради надобно, чтобъ только знали силу складовъ: для того вели учить прежде по новоизданнымъ азбукамъ, которыя печатаны съ толкованіемъ заповѣдей и съ символомъ вѣры ([3]); а потомъ, не уча часословъ, велите учить псалтырь. И когда которой, хотя и не доуча всей псалтыри, а совершенно познаетъ слогъ, отдавай въ Москвѣ учить писать хорошимъ писцамъ. А изъ сего польза та, понеже у насъ въ деревняхъ своихъ писцовъ нѣтъ, то, которые годны будутъ, отдавать въ деревнѣ прикащикомъ для записокъ, а протчіе годятся учить ремеслу, какое въ домѣ потребно будетъ. А паче всего великая нужда въ коновалахъ намъ: для того выбери нарочитыхъ робятъ двухъ умѣющихъ грамотѣ, и отдай учить иноземцу коновалу, чтобъ умѣли лечить лошадей и подковывать. Также крайняя нужда требуетъ, чтобъ во всѣхъ деревняхъ были свои кузнецы, понеже ни одинъ мужикъ не можетъ безъ того обойтися, чтобъ не имѣлъ въ желѣзной работѣ нужды, а отдаютъ въ дѣло чужимъ мужикамъ и платятъ за то иногда вдвое деньги. Того ради безо всякаго отлагательства выберите отъ семей выростковъ, робятъ такихъ, которые бѣдные, и отдайте добрымъ мастерамъ учить кузнечному ремеслу не въ годы, но съ рядою за ученье, и платить за то мои деньги. Также когда выучатца, купить имъ нужные инструменты на мои жъ деньги. И чтобъ было въ Батыевѣ два кузнеца, въ Никольскомъ, въ Васильевскомъ и въ Архангельскомъ ([4]) по одному; и чтобъ у нихъ всегда были ученики,—ежели охотниковъ не будетъ, то и по неволѣ брать такихъ же бѣдныхъ, и отдавать, дабы конечно свои не переводились. Также случаются домашніе мои нужды, также и крестьянамъ, а дома не всякъ можетъ сдѣлать; для того конечно выберите во всѣхъ деревняхъ такихъ же бѣдныхъ,и велите выучить колесниковъ, бочарниковъ, сани дѣлать и пр.

Пунктъ III. *О смотрѣніи надъ прикащиками, а прикащикамъ надъ ста-*

ростами, надъ выборными и, обще съ ними, надъ всѣми крестьянами, дабы обходились съ сосѣдьми ласково и учтиво; и о выборѣ во всѣхъ деревняхъ десятскихъ для смотрѣнія за крестьянами, которые бъ по торгамъ праздно не ѣздили; и о бытіи онымъ десятскимъ сборщиками Государевыхъ податей съ нихъ крестьянъ всякому съ своего десятка, и какимъ образомъ тѣ подати сбирать и платить.

Накрѣпко приказывайте и подтверждайте прикащикамъ, чтобъ въ сосѣдствѣ жили смирно и обходились бы съ сосѣдьми ласково и учтиво, понеже людская и мужичья всякая грубость и невѣжество причитается намъ самимъ въ поношеніе: и для того вы смотрите сего надъ прикащиками, а прикащики чтобъ смотрѣли надъ старостами, надъ выборными, и, обще съ ними, надъ всѣми крестьянами, дабы отъ постороннихъ отнюдь ни въ чемъ жалобы не было въ озорничествѣ и въ невѣжествѣ на людей моихъ и на крестьянъ. Буде же какая бы отъ кого кому хоть малая была учинена обида или противность, не токмо какому шляхтичу, но хотя послѣднему чьему и нищему крестьянину, дабы за то всякому конечно учинена была справедливая сатисфакція (то есть, за невѣжество и грубость чинить наказанье, а за корыстную обиду достойную заплату), и сверхъ того за преступленіе сего—наказанье; понеже потачка такихъ грубіянъ ни въ какое добро не приведетъ, но паче попускаетъ зло дѣлать: ибо безстрашіе, да къ тому же еще пьянство,—всякому непотребному и Богу противному дѣлу корень, отчего и всякія бездѣлицы происходятъ. Второе и то худо, естли кто обыкнетъ праздновать и лѣниться; оставя свой должный трудъ и работу, ѣздить по торжкамъ. Понеже у мужиковъ и у бабъ, мало не у всѣхъ, обычай, хотя есть нужда или нѣтъ, однакожъ надобно на торгу побывать; и вмѣсто того, чтобы сдѣлать себѣ отъ трудовъ своихъ какой прибытокъ, а иной и послѣднюю копѣйку пропьетъ; а и кромѣ того, гдѣ въ околичности поденные торжки, по которымъ мужики и бабы, лытая съ торгу на торгъ, цѣлую недѣлю могутъ проводить въ праздности и въ пьянствѣ: для того во всѣхъ деревняхъ выберите десятскихъ изъ лутчихъ мужиковъ и семьянистыхъ, перемѣняя ихъ погодно; и естли которая деревня больше пятнадцати дворовъ, тутъ опредѣлить двухъ десятскихъ; и ежели гдѣ десять дворовъ или меньше, тутъ быть по одному; однакоже, чтобъ ни одна деревня безъ десятскаго не была. И тѣхъ, которые десятскими выбраны будутъ, такъ и въ книгахъ десятскимъ писать; имъ же и сборщиками быть податей, чтобъ всякой собиралъ съ своего десятку по приказу прикащикову, старостъ и выборныхъ; и приказать, чтобъ того десятка тому десятскому были всѣ послушны. А подати поголовныя собирать не тогда, когда спрашиваютъ, и не по третямъ года, но по вся мѣсяцы: понеже такъ будетъ мужикамъ легче. И собравъ, десятскимъ съ своего десятка деньги приносить къ выборнымъ и къ старостамъ на мой дворъ при собраніи; а имъ того-жъ часа приносить тѣ деньги къ прикащику, и класть въ ящикъ нарочно къ тому сдѣланной, которой чтобъ былъ крѣпкой и за замкомъ и за печатьми прикащика, старосты и выборныхъ. И по принятіи денегъ прикащику спрашивать мужиковъ и сличать, тольколь съ нихъ десятской собралъ, что въ отдачу отдалъ. И такимъ образомъ всегда податныя деньги принимать,—не одинъ на одинъ, но при собраніи, для чего нарошно всѣхъ старшихъ отъ семей собирать. А когда придетъ торминъ (или срокъ) платежа по-

датей, и естли пріѣдетъ земской коммиссаръ для собранія податей, тогда прикащику призвать къ себѣ старосту, выборныхъ и всѣхъ десятскихъ, и при нихъ тотъ ящикъ распечатать и деньги отдать; и потомъ паки такъ же запечатать, какъ выше показано. Буде же коммиссаръ земской самъ не пріѣдетъ, а потребуетъ, чтобъ деньги къ нему были привезены, возить и къ нему самому прикащику съ старостою, или съ выборнымъ, и притомъ съ двумя или съ тремя десятскими; а съ одними мужиками безъ прикащика отнюдь не посылать, понеже отъ того бываютъ мужикамъ напрасные убытки. Такъ же и для приказныхъ нуждъ въ городы отнюдь однихъ мужиковъ не посылать, а ѣздить прикащику самому съ выборнымъ и съ двумя десятскими.

Пунктъ XI. *О смотрѣніи, чтобъ въ деревняхъ убогіе и сироты по міру не скитались, и ежели такіе явятся, какъ съ ними поступать.*

Во всѣхъ деревняхъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ престарѣлые какъ мужеска, такъ и женска полу по міру не скитались, также и сироты безъ призрѣнія не бродили и не лытали, но обучались бы работать всякъ по своей возможности и по силѣ. И для того велѣть такихъ нищихъ престарѣлыхъ и сиротъ, также и убогихъ вдовъ во всѣхъ деревняхъ переписать особливо, и потому самому съ прикащиками и старостами пересмотрѣть, и которые явятся, что они могутъ работать, тѣхъ отдавать въ работу своимъ крестьянюмъ, которые заживные, и велѣть ихъ кормить и одѣвать, понеже они чужихъ наймутъ же себѣ въ работу. Буде же тѣ нищіе бродятъ для того только по міру, чтобъ туне ѣсть хлѣбъ, а не работать, такихъ насильно къ работѣ принуждать и наказывать; и когда будутъ жалобы приносить тѣ хозяева на нихъ, что они работать лѣнятца, такимъ чинить жестокое наказанье, понеже и законъ Божій учитъ, дабы никто туне хлѣба не ялъ. А кому такіе нищіе въ работу и въ пропитаніе розданы будутъ, имѣть тѣмъ особливыя книги; а другихъ, естли некому отдать или нужда моя требуетъ, брать на мой дворъ и кормить моимъ хлѣбомъ и одѣвать, только того смотрѣть, чтобъ туне никто не ялъ хлѣба.

Пунктъ XII. *О приниманіи престарѣлыхъ и увѣчныхъ и сиротъ на мой дворъ и о призрѣніи ихъ кормомъ и одеждею, а которые безродные, а молодые, оныхъ по возрастѣ куда опредѣлять.*

Буде явятся дворовые или крестьяня такіе престарѣлые, что уже они никакой работы работать не могутъ, или, кромѣ старости которые слѣпы, или хромы такъ, что ходить не могутъ, или безрукіе и не могутъ никакъ себя пропитать, кромѣ одной милостыни, а не имѣютъ у себя ни родственниковъ, ни свойственниковъ, и хотя и имѣютъ, но они ихъ пропитать конечно не могутъ, такихъ всѣхъ брать на мой дворъ и кормить ихъ моимъ хлѣбомъ, какой гдѣ Богъ дастъ. Сверхъ того приказать и самому конечно смотрѣть, чтобъ ходили за ними дѣловыя бабы и обмывали ихъ и покоили. Имъ же давать въ годъ по двѣ рубашки, а въ два года по сермяжному кафтану да по двѣ овчины на безрукавные полушубки, и по шапкѣ; и сіе со всякимъ прилежаніемъ дѣлать и исполнять, понеже въ томъ состоитъ христіанская должность, и вы дадите отвѣтъ въ томъ, гдѣ того не сдѣлано хотя одному какому будетъ. Между тѣмъ чаю вездѣ есть довольно одинокихъ и безтяглыхъ холостыхъ робятъ (или и впредь гдѣ будутъ), которые отъ младенчества и до возраста скитаютца по міру, такихъ брать на мой дворъ (ежели крестьяня свои не возьмутъ въ ра-

боту), и велите работать имъ всякую крестьянскую работу на моихъ лошадяхъ, и одѣвать ихъ и кормить и за нихъ платить подати подушныя, и которые годные явятца, тѣхъ опредѣлять въ конюхи, а за тѣмъ кои останутся, а пожелаютъ крестьяня принять къ себѣ въ домъ въ семейство, такихъ выпускать въ крестьяны и женить, а протчихъ держать и для того, естли случитца поборъ въ солдаты, то вмѣсто того, что у крестьянъ дѣтей брать съ тяглъ, отдавать изъ нихъ въ солдаты, и сіе держать секретно, дабы они не вѣдали.

[1]) Напечатано въ 1 — 4 №№ Москвитянина 1854 г. Изъ Записки объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, кабинетъ—министрѣ императрицы Анны, (Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. 1858, кн. 2) видно, что онъ писалъ разные проэкты и разсужденія, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаетъ «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ». О немъ говоритъ Екатерина II, въ завѣщаніи своемъ по дѣлу Волынскаго, 1765 г. (Ibid, кн. 4).

[2]) и [3]) Букварь славенскій, съ толкованіемъ 10 заповѣдей, символа Вѣры, молитвы Отче нашъ и блаженствъ евангельскихъ. Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича. 1724. (Соп. I, 174). Есть еще другое сочиненіе Прокоповича: Христовы проповѣди о блаженствахъ толкованіе (1722).

[4]) Села, принадлежавшія Волынскому.

XXII.

ЗАПИСКИ ЖЕЛЯБУЖСКАГО (съ 1682 по 1709). ([1]).

О мужикѣ хотѣвшемъ летать.

Тогожъ мѣсяца апрѣля въ 30 день ([2]) закричалъ мужикъ: караулъ! и сказалъ за собою государево слово ([3]), и приведенъ въ стрѣлецкой приказъ([4]), и роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ, что онъ, сдѣлавъ крылѣ, станетъ летать, какъ журавль. И по указу Великихъ Государей ([5]) сдѣлалъ себѣ крылѣ слюдные, а стали тѣ крылѣ въ 18 рублевъ изъ государевой казны. И бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ ([6]) съ товарищи, и съ иными прочими, вышедъ, сталъ смотрѣть; и тотъ мужикъ тѣ крылѣ устроя, по своей обыкности перекрестился, и сталъ мѣхи надымать ([7]), и хотѣлъ лѣтѣть, да не поднялся, и сказалъ, что онъ тѣ крылѣ сдѣлалъ тяжелы. И бояринъ на него кручинился, и тотъ мужикъ билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другіе крылѣ иршеные ([8]); и на тѣхъ не полетѣлъ, а другіе крылѣ стали въ пять рублевъ. И за то ему учинено наказанье: бить батоги снемъ рубашку, и тѣ деньги велѣно доправить на немъ и продать животы ево и остатки.

2. *О бунтѣ стрѣльцовъ въ 1698 г.*

206 году ([9]) іюня въ 11 день сказана сказка стольникомъ ([10]), и стряпчимъ ([11]), и дворяномъ московскимъ, и жильцомъ ([12]), чтобъ имена свои записывали въ Розрядѣ ([13]) для того, что въ нынѣшнемъ 206 году, своимъ самовольствомъ, безъ указу Великого Государя, идутъ съ службы съ Великихъ-Лукъ, четыре приказа стрѣлецкихъ, покинувъ своихъ четырехъ полковниковъ, а вмѣсто тѣхъ полковниковъ выбрали они стрѣльцы изъ своей братьи начальныхъ людей четыре человѣка, и идутъ къ Москвѣ собою для волненія и смуты и прелести всего Московского государства.

И о томъ съ Москвы, послѣ сказки, по городамъ посланы Великого Государя

грамоты, чтобъ ѣхали всякихъ чиновъ люди къ Москвѣ безсрочно.

Іюня въ 13 день во вторникъ, по указу Великого Государя, генералъ Петръ Ивановичь Гордонъ, съ пѣхотою, съ солдаты съ Бутырскими, и съ Преображенскими, и съ Семеновскими, выступилъ на Ходынку ([14]) и сталъ обозомъ.

И послѣ ево генерала Петра Ивановича выступилъ бояринъ Алексѣй Семеновичь Шеинъ съ конницею съ Москвы въ обозъ, въ среду іюня въ 14 день, и того числа былъ смотръ всѣмъ стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ и жильцомъ.

Іюня въ 16 день, въ 3 часу дня, въ Тушинѣ ([15]), росписаны были роты, и кому быть у ротъ ротмистрами, и кому гдѣ въ ротѣ, чтены имены ихъ, и завоеводчикомъ ([16]), и есауломъ ([17]).

И тогожъ числа бояринъ Алексѣй Семеновичь съ полками изволилъ иттить въ Воскресенское на скоро, и дошелъ того числа до Воскресенского монастыря ([18]) поздно, часу въ другомъ ночи, и въ то время полки управлялись, конница и пѣхота.

А приказы стрѣлецкіе ([19]), которые шли съ Лукъ-Великихъ, пришли къ томужъ Воскресенскому монастырю и сошлись пѣхота съ пѣхотою, они стрѣльцы съ солдаты.

И генералъ Петръ Ивановичь Гордонъ съ тѣми стрѣльцами говорилъ, и они ему кланялись и съ нимъ говорили: мы де идемъ къ Москвѣ милости просить о своихъ нуждахъ, а не драться и не биться.

И онижь стрѣльцы, той ночи перешедъ къ монастырю, стали убрався обозомъ, съ пушки и со всякимъ ружьемъ, ратнымъ ополченіемъ.

И по утру въ субботу бояринъ Алексѣй Семеновичь къ нимъ стрѣльцамъ посылалъ отъ себя товарищей своихъ, и самъ имъ о всемъ изволилъ говорить, чтобъ они, взявъ жалованье, и шлибъ на службу въ указное число.

И стрѣльцы въ томъ упорно отказали и просились къ Москвѣ повидаться съ женами и съ дѣтьми, и послѣ того просили они съ Москвы къ себѣ женъ и дѣтей, и какъ де жены и дѣти у насъ будутъ, куды де Великій Государь насъ послать укажетъ, туды де мы и пойдемъ.

И бояринъ Алексѣй Семеновичь приказалъ въ полковомъ шатрѣ начинать молебенъ и воду святить, а ротамъ велѣлъ убираться, также и пѣхотѣ къ бою.

И стрѣльцы у монастыря стоятъ, устроясь обозомъ со всякимъ ружьемъ. Въ тожъ число пѣли свой молебенъ и воду святили, и къ бою многіе исповѣдывались, и крестъ всѣ цѣловали промежь собою, что имъ умереть другъ за друга безо всякія измѣны.

И послѣ молебнаго пѣнія, бояринъ и воевода Алексѣй Семеновичь приказалъ иттить своимъ ротамъ, и поставлены были тѣ роты на горѣ противъ ихъ стрѣлецкого обозу, сажень во шестидесять.

А генералъ Петръ Ивановичь Гордонъ, съ пѣхотою, съ солдаты, сталъ убрався съ пушки, по другую сторону противъ ихъ обозу на горѣ.

И послѣ того полкового управленія и убору, бояринъ Алексѣй Семеновичь посылалъ къ нимъ, къ ихъ стрѣлецкому обозу, говорить посыльного Тимоѳея Ржевскаго, чтобъ они ружье покинули и вышлибъ изъ обозу, и въ винностѣхъ своихъ Великому Государю добили челомъ, и Великій Государь въ винѣ ихъ пожалуетъ проститъ. А будетъ они стрѣльцы ружье свое не покинутъ и изъ обозъ съ виною не выдутъ, и бояринъ Алексѣй Семеновичь велитъ къ нимъ въ обозу по нихъ стрѣлять изъ пушекъ безъ милости.

И стрѣльцы въ томъ Ржевскому от-

казали, и изъ обозу своего не вышли своимъ непокорствомъ, и говорили сами, чтобъ по нихъ изъ пушекъ стрѣлять: «мы де того не боимся, видали де мы пушки и не такія».

И бояринъ Алексѣй Семеновичь, видя ихъ такое къ себѣ непокорство и злое ихъ такое намѣреніе, приказалъ по нихъ стрѣлять изъ пушекъ.

И по нихъ изъ пушекъ почали стрѣлять, и стрѣльцы ударили по барабаномъ тревогу, и всѣ стали подъ знаменами и по урѣченнымъ мѣстамъ въ обозѣ, и почали стрѣлять изъ своихъ полковыхъ пушекъ изъ обозу: только отъ нихъ вреды ([20]) мало чинилось: Богъ хранилъ, а только ранили небольшихъ; а у нихъ убытокъ сталъ быть и утрата отъ пушекъ великая.

И они почали шапки махать и знамены свои положили, и почали изъ обозу бѣжать и къ боярину выходить, а попы ихъ полку взяли на руки полковыя иконы и пошли изъ обозу вонъ. А изъ пушекъ стрѣльба не унялась. А иные пошли было изъ обозу на вылазку, только оторопѣли. И послѣдніе вышли изъ обозу и ихъ вогнали въ роты къ конницѣ и гнали ихъ, какъ животину, до Воскресенского монастыря, и въ монастырѣ ихъ посадили по разнымъ кельямъ за карауломъ.

А бояринъ пошелъ въ соборную церковь и слушалъ молебна, и послѣ молебного пѣнія кушалъ, по позыву, у архимандрита.

И съ тѣмъ отъ себя бояринъ послалъ съ сеунчемъ ([21]) Михайла Приклонского.

И послѣ того стрѣльцовъ разбиралъ и смотрѣлъ бояринъ Алексѣй Семеновичь, и спрашивалъ у тѣхъ полковъ у стрѣльцовъ: кто воръ и кто добрые люди, и которые были въ Москвѣ и бунтъ заводили? И ихъ о томъ о всемъ роспрашивали и пытали, и послѣ роспросу и пытки, напередъ казнили бѣглецовъ, которые приходили къ Москвѣ, двадцати четырехъ человѣкъ.

И послѣ той казни іюня въ 27 день, въ воскресенье, присланъ съ Москвы окольничей князь Ѳедоръ Ивановичь Шаховской, и тогожь числа онъ боярина и воеводу Алексѣя Семеновича спрашивалъ о здоровьѣ и службу ево милостиво похвалялъ, также и товарищевъ и ево полку полчанъ, стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и начальныхъ людей солдатскихъ полковъ.

И того же числа стрѣляли изъ пушекъ про Государское здоровье.

И послѣ того были розыски великіе и пытки имъ стрѣльцомъ жестокія.

И по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены въ ихъ стрѣлецкомъ обозѣ, гдѣ они чинили противность, а иные вѣшены по дорогѣ.

А въ обозѣ ихъ побито и ранено всего 107 человѣкъ, а казнено 57 человѣкъ, а повѣшено 67 человѣкъ.

Іюля въ 3 день, въ воскресенье, въ Воскресенскомъ, по указу Великого Государя и по грамотѣ съ Москвы изъ стрѣлецкого приказу, большого полку боярина и воеводы Алексѣя Семеновича всѣхъ ратныхъ людей ево полку, ему боярину Алексѣю Семеновичу велѣно — ихъ ратныхъ людей роспустить, пересмотря всѣхъ на лицо по своему разсмотрѣнію.

И того же числа всѣ ратные люди по указу роспущены.

А достальныхъ стрѣльцовъ розослали въ ссылку по разнымъ городамъ, у всякого человѣка забито на ногѣ по деревянной колодкѣ. А подводы были подъ тѣхъ стрѣльцовъ монастырскія, и провожатые за ними служки монастырскіе Троицы Сергіева монастыря и иныхъ розныхъ манастырей.

А на Москву въ тѣхъ же числѣхъ пришли изъ розныхъ государствъ Нѣмцы

гусары и онженеры ([22]), всего ихъ пришло 700 человѣкъ.

Да съ нимижь пришелъ изъ Риму, отъ папы римского митрополитъ : просился у нашего патріарха , чтобъ ево велѣлъ пустить въ соборную Апостольскую церковь побывать. И святѣйшій патріархъ ево въ соборную Апостольскую церковь пускать не велѣлъ. И тотъ римской митрополитъ говорилъ съ соборными протопопы и архідіаконы о вѣрѣ православной христіянской, и о законѣ, и о церквахъ , и о службахъ , чтобъ службы служить церковныя на однихъ опрѣснокахъ, а не такъ, какъ у насъ, и иные сказывалъ многіе прилоги ([23]) : «я де самъ лучше вашего патріарха». И такое розвращеніе и мятежъ противъ ево словъ сказали святѣйшему патріарху , и святѣйшій патріархъ велѣлъ ему говорить: «за такой де мятежъ и прещеніе ([24]) церквамъ не подобаетъ тебѣ быть въ Московскомъ государствѣ; за такимъ де мятежемъ не велитъ тебѣ святѣйшій патріархъ и въ Кремль пускать , не токмо что по церквамъ ; ты де сталъ соборной восточной Апостольской церкви противникъ, а народу мятежникъ».

[1]) «Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709 г., изд. Д. Языкова (1840)». Другія изданія: Туманскаго, въ 7 ч. Собранія разныхъ записокъ (1787) и г. Сахарова въ «Сказаніяхъ русскихъ людей (1841)». Онѣ начинаются извѣстіемъ о кончинѣ Ѳеодора Алексѣевича (27 апрѣля 1682) и оканчиваются извѣстіемъ о полтавской битвѣ (27 іюня 1709). Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій былъ окольничимъ и воеводою черниговскимъ.

[2]) 1695 г.

[3]) *Государево слово* или *слово и дѣло*—вообще дѣло касавшееся интересовъ общественныхъ, государственныхъ. Въ частности значило государственное преступленіе. Въ послѣдствіи, кто кричалъ это слово, того брали и отводили въ тайную канцелярію, а ежели онъ при этомъ кого схватывалъ, или на кого указывалъ, то и этого забирали.

[4]) Управлявшій дѣлами стрѣльцовъ.

[5]) Іоанна и Петра.

[6]) Начальникъ стрѣлецкаго приказа.

[7]) Надувать.

[8]) Сдѣланныя изъ *ирхи*, т. е выдѣланной на подобіе замши овечьей или козьей шкуры.

[9]) 7206 отъ сотворенія міра, или 1698 по Р. Х. Подробное описаніе стрѣлецкаго бунта 1698 см. въ Ист. Царствованія Петра I, г. Устрялова, ч. III, гл. 6.

[10]) Придворные чиновники, имѣвшіе смотрѣніе за царскимъ столомъ.

[11]) Чиновники, находившіеся при Государѣ для исполненія разныхъ услугъ.

[12]) Жильцами назывались тѣ городовые дворяне, которые посрочно обязаны были жить въ Москвѣ для службы.

[13]) Разрядный приказъ: въ немъ содержались списки служилыхъ русскихъ людей съ ихъ помѣстными окладами и, по этимъ спискамъ, Разрядъ наряжалъ ихъ на службу.

[14]) Ходынское поле, за тверской заставой, въ Москвѣ.

[15]) Село Тушино, подъ Москвою.

[16]) Чиновники, обязанные заступать мѣста воеводъ, въ случаѣ ихъ отлучки, болѣзни или смерти.

[17]) Или «ясауломъ» (турец. слово) — чиновники употреблявшіеся для посылокъ,

[18]) Построеннаго Никономъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы.

[19]) Въ послѣдствіи полки стрѣлецкіе—отдѣленія стрѣльцовъ, подъ начальствомъ головы, которому они были приказаны.

[20]) Отъ существ. жен. р. «вреда», вм. муж. «вредъ».

[21]) *Сеунчъ*, или *сюнчъ* (татар слово, значащее радость) — посылаемый съ радостнымъ извѣстіемъ.

[22]) Инженеры.

[23]) Прибавленія, приговорки.

[24]) Угроза.

XXII.

ГР. Ѳ. А. МАТВѢЕВЪ. (1).

А. Записная книга всякимъ вѣдомостямъ (1700—1702).

(По рукописи И. П. Б.)

Сего августа въ 8 д., бывъ у меня здѣсь резидуючии аглинской чрезвычайныи посланникъ господинъ Стангопъ, именемъ своеи государыни королевы великобританскои Анны вручилъ грамоту надлежащую до васъ, съ возвѣщениемъ о смерти Вилгелма 3 (2), успшаго короля, и о возвышении ея на тѣ государства, и списокъ съ тои грамоты на латинскомъ языкѣ, чтобъ ее до васъ мнѣ, не омедля, донесть, которая та подлинная грамота за государственною печатью во всякой цѣлости и съ списку того переводъ для вѣдома вамъ посланы при семъ моемъ писмѣ. О умотчаніи (3) тои посылки велми покорно оговаривался передъ мною, что ни за чѣмъ инымъ та грамота позамедлила, токмо за премѣною новаго стацкаго секретария (4) государства ихъ. При тѣхъ разговорѣхъ по дружбѣ своеи ко мнѣ за секретъ сказалъ мнѣ, что караванъ (5) болшои соединенной аглинскои и галанскои съ кораблями путь свои предприялъ въ Кадиксъ въ Гишпанию, а меншеи въ Лизабонъ на португалскаго короля, чтобъ его тѣмъ принудить къ цесарю и къ союзникомъ его въ новои союзъ, и отъ Ѳранцуза отвесть. Онъ же меня увѣдомилъ, что курѳорштъ баварской (6), хотя здѣсь были слухи, что онъ по таинои пересылкѣ отъ Ѳранцуза направленъ соединитца при нынѣшнои бытности шведовои въ Полщѣ съ нимъ, въ Силезии, и напасть, при недостаткѣ воискъ на границахъ у цесаря (7), на него и на цесарство его, однакоже онъ курѳорстъ по вѣрнои къ нимъ вѣдомостй намѣренъ приложитца въ союзъ къ цесарю и союзниковъ его; толко говорилъ о принцѣ Контии (8), что конечное рѣшение отъ Ѳранцуза принялъ онъ ехать въ Полщу для получения при семъ противномъ случае (9) полскои короны. Также Ѳранцузъ объ немъ къ Шведу и силнымъ велможамъ полскимъ таино отъ себя писалъ, і во Гданескъ (10) къ магистрату о вспоможении ему Контию во всемъ, обѣщая имъ оставить всѣ запросы тѣхъ убытковъ, въ прежнемъ случае отъ нихъ учиненныхъ ему, и торговлю свободную съ своимъ государствомъ; однакоже Гданчане болшую имѣютъ куплю и прибылнѣе съ Галанцами и Агличаны, нежели съ Ѳранцузы, для того отъ ихъ города малои здѣсь начаютца (11) быть склонности къ его Ѳранцузову желанию и воли, развѣ отъ Поляковъ самихъ. Объ отъездѣ его пишутъ иныя, что уже таино поѣхалъ въ Полщу, а иныя что еще въ Париже.

Изъ Англии писано сюды секретно, что королева, съ статомъ секретариемъ своимъ въ таиномъ совѣтѣ будучи, намѣрила къ вамъ, и къ полскому королю, и къ Шведу послать отъ себя нарочно чрезвычаиныхъ посланниковъ наскоро— просить о примирении настоящихъ ссоръ подъ честными кондиціи, и о порывѣ (12) воины для общаго блага всеи Европѣ, и чтобы господа статы (13) также учинили по согласию съ нею; а ежели Шведъ по многимъ ихъ напоминаниямъ не склонитца, какъ ее величество, такъ и господа статы таино здѣсь уже постановили между собою — будущеи весны послать воинскои свои ѳлотъ караблеи воинною на него Шведа, какъ прежде было отъ нихъ учинено Копенгагену. Что изъ то-

го общаго ихъ намѣренія впредь исполнитца, подлиннѣе тогда вамъ донесу.

—

Преславная побѣда вашихъ воискъ, бывшая въ Ливоніи надъ шведовымъ неприятелскимъ генераломъ Шлипембахомъ (14), ото всѣхъ сторонъ, и отъ самыхъ неприятелскихъ городовъ единогласно подтвержаетца, какъ о томъ имянно вамъ доносилъ я на прошлои почтѣ вышеозначеннаго числа, что великую язву нанесло шведову здѣшному послу Лилиенроду (15) і всѣмъ Шведомъ, въ провинциахъ сихъ обрѣтающимся, хотя онъ посолъ всячески трудитца разсѣвать въ людехъ, бутто тотъ генералъ былъ съ малымъ числомъ людеи, и потерялъ толко 800 человѣкъ. Однакоже, извѣстился отовсюду о тои истинѣ великаго шведова урону, здѣсь всѣ не вѣрятъ тѣмъ ихъ лжамъ; о тои вашеи побѣдѣ надъ Шведомъ, видя его Шведа горда и злобна и къ Ѳранцузу склонна, сердечно весь галанскои народъ, правду доношу, что радъ и болшаго ожидаютъ изъ приходу вашихъ воискъ въ Лиѳлянды дѣиства.

В. ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ГАГИ ВЪ ПАРИЖЪ (1705) (16).

Представленіе Матвѣева Людовику XIV.

Въ 28 день (17) посолъ обослался изъ Парижа въ Фонтенебло, чрезъ дворянина Зотова, тогда въ Парижѣ обрѣтавшагося, королевскаго величества французскаго съ стацкимъ министромъ, секретаріемъ королевскимъ чужестранныхъ дѣлъ, съ господиномъ съ маркизомъ де Торціемъ (18), требуя прилѣжно королевскаго дозволенія и указа, когда на пріѣздъ и гдѣ у его высокопомянутаго величества быть господину послу. Тотъ министръ по обсылкѣ его посольской учинилъ отповѣдь черезъ дворянина Зотова, что король, его государь, во время своего бытія въ Фонтенебло не забавляется въ дѣлахъ звычайныхъ (19), развѣ въ самыхъ нужныхъ совѣтахъ воины или своего государства; къ тому жъ за нѣкоторою его болшею болѣзнью времени не достаетъ. И этотъ пріятный совѣтъ имѣетъ господинъ посолъ за нѣкоторый видъ королевской воли, хотя онъ (20) и собою говоритъ, что его превосходительству не есть случай нынѣ пріѣхать въ Фонтенебло.

По возвращеніи королевскомъ изъ Фонтенебло до Версаліи и по обсылкѣ посольской вновь съ маркизомъ де Торціемъ, назначена ему, послу, яко инкогнито присланному, отъ короля аудіенція приватная сего октября въ 25 день въ Версаліи. По назначеніи тому прибылъ посолъ изъ Парижа въ Версалію и введенъ былъ отъ вышепоименованнаго стацкаго секретарія къ королю въ самой его королевской внутренній кабинетъ, гдѣ его величество, кромѣ принцевъ высокихъ и посла, никому приватныхъ аудіенцій по тотъ часъ не давывалъ и гдѣ всегда отъ него, короля, тайные совѣты отправляются. То введеніе послу было отъ него стацкаго секретарія безъ всякихъ публичныхъ церемоній, для того что онъ, посолъ, присланъ былъ къ королю инкогнито.

Въ кабинетѣ его королевское величество стоялъ при столѣ у окна, въ кафтанѣ французскомъ суконномъ темно-лимоннаго цвѣту, шитомъ мѣстами золотомъ, безъ шляпы. Вшедши и учиня его величеству посолъ по чину европейскому три обычайные поклона въ поясъ, отправлялъ послѣдующую рѣчь, въ которое время король стоялъ (21). По отправленіи посольской рѣчи, Его Царскаго Величества грамоту присланную выслушавъ, не только почтенно, но зѣло пріятельски къ себѣ присланную грамоту у посла изъ его рукъ принялъ съ прямымъ дружескимъ видомъ. Потомъ его королевское

величество изволило само ему, послу, говорить, что отъ Его Царскаго Величества та къ нему его посла присылка зѣло есть угодна и что онъ все учинитъ къ царской угодности такъ, что въ его возможности будетъ. Также и о особѣ посольской особливо сказалъ король себя быть весьма удовольствованна.

При той аудіенціи, во время рѣчей королевскихъ, титла достойная Его Царскаго Величества съ высокимъ почтеніемъ всегда упоминалась и въ отвѣтахъ маркиза де Торція. Также этотъ министръ при самой бытности королевской въ ту аудіенцію послу давалъ въ своихъ и отъ короля въ словахъ почтеніе превосходительства, какъ то посломъ публичнымъ отдается безъ всякой разности, хотя онъ, посолъ, присыланъ тогда инкогнито.

Король есть великаго роста, дебелости изрядной и умѣренной, глазъ остроту и въ словахъ зѣло ласковъ, учтивъ и пріятенъ; говоритъ громко и склонности много. Имѣлъ тогда 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, однако гораздо еще бодраго состоянія въ здравіи своемъ находится. Великое воздержаніе въ яствахъ и питіѣ имѣетъ и всегда для осторожностей состоянія своего на вся мѣсяцы принимаетъ лекарства; также и для обученія плоти повседневно ѣздитъ на свои охоты и забавы въ ближайшія селы.

Онъ, король, приписуетъ себѣ именованіе Людовика Великаго за свои счастливыя дѣла, преславныя побѣды и чрезвычайныя благополучія въ дѣлахъ при правленіи монархіею, какъ въ его королевствѣ, такъ и по всей Европѣ.

В. ИСТОРІЯ СТРѢЛЕЦКАГО БУНТА (1682) ([22]).

Въ 15 день іюня мѣсяца ([23]), оба братья, Государи Цари Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ рукою Іоакима патріарка московскаго, по древнему чину царскому, въ соборной великой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, царскимъ вѣнцемъ были вѣнчаны.

Бунтовое-жъ то время человѣкоугодницы придворные скрывая, называли смутнымъ временемъ. Въ туже пору онъ вышеименованный бояринъ Милославскій ([24]), прозорливыми усмотря очами внутренняго коварства изъ придворнаго въ немъ лютаго коварства съ сообщниками своими, яко перводѣйствительный сочинитель всего того стрѣлецкаго воровства и онаго бунта, и всегда остротою совѣсти безпокойной своей пронзенъ былъ, отъ сего въ высокомъ кабинетѣ злоконечно предостерегалъ себя, ради необходимаго впредь ожидаемаго ему въ Россійской Имперіи и въ будущихъ ео временемъ новыхъ перемѣнъ въ неукоснительномъ времени по его злой заслугѣ воздаянія. Умыслилъ при томъ же еще бунтѣ отъ всего того прежняго учиненнаго вышепомянутаго стрѣльцами соединенія, въ сторону уклоняяся, тайно, представилъ ей царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ, чтобъ тогда все правленіе то стрѣлецкое поручить бывшимъ боярамъ: князю Ивану Андреевичу и сыну его князю Андрею Ивановичу Хованскимъ, изъ которыхъ первый всенародно «Тараруемъ» называемъ былъ тою причиною, что онъ, гдѣ при полкахъ воеводою ни служилъ, вездѣ не постоянствомъ и безумною трусостію не токмо благополучной случай къ находкѣ надъ непріятелями бывшими, а именно надъ Поляками и Шведами, упускалъ, но и разныхъ россійскихъ людей радомъ вездѣ-жъ терялъ. Вышеименованный же сынъ его самомнительный былъ человѣкъ, токмо по фамиліи своей княжеской всякаго властолюбія суетнаго желалъ, но высокоумно безосновательную голову имѣлъ. Вмѣсто же ожидаемаго впредь большаго имъ себѣ благополучія, они оба до горшаго сами

себя злосчастія и великой погибели довели; о чемъ на своемъ мѣстѣ покажется.

Какъ подобно мудраго изъ старыхъ филосоѳа Езопа притчѣ, всегда нижеименованный Милославскій вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна пожелала каштана, то есть нѣкотораго плода съ древесъ меньше грецкаго орѣха, вкусомъ горековатымъ, испеченна, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда, поймавъ та обезьяна кошку и взявъ лапы ея кошечьи въ свои руки, скоро оной плодъ выбравъ, въ желаемую себѣ сладость получила и ими удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ онъ господинъ Милославскій людей тѣхъ, безразсудливыхъ Хованскихъ князей, равно какъ обезьяна, въ свои лукавыя руки, яко кошекъ, помкнулъ ([25]) и сдѣлалъ участниками гнусныхъ тѣхъ преждебывшихъ своихъ дѣлъ. И то все правленіе велѣно вѣдать имъ боярамъ князьямъ Хованскимъ и стрѣлецкій приказъ, которую власть они съ лѣпотою любочестія своего приняли, ко многому себѣ яко бы почтенію со всемѣрнымъ удовольствіемъ. Отъ чего они князья Хованскіе со дня на день въ славѣ и той ихъ стрѣлецкой радости превосходить начали, и во всемъ имъ стрѣльцамъ больше отъ безумія своего любительно снисходили и слѣпо угождали, что уже стрѣльцы его стараго князя Хованскаго, лукаво любя, «батюшкомъ» своимъ называли, и завсегда за нимъ ходили и бѣгали въ безчисленномъ множествѣ, и куда онъ ни ѣхалъ, во всѣ голоса передъ нимъ и за нимъ кричали: «большой, большой»! И въ такой великой кредитъ тѣмъ своимъ безумнымъ поведеніемъ они князья Хованскіе къ нимъ стрѣльцамъ вошли, что они стрѣльцы всѣхъ бывшихъ полковъ въ собственной ихъ князей Хованскихъ волѣ и во власти были. Въ ту жъ пору старый князь, за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его, вдову, за себя за мужъ идти; сынъ же его князь Хованскій такъ высоко разгордился, что многимъ особамъ знатнымъ публично ими стрѣльцами смертнымъ убійствомъ угрожалъ. Тогда за такимъ великимъ страхомъ ихъ стрѣлецкимъ имъ князьямъ Хованскимъ ничего вопреки никогда прямо говорить никто не смѣлъ. И такимъ порядкомъ оное время еще при той скоропостижной и тщетной власти въ Москвѣ продолжалося. Держава же ея царевны Софіи Алексѣевны внутренно у выборныхъ и сильныхъ стрѣлецкихъ тѣхъ полковъ людей повсемѣрно и сильно приростала, и во всемъ укрѣплялася, и тайные выходы и сношенія и совѣты съ ними непрестанно умножалися. Хотя она жъ царевна ихъ Хованскихъ князей властію тою стрѣлецкаго правленія ради вышепомянутыхъ причинъ повысила тогда, наибольше за видностную токмо особую ихъ фигуру, но до времени вѣдала, что ихъ Хованскихъ князей правленію слабому и природному долгостоятельному быть не можно.

Тогда-жъ они князья Хованскіе, угождая стрѣльцамъ, многія суммы денегъ изъ царской казны имъ роздали, какъ бы заслуженное; тако жъ, побитыхъ бояръ и иныхъ чиновъ пожитки забравъ, продавали, а деньги имъ же стрѣльцамъ въ раздачу раздавали, хотя быть ими любимыми и чрезъ ихъ вышнюю честь охраненіе тѣмъ получить.

Содержалъ же онъ старый князь Хованской тайно у себя Капитонскаго ([26]) еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ, Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ, и сообщниковъ его распопъ ([27]), такихъ

же раскольниковъ, которые уже за тотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерской острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царской домъ хулы сожжены были.

Тогда-жъ объявилися въ стрѣльцахъ многіе раскольники. Получа своему зломыслію угодное ([28]) время, начали совѣтовать: «какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретичеству противную, разорить и правовѣрныхъ побить?» Того ради изобрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго, и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ Пустосвята, и черщовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ. Оный же Никита, отъ той своей ереси преждеотступникъ, уже было покаялся подъ лицемѣріемъ, какъ давній неистовый Арій, и на свои прежнія блевотины ([29]), тому же подобно, возвратился. И вмѣстѣ они мятежники капитоны начали общему народу на площади и по улицамъ свою проповѣдь чинить: «чтобъ въ церковь не ходили, святаго креста и святыхъ иконъ новописанныхъ не почитали, и всѣхъ таинствъ церкви Восточной совершаемыхъ гнушалися бы и не принимали, книгъ же новоисправныхъ не чли, а держали бы старую, ими называемую капитонскую вѣру». Оные же, недавно пришедшіе премногіе простецы мужики, не зная совершеннаго древняго устава въ законѣ, чарованьми ([30]) лютыми у лжеучителей своихъ наученые, по лѣсамъ временному и вѣчному огню себя безразсудно на сожженіе предавали, страждуще горьше проклятаго Арія, не вѣдая ни писанія, ни истины Божія. И по челобитью тому-жъ раскольничью чрезъ помощь его князя Хованскаго, уже попущено было о всемъ томъ, и прѣнію у нихъ стрѣльцовъ и капитоновъ лжеучителей о вѣрѣ съ самимъ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ и со архіереи соборно въ грановитой палатѣ положено быть.

Мѣсяца іюля въ 5 день, собралися въ грановитую благочестивые Государи Цари, и благовѣрныя Царицы, благородныя Царевны, святѣйшій патріархъ со освященнымъ соборомъ, царскій синклитъ и прочіе правовѣрные народы; въ то-жъ время пришли и мятежники тѣ стрѣльцы, со всѣми лжеучители капитоны и прочимъ своимъ прельщеніемъ, и съ прельщающимъ богопротивнымъ союзникомъ, любомятежнымъ, неся предъ собою свѣщи возженныя и налой; многіе же отъ нихъ вольми напившися вина, чтобъ имъ или неистове тогда по своему злому умыслу возмутиться, или дерзновенно на побіеніе неповинныхъ устремляться, ибо едва не у всѣхъ пазухи каменіемъ были наполнены.

По прочтеніи поданнаго отъ нихъ буесловнаго, а не благословеннаго писанія, просто зовомыя челобитныя, патріархъ и архіереи начали по чину обличать ихъ отъ Божественнаго писанія, показывая древнія книги во свидѣтельство. Но они, ни мало тѣмъ не вразумляяся, тотчасъ въ смятеніе пришли, какъ пьяные, великимъ воплемъ возшумѣли, свои безумныя, не обыкновенному ихъ бунту приличныя рѣчи на воздухъ испущать дерзали.

При томъ же соборѣ былъ одинъ изъ архіереевъ Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій и важскій ([31]), мужъ слова и разума вѣло доволенъ, прежде придержащійся оныхъ расколовъ; разсмотрѣвъ же опасно ихъ лживые и безумные забабоны, того ради отъ оныхъ къ Восточней церкви обратися, явился крѣпкій православія защитникъ, и тотчасъ началъ ихъ капитоновъ лживыя изобрѣтенія и уничтоженные забабоны изобличать и яко стрѣлами уязвлять.

Они же, не могшіе истиннаго изобличенія его стерпѣть, на него устремлялися

ся неистово убить его. Увидѣвъ же все то благочестивые Государи Цари, таковой неукротимой раскольниковъ на людей, паче же на церковь святую мятежъ, встали и со гнѣвомъ изъ палаты вышли, зѣло скорбя о такомъ возмущеніи междоусобномъ. Тогда жъ прочіе стрѣльцы, не имѣвшіе раскола, познавъ самую неправду раскольниковъ, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ. Нечестивый Пустосвятъ, идучи яко бы съ побѣдою, и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симонъ волхвъ, всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ. И съ той поры они стрѣльцы свою братію начали отъ раскола того помалу усмирять. Послѣ того же вскорѣ онаго Пустосвята отдали церковному суду, и на утрѣ онъ казненъ былъ смертію на Болотѣ; а тѣ чернцы, бродяги пять человѣкъ, разосланы по разнымъ епархіямъ, въ вѣчное заточеніе. Прочіе же стрѣльцы подъ совѣтію своею, и не хотя, умолкнули, безпомощные остася; но изъ сердецъ злобы той своей отнюдь не искоренили.

¹) «208 (*т. е. 7208 отъ сотв. міра или 1700 отъ Р. Х.*) генваря въ 25 д. записная книга всякимъ вѣдомостямъ, что съ какихъ извѣстій съ пріѣзду своего въ Гравенгагу (*т. е. Гагу*) сего же генваря въ 22 день ближній окольничій и намѣстникъ ярославскій Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ писалъ къ великому Государю къ Москвѣ тайно своею рукою и то все записано въ сей книгѣ именно впредь для вѣдома его же рукою». Записки эти, содержащія въ себѣ донесенія Петру I о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, начинаются съ 31 января 1700 г. и оканчиваются 23 октября 1702. Графъ А. А. Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артемона Сергѣевича, въ 1699 г. былъ отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ въ Голландію, гдѣ и оставался до 1712 г. Въ это время Петръ I вызвалъ его въ Дрезденъ и назначилъ полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ. По возвращеніи въ Петербургъ (1715) возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи. Кромѣ вышеозначенной записной книги, въ И. П. Б. есть «Дневникъ его», веденный имъ въ 1705 на пути изъ Гаги въ Парижъ, куда онъ былъ отправленъ для заключенія торговаго договора съ Франціею. Онъ же написалъ Исторію стрѣлецкаго бунта 1682 г. (Рук. Румян. Муз., №№ CLXXVIII и CLXXIX), изданную Туманскимъ въ 1 ч. «Собранія разныхъ записокъ» (1785) и Сахаровымъ въ «Зап. Рус. людей». Изъ переводовъ Матвѣева (съ польскаго) извѣстно «Сокращеніе церковныхъ лѣтописей кардинала Баронія», принадлежащее іезуиту Скаргѣ (Рум. Муз, XV).

²) Вильгельмъ III ум. 1702.

³) Замедленія.

⁴) Государственнаго секретаря.

⁵) Морская эскадра.

⁶) Максимиліанъ II—Эммануилъ.

⁷) Леопольдъ I, импер. германскій.

⁸) Франдискъ Конти, претендентъ на польскій престолъ по смерти Собіескаго, противникъ Августа II.

⁹) Въ войну Карла XII съ Петромъ I и Августомъ II.

¹⁰) Гданскъ (Данцигъ).

¹¹) Надѣются.

¹²) Прекращенія.

¹³) Голландская республика, или Нидерландскіе штаты.

¹⁴) Шлиппенбахъ былъ разбитъ Шереметевымъ въ январѣ 1702 г. при Эррестферѣ и Гумельсгофѣ.

¹⁵) Лиліенротъ.

¹⁶) Торговый договоръ, для заключенія котораго отправленъ былъ гр. Матвѣевъ въ Парижъ, не состоялся: Людовикъ XIV дозволилъ только нашимъ купеческимъ кораблямъ свободный въѣздъ во французскія гавани. Матвѣевъ выѣхалъ изъ Гаги 5 сентября 1705 г., прибылъ въ Парижъ 25-го того же мѣсяца, представлялся Людовику 25 октября. Содержаніе «Дневника» слѣдующее: объясненіе причинъ поѣздки, описаніе мѣстъ, лежащихъ на пути къ Парижу, описаніе Парижа, аудіенція у Людовика въ Версали, о высшемъ французскомъ обществѣ, о воспитаніи, занятіяхъ и пр. См. статью г. Пекарскаго: «Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ (Соврем. 1856, № 6).

¹⁷) Сентября.

¹⁸) Торси (Торсу), министръ иностранныхъ дѣлъ.

¹⁹) Необычайныхъ.

²⁰) Т. е. французскій министръ.

²¹) Самой рѣчи нѣтъ въ рукописи.

²²) Содержаніе отрывка слѣдующее: Коронованіе государей (Петра и Іоанна Алексѣевичей); Милославскій упрашиваетъ царевну Софію ввѣрить Хованскимъ управленіе стрѣльцами; характеры Хованскихъ; потворство стрѣльцамъ; старый Хованскій

укрываетъ у себя раскольниковъ; Никита Пустосвятъ возмущаетъ народъ; прѣніе патріарха Іоакима въ Грановитой палатѣ съ раскольниками; Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій; стрѣльцы изгоняютъ изъ палаты раскольниковъ; казнь мятежникамъ.

[23]) 1682 г.

[24]) Иванъ Михайловичъ, врагъ Нарышкиныхъ.

[25]) Поймалъ, схватилъ.

[26]) Капитонами называли раскольниковъ, послѣдователей Капитона, монаха самопостриженца.

[27]) Разстриженныхъ поповъ.

[28]) Удобное.

[29]) Въ переносномъ см: гнусности (выраженіе, заимствованное изъ 2-го Посл. Петра, гл. 2, ст. 22).

[30]) Чарованьями.

[31]) Вага, городъ при р. Вагѣ, архангельской губ. (нынѣ Шенкурскъ). До построенія Архангельска и до учрежденія въ немъ епархіи, архангелогородскіе архіереи именовались холмогорскими и важскими.

XXIII.

ЗАПИСКИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА. ([1]).

Отправленіе Неплюева резидентомъ въ Царьградъ.

1721 года генваря въ первыхъ числахъ былъ трактаментъ ([2]) для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ Государь сидѣлъ еще за столомъ. Государь былъ очень веселъ, и по маломъ времяни изволилъ начать разговоръ: что ему потребенъ человѣкъ съ италіянскимъ языкомъ послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ ([3]) отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ ([4]) говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда: этому помочь можно скоро; но кто тотъ такой? Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: вотъ онъ за тобою стоитъ. Да ихъ стоитъ за мною много, сказалъ Государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: твой хваленой, что у галернаго строенія. Онъ оборотился и, поглядѣвъ на меня, изволилъ сказать: это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть. Я поклонился Государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня въ оную посылку назначить, и при чемъ изъ за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ Государю. Я упалъ ему Государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: не кланяйся, братецъ, я вамъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде хорошъ будешь — не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою. Въ началѣ Богъ, а по немъ и я долженъ буду не оставить тебя. Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: кого жъ я возьму на его мѣсто? и съ тѣмъ словомъ отпустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную, и изволилъ отъ меня удалиться. Благотворитель мой, Григорій Петровичъ ([5]), меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ имянной указъ, дабы меня изъ адмиральтейской коллегіи прислать во

скую для посылки резидентомъ ко двору Султана турецкаго въ Константинополь. 26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ Государь тысячу рублей; а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступить со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію, и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться. О разговорахъ, притомъ бывшихъ, здѣсь не описую, потому что запамятовалъ съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ, съ нимъ Государемъ прощаясь. Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ; былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича (6) просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня во заочности. Онъ мнѣ на сіе только сказалъ: дуракъ! Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ тоже слово: дуракъ! На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: съ чѣмъ ты жену, да дѣтей оставляешь? вить имъ только что по миру ходить. Для чего ты не просилъ Государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованье? Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ, а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: да добро—помиримся и простимся съ тобою! коли будешь хорошо служить, такъ Государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, тебѣ ко мнѣ за всѣмъ присылала; сколько ей будетъ надобно, я и деньгами ссужать буду. Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. Ну такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адмиралъ: я всякую ей помощь сдѣлаю. Простясь съ нимъ, для того жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву. Сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію, а прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ (7) у Государя въ отмѣнности, а я-де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ, и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать. А сверхъ того и таковое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень замосковныхъ Ерополецъ былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка во всемъ могу положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который принялъ меня также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истиннѣ и не думалъ.

Изъ Санктпетербурга выѣхалъ я и при

мнѣ сынъ мой, Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го 1721 года и заѣхалъ въ деревню мою въ сельцо Поддубье, и тутъ 2 дня пребывъ, оставилъ жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, а самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Мароу, коя умерла вскорѣ. Пріѣхавъ въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное, и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

1721 года сентября 8-го прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Дашковымъ аудіенцію у султана турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрющую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима. Тогожъ году октября 22 Его Царское Величество Петръ Первый Самодержецъ Всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ «Императоръ». 1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядькою вышеписаннаго Аѳанасія Еропольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года Его Царское Величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бунтовщиковъ: отъ нихъ убивства и убытки россійскимъ купцамъ въ Шамахѣ; тѣмъ походомъ взятъ городъ Дербентъ. Въ началѣ 1723 года прислано ко мнѣ отъ Его Императорскаго Величества полномочіе трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медіаціею ([8]) французскаго посла маркизъ де Бонака, по причинѣ начатой Его Величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору россійскому посланникъ Капиджи Паша, тоже и Мегметъ Ага. Тогожъ года мѣсяца іюня умеръ сынъ мой Иванъ 7 лѣтъ отъ роду. Въ семъ же году взятъ персидскій городъ Баку. Сентября 12 числа тогожъ года Его Величество заключилъ трактатъ съ персидскимъ шахомъ Тахмаседомъ; въ слѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ турецкими министрами Рейсъ Ефендіемъ Мегметомъ да Хаджи Мустафою Ефендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 года іюня 27 дня заключилъ я Неплюевъ подъ медіаціею того посла маркиз де Бонака о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ Пашою, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману слѣдующаго содержанія:

Милостивый ко мнѣ Государь
Григорій Петровичъ!

Ваше превосходительство первая причина моего благополучія, и я по милостивому вашему предстательству пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахожусь, отпуская сего курьера, и во ожиданіи—какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ; и если оныя къ несчастію моему не угодны окажутся Его Императорскому Величеству, то поистиннѣ и жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду.

Милостивый Государь
Андрей Ивановичъ!

При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадеживать изволили не оставлять меня

вашею протекціею; а нынѣ мнѣ, при полученіи сего курьера, вамъ, Милостивый Государь, къ тому есть пространной случай, то о показаніи вашея ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употреблялъ сдѣлать Его Императорскому Величеству угодное, но какъ принято будетъ и могъ ли я предъусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь, и потому васъ, Милостивый Государь, покорно прошу оказать ко мнѣ и ту милость—увѣдомить меня не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ ([9]), а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ.

Августа 25 чис. получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы ([10]) вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярные распечатаны въ коллегіи тогожъ дня въ присутствіи Императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить, что Его Императорское Величество не токмо тотъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте жъ мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а себѣ испросить у васъ время ко оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи.

Сіе письмо получилъ я будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа проходитъ мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дни заключенія трактата. Августа 29 получилъ я указъ, что Его Императорское Величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцевымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловалъ: 1-е) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2-е) деревнями въ Устюжнѣ Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3-е) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиралтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4-е) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и протчимъ наукамъ. Съ ратификаціею на оной трактатъ въ Портѣ присланъ генералъмайоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ ([11]).

[9]) «Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ описанная», въ Отечеств. Запискахъ 1825—26 г., №№ 43, 51, 52, 54, 59, 65, 67, 71. Издатель (Свиньинъ), помѣстивъ ее въ своемъ журналѣ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «мы не смѣли сдѣлать ни малѣйшей перемѣны въ семъ образцѣ стариннаго повѣствовательнаго слога, и даже находимъ, что самыя погрѣшности противъ языка сугубо награждаются, можно сказать, прикрываются какимъ-то необыкновеннымъ интересомъ и чистосердечіемъ разсказа». Сокращенно Записки Неплюева напеч. въ «Дѣяніяхъ Петра В.,» Голикова, т. XV. И. И. Неплюевъ (р. 1693, у. 1773) взятъ на службу 1715 г. и учился сначала въ Москвѣ; потомъ переведенъ въ петербургскую школу, которую содержалъ французъ Баро, и за тѣмъ отправленъ на корабль, въ Ревель, гардемариномъ. Въ числѣ 30 гардемариновъ онъ посланъ былъ учиться мореплаванію въ Венецію и Францію. Изъ Венеціи пріѣхалъ въ Испанію; здѣсь, въ Кадиксѣ помѣщенъ былъ въ Военную Академію, для изученія артиллеріи и другихъ предметовъ. Воротился въ Петербургъ 1720 г. Выдержавъ экзаменъ въ присутствіи Государя и начальниковъ: гр. Чернышева и Змаевича, назначенъ былъ смотрителемъ надъ строившимися судами. Петръ I, узнавъ его способности и усердіе, отправилъ его резидентомъ въ Царьградъ, гдѣ онъ оставался до 1735 г. Въ 1739 г. Неплюевъ управлялъ кіевскою губерніею, а потомъ и всею Малороссіею.

При вступленіи на престолъ Елисаветы, былъ отставленъ за близкія отношенія къ Остерману; оправданный (1742), получилъ начальство надъ оренбургской экспедиціей. Болѣзнь заставила его выдти въ отставку, въ которой онъ и оставался до 1760, а въ этомъ году пожалованъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. При восшествіи Екатерины II на престолъ, когда она съ войскомъ двинулась въ Петергофъ, Неплюеву было ввѣрено управленіе Петербургомъ. Послѣдніе годы жизни (съ 1764 по 1773) провелъ въ деревнѣ. Неплюевъ былъ истый воспитанникъ Петра I, проведенный имъ, какъ онъ самъ говоритъ, «сквозь огнь и воду». Когда Екатерина II не соглашалась уволить его отъ службы, прежде чѣмъ онъ не представитъ ей, вмѣсто себя, другаго съ такими же достоинствами, Неплюевъ отвѣчалъ ей: «Нѣтъ, Осударыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться». Записки Неплюева обнимаютъ всю его жизнь. Послѣднія двѣ страницы (о болѣзни и смерти) написаны кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ къ нему. См. Словарь достопам. людей Рус. земли, Бантышъ—Каменскаго, т. 2, и Русскіе мемуары XVIII в., г. Пекарскаго, въ Соврем. 1855, № 4.

[2]) Большой обѣдъ во дворцѣ.

[3]) Гр. Головкинъ, государственный канцлеръ.

[4]) Гр. Апраксинъ, генералъ-адмиралъ.

[5]) Гр. Чернышевъ, генералъ аншефъ. Неплюевъ называетъ его благотворителемъ, потому что Чернышевъ, первый, рекомендовалъ его и Куракина, какъ такихъ гардемариновъ, которые достойны управлять галерою.

[6]) Змѣевичъ (Змаевичъ), Матвѣй Измайловичъ, вице-адмиралъ.

[7]) По сношеніямъ съ иностранными державами.

[8]) Посредничество.

[9]) Увѣдомленіе изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не можетъ откровенно и подробно изъяснить, доволенъ ли государь или нѣтъ.

[10]) Трактатъ съ персидами шахомъ.

[11]) Отецъ фельдмаршала Петра Александровича Румянцова.

XXIV.

ЗАПИСКИ КРЕКШИНА. ([1]).

Изъ Предисловія.

Егда же благоволи Богъ изъ тьмы возсіяти свѣту, и возсіяти въ сердцахъ сыновъ россійскихъ, даровалъ свѣту Петра Великаго, посади на престолѣ блаженной Россіи, на престолѣ отецъ его, вѣнча славою и честію, разумомъ просвѣщеннымъ, премудростію, вѣдѣніемъ, помаза мvромъ, милостію и щедротами, запечатлѣвъ печатію дара Духа Святаго, царя великаго въ царяхъ честныхъ, посади того по имени и величеству блаженныхъ дѣлъ перваго въ царяхъ великаго россійскаго, въ вѣкъ обѣща ему милость свою: ненавидящихъ уничтожить, враговъ истребить, злые ихъ совѣты аки прахъ возместити, да видятъ вси живущіи на земли, яко самъ Вышній благословилъ Россію. И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ.

Той отецъ нашъ Петръ Великій Вышняго святою волею положилъ основаніе всѣхъ благъ блаженной Россіи, на томъ основаніи Вышняго строителя зиждетъ и исполняетъ, еже жела сердце Петра Великаго. Той отецъ нашъ Петръ Великій всякое невѣдѣніе и неразумѣніе просвѣти, и всякое суевѣріе истреби, надѣли премудрымъ знаніемъ, здравымъ совѣтомъ, политическимъ обхожденіемъ, кроткимъ нравомъ, воскреси Россію полумертвую, воздвиже спящую, слабую въ силѣ, малочуственную по имени своему сотвори камени ([2]) подобную, возведя отъ тьмы ко свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ безчестія къ славѣ. Бысть на землѣ колеблима сила наша, а нынѣ она и на

море крѣпка, яки стѣна. Все, что видимъ цвѣтущее и славное въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго. Сей великій императоръ многое, чудное и великое руками своими создалъ на четырехъ моряхъ флоты великіе кораблей и галеры, состроилъ великія гавани, создалъ каналы, аки рѣки великія и многополезныя, содѣлалъ чины, и степени, и порядки, и благочиніе семейнаго обхожденія, и благопріятные обычаи въ Россіи насадилъ, и прочими безчисленными благодѣяніями обогатилъ и прославилъ.

И аще мы толикое его къ Россіи явленное благодѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ облеченію наменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣтсвовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.

Чуждіи народы и не суть приснiи (³) рабы, и тіи блаженныя дѣла его, елико возмогли собрать, печати предали, и тіи блаженныя дѣла его прославляютъ и преславнымъ дѣяніямъ его удивляются; мы же не точію приснiи раби его, но отеческою къ намъ щедротою сыны любезные нареченные быхомъ, а благодарствія сыновняя не воздахомъ. Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголемъ: «отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи, и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничтоже имущи, ничтоже знающи, ничтоже вѣдущи, кромѣ истинныя Вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ (⁴), мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше муро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи».

Не въ насъ ли вся дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся—всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго. Аще въ насъ и предъ очію нашу Великій Петръ основа и созда, то для чего благодѣтелю своему за благодѣяніе благодаренія не воздадимъ? Или хощемъ уподобиться роду іудійску, не возблагодарившему благодѣтеля своего? Гдѣ не скажутъ, что дотолѣ Россія толикаго государя не имѣла? Гдѣ не засвидѣтельствуютъ, что отъ того славный и высокоименитый содѣлся народъ россійскій? Богъ, дивный судьбами своими, благословилъ державнымъ Петромъ Россію и просвѣти разумомъ просвѣщеннымъ, знаніемъ премудрости, мужествомъ, крѣпостію, регулами и прочими блаженствами.

Малыя капли дождя наводняютъ великія рѣки, а рѣки великія моря: тако и сношеніемъ дѣлъ Петра Великаго самое море великое преславныхъ дѣлъ его собратися можетъ. Азъ рабъ сего благочестиваго Императора, мній всѣхъ, но милость его на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, и что могъ собрать отъ дня рожденія его, то есть отъ 1672 по 1696 годъ, та блаженныя дѣла его, то въ сей первый томъ къ общему сношенію написахъ. Прошу не вмѣнить мнѣ сіе въ продерзость, яко сіе по долгу рабства воздаю.

¹) Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (р. 1684, у. 1763) былъ коммиссаромъ въ Кронштадтѣ, смотрѣвшимъ за производившимися тамъ работами и принимавшимъ казенныя вещи по подрядамъ. Лѣтъ 20 трудился онъ надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра I, наполнилъ 200 тетрадей разными выписками и извлеченіями и въ 1742 поднесъ

императрицѣ Елисаветѣ 1-ый томъ, содержащій въ себѣ описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Часть этого тома (съ 1672 по 1696) напечатана, но съ исключеніемъ многихъ мѣстъ, г. Сахаровымъ, въ «Запискахъ русскихъ людей» (1841). Отсюда взятъ отрывокъ въ Хрестоматію. Г. Вороблевскій издалъ «Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на престолъ Петра Великаго» (1787): это начало 1-ой части (всѣхъ частей въ 1-мъ томѣ четыре) сочиненія Крекшина (здѣсь разсказъ доведенъ до 1683 г). Тоже издано г. Туманскимъ въ 1-мъ т. «Собранія разныхъ записокъ». Въ государственномъ архивѣ, говоритъ г. Устряловъ, хранятся только три первыя части, съ поправками Крекшина: событія въ нихъ доведены до 1706 г.; отрывокъ изъ 4-ой ч., въ видѣ подробнаго журнала 1709, есть въ Акад. Наукъ. Въ Библіотекѣ для чтенія (1849, № 10) помѣщенъ журналъ П. В., Крекшина, заключающій въ себѣ 1709 г.: это такъ называемая 28-ая книга Записокъ Крекшина (всѣхъ рукописныхъ его Записокъ о Петрѣ извѣстно было 27 книгъ). Посвящая свои Записки императрицѣ Елисаветѣ, Крекшинъ пишетъ:

«Азъ рабъ того благочестиваго Императора (Петра I), иже всѣхъ, имамъ тогожде себѣ нынѣ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, того ради, по долгу рабства и любви, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не обрѣтаю исторіи писать дерзаю. Не буде то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имѣя толикаго разума, но собрахъ яко падшія крупицы отъ великія трапезы, или яко почерпнухъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дождя капли падшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго Государя Петра Великаго елико могъ собрать, и что видѣхъ и вспомянухъ, то и написахъ, по слову блаженнаго пророка: «той заповѣда отцемъ нашимъ сказати я сыновомъ своимъ, яко да познаетъ родъ ихъ и сынове родящіеся, и востанутъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ».

²) «Петръ» на греч. яз. значитъ «камень».

³) Всегдашніе, истинные, близкіе.

⁴) Правилѣ, уставѣ, законѣ.

XXV.

ЯДРО РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ, А. МАНКѢЕВА (1715). (¹).

(По рукописи Румянцовскаго Музеуя, № CCLXX).

О родѣ, санѣ, поступкѣ Гришки Отрепіева, лживаго Діматрія (²).

Изъ русскихъ служивыхъ города и уѣзду галицкаго, или Галича, въ великой Руси, дворянской сынъ Замятня Отрепіевъ имѣлъ двохъ сыновъ: одинъ звался Смирной, другой Богданъ. Богдану родился сынъ Георгій или Юрьи Отрепіевъ, который остался по смерти отца своего молодъ, съ матерію своею, и отъ ней наученъ былъ грамотѣ. Потомъ отшелъ отъ матере своей и жилъ на Москвѣ, гдѣ чрезъ игумена вятского города Хлынова успенского монастиря совѣтъ постригся, бывши старъ лѣтъ четирнатцати, во иноцѣхъ именованъ Григорій. Постригшись, отошелъ въ суздальскій монастирь Евфиміевъ Святого Спаса, а потомъ къ Спасу на Кукеу въ томъ же уѣздѣ. Оттуль, по многихъ монастырехъ волочившись, воротился къ Москвѣ, и живши въ Чудовѣ монастирѣ, по изволенію тамъ бывшаго архимандрита Пафнутія поставленъ въ діяконы рукоположеніемъ патріарха московского Іова, и у него жилъ за книгописателя. Чрезъ такой случай и свое прискаваніе такъ онъ писала (³) и грамотѣ научилъ ся, что каноны и прочіе службы, къ церковному дѣлу сличные (⁴), славенскимъ языкомъ складовалъ. Что ему быть было мучителю и началстволюбному кровопроліателю, Іона, митрополитъ ростовскій, который въ одно время на

Москвѣ случился и Гришку видѣлъ, по лицу его и поступкѣ ([5]) узналъ напредъ и предрѣкъ, что онъ есть самаго діавола сосудъ; о чемъ какъ патріарху было донесено, а отъ патріарха царю Борису Годунову', царь на Соловки осудилъ Гришку послать, чтобъ ему тамъ жить довее. Розстрига, то свѣдавъ, ушелъ въ Галичъ на желѣзный борокъ, а оттуль по времени воротился паки къ Москвѣ въ Чудовъ монастырь, и тамъ нѣсколко времене поживъ, перешелъ въ обитель Николы на Угрѣшѣ, гдѣ онъ будучи, думать началъ, какъ бы ему царевичемъ Діmитріемъ Івановичемъ Углицкимъ назваться, и лице его и санъ на себя взять. А о убіеніи царевича Діmитріа очень прилѣжно провѣдовалъ отъ другихъ своихъ братей черцевъ, и часто въ розговорѣхъ то имя себѣ (Дімитріа царевича сіесть) присвоялъ, чему товарищи его, смѣявшись, плевали и ему бѣшенство приписовали ([6]). Пришедши Гришка Отрепіевъ изъ монастыря Николы на Угрѣшѣ къ Москвѣ въ году отъ Р. Х. 1601, въ великій постъ, на другой недѣли во вторникъ, сговорясь съ двума чернецами, Михаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ, изъ іконнаго ряду, пошли за Москву рѣку, и нанявъ подводы до Болхова, изъ Болхова до Карачова, а оттуль до Новогородка Сѣверского, и тамъ взявъ вожда Івана Семенова, пошли въ Стародубъ, а оттуль въ Кіевъ, гдѣ въ Печерскомъ монастырѣ жили 3 недѣли. Оттуду пошедъ, пришли въ городъ Острогъ на Волинѣ къ тамошнему князю Василію Острожскому, и тамъ все лѣто пробыли. А какъ осень пришла, и князь Василій Острожскій чернцовъ Мисаила и Варлаама въ свой древлянскій монастырь Живоначалныя Троицы послалъ, тогда Гришка Отрепіевъ поѣхалъ въ городъ Гощею къ полскому одному господину, зовомому Готскій, гдѣ, скинувъ черническое платье, мирское вздѣлъ, и въ школѣ грамоты и языка полскаго учится сталъ. Научася полскаго языка, Гришка свободнѣе поступать почалъ, и после Пасхи былъ въ городѣ Брачинѣ у князя Адама Вишневецкаго, гдѣ онъ притворился быть боленъ и, призвавъ попа римскаго будто къ исповѣданію, просилъ того, чтобъ какъ умретъ, погребенъ былъ по царски, зане онъ самъ есть сынъ царя Івана Василіевича московскаго царевичъ Дімитрій. Попъ, то услышавъ, думаючи вещъ быть велику и удивленія достойну, не мѣдливъ то князю Вишневецкому донеслъ, который, бывши простоуменъ, удобъ тому повѣрилъ и, принявъ Розстригу честно, возилъ его по иныхъ великихъ людехъ въ богатихъ каретахъ и на конехъ ведучи и почитаючи его его какъ сына царскаго. Въ Вишневцѣ у того князя Гришка Отрепіевъ лѣтовалъ и зимовалъ. На другое лѣто князь Вишневецкій повезлъ Розстригу въ Краковъ къ королю полскому Зигизмунду, гдѣ, пришедъ Гришка передъ Короля, зѣлно плакалъ и доводилъ про себя, что онъ подлинный царевичъ Дімитрій, и Богъ его сохранилъ отъ измѣнниковъ, которіе были присланы его убить; что они иного вмѣсто его убили, и такъ онъ дивнымъ Божіимъ провиденіемъ отъ ихъ рукъ спасся. Притомъ королю свидѣтелствовали и клялися о томъ, что онъ есть прямой царевичъ Дімитрій Углицкій, пять братовъ Хрипуновы, Петрушка Истоминъ да Івашка, который былъ вожатій, и посадскіе люди Кіевляне, по которому ихъ свидѣтелству король повѣрилъ тому дѣлу быть праведну и обѣщался Гришкѣ помагать; а за то Гришка королю обѣщалъ уступить изъ руской державы подъ полскую Смолескъ и Сѣверскую землю всю. Простившись у короля, Розстрига лживый Дімитрій и князь Вишневецкій поѣхали въ городъ Самборскъ къ воеводѣ сендомірскому

Юрью Мнишку. Межъ тѣмъ временемъ пришелъ къ королю полскому чернецъ Варлаамъ, который съ Отрепьевымъ купно съ Москвы самой пошелъ, и хотячи толь великому смятенію, какого изъ того чаять было можно, забѣжать (7), королю Зигизмунду доносилъ, что тотъ, который королю царевичемъ Діmитріемъ Углецкимъ быть сказался, не есть царевичъ, но чернецъ, его товарыщъ, именемъ Григорій, прозваніемъ Отрепіевъ; и притомъ же обличалъ Гришку въ томъ же дворянинъ Яковъ Пыхачевъ, и королю также доводилъ. Король однакъ и сътклитъ полскій, тому не повѣривъ, послали съ писмомъ къ воеводѣ сендомірскому и Гришкѣ Отрепіеву того Варлаама старца и Пыхачева, въ которомъ писмѣ все на Гришку Розстригу обличеніе было описано. То писмо выразумѣвъ Гришъка и тѣхъ обличителей увидѣвъ, отвѣчалъ: сіе люди присланы сюда отъ царя Бориса Годунова съ тѣмъ, чтобъ меня не признать за царевича и убить меня. А самъ тотчасъ Якова Пыхачева казнить велѣлъ; но Пыхачевъ ажъ до самой смерти не перестал обличать Розстригу. Чернецъ Варлаамъ роздѣтъ съ платья старческаго и бывши битъ и мученъ, окованъ по его приказу, въ тюрму посаженъ. Потомъ съ воеводою сендомірскимъ сдѣлалъ договоръ такой, что воевода Розстригѣ долженъ будетъ помагать въ доступленіи короны московской людми, денгами и совѣтомъ; а противъ того, когда Гришка престолъ улучитъ Московскій, долженъ будетъ отдать Воеводѣ Сендомірскому весма (8) во владѣніе городы рускіе Новгородъ и Псковъ со всѣми къ нимъ належащими пригородки и волостми, взять за себя въ жену воеводину дочь Марынку. И сіе статіи писмами на обѣ стороны подтвердилъ. Послалъ такожде Розстрига къ папѣ римскому просить, дабы папа помоглъ ему достичь московскій престолъ, а онъ воздаятелно за то обѣщалъся принять со всею рускою землею вѣру римскую. На то обѣщаніе склонившись, папа лживому Дімитрію Гришкѣ прислалъ много золота и денегъ. Кіевляне и козаки запорожскіе и донскіе тому повѣривъ, приложилися къ Отрепіеву и къ нему пришли въ Полщу. Король полскій Зигизмундъ, видѣвши, что лживаго Діmитрія щастіе ростетъ, и подлинную правду то быть подумавъ, войска полского, сколко Розстригѣ быть надобно казалося, далъ. И такъ Гришка Отрепіевъ, полскіе войски съ козацкими совокупивъ, пошелъ прямо къ рубѣжамъ рускимъ двѣма дорогами: одна часть войска его шла на Кіевъ, а другая по крымской дорогѣ. Въ году отъ Р. Х. 1604, ноября въ 26 день, Гришка Отрепіевъ, пришедъ подъ Морынъ городъ, послалъ грамоты лестные отъ себя въ Черниговъ, въ Курскъ и въ иные къ воеводамъ и приказнымъ, посадскимъ и всякимъ служивымъ и чернымъ людемъ, називаючи себе царевичемъ Діmитріемъ, законнымъ ихъ государемъ, полагаючи измѣну на Бориса Годунова и обѣщаючи имъ, когда его пріимутъ, всякою милостію ихъ взыскать. Граждане въ тѣхъ городѣхъ помянутыхъ, Черниговъ, Морынѣ, Рылску, Стародубѣ, Курску и въ Комарицкихъ волостяхъ тому повѣривъ и чаявъ то быть правду, къ нему приклонилися и поддалися; а иные городы, то слышевъ, вороты своѣ ему отворяли, съ покореніемъ и дарами его встрѣчаючи. Войску его, которое по крымской дорогѣ шло, всѣ рускіе городы сдавалися съ уѣздами, селами и деревнями. Отрепіевъ приятное себѣ щастіе видѣвъ, упрямымъ сердцемъ съ войски своими пошелъ къ Новогородку Сѣверскому, гдѣ сидѣли воеводы рускіе, князь Никита Романовичъ Трубецкой и Петръ Басмановъ, которые, обѣщавши ему поддаться и вороты градскіе отво-

ривъ, его обманули, зане, вооруженныхъ людей въ городѣ у воротъ поставивъ, противиться войскамъ Отрепіева стали, и до четырехъ тысячъ людей его убито.

¹) «Ядро Исторіи Россійской ко угожденію проискательныхъ», рукопись начала 18 в. (*Опис. рукоп. Румян. Музея, стр. 391*). Оно издано въ 1770 г. Миллеромъ, приписавшимъ его князю Андрею Яковлевичу Хилкову, ближнему боярину и стольнику царскому, который въ 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію, съ самаго открытія войны съ Карломъ XII содержался подъ крѣпкою стражею и ум. въ городѣ Вестерасѣ, на Меларѣ, 1718 г. Такъ какъ посвященіе «Ядра» Петру I написано въ Вестерасѣ, то это, вѣроятно, и заставило Миллера думать, что оно сочинено кн. Хилковымъ. По найденнымъ въ послѣдствіи древнимъ спискамъ, въ которыхъ посвященіе подписано буквами А. М., по Опис. рукоп. гр. Толстаго (IV, 27) и по статьѣ кн. Оболенскаго: Свѣдѣнія объ авторѣ Ядра Россійской Исторіи (Библіограф. Записки 1858, № 2) оказалось, что сочинитель книги Алексѣй Ильичъ Манкѣевъ, секретарь или переводчикъ, проведшій въ шведскомъ плѣну 18 лѣтъ и состоявшій при кн. Хилковѣ съ 1704 по 1716 г. Манкѣевъ былъ происхожденія польскаго (настоящая его фамилія Манкевичъ) и род. въ Ярославлѣ. По освобожденіи изъ плѣна, онъ поступилъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1720 г. ѣздилъ съ А. И. Румянцовымъ въ Стокгольмъ, въ 1721 г. на нейштатскій конгрессъ, а въ 1722—23 г. г. съ полномочными коммиссарами на рубежъ, для разграниченія земель между Россіей и Швеціей; ум. въ 1723 г. Правописаніе въ означенной рукописи, замѣчаетъ г. Востоковъ, если только оно сохранено, какъ было у сочинителя, а не измѣнено переписчикомъ, показываетъ Малоруса. «Ядро Россійской Исторіи» состоитъ изъ 7 книгъ; каждая книга дѣлится на главы. Послѣдняя (седьмая) глава 7-ой книги озаглавлена такъ: «О смятеніи великомъ на Москвѣ и бунтѣ, побіеніи бояръ отъ стрѣльцовъ и бытіи двухъ царей на русскомъ престолѣ, о смерти царя Іоанна Алексѣевича». Она неполная и оканчивается слѣдующими словами: «послѣ какъ тотъ бунтъ и убіеніе бояръ и прочіихъ людей утишилося, на Москвѣ всѣмъ народомъ на престолѣ всея Россіи выбранъ и изведенъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ.» Въ другомъ спискѣ, принадлежащемъ также Румянц. Музею, есть 8-ая глава: «Самоначальство царя Петра Алексѣевича», доведенная до 1712 г.; изложеніе событій, весьма краткое, заключается такимъ замѣчаніемъ: «Ежели бы исторію подробну слѣдовать по достоинству довелося, воистинну еще бы нѣсколько сотъ книгъ такихъ же мало было, но то насъ по сію точку удержало, что мы, бывшіи въ Швеціи въ плѣнѣ подъ арестомъ жестокимъ и хотя моя свободность запретительна едва сіе сыскать могла, но дальше въ подлинной запискѣ не имѣя и того ради далѣе летѣть перу возбранено.» Выписываемъ изъ Опис. рук. Рум. Муз., посвященіе сочиненія Петру I:

«Всемилостивѣйшій Царь Государь, Вашего Царскаго Величества всюду пространно и высокославимое имя дало мнѣ вину, дабы дерзнуть сей убогій мой трудъ, въ которомъ Исторія Русская собрана, Вашему Величеству восписать; а особно повелѣно мнѣ то славныхъ Вашего Царскаго Величества дѣлъ и надъ непріятелями побѣдъ великолѣпіе, которыми свою высокую и всеdражайшую персону Ваше Величество украсилъ, и свою державу въ надежности поставило; такъ что Вашего Величества держава Россія, своимъ гербомъ, си есть орломъ, который отъ ядовитыхъ зміевъ угрызенія себя и своихъ птенцевъ хранячи, на крутыхъ, высокихъ и неприступныхъ каменныхъ горахъ гнездится обыклъ, (*тутъ представленъ въ рамѣ, составленной изъ вѣнца лавроваго и покрытой императорскою короною, на скалѣ орелъ съ* [illegible]. *Надъ нимъ надпись:* «*in Petro Secura*». *Изъ подъ рамы выставляются ноги и хвостъ гербоваго орла; у него въ когтяхъ растерзанная пополамъ змѣя*) здѣсь пріосѣненна, полными усты восиѣть долженствуетъ: «in Petra» или лучше «in Petro secura», въ Петрѣ безопасна и надежна стала, зане великодушіемъ, бдѣніемъ, попеченіемъ и храбростію Вашего Царскаго Величества, всеdражайшей персоны, отъ всякихъ непріятельскихъ ядовитыхъ язвъ и нападеній защищена, и обидъ отомщена, въ надежности, какъ орелъ на горѣ, жительствуетъ.

Что в исторіяхъ обще надлежитъ, когда я природу исторій помышляю, весьма помышляю, что онѣ великія видѣнію человѣческому приносятъ пользы. Понеже въ нихъ, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, прежде жившихъ бытія, совѣты, реченія и дѣла, такъ добрые, какъ злые, видимъ.

Сіе разсуждая, славный овъ (*) Василій Кесарь 45 послѣ Константина Великаго, константинопольскій къ Леону, сыну своему, державы наслѣднику, предрагое ово

(*) *Овъ, овый* — иный, нѣкій.

политическое увѣщеніе писалъ: чрезъ исторіи итти не отказали. Тако бо обращенія безъ труда, яже иніи собраша съ трудомъ, и оттуду исчерпаеши и благихъ добродѣтели, и злычестивыхъ пороки, житія человѣческаго различная измѣненія и вещей въ немъ обращенія, міра сего непостоянство, и нечестивыхъ стремглавные падежи и, да единымъ обыму словомъ, злыхъ дѣяній казни и благихъ почести. Изъ нихъ же тѣхъ отбѣгнеши, да не въ правоты Божія руцѣ впадеши. Сія обыменни, да почести яже съ ними ходятъ, улучиши. Сіе я однакъ убогое мое дѣльце Вашему Царскому Величеству моему Всемилостивѣйшему Царю Государю приношу, не съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобъ оно было какого особливаго помышленія, или Вашему Величеству подобное; понеже довольно вѣдаю, что Ваше Величество свыше всякими вѣдѣніи освѣщенно и искуствы надѣлено. А къ тому многихъ иныхъ подданныхъ, которые много сотъ кратъ лучше такія вещи выработать могутъ, во власти содержитъ. Но знаючи быть должно и прилично, чтобъ всякій мой хотябъ бѣднѣйшій трудъ былъ, тотъ бы моему Всемилостивѣйшему Государю подлежалъ. Того ради я его подъ Вашего Царскаго Величества ноги со всепокорнѣйшимъ почтеніемъ подлагаю.» Вестеросъ. Апрѣля въ 7 д. 1715 г.

Издатель Ядра, Миллеръ, по собственному объявленію его, исправилъ, какъ историческія и хронологическія ошибки сочиненія, такъ и описки, или то, что ему казалось описками, при чемъ онъ иногда перемѣнялъ и смыслъ сказаннаго сочинителемъ и пропускалъ иное. Языкъ и правописаніе совершенно имъ передѣланы.

²) Книги 4-ой гл. 3.

³) Писало — перо для писанія; здѣсь же письмо, умѣнье писать.

⁴) Приличныя, согласныя.

⁵) Поступи. Слово «поступка» еще означало и поведеніе, и просто поступокъ.

⁶) Т. е. говорили, что онъ съ ума сошелъ.

⁷) Предупредить.

⁸) Непремѣнно, вовое.

XXVI.

ТАТИЩЕВЪ.

А. Исторія Россійская. (¹).

Польза Исторіи.

О пользѣ Исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ; однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, многократъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣдственно въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности Исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось: и для того я заполезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.

Въ началѣ разсудя то, что Исторія не иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнымъ или не давнымъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе, или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая Исторія, которая насъ, ово отъ своихъ собственныхъ, ово отъ другихъ людей дѣлъ, учитъ о добрѣ прилѣжать и зла остерегаться; напримѣръ: какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтша, то я конечно имѣю въ мысли нѣкоторое понужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилѣжать; или какъ я видѣлъ вчера тата или другаго злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня конечно страхъ отъ такого дѣла, подверженнаго погибели, удерживать будетъ. Равномѣрно всѣ читаемыя нами исторіи такъ: дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали.

По сему можно кратко сказать, что никакой человѣкъ, ни единъ станъ (²), промыслъ, наука, ниже кое либо правительство, меньше (³) человѣкъ единственный безъ знанія оной совершенъ, мудръ и полезенъ быть не можетъ. На примѣръ, о наукахъ вообще, первая и вышшая есть Богословіе, т. е. знаніе о Богѣ, его премудрости, всемощности, еже единственно къ будущему блаженству насъ ведетъ и проч: но не можетъ никакой богословъ мудрымъ назваться, ежели онъ не знаетъ древнихъ дѣлъ божескихъ, объявленныхъ намъ въ Писаніи Святомъ, якоже когда, съ кѣмъ, о чемъ въ догматахъ или исповѣданіи преніе было, чимъ что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви нѣкоторые уставы или порядки премѣненны, отставлены и новые введены; слѣдственно ему исторія божественная и церковная, а къ тому и гражданская, необходимо нужны, о чемъ Гуецій, славный французскій богословъ, достаточно показалъ.

Вторая наука юриспруденція, которая учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойства души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, есть ли не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ. И какъ можетъ судія право дѣла судить, есть ли древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ премѣненій ихъ неизвѣстенъ? для того ему нужно исторію о законахъ знать.

Третія медицина, или врачевство, которая наука въ томъ состоитъ, чтобъ здравіе человѣка сохранить, а утраченное возвратить, или по малой мѣрѣ болѣзни умножаться не допустить. Сія вся зависитъ отъ Исторіи, ибо должно ему отъ древнихъ знаніе получить, отъ чего какая болѣзнь приключается, какими лекарствы и какимъ употребленіемъ, какое дѣйство имѣетъ, чего собственнымъ испытаніемъ и доказаніемъ никто бъ ни во сто лѣтъ познать не могъ. А опыты надъ больными дѣлать есть такая опасность, что можетъ душею и тѣломъ погибнуть, кольми то у нѣкоторыхъ невѣждъ не рѣдко случается. О многихъ прочихъ частяхъ философіи не упоминаю, но кратко можно сказать, что вся философія на Исторіи основана и оною подкрѣплена, ибо все, что мы у древнихъ правыя или погрѣшныя и порочныя мнѣнія находимъ, суть исторія къ нашему знанію и причина ко исправленію.

Политикахъ въ трехъ разныхъ качествахъ состоитъ, яко въ правительствѣ внутреннемъ, или экономіи, разсужденіяхъ забинныхъ и дѣйствахъ военныхъ. Всѣ сіи три не меньше Исторіи требуютъ и безъ неа быть совершенны не могутъ; яко въ экономическомъ правительствѣ нужно знать, какіе отъ чего прежде вреды приключилось, какимъ способомъ отвращены или умаляемы, какія пользы и чрезъ что пріобрѣтены и сохранены, по которому о настоящемъ и будущемъ мудро разсуждать можемъ. Для сей то мудрости древніе Латины короля ихъ Януса съ двумя лицы изображали, понеже о прешедшемъ обстоятельно зналъ, и о будущемъ изъ примѣровъ мудро разсуждалъ.

Иностранныхъ дѣлъ правительству необходимо нужно знать не токмо о своемъ, но и о другихъ государствахъ, въ какомъ которое прежде состояніи было, отъ чего въ какую премѣну пришло, и въ какомъ нынѣ состояніи находится, съ кѣмъ когда какое преміе или войну о чемъ имѣло, какіе договоры о томъ поставлено и утверждено, и потому благоразумно могутъ въ настоящихъ свои поступки учредить.

Военнымъ вождямъ весьма нужно знать,

каким ко устроеніемъ или ухищреніемъ великую непріятельскую силу побѣдилъ или отъ побѣды отвратилъ и пр., какъ то видимъ Александръ Великій книги Омеровы о войнѣ Троянской въ великомъ почтеніи имѣлъ и отъ нихъ поучался. Для сего многіе великіе воеводы дѣла свои и другихъ описали: между войми знатнѣйшій прикладъ (⁴) Юлій Кесарь свои войны, описавъ, оставилъ, дабы по немъ будущіе воеводы могли его поступки военныя въ примѣръ употреблять, въ чемъ многіе сухопутные и морскіе знатные воеводы писаніемъ ихъ дѣлъ послѣдовали. Многіе великіе государи, естьли не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобъ ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилѣжали. Что собственно о пользѣ Руской Исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели посторонникъ; однакожъ должно и то за вѣрно почитать, что безъ знанія иностранныхъ своя не будетъ ясна и достаточна: 1) что пишущему свою Исторію въ тѣ времена, какъ то дѣлалось, все помогающее или препятствующее отъ постороннихъ извѣстно быть не могло; 2) писатели за страхъ нѣкоторые весьма нужныя обстоятельства настоящихъ временъ принуждены умолчать, или премѣнить, и другимъ видомъ изображать; 3) По страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще дѣлалось, описываютъ, а у постороннихъ многократно правильнѣе и достаточнѣе находится. Какъ здѣсь о древности руской за недостаткомъ тѣхъ временъ писателей сія первая часть изъ иностранныхъ большею частію сочинена, а въ прочихъ частяхъ не ясности и недостатки такожде отъ иностранныхъ изъяснены и дополнены. И хотя насъ европскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли, и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны, а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое–либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдущіе соглашаютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, якобы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истинны, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли; какъ то: о построеніи Кіева, о строеніи Новаграда Славеномъ и проч. Но я еще точнѣе и ясно скажу, что всѣ европскіе преславнѣйшіе историки, сколько бы о руской исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланехъ, Гуннахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; яко же о всѣхъ Скифахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и прехожденіяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Ессеедоновъ, Архимеовъ, Комановъ и проч., гдѣ оны были, и какъ нынѣ зовутся, ни мало не знаютъ, развѣ отъ Исторіи Руской изъясненной неоспоримую истинну обрѣсти могутъ. Наипаче же нужна сія Исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія лжи къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся.

Сія–то есть потребность исторіи. Но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ Исторіи

не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмысленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрести, а другаго избѣжать (5).

В. ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ (1733) (6).

1. Главнѣйшее есть Вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставливанъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ Законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностію о томъ прилѣжать, дабы познать волю Творца своего: зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна, еже ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: ащебы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ. Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать Письмо Святое, то есть, Библію и Катехизисъ; а къ тому книги учителей церьковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Афонасія Великаго и Феофилакта Болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блажествъ, которое за Катехизисъ (7), а малая букварь, или юности честное Зерцало (8), за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно.

—

По томъ, когда довольно въ Законѣ своемъ научишся, нужно тебѣ и несогласныхъ нашей Восточной Церьквѣ книги лютерскія, кальвинскія и папижскія читать для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до Вѣры принадлежащіе, входимъ; и естьли ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ, остерегаться; и не вѣдущему довольно Закона съ ними въ такіе разговоры вступать не безопасно для того, что они въ нѣкоихъ церьковныхъ признаніяхъ, и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ призываніи святыхъ, въ поклоненіи иконамъ и въ постахъ, кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе Закона Божія легко обманываются.

2. Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее—право и складно писать; за тѣмъ арпометика, геометрія, артилерія и фортификація, и прочія части математики, такожде нѣмецкой языкъ, что тебѣ необходимо нужно, для извѣстія о состояніи государства нашего (9); гисторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и ко оной примѣчанія и дополненія изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, естьли охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать, и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географія руская, которую всему шляхетству (10) рускому знать нужно; ее никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончать не надѣюсь: ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать (11).

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечест-

ва: и для того конечно въ младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишся, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ, не меньше же и коварствы ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

3. Почтеніе родителей есть перьвое въ любви ближняго по закону Божію, яко въ десяти заповѣдяхъ положено: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли; а злоречай родителей, смертію да умретъ. И далѣ: проклятъ есть, кто отца или матерь злоречитъ. Соломонъ учитъ: сыне, послушай наказанія отца твоего и не преслушай повелѣнія матере твоея; сынъ премудръ веселитъ отца, а безуменъ печаль матери. Сирахъ цѣлую главу о должности дѣтей написалъ; паче же отъ Христа и Апостолъ о томъ довольно повелѣнія имѣемъ. И естьлибъ ты видѣлъ въ родителяхъ какіе пороки, не долженъ ты быть Хамомъ, презрѣвшимъ должность, и посмѣяться родительницѣ; но буди, яко Симъ, прикрывая твоею одеждою наготу слабости ея. И естьли ты понадѣешися на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству не удобно; то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ, какъ то пагуба Авесолома сына Давидова тебя удостовѣриваетъ; и то еще сказано: не презри отца и заступи въ старости его.

4. Въ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилѣженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилѣжать, и Государю, яко отъ Бога постановленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать; яко и Господь самъ учитъ: воздаждь Богу божіе, а Царю царево. А по томъ Павелъ повелѣваетъ: властемъ повиноватися такъ за очи, какъ во очи, равно какъ самому Богу; Петръ же еще и то повелѣваетъ: раби должни повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. По сему, естьли на тебя случится гнѣвъ Государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по невинному оклевѣтанію отъ кого терпишь, и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куды бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, естьли хочешь быть въ благополучіи, яко той же Павелъ поучаетъ: рабовъ вонъ же звани бысте во единомъ тѣлѣ и благодарны бывайте. И хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сомнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса Христовы суть, яко самъ рекъ: слушаяй васъ мене слушаетъ (а о твердости словесъ своихъ сказа: небо и земля мимо идетъ, словеса же мои не прейдутъ); однакожъ мы иногда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ, нежели на Законѣ утверждаемся; и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искуство представляю. Родитель мой въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались. И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе ви-

дѣлъ; а когда чего прилѣжно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ. Равно же и надъ другими видѣлъ. Что же къ вѣрности и ревности въ службѣ къ Государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ ненависть и клевѣтаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ: какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ Ихъ Величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожъ напослѣдокъ отъ Его Величества вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклевѣтаніе получилъ, а оклевѣтатели посрамились. И для того, въ томъ не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни, и о пользѣ всеобщей неусыпно прилѣжи, власть и честь Государя до послѣдней капли крови защищай, съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть Монарха уменьшить, никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ.

5. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда здѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкой, ктобы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ-ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико возможно прилѣжи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить, и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь.

А при томъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему доброй совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двѣри не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ; и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великой вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, вѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы ихъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

Наипачеже всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили, и не ввергнулибъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушаі, но не всегда оные тотъ часъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ посторонныхъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить да пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не

умѣешь сдѣлать и правду съ ложью разпознать: изъ нихъ рѣдкой, ктобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и неечастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; есть ли не склонятся, то не однаго изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ призвать должно; токмо того хранитъся, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того не потребно имена объявлять, естьли дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненной, не алчной и справедливой человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, естьли товарищь безсовѣстной, сребролюбивой и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно съ начала искусить, и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилѣжи отъ безпорядковъ удержать, словесно, на единѣ, или когда бестыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай; а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать.

6. Прошу тебя, не имѣй съ богомерзскими и жадными подлецами обхожденія, какого бы они чина и званія ни были: знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ. Поучаетъ насъ Божественное Писаніе: благіе нравы тлятъ бѣседы злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я.

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду и хранятъ присягу, хотя бъ они и нискои породы были; справедливой человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотябъ ты и знатной господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничѣмъ нельзя: они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ.

[1]) «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная», состоитъ изъ 5 книгъ. Содержаніе первыхъ четырехъ книгъ: а) извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ: Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 г.; б) сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 г. до нашествія Татаръ; в) отъ нашествія Татаръ до Іоанна III; г) отъ Іоанна III до царя Михаила. Подлинная рукопись сгорѣла. Сынъ автора подарилъ Москов. Университету неисправный ея списокъ, который поручено было Миллеру, исправивъ, напечатать. Первая книга напеч. 1768—69; вторая 1773; третья 1774; четвертая, оканчивающаяся 1462 г.,

издана, уже не Миллеромъ, въ 1784 г. Пятая книга, открытая Погодинымъ, помѣщена, съ предисловіемъ г. Бодянскаго, въ 4, 5 и 9 кн. «Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Рос». (годъ 3): она оканчивается 1577-мъ г.; за тѣмъ слѣдуетъ жизнь царя Ѳеодора Іоанновича, написанная патр. Іовомъ. Остались неизданныя записки о царствованіи Годунова, Лжедимитрія, царей Михаила и Алексѣя, хранящіяся въ Москов. Главн. Архивѣ Минист. Иностр. дѣлъ. О значеніи Исторіи Татищева см. статью г. Соловьева: Русскіе Историки 18 в., во 2 т. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи». О самомъ Татищевѣ и другихъ его сочиненіяхъ въ Ист. Рус. Слов. Отрывокъ: «Польза Исторіи» взятъ изъ Предъизвѣщенія о Исторіи общественнаго и собственно о русской» (книги 1-ой часть 1-ая).

²) Согласіе.

³) Тѣмъ меньше.

⁴) Примѣръ.

⁵) Сличи съ этимъ понятіемъ о потребности Исторіи такое же понятіе А. Манкѣева, въ посвященіи «Ядра Рос. Исторіи» Петру.

⁶) «Духовная» Татищева (р. 1686, у. 1750) сыну его Евграфу Васильевичу, сочиненная въ 1733 г., издана, 1773 г., Сергѣемъ Друковцовымъ, авторомъ многихъ экономическихъ книгъ, вѣроятно потомкомъ Друковцова, который былъ секретаремъ у Татищева (см. Письмо Татищева къ гр. Семену Андреевичу Салтыкову, 30 декабря 1736 г., въ 6 № Москвит. 1851 г). Она содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія, 12 статей: о Вѣрѣ, о изученіи наукъ и языковъ, о почтеніи къ родителямъ, о женитьбѣ, о разныхъ родахъ службы, о жизни въ отставкѣ, объ устройствѣ деревенскаго хозяйства. Въ Хрестоматіи помѣщены отрывки изъ статей: о Вѣрѣ, объ изученіи наукъ, о почтеніи къ родителямъ, объ обязанностяхъ службы, о выборѣ друзей.

⁷) Таже самая книга, о которой сказано въ Инструкціи Волынскаго (Хрест., стр. 74).

⁸) Объ этой книгѣ см. стр. 39.

⁹) Нѣмецкій языкъ въ то время имѣлъ такое же значеніе, какое въ послѣдствіи получилъ французскій. Иностранныя вѣдомости приходили преимущественно изъ Германіи: въ нихъ печатались извѣстія и о нашемъ отечествѣ.

¹⁰) Дворянству.

¹¹) О занятіяхъ Татищева русскою исторіею и географіею см. въ Словарѣ свѣт. писат., Евгенія, т. 2.

XXVII.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ КОММЕНТАРІЕВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА 1726 ГОДЪ (1728). (¹).

Изъ Предисловія.

Доброхотному россійскому читателю радоватися.

Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ Профессоры здѣшнія Академіи наукъ потрудилися, 1726 года.

Якоже бо безъ сумнѣнія тебѣ доволно извѣстно есть, что кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, такожде повсенедѣлно дважды свое особливое собраніе имѣютъ, въ которомъ все то, что всякъ въ домѣ испытывалъ, всему обществу представлялъ, к ихъ разсужденію предлагалъ, и тако оттуду произошла предъ нѣсколкими мѣсящами изданная на Латинскомъ языкѣ книга, изъ которыя сіе изъято и сокращенно есть (²).

И хотя тебѣ отъ всего сего доволно извѣстно есть, что Професоры время свое къ расширенію наукъ добрѣ, и честнѣ употребили, но еще опасаемся, да не речеши: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшено? не буди нетерпѣливымъ любезныи читателю, хотя сія вещь тебѣ и не весма понятна. Прародители наши сего такожде не знали, дождешися оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснять, но и сами помощію Божіею мо—

жеть быть, такія же добрыя плоды принесуть.

Не глаголи такожде якобы мы наша дѣла поздо показали, аще на иныя посмотришъ и разсудишъ коль разнаго вида словъ, къ тому же и знаковъ Алгебраическихъ и грыдорованныхъ (³) штукъ тамо имѣется, колико времени ко пріуготовленію онаго требуется, аще помыслишъ всѣхъ въ томъ трудившихся людей, и при томъ извѣстишися въ какомъ мы состояніи чрезъ толикое время пребывали, удивишися по истиннѣ что въ семъ времени еще толико отъ насъ и учинено: ащели же познати хощеши чрезъ коль долгое время протчія Академіи, и Соціететы пребывали, донелѣже нѣчто отъ трудовъ своихъ въ народъ объявили, то узриши, что еще во многихъ оныхъ предварихомъ.

Ащели же въ чемъ погрѣшено благосклонно да простиши, еже со вторицею наградити потщимся, ибо Всемилоствѣйшаго нашего Государя Імператора, и покровітеля Петра Втораго мілостію нынѣ паки награждены и всѣхъ къ намъ склонность имѣется, такожде и благословеніе Божіе намъ является, то убо тѣмъ въ нашихъ трудахъ съ болшею охотою и веселіемъ упражняемся.

Въ будущіи годъ аще Богъ и Всемилостивѣйшіи нашъ Імператоръ на сіе соблаговолитъ, хощемъ тебѣ читателю благосклонныи кромѣ Лексикона, Грамматики сокращеніи, и обычаиныхъ недѣлныхъ трудовъ (⁴) 2 части Комментаріевъ изготовить.

Не сѣтуи же на переводъ якобы оныи былъ невразумителенъ, или не весма красенъ, вѣдати бо подобаетъ, что весма трудная есть вещь добрѣ преводити, ибо не точію оба оные языки съ котораго и на которыи переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя преводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе (⁵).

Здѣ же по послѣдньи мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы оныи яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилѣжаніемъ и опасностію въ семъ дѣлѣ поступали, и всякому преводніку такія диссертаціи (разсужденія) преводить давали, о немже извѣстно знали, что онъ вещь оную наилутче разумѣетъ, къ тому же и самыи переводъ въ присутствіи всѣхъ преводниковъ читанъ и свидѣтелствованъ былъ. Ащели же предпріятыя опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прибѣжище осталося, да тебе умолимъ, дабы слабости нашеи до толѣ потерпѣти изволилъ, донелѣже языкъ самъ исправнѣе будетъ, и преводницы лутче обучатся.

Въ протчемъ живи благополучно благосклонныи читателю и буди пріятенъ оnымъ, иже ничего иннаго кромѣ чести Божіеи, сего великаго и сильнаго Государства славы, приращенія и наукъ разширенія краинѣ желаютъ.

¹) Это есть русское изданіе 1-го тома Академическихъ Комментарій (Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1727 — 1751 г.г., въ 14 том). Статьи раздѣлены на три отдѣла, по тремъ классамъ Академіи: математическій, физическій и историческій. Къ нимъ прибавлены наблюденія анатомическія и астрономическія. Вполнѣ переведены только историческія сочиненія Байера; прочія же сообщены въ извлеченіяхъ, составленныхъ самими академиками, которые снабжали ихъ особыми введеніями или дополненіями, чтобы облегчить для читателей уразумѣніе предмета. Предисловіе написано тогдашнимъ начальникомъ канцеляріи (Шумахеромъ) и переведено Ададуровымъ, первымъ русскимъ адъюнктомъ Академіи. Переводчики статей: онъ же Ададуровъ, Максимъ Сатаровъ, Иванъ Горлицкій, Иванъ Ильинскій, Степанъ Коровинъ. Изданіе остановилось на первой части, будучи принято публикою не только безъ участія, но и недоброжелательно, какъ свидѣтельствуетъ Миллеръ: «Книгу никто не хотѣлъ похвалить; не умѣли понять что читали, и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода, вслѣдствіе чего изданіе не продолжалось.» Время, въ которое вышла книга, не благопріятствовало про-

священію: при Петрѣ II, когда самые сильные люди осуждали дѣло Преобразователя Россіи, наука не могла найти себѣ покровительства. Есть извѣстіе, что «Предисловіе» написано въ отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя противъ Академіи. (*Объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ Акад. Н., г. Куника, въ Ученыхъ Запискахъ 1 и 3 отд. Ак. Н.*)

[2]) Послѣ этого слѣдуетъ исчисленіе помѣщенныхъ разсужденій.

[3]) Гравированныхъ.

[4]) Намекъ на краткую русскую Грамматику Ададурова и Примѣчанія къ Вѣдомостямъ.

[5]) Это взято изъ прибавленій Петра къ проэкту объ учрежденіи Академіи.

XXVIII.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ КЪ ГРАФИНѢ АВДОТЬѢ ИВАНОВНѢ ЧЕРНЫШЕВОЙ (1728). ([1]).

(Съ автографа, хранящагося въ И. П. Б.).

Другъ мой Авдотья Ивановна,

За письмо съ Мурзинымъ ([2]) благодарствую. И Мурзинъ поѣхалъ вчера. И въ мои деревни ([3]) я писала, ежели ему какая нужда случится, вспоможеніе ему учинили. Янтари посылаю вамъ двѣ доли, а доктору третьею долю. За столикъ, за буженину, за виноградъ благодарствую. И столикъ мнѣ, ей, ей, милъ, а я вамъ, свѣтъ мой, посылаю бекасъ ([4]). Сама немножко поѣла, и тебѣ, мой другъ, послала ([5]), заньже что я тебя люблю: самой мнѣ хотѣлось ѣсть, а для тебя не ѣла. Желаю вамъ кушать на здоровье. Прошу, ежели можно, въ Ригѣ купить книжку Аблематику ([6]). Пишу вамъ смѣхъ: спрашивала я Мурзина, какъ дорогъ въ Ригѣ харчъ, и онъ сказалъ: изволь сказать, каковъ человѣкъ—многоль ѣстъ или мало; и я надсѣлась со смѣху. Мужика пришлю къ тебѣ, мой свѣтъ, намъ учиться полпиво варить, и уже ты, мой свѣтъ, прикажи Молевицкому ([7]). Я пивовару заплачу за ученіе. Впрочемъ пребываю вамъ неотмѣннымъ другомъ. Анна.

Изъ Митавы 26 сентября 1728.

Григорью Петровичу, Наташѣ ([8]) и другимъ дѣтямъ вашимъ отъ меня поклонись.

Я немного кашляю ([9]).

[1]) Урожденной Ржевской. Мужъ ея Григорій Петровичъ, бывшій деньщикъ Петра, Анною произведенъ въ сенаторы и полные генералы, а Елисаветою возведенъ въ графское достоинство. Онъ былъ губернаторомъ въ Воронежѣ, а потомъ въ Лифляндіи и жилъ въ Ригѣ.

[2]) Прокопіемъ, поручикомъ гвардіи.

[3]) Имѣнія, принадлежавшія Аннѣ Іоанновнѣ.

[4]) Т. е. бекасовъ.

[5]) Въ подлинникѣ: «посла».

[6]) Вѣроятно Символы и Емблемата, на пяти языкахъ, напечат. въ Амстердамѣ (1705), по повелѣнію Петра I (Сопик. I, 1075). Новое изданіе Амбодика, 1788 (Ib. III, 3722). Сопиковъ говоритъ, что подлинникъ этого сочиненія, на семи языкахъ, изданъ Даниломъ де-ла-Фейли, въ Амстердамѣ 1691 г.

[7]) Вѣроятно управляющему или дворецкому.

[8]) Бывшей въ послѣдствіи за мужемъ за вице-адмираломъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ.

[9]) Эти слова приписаны съ боку письма, котораго ореографія совершенно неправильна.

XXIX.

ИСТОРИЧЕСКІЯ, ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВѢДОМОСТЯМЪ (1731). ([1]).

О смѣшномъ суевѣріи безумныхъ людей ([2]).

Какъ я на сихъ дняхъ къ одному изъ моихъ пріятелеи обѣдать пошелъ, то былъ я такъ нещастливъ, что я весь его домъ въ великомъ помѣшателствѣ и ужасѣ нашелъ. Какъ я его о причинѣ того спросилъ, то отвѣтствовалъ онъ мнѣ на то, что его жена въ прошедшую ночь весма чрезвычаиныи сонъ видѣла, которои безъ сумнѣнія какое нибудь великое нещастіе значитъ. Какъ скоро его жена сама въ тотъ покои вошла, гдѣ мы были, то показалось мнѣ, яко бы она въ такъ глубокую печаль впала, что ея состояніе во мнѣ великое сожалѣніе возбудило бы, ежели бы мнѣ причина того уже прежде того извѣстна не была. Какъ скоро мы за столъ сѣли и она на меня токмо взглянула, сказала она, оборотившися къ своему мужу, слѣдующія примѣчанія достоиныя слова: любезныи мои мужъ, нынѣ можешь ты здѣсь то незнаемое лице видѣть, которое я въ прошедшую ночь въ сіяніи видѣла. По семъ начали они о своихъ домовыхъ дѣлахъ разговаривать, и малыи ихъ сынъ, которыи при концѣ стола сидѣлъ, сказывалъ своеи матери, что онъ въ будущіи четвертокъ слоги и цѣлыи слова писать начнетъ. Въ четвертокъ? спросила его мать. Нѣтъ, сынъ мои, сохрани Богъ, чтобъ ты въ невинныи дѣтскіи день началъ. Скажи токмо своему учителю, что сіе еще и до пятницы отложить можно. Между тѣмъ, какъ я сіи удивителные поступки въ себѣ разсуждалъ и удивлялся, какъ сіе возможно есть, что такіе люди находятся, которые за крѣпкое правило почитаютъ, чтобъ по вся недѣли конечно одинъ день безполезно препроводить, учинилося, что хозяика меня просила, чтобъ я ей немного соли на моемъ ножѣ подалъ; въ чемъ я ея послушалъ въ такой скорости и въ такомъ страхѣ, что я ту соль, до половины не донесши, разсыпалъ. При приключеніи сего нещастія, она зѣло испужалась, и тогожъ часа увидѣла, что она соль противъ ея мѣста разсыпана. Я самъ отъ того испужался, пришедъ въ великіи стыдъ и помѣшателство; понеже я увидѣлъ, что всѣ при томъ бывшіе отъ сего случая устрашилися, и не иначе думалъ, яко бы я на весь домъ нещастіе нанесъ. Хотя бы сіе такъ было или нѣтъ, то сказала хозяика, какъ она отъ своего ужаса немного отдохнула, съ великимъ воздыханіемъ своему мужу: любезныи мои мужъ, нещастіе никогда едино не бываетъ. Знаешь ты, сказала она, что недавно въ тотъ же день голубятня обвалилась, въ которыи наша глупая дѣвка соль на столъ просыпала? Да, отвѣтствовалъ онъ, свѣтъ мои, я еще и понынѣ помню, какъ мы съ прибывшеюв скорѣ потомъ почтою извѣстіе о нещастливой баталіи при Алмонцѣ получили. По всѣмъ симъ рѣчамъ примѣтилъ я, что мои пріятель не болшую властъ въ домѣ имѣлъ, и что его больше простота, нежели разумъ къ тому привелъ, что онъ всѣмъ неразсуднымъ разсказамъ своеи жены чрезмѣрно вѣрилъ. Впрочемъ можетъ читатель самъ мою терпѣливость и досаду разсудить, которую я при слушаніи ихъ разговоровъ имѣть принужденъ былъ. И тако я ничего иного чинить не думалъ, только чтобъ мнѣ въ молчаніи поскоряе отобѣдать. Какъ скоро сеи обѣдъ кончился, то положилъ

я ножъ и вилки на крестъ на мою тарелку; но хозяйка просила меня тогожъ часа, чтобъ я оные одно подлѣ другаго положилъ. И хотя я надѣялся, что я чрезъ то никакой невѣжливости и непристойности не учинилъ, но думалъ я, что она и въ семъ свои суевѣрныя примѣты чинитъ, и тако я ради вѣжливости и въ семъ ея волю исполнить долженъ былъ; потомъ положилъ я ножъ подлѣ вилокъ въ двухъ параллельныхъ линѣяхъ, и намѣрился оные и впредь всегда такъ класть, хотя я того ради никакихъ важныхъ причинъ объявить не зналъ. По сему всему можно легко примѣтить, какъ я имъ противенъ учинился; по крайней мѣрѣ увидѣлъ я вскорѣ изъ показанныхъ отъ хозяйки противъ меня поступокъ, что она меня за весьма чрезвычайнаго человѣка и за зѣло злый языкъ признавала, такъ что я, какъ скоро обѣдъ отошелъ, простившися съ компаніею, въ свой домъ возвратился. И какъ я въ моемъ покоѣ токмо единъ былъ, то пришелъ я въ великое размышленіе о томъ нещастіи, которые люди сами безумными и суевѣрными своими мнѣніями на себя волокутъ. Надлежало бы сказать, что они трудностей, которыя отъ нашея жизни неразлучимы суть, недоволно имѣютъ, но еще новыхъ ищутъ. Они превращаютъ тѣ обстоятелства, которыя ни за что почитаются, въ предвозвѣщенія всякаго нещастія, и мучатъ себя мнимымъ своимъ нещастіемъ, такъ какъ и тѣмъ, которое имъ подлинно приключается. Я многихъ такихъ знавалъ, которые, какъ они спадающее звѣзды очищеніе увидѣли, всю ночь потомъ спать не могли. Такожде видѣлъ я многихъ отчаянныхъ любовниковъ, которые того ради поблѣднѣли и ѣсть весма перестали, понеже имъ въ разломленіи птичей дужки кратчайшая половина доставалася. Иногда чинилось, что отъ крычанія совы, въ полночь слышаннаго, въ домѣ болѣе шуму произошло, нежели отъ множества воровъ,—да что я говорю? отъ малого крика больше страха учинилось, нежели отъ львинаго рыканія въ лѣсу. Самое малое можетъ въ такомъ неполезномъ мечтаніи жестокій страхъ нанести. Старый заржавѣлый гвоздь и искривленная булавка могутъ въ чудный знакъ превратиться. Мнѣ самому еще очень памятно есть, что я однажды въ такой компаніи былъ, гдѣ все въ радости и веселіи было, пока нѣкоторая притомъ бывшая невеселая женщина примѣчать стала, что насъ тринадцать персонъ въ собраніи было. Чего ради нѣкоторые, яко бы громомъ ударенные, на дворъ выбѣжать хотѣли; но нѣкто изъ моихъ пріятелей примѣтилъ, что одна женщина, которая съ нами же была, чревата находилась: и тако обнадежилъ онъ, что насъ четырнадцать, и тому послѣдовать не можно было, чтобъ изъ насъ кто умеръ, но толь паче очевидный знакъ имѣлся, что кто родится. Ежели бы мой пріятель къ отвращенію пророчества сей способъ не вымыслилъ, то я обнадеженъ, чтобъ большая часть изъ присутствовавшихъ женщинъ еще тогожъ вечера занемогла. Старая меланхоличная женщина можетъ во всемъ своемъ сосѣдствѣ и свойствѣ такого страха много учинить. Я знаю такую знатную пророчицу, которая въ нѣкоторомъ знатномъ домѣ въ свойствѣ есть, и во весь годъ пророчествовать не престаетъ. Сія видитъ всегда явленія, объявляетъ провозвѣщенія смерти, и недавно почти всего своего разума лишилась, понеже она услышала, что большая дворовая собака въ конюшнѣ выла, какъ у нея зубы болѣли. Отъ такого несовершеннаго разума многое число людей къ тому приходитъ, что они не токмо въ чудные ужасы впадаютъ, но и такія вещи чинятъ, которыя ни къ чему иному, какъ

къ тому сумнительству и незнанію склоняются, которое мы въ первыхъ нашихъ лѣтѣхъ имѣемъ. Трясеніе предъ смертію или другимъ какимъ несчастіемъ, которое намъ приключиться имѣетъ, и невѣданіе того часа, когда оное приходитъ, наполняетъ меланхоличныхъ людей превеликимъ страхомъ и невѣріемъ, отъ чего они конечно въ то состояніе пріити принуждены, въ которомъ они всѣ сіи чудные знаки и смѣшныя провозвѣщенія прилежно примѣчаютъ. Когда мудрые и разумные люди со всею ревностію трудятся, дабы имъ трудность человѣческой жизни здравымъ разумомъ умалить; то можно сказать, что безумные ничего иного ищутъ, кромѣ сего, чтобъ оную по основанію суевѣрія и заблужденія умножить. Что до меня касается, то бы мнѣ сего очень жаль было, когда бъ я талантъ имѣлъ всѣ мои добрыя и злыя въ семъ свѣтѣ приключенія напередъ узнавать, и отъ добрыхъ радость, а отъ злыхъ печаль напередъ чувствовать. Я тѣмъ зѣло довольствуюся, ежели я въ томъ участіе тогда имѣю, когда оное случается. Я не знаю къ сохраненію себя отъ сихъ печальныхъ предвозвѣщеній и ужасовъ никакого иного способа, кромѣ сего единаго, который въ томъ состоитъ, что я о милости и защищеніи онаго Высочайшаго Существа обнадеженъ, которое приключенія опредѣляетъ и надъ будущимъ владычествуетъ. Сіе осматриваетъ въ единомъ окомгновеніи все, что я есмь, и не токмо то, что мнѣ приключилося, но такожде и то, что мнѣ еще приключается и которое въ глубину вѣчности ввергается. Ежели я спать ложуся, то вручаю я себя Его попеченію; ежелиже паки пробужуся, то предаю я всего себя Его руководству. Въ самомъ нещастіи, которое мнѣ настоитъ, прибѣгаю я ко оному, и имѣю крѣпкую надежду, что оное все *зло* отъ меня или отдалитъ, или мнѣ въ пользу обратитъ. Хотя мнѣ часъ смертныи или состояніе моеи кончины весьма неизвѣстно есть, то однакожъ я о томъ нимало не печалюся, понеже подлинно знаю, что Всемогущій Богъ все сіе прежде знаетъ и что Онъ меня при послѣднемъ часѣ утѣшать и содержать не оставитъ.

[1]) Извѣстный историкъ Миллеръ, принявъ на себя, въ 1728 г., редакцію «С. п. бургскихъ Вѣдомостей», началъ издавать къ нимъ прибавленія, подъ названіемъ: «Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ Вѣдомостяхъ». Они выходили помѣсячно, а съ слѣдующаго (1729) года по два раза въ недѣлю, какъ и самыя Вѣдомости, почему заглавіе ихъ нѣсколько измѣнилось: «Историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчаніевъ въ Вѣдомостяхъ». Нумера назывались частями. Первый нумеръ, въ обращеніи къ читателю, кратко разсказываетъ исторію газетъ и объясняетъ содержаніе и цѣль Примѣчаній. Изъ самаго названія ихъ видно, что главными предметами статей служили: Политическая исторія, Генеалогія и Географія. Но редакторъ этимъ не ограничивался. Онъ говоритъ: «и о всемъ прочемъ, что токмо въ Вѣдомостяхъ приключиться можетъ, наше мнѣніе объявлять будемъ; временемъ на древнія и среднія времена обращаться, и о тогдашнемъ состояніи государствъ, земель и высокихъ фамилій разсматривать; не оставимъ при данномъ случаѣ изъ разныхъ частей натуральной, церковной и ученой исторіи многое прибавлять, что мы нашимъ читателямъ пріятнаго и полезнаго изыщемъ.» Резонементы или разсужденія отбрасываемъ (прибавляетъ онъ): цѣль наша—сдѣлать Вѣдомости для читателей вразумительнѣе. Такимъ образомъ «Примѣчанія» имѣли въ виду, соединяя полезное съ пріятнымъ, подробнѣе объяснять все то, что въ Вѣдомостяхъ предлагалось какъ извѣстіе, но что, по своему интересу, возбуждало любопытство публики, нуждавшейся въ просвѣщенныхъ и научныхъ понятіяхъ о разныхъ предметахъ. Касаясь происхожденія газетъ (въ 16 в.) и самаго ихъ названія (отъ монеты, которую платили за чтеніе вѣдомостей), равно какъ и судьбы извѣстнѣйшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданій, обращеніе къ читателю говоритъ: «По примѣру моралическихъ понедѣльныхъ

писемъ» (NB. переводъ съ нѣм.: Die moralischen Wochenschriften), «Патріотъ» (ревнитель о пользѣ отечества) усталъ отъ соревнованія, «Хулительницы» (которыя всѣ недобродѣтели хулятъ) перестали хулить, «Спектаторъ» (зритель или разсудитель о всякихъ дѣлахъ), который въ разсужденіи превращенныхъ нравовъ и обычаевъ человѣческихъ болѣ всѣхъ свои дѣла продолжалъ, однакожъ напослѣдокъ ослѣпѣлъ; а какъ долго «Бидерманъ» (честный человѣкъ, такожде о добрыхъ и злыхъ дѣлахъ разсуждающій) роптать будетъ, время покажетъ.» Въ изданіи Вѣдомостей участвовали почти всѣ академики, въ томъ числѣ Эйлеръ, Гмелинъ старшій, Бекенштейнъ; статьи на русскій языкъ переводились Ададуровымъ, Тредьяковскимъ и др. «Примѣчанія» принесли несомнѣнно-большую пользу: они сообщали публикѣ полезныя свѣдѣнія, пріучали ее къ изслѣдованію и мышленію. Издавались они съ 1728 по 21 октября 1742 г. Извлеченіе изъ нихъ напеч. въ Москвѣ 1765 г., подъ названіемъ: «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ Вѣдомостяхъ, изданныя въ Спб. при Ак. Н. съ 1729 по 1740 г.» Въ 1766 г., въ Москвѣ же, вышли «Примѣчанія о разныхъ матеріяхъ, печатанныя при Ак. Н., подъ именемъ еженедѣльныхъ отъ 1726 по 1740 г.» Наконецъ сама Академія издала извлеченіе изъ «Примѣчаній», подъ заглавіемъ: «Собраніе географическихъ, астрономическихъ и физическихъ примѣчаній, ч. I (1787). (*Объ учен. сборн., г. Куника*).

²) «Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ Примѣчаніевъ въ Вѣдомостяхъ. 1731.» Статья: «О суевѣріи» (въ 31 ч., т. е. нумерѣ) есть переводъ 7-го разговора изъ Спектатора (The Spectator, Зритель), еженедѣльнаго англійскаго листка, издававшагося Адиссономъ и Стилемъ въ 1711—12 г. г. Отсюда же, въ Примѣчанія 1731 г. заимствованы статьи: О полезномъ употребленіи времени, О добромъ нравѣ. «Зритель» пользовался чрезвычайною извѣстностью: къ нему обращались всѣ почти европейскія періодическія изданія, въ томъ числѣ и наши, не только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но и гораздо позднѣе — въ началѣ нынѣшняго. Нѣкоторые журналы принимали тоже названіе (Зритель), иногда съ присоединеніемъ какого нибудь прилагательнаго. Часто случалось, что статьи, переведенныя изъ англ. Зрителя въ нашихъ старыхъ журналахъ, переводились вновь или передѣлывались прямо съ русскаго перевода и являлись въ позднѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ. Къ числу такихъ статей принадлежитъ и разговоръ о суевѣріи. Въ Примѣчаніяхъ 1731 есть также переводъ изъ другаго англ. изданія: Гуардіанъ (The Guardian, Опекунъ), выходившаго ежедневно въ 1713 г. подъ редакціей Стиля. Статья эта — по поводу основанія севъ-сирскаго училища.

XXX.

ЗАПИСКИ КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ (ПИСАНЫ 1767 Г.). (1).

Умъ колеблется, когда приведу на память, что меня постигло послѣ всѣхъ этихъ веселій (2), которыя, казалось мнѣ, навѣки нерушимы будутъ. Знать что не было мнѣ тогда друга, ктобъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! Какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились. Господи! дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей хвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силъ, что я перенесла и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бъ не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нынѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала. Государь нашъ (3) скончалъ животъ свой, и паче чаянія моего сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отнялъ милостиваго государя, и великъ былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако какъ скоро проснулась, вижу — у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ и очень боленъ, однако я великую надежду имѣла на Бога въ томъ, что онъ не оставитъ сирыхъ; знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже со мной было тогда, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ, пропала, пропала! не слышно было ничего инаго отъ меня. Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни уговорить.— Я довольно знала обыкновенія, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось, потому что мой женихъ былъ любимъ государемъ, знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ (4) былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь и имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно; свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, говорили, что я еще человѣкъ молодой и безразсудно себя сокрушаю; можно-де этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; найдутся другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины имѣть будутъ. А въ то время правда что одинъ женихъ хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. — Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла на то имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему. Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла; и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодни любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя мужа моего, сносила, сколько можно мнѣ было; еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ и совѣтъ давали, или можетъ быть меня жалѣли. Въ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; притомъ разсказывалъ о смерти жалости достойной, какъ Государь скончался, что все былъ въ памяти и съ нимъ прощался. Говоря съ нимъ, мы плакали оба и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ

нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройти. Ну такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече мене сташа; всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу кому не попалась. Лучшебъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому назначено на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не захочетъ (5).

Тутъ (6) мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это было ужасно, но должно было молчать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ случилось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ, все тамъ прибирала, обивала стѣны, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, когда намъ надобно ѣхать. Людей намъ дали для услуги десять человѣкъ, и женщинъ на каждую персону по человѣку, всего пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ: ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена была я и въ томъ согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала: пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралась: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла ихъ при себѣ моя воспитательница, оныя мнѣ отдала: сумма не очень была велика, шестьдесятъ рублей, съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна или ѣхали; недалеко была рѣка отъ нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было помогала (7) моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе; тутъ же и прощаться, что я ее уже въ послѣдній разъ вижу: ухватились мы другъ за друга за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ: лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, держитъ за руку, даетъ нюхать спиртъ. Я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю—еще хотя разъ увижу: ниже мѣста того знать, далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ: знать я его въ воду опустила, когда съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было—не до него; жизнь тратится—такъ я и осталась одна, всѣхъ лишась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ: буря на рѣкѣ, громъ, молнія—гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ; какъ громъ грянетъ, такъ и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась: та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе; принуждены были къ берегу пристать, И такъ всю ночь въ страхѣ

безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла; мы поплыли въ путь свой и три недѣли ѣхали водою. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его: онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться: тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру, и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, покамѣстъ погода утихнетъ; и покроютъ меня шубою. На водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла: все тошнилось.

Однажды что съ нами случилось. Погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бы зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель; и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ. А такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ; а темно уже становится, ночь близко, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ. Якорь бросили середи рѣки въ самую глубь— якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ: боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили. Люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло. Я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы? никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ. На одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой. Стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ втянетъ. Это продолжалось очень долго. Я думала все, что мы пропали; командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самой частію земли вода: надобно думать, что озеро. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бы намъ въ томъ озерѣ быть; вѣтеръ тогда былъ преужасный; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когдабъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды—выѣхали на свѣту на свой путь, у самаго залива въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ; однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на большія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ (8).

—

Доѣхали до провинціальнаго города (9) того острова (10), гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна: офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручитъ тутошняго гарнизона офицеру, съ командою двадцати четырехъ человѣкъ солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ

не будетъ. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать.— Какъ исправились съ судномъ, новый командиръ повелъ насъ туда. Процессія была изрядная: за нами толпа идетъ солдатъ съ ружьями, какъ за разбойниками; я уже шла внизъ глаза опустя, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла: великая разница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое. Такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропасть: мы тогда назывались арестанты, инаго имени не было—что уже въ свѣтѣ этого титула хуже! Такое намъ и почтеніе! Во всемъ суднѣ изъ пазовъ доски вышли, насквозь дыры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть. Оно же черное, закоптѣло; какъ работники раскладывали огонь, такъ оно и осталось самое негодное: никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать—какое случилось, такое и дали. А можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться. Всѣ способы искали, какъ бы его приласкать — не могли найти. Да въ комъ и найти? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Изъ крестьянъ выслужилъ чинъ капитанскій. Онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спесью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу; и такъ съ нами сидитъ. Я была всѣхъ моложе и невоздержна: не могу не терпѣть, чтобъ не смѣяться, глядя на такую смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что ему смѣюсь—какъ-то удалось ему примѣтить — говоритъ, смѣяся: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ». Какъ мнѣ ни горько было, я старалась его ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому было препоручено, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когдабъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша: думали, что современемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.

[1]) Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая (р. 1714, у. 1771), дочь знаменитаго сподвижника Петрова, гр. Б. П. Шереметева, лишилась отца на 6, а матери на 15-мъ г. и жила съ старшимъ своимъ братомъ. Она вышла за мужъ за кн. Ивана Алексѣевича Долгорукаго, любимца Петра II. При обрученіи, 1729 г., которое совершалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, присутствовали: императорская фамилія, иностранные министры, придворные чины и весь генералитетъ. За такимъ блистательнымъ и повидимому счастливымъ началомъ судьбы, наступило совершенно другое время. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны Долгорукіе пострадали. Они сосланы были въ Березовъ, тобольской губ., слишкомъ за 4000 верстъ отъ Петербурга. Наталья Борисовна не оставила своего мужа: она отправилась съ нимъ въ мѣсто ссылки, твердо перенося

возможныя лишенія и бѣдствія. Через 8 лѣтъ жизни въ Березовѣ (въ 1739), мужъ ея, вмѣстѣ съ другими его родственниками, былъ привезенъ въ Новгородъ и казненъ. Наталья Борисовна три года не знала его участи. Императрица Елисавета возвратила ее въ Петербургъ (1742 г.), гдѣ она поселилась въ домѣ брата, гр. П. Б. Шереметева, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, Михаиломъ и Дмитріемъ, прижитыми ею въ Березовѣ. Въ 1757 г., когда подросъ ея младшій сынъ, она оставила свѣтъ и постриглась во Фроловскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, принявъ имя Нектаріи и облеклись потомъ схимою. По желанію сына своего, Михаила, она, въ 1767 г., написала записки, которыя начинаются разсказомъ о жизни въ домѣ родителей и оканчиваются извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Березовъ. Вѣроятно, дальнѣйшія событія были такъ тяжелы ея сердцу, что она, при всей душевной твердости, не могла говорить о нихъ. Записки эти, по просьбѣ И. В. Лопухина, доставлены были ему внукомъ Нат. Борисовны, извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ кн. И. М. Долгорукимъ, и напеч. въ Другѣ юношества (1810, № 1). Въ примѣчаніи къ нимъ, Лопухинъ говоритъ: «Много я наслышался объ ней (Н. Б. Д—ой) отъ моей матери, которая имѣла честь быть ея другомъ, живши нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ, гдѣ отецъ мой былъ въ должности губернатора. Помню особенно разсказъ о томъ, въ какой борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житья въ монастырѣ, наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное — она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое». «Я не знала», пишетъ въ запискахъ своихъ Н. Б. Д-ая, «что счастіе мною поиграетъ.... Благополучіе мое продолжалось отъ декабря 24 (*дня сговора*) по 18 день января (*день смерти Петра* II). За 26 дней благополучныхъ 40 лѣтъ не сей день стражду. За каждый день по два года придетъ безъ малаго; еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее? можетъ быть они и дополнятся, когда продолжится страдательная жизнь моя». Записки помѣщены также въ «Плутархѣ для прекраснаго пола» (не вполнѣ) и въ Сказаніи о родѣ кн. Долгорукихъ (1842). Къ сожалѣнію, слогъ ихъ подновленъ. Подлинникъ хранится у кн. Д. И. Долгорукова, сына Ивана Михайловича. Козловъ изобразилъ судьбу знаменитой страдалицы въ стихотворной повѣсти: Н. Б. Долгорукая. См. еще: Словарь достоп. людей, т. II; Записки кн. И. М. Долгорукова (въ Собр. его сочиненій) и Отеч. Зап. 1858, № 1, по поводу вышедшей въ 1857 г. въ Лондонѣ книги: «The life and times of Nathalia Borissovna, Princess Dolgorookov».

[2]) Сговора. До этого отрывка, описывающаго переворотъ въ судьбѣ Долгорукихъ, «Записки» говорятъ о жизни Н. Б. въ домѣ родителей и о ея сговорѣ.

[3]) Петръ II.

[4]) Неприкосновенъ.

[5]) Послѣ этого описаны: похороны Петра II, шествіе Анны Іоанновны въ Москву, свадьба, приказъ ѣхать въ дальнія деревни и жить тамъ впредь до повелѣнія, выѣздъ изъ Москвы въ апрѣлѣ 1730, въ самую распутицу (съ Н. Б. поѣхала гувернантка, ходившая за нею въ малолѣтствѣ, да дѣвка, при ней жившая), снятіе кавалерій съ Долгорукихъ, прибытіе въ деревню А. Г. Долгорукаго (отца Ив. Ал.), гдѣ объявлено Долгорукимъ мѣсто ихъ ссылки—Березовъ.

[6]) Въ первомъ городѣ, гдѣ остановились Долгорукіе на пути въ ссылку.

[7]) Воспитательница.

[8]) За тѣмъ описывается прибытіе въ городъ, изъ котораго до Тобольска надобно было ѣхать сухимъ путемъ.

[9]) Губернскаго (Тобольска).

[10]) Березовъ.

XXXI.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВ. МѢСТАМЪ, БАРСКАГО (1723—1747). ([1]).

Островъ Патмосъ.

Патмосъ по гречески, а по русски Патмъ, есть островъ меньшій отъ предреченнаго ([2]), древесами, овощами и виноградами оскуднѣйшій есть, обаче ([3]) честію и славою богатъ и пресловутъ, не токмо тамо въ окресныхъ странахъ, но и въ далечайшихъ западныхъ, понеже—

же тамошнія жители суть искусны въ купечествѣ, имутъ свои корабли, и отплываютъ въ Венецію, въ Римъ и въ иные дальные страны, и суть искусны въ бесѣдѣ разныхъ языковъ, обыкоша облачаться въ одежды тонкіе и лѣпые, наипаче же жены, иже всѣ отъ мала до велика натираютъ лице бѣлилами отъ древняго обычая, не токмо же жены замужнія, но и дѣвицы то творятъ, сице бо обыкновеніе имутъ, яко аще и отъ многихъ учителей наказовахуся многажды, но не исправишася. Мужіе облачаются всѣ, яко же и въ иныхъ островахъ морскихъ, и въ короткихъ одеждахъ съ завивалы (4) на главахъ; нѣцыи же отъ нихъ облачаются въ одѣянія долгія съ колпаками на главахъ, якоже есть обычай и въ нашихъ странахъ; жены же носятъ юпки яко пядіею выше отъ земли краткія, на главахъ же завивала бумажныя и шелковыя зѣло тонкія и распространенныя въ округъ зѣло широко, яко больше объимутъ кругъ главы, нежели плечь. На ономъ островѣ ни единъ Агарянинъ или Турокъ не обрѣтается, точію единовѣрные православные Христіане; не имутъ же различныхъ весей, но всѣ вкупѣ въ единомъ селѣ обитаютъ, еже есть великое яко градъ, и стоитъ на мѣстѣ прекрасномъ, на единой высокой горѣ посреди острова, идѣже многія церькви прекрасны съ главами каменнозданны, внутрь лѣпо иконописанны, и всякъ храмъ имать колоколъ единъ, или два, и звонятъ на всякъ день во время пѣнія церьковнаго, яже и въ иныхъ христіанскихъ странахъ. Суть же церьквей въ жительствѣ ономъ яко пятьдесятъ, еще же по горамъ сѣмо и овамо на разпутіяхъ, холмахъ, виноградѣхъ и въ вертоградѣхъ; повѣствуютъ, яко во всемъ ономъ островѣ обрѣтается церьквей малыхъ и великихъ яко близъ трехъ сотъ и вящше, понеже всякъ свою имать церьковь, или отъ прародителей своихъ оставшую, или своимъ коштомъ зданную: храмолюбивы суть до зѣла. Суть же нѣкіи богатые домовладыки, отъ нихъ же нѣкіи имутъ до пяти и вящше храмовъ зданныхъ отъ рода въ родъ; не мало суть храмовъ великихъ, точію всюду мало и простозданны. Обыкоша же тамо здати церькви на разныхъ мѣстахъ, яко то: на разпутіяхъ, въ садѣхъ, въ виноградѣхъ, на нивахъ, на поляхъ, на горахъ, на островахъ, на брегахъ морскихъ, на холмѣхъ, въ пещерахъ и всюду, камо либо кто проходитъ, храмы разные на пути мимоходитъ. Обаче тѣ храмы суть малы зданіемъ яко часовни или каплицы, яко же обычай есть Россіанамъ именовати, и въ тѣхъ малыхъ и далече отъ веси отстоящихъ не часто литургисаютъ, токмо единожды или дважды въ мѣсяцъ; цѣлое же пѣніе не совершается, развѣ единожды въ годъ, по случаю праздника коегождe храма, или аще кто по случаю сотворитъ обѣщаніе на поклоненіе, и сице вземши съ собою единаго отъ священникъ, отшедъ медлитъ даже до утра; таже сотворши цѣлое пѣніе церьковное и преночивши, возвращается въ домъ. Сія убо храмы на разпутіяхъ, далече отъ веси отстоящіе, не имутъ ни колоколовъ, ни клепаловъ (5). Внутрь же веси церькви суть лѣпотны отъ внѣ и отъ внутрь, каяжда съ единымъ или двумя колоколами, отъ нихъ же суть многи и съ главами съ верьху, и съ иконописаніемъ внутрь по стѣнамъ отъ главы до низу. Есть оная весь велика, стояща посреди горы острова, на высокой горѣ, на прекрасномъ мѣстѣ, отъонюду же всюду окрестъ зрится море, и иные различные острова, и корабли издалече пловущіе. Суть тамо домовъ яко 500, иже суть лѣпы и крѣпки зданіемъ, наипаче же внутрь украшенны многими иконами, сосудами, зеркалами, яко же тамо обычай есть, и внутрь суть чисты

и бѣлы, отъ внѣ же суть черны, обаче не отъ нечистоты, но отъ черна естествомъ каменя, отъ него же суть зданны, понеже весь островъ черный раждаетъ камень. Тамо иной вѣры не обрѣтаются люди, точію христіане благочестивые, и вся, яже по христіанству прилична, свободно и не возбранно совершаютъ; ибо аще и подъ турецкою властію суть и дань обычную даютъ, обаче, Божіимъ изволеніемъ, Агаряне ([6]) тамо не обыкоша обладати. Есть бо островъ нагъ, мало поля имущъ, точію все горы каменныя, сухія и бездревныя, и мало отъ древа, садовъ и отъ сѣменъ раждаетъ; прочее же все приносится отъ иныхъ окрестъ обстоящихъ островов. Еще же озлобляютъ ([7]) часть отъ разбойниковъ морскихъ; обаче мало что страждутъ, ибо во время гоненія заключаются въ монастырь, иже стоитъ посреди веси, имать стѣны твердыя и врата желѣзомъ покровенны, и сице не могуще что сотворити разбойницы, отплываютъ на море, христіане же паки возвращаются въ домы свои; обаче разбойники не часто приходятъ, понеже островъ неплоденъ есть, къ тому же боятся, да отъ Агарянъ не уловленны будутъ. Островъ же весь окружаетъ осьмнадцать стадій ([8]) или верстъ, якоже повѣствуется, разтвореніе воздуха здраво есть, воды текущей мало тамъ обрѣтается, точію кладязна и дождевна, юже обще всѣ піютъ, понеже есть здрава и чиста отъ кровель домовыхъ и церковныхъ собираема. Улицы же тамо тѣсны суть и полны сметія ([9]), понеже суть многія свиніи свободно ходящія, сего ради въ лѣтѣ множество блохъ тамо раждается. Островъ весь окрестъ имать много мѣста удобнаго къ пристанищу, обаче едино начальнѣйшее пристанище имать великое, широкое, глубокое и безмолвное къ востоку зрящее, идѣже обще обыкоша приплывати корабли. Мужіе тамо ино дѣло не имутъ, точію, въ различныя страны по морю отплывающе, куплю дѣютъ; жены же всѣ отъ бумаги чулки и прочіе вещи соплетаютъ, и приходящимъ тамо отъ инуду купцамъ продаютъ, и къ тому же суть искусны къ вышиванію цвѣтовъ на платнѣ, ихъ же одежды суть честны ([10]) съ долгими фартуками и лѣтниками ([11]) и со украшеніемъ персей, точію главы суть не лѣпо повязанны, понеже до избытка великія завивалы носятъ, яко множае большая глава зрится отъ плещей ихъ. Завивала же суть тонкія, шелковыя и драгоцѣнныя, хитоны ([12]) же обыкоша многими шелковыми цвѣтами вышивать и украшать, лица же бѣлятъ и румянятъ, якоже предрекохъ, обаче подвижны суть къ постамъ и къ церьковному пѣнію: сицевы убо суть жены; мужіе же коротко облачаются, яко же и въ иныхъ островахъ; суть же нѣцыи отъ богатыхъ облачающіеся въ долгія одежды.

[1]) «Пѣшеходца Василія Григоровича—Барскаго—Плаки—Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніи кн. Г. А. Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ В. Рубана. Спб. 1778». Григоровичъ (р. 1702, у. 1747) обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ львовской. Изъ Львова отправился (1724) на востокъ для обозрѣнія св. мѣстъ. Послѣ 10-ти лѣтняго странствованія по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, былъ постриженъ въ Дамаскѣ въ монахи (1734) и по собственному его желанію уволенъ для продолженія наукъ на островъ Патмосъ, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ. Въ 1743 г. вызванъ въ Константинополь русскимъ резидентомъ Вешняковымъ, у котораго прожилъ цѣлый годъ. Потомъ отправился снова на Аѳонъ, гдѣ около года занимался описаніемъ монастырей и другихъ достопримѣчательныхъ предметовъ. Отсюда ходилъ въ греческія области и въ 1746 г. воротился въ Царьградъ, гдѣ уже не засталъ въ живыхъ Вешнякова; преемникъ его, Неплюевъ, неблагосклонно

призвалъ Григоровича, который по приказанію его воротился въ отечество. Во время путешествія, Григоровичъ часто мѣнялъ свое названіе, называясь иногда «Барскимъ», по волынскому городу Бару, гдѣ жили его предки, иногда «Кіевскимъ» по родинѣ, иногда по гречески «Плакою» или по латинѣ «Альбовымъ» (отъ фамиліи Бѣляевъ). Рубанъ приложилъ къ изданію своему предисловіе, съ краткой біографіей Барскаго и обзоромъ его путешествія, извѣстія изъ иностранныхъ путешественниковъ, пополняющія его сказанія, и переводъ граммать, данныхъ ему въ разныхъ мѣстахъ. Митр. Евгеній справедливо обвиняетъ издателя за исключеніе изъ подлинника многихъ разсказовъ потому только, что таковыя находятся въ другихъ книгахъ. Равнымъ образомъ жаль, что не изданы рисунки, росписи которыхъ приложена въ концѣ книги. Путешествіе Барскаго издавалось неоднократно, какъ любимое чтеніе многихъ классовъ публики. Между рукописями Царскаго (№№ 601 и 602), принадлежащими нынѣ гр. Уварову, есть своеручный, хотя и неполный подлинникъ странствованій Барскаго, съ нѣсколькими письмами его къ разнымъ лицамъ. (См. Библіогр. Зап. 1859, № 9).

[2]) Леро.

[3]) Однако.

[4]) Чалмы.

[5]) Клепало (било) — доска, въ которую ударяли для созыванія христіанъ на молитву.

[6]) Магометане.

[7]) Причинять зло, оскорблять.

[8]) Барскій разумѣлъ здѣсь просто версту, выражаясь высокимъ слогомъ.

[9]) Соръ, нечистота.

[10]) Дорогія, красивыя.

[11]) Легкая одежда подъ платьемъ.

[12]) Мужская нижняя одежда.

XXXII.

ОПИСАНІЕ О ЯПОНѢ (1734). ([1]).

Императоръ японскій и нравы Японцевъ ([2]).

Імператоръ японскій имѣетъ нынѣ житіе свое во градѣ Іеддо, того-ради, зане во ономъ воздухъ благорастворенныи, зной же неесть тако великій; но егда онъ имѣетъ сына пятинадесяти лѣтъ, тогда онъ его отсылаетъ въ Сюрюнгу, гдѣ сей прінцъ содержитъ свой дворъ, ожидая кончины отчія, для возшествія по немъ на престолъ, отнелѣ же градъ Іеддо избранъ былъ для престола імператорскаго. Нынѣ оныи размножился зѣло пространно, и имѣетъ долготы три мили, широты же двѣ, домы въ немъ зѣло стеснены и весма многонароденъ; егда же Імператоръ исходитъ во градъ, или когда имѣется въ немъ какое позорище, тогда едва можно продратися сквозь народъ, а жены ту неходятъ никогда. Палаты імператорскія покрыты всѣ бляхами золотыми ([3]), господскія же соотвѣтствуютъ богатству сему: издалече, градъ сей есть наибогатѣйшее и прекрасное узорочіе, яко можно его видѣти ([4]); красоты же въ себѣ ([5]) такія не имѣетъ, зане домы простыя строены изъ древа. Великій Даири ([6]) имѣетъ свое жителство въ Меако; сей градъ такожде великъ зѣло и имѣетъ болѣе ста тысящъ домовъ, которыи прежде былъ столичныи во имперіи, егда Даири лишенъ былъ изъ тамошняго обыванія ([7]). Вскорѣ по его вѣнчаніи (возведены на престолъ безовъ ([8]), иже суть жрецы и законницы), тогда уже неподобаетъ ему болѣе являтися сіянію лунному, тако жъ и обрѣзывати ногти ножницами и брити главу. Повѣствуютъ жители страны тоя, яко імперія японская древле была ([9]), отъ князя, именуемаго Даири, иже вѣрился быти святымъ, его же подданніи почитаху аки Бога, и дабы былъ въ вящемъ почтеніи у сего народа, того

ради отпустилъ свою браду и власы къ растѣнію, глаголя: се будетъ святотатьство еже вознести бритву и ножницы на главу. Князи по немъ наслѣдники носящіе токмо королеи имя, удержали сіе употребленіе; и сказуютъ, яко они не являются сіянію лунному, зане они сыны солнца; ежели онъ имѣетъ дщерь спослую къ сочетанію брака, тогда імператоръ повиненъ на онои женится. И се оная восприемлетъ себѣ имя імператрицы, хотя бы она и неимѣла дѣтей, еже противно всѣмъ мнѣніямъ королеи восточныхъ, которыя недаютъ титла королевы, токмо той женѣ, кая первая родитъ дѣтища мужеска пола для наслѣдія престола.

По вся седмь лѣтъ імператоръ посылаетъ къ Даіри отъ двора своего изъ первѣйшихъ князей съ кошницею (10), исполненою земли, со изреченіемъ, что сія земли, ими же імператоръ владѣетъ, суть Даіровы, и по истиннѣ імперія ему надлежитъ по праву наслѣдія, но онъ соблюдаетъ токмо что честное тітло и великія себѣ доходы, которыя ему не мала даютъ власти въ государствѣ.

Японцы суть ідолопоклонники, а наипаче покланяются солнцу. Но хотя они имѣютъ безчисленное множество капищей и ідоловъ; обаче же сеи народъ не весма прилѣплены къ своему суевѣрію. Токмо единъ імператоръ жестокъ противо протчихъ вѣръ. И едва изъѣзжаютъ изъ своего государства (11) кромѣ въ Хіну и Іесео и весма не вдавнѣ яко імператоръ учинилъ запрещенія жестокія всѣмъ своимъ подданнымъ имѣти никакого купечества съ иностранными кромѣ Хінцовъ и Голланцовъ. Пріималъ онъ въ разные времена къ себѣ пословъ отъ многихъ прінцовъ (владѣлцовъ), но къ нимъ отъ себя онъ никого непосылалъ; обаче повѣствуютъ, что въ 1585 году нѣкіи господа изъ сихъ островов, вновь обращены въ вѣру хрістіанскую, посылали своихъ дѣтей въ Римъ для признанія папы Григорія 13 и для ихъ обученія, и возвратишася въ Гою въ лѣта 1587 и восприяты были во свою землю съ великою радостію. Малую прилѣжность, юже они имѣютъ къ мореплаванію и къ купечеству, происходитъ отъ части, понеже они имѣютъ обиліе во всѣхъ нужныхъ къ житію вещахъ. Такожде імператоръ имѣетъ нынѣ опасеніе, дабы вѣры иностранные не ввелися въ его государство. Ѕѣло же они любятъ новизны, чего ради между ими были многія бунты и междоусобныя брани, донелѣ же Кіпбанондонъ (12) отъявъ імперію отъ Даіри и соединилъ всѣ сія провинціи (области). Оныхъ же народъ такъ свирѣпъ и мстителенъ, что за малую досаду, которую получаютъ, ежели они немогутъ того часа отмстити, то убиваются между собою распоротіемъ чревесъ своихъ крюками (13). Мнѣ сказывали нѣкія люди повѣсть о семъ, иже можетъ утвердити сію истинну.

Нѣкія два господичи, служащіи імператору, встрѣтившися въ палатахъ и сразилися (14) ненарочно ѕѣло жестоко. Задорчивыи изъ нихъ единъ хотя обнажити шпагу, другіи же рече ему яко мѣсто оное неудобно, иду же да вреняшуся, пожди мя, и тако ти удовлесотворю (15). Онъ дождався по истиннѣ, но нестерпимость объятъ его, мнивши яко соперникъ посмѣяся ему; и тако отъ возбѣшенія распоролъ свое чрево ножемъ. Народъ же стечеся окрестъ его, и вопрошаху вину смерти его; обаче же болѣе сего не рече имъ: се единъ отъ трусовъ, иже прогневи мя. По семъ и той (16) притече, и протиснуся сквозь народъ, и узрилъ сіе дѣиство, рекъ: о злоключеніи, ты не долженъ былъ сумнѣватися о моемъ словеси, сеи ножъ можетъ въ томъ тя увѣрити. И сія рекъ, удари себе, и абіе паде близъ его.

Ниединого народа неимѣется въ свѣтѣ, которыи бы тако мало боялися смерти и неимѣлъ бы склонность ([17]) къ суровости, якоже сеи. Ежели какія князь или великія господинъ творитъ пиршество своимъ друзьямъ, при концѣ же обѣда прикажетъ созвати своихъ началнѣишихъ служителеи и вопрошаетъ отъ нихъ, есть ли кто между ними, которои бы любилъ самъ себя предати смерти въ присутствія гостеи? абіе бываетъ между ими прѣніе, кому будетъ первому сія честь, и по соизволенію княжему, его же наречетъ, и скоро распарываетъ тои себѣ чрево крюкомъ, еже есть ножъ ([18]), котораго конецъ наполненъ ядомъ ([19]), и причитаютъ себѣ за щастіе при дѣяніи сего позорища всему собранію гостеи ([20]). Употребляютъ же сіе и во время кончины своихъ господеи, аки ([21]) когда бываетъ строеніе палатамъ; понеже они имѣютъ такое суевѣріе и вѣрятъ, что сіи жертвы нужны для утвержденія строенія, и дабы тѣми ([22]) сочинити тѣхъ людеи щастливѣишими, иже въ тѣхъ строеніяхъ будутъ обитати.

[1]) «Описаніе о Японѣ, содержащее въ себѣ три части, то есть: извѣстіе о Японѣ и о винѣ гоненія на христіанъ, исторію о гоненія христіанъ въ Японѣ и послѣдованіе странствованія Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. Спб. 1734.» Всѣ три части, или статьи, переведены изъ путешествій Таверньe (Les six voyages de J. B. Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes; nouv. edit. 6 vol., 1724). Переводчики: Иванъ Горлицкій и Степанъ Коровинъ Сибиреннинъ (сибирякъ). Первая статья (Извѣстіе о Японѣ) напеч. въ 5 т. «Voyages»: «Une relation du Japon et de la cause de la persécution des chretiens dans ses iles.» Переводъ во многихъ мѣстахъ неясенъ.

[2]) Изъ 1-ой статьи.

[3]) Lames d'or.

[4]) Cette ville est l'objet le plus riche et le plus superbe que l'on puisse voir.

[5]) Par dedans.

[6]) Духовный императоръ.

[7]) Lors que les Dairy en furent depouillés.

[8]) Бонзами (Couronné par les bonzes).

[9]) Пропущено: управлена.

[10]) Короннмою.

[11]) Ils (Японцы) ne sortent pas de leur pays si ce n'est....

[12]) Quabacondono.

[13]) Avec leur crie.

[14]) Se heurterent par hazard.

[15]) Удовлетворю.

[16]) Другой соперникъ.

[17]) Имѣлъ бы такую сильную склонность.

[18]) Poignard.

[19]) Empoisonné.

[20]) Et ils s'estiment fort honorés de donner ce spectacle à la compagnie.

[21]) Или.

[22]) Жертвами.

XXXIII.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ, КРАШЕНИННИКОВА (1738—43). ([1]).

- *О ѣздѣ на собакахъ* ([2]).

Запрягаютъ обыкновенно по четыре въ санки, по двѣ въ корени и по двѣ на переди, и четверня сабакъ называется темъ нартою, такъ какъ здѣсь шесть лошадей цугомъ.

—

Оштоломъ называется кривая палка, длиною аршина въ полтора, которымъ сабакъ погоняютъ, остонавливаютъ и правятъ. Для понужденія сабакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики; остонавливаютъ, уткнувъ оштолъ передъ копыломъ ([3]) переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ, буде надобно въ лѣво, то бьютъ оштоломъ по снѣгу и кричатъ: угà: буде же въ право, то бьютъ въ передней копылъ и кричатъ: хнà! хнà! хнà! между тѣмъ ногами бороздятъ, и сабакъ одер—

живаютъ. Какъ оштолъ, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

—

Сидятъ на санкахъ опусти ноги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ камчадальскія женщины; таковожъ бесчестно и то, ежелибъ кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарта добрыхъ собакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по питнадцати, а со всѣмъ заводомъ становится около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охотника, которому обходилась нарта сабакъ рублевъ и по шестидесятъ.

О неспособности ѣзды на сабакахъ изъ одного строенія санокъ рассудить можно, что ѣздоку необходимо должно быть осторожну и стараться хранить равновѣсіе; въ противномъ же случаѣ узкія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ немалому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо сабаки убѣгаютъ, и не станутъ, пока въ жилье придутъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣпятся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшь итти, чего ради въ такихъ случаяхъ всякой старается, какъ можно, за санки схвататься, и тащенъ бываетъ иногда съ версту, пока сабаки, выбившись изъ силы, остоятся. Въ которыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то: на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ черезъ рѣчьки переѣздахъ, бѣгучи надрываются, и ничѣмъ ихъ остановить не можно, и для того на объявленныхъ спускахъ сабакъ выпрягаютъ и въ поводу водятъ, оставя токмо одну, которая бы санки правила, чтобъ дорогой катились, а подъ полозье подвязываютъ рѣменныя кольцы, чтобъ некатки были.

На крутыя горы поднимаясь, должно итти пѣшкомъ, ибо сабаки и простыя санки взвозятъ съ нуждою. Глухой [4] клади возятъ на нартѣ по пяти пудъ, не считая корму, которой подводчики для себя и для сабакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣжжаютъ верстъ по 30 на день и больше; а на легкѣ, особливо же весною по насту [5], на костяныхъ полозьяхъ верстъ по полтораста.

Когда выпадаетъ глубокой снѣгъ, то, не проложа дороги, на сабакахъ ѣхать не можно; прокладываютъ дорогу подводчики, а по тамошнему каюры, на лапкахъ, которыя бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на срединѣ двѣмя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вмѣстѣ стянутыхъ, и на переди къ верху загнутыхъ, и ремнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается путло, которое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по объявленной лапкѣ, и, оставя сабакъ на мѣстѣ, итти впередъ на нѣкоторое разстояніе, а потомъ воротиться тою же дорогою къ сабакамъ и весть ихъ по проложенной дорогѣ. А потомъ, оставя ихъ паки, итти впередъ и такъ мучиться до самаго жилья. Въ семъ случаѣ ѣзда бываетъ толь медлѣнна, что въ день едва десять верстъ переѣхать можно. Употребляютсяжъ къ прокладыванію дороги и обыкновенныя лыжи, однакожъ не столь часто. Ни одинъ подводчикъ безъ лыжъ или безъ лапокъ въ дальнюю дорогу не ѣздитъ.

[6] Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываетъ, когда на пустыхъ мѣстахъ застанетъ вьюга. Тогда съ возможнымъ поспѣшеніемъ надлежитъ съ дороги въ

лѣсъ сворачивать и лежать вмѣстѣ съ сабаками, пока утихнетъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Сабаки лежатъ весьма тихо, но въ случаѣ голоду объѣдаютъ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санные приборы. Буде погода захватитъ нѣсколко человѣкъ вмѣстѣ ѣдущихъ, тогда проѣжжіе имѣютъ сію выгоду, что они могутъ шелашь себѣ здѣлать и окопаться снѣгомъ: но Камчадалы шелашей мало дѣлаютъ, а отлеживаются наиболше въ ямахъ, усланныхъ съ деревъ вѣтвями, обернувшись въ свою кухлянку (7) и рукава спустя; при чемъ такъ ихъ заноситъ снѣгомъ, что ни рукъ, ни ногъ, ни головы не видно. Подъ снѣгомъ оборачиваются они какъ шаръ, однако весьма осторожно, чтобъ снѣгу, которымъ занесены, не рассыпать: ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юртѣ (8), имѣя скважину для дыханія, которая надъ ртомъ протаеваетъ. Есть ли платье на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказываютъ они, что стужи не можно тогда вытерпѣть, для того что платье отъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода застанетъ на чистой тундрѣ (9), въ такомъ случаѣ ищутъ какого ни будь бугорка, и подъ него ложатся; а чтобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа, вставши, отрясаются. Но понеже въ восточные и южновосточные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, то проѣжжіе, обмокнувъ, часто замерзаютъ, ибо такія погоды наиболше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и стужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и по тому опасна, что многія рѣки или не вездѣ становятся, или съ полыньями превеликими, которыя и въ самые жестокіе морозы не замерзаютъ. А понеже дорога наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для того что берега гористы и индѣ почти непроходимы, то рѣдкой годъ проходитъ, чтобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урону, ибо индѣ должно пробираться по самымъ узкимъ закраинамъ, а буде обломится, или санки въ воду скатятся, то нѣтъ никакого спасенія. Быстрина рѣки не допуститъ справиться; а хотябъ въ томъ кому и пощастливилось, то, обмокнувъ, погибаетъ съ большею мукою, когда нѣтъ жилья въ близости.

Немалая же трудность состоитъ и въ томъ, что много случается ѣздить чрезъ частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться, чтобъ не потерять глазъ или не переломать рукъ и ногъ, особливо же что сабаки въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю силу употребляютъ, чтобъ бѣжать скоряе и, зброся хозяина, свободиться отъ тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ мартѣ и апрѣлѣ по насту; однако притомъ сіе неспокойство, что по двѣ и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустомъ мѣстѣ, а Камчадаловъ трудно принудить, чтобъ они расклали огонь для варенія или для обогренія, ибо они съ своими сабаками ѣдятъ сухую рыбу, сидя на цыпочкахъ, спустя кухлянку. При чемъ довольно надивиться нельзя, 1) что они могутъ и сладко спать въ семъ бѣдномъ положеніи, 2) теплотѣ ихъ природной, что они стужи мало чувствуютъ, ибо они, вставши по утру, столь теплы и красны бываютъ, какъ бы въ тепломъ покоѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцовъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснулъ, и огонь потухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, будто бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

¹) Крашенинниковъ, Степанъ Петровичъ (р. 1713, у. 1755), обучался въ московской

духовной академіи, откуда поступилъ въ Акад. Н. (1732). Когда снаряжена была вторая камчатская экспедиція (1733), академики, въ ней участвовавшіе, взяли его и нѣкоторыхъ другихъ студентовъ съ собою. По прибытіи въ Якутскъ, Крашенинниковъ былъ отправленъ (1736 г.) въ Камчатку для описанія этого края, откуда, 1743 г., воротился въ Петербургъ. Съ 1745 г. онъ назначенъ адъюнктомъ по естественной исторіи, а съ 1750 г. профессоромъ ботаники. «Описаніе земли Камчатки», составленное имъ вмѣстѣ съ адъюнктомъ Штеллеромъ (см. ниже), издано послѣ его смерти Миллеромъ въ 2 т. (1755). Содержаніе ихъ: а) о Камчаткѣ и сосѣднихъ съ нею странахъ; б) о выгодахъ и недостаткахъ земли Камчатской; в) о камчатскихъ народахъ; г) о покореніи Камчатки и нынѣшнемъ ея состояніи.

[2]) Гл. 9 ая части 3-ей: «О ѣздѣ на собакахъ и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ».

[3]) Копылъ—одинъ изъ брусковъ, утвержденныхъ стоймя въ полозья, на коихъ укрѣпляются сани.

[4]) Всякой, безъ названія.

[5]) Поверхность замерзшаго послѣ оттепели снѣга.

[6]) Отсюда до конца идетъ описаніе, принадлежащее Георгу Вильгельму Штеллеру (р. 1709, у. 1746). Штеллеръ пріѣхалъ изъ Саксоніи въ Спб. 1735, поступилъ въ Ак. Н. адъюнктомъ, отправленъ въ Сибирь для содѣйствія академику Гмелину, который отправилъ его въ Камчатку къ Крашенинникову. Въ 1741 г. онъ совершилъ съ Берингомъ морское путешествіе; по разбитіи бурею корабля ихъ, зимовалъ на Беринговомъ острову; отсюда воротился въ Камчатку и потомъ въ Спб., но на пути ум. въ городѣ Тюменѣ. Записки его пересмотрѣны Крашенинниковымъ. Изъ нихъ «Описаніе земли Камчатки», на нѣм. яз., напеч. во Франкфуртѣ 1774. Нѣкоторыя части этого описанія вошли въ трудъ Крашенинникова.

[7]) Верхняя одежда Камчадалъ.

[8]) Кибитка, шалашъ кочевыхъ народовъ.

[9]) Болотистое мѣсто, поросшее мхомъ.

XXXIV.

САТИРЫ КАНТЕМИРА (1729—1739). ([1]).

1. НА ХУЛЯЩИХЪ УЧЕНІЕ (КЪ УМУ СВОЕМУ) (1729). ([2]).

а) Начальная редакція.

(По рукописи, принадлежащей А. Н. Аванасьеву). ([3]).

Предисловіе къ читателю.

Не столько обычаю, сколько нуждѣ последуя, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба хулить, охота ([4]) принудили меня осмѣять осмѣющихся ([5]) ученіемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. И такъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ, хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдали бъ, что я никого партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ характеры, въ сей сатирѣ содержащіе ([6]), и слушая злонравіе—не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помнилъ бы, что дурный лицемъ николи зеркала не любитъ.

Сатира ([7]).

1—6. Уме слабый, плодъ трудовъ не-
(1—14). долгой науки ([8])!
Покойся, если хочешь прожить жизнь безъ скуки:
Не писавъ, дни летящи вѣка проводити
Можно и хвалу достать, хоть творцомъ ([9]) не слыти.
5. Противно ученіе, творецъ не милъ, чаю,

Когда чту книгу кому — говоритъ: скучаю!
7—14. (15—22). Правда, нашъ младый монархъ [10] немала надежда
Есть Музамъ [11]: постыдится предъ нимъ всякъ невѣжда;
Аполлонъ неослабу въ немъ ощутилъ защиту,
Видѣлъ того самого чтуща его свиту [12],
И подъ сѣнію милости его всѣмъ обильно
Тщится множить Парнаса жителей [13] онъ сильно.
Но то бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзостно ругаютъ.
15—17. (169—170). Никакой плодъ, всѣ кричатъ, не видимъ науки:
Ученыхъ хоть голова полна—пусты руки.
Любятъ больше тѣлесну, не ума украсу.
18—32. (134—146). Епископомъ хощешь быть [14]? уберися въ рясу;
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата [15]
Да прикроетъ; на шею повѣсь цѣпь отъ злата;
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою;
Клюку пышно повели нести предъ собою [16].
Раздувшися въ каретѣ, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву [17].
Подъ видомъ смиренія зависть преглубока,
Да цвѣтетъ въ сердцѣ къ власти охота жестока.
Священноначальника всякъ тя въ сихъ познаетъ
Знакахъ; благоговѣйно отцемъ называетъ.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись [18] позабудетъ,
Отъ чего вредъ доходамъ и церковной славы;
Лишь сокровище бъ цѣло, хоть души нездравы.
33—36. (23—40). Ереси и расколы суть науки дѣти [19];
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Въ безбожіе приходитъ [20], кто надъ книгой таетъ:
Говоритъ тотъ, кто и самъ мало Бога знаетъ [21].
37—56. (107—113). Щеголь тужитъ, что много бумаги исходитъ
На печатаніе книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ [22] Виргилій двухъ денегъ не стоитъ;
Рексу [23], не Цицерону, похвала достоитъ.
Стоитъ философіи кафтанъ сшитъ богато,
Гдѣ мудро изложено блещетъ сребро-злато.
Какъ красно распещренный павлинъ, хвалитъ тѣло;
Ноги той [24], главу же сей [25] презираетъ смѣло:
Полна ль она или пуста, та не сокрушаетъ,
Мысль его — коли платью видъ добрый дать знаетъ.
Злато обыкшъ за крайне добро почитати —
Мыслитъ, какъ бы-то на рубль пять алтынъ достати [26];
А наука, говоритъ, мѣшку не прибытокъ,
Дому—не прибытокъ, пагуба, убытокъ;
Давать за пусты слова, мѣшку не полезны,

Деньги, потомъ нажиты, въ семъ свѣтѣ любезны,
Тратить надъ книгой время, только чтобъ мудръ звался, —
Сумнится, чтобъ кому трудъ не глупъ показался.
57—102. (41—82). Завистливый, видя въ иномъ, что самъ не имѣетъ,
Вредный носяй въ сердцы ядъ, злы плевелы сѣетъ,
Ищущи сѣмя наукъ учинить безплодно,
Безъ стыда гремя слово, древнимъ глупцамъ сродно:
Живали мы, говоритъ, не зная латинѣ
Прежъ сего, хотя просты, лучше нежель нынѣ;
Въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали [27];
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
На что намъ грамматика [28]? Естество насъ учитъ
И безъ правилъ говоритъ: безъ плода трудъ скучитъ.
Мужеска пола имя, что съ женскимъ вязати
Надлежитъ—причину мнѣ знать съ коей стати?
Полно, мню, не погрѣшить въ моемъ разговорѣ,
Не сказать: *зла*, но *злый* есть, говоря о ворѣ.
Плодовито говорить—врать даетъ причину [29];
Прилично молчаливу быти дворянину.
Казанье [30] писать — пользы нѣтъ ни малой мѣры:
Есть для исправленія нравовъ Камень Вѣры [31];
Доводомъ рѣчь утверждать [32] — подлыхъ то есть дѣло:
Знатныхъ есть не знать, только спорить смѣло [33].
Силы духовъ и души розыскивать предѣлы [34] —
Напрасно время тратить, хотя между дѣлы;
Бога неприлично есть свойство испытати:
Каковъ Богъ — что нужды [35] знать и познавати?
Травъ, болѣзней знаніе [36] — голы то всѣ враки.
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Что смѣшнѣе—въ сихъ бѣдахъ кровь бѣдну винити
Тщится [37]. Тихо ли идетъ? мыслитъ слабость быти;
Коли спѣшно—жаръ въ тѣлѣ; на все резонъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
Здоровье больнымъ сулятъ [38]; всегда ль то бываетъ?
Не вѣмъ, только въ ихъ рукахъ карманъ чахнетъ, таетъ.
Учиться рудъ качеству [39] — о, какъ глупо дѣло!
Коптить въ дыму очеса, жечь при огнѣ тѣло;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе сребра, злата, мѣди.
Когда вижу, что солнце [40] всходитъ и заходитъ,
Что грѣетъ, что силою того сѣмя всходитъ,
Что мѣсяцъ свѣтъ подаетъ, день и нощь бываетъ,
Зима стужею скучна, лѣто нагрѣваетъ—
Къ чему звѣздъ теченіе и свойства числяти,
Для одного въ планетѣ пятна ночь не спати,
Для любопытства только лишиться покою,
Ища, солнце движется или мы съ землею?
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;

Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ [41].
103—128. Пьяница, раздутъ съ вина,
(83—106). чуть видя глазами,
Раздранъ, смраденъ, по лицу распещренъ угрями,
Совѣтуетъ въ весельѣ житье провождати:
И такъ-де то не долго — на что коротати?
Крушиться надъ книгою и повреждать очи
Почто? не лучше ли съ кубкомъ прогуливать ночи?
Вѣдь мы для сообщества въ свѣтѣ сотворенны,
Не въ нашу только пользу умомъ одаренны:
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей [42] живущихъ лишуся?
Когда все содружество будетъ мнѣ чернило,
Перо, бумага? Ей, то жить не всѣмъ мило.
А вино не таково; много въ немъ провору:
Дружитъ людей, причину даетъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія думы прекращаетъ,
Смѣла творитъ, къ взаимной любви побуждаетъ,
Жестокихъ умягчаетъ сердца, всеполезно,
Виномъ легче всякъ можетъ достать что любезно [43].
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А на поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
И будутъ тещи къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся опять къ намъ минувши вѣки [44],
Когда Дунай протекать престанетъ чрезъ Вѣну,
Сребро-злато въ приказахъ потеряетъ цѣну,
Когда лучше свѣжины возлюбитъ умной стерву —
Тогда развѣ предпочту Бахусу Минерву.
129—142. Еще то не все, уме! Кто
(114—120). все исчислитъ,
Чѣмъ злоба добродѣтель охуждати смыслитъ?
Довольно однакоже можешь разумѣти,
Что въ нашъ вѣкъ не къ пользѣ намъ что умѣти;
А зная то, можешь ли имѣть ты охоту
Хулу искать въ мзду себѣ за тяжку работу,
Бдѣть и безпокойствовать, думать, надсѣдаться —
А за что? чтобъ было чѣмъ надъ тобой ругаться.
Когда пользы нѣтъ, хвала къ трудамъ ободряетъ;
А какъ и ту не имѣть — сердце унываетъ;
Кольми паче — вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежели попу не славить святую недѣлю,
Нежели купцу [45] пиво пить не въ три пуда хмѣлю [46].
143—158. Ужъ миновалось то время,
(157—168). когда за богатство,
За честь, за все-мудрости имѣли изрядство,
Когда сенаторъ овцы самъ пасть не стыдился [47],
Не пыхою [48], но нравы чинъ свой славить тщился.
Теперь платьевъ и нравовъ премѣнилась мода.

Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ рода;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло,
Невѣжество — знаніе ужъ мѣстомъ посѣло:
То ([49]) подъ митрой ([50]) гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Оно за краснымъ сукномъ судитъ, полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ знатнѣйшихъ домовъ съ ругательствомъ сбита,
И въ самой богадельнѣ мѣста не находитъ,
Мразна, нага, голодна, безъ помощи бродитъ;
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбу,
Какъ на морѣ страдавши корабельну службу.
159—178. (171—188). Коли кто карты мѣшать, винъ разныхъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ ([51]),
Смыслитъ смѣло за одну ночь все промотати,
Что чрезъ цѣлую отецъ жизнь тщился собрати,—
Довольно искусенъ есть, достоинъ тотъ быти
Первымъ по Аполлонѣ и Платономъ слыти.
Таковому высша честь—мзда есть нечрезмѣрна;
Ничто предъ нимъ порода, умъ и служба вѣрна.
Однимъ словомъ, угоднымъ къ всѣмъ чинамъ ся числитъ,
Кто — три и два что чинитъ ([52])— угадать не смыслитъ.
Нѣтъ въ людяхъ правды, гласитъ безмозглый церковникъ:
Еще я не епископъ, а знаю часовникъ,
Псалтирь и посланія честь бѣгло умѣю,
Не запнусь въ Златоустѣ ([53]), хоть не разумѣю.
Воинъ, что не фельдмаршалъ, ропщетъ, воздыхаетъ;
Резонъ тому — подписать имя свое знаетъ.
Писецъ ([54]) тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
А что знаетъ переписать дѣло письмомъ яснымъ ([55]).
Обидно себѣ мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти.
179—186. (189—196). Таковы слова слыша и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Хоть тяжко, да безстрашно есть не быти въ знати,
Чѣмъ, познанъ бывъ, за добро да злое страдати.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не тщися, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, терпѣть хулу злую.

б) *Печатная редакція* ([56]).

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи ([57]),
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы ([58]) проклали
Девять сестръ ([59]). Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,

И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аппюлинъ (60) славы въ немъ защиту
Своей неслабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Не та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ (61),
И проситъ свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церькви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли доброй нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церьковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ (62) другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должность о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ (63) то есть дѣло;
Знатнымъ полно (64) подтверждать иль отрицать смѣло.
Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лепитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хоть грошъ? могуль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкой крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ винного заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства

Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Веть не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки;
Главаль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять ([65]) хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; есть ли спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшей сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнцель движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копеекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично ([66]) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали ([67]),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся.
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лутчели съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ....
Когда по небу сохой брозды водить станутъ,
А съ поверьхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ ([68]) тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;

Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ;
Рексу, не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши [69]
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить, да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полноль того? Райскихъ вратъ ключари святые [70],
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну прикрасу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверьхъ той тѣло съ гордостью риза полосата,
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели вести предъ тобою;
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нее пользы церькви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церькви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣсть на бумажны горы [71],
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ Мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.

Златый вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ збита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая вышша степень—мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглой церьковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысла дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой щитаетъ,
Хотя впротчемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме! не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость всеблагая,
Весели таїно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

2. **На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ** (1729). [72]

а) *Начальная редакція* ([73]).

(По рук. А. Н. Аѳанасьева).

Предисловіе къ читателю.

Надѣюся, что между прочими читательми будутъ и такіе, которые, лише прочтутъ титулъ сатиры, возбунтуются на бѣднаго сатирика. «Чтоже? скажутъ: ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ. Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники; теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, чтобъ по его мнѣнію можно бы правильно сдѣлать. Кто его поставилъ надъ нами судьею?» У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливо выслушали короткіе мои резоны, которые я имъ представить имѣю: неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой сатирѣ моей если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышелъ изъ правды предѣловъ; за-

щищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда, одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? ибо я не благородіе хулить намѣреваюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самимъ всякое благонравіе защищаю. Въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами, что темнотою злонравія всякаго благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышнія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себе, коли оные чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое провождать, но потомъ и мозольми въ пользу отечества доставать себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ на меня правильно гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми злонравіями опятнанъ, которыя обличаю. Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta — всѣ сіи боятся стиховъ, ненавидятъ стихотворцевъ (74). Имъ непріятна добродѣтелей похвала и противна хула злонравій: имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше сожалѣю тѣхъ, которые на меня сердитовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу—пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но предъуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человѣка дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ: коли добро дѣлаютъ—ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ—боятся наказанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ одобряетъ. Такъ довольно, какъ мнѣ кажется, очистивъ стихи мои, остается, любезный читателю, предложити тебѣ, что сатира сія писана на образъ разговора между Арестофиломъ (то есть мужемъ, который, добродѣтель одну любя, въ ней крайнее свое ищетъ благополучіе), да между дворяниномъ,

всякаго благонравія лишеннымъ. Сего Аретофилъ печальна и задумчива встрѣтивъ, вопрошаетъ: «что такъ смутенъ, друже мой,» и проч.

САТИРА.

АРЕТОФИЛОСЪ.

1—22. Что такъ смутенъ, друже мой?
(1—22). весь въ знакахъ печали:
Блѣденъ, очи всѣ въ слезахъ, темны, красны стали;
Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати,
Когда лошади свои раздарилъ не кстати [75];
Сухъ и худъ, какъ подъячій въ вотчинномъ приказѣ,
Когда казнь за взятки, смерть сулена въ указѣ?
Цугомъ ли запрещено ѣздить [76], или злато,
Или ливреи и платье носить пребогато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, иль вина драгова [77]?
Отецъ знаю что живетъ и матерь здорова.
Что молчишь? развѣ въ устахъ и рѣчи пропали?
Не знаешь ли, что другъ есть полезенъ въ печали
И что много пользовать можетъ совѣтъ здравый,
Когда по немъ поступать не претятъ злы нравы?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Луцію лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ славными презрѣнъ именами.
Рода знатность забыта и надъ гербомъ латы
Съ царскою короною—знаки въ полѣ златы;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ [78],
Какъ въ бабахъ изъ богадѣленъ по природѣ вздорныхъ.

ДВОРЯНИНЪ.

23—76. Не худо ты отгадалъ; да мнѣ
(23—63). не завидно
Одному, но знатнымъ всѣмъ стыдъ небевобидной.
У кого еще не всѣ стерты съ рукъ мозоли,
Кто лаптями торговалъ, кто продавалъ соли,
Кто горшокъ съ подовыми истеръ, бѣдный, плечи [79],
Кто извозничалъ въ Москвѣ, кто лилъ сальны свѣчи [80] —
Тотъ честенъ, славенъ, богатъ, тотъ въ чинахъ сіяетъ;
А во мнѣ благородство стонетъ, воздыхаетъ.
Предки мои за семьсотъ и четыре лѣта [81]
Имя несли хвальное, чудо были свѣта:
Прапрадѣда прадѣдъ мой самъ владѣлъ собою [82];
Дѣдъ прадѣда много войскъ топталъ съ похвалою;
Отецъ его на морѣ цѣлымъ флотомъ правилъ;
Кого такъ, какъ прадѣда, свѣтъ когда прославилъ?
Дѣда имя, славимо умомъ, славно дѣлы,
Всѣ свѣта исполнило четыре предѣлы.
Каковъ же мой отецъ былъ — кто того не знаетъ?
Паллась, Марсъ, судилище объ немъ воздыхаетъ:
Въ дѣлахъ войны искусенъ, ранъ полно все тѣло;
Битвы, осады, миры—все то его дѣло.
Посмотри, коли хочешь, залы нашей стѣны, —
Увидишь тутъ чудныя и славны премѣны

Фортуны, одолѣнны всегда имъ счастливо [83],
(Что онъ смертью побѣжденъ — мнѣ не мало диво).
Медалей, цѣпей златыхъ [84] по немъ что остались!
Въ стаканы я перелилъ, чтобъ не завалялись.
Въ гражданскомъ правленіи, ей, былъ не послѣденъ;
Ришелье и Мазаринъ предъ нимъ въ дѣлахъ бѣденъ.
Библіотека его предивная была
Хоть не очень велика — совершенна слыла:
Книги разны собраны по лучшей примѣтѣ;
Помню, книга въ нихъ была добра о пикетѣ [85].
Мнѣ было хотѣлося убрать ими стѣны,
Да мышей побоялся: вещи оны тлѣнны;
За тѣмъ на цугъ промѣнялъ лошадей изрядныхъ;
Съ нея же шесть себѣ сшилъ кафтановъ нарядныхъ.
Однимъ словомъ, съ трудностью можно разсудити,
Что въ немъ больше — шпагу ли иль перо хвалити:
Въ обоихъ бо совершенъ, украсилъ онъ оба, —
Мужъ достоинъ въ вѣки жить и чуждъ быти гроба.
Въ наукахъ весьма глубокъ, просиживалъ ночи
Надъ книгами,—тѣмъ горбатъ былъ и слабъ на очи.
Возьмижъ опять побочныхъ [86] всѣхъ моего рода;
Не умалилъ никто честь, что дала природа:
Адмиралы, вожди войскъ, судьи и чрезъ время
Главные, моей крови все то одно племя.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную съ записки приказны —
Увидишь дѣла моихъ предковъ и кто были;
Николи вторыми тѣ, ей, въ людяхъ не слыли,
А всю славу, всю ту честь достали трудами,
Въ мирѣ нравы, а въ войнахъ проворны руками.
Разсуди жъ ты потому, сколь легко терпѣти,
Столь славны имѣвъ предки, славы не имѣти.

АРЕТОФИЛОСЪ.

77—90. (64—82). Вижу я правость твою и скорби резоны,
Да позволь, если можно, сказать безъ препоны
И мнѣ мое мнѣніе, дружескій совѣты;
А притомъ вѣдай, что я лукавыхъ примѣты:
Лесть, похлебство не люблю, но что помышляю
Въ сердцѣ, то и устнами другу открываю.
Не пустое дѣло есть знатная порода;
Знаю я, сколь изящно славнаго быть рода,
Носить на себѣ имя, еже вѣчна слава,
Знаменитое въ войнахъ, въ храненіи права;
Но то, когда потомокъ, предкомъ подражая,
Въ путь добрыхъ ся направилъ, отбѣгаетъ злая,
Когда дѣлы хвалимы въ пользу всѣхъ сіяетъ, —
Отъ себя себѣ красу, не отъ своихъ чаетъ.
91—122. (115—124). Признаю, что съ корене сего такъ рожденны
Отрасли неправедно бываютъ презрѣнны,
Что неправо заслуги забыты бываютъ

Предковъ, когда потомки въ нравахъ успѣваютъ,
И въ равномъ достоинствѣ что предпочесть должно
Благороднаго: спорить никому не можно;
Но что когда корень здравъ, да отрасли гнилы,
Вѣдь тѣ ужъ не такъ честны, не такъ ужъ всѣмъ милы.
99—102. (103—106). Спросись хоть у пьяницы, таковы ли дрожди
Любы ему, какъ пиво: отречется трожды.
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, коли не какъ пиво сладки.
Благородство голое, добрыхъ дѣлъ лишенно —
Суетно для лѣнивыхъ имя вымышленно,
Которые красятся чуждыми дѣлами,
Хвастаютъ честью, юже не достали сами.
Вѣрю: мужества предковъ лѣтописцы полны,
Грамоты, въ гербѣ знаки — доводы довольны;
Да что въ семъ собраніи славы неполезной,
Коли ничто показать можетъ въ поднебесной,
Развѣ ссохшій пергаментъ, который чрезъ лѣта
Долгія отъ червей могъ избѣжать навѣта,
Коли, съ хвальнаго [87] ключа ведучи начало,
Ничего не имѣешь, чтобъ роду пристало?
Глупою только надутъ гордостью не въ мѣру,
Лошадямъ только годенъ для стати къ примѣру [88];
117—118. (101—102). Не пользуетъ, вѣрь, зваться хоть цесарско чадо,
Коли нравомъ грубѣе, нежъ пасущій стадо.
Добродѣтель, къ природѣ знатной соплетенна,
Благороднаго чинитъ во всемъ совершенна;
Труды, разумъ, прилежность и добрые нравы —
Лучшія благородству суть и крѣпкія правы.
123—132. (83—100). Побѣдилъ ли самъ враги? далъ пользу народу?
Устрашилъ ли дѣйствами Нептуна власть—воду?
Сокровища царскія тобой умноженны?
Презрѣвъ покой, подъялъ ли самъ труды военны?
Или кой случай, младость въ то не допустила,
Впредь въ томъ показать себя есть ли умъ и сила?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Ахиллу иль Гектору можешь счесться сроденъ,
Іулій [89] и Александръ и вси мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
134—143. (125—132). Ты самъ, праотцевъ своихъ славу исчитая,
За труды ихъ, самъ сказалъ, была имъ честь такая:
Иной въ войнахъ побѣдилъ, претерпѣлъ страхъ, раны;
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны.
Тѣмъ еслибъ ты подражалъ, правобъ могъ роптати,
Что тебя за другими и въ пару не знати,
Что изсохъ уже, извялъ, въ переднихъ зѣвая [90],
Когда встанетъ фортуна—съ хлопцы ожидая,
Что спина, шея болитъ, жертвуя и мухамъ,

Имъ же доступъ позволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
144—153. (203—234). А ты, другъ мой, разсмотри, естьли хотя мало
Въ тебѣ, чтобъ красу твоихъ [91] имени придало.
Гдѣ военные труды, иль дѣлъ тѣхъ наука?
Ты объ нихъ и не слыхалъ,—дядька твой порука.
Какъ войско распорядить, какъ раскопать шанцы—
Столь дико тебѣ, какъ намъ китайскіе танцы;
Осады, окопъ, наступъ когда поминаю, —
Чаешь ты, что арабскимъ языкомъ болтаю;
Блескъ мечей и звукъ пушекъ ужаснѣе грома
Мнятся; не въ полѣ сохнуть, любишь толстѣть дома.
154—159. (235—265). Какъ тебѣ повѣрить флотъ? ты лодкой не правилъ;
Рыбу, что живетъ въ водѣ, ловить ужъ оставилъ;
Корабль ти кажется гробъ, веревки—удавка,
Море—адъ, парусъ—саванъ, буря — житью сбавка;
Корабль, правило [92] въ судахъ столь тебѣ знакомы,
Сколь сибирскимъ Вотякамъ мраморные домы.
160—167. (266—300). Правительство гражданско николи не снилось,
Развѣ въ полици.... [93] посидѣть случилось.
Гроціусъ и Пуфендорфъ и римскія правы—
О тѣхъ помнить нечего: не наши суть правы.
Такъ имъ Уложеніе? трясешь головою;
Что то за звѣрь? говоришь, хоть ужъ съ бородою.
Какъ доходы умножить, какъ прекратить бѣдства
Народа — лишни тебѣ мнятся шутки дѣтства.
Оставляю науки вышняго степени [94]:
Тѣхъ не только существа, не видать ни сѣни;
И знаю, что тѣ у насъ ужъ вышли изъ моды:
Нескладно ученымъ быть изъ знатной породы.
Неполезно быть-де, такъ; да въ чемъ пользу знаешь,
И того, ей, въ тебѣ нѣтъ: въ злой глупости таешь.
Не столько жъ голъ знаніемъ, но такъ тебѣ мило,
Какъ, по просту сказать, дьяволу кадило.
175—217. (133—156). Вмѣсто знанія и правъ, какъ свою весть волю,
Вмѣсто искуства, какъ плыть по мокрому полю [95],
Вмѣсто управленія военнаго дѣла,—
Въ бумажкахъ вижу тя распестренныхъ [96] смѣла.
Разложивъ таборъ великъ въ фараонномъ бою [97],
Дерзокъ приступъ держиши сущихъ предъ тобою [98].
Не страшитъ тя бѣлъ металлъ [99], ни бомбы златыя [100];
То твое войско побьютъ, то ты рвешь иныя;
Остороженъ, чтобъ не могъ непріятель знати,
Гдѣ твой воинъ слабѣе, гдѣбъ легче достати;
Тасуешь полки свои, сколько станетъ сила,
Чтобъ недруга коварна надежда прельстила;
Какъ сова, распяливши на всѣ страны очи,
Со оружіемъ въ рукахъ день бодрствуешь и ночи—
Напослѣдокъ, какъ сія сочинится битва,

Труднѣй тебѣ безъ дѣла сидѣть, нежь какъ бритва
Тупа по твоей брадѣ, не омоча водою,
Грубаго влачима есть барбера рукою ([101]);
Легче дьяку не рыгнуть, тёшки въ щахъ поѣвши,
Циону не чесать главу, на край стула сѣвши.
Немокоешь ищеши, гдѣ войну зачати,
Иль аламбрoю греия ([102]), иль костьми стрѣляти ([103]).
Когда же ночь застигнетъ, неприятель станетъ,
Тогда ужъ тебѣ скука, тогда скорбь настанетъ;
И небомъ и землею клянешь человѣка,
Что во снѣ погребаетъ полъ своего вѣка.
Чтоже, когда умнымъ быть ужъ тебѣ наскучитъ,
А воля, въ чемъ вокормлена, того искать учитъ,—
Собравъ друзей, по виду имя то носящихъ,
Внутри же злословіемъ противъ тя смердящихъ,
Флотъ цѣлый велишь принести плетеныхъ сосудовъ ([104]),
Отъемлющихъ главу, умъ, силу прочихъ удовъ,
Ведущихъ къ пристанищу злу и безпокойну—
Въ болѣзнь и безславіе, скудость непристойну;
Тотчасъ съ стула самъ скоча, конопать ([105]) осмотришь,
Нейдетъ ли гдѣ хоть духъ, въ микроскопіи смотришь,
Таже малы ладіи ([106]) раздѣливъ всѣмъ вскорѣ,
Въ слабое безпамятства пускаешься море,
Правишь, сказываешь вѣтръ ([107]) и тщишься чрезмѣрно,
Чтобъ кто не сбился съ пути, всякъ плавалъ бы вѣрно,
И толь искуство морскихъ въ палатѣ сіяетъ,
Что, на твердомъ спя полу, всюду тя качаетъ.
218—267. Вотъ ужъ о знаньи твоемъ,
(157—178). какъ платья носити
И прочій уборъ, слова не льзя говорити;
Плодъ сей долголѣтняго пути въ краи чуждыи
Есть трудовъ прилежность; не безъ малой нужды,
Не даромъ ты потерялъ деревни, пожитки:
Знаешь, что фалды должны тверды быть, не жидки ([108]),
Въ полъ-аршина глубины и ситой подшиты ([109]),
Если кафтанъ согнешь, тобъ станомъ не покрыты ([110]);
Обшлагу какову быть, сколь клинья высоки,
Сколь въ грудяхъ окружности, клапаны широки—
Твое дѣло, и самъ Рексъ ничто предъ тобою,
Только что ты усты, онъ проворенъ рукою.
Вкусъ въ платьяхъ опять кому больше есть знакомый?
Растрелли ([111]) столь искусно не вѣсть строить домы,
Какъ ты кафтанъ по вкусу, по времени года ([112]),
Въ немъ же богатству ни въ чемъ уступаетъ мода.
Что лѣтомъ, что весною, что осенью кстати,
Что зимою для верху и чѣмъ подбивати,
Какой металлъ приличенъ—сребро или злато ([113]) —
Лучше тебя иному знать ужъ трудновато.
Ликургъ когда составлялъ народу уставы,
Когда Миносъ критяномъ славныя далъ правы,
Не столько осторожны имѣли поступки,

Какъ ты, когда въ рядъ идешь для парчей покупки.
Тутъ—то правила разны щегольства и моды
Разсмотрѣть должно тебѣ, исчислить и годы
Свои, чтобъ какъ цвѣтущи суть возраста лѣты,
Такъ блистательны въ платьѣ твоемъ были цвѣты;
Тутъ воздуха, времени и мѣста всѣ виды
Примѣчать, чтобъ искуству не было обиды,
Чтобъ въ градѣ зеленъ кафтанъ не досаждалъ глазу ([114]),
А въ полѣ чтобъ уступилъ всякъ позументъ газу,
Чтобъ бархатъ въ іюліи не отягчалъ тѣло,
Чтобы кафтанъ не хвасталъ среди зимы смѣло,
Но зналъ бы всякъ предѣлъ, правы и законы,
Какъ попы искусные всякого дне звоны.
Съ какимъ искуствомъ власы стрижены, подвиты,
Какъ въ мѣшкѣ завязаны, пудрою набиты,
Котора, съ нимъ падая на платье богато,
Трудность даетъ разсудить, что въ нихъ лучше—злато
Иль ею росписаны фигуры различны,
Столь великодушію щегольства приличны.
Гдѣжъ въ открытіи сыскать табакерки можно
Столь нѣжности ([115])? Въ ступаньи столько осторожно
Подгибаешь колѣна, пальцы направляешь,
Что хоть ходишь, танцовать многимъ ся являешь ([116]).
Во всемъ отъ пятъ до главы совершенство всюды,
Всѣ въ согласномъ убранствѣ радуются уды,
И можно бъ совершеннымъ въ щегольствѣ тя звати,
Еслибъ щегольству имя совершенства кстати.
272—315. Да не сіи, я сказалъ, бла-
(341—375) городства знаки:
Внутрення краса красна, прочее все враки.
Достоинство сильно есть, если разсуждати
Хощешь, кого почитать, кому славу дати;
Впрочемъ тому, кто родъ свой съ древняго начала
Ведетъ, завистъ, какъ свиньѣ узда, пристала.
Что гнуснѣе, какъ совѣсть имѣть неспокойну,
Видя, что мужъ получилъ бѣдный мзду достойну?
Еще бъ прилично было, знатна суща рода,
Тужить, коли тотъ высокъ ([117]), его же природа
Сколь низка, столь и нравы плохи и развратны,
Ни отечеству добры, ни людемъ пріятны;
Если же противное ([118]) зритъ въ томъ человѣкѣ,
Радоваться ужъ долженъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, иже дѣлы родъ свой возвышаетъ
Добрыми и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Множество благонравныхъ высокаго чина
Есть благополучію общества причина,
И столь меньше воздыхать обиды насъ нудятъ,
Сколь больше святы нравы тѣхъ, иже насъ судятъ.
Чтожъ въ Дамонѣ, въ Луціи и въ Тулліи гнусно,
Что, какъ ихъ награждаютъ, тебѣ на смертъ грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала,

Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто восприяла;
Только что прапрадѣда прадѣдъ ихъ собою
Не владѣлъ и счесть годы не могутъ съ тобою,—
Но что въ томъ? какъ родъ твой твоему далъ славу
Первый, такъ первы сіи даютъ своимъ праву.
Твоихъ знаютъ за семьсотъ и четыре лѣта;
Да вѣдь не тогда было твореніе свѣта.
Край [119] же рода немного и всѣхъ утѣшаетъ:
Всякъ бо, аще добре свой разсмотрѣть желаетъ,
Въ сохѣ сыщетъ начало блистательну роду [120];
Часто адмиральскій дѣдъ таскалъ въ дворы воду [121],
Но добродѣтель того славна быть причина,
Что, подлость отложивши, перваго сталъ чина.
Адамъ князей не родилъ, но едино чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ по полямъ стадо;
Ное съ собой въ ковчезѣ спаслъ всѣхъ себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, Богу только нравныхъ.
Отъ сихъ начало всѣмъ намъ: убо чѣмъ гордимся?
Предковъ имя не краситъ, аще мы лишимся
Нравовъ добрыхъ, и труды не явимъ насъ быти
Достойныхъ такъ, какъ предки, и намъ въ людехъ слыти.
Славнѣе есть — скудость рода нравы украшати
Добрыми, неже злой нравъ титломъ прикрывати.
Плѣшивость Іулію не отняла славы:
Лаврами бо ю прикрылъ и добрыми нравы [122].

б) Печатная редакція.

Филаретъ и Евгеній.

Филаретъ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не къ стати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, виналь дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;

А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдно и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ: сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ! кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ, на высоку степень вспрыгнувши, блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ уныває̂тъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги ([123]).
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣсника никто не былъ ниже;
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы:
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы ([124]).
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду ([125]) обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верьхъ: какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги
И, шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова ([126]) набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у иново
Текли изъ глазъ съ радости; иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился.
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину!

ФИЛАРЕТЪ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты —
Лесть, похлѣбство не люблю; но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ то, сей вымолвитъ ясно.

Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно ([127]), ни чего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсенью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель ([128]).
Презрѣвъ покой ([129]), снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопасству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободреныль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ;
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гектору иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Маложъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша ([130]), таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему, отречется трожжи ([131]);
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть ([132]). Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжъ кости.
Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя ([133]), злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ;

Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнымъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу (134).
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ; но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу: сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналь, что та (135) надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Естьлибъ ты имъ подражалъ, правобъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселку, другъ; покажи, въ чемъ славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ: тогда войско выводили
На поле предки твои (136); а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. Когда дня пребѣгутъ двѣ доли—
Зевнешь, растворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая
Пойла, что шлетъ Индія иль везутъ съ Китая (137);
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину:
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты (138),
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть (139), часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ (140). Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарциссъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу (141).
Не столько стоитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать (142), какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды;
Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны годы (143),
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досаждалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;

Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чуже-странныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ аршина глубоки и ситомъ подшиты,
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И, глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву [144] душу и въ тебѣ хвалятъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все протчее племя.
Отдались, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
Боюсь я устъ, что въ лице точатъ слова сладки:
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучка бумагъ [145] не спускаешь,
И мечешь горстью, твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено, добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу [146].....
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ немалый;
Чужей глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что, копая,
Воинъ предъ собой ведетъ [147], укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ, грозно разсѣдшися, земля вдругъ пожрала [148];
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ [149]
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ [150]
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы

И много разныхъ искуствъ; и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за стражъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ;
Не спѣшитъ дѣло начать; начавъ, производитъ
Смѣло и скоро: не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ щастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь; гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верьху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре [151]:
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть [152] тебя дрожать заставляетъ.
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужножъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чуду
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру постава частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя—желѣзце, не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу—намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны [153];
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миноватъ иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный,
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный—
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже

Снилась трубка и компасъ, межъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста [154]
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищей съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна.
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячей,
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей одноличная).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ сираденъ
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой,
Арапскаго языка права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе руску уху звоны.
Есть ли въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю—
Не хуже Клита носить ключь золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остроуменъ свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей [155] дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилѣжно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,

Идучи упрямо въ цѣль; Клиту щастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ ([156]).
Короткой языкъ, лице и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не сталея,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Щастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь;
Всегда того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь вышшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы;
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо.
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала.
Еще бъ можно извинить, есть ли знатный тужитъ,
Видя, что щастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Тулліѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грусно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино ([157]) предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью щитаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? они веть собою.

Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить Греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ, или и по хуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ —
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой по позднѣе.

3. НА СОСТОЯНІИ СВѢТА СЕГО (КЪ СОЛНЦУ) ([158]).

Солнце! хотя существо твое столь есть чудно,
Что ему во вѣкъ довольно удивиться трудно,
(Въ чемъ намъ и свидѣтельство древни показали,
Когда тебя за Бога чрезъ то почитали);
Однако, могъ бы я то признать несомнѣнно,
Что былобъ ты въ дивности твоей перемѣнно,
Еслибъ ты въ себѣ животъ и чувство имѣло,
Чѣмъ бы могло всякое въ свѣтѣ познать дѣло.
Буде бъ честь отъ насъ Богу ты узнать желало,
Въ первыхъ бы суевѣрій бездну тутъ сыскало.
Мужикъ, который соху оставилъ недавно,
Ада въ глаза не знаетъ и болтаетъ исправно,
А прислушайся, что вретъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на Волгѣ разбиваютъ воры.
Да чтожъ? Онъ то вретъ богословски рѣчи:
Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно;
Какъ брадобритье терпитъ Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, Библію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ больно грѣшно знати?
Вонъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ:
Говоритъ: «не грѣшенъ тотъ, кто бороду брѣетъ.»
Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольско дѣло,
А онъ, что то не грѣшно, одно споритъ смѣло;
Платье нѣмецко носитъ, да притомъ манжеты;
Кто ихъ назоветъ добромъ? все — адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то непротивно Богу.
Охъ! какъ страшно и слышать таку хулу многу!
Все жъ то се нѣтъ ничего ([159]); вонъ услышишь новый
Отъ него твердъ документъ, давно ужъ готовый.
«Какъ (говоритъ) Библію не грѣшно читати,
Что она вся ([160]) держится на жидовской стати?
Вонъ де за то одного и сожгли недавно ([161]):
Зачитавшись, такъ сталъ Христа хулить явно.
Ой нѣтъ, надо Библіи убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшись въ ней, пропадешь безбожно ([162]).

Есть и безъ нея что честь, лишь была бъ охота,
Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домашняя работа,
А то бы я купилъ книгу, котору не знаю,
Какой пустынникъ писалъ, да...... (163)
Такъ то-то ужъ книга, что ажъ уши вянутъ,
Какъ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля четырьмя китами
Стоитъ, которы ее подперли спинами (164);
Сколько солнце всякій день милліоновъ ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты, въ отдышку заходитъ;
Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться
Свитцы (165) и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ бусурманскимъ нравомъ,
Не ходятъ въ старомъ отцевъ преданіи правомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика,
Сказать мнѣ все подробну не станетъ и языка.
Все-жъ то се еще сошникъ (166) плесть безмозгло смѣетъ;
Все вретъ, хоть слова складно молвить не съумѣетъ.
Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?
Тѣ-то суевѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ головъ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы (167);
Что же вянетъ, то у нихъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ;
Тая-то вещь и мнѣ мнится всѣхъ смѣшнѣе въ свѣтѣ.
Нутко скажи такому, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше бъ въ ученіяхъ церковныхъ медлети,
Нежь на кабакахъ пьяныимъ безчинно шумѣти:
То ужъ онъ то понесетъ представлять резоны,
Что съ ума тя собьетъ, хоть ты какъ будь ученый.
Вынетъ тебѣ съ сундука тетради цвѣлыя (168),
Предложитъ исторіи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего отца Аввакума:
Такъ его запальчивость тутъ возьметъ угрюма.
И тотчасъ тѣ предложивъ, начнетъ уличати:
«Грѣшно-де весь день будетъ Богу докучати;
Смотри, что исторіи въ себѣ заключаютъ:
Вѣдь и въ небѣ обѣдны часы отпѣваютъ,
А не весь день по вашему въ молитвѣ трудятся;
Отпѣвъ часъ урочный тамъ, съ Богомъ веселятся.»
Сей тому-жъ (169) въ философіи живетъ ненарушно:
Признаютъ то пьяницы всѣ единодушно,
Сей и Аристотелю не больно уступитъ,
Паче когда къ мудрости вина кружку купитъ.

Да что симъ дивиться? Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ.

. . . .

Все-де чортъ склонилъ людей и съ Нѣмцами знаться.
О проклятые! за что насъ дарить скупятся?
Какъ такіе исцѣлятъ души своей раны,
Что не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
Каки-бъ они ни были, да только не Русски;
Надобно ихъ отбѣгать: ужъ въ нихъ путь не узкій,
Но широкія врата къ пагубѣ доводятъ;
Они жъ, не смотря на то, смѣло туда входятъ!
А намъ-де уже за тѣмъ пересѣклась дача.

. . . .

Но ежели тѣ рѣчи поверстать бы въ дѣло,
То-бъ казано: напялся съ залишкомъ всецѣло.
Какъ же, на такихъ смотря, ужъ простолюдины,
Къ заблужденію себѣ не возьмутъ причины?
Все-жъ то это мелкоту я здѣсь предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышнихъ же разсужденій чрезмѣрну примѣту
О безднѣ суевѣрій списать силы столько нѣту.
Такіе то виды суть нашей къ Богу чести,
Не поминая чудесъ притворныхъ и лести.
Не думай же, что все тутъ; нѣтъ тысячной части:
Списать то все, такъ надо въ обморокъ пасти.
Довольно и сихъ тебѣ я собралъ къ примѣру.
Еще мало посмотримъ нашу къ властямъ вѣру.
Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,

. . . .

Во всемъ правдивъ, набоженъ: пріидетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожать, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правости важенъ;
Погляди-жъ завтрѣ; ажъ гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ.
Спросишь: «за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?»
Воровствомъ безъ пошлины провозилъ товары:
Эдакой святецъ вотъ что дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, въ власти воръ и хищникъ спѣшный!
Да что-жъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ иждивенъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить въ нихъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:

Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.»
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ увидитъ не мало,
Высокихъ-же наукъ тамъ стѣни не бывало.
А деньги хоть точатся тутъ безпрерывно,
Такъ комплементовъ много съ ними, то и недивно ([170]):
Гдѣ если то мнѣ о семъ все сполна писати,
То книжку превелику надобно сшивати.
Полно и такъ можно знать, какъ то сего много;
Добра мало, а полно во всемъ свѣтѣ злаго.
Смотри, лѣтописцы вѣдь полны не даромъ
Всѣ почти нагружены этимъ же товаромъ.
Что жъ ужъ сказать о нашемъ житьѣ межъусобномъ?
Какъ мы живемъ другъ къ другу во всякомъ дѣлѣ злобномъ?
Тутъ глаза потемнѣютъ, голова вкругъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю ([171]), какъ курица, бродитъ.
Грозятъ намъ права земныя, Богъ ([172]) правосудный,
Чтобъ богатый не былъ правъ, обиженъ и скудный,
Не судило-бъ насъ сребро, но правда святая,
Виннымъ казнь, а правымъ милость подавая.
Мы-жъ то помнимъ и знаемъ, какъ сребра не видимъ,
И клянемся Богу, что бѣдныхъ не обидимъ,
Но въ правости будемъ о душахъ радѣти,
А на лица и сребро не станемъ смотрѣти.
Когда жъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,
То вся та мысль за сто верстъ отъ насъ отбѣгаетъ.
Гдѣ Божій и земскій страхъ? Даромъ наши души,
Какъ звонятъ серебрянымъ колокольцомъ въ уши.
Подъячій ходитъ сухъ, худъ, лишь кожа да кости;
Вѣдь не съ труда ссохъ, съ коварства да завистной злости,
Что ему не удается драть такъ, какъ другому;
Нѣтъ чѣмъ жену потѣшить, какъ придетъ до дому;
Лучше бы онъ изволилъ тутъ смерть претерпѣти,
Нежель надъ чьимъ дѣломъ безъ взятковъ сидѣти.
Вотъ иному, хоть деньги онъ съ казны считаетъ,
А не взять ему гривны—душа смертно таетъ.
Такъ-то мы милостивы, къ бѣднымъ правосудны;
Выше душъ ставимъ деньги, не плоше Іуды.
Что жъ, когда еще глубже во свѣтъ сей заглянемъ?
Вездѣ безъ удовольства удивляться станемъ.
Философъ деревенскій обросъ сѣдинами,

Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.
«Какъ, говоритъ онъ, теперь чортъ показалъ моду
Грѣхъ великъ творить, то есть табакъ пить народу,
Отъ котораго весь умъ вредится, темнѣетъ
И мозгъ въ головѣ съ дня на день сушится, тлѣетъ;
Ужъ много такихъ-де мы образцовъ видали,
Что многіе изъ того люди пропадали.»
То онъ же обличаетъ въ людяхъ моду грубу,
А себѣ четверикомъ самъ валитъ за губу.
Такъ-то людей осуждать мы тотчасъ готовы,
Людей видимъ больныхъ, а сами нездоровы:
Такъ вотъ иной хвастаетъ, что славу не любитъ,
А самъ за самое то съ свѣта людей гонитъ.
Говоритъ: «лицемѣрство ему непріятно»,
А самимъ дѣломъ держать то внушаетъ внятно.
Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далеко во всемъ отбѣгаетъ:
Инако бо нельзя двумъ господамъ служити,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.
Такъ то сей свѣтъ состоитъ, такъ всѣмъ злымъ пристрастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзостей во всемъ полонъ, суестрастный.
Еще-жъ то тутъ у насъ нѣтъ милліонной доли,
Ибо тое все списать нѣтъ силы и воли.
И что-жъ, солнце! погрѣшилъ я, такъ разсуждая,
Что еслибъ ощущало ты въ свѣтѣ вся злая,
По человѣчески бы могло премѣниться?
И право не престану я о семъ дивиться,
Какъ такъ дана ти воля сіять терпѣливно
На насъ бѣдныхъ, столь Богу живущихъ противно.
Больше со удивленія не могу писати
И хоть не въ пору, да ужъ принужденъ кончати.

[1]) Всѣхъ Кантемировыхъ сатиръ извѣстно теперь девять: восемь изданы 1762 г. (Сатиры и другія стихотворческія сочиненія кн. Антіоха Кантемира съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни); девятая, открытая Н. С. Тихонравовымъ, помѣщена въ 3 № Библіогр. Записокъ 1858 г. Изъ нихъ первыя пять, написанныя въ Россія, въ теченія 1729—31 г.г., пріобрѣли тогда же заслуженную извѣстность и ходили во многихъ спискахъ между любителями литературы; другія три сочинены въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ Кантемиръ находился посланникомъ; когда явилась девятая—неизвѣстно. Сатиры и другія стихотворенія Кантемира напечатаны со списка, исправленнаго самимъ авторомъ за границей и присланнаго имъ Ѳеофану Прокоповичу 1743 г., какъ видно изъ «Письма стихотворца къ пріятелю» (т. е. Прокоповичу): «За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненіи стиховъ, и буде какіе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность (*посланника при лондонскомъ дворѣ*), времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсней, басенъ и другихъ малыхъ твореній составить; но, усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненій, которыя, до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли, въ люди вышли, принялся сіи испра-

вить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многіе несовершенства и недостатки, много въ нихъ отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить больше для исправленія, нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно». Такимъ образомъ существуютъ двѣ редакціи первыхъ пяти сатиръ: одна, начальная, не преданная печати; другая, вторичная или исправленная, напечатанная 1762 г. Онѣ различаются между собою и текстомъ, и примѣчаніями. Рукописи сатиръ начальной редакціи уцѣлѣли до нашего времени во многихъ библіотекахъ: Императорской Публичной, Новгородской Софійской, Москов. Глав. Архива Минис. Иностр. Дѣлъ, Ѳ. И. Буслаева. Н.С. Тихонравова, А. Н. Аѳанасьева. Послѣдній, въ ст: «Сатиры Кантемира въ первоначальномъ видѣ» (Библ. Зап. 1858 №№ 19—21), сличилъ обѣ редакціи, рукописную и печатную, представивъ изъ первой обширныя выписки. Чтобы не пестрить книгу варіантами, помѣщаю сполна 1 и 2-ую сатиры по обѣимъ редакціямъ. Для болѣе удобнаго сличенія, подлѣ цыфръ, обозначающихъ число стиховъ начальной редакціи, ставлю въ скобкахъ цыфры, которыя указываютъ соотвѣтствующіе стихи редакціи печатной. Примѣчанія начальной редакціи отмѣчаю цыфрою 1, а примѣчанія редакціи вторичной—цыфрой 2.

²) Это—первая сатира, направленная противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки; почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: «На хулящихъ ученіе.» Но это названіе, заимствованное отъ содержанія, замѣнено потомъ другимъ: «Къ уму своему», взятымъ отъ формы. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ видимо подражалъ девятой сатирѣ Буало: «A son esprit», въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные пріемы сообщаютъ сатирику ловкій способъ изображать людскіе пороки: онъ какъ бы умываетъ руки въ изрекаемыхъ имъ приговорахъ и уликахъ. Сатира начинается обращеніемъ къ «недозрѣлому уму, плоду недолгой науки». Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждать къ перу руки: ибо авторство—самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ «нетрудными путями.» За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа (Критонъ, въ печатной редакціи)—невѣжда и суевѣрный: онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. Завистливый (Сильванъ, старинный дворянинъ, печ. ред.), который думаетъ только о доходахъ съ имѣнія, вооружается противъ науки, какъ такого предмета, который не приноситъ никакой матеріальной пользы. Третій хулитель ученія, пьяница (Лука, печ. ред.), говоритъ, что наука разрушаетъ содружество людей, удаляетъ ихъ отъ общества. Наконецъ выведенъ щеголь (Медоръ, печ. изд.)—представитель того класса людей, которые только по внѣшности усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ сужденій невѣждъ, авторъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, ободряетъ похвала; а если, вмѣсто того и другаго, терпишь хулу, тогда не стоитъ трудиться. Возраженіе ума, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчи ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ число весьма велико. Они преслѣдуютъ знанія не одними словами, но и дѣйствіями. Поэтому, въ заключеніи, авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе и знать про себя пользу наукъ.

³) Рукопись г. Аѳанасьева, 1748 г., начинается стихотворною «Рѣчью Аннѣ Іоанновнѣ», писанной кн. Кантемиромъ въ Москвѣ 1731 г. іюня 2 (пап. въ 17 кн. Трудовъ Общ. Любителей Рос. Словесности, 1823 г.) и сходной съ посвятительными стихами Кантемира Елисаветѣ (въ изд. сатиръ 1762). За тѣмъ слѣдуетъ первая сатира. Ей предпослано «Предисловіе къ читателю», не находящееся въ печат. изд. За нимъ помѣщены: извѣстные стихи Ѳеофана Прокоповича (Не знаю, кто ты, пророче рогатый...), латинскіе и русскіе стихи Ѳеофила Кролика, архимандрита новоспасскаго, и двѣ эпиграммы. Такъ какъ этихъ эпиграммъ нѣтъ въ печат. изд., то помѣщаемъ ихъ здѣсь:

1. *Авторъ о себѣ.*

Что далъ Горацій, занялъ у француза;
О, коль собою бѣдна моя муза!
Да вѣрна ума хоть предѣлы узки,
Что взялъ по польски, заплатилъ по русски.

2.

Кто я таковъ — не скажу, а вотъ мнѣ примѣта:
Не русакъ, дакъ именемъ, млады мои лѣта.
(Кантемиру въ то время было только лѣтъ).

[4]) Вѣроятно: «ни зависть, ни злоба, ни охота хулить.»

[5]) Т. е. смѣющихся надъ.

[6]) Содержащіеся.

[7]) Сочинена въ концѣ 1729. Авторъ имя свое утаилъ по обычаю всѣхъ почти сатириковъ. Въ ней онъ, насмѣваяся невѣжеству, описываетъ многихъ злое мнѣніе о наукахъ. Можно сказать, что сатира сія ни изъ чего не имитирована, но есть выдумка нашего автора, понеже изъ всѣхъ сатириковъ никто особливую сатиру на хулящихъ ученіе не издалъ. Авторъ нашъ, сочиня сію сатиру, немного себѣ ею льстилъ, такъ что съ трудомъ одному пріятелю ее показалъ, который ее списать выпросилъ и показалъ преосвященному архіепископу Ѳеофану. Сей, прочетши ее и о авторѣ извѣстався, приложа въ похвалу его стихи, къ нему послалъ, присовокупя въ даръ книгу: «Гиральдія о богахъ и стихотворцахъ». Сему архипастырю послѣдовалъ и Ѳеофилъ Кроликъ, пречестный архимандритъ новоспасскій, такъ что, ихъ похвалами одобренъ, нашъ молодой сатирикъ вдаль поступилъ и сочинилъ слѣдующія три сатиры и иныя творенія, изъ которыхъ часть многимъ извѣстна, часть же ждетъ исправленія. ([1]).

[8]) Тутъ наука значитъ «наставленіе»— дѣйство того, кто другаго учитъ; такъ въ пословицѣ говоримъ: «Плеть не мука, да впредь наука». ([2]).

[9]) Авторомъ.

[10]) Петръ II, которому было только 14 лѣтъ.

[11]) Музы вмѣсто наукъ.

[12]) Петръ почиталъ свиту (Музъ) Аполлона, т. е. науки.

[13]) Вм. ученыхъ людей.

[14]) Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д***, который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ. ([1]).

[15]) Прежде сего архіереи всюду ѣзжали одѣты въ сей мантіи, но по установленію въ Россіи Синода невольно было архіерею носить ее, развѣ когда ѣдетъ ко священнослуженію, и сей уставъ продолжался до 1727 г., въ которомъ...... позволено архіерею употреблять оную мантію въ знатныя торжества и въ публичныхъ собраніяхъ. ([1]).

[16]) Когда архіерей ѣдетъ къ священнослуженію или оттуда возвращается, одинъ изъ его пѣвцовъ или служителей, верхомъ сидя, везетъ патерицу (*архіерейскій жезлъ, посохъ*) епископскую, въ знакъ власти церковной, и дабы тѣмъ знакомъ народъ о проѣздѣ своего архипастыря увѣдомленъ былъ и почтеніе бы ему дѣлалъ. ([1]).

[17]) Руку.

[18]) Письмо приказное, въ которомъ судья удостовѣряетъ, что товаръ чистъ и что съ него въ государственную казну пошлина взята, или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни и пр. ([1]).

[19]) Хотя то правда, что почти всѣ ересіархи или ересеначальники были ученые люди, однако отъ того не слѣдуетъ, что тому вина есть наука ихъ: ибо много ученыхъ, которые не были еретики. Таковъ есть Св. Павелъ Апостолъ, Златоустый, Василій Великій и пр. Огонь служитъ и нагрѣвать и разорять людей въ конецъ, какъ будешь его употреблять. Пользуетъ онъ, ежели употребленіе его добро; вредитъ, ежели употребленіе зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь ни наука не злы, но золъ тотъ, кто ихъ употребляетъ во зло. Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія раждаются. Прочее суевѣріе есть истое невѣжества порожденіе (1). Сличи съ этимъ и слѣдующими стихами мнѣніе Ѳеофана Прокоповича въ ст. Духовнаго Регламента: «Объ ученіи»: «Дурно многіе говорятъ, что ученіе «виновное есть ересей». *(Хрест. стр. 65).*

[20]) Обыкновенное невѣждъ мнѣніе есть, что всѣ тѣ, которые многому книгъ чтенію вдаются, напослѣдокъ якобы не признаютъ Бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество, изящество и порядокъ изрядной твари познаетъ (что удобно изъ книгъ бываетъ), столько Творца чтитъ естественнымъ смысломъ убѣждается. А невѣжество приводитъ въ злыя весьма о Божествѣ мнѣнія, какъ напримѣръ Богу уды и страсти человѣческія приписывать, на что многіе имѣются примѣры. ([1]).

[21]) Знать Бога и признавать Его нѣсколько, по моему мнѣнію, разнятъ. Всякъ православный признаваетъ Бога; но очень мало знаютъ его, т. е. вѣдаютъ Его свойства, лицъ Св. Троицы раздѣленіе и прочая, для истиннаго Богознанія нужныя извѣстія. ([1]).

[22]) Сапожникъ въ Москвѣ.

[23]) Портной въ Москвѣ.

[24]) Павлинъ.

[25]) Щеголь.

[26]) Чрезмѣрные проценты, которыхъ сребролюбцы отъ должниковъ своихъ истязуютъ. ([1]).

[27]) Неоднократно слышаны слова сіи отъ многихъ, что какъ языки и обычаи чужестранные мы стали употреблять, то сталъ у насъ недородъ хлѣба, будто они тому причина; а не хотятъ правильно разсудить, что вина тому земледѣльцевъ лѣность и воздухъ непорядочный—знаки гнѣва Божія, праведно на насъ движимаго за наши предъ Нимъ тяжкія прегрѣшенія, ближнимъ нами чинимыя, что у другихъ народовъ перенимать не нужно: у всѣхъ того и дома много. ([1]).

[28]) Разсужденіе сіе о грамматикѣ нѣсть фикція авторова, но подлинныя рѣчи человѣка не простаго, который, въ компаніи нѣкоей будучи, пользу науки такъ грубо охуждалъ. ([1]).

[29]) Въ семъ стихѣ завидливый описательно риторику изъявляетъ. ([1]).

[30]) Проповѣдь; казнодѣй—проповѣдникъ.

[31]) Сочиненіе Стефана Яворскаго.

[32]) Говорится о логикѣ.

[33]) Когда кто властію силенъ и съ низшими себя разговоры имѣетъ, не нужны ему доказательства; понеже хотя слово его право, хотя нѣтъ — никто прекословить не смѣетъ, иной надежду имѣя милость какую отъ него получити, иной опасаяся въ дерзновенномъ отвѣтѣ. И потому обычайно знатные и великосильные рѣчи свои авторительствомъ своимъ, а не доказательствомъ и доводами подтверждаютъ. Король французскій, вмѣсто всѣхъ доводовъ, указы свои такъ кончаетъ: Nous voulons et nous ordonnons, car tel est notre plaisir, т. е. Мы хотимъ и повелѣваемъ, понеже такъ намъ угодно. ([1]).

[34]) Метафизика.

[35]) Въ подлинникѣ: «нужно».

[36]) Медицина.

[37]) Эти слова не суть выдумка автора, но подлинно у многихъ древнихъ людей слышаны, которые способъ натуры, чрезъ лекарства чинимый, не только въ глупость ставятъ, но и за грѣхъ почитаютъ. ([1]).

[38]) Доктора.

[39]) Химія.

[40]) Астрономія.

[41]) Геометрія и Алгебра. Завидливый, обыкшій почитать злато за крайнее добро, и уважаетъ только тѣ знанія, которыя служатъ къ приращенію доходовъ. Онъ не думаетъ о развитіи ума и облагороженіи сердца ученіемъ.

[42]) Книгъ.

[43]) Предъидущіе 5 стиховъ—подражаніе Горацію (5-ое посланіе книги 1-ой).

[44]) Предъидущіе 4 стиха — подражаніе Овидію (7-ая элегія).

[45]) Купецъ тутъ значитъ посадскаго человѣка, которые обычайно суть пиволюбцы и почти всегда въ Москвѣ лучшія пива имѣютъ, и понеже рѣдко въ ихъ домахъ виноградное вино держатъ, пивомъ другъ предъ другомъ хвастаютъ. ([1]).

[46]) Пиво, въ котораго варю положено три пуда хмѣлю. Купцы вездѣ любятъ крѣпкое пиво, и въ пять пудъ варя живетъ (*бываетъ*) у нихъ. ([1]).

[47]) Этотъ стихъ—подражаніе Овидію.

[48]) Пыха—надменность, чванство.

[49]) Невѣжество.

[50]) Архіерейская или архимандритская шапка, которую въ служеніи употребляютъ. ([1]).

[51]) Дудочка тутъ значитъ флейтъ траверсіе (flûte traversière — *косая флейта*), который былъ, когда сатира сія писана, въ великой славѣ и почти всѣ молодые люди на немъ играть обучалися. ([1]).

[52]) Кто не умѣетъ даже счесть, сколько составятъ 2 и 3.

[53]) Въ Толкованіи его Евангелія, которое (толкованіе) для разумѣнія довольной остроты и прилежанія требуетъ. ([1]).

[54]) Или лучше сказать: подъячей. Складнѣе бы было вставить сіе послѣднее слово, да силлабы (*слоги*) стиха не вмѣщаютъ; однако и то извѣстно, что подъячей не ино что есть, только тотъ, который въ приказахъ дѣло за плату пишетъ. ([1]).

[55]) Наши подъячіе не тщатся къ иному, когда пишутъ, только чтобъ письмо ихъ было четко и красно. Что же до правописанія касается, къ тому такъ не прилежатъ, что и мало то нужно быть мнятъ: и для того, если желаешь книгу какую не разумѣть, отдай ее подъячему переписать. ([1]).

[56]) Заглавіе ея выписано выше (прим. 1). Содержаніе слѣдующее: а) житіе кн. А. Д. Кантемира, которое, равно какъ и примѣчанія къ сатирамъ, митр. Евгеній, неизвѣстно на какомъ основаніи, приписываетъ Баркову (Слов. свѣт. пис., I, 19), (положительно извѣстно, что примѣчанія написаны самимъ Кантемиромъ); б) письмо стихотворца (*Кантемира*) къ пріятелю (*Θеофану Прокоповичу*); в) похвальные стихи Кантемиру Θ. Пр—ча; г) такіе же латин. стихи Θеофила Кроляка, съ русскимъ переводомъ; д) приношеніе сочиненій императрицѣ Елисаветѣ; е) предисловіе (вы-

ражающее понятіе Кантемира о сатирѣ); ж) 8 сатиръ, 4 пѣсни, 2 посланія, 6 басенъ и 9 эпиграммъ.

[57]) Слова: «въ нашъ вѣкъ», значатъ путь къ истинной славѣ, который прежде бывалъ весьма труденъ; но въ нашъ вѣкъ легко многими дорогами къ ней дойти можно, потому что не нужны намъ уже добродѣтели къ ея приобрѣтенію. ([2]).

[58]) Убогія, бѣдныя.

[59]) Музы.

[60]) Аполлонъ.

[61]) Вымышленнымъ именемъ Критона означается притворнаго богочтенія человѣкъ, невѣжа и суевѣрный, который наружности закона существу его предпочитаетъ для своей корысти. ([2]).

[62]) Подъ именемъ Сильвана означенъ старинный скупой дворянинъ, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, охуждая то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ. ([2]).

[63]) Людей низшаго класса.

[64]) Достаточно.

[65]) Яти-взять.

[66]) Прилично.

[67]) Человѣкъ созданъ для общежитія.

[68]) Щеголь тѣмъ именемъ означенъ. ([2]).

[69]) Клуша (польс.)—галка.

[70]) Церковные пастыри, епископы. ([2]).

[71]) Перебирать или читать множество книгъ.

[72]) Вторая сатира: «На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ» имѣетъ разговорную форму. Разговоръ происходитъ между Аретофилосомъ (въ печ. ред. Филаретомъ: оба имени означаютъ *любителя добродѣтели*) и дворяниномъ (въ печ. изд. Евгеніемъ, т. е. *благороднымъ*). Цѣль ея — осмѣять тѣхъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ званіемъ и завидуютъ счастію другихъ, которые своими заслугами входятъ въ знать. Она—подражаніе 8-ой сатирѣ Ювенала, или 5-ой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. Исчисливъ дѣянія предковъ, которыми справедливо гордится отечество, Аретофилосъ рисуетъ картину щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Этотъ щеголь вывезъ изъ за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, и остался такимъ же неучемъ, какимъ былъ до путешествія. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьею? говоритъ Аретофилосъ дворянину: узнай же, каковы они должны быть. И Аретофилосъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ этихъ званій, относящіяся къ предметамъ двухъ родовъ — знаніямъ и нравственному достоинству.

[73]) Передъ второй сатирой, въ начальной редакціи, также находится предисловіе къ читателю, котораго въ печатномъ изданіи нѣтъ; за тѣмъ идутъ латин. стихи Ѳеофила Кролика Кантемиру и русскій переводъ ихъ; наконецъ слѣдуетъ эпиграфъ изъ Лабрюйера (Caractères de notre siécle): «S'il est heureux d'avoir de la naissance, il n'est pas moins d'être tel qu'on ne s'informe plus si vous en avez», т. е.: «Если добро есть быти благороднымъ, то не меньшее есть быть такимъ, чтобъ никто не спрашивалъ, благороденъ ли ты.» Третьей сатирѣ, въ рукописи А. Н. Аѳанасьева, предпосланы два стихотворенія: а) Ѳеофану («Обязалъ еси ты мя усты и рукою»...; помѣщено въ изд. 1762 на стр. 38, но измѣненное нѣсколько); б) Сатирикъ къ читателямъ:

Въ обществѣ все писано, имена не ваши;
Чтите убо безъ гнѣву сіи стихи наши,
И аще неправенъ слогъ и вамъ досаждаетъ,
Смѣните нравъ—то сатиръ не васъ осмѣваетъ.

Въ сей сатирѣ, сказано въ примѣчаніи, авторъ нашъ имитировалъ Ѳеофраста, греческаго философа, и изъ новѣйшихъ Лабрюйера, которые оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ. — Заключеніе содержитъ въ себѣ обращеніе «къ читателямъ»:

Не гнѣвайтеся, чтецы, стихами моими:
Съ музой говорю, нѣтъ дѣла съ иными.
Коли кому и смѣюсь, ей! не съ доброй воли,
Для украсы: вѣдь и въ щахъ нѣтъ смаку безъ соли.

Послѣ этихъ стиховъ слѣдуетъ «Изъясненіе»: «Въ стихотворствѣ забавныя и острыя рѣчи у Латинъ соль называются, и для того говоритъ авторъ, что смѣялся инымъ для украсы своей сатиры или, прямо сказать, смѣшками посолилъ ее, чтобъ была вкуснѣе уму чтущихъ». Пятая сатира, сочиненная Кантемиромъ передъ отъѣздомъ его въ чужіе краи, въ послѣдствіи (1737) была совершенно имъ передѣлана, такъ что между начальною и вторичною редакціями осталось очень немного сходнаго; даже самая форма измѣнена — изъ повѣствовательной въ разговорную, для чего и выведены Сатиръ и Періергъ.

[74]) Книги 1-ой сатира 4-ая.

[75]) Извѣстно есть всѣмъ высокомысліе бывшаго архіепископа Р***, который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнымъ церкви россійской (въ *печ. ред.* прибавлено: «а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ»); но по обыкновенію тѣхъ, которые высокаго ищутъ, того не доставъ, въ

заточенія жизнь провождать принужденъ былъ. (¹).

[76]) Знатное дворянство и безъ нужды, будто для чести, впрягаютъ въ каретахъ своихъ по шести лошадей, что ежелибъ запрещено было, многимъ изъ нихъ было бъ не безъ печали, за нѣкакой знакъ своего надъ прочими преимущества то себѣ вмѣняя. Въ Спб. цугомъ ѣздить отъ Петра Великаго запрещено было. (¹).

[77]) Виномъ дорогимъ разумѣетъ стихотворецъ венгерское, шампанское и бургонское, которое въ Москвѣ подлинно дорого и многаго иждивенія требуетъ. Такъ въ обычай вошло, что будтобъ великій стыдъ прилучится, если гостю иного не такъ цѣннаго питья поднести: какъ бы пріятство хозяина по цѣнѣ вина признавалося. (¹).

[78]) Соборныя церкви называются, у которыхъ нѣсколько поповъ служатъ. Рѣдко въ такихъ попахъ согласіе бываетъ, какъ то одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ. (²).

[79]) Вѣроятно, намекъ на происхожденіе Меншикова.

[80]) Не восковыя, для того что на тѣ животовъ бы его не стало. (¹).

[81]) Вычтя 704 изъ 1729 (годъ, въ который сочинена сатира), получимъ 1025, то есть: предки мои были знамениты еще при Ярославѣ I.

[82]) Свое имѣлъ государство или княженіе и никому былъ подвластенъ. (¹).

[83]) Знать у отца сего дворянина по стѣнамъ росписаны были войны, въ которыхъ онъ присутствовалъ: иныя благополучно выиграны, а иныя, въ которыхъ его сторона уронъ получила, однакоже все то великодушіемъ своимъ преодолѣлъ. (¹).

[84]) Тутъ авторъ разумѣетъ тѣ, которыя даваны бываютъ отъ государей. (¹).

[85]) Книга французская, которая учитъ правиламъ игры сей. (¹).

[86]) Здѣсь значитъ того дворянскаго сродника, который не изъ одной съ нимъ линіи, на прикладъ: его дядей, двоюродныхъ братей, и пр. (¹).

[87]) Хваленаго.

[88]) Пословица есть у Русскихъ весьма умная: спѣсь только лошадямъ пристала. Къ сему авторъ аллюзію дѣлаетъ въ семъ стихѣ. (¹).

[89]) Юлій Цесарь.

[90]) Т. е. съ великою скукою ожидая, не имѣючи другой компаніи, кромѣ холопьевъ. (¹).

[91]) Твоимъ сродникамъ, твоему роду.

[92]) Руль.

[93]) Чрезъ сокращеніе, вмѣсто «полиціи». (¹)

[94]) Таковы суть: алгебра, астрономія, ѳеоретическая катоптрика и прочая, которыя въ житейскомъ употребленіи нѣсколько нужны. (¹).

[95]) По морю.

[96]) Картахъ.

[97]) Фараонъ есть игра въ карты (*тоже, что банкъ*). Обычайно предъ собою банкиръ (*банкометъ*) имѣетъ множество паръ картъ, на подобіе табора разложенныхъ; въ срединѣ тѣхъ лежатъ его деньги, и потому сатирикъ аллегорически говоритъ: «разложивъ таборъ великъ». (¹).

[98]) Понтировъ.

[99]) Серебро.

[100]) Червонцы.

[101]) Труднѣй тебѣ безъ игры сидѣть, нежели когда тебя неискусный барберъ тупою бритвою по немокрой бородѣ брѣетъ. (¹).

[102]) Аламбра—игра картная, отъ шпанцевъ вымышлена, весьма забавна... *Гремя* —въ сію игру больше марками или знаками играютъ, которые обыкновенно живутъ костяные, и для того когда ихъ на тарелку складываютъ въ игрѣ, то гремятъ. (¹).

[103]) Понеже много обману живетъ, ежели рукою кости метать, обыкновенно ихъ изъ деревянныхъ стакановъ выкатываютъ и потому нѣкое сходство съ стрѣльбою имѣетъ игра сія. (¹).

[104]) Бутылокъ: бургонское и шампанское вино привозятъ изъ Франціи въ бутылкахъ, тонкимъ нѣкакимъ коренемъ перевитыхъ. (¹).

[105]) Осмотришь затычку бутылокъ, которую обычайно засмаливаютъ, и потому съ конопатью нѣкое сходство имѣетъ. (¹).

[106]) Какъ при большихъ корабляхъ боты или шлюпки бываютъ, такъ при бутылкахъ рюмки или кубки быть должны. (¹).

[107]) Сказываешь, здоровье пить какое. (¹).

[108]) Когда писана сатира сія, мода была, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли по ногамъ, какъ прежде сего бывало. (¹).

[109]) Фалды ситой подшиваютъ, чтобъ тверже стояли. (¹).

[110]) Т. е. чтобъ станъ былъ короче, нежели разстояніе между клиньями и подоломъ. (¹).

[111]) Графъ Растрелли, родомъ италіянецъ, въ россійскомъ государствѣ искусный архитекторъ. За младость возраста не столько въ практикѣ силенъ, какъ въ вымыслахъ и чертежахъ. Инвенціи его въ украшеніяхъ великолѣпны, видъ зданія его казистъ; однимъ словомъ, можетъ увеселяться око тѣмъ, что онъ построитъ. (¹).

[112]) На прикладъ, лѣтомъ не льзя носить бархату и сукна, а зимой тафты и прочихъ тонкихъ шелковыхъ парчей. (¹).

[113]) По мнѣнію щеголей лѣтомъ золото носить неприлично, такъ какъ зимою се-

ребро, а резонъ тотъ, что золото тяжелѣе, и потому теплѣе. (¹).

¹¹⁴) Если сурово сохранять щегольства правила, то въ городѣ въ зеленомъ кафтанѣ ходить не льзя, понеже цвѣтъ тотъ половой и тамъ только приличенъ. (¹).

¹¹⁵) Такъ щеголи въ томъ тщательны живутъ, что рѣдко коробку свою съ табакомъ однимъ образомъ отворяютъ, а всегда съ великою бережью и принужденнымъ искуствомъ. (¹).

¹¹⁶) За красу себѣ почитаютъ щеголи ходьбу такую, въ которой всякая ступень мѣрою бываетъ, и для того тѣ поважно ступаютъ, первѣе пальцами опершися, потомъ же пяту опущаютъ. (¹).

¹¹⁷) Сирѣчь: богатъ, славенъ и достоинствами высокими почтенъ. (¹).

¹¹⁸) Сирѣчь: если видятъ, что худородный добронравенъ, прилеженъ, не гордъ и во всемъ добромъ радѣтеленъ. (¹).

¹¹⁹) Первоначаліе фамиліи. (¹).

¹²⁰) Сирѣчь, доберешься того, что знаменитый родъ твой въ мужикѣ начало имѣетъ. (¹).

¹²¹) Извѣстно есть, что ни одинъ адмиралъ въ Россіи не имѣлъ дѣда своего водовоза, но всѣ знатнаго были дворянства, и потому видѣть можно, что не въ хулу ихъ авторъ стихъ сей написалъ; но намѣреніе его есть изъяснить, что часто многіе изъ подлости добродѣтельми своими великія достоинства доставали, и что нѣтъ такихъ, котораго бы племя не изъ подлаго рода нѣкогда произошло; для тогожъ, адмиральской дѣдъ, а не иного кого между симъ и водовозомъ аналогія нѣкая противная имѣется: сей бо воду таскаетъ, тойже водами обладаетъ. (¹).

¹²²) Есть нѣкоего автора разсужденіе, что Юлій Цесарь былъ плѣшивъ, но что тотъ недостатокъ природы покрылъ лаврами, которыми за многія побѣды вѣнчанъ былъ. Можно худородіе уподобить сему власному на главѣ недостатку: обое бо не отъ нашего произволенія и худыхъ нашихъ поступковъ бываютъ, но отъ природы; обое же прикрыть трудами удобно можемъ. (¹).

¹²³) Народ. слово (вм. пользы), употребленное для риемы.

¹²⁴) Брали приступомъ непріятельскіе города.

¹²⁵) Наказаніе, гнѣвъ.

¹²⁶) Передняя горница, въ коей въ старину отправлялися молитвы утреннія и вечернія, и за тѣмъ вся восточная страна убрана была иконами и крестами: отъ чего принадлежащіе къ господскимъ домамъ попы «крестовыми попами» назывались. (²).

¹²⁷) Дворянство.

¹²⁸) Стихъ 8-ой сатиры Ювенала: Nobilitas sola est atque unica virtus. (²).

¹²⁹) Слѣдующіе 14 стиховъ—подражаніе Буало, въ 5-ой его сатирѣ. (²).

¹³⁰) Генералъ-маіоръ, пріятель нашего стихотворца, великій охотникъ до пива, впрочемъ честный человѣкъ и храбрый воинъ, къ которому онъ имѣлъ крайнее почтеніе. (²).

¹³¹) Простонародное, вм. трижды.

¹³²) Разность должно поставлять между истиннымъ благороднымъ и между тѣмъ, который отъ благородныхъ предковъ происходитъ: сего должно бы звать потомкомъ благородныхъ, а не благороднымъ. (²).

¹³³) Титла князя, графа и пр.

¹³⁴) Хилу.

¹³⁵) Слава.

¹³⁶) Подражаніе стихамъ 8-ой сат. Ювенала. (²).

¹³⁷) Кофе или чай.

¹³⁸) Тупей.

¹³⁹) Волосы, на вискахъ завитые.

¹⁴⁰) Пучокъ, который назади вкладывался въ мѣшокъ. (²).

¹⁴¹) Богатый кафтанъ, стоящій цѣлой деревни.

¹⁴²) Стихъ, взятый изъ 1-ой пѣсни Энеиды. (²).

¹⁴³) Щегольскія правила требуютъ, чтобъ краснаго цвѣта, а наипаче розоваго не употреблять тѣмъ, коимъ 20 лѣтъ отъ роду минуло. (²).

¹⁴⁴) Тщательную.

¹⁴⁵) Карты.

¹⁴⁶) Промоталъ ты цѣлую деревню, которую купилъ у тебя человѣкъ незнатный, кузнецъ, но человѣкъ умный, бережный, прилежный. (²).

¹⁴⁷) Траншеи.

¹⁴⁸) Гдѣ стѣна разрушена ядрами или подорвана подкопомъ.

¹⁴⁹) Четыреугольникъ, карè.

¹⁵⁰) Помощь.

¹⁵¹) Предъидущіе четыре стиха — подражаніе стихамъ 12-ой Ювенал. сатиры. (²).

¹⁵²) Изображенная на картинѣ.

¹⁵³) Два способа направлять корабль: наблюденіе надъ небесными свѣтилами и компасъ.

¹⁵⁴) У лакомыхъ судей деньга всякого довода сильнѣе, и потому названа рѣчистою. (²).

¹⁵⁵) Простыхъ, которые дослужились знатныхъ чиновъ.

¹⁵⁶) Сатирикъ уподобляетъ государя солнцу. Придворные почти всегда близь его, и для того стеречься должно, чтобъ, чрезмѣрно возвышаясь, какъ Икаръ (поднявшійся къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ),

не растопились ихъ крылья, и рокъ бы ихъ не постигнулъ. (²).

¹⁵⁷) Ольги, жены Игоря.

¹⁵⁸) Сатира эта, не вошедшая въ собраніе стихотвореній Кантемира, открыта г. Тихонравовымъ въ Сборникѣ И. П. Б. (по катал. рук. Толстаго, VI, 4). Она имѣетъ два заглавія: по содержанію (на состояніе свѣта сего) и по формѣ (къ солнцу). Предметъ ея—осмѣяніе невѣжества, особенно невѣжественныхъ ученій раскольниковъ. Слѣдующія примѣчанія къ этой сатирѣ всѣ почти принадлежатъ г. Тихонравову (Библ, Зап., 1858, № 3).

¹⁵⁹) Здѣсь нѣтъ яснаго смысла.

¹⁶⁰) Въ рук.: все.

¹⁶¹) Кульмана.

¹⁶²) Въ то время, какъ и теперь еще между людьми необразованными, господствовало убѣжденіе, что отъ чтенія Библіи легко сойти съ ума.

¹⁶³) Не разобрано въ рук.

¹⁶⁴) Одно изъ раскольническихъ сочиненій, возникшее, какъ видно, не безъ вліянія народныхъ преданій и тѣхъ произведеній народной литратуры, въ которыхъ эти преданія нашли себѣ выраженіе. Въ стихѣ: «О голубиной книгѣ» читаемъ, что земля основана на трехъ рыбахъ (китахъ).

¹⁶⁵) Святые.

¹⁶⁶) Работающій сохою, простой мужикъ.

¹⁶⁷) «Уже о вѣрѣ и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго не знающіи, догматизируютъ и учатъ, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ, глаголюще неправый и новый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаяннiи стоятъ, презрѣвше и отвергше истинныхъ учителей церковныхъ». Слово св. Димитрія Ростовскаго на недѣлю мироносицъ.

¹⁶⁸) Цвѣлыя—покрытыя плесенью, позеленѣлыя.

¹⁶⁹) Вѣроятно: къ тому жъ.

¹⁷⁰) Вѣроятно, Кантемиръ имѣетъ здѣсь въ виду Академію Наукъ, которыя въ то время совмѣщала въ себѣ гимназію, университетъ и академію наукъ въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь, по мысли Петра I, ученые иностранцы должны были заниматься съ слушателями «изъ славянскаго народа». Но иностранные ученые почти совершенно уклонились отъ преподаванія въ гимназіи и университетѣ. Молодые люди, являвшіеся сюда для образованія, «не имѣли въ наукахъ никакого наставленія». Съ самаго основанія Академіи (1725) до 1733 г., говоритъ Ломоносовъ, не было въ ней ни одного русскаго студента, который слушалъ бы лекціи профессоровъ. Кантемиръ, подобно Ломоносову, глубоко возмущался тѣмъ, что «не давали свободно возрастать насажденію Петра Великаго», Онъ искалъ даже званія президента Акад. Н., чтобы уничтожить «академическое несчастіе» и возстановить это учрежденіе въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ его видѣть Петръ I.

¹⁷¹) Жаль—жалость.

¹⁷²) Вѣроятно, пропущенъ союзъ «но». но Богъ.

XXXV.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

А. ѢЗДА ВЪ ОСТРОВЪ ЛЮБВИ (1730). (¹).

Изъ Предисловія къ читателю.

На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ соб ои говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у нась есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія книга есть сладкія любви, тогоради всѣмъ должна быть вразумителна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ,

но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, доброжелателныи читателю, покажется что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу толко похвалится, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить; а коли же не учинилъ, то безсиліе меня къ тому недопустило, и сего, видится мнѣ, доволно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и длятого толко, что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она хотя не велика, да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которыя чли ея на Французскомъ, а наипаче оныя, которыя для справки похотятъ ея отвѣдать перевесть. къ томужъ, въ чомъ со мнои всякъ неможетъ несогласиться, переводя вирши Французскія на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало непотерять весма разума Французского сладости и силы, а всегда имѣть рускую Риѳму. Можетъ статься, что вы небудете доволны разумомъ моихъ виршеи; того ради, прошу, хотя оныхъ Риѳмы за благо принять, ибо они весма во всемъ прямыя русскія, въ чомъ я ссылаюсь на всѣхъ Спасскаго моста стихотворцевъ ([2]), даромъ что они не много мнѣ могутъ ползы учинить чрезъ свое освидѣтелствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи, и въ родѣ стіховъ, для того что они излагая свои рацеи на тѣ правила не смотрятъ, а чтобъ сказать да несолгать, можетъ быть и не знаютъ. Но, я уповаю, что знающія имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь, доброжелателныи читателю, сами изволте разсуждать чего мои трудъ достоинъ, и потому смотря ласково или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе Вамъ предложить, ежелибъ желали Вы видѣть онои благопріятнымъ окомъ: ибо тѣмъ, безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить на другое полезнѣишее дѣло взяться, а учтивостію вашею всегда хвалиться.

В. ИЗЪ ОДЫ НА СДАЧУ ГОРОДА ГДАНСКА (1734). ([3]).

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славнои причинѣ?
Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли я вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность преславныхъ,
Пиндаръ, Гораціи, несравненны
Вознеслися до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ Орлы быстры, дерзновенны.
Но судебъ ревности сердечнои,
Что имѣетъ къ Аннѣ жаръ вѣчнои,
Моея гласъ Лvры славнился;
То бы самъ и Орфеи Ѳракіискія,
Амфіонъ купнобъ и Ѳивіискіи,
Сладости ея удивился.

Воспѣваи же, Лvра, пѣснь сладку,
Анну, то есть, благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку,
Къ нещастію въ вѣки тѣмъ скучну.
О Ея и храбрость, и сила!
О всѣхъ подданныхъ радость мила!
Страшитъ храбрость все побѣждая:
Въ дивный восторгъ радость приводитъ,
Печальну и мысль намъ отводитъ,
Всѣ наши сердца разширая.

Не самъ ли Нептунъ строилъ стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ ([4])?

Нѣтъ ли троянскимъ въ нимъ примѣты (5),
Что хотѣли быть долго въ спорѣ,
Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильнымъ,
И съ воиномъ въ бои неумильнымъ?
Всѣ Вістлою нынѣ рѣкою,
Не Скамандръ ли називають (6)?
Не Ідѣ ль имя налагають
Столценбергомъ тамо горою (7)?

То не Троя басней причина:
Не одинъ Ахіллесъ воюетъ;
Всякъ Өетидіна воинъ сына
Мужественнѣе тутъ штурмуетъ.
Чтожъ чуднымъ за власть шлемомъ блещетъ?
Не Мінерва ль Копіе мещетъ?
Явно, что отъ небесъ посланна,
И богиня се всего вида,
Страшна и безъ щита Эгида (8)?
Імператріца есть то Анна.

И воинъ то Россіи, на мало
Окружилъ Гданскъ городъ противный;
Марсомъ кажда назвать пристало,
Въ силѣжъ всякъ паче Марса дивный;
Готовъ и кровь пролити смѣло,
Иль о Аннѣ побѣдить цѣло:
Щастіемъ Анны всѣ крѣпятся,
Анна токмо надежда тверда;
И что Анна къ нимъ милосерда,
На ея враговъ больше злятся.

Эυропска Неба и азійска
Солнце красно, благопріятно!
О Самодержица Россійска!
Благополучна многократно!
Что тако подданнымъ любезна,
Что владѣешь толь имъ полезна!
Имя ужъ страшно Твое свѣту,
А славы не вмѣстатъ Вселенна,
Желая Ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвѣту.

Но что вижу? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулеса противу,
Подъемля бровь горду высоко,
Хочетъ стать всего свѣта къ диву!
Гданскъ, то есть, съ помысломъ не умнымъ,
Будтобъ упившись питьемъ шумнымъ,
Противится, и уже явно,
Імператріцѣ многомочной;
Не видитъ бездны, какъ въ тмѣ мочной,
Разсуждаючи неисправно.

Въ нутръ самыи своего округа,
Ищущаго дважды Корону (9),
Станіслава (10) беретъ за друга;
Уповаетъ на оборону,
Чрезъ поля льющася Нептуна;
Но боясяжъ Росска Перуна,
Ищетъ и помощи въ народѣ,
Что живетъ при брегахъ Секваны (11);
Тотъ въ свои проигрышъ барабаны,
Сѐ Вексельмінды (12) бьетъ въ пригодѣ (13).

ИЗЪ ТОЙ ЖЕ ОДЫ, ПЕРЕЛОЖЕННОЙ НА ТОНИЧЕСКІЙ РАЗМѢРЪ (1752).

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ восстаетъ.
О! Народы, всѣ внемлите;
Бурны вѣтры! не шумите:
Анну стіхъ мой воспоетъ.

Въ слогахъ толь высокопарныхъ,
Піндаръ, Флаккъ (14) по немъ, отъ иглы
Вознеслись до свѣтозарныхъ
Звѣздъ какъ быстрыи Орлы.
Но когдабъ съ самимъ сердечнымъ
Къ Аннѣ духомъ, симъ и вѣчнымъ,
Пѣснь сравнилась днесь моя;
Тобъ самъ и Орфей Өракійскій,
Амфіонъ бы и Өивійскій
Восхищенъ былъ отъ нея.

Се брядаю въ Ліру сладку

Велелѣпно торжество,
Къ вящшему враговъ упадку
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила:
Силѣ равнаго борца;
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

Самъ Нептунъ чтоль строилъ стѣны?
Сiи при-морѣ стоятъ?
Нѣтъ ли Тройскимъ ([15]) къ нимъ примѣны,
Что пустить внутрь не хотятъ
Росско воинство обильно,
И тому противясь сильно?
Вiслою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандруль называютъ?
Не за Iдуль принимаютъ
Столищенбергъ, кой есть горой.

То не матерь басней Троя:
Не одинъ тутъ Ахiллесъ:
Каждый рядовый изъ строя
Мужествомъ есть Геркулесъ.
Чтожъ за Власть перуны мещетъ?
Не Мiнерваль шлемомъ блещетъ?
Явно, что отъ горьнихъ лицъ;
Со всего богиня вида;
Безъ щита страшна Эгiда:
Анна, верьхъ Iмператрiцъ.

То и Россiй полкъ, на мало
Гданскъ, градъ вражiй, окружилъ;
Марсомъ кажда звать пристало
Въ воехъ, какъ на брань спѣшилъ:
Всякъ готовъ пролить кровь смѣло,
Иль вѣнчать объ Аннѣ дѣло.
Щастьемъ Анны крѣпокъ всякъ:
Анна имъ надежда тверда,
И что Та къ нимъ милосерда,
Каждый вѣренъ, не двоякъ.

Европейска и Азiйска
Златовидный Солнца лучъ!
О! Монархiя Россiйска,
Сей блаженства есть твой ключъ,
Что подданымъ толь любезна!
И владычествомъ полезна!
Имя чтитъ твое весь Свѣтъ;
Славы не вмѣститъ Вселенна,
Видя, коль Ты проявленна,
И добротъ прекрасный цвѣтъ!

Что я зрю? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулу вопреки
Сталъ, подъемля бровь высоко,
Изъ оградъ, изъ-за рѣки!
Гданскъ то съ помысломъ неумнымъ,
Какъ питьемъ упившись шумнымъ,
Се противится, и толь,
Самодержицѣ великой!
Безднъ не видитъ въ тмѣ толикой,
Всѣхъ и смертоносныхъ доль.

Станiслава принимаетъ,
Ищетъ дважды кой вѣнца,
Въ свой округъ, и уповаетъ
Быть въ защитѣ до конца
Чрезъ востекшаго Нептуна:
Росскагожъ боясь перуна,
Дальный въ помощь и народъ
Емлетъ отъ бреговъ Секваны,
Сей на бѣдство въ барабаны
Бьетъ у Векселмiндскихъ водъ.

В. ПОЗДРАВЛЕНИЕ БАРОНУ КОРФУ
(1734). ([16]).

Первые русскiе тоническiе стихи.

(Сообщено г. Академикомъ А. А. Куникомъ).

Здѣ сiя, достойный мужъ, что Ты поздравляетъ,
Вящшiя и день отъ дня чести толь желаетъ,
(Честь, велика ни моглабъ коль та быть собою,
Будетъ, дастся какъ Тебѣ, вящшая тобою) ([17])
Есть Россiйска муза, всѣмъ и млада и нова;

А по долгу ти служить съ прочими готова.
Многи Тя сестры ея славятъ Аполлона;
Уха но не отврати и отъ Росска звона.
Слово красно произнесть та хоть не исправна;
Малыхъ но отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь правна.
Всѣ желанія свои просто Ти износитъ,
Тѣ сердечны прінии, се нижайша проситъ.
Щастлива и весела мудру Ти служити:
Ибо можетъ чрезъ Тебя та достойна быти,
Славны воспѣвать дѣла, чрезъ стіхи избранны,
Толь великія въ женахъ Монархіни Анны.

г. НОВЫЙ И КРАТКІЙ СПОСОБЪ КЪ СЛОЖЕНІЮ РОССІЙСКИХЪ СТИХОВЪ (1735). ([18]).

1. *Два предмета въ Поэзіи.*

Въ Поэзіи вообще, двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Первое: матерію или дѣло, каковое Піита предпріемлетъ писать. Второе: версіфікацію, то есть, способъ сложенія Стіховъ. Матерія всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что на который оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо правила поэмы эпіческія, не больше служатъ Греческому языку въ Гомеровой Іліадѣ, и Латінскому въ Віргіліевой Энеідѣ, какъ Французскому въ Волтеровой Ганріадѣ, Італіянскому въ избавленномъ Іерусалимѣ у Тасса, и Аглінскому въ Мілтоновой Поэмѣ о потеряніи Рая. Но способъ сложенія Стіховъ весьма есть различенъ по различію языковъ. И такъ Авторъ славенскія Грамматіки, которая обще называется большая и Максімовская ([19]), желая наше сложеніе Стіховъ подобнымъ учинить греческому и латінскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написалъ, что, сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокрітомъ не престанно. Ежелибъ онъ тогда рассудилъ, что свойство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей Грамматікѣ.

Другіе въ сложеніи нашихъ Стіховъ до нынѣ правильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ Стіхѣ полагая, пресѣкая оной на двѣ части, и приводя согласіе конечныхъ между собою слоговъ ([20]). Но и таковые Стіхи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть Прозою опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ Стіхъ поется, и разнится отъ Прозы, то есть, отъ того, что не Стіхъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо рассудилось, много прежде положивъ труда къ изобрѣтенію прямыхъ нашихъ Стіховъ, сей новый и краткій Способъ къ сложенію Россійскихъ Стіховъ издать, которые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего Стіхъ Стіхомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежъ каковой недостатокъ и въ семъ найдется; то покорно просятся благоразумные и искусные Люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію ([21]), которое всячески потщится, или сомнѣнія ихъ, въ рассужденіи Стіховъ, разрѣшить, или недостатки находящіеся въ сихъ новыхъ исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи Россійскихъ Стіховъ такъ же двѣ вещи должно знать, то есть, свойственное званіе при Стіхѣ употребляемое, и Способъ какъ слагать, или сочинять Стіхъ; того ради свойственныя при Стіхѣ званія Опредѣленіями

объявится, а на способъ къ сложенію Стіха кратчайшія и ясныя Правила положатся.

2. *Свойства новаго стихосложенія* (22).

Нѣкоторые, но нѣсколько, или лучше, весьма не основательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаяся говорили, сочетаніе Стіховъ не будетъ введено въ новое твое Стіхосложеніе; то новое твое Стіхосложеніе не со всѣмъ будетъ походить на Французское. Сіи господа знать конечно думали, что я сіе новое Стіхосложеніе взялъ съ Французскаго; но въ томъ они только далеко отстоятъ отъ истинны, коль Французское Стіхотвореніе отстоитъ отъ сего моего новаго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые Французское Стіхотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что Французское Стіхосложеніе ни чѣмъ, кромѣ Пресѣченія и Ріемы, на сіе мое новое не походитъ.

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, поистиннѣ, всю я силу взялъ сего новаго Стіхотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стіху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то Поэзія нашего простаго Народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но слатчайшее, пріятнѣйшее, и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латінскихъ, паденіе, подало мнѣ не погрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой Эксаметръ и Пентаметръ, оныхъ выше объявленныхъ двосложныхъ тоніческихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званія при Стіхѣ употребляемыя, занялъ я у Французской Версіфікаціи; но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оной простыхъ Людей поэзіи. И такъ всякъ разсудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я Французской Версіфікаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной Россійской Поэзіи всѣми тысячью рублями. Однако Франціи я долженъ и за слова; но искреннѣйше благодарю Россіаниѣъ Россіи за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ Стіхосложенія нашемъ нельзя быть сочетанію Стіховъ; то слѣдовательно и смѣшенно Ріомѣ: Ибо Ріома въ Стіхѣ, каковабъ Рода, и каковъ бы Стіхъ ни былъ, состоитъ токмо въ ладѣ звона, которой можетъ положиться подобенъ первому чрезъ Стіхъ, или чрезъ два. Поляки, у которыхъ Стіхотвореніе во всемъ сродное нашему, кромѣ паденія и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную Ріому въ своихъ Стіхахъ, которую уже и я употребилъ въ Одѣ моей о здачѣ города Гданска, и въ другихъ многихъ Стіхахъ.

Д. ДЕИДАМІЯ, ТРАГЕДІЯ (1750). (23).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 4.

Ликодемъ, Деидамія, Ахиллесъ, Навплія, Вулевполемъ, и прочіе всѣ дѣвицы, такъ же и Царская стража.

Ликодемъ.

(Вшедъ на средину Театра, а за нимъ и всѣ:)

Посолъ ужъ во дворѣ. Но ты Вулевнолемъ,
Какъ здѣсь стоять при мнѣ, назначь теперь имъ всѣмъ.

(Самъ сталъ при своихъ креслахъ, имѣя въ рукахъ скипетръ).

Вулевполемъ.

Благопристойно къ вамъ Царевнѣ стать поближе;
Долгъ Пиррѣ быть при ней, однакъ довольно ниже.
А Навплія по томъ ужъ мѣсто взять должна;

По сей порядкомъ всѣ, честь коей какъ дана.
Симъ образомъ весь бокъ дѣвицами скрасится:
Но стража поперегъ и одаль да вмѣстится.

(Всѣ такъ расположились, какъ назначено).

При семъ концѣ стола, который вкось отъ васъ,
По должности моей я стану самъ тотчасъ.
Предшествуяжъ Послу, и къ крѣсламъ самъ приведши,
А вскорѣ отъ него назадъ сюда отшедши,
Вдоль станетъ отъ меня Хиронъ здѣсь при столѣ;
Но сторону сію занять всѣ по Послѣ
Пришедшіи за нимъ возмогутъ всякъ по чину;
И такъ соединить стражей съ со́ою дружину.
Державный Царь, указъ былъ вашъ чтобъ учредить;
Но лучше я не могъ никакъ распорядить.

(Выговоривъ сталъ на своемъ мѣстѣ).

Ликодемъ.

Будь такъ. Но слышенъ стукъ толпящася народа:
Дошелъ ужъ знать Посолъ до самаго къ намъ входа.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Прежнія всѣ, Улиссъ, Хиронъ, и слѣдующіи за Улиссомъ.

(Когда Улиссъ выходитъ на Театръ, имѣя въ рукахъ вѣтвь, то напередъ идетъ Хиронъ, а за Улиссомъ воинъ несетъ преизрядный горшокъ съ цвѣтами; за симъ два воина идутъ съ двумя корзинами фруктовъ, перекладенныхъ зелеными листочками; напослѣдя четвертый несетъ копье, щитъ и шлемъ; за всѣми сими идетъ самъ Улиссъ. При выходѣ его въ орхестрѣ играютъ на трубахъ. А онъ пришедъ къ уготованнымъ ему крѣсламъ начинаетъ слѣдующее):

Улиссъ.

Агамемнонъ Царь, вождь Пеласгическихъ силъ,
Которые союзъ всеобщій ополчилъ,
Фригійскія Трои къ насильнѣйшей осадѣ,
И на Царя ея Пріама сѣдша въ градѣ,
Державному Царю здѣсь Ликодему вамъ
Изусно чрезъ меня, но равно какъ бы самъ,
И здравія всегда, и многихъ лѣтъ желаетъ,
А дружбы своея въ знакъ дары посылаетъ,
Вамъ копіе и щитъ, и свой любезный шлемъ,
Что воинству всему былъ видимъ часто въ немъ;
Но цвѣты и плоды Царевнѣ и дѣвицамъ,
Предъ солнцемъ вами, всѣмъ прекраснымъ, какъ зарницамъ.
Чтожъ до меня Посла: толикому Царю
Вручивъ себя въ любовь, почтеніе творю;
И такъ донесть при томъ отъ искренности смѣю,
Что видѣть вашъ престолъ за щастіе имѣю.

Вулевполемъ.

Пресвѣтлый Ликодемъ, самодержавный Царь,
Землѣ всей и морямъ великій Государь,
За честь, и дары всѣ, и за усердность ону,
Благодаритъ весьма Царю Агамемнону.
Но васъ Посла, Царяжъ, увѣрить повелѣлъ,
Что другомъ вашимъ быть за славу онъ почелъ.

(Когда Вулевполемъ сіе говорилъ, тогда Хиронъ принесенные дары пріемля отъ воиновъ, такъ располагалъ на столѣ, что горшокъ съ цвѣтами поставилъ на переди, по краямъ корзины съ фруктами, въ срединѣ на нѣчто возвышенное положилъ шлемъ, копье вдоль стола, а щитъ поперегъ на оное. Но какъ скоро окончалъ Вулевполемъ; то Ликодемъ отдавъ свой скипетръ ему, а Улиссъ вѣтвь свою ближнему изъ воиновъ, сошлись по срединѣ и обнялись, по томъ):

Ликодемъ.

Гость вожделѣнный намъ, прошу принять за благо,
Тутъ сѣсть, и отдохнуть съ пути по морю злаго.

Улиссъ.

Державному Царю я волю всю мою,
Безъ прекословно здѣсь отъ сердца отдаю.
(Оба сѣли).

Ахиллесъ.

Не съ дерзости въ слова мѣшаюсь Царь державный,
Прошу васъ мнѣ простить, и васъ Посолъ преславный:
Несносная меня обида Грекамъ всѣмъ,
Показанная имъ преступничествомъ тѣмъ,
Злодѣйствомъ толь своимъ весь духъ мой поразила,
Что хищнику ([24]) тому теперь самабъ отмстила,
Когдабъ судьба его мнѣ здѣсь какъ подала:
Не сомнѣвайтесь, ябъ съ бездѣльника смогла.
(Деидамія, Навплія, и Хиронъ, показываютъ такое движеніе руками, что они странности сей весьма дивятся).

Ликодемъ (къ Ахиллесу).

Кровь Греческа въ тебѣ кипитъ хотя похвальна;
Но съ хищникомъ страна тебя разводитъ дальна:
Совѣтую за тѣмъ здѣсь въ мирѣ предстоять,
И мужества вотще себѣ не присвоять.

Улиссъ (къ Ликодему).

Не буди въ гнѣвъ, прошу позволить то: забавно
Мнѣ бодрость видѣть въ ней; сіе и Грекамъ славно,
Что сами дѣвы ихъ толь храбростью кипятъ,
И не достойнымъ всѣмъ достойно мстить хотятъ.
(Къ Ахиллесу).
Но честнымъ жаромъ симъ дѣвица толь разженна,
Преможете его вы чѣмъ?

Ахиллесъ.

Симъ вооруженна.
(Указывая на лежащее оружіе на столѣ).

Улиссъ (къ Ахиллесу).

Да вооружится симъ умѣете ли вы?

Ахиллесъ (къ Улиссу).

Я первое сіе взложу такъ сверьхъ главы;
(Взявъ возложилъ на себя шлемъ).
А лѣвую мою тѣмъ руку я покрою:
(Взявъ щитъ и наложилъ на руку).
Но язвы острымъ симъ изъ правыя сострою.
(Взявъ копье и сталъ по срединѣ, нѣсколько отшедъ отъ стола, а копье поставилъ къ ногѣ).

Улиссъ (къ Ахиллесу).

О! дѣва красота! о! храбра героиня:
Вы видимая всѣмъ намъ мудрости Богиня!

Ликодемъ (къ Ахиллесу).

Въ семъ, Пирра, ты ходи. Послужъ сему Царю
Благодари за честь; мой даръ тебѣ дарю
Предъ дѣвами, мужми, всѣмъ дѣва будь красуясь,
И сими не на брань, на миръ преповясуясь.

Е. МНѢНІЕ О НАЧАЛѢ ПОЭЗІИ И СТИХОВЪ ВООБЩЕ (1752). ([25]).

Различіе между поэзіею и стихотворствомъ.

Какъ живописная картина; такъ Поэзія: она есть словесное изображеніе. Преизрядно, послѣ Горація ([26]), уподобляется Поэзія живописи: но Стіхъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краскою, весьма есть различно отъ нея; равно и Поэзія всеконечно есть не Стіхъ: сей есть какъ краска, а Поэзія, какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эрізій Путеанскій написалъ основательно: Иное быть Піитомъ, а иное Стіхи слагать.

Но много есть мнѣній о первоначаліи Поэзіи; а о началѣ Стіха почитай нѣтъ ни единаго: ибо многія, пишучи о первоначаліи Поэзіи, иногда сливали ея съ Стіхами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда Поэзію называетъ Стіхотвореніемъ, хотя впрочемъ прямое понятіе о Поэзіи есть не то, чтобъ Стіхи составлять, но чтобъ творить, вымышлять, и подражать. Твореніе, есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе, есть изобрѣтеніе возможностей, тоесть, не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или долженствуютъ; а подражаніе, есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что Стіхъ есть все не то: твореніе, вымышленіе, и подражаніе есть душа и жизнь Поэмы (27); но Стіхъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ; а Стіхъ токмо паружное. Можно творить, вымышлять, и подражать Прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія Стіхами. Первое здѣлалъ Іоаннъ Барклайй въ своей Аргенідѣ, и Фенелонъ въ Телемакѣ; а другое Луканъ въ описаніи Фарсалическія брани: посему, первыи оба Пінты, хотя и Прозою писали; но послѣдній есть токмо Стіхотворецъ, даромъ что онъ пѣлъ Стіхами. Сіе разумѣніе есть Арістотелево; онъ въ своей Поэзіи, переведенной Александромъ Павійскимъ, въ главѣ 7 опредѣляетъ: «Стіхъ и Проза не различаютъ Історика съ Піитомъ: ибо хотя Геродотова Історія и Стіхами будетъ сочинена; однако она всегда будетъ, какъ и прежде, Історіею. Но симъ они между собою разнятся, что Історикъ дѣянія какъ были, а Піитъ, какъ оныя быть могли, предлагаетъ.»

Отъ сего, что Піитъ есть творитель, вымыслитель, и подражатель, не заключается, чтобъ онъ былъ Лживецъ. Ложь, есть слово противъ разума и совѣсти, тоесть, когда или разумъ прямо не знаетъ, такъ ли есть то, что языкъ говоритъ, или когда совѣсть точно извѣсна, что то не такъ, какъ уста говорятъ. Но Піитіческое вымышленіе бываетъ по разуму, тоесть, какъ вещь могла быть, или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровый человѣкъ: всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ Піита. Творить по Піитічески, есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. «Возможность Піитіческая, есть возможность Філософская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая, есть возможность равно какъ Історіческая, коя повѣствуется, а отъ художниковъ, бутто какъ истиннымъ новѣствованіемъ, Механічески производится, и истинно представляется.» Впрочемъ, Піиты называются еще и Прорицателями. Древніи предали, что они о будущемъ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда божественнымъ духомъ.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть Поэзія, а иное со всѣмъ Стіхосложеніе. Но той и другому было между человѣками начало. Видно по всему, что Поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Ціцеронъ въ словѣ за Архія Піита утверждаетъ говоря, «что Піитъ отъ самаго естества силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ ума возбуждается, и какъ нѣкоторымъ божественнымъ одушевляется духомъ»: ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять, и подражать, всежъ то, иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что Стіхъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различіе обыкновенному ихъ слову. Къ сему могли

найтись многія побужденія; а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія.

ж. Предъизъясненіе объ Ироической Піимѣ (1766) ([28]).

Сему ([29]) вобще надлежитъ имѣть смѣлыя Узоры Реченій и цѣлыхъ Рѣчей; быть благолѣпну, и различну образами; ясну, пламенну, стремительну, сильну, сразмѣрну чувственностямъ изображаемымъ, тоесть съ скорымъ дѣйствомъ вещей спѣшну, а съ медленнымъ косну; иногда грозну, иногда любезну, всегда сладостну, и нѣчто такое содержащу въ знакахъ мыслей и въ мысляхъ самихъ, которое однимъ токмо Естествомъ преподается. Никогда оно да не будетъ преизбыточно надменное, напыщенное преизлишно, идущее какъ на Ходуляхъ, или какъ Гігантовское и Колоссальное, подобящееся стуку Тѵмпанному или Сонмищному крику, но да восклицаетъ рѣзкою Трубы проразностію ([30]), или какъ Лебединымъ, ярко напряженнымъ, гласомъ. Должно ему имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ Сложныхъ и Пресложныхъ, какъ полтара и полтретья аршинныхъ, Существительныхъ Именъ и Прилагательныхъ, да и не упадать никогда въ Повторенія; а предлагающу тѣжъ самые вещи, не представлять отнюдъ тѣхъ же самыхъ видовъ, и еще меньше тѣмижъ самыми ознаменованіями. Всѣмъ его Періодамъ или Округамъ, надобно слухъ наполнять, при опредѣленномъ ономъ числѣ Стопъ, плавнымъ, гладкимъ, и сцѣпляющимся паденіемъ, преносящимъ же иногда Смыслъ изъ Стіха въ Стіхъ, да и прелагающимъ, свойственно Языку, Чинъ Сочиненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ начала въ средину и въ конецъ, изъ средины въ конецъ и начало, и изъ самаго конца въ начало и средину цѣльныя Рѣчи. Притомъ, ничегобъ въ немъ досаждающаго, жестокаго, и притворственнаго не-было; но да течетъ описуемое сіе Слово, не единственныя Словесности ([31]) ради, ниже просто для угодности токмо: каждой бы Рѣчи заставлять мыслить, а мыслямъ всѣмъ клониться бъ только къ содѣланію насъ Добрыми.

Вкратцѣ, съ начала самаго до конца, достоитъ Теченіе Слова Ироическаго литься всеконечно непресѣкаемымъ нигдѣ и ни отъ чего Потокомъ. Оно есть Рѣка, но Рѣка подобная Волгѣ: сперва несется Струею, потомъ Ручіемъ, потомъ Рѣчкою, вскорѣ послѣ Рѣкою; возрастаяжъ впадающими съ сторонъ Водами, влечетъ уже Токъ свой быстрый, глубокій, обширный, полный, превеликимъ и предолгимъ Ніломъ, даже до самаго своего Устія въ Море, тоесть, до Окончанія. Сей многотечный Евфратъ, иногда есть видомъ кристальный и прозрачный, чистый и свѣтлый; а иногда шумящій, пѣнящійся, и возносящійся выспрь, въ обоемъ же случаѣ, многажды, отъ осіянія зареносныхъ Лучей, распещряющійся въ капляхъ своихъ Радужными всепріятными различно Цвѣтами, но всегда непрерывно къ Предѣлу катящійся: ничто его удержать не можетъ, ни самые Катаракты или Пороги, сквозь и на днѣ, и на рединѣ, и на верьху проницаемые отъ Струй онаго: нигдѣ не застаивается, не плѣснѣетъ, ни горкнетъ, всегда и всюду протекаетъ, отъ всего чистится, и всякаго медвенною своею и млечною Сладостію напаяетъ. И да на отрѣзъ скажу, Теченіе Слова въ Ироической Піимѣ, долженствуетъ быть всеконечно и всемѣрно бахарское ([32]).

Комужъ изъ Читателей, Свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ Силу, не чувствительно, что Стіхи, окончавающіися Рѵѳмами, отнюдъ неспособны къ произведенію такова, какое теперь описано, Теченія въ Словѣ? Рѵѳмическіи Стіхи, состоящіи впрочемъ и Стопами двусложными, отнюдъ не могутъ продолжать непрерывна-

го такова шествія, каковаго требуетъ Ироіческая Пінма, кольмижъ паче Стіхи не имѣющіи Стопъ, кромѣ Рѵѳмы, какъ то Італіанскіи, Аглинскіи, Ішпанскіи, Французскіи, и Польскіи. Ибо каждый Стіхъ сего Состава, не терпя Переносовъ изъ предъидущаго Стіха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается, и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіи Стіхи суть не Рѣка, текущая съ верьху въ низъ, непрестанно и беспреломно, къ удаленному своему Предѣлу: опи Студенецъ нѣкій, бьющій съ низу въ верьхъ, и дошедшій до своея блискія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки; такъ что всякій Стіхъ, свой Порогъ собственный имѣетъ, и шумитъ на ономъ. Коль бы Стіхи съ Рѵѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною Трубою; но на концѣ писчатъ токмо и врещатъ дѣтискою Сопѣлкою. Согласіе Рѵѳміческое, Отроческая есть Игрушка, недостойная Мужескихъ Слуховъ. Вымыслъ сей оледенѣлый есть Гоoіческій ([33]), а не Еллинское и Латінское, благорастворенныхъ жаромъ блистающее и согрѣвающее Окончательство.

3. ТИЛЕМАХИДА (1766). ([34]).

1. Описаніе пещеры, или входа въ адъ ([35]).

Въ сей (*) Тугѣ, предпріялъ сойти онъ въ Тартаръ подзе́мный
Славномъ при-Храмѣ, не бы́вшемъ весьма отдаленномъ отъ—Стáна.
Именовáніе мѣсту тому Ахерóнтіа ([36]) было,
Тѣмъ что сáмая страшная тутъ находилась Пещера,
Изъ которыя сходъ на—брегá лежалъ Ахерóнта,
Коей Боги рѣкой заклинаться сами боялись.
Храмъ стоялъ на—Горѣ дикокаменной, очень высóко,
Какъ Орли́но гнѣздо на—верши́ну Дрéва взнесенно.
При подошвѣ горы́ тоя Пещера зіяла,
Къ коей страшливы Смертныи тамъ приближаться не-смѣли.
Пастыри тщались всегда отвращать оттуду въ даль-Стáдо.
Сѣрная мгла изъ-Стѵгійскаго Блата ([37]) дыша непрестанно,
Чрезъ отверзстіе то, весь вóздухъ вдругъ заражала.
Окрестъ-же не расло́ ни-были́нки, ни-трáвочки малы:
Нéбыло тамъ никогда Зефѵрныхъ вѣяній сладкихъ,
Ни Благолѣпностей новыхъ тѣхъ, что-Веснá возраждаетъ,
Ни богатыхъ дарóвъ, подаемыхъ отъ-Есени ([38]) плóдны.
Гнусной на-Сýхости тамъ Земли́ ничего не—роди́лось:
Ви́димъ-былъ нѣгдѣ рѣдкій Кустарникъ Тернóвника гóла,
Да Кѵпарісы, тамъ и тутъ, смертоносныи зрились.
И въ дали́ кругóмъ не-давáла Богиня (*) Гими́тра,
Пóтнымъ Орáтаямъ жатвъ обильныхъ и златоспѣлыхъ.
Всуе (**) Вакхъ плоды́ всегда свои обѣщаетъ:
Кисти гроздóвъ засыхали тамъ, а не созрѣвали.
Чистыми не текли стру́ями-водъ бѣдны (***) Найя́ды:
Вóлны ихъ всегда ліются и-гóрьки и—мýтны.
Птички притомъ никогдажъ не-поютъ, на-землѣ—той бесплодной,
И не—нахóдятъ Рощицъ себѣ къ убѣжищу на нощь:

(*) Тяжесть напряженная въ сердцѣ.

(*) Церера.
(**) Бакхусъ.
(***) Богини источниковъ.

Пѣть отлетаютъ Любовь свою подъ Небо кротчайше.
Краканій голосы слышимы тутъ отъ Врановъ единыхъ,
Да отъ Совъ еще завыванія страшно плачевны.
Тамъ и–Трава горька всегда, и–Стада ту–ядущи,
Не имѣли того никогда веселія сладка,
Кое приводитъ ихъ къ утѣшнымъ позелени Скокамъ.
Самъ Телецъ отъ–Телицы бѣжалъ; а—смущенный Воловикъ ([39])
Позабывалъ Цѣвницу свою, и-Сопѣль рѣзкогласну.
Изъ Пещеры тоя исходилъ, временамъ-то по-разнымъ,
Черный Дымъ и-густый, содѣвавшій нощь посредѣ дня.
Ближніи жители Жертвы тогда тамъ усугубляли,
Да утолить тѣмъ–возмогутъ они гнѣвъ—Божествъ преисподнихъ.
Но тутъ многажды люди, сущіи юности въ цвѣтѣ,
Тѣмъ Божествамъ бываютъ пожерты язвой тлетворной.

2. *Изображеніе Плутона и другихъ адскихъ предметовъ.*

Былъ Плутонъ на–Престолѣ сѣдяй изъ чернаго Древа;
Блѣденъ зракъ его и–суровъ, сверкающи очи,
Тѣжъ и впадши еще; а–чело и–браздисто и-грозно.
Видѣть ему Человѣка жива, такъ ненавистно;
Какъ досаждаетъ свѣтъ Глазамъ всѣхъ оныхъ Животныхъ,
Кои изъ Логовищъ не-исходятъ, какъ нощію токмо.
Посторонь отъ него сидѣла тамъ (*) Персефона,
Коя взоры его одна на-себя привлекала,
И казалась нѣсколько сердце его умягчавша.
Новую та всегда Красоту на-лицѣ стяжавала;
Но къ пріятностямъ Божескимъ тѣмъ придавша являлась,
Нѣчто жестокое, что восприяла она отъ-Супруга.
Тамъ на-низу при-Престолѣ стояла Смерть цвѣтоблѣдна,
Дивище мозгло ([40]), мосляно ([41]), и-глухо, и-нѣмо, и-слѣпо;
Та въ рукахъ имѣла свою преострую Косу,
Кою еще изощряла Оселками всю непрестанно.
Окрестъ ея летали черны и-мрачны Печали;
Лютые и Недовѣрности ([42]); кровь истощающи Мести,
Тѣжъ изранены всѣ; и Ненависть не справедлива;
И Сребролюбіе, кое само себя угрызаетъ;
И Отчаянность рвуща себяжъ своими Руками;
И Любочестіе со Властолюбіемъ гордымъ безумно,
Кои ниспровергаютъ все, и преобращаютъ;
Тутъ и–Предательность хитрая, сильно жаждуща Крови,
А не–могуща себѣ получить ни малыя пользы;
Завистъ притомъ свой смертный ядъ изблевающа гнусно;
И въ бѣсноту приходяща, вредить что не возмогаетъ;
Се и–Нечестіе пропасть себѣ бездонну копаетъ,
Само въ котору стремглавъ низвергается ставъ безъ–надежды;
Мерзски Страшилища, и весьма Привидѣнія страшны,

(*) Прозерпина.

Мертвыхъ собой представляющи, да Живыхъ непужаютъ;
Тщетныя и Сновидѣнія, и Безсонницы люты,
Тожъ по-толику, Сны по-колику опечаляютъ.
Сіи смертельны Призраки всѣ окружали Плутóна,
И наполняли Палату, въ которой Онъ обитаетъ.

[1]) «Ѣзда въ островъ любви. Переведена съ Французскаго на Руской. Чрезъ студента Василья Тредіаковскаго и приписана Его Сіятельству Князю Александру Борисовичю Куракину. Напечатана 1730». Подлинникъ ея—«Voyage de l'île d' Amour, ou la Clef des coeurs, 1663» (нов. изд. 1713), 2 ч., стихами и прозой. Это—аллегорическое сочиненіе, описывающее прелести и опасности любви. Здѣсь являются миеологическія божества и олицетворенныя отвлеченныя понятія: любовь, разумъ, чувство, почтеніе, предосторожность, безпокойство и проч. Островъ Любви помѣщенъ близь береговъ Африки, на Атлантическомъ океанѣ. Главное дѣйствующее лице—Аминта. Авторъ книжки — Paul Tallemant, сочинившій ее на 19-мъ г. отъ роду, выбранъ былъ за то въ члены французской Академіи, куда не поступали еще ни Лафонтенъ, ни Расинъ (уже авторъ нѣсколькихъ трагедій), ни Буало (уже авторъ семи сатиръ): такъ сильно былъ развитъ вкусъ къ аллегорическимъ повѣствованіямъ. Поэтому Тредьяковскій въ предисловіи говоритъ, что книжка «учинила великую своему творцу славу, которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность (*въ Парижѣ, 1728—30 г. г.*) была памятна». Переводъ посвященъ кн. Куракину, посланнику нашему во Франціи, которому Тредьяковскій былъ много одолженъ. Въ предисловіи объясняются достоинства французскаго подлинника, причины, почему онъ выбранъ для перевода, и трудности, предстоявшія переводчику. Мы взяли отсюда то мѣсто, въ которомъ Тредьяковскій объявляетъ, почему онъ переводилъ русскимъ, а не церковно-славянскимъ языкомъ, и какія трудности долженъ былъ онъ преодолѣть при переводѣ. Къ переводу «Ѣзды» приложено нѣсколько стиховъ «работы» Тред—го: русскихъ и французскихъ, и латинская эпиграмма (Пѣснь на коронацію Анны Іоанновны; элегія о смерти Петра 1; стихи похвальные Россіи; стихи похвальные Парижу; ода о непостоянствѣ міра, и пр.).

[2]) Преподавателей и воспитанниковъ Заиконоспасскихъ школъ (Славяно-Греко-Латин. Акад.)

[3]) «Ода торжественная о здачѣ города Гданска сочиненная въ вящшую славу имени Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія Великія Государыни Анны Іоанновны Императріцы и Самодержицы Всероссійскія чрезъ Василья Тредіаковскаго Санкпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретарія. Спб. 1734». Посвящена Бирону. Вмѣстѣ съ нею напечатанъ нѣмецкій ея переводъ академика Юнкера: Sieges-Ode auf die Eroberung der Stadt Dantzig. Къ ней приложено Разсужденіе объ одѣ вообще, заимствованное значительною частію изъ сочиненія Буало: «Discours sur l'ode». Написанная силлабическими стихами, она въ послѣдствіи переложена на тоническій размѣръ, и въ этомъ видѣ явилась въ Сочиненіяхъ и Переводахъ Тред—го, 2 ч. (1752). Стихотвореніе это — близкое подражаніе одѣ Буало: Sur la prise de Namur; нѣкоторыя строфы (1, 2, 3 и 4)—почти чистый переводъ. Гданскъ—Данцигъ, осажденный русскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Миниха, во время польской войны, сдался 19 іюня 1734 г. (Ода написана въ іюлѣ).

[4]) Аполлонъ и Нептунъ построили троянскія стѣны при царѣ Лаомедонѣ.

[5]) Примѣненія, подобія: какъ Греки не могли войти въ Трою, такъ и Данцигъ не хотѣлъ впустить Русскихъ.

[6]) Висла, при устьѣ которой Данцигъ, уподобляется Скамандру (Ксанѳу), близь Трои.

[7]) Стольценбергъ уподобляется Идѣ, горѣ близь Трои.

[8]) Щитъ Минервы. Авторъ называетъ здѣсь этимъ именемъ Минерву.

[9]) При Петрѣ 1, какъ соперникъ Августа II, и при Аннѣ, какъ соперникъ Августа III (сына Августа II).

[10]) Станиславъ Лещинскій, тесть Людовика XV. кор. франц.

[11]) Сена. На помощь Станиславу, находившемуся въ Данцигѣ, отправилась французская эскадра.

[12]) Иначе Мюнде, крѣпость, защищающая предмѣстіе Нейфарвассеръ.

[13]) Пригода—потреба, польза; безгода—несчастіе, бѣдствіе.

[14]) Горацій.

[15]) Троянскимъ.

[16]) «Новою достойно украшенному честію Превосходительнѣйшему Господину Іоанну Албрехту Барону Фонъ Корффъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія Дѣйствительному Камеръ-геру нынѣ въ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ главную имѣющему команду покорнѣйшее поздравленіе

отъ Василія Тредіаковскаго». Напеч. при Ак. Н. 1734 г., вмѣстѣ съ нѣмец. переводомъ. Баронъ Корфъ назначенъ былъ президентомъ Ак. Н. 18 сентября 1734 г. По этому случаю Тредьяковскій выразилъ ему свои желанія въ «Покорнѣйшемъ поздравленіи» (Прим. г. Куника, которому приношу чувствительную благодарность за дозволеніе помѣстить въ моей Хрестоматіи найденные имъ первые наши тоническіе стихи, изъ которыхъ очевидно, что тоническое стихосложеніе введено у насъ съ 1734 г. и что введеніе его несомнѣнно принадлежитъ Тред — му). Поздравленіе приносится отъ имени русской музы, молодой и новой. Хотя многія сестры ея славятъ тебя, Аполлона (т. е. Корфа); но ты не отврати уха отъ русскихъ звуковъ. Хотя русская муза и не можетъ еще выражаться краснорѣчиво; но отцамъ пріятна и нѣмая рѣчь малыхъ дѣтей.

[17]) Т. е. честь, сама по себѣ небольшая, становится великою, будучи дана тебѣ.

[18]) «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій. Чрезъ Василья Тредіаковскаго С. Петербургскія Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Спб. 1735.» Написавъ, первый, стихотвореніе тоническимъ размѣромъ, Тред—ій, первый же, далъ и правила тоническаго стихосложенія. Выписываемъ посвященіе «Способа»:

«Всѣмъ
Высокопочтеннѣйшимъ Особамъ,
Тітулами своими превосходительнѣйшимъ,
Въ Россійскомъ Стіхотворствѣ искуснѣйшимъ,
и
въ томъ охотно упражняющимся
моимъ
милостивѣйшимъ господамъ.

Высокопочтеннѣйшіе Господа!

Не безъ основательныя причины, новый сей и краткій мой Способъ къ сложенію Россійскихъ Стіховъ, Вамъ покорнѣйше приписываю. Правилъ, которыя въ немъ я положилъ, и по силѣ которыхъ не прямыми называю Стіхами старые наши Стіхи, кому лучше, какъ Вамъ искуснѣйшимъ рассмотрѣть надлежитъ правость? А охотно въ томъ упражняющіеся нѣсколько Стіховъ здѣсь, до нынѣ въ Россіи не виданныхъ, въ примѣръ себѣ найти могутъ, и оные употребить, буде за благо рассудятъ имъ слѣдовать, къ своей пользѣ.

Васъ искуснѣйшихъ, ежели правила мои не правы, или къ стіхотворству нашему не довольны, нижайше прошу, и купно исправить, и купно оныя дополнить; но въ томъ упражняющіеся чрезъ нихъ же поводъ возимѣютъ тщательнѣе рассуждать, и Стіхи наши, чрезъ свое рассужденіе, отчасу въ бо́льшемъ совершенствѣ въ Россійскій Свѣтъ издавать: Однимъ же и другимъ Вамъ не не полезенъ правилами моими быть уповаю, что однихъ Васъ и другихъ новостію возбужду либо старые наши Стіхи освидѣтельствовать, и по правдѣ ли тѣ носили имя Стіховъ до нынѣ, розыскавъ увѣдать.

Сіе есть мое намѣреніе, въ семъ новомъ и краткомъ Способѣ къ сложенію Россійскихъ Стіховъ, который, какъ достойнѣйшимъ Вамъ, въ честь Вашу посвящаю; какъ благоразумнѣйшимъ, въ исправленіе отдаю; но какъ во всемъ, такъ либо и въ семъ, правду любящимъ, въ покровъ и защиту вручаю; не больше, поистиннѣ, малую, и весьма не дѣйствительную искру моего ума показать хотѣвшій, коль Вамъ и услужить, и Васъ глубочайше тѣмъ почтить желающій,

Высокопочтеннѣйшіе Господа,
Вамъ покорнѣйшій и нижайшій слуга:
В. Тредіаковскій».

«Способъ» начинается различеніемъ двухъ предметовъ въ поэзіи: матеріи (или дѣла) и версификаціи. За тѣмъ слѣдуютъ опредѣленія, содержащія въ себѣ свойственное званіе при стихѣ употребляемое (т. е. объясненіе общихъ принадлежностей стиха), и правила, излагающія способъ къ сложенію стиховъ русскихъ; далѣе о вольности стихотворной, о риемѣ и о сочетаніи стиховъ. Въ заключеніи помѣщены примѣры на новые стихи; о добронравіи человѣка (изъ Фенелона), сонетъ, рондо, двѣ элегіи, эпистола отъ поэзіи къ Аполлону, ода въ похвалу цвѣту розѣ, и др. Въ послѣдствіи Тред—ій значительно передѣлалъ свое сочиненіе, которое и напеч. въ 1-мъ т. Сочиненій и Переводовъ (1752), подъ такимъ названіемъ: «Способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ противъ выданнаго въ 1735 годѣ исправленный и дополненный».

[19]) Грамматика Мелетія Смотрицкаго (1619), изданная также въ Москвѣ 1648 г. Максимовскою называется она потому, что въ концѣ московскаго изданія приложено издателями разсужденіе Максима Грека о пользѣ грамматики, реторики и философіи. Смотрицкій, какъ извѣстно, хотѣлъ ввести къ намъ древнее, греко-латинское (метрическое) стихосложеніе.

[20]) Говорится о Стихосложеніи силлабическомъ.

[21]) Учрежденному въ 1735 г. при Акад. Н., президентомъ ея-Барономъ Корфомъ. Тред—ій произнесъ рѣчь въ первомъ его засѣданіи (14 марта 1735 г.)

[22]) Изъ заключенія о сочетаніи стиховъ, котораго у насъ Тред—ій не допускаетъ на томъ основаніи, что эксаметръ нашъ (героическій или александрійскій стихъ) не можетъ имѣть ни больше, ни меньше 13 слоговъ. При сочетаніи стиховъ, слѣдовало бы или мужескому имѣть 13, а женскому 14 слоговъ, или на оборотъ: женскому 13, а мужескому 14.

[23]) «Деидамія трагедія, покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ и Императорской Спбургской Академіи Наукъ краснорѣчія профессоромъ Васильемъ Кирилловичемъ Тредіаковскимъ сочиненная въ 1750 г. (М. 1775).» По завѣщанію автора, посвящена Сумарокову, въ знакъ вѣчныя памяти. Дѣйствующія лица: Ликодемъ, царь острова Скироса; дочь его—Деидамія; Улиссъ, царь итакскій, посланный отъ греческаго войска къ Ликодему; Ахиллъ, живущій у Ликодема въ дѣвическомъ одѣяніи подъ именемъ Пирры; Іерофанта, Діанина жрица; Навплія, дочь скиросскаго князя, пребывающая при дворѣ Ликодема; Вулевполемъ, первый министръ и военачальникъ Ликодема; Хиронъ, учитель и приставникъ Ахиллесовъ. Содержаніе трагедіи изложено самимъ Тред—мъ, въ слѣдующемъ «перечневомъ описаніи»: «Молодшая Ѳетида, дочь Нереева и Дорисина, бывши выдана за Пелея, Эакова сына, а брата Теламонова, родила отъ него сынажъ, кой былъ названъ Ахиллесомъ. Сія, увѣдавши о прореченномъ отъ Калханта жреца, что безъ Ахиллеса, сына ея, не можно взять будетъ Грекамъ города Трои и что онъ тамъ имѣетъ быть убитъ, перерядила его въ дѣвическое платье, когда еще было ему токмо девять лѣтъ, и отослала на островъ Скиросъ (нынѣ называемый Широ, на нордъостъ отъ острова Эвбеи, или Негропонта) къ царю Ликодему, дабы ему тамъ быть воспитану и укрыту. Ахиллесъ, пребывая у того царя (я полагаю, что онъ у него жилъ девять же лѣтъ), и хотя въ дѣвическомъ платьѣ подъ именемъ Пирры, имѣлъ свободный случай полюбить дочь сего царя, именемъ Деидамію, и быть отъ нея любимъ взаимно. Но когда греческое ополченіе противъ Трои собралось все въ Авлиду (городъ и портъ беотическій на Эвбейскомъ, или Негропонтскомъ проливѣ), то Калхантъ объявилъ, что Ахиллесъ укрытъ на помянутомъ островѣ Скиросѣ дѣвическимъ одѣяніемъ: чего ради и отправленъ по него къ царю Ликодему посломъ Улиссъ царь итакскій. Между прочими дарами, кои посолъ привезъ царевнѣ и придворнымъ ея дѣвицамъ, примѣшалъ онъ оружіе, за которое Ахиллесъ по природѣ своей охотнѣе ухватился, оставивъ нѣжные дары другимъ дѣвицамъ. Сіе самое было указаніемъ, по которому Улиссъ призналъ Ахиллеса. Всежъ сіе есть самымъ грунтомъ въ моей трагедіи; но всякъ чувствуетъ, что сей грунтъ приличенъ больше героической комедіи, нежели трагической штукѣ: того ради я былъ принужденъ, выбравъ сей случай въ баснословіи въ матерію себѣ, вымыслить отъ себя много новаго и соединить съ онымъ приключеніемъ, дабы моей поэмѣ быть трагедіею. Вольность сія дана трагическимъ піитамъ еще отъ Аристотеля, а подтверждена, что до басенъ, отъ великаго французскаго трагика Петра Корнелія, какъ словами во второмъ его разсужденіи о драмѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ его жъ трагедіяхъ прямымъ дѣломъ. Смотрители и читатели имѣютъ сами разсудить, былъ ли я счастливъ, сочиняя первую еще трагическую сію поэму, въ наблюденіи вѣроятности въ томъ, что отъ меня вымышлено и придано». Сокращенному изложенію сюжета предшествуетъ краткое описаніе жизни и ученыхъ трудовъ Тр-го, взятое изъ Опыта Историч. Словаря о Рос. писателяхъ (1772).

[24]) Парису.—Ахиллесъ вступаетъ въ разговоръ, выслушавъ разсказъ Улисса объ обидѣ, нанесенной Греціи похищеніемъ Елены.

[25])Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ, помѣщенное въ 1 т. Сочиненій и переводовъ, Тред—ій называетъ своимъ (Къ читателю, стр. XX). Впрочемъ въ немъ есть выписки изъ Фонтенеля и Роллена. О значеніи этого разсужденія см. въ Ист. Рус. Слов.

[26]) Въ его: Ars poëtica.

[27]) Стихотворенія.

[28]) «Предъизъясненіе объ ироической піимѣ», помѣщенное передъ Тилемахидой и содержащее въ себѣ господствовавшую въ то время теорію героическаго эпоса, есть почти чистый переводъ франц. сочиненія: «Discours sur poëme épique», которое печаталось передъ Телемакомъ въ нѣкоторыхъ его изданіяхъ (напр. въ изд. сочиненій Фенелона 1822, т. VIII). Написано оно Рамсаемъ (Ramsay), членомъ лондонскаго королевскаго общества, шотландцемъ, который, прибывъ во Францію, перешелъ, по совѣту Фенелона, изъ англиканизма въ католицизмъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался жаркимъ поклонникомъ творца «Телемака» и былъ издателемъ его сочиненій. Сообразно тогдашнимъ воззрѣніямъ, Рамсай ставитъ Телемака, за его нравственно-христіанское направленіе, выше поэмъ Гомера. Но разсужденія объ эксаметрѣ или принадлежатъ самому Тред-му или заимствованы имъ изъ другихъ источниковъ.

[29]) Стиху гекзаметру.

[30]) Отъ слова: «проражать» — звукъ рѣзкій, пронзительный.

[31]) Выраженія.

[32]) Отъ «бахарь», т. е. разскащикъ—повѣствовательное, эпическое.

[33]) Средневѣковой и нѣмецкій.

[34]) «Тилемахіда или странствованіе Тилемаха сына Одуссева описанное въ составѣ ироіческія піимы Васіліемъ Тредіаковскимъ надворнымъ совѣтникомъ членомъ Санктпетербургскія Імператорскія Академія Наукъ съ французскія нестіхословныя рѣчи сочиненныя Франціскомъ де-Салиньякомъ де-ла-Мотомъ Фенелономъ архіепіскопомъ — Дюкомъ Камбрейскимъ Прінцомъ Священныя Імперіи. 2 тома. Спб. 1766.» Въ началѣ идетъ обширное «Предъизъясненіе объ Ироіческой піимѣ», а въ концѣ помѣщено «Указаніе вещамъ по алфавиту.» Содержаніе (или «перечневую силу») Тилемахиды Тред-ій изложилъ слѣдующимъ образомъ: «Тилемахъ, возбужденный любовію къ отечеству и отцу, отбылъ изъ дому, и отправился моремъ искать, не возвратившагося отъ брани троянскія, своего родителя, коего отсутствіе было причиною многихъ и великихъ несчастій домочадству его и царству. Подвергается путешествующій сынъ всякороднымъ бѣдствіямъ; отмѣняетъ себя и въ славу приводитъ ироическими добродѣтелями: да и отрицается отъ царствованія, и отъ престоловъ знаменитѣйшихъ придворнаго. Въ томъ проходя многія незнаемыя и чужія земли, научается всему, что потребно къ державствованію нѣкогда, по благоразумію Одуссееву, по благочтивости Еніевой, и по мужеству обоихъ, какъ мудрому политику, государю боголюбивому, и какъ ирою совершенному.»— Объясненія, напечатанныя внизу текста, принадлежатъ Тр—му.

[35]) Изъ 18-ой книги (всѣхъ книгъ 24), содержаніе которой слѣдующее: Телемакъ, увѣренный сновидѣніями, что отецъ его, Одиссей, не находится уже на землѣ, рѣшился искать его въ подземномъ царствѣ. Въ сопровожденіи двухъ Критянъ, тайно выходитъ онъ изъ стана и достигаетъ храма, построеннаго близь пещеры, въ которую Ахеронъ вливалъ свои воды. Онъ вступаетъ въ пещеру и приходитъ на берегъ Стикса, откуда Харонъ перевозитъ его въ Тартаръ. Здѣсь Телемакъ видитъ мученія, которымъ подвергаются неблагодарные, клятвопреступники, лицемѣры и злые цари.

[36]) Городъ въ Апуліи, расположенный на горѣ: при подошвѣ ея находилась пещера, въ которую вливался Ахеронъ и которую поэты назвали входомъ въ адъ.

[37]) Озеро или рѣка (Стиксъ), которой ядовитая вода умерщвляла всѣхъ, ее пившихъ.

[38]) Осень.

[39]) Волопасъ, пастухъ.

[40]) Хилый, болѣзненный.

[41]) Костисто, отъ «мосолъ», «мослякъ».

[42]) Недовѣріе, сомнѣніе.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

XXXVI.

ЛОМОНОСОВЪ.

А. ИЗЪ ПЕРЕВОДА ФЕНЕЛОНОВОЙ ОДЫ (1738). ([1]).

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы
Слышу, и дожди шумящы,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

Вы горамъ Ѳракійскимъ равны
Клалъ одну что на другу
Исполинъ отвагой славный
Что бъ взотти небесъ къ верьху ([2]).
Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымаютъ,
Бурей ярость посрамляютъ
Всѣхъ бунтующихъ вѣтровъ.

Какъ на сихъ горахъ червленной
Начинаетъ видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
Скачютъ на лугахъ агнята,
То гдѣ лыва кустовата
По истокамъ вдоль ростіотъ ([3])
Зефіръ древъ верьхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
Спать стада при шумѣ водъ.

Но съ пригожствомъ на угрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Чтобъ я зрилъ очми и думой
Бреги какъ моей рѣки
Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ не смѣютъ устремленны
Вѣтры волнъ когда взбудить.
Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
Непускаютъ зиму жить.

Пустыня, гдѣ быстриною
Стріожъ моей рѣки шумитъ ([4])
Чистой только лишъ водою,
Спѣшно пѣнючись бѣжитъ.
Гдѣ два острова прекрасны
Какъ щастливы вѣтьвми рясны ([5])
Зраку могутъ радость дать
Серце каковой желаетъ:
Лvра что моя незнаетъ
Пѣснь тебѣ Боговъ вспѣвать!

Вѣтръ отъ запада пріятно
Въ нашихъ вѣетъ тихъ лѣсахъ,
И волнуетъ многократно
Желты класы на поляхъ
Полнитъ чемъ Цереса гумна.
Сила Бакхусова шумна
Обагряетъ віноградъ.
Со пригоровъ, что высоки,
Многи льіотъ віна потоки,
На поля тѣ въ низъ бѣжатъ.

В. ИЗЪ ОДЫ НА ВЗЯТІЕ ХОТИНА (1739). ([6]).

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ ([7]),
Ведетъ на верьхъ горы высокой ([8]),
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;

Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключь (9) молчитъ,
Которой завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится (10).
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку (11)!
Пермесскимъ (12) жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верьхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ (13);
Къ Россійской силѣ такъ стремятся
Кругомъ объѣхавъ тьмы Татаръ;
Скрываетъ небо конской паръ!
Чтожъ въ томъ? стремглавѣ безъ душъ валятся.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ?
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы (14),
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрой токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябь,
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь (15),
Что камни съ береговъ здираетъ (16);
Но чтобъ орловъ здержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи равенъ путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ (17) тамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Понтъ трясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для щастливой Анны.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь Татаръ
И путь отворенъ вамъ пространный.

Скрываетъ лучь свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ Татарамъ.
Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю:
Закрой, кричитъ, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ;
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;

Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны ([18])?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны ([19])?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готскимъ ([20]) приплывалъ бре-
гамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу ([21]);
Такъ быстрой конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ Его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ Смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ тутъ Герой;
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечь и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Ужѐ трахнувшись легкій листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстрò ([22]) сквозь воздухъ ядръ летя-
щихъ.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

Вливаясь въ понтъ Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь волнами Турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что ужѐ теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу.
И что земля его носить
Не хочетъ, что ([23]) не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злился,
Какъ Тигръ на Росскій полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

в. Изъ оды въ день рожденія Іоанна III (1741). ([24]).

Нагрѣты нѣжнымъ вòды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты вòлны ([25]),

Скачите нынѣ веселья полны,
Въ берегахъ ([26]) чините веселъ шумъ.
Повсюду вѣйте вѣтры радость,
Въ Невѣ пролейся меда сладость:
Іоанновъ нектаръ пьетъ мой умъ.

Однако нѣтъ, мой предѣлы,
Смущать не смѣйте младой Слухъ.
Холмовъ верхи полночныхъ бѣлы,
Откуду вѣетъ хладной духъ,
Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой Моей Надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣки токъ
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишъ нискoй стихъ журчите.
Умолкни западъ, сѣверъ, встокъ.

Породы Царской Вѣтвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свѣтъ,
Щастливыхъ дней Аврора ясна,
Монархъ, Младенецъ райской Цвѣтъ,
Позволь Твоей рабѣ ([27]) нижайшей
Въ Твой новой годъ пѣть стихъ тишайшей.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь
Съ Парнасскихъ что верьховъ стекаетъ;
Жарчаѣ тѣмъ любовь пылаетъ.
Къ Тебѣ сильняѣ той палюсь.

Цѣлую Васъ Вы щедры Очи,
Небесный въ коихъ блещетъ лучь.
Какъ дни при васъ свѣтлы мнѣ ночи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучь.
Послушны Вамъ стихіи сами.
Пресѣкся вихрей бѣгъ съ громами.
(Коль щастливъ сихъ восходъ Планетъ).
Отъ Васъ мои нагрѣты груди,
И Ваши всѣ подданны люди,
Что просятъ Вамъ нещетныхъ лѣтъ.

Цѣлую Ручки, что въ державѣ
Природа мудра въ свѣтъ дала,
Которы будутъ въ громкой славѣ
Мечемъ страшить и гнать врага.
Отъ теплыхъ ужъ бреговъ Азійскихъ
Вселенной часть до водъ Балтійскихъ
Въ объятіи Вашемъ вся лежитъ.
Лишь только Перстикъ Вашъ погнется,
Народъ бесчисленъ вдругъ зберется,
Готовъ итти куда велитъ.

Вы Ножки, что лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ:
Подданства знаки Вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ.
Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
Прямой покажетъ правда путь;
Васъ храбрость надъ луной поставитъ,
И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
О коихъ нынѣ нигдѣ нечуть ([28]).

Земля пусти таки цвѣточки,
Здивиться Флорѣ чтобъ самой;
Жемчюгабъ чище ихъ листочки,
И златобъ ниже тѣхъ цѣной.
Пріятной духъ дай имъ Цейлоновъ ([29]).
Натура выше встань законовъ,
Родй, что выше силъ твоихъ.
Съ веселіемъ Нимфы тѣ щипліте,
И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплѣтите,
Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.

Господствуй радость ты едина
Надъ Властью толь широкихъ странъ.
Но мышлю, придетъ лишъ година,
Познаешъ какъ что врагъ попранъ
Твоихъ удачьми славныхъ Дѣдовъ,
Что страшны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
Заплачешь какъ Филиппов сынъ,
Ревнивы слёзы будутъ литься.
Но Твой веселіемъ плачь скончится,
Монархъ: то было лишъ починъ.

г. ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА (гл. 38—41). ([30]).

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая

И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:

Збери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ (31)
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь землѝ поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою̀?
Яви премудрость ты свою̀!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчислены тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвинулъ Океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный (32) вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу землѝ тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошолъ ли мо́ря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада̀ ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою (33)
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста?

Стѣсняя вихремъ облакъ (34) мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ (35)
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью (36) взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крі́ла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ (37) видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ
Что я ему на пищу далъ (38).
Толь быстро око тыль создалъ (39)?

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ре́бра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Ты можешь ли Левіаѳана (40)
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечь и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ.

Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.

Когда ко брани устремится;
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ разкаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка;
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

Сіе, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Д. УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ. ([44]).

Ужѐ прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣлà открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись возрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи ([42]) свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ ([43]).
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

Е. ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ (1743). ([44]).

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ([45]) ночь;
Взошла на гòры черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились ([46]) прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числà нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,

Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей бездиѣ углубленъ (47)
Теряюсь, мысльми утомленъ (48)!

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна (49) сила естества.

Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ (50) странъ встаетъ заря (51)!
Не солнцель ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ (52);
Скажите, что насъ такъ (53) мятетъ?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ ефиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажитежъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажитежъ (54), коль великъ Творецъ?

Ж. НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ (1747). (55).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило миру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Душа Ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе Рая.

Когда на тронъ Она вступила
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно (56) тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ ([57]) пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ Лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони,
Своими положилъ судьбами,
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ ([58]) попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чюдился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная ([59]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѐ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ! жестокая судьбина!
Бессмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ ([60]) рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ([61]) ихъ шатался ([62]) путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣлà взглянуть.
Но кроткая Екатерина
Отрада по Петрѣ едина
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась!
Давнобъ Секвана ([63]) постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ брящаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,

И къ щастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкàхъ со всѣхъ сторонъ,
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на гóры превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе (64) златỳ очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой (65),
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И брéги наконецъ теряетъ
Сравнившись морю широтой (66).

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоя́тъ глубокія лѣсà,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ (67);
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ (68).

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запóну (69)
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни прáвилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влáжная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей (70):
Колумбъ Россійскій черезъ вóды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей (71).

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ лѣтаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва (72) ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,

Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Другой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой ([73]) отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою
Противъ Тебя восстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

3. Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Елисаветѣ (1749). ([74]).

1. *Приступъ.*

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, Слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о сладчайшемъ Ея имени ([75]), возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ обильною жатвою ([76]) благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками, едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церьковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоми-

наютъ труды Петровы [77]; индѣ по совершеніи жатвы при собранныхъ безмятежно руконтѣхъ [78] ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели достигая безопаснаго пристанища [79], въ радости волненіе воспоминаютъ, и пестрые знаки празднества надъ колеблющимися водами распростираютъ [80]; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣзжая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показуютъ, коль они готовы :устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть, и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду вожделѣннымъ присудствіемъ всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается и рассѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церьковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи сіяющія [81] видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія Наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное [82]? Начертаннаго въ душахъ нашихъ божественнаго Ея зрака ни горы ни лѣсы закрыть не могутъ [83]. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста повелѣвающія насъ восставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, нещадя своихъ сокровищъ [84]; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предстателю изъ своихъ ближайшихъ [85], есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлому Ея Тезоименитству посвященный [86], въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе, величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но рассудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ

обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой щедротами Ея ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой великодушіемъ Ея укрѣпленный громчае возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превозносея несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ рѣченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово; но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ Ней искреннія ревности приметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путошествія благоговѣнія ради; приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды; приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и предерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе Ея злодѣевъ; приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія; приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость; приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечь на казнь повинныхъ кровію еще необагренный; приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости, и восстановленіе нещастіемъ разворенныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны. Изо всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтельми виноградъ произрасши процвѣтаетъ. Изо всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству неменше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Длятого описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго рассыпанныя стѣны, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго расточенныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго Алексѣя, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь истребленіемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечь свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія

великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я Петра именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечь и Скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ, непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ Его рукою и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившагося Россійскаго Геркулеса на рамена (87) пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощить всю свою силу, неисчисляя подробну, но токмо знатнѣйшія представляя.

2. *Польза наукъ.*

Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣбы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ господнихъ, на высокій славы его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать его величество, премудрость и силу? къ сему отворяетъ Астрономія пространное рукъ его зданіе, весь видимый миръ сей, и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость Физика показуетъ, подая обильную и богатую матѣрію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? сіе ясно показуетъ Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? сіи приводитъ на память Исторія и Стихотворство, которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ; обоими прехвальныя дѣла великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію (88), укрощаетъ человѣческія страсти и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? сіе исполняетъ Философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? обои сіи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ, и знанія внутренняго вещей сложенія? сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умно-

жатся, процвѣтутъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери, прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распростретъ по всей вселенной. Отверста богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ рассыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной Ея Величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными божіими чудесами, подъ Елисаветиною державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою Ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! о коль вожделѣнно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая Императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилѣжно: Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю (89); поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Неописаны еще дѣла Моихъ Предковъ, и невоспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сіе щедрое Ея Величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Невсуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго Ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верьховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ

помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись.

II. ОДА БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ (1750). ([90]).

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Чтожъ се? Діанѣ я прекрасной
Ужѐ послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Ужѐ и купно со денницей
Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
Когда нетщетнымъ сномъ я льщусь!

Престань сомнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Неложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова Дщерь
Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты Муза, лиру пріими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славѣна ([91])
Гордяся пролились струи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ,
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ.
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
Или Петровой Дщери власть ([92]).

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя
Клубится пѣною въ травѣ.
Во храмъ сіяющій металломъ,
Предъ трономъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ, вѣщаетъ, облеченной
Владычицѣ Россійскихъ водъ ([93]).

Рѣка, которой проливаютъ
Великія озѐра дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Который изъ рая течетъ ([94]).

Мои источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ Богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;
Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошствуетъ природа
Искусствомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтьвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Увидѣвъ то, чемъ Индъ пестрится
Обильно при моихъ ключахъ ([95]).

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ зноиной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Гдѣ вѣтьви преклонясь зелены
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводятъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада,
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скаканьемъ поля;
Однако ежель Оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу Богинѣ
Я воды обращу къ вершинѣ,
Речетъ, и къ небу устремлю.

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтьвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной Всадницей гордясь (96)!

Какъ естьли зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковѣрнымъ
Стремленьемъ (97) древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елисавета
Красу приличну небесамъ.

Великія Семирамиды
Рассыпанна окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чемъ Нильскій брегъ отягощенъ,
Хотябы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли;
Вамъ не было бы тажко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь зиждетъ само (98) божество.

Великолѣпными верьхами
Восходятъ храмы къ небесамъ,
Изъ нихъ пресвѣтлыми Очами
Елисаветъ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,
И на единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ Свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой.

О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ Твой далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынѣ (99) Парнасъ,
Какъ Ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ (100)
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу Твоему!

Что дымъ и пепелъ отрыгая,
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Етною рыдая
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ
Безсиленъ (101) тяготу поднять,
Великою покрытъ горою,
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится воестать (102).

Такъ варварство Твоимъ Перуномъ
Ужѐ повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ

Поющихъ музъ Твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой Твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы щастливыя науки!
Прилежны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.

Изъ горъ иссѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата иссуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скипетромъ Дщери соверши.

Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія
Драги сокровища открой,
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу,
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ ([103]);
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты здѣлай вѣчно мастерствомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу Ей
Сіяла новая планета.

Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады Оною спасенны,
И сѣла Ею же блаженны,
Географія, покажи.

Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй:
Чтобъ ратай ([104]) могъ избрати ([105]) время,
Когда земли повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы небоясь погоды,
Съ богатствомъ дальны шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ щастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ мира
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

I. Строфы изъ другихъ одъ.

1. Изъ оды въ день тезоименитства в. к. Петра Өеодоровича (1743). ([106]).

Ужè врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ;
Объемлетъ мягкій лугъ крилами;
Крутится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный илъ;
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

Но о небесъ пресвѣтло око,
Веселыхъ дней прекрасный Царь!
Какъ наша радость, встань высоко,

Пролей чистѣйшій лучь на тварь,
Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпенъ миру
И въ новомъ блескѣ вознесись
Въ златую сѣдши колесницу,
Въ зенитъ вступи, прошедъ границу,
Позднѣе въ [107] Океанъ спустись.

2. Изъ оды на день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы (1746). [108].

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

3. Изъ оды Императрицѣ Екатеринѣ II (1762). [109].

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте,
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
И у святаго олтаря.

ж. НАДПИСИ.

1. Къ статуѣ Петра Великаго. [110].

Се образъ изваянъ премудраго Героя,
Что ради подданныхъ лишивъ Себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утверждилъ,
Рожденны къ Скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки [111].
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ збиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ супостатовъ;
И словомъ се есть Петръ отечества Отецъ;
Земное-божество Россія почитаетъ,
И столько олтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть Ему обязанныхъ сердецъ.

2. Къ той-же.

Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ,
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ сей градъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги Геройски.

3. На спускъ корабля: Св. Александръ Невскій (1749).

Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину збѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь, въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ великаго Петра мы не имѣли.

4. На спускъ корабля: Іоаннъ Златоустый (1751). [112].

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса:

Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
Петрова Дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
И именемъ твоимъ все море наполняетъ.
Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
Греми противъ Ея завистливыхъ враговъ,
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами,
Но пламенными впредь звучи въ водахъ словами.

Л. Изъ программы физики (1750). ([113]).

Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ, и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ; когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаньемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю, то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ, есть чудное и духъ восхищающее увеселеніе. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви и руку господина своего ужѐ къ себѣ привлекающіе, есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда. Собирать полныя рукоятія ([114]) благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою, и тѣми наполнять гу́мна и житницы свои, вожделѣнное и безопасностію огражденное есть удовольствіе. Но вышшее всего и сердце и умъ нашъ къ небу возводящее спасительное есть дѣло, представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей, на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить его щедротѣ.

Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя, и которыми, можетъ быть, и нынѣ нѣкоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь пріятны, вожделѣнны, полезны и святы; однако могутъ приведены быть въ несравненно вышшее достоинство; чего должно искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимной союзъ и самую причину движенія: не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству, и хвалитъ самаго ма́стера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшней видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ кто знаетъ сво́йства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла̀, изслѣдовалъ расположеніе о́ргановъ и движенія законы; натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленныя отъ зимняго хладу древа̀ весною паки оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры,

дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи, и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ, и прочія удивительныя дѣйствія производитъ: коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только на внѣшней видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ ([115]). Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ, въ гражданскихъ или домостроительскихъ предпріятіяхъ въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ оканчиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей ([116]). Но кто притомъ представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ, и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе; тотъ не токмо легкими крылами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе приходитъ ([117]).

м. Изъ слова о пользѣ химіи (1751). ([118]).

1. *Вступленіе.*

Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, Слушатели, не нахожу того совершеннѣе, какъ ежели кто пріятными и безпорочными трудами пользу приноситъ. Ничто на землѝ смертному вышше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ; которое никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце; и умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое пріятное, безпорочное и полезное упражненіе гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогащающійся никого не обидитъ: за тѣмъ что неистощимое и всѣмъ обще предлежащее сокровище себѣ пріобрѣтаетъ. Въ немъ труды свой полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ. Все сіе коль справедливо, и коль много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе Европейскихъ жителей, снесенное ([119]) со скитающимися въ степяхъ Американскихъ. Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ: другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды раждаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ; но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числà перстовъ своихъ въ счотѣ происходить не умѣетъ: другой не токмо черезъ величину тягость безъ вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на землѝ неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе, и на всякое мгновеніе óка перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни, или

краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ: другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти бесчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ; но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ. Одинъ думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ: другой представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу. Поставьте человѣка листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣянномъ златотканными одеждами, и украшенномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней, поставьте поднимающаго съ земли случившейся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при снабдѣнномъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ, и молніи и грому подражающими махинами. Поставьте за востроватымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ пòтомъ едва претирающаго, при употребляющемъ сильныя и хитросложенныя махины, къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Возрите мысленными очами вашими на пловущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его же самого бѣгущемъ, и вмѣсто вожда камень по водамъ имѣющемъ: не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ бессловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приноситъ ученіе пользу; толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ; толь пріятно есть красоты его наслажденіе!

2. *Заключеніе.*

Великое благодареніе Всевышнему человѣческій родъ воздавать долженъ, за дарованную ему къ толикимъ знаніямъ способность.

Бóльшее того приносить должна Европа, которая паче всѣхъ таковыми его дарами наслаждается, и тѣми отличается отъ протчихъ народовъ.

Но коль горячаго усердія жертву полагать на олтарь его долженствуетъ Россія, что онъ въ самое тое время, когда науки послѣ мрачности вáрварскихъ вѣковъ паки воссіяли, воздвигнулъ въ ней премудраго Героя, Великаго Петра, истиннаго Отца отечеству.

Которой удаленную отъ свѣтлости ученія Россію принялъ мужественною рукою; и окруженъ со всѣхъ сторонъ внутренними и внѣшними сопостатами, дарованною себѣ отъ Бога крѣпостію покрывался, разрушилъ всѣ препятства, и на пути яснаго познанія оную поставилъ.

И по окончаніи тяжкихъ трудовъ военныхъ, по укрѣпленіи со всѣхъ сторонъ безопасности цѣлаго отечества, первое имѣлъ о томъ попеченіе, что бы основать, утвердить и размножить въ немъ науки.

Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего Мужа на земли видѣли!

Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ Нимъ за Него и за отечество проливали, и которыхъ Онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными Своими устами!

II. Изъ письма къ Шувалову о пользѣ стекла (1752). (¹³⁰).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,

Которые Стекло чтутъ ниже Минераловъ
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза.
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той ([121]) съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ Тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но Стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разжженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть;
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь Стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!

Одно лишь намъ Стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя рукй
Подáть намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ Стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій Китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей оно коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Ужè въ Стеклѣ намъ Барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ,
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

7. ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ (122).

1. (123).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для

наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ ([124]), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, не льзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться! послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ беспечальны; а тѣ которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, я помнилибъ, что музы.... кого хотятъ того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Боила ([125]), которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа ([126]), которой лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячь и сверхъ того баронство; Слоана ([127]), въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее дватцать тысячь фунтовъ Штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михайло Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Маія 10 дня 1753 года.

2. ([128]).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ щастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не

какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ щастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истинну) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знатолей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и на конецъ ужѐ не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до електрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число тогоже мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ електрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ Профессоромъ Рихманомъ, онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію ([129]), то оная уже нарочито далече и въ концѣ Октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а писменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году писменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и Исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только

что путное родилось. Въ протчемъ удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что для дѣланія себѣ Електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга Маія 31 дня 1753 года.

3. (130).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что господина Профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ тоже самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку Електрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ Електрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ беспрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойной Профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а при томъ и Електрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: Профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной страсти (131), какъ силъ было много, пріѣхавъ я увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ

я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первой ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая Електрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожжонъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что Електрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей Профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивой государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтимъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и Вашего Превосходительства всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ Михайла Ломоносова.

С. Петербургъ 26 Іюля 1753 года.

II. Изъ похвальнаго слова Петру Великому (1755). ([132]).

1. Предложеніе предмета Слова и раздѣленіе.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями; давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего Основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ Героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами, соединить искренностію украшенное слово: нежели молчать между толикими празднественными восклицаніями; наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и гóлоса, должно употребить или паче истощить на похвалу нашего Героя. Сіе предпринимая откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли Его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизсчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ Геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннагó? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо пред-

ставляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые славою Его движемы во срѣтеніе стекались, и дѣламъ Его соотвѣтствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа прійму начáло? Не доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго не возможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ нихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начáло, нежели конца достигнуть; и что великій сей Мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ; естьли бы только исчислить возможно было ([133]).

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣлà Его упомянемъ; потóмъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ спосиѣшествовавшія.

2. *Устройство флота*.

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ вóды взоръ нашъ, Слушатели; посмотримъ тамъ дѣлà Господня, и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя, и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя прістани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ вóлны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверьхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ: индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы Россійской ([134]); индѣ другой Тифисъ ([135]) между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ прѐвысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ Лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ вóлны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, есть ли бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло, въ отдаленной древности приключилось, и не былобъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не льзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства, и ра-

боты испыталъ, собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя рýки могли упраздниться. Съ того самаго времени, кóгда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ кѣ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя рассматривая увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присудствіи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой салдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начáла на малыхъ водахъ Московскихъ, потóмъ на большей ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго мóря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы между простыми работниками въ чужой землѝ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу приключившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ здѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла ужè удовольствовать Его глубокаго понятія. Потóмъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россіянинъ; но самъ толь великаго государства Обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы рýки ([136]). Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ; но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки; я къ вамъ обращаюсь щастливые береги, освященныя Петровыми стопами и потóмъ Его орошенныя. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады. Коль чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ, наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду

приближались! Когда неусыпный ихъ Основатель и Строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ Собою; но и безчувственному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему Флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превозходенъ на землѝ, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великій нашъ Защитникъ!

3. Дѣятельность Петра.—Заключеніе.

За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ Своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присудствіи дѣлà вершили. Различныя художества не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ Его путешествія или лутче быстропарящія лѣтанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, ужѐ чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей Его скрылся на водахъ Азовскихъ, ужѐ шумятъ уступающія ему Каспійскія вòлны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная ([137]), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба ([138]), Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ ([139]) и протчія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите? я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между бесчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ Обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, ужè великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума ([140]). Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Марцеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ здѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю ([141]).

За великія къ отечеству заслуги названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ Ему титулъ. Скажите, какъ Его назовемъ за-то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, Которая на Отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями Своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слёзы, за воздыханіе, которыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и Потомствомъ.

А ты великая Душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ Наслѣдникъ; Правнукъ по желанію нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше нежели всѣ силы наши!

P. ИЗЪ СЛОВА О ПРОИСХОЖДЕНІИ СВѢТА (1756). ([142])

Испытаніе натуры трудно, Слушатели, однако пріятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной

простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды, для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ. Небеса повѣдаютъ славу Божію. Селеніе свое положилъ онъ въ солнцѣ: то есть, въ немъ сіяніе божества своего показалъ яснѣе, нежели въ другихъ тваряхъ. Оно по неизмѣримой обширности всемірнаго строенія, за далечайшія планеты сіяетъ беспрестанно, распростирая, превосходящею мечтаніе человѣческое скоростію, непонятное лучей множество. Сіи беспрестанные и молній несравненно быстрѣйшіе, но кроткіе и благопріятные вѣстники Творческаго о протчихъ тваряхъ промысла, освѣщая, согрѣвая и оживляя оныя, не токмо въ человѣческомъ разумѣ, но и въ бессловесныхъ, кажется, животныхъ возбуждаютъ нѣкоторое божественное воображеніе. Чтожъ о таковомъ безмѣрномъ свѣта Океанѣ представлять себѣ тѣ должны, которые во внутреннее натуры святилище взираютъ любопытнымъ окомъ, и посредствомъ тогоже свѣта бóльшую часть другихъ естественныхъ таинствъ усердствуютъ постигнуть? Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенныя. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли, и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи, и въ чистое небо далече проникли. Но какъ чувственное око прямо на солнце смотрѣть не можетъ; такъ и зрѣніе разсужденія притупляется, изслѣдуя причины происхожденія Свѣта и раздѣленія его на разные Цвѣты. Чтожъ намъ, оставить ли надежду? отступить ли отъ труда? отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ? никакъ! развѣ явиться желаемъ нерадивыми, и подвига толикихъ въ испытаніи натуры Героевъ недостойными? Посмотримъ, коль великую громаду матерій на сіе дѣло они собрали; или какъ о древнихъ сказываютъ исполинахъ, гору великую воздвигли, дерзая приближиться къ источнику толикаго сіянія, толикаго Цвѣтовъ великолѣпія. Взойдемъ на высоту за ними безъ страха; наступимъ на сильныя ихъ плечи, и поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ сколько возможно остроумія и разсужденія очи для испытанія причинъ происхожденія Свѣта и раздѣленія его на разные Цвѣты.

с. Изъ слова о рожденіи металловъ (1757). [148].

Когда ужасныя дѣлà натуры въ мысляхъ ни обращаю, Слушатели; думать всегда принужденъ бываю, что нѣтъ ни единаго изъ нихъ толь страшнаго, нѣтъ ни единаго толь опаснаго и вреднаго, которое бы купно пользы и услажденія не приносило. Божественнымъ нѣкоторымъ промысломъ присовокуплены пріятнымъ вещамъ противныя быть кажутся: дабы мы разсуждая о противныхъ, бóльшее услажденіе чувствовали въ употребленіи пріятныхъ. Ужасаемся волнъ кипящаго моря; но вѣтры, которыми оное обуревается, нагруженные богатствомъ корабли къ желаемымъ берегамъ приносятъ. Несносна многимъ здѣшней зимы строгость, и намъ самимъ не рѣдко тягостна; однако ею удерживаются зараженные повѣтріемъ куренія; ядовитые соки и угрызенія тупѣютъ. Хотяжъ часто сокровенны передъ нами бываютъ отъ противныхъ вещей происшедшія угодія, которыми пользуемся въ жизни нашей; однако они подлинны и велики. Такъ черезъ многіе вѣки трепетъ одинъ токмо наносили громы человѣческому

роду, и не иначе какъ токмо бичь раздраженнаго Божества всѣхъ устрашали. Но счастливые новыми естественныхъ таинъ откровеніями дни наши сіе дали намъ не давно утѣшеніе, что мы большее изліяніе щедроты, нежели гнѣва небеснаго отъ оныхъ черезъ Физику уразумѣли. Наги бы стояли поля и горы, древъ и травъ великолѣпія, красоты цвѣтовъ, и плодовъ изобилія лишенны; желтѣющія нивы движеніемъ класовъ не увѣряли бы сельскихъ людей надеждою полныхъ житницъ; всѣхъ бы сихъ довольствій намъ не доставало, когда бы громовою електрическою силою наполненныя тучи продолжительное растущихъ прозябеніе плодоносньімъ дождемъ, и яко бы нѣкоторымъ одушевляющимъ дыханіемъ не оживляли. Истинна сего дѣла (которое издревле престарѣлымъ земледѣльцамъ, хотя и не ясно, однако ужѐ на мысль приходило) дѣйствіемъ електрической силы, рукою рачительныхъ натуры испытателей произведенной, чрезъ ускореніе ращенія травъ, такъ изъяснена и доказана, что нѣтъ больше мѣста ни единому сомнѣнію.

И такъ когда откровеніемъ естественныхъ таинъ сіяетъ такое просвѣщеніе къ великому нашему утѣшенію и радости, а особливо гдѣ прежде чрезъ закрытіе происходящія пріятности, едино обращалось предъ нами противнаго изображеніе: того ради за весьма полезно быть рассудилось, что бы новымъ доказательствомъ присовокупить по силѣ моей новую сей правдѣ важность.

Видѣли мы, Слушатели, превеликое въ нѣдрахъ земныхъ огня множество, и нужное къ его питанію сѣры изобиліе, довольное къ земному трясенію и къ произведенію перемѣнъ великихъ; бѣдственныхъ, но и полезныхъ; страшныхъ, но и услажденіе приносящихъ. Уразумѣли мы, что поглощенныя животныхъ и прозябающихъ тѣлъ части служатъ къ рожденію металловъ, коихъ красоту къ великолѣпію, твердость къ долговѣчности, жестокость къ защищенію служащія себѣ представляемъ. Но обращается въ мысляхъ вашихъ ужасной видъ трясущагося лица земнаго! Отвратите, отвратите отъ того мысленныя очи ваши, и сверьхъ металловъ прилѣжно разсмотрите воздвигнутыя трясеніемъ горы съ прохлаждающими и врачующими насъ источниками, изъ нихъ протекающими, собирающимися въ рѣки къ напоенію насъ и служащихъ намъ животныхъ, и къ сообщенію многоразличныхъ человѣческаго рода потребностей. Посмотрите на благословенное свое Отечество, и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Не Алпійскими или Пиринейскими суровыми верьхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верьхней Атмосферѣ возвышены; нижѐ глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши: но пологія возвышенія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя при томъ Металловъ, распростираются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испускающими, растерзанное; но зелѣнѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенныхъ дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которые едва когда у насъ слыханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся. О коль блаженна сими свойствами Россія!

т. Изъ поэмы: Петръ Великій.
(1760). (***).

Пою премудраго Россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,

Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И миръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
Къ тебѣ я вопію, Премудрость бесконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полнымъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ Отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на Его примѣръ и на дѣлà велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,
Познáютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой.
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ снабдитъ,
Велика Дщерь Его щедротой оживитъ.

Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Востокъ
Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
. . . .
Но промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
Ржетъ, пышетъ, отъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
Однако доскакавъ до высоты крутыя,
Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, льетъ токи потовые:
Такъ сѣверъ укротясь впослѣдни востеналъ,
По усталымъ валамъ понтъ пѣну растилалъ;
Изчезли облакà; сквозь воздухъ въ югѣ чистый,
Открылись два холма и береги лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ беспокойныхъ водъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лицà горящаго не скрыло,
Какъ пламенна горà казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
Отъ сѣвера стадà морскихъ приходятъ чудъ
И воду вихрями крутятъ, и къ верьху бьютъ,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двигнулся къ Петру, ошибкою повинный,

Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосягаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
Между высокими каменистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями,
Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
На томъ сего Царя ([146]) палаты и престолъ.
Столпы округъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы:
Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межь тучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря,
Палаты изъ одной иссѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь;
На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ Царь.
Въ заливы, въ океанъ десницу простираетъ,
Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
Одежда царская Порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
Ни мразы, ни Борей туда не досягаютъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницаютъ.
Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ;
Воздвигли радостной морскія птицы кликъ.

7. Письмо къ Шувалову (1761). ([illegible])

Милостивый Государь Иванъ Ивановичь!

Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы сами не ради. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другово не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое рифмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера ([147]) для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій; а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ ни коимъ образомъ не могу, испытавъ черезъ многіе случаи, и зная, каково въ крапиву.... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться; я полагаюсь на помощь Всевышняго, Которой мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить Отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчіе дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающей и искусной, пускай дѣлаетъ пользу Отечеству,

я по моему малому таланту тамъ же готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, которой всѣ протчія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу; но ниже у самого Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякову вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти; постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы Отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ справедливаго отвѣта съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Высокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

1761 года Генваря 19 дня.

Ф. СОГЛАСІЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ СЪ РЕЛИГІЕЮ. (1761). ([148]).

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ, и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгой вѣкъ о имени Астрономіи не слыхали; да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе, ничѣмъ какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится; безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе, за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакова понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется Астроному, какъ пустому верьхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его превышаетъ, человѣка себѣ, подобно сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, естьли бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію.

Читая здѣсь о великой Атмосферѣ около помянутой планеты ([149]), скажетъ кто: подумать де можно, что въ ней потому и пары возходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожжи, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря; произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія; ими питаются животныя. И сіе де подобно Коперниковой системѣ: противно де закону.

Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобной споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10 стихъ 12, въ точномъ грамматиче-

скомъ разумѣ, и по тому хотятъ доказать, что земля стоитъ.

Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ Христіанскихъ учителей. Древніе Астрономы еще за долго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ признавалъ дневное земли около своей оси обращеніе; Филолай годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако Еллинскіе Жрецы и суевѣры тому противились, и правду на много вѣковъ погасили. Первой Клеантъ нѣкто доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую Богиню Весту, всея земли содержательницу; дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ Нимфъ, Боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало Астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться; хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла ([150]). Между тѣмъ Астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ Механикою и Геометріею прекословящіе пути планетамъ. Циклы и Епициклы (круги и побочные круги) (*). Коперникъ возобновилъ на конецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ Астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе Математики и Астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земпостоятельной системѣ отнюдь достигнуть не возможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ Физическое ученіе; но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ Астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями; и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громчае его прославляемъ.

Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть Грамматическимъ, но не рѣдко и Риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ Святый Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ, и въ бесѣдахъ своихъ на Шестодневникъ ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ Библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о земли обще пишетъ: «Аще когда во псалмѣхъ услышиши: азъ утвердихъ столпы ея; содержательную тоя силу столпы речени быти возмни» (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіе: «и рече Богъ», и другія, слѣдующее объявляетъ: «Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты?» (бесѣда 2). Явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3) тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: «Въ про-

(*) Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ, какъ слѣдующій:

Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь вкругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ; другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

клятствѣ, израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно. Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ.» Упоминающіяся часто въ библіи Божія чувства толкуя, такъ пишетъ: «И видѣ Богъ яко добро: не само тое утѣшенное нѣкое зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очима бо зритъ доброты зданія Творецъ, но неизглаголанною премудростію видитъ бывающая». Не довольно ли здѣсь Великій и Святый сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради Метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть не сходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного всевышняго Родителя, никогда между собою въ разпрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какова способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви. Которому согласуясь, Дамаскинъ Святый, глубокомысленный Богословъ и высокій священный Стихотворецъ (въ опасномъ изданіи православныя вѣры, кн. 2, гл. 6); ибо упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: «Обаче аще же тако, аще же инако; вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася,» то есть: Физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію, и вѣрѣ не вредны. То же и въ слѣдующихъ утверждаетъ: «Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, заеже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя, воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса прияти возхощеши; ничтоже же слову истинны враждаетъ,» то есть, хотя кто и древнія Еллинскія мнѣнія о седьми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій о возможности многихъ міровъ разсуждая пишетъ: «Яко бо скудельникъ отъ того же художества тлѣнныя создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего Содѣтель не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превозходящую, мгновеніемъ хотѣнія единѣмъ воеже быти приведе величества видимыхъ».

Такъ сіи великіе Свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались: соединяя его снисканіе съ богодуховенными размышленіями въ одиѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ Астрономіи. О естьли бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія Астрономическія орудія, и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ Астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превозходящихъ; естьли бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями; какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превозходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные Святые Риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ, ежели де на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросной. Въ Южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, такъ же и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями

отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть поѣдетъ для тогожъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. «Многи пути ко спасенію. Многи обители суть на небесѣхъ.»

При всемъ семъ Христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ Пророческихъ и Апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церьковные Учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, Физики, Математики, Астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ Пророки, Апостолы и церьковные учители. Не здраво разсудителенъ Математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и Богословіи учитель, естьли онъ думаетъ, что по Псалтирѣ научиться можно Астрономіи или Химіи.

Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣнія, изъискиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не только изъ Еллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ Христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ (151) о паденіи Руфиновѣ (152) объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ, для познанія Божества.

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду (153) все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ?
Однако посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя ни имѣло, Христіянскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога

знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключатся (бесѣда 6 о бытіи свѣтилъ): «Аще симъ научимся: себе самыя познаемъ, Бога познаемъ, создавшему поклонимся, Владыцѣ поработаемъ, Отца прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашея насущія и будущія поклоняющеся не престанемъ.

X. О РАЗМНОЖЕНІИ И СОХРАНЕНІИ РОССІЙСКАГО НАРОДА (ПИСЬМО КЪ И. И. ШУВАЛОВУ (1761 г.). ([184]).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго Отечества, въ уповаіи, можетъ быть найдется въ нихъ что нибудь къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что Вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приведено быть можетъ. Всѣ оныя по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли, подведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы:

1. О размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа.

2. О истребленіи праздности.

3. О исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи.

4. О исправленіи земледѣлія.

5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6. О лучшихъ пользахъ купечества.

7. О лучшей государственной экономіи.

8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.

Сіи толь важныя главы требуютъ убркаго разсужденія, долговременнаго въ государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію, и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство. И такъ, М. Г., извините мою дерзость, что не имѣя къ тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени, только изъ усердія, которое мнѣ непозволяетъ ничего (хотя бы только и по видимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего Государства, а не въ обширности тщетной—безъ обитателей. Божественное дѣло, и милосердыя и человѣколюбивыя нашея Монархини кроткаго сердца достойное дѣло, избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ Ея Матерински Высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно.

Смертямъ отъ болѣзни слѣдуютъ насильственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е. морозыя язвы, пожары, потопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оныя состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства, и для того лучшіе должно выбравъ изъ авторовъ, сочинить Медицынскому Факультету книжку, и нанеча-

тавъ распродать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скотъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіеся люди отъ астрономовъ, и могутъ предостеречься не выпуская скота изъ дому и не давая травы того дня снятой; такъ въ другихъ государствахъ остерегаются два или три дни послѣ, и сами никакихъ плодовъ въ то время не снимаютъ и не употребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затмѣнія падаютъ ядовитыя росы. Главная причина быть кажется, по моему мнѣнію, что во время затмѣнія закрывается солнце луною, такимъ же тѣломъ, какъ и земля наша, пресѣкается электрическая сила, которую солнце на всѣ растенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ ночью спящихъ и тоже страждущихъ въ солнечное затмѣніе. Время научитъ, сколько можетъ электрическая сила дѣйствовать въ разсужденіи повѣтрія. Затмѣнія во всемъ государствѣ не знаютъ и для того надобно заблаговременно публиковать, и что требуется, повелѣть указами, по примѣру, какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти служитъ предосторожность о утоленіи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ о лучшей государственной экономіи. Потопленія суть двояки: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вешней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлается отъ одной лѣности, чтобъ вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко, однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и люди и цѣлые домы неприступной ледъ несетъ въ отчаяніи всякаго спасенія. Вторыхъ потопленіе ничѣмъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить чрезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ о истребленіи праздности предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

Не малой ущербъ причиняется народу убійствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки происходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничѣмъ, какъ межеваніемъ, утушить не можно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики; однако черезъ то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшіе и сильнѣйшіе къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилостивѣйшей славнѣе и притомъ любезнѣе, за тѣмъ, что онъ дѣйствіе свое возъимѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ. При деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи пограбленныхъ пожитковъ: и такъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться, незанадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай перебрать по одиначкѣ и ловить ихъ часто. Всевожделенной и долговременной покой внутри нашего отечества чрезъ полтора-

ста лѣтъ, въ кое время послѣ разоренія отъ Поляковъ не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ полисадниковъ, или тыновъ не имѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географическіе вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ Указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію ([155]). Кромѣ того, что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши безпорядочные города, или лучше сказать почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжищу, и также могутъ закрыться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше, нежели въ деревнѣ, за тѣмъ что городъ больше, и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестанно отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когдажъ бы Всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было, всѣ Россійскіе города, у коихъ огражденіе рушилось, или его и не было, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ полисадникомъ, и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, такъ, чтобы ряды и лавки были внутри огражденія, то бы ворамъ провозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно, и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели вмѣстѣ со всѣхъ сторонъ отворенныхъ, а разбойникъ можетъ быть въ воротахъ скорѣе примѣченъ, который не продавъ грабленныхъ вещей, корысти не получитъ. Сверхъ сего въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ Ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прохожихъ воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ, или въ другое безопасное мѣсто и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб., изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, эсаула, также и за поиманіе и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб.—Сіе хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальномъ разстояніи, однако многія мѣста есть въ Россіи глухія на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безпашпортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги ([156]), которая на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ немалая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, не спрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ граждан-

скія права, учредить Ратуши и воеводствы, и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить не токмо для общей безопасности и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особливой славѣ Всемилостивѣйшей нашей Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и состроительницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.

Переставая говорить о потерѣ Россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убійствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу, и тѣмъ лишается подданныхъ Россійская Корона. Подлинно, что расположивъ предосторожности на рубежѣ Литовскомъ, однако толь великой скважины силою совершенно заперетъ невозможно: лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. И такъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатскіе наборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ Россійскихъ людей на Вѣтку ([157]): находящихся тамъ бѣглецовъ не можно ли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ ([158]). А впредь могутъ служить способы, кои представятся о исправленіи нравовъ и о большемъ просвѣщеніи народа.

Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ не токмо одинокихъ людей, но и цѣлыя раззоренныя семейства, оставлять свое отечество и искать мѣстъ отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе Великой нашей Монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлыя народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію. Условія, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.

[1]) «Ода, которую сочинялъ Господинъ Франціскъ де Салиньякъ Деля Мотта Фенелонъ, Архіепіскопъ Дюкъ Камбрейскій, Священныя Римскія Имперіи Прінцъ». Когда Академія Наукъ, въ 1736 г., при президентѣ баронѣ Корфѣ, отправила въ чужіе краи Райзера, Ломоносова и Виноградова; то инструкціею, данною имъ 16-го августа того же года, вмѣнила имъ въ обязанность, сверхъ наукъ, заниматься языками: латинскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, и рисованьемъ, не оставляя упражненій и въ русскомъ языкѣ. Они должны были чрезъ каждые полгода доносить Академіи о занятіяхъ своихъ. На основаніи этой инструкціи, въ донесеніи Ломоносова, отъ 15-го октября 1738 г., изъ Марбурга, заключается:

а) Рапортъ, на нѣм. языкѣ, о томъ, что Ломоносовъ, въ предъидущее полугодіе, слушалъ у Христіана Вольфа лекціи умозрительной и опытной физики, логики и метафизики; химію продолжалъ заниматься по сочиненіямъ Бургава, Сталя и Стобеля. Упражнялся также въ рисованіи.

б) Опытъ ученой диссертаціи на лат. яз., подъ заглавіемъ: Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente.

в) Русскій переводъ съ французскимъ подлинникомъ Фенелоновой оды, въ которой знаменитый духовный витія временъ Лудовика XIV воспѣваетъ счастіе уединенной сельской жизни, вдали отъ суетъ свѣта, подъ безмятежнымъ и усладительнымъ кровомъ музъ, награждающихъ насъ душевнымъ спокойствіемъ и самодовольствомъ. Ода эта (къ аббату Ланжерону, другу Фенелона) написана въ 1681 г., во время пребыванія Фенелона въ Перигорѣ, у дяди его епископа сарлатскаго, который передъ тѣмъ временемъ далъ ему пріорство карнакское. Она состоитъ изъ 14 строфъ, и каждая строфа изъ 10 стиховъ. Ломоносовъ перевелъ ее четырехстопными хореями; въ переводѣ его тоже количество строфъ и стиховъ. Академія Наукъ при-

несла въ даръ Московскому Университету, по случаю столѣтняго его юбилея (1855), великолѣпное изданіе этой, первой по времени, оды Ломоносова, съ портретомъ автора и fac simile, и съ французскимъ ея подлинникомъ, сохранивъ всѣ особенности правописанія. (См. Примѣчаніе, приложенное къ этому изданію; также статью г. Куника: «Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 г., переведенной Ломоносовымъ», въ Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. III., вып. 2).

Для сличенія перевода съ подлинникомъ, прилагаемъ изъ послѣдняго первыя три строфы:

Montagnes de qui l'audace
Va porter jusques aux Cieux
Un front d'éternelle glacé,
Soutien du séjour des Dieux:
Dessous vos têtes chenues
Je cueille au dessus des nues
Toutes les fleurs du Printems;
A mes pieds contre la terre
J'entends gronder le tonnerre
Et tomber mille torrens.

Semblables aux monts de Thrace,
Qu' un Géant audacieux
Sur les autres monts entasse
Pour escalader les Cieux;
Vos sommets sont des Campagnes
Qui portent d'autres montagnes
Et s'elevans par degrez,
De leurs orgueilleuses têtes
Vont affronter les tempêtes
De tous les vents conjurez.

Dès que la vermeille Aurore
De ses feux étincelans
Ces vertes montagnes dore,
Les tendres agneaux bêlans
Errent dans les pâturages;
Bientôt les sombres bocages
Plantés le long des ruisseaux
Et que les Zephirs agitent,
Bergers et troupeaux invitent
A dormir au bruit des eaux.

²) Подобное говоритъ Ломоносовъ въ одѣ въ день рожденія Іоанна III:

Что сердце такъ мое пронзаетъ?
Не дерзкъ ли то гигантъ шумитъ?
Не горы ль съ мѣстъ своихъ толкаетъ?
Холмы сорвавши въ твердь разитъ!
Края небесъ уже трясутся!
Пути обычны звѣздъ мятутся!
Никакъ ярится Антей злой!
Не Пиндъ ли онъ на Оссу ставитъ? и пр.

(Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. 3, вып. 2., стр. 273).

³) Въ подлинникѣ:

Bientôt les sombres bocages
Plantés le long des ruisseaux.

«Лыва» – густой и частый лѣсъ, выросшій на болотѣ. Въ одѣ на взятіе Хотина: «изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ».

⁴) Въ подлин.:

Solitude où la rivière
Ne laisse entendre aucun bruit.

«Стрёжъ», «стреженъ» — рѣчная струя, быстрина.

⁵) Въ подлин.:

Où deux iles fortunées
Des rameaux verts couronnées.

«Рясны (ряснa)» — женское украшеніе, состоявшее изъ золота и дорогихъ каменьевъ.

⁶) «Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова, книга перьвая» Спб. 1751. Хотинъ сдался Миниху, послѣ пораженія Турокъ при мѣстечкѣ Ставучанахъ (28 августа 1739г.). Ода начинается выраженіемъ восторга, внушаемаго важнымъ событіемъ; потомъ слѣдуетъ описаніе битвы Русскихъ съ Турками и Татарами и пораженія враговъ нашихъ; далѣе представляются униженіе Порты и слава Россіи въ царствованіе Анны.

⁷) Обычное начало торжественныхъ одъ, состоящее въ выраженіи лирическаго восторга. Ломоносовъ, какъ и многіе другіе стихотворцы, употребилъ здѣсь искуственный пріемъ. У Буало, въ одѣ на взятіе Намура, читаемъ:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd' hui me fait la loi?

Сличи также оду Тред-го на взятіе Гданска.

⁸) Пиндъ, посвященный древними поэтами Аполлону и Музамъ.

⁹) Кастальскій источникъ.

¹⁰) Варіантъ, въ Риторикѣ Лом—ва:

Что межъ травой въ лугу журчитъ
И въ низъ съ холмовъ шумя стремится.

¹¹) У Буало:

Chastes nymphes du Permesse,
N'est-ce pas vous que je vois?

Сличи также съ одой на взятіе Гданска.

¹²) Отъ рѣки Пермесса (въ Віотіи), вытекающей изъ горы Геликона. Воды ея сообщали вдохновеніе поэтамъ.

¹³) Стихъ этотъ повторенъ въ «Подражаніи Іову».

¹⁴) Агари (отсюда Агаряне).

¹⁵) Т. е. графъ, Стамбулъ, за холмами, за Тигромъ....

¹⁶) Т. е. Тигръ, который теченіемъ своимъ уноситъ съ береговъ камни.

¹⁷) Вар: «Доступать».

¹⁸) Стѣны Азова, взятаго Петромъ I.

¹⁹) Походъ Петра въ Персію.

²⁰) Шведскимъ.

²¹) Варіантъ, въ Риторикѣ:

Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?

Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу.

[22]) Сумароковъ, въ критическихъ замѣткахъ на оды Ломоносова, упрекаетъ его въ перемѣнѣ ударенія (*быстрó* вм. *бытро*). Разсказываютъ, что Ломоносовъ отвѣчалъ Сумарокову на такое замѣчаніе: «быстро или быстрò, однако это ничуть не бóстро и не острò».

[23]) Которую.

[24]) «Ода, которую въ торжественный праздникъ высокаго рожденія Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Великаго Государя Іоанна Третіяго, Императора и Самодержца Всероссійскаго 1741 Августа 12 дня веселящаяся Россія приноситъ». Она помѣщена, съ подписью Л., въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» за 1741 г. и перепечатана въ «Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд. (т. III, вып. 2)». Предметомъ ея служитъ изъявленіе радости въ день рожденія Іоанна Антоновича и надеждъ, возбуждаемыхъ малолѣтнымъ государемъ, «ясною Авророю счастливыхъ дней». Какъ по тону и внѣшней постройкѣ, такъ по содержанію и выраженію, стихотвореніе это имѣетъ много общаго съ переводомъ Фенелоновой оды и съ одою на взятіе Хотина.

[25]) Въ перев. Фенелоновой оды:
Льдомъ покрыты безпремѣнно.

[26]) Вм. «брегахъ», какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ, нарушающихъ мѣру стиха: въ объятіи, съ веселіемъ (вм. въ объятьи, съ весельемъ).

[27]) Вм. рабу, какъ «поступка» вм. поступокъ, «ужина» вм. ужинъ.

[28]) Не чуютъ: «Иль сердцемъ не чулъ ты?» (Рыбаки, идиллія Гнѣдича).

[29]) Т. е.: произведи на сѣверѣ такіе цвѣты, которые красотой и запахомъ равнялись бы съ цвѣтами странъ южныхъ, растущими на прим. на островѣ Цейлонѣ.

[30]) «Собр. сочиненій, 1751 г.» Ломоносовъ не держался въ точности подлинника, но дозволялъ себѣ болѣе свободную передачу содержанія. Такъ переданы имъ не всѣ, а нѣкоторые только предметы природы, возвѣщающей всемогущество и премудрость Создателя: онъ опустилъ изображенія дикаго осла, страуса, коня. Первая и послѣдняя строфы прибавлены, какъ обращеніе къ человѣку, въ несчастіи ропщущему на Бога, и поученіе ему же, выведенное изъ рѣчи Божіей къ Іову. Средина, или главная часть стихотворенія, заключаетъ въ себѣ эту рѣчь, выражающую съ одной стороны всемогущество Бога, съ другой ничтожество человѣка.

[31]) Порядкѣ.

[32]) Благопріятный, попутный.

[33]) Вар.: мглою.

[34]) Церковно-слав. муж. р.

[35]) Стихъ звукоподражательный, для выраженія грома.

[36]) Искуствомъ, художествомъ.

[37]) Вм. отъ облаковъ.

[38]) Вар.: что въ пищу я ему послалъ.

[39]) Вар.: Ты ли далъ?

[40]) Крокодилъ.

[41]) «Собр. сочин. 1751».

[42]) Вар.: нощи.

[43]) Вм. предѣловъ.

[44]) «Собр. сочин. 1751». Ода эта, сочиненная Лом—мъ въ 1743 г. и явившаяся въ его Риторикѣ (1748), есть лучшее его стихотвореніе. Содержаніе ея имѣетъ тѣсную связь съ физическими занятіями автора, особенно съ его «Словомъ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ» (1753 г.). Здѣсь онъ излагаетъ свою теорію сѣвернаго сіянія, по которой это явленіе происходитъ отъ электричества, возбуждаемаго въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющагося въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Шестая и седьмая строфы содержатъ поэтическое указаніе разныхъ гипотезъ о сѣверномъ сіяніи. Стихи:

Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

опровергаютъ особую гипотезу о сѣверномъ сіяніи и объясняются слѣдующимъ мѣстомъ «Слова»: «Всѣ сѣвернаго сіянія виды не могутъ быть пары или облака какимъ нибудь блистаніемъ освѣщенные». (Соч. Лом., изд. Смирд., II, 91). Слово о явленіяхъ воздушныхъ цитуетъ «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» (ib. 89) подъ именемъ «Оды о сѣверномъ сіяніи», въ доказательство того, что мнѣніе Ломоносова о причинѣ явленія составлено независимо отъ сочиненія Франклина (Писемъ его) и что оно относится еще къ 1743 г. Ломоносовъ въ дѣтствѣ многократно видалъ это великолѣпное явленіе на Сѣверномъ океанѣ, въ которомъ, по собственному его свидѣтельству, доходилъ до 70 градусовъ широты (ib. 70): потомъ часто наблюдалъ его, какъ ученый, въ Петербургѣ (ib., 91): слѣд. на этой одѣ отражаются и впечатлѣнія первоначальныхъ лѣтъ, и восторгъ, произведенный ученымъ разсматриваніемъ природы. Здѣсь кстати припомнить стихи Батюшкова о Ломоносовѣ (въ «Посланіи къ И. М. М. А.»):

Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
Дрожащій хладный блескъ полуночной Авроры.

[45]) Вар.: влажна (Рит.).

[46]) Вар.: прогнала (ib).

[47]) Вар.: какъ персть между высокихъ горъ (ib).

[48]) Вар.: такъ гибнетъ въ немъ мой умъ и взоръ (ib).

[49]) Вар.: таже (ib).

[50]) Сѣверныхъ.

[51]) Сѣверное сіяніе (Aurore boréale).

[52]) Вар.: вы знаете пути планетъ (Рит.).

[53]) Вар.: нашъ умъ (ib).

[54]) Вар.: ктожъ знаетъ (ib.).

[55]) «Радостныя и благодарственныя восклицанія Музъ Россійскихъ, прозорливостію Петра Великаго основанныхъ, тщаніемъ щедрыя Екатерины утвержденныхъ и несказаннымъ великодушіемъ Ея И. В. Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія обогащенныхъ, оживленныхъ и восставленныхъ, которыя на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Ноября 25 дня 1747 года приноситъ всеподданнѣйшая Академія Наукъ». Печат. въ Спб. при Ак. Н. Содержаніе оды: изображеніе благодатныхъ слѣдствій мира (Слово Елисавета означаетъ *миръ* или *тишину*). Ломоносовъ, для котораго науки составляли первое благо, славитъ миръ, видя въ немъ «питателя наукъ». Онъ часто обращается къ нему и въ одахъ и въ ученыхъ словахъ своихъ. Первая строфа оды начинается также описаніемъ «возлюбленной тишины, ограды царей и царствъ». Заботясь о русскомъ просвѣщеніи, Лом—въ желаетъ, чтобы науки изслѣдовали наше обширное отечество, богатое всякаго рода произведеніями; онъ увѣренъ, что науки дадутъ Россіи средство найти у себя всѣ произведенія природы, со многими издержками получаемыя изъ отдаленныхъ странъ, и что она способна рождать «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ». Похвала наукамъ выражена въ строфѣ: «Науки юношей питаютъ», которая есть стихотворный, довольно близкій переводъ одного мѣста изъ Цицероновой рѣчи (pro Archia). Но Россія одолжена наукой Петру I: отсюда весьма естественныя похвалы Монарху, наполняющія три строфы («Ужасный чудными дѣлами.... полезны видѣть ихъ труды»).

Строфа: «Толикое земель пространство»... относится къ горному дѣлу, которое должно открыть сокровища Россіи. Стихи:

Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ,

указываютъ на пользу науки при добыванія металловъ. Двѣ строфы: «Се мрачной вѣчности запону».... и «Тамъ тьмою островов посѣянъ».... предрекаютъ будущую славу отечественнаго мореплаванія. Извѣстенъ проэктъ Ломоносова «о проходѣ Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію», представленный имъ в. к. Павлу Петровичу и напечатанный г. Соколовымъ въ 1854 подъ названіемъ: «Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова». Мысль о русскихъ Колумбахъ сильно интересовала Лом—ва: онъ выразилъ ее и въ поэмѣ «Петръ Великій», заставивъ своего героя говорить слѣдующее:

Колумбы русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

[56]) Довольно.

[57]) Море.

[58]) Вар.: грубостью.

[59]) Неудомѣвающая.

[60]) Внявъ.

[61]) См. прим. 59.

[62]) Вар.: смущался.

[63]) Сена.

[64]) Т. е. искуство.

[65]) Вар.: чистой быстриной.

[66]) Вар.: шириной.

[67]) Вар.: не разгонялъ.

[68]) Вар.: не устрашалъ.

[69]) Завѣсу.

[70]) Вар.:

Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить.

[71]) Вар.: твои щедроты возвѣстить.

[72]) Мерзляковъ дѣлаетъ здѣсь такое замѣчаніе: «Минерва никогда не растворяла подземнаго убѣжища Плутонова. Это приписываютъ Нептуну. Вмѣсто Плутона должно бы поставить здѣсь Плутуса (Разборъ Оды Лом-ва въ 7 ч. Труд. Общ. Люб. Рос. Слов.).

[73]) Вар.: онъ мрачный,

[74]) «Слово похвальное Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на праздникъ ея тезоименитства, при публичномъ собраніи въ Ак. Н. сентября 6 дня 1749 г. говоренное М. Ломоносовымъ. Печ. при Ак. Н.» Содержаніе Слова заключается въ изображеніи добродѣтелей Елисаветы. «Приступъ» показываетъ веселіе обитателей Россіи, празднующихъ восшествіе на престолъ Императрицы. Академія также радуется и приноситъ августѣйшей покровительницѣ своей благодарность, состоящую

въ прославленіи ея добродѣтелей («переходъ къ содержанію Слова»). «Раздѣленіе» кратко исчисляетъ тѣ добродѣтели, которыя ораторъ намѣренъ прославлять: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость. «Главная часть» говоритъ о каждой добродѣтели порознь: слѣдов. въ ней столько же частей, сколько исчислено добродѣтелей. Въ «заключеніи», обращаясь къ Императрицѣ, Лом—въ выражаетъ желаніе, чтобы она украшалась всѣми добродѣтелями, какъ великими дарами Вышняго, и увеселялась своими божественными благодѣяніями.

[75]) Тоже Слово произнесено было 26 ноября 1749 г. на день восшествія на престолъ Елисаветы (25 ноября), почему выраженіе: «о сладчайшемъ ея имени», замѣнено другимъ: «о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ восшествіи». Другіе варіанты большею частію объясняются также различіемъ обстоятельствъ, по которымъ говорилось Слово. Замѣтимъ, что въ Собр. сочиненій Ломоносова вошло Слово, произнесенное 26 ноября, а не 6 сентября.

[76]) Вар. въ Словѣ 25 ноября: «плодородіемъ».

[77]) Въ Словѣ 25 ноября прибавлено: «совершаемые нынѣ бодростію августѣйшія Его Дщери».

[78]) Вар: «по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ» (ib.) «Рукоять»—снопъ.

[79]) Вар.: «покоясь въ безопасномъ пристанищѣ» (ib).

[80]) Вар.: «и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ» (ib).

[81]) Слова: «сіяющія» нѣтъ въ Словѣ 25 ноября.

[82]) Академія Наукъ, получившая новый уставъ, 1747 г.

[83]) Вар.: «ни горы, ни лѣса закрыть не могутъ божественнаго Ея зрака, начертаннаго въ душахъ нашихъ».

[84]) Вар.: иждивеній.

[85]) Гр. Кириллу Григорьевичу Разумовскому, бывшему въ то время президентомъ Ак. Н.

[86]) Вар.: «пресвѣтлымъ Ея на отеческій престолъ восшествіемъ осіянный».

[87]) Въ Словѣ 25 ноября прибавлено: свои.

[88]) Истинный путь волѣ.

[89]) Относится къ тому положенію новаго академическаго устава, по которому адъюнкты долженствовали быть всѣ изъ Русскихъ.

[90]) «Ода Императрицѣ Елисаветѣ, которою за Высочайшую Монаршескую милость, оказанную въ Сарскомъ Селѣ всеусерднѣйшее благодареніе приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ». Печ. въ Спб. при Ак. Н. сентября 10 дня 1850 г.— Императрица Елисавета, въ награду за похвальное ей Слово (1749), подарила автору, 27 августа 1750 г., дачу Короводдай (Усть-Рудицы) на финскомъ заливѣ. Покровительство наукѣ, въ лицѣ ея усерднаго служителя, внушаетъ стихотворцу похвалу наукамъ: онъ показываетъ пользу, которую готовятъ отечеству Механика, Химія, Астрономія, Географія, Физика, Поэзія. Сличи эти строфы съ раскрытіемъ пользы наукъ въ Словѣ Елисаветѣ.

[91]) Рѣка Славянка, впадающая въ Неву. Лом—въ производитъ ея имя отъ Славена.

[92]) Елисавета, въ 1744 г., перестроила по новому плану Царское село. Лом—въ, съ удивленіемъ спрашивавшій себя въ началѣ оды: «куда я нынѣ восхищенъ? не на вершину ли Олимпа?» заставляетъ рѣку Славянку разсказывать Невѣ преобразованіе Царскаго Села, украшеніе его садами и разными произведеніями искуствъ. Изображеніе это заключается въ 9 строфахъ, отъ словъ: «рѣка, которой проливаютъ», до словъ: «поля и грады подъ собой».

[93]) Послѣдніе 6 стиховъ — изображеніе Невы въ видѣ Царицы. — «Увязенный»— увѣнчанный (отъ *увязти* — увѣнчать). — *Висск* (*виссонъ*)—драгоцѣнная ткань.

[94]) Незнаніе, откуда вытекаетъ Нилъ, заставило преданіе полагать его истокъ въ раю.

[95]) Вар.: Цвѣты, межъ коихъ Индъ не-
стрится,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ,

т. е.: цвѣты, растущіе въ царскосельскихъ садахъ, красотою своею равняются цвѣтамъ индійскимъ.

[96]) Описаніе охоты, которую Елисавета любила: почему въ началѣ оды Ломоносовъ сравниваетъ ее съ Діаной.

[97]) Вар.: раченьемъ.

[98]) Вар.: созидаетъ.

[99]) Вар.: то нынѣ чувствовалъ.

[100]) Вар.: преиспещренныхъ.

[101]) Вар.: не можетъ.

[102]) Въ борьбѣ съ гигантами, Юпитеръ на одного изъ нихъ (Энкелада) навалилъ гору Этну.

[103]) Т. е.: производи, силою своею, предметы въ томъ же видѣ и цвѣтѣ, въ какихъ производитъ ихъ природа.

[104]) Вар.: земледѣлецъ.

[105]) Вар.: выбралъ.

[106]) «Собр. соч. 1751». Такъ какъ тезоименитство великаго князя праздновалось 29 іюня, то ода начинается картиною лѣта. Содержаніемъ ея служитъ выраженіе радости народной и надеждъ, которыми исполнена Россія, при видѣ внука Петрова

Преобразователь Россіи ставится въ примѣръ великому князю. Названный именемъ своего дѣда, онъ долженъ уподобиться ему и по дѣламъ.

[107]) Вар.: и пожже.

[108]) Нап. при Ак. Н. 1746. Содержаніе оды: радость при вступленіи на престолъ дочери Петра. Лом—въ изображаетъ сначала скорбь отечества, которое терпѣло подъ сильною властію чужой руки и взывало къ Елисаветѣ:

Избавь, низвергни паше бремя,
Воздвигни намъ «Петрово племя»,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

Изъ этой картины печальнаго состоянія Россіи взята строфа: «Намъ въ ономъ ужасѣ казалось». Потомъ авторъ воспоминаетъ блаженный день, когда Богъ исполнилъ желаніе Россіи.

[109]) Напеч. при Ак. Н. 1762. Содержаніе: изображеніе опасностей, которымъ подвергалась Россія, въ предъидущее царствованіе. Лом—въ, обращаясь къ врагамъ отечества, стремившихся

Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ,

показываетъ величіе и могущество Россіи: «Обширность нашихъ странъ измѣрьте».

[110]) Всѣхъ надписей три.

[111]) Сличи стихи Державина, въ піесѣ: «Петру Великому»:

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ....
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ....

[112]) Объ этой надписи Лом—въ увѣдомляетъ Шувалова въ письмѣ отъ 10 сентября 1751 г.

[113]) Собр. сочин. Лом—ва, М. 1778, кн. 2. По уставу Петра Великаго, академики, кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій въ наукахъ, обязаны были читать лекціи молодымъ людямъ. Чтенія эти происходили на иностранныхъ языкахъ. Но когда въ Академію поступили нѣкоторые русскіе профессоры, то президентъ ея, гр. К. Г. Разумовскій, предписалъ Лом—ву открыть публичный курсъ опытной Физики по руководству Вольфа, съ объясненіями опытовъ на языкѣ отечественномъ. Въ слѣдствіе этого, Лом—въ началъ свои лекціи 20 іюня 1751 г. Программа физики, объясняющая пользу и важность этой науки, служила вмѣстѣ и приглашеніемъ любознательныхъ слушателей на ея уроки. Вѣрный своему взгляду на пользу знаній, особенно естествознанія, Лом—въ заключаетъ программу слѣдующимъ выводомъ: «блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще называемая Физика». Эти истинныя блаженства рода человѣческаго «пріятны», «полезны» и «святы». Тоже самое сказано Лом—мъ въ началѣ «Слова о происхожденіи свѣта»: «испытаніе натуры пріятно, полезно, свято». Отрывокъ, помѣщенный въ Хрестоматіи, состоитъ изъ двухъ частей: первая показываетъ пріятность, пользу и святость разсматриванія природы, безсознательно испытываемыя человѣкомъ; вторая излагаетъ важность тѣхъ же самыхъ предметовъ, когда человѣкъ безсознательное приводитъ въ сознаніе, возвышаетъ его достоинство наукою.

[114]) См. примѣч. 78.

[115]) Пріятность, доставляемая человѣку изученіемъ природы.

[116]) Практическая польза естествознанія.

[117]) Святость естественныхъ наукъ, согласіе знанія съ чувствомъ религіознымъ.

[118]) Собр. соч. Лом—ва, кн. I, изд. 2. М. 1757. Содержаніе слова — польза Химіи. Вступленіе указываетъ выгоды ученія вообще и различіе между человѣкомъ образованнымъ и необразованнымъ. Такъ какъ знанія, пріобрѣтаемыя человѣкомъ, двоякаго рода: науки и художества; то главная часть разсматриваетъ пользу Химіи для наукъ (физики, медицины, металлургіи и проч.) и для художествъ. Въ заключеніи Ломоносовъ благодаритъ Всевышняго за дарованную человѣку способность познавать и Петра I за водвореніе наукъ въ Россіи: это своего рода похвальное слово преобразователю Россіи.

[119]) Сличенное.

[120]) «Письмо о пользѣ стекла къ И. И. Шувалову отъ Михайла Ломоносова. при Спб. Ак. Н. 1752». Случай, по которому явилось «Письмо о пользѣ стекла», разсказанъ г. II. К. въ Москвитянинѣ (1845, № 1): «Ломо—въ, обѣдая однажды у И. И. Шувалова, былъ въ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда носили. Кто-то изъ гостей, петиметръ того времени, замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно уже не въ модѣ. Лом—въ со свойственною ему горячностію отвѣчалъ, что, не слѣдуя модѣ, онъ предпочитаетъ ихъ металлическимъ и всякимъ другимъ и всегда будетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу. Въ слѣдъ за этимъ онъ началъ исчислять пользы, доставляемыя стекломъ въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ, и проч. Разсужденія Лом — ва показались такъ важны хозяину, что онъ просилъ своего гостя описать ихъ въ стихахъ. Слѣд-

ствіемъ того было Посланіе «о пользѣ стекла». Начальные стихи:

Неправо о вещахъ тѣ думають, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

показываютъ отношеніе къ бывшему спору о стеклѣ.

Содержаніе «Посланія» — изобрѣтеніе и многоразличная польза стекла: изъ него приготовляются сосуды для напитковъ, зеркала, стекла, бисеръ, очки, зрительныя трубы, барометръ, электрическая машина. Кромѣ того, есть эпизоды, имѣющіе отношеніе къ воспѣваемому предмету: описаніе злодѣяній Испанцевъ въ Америкѣ и опроверженіе суевѣрной мысли, считающей преступнымъ ученое изслѣдованіе природы. Послѣдній эпизодъ весьма важенъ; онъ показываетъ, какъ разумѣлъ Ломоносовъ отношеніе науки къ религіи. Въ заключеніи похвала Елисаветѣ и Шувалову.

[121]) Для пользы: извѣстно, что Лом-мъ заведена была фабрика разныхъ стеклянныхъ издѣлій.

[122]) Помѣщены въ первый разъ въ Полн. собр. сочиненій Ломоносова, изданномъ Акад. Наукъ, въ 6 ч., изъ которыхъ первыя четыре (1794) названы вторымъ тисненіемъ, пятая 1786; шестая 1787.

[123]) Писано по поводу опасеній Шувалова, что Лом—въ, получивъ отъ Императрицы награду (дачу Короволдай), станетъ меньше заниматься науками, и прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которой не могли заглушить никакія препятствія.

[124]) Заиконоспасское училище, въ Москвѣ.

[125]) Англійскій физикъ.

[126]) Философъ, у котораго учился Лом-въ въ Марбургѣ.

[127]) Ирландскій медикъ.

[128]) Отвѣтъ на письмо Шувалова (отъ 24 мая), который, получивъ письмо Лом-ва (отъ 10 мая), удостовѣрился, что онъ наукъ никогда не оставитъ. Лом-въ, благодаря его за эту увѣренность, представляетъ вмѣстѣ и отчетъ въ своихъ занятіяхъ.

[129]) Ораторія (см. предисловіе къ Риторикѣ Ломоносова).

[130]) Писано по случаю смерти профес. Рихмана. Въ томъ же году, 26 ноября, сочинено Лом-мъ «Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ электричества происходящихъ», въ которомъ упоминается объ этомъ событіи.

[131]) Скорости?

[132]) «Слово похвальное блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государю Императору Петру Великому въ торжественное праздество коронованія Ея И. В. Всепресвѣтлѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія въ публичномъ собраніи С.п.бургской Императорской Ак. Н. говоренное Михайломъ Ломоносовымъ Апрѣля 26 дня 1755 года. Печат. при Ак. Н.» Въ Похвальномъ Словѣ Петру I Лом-въ прославляетъ подвиги просвѣтителя Россіи. Вѣнчаніе на царство Императрицы Елисаветы (по случаю чего произносилось Слово) столько же дивно, сколько дивно было ея рожденіе, ознаменованное Полтавскою побѣдою. Принявши скипетръ, она явилась истинною наслѣдницею дѣлъ Петровыхъ: слѣдов., похваляя Петра, похвалимъ Елисавету. Развитіе этой мысли образуетъ «приступъ». Истинная похвала великимъ людямъ заключается въ вѣрномъ исчисленіи ихъ подвиговъ,—и потому ораторъ раздѣляетъ свое слово на три отдѣла: въ первомъ должно изобразить важнѣйшія дѣла Петра; во второмъ препятствія, имъ преодолѣнныя; въ третьемъ добродѣтели, которыя были необходимы для совершенія важныхъ подвиговъ (раздѣленіе).—Каждый отдѣлъ разсмотрѣнъ особенно въ «главной части» слова. Къ дѣламъ Петровымъ принадлежатъ: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска, военные подвиги на сушѣ и моряхъ, гражданскія учрежденія. Къ преодолѣннымъ препятствіямъ относятся: опасности путешествія, внутренніе непріятели (стрѣльцы, раскольники, предательство ближнихъ), внѣшніе враги (Шведы, Поляки, Крымскіе Татары, Персіане, Турки). Для побѣжденія трудностей необходимы были доблести или добродѣтели (переходъ къ третьему отдѣлу главной части), которыя суть: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе снисходительность, трудолюбіе. Представивъ потомъ разнообразные труды Петровы въ одной картинѣ, Лом-въ оканчиваетъ Слово краснорѣчивымъ заключеніемъ, въ которомъ уподобляетъ великаго Монарха божеству, называетъ его человѣкомъ богоподобнымъ.

[133]) Отъ словъ: «того ради», до словъ: «возможно было» — подражаніе Плинію младшему, написавшему похвальное слово Траяну.

[134]) См. прим. 53.

[135]) Сынъ Нептуна, кормчій корабля Арго, на которомъ плыли Аргонавты.

[136]) Тоже сказано въ надписи къ статуѣ П. В. (стр. 190).

[137]) Западная Двина и Сѣверная Двина.

[138]) Одеръ, Эльба.

[139]) Темза, Рейнъ.

[140]) Отъ словъ: «иной завоевалъ», до словъ: «наслѣдства не имѣлъ разума»—подражаніе Плинію.

[141]) Отъ словъ: «часто размышлялъ я», до

слова: «не обрѣтаю» — также подражаніе Плинію.

[142]) «Слово о происхожденіи свѣта новую теорію о цвѣтахъ представляющее, въ публичномъ собраніи И. Ак. Н. іюля 1 дня 1756 говоренное М. Ломоносовымъ. Печ. при Ак. Н.» Здѣсь изложена теорія свѣта, который, по мнѣнію Лом—ва, происходитъ отъ колебательнаго движенія эѳира (См.: Ломоносовъ, какъ физикъ, г. Любимова).

[143]) «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, въ публич. собраніи Ак. Н. Сентября 6 дня 1757 г. говоренное М. Ломоносовымъ. Печат. при Ак. Н.» Содержаніе «Слова»: краткій образъ землетрясеній и разныхъ видовъ ихъ; дѣйствія, производимыя ими на земной поверхности; причины ихъ; мѣста, въ которыхъ находятся металлы; способъ рожденія металловъ. Приступъ выражаетъ мысль, что всѣ ужасныя явленія и дѣйствія натуры вмѣстѣ со вредомъ и опасностью приносятъ пользу и услажденіе. Къ числу этихъ ужасныхъ явленій принадлежитъ землетрясеніе. Поводомъ къ выбору такого предмета служили съ одной стороны занятія Лом—ва металлургіею, съ другой—«города недавно поверженныя землетрясеніемъ, земли опустошенныя, цѣлые почти народы искорененные» (здѣсь разумѣется въ особенности разрушеніе Лиссабона, 1755 г.).

[144]) «Петръ Великій, героическая поема, Михайла Ломоносова». Спб. 1760. Посвящена Шувалову, въ день его рожденія (1 ноября 1760 г.). Она не кончена, и состоитъ только изъ двухъ пѣсенъ. Вотъ какъ Лом—въ излагаетъ содержаніе первой пѣсни, изъ которой взяты отрывки: Узнавъ, что шведскіе корабли идутъ къ Архангельску, для отвлеченія тѣмъ русскихъ силъ отъ Шлюссельбурга, Петръ I отправилъ къ этой крѣпости войско; а самъ съ гвардіею устремился на сѣверъ. При одномъ слухѣ о его прибытіи, шведскій флотъ обращается въ бѣгство. Возвращаясь оттуда къ Шлюссельбургу, Государь претерпѣваетъ, на Бѣломъ морѣ, бурю, и для отдыха уклоняется въ Унскую губу. Потомъ, приставъ къ Соловецкому острову, разсказываетъ настоятелю тамошней обители о стрѣлецкихъ бунтахъ. Замѣтимъ, что морской походъ Петра къ Архангельску, изображенный стихотворцемъ, есть третій и относится къ 1702 г. (первые два совершены 1693 и 1694 г.). Пользуясь свободой творческаго вымысла, измѣняющаго иногда время и мѣсто, Лом—въ описываетъ бурю, которую претерпѣлъ Петръ, 1-го іюня 1694 г., во второй походъ.

[145]) Нептуна.

[146]) «Уранія. Карманная книжка на 1826 г. для любительницъ и любителей рус. словесности. Изд. М. Погодинымъ». Весьма любопытное письмо, какъ свидѣтельство отношеній Лом—ва къ Сумарокову и его благороднаго образа мыслей.

[147]) Таубертъ—совѣтникъ академической канцеляріи; Миллеръ—академикъ.

[148]) Изъ Прибавленія къ разсужденію: «Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.п.бургской И. Ак. Н. мая 26 дня 1761 г.», напечатанному отдѣльно и въ Собраніяхъ сочиненій Лом—ва. Мы пользовались академическимъ изданіемъ 1794 — 1804. (ч. III). Лом—въ наблюдалъ явленіе Венеры на солнцѣ съ физической стороны, тогда какъ адъюнктъ астрономіи Красильниковъ и поручикъ Кургановъ (подмастерье математическихъ и навигацкихъ наукъ) производили астрономическія наблюденія. Наблюденія Лом—ва привели его къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры. Къ краткому извѣщенію объ этомъ феноменѣ присоединено «Прибавленіе», назначенное для отстраненія мыслей, которыя бываютъ у малосвѣдущихъ людей относительно астрономическихъ явленій. Люди непосвященные, говоритъ Лом—въ, съ ужасомъ внимаютъ, что про различныя «небесныя явленія пророчествуютъ бродящіе по міру богадѣленки, кои во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, хотя сугорбясь». Такой страхъ легковѣрія достоинъ презрѣнія. Другое замѣчаніе Лом—въ относитъ къ грамотѣямъ, которые, превратно понимая нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, хотятъ осудить ученіе астрономіи, говоря: «противно-де закону». Лом—въ объясняетъ словами Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, какъ и съ какимъ разумомъ должно читать и разумѣть Св. Писаніе (Ломоносовъ, какъ физикъ, г. Любимова).

[149]) Венеры.

[150]) Это напоминаетъ слова Паскаля: «іезуиты получили папскій приказъ осуждать ученія Галилея. Напрасный трудъ! Если земля дѣйствительно движется вокругъ солнца, то всѣ люди вмѣстѣ не въ силахъ удержать ея движенія и сами вмѣстѣ съ нею движутся».

[151]) Латин. стихотворецъ въ царствованіе Ѳеодосія.

[152]) Министръ Ѳеодосія и Аркадія.

[153]) Порядку.

[154]) Москвит. 1842 № 1. Весьма замѣчательное сочиненіе, показывающее, что Лом—въ разсуждалъ о важныхъ государственныхъ и народныхъ предметахъ, освѣщая ихъ наукой и требуя отъ нея полез-

наго общественнаго приложенія. Онъ указываетъ 13 способовъ для сохраненія и приращенія подданныхъ. Въ Хрестоматію взяты четыре статьи: о насильственныхъ, естественныхъ и случайныхъ причинахъ смерти. (10 и 11-ая), о бѣглецахъ (12 и 13).

[155]) Когда Лом—ву порученъ былъ Географическій Департаментъ, то, по его представленію, Сенатъ разослалъ во всѣ города Россія географическіе вопросы, собранные отъ профессоровъ (См.: въ Сочин. Лом—ва: «Краткое показаніе о происхожденіяхъ Академич. Географич. Департамента»).

[156]) Рѣка, вытекающая изъ Костром. губ. и впадающая въ Волгу въ Казанской.

[157]) Вѣтка—бывшая раскольничья слобода, на небольшомъ острову, въ Бѣлоруссіи, Бѣлицкаго уѣзда.

[158]) Семилѣтняя война.

XXXVII.

СУМАРОКОВЪ.

А. ИЗЪ ТРАГЕДІИ: ХОРЕВЪ (1747). ([1]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Кій и Хоревъ.

Кій.

О Князь! наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моей! страны сей оборона ([2])!
Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и изходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно.
Но кая темна мысль теперь твой взоръ мрачитъ ([3])?

Хоревъ.

Никая, я готовъ куды мой Князь велитъ.
Ты съ юности моей отцомъ мнѣ назывался,
И въ милостяхъ прямыхъ родителемъ казался.
Въ наукѣ бранной ты мнѣ самъ наставникъ былъ ([4]),
Я имя славное тобою получилъ:
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ —
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея, —
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и перьвый сниду я:
А естьли безъ того возможно пребывати,
Почто, скажи, почто безъ нужды умирати ([5])?

Кій.

Когда Завлòхъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Инова средства нѣтъ спокойство получить (6).

Хоревъ.

Онъ дщери своея (7) одной отъ насъ желаетъ,
А протчее намъ все безбранно оставляетъ.
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ!

Кій.

Нѣтъ, князь, нейтить (8) на брапь не ту вину имѣешъ,
Что ты о воинствѣ печешся и жалѣешъ.
Я вижу мысль твою (9) и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешъ, въ смятеніи своемъ:
Ты хочешъ, чтобъ Княжна свободу воспріяла.

Хоревъ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ въ спокойствіи (10), а ей въ свободѣ (11) жить, —
Желаньемъ симъ могуль тебя я (12) прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человѣчество въ герояхъ оставляетъ (13).
Или подобиться, во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ у́жасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ,
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство почитаемъ (14).
Какое имя ты, лесть гру́ба, злу дала?
Убивство и грабежъ геройствомъ назвала!
(15) Мы брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы въ вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, человѣкъ?
Почто вы таковà ево природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ ево вы созидали?
Ахъ! нѣтъ, не можетъ быть; конечно божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество;
Но нѣкая ему противящася сила
Толико мерзско насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ бурный, стонъ нещастливой душѝ,
Оснéльдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,
Воскликни истинну въ селеніяхъ воздушныхъ,
И жалобой трони боговъ великодушныхъ.

Кій.

Она Завло́ху дщерь, весь родъ ихъ истребленъ,
А ею можетъ быть опять возстановленъ.
Кто знаетъ, что она отмщеніе забудетъ?
И можетъ быть супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ иногда былъ ты трепещущимъ ордамъ,
Бѣгущимъ отъ тебя по блатамъ и лѣсамъ (16).

Хоревъ.

(17) Народъ нашъ наученъ надежно побѣждати;
Какой опасности отъ нихъ намъ ожидати?

Кій.

Не внемлю ничего, ступай въ сей часъ за градъ;
Какъ хочешь мечь простри—напредъ или назадъ.
Коль хочешь измѣнять, такъ измѣняй скоряе,
Когда врагъ общества тебѣ всего миляе.

Хоревъ.

Какая вышла рѣчь ко мнѣ изъ устъ твоихъ?
Я подозрѣніевъ достоинъ ли такихъ?
За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, чтобъ ты на мя озлился?
Не жди, о государь! Хоре́вовыхъ измѣнъ (18):
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ иду изъ градскихъ стѣнъ.
И ежели рука не дро́гнетъ среди́ бо́ю,
Узришь мя (19) подъ стѣной съ Завло́ховой главою.
(20) Разгнѣванный перунъ! къ чему я приведенъ!
Смущается мой духъ, и умъ мой раздѣленъ.

Кій.

Ступай и оправдись, въ чемъ я подозрѣваю;
Я жизнь тебѣ и честь еще вручить дерзаю.

Хоревъ.

Ты вскорѣ разберешь, о Князь! вину мою,
Когда я за тебя всю кровь мою пролью;
Увидишь, знала ли душа моя обманы,
Какъ станешь изчислять мои кровавы раны,
И будешь отмщевать тому, кто насъ смутилъ,
И прежней милости твоей меня лишилъ.

в. Епистола о русскомъ языкѣ (1748). (21).

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лутче, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И, помощію словъ пространна языка̀,
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
Описываемъ все: и чувствіе и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мѣлки части.
Приявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
Изображеніемъ вселяемся въ серца̀.
То, что постигнемъ мы, другъ другу сообщаемъ,
И въ письмахъ то своихъ потомкамъ оставляемъ.
Но не такія такъ полезны языкѝ,
Какими говорятъ Мордва̀ и Вотякѝ;
Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ,
Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ Французской,
Иль на конецъ сказать, каковъ способенъ Русской.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа̀ на немъ писцовъ.
Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу (22),
И мня, что тѣмъ онъ ей приятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По руски, думаетъ, всево сказать не можно,

И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ Руской переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ ([23]).
Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ,
И хитрости своей не понимаетъ самъ.
Тотъ прозой и стихомъ ползетъ, и письма оны,
Ругаючи себя, даетъ писцамъ въ законы.
Хоть знаетъ, что ему во изду смѣется всякъ;
Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.
Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ,
То сѐрца моево нимало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю; на что мнѣ похвала?
И знаю то, что я искусенъ до зѣла.
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой, ты искусенъ,
Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ.
Когда не вѣришь мнѣ, спроси хотя у всѣхъ:
Всякъ скажетъ, что тебѣ перомъ владѣти грѣхъ.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтобъ враки мнѣ писцовъ подробно всѣ изчислить.
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ,
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
Но многія писцы о томъ не разсуждаютъ:
Довольны только тѣмъ, что рѣчи составляютъ.
Несмысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
Дивятся имъ и мнятъ, что будто тайна тутъ,
И разумъ свой покрывъ, читая, темнотою,
Невнятный складъ писца приемлютъ красотою.
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,
Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ,
Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно.
Но кто не наученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Словà, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышняе сложены,
И риторскибъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердцà и привлекать людей.
Намъ въ ономъ щастлива природа путь являетъ,
И двери чтеніе къ искусству отверзаетъ.
Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ:
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ Французскомъ,

То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей ево ты не вдавайся,
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишь тѣмъ путемъ, и область дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ писмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешъ до нево, и будешъ самъ съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда Лексиконъ,
Не мни, чтобъ помочь далъ тебѣ велику онъ,
Коль рѣчи и слова̀ поставишъ безъ порядка:
И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую ни кто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова̀ всѣ точно ты нарекъ.
Когда переводить захочешъ безпорочно—
Не то, творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ, и пышенъ, и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ нево хорошій складъ;
Такъ чтобъ незнаніемъ ево намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, что бы всѣмъ надъ рифмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога?
Затворена къ нему въ ученіи дорóга.
Лишъ только ты склады̀ немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра̀ златы̀ ключи ([24]).
Подьячій говоритъ: писаніе тутъ нѣжно,
Ты будешъ человѣкъ, учися лишъ прилѣжно.
И я то думаю, что будешъ человѣкъ;
Однако грамотѣ не станешъ знать во вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ съ подьяческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ слово «лѣта»,
И вычурно писать научишся «конецъ»:
Повѣрь, что никогда не будешъ ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искусству ревновало,
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка̀.
Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пѣни:
Когда книгъ Русскихъ нѣтъ, за кѣмъ итти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А естьлибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ беретъ
Отвсюду то, что ей потребно въ сладкій медъ,
И, посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты̀ — частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверьхъ того духовныхъ много книгъ:
Кто винецъ въ томъ, что ты Псалты̀ри не постигъ,
И бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно.
Коль *аще*, *точію* обычай истребилъ,

Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой не Русскими (25) зовемъ.
Онъ тотже, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишъ,
Лишъ только отъ того, что ты ево не смыслишъ,
Такъ чтожъ осталось бы при Русскомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо въ далекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишъ ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

В. ИЗЪ КОМЕДІИ: ТРЕСОТИНІУСЪ (1750). (26).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Клариса и Тресотиніусъ.

Тресотиніусъ.

Прекрасная красота, приятная приятность, по премногу кланяюсь вамъ.

Клариса.

И я вамъ по премногу откланиваюсь, пресучоное ученіе.

Тресотиніусъ (вынявъ пѣсню изъ кармана).

Ета бумажка ясняе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ приятство ваше, то есть красота ваша, мнѣ учинило, то есть здѣлало.

Клариса.

Я вѣрю вамъ, сударь.

Тресотиніусъ.

Однакожъ, не поскучитель послушать, а пѣсенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами (27).

Клариса.

Очень, сударь, хорошо; я вамъ вѣрю, что ета пѣсня хороша.

Тресотиніусъ.

Она сочинена на голосъ: *о мѣста, мѣста драгія*; изволяте послушать; да послушайте жъ, сударыня.

Клариса (особливо).

Боже милосердый!

Тресотиніусъ (читаетъ).

Красоту на вашу смотря, распалился я ей! ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ.
Мучишъ ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ.
Видѣть мнѣ тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мнѣ есть не благо,
Что живешъ въ моей крови.
Иль ты меня спѣсиха слатенька, любезный свѣтъ,
Завсегда такъ презираешъ, о! увы! моихъ злыхъ бѣдъ!
Хоть, Климена, изъ подъ тиха покажи мнѣ склонный видъ,
И не дѣлай больше серцу преобидныхъ ты обидъ.
Не теряй свою тѣмъ младость,
Приклони ко мнѣ себя,
Мысль моя увидитъ сладость,
Буду жить ся не губя.

Клариса.

Очень пѣсня хороша....

Тресотиніусъ.

Изволька подалѣ послушать.

Клариса.

Нѣтъ, я уже довольна.

Тресотиніусъ.

Какъ вамъ ето слово кажется: *и не дѣлай больше серцу преобидныхъ ты обидъ*! Не сильно ли ето сказано? Изволь-ка далѣ-то ты послушать....

Клариса.

Пожалуй не трудись для меня больше, я уже довольна.

Тресотиніусъ.

Хоть одинъ куплетъ еще прочесть мнѣ позволь.

Клариса.

Пожалуй мнѣ, я сама послѣ прочту.

Тресотиніусъ.

Изволь, красота моя, да только изволь прочесть съ рассужденіемъ: ето вить не *о мѣста, мѣста драгія*; ету пѣснь и содержаніе ее не всякъ разумѣть будетъ; тутъ такія есть тонкости, что они отъ многихъ и учоныхъ закрыты. Правда, многимъ покажется, что ето бездѣлка; однако позвольте, моя государыня, сказать, что въ етой бездѣлкѣ много дѣла, что я аргументально доказать могу.

Клариса.

Я доказательствъ вашихъ не требую, и до споровъ я не охотница.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣжъ и Бобембіусъ.

Бобембіусъ.

Всякое дерзновеніе, которое происходитъ не отъ злоумышленія, должно быть отпущено: ибо не дѣйствіе, но основаніе дѣйствія презрительно; не то худо, что худымъ кажется, но то худо, что дѣйствительно худо: ерго (28) то, что я дерзнулъ сюды притти, не худо; и для ради того, не имѣю я причины просить у васъ прощенія, что я, хотя я вамъ и не знакомъ, пришелъ въ домъ вашъ; однако, по обыкновенію, прошу въ томъ на меня не прогнѣваться.

Клариса.

Милости просимъ.

Бобембіусъ.

Я роскошь, забавы и красоту презираю,—и для того приятность ваша меня не прельщаетъ; я сюды пришелъ для важной нужды, а не для бездѣлки, чтобъ на вашу посмотрѣть красоту. У меня дѣло до высокоучонова и высокомудрова Тресотиніуса, а не до васъ.

Клариса.

Изволите говорить, а я пойду въ свою комнату, чтобъ вамъ не помѣшать.

Бобембіусъ.

Нѣтъ, высоко-милостиво-прекрасно-прятная госпожа, я требую себѣ вашего посредства. Мы о дѣлахъ учоныхъ говорить хотимъ.

Клариса.

Мнѣ право не досужно. Вотъ онъ съ вами останется.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣжъ и Кимаръ.

Тресотиніусъ.

Что за дѣло имѣете вы до меня, государь мой?

Бобембіусъ.

Нѣкакой невѣжа спорилъ со мною, а споръ нашъ состоялъ о литерѣ *твердо*, которое *твердо* правильняе—о трехъ ли ногахъ, или ободной ногѣ.

Тресотиніусъ.

Вы, государь мой, задали мнѣ многотрудную задачу, на что прошу дать мнѣ время; для того что ето дѣло не малое, подлинно, говорю, что не малое. Ежели я смѣю спросить, вы, государь мой, которова мнѣнія?

Бобембіусъ.

Какъ ваша высоко-учоность и велико-мудрость думаете?

Тресотиніусъ.

Я содержу, что *твердо* ободной ногѣ правильняе; ибо у Грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно ободной ногѣ, а треножное *твердо* есть нѣкакой уродъ, не имущій съ греческимъ *твердомъ* ни малаго свойства.

Бобембіусъ (Кимару).

Ты, высоко-благородный и высокопочтенный господинъ, котораго мнѣнія.

Кимаръ.

Я противнаго мнѣнія, и *твердо* треножное *твердy* одноножному предпочитаю. У стова, ежели нога подломится, такъ ево и брось; а у тово хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья останется.

Бобембіусъ (Кинару).

Хотя ты и не тѣмъ доводишъ; однако правильно разсуждаешъ.

Тресотиніусъ.

А я противъ васъ обеихъ спорю, да хотябъ васъ и еще было больше, что прямое *твердо* есть *твердо* одноножное, а треножное *твердо* есть уродъ.

Бобембіусъ.

Ты спорь, да не бранись, *тверда* моего не поноси, я за нево вступиться долженъ.

Тресотиніусъ.

А я до послѣдней капли чернилъ свое *твердо* защищать буду.

Бобембіусъ.

Едакой защитникъ малъ.

Тресотиніусъ.

У меня едакія ученики, каковъ ты учонъ.

Бобембіусъ.

Я, какъ Философъ, за себя не рассержусь; но за *твердо* свое, такъ какъ Риторъ, кровь свою пролить готовъ.

Тресотиніусъ.

Твое *твердо* есть подлое и по премногу подлое, а мое благородное, и не только Славено-Россійское, но и Греческое.

Бобембіусъ.

Мое *твердо* о трехъ ногахъ и для того стоитъ *твердо*, ерго оно *твердо*; а твое *твердо* не твердое, ерго оно *не твердо*. Твое *твердо* слабое, не надежное, и по тому презрительное, гнусное, позорное, скаредное....

Тресотиніусъ.

А твое *твердо* не Руское, не Арапское, не Сирское, не Халдейское....

Г. ИЗЪ ТРАГЕДІИ: СЕМИРА. (1751) [29].

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 8.

Олегъ, Ростиславъ, Оскольдъ и Воины.

Олегъ.

Ты тщетно предприялъ быть княземъ сей странѣ;
Лишъ другомъ бывъ моимъ, сталъ ты злодѣемъ мнѣ.
Я мыслилъ о тебѣ такъ склонно, какъ о сынѣ,—
И въ воздаяніе вражду я вижу нынѣ.
Всѣ милости забывъ, которы ты имѣлъ,
Ты встать противъ меня хотѣлъ, Оскольдъ....

Оскольдъ.

Хотѣлъ.

Олегъ.

Проси прощенія, пади передо мною.

Оскольдъ.

Коль мѣчъ мнѣ въ грудь вонзешъ, паду передъ тобою;
Но прежде никогда.

Олегъ.

Днесь смерть тебѣ грозитъ.

Оскольдъ.

Величества души она не поразитъ.

Олегъ.

Ты тако дерзостный Олегу отвѣчаешъ!
Или мученія при смерти ты не чаешъ!

Оскольдъ.

Простри къ мучительству немилосердо власть:
Все легче, нежели передъ тобой мнѣ пасть.
Что преданъ я тебѣ—ликуя въ пышномъ чинѣ,
Благодари моей нещастливой судьбинѣ!
Съ мѣчемъ предъ войсками я бъ далъ тебѣ отвѣтъ,
И раздался бы онъ во весь пространный свѣтъ.

Олегъ.

Ты въ мысли, гордый врагъ, свирѣпство мнѣ вселяешъ,
И щедролюбіе мнѣ въ сердцѣ утоляешъ.
Еще я время, князь, теперь тебѣ даю
На размышленіе спасати жизнь твою.
Измѣнникомъ своимъ, преступникъ, ты обманутъ;
И плѣнники тебя здѣсь жива не застанутъ,

Когда прощенія не станешъ ты просить,
И казни лютыя отважишся вкусить.
Полки мои на брань въ сей часъ вооружатся,
Невольники мои въ оковы возвратятся.
(Ростиславу).
Помедли ты съ нимъ здѣсь: я войски учрежу,
И милость или судъ Оскольду покажу;
Но томъ пойдемъ съ тобой за градъ отселѣ прямо.

Оскольдъ.

О томъ лишъ я стѣню, что я теперь не тамо!

Явленіе 9.

Оскольдъ, Ростиславъ и Воины.

Ростиславъ.

Всей силой тщишся ты Олега раздражить,
И тщетно ты, мой другъ, не хочешъ больше жить.
Отъяты способы тебѣ сопротивляться,
И долженъ части ты своей повиноваться.

Оскольдъ.

Я жизни своея ужъ больше не брегу,
А пасть ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ не могу.

Ростиславъ.

Суровости такой не требуетъ геройство:
Не мужества она, отчаянія свойство.
Что бъздѣлалъ подлость ты—совѣта не даю;
Умѣренностію спасай ты жизнь свою.
Олегу, знаешъ ты, свирѣпство не обычно:
Отвѣтствуй своему ты щастію прилично.

Оскольдъ.

Не робость днесь меня въ отчаянье ввела,
Но предприятыя похвальныя дѣла,
Которы мерзкою измѣною открылись.

Ростиславъ.

Когда жъ намѣренья твои не совершились,
Такъ больше для чего въ упрямствѣ пребывать?

Оскольдъ.

Покорствуй, кто рожденъ робѣть и унывать:
Не поколеблется ни чѣмъ мой духъ во вѣки;
Неробкія богамъ подобны человѣки.
Хотя ужасною судьбиной я сраженъ,—
Не малодушіе я чувствовать рожденъ.
Природа мя на то произвела толь тверда,
Чтобъ показать на мнѣ, что часть немилосерда,
Во всемъ отремленіи свирѣпости пролить,
Великодушія не можетъ утолить.
Довольно ль, небеса, въ гоненіи жестокомъ,
Нещастный, искушенъ нежалостнымъ я рокомъ!
Всего лишенъ, что льстить могло на свѣтѣ мнѣ:
Зрю плѣнникомъ себя въ родительской странѣ;
Все то сношу; на казнь безъ трепета взираю,
И двери вѣчности безстрашно отпираю.
О вѣчность! ты рубежъ всѣмъ свѣтскимъ суетамъ;
Въ тебѣ одной я зрю конецъ своимъ бѣдамъ:
Отъ нападенія судьбы ожесточенной
Убѣжище лишъ ты души моей стѣсненной!

Ростиславъ.

Живи хотя уже ты для своихъ друзей,
Для прозьбы моея и для сестры своей!

Оскольдъ.

Коль дружбы плѣнника ты, князь, не презираешъ,
Когда честныхъ людей и въ узахъ почитаешъ:
Не трать напрасно словъ къ покорству мя привлечь.

Не дѣйствуетъ твоя въ моемъ разсудкѣ рѣчь;
Совѣтованій я ни чьихъ уже не внемлю.
Безъ пользы свѣту жить—тягчить лишъ только землю:
Лишився скипетра, мнѣ свѣту чѣмъ служить?
Я добродѣтель здѣсь хотѣлъ востановить,
Возобновить златой вѣкъ радостей во градѣ,
Лукавство выгнать вонъ и заключить во адѣ;
А нынѣ, естьли бы толико подлъ я былъ,
Чтобъ жизнь поносную я чести предпочтилъ,
На утѣсненную взирая добродѣтель,
Бѣдъ подданныхъ своихъ я бъ только былъ свидѣтель.
Претяжко бѣдного гонима сильнымъ зрѣть,
Коль варварства сего нѣтъ силъ преодолѣть!
Несносняе еще отечество зрѣть въ стонѣ
И видѣть своего врага въ своей коронѣ!

Ростиславъ.

Что буду дѣлать я! не внемлетъ ни чево!
Не презирай, о князь, прошенья моево!
Мой другъ, любезный другъ, не отрицай совѣта:
Премѣны щастія суть свойства здѣшня свѣта.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Олегъ (*имѣя въ рукахъ бумагу*).
Оскольдъ и Ростиславъ.

Олегъ.

Уже ли ты свое упрямство преломилъ?

Оскольдъ.

И нынѣ я таковъ, каковъ до нынѣ былъ.

Олегъ.

Погибель я твою еще остановляю,
И щедролюбіе еще тебѣ являю:
Иль милость, или смерть не медля назбери.

Оскольдъ.

Смерть.

Олегъ.

Въ лютости своей умри, злодѣй, умри.
(Воинамъ).
Въ темницу, воины, отсель ево помчите,
И тамо въ крѣпкія оковы заключите.

Оскольдъ.

Когда я плѣнникъ твой, когда мой рокъ таковъ,—
Все сносно мнѣ уже: на все итти готовъ.
О градъ нещастливый! сестра моя любезна!
Простите! жизнь моя вамъ стала бесполезна.

Д. ЕПИСТОЛА КЪ НЕПРАВЕДНЫМЪ СУДЬЯМЪ (1759). ([30]).

О вы, хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случилось ли себѣ вамъ то воображать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося, какъ Богу, повсечасно,
Противъ васъ яростью по правости кипѣть,
И въ сердцѣ то скрывать, сердиться и терпѣть?
Иль вы не помните, въ ожесточеньи тверды,
Что Вышній справедливъ, а вы немилосерды?
Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мститъ,

И вамъ стенаніе невинныхъ отплатитъ?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли намъ щастіе не вѣчно?
Неправду видитъ Богъ, и внемлетъ бѣдныхъ стонъ:
Что вы ни мысльте, о всемъ извѣстенъ Онъ;
А что творите вы, такъ то и люди знаютъ,
Которыя отъ васъ отчаянно стонаютъ.

Е. ЧЕТЫРЕ ОТВѢТА (1759). (51).

Ты спрашиваешъ меня, мой другъ, и задаешъ четыре мнѣ вопроса: что бы я дѣлалъ: 1) ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ; 2) ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; 3) ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ; 4) ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ. На перьвой вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей; не пропустилъ бы ни одного праздника, чтобъ не обѣжать города, разнося поздравленіе; ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпачкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ тобакомъ; научился бы въ карты играть во всѣ игры, ибо, играя въ карты, можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто, чтобъ говорить, весьма низко нагибаяся: доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, сказать ему приободрившись: у васъ тринатцать, а у меня четырнатцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатной господинъ со мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не достало истинны, такъ бы я дополнялъ ложью; да и ни что не украшаетъ такъ рѣчи какъ ложь: Стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лутче всево поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сія должность нажиточна, почтенна и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ; почтенна, что всѣ кланяются; легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подьячій, а они такъ же люди присяжныя и положиться на нихъ безо всякаго сумнѣнія можно. И подьячій отъ того же созданъ Бога, отъ котораго человѣкъ: такъ суемудренно сіе мнѣніе, что подьяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подьячева разности мало, и гораздо менше нежели между подьячева и между другой какой твари. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ,—я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту услуги, ни ково бы ни какою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какія не только ни чево не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ,—я бы неусыпно старался о благополучіи моего отечества, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о утоленіи пороковъ и о истребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгоненіи суевѣрія, о уменшеніи не надобнаго обществу великолѣпія, о уменшеніи картежной игры, чтобъ она не отъимала у людей

полезнаго времени, о воспитаніи, о учреждeніи и порядкѣ училищей, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буяиства, петиметерства и искорененіи тунеядства. А ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ,—такъ бы жилъ великолѣпно: ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ; а что бы я дѣлалъ, етова я не скажу.

ж. письмо (1760). (32).

Утѣсненная истинна пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуяся на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которыя до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Юпитеръ отрекался и говорилъ ей, сколько вдовъ и сиротъ останется, и сколько прольется слезъ, сколько нищихъ умножится ходящихъ по миру и просящихъ милостины. Нѣтъ, отвѣчала она, нищихъ будетъ менше, ибо менше грабительства будетъ; или развѣ тебѣ больше угодно, чтобъ невинныхъ людей, ими ограбленныхъ, жены, дѣти и они сами слезы проливали и по миру таскались? Сверьхъ того рѣдко бываетъ, чтобы по мужней смерти жена, или по смерти отцовой сынъ или дочь, послѣ приказнова человѣка по миру ходили: всегда послѣ ихъ имѣнія остается довольно; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабакѣ, нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошеніи согласился на конецъ Юпитеръ ударити громомъ, но клялся Стиксомъ, что онъ того въ другой разъ не здѣлаетъ: лутче, говорилъ онъ, ихъ исправлять, нежели истреблять. И хотя Истинна и увѣряла ево, что удобняе петиметера удержать отъ нарядовъ, нежели подьячева ото взятокъ; однако Юпитеръ согласился однажды только громомъ ударить и сказалъ: хотя бы я и не клялся,—я бы въ другой разъ не здѣлалъ сего, убѣгая пореканія; беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большеству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ, но Политика тебя еще почтеннее: безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея ни какъ не возможно. Истинна не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ истребленіяхъ, имѣя надежду, что, по единственномъ истребленіи приказнаго рода, такова грабительства уже не будетъ, и была обѣщаніемъ ево довольна. Ударилъ Юпитеръ —повалилися подьячія и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истинна; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самыя главныя злодѣи изъ приказныхъ служителей осталися цѣлы! Что ты здѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей! воскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣденіемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что ето подьячія! я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (33), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ.

з. сонъ—счастливое общество. (1759). (34).

Заснувъ нѣкогда, увидѣлъ я въ успокоеніи моемъ мечтаніе благополучія общества, приведеннаго въ такое состояніе, каковаго несовершенство естества достигнуть можетъ. Былъ я въ мечтательной странѣ и разсмотрѣлъ подробно мечтательное оныя благосостояніе. Страна сія обладаема великимъ человѣкомъ, котораго неусыпное попеченіе, съ помощію избранныхъ ево помощниковъ, подало подвластному ему народу благоденствіе. Желая объявить о порядкѣ ево владѣнія, начну я собственною ево особою.

Сей Государь во многодѣліи своемъ смѣшенныхъ (35) мыслей и слѣдственно врачнаго вида не имѣетъ. Онъ имѣетъ обыкновеніе не всегда въ дѣлахъ, но иногда и въ забавахъ упражняться, однако и въ нихъ не погубляетъ онъ драгоцѣннаго времени: ибо и они на всенародной основаны пользѣ. Всѣхъ подданныхъ своихъ пріемлетъ онъ ласково и всѣ дѣла выслушиваетъ терпѣливо. Достоинство не остается безъ воздаянія, беззаконіе безъ наказанія, а преступленіе безъ исправленія. Симъ имѣетъ онъ народную любовь, страхъ и почтеніе. Получить ево милость нѣтъ иной дороги, кромѣ достоинства. Раздражить ево, кромѣ беззаконія и нерадѣнія, ни чемъ не возможно. Слабости прощаетъ онъ милосердо, беззаконія наказуетъ строго. Начальниками дѣлаетъ онъ людей честныхъ, разумныхъ и во званіи своемъ искусныхъ. Отроки по склонностямъ въ обученіе отдаются, люди совершеннаго возраста по способности распредѣляются, а въ начальники производятся по достоинству: и отъ того имъ подчиненныя исполняютъ ихъ повелѣнія съ великимъ усердіемъ, а они о ихъ благополучіи стараются. Сей Государь ни чево служащаго пользѣ общества не забываетъ, а о собственной своей пользѣ, кромѣ истинной своей славы, никогда не думаетъ. Благочестіе, не допускающее примѣситься себѣ суевѣрію въ сей странѣ, есть основаніе всего народнаго благополучія. Духовныя содержатся въ великомъ почтеніи, котораго они и достойны. Они во многомъ подобны Стоическимъ Философамъ; ибо страсти самую малую искру области (36) надъ ними имѣютъ, а они равны и во благополучіи и во злополучіи. Къ пищѣ привыкли они необходимой. Кромѣ необходимости; ни въ чемъ, ни чево не требуютъ, и довольствуются содержаніемъ безъ малѣйшаго излишества, не имѣя притомъ и ни малѣйшаго, вреднаго человѣческому естеству недостатка. Всѣ они люди великаго ученія и безпорочныя жизни: перьвое служитъ ко наставленію добродѣтели, а второе къ показанію образца проповѣдуемой ими добродѣтельной жизни. Свѣтскіе почитаютъ ихъ безмѣрно; но сіе не приключаетъ имъ высокомѣрія, но увеличиваетъ ихъ человѣколюбіе. Во свѣтскія дѣла они ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваются, а науки благочестія просвѣщеніемъ почитаютъ. О домостроительствѣ они не пекутся, ибо содержитъ ихъ общество, и получаютъ они опредѣленное; а больше того имъ ни кто участно (37) дать не дерзаетъ, ибо то наказанію подвержено, да они и сами въ сіе преступленіе не впадаютъ: сіе нарушаетъ правила ихъ и опровергаетъ почтеніе, заслуженное ими по справедливости. Они ко свѣтскимъ, а свѣтскія къ нимъ имѣютъ любовь, и отъ того между духовными и свѣтскими согласіе, что на свѣтѣ бываетъ рѣдко. Суевѣрія и лицемѣрія они неприятели, перьвое язвою благочестія почитая, а второе лукавствомъ, затмѣвающимъ сіяніе благочестія, подъ ложнымъ видомъ умноженія лучей ево, и маскою злодѣянія: ибо де истинное благочестіе притворства не требуетъ. Главное свѣтское правленіе называется тамъ Государственный совѣтъ. Въ нево ни какихъ участныхъ дѣлъ не вносится. Тамъ разпорядки, исправленія, узаконенія и протчія государственныя основанія или по повелѣнію Монарха, или ко предложенію оному. Узаконенія въ области сей дѣлаются очень рѣдко, а отмѣняются еще рѣже. Книга узаконеній ихъ не больше нашего Календаря и у всѣхъ выучена наизусть, а грамотѣ тамо всѣ знаютъ. Сія книга начинается тако: «чево себѣ не хочешь, тово и другому не желай», а окончевается: «за добродѣтель воздаяніе, а за беззаконіе казнь». Права ихъ отъ того въ такую малую вмѣщены книгу,

что всѣ они на одномъ естественномъ законѣ основаны. Преступить законъ тамо народъ весьма опасается; ибо, заслуживъ приличное винѣ своей наказаніе, уменшенія онаго имѣть не уповаетъ, а живучи честно, ни чево не опасается. Дражайшая безопасность, упованіе на невинность и неизбѣжное наказаніе твердо содержатъ людей сего народа въ границахъ честности. Въ Государственномъ совѣтѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ больше судей, нежели писцовъ, и бумаги исходитъ очень мало. Писцы ихъ пишутъ очень коротко и ясно. Дѣла во всѣхъ приказахъ вершатся не по числу голосовъ, но по книгѣ узаконеній, отъ чего ни споровъ, ни неправды не бываетъ. Тѣ, которыя неправильно бьютчеломъ, сверьхъ потерянія тяжбы и убытка, у всѣхъ въ презрѣніе приходатъ; а тѣ, которые не по книгѣ узаконеній дѣла вершатъ, за неправду лишаются должностей своихъ: и для того узаконенія, ясно изображенныя, свято и не нарушимо наблюдаются. Дѣла окончеваютъ очень скоро, для того что очень мало спорятъ, а еще менше пишутъ, и ни челобитчиковъ, ни отвѣтчиковъ лишняго говорить не допускаютъ, а главная причина скорости ихъ—безпристрастіе. За малѣйшія взятки лишается судья и чина своево, и всего имѣнія; однако дѣти винныхъ людей ни чево не теряютъ, ибо все имъ возвращается. Дѣти тамо за отеческія прослуги ([38]) не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имѣютъ тамо люди ни благородства, ни подлородства, и преимуществуютъ по чинамъ, даннымъ имъ по ихъ достоинствамъ, и столько же права крестьянской имѣетъ сынъ быть великимъ господиномъ, сколько сынъ перьваго Вельможи. А сіе подаетъ охоту ко снисканію достоинства, ревность ко услугамъ отечеству и отвращеніе отъ тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражненіе, всякое художество и всякое ремесло, по размѣру своея доброты и по размѣру успѣха труждающагося, тамо въ почтеніи, а тунеядство въ превеличайшемъ презрѣніи, и слово тунеядецъ жестокая тамо брань, которыя гнушаяся, къ работѣ люди съ самаго младенчества привыкаютъ. Пьянство—мгла благоразумія и источникъ наглыхъ и вредительныхъ поведеній—такъ же въ великомъ тамо презрѣніи, и благоразумнымъ обыкновеніемъ вкореняется отъ него въ людяхъ отвращеніе при воспитаніи. Денежныя игры, приличныя тунеядцамъ и добывателямъ безполезнаго обществу труда денегъ и погубителямъ времени, могущаго употребленнымъ быть на что нибудь надобное, у нихъ, почитая волность, хотя и не заказаны, подобно какъ и пьянство, однако часто упражняющіяся въ нихъ люди презираются. Больше мѣсяца въ судебныхъ тамо мѣстахъ ни какое дѣло не продолжается, а по мѣсяцу времени берутъ только самыя завящивыя ([39]) дѣла. Что не требуетъ раздумчивости, на то въ самую минуту предложенія дѣлается и рѣшеніе. Всякое челобитье у нихъ законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и отвѣтчики отъ своихъ должностей уволяются; а ежели должность просящихъ суда или оправдающихся по важности уволненія не терпитъ, тогда опредѣленныя на то стряпчія, всѣ собравъ доказательства и оправданія, съ принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о дѣлѣ стараются, подъ смотрѣніемъ начальника стряпчихъ, что у нихъ чинъ великой. Дѣла изъ города въ городъ и изъ приказа въ приказъ не переносятся; а ежели судящія неправедно осудятъ, тогда оное дѣло разсматривается въ государственномъ совѣтѣ, что бываетъ очень рѣдко, а по сему разсмотрѣнію слѣдуетъ судьямъ наказаніе. А когда проситель судей обне-

сетъ неправильно, — онъ еще большему наказанію подвергается, что еще рѣже бываетъ. Судьи для подозрѣнія отъ дѣлъ не отрѣшаются; ибо ни кто противъ узаконеній голоса подать не дерзаетъ, подобно какъ законодавцы не должны дерзать дѣлать узаконеній противъ истинны: и тако не судьи тамо страшны, но судъ, который основанъ на узаконеніяхъ, а узаконенія на истиннѣ. Войски ихъ состоятъ подъ воинственнымъ совѣтомъ, а сей совѣтъ подъ Государственнымъ. Главныя люди въ воинской службѣ называются Военачальниками, а подъ ними Полководцы, и такъ ниже. Всякой Военачальникъ и всѣ воинскіе начальники прежде быть рядовыми, всѣ нижнія степени пройти, и всѣ оныхъ исполненія познать, и въ нихъ совершенно углубиться одолжены. Но не только едина привычка, ниже при томъ и мужество еще не довольны тамо для Военачальника. Остроуміе и великое знаніе сверьхъ того ему необходимы: первое для скораго проницанія, а второе для благоразумнаго расположенія ево предпріятій. Воины по степенямъ исполняютъ повелѣнія своихъ начальниковъ съ превеликимъ наблюденіемъ и дѣлаютъ имъ великое почтеніе, а начальники ни малѣйшаго къ подчиненнымъ не имѣютъ уничтоженія ([40]). Въ мирное время войски ихъ непрестанно воинскимъ обрядамъ обучаются, и, снабдѣнны всѣмъ, во всякое время ко бранному походу готовы. Къ суровой жизни военныя люди всѣми мѣрами стараются привыкнуть и, какъ защитники отечества, народомъ почитаемы и любимы. Они имѣютъ похвалу, что коль велико во время сраженія ихъ мужество, толики послѣ побѣды ихъ человѣколюбіе и великодушіе. Симъ приносятъ они сугубую славу своему отечеству и сугубое почтеніе отъ самихъ непріятелей. Подчиненныя такъ обыкли повиноваться своимъ начальникамъ, что во время жесточайшаго распаленія единымъ словомъ обуздоваются. Добычь воинская имъ не извѣстна: то у нихъ заказано; а что получится, то послѣ порядочно и разсмотрительно раздѣляется, отъ чево воины думаютъ о побѣдѣ, а не о добычѣ. Побѣжденныхъ и непротивящихся убивать запрещено, подъ лишеніемъ жизни. Больше бы мнѣ еще грезилося, но я живу подъ самою колокольнею: стали звонить и меня разбудили, и лишили меня сего приятнѣйшаго привидѣнія. Дай Боже, что бы сны, подобныя сну сему, многимъ видилися, а особливо наперстникамъ фортуны.

и. васни. ([41]).

1. Протоколъ.

Укралъ подъячій протоколъ:
А я не лицемѣрю,
Что етому не вѣрю.
Впадетъ ли въ таковой расколъ
Душа такова человѣка!
Подьячія тово не дѣлали въ вѣкъ вѣка.
И можетъ ли когда имѣть подьячій страсть,
Чтобъ сталъ онъ красть!
Нѣтъ, я не лицемѣрю,
Что етому не вѣрю:
Подьяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говоритъ гораздо краснорѣчно:
Увѣрила меня, что было то конечно;
У правды мало вракъ;
Не спорю: было такъ.
Судья тово приказа
Былъ доброй человѣкъ;
Да лишь во весь онъ вѣкъ
Не выучилъ ни одново указа.
Однако осудилъ за протоколъ
Подьячева на колъ.
Хоть ето строго,
Да не гораздо много.
Мнѣ жалко только то: подьячій мой
Оттоль не принесетъ полушички домой.

Подьячій нѣсколько въ лицѣ перемѣнялся,
И извинялся,
На милосердіе судью маня,
И говорилъ: попуталъ чортъ меня.
Судья на то: такъ онъ теперь и оправдался;
Я право етова, мой другъ, не дожидался—
За протоколъ
Ево поймать и посадить на колъ.
Однако ты, судья, хоть городъ весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь;
Пожалуй, справокъ ты не умножай,
Да етова на колъ сажай.

2. *Порча языка.* (42).

Послушай Басенки, Мотонисъ, ты моей:
Смотри въ подобіи на истинну ты въ ней,
И отвращеніе имѣй
Отъ тѣхъ людей,
Которыя ругаются собою,
Чему смѣюся я съ Козицкимъ и съ тобою.
Въ дремучій вшодши лѣсъ,
Въ чужихъ краяхъ былъ песъ,
И, сограждань своихъ поставивъ за невѣжей,
Жилъ въ волчей онъ странѣ и во странѣ медвѣжей.
Не лаялъ больше песъ, медвѣдемъ онъ ревелъ
И волчьи пѣсни пѣлъ.
Пришедъ оттоль ко псамъ обратно,
Отеческій языкъ не къ стати украшалъ:
Медвѣжій ревъ и вой онъ волчій въ лай мѣшалъ,
И почалъ говорить собакамъ не понятно.
Собаки говорили:
Не надобно твоихъ намъ новенькихъ музыкъ;
Ты портишь ими нашъ языкъ:
И стали грысть ево и уморили.
А я надгробіе читалъ у пса сево:
Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся,
И не вводи въ нево
Чужова ни чево,
Но собственной своей красою украшайся.

3. *Совѣтъ боярской.* (43).

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ небылъ данъ
Россія Іоанъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни.
Въ Россіи не было спокойнаго часа:
Опустошались нивы
И были въ пламени лѣса:
Татары бодрствуя, неслясь подъ небеса,
Зря, сколь лѣнивы
Итти, во праздности живущія, па брань.
И тѣ съ насъ брали дань,
Которыя уже возрѣть тогда не смѣютъ,
Какъ наши знамена явятся и возвѣютъ.
Они готовы нынѣ намъ,
Какъ мы имъ были, во услугу.
Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
Несутъ Татара страхъ Россійскимъ сторонамъ,
И разоряли ужъ и Тулу и Калугу;
Предъ Россами они въ сіи дни грязь и прахъ,
Однако нанесли тогда Россіи страхъ,
Уже къ Москвѣ подходятъ,
И жителей Москвы ко трепету приводятъ.
Татара многажды съ успѣхами дрались.
Бояря собрались
Ко совѣщанію на разныя отвѣты,
И дѣлаютъ совѣты;
Въ совѣтѣ томъ бояринъ нѣкій былъ:
Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.
Бояра
Внимаютъ мужа стара;
А онъ спросилъ у нихъ: отколь идутъ Татара?

Съ полудня, говорятъ.—Гдѣ полдень? я не знаю.—
Отъ Тулы ихъ походъ.—Я ето вспоминаю:
Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой тамъ,
И много зайцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ.
Я вамъ вѣщаю
Въ отвѣтъ,
И мнѣніе свое вамъ ясно сообщаю:
Въ татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
И больше ни чево сказать не обѣщаю.
Меня Татаринъ не сожжетъ
И мнѣ не здѣлаетъ.... увѣчья
Среди Замоскворѣчья.
Распоряжайте вы, а мой совѣтъ такой:
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

4. *Недостатокъ времени.* (44).

Живъ праздности въ удѣлѣ,
И въ день ни во единъ
Не упражнялся въ дѣлѣ
Какой то молодой и глупой господинъ.
Гораздо, кажется, тамъ качества упруги,
Гдѣ нѣтъ отечеству ни малыя услуги.
На что родится человѣкъ,
Когда проводитъ онъ во тунѣядствѣ вѣкъ?
Онъ членъ ли общества? моя на ето справка,
Внесенная во протоколъ:
Не членъ онъ тѣла—бородавка;
Не древо въ рощѣ онъ, но изсушенный колъ;
Не человѣкъ, но волъ,
Котораго не жарятъ;
И Богъ то вѣдаетъ, за что его боярятъ.
Мнѣ мнится—безъ причинъ
Къ такимъ прилогъ (45) и чинъ.
Могуль я чтить урода,
Котораго природа
Произвела осломъ?
Не знаю, для чево щадить такихъ и громъ.
Такой и мыслію до дѣлъ не достигаетъ,
Единой праздности онъ другъ,
Но ту свою вину на время возлагаетъ;
Онъ только говоритъ: севодни недосугъ.
А что ему дѣла, во тунѣядствѣ, бремя,
На время онъ вину кладетъ,
Болтая: времени ему ко дѣлу нѣтъ.
Пришло къ нему часу въ десятомъ время:
Онъ спитъ,
Храпитъ;
Пріему время не находитъ
И прочь отходитъ.
Въ одиннатцать часовъ пьетъ чай, табакъ куритъ,
И ничево не говоритъ.
Такъ времени ево способной часъ невѣдомъ.
Въ двѣнатцать онъ часовъ пируетъ за обѣдомъ;
Потомъ онъ спитъ,
Опять храпитъ.
А подъ вѣчеръ болванъ, онъ сидя, убираетъ:
Не мысли, волосы приводитъ въ ладъ,
И въ сонмищи публичны ѣдетъ гадъ,
И послѣ въ карты проиграетъ.
Нещастливъ етотъ градъ,
Гдѣ всякой день почти и клобъ и маскерадъ.

5. *Двѣ дочери подьячихъ.*

Подьячій былъ, и былъ онъ доброй человѣкъ,
Чево не слыхано во вѣкъ:
Умъ рѣзвой
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвой,
И сверьхъ тово еще писать умѣлъ.
Читатель етому конечно не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ;
Что Хамово то племя
И что крапивно сѣмя (46),

И что не возлетятъ ихъ души къ небѣсамъ,
И что наперсники подьячія бѣсамъ —
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подьячева вѣкъ минулъ,
Хотя подьячій сей работалъ день и ночь;
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь ево въ вѣкъ по миру таскаться.
Другой подьячій былъ и взятки бралъ,
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ;
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти:
Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по миру таскается съ сумой,
А ета чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

I. ХОРЪ КЪ ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ.
(1763). (17).

Прилетела на берегъ синица
Изъ за полночнова моря,
Изъ за холодна Океяна.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какія обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы доброправны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цуками не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцовъ не просятъ;
За носъ тамъ судей писцы не водятъ;
Сахаръ подъячій покупаетъ;
За моремъ подъячія честны;
За моремъ писать они умѣютъ.
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ:
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Что бы не стонало Государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ.
За моремъ почетныя люди
Шеи назадъ не загибаютъ:
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ.
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ;
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брюзгливы;
Чотокъ они хотя не носятъ,
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ противно указу
Росту заказнова не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Брѣдить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрыя люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избъ не выносятъ.
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильныя безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки;
Тамъ тово не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не нада,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовской не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не къ стати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутыя вывозятъ.
Вздору тамъ Ораторы не мѣлютъ;
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у Писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны.
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобой не дышетъ.
Ябѣды за моремъ не знаютъ.

Лутче тамъ достоинство наука,
Лутче приказнова крюка.
Хитрости свободны тамъ почтеннѣй,
Нежели не внятныя екстракты.
Тамъ купецъ–купецъ, а не обманщикъ.
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лѣсти за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно,
Ложъ тамъ велико беззаконье.
За моремъ нѣтъ тунеядцовъ:
Всѣ люди за моремъ трудятся,
Всѣ тамъ отечеству служатъ;
Лутче работящій тамъ крестьянинъ,
Нежель господинъ тунеядецъ;
Лутче не расчесаны кудри,
Нежели парикъ на болванѣ.
За моремъ почтенные свиньи,
Нежели безстыдны сребролюбцы.
. . . .
Пьяныя по улицамъ не ходятъ,
И людей на улицахъ не рѣжутъ.

к. изъ комед.: лихоимецъ (1768). (48).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 3.

Пасквинъ и Клара.

Пасквинъ.

Спѣсивъ господинъ вашъ: дожидайся ево въ передней, будто вельможи; а онъ по тому только вельможа, что у нево много денегъ и торгуетъ лихоимствомъ, за которое по малой мѣрѣ достоинъ онъ каторги. Нещастлива ты, дѣвушка, что едакому служишъ господину.

Клара.

Я ево племянницы, а не ево, и служу ей. А ежели бы ево была, такъ бы я давно удавилась. Я думаю, что другова едакова гнуснова человѣка на свѣтѣ нѣтъ, и удивляюся, какъ ево по ето время громъ не убьетъ. Я получаю все отъ госпожи своей, а ево люди въ мясоѣдъ питаются протухлою ветчиной, а въ посты толокномъ.

Пасквинъ.

Ето что за причина, скажи мнѣ, дѣвушка, что на вашихъ нѣкоторыхъ людяхъ бѣлыя кафтаны съ черными заплатами?

Клара.

Кащей охотникъ до пѣгихъ лошадей: такъ онъ и любимыхъ у себя служителей такъ одѣваетъ.

Пасквинъ.

Ты въ шутку говоришъ, а я не въ шутку спрашиваю.

Клара.

Какая шутка! у нихъ кафтаны изорвалися: такъ на починку бѣлыхъ кафтановъ, сошитыхъ ради того чтобы ихъ мыть было можно, далъ онъ имъ, за неимѣніемъ бѣлова сукна, старой свой черной камзолъ; а когда они докладывали ему, что черныя заплаты на бѣлыхъ кафтанахъ не красивы, такъ онъ имъ точно такъ отвѣчалъ: когда мои воронопѣгія лошади въ каретѣ красивы, такъ и воронопѣгія слуги красивы будутъ; а на пересмѣшниковъ нѣчево смотрѣть: у насъ де и свѣтъ на томъ стоитъ только, что другъ друга пересмѣхаютъ.

Пасквинъ.

Какая чудная у нево карета и какая скаредная ливрея.

Клара.

Въ етой каретѣ ѣздилъ ево дѣдъ: такъ онъ говоритъ, будто онъ ее держитъ за диковинку; а нынѣ етотъ рыдванъ выкрасилъ ево стряпчій, дворецкой и камердинеръ своими руками. А потому, что они съ роду ни чево не крашивали, такъ, стараяся здѣлать ево зеленымъ, выкрасили ево такою краскою, которая еще и названія не имѣетъ. А ливрея ета дѣлана еще ко свадьбѣ ево, сорокъ лѣтъ уже тому, а нынѣ выворочена: нынѣ де, говоритъ онъ, такой доброты суконъ не вывозится. И надѣваютъ лакеи тѣ кафтаны только тогда, когда онъ выѣзжаетъ; а дома ходятъ они въ такомъ платьи, какъ бобыли въ

деревняхъ, исключая пѣгихъ ево офиціантовъ, которыя красили ево карету.

Пасквинъ.

Почтенной человѣкъ!

Клара.

А къ друзьямъ своимъ возитъ онъ на именины: зимою мерзлой платвы, рыбы по три, а лѣтомъ даритъ онъ именинниковъ и именинницъ рѣпою, хреномъ и кочнами капусты.

Пасквинъ.

Какая ето подлость!

Клара.

Онъ себя такъ не называетъ, а говоритъ то, что у нево всѣ лутчія фамиліи въ сундукѣ, по тому что они у нево деньги занимаютъ и подписываютъ на крѣпостяхъ имена свои.

Пасквинъ.

Вотъ еще какая гордость!

Клара.

Даетъ себѣ титлю великороднаго.

Пасквинъ.

Едакой!

Клара.

Ужъ нынѣ по постамъ и мясо зачалъ ѣсть.

Пасквинъ.

Едакой!

Клара.

Намнясь подарилъ онъ приятеля не мерзлой уже платицей: привезъ ему въ кармане убитова сырова цыпленка, да и самъ половину убралъ, а ето было въ пятницу.

Пасквинъ.

Модной человѣкъ!

Клара.

Въ другой день привезъ онъ артишокъ, а не хренъ уже, и хотѣлъ такъ же половину подарка убрать, а не ѣвъ никогда артишоковъ, чуть было не подавился.

Пасквинъ.

Туда бы и дорога.

Клара.

Поставилъ у себя передъ дворомъ столбъ: ежели продаетъ когда сѣно, или овесъ, или какія другія деревенскія припасы, такъ прибиваетъ на етомъ столбѣ цыдулки, что то—то или то—то продается.

Пасквинъ.

Конечно быть ему самому у столба и имѣти на себѣ цыдулку: преступникъ законовъ и лихоимецъ.

Клара.

А когда его товары станутъ торговать, такъ ради тово, чтобы не обманули ево, выходитъ онъ самъ за ворота, и слушаетъ какъ торгуютъ; а сверьхъ того самъ переторговываетъ товары свои, какъ посторонній, чтобы цѣну возвысить.

Пасквинъ.

Едакая свинья достойна ли господскова имени!

Клара.

Крестовому (49) изъ деревни своей священнику даетъ онъ за всенощну по три копѣйки и подноситъ ему, ежели всенощна съ акафистомъ, еще по чаркѣ водки, а естьли безъ акафиста, такъ тогда и водки нѣтъ. А молебны заставляетъ онъ такъ пѣти, чтобы многимъ угодникамъ вдругъ, хотябы и Спасу притомъ; и ради того ежегодно торжествуетъ онъ праздникъ Всѣхъ святыхъ болѣе всѣхъ праздниковъ: всѣмъ де Святымъ я здѣлаю угожденіе одною свѣчею. Днемъ лампады у нево предъ образами не зажигаются, а горятъ они ночью вмѣсто нощниковъ.

Пасквинъ.

О мерзавецъ! не слыханной мерзавецъ! думаю, что твоей душѣ и во адѣ мѣста не будетъ.

Клара.

Что ето я съ тобою такъ заговорилась!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Пасквинъ (одинъ).

Не постижимы судьбы! сверчки и тараканы ни какой пользы естеству не приносятъ: на что они созданы? но то еще не столько удивительно: отъ нихъ только мерзость; черти-то, ябедники и лихоимцы на что созданы? А едакова скареднова лихоимца, каковъ Кащей, на свѣтѣ не бывало. Чудно ето, что о ево лихоимствѣ по сіе время при Дворѣ не знаютъ. Со всѣхъ лупитъ по двенатцати, по пятнатцати процентовъ, и всѣ молчатъ, будто какъ бы заимодавцы въ непристойной вѣрности ему присягали. Не опасаются ли они, чтобы ихъ не назвали доводчиками? Ежели опасаются, такъ надобно молчать и видя вора, разбойника и предателя своего отечества. По етому и машейниковъ не надобно ловить; а Кащей всѣхъ машейниковъ гаже.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Кащей, Дорантъ и Пасквинъ.

Дорантъ.

Сверьхъ излишнихъ процентовъ, вы требовали отъ меня, чтобы я заплатилъ уже по пятнатцати со ста; занявъ у васъ мѣдными грошевиками, заплатилъ вамъ рублевиками; а ежели я платить буду мѣдными, такъ бы я придалъ по гривнѣ на рубль; а на конецъ положили, что хотя бы я вамъ заплатилъ и серебреными, однако за пожданье на каждый бы рубль отдалъ вамъ безъ отговорки по гривнѣ.

Кащей.

Не въ твою пору плачевали мнѣ по дватцати по пяти процентовъ со ста: а ты что за выскачка? Ты человѣкъ молодой: такъ тебѣ надобно заслуживать себѣ честное имя. Мнѣ, дѣдъ твой, другъ былъ; я съ нимъ грамотѣ вмѣстѣ училея: такъ видя такое твое упрямство, сердце мое разрывается. Какой ты скупеитяй! жаль тебѣ безделицы— одной гривны.

Дорантъ.

На четыре тысячи рублевъ такихъ гривенъ много будетъ.

Кащей.

Фу, какая причина! да вить тебѣ жити съ добрыми людьми, а не съ деньгами; а деньги прахъ; вить какъ умремъ, такъ ничево съ собою не возмемъ.

Дорантъ.

Такъ на что же вы лишнева съ меня и требуете?

Кащей.

Да ето порядокъ только.

Дорантъ.

Етотъ порядокъ вамъ не праведно прибыленъ, а мнѣ не праведно убыточенъ.

Кащей.

Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ.

Дорантъ.

Да вить и у меня такія же руки.

Кащей.

Ты человѣкъ молодой, такъ разбогатеть можешъ; а я уже на страшный судъ готовлюся и смотрю во гробъ: такъ некогда мнѣ разживаться, и только о томъ пекуся, чтобы чѣмъ мою грѣшную душу помянуть.

Дорантъ.

Много на ваши поминки останется, а дѣтей у васъ только три дочери и никто изъ нихъ по миру не пойдетъ.

Кащей.

Да вить деньги то мѣтать и грѣшно, и должно ихъ почитать и беречь, по тому что на нихъ Царской ликъ.

Дорантъ.

На голландскихъ червонныхъ и Царскова лика нѣтъ; а ты ихъ съ меня требуешъ, говоря, мнѣ де все равно— хоть голландскія, хоть русскія.

Кащей.

Да вить изъ золота и церковныя со-

суды дѣлаются: такъ какъ ево не почитать?

Дорантъ.

Я вамъ лишнева больше платить не хочу, какъ вы изволите; а по договору лишку я заплатилъ довольно; въ закладной написано шесть процентовъ, а вы вычли сверьхъ тово по девяти рублевъ со ста при дачѣ мнѣ.

Кащей.

Едакой упрямецъ! мнѣ казалося, что ты самой доброй человѣкъ и о такой мѣлочи и слова не скажешь. Вотъ говорятъ, будто науки людей просвѣщаютъ! намнясь у меня былъ хотя и безграмотной, однако весьма ученой человѣкъ, и сказывалъ то мнѣ, что за моремъ какая-то напечатана книга, въ которой ясно изображено, что науки человѣка портятъ ([50]). И подлинно такъ: ежелибы ты жилъ по дѣдовски, такъ бы ты не былъ таковъ упрямъ; подлинно то, что науки всему злу корень.

Дорантъ.

На чемъ же мы разстанемся?

Кащей.

На томъ, что я своего честнова слова ни для какова прибытка не перемѣню, и меньше тово, какъ я положилъ, не приму, и честію моею тебѣ клянуся, что я твоихъ закладовъ инако тебѣ не отдамъ: вить я не вѣртопрахъ, и говорилъ бы и то и другое; что молвлено, то и здѣлано.

Дорантъ.

Такъ я деньги свои при доношеніи внесу, куда надлежитъ.

Кащей.

Пойди жъ вонъ, ябѣдникъ.

Дорантъ.

Ты меня не высылай, государь мой: или будетъ худо.

Кащей.

Какъ! худо мнѣ въ моемъ домѣ будетъ?

Дорантъ.

Тебѣ, когда нибудь, ежели твоя жизнь попродлится, худо будетъ и на площади.

Кащей.

Люди, люди! дубья! я тебя, другъ мой, управлю; я тебя доѣду; я тебя проучу.

Дорантъ.

Право, я тебя не боюся.

Л. ИЗЪ ТРАГЕДІИ: ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ (1771). ([51]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Георгій и Ксенія.

Георгій.

Языкъ мой долженъ я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, естьли царь неправеденъ и злобенъ.

Ксенія.

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишъ одни.

Георгій.

О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низверженна съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,

Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ,
И Церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ Папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Пострадетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мѣчь.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ Папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ ([52]).

Ксенія.

Всѣ силы пагубны: Димитрій, Климентъ, адъ,
Изъ сердца моево тебя не истребятъ.
О Небо, удали свирепство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истиннѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ,—
Едино только то, чево желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На щастьи подданныхъ основанны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера возмѣтала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала ([53]).
Изверженъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И Домы божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ;
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ;
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой,
И мужа украси достойна діадимой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Димитрій (*одинъ*). ([54]).

Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ.
Гласятъ граждана: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя степени,
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ гееннѣ я и въ пламени горю;
Возрю на небеса—селенье райско зрю:
Тамъ добрыя цари природы всей красою,
И ангели кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ. бѣги.... ково бѣжать?... себя:
Не вижу ни ково другова предъ собою.

Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою.
Убійца здѣсь—бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!... кому?... себѣ.... себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?... того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ нещастію, умру ко щастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую—и мучуся всегда.
Терпи и погибай, возшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ; живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ V.

Димитрій (одинъ).

Блаженная душа идетъ въ объятье Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь — ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса,
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило....
Помедли въ небеси, горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишся всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій (одинъ).

(Занавѣсъ подымается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ; возлѣ него столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ):

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мѣчты, моихъ мученій:
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ,
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.

(Слышанъ колоколъ).

Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина?

(Востаетъ.)

Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ.... сего не зналъ я прежде....
Объятъ отчаяньемъ — и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ....
О Боже!... но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются к виду....
Смотрю прибѣжища.... не зрю.... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества....
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля...
Все, все противъ меня: и небо и земля....
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

III. ИЗЪ ТРАГЕДІИ: МСТИСЛАВЪ (1774). [55].

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

Мстиславъ (одинъ сидя въ креслахъ.)

Зрятъ то, что царска жизнь въ веселіи точетъ;
Но сколько тягостей она царю влечетъ!
Не лутче ли стократъ людей участныхъ [56] доля?
Толико страждетъ ли и разумъ ихъ и воля?
Убогій человѣкъ, покорствуя судьбѣ,
Печется объ одномъ во бѣдности себѣ;
А обстоятельства єво хотя и люты,
Къ отдохновенію имѣетъ онъ минуты.
Лишъ мы спокойствію прійти къ себѣ прѣтимъ;
Ежеминутно въ мысль изъ мысли мы летимъ.
Во грудѣ бремени скрываются забавы:
Живемъ не для своей единыя мы славы,
И пользы не одной своей желаемъ мы,
Впервя для другихъ во вее свои умы.
Не вѣдя, праведнымъ не рѣдко досаждаемъ;
Не вѣдя, иногда злодѣевъ награждаемъ;
Питаемъ при себѣ мы часто лютыхъ змѣй,
И удаляемся честнѣйшихъ мы людей.
Ласкателями мы всемѣстно окруженны
И врѣдоносною сей язвой зараженны,
Не видимъ иногда пороковъ мы своихъ,
И въ добродѣтели преобращаемъ ихъ.
Отъ малодушія родившаясь унылость
Преобращается ласкателями въ милость.
Тиранство, варварство, всея природы срамъ,
Во правосудіе преобращаютъ намъ.
(Востаетъ.)
Ко правосудію ль теперь и я стремлюся!
Храню ли истинну или излишно злюся!
Не рушатся ли мной и милость и законъ!
Гнѣвъ яростно кипитъ, но праведенъ ли онъ!...
Я наглаго врага во братѣ ненавижу:
Во нагломъ я врагѣ любезна брата вижу.
Живи, любезный братъ!... умри, умри, злодѣй!...
Ахъ, нѣтъ: живи!... къ чему?... лишайся жизни сей!...
Отъ наглости твоей пощада удаленна;
Умри!... а смерть тебѣ уже опредѣленна.

[1]) «Хоревъ, трагедія Александра Сумарокова. Спб. Напеч. при Ак. Н. 1747». Представлена, въ первый разъ, 1750 г., кадетами Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса. Дѣйствующія лица: Кій. русскій князь, Хоревъ, братъ его и наслѣдникъ, Завлохъ, бывшій кіевскій князь, Оснельда, дочь Завлохова, Сталверьхъ, первый кіевскій бояринъ, Велькаръ, наперсникъ Хоревовъ, Астрада, мамка Оснельдина. Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: Кій овладѣлъ Кіевомъ, разбивъ Завлоха и взявъ въ плѣнъ Оснельду. Завлохъ подступаетъ къ городу съ войскомъ. Кій хочетъ освободить плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда желаетъ и не желаетъ свободы: она влюблена въ Хорева, который также питаетъ къ ней взаимную страсть. Не смотря на то, онъ долженъ, по повелѣнію своего брата и государя, сражаться съ отцемъ ея. Сталверьхъ возбуждаетъ въ Кіи подозрѣнія на счетъ Хорева, разсказывая ему, что послѣдній любитъ дочь врага своего брата. Послѣ побѣды надъ Завлохомъ, Велькаръ освободилъ одного плѣнника изъ темницы и послалъ его съ письмомъ Оснельды въ непріятельскій станъ. Кій заключаетъ Оснельду въ оковы и рѣшается отравить ее. Велькаръ является къ Кію съ мечемъ Завлоха, взятаго въ плѣнъ: тогда Кій, увѣренный въ невинности брата, соглашается на бракъ его съ Оснельдой, но посланный къ ней съ извѣстіемъ объ этомъ согласіи находитъ ее уже мертвою. Наконецъ приходитъ Хоревъ съ Завлохомъ, который прежде запрещалъ дочери любить Хорева, но который теперь разрѣшаетъ запрещеніе. Сталверьхъ, видя свои замыслы открытыми, оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Хоревъ также закалывается, узнавъ о смерти Оснельды. (Болѣе подробное изложеніе сюжета см. въ соч. г. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика, 1854», стр. 143—145, и въ соч. С. Глинки: «Очерки жизни и избранныя сочиненія Сумарокова, въ 3 ч., 1841», ч. III).

У Ломоносова, новыя изданія его сочиненій представляютъ мало отмѣнъ сравни-

тельно съ прежними; напротивъ, Сумароковъ измѣнялъ многое противъ начальныхъ изданій. Причина тому—поспѣшный трудъ, недостаточная обработка: извѣстно, что Сумароковъ даже тщеславился своимъ скорописаніемъ, которое поэтому часто равнялось небрежной, черновой работѣ. Кромѣ того Сумароковъ сокращалъ свои театральныя піесы, по нѣкоторымъ требованіямъ сценическаго ихъ представленія. Иногда перемѣны доходятъ до совершеннаго преобразованія, какъ напр. въ монологѣ Кія (1 явленіе 5-го акта). Варіанты къ Хореву взяты по двумъ изданіямъ Полнаго собранія сочиненій Сумарокова въ 10 ч. (1781 и 1787). Касательно орѳографіи, Сумароковъ самъ признавался, что онъ, за неимѣніемъ времени, сочиненія свои въ правописаніи не тщательно разсматривалъ (Соч. Сум., 1787, ч. X, стр. 99). Дѣйствительно, изданія его сочиненій, и отдѣльныхъ, и въ полномъ собраніи, удивительно небрежны, отъ кого бы ни происходила эта небрежность, доходящая иногда до безграмотности—отъ самого ли автора или отъ издателей. Особенно страдаетъ пунктуація. Поэтому, сохраняя въ точности выраженіе, языкъ Сумарокова со всѣми этимологическими и синтаксическими формами, я измѣнялъ только знаки препинанія. Безъ этой перемѣны, чтеніе сочиненій Сумарокова было бы весьма затруднительно.

²) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ въ Собр. соч.

³) Какъ этотъ, такъ и слѣдующіе три стиха исключены.

⁴) Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ.

⁵) Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ:
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

⁶) Такъ должно воинство ко брани учредить.

⁷) Онъ дочери своей.

⁸) Нейти.

⁹) Твою я вижу мысль.

¹⁰) Во тишинѣ.

¹¹) Во волѣ.

¹²) Тебя могу ли.

¹³) Въ душахъ изображаетъ.

¹⁴) Возвышаемъ.

¹⁵) Отсюда до словъ: «опять возстановленъ», исключено.

¹⁶) Но если мщенія Оснельда не забудетъ,
И ежели супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ прежде былъ Хоревъ трепещущимъ ордамъ,
Текущимъ отъ него по блатамъ и водамъ?

¹⁷) Отсюда до словъ: «на мя озлился», исключено.

¹⁸) А ты, о государь, не жди моихъ измѣнъ.

¹⁹) Я буду.

²⁰) Отсюда до конца исключено.

²¹) «Двѣ епистолы, Александра Сумарокова, Въ перьвой предлагается о русскомъ языкѣ, а во второй о стихотворствѣ». Печат. при Акад. Н. въ 1748 г. Спб. Другое изданіе епистолы: «Наставленіе хотящимъ быти писателями отъ Александра Сумарокова» (1774). Въ совѣтахъ своихъ Сум—въ видимо хотѣлъ подражать Буало (L'art poétique). Они были уважаемы стихотворцами; по крайней мѣрѣ, Херасковъ, въ піесѣ своей: Поэтъ (1805), рекомендуетъ юнымъ писателямъ слѣдовать Горацію, имѣть въ памяти Буалову науку о стихахъ и не забывать правилъ Сумарокова.

²²) Намекъ на Ломоносова.

²³) Противъ Тредьяковскаго.

²⁴) Презрительный отзывъ о литературѣ народной. Писатели, воспитанные на французскихъ понятіяхъ объ искуствѣ, не могли оцѣнить ее и дать ей надлежащее мѣсто въ исторіи русской словесности.

²⁵) Т. е.: не русскими, а славянскими. Сумароковъ не различаетъ этихъ двухъ языковъ, какъ не различали ихъ многіе и до него, и послѣ него.

²⁶) «Пол. собр. сочиненій Сум—ва, 1781, т. V». Комедія эта, въ одномъ актѣ, служитъ примѣромъ того скорописанія, о которомъ упомянуто въ прим. I. Самъ Сумароковъ положилъ на нее слѣдующую замѣтку: «зачата 12 генваря 1750, окончена 13 Генваря 1750». Все дѣйствіе состоитъ въ томъ, что педантъ Тресотиніусъ сватается за Кларису, которая ненавидитъ его и выходитъ, въ концѣ піесы, за мужъ за Доранта. Бобембіусъ—другой педантъ. Кимаръ—слуга Оронта, отца Кларисы. Въ лицѣ педанта Тресотиніуса выведенъ Тредьяковскій съ его любовными пѣснями и орѳографическими преобразованіями. Отвѣчая на критику Тред—го, Сумароковъ говоритъ: «Правописаніе въ моихъ сочиненіяхъ называетъ онъ (Тр—кій) кривописаніемъ. А онъ все русское правописаніе перемѣнилъ; однако и дѣйствительнаго своего кривописанія кривописаніемъ не называетъ» (Отвѣтъ на критику, въ X т. Сочин. Сум—ва, 1787, стр. 99). Споръ о буквѣ *т* указываетъ на то, что Тред—ій изгонялъ начертаніе этой буквы, предпочитая ему другое (одноножное *т*). Упрекъ Тр—го въ подражаніи датскому комику Гольбергу, Сумароковъ отражаетъ такимъ образомъ: «жестоко озлобясь и браня меня, говоритъ онъ (Тр—ій), что Тресотиніусъ мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята

изъ Гольберга? Или онъ думаетъ, что у нихъ такой же незнающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ (*хвастунъ*) по характеру своему взятъ изъ Терентіева Евнуха, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга—и въ томъ онъ ошибается; ибо Гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ датскомъ подлинникѣ онъ не Брамарбасомъ называется.

[27]) Тред—ій любилъ этотъ размѣръ, доказывая, что онъ съ одинакимъ удобствомъ выражаетъ возвышенныя и нѣжныя чувства. Хореями переложилъ онъ 143 псаломъ, тогда какъ Лом—въ и Сум—въ переложили его ямбами.

[28]) Ergo—слѣдовательно.

[29]) «Семира трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ перьвый разъ въ Санкпетербургѣ на Императорскомъ театрѣ въ исходѣ 1751 года. Печатано при Академіи Наукъ 1768 года». Содержаніе: Олегъ, правитель русскаго престола, овладѣвшій Кіевомъ отъ имени малолѣтняго Игоря, держитъ при себѣ Оскольда, бывшаго кіевскаго князя, и сестру его Семиру, въ которую влюбленъ сынъ Олеговъ, Ростиславъ. Оскольдъ намѣревается возвратить прежнее владѣніе: онъ сбираетъ воиновъ, готовыхъ идти на брань, и открываетъ сестрѣ свое намѣреніе. Семира, какъ истинная героиня, одобряетъ его, заглушая въ себѣ любовь къ Ростиславу и думая единственно о возстановленіи княжескаго своего дома. Олегъ узнаетъ о заговорѣ отъ Возведа, Оскольдова сродника. Онъ велитъ казнить доносчика за его измѣнническій поступокъ и заключить Оскольда въ темницу. Ростиславъ, въ борьбѣ между любовью къ Семирѣ, упрашивающей его спасти брата, и долгомъ къ отцу и отечеству (положеніе, подобное положенію Тита, Брутова сына, который измѣняетъ Риму изъ любви къ Туллін, дочери Тарквинія, въ трагедіи Вольтера: «Брутъ»), склоняется на сторону чувства: при его содѣйствіи, Оскольдъ убѣгаетъ изъ темницы и изъ города съ преданнымъ ему войскомъ. Ростиславъ осуждается на смерть и отводится въ темницу, но при извѣстіи о вступленіи Оскольда въ Кіевъ устремляется на непріятеля, поражаетъ его и спасаетъ отца. Оскольдъ, смертельно раненный, вручаетъ сестру свою Ростиславу.—Въ Хрестоматію помѣщены тѣ сцены, въ которыхъ, по извѣту Возведа, приводятъ Оскольда къ Олегу.

[30]) «Трудолюбивая Пчела, 1759» (май мѣсяцъ). Кромѣ того помѣщена въ «Разныхъ стихотвореніяхъ Александра Сумарокова (1769)». Въ Полн. Собр. Сочиненій (ч. I) напечатана въ двухъ мѣстахъ: между духовными одами и въ числѣ епистолъ.

[31]) Труд. Пчела (іюнь). Это—второе письмо, написанное въ отвѣтъ на первое, въ томъ же № помѣщенное.

[32]) Ib. (октябрь).

[33]) Чирики, чирки—обувь безъ подошвъ.

[34]) Труд. Пчела (декабрь). «Счастливое общество» есть своего рода утопія, заключающая въ себѣ нѣсколько свѣтлыхъ и важныхъ мыслей, изъ которыхъ иныя осуществлены правительствомъ, а другія ждутъ еще осуществленія; таковы: учрежденіе Государственнаго Совѣта, сводъ законовъ, упрощеніе и сокращеніе дѣлопроизводства, образованіе сословія адвокатовъ.

[35]) Смутныхъ, мрачныхъ.

[36]) Власти.

[37]) Частно, приватно.

[38]) Прослуга—проступокъ по службѣ.

[39]) Запутанныя.

[40]) Т. е.: начальники не считаютъ подчиненныхъ существами ничтожными.

[41]) «Притчи Александра Сумарокова». 3 книги: 1-ая и 2-ая 1762 г., 3-ья 1769. Въ Полн. Собр. Сочиненій шесть книгъ басенъ (т. VII). Форма и самое содержаніе многихъ басенъ Сумарокова совершенно отходятъ отъ условій этого рода произведеній. Въ нихъ нѣтъ аллегоріи: это скорѣе сатиры или посланія, въ которыхъ авторъ, безъ всякаго покрова, выражаетъ какую нибудь мысль. Главный предметъ сатирическихъ нападокъ басни Сумарокова—ябеда, подъячіе—крючкотворцы, которыхъ онъ часто называлъ «крапивнымъ сѣменемъ.»

[42]) Сумароковъ горячо вооружался противъ варваризмовъ, справедливо видя въ нихъ явную порчу языка отечественнаго. Сличи, въ Полн. Собр. Сочин.: «сатиру о французскомъ языкѣ» (т. VII) и прозаическую статью «о истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» (т. IX).—Козицкій (Григорій Васильевичъ)—сначала адъюнктъ Ак. Наукъ, а потомъ статсъ-секретарь Екатерины II; онъ издавалъ журналъ: Всякая Всячина.—Мотонисъ (Николай), сынъ придворнаго капельмейстера, обучавшійся вмѣстѣ съ Козицкимъ въ Кіевской Академіи и вмѣстѣ съ нимъ путешествовавшій по Европѣ. Оба они помѣщали статьи свои въ Труд. Пчелѣ и были уважаемы Сумароковымъ.

[43]) Собр. Соч., VII, кн. 4-ая басенъ. Здѣсь преслѣдуется эгоизмъ людей, неспособныхъ служить интересамъ общественнымъ.

[44]) Ib. кн. 5. Противъ тунеядства.

[45]) Прибавленіе.

[46]) См. прим. 41.

[47]) Хоры къ разнымъ группамъ большаго маскарада, устроеннаго въ Москвѣ 1763 г. въ коронацію Екатерины II (Собр. Соч., VIII). Хоръ къ превратному свѣту—весьма удачная и злая сатира на общество, совершенно противоположное, по своимъ недостаткамъ, идеальному обществу, изображенному въ утопіи: «Сонъ (стр. 234). Эти же хоры помѣщены въ книжкѣ: «Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 г. генваря дня». Они слѣдуютъ за «стихами къ большому маскараду, соч. Хераскова». Всѣхъ хоровъ десять: хоръ Сатировъ, хоръ пьяницъ, къ обману, хоръ невѣжества, ко мздоимству, къ превратному свѣту (не тотъ, который заимствованъ въ Хрестоматію, а другой), къ гордости, хоръ игроковъ, къ златому вѣку и къ Минервѣ. Имя автора не означено: «только однѣ хоральныя пѣсни въ семъ маскарадѣ сочиненія ***». Собр. Сочин. Сум-ва содержитъ въ себѣ, кромѣ того, хоръ къ Парнассу и другой хоръ къ превратному свѣту (взятый въ Хрестоматію). Послѣ хоровъ, въ Минервѣ, идетъ описаніе большаго маскарада, изобрѣтеннаго и распоряженнаго Ѳ. Волковымъ. Цѣлью маскарада, происходившаго 30 января и 1 и 2 февраля 1763 г., было «изъявить гнусность пороковъ и славу добродѣтелей».

[48]) «Лихоимецъ комедія Александра Сумарокова. Въ Спб. при Ак. Н. 1768 году». Въ Лихоимцѣ выведенъ скупой, въ подражаніе Мольерову Гарпагону, представляющій нѣкоторыя черты сходства съ Плюшкинымъ Гоголя, и кромѣ того ростовщикъ, взимающій за ссуду денегъ свыше шести процентовъ, положенныхъ въ Уставѣ о банкахъ, 1754 мая 13. На это положеніе сѣтуетъ и другое лице (Салидаръ), въ комедіи Сум-ва: «Приданое обманомъ»: «Прежде сего брали по 15, по 20 руб. и больше со ста процентовъ, а нынѣ только по 6 руб. со ста приказано брать: не разоренье ли это»? (Соч. Сум-ва, V, 222). Сюжетъ комедіи состоитъ въ томъ, что Кащей, не хотѣвшій, чтобы племянница его Изабелла выходила за мужъ за Доранта, принужденъ согласиться на ихъ бракъ и, кромѣ того, возвратить Леандру, другу Доранта, имѣніе, которымъ завладѣлъ незаконно. Изабеллѣ и Доранту помогаютъ служанка Клара и слуга Пасквина, обычныя лица старинныхъ французскихъ комедій, всегда принимавшія дѣятельнѣйшее участіе въ дѣйствіи и развязывавшія его узелъ сообразно цѣли автора.

[49]) См. прим. ко 2-ой сат. Кантемира.

[50]) Разсужденіе Руссо, въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный Дижонскою Академіею: «Le progrès des sciences et des arts a-t-il contribué à corrompre ou à épurer les moeurs?»

[51]) «Димитрій Самозванецъ трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ перьвый разъ въ 1771 году февраля 1 дня на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ. Печатано при Импер. Ак. Н.». Съ портретомъ Самозванца и надписью къ портрету:

Сей мужъ отечества смертельная былъ рана.
Зримъ въ образѣ его убійцу и тирана.
За варварство злодѣй утратилъ наконецъ
Безвременно жизнь, скипетръ и вѣнецъ.

Касательно портрета сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Димитрій Самозванецъ невступно только годъ царствовалъ. Сіе вида его изображеніе снято съ эстампа, сдѣланнаго въ тотъ самый годъ, когда онъ былъ на россійскомъ престолѣ и вырѣзано въ Авгсбургѣ, не яко Самозванца, но яко Государя Московскаго, котораго будто Всевышній возвелъ на тронъ ради просвѣщенія россійскаго народа; ибо онъ обѣщался папѣ Клименту VIII ввести въ Россію исповѣданіе Римской Церкви: слѣдов. сіе изображеніе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное. Такъ ради любопытныхъ людей, а особливо ради Россіянъ, сей эстампъ достоинъ примѣчанія. Я его получилъ отъ госпожи Маріи Анны Каллотъ, Академики С. п. бургской Императ. Академіи Художествъ, скульптеры и пансіонеры Ея И. В. Нашелъ я сіе начертаніе между прочими портретами тогдашняго времени Государей въ книжкѣ портретной. А въ Россіи его и не бывало, и нынѣ нѣтъ ни у кого. Скорость времени, а отъ того и ошибка въ семъ портретѣ учинена, ибо портретъ сей не на ту сторону вырѣзанъ; такъ должно знать, что бородавки на лицѣ Самозванца на выворотъ изображены: у него онѣ были на правой сторонѣ носа и на лѣвой лба, а не такъ какъ здѣсь начертано. А въ нихъ нужда; ибо по нимъ и по большимъ ушамъ, также и по долгой рукѣ, особливо сообразенъ былъ онъ прямому Димитрію».—За примѣчаніемъ слѣдуетъ характеристическое объясненіе слова: «публика» и особыхъ драматическихъ піесъ, «новаго и пакостнаго рода слезныхъ комедій» (comedie larmoyante). Оно написано по поводу перевода и представленія комедіи Бомарше: «Евгенія» (1770). Къ нему приложено отвѣтное письмо Вольтера къ Сумарокову, который жаловался фернейскому отшельнику на упадокъ вкуса въ драма-

тическомъ искуствѣ. Вольтеръ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Сум-ва, что заставило послѣдняго сказать: «Не ужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели господину Вольтеру и мнѣ?» Переводчикъ Евгенія названъ подъячимъ потому, что служилъ въ канцеляріи гр. Салтыкова, московскаго главнокомандующаго. Послѣ Вольтерова письма помѣщено «Разсмотрѣніе содержанія Евгенія», выраженное грубо и насмѣшливо. Переводчикъ, принадлежавшій къ лучшему московскому обществу, рѣшился отомстить критику. Случай къ мщенію скоро представился: Бельмонти, содержатель московскаго театра, не смотря на контрактъ съ Сумароковымъ — не играть трагедій безъ позволенія автора—далъ «Синава и Трувора», по приказанію гр. Салтыкова. Актеры и зрители уронили піесу: одни умышленно играли ее дурно, другіе умышленно шумѣли и грызли орѣхи. Въ страшной досадѣ, Сумароковъ послалъ энергическую жалобу Екатеринѣ II и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Г. Сумароковъ! Чрезвычайно удивило меня письмо ваше отъ 20 генваря, а еще больше письмо отъ 1-го февраля. Какъ мнѣ кажется, и въ томъ и другомъ заключаются жалобы на Бельмонти, который однако только исполнилъ повелѣніе гр. Салтыкова, желавшаго видѣть представленіе одной изъ вашихъ трагедій. Это дѣлаетъ вамъ честь; вамъ-бы слѣдовало сообразоваться съ желаніемъ перваго правительственнаго сановника въ Москвѣ. Но если ему заблагоразсудилось приказать, чтобы эта трагедія была играна, то надлежало исполнить его волю; безпрекословно. Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать подобныхъ прѣній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера: а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ (Для подробностей см. Очерки жизни Сум-ва, Глинки, I, статья 8-ая; Сумароковъ, Булича, 40—48). — Самозванецъ является въ трагедіи Сум-ва сверхъестественнымъ злодѣемъ. Онъ хочетъ жениться на Ксеніи, дочери Шуйскаго, хотя уже имѣетъ супругу, и въ оправданіе своего желанія говоритъ:

Закономъ та Римлянка:
Благочестивая потребна Россіянка.

Но Ксенія любитъ Георгія, князя галицкаго, котораго сперва заключаютъ въ оковы, а потомъ, по ходатайству Пармена, Димитріева наперсника, освобождаютъ. Боясь Димитріевой злобы, Шуйскій притворно уступаетъ; втайнѣ же возмущаетъ народъ. Лжедимитрій, въ отчаяніи, поражаетъ себя кинжаломъ. Слабая въ художественномъ отношеніи, трагедія замѣчательна по многимъ мыслямъ о папской власти, объ обязанностяхъ правителей, о достоинствѣ разума.

[52]) Говорится о замыслахъ Димитрія и папы Климента VIII ввести въ Россію католическую вѣру. Самозванецъ признается въ нихъ Пармену (дѣйст. 1, явл. 1). Жестокое обращеніе христіанъ-европейцевъ съ дикарями-язычниками новаго свѣта возбуждало сильное негодованіе всѣхъ просвѣщенныхъ умовъ 18-го вѣка. Въ «Письмѣ о пользѣ стекла», есть цѣлая тирада, осуждающая поведеніе Испанцевъ въ Америкѣ (Соч. Лом-ва, изд. Смирд., I, 512—514).

[53]) Ксенія обращается къ Димитрію съ тѣми же укорами, какіе Дидона выговаривала Энею, въ 4-ой пѣснѣ Энеиды: «Кавказъ произвелъ тебя на свѣтъ въ своихъ скалахъ; тигрица гирканская кормила тебя молокомъ». Сличи также слова Дидоны, въ трагедіи Княжнина того же имени:

.... Лютый тигръ тебѣ далъ видѣть свѣтъ;
Въ утробѣ ты зачатъ свирѣпѣйшія львицы.

[54]) Подражаніе монологу Ричарда III, въ трагедіи Шекспира того же имени (дѣйст. V, явл. 3).

[55]) «Мстиславъ трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ первый разъ маія 16 на Имп. театрѣ въ С.п.бургѣ. 1774. При Им. А. Н. въ Спб. 1774 г.» Монологъ Мстислава, князя тмутараканскаго, выражаетъ тяжелое состояніе души его, волнуемой разнородными чувствами: онъ любитъ Ольгу, псковскую княжну, которая не можетъ отвѣчать его страсти; любитъ брата своего Ярослава, князя кіевскаго, и вмѣстѣ видитъ въ немъ соперника по любви и врага отчизны, такъ какъ Ярославъ подступалъ къ Тмутаракани, чтобы освободить Ольгу; хочетъ мстить ему и вмѣстѣ быть справедливымъ и милостивымъ, какъ слѣдуетъ великодушному правителю. Великодушіе подъ конецъ одерживаетъ верхъ: онъ прощаетъ брата и отказывается отъ Ольги. Вся вина падаетъ на перваго боярина Мстиславова, Бурновея, который возмущалъ и Ярослава и народъ противъ своего князя, въ надеждѣ завладѣть обоими княжествами— и кіевскимъ и тмутараканскимъ. Идея братьевъ соперниковъ или вообще соперниковъ по любви весьма часто выражалась трагическими писателями.

[56]) См. прим. 37.

XXXVIII.

АМВРОСІЙ ЮШКЕВИЧЪ. (1).

ИЗЪ СЛОВА ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ (1741). (2).

Славитъ Писаніе Священное Іудіоь прехрабрую, за то что она своею премудростію, а наипаче твердымъ на Бога упованіемъ, главному врагу Олоферну, вождю вавілонскому, сама одна голову отсѣкла и все воинство его преславно побѣдила. Воспоминаетъ Іаиль, жену также мужественную, которая князя моавітскаго Сісару умертвила. Прославляетъ народъ ізраильскій, даже до сего дня, Есоирь пречудную, за ея превеликое, въ крайней бѣдѣ, заступленіе, которое она весьма ревностно показала въ то время, когда намѣрено было весь народъ ізраильскій до единаго человѣка погубити; ибо она съ великимъ сокрушеніемъ сердца молила Господа: нынѣ, Господи Боже Царю, пощади люди твоя, яко зазираютъ намъ въ погибель, и вожделѣша погубити наслѣдіе Твое. И хотя явственную смерть въ глазахъ видѣла, однакъ, любовію народа своего побѣждаемая, дерзнула внити предъ царя Артаксеркса и просить о избавленіи отъ погубленія людей своихъ, что и получить благополучно удостоилась.

Большія похвалы достойна наша Всероссійская Героіна: ибо оная народъ свой свободила отъ враговъ токмо внѣшнихъ и явныхъ; наша же преславная Побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ бутто вѣрности, отечество наше раззоряли. И смотри, какую діяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и Вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, бутто они не Вѣру, но непотребное и весьма вредительное Христіанству суевѣріе искореняютъ. О колъ многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ парасстригали и перемучили! Спроси жъ: за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовся въ Россіи истребить священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ то нещастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Не знающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ Руских искусный, напримѣръ, художникъ, інженеръ, архітектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ інтересъ подвесть, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ інженеръ, что архітектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ бутто храненія чести, здравія и інтереса Государева, о коль бесчислен-

ное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ въ тайную ([3]) похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего ихъ обмана народъ не знающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили, раззоряли и вовся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, бессовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистинну, что и говорить стыдно, однакъ то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче что ихъ совѣсти правенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей Россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штапы и жалованія опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніе враги наши! такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за Церьковь Хрістову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ бессиліе, въ нищету и въ крайнее раззореніе.

Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую ([4]): сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколькожъ сотъ тысячъ церьковниковъ ([5]) и другихъ рекрутъ перебрали! а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили; но тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали бессовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ктожъ имъ со Хрістомъ Евангельскихъ словъ не воспишетъ: идѣже сокровище ваше, ту есть и сердце ваше? Ежели кто сему не хощетъ вѣровать: поиди въ Голландію, въ Англію —тамо лучше увѣдаетъ. И отъ таковыхъ-то тайныхъ раззорителей отечества нашего чрезъ вторую Іудиѳь, Всемилостивѣйшую Государыню нашу, Господь Богъ свободилъ насъ. О коль премного должны мы благодарить ему за такое превеликое его благоутробіе, что Онъ не по дѣломъ нашимъ судилъ намъ и наказалъ насъ, но по своей неизреченной милости сотворилъ съ нами, умилосердился надъ нами, и помиловалъ насъ, и даровалъ

намъ нынѣ полное отъ помянутутыхъ враговъ свобожденіе.

¹) Амвросій Юшкевичъ или Юскевичъ, архіеп. новгородскій и с.п.бургскій (ум. 1745).

²) «Слово въ день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, декабря 18 дня 1741 года проповѣданное въ с. п. бургской придворной церкви. Печат. въ Спб. при Импер. Акад. Н.»—Большая часть духовныхъ словъ, отъ вступленія Елисаветы на престолъ (25 ноября 1741 г.), въ теченіи почти цѣлаго десятилѣтія, имѣютъ предметомъ одну и туже тему — возстановленіе Петрова племени и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ, подъ которыми разумѣлась иностранная или, вѣрнѣе, нѣмецкая партія въ администраціи и при дворѣ, преимущественно Биронъ, Остерманъ и Минихъ. Время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны имѣло для проповѣдниковъ значеніе печальнаго историческаго промежутка, неблагополучной школы отечества, наказанія его «бѣдами, перемѣнами, страхами, пожарами, ужасными войнами, тяжкими многотрудными гладами, напрасными смертями и прочими безчисленными бѣдствіями». Духовенство считало себя особенно въ правѣ столько же радоваться перемѣнѣ царствованія, сколько оно огорчалось прежнимъ правленіемъ. Причины и огорченія и радости изложены ясно Дмитріемъ Сѣченовымъ, въ Словѣ въ день Благовѣщенія, 1742 г. (см. ниже). Между ними важное мѣсто занимаетъ запрещеніе книги Яворскаго: «Камень Вѣры» и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, одобрившимъ се къ изданію. Въ дѣйствіяхъ Бирона по этому случаю справедливо видѣли покровительство лютеранству и униженіе православія. Елисавета освободила Ѳеофилакта изъ заключенія и сняла запрещеніе съ книги Яворскаго. Поэтому въ проповѣди на ея вшествіе въ Москву (28 февраля 1742 г.), Амвросій, между прочимъ, говоритъ: «Книгу Камень Вѣры, во тмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла.... Вѣдали они (*внутренніе непріятели*), что наша вѣра есть крѣпка и непобѣдимая, понеже стоитъ не на простомъ человѣкѣ, но на твердомъ краеугольномъ камени, т. е. на Христѣ, Сынѣ Бога живаго. Инако ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у нея оборону, оружіе и мечъ духовный, т. е. Слово Божіе, вѣру хранящее и защищающее. И какъ задумали, такъ и сдѣлали: готовыя книги во тмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили.... Не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли; и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся. Что же сдѣлалъ Господь Милосердый? Услышалъ молитву вѣрныхъ рабовъ своихъ, призрѣлъ на слезы и воздыханія ихъ, и вдругъ всѣ ихъ замыслы, всѣ хитрости и коварства разрушилъ, уничтожилъ и въ прахъ развѣялъ. О радости всего православія! О торжества несказаннаго всея Церкви Христовой! Возрадовались о семъ Ангели, небеса восторжествовали и вси святіи радостную пѣснь воскликнули: «нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего и область Христа его, яко низложенъ бысть сатана и вси аггели его съ нимъ» (Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія Императрицы Елисаветы Петровны. Спб. 1744). — Слово 18 декабря 1741 г., на текстъ: «Вѣсть отецъ вашъ, ихже требуете», развиваетъ мысль, что «Богъ, еще въ рожденіи Елисаветы назначилъ и опредѣлилъ ей державу россійскаго престола». Въ этомъ развитіи исчисляются дѣла Петра Великаго и Екатерины I, говорится о притѣсненіяхъ, испытанныхъ Елисаветою по смерти родителей, наконецъ прославляется вступленіе ея на престолъ и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ. Любопытенъ аргументъ проповѣдника въ пользу своей главной мысли, основанный на томъ, что въ день рожденія Елисаветы (18 декабря) церковь празднуетъ память св. мученика Севастіана, а это греческое имя толкуется на нашемъ языкѣ: «достоинъ чести». Другія слова Амвросія исчислены въ каталогѣ Сопикова (I, 1149—1153).

³) Тайная канцелярія.

⁴) 1736 — 1739 г.г., стоившая большихъ потерь людьми и деньгами. Русскимъ войскомъ командовалъ Минихъ.

⁵) См. Указы 28 сентября 1736, 6 февраля и 7 сентября 1737 г. (Пол. Соб. Зак. №№ 7070, 7169 и 7364). Первымъ велѣно учинить перепись дѣтямъ лицъ духовнаго званія, и малолѣтныхъ отдать въ школу, а другихъ опредѣлить въ службу «для нынѣшней нужды въ комплектованіи арміи и гарнизоновъ», въ слѣдствіе чего и набрано 6557 человѣкъ. По второму указу церковнослужители, для освобожденія себя отъ военной службы, могли ставить вмѣсто себя рекрутовъ или вносить 200 руб.; при поставкѣ рекрута брали съ нихъ на жалованье ему, на мундиръ, ружье и аммуницію по 30 руб. Третій указъ строжайше

подтверждалъ кончить перепись неположеннымъ въ подушный окладъ къ половинѣ октября и всѣхъ, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора взять въ военную службу; для замѣщенія же церковныхъ чиновъ употреблять изъ малолѣтныхъ церковническихъ дѣтей, а равно изъ тѣхъ, кому свыше 40 лѣтъ.

XXXIX.

КИРИЛЛЪ ФЛОРИНСКІЙ. (1).

ИЗЪ СЛОВА ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ (1741). (2).

Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Мініхъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи (3) діавольскіи, имъ же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ міністерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и изъ кореня истребятъ.

Да небезумна же мене кто вознепщуетъ (4) быти сице глаголюща: есть намъ примѣръ въ священномъ Евангеліи. Самъ діаволъ Христу, умышляя пресѣчь волное за насъ страданіе, и да падъ ему поклонится. Негли возведъ Іисуса на гору высоку зѣло, и показавъ ему вся царствія міра, и славу ихъ: сія вся (хотя и міръ не въ власти его, обѣщаваетъ) тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися (Матѳ. IV).

Что же Остерманъ и Мініхъ, съ своими снуздники (5), таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сія доводы.

Первый: яко законной наслѣдницы, правовѣрной благочестія хранительницы Елисаветы, Престола Отеческаго злодѣйскими тестамента укрывательствы наслѣдовать не допущали (6).

Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до Отеческаго Престола не допущать есть—правовѣріе и благочестіе отъ Апостоловъ Первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатеріны, Петромъ и Екатеріною по лицу всея Россіи распложенное, искоренять и въ конецъ истреблять.

Вторый доводъ—Мініховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ зловѣрія его замышленные и едвали не востановленные кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи на прелщеніе душъ неповинныхъ христіанскій рогъ Крестъ Христовъ вознесшая Армянская церьковь, не ихъ ли быть дѣло являетъ?

О, воскресни небоязненнаго духа учителю Златоусте, гремѣвый на Эутропія (7) за изобрѣтенный имъ законъ, еже убѣгшихъ и отъ олтаря Божія, извлекая, убивати!

Воскресни, Златоусте, Гаінѣ Фелдмаршалу (8) Аркадіеву, просящу церькви Аріаномъ среди града, уста заградивый! Истинна суть Златоустова Аркадію словеса реченная, что яко между адаманты драгія внесенъ камышекъ цѣны послѣдней бесчеститъ вѣнецъ царскій, тако градъ сей царствующій бесчеститъ Армянская церьковь.

Воскресни, Златоусте, и во ушію о Армянской церьквѣ рцы православныя нашея Елисаветы; мы бо дремлюще и посредѣ насъ таковаго зла не чувствуемъ. Возгреми на проліявшаго коварно многу кровь Россійску, Остермана. Загради Мініху челюсти, искавшему своя

возставити, гдѣ отъ вѣковъ того зловѣрія не бывало, кирхи. Очисти, яко отъ безчествующей крохи, кирпичной вѣнецъ царскій, очиствый иногда златословіемъ твоимъ Константінополь отъ церьквей Аріанскихъ—градъ сей отъ бесчествующей церькви Армянской (9).

Думали Армяне и ласкатели мнози, кои, слѣпымъ умомъ, Остермана и Мінніха обманнымъ росказомъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ поврежденіе и непостоянство принуждены бывали, бутто бы какъ въ первенствующей церьквѣ два свѣтила и два новые Апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, бутто насаждалъ, а другій, яко Аполлосъ, напоивалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя, еже Остерманъ насаждалъ, Мінніхъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искореняетъ.

Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Мінніхѣ глаголаху: бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ, и нарицаху Остермана Діа (10), Мінніха же Ермія (11). И во правду можно нарещи ідолами, Остермана Діа, Мінніха Ермія: яко же бо Дій и Ермій въ язычѣхъ, тако Остерманъ и Мінніхъ въ Россіи были куміры златыя, имъ же сосовѣтніи не устыдѣшася, яко балванамъ, и жрети, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но ужѐ сокрушишася о камень Петровъ, еже есть сильно сѣмя на земли Россійстѣй Елісаветъ.

Самъ Богъ отверзе намъ умъ разумѣти и очи видѣти Сѣмя Петрово по дванадесятолѣтіи на престолѣ отечествѣ Елисаветъ воцарившуюся. Да гдѣ домъ, жертвенники, образы и Маөанъ (12), жрецъ Вааловъ? истребимъ я.

Домъ Вааловъ? Совѣта нераскаяннаго на Сѣмя Петрово соборище, жертвенники, образы и жерцы Вааловы: Остерманнъ, Мінніхъ и спузники тѣхъ, ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельны ідолы, самъ сокрушитъ Госцодь.

Не безъ веселія нашего и день возсія намъ Ноемврія двадесять пятый, въ онъ же Архіерей грядущихъ благъ Сѣмя Петрово ужѐ въ созрѣломъ класѣ, Великую Елісаветъ показа намъ во Імператріцу явственное знаменіе: зане въ сей день на Престолъ взыде Православная Елісаветъ, яко дщи есть истинныя церькве.

Ибо не священномученика ли Петра Александрійскаго въ двадесять пятый Ноемврія день память совершаемъ? Емуже въ темницѣ видѣнъ Господь Іисусъ Хрістосъ, оболченъ въ хитонъ бѣлъ, но раздранъ сверьху даже до низу, егоже обѣма рукама на перьсяхъ стиская и свою налоту покрывая, вопрошающу Петру: Кто ти, Спасе, ризу раздра? благоизволи сице отвѣщати: Арій безумный раздра ми ризу, яко раздѣли отъ мене люди моя, иже стяжахъ кровію моею: не пріемли того въ сообщеніе правовѣрныхъ (13).

О благочестиваго Петра благочестивая Елісавето: не и Тебѣ ли, аки въ темницѣ въ заключеніихъ и бѣдствіихъ нощи тоя сѣдящей, Господь Іисусъ Хрістосъ, правовѣріе и благочестіе, Святіи вси, Православно Греческая Россійская церьковь и сама Россія въ раздранныхъ хитонѣхъ, сверьху даже до низу, обѣма елико силы рукама на персѣхъ стиская и покрывая наготу свою, видѣны быша. А вопрошающей: кто тебѣ, Спасе мой; кто тебѣ, о правовѣріе и благочестіе; кто вамъ Святіи, кто тебѣ, о Церькве Православнаго Греческаго исповѣданія, Кто тебѣ, о Россіе, данную отъ Отца моего красную ризу раздра? увѣрительно отвѣщаваша тако: въ принадлежащемъ по крови тебѣ сѣмя Петрово Елісавето достояніи Россійскомъ, душепагубные беззаконія міністры, еретицы живущіе, тіи раздраша намъ ризы.

[1]) Ректоръ Московской Духовной Академіи и архимандритъ Троицкой Сергі-

ской лавры, открывшій въ ней семинарію. Ум. 1742 г.

[2]) «Слово въ день рожденія Императрицы Елисаветы Первыя, проповѣданное архимандритомъ иконоспасскимъ Кирилломъ Флоринскимъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ 1741 г. Декабря 18 дня. Печат. въ Спб. при Ак. Н». Кириллъ высказался откровеннѣе Амвросія: онъ не употребляетъ общихъ терминовъ, но указываетъ прямо на лица, называя ихъ собственными именами. Выбравъ текстъ: «Сильно на земли будетъ сѣмя его» (Псал. CXI, 2). онъ слѣдующимъ образомъ толкуетъ притчу о сѣятелѣ, сѣмени и сѣятвѣ (сѣянія): сѣятель—Петръ Великій, село—Россія, жатели (жнецы) — лейбъ-гвардія и все воинство, доброе сѣмя — вѣрные сыны отечества и преимущественно Елисавета, плевелы — только по наружному виду сыны отечества, на самомъ же дѣлѣ порожденія ехидниныя, грызущія утробу матери своей Россіи, да чужестранцы-пришлецы, расхитители сѣмянъ, посѣянныхъ Петромъ, православія ругатели, благочестія вкорененнаго въ Россіи отъ многихъ лѣтъ растлители и истлители, подъ ухищренною политикою всего счастія россійскаго губители. Сѣмя Петрово возрасло подобно зерну горчичному: подъ его вѣтвями надлежало Русскимъ найти отраду и прохлажденіе, но Русскіе отягчены были всевозможными наругательствами, «страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвляеми, отечества и правовѣрія лишаеми, дремлюще благосѣннолиственнаго сего не видѣли древа». Древо это не всякія плотоядныя, но человѣкоядныя—птицы, Остерманъ и Минихъ, съ своимъ стадищемъ, начали было сѣчь и терзать. Остерманъ въ особенности привлекъ на себя негодованіе проповѣди: онъ уподобляется Хрисаѳію евнуху, еретику хитрокозненному, а Елисавета — Пульхеріи, сестрѣ императора Аркадія. Другое уподобленіе Остермана — окаянному Симону Волхву, хромому душею, совѣстію «и ногами» (Остерманъ страдалъ подагрой) находимъ въ «Словѣ на Рождество Христово, епископа Карельскаго Маркелла, 26 декабря 1741 г.» Два слова Кирилла Флоринскаго 1742 г. указаны въ каталогѣ Сопикова (I, 1174—75).

[3]) Emissarius—соглядатай, лазутчикъ.

[4]) Непщевати (церков. слав.) — думать, почитать.

[5]) Всадники.

[6]) Объ утаеніи Остерманомъ духовной Екатерины I см. манифестъ 28 ноября 1741 г. (Пол. Собр. Зак. № 8476).

[7]) Евтропій евнухъ, фаворитъ императора Аркадія.

[8]) Вмѣсто воеводы или полководца (по злоупотребленію иностранныхъ словъ), какъ въ проповѣди Димитрія Сѣченова на явленіе иконы Богоматери въ Казани, Іоаннъ Дамаскинъ называется «философіи и богословія прехрабрымъ кавалеромъ, монашескихъ ликовъ генераломъ».

[9]) Указами 18 января и 3 августа 1740 (П. С. З., №№ 8007 и 8194), по прошеніямъ армянъ Ширванова и Христофорова, дозволено построить армянскія церкви — первому въ Петербургѣ, второму въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, между Ильинской и Николаевской (Никольской) улицъ. При Елисаветѣ, по указу 16 января 1742 г. (ib. № 8500), послѣдовавшему на доношеніе Синода, повелѣно всѣ армянскія церкви, кромѣ одной въ Астрахани, упразднить и впредь дозволенія на построеніе ихъ не давать.

[10]) Юпитеръ.

[11]) Меркурій.

[12]) Совѣтникъ Гоѳоліи, учредившей поклоненіе Ваалу въ Іерусалимѣ, былъ убитъ предъ алтаремъ своего бога по повелѣнію первосвященника.

[13]) Распространеніе проповѣди чрезъ сближеніе временъ событій, подобно тому, какъ Амвросій Юшкевичъ распространялъ ее посредствомъ толкованія именъ (см. прим. 2). Оба способа были въ большомъ ходу при господствѣ схоластической теоріи духовнаго краснорѣчія.

XL.

ДИМИТРІЙ СѢЧЕНОВЪ. ([1]).

1. Изъ слова въ день благовѣщенія (1742). ([2]).

Погребли мы преславныхъ Монарховъ, погребли и благоденствія наша; по смерти оныхъ за беззаконія и неправды наша наказа насъ Господь частыми перемѣнами, а въ таковыхъ вредительныхъ перемѣнахъ коликая претерпѣхомъ злая, въ коликое было Россія пришла безобразіе, воспомянути болѣзнь утробу пронзаетъ.

А таковыя частыя перемѣны видяще противницы наши, добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они оберегатели здравія Государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ Россійскихъ отрыгнули! коликое гоненіе на церьковь Хрістову и на благочестивую вѣру возставили! Ихъ была година и область темная; что хотѣли, то и дѣлали. А вопервыхъ тщалися дражайшее душъ нашихъ сокровище неоцѣненное, спасенія нашего богатство, благочестіе отнять, которое намъ паче тысящь злата и сребра; не златомъ и сребромъ, но честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста, Хріста намъ куплено, безъ котораго бы мы Содому и Гоморру уподобилися, безъ котораго бы мы были горшіи Турокъ, Жидовъ, Араповъ. А такъ-то они удумали: какъ-де благочестіе у нихъ отъимемъ, тогда-де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ нашъ пойдутъ; и такъ по всей Россіи предтечей антіхрістовыхъ разослали, вездѣ плевельная ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи, а паче которыи возлюбиша тму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости, отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ, чада на матерь свою востали, ихже крещеніемъ роди, ихже кровію Хрістовою воспита, ихже догматами православными утверди, аки змія порожденія ехіднова, утробу ея терзали. И что бѣдственнѣе! догматы Хрістіанскія, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли: ходатайцу спасенія нашего, неусыпную Хрістіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; іконамъ святымъ не кланялися; знаменіемъ креста святаго, егоже бѣси трепещутъ, гнушалися; преданія Апостольская и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, имиже вѣчная мзда снискуется, отметали; въ посты святые мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, гееннѣ быти не вѣрили, не помнили оныхъ Хрістовыхъ словесъ: огнь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не скончается (3). И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ Епікурская мнѣнія впадали. Яждь, пій, веселися: по смерти никакого-де утѣшенія нѣсть. Ахъ, изрядныя апостоли, изрядная проповѣдь, хорошей путь безпрепятствія до ада и тартара показали. И которые такъ бредили, таковые-та у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися; а которіи истинныя чада церькве и истинны Хрістовы наслѣдницы такихъ прелестниковъ не слушали, праву вѣру непорочную, отъ Хріста, отъ Апостолъ, отъ святыхъ отецъ проповѣданную, утвержденную, хранили, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили! мужиками, грубіанами нарицали! Кто посты хранитъ — называли ханжа. Кто молитвою съ Богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто іконамъ кланяется — суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ — глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню любве ради ко Хрісту и ко ближнему не оскудно подаетъ — простъ, не умѣетъ куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося. Кто въ церьковь часто ходитъ — въ томъ-де пути не будетъ.

А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ

священныхъ таинъ служителей, чинъ, глаголю, духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ куды за чемъ монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные Сибирскіе городы, во Охотскъ, въ Камчатку, Оренбурхъ отвозятъ; и тымъ такъ устрашили, что ужè и самые пастыри, самые проповѣдницы Слóва Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверсти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается (4).

Что же еще? узнали врази наши, что имъ нетрудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку, задавить: принялись они и за великихъ лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ гóловы поотрубали, языки порѣзали (5).

Но еще и симъ не довольны, о долготерпѣнія твоего, Боже! на самую порфирородную кровь востали, на самую истинную наслѣдницу хитрый совѣтъ свой удумали, не убоялися правосудія и отмщенія Божія; не довольно имъ сего, что наслѣдіе у нея отняли, что многія Ей печали, оскорбленія и обиды чинили, никои выходы утѣшенія и довольства не давали; узнали они, что вси вѣрныя чада Россійскія природной своей Государынѣ и истинной Наслѣдницѣ Россійскія короны любовію горятъ и надежду въ ней полагаютъ, такое озлобленіе хотѣли учинить, что бы отъ наслѣдія и отечества отдалить, а насъ сирыхъ и безнадежныхъ оставить. Не тяжко ли Ей сіе было видѣти, яко людіе Родителя Ея, трудами Его стяженные, прославленные, предъ лицемъ Ея погубляются, изгоняются, да еще и о здравіи Ея, на которомъ вся надежда Россійская зависитъ, тщетнымъ совѣтомъ поучаются. Но и въ сихъ несносныхъ случаяхъ Самодержавная Августа наша, аки адамантъ, тверда была; а чимъ себя подкрѣпляла? твердою на Бога надеждою: того ради и ничего не боялася; разсуждала: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. Аще Богъ по насъ, то кто на ны (Псал. CXVII, 6). А при томъ крѣпкомъ на него уповаціи смиреніе и страхъ Божій въ сердцѣ своемъ имѣла, воспоминала оная Сирахова словеса: боящіися Гóспода надѣйтеся на благая; кто бо вѣрова Господеви и постыдѣся, или кто пребысть въ страсѣ его и остася, или кто призва его и презрѣ и: зане щедръ и милостивъ Господь оставляетъ грѣхи и спасаетъ во время скорби (Сираха, II, 9—12). И се во единый часъ, о измѣна десницы Вышняго! Кто постави бурю въ тишину? кто сотре оружія и мечь враговъ нашихъ? кто сокруши главы змієвъ? Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани (Псал. XXIII, 8). Слыши небо, и внуши земле, удивитеся земнородніи. Вечеръ водворися плачь, и заутра радость (Псал. XXIX, 6). Наказа насъ Господь, да и помилова, призрѣ на смиреніе рабы своея, оправда царствовати надъ нами Благочестивѣйшую Самодержавнѣйшую Августу нашу Елисаветъ Первую, Внуку и Дщерь Россійскихъ Імператоровъ, посла ю аки втораго Моисеа свободити новаго Ізраиля, люди своя, отъ работы озлобляющихъ, огради мужествомъ, ревностію, аки вторую Іудиѳъ отсѣщи главы гордыхъ Олоферновъ, хвалящихся истребити сѣмя Хрістіанское, безъ брани и кровопролитія вручи ей престолъ благочестивыхъ Родителей Ея, давно Ей врученный, безъ меча и оружія отдаде Ей наслѣдіе. Нынѣ на Ней пророческая исполняются словеса: не мечемъ своимъ наслѣдова зем-

лю, и мышца Ея не спасе Ея: но десница твоя, и мышца твоя, и просвѣщеніе лица̀ твоего, яко ты благоволилъ еси въ ней (Псал. XLIII, 4).

Таковое неслыханное смотреніе Божіе, таковую радостную вѣсть какъ услышали сынове Россійстіи, колико возрадовалися! а отъ радости теплыя къ Богу возсылали молитвы: посѣтилъ ны есть востокъ свыше. Воспойте Господеви пѣснь нову, яко дивно сотвори Господь, видѣ озлобленіе наше, видѣ воздыханіе, отре слезы наша; теперь благополучно въ покои поживемъ, теперь благочестіе исправится, теперь вѣра Христова утвердится, теперь врази церькве нашея, аки зміи отъ зимы въ норы, хоронятся: царствуетъ надъ нами истинная Матерь отечества, природная наслѣдница, Дщерь Великихъ Монарховъ Петра и Екатеріны, Дщерь восточныя церькве, истинная защитительница благочестія. Поимъ Господеви, славно бо прославися. Благовѣствуй, Россіе, радость велію, возвѣсти ближнимъ и дальнимъ імперіамъ, въ которыхъ имя Петрово славно: Дщерь его царствуетъ надъ нами. О коль доброхоты возрадуются, а врази ужаснутся, яко духъ Петровъ оживе; обновится, яко орля юность, крѣпость и слава Россійская, да ужѐ и обновляется: въ краткомъ времени благополучнаго своего царствованія, крѣпкое основаніе положи, промышленіе о людехъ своихъ возъимѣ, церьковь Хрістову отъ внутреннихъ враговъ защити, ругація и соблазны на православныхъ истреби. Прежде при столахъ и компаніяхъ то и разговоры были —православныя догматы ругать, во отчаяніе и слабость малодушныхъ вводить; а теперь и языкъ закусили: видятъ, что глава здрава, благочестія образы собою показуетъ, стали и вси тое похвалять. Се Божія благоволенія къ намъ знаменіе, се милосердія его одушевленный інструментъ, чрезъ который изгнанніи возвратилися, юзники свободилися, ограбленные уничиженные первыя имѣнія и чести воспріяли. Повелѣ иногда Господь ученикомъ своимъ въ милосердіи Отцу своему небесному уподоблятися: будите, глаголетъ, милосердни, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть. Такову зримъ Самодержавную Августу нашу благосклонну, милостиву, свѣтлу, ко всѣмъ показующуюся, такову и во вѣки быти надѣемся, а симъ во всѣхъ своихъ подданныхъ толико любовь вожже, яко день и нощь именемъ Ея насладитися не могутъ, крѣпко Ея царствованіе будетъ, яко Богъ вручи Ей той и сохранитъ крѣпко, яко не такъ воинствомъ, какъ всѣхъ доброжелательными утверждено сердцами.

Нынѣ возрадуемся о спасеніи нашемъ, видимъ Божіе къ намъ благоутробіе, видимъ вездѣ несказанное его къ намъ милосердіе, яко нищеты нашея не возгнушася, пріиде душу свою положити о насъ, кровь свою изліяти, пріиде и нынѣ въ силѣ своей къ намъ, посѣти насъ спасеніемъ своимъ, сотвори съ нами вся по желанію нашему, исполни радости и веселія сердца̀ наша; а вся того ради творитъ, да спасеніе наше безпрепятственно содѣвается. Которыхъ больше благодѣяній хощемъ, какія радости вящшія надѣемся? будимъ благодарны, возвеличимъ высокую его мышцу. А чимъ возблагодаримъ? исправимся лучшими быть, премѣнимъ злонравія наша, да не постигнутъ насъ горшая; нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія: отложимъ убо дѣла̂ темная и облецемся во оружіе свѣта, попецемся о покаяніи, попецемся о спасеніи нашемъ, потщимся добрыми дѣлы очистити и убѣлити душу нашу, которыя ради самъ Богъ на землю пришелъ, которая дражайшая есть паче всего свѣта по реченному: Кая польза человѣку аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ. (Марк. VIII, 36)? Такова дорога̂ душа человѣческая, какова кровь Сына Божія.

Не стыдно ли, коликое попеченіе о тѣлеси нашемъ имѣемъ которое нынѣ красно, а утро гной, смрадъ, червіе будетъ? тѣло и брашнами тучными и вінами веселимъ, лекарствами подкрѣпляемъ, мягкими одрами упокояемъ, одеждами украшаемъ, мирами намазуемъ; вся труды наша, все житіе во единомъ тѣла угодіи: а душа безсмертна, пообразу Божію создана—нѣсть о ней ни единаго попеченія; вся скверна, окалянна, болѣзненна,—и не думаемъ. Поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ; а мы за чарку вінца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку вінца, поласкай, пошепчи во ухо: я тебе не оставлю; возми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть. Не смѣхъ ли? имѣнія наша, мѣдь, сребро, ихже тля тлитъ и ржа снѣдаетъ, замка́ми и стражами утверждаемъ; а душа наша вся отъ хитраго злодѣя діавола окрадена въ нищету пришла: нѣсть въ ней ни красоты, ни любви, ни богомыслія, ни правды, ни милости,— о томъ и не смотримъ. Гдѣ же Сынъ Божій, пришедый на землю, будетъ обитати? не требуетъ нашихъ красныхъ палатъ, но престолъ и жилище Вышняго—душа наша драга, яко кровію его искупленна, возлюбленна Богу, яко Сынъ Божій ея ради на смерть дадеся, хощетъ въ ней обитель сотворити: се азъ, глаголетъ, стою и толку; аще кто отверзетъ мнѣ, вниду. Кто бы такого гостя не желалъ пріяти? токмо сіе страшно, кое причастіе будетъ свѣту ко тмѣ? кое упокоеніе чистому въ скверной души нашей? обаче не отчаяваемся: ибо Сынъ Божій того ради на землю пришелъ—немощи наша понести, болѣзни исцѣлити, грѣшныхъ помиловати; покажемъ ему раны наши и въ нынѣшнее постное святое время омыемъ скверну души нашея слезами, воздыханіемъ, смиреніемъ, воздержаніемъ, молитвою. Престанемъ дѣла̀ діаволя и волю его исполняти; престанемъ злобствовати, осуждать, клеветать, обидѣть и утѣснять братію нашу; истребимъ въ насъ зависти, ненависти, гнѣвы, сребролюбія; отринемъ піянства, блуды, грабленія; будимъ милостиви, кротцы, братолюбцы: тогда пришедый съ небесъ Сынъ Божій обитель сотворитъ въ души нашей; тогда полный свѣтъ радости возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ.

2. СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ЯВЛЕНІЯ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ (1742). (6).

Осмотримся, какъ мы любимъ Хріста. Люблю Хріста словомъ: у мене въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасныя покои, бани, поварни изрядно устроены; а церькви Хрістовы въ тѣхже селахъ безъ покрова погнили. Люблю Хріста: у меня запанки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебреныя; а въ церькви Хрістовой свинцовыя сосуды. Люблю Хріста: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Хрістовы тайны крашениннымъ покрываются покровомъ. Люблю Хріста: самъ шампанскія и венгерскія віна вмѣсто квасу употребляю; а въ церьковь никогда и волоскаго галенка (7) не посылалъ. Люблю Хріста: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь—легко, нескучно; а Хрісту въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церькви съ умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять— право въ суетахъ и помолиться нѣкогда. Люблю Хріста: друга, или патрона, или сродника за прошеніе или за пріятіе даровъ; надѣйся—дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а заутра и указъ получишъ. А бѣдный вопіетъ: сотвори милость Бога ради, Хріста ради,

Божія Матере ради—и смотрѣть не хощу, со гнѣвомъ отвѣтствую: не шуми, теперь не до тебе, много дѣлъ государственныхъ. Люблю Хріста: свои имянина какъ безъ торжества пропустить? три дни и нощи веселюся, піянствую; а пріидетъ праздникъ Хрістова Рождества или Воскресенія, главныя спасенія нашего вины, за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церькви не былъ; скорбитъ, что кого дома не засталъ, а о томъ и печали нѣтъ—не успѣлъ, рано стали благовѣстить. Люблю Хріста: словомъ надѣюсь на него, весь въ волю его предаюся, да будетъ, глаголю, воля твоя; а самою вещію чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябѣдниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другія коварныя способы желаемыхъ себѣ вещей прoискиваемъ. Се ли воля Божія? Словомъ, въ противныхъ ([8]) случаяхъ на Бога уповаемъ, той намъ помощникъ въ скорбехъ; а дѣломъ противникомъ нашимъ грозимъ не на Бога уповающе: или не вѣси, онсица ([9]) Сенаторъ, президентъ, губернаторъ, воевода, секретарь, такое знатное лицо — мнѣ благодѣтель, сродникъ, другъ; узриши что тебѣ будетъ. А сего не вѣмы, что утро патрона или чести лишатъ, или ко гробу понесутъ, и самъ себѣ помощи не возможетъ. О суетно упованіе и спасеніе человѣческо! православніи христіане есмы, любимъ Бога; а мнози отъ насъ и Бога едва знаютъ, а праведнаго его суда и отмщенія нижѐ думаютъ. Инныя за кабаками, за торгомъ, за ябѣдами, за работою церьквей не знаютъ, о покаяніи нижѐ помышляютъ, таинъ святыхъ не причащаются. Отче нашъ, Богородице Дѣво прочитать не умѣютъ, а другаго писанія нижѐ спрашивай; а у всякаго вмѣсто писанія во устѣхъ хула, клевета, сквернословіе, на языцѣ обманъ, сердце исполнено коварства, помышленій лукавыхъ, во очесѣхъ зависть, руцѣ грабленіемъ сляченны ([10]), нозѣ скорошествуютъ на зло. Се ли любовь ко Богу? се ли христіанская должность?

А о любви ближняго и спрашивать нѣчего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкія поклоны, частыя стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было, да и въ будущемъ бы вѣцѣ покою не обрѣсти. Словомъ обѣщаетъ: я твой истинной другъ, всегдашный любитель, вѣрный слуга, а дѣломъ враждую, ненавижду, злодѣйствую; и таковымъ лукавствомъ подъ образомъ любви души незлобивыя, благочестивыя, христіанскія, которыя коварства познать не могутъ, уловляются и въ ровъ погибели ввергаются. Люблю ближняго: а аще малымъ чимъ мене оскорбитъ или словомъ досадитъ—во вѣки злобствуемъ, во вѣки непримирительны, до гроба не забываемъ, готовы за едино слово погубить. А часто бываетъ, что ближній мой ничимъ меня оскорбилъ, благочестно живетъ, никого не обидитъ, должность свою изрядно правитъ; а мы завистію горимъ паче огня геенскаго, славу его терзаемъ, честь его поносимъ, криво о немъ толкуемъ; только вины, что славенъ, честенъ, Богъ его произвелъ; гдѣбы радоватися и Бога хвалити, что братъ нашъ прославляется — тако сѣтуемъ, тоскуемъ, печалимся о чуждемъ добрѣ; ради бы, что бы имя его не помянулося; и симъ ядомъ наполненныи, глаголю, завистію, самыхъ ядовитыхъ звѣрей лютѣйшіи, ибо самихъ себе снѣдаемъ, ни сродныхъ познаемъ, ни благодѣянія помнимъ, ни достойнаго почитаемъ, ни заслуженому честь воздаемъ, ни добродѣтельнаго хвалимъ, но всякаго добраго имя руганіемъ, клеветою тер-

заемъ, угрызаемъ, на славѣ убиваемъ, всегда чуждыя пороковъ сучки ломаемъ, а своихъ беззаконій цѣлыхъ бревенъ не видимъ. Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на инный конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимыхъ, защитить правду; сего и не мыслитъ, и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки Фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется что вси его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ, а сего не слышитъ — всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: изсше трава и цвѣтъ ея отпаде. Правосудіе ли тамъ присмотрится? въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра пріиди, больши не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы одерутъ; не срачицу, но и кожу готовы снять; а когда станешъ больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешъ. А сего не помнитъ, что единаго естества, единаго Создателя дѣло, единыя вѣры, братъ нашъ, удъ (11) нашъ, единыя благодати удостоенъ, равно кровію Хрістовою искупленъ, но за муху вмѣняютъ. Какъ таковый со псаломникомъ возглаголетъ: милость и судъ воспою тебѣ, Господи? а ему уже судъ безъ милости, не сотворшему милости, готовится. Мечь творящаго судъ обидимымъ надъ главою его виситъ. Но что еще постраждетъ въ день страшнаго суда, егда открыетъ праведный судія дѣянія, совѣты, помышленія, возопіютъ вси презрѣнніи, обижденніи, милости лишенніи: доколѣ, Владыко святый, не мстиши обиды нашея? О горе! о лютѣ! абіе (12) декретъ (13) оный изречется неключимому (14) рабу: свяжите руцѣ и нозѣ, и ввержите во тму кромѣшную, идѣже будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Люблю ближняго: а богатство кому попадется — не знаетъ, что не его злато, не его сребро, но Божіе; онъ токмо строитель Божіяго имѣнія поставленъ, да помогаетъ въ нуждѣ сущимъ, и за сіе мзду економства своего въ день судный воспріиметъ, и желаемый оный гласъ услышитъ: благій рабе и вѣрный, о малѣ ми былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа твоего. А онъ, какъ неключимый рабъ, такими стѣнами и замками оградитъ, не токмо кому подать, но и посмотрить никого не сподобитъ, рубля безъ процента не дастъ, полушки бѣдному въ руки не вложитъ, и самъ хлѣба въ сладость не вкуситъ, дрожитъ, ночи не спитъ, какъ бы утраты не здѣлалося; а сего не слышитъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Православніи христіане, любимъ Бога, любимъ ближняго; а колико между нами лихоимцевъ, грабителей, сребролюбцовъ, обидниковъ, ябѣдниковъ, славолюбцовъ, ласкателей, воровъ, раскольниковъ, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, костоводовъ (15), обманщиковъ, клеветниковъ, убійцевъ, гордыхъ, немилостивыхъ, лестцовъ, родителей не почитающихъ, еретіковъ, безбожниковъ! Таковіи вси противницы Богу и враждебницы ближнему, таковыхъ христіянъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, довольно будетъ въ тартарскихъ мѣстахъ. Се ли христіанская должность! се ли Евангелская жизнь! се ли Апостольская проповѣдь! се ли святыхъ отецъ ученіе! Вси знаютъ, что̀ Евангеліе гремитъ, пророческія книги вопіютъ, Апостольская посланія истинной христіанской жизни обучаютъ, отеческая писанія во нравѣхъ хрістіанскихъ утверждаютъ, — ни кто не слушаетъ, ни кто не внимаетъ. Добрѣ Хрістосъ Господь у Луки святаго глаголетъ: аще кто (Луки гл. 16) отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. А я ужѐ всуе простираю слова: аще Хрісту, Апостоломъ не вѣрятъ; а

мнѣ, послѣдной спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ.

Но прошло ужѐ, слышателіе, тое желѣзное время, въ немже неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и Слово Божіе вязалося ([16]), и путь въ царствіе небесное заключался, истинныя догматы, ведущія въ жизнь вѣчную, не слышалися, а соблазны и блеванія на православную церьковь въ погибель многимъ всюду прославлялися, пастыріе молчали, проповѣдницы боялися ([17]). А нынѣ златыя времена, времена Константіна Великаго, времена Ѳеодосіа царя благочестиваго, времена Пульхеріи и Ірины, царицъ защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами Благочестивѣйшая, Самодержавнѣйшая, Великая Государыня Імператріца Елісаветъ Петровна, и Дщерь и Внука и Правнука Імператоровъ Благочестивыхъ, воистинну Греческаго исповѣданія. Только пріиде къ намъ, а съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе—ужѐ теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди—всюду истинно глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще Сама Всепресвѣтлѣйшая Монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утруждена, всегда слово Божіе слышати желаетъ, и слушая не скучаетъ: вѣдаетъ, что словеса Господня — словеса чиста, сребро разженно, очищенно земли, искушено ([18]) седмирицею; вѣдаетъ, что законъ устъ Господнихъ благъ есть паче тысящь злата и сребра; вѣдаетъ, что глаголы Хрістовы–глаголы суть живота вѣчнаго; вѣдаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ будетъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ. Сіе мы видѣвши, что сама глава наша раченіе о словѣ Божіи, ревность ко правдѣ имать, въ сіе ли благополучное время умолчимъ? да не будетъ. Но аще мы умолчимъ, камени возопіютъ.

[1]) Димитрій Сѣченовъ (р. 1709 у. 1767 г.) обучался въ Московской Академіи. Въ 1738 г. назначенъ «правителемъ новокрещенскихъ дѣлъ» въ Казани и произведенъ въ архимандриты свіяжскаго монастыря. Послѣ былъ онъ епископомъ нижегородскимъ, рязанскимъ, архіепископомъ и наконецъ митрополитомъ новогородскимъ.

[2]) «Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ придворной церкви Императрицы Елисаветы Первыя проповѣданное архимандритомъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, Димитріемъ Сѣченовымъ. Въ Москвѣ 1742 года марта 25 дня. Печ. въ Спб. при Ак. Н., мая 10 дня 1742 г.» Его-то назвалъ Карамзинъ замѣчательнѣйшею проповѣдью Димитрія, въ которой изображено состояніе Религіи и служителей ея въ Россіи предъ воцареніемъ Елисаветы (Пантеонъ рос. авторовъ). Въ первой части его проповѣдникъ воспоминаетъ «бѣдственное паденіе праотца нашего и вся горести отъ діавола намъ нанесенныя, а потомъ Божіе несказанное о родѣ человѣчестѣмъ промышленіе». Главное дѣйствіе промысла—воплощеніе Сына Божія, отъ чего и выбраны текстомъ проповѣди слова Святой Церкви: «благовѣствуй, земле, радость велію». Вторая часть показываетъ сначала бѣдственное состояніе Россіи по кончинѣ Петра I и Екатерины I, а за тѣмъ велію радость, которую должна благовѣствовать Россія — воцареніе Елисаветы, которымъ прекратились козни внутреннихъ враговъ, какъ главное несчастіе нашего отечества.

[3]) Здѣсь исчислены главные догматы или «вины» лютеранства, о которыхъ разсуждаетъ Камень Вѣры и которые служили почти постоянными темами проповѣдей при Елисаветѣ: таковы, на прим., Слово Маркелла, епископа корельскаго и ладожскаго, противъ несоблюденія постовъ (28 марта 1742); егоже противъ непочитанія святыхъ и непоклоненія ихъ иконамъ (22 іюня 1742); Слово о постѣ придворнаго проповѣдника дьякона Стефана Савицкаго (10 октября 1742); Слово о молитвѣ и постѣ Арсенія Могилеанскаго (13 марта 1743), и проч.

[4]) Въ Ист. Рус. церкви, періодъ V (1848), исчислены духовныя лица, пострадавшія во время Биронова могущества: Ѳеофи-

лактъ Лопатинскій, Сильвестръ, еп. казанскій, Варлаамъ, митр. кіевскій, Левъ, еп. воронежскій, Георгій Дашковъ, арх. ростовскій, Игнатій Смола, еп. коломенскій, Иларіонъ, еп. черниговскій, Варлаамъ, еп. псковскій, Досиѳей, еп. курскій, Мельхиседекъ, архим. воскресенскій (стр. 167, прим. 202).

[5]) Разумѣются Долгорукіе и другіе, пострадавшіе по вступленіи Анны Іоанновны на престолъ.

[6]) «Слово въ день явленія чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы во градѣ Казани. Въ присутствіи Императрицы Елисаветы проповѣданное свіяжскимъ архимандритомъ Димитріемъ Сѣченовымъ, въ придворной церкви въ Москвѣ 1742 іюля 8. Напеч. въ Москвѣ тогоже года августа 12». Характеръ его рѣзко-обличительный, какъ и всѣхъ другихъ проповѣдей Сѣченова, о которыхъ еще Карамзинъ, въ Пантеонѣ рос. авторовъ, такъ отозвался: «Достоинство ихъ состоитъ не въ искуствѣ ораторскомъ, но въ чистомъ христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи Двора громогласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ вельможъ, для которыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ». Содержаніе «Слова о явленіи иконы Божіей Матери въ Казани» Сѣченовъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ:

Еще начинается только второй лѣтній мѣсяцъ (слово произнесено 8 іюля), а мы уже совершаемъ третье торжество Божіей Матери: первое происходило 23 іюня (Владимірская), второе 26 іюня (Тихвинская), третье происходитъ теперь, т. е. 8 іюля (Казанская). Достойно и праведно величати Ту, которая защищала русскихъ царей, была страхомъ для варваровъ и увеселеніемъ для христіанъ. Поэтому желалъ бы и я восхвалить и благодарить Ее, но въ умъ и сердце мое приходятъ недоумѣніе, страхъ и трепетъ: я слышу, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, разсуждая о неизреченныхъ добродѣтеляхъ Божіей Матери, восклицаетъ: «Любити убо намъ, яко безбѣдно страхомъ удобѣе молчаніе, любовію же Дѣво пѣсни ткати спротяженно сложенныя—неудобно есть». Если толикій всего міра свѣтильникъ, философіи и богословія преславный кавалеръ, монашескихъ ликовъ генералъ, пустынныхъ жителей верхъ и доброта, Ангелъ во плоти, неизреченныхъ таинъ истолкователь, Божія Матери особливый служитель, ужасается, начиная ублажать ее, и совѣтуетъ любить молчаніе; то я ли скверный языкъ мой къ похвалѣ оныя простерти могу, весь къ земнымъ попеченіямъ привязанъ, всегда временныхъ ищу, всегда земная мудрствую, весь міра сего прелестьми ослѣпленъ, всю жизнь въ сластехъ и страстехъ, аки свинія въ блатѣ валяюся, не монахъ, но соблазнъ, аки тма отъ свѣта отъ такого свѣтильника разнствую, мерзкими нравами безсловесныхъ скотовъ, звѣрей превосхожду, не токмо говорити, но ниже помыслити о таковомъ превысокомъ дѣлѣ дерзаю.—Впрочемъ надобно понимать истинный смыслъ словъ Дамаскина: онъ не запрещаетъ прославлять Пречистую, а только совѣтуетъ осмотрѣться на немощь естества нашего, на недостоинство наше и совѣсть, грѣхами оскверненную, и потому говоритъ: «Яко одушевленному Божію кивоту, да никакоже коснется рука скверныхъ, но душами чистыми и несквернымы устнами, пріидите возвеличимъ Пречистую Матерь Еммануилеву». Разсмотримъ же, согласно ли Христову имени живемъ мы: такъ ли мы любимъ Бога и ближняго, какъ предписываетъ намъ Евангеліе?—Слѣдуетъ за симъ объясненіе истинной любви къ Богу и истинной любви къ ближнему (первый отдѣлъ главной части Слова). Эти толкованія христіанскихъ обязанностей, какъ общій элементъ проповѣди, прилагаются къ разсмотрѣнію нашей жизни, составляющему ея частный элементъ. Приложеніе, выражающее живое отношеніе Слова къ современности, по имени христіанской, по дѣламъ противохристіанской, и образующее второй отдѣлъ главной части, помѣщено въ Хрестоматіи. Заключеніемъ Слова служитъ молитвенное обращеніе къ Божіей Матери и похвала Елисаветѣ.

[7]) Волошское вино.—Галенокъ (Gallon) — англійская мѣра вина, равная четыремъ французскимъ пинтамъ.

[8]) Несчастныхъ.

[9]) Такой-то.

[10]) Отъ «слящати» (сгибать, скорчивать)—согнуты.

[11]) Членъ.

[12]) Тотчасъ, немедленно.

[13]) Приговоръ.

[14]) Недостойный.

[15]) Играющій въ кости, игрокъ.

[16]) Связывалось, лишалося средствъ дѣйствовать свободно.

[17]) Отношеніе къ предъидущему времени—господству нѣмецкихъ сановниковъ.

[18]) Испытано.

XLI.

ГЕДЕОНЪ КРИНОВСКІЙ. (¹).

СЛОВО О СЛУЧИВШЕМСЯ 1755 ГОДУ ВЪ ЕВРОПѢ И АФРИКѢ УЖАСНОМЪ ТРЯСЕНІИ (²).

Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ! (Псаломъ 94, ст. 7—8).

Получаемыя со дня на день нами нынѣ иностранныя вѣдомости возбудили во мнѣ охоту нѣкоторыя сочинить теперь на нихъ нравоучительныя примѣчанія, слышатели благочестивые! Вѣдомости сіи ничего почти добраго намъ не возвѣщаютъ. Богъ знаетъ, бывали ли когда непріятнѣйшіи паче нынѣшнихъ на земли случаи! Въ толь краткое время толь многія зло пострадали государства! Тамъ видимъ разверзающуюся и страшный съ шумомъ пламень изъ нѣдръ своихъ испущающую землю; тамъ море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; тамъ прекрасные грады въ страшныя превращенны пустыни; тамъ превысокія горы въ глубокіи рвы и долины сотворшіяся; тамъ многія тысящи человѣкъ живыхъ погребенныхъ; тамъ полумертвыхъ безъ пищи, безъ покрова ужасно вопиящихъ! И чтожъ сіе, слышатели? Какова вы разсужденія о такихъ вѣдомостяхъ? Не хочете ли все то приписать натурѣ? Не думаете ли, что селитреныи и другія нѣкія сухія и легко загараемыя частицы въ потаенныхъ земныхъ каналахъ собравшися и съ нѣкорыми водяными частицами стираяся, горячесть, а потомъ и пламя произведши, и тѣмъ тончайшій, въ убѣгающихъ отъ очей нашихъ земныхъ трубкахъ находящійся, воздухъ въ возмущеніе приведши, потрясли такъ землю и воду? Пусть такъ будетъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, не въ инныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура? Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіи погибли; случаемъ Португаллія, Гишпанія, Франція и многія Нѣмецкія и другія различныя зѐмли подпали сему злу. А мы, напримѣръ, Россіаны ни труса земли, ни возхожденія необычнаго воды не чувствовали? Но гдѣ жъ (³) будетъ дѣвать оное слово Хрістово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца небеснаго не погибаетъ (Матѳ. X, 30; Лук. XII, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели! не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждай зло по писанію (Исаія XLV, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи, и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и здѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный видъ на себе приняло; Онъ, говорю, то-есть который призираетъ на землю, и творитъ ю трястися, по Псаломнику (Псал. CIII, 32), и котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѳ. VIII, 26), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи (⁴). А понеже Богъ и естество ничего напрасно не дѣлаютъ, какъ то и самые языческіи признали философы, то ужѐ слѣдуетъ намъ помышлять, что непремѣнно и помянутыя печальныя руки Божіей дѣйствія нѣкоторую у себе имѣютъ причину. И въ семъ-то состо-

ять будутъ сегодняшныя краткія мои примѣчанія ([5]). Впрочемъ я не намѣренъ пущаться въ глубину сію безъ разсужденія. Я не смѣю испытовать совершенно, что единому Богу извѣстно; но только хочу сказать, что все сіе здѣлано ради того, чтобъ устрашить насъ грѣшныхъ и отвесть отъ беззаконій нашихъ, которыя такъ сильно укоренились и разумножились въ насъ, что, кажется, вси прешедшіе вѣки въ томъ уступить настоящимъ должны. Чего ради и въ заглавіи сей моей бесѣды заблаго разсудилось мнѣ положить оныи Давидовы словà: Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ! Ежели бо толь громкой и грозной гласъ Божій, гласъ, говорю, сокрушающій каменіе и стрясающій гóры, нечувствителенъ сердцамъ нашимъ здѣлается; то ужè конечно не можно будетъ насъ почитать за человѣковъ, но развѣ за нѣкоторую самыхъ нечувственныхъ вещей нечувственнѣйшую тварь.

Не надобно мнѣ напередъ васъ увѣрить, что грѣхи наши подали причину, чтобъ такія зла навелъ Богъ на землю. А чѣмъ же бы я васъ увѣрилъ? Увѣряю живымъ и дѣйствительнымъ словомъ Божіимъ, то есть священнымъ писаніемъ. Посмотрите вы, въ книгѣ второзаконія, въ главѣ 30, что тамъ Богъ говоритъ чрезъ Моvсея ко Израилю? Аще, говоритъ, послушаешь ты заповѣдей Господа Бога твоего, поживеши и умножишися, иблагословитъ тя Господь; аще ли же не послушаете, возвѣщаю вамъ, яко погибелію погибнете. И въ книгѣ Левитской въ главѣ 28 говоритъ: Аще не послушаете мене, положу вамъ небо аки желѣзно, и землю яко мѣдяну, и во ничто будетъ вся крѣпость ваша. Чтожъ и Давидъ? Многи, говоритъ, раны грѣшному. Да и дѣйствительно, испытайте и виждьте, что навело страшный оный при Нои потопъ на вселенную: не грѣхи ли человѣческіе? Что Содому и Гомору попалило: не грѣхи ли? За что Даѳана и Авирона земля пожерла: не за грѣхи ли? За что Іерусалимъ невозвращаемому раззоренію подпалъ? Также не за грѣхи ли? И сіе я говорю о причинѣ золъ всякихъ вообще. Слышитежъ и что особливо о землетрясеніи сказалъ Златоустъ святый? Какъ однажды приключившееся во времена его землетрясеніе ужè престало, вскорѣ онъ послѣ того имѣлъ къ народу прекрасную бесѣду о причинѣ зла сего, и въ ней между прочимъ сказалъ такъ: Другіе вси ради землетрясенія страхомъ объяты были, а я ради вины землетрясенія. Они боялись, чтобъ градъ не палъ и не погиблъ; а я, что Богъ на насъ гнѣвался, содрогалъ. Вина бо землетрясенія есть Божій гнѣвъ, гнѣва же Божія вина суть грѣхи наши. Вотъ что Златоустъ говоритъ! и требуемъ ли еще мы яснѣйшаго предложенной истинѣ свидѣтельства?

Но не подумалъ бы ужè кто, послушая сего, что тѣ люди, которые погибли совсѣмъ или нѣкоторый хотя вредъ претерпѣли при помянутыхъ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ, одни грѣшныи были, а мы праведныи, что сохранились цѣлы отъ зла? Нѣтъ! Не льзя того заключать отсюды. Не льзя сказать, чтобъ тотъ Пророкъ, котораго Богъ льву на растерзаніе отдалъ за одно то, что противъ приказа его совратился съ пути своего откушать хлѣба у другаго Пророка (3 кн. Царствъ, XIII), или Оза, которой за неподобающее прикосновеніе къ кивоту Божію палъ предъ всѣми внезапу мертвъ (2 Царствъ, VI), грѣшнѣйшие были паче тѣхъ, которые повседневно преступаютъ заповѣди Божіи и касаются дерзновенно языкомъ своимъ завсегда, не только вещей какихъ божественныхъ, но и самой чести Божіей;

однакожъ не умираютъ того же самаго времени, нижѐ львы, изходя изъ пустыни, растерзываютъ ихъ. Такимъ образомъ не можно утвердить, и чтобъ несчастливыи оныи люди достойнѣйшіи паче насъ были такова наказанія Божія. Но думать намъ надобно, что, можетъ быть, для того здѣсь насъ Богъ не наказываетъ, понеже блюдетъ на вѣчное мученіе, по силѣ оныхъ словъ Петровыхъ: Вѣсть Господь нечестивыя на день судный мучимы блюсти (2 Петр. II, 9), или что, можетъ быть, ужѐ и подъ нами подводятся тѣ подкопы, которые подорвали бѣдныхъ тѣхъ жизнь или благополучіе? Можетъ быть, ужѐ и на насъ простерта страшная рука Божія, которую на себѣ почувствовали прочіе край; но ждетъ еще, не устрашимся ли мы ихъ примѣромъ, и не пробудимся ли отъ сна нашего стукомъ, которой потрясъ толь великую часть вселенныя.

Внемлемъ, что сказалъ Хрістосъ Іудеемъ, когда они пришли къ нему и разсказывали о Галилеанахъ (которыхъ побивши Пилатъ за нѣкоторое бунтовство, смѣсилъ кровь съ жертвами ихъ), какъ о достойныхъ такой казни грѣшникахъ. Не думайте, сказалъ, будто сіи Галилеаны паче всѣхъ грѣшнѣйшіи были, что такъ пострадали; но знайте, что ежель и вы, смотря на нихъ, не покаетесь, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 2—3). Тамъ же приводитъ онъ и другой еще имъ примѣръ. Какъ вы разсуждаете, говоритъ, и о тѣхъ осмнадесяти человѣкахъ, которыхъ паденіемъ своимъ умертвилъ столпъ Силоамскій? Не мните ли, яко тіи должнѣйшіи бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? ни, глаголю вамъ; но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. (Лук. XIII, 4—5). Которое мѣсто, толкуя нѣгдѣ, святый Златоустъ говоритъ такъ: Показываетъ вотъ здѣсь намъ Хрістосъ явственно, что оныи осмнадесятъ человѣкъ уставлены были отъ Бога прочимъ въ примѣръ и устрашеніе! Наказывается бо (придаетъ) всякъ за свои собственныя беззаконія, но бываетъ то самое инымъ спасенія виною; то есть, чтобъ отъ наказанія другаго безумный премудрѣйшимъ здѣлался. Понеже бо Богъ не всѣхъ здѣсь наказываетъ, но даетъ время на покаяніе; однакожъ не всѣхъ и до будущей казни блюдетъ, чтобъ многія промысла Его не отметали. Видимъ убо мы здѣсь явственно, что и прочіи Іудеи не лучшіи были отъ побитыхъ столпомъ тѣмъ; но хотѣлъ ихъ Богъ не вдругъ казнить, но по части для того, чтобъ до которыхъ еще казнь не дошла, устрашенны погибелію своихъ ближнихъ, могли обратиться къ нему, чего онъ единственно отъ всякаго грѣшника желаетъ, по оному: Не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему. И коль же мы счастливы, примѣтьте отсюды, слышатели! что Богъ въ показаніе праведнаго своего суда избралъ сосуды иные, а не насъ; намъ еще оставилъ время, чтобъ могли ихъ примѣромъ пользоваться. Не могль ли бо онъ насъ на то употребить, чтобъ тѣхъ устрашилъ? какъ теперь съ ними поступилъ, чтобъ мы въ страхъ пришли— сами разсудите!

Но убо смотрижъ ты всякъ, ктобъ ты таковъ ни былъ, помилованный въ семъ случаѣ грѣшникъ! Не муради о такомъ богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, показанномъ на тебѣ! Когда тебе Богъ столь прилѣжно зоветъ ко покаянію, не ожесточай день отъ дня сѐрдца твоего, да не соберешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва, подобный собывшемуся на несчастливыхъ оныхъ, или и того еще ужаснѣйшій. Вить то всякому, чаю, ни мало не сумнительно, что мы вси равныи у Бога дѣти; равно Богъ печется о всѣхъ какъ о единомъ, говоритъ Августинъ. Ежели убо Богъ

погибшихъ оныхъ людей не пощадѣлъ, конечно и наши беззаконія жесточайшею нѣкою казнію наказать во гнѣвѣ своемъ не премениетъ (Лук. XXI). Убойся убо, и паки я говорю: убойся, человѣкъ, праведнаго суда Божія! убойся тѣхъ казней, которыя на другихъ видишь, да не и на тебѣ тѣжде искусишь!

Буде ли жъ мало кому сего ко устрашенію нечувственной души его, то можетъ еще и иное на сіи вѣдомости здѣлаться примѣчаніе, которое лишь только хочу я воспомянуть, страшусь сердцемъ, ужасаюся мыслію, трепещу всѣми удами. А что оно такое? А вотъ то, что сіи трусы и пагубы, о которыхъ теперь намъ рѣчь, еще суть явственнымъ знаменіемъ скораго на землю пришествія Хрістова. Тако бо сказалъ Хрістосъ во Евангеліи о своемъ пришествіи, когда спрашивали его ученики, какое предъ тѣмъ знаменіе будетъ. Будутъ, рече, тогда трусы велики по мѣстамъ, и глады, и пагубы; будутъ знаменія въ солнцѣ, и лунѣ, и звѣздахъ, и на земли туга (6) языкомъ отъ нечаяннаго шума морскаго и возмущенія (Мате. XXIV). Я разумѣю, что нѣкоторые теперь стали помышлять въ сердцахъ своихъ. Они хотятъ мнѣ противъ сего примѣчанія сказать, что и прежде сего трясенія землй и разлитія водъ морскихъ бывали; однакожъ Хрістосъ еще и доднесь не пришелъ. Но бывали, правда, трясенія и возмущенія морскія, да не таковыя. Смотрите теперь, сколько селъ, сколько городовъ, сколько и цѣлыхъ островов или совсѣмъ погибло, или крайне повредилось въ толь краткомъ времяни! Довольно ли того, что сами тѣ, которые можетъ-быть о послѣднемъ разореніи міра сего никогда не думали, принуждены теперь признавать, будто вся натура пришла въ безпорядокъ, и слѣдовательно грозитъ паденіемъ и совершеннымъ своимъ разрушеніемъ? Впротчемъ, не можемъ никто за тѣмъ усумнѣваться о истинѣ Евангельскаго предвозвѣщенія, что, напримѣръ, третій уже мѣсяцъ тому, какъ помянутыя начались въ Европѣ и Африкѣ трясенія, а Хрістова еще пришествія нѣтъ. Понеже и самъ Хрістосъ не называетъ ихъ такими знаками, за которыми непосредственно слѣдуетъ кончина вѣка. Вся, рече, сія еще суть начало болѣзнямъ, а не у (7) кончина. Но только говоритъ, что не укоснитъ уже послѣ сего судъ его. Отъ смоковницы, рече, научитеся притчи, егда уже вѣтвіе ея будетъ зелено и израститъ листвіе: знакъ есть, что близъ есть жатва; тако и вы, егда сіи трусы и пагубы видите, вѣдите, яко близъ есть при дверехъ день мой (Мате. XXIV, 32–33) (8). Памятуимъ мы сіе, слышатели, и поступаимъ, какъ требуютъ такія отъ насъ примѣчанія! Ежель кого не устрашаетъ первое, да устрашитъ второе! ежель не второе—первое! А болѣе ничего вамъ я теперь не скажу: только еще повторю, ради памяти, оныя пророческіи слова: Днесь аще гласъ Господа, зовущаго васъ на покаяніе, услышите, о люди, не ожесточите сердецъ вашихъ! И тѣмъ кончу днешную мою бесѣду (9). Аминь.

1) Гедеонъ Криновскій р. 1728 въ Казани, обучался въ тамошней семинаріи, а потомъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова. За произнесенную проповѣдь, 1754 г., въ присутствіи Императрицы Елисаветы, которая находилась тогда въ Москвѣ, былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1755 г. посвященъ въ архимандриты Савина Сторожевскаго монастыря и пожалованъ членомъ Синода. Въ 1758-мъ переименованъ въ архимандриты Троицкой Сергіевой Лавры, но продолжалъ проповѣданіе при Дворѣ. Въ 1761 г. посвященъ въ епископа псковскаго, оставаясь присутствующимъ въ Синодѣ. Въ 1763 г. отправился въ свою эпархію и, не доѣхавъ до Пскова, умеръ.

2) «Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ, при Высочайшемъ Дворѣ Ея Импе-

раторскаго Величества сказыванныхъ придворнымъ Ея Величества проповѣдникомъ іеромонахомъ Гедеономъ, 4 ч. Спб. 1755—1759».

[3]) Куда.

[4]) Въ «приступѣ» Криновскій отвергаетъ мысль, которая въ его время сильно распространена была ученіемъ энциклопедистовъ: что всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой имѣютъ источникомъ причины естественныя, естество, а не что-либо другое.

[5]) «Предложеніе», тема слова: «виною различныхъ бѣдствій (землетрясеній, разрушенія городовъ, наводненій и пр.) — не естество, а грѣхи наши». За этимъ слѣдуютъ «доказательства» мысли (главная часть): «Но надобно напередъ васъ увѣрить».... и т. д.

[6]) Печаль.

[7]) «У» (т. е. уже) съ предшествующимъ нарѣчіемъ отрицанія «не» означаетъ въ церковн. славян. языкѣ: «еще не» (еще не кончина).

[8]) Здѣсь кончена главная мысль — доказательство темы свидѣтельствами Св. Писанія и Златоуста. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ перешелъ къ мысли о страшномъ судѣ, который, по его мнѣнію, возвѣщается страшными явленіями природы.

[9]) «Заключеніе», призывающее слушателей къ очищенію жизни покаяніемъ.

XLII.

ЗАПИСКИ НАЩОКИНА. [1].

1. Свадьба князя-папы [2].

Тогожь году [3] князь-папа, Петръ Ивановъ сынъ Бутурлинъ, женился. Свадьба его была курьозная: въ машкарацкомъ были платьѣ. Государь, въ томъ машкарадѣ, былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ платьѣ и Голандская шляпа, а шелъ съ барабаномъ, изволилъ бить бой барабанной. Въ такомъ же уборѣ и съ барабаномъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ шелъ. Во оной свадьбѣ выбраны были трое скороходовъ, весьма претолстые люди: Петръ Павловичъ Шафировъ, Иванъ Федоровъ сынъ Бутурлинъ, Иванъ Степановъ сынъ Собакинъ, офицеръ Семеновскаго полку. И все убранство было весьма странное: чрезъ рѣку шлюбки обвиты были зеленымъ хвощемъ; плотъ, сдѣланный изъ бочекъ и обвитой хвощемъ же, былъ букеированъ [4], на которомъ князь-папа ѣхалъ. А подклетъ [5] молодыхъ былъ въ перемидѣ [6], сдѣланной на площади, что, какъ выше упомянуто, сдѣлана была для торжества счастливаго взятья четырехъ фрегатовъ. На берегъ вышедъ ѣздили поѣзды цугами на медвѣдахъ, на собакахъ, на свиньяхъ, и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться смотря на курьозные уборы, и что на звѣряхъ и на скотѣ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили.

2. О поимкѣ Сирены.

Августа 15-го [7] получена въ Москвѣ чрезъ газеты вѣдомость изъ Некепинга [8], что на островѣ Масѣ въ Ютландіи, близь Западнаго моря, четверо рыбаковъ, въ ночи на 12 число онаго мѣсяца, будучи на рыболовномъ промыслѣ, поймали, противъ чаянія, такъ называемую сирену, или морскую женщину. Оное морское чудовище походитъ сверху на человѣка, а снизу на рыбу; цвѣтъ на тѣлѣ желтоблѣдной; глаза былъ затворены; на головѣ волосы черные, а руки заростли между пальцами кожею, такъ какъ гусиныя лапы. Думаютъ, что то животное живо было. Какъ рыбаки приметили, что въ сѣть особливое нѣчто попалось, то вытащили ее на берегъ съ великимъ трудомъ, при чемъ

всю сѣть изорвали. Туточные жители сдѣлали чрезвычайную бочку и, наливъ ее соленою водою, морскую женщину туда посадили; такимъ образомъ надѣются сберечь отъ согнитія. Сіе въ записку внесено по тому, что хотя о чудахъ морскихъ многія фабулы бывали, а сіе за истинну увѣрить можно, что оное морское чудовище есть такъ удивительное поймано.

3. Смерть профессора Рихмана ([9]).

Іюля 26 ([10]) убило громомъ въ Санктпетербургѣ профессора Рихмана, которой машиною старался о удержанiи и грома и молнiи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о немъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытной да чтетъ ([11]). Съ нимъ Рихманомъ о мудрованiи сходно произошло, какъ въ древности пишется о Аѳинейскомъ стихотворцѣ Евсхилiи ([12]), что и оной чрезъ астрономiю позналъ убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдяше на яснѣ ([13]); орелъ же, на воздухѣ носяй желвь ([14]), иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхилія глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвь и паде на главу. И такъ нечаянной конецъ вымыслу и онаго Рихмана, какъ и Евсхилiй, получи. А о Евсхилiи пишется въ книгѣ Іоакѣ и Іерополитикѣ, на листѣ 183 ([15]).

[1]) Василiй Александровичъ Нащокинъ, генералъ-лейтенантъ, род. 1707, ум. 1761. Записки его начинаются 1712, оканчиваются 1759 г.: большая половина ихъ относится къ царствованiю Елисаветы. Онѣ изданы, съ объясненiями и примѣчанiями, Д. Языковымъ, 1842 г.: «Записки Василья Александрова сына Нащокина, что могъ видѣть отъ времени памяти своей о рожденiи, по достовѣрной запискѣ руки отца своего Александра Ѳедоровича, и какiе случаи достопамятные, въ которыхъ годѣхъ что происходило, явствуетъ въ нижеписанномъ журналѣ, что увѣряю сей журналъ подпискою руки моей по листамъ въ книгѣ сей».

[2]) Петръ Великiй, между многими другими средствами искоренять дурные обычаи, употреблялъ также средство осмѣянiя. Видя, какую неограниченную власть римскiе католики приписывали главѣ своего духовенства, онъ установилъ у себя достоинство князя-папы, придавъ ему конклавъ, изъ 12 кардиналовъ состоявшiй, наряжалъ ихъ смѣшнымъ образомъ, ѣздилъ съ ними о святкахъ на славленье и пр. и пр., а главное преимущество ихъ состояло въ томъ, что они на такихъ праздникахъ могли пить, какъ говорится, сколько душѣ угодно. Князь-папа былъ не шутъ, какъ многiе полагаютъ; ибо первый, облеченный въ это званiе, былъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, тайный совѣтникъ, управлявшiй Ближнею Государевою канцелярiею и получившiй титулъ графскiй. Онъ имѣлъ еще неизъяснимый титулъ «Магнуса-Наклеванги»: такъ писался онъ во всѣхъ государственныхъ бумагахъ. Подробности о князѣ-папѣ можно читать въ журналѣ Беркгольца и въ Дѣянiяхъ Петра Великаго, изданныхъ Голиковымъ. Зотовъ, имѣя отъ роду лѣтъ 70, вздумалъ жениться, и при семъ случаѣ Государь учредилъ маскарадъ, собственнаго своего изобрѣтенiя, подробное описанiе котораго Голиковъ помѣстилъ въ Дополнен. X., 233—252. По смерти Зотова, княземъ-папою былъ названъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, свадьбу котораго описываетъ здѣсь Нащокинъ; а послѣднимъ — одинъ офицеръ, по имени Строгость, произведенный въ это званiе, по смерти Бутурлина, за нѣсколько недѣль до кончины Государя (Прим. Языкова).

[3]) 1720 г.

[4]) Буксировать—тянуть бичевою посредствомъ гребныхъ судовъ

[5]) Брачная комната.

[6]) Пирамида.

[7]) 1749 г.

[8]) Никкепингъ (Nycjoping) на островѣ Морсо.

[9]) Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнiя, произведеннаго смертiю Рихмана. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбитъ объ участи сотоварища и его семейства и боится, чтобъ этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ наукъ, разсказъ Нащокина отзывается не только неуваженiемъ къ опаснымъ трудамъ ученаго, но даже насмѣшкою надъ нимъ.

[10]) 1753 г.
[11]) С.п.бургскія Вѣдомости 1753, августа 3 (№ 62)
[12]) Эскилъ.
[13]) Ясня—открытое мѣсто, юръ.
[14]) Черепаха.
[15]) Иеика Іерополитика, или философія нравоучительная, символами и прїуподобленіями изъясненная, сочиненная монахами кіевопечерскаго монастыря (1712).

XLIII.

ЗАПИСКИ КН. ШАХОВСКАГО. ([1]).

Воспитаніе, начальная служба и отношенія къ Бирону.

Я родился въ 1705 году. По смерти отца моего остался при матери менѣе года. Мать моя чрезъ нѣсколько лѣтъ вышла за мужъ. Но какъ мой вотчимъ вскорѣ умеръ, а она вышла за другаго, который былъ къ матери моей, также и ко мнѣ неблагосклоненъ: того ради на 9 году возраста моего, дядя мой родной, князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской (которой тогда офицеръ гвардія, а напослѣдокъ чрезъ многіе годы, въ царствованіе Государыни Императрицы Анны Іоанновны сенаторомъ, въ конной гвардіи подполковникомъ, при Ея Императорскомъ Величествѣ генералъ адъютантомъ и ордена Святаго Александра Невскаго кавалеромъ былъ), взялъ меня въ свой домъ, воспитывалъ при себѣ по тогдашнимъ обыкновеніямъ, и любилъ во всю свою жизнь не менѣе какъ достойнаго сына.

Главнѣйшіяжъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца поученія, чтобы всякое дурно ([2]) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять, и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, притомъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившихъ, и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сіи-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученія были при всѣхъ случаяхъ въ поведеніяхъ моихъ первѣйшими правилами.

Какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего, то представилъ онъ меня въ службу лейбъ-гвардіи въ Семеновской полкъ, въ государствованіе Императора Петра Великаго въ 1719 году. Въ ономъ полку бывъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ, его жъ отеческими о мнѣ къ лучшему промыслами, не такъ какъ послѣ многіе молодые дворяне, дома живучи, всѣ унтеръ-офицерскія званія проносили ([3]), а по введеніи уже въ офицерскіе чины въ службу вступали, я, не отлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ.

Въ 1725 году въ царствованіе Государыни Императрицы I Екатерины Алексѣевны между немногими прочими унтеръ-офицерами назначенъ, а потомъ въ государствованіе Императора Петра II произведенъ изъ онаго полку въ новосоставленной тогда изъ бывшихъ въ драгунскихъ полкахъ дворянъ новой полкъ, именованной лейбъ-региментомъ ([4]), поручикомъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени произведенъ капитаномъ, и при

всю сѣть изорвали. Туточные жители сдѣлали чрезвычайную бочку и, наливъ ее соленою водою, морскую женщину туда посадили; такимъ образомъ надѣются сберечь отъ согнитія. Сіе въ записку внесено по тому, что хотя о чудахъ морскихъ многія фабулы бывали, а сіе за истинну увѣрить можно, что оное морское чудовище есть такъ удивительное поймано.

3. Смерть профессора Рихмана (⁹).

Іюля 26 (¹⁰) убило громомъ въ Санктпетербургѣ профессора Рихмана, которой машиною старался о удержаніи и грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о немъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытной да чтетъ (¹¹). Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о Аѳинейскомъ стихотворцѣ Евсхиліи (¹²), что и оной чрезъ астрономію позналь убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдяше на яснѣ (¹³); орелъ же, на воздухѣ носяй желвь (¹⁴), иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхилія глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвь и паде на главу. И такъ нечаянной конецъ вымыслу и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій, получи. А о Евсхиліи пишется въ книгѣ Іоѵкѣ и Іерополитинѣ, на листѣ 183 (¹⁵).

¹) Василій Александровичъ Нащокинъ, генералъ-лейтенантъ, род. 1707, ум. 1761. Записки его начинаются 1712, оканчиваются 1759 г.: большая половина ихъ относится къ царствованію Елисаветы. Онѣ изданы, съ объясненіями и примѣчаніями, Д. Языковымъ, 1842 г.: «Записки Василья Александрова сына Нащокина, что могъ видѣть отъ времени памяти своей о рожденіи, по достовѣрной запискѣ руки отца своего Александра Ѳедоровича, и какіе случая достопамятные, въ которыхъ годѣхъ что происходило, явствуетъ въ нижеписанномъ журналѣ, что увѣряю сей журналъ подписскою руки моей по листамъ въ книгѣ сей».

²) Петръ Великій, между многими другими средствами искоренять дурные обычаи, употреблялъ также средство осмѣянія. Видя, какую неограниченную власть римскіе католики приписывали главѣ своего духовенства, онъ установилъ у себя достоинство князя-папы, придавъ ему конклавъ, изъ 12 кардиналовъ состоявшій, наряжалъ ихъ смѣшнымъ образомъ, ѣздилъ съ ними о святкахъ на славленье и пр. и пр., а главное преимущество ихъ состояло въ томъ, что они на такихъ праздникахъ могли пить, какъ говорится, сколько душѣ угодно. Князь-папа былъ не шутъ, какъ многіе полагаютъ; ибо первый, облеченный въ это званіе, былъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, тайный совѣтникъ, управлявшій Ближнею Государевою канцеляріею и получившій титулъ графскій. Онъ имѣлъ еще неизъяснимый титулъ «Магнуса-Наклеванги»: такъ писался онъ во всѣхъ государственныхъ бумагахъ. Подробности о князѣ-папѣ можно читать въ журналѣ Беркгольца и въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, изданныхъ Голиковымъ. Зотовъ, имѣя отъ роду лѣтъ 70, вздумалъ жениться, и при семъ случаѣ Государь учредилъ маскарадъ, собственнаго своего изобрѣтенія, подробное описаніе котораго Голиковъ помѣстилъ въ Дополнен. X., 233—252. По смерти Зотова, княземъ-папою былъ названъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, свадьбу котораго описываетъ здѣсь Нащокинъ; а послѣднимъ — одинъ офицеръ, по имени Строгость, произведенный въ это званіе, по смерти Бутурлина, за нѣсколько недѣль до кончины Государя (Прим. Языкова).

³) 1720 г.

⁴) Буксировать—тянуть бичевою посредствомъ гребныхъ судовъ

⁵) Брачная комната.

⁶) Пирамида.

⁷) 1749 г.

⁸) Никкепингъ (Nycjoping) на островѣ Морсо.

⁹) Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго смертію Рихмана. Въ то время, какъ Ломоносовъ, въ письмѣ къ Шувалову, скорбитъ объ участи сотоварища и его семейства и боится, чтобъ этотъ случай не былъ перетолкованъ противъ наукъ, разсказъ Нащокина отзывается не только неуваженіемъ къ опаснымъ трудамъ ученаго, но даже насмѣшкою надъ нимъ.

нашемъ интриги и злобствующія зависти къ великимъ чинамъ часто привязывались; что для вашего, благосклонный читатель, любопытства нѣсколько описать я намѣренъ.

Дядя мой, поѣхавъ изъ Петербурга, испрося позволеніе для излѣченія глазной болѣзни своей, нѣсколько недѣль въ Москвѣ находился; а получаемыя изъ Малороссіи отъ слободскихъ полковъ потребныя увѣдомленія, съ пристойными отъ себя мнѣ наставленіями, для подачи въ надлежащія мѣста ко мнѣ пересылая, между прочими прислалъ къ Ея Величеству рапортъ, а къ герцогу Бирону увѣдомленіе, что по тогдашнему наряду знатной малороссійскаго козацкаго войска корпусъ въ арміи, яко уже къ начавшейся съ Турками и Татарами войнѣ ([11]), подъ команду фельдмаршала графа Миниха готовящагося итти въ Крымъ, во всякой исправности съ потребнымъ для марша снабженіемъ на рандеву ([12]) отправленъ; о чемъ онъ и ко мнѣ въ особливой цыдулкѣ писалъ, кто имянно командующіе старшины и съ какими то войско довольными снабженіями отправлено, и чтобъ я при случаѣ, гдѣ потребно, о томъ удостовѣрялъ.

Но какъ я уже послѣ свѣдалъ, что фельдмаршалъ графъ Минихъ, которой къ дядѣ моему въ Монаршихъ повѣренностяхъ и въ порученныхъ ему надъ Малороссіею дѣлахъ имѣвъ зависть, не упускалъ удобныхъ случаевъ, гдѣбъ можно ему, прицѣпясь, дѣлать поврежденія (ибо онъ дядя мой, не состоявъ подъ его командою, но главнымъ командиромъ въ Малороссіи будучи, многія въ защищеніяхъ оной несогласныя съ нимъ и спорныя переписки производилъ), въ тожъ самое время предускорилъ Ея Величеству донести и герцога Бирона увѣдомить, со описаніемъ, сколь оное козацкое войско во многомъ неисправно.

Въ одинъ тогда день герцогъ Биронъ вышелъ въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже много знатнѣйшихъ придворныхъ и прочихъ господъ находилось, и, подшедъ ко мнѣ, спрашивалъ: есть ли дядѣ моему отъ болѣзни легче и скоро ли онъ въ Малороссію къ своей должности изъ Москвы поѣдетъ?

Я, какъ и о семъ имѣлъ отъ дяди моего комисію, чтобъ въ пристойномъ случаѣ еще на нѣсколько недѣль для лѣченія своего глаза въ Москвѣ ему пробыть, выпросить дозволенія и объяснительно увѣрить, что и въ отсутствіе его порученныя ему въ Малороссіи дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при немъ, происходить будутъ, представилъ о томъ его свѣтлости; но онъ, какъ уже я описалъ, отъ фельдмаршала Миниха будучи инако къ поврежденію дяди моего увѣдомленъ, нѣсколько суровымъ видомъ и вспыльчивыми рѣчьми на мою просьбу отвѣтствовалъ: что онъ уже знаетъ, что желанія моего дяди пробыть еще въ Москвѣ для того только, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужныя и время не терпящія къ военнымъ подвигамъ, а особливо тамъ дѣла, нынѣ неисправно исполняемыя, свалить на отвѣты другихъ; вотъ де и теперь малороссійское козацкое войско, къ арміи въ Крымъ итти готовящееся, больше похоже на маркитантовъ ([13]), нежели на военныхъ людей, вмѣсто того, чтобъ должно имъ быть коннымъ, съ довольнымъ еще числомъ въ запасъ заводныхъ ([14]) лошадей, по два и по три человѣка, и тѣ безъ исправнаго вооруженія на телѣгахъ, а командиры де надъ ними по большой части изъ накладныхъ ([15]) и военнаго искуства незнающихъ козаковъ присланы.

Я, слѣдуя моимъ правиламъ, что бы во всякихъ случаяхъ справедливость предпочитать всему, робкимъ быть за стыдъ почитая, на тѣ его свѣтлости рѣчи не

запинувшись, съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено несправедливо.

На сіи мои слова герцогъ Биронъ осердясь, весьма вспыльчиво мнѣ сказалъ, что какъ я такъ отважно говорю. Ибо де о семъ въ сихъ числахъ командующій войскомъ фельдмаршалъ графъ Минихъ Государынѣ представлялъ; и можно ль де кому подумать, чтобы онъ то представилъ Ея Величеству ложно? Я ему на то отвѣтствовалъ, что, можетъ быть, фельдмаршалъ графъ Минихъ онаго войска самъ еще не видалъ, а кто ни есть изъ подчиненныхъ, дядѣ моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовалъ; для лучшагожъ о истинѣ удостовѣренія, счастливъ бы былъ мой дядя, когдабъ противъ такого увѣдомленія приказано было кому нибудь нарочно посланному оное козацкое войско освидѣтельствовать и сыскать, съ которой стороны и кѣмъ тѣ несправедливыя представленія Монархинѣ учинены. Ибо когда персональные кредиты ([16]), а не существенныя доказательства дѣлъ во удостовѣреніяхъ преимущество брать будутъ, тогда наисправедливѣйшіе и радѣтельнѣйшіе отъ ухищреній коварныхъ завистниковъ, безопасными быть надежду потерявъ, лишатся своей крѣпости и негодными ко услугамъ Монархинѣ и отечеству сдѣлаются.

Такая моя смѣлость наивящше разсердила его, и онъ въ великой запальчивости мнѣ сказалъ: вы, Руские, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете! Сіи его свѣтлости рѣчи не столько въ робкое, какъ въ огорчительное смятеніе меня привели; на что я скоро ему съ печально-чувствительнымъ видомъ отвѣтствовалъ: сіе будетъ высочайшая милость, и вскорѣ всеобщее благосостояніе умножится, когда коварность обманщиковъ истребляема, а добродѣтельныхъ невинность отъ притѣсненія защищаема будетъ; и когда дядя мой и я, въ какихъ несправедливыхъ Ея Величеству представленіяхъ найдемся, помилованія просить не будемъ. Въ такихъ я колкихъ и дерзкихъ съ его свѣтлостію разговорахъ находясь, увидѣлъ, что всѣ бывшіе въ той палатѣ господа, одинъ по одному, ретировались вонъ и оставили меня въ комнатѣ одного съ его свѣтлостію, которой ходилъ по палатѣ, а я, во унылости предъ нимъ стоя, съ перерывкою продолжали объ оной матеріи рѣчи близь получаса, которыхъ подробно всѣхъ теперь описать не упомню, но послѣднее то было, что я увидѣлъ въ боковыхъ дверяхъ, за завѣшенымъ не весьма плотно сукномъ, стоящую и тѣ наши разговоры слушающую Ея Императорское Величество, которая потомъ, открывъ скоро сукно, изволила позвать къ себѣ герцога; а я съ сей высокопочтенной акціи ([17]), съ худымъ выигрышемъ, съ поспѣшеніемъ домой ретировался.

И тутъ-то видѣлъ я отъ многихъ, тогда еще бывшихъ во дворцѣ въ другихъ палатахъ знатнѣйшихъ господъ, одинъ отъ другаго слышащихъ о тѣхъ моихъ съ его свѣтлостію бывшихъ разговорахъ, разные себѣ виды: одни изъ любопытства останавливая меня, спрашивали, чѣмъ кончились мои разговоры; другіе удивлялись моимъ дерзкимъ словамъ; а третьи, какъ бы какое худо изъ того мнѣ предвѣщая, отдалялись и не хотѣли на меня взглянуть! Я, пріѣхавъ домой, остатки того дня въ разныхъ размышленіяхъ и предпріятіяхъ къ моимъ повеленіямъ препроводилъ; а на другой день пріѣхалъ во дворецъ, и въ покояхъ герцога Бирона, не входя въ ту палату, куда я между прочими знатными персонами прежде входилъ, въ другой, гдѣ маломощные и незнакомые бѣдняки ожидали своихъ жребіевъ, остановился, вѣдая, что его свѣтлость, отдѣляясь изъ окруженія знатныхъ господъ,

и во оную палату на краткое время выходитъ и выслушиваетъ ихъ просьбы, а нѣкоторыхъ удостоиваетъ и своими разговорами, что вскорѣ и воспослѣдовало. Его свѣтлость, отворя дверь, глядѣлъ во оную палату, принимая нѣкоторыхъ поклоны, а другихъ просьбы, и видя меня, позади многихъ въ унынiи стоящаго, сказалъ мнѣ, для чего я тутъ стою и нейду далѣе сюда, указавъ мнѣ ту палату, гдѣ онъ съ окружающими его знатнѣйшими господами находился. Куда я за нимъ немедленно и вошелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ его свѣтлость, подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ меня благосклонно, не имѣю ль я отъ моего дяди какихъ новыхъ увѣдомленiй. На что я отвѣтствовалъ, что я еще ничего отъ него не получилъ, а ежечасно ожидаю. А какъ тогда былъ почтовой день, то я о всѣхъ тѣхъ, бывшихъ съ герцогомъ разговорахъ, къ дядѣ моему писалъ.

Чрезъ нѣсколько потомъ дней получилъ я изъ Москвы отъ дяди моего, въ кабинетъ Ея Величества и къ герцогу Бирону нѣкоторыя представленiя со увѣдомленiемъ, что ему есть нѣсколько полегче и что онъ, для тогдашнихъ въ Малороссiи надобностей, изъ Москвы вскорѣ въ оную отправится; и притомъ прислалъ ко мнѣ по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ объ одномъ секретномъ дѣлѣ пакетъ, съ надписанiемъ къ герцогу Бирону для препровожденiя до рукъ Ея Величества. Оной я его свѣтлости представить и не умедлилъ съ таковымъ, какъ дядя писалъ ко мнѣ, изъяснснiемъ, что онъ желалъ для лучшаго его свѣтлости понятiя писать на нѣмецкомъ языкѣ, но, не имѣя къ тому надежнаго человѣка, писалъ по руски; для тогобъ я при подачѣ представилъ, чтобъ повелѣно было оной прочесть, кому онъ особливо вѣриться изволитъ.

Его свѣтлость, принимая оной пакетъ и выслушавъ тѣ мои рѣчи, оставя прочихъ, пошелъ и мнѣ приказалъ итти за собою въ свой кабинетъ, гдѣ вынутыя изъ онаго къ нему письма приказалъ мнѣ прочесть; потомъ, являя мнѣ знаки своей благосклонности, долго о той матерiи со мною разговаривалъ.

[1]) Кн. Яковъ Петровичъ Шаховской (р. 1705, у. 1772) исправлялъ разныя должности: былъ оберъ прокуроромъ Синода, генералъ-кригсъ-коммисаромъ и генералъ-прокуроромъ Сената. Записки его, доходящiя до 1766 г., т. е. до выхода его изъ службы, изд. въ 2 ч. (1810 г.), подъ заглавiемъ: «Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ». Второе изд. 1821 г. Въ началѣ ихъ приложены прошенiе и записка о службѣ, поданныя княземъ Екатеринѣ II.

[2]) Дурное, постыдное дѣло.

[3]) Проходили.

[4]) Полкъ, учрежденный для образованiя офицеровъ въ конницу и состоявшiй изъ однихъ дворянъ.

[5]) Казачьи, а потомъ гусарскiе: острогожскiй, ахтырскiй, харьковскiй, сумскiй, украинскiй и изюмскiй, жившiе въ селенiяхъ или слободахъ харьковской губернiи, которая прежде называлась слободско-украинскою.

[6]) Малорусскiе казаки, имѣвшiе главнымъ городомъ своимъ Черкаскъ.

[7]) Похлебство, лихоимство.

[8]) Сильный, знатный.

[9]) Отъ «верстать»-уравнивать—уравнены съ казаками, обращены въ казацкiе полки.

[10]) Извѣстность.

[11]) 1736—1739 г.г.

[12]) Присоединенiе къ главному корпусу въ назначенное время.

[13]) Вольноторгующiй съѣстными припасами при войскѣ.

[14]) Достаточный, нужный.

[15]) Прибавочный, приставной.

[16]) Личная довѣренность.

[17]) Дѣйствiе.

XLIV.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

А. НАКАЗЪ КОММИССІИ О СОЧИНЕНІИ ПРОЭКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ. (1).

1. *Глава V. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ.* (2).

32. Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако щитаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

33. Надлежитъ, чтобъ законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

36. Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ: и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы ужè больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.

2. *Глава X. О обрядѣ криминальнаго суда.* (3).

Вопросъ V. Какая мѣра великости преступленій?

205. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучити тварь чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ въ передъ не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены со преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же самое время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ.

206. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячь безщастныхъ людей, которые оныя претерпѣвали и претерпѣваютъ, многажды обвиненные во преступленіяхъ, збыться трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суе-

вѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

207. Чтобъ наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно будетъ и того, когда зло, онымъ причиняемое, превосходитъ добро, ожиданное отъ преступленія, прилагая къ выкладкѣ, показывающей превосходство зла надъ добромъ, также и извѣстность наказанія несомнѣнную и потеряніе выгодъ преступленіемъ приобрѣтаемыхъ. Всякая строгость, преходящая сіи предѣлы, безполезна и слѣдовательно мучительская.

208. Естьли гдѣ законы были суровы, то они или перемѣнены, или ненаказаніе злодѣйствъ родилось отъ самой суровости законовъ. Великость наказаній должна относима быть къ настоящему состоянію и къ обстоятельствамъ, въ которыхъ какій народъ находится. По мѣрѣ какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается чувствительность каждаго особо гражданина; а когда во гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобъ строгость наказаній умалялася.

Вопросъ VIII. Какія средства самыя дѣйствительныя ко предупрежденію преступленій?

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, естьли всего искоренить не льзя, самое малѣйшее зло.

242. Когда запретимъ многія дѣйствія, слывущія у нравоучителей средними (4), то тѣмъ не удержимъ преступленій, могущихъ отъ того воспослѣдовать, но произведемъ чрезъ то еще новыя.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Здѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ (5), нежели всякому особу гражданину.

243. Здѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ, и ни кого бы кромѣ ихъ не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Здѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилося между людьми.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

248. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство здѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

З. Глава XIV. О воспитаніи. (6).

348. Правила воспитанія суть первыя основанія, приуготовляющія насъ быть гражданами.

349. Каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя.

350. Не возможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія, и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ

требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная Греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352. Также вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и новадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

2.

353. Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступокъ (7), и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

354. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

355. Мы присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано, какъ служащее общимъ правиломъ отъ Насъ уже установленнымъ и еще установляемымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу.

356. «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту ко трудолюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, нещастливыхъ и отвращенію ото всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ». (8).

в. КОМЕДІЯ: О ВРЕМЯ! (1772). (9).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Непустовъ, Мавра.

Мавра.

Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ.

Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра.

И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ.

Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужли она и день и ночь насквозь молится?

Мавра.

Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ: иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ.

Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра.

Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилѣжности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней должники, требуютъ отъ ней за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одинождьі въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ разшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая без-«божница, кричала она на меня, такой «ли теперь часъ? Пришла ты, какъ са-«тана, искушать меня свѣтскими суета-«ми тогда, когда всѣ мысли мои заняты «покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ «семъ попеченія удалены.» Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церькви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Непустовъ.

Радъ я узнать ея правъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дома его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о впучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ „живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра.

Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ.

Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра.

Нѣтъ, сударь, я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается, и называетъ меня басурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда (10).

Непустовъ.

Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра.

Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербург-

сихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ; лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили.

Непустовъ.

Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра.

Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ.

Какъ? Да развѣ отъ скупости вы не поститесь? Вѣдь севодни и день не постный.

Мавра.

Я того точно не говорю, только.... только.... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ.

Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра.

Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ.... да не подумайте, что изъ скупости.... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ.

Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истиннѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются (11).

Мавра.

Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ.

Да почему это прародительскіе нравы? Это ни что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра.

Однакожъ по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ.

Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра.

Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и ака-

фистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ*! А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволить, иную пощечиною, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то.... а! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно госпожа моя идетъ: боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. (Отходитъ).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина, Чудихина, Мавра.

Чудихина.

Чѣмъ нынѣче позабавиться? вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова.

Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина.

Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова.

А собою очень хорошъ.

Чудихина.

Хорошъ, по нещастью: ты не повѣришь, сколько и пригожство-то его мнѣ слезъ навело. Кто ни увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! всякой это и говоритъ; а онъ урочливъ (12), мой свѣтъ, такъ урочливъ, что нельзя больше. То и дѣло, и я, и мама попеременно его слизываемъ.... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую (13) онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжахина.

Да ты бъ лучше за нимъ смотрѣла, да не всюды бы пускала; такъ и онъ бы и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина.

И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ; а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ какъ-то въ болѣзни ни вѣсть какъ захотѣлось ему тёши (14) съ кислыми щами: это любимое его кушанье, да еще тѣльное (15) такъ же онъ любитъ; однако я не дала, хоть онъ не сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, что бы таки и ночьюбъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія....

Вѣстникова.

Отъ кого нападки?

Чудихина.

Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ (16), а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-та его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ; говорятъ, что не грамотенъ; а онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ (17).

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжахина говоритъ.)

Ханжахина.

Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина.

Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться? восьмнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина.

А ты бы этого не примѣчала. Перестань.

Чудихина.

Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему сказываютъ въ Питерѣ учатъ.... [18]. Быть добру! А (Христинѣ) ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами старушками смѣяться; сама, мой свѣтъ, стара будешь.... Эхъ! какъ я засидѣлась; а мнѣ пора ѣхать, нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте (Поклонясь, уходитъ).

Ханжахина (въ слѣдъ).

Прости, Богъ съ тобой; не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

в. Имянины госпожи Ворчалкиной (1772). [19].

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 4.

Прасковья, Антипъ, Фирлюфюшковъ.

Фирлюфюшковъ.

Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья.

Нѣтъ еще. Только скоро за столъ сядутъ.

Фирлюфюшковъ.

Сударушка, этотъ домъ—сокровище, право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ma foi, какъ онъ милъ! какъ ни пріѣдешь—все еще во-время.

Прасковья.

Да гдѣ вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много; а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ.

Belle demande! Гдѣ я пробылъ? A ma toilette, голубка, à ma toilette. Гдѣ можно такъ рано индѣ быть? Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit, всталъ севодни въ часъ, и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно [20], что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce [21] понюхать? Боюсь, чтобъ отъ слабости не упасть. Поддержите меня.

Антипъ.

Не изволите-ли на стулъ сѣсть? Вотъ...

Фирлюфюшковъ.

Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да и въ такой еще слабости! По крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья.

Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канапе или кровати.

Фирлюфюшковъ.

Это-бы и не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue! здѣсь и обмереть съ благопристойностію не льзя. Ah! mon Dieu, quel temps et quels gens!

Антипъ.

Да на что обмирать? развѣ вы больны?

Прасковья.

Развѣ карета васъ растрясла?

Антипъ.

Такъ бы лучше ѣздили вы верьхомъ.

Фирлюфюшковъ (вскочивъ со стула).

Мнѣ? мнѣ верьхомъ ѣздить? я этого и вздумать не могу! (Съ пренебреженіемъ) Мнѣ вчуже жалко и дивно, когда я и вижу кого верьхомъ. Какъ могутъ люди

азардовать (22) свой живетъ, повѣряя его скотинѣ! cela est ignoble. Что до меня касается, я, и въ каретѣ сидя, ни одного моста никогда не переѣзжаю, а перехожу, изъ предосторожности, пѣшкомъ.

Прасковья.

Диво, что вы въ нынѣшнюю погоду и воздуха не боитесь, чтобъ лицо не обвѣтрило.

Фирлюфюшковъ.

Бываетъ и то въ здѣшнемъ пакостномъ климатѣ; но я къ ночи натираю лицо французскою помадою, и тѣмъ его лечу. Ah, diable! ха, ха, ха!... ты дѣвушка... ха, ха, ха! разумная... ха, ха, ха! да и у знающихъ барынь служишь, а какъ одѣта, fi donc!... ха, ха, ха! въ нынѣшній saison на тебѣ батавія (23),.. да еще и не батавія, а самый легкій круазе (24), ха, ха, ха! уморишь, радость! возможно-ли снести!

Прасковья.

Что вамъ такъ это смѣшно? Мнѣ что даютъ, то я и ношу. Вѣдь мы не дворяне: въ долгъ намъ никто не вѣритъ; знаютъ и купцы, что намъ платить не чѣмъ, не такъ какъ вы, сударь, богатые люди.

Фирлюфюшковъ.

Ахъ, какъ ты, свѣтъ мой, глупа! Ты думаешь, что я плачу̀, забирая въ долгъ у купцовъ? Никогда, mon coeur, никогда. Я не плачивалъ, не плачу и никогда платить не намѣренъ. Былъ бы я, голубушка, одѣтъ, былъ бы я веселъ; а до тѣхъ дураковъ мнѣ нужды нѣтъ, которые, по глупости своей, мнѣ вѣрятъ. Они могутъ и тѣмъ быть довольны, что въ тридорога на счетъ пишутъ. D'ailleurs и въ фамиліи нашей того не водится, чтобъ платить долги. Я слѣдую въ этомъ похвальному отца моего примѣру: онъ никогда и ни кому не плачивалъ, да съ тѣмъ и умеръ. A dire la verité, многіе непризабельные (25) люди пропустили слухъ, будто-мы по уши въ долгу, jusqu'aux oreilles; да и правительства дѣлывали намъ угрозы, только не очень это страшно. Весь свѣтъ знаетъ, сколько они правосудны: на этакой вздоръ не очень я гляжу и знаю, какъ въ случаѣ поступить съ ними. Есть у меня молодцы, кои меня въ нуждѣ не выдадутъ; они уже не одну и выемку отбили (26).

Антипъ.

А сами бывали ль вы при томъ?

Фирлюфюшковъ.

Вотъ еще! стану ли я съ такою подлостью анканалироваться (27) и жизнь свою рискировать. Довольно, я издали съ балкона смотрѣлъ (Въ то время, какъ Фирлюфюшковъ рѣчь сію оканчиваетъ, Прасковья отъ скуки зѣваетъ и уйти хочетъ).

Фирлюфюшковъ.

Куда ты идешь?

Прасковья.

Я? я иду сказать барынѣ, что вы пріѣхали (Убѣгаетъ. Антипъ хочетъ также уйти).

Фирлюфюшковъ (взявъ Антипа за руку).

А ты куда бѣжишь?

Антипъ.

Кажется, мнѣ здѣсь дѣлать нечего; такъ я иду искать обѣда: я еще не ѣлъ сегодня.

Фирлюфюшковъ.

Останься на часъ здѣсь.

Антипъ.

Да для какой нужды?

Фирлюфюшковъ.

Да для такой нужды, что я одинъ въ комнатѣ остаться не могу.

Антипъ.

Да вѣдь вы не маленькое дитя; къ тому жъ у васъ свои слуги есть: для чего вы ихъ съ собою не имѣете, коли всего боитесь?

Фирлюфюшковъ.

Какъ бы то ни было, только ты ос-

таться. Я боюсь тамъ быть, гдѣ никого людей нѣтъ.

Антипъ (увидя Некопѣйкова).

Вотъ онъ съ вами побудетъ (бѣжитъ вонъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Фирлюфюшковъ, Некопѣйковъ (низко кланяется).

Фирлюфюшковъ.

Serviteur très-humble. Что это за преужасная у тебя бумажища?

Некопѣйковъ.

Это бумага, государь мой, такая, отъ которой превеликое благополучіе цѣлой нашей имперіи зависитъ.

Фирлюфюшковъ (поетъ: «Васъ оставлю, мѣсто драгія»! а потомъ).

Нѣтъ, это скаредно; лучше французская (поетъ французскій куплетъ изъ оперы комикъ ([28]). Между тѣмъ Некопѣйковъ, не прерывая, продолжаетъ свою рѣчь).

Некопѣйковъ.

Я столько примыслилъ доставить Россіи денегъ, да еще и серебряныхъ, что всякій, кому онѣ понадобятся, имѣть будетъ только трудъ поднимать ихъ съ улицы, гдѣ онѣ валяться станутъ.

Фирлюфюшковъ (вслушавшись, что онъ о подъемѣ говорить, пересталъ пѣть).

Ахъ, какъ это хорошо! какъ это полезно! Слушай, дай мнѣ теперь тысячи двѣ-три въ задатокъ, а тогда вмѣсто меня подойми съ улицы хоть пять; такъ ты и заплаченъ будешь, а я наклоняться не люблю. Да когда это будетъ?

Некопѣйковъ.

Когда мой проэктъ — вотъ этотъ — приметится и апробуется.

Фирлюфюшковъ.

Какія это пріятныя идеи! Morbleu, какъ это умно выдумано! Я тотчасъ-же себѣ двѣнадцать новыхъ кафтановъ вдругъ сдѣлаю. Какъ ты на такія прекрасныя мысли попалъ?

Некопѣйковъ (когда сей говоритъ, тогда Фирлюфюшковъ поетъ то по русски: «Проходи несносное время»! то по-французски).

А вотъ, сударь, какъ. Я, между нами сказать, проторговался по той причинѣ, что я никогда не любливалъ ни письма, ни записокъ, а книгъ и вовсе не держалъ. Да и къ чему онѣ? и отцы наши безъ нихъ живали и торговали. Мой отецъ и вѣкъ свой ихъ также не имѣлъ, да умеръ съ честью: это правда, что въ тюрьмѣ, да то по нападкамъ купеческихъ старшинъ.

Фирлюфюшковъ.

Я и самъ и книгъ и письма терпѣть не могу. Это великое дурачество, кто къ нимъ привяжется.

Некопѣйковъ.

Когда безсовѣстные заимодавцы товаръ мой и съ лавкою съ аукціона продали, то я, имѣя разумъ, принялся за выдумки.

Фирлюфюшковъ.

Industrie! bon!

Некопѣйковъ.

Вначалѣ утаилъ я отъ кредиторовъ нѣсколько товаришка, надавалъ на имена моихъ пріятелей заднимъ числомъ векселей, такъ что по конкурсу большая часть капитала въ моихъ рукахъ осталась, хотя я и банкрутомъ, въ силу законовъ, объявился.

Фирлюфюшковъ.

Bon.

Некопѣйковъ.

Потомъ сталъ какъ остальные товары, такъ и деньги давать въ долгъ на векселя игрокамъ и приписывалъ съ рубля по пяти копѣекъ на недѣлю. Могъ-бы я этимъ прожить честно; да проклятая полиція — о, кабы ее чертъ взялъ! — отобрала у меня векселя по просьбѣ отцовъ тѣхъ малолѣтныхъ иг-

роковъ, которые такъ щедро ихъ писать изволили.

Фирлюфюшковъ.

А ты и не умѣлъ отъ полиціи отдѣлаться! Quelle bête!

Некопѣйковъ.

Нѣтъ, никакъ было нельзя: боялся, чтобъ и другое кое-что не открылось. Потомъ, какъ изъ полиціи выпустили, и сталъ я свободенъ и безденеженъ, то принялся писать проэкты. Вы не можете повѣрить, какъ чистъ и воленъ тогда умъ, когда пустъ карманъ и кошелекъ. Вотъ (указываетъ на бумагу), вотъ это лучшее изо всѣхъ моихъ сочиненій, да и преполезно (готовится читать). Проэктъ...

Фирлюфюшковъ.

Что ты? не читать-ли хочешь? Я вѣдь тебѣ сказалъ, что я чтенія не люблю; скажи, коли хочешь, на словахъ.

Некопѣйковъ.

Я вамъ скажу, только это великому секрету подлежитъ. Надобно...

ЯВЛЕНІЕ 6.

Некопѣйковъ, Фирлюфюшковъ, Дремовъ, Таларикинъ.

Дремовъ (входя, Таларикину).

Да чуть ли мы не опоздали. Вѣдь Госпожа Ворчалкина, обѣщавъ сегодня кончить наше дѣло, приказала намъ пріѣхать сюда въ три часа послѣ обѣда; а теперь уже и четыре пробило. Когда успѣемъ переговорить о твоей съ меньшою ея дочерью женидьбѣ и о приданомъ, что она ей дать хочетъ?

Таларикинъ.

Полно, будетъ—ли сегодня время: она имянинница; и по несчастью, я чаю, премножество къ ней гостей наѣдетъ.

Дремовъ.

Ежели она захочетъ говорить, то гости не помѣшаютъ: не одна вѣдь у нея комната. (Увидя Некопѣйкова) Ба! ты здѣсь! а я, право, думалъ, что ты давно сидишь въ тюрьмѣ?

Некопѣйковъ.

По сихъ поръ Мать Пресвятая Богородица сохранила меня отъ того жилища.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Ворчалкина, Дремовъ, Таларикинъ, Фирлюфюшковъ, Некопѣйковъ.

Ворчалкина.

А, здравствуйте, государи мои! Добро пожаловать. Я рада, отъ сердца рада гостямъ; да и больше бы еще радовалась, еслибъ злые люди въ покоѣ насъ оставляли.

Дремовъ.

Какіе злые люди? И что вамъ они сдѣлали, сударыня?

Ворчалкина.

Развѣ вы не слыхали ничего? новыя-то чудеса не дошли развѣ до васъ?

Дремовъ.

Какія? я никакихъ не знаю.

Ворчалкина.

О, батька мой! житья намъ, бѣднымъ старухамъ, нѣтъ; а ужъ о почтеніи и говорить нечего. Вотъ, сказываютъ, сдѣлана комедь ([29]) намъ въ ругательство; да играютъ ее. Что дѣлать!

Дремовъ.

Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ.

Ворчалкина.

Да какъ не возьмешь? Сказываютъ, что сватья моя, да кума тутъ представлены; да таки точнешенько тутъ описаны.

Фирлюфюшковъ.

Очень живо, parbleu, очень живо. Я видѣлъ комедію: и точь въ точь онѣ описаны. Какая была хохотня!

Ворчалкина (Дремову).

Вотъ, батька, я не солгала: всѣ видѣли, какъ насъ потчуютъ.

Таларикинъ.

Если вы о новой комедіи говорите, то и я могу васъ объ ней увѣдомить. Я былъ, какъ ее представляли. Смѣялись очень много, для того что смѣшные изображены въ ней характеры. Но я не знаю, на кого бы тутъ мѣчено было. Сочинитель этой комедіи хотѣлъ вывести на театръ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая—взбалмочная вѣстовщица, а третія — суевѣрна (30).

Ворчалкина.

Знаю, батька мой, знаю, что и ты намъ много посмѣялся.

Таларикинъ.

Я смѣялся, такъ какъ и всѣ, порокамъ, а отнюдь не приходило мнѣ на умъ, чтобъ тутъ съ кѣмъ нибудь было сходство; это донесено вамъ неправильно.

Фирлюфюшковъ.

А я такъ по именамъ всѣхъ узналъ. (Ворчалкиной) и точно тѣ, о коихъ вы говорите.

Ворчалкина.

Такъ, мой свѣтъ, всѣ такъ сказываютъ.

Таларикинъ (иронически).

Всякій судитъ по своему сердцу и чувствованіямъ. А я не ищу тутъ злаго, гдѣ его нѣтъ.

Дремовъ.

Мнѣ кажется, что когдабъ тутъ были такія рѣчи, которыя кого нибудь трогаютъ, то бъ и играть не дозволили. Вѣдь за тѣмъ смотрятъ.

Ворчалкина.

И, батюшка! свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, комубъ не допускать–то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ.

Фирлюфюшковъ.

Я того и смотрю, какъ и меня на театръ выведутъ.... Но если это сбудется, то morbleu! ma foi! (ногой топчетъ) достанется всѣмъ.... я.... я (принимаясь за шпагу), я формально просить стану!

Некопѣйковъ.

А я вамъ и проэктъ челобитной составлю,если изволишь; да напишу и приложеніе, какимъ образомъ таковые и симъ подобные непорядки исправить.

Дремовъ.

Ну, какъ вздумается кому представить на театрѣ безчетнаго дурака: кто тогда станетъ въ этомъ зеркалѣ находить себя? Я думаю, что тотъ напередъ будетъ долженъ признаться, что онъ сходенъ образцу. Однако жъ я объ закладъ ударюсь, что хоть въ свѣтѣ и есть дураки, но, по самолюбію, никто на свой счетъ не возметъ, а будетъ находить кого нибудь другаго.

Таларикинъ.

Что объ этомъ говорить. Комедія представляетъ дурные нравы и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредитъ ни кого. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представленна и узналъ бы чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бъ я старался исправиться и побѣдить мои пороки; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ.

Ворчалкина.

Хорошо вамъ такъ говорить, для того что васъ не трогаютъ; а намъ, бѣднымъ, спасибо! довольно достается. Что дѣлать! вступиться не кому, и....

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ-жъ, Дворецкій.

Дворецкій (съ салфеткою въ рукѣ, степенно и прилично его дородству).

Кушанье, государыня, поставлено.

Ворчалкина.

Да для чего–жъ ты водки не подалъ?

Какіе вы негодные люди! таки ничего васъ научить не можно.

Дворецкій.

Я несъ, сударыня, водку, да Стефанида, ваша дура, какъ будто съ цѣпи сорвалась и бѣжала за мнюю, кричавъ: «дай водки! дай водки! царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ».... а между тѣмъ, набѣжавъ на меня, толкнула, да и подносъ и чарки изъ рукъ вышибла. Я приказалъ паки приготовить въ столовой водки, а самъ пришелъ о кушаньѣ донести, что бъ на столѣ не простыло. Воля ваша, государыня, отъ дуры вашей житья не стало: она часъ отъ часу своевольнѣе становится. Я велѣлъ отвесть ее въ низъ и часа на два въ чуланъ запереть.

Ворчалкина.

Ты всегда съ дурою въ ссорѣ. Чертъ не далъ вамъ смирья. А намъ безъ нея и скучно будетъ при столѣ: некому и соврать чего нибудь.

Дремовъ (въ сторону).

Довольно при большихъ столахъ и безъ дуры иногда бываетъ вралей! (Ворчалкиной) Вы изволите знать, сударыня, что я крайнюю до васъ имѣю нужду: не прикажите-ль, я въ вечеру опять пріѣду?

Ворчалкина.

Да развѣ не изволите у меня остаться и отобѣдать? Пожалуйте, милости прошу съ нами откушать.

Дремовъ.

Мы ужъ обѣдали. Однако, если вамъ угодно, то мы посидимъ съ вами.

Ворчалкина.

Ну! такъ пойдемте-жъ (Всѣ отходятъ).

г. СКАЗКА О ЦАРЕВИЧѢ ХЛОРѢ. (1782). (31).

До временъ Кія, князя кіевскаго, жилъ да былъ въ Россіи царь добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра; онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобъ видѣть, каково жить людямъ. и вездѣ навѣдывался, дѣлаютъ ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно; Царица ѣзжала съ Царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ Царь съ Царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ посреди лѣса; тутъ родился Царю сынъ дивныя красоты, ему дали имя Хлоръ, но посреди сей радости и тридневнаго празднества Царь получилъ непріятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойно живутъ, въѣзжаютъ въ его землю и разныя обиды творятъ пограничнымъ жителямъ. Царь взялъ войски, кои въ близости въ лагерѣ стояли и пошелъ съ полками для защиты границы; Царица поѣхала съ Царемъ; Царевичь остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился. Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянь разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же Царь велѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями по старинному обычаю; на башняхъ пушекъ не поставили: тогда еще нигдѣ не имѣли пушекъ; домъ, въ которомъ жить остался Царевичь Хлоръ, хотя и не построенъ былъ изъ сибирскаго мрамора и порфира, но весьма хорошъ и покойно расположенъ былъ; позади палатъ насажены были сады съ плодовитыми деревьями, возлѣ которыхъ выконанны пруды съ рыбами украшали мѣстоположеніе; бесѣдки же разныхъ народовъ вкуса, откуда видъ далеко простирался въ округъ лежащихъ поляхъ и долинахъ, придавали пріятство тому обитанію.

Какъ Царевичь сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ, и повсюду слухъ носился о красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ Царевича. Услышалъ о томъ какой-то Ханъ Киргизской, на дикой степи кочую-

щій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть толь дивное дитя, и увидѣвъ, пожелалъ дитя увезти съ собою въ степь, зачалъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ Царевичемъ къ нему въ степь; няни сказали со всякою учтивостію, что имъ того безъ дозволенія Царя дѣлать нельзя, что онѣ не имѣютъ чести знать господина Хана и съ Царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, подобно какъ неѣвшій къ тѣсту, одно просилъ, чтобъ няни поѣхали къ нему съ дитятею въ степь, но, получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи: прислалъ къ нимъ подарокъ; онѣ, поблагодаря, отослали дары обратно и велѣли сказать, что онѣ ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ упрямъ былъ, пребывая въ своемъ намѣреніи; думалъ, какъ быть. Пришло ему на умъ: нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старой и больной, просилъ милостыни у мимоходящихъ. Царевичь прогуливался въ тотъ день по саду; увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой-то старикъ; послалъ спросить, что за старикъ. Побѣжали, спросили, что за человѣкъ, Возвратились съ отвѣтомъ, что больной нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотрѣть больнаго нищаго; няни унимали Хлора, сказали, что смотрѣть нечего и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ; няни побѣжали за нимъ, но чѣмъ няни скорѣе побѣжали, то младенецъ шибче пустился бѣжать; побѣжавъ за вороты и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камышекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обитыя; сѣлъ на роспуски и ускакалъ съ Царевичемъ въ степь; няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни слѣда ихъ не видали и дороги тутъ не было, гдѣ Ханъ съ горы спустился, сидя держалъ Царевича передъ собою одною рукою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою чрезъ голову и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косогору, но поздно: догнать не могли. Ханъ благополучно Хлора довезъ до своего кочевья и вошелъ съ нимъ въ кибитку, гдѣ встрѣтили Хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ Царевичу старшину лучшаго; сей взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою и персидскими коврами, дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его; но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь шибко побѣжалъ впередъ, и непрестанно спрашивалъ, куда его везутъ, за чѣмъ, на что, гдѣ онъ. Старшина и съ нимъ находящіеся Киргизцы насказали ему много басней: иной говорилъ, будто по теченію звѣздъ такъ опредѣлено; иной сказывалъ, будто тутъ лучше жить, нежели дома; всего насказали, окромѣ правды, но увидя, что ничто не унимало слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиною, сказали: перестань плакать, или оборотимъ тебя летучею мышью или коршуномъ, а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣстъ. Царевичь небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости. Старшина, увидя, что дитя перестало плакать, приказалъ накрыть столъ: накрыли и кушанье принесли, Царевичь покушалъ, потомъ подали варенья въ сахарѣ и разные плоды, какіе имѣли, послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день рано до свѣта Ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ

слѣдующее: извѣстно вамъ да будетъ, что я вчерашній день привезъ съ собою Царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ заподлинно узнать, правда ли слышанное объ немъ; для узнанія же его дарованій употребить я намѣренъ разные способы.

Вельможи, услыша слова Ханскія, поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханской поступокъ, что чужое и то еще сосѣдняго Царя дитя увезъ, трусы потакали, говоря: такъ, надежда Государь Ханъ, какъ инако быть, какъ тебѣ на сердце пріидетъ? Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана, тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго Царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправишь своего поступка. Ханъ же сказалъ: вотъ такъ всегда вы ропщете противу меня, и пошелъ мимо нихъ, и какъ Царевичь проснулся, приказалъ принести его къ себѣ; дитя, увидя, что нести его хотятъ, сказалъ: не трудитесь, я ходить умѣю, я самъ пойду, и, вошедъ въ Ханскую кибитку, всѣмъ поклонился, во первыхъ Хану, потомъ около стоящимъ на право и на лѣво, послѣ чего сталъ предъ Ханомъ съ почтительнымъ, учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ Киргизцовъ и самаго Хана въ удивленіе привелъ; Ханъ однако, опомнясь, рекъ тако: Царевичь Хлоръ, про тебя сказываютъ, что ты дитя разумное, сыщи мнѣ пожалуй цвѣтокъ розу безъ шиповъ, что не колется, дядька тебѣ покажетъ обширное поле, сроку же даю тебѣ трои сутки. Дитя паки поклонился Хану, сказалъ: слышу, и вышелъ изъ кибитки, пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему на встрѣчу дочь Ханская, которая была за мужемъ за Брюзгою Султаномъ: сей никогда не смѣялся и серживался на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна; увидя Хлора, сказала: здравствуй, Царевичь, здорово ли живешь? куда изволишь идти? Царевичь сказалъ, что по приказанію Хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханша Фелица, такъ ее звали, дивилась, что дитя посылаютъ искать таковой трудной вещи, и, возлюбя младенца въ сердцѣ своемъ, сказала: Царевичь, подожди маленько, я съ тобою пойду искать розу безъ шиповъ, которая не колется, буде батюшка Ханъ позволитъ. Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда, Ханша къ Хану проситъ позволенія идти съ Царевичемъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханъ не токмо не позволилъ, но и запретилъ ей накрѣпко, чтобъ не шла съ дитятею искать розу безъ шиповъ, которая не колется.

Фелица, вышедши отъ Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила остаться при отцѣ ея Ханѣ, сама же пошла къ Царевичу; онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее, просилъ чтобъ сѣла возлѣ него, на что она согласилась и сказала ему: Ханъ мнѣ не велитъ идти съ тобою, Царевичь, искать розу безъ шиповъ, которая не колется, но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый, пожалуй не забудь, слышишь ли дитя, не забудь, что тебѣ скажу. Царевичь обѣщалъ вспомнить. Отселѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, продолжала она, какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, которая не колется, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить идти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество и что они-то провождаютъ время въ безчетныхъ забавахъ: не вѣрь имъ, лгутъ, веселія ихъ мнимыя и сопряжены со множествомъ скукъ. За симъ пріидутъ другіе, кои о томъ же еще сильнѣе тебя просить бу-

дутъ: откажи имъ съ твердостію, отстанутъ; потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единой цвѣтокъ, розу безъ шиповъ и которая не колется, искать надлежитъ. Я тебя люблю и для того я къ тебѣ вышлю на встрѣчу сына моего, и онъ поможетъ тебѣ найти розу безъ шиповъ, что не колется. Хлоръ, выслушавъ рѣчь Фелицы, сказалъ: развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колется? Нѣтъ, отвѣтствовала Ханша: не такъ чрезвычайно трудно, буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣреніи; Хлоръ спросилъ, нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтокъ.—Я видѣла, сказала Фелица, мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и Царей и Царицъ. Сказавъ сіе, Ханша простилась съ Царевичемъ, старшина же дядька отвелъ дитя искать розу безъ шиповъ, которая не колется, и для того пустилъ его сквозь калитку въ превеликой звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя; дитя не зналъ сначала по которой идти, но, увидя юношу идущаго ему на встрѣчу, поспѣшилъ къ нему спросить, кто онъ таковъ. Юноша отвѣтствовалъ: я Разсудокъ, сынъ Фелицынъ, меня мать моя прислала идти съ тобою искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Царевичь, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ идти. Разсудокъ съ веселымъ и добрымъ видомъ сказалъ ему: не бойся, Царевичь, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она пригожѣе другихъ. Для чего же по ней не ходятъ? спросилъ Царевичь; для того, сказалъ юноша, что на другихъ дорогахъ останавливаются или сбиваются. Идучи, юноша показалъ Хлору прекрасную дорожку, говоря: посмотри, Царевичь, дорога сія называется благорасположенныхъ душъ младенчество; она хороша да кратка.

Д. Были и небылицы (1783). ([32]).

Дѣдушка мой ([33]) говоритъ, будто въ молодости его люди лутче знали цѣну вещамъ и людемъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (числомъ 15 человѣкъ) собралъ и часа съ три о семъ велъ рѣчь. По щастію мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли: сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не здремали, однакожъ глаза протирать часто нужду имѣли; зѣвалъ ли же кто, я точно не примѣтилъ, но всѣ шляпой, картузомъ или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста свои не рѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, которой, сокративъ для памяти, я записалъ: «Когда мы молоды были, говорилъ онъ, тогда праздность въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудни; оставшую часть дня провождали сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, къ которой невольно наряжены бывали, не много съ лѣнцою отиравляли: но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того сего. Разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли: слѣдавательно громогласіе рѣдко между нами слышно

было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторой блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, по тому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, «будто мысли и умы, долго бывъ угнѣтенны подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ». Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную: взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: «припомните мои слова̀: всѣ теперешнія пороки ничего не значутъ; онѣ схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега̀ свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе» (34). Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою и хотѣли откланяться; но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ, и голосомъ тому виду приличнымъ: «ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ (35). Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго».

Господинъ писатель Былей и Небылицъ! (36).

Недавно скончался братъ мой; онъ оставилъ на попеченіе мое шестерыхъ дѣтей, три сына и трехъ дочерей, но я не знаю, какъ мнѣ съ ними быть: примѣчаю въ нихъ необычайные нравы, какъ вы сами изъ слѣдующаго усмотрите. Трое изъ нихъ имѣютъ склонности много похожія на обезъянъ. Большой инаго ничего не дѣлаетъ, какъ только старается перенять что ни увидитъ, и для того цѣлый день бѣгаетъ по улицамъ и изъ дому въ домъ, двадцатью въ день голову перечесываетъ: то кудри очутятся въ верхъ растаращены, то въ низъ опущены, то поперегъ поставлены, то по лбу висящіе, а иногда сплететъ ихъ за уши назадъ. На сихъ дняхъ вздумалъ онъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ, и четыре дни мы кромѣ изковерканныхъ чужестранныхъ словъ и слоговъ не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось; наконецъ уже узнали, что заходилъ въ французскую комедію. Послѣ смерти отца своего началъ онъ мотать; множество подщипанныхъ кафтановъ себѣ нашилъ, назвалъ ихъ фраками; къ каждомужъ изъ нихъ сдѣлалъ короткіе бостроки; накупилъ себѣ разныхъ хлыстиковъ, и, что пуще всего, всякому цвѣту кафтановъ своихъ придаетъ имена, коихъ бы я при отцѣ своемъ, опасаясь оплеушины, громко назвать не смѣлъ. Когдажъ я его унимаю и браню, тогда говоритъ въ отвѣтъ: ахъ, дядюшка! вы не знаете, нынѣ всѣмъ цвѣтамъ имена даны по вашему пакостные, а по нашему онѣ модны. Всѣ тѣ фраки, какъ онъ ихъ прозвалъ, сшилъ онъ въ долгъ, не платя ни купцу, ни портному. Я говорилъ ему, что это дурно, что изъ того добраго не выдетъ, и что ему въ трое платить достанется, отъ того, что въ долгъ забираетъ; но въ отвѣтъ я получилъ паки: дядюшка! вы ничего не знаете,

такъ водится. На сихъ дняхъ онъ за полночь часу въ четвертомъ домой пріѣхалъ, какъ будто недоброй его растеребилъ. Я на то время всталъ; обходивъ уже дворъ, шелъ изъ конюшни, а онъ на задней дворъ потайкомъ въѣхалъ и бѣжитъ крадучись на крыльцо, и уже отъ людей его, кои ночь на дождѣ простояли, я свѣдалъ, что нелегкая его занесла въ трактиръ, гдѣ такъ промотался, что часы и отцовскую золотую табакерку оставилъ въ закладѣ, и то чаю для того единственно сдѣлалъ, что слышалъ, что кто-то другой тоже сдѣлалъ. Но полно про сію обезьяну говорить. Средній его братъ инаго совсѣмъ сложенія: тотъ цѣлый день провождаетъ на дворѣ, играетъ въ свайку, въ бабки, въ городки съ робятами; на немъ кафтана, окромѣ за обѣдомъ, не увидишь. Не могу его пріучить, чтобы къ чему нибудь иному прилежалъ, да и не очень ловко съ нимъ говорить: вспыльчивъ, за все про все спорitъ, сердится, и какъ разгорячится, со всѣми дерется; онъ же мастеръ бороться и удалой боецъ; его, не мѣшкавъ, думаю записать въ какой нинаесть полкъ, пусть служитъ; о перьвомъ же не знаю что предпріять; опасаюсь, что никуды не поспѣетъ, развѣ какъ, перенявъ еще болѣе шалостей, свою судьбу самъ рѣшитъ и тѣмъ жребій свой додѣлаетъ. Сестры ихъ собою статны; старшая изъ нихъ главнымъ попеченіемъ имѣетъ наружностью своею быть похожой на вышачканную ее служанку, по чему какъ встанетъ съ постели, такъ волосъ не причешетъ и платка не перевяжетъ. NB. но здѣсь я моей женѣ перо уступаю... Она сама желаетъ описать похожденіе третьегоднишняго дня.

Господинъ сочинитель Былей и Небылицъ!

Я хотѣла взять племянницу съ собою въ гости, и для того велѣла ей почище одѣться; она пришла ко мнѣ напудрена, но не причесана, волосы повсюду около головы висѣли какъ у львицы, а помада клочками видна была; на ней было напутано флеру много и высоко, на флерѣ цвѣты туды и сюды; на цвѣтахъ красныя фольги, на сихъ великое множество крупныхъ бусъ, подобно какъ зимой ледяные сосули на кровляхъ висятъ, а сверхъ всего сего голубыя замаранныя запудренныя ленты приколоны были; ушей и глазъ она не вымыла, и пудра въ нихъ кучами лежала; на лбу и на щекахъ видны были полосами грязь, пудра, румяна и изъ бровей сурмила. Флеровое на ней платье надѣто было такъ, что она на одну полу съ переди наступала, пока другая на боку вздернута висѣла. Платье бусовыми сосульками было выложено: но какъ она на оное непрестанно наступала и почти, такъ сказать съ позволенія вашего, верхомъ въѣхала въ комнаты, то бусы оторвались и разсыпались; но меня однакожъ хотѣла увѣрить, что съ головы упали. Я доказала ей, что съ платья, и принуждена была оставить ее дома; мнѣ стыдно показалось таковую чучелу въ люди казать; она же бѣлья по недѣлѣ не перемѣняетъ... Мужъ мой допишетъ... Дома сидя, она у дѣвокъ навѣдалась, что лучше чтобъ бусы съ головы или съ платья сорвались? Изъ того можете видѣть остроту ума ея; что мнѣ съ нею дѣлать? Сестра ея середняя со всѣмъ сложенія инаго, но также необычайно ходитъ, не инако какъ въ мускомъ платьѣ, скачетъ на прерѣзвыхъ лошадяхъ, говоритъ о сабакахъ, о травлѣ звѣриной, стрѣляетъ изъ лука, ружья и пистолета, и самой гренадерской выступкою ходитъ. NB. За сію нынѣ сватается нѣмецкой баронъ. — Третій братъ перенимаетъ всѣ женскіе обычаи: онъ бы бѣлился и румянился, буде бы я его до того допускалъ; говоритъ женскимъ голосомъ и слова не договарива-

етъ, цѣлый день лежитъ или на постелѣ или на сундукѣ. NB. Канапе я велѣлъ вынести изъ горницы, чтобъ менѣе валялся. — Всего притворно боится, крайнее попеченіе имѣетъ о своей красотѣ, даже до того, что прошедшее лѣто пришилъ флеръ къ своей шляпѣ и носилъ надъ собою подсолнечникъ, чтобъ отъ солнца не загорѣть. Онъ вообще похожъ на восченую куклу; такова и меншая сестра, которую онъ очень любитъ; онѣ оба отмѣнно нѣжны, ото всего обмираютъ; сверхъ того близоруки. Не знаю, откуда имъ Богъ далъ стекла, сквозь которыхъ инаго не дѣлаютъ, какъ цѣлой день изъ оконъ на улицы зѣваютъ; изъ дома же никуды не выходятъ, опасаясь суровости воздуха, либо солнца, вѣтра, сырости, засухи или невѣсть чего еще инаго. Прошу описаніе сіе вмѣстить въ Собесѣдникѣ: авосьлибо удастся для блага ихъ изъ того сдѣлать имъ доброе употребленіе, тѣмъ одолжите слугу вашего Михайла Передкова.

Е. ИНСТРУКЦІЯ КН. Н. И. САЛТЫКОВУ (1784). ([37]).

1. Наставленіе касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе ([38]).

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества; и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать Ихъ Высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемою.

Когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностію и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха Ихъ Высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы и да не употребятъ въ оной несправедливости, или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

2. Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ ([39]).

Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренилась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго. въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично.

3. Наставленіе касательно учтивости и того, что потому отъ дѣтей требуется.

Поваживать дѣтей къ учтивости; учтивость основана на томъ, чтобъ не имѣть худаго мнѣнія ни о себѣ, ни о ближнемъ.

Отдалять Ихъ Высочества отъ высокомѣрія и имъ почести принимать съ умѣренностію. Что дѣлать должно дѣтямъ предъ кѣмъ бы-то ни было, дѣлать съ пристойною смѣлостію, безъ замѣшательства, сохраняя почтеніе и уваженіе, къ кому надлежитъ.

Поваживать дѣтей, чтобъ кланялись тѣмъ, кто имъ кланяется, и чтобъ глядѣли на того, кто съ ними говоритъ; но учтивость не въ однихъ поклонахъ состоитъ, но въ томъ, чтобъ рѣчи, взгляды, поступки, движеніе и поведеніе вести по тому, съ какими людьми и въ какомъ случаѣ человѣкъ находится.

Чтобъ ни въ какомъ случаѣ питомцы съ умыслу не обижали никого, не показывали никому презрѣнія и неучтивости; чтобъ искали пріобрѣтать благоволеніе людей къ себѣ ласковымъ и ловкимъ обхожденіемъ.

Учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, обращеніи человѣка, почему пріятно съ нимъ обходиться, и обхожденіемъ тѣмъ онъ дѣлаетъ то, что другіе имъ довольны.

Учтивый человѣкъ есть тотъ, который словами и обхожденіемъ своимъ дѣлаетъ то, что люди имъ довольны, хвалятъ его, а не охуждаютъ.

Благоволеніе къ роду человѣческому, человѣколюбіе, уваженіе ближняго, почтеніе къ человѣчеству, осторожность въ поведеніи, чтобъ не пренебрегать, не презирать никого, но показывать каждому учтивость и приличное уваженіе, бдѣніе, чтобъ поведеніе никому не обратилось въ тягость, и обхожденіе съ людьми добровоспитанными да служатъ въ основаніе учтивости.

Поваживать дѣтей, чтобъ обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ, или возвышая голосъ, или со спесью, но съ благоволеніемъ пристойнымъ къ человѣчеству вообще.

Четыре вещи суть совершенно противны учтивости:

1 Природная грубость та, которая безъ снисхожденія къ другимъ людямъ не смотритъ ни на склонности, ни на сложеніе, ни на состояніе человѣка.

Неучтивый человѣкъ не смотритъ на то, что другимъ, которые съ нимъ, нравится или не нравится.

2 Пренебреженіе къ людямъ, непочтеніе, которое оказывается взглядами, словами, поступками и движеніями.

3 Осужденіе словами и насмѣшкою поступковъ ближняго, умышленные споры и непрерывное противорѣчіе.

4 Нравъ, занимающійся мелкостями, который находитъ въ оныхъ всегда что ни есть, къ чему привязаться, осуждать и пересужать; также и лишняя учтивость несносна въ обществѣ.

Въ обществѣ и въ разговорахъ дѣтей поваживать должно оказывать почтеніе, уваженіе и благоволеніе къ людямъ, обходяся со всѣми учтиво, чтобъ не перебивали рѣчи ни кому; чтобъ не спѣшили сказывать своего мнѣнія, а ждали, чтобъ у нихъ спросили; чтобъ не говорили весьма громко, или утвердительно, или повелительнымъ голосомъ, но говорили просто, безъ притворства и не возвышая голоса.

4. Наставленіе касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ.

И для того наивящее дѣло приставниковъ есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему; исподоволь показывать имъ вещи, каковы суть и каковы должны быть. Поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ преодолѣнію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего не можно.

Ученіе же или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію ([40]).

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы.

Страхомъ научить нельзя; ибо въ душу, страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать ([41]).

На столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе.

Ж. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ИЗЪ ЖИЗНИ РЮРИКА (1786). ([42]).

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 2.

Рюрикъ, Едвинда, Олегъ, Добрынинъ.

Добрынинъ.

Не въ указъ тебѣ, Государь: какъ Князя Вадима привезутъ, отдай его на судъ удѣльнымъ Князьямъ и собери ихъ нарочно для того; буде же и то тебѣ не угодно, то прикажи его судить по

закону прародителя твоего Одина. Сей, пришедъ съ Дона, проходилъ часть Руссіи; его законъ есть законъ Славянъ; въ немъ написано: «Аже гдѣ взыщетъ на друзѣ, то ити на изводъ (43) предъ двунадесять человѣкъ.» И такъ назначь дванадесять мужей равнаго состоянія Вадиму, кои судъ составятъ и его будутъ судить.

Едвинда.

Да заподлинно виноватъ ли онъ?

Добрынинъ.

Славяне показываютъ на него, что онъ ихъ уговаривалъ учинить измѣну.

Олегъ.

Сіе немедленно изслѣдовать должно, не смотря на лице.

Едвинда.

Не наказанъ ли князь Вадимъ уже довольно тѣмъ, что въ своихъ намѣреніяхъ успѣха не имѣлъ и что подверженъ всенародному сужденію?

Рюрикъ.

О коль пріятно мнѣ, Едвинда, видѣть въ душѣ твоей при каждомъ случаѣ чувствительность, милующую человѣчество.

Едвинда.

Любезнѣйшій супругъ, я подражаю лишь тебѣ; ты въ винномъ видишь смертнаго, рожденнаго со страстьми, слабостьми и пороками; не всякой въ умѣ своемъ имѣетъ довольную силу обуздать свои хотѣнія къ статѣ и ко времени; иной грѣшитъ отъ легкомыслія. Вадимъ молодъ, съ младенчества при дѣдѣ вашемъ воспитанъ, окруженъ былъ ласкателями, кои бодрость духа его поощряли къ блистательнымъ предпріятіямъ: родъ князей славянскихъ храбръ.... кровь ихъ течетъ въ васъ, Государь.... Вадимъ братъ вашъ двоюродный. .. подданные обожаютъ милосердіе.... прости мнѣ, Государь, что я такъ смѣло изъясняюсь; ты не токмо любишь слышать правду: ты поощряешь всѣхъ своимъ снисходительнымъ обхожденіемъ говорить истину, дерзость одна тебѣ противна, ее ты прекращаешь по должности.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Рюрикъ, Едвинда, Олегъ, Добрынинъ, 2-й Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Многіе Славяне бѣгутъ изъ Новаграда къ Кіеву: говорятъ, что не хотимъ рабами быть Варягамъ.

Рюрикъ.

Поворотятся, когда узнаютъ, что индѣ жити хуже, нежели съ Варягами. (Вѣстникъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Рюрикъ, Едвинда, Олегъ, Добрынинъ, Данъ.

Данъ.

Князя Вадима ведутъ сюда подъ стражею; самъ Рагуилъ воевода съ нимъ.

Рюрикъ.

Скажи князьямъ и боярамъ, чтобъ сюда пришли. (Данъ уходитъ).

Добрынинъ (Рюрику).

Сожалительно, что съ самаго начала твоего княженія причинили тебѣ безпокойство.

Олегъ.

Колико княжескій престолъ ни лестенъ, но окруженъ всегда многоразличными заботами.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Рюрикъ, Едвинда, Синеусъ, Труворъ, Олегъ, Оскольдъ, Рохволдъ, Добрынинъ, Тріянъ, Рулавъ, бояре новогородскіе, бояре варягорусскіе, Рагуилъ, Вадимъ подъ стражею.

Рюрикъ.

Тебѣ, воеводѣ Рагуилу, я обязанъ за укрощеніе безпокойствъ. Князь Вадимъ, ябъ желалъ видѣть тебя въ первые инако, нежели ты нынѣ оказался предо мною.

Вадимъ.

Не ожидай отъ меня оправданія или извиненія.

Синеусъ.

Ты, сказываютъ, хотѣлъ Славянъ и прочіе народы отвлечь отъ должнаго повиновенія?

Вадимъ.

Хотѣлъ.

Труворъ.

Какія же ты имѣлъ при томъ намѣренія?

Вадимъ.

Не иныя, какъ тѣ, коими со младенчества питался.

Рохволдъ.

Дѣдъ твой Гостомыслъ хотя тебя любилъ, но инако опредѣлилъ.

Вадимъ.

Да, ослабѣвъ силами при концѣ своей жизни.

Добрынинъ.

Нѣтъ, онъ по справедливости и всенародному желанію отдалъ наслѣдіе старшему своему внуку, а ты младшій.

Оскольдъ.

Къ чему преніе тутъ, гдѣ дѣло само по себѣ ясно?

Вадимъ.

Не основаніемъ, но слѣдствіями.

Рюрикъ.

Бодрость духа твоего, князь Вадимъ, не унываетъ; она написана въ рѣчахъ, въ чертахъ твоихъ....

Вадимъ.

Духъ всякаго человѣка наполненъ чувствами, сходными съ истиною или же предубѣжденіями.

Рюрикъ.

Неоспорима по крайней мѣрѣ есть истина на сей часъ, та, что ты теперь во власти моей, что я могу тебя судить, аки мѣстнаго князя и какъ подданнаго....

Едвинда (тихимъ и скромнымъ голосомъ).

Либо простить аки брата.

Рюрикъ (ко всѣмъ).

Но пусть Рюрикъ въ сей день окажется, каковъ есть: онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, винной изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечь, приступить ко мщенію (вынимаетъ мечь изъ ноженъ), тогда мечь тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ неприятелей (уронитъ мечъ), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка. Теперь судите сами, отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго, князя Вадима. Бодрость духа его, предпріимчивость, неустрашимость и прочія изъ того изтекающія качества могутъ быть полезны государству впередъ. Онъ съ тобою, князь Оскольдъ, пусть поѣдетъ; Славяне же пошли къ Кіеву; онъ тамъ ихъ соберетъ и будетъ тебѣ вѣрно помощникомъ. Освободите его изъ подъ стражи и пошлите о семъ сказать въ Новгородъ, куда я самъ сей часъ поѣду.

Вадимъ (становясь на колѣни).

О Государь! ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь. Я вѣрный твой подданный вѣчно.

Рюрикъ.

Поѣдемъ теперь въ Новгородъ, и потомъ объѣду я западныя свои границы.

3. ПИСЬМА.

1. Графу Петру Александровичу Румянцову (1763). (44).

Господинъ Генералъ Румянцовъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо Мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли

Мои, которыя, вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите Меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ ([45]) нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. По позвольте сказать: вы мало Меня знаете. Пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то позволяетъ; вы приняты будете съ тою отмѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ Я противъ желанія вашего хотѣла симъ принудить васъ къ службѣ: мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ ([46]) о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ Я убавить прерогативъ ([47]) оной хотѣла, оный наче при всякомъ случаѣ подкрѣплю; а сіе единственно пишу, дабы Мы другъ друга разумѣли и вы моглибъ ясно видѣть Мое мнѣніе. Если тогда, какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ, обстоятельства казались и были дѣйствительно конфузны, что, можетъ быть, и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о Моей къ вамъ недовѣрчивости, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои уже миновались и которыхъ слѣду въ Моихъ мысляхъ не осталось. И такъ въ ожиданіи другаго отъ васъ письма, въ которомъ имѣете вы знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей вашей фамиліи видѣть васъ, или остаетеся ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма, въ томъ и другомъ случаѣ Я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная.

Изъ Москвы, 13 Генваря 1763 года.

2. А. В. Олсуфьеву (1763). ([48]).

Адамъ Васильевичь! я чаю—Ломоносовъ беденъ: зговоритесь съ Гетманомъ ([49]), неможно ли ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ.

Въ Москвѣ. 28 апрѣля 1763.

3. Даламберу (1763). ([50]).

Господинъ Даламберъ,

Я только что прочла присланный вами господину Одару отвѣтъ, которымъ вы отказываетесь принять на себя воспитаніе моего сына. Я понимаю, что вамъ, какъ философу, ничего не стоитъ презирать такъ называемыя величія и почести сего міра; все это на ваши глаза пустая вещь, и я охотно раздѣляю ваше мнѣніе. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, я нахожу не важнымъ поведеніе королевы Христины, которую такъ много хвалили и часто осуждали по справедливости; но быть рожденнымъ или призваннымъ на то, чтобы содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого— значитъ, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. Философія ваша основана на человѣколюбіи; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно—значитъ упускать изъ виду свою цѣль. Я такъ хорошо знаю васъ, какъ человѣка честнаго, что не могу приписать вашъ отказъ тщеславію; я знаю, что единственная его причина—любовь къ спокойствію, нужному для ученыхъ занятій, и дружба. Но чтоже мѣшаетъ? пріѣзжайте съ вашими друзьями: обѣщаю вамъ всѣ удовольствія и удобства жизни, какія только отъ меня зависятъ; можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе покоя и свободы, нежели у васъ. Вы не склоняетесь на настойчивыя предложенія прусскаго короля и на благодарность, которую ему обязаны; но у него нѣтъ сына. Признаюсь, воспитаніе сына такъ дорого моему сердцу и вы мнѣ такъ не-

обходимы, что, можетъ быть, я уже слишкомъ прошу васъ. Извините мою нескромность ради причины, и будьте увѣрены, что я заинтересована такъ сильно изъ уваженія къ вамъ.

P. S. Во всемъ этомъ письмѣ я выражала только тѣ чувства, которыя находила въ вашихъ твореніяхъ: вы не захотите противорѣчить себѣ.

4. А. В. Олсуфьеву (1765).

Адамъ Васильевичь! вы имѣете сказать, а луче написать моимъ Именемъ къ Александру Петровичу Сумарокову, что, какъ его сочиненія печатуются на щетъ Кабинетный,—онъ впредь воздѣржался соблазнительныхъ словъ для слабыхъ употреблять, какъ ныне въ его баснѣ, называемой о *двухъ поварахъ* (51); также и трогающихъ честь кого, какъ въ той же басни исторія его съ княземъ Шехавскимъ. Сей последній кажется своимъ весьма умереннымъ поступкомъ противъ Суморокова сіе незаслужилъ; я желаю чтобъ остановлена была продажа сей піесы, а впредь предпишите, гдѣ его Сумарокова сочиненія на моемъ коштѣ печатаются, чтобъ безъ censure ихъ непечатали, понеже я не хочу, чтобъ подумали,что я дерзости противъ почтенія закона и благопристойности потакала; также почтенныхъ людей подъ моимъ покровительствомъ выдавала на непристойное ругательство. Mesuréz bien vos termes dans cette lettre, car nous avons a faire à une tete chaude, qui commence à perdre la tramontane si elle n'est pas deja perdue depuis longtems. Mais enfin faites, qu'il retire ses sottises, ou retiréz les Vous meme. (52). При семъ прилагаю извѣстную піесу.

30 Апрѣля 1765 г.

5. Вольтеру (1767). (53).

Я грозила вамъ письмомъ изъ какой нибудь азіятской деревушки, и вотъ держу теперь свое слово.

Мнѣ кажется, что сочинитель анекдота о Велисаріи (54) и письма о панегирикахъ (55) находится въ близкомъ родствѣ съ племянникомъ аббата Базеня (56). Однако же не лучше ли, государь мой, всѣ похвалы человѣкамъ отлагать до ихъ смерти, изъ опасенія, чтобъ они рано или поздно не сдѣлали оныя ложными, поелику всѣ человѣческія дѣла коловратны и непостоянны. Я не знаю, въ такомъ ли были уваженіи похвальныя слова Лудовику XIV по отрѣшеніи Нантскаго указа, какъ прежде: по крайней мѣрѣ изгнанные протестанты были противнаго мнѣнія. И такъ прошу васъ, государь мой, употребить то благоволеніе, которое вамъ оказываетъ живущій въ предѣлахъ Кантона Урійскаго ученый мужъ (57), для убѣжденія его, чтобъ онъ не тратилъ напрасно своего времени на прославленіе меня прежде моей смерти.

Законы, о коихъ такъ много говорятъ, не совсѣмъ еще окончены (58). Но ахъ! кто можетъ ручаться за ихъ доброту? Конечно не намъ, но потомству предоставлено рѣшить сію задачу. Вообразите, что они должны служить для Европы и Азіи; какая жъ чрезвычайная разность въ климатѣ, народахъ, обычаяхъ и даже въ самомъ понятіи.

И такъ теперь я въ Азіи: я хотѣла видѣть ее собственными своими глазами. Въ семъ городѣ находится двадцать различныхъ народовъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства. Надобно однакожъ дать имъ такое платье, которое бы всѣмъ пристало. Могутъ быть найдены общія правила; но естьли взять подробности, то едва не можно сказать, что это столько же трудно, какъ сотворить міръ, устроить и сохранить; я не окончу, естьли обо всемъ

говорить буду; однакожъ и безъ того довольно наговорено.

Естьли мои предпріятія не будутъ имѣть успѣха, то отрывки изъ моихъ писемъ, которые видѣла я въ недавно изданномъ сочиненіи, покажутся безпристрастнымъ читателямъ и моимъ завистникамъ тщеславіемъ или Богъ знаетъ чемъ. Притомъ письма мои внушаемы были мнѣ однимъ только къ вамъ уваженіемъ, и не могутъ быть хороши для печати. Правда, что для меня весьма лестно, и много чести дѣлаетъ, видѣть, съ какимъ чувствомъ внесено сіе сочинителемъ письма о панегирикахъ; но Велизарій ([59]) говоритъ, что эта минута есть самая опаснѣйшая для людей моего состоянія. Велизарій о всемъ разсуждалъ справедливо, такъ и въ семъ мнѣніи конечно не ошибся. Сія книга уже переведена и будетъ напечатана. Чтобъ испытать, хорошъ ли переводъ, онъ читанъ былъ передъ двумя не знавшими подлинника. Одинъ изъ нихъ сказалъ: пусть мнѣ выколютъ глаза, только бы я былъ Велизаріемъ, я почту себя довольно награжденнымъ; другой отвѣтствовалъ: естьли бъ это сдѣлалось, то бы я позавидовалъ.

За тѣмъ свидѣтельствую вамъ, государь мой, признательность мою за всѣ оказываемыя мнѣ вами знаки дружбы; но избавьте, ежели можно, маранье мое отъ печати. Казань. 29 Мая.

6. Княгинѣ Е. Р. Дашковой (1774).

Екатерина Романовна! Согласилась бы Я съ вами назвать день моего рожденія счастливымъ для Россіи, если бы въ Имперіи всѣ дѣла шли по Моему чистосердечному желанію и чтобъ во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія государства цвѣли правосудіе и устройство, а посреди тишины слава и страхъ гремѣли. Снаружи сколь ни святы намѣренія Наши въ своемъ началѣ, но, проходя для исполненія черезъ руки многихъ, заимствуютъ отъ несовершенства, роду человѣческому свойственнаго.

Я часто въ такихъ обстоятельствахъ имѣла случай различить чистое усердіе и искренно преданныхъ мнѣ людей, тѣхъ отличныхъ душъ, коимъ извѣстны правила Моей честности и безпредѣльной любви къ Имперіи.

Дознавъ совершенно столь давнюю вашу ко Мнѣ преданность, въ томъ числѣ людей избранныхъ—Васъ поставляю, и для того письмо ваше, писанное ко Мнѣ по случаю дня моего рожденія, принимаю за новый опытъ вашего ко Мнѣ усердія, за что благодарю и остаюсь къ вамъ доброжелательная.

Апрѣля 28 числа 1774 года.
Ст. Петербургъ.

7. Князю А. М. Голицыну (1780). ([60]).

Князь Александръ Михайловичъ! Увѣдомилась Я, что Дворянство Санктпетербургской Губерніи вздумало приносить Мнѣ титулы и собирается сдѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей Моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то Я почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ Моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія Отечеству и вознесенія славы и величія его; почему и не можетъ иное Мнѣ пріятно и угодно быть, какъ повиновеніе Моей волѣ и ревностное и тщательное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для Меня не нужна. Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ Приказъ общественнаго призрѣнія, для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому ([61]), такъ какъ можете тоже сдѣлать и со всѣми другими, кои будутъ любо-

пытствовать о семъ. Пребываю, впрочемъ, вамъ доброжелательна.

P. S. Сіе есть непремѣнная Моя воля, которую выполнить вамъ предписываю.

8. Доктору Циммерману (1785). (62).

Государь мой! Я получила ваше письмо отъ 28 генваря, коимъ увѣдомляете меня о полученіи посылки, доставленной къ вамъ чрезъ моего министра въ Гамбургѣ (63). Вы даже и не думаете о благодарности, которою я вамъ должна. Сначала боялась было я раскрыть вашу книгу (о уединеніи), потому что, судя по ея названію, опасалась, чтобъ она не усилила во мнѣ ипохондрію, къ которой я и безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность (64); но сія книга болѣе, нежели что другое, остановила и потомъ уменьшила дѣйствіе оныя. Въ сей книгѣ есть сила, и величіе, и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякой хорошій докторъ долженъ бы вписать ее въ реестръ своихъ рецептовъ, и часто была бъ она полезнѣе многихъ лекарствъ, къ которымъ я нисколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкардтъ(65), и годовой счетъ изъ аптеки собственно на мою особу рѣдко бываетъ больше тридцати шиллинговъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однакожъ по сіе время ничего этого не бывало. И такъ, когда я желала, чтобъ вы сюда пріѣхали, то сіе желаніе отнюдь не отъ того происходило, чтобы воспользоваться какими врачебными совѣтами, но чтобъ узнать человѣка разумнаго, одареннаго необыкновенными способностями и свѣдѣніями. Вотъ какого я объ васъ мнѣнія, Государь мой. Общій нашъ пріятель, покойный Князь Орловъ (66), и многіе другіе не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Откровенность и чистосердечіе, плѣняющія въ вашихъ письмахъ, конечно, умножили бъ во мнѣ желаніе васъ видѣть поближе. Но какъ я вижу, что вы не можете отважиться на безпокойства столь долговременной ѣзды, не подвергнувъ опасности своего здоровья, а поѣздка моремъ могла бъ имѣть также свои слѣдствія, то и совѣщусь просить васъ о семъ еще, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, жизнь большой части вашихъ больныхъ зависитъ единственно отъ искуства вашихъ объ нихъ попеченій; да и здѣсь, хотя ни слова не скажу о медицинѣ, другіе не преминутъ докучать вамъ своими вопросами и слѣдовательно лишатъ васъ того благоденствія, въ которомъ я желала бы васъ видѣть. И такъ надежнѣйшее для васъ предпочитаю, хотя съ сожалѣніемъ, удовольствію васъ видѣть, Государь мой, сколько бъ я того ни хотѣла. Будьте здоровы и наслаждайтесь въ полной мѣрѣ славою, пріобрѣтенною вашими талантами. Я же удовольствуюсь и тѣмъ, что буду писать къ вамъ отъ времени до времени, когда случай къ тому представится. Прощайте.

Петербургъ, 22 февраля 1785.

9. Ему же (1789). (67).

Государь мой! Вы, конечно, первый такой докторъ, который проситъ у кого-нибудь позволенія отправить его на тотъ свѣтъ. Вы дѣлаете еще больше—провождаете его въ поля Елисейскія. Я бы не желала лучше, какъ идти туда съ такимъ хорошимъ товарищемъ—съ такимъ однакожъ условіемъ, чтобъ мнѣ предоставлена была полная воля выбирать себѣ общество, которое могло бъ быть очень забавно. Признаюсь, что рѣчь ваша, ко мнѣ относящаяся, былабъ

довольно мнѣ пріятна, еслибъ только я не опасалась, что она слишкомъ лестна. Я отвѣтствовала бы на то почти сими словами: мой вѣкъ напрасно меня боялся; я никогда не хотѣла кого-либо пугать, а желала быть любимою и почитаемою, если того стою, — и больше ничего. Всегда я думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ отъ того, что меня не понимали. Я знала весьма многихъ людей, кои были гораздо меня умнѣе, но никогда ни противъ кого не имѣла злобы и никому не завидовала. Мое желаніе и удовольствіе состояло въ томъ, чтобъ дѣлать всѣхъ счастливыми; но какъ всякой хочетъ быть счастливъ по своимъ способностямъ, то желанія мои часто находили въ томъ препятствія, въ коихъ я ничего не понимала. Конечно, не было злости въ моемъ самолюбіи, но можетъ быть, что я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны содѣлаться разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудству и несправедливости, съ коими никакъ не можно быть счастливымъ. Если бы онъ слушался разсудка и справедливости, тогда бы и въ насъ нужды не было; чтожъ касается до счастія, то всякой, такъ какъ я выше сказала, понимаетъ его по-своему. Я уважала философію, потому что въ душѣ моей была всегда отмѣнною республиканкою. Признаюсь, что такое расположеніе души съ моею неограниченною властью покажется, можетъ быть, чуднымъ противорѣчіемъ; однакожъ въ Россіи никто не скажетъ, чтобъ я власть свою во зло употребляла. Люблю художества по одной склонности. Собственныя мои сочиненія почитаю бездѣлками. Я писала въ разныхъ родахъ, и все написанное мною кажется мнѣ посредственнымъ, почему и не придавала имъ никакой важности, ибо они служили для меня только забавою. Въ политическомъ моемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое казалось мнѣ полезнѣйшимъ для моего государства и сноснѣйшимъ для другихъ; еслибъ я знала лучшее, конечно, предпочла бы оное. Европа напрасно опасалась моихъ намѣреній, кои, напротивъ того, для нея были совершенно полезны. Мнѣ часто платили неблагодарностью, но никто не скажетъ, чтобъ я была неблагодарна. Я нерѣдко мстила моимъ непріятелямъ, дѣлая имъ добро или прощая ихъ. Вообще человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ. Теперь кончимъ разговоръ въ царствѣ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ.

10. А. С. Мордвинову (1790). ([68])

Александръ Семеновичъ! Я получила письмо изъ Ахена съ подписью Сенакъ де Мельянъ, которое привлекло Мое вниманіе. При немъ же приложено объявленіе о запискахъ жизни маршала Дюка де Решильё, служащихъ исторіи осьмагонадесять столѣтія, и одна повѣсть или нравственный романъ, подъ названіемъ: Двоюродные братья; сіе прелестное сочиненіе блеститъ острыми мѣстами, показывающими въ авторѣ разумъ и глубокое познаніе человѣческаго сердца. Изъ объявленія усмотрѣла Я, что г. Мельянъ подписывается: рекетмейстеръ, интендантъ областей Генольта и Камбрезисъ и проч. Онъ слыветъ человѣкомъ умнымъ, честнымъ, достойнымъ, котораго служеніе пресѣклось неустройствами, терзающими его отечество. Вотъ слухи, которые объ немъ Я здѣсь могла собрать. Г. Мельянъ пишетъ ко Мнѣ, что онъ двадцать лѣтъ занимался управленіемъ многихъ большихъ областей и находится въ числѣ тѣхъ, коихъ революція принудила оставить Францію. Онъ вызывается, между прочимъ, написать

Россійскую Исторію осьмагонадесять вѣка. Прежде нежели соглашусь на сіе предпріятіе, Мнѣ надобно увѣриться, что человѣкъ, который приступитъ къ сему труду, отречется отъ предубѣжденій противъ Россіи, свойственныхъ большей части иностранныхъ писателей, какъ напримѣръ: все видѣть касательно ея съ дурной стороны, не обращая вниманія на происходившее въ то же время въ другихъ государствахъ, и утверждать, что Россія до Петра Перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное. Правда, что мятежи, послѣдовавшіе по смерти Царя Ивана Васильевича, остановили ея успѣхи на сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ; но прежде она шла наравнѣ со всею Европою. Также усилія, ею произведенныя къ соединенію своихъ областей и избавленію оныхъ отъ ига татарскаго, есть статья въ Исторіи совершенно неизвѣстная. До нашествія Татаръ, Россійскіе Великіе Князья принимали большое участіе въ дѣлахъ Европы: вступали въ союзы и родство со всѣми царствовавшими домами нашей гемисферы, и споспѣшествовали не разъ къ поддержанію преимуществъ тѣхъ вѣнчанныхъ главъ, которыхъ они сторону принимали. Что же касается до частной Исторіи Моего царствованія—Я то же думаю объ Исторіи живыхъ Государей, что и о монументахъ, имъ воздвигаемыхъ: прежде смерти нельзя рѣшить, для украшенія ли города сіе дѣлается или въ воздаяніе оказанныхъ заслугъ. Я, безъ сомнѣнія, могу сообщить весьма вѣрныя записки, на происшествіяхъ утвержденныя; но при обоихъ сихъ сочиненіяхъ надобно, чтобы авторъ, или издатель, покорился тѣмъ труднымъ правиламъ, коимъ необходимо онъ долженъ слѣдовать. Исторія, или записки Россійской Исторіи, предпринимаемыя по Моему согласію и утвержденію, не могутъ имѣть другаго вида и цѣли, кромѣ прославленія государства и дабы служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ. Всякое другое, менѣе блистательное направленіе, было бы вредно. Мы живемъ въ такое время, когда не только не кстати уменьшать блескъ вещей и подвиговъ, но, напротивъ, должно поддерживать умы, ободрять и направлять ихъ къ той высотѣ, которая ведетъ къ великимъ дѣламъ. Конечно, ихъ породитъ не упорное стремленіе къ неограниченному равенству всѣхъ состояній, раждающее безначаліе, которымъ Франція теперь терзается. Мои свѣдѣнія удостовѣряютъ Меня, что г. Мельянъ ни мало не зараженъ настоящею системою, которая царствуетъ во Франціи. Не должно ошибаться въ смыслѣ Моихъ словъ: Я говорю не о ласкательствѣ, но о справедливомъ изслѣдованіи произшествій и той похвалѣ или охужденіи оныхъ, которое возвышаетъ или унижаетъ душу. Г. Мельянъ изъ Ахена отправляется въ Венецію, куда проситъ прислать къ нему отвѣтъ и сохранить въ тайнѣ его предложенія. Онъ къ вамъ явится; вы съ нимъ познакомитесь и постараетесь узнать короче образъ его мыслей о вещахъ и произшествіяхъ, и развѣдаете, въ чемъ состоятъ его истинныя намѣренія. Желаетъ ли онъ сюда пріѣхать и съ какими видами? Онъ здѣсь будетъ принятъ какъ иностранецъ, отличный по разуму и званію, которое онъ занималъ. Но разумъ его довольно ли гибокъ, чтобы позволить управлять собою въ важномъ трудѣ, который онъ предпринять желаетъ? Вы ему скажете, что Я получила его письмо, его книгу, которая Мнѣ очень понравилась, и объявленіе о запискахъ къ Исторіи Герцога Решильё; что Мнѣ извѣстны еще нѣкоторыя изъ его сочиненій, между прочими: Исторія Анны Гонзаго, Принцессы Палатина; что Я весьма чувствительна къ уваженію,

которое онъ Мнѣ изъявляетъ: уваженіе благородныхъ людей всегда было Моею цѣлію; но Я весьма опасаюсь, чтобы учрежденія, кои Я завела у себя не безъ причины, не привели въ заблужденіе у нихъ тѣхъ, коихъ намѣреніе было слѣдовать тѣмъ же путемъ. Самъ г. Мельянъ хорошо понялъ цѣль Моихъ заведеній. Скажите еще ему, что вы получили повелѣніе короче съ нимъ познакомиться и узнать его желанія, дабы быть ему полезнымъ и Мнѣ о томъ донести. Онъ самъ можетъ судить, сколь трудно писать Исторію той земли, которой даже не знаетъ языка и которой обычаи не всегда были сходны съ обычаями другихъ земель, хотя въ самомъ дѣлѣ они столь же мало странны, какъ и обычаи другихъ народовъ. Что, впрочемъ, одно сіе Государство можетъ наполнить пропуски, находящіеся въ Исторіи другихъ народовъ, и что ежели авторъ иначе за сіе возьмется, то успѣха не будетъ. Вы еще постараетесь отъ него узнать, по какой дорогѣ онъ поѣдетъ, дабы знать, куда, по его просьбѣ, доставить ему одобрительныя письма. На 37 страницѣ нравственнаго романа его Мнѣ показалось сильно и блистательно слѣдующее мѣсто: онъ говоритъ: власть, какъ вино, принуждаетъ къ открытію характера. Исполняя ту, которая ему была ввѣрена, г. Мельянъ обнаружилъ характеръ человѣка безпристрастнаго, что извѣстно и въ Россіи. Безъ сомнѣнія, бѣдственно для Франціи, что настоящее состояніе лишаетъ ее достойныхъ людей. До сего времени блистала она славою, которою озарилась въ царствованіе Людовика XIV. Безъ сомнѣнія, другія правила приведутъ за собою другой порядокъ вещей, до сихъ поръ непредвидимый; но ежели безначаліе нынѣшней Франціи сообщится другимъ государствамъ Европы, то не мудрено предсказать, что одни Турки тѣмъ воспользуются и что тогда имъ всякое завоеваніе будетъ не трудно. Вы можете показать сіе письмо г. Мельяну, ежели заблагоразсудите. Прощайте, будьте здоровы.

С. Петербургъ, сего 4 октября 1790.

Сохраните тайну, по желанію г. Мельяна.

[1]) «Наказъ» (т. е. наставленіе) служилъ основаніемъ Коммиссіи, которая состояла изъ 565 депутатовъ, собранныхъ отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ дворянства, отъ городовъ, отъ сельскихъ обывателей и иновѣрцевъ, и которая должна была сочинить новое Уложеніе. Раздѣлялась она на общее собраніе, или большую коммиссію, и отдѣльныя коммиссіи. Открытіе ея послѣдовало въ Москвѣ 31 іюля 1767 г.; а 29 декабря общее ея собраніе распущено. Остались въ дѣйствіи однѣ отдѣльныя коммиссіи, которыя, въ теченіи пяти лѣтъ, составили: а) такъ называемые планы, т. е. заглавія проэктовъ, содержащія въ себѣ одно означеніе предметовъ и главное ихъ раздѣленіе; б) сочиненныя по симъ планамъ части проэктовъ, въ видѣ опытовъ. Въ 1774 г. все учрежденіе упразднено (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о сводѣ законовъ, 1837).—Наказъ, обнародованный 30 іюля 1767 г., состоитъ изъ вступленія, двадцати главъ и окончанія (всего 526 пунктовъ). Въ послѣдствіи, 28 февраля и 8 апрѣля 1768 г., прибавлены къ нему двѣ дополнительныя главы (21 и 22-ая) и начертаніе о приведеніи къ окончанію вышеозначенной коммиссіи. Первое изданіе его, безъ дополненій, въ Москвѣ 1767, а съ дополненіями въ Петербургѣ 1768. Изданій его на иностранныхъ языкахъ очень много; обозрѣніе тѣхъ, которыя находятся въ И. П. Б., см. въ 10 № Отеч. Зап. 1854 (статья: «Библіографическіе отрывки»). Главныя черты, такъ называемый «духъ» Наказа изображены Карамзинымъ, въ Похвал. Словѣ Екатеринѣ II. Въ П. С. З. онъ помѣщенъ подъ № 12949. Рукопись Наказа, состоящая изъ 123½ листовъ и писанная собственною рукою Екатерины (за исключеніемъ 12 лист.), большею частію на франц. языкѣ, имѣетъ такое названіе: «Matériaux dont les traductions sont dans le Senat, et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission établie pour faire le projet des lois». Она хранится въ Библ. Ак. Н. (Изв. по 2 отд., III, стр. 112).

[2]) Глава V показываетъ значеніе равенства и общественной, или государственной, свободы. Изъ опредѣленія этихъ предметовъ видно, что они тождественны съ за-

конностью, т. е. съ исполненіемъ законовъ и твердымъ охраненіемъ гражданъ законами, дарующими всѣмъ и каждому возможность наслаждаться спокойствіемъ. Глава эта, равно какъ и многіе другіе пункты, заимствованы изъ книги Монтескье: Esprit des lois. Императрица сама указала свои заимствованія, въ письмѣ къ Вольтеру 29 іюня (9 іюля н. ст.) 1767 г. Для образца сличи пунктъ 37 съ подлинникомъ: «Dans un état, c'est-à-dire dans une société où il y a des lois, la liberté ne peut consister qu'à pouvoir faire ce que l'on doit vouloir, et à n'être point contraint de faire ce que l'on ne doit pas vouloir» (кн. XI: о законахъ, образующихъ свободу политическую; гл. 3: что такое свобода).

³) Вся эта глава заимствована изъ знаменитаго творенія Беккаріи: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», положившаго новыя основанія уголовному судопроизводству. Особеннымъ гуманизмомъ проникнута 15-ая глава: «объ умѣренности наказаній». Для образца сличи пунктъ 207 съ слѣд. строками: «Pour que le châtiment produise l'effet que l'on doit en attendre, il suffit que le mal qu'il cause surpasse le bien que le coupable a retiré du crime. Encore doit-on compter comme partie du châtiment les terreurs qui précèdent l'exécution, et la perte des avantages que le crime devait produire. Toute sévérité qui passe ces limites devient superflue, et par conséquent tyrannique». (Des délits et des peines, изд. 1856, стр. 89). Екатерина, оцѣнивъ книгу Беккаріи, какъ могущественное требованіе милосердія, и внеся ея предписанія въ Наказъ, показала тѣмъ самымъ, какимъ духомъ терпимости хотѣла она запечатлѣть свои законы: «ces lois (писала она Вольтеру) seront tolérantes: elles ne persécuteront, ne tueront, ni ne brûleront personne.»

⁴) У Беккаріи: actions «indifférentes».

⁵) Сословіямъ, званіямъ.

⁶) Пункты 348 и 349 взяты изъ Монтескье (кн. IV: «о законахъ воспитанія соотвѣтственно началамъ правленія», гл. 1: «законы воспитанія»). Остальное принадлежитъ Императрицѣ, которая повторяетъ тѣже мысли въ Инструкціи кн. Н. И. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ своихъ внуковъ в. к. Александра и Константина (см. ниже).

⁷) Отъ жен: «поступка».

⁸) Пунктъ 356 взятъ изъ доклада Бецкаго «о воспитаніи юношества обоего пола» (1764). Мысли, здѣсь выраженныя, принадлежатъ самой Екатеринѣ, такъ какъ Бецкій приводилъ только въ исполненіе ея педагогическія идеи.

⁹) «О Время!» комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы. 1772. Печатана въ Спб.» Другія піесы Екатерины II, обозначенныя въ заглавіи словами: «сочинена въ Ярославлѣ» безъ прибавленія: «во время чумы», суть слѣдующія: «Невѣста Невидимка», въ 1 д. (Россійскій Θеатръ, ч. 12); «Передняя знатнаго барина», въ 1 д. (ib., XI); «Именины госпожи Ворчалкиной», въ 5 д.; «Госпожа Вѣстникова съ семьею», въ 1 д. (Драмат. сочиненія Екатерины II, г. Лонгинова).—Комедія: «О Время» имѣла большой успѣхъ и возбудила къ себѣ горячее сочувствіе просвѣщенныхъ людей. Новиковъ посвятилъ журналъ свой: «Живописецъ» «Неизвѣстному сочинителю комедіи: «О время»! Въ посвященіи, между прочимъ сказано: «Государь мой! я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности... Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искуствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе». Въ отвѣтѣ своемъ, Екатерина II говоритъ: «Комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи, во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи, слѣдов., не выходя изъ дому своего (*т. е. изъ Россіи*), нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю». (Подробности см. въ ст. г. Аѳанасьева: Русскіе журналы 1769 г. г., Отеч. Зап. 1855, № 4). Сюжетъ комедіи: «О Время» — самый обыкновенный, состоящій въ любви Молокососова къ Христинѣ, внучкѣ г-жи Ханжахиной, главнаго дѣйствующаго лица, въ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ его сватовствомъ и въ устраненіи этихъ препятствій при содѣйствіи Непустова. Достоинство піесы не въ сюжетѣ, а въ осмѣяніи ханжества, суевѣрія и страсти къ вѣстямъ и сплетнямъ, изображенныхъ въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Кромѣ того, Екатерина II выставила (въ разсказѣ служанки Мавры, дѣйст. I, явл. 12) недостатки тогдашняго воспитанія: съ одной стороны—строгое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полнемъ невѣжествѣ, а съ другой безсмысленное, модное воспитаніе, изъ дѣвицъ образующее «новосвѣтскихъ госпожъ». Вышеуказанное изданіе комедіи безграмотно, исполнено опе-

чатокъ: почему мы и не держались его правописанія.

10) Періодическое сочиненіе (1755—1764), издававшееся Миллеромъ: Клевеландъ—повѣсть.

11) Неплатежъ долговъ принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ недостатковъ дворянства въ эпоху Екатерины. «Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ», говоритъ Фонъ-Визинъ въ «Придворной Грамматикѣ», «никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: быть должнымъ». Тотъ же Фонъ-Визинъ спрашивалъ Императрицу: «отъ чего всѣ въ долгахъ»? Ея сочиненія часто обличаютъ господъ, изучившихъ искуство обманывать своихъ кредиторовъ или обращаться съ ними безъ всякой церемоніи. Въ ком.: «Г-жа Вѣстникова съ семьею», торговка Терентьевна ѣздила собирать съ разныхъ господъ деньги, да къ кому ни пріѣдетъ — или дома не сказываются, или говорятъ, что денегъ нѣтъ, либо просятъ, пожалуй завтра пріѣзжай. Въ ком.: «Имянины г-жи Ворчалкиной», Геркуловъ бьетъ Фирлюфюшкова палкой за неплатежъ долга. Въ «Былахъ и Небылицахъ» одна госпожа до того бережлива, что и должникамъ не платитъ. Тамъ же, одинъ членъ «Общества незнающихъ» на вопросъ, откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ, а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? сказалъ, что о томъ нисколько не заботится.

12) Способный принимать изуроченіе, порчу отъ глазъ или отъ похвалы.

13) Огневая болѣзнь—горячка.

14) Теша и тешка—часть, вырѣзанная у красной рыбы и покрывающая брюхо.

15) Кушанье изъ рыбной мякоти.

16) Т. е. не учился и не служилъ.

17) Старинное ученье начиналось съ азбуки, продолжалось часословомъ и оканчивалось псалтырью. Сынъ Чудихиной, на 19-мъ только году приступившій къ часослову—своего рода Митрофанъ, начертанный Фонъ-Визинымъ. Прежде чѣмъ послѣдній написалъ свою комедію, портреты недорослей являлись въ сатирическихъ журналахъ Екатеринина времени и въ комедіяхъ Екатерины II, хотя, конечно, не въ такомъ художественномъ представленіи.

18) Намекъ на воспитательныя заведенія для дѣвицъ, учрежденныя при Екатеринѣ II. Слова Чудихиной объ отвращеніи ея матери къ грамотѣ сходны съ словами отца Простаковой (въ Недорослѣ): «прокляну ребенка, который что нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ».

19) «Имянины госпожи Ворчалкиной комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ. Печатана въ Спб.» (безъ означенія года). Изданіе такое же небрежное, какъ и комедія «О время!» (см. прим. 9). У Ворчалкиной двѣ дочери: Олимпіада и Христина. Въ Христину, умную и благонравную дѣвушку, влюбленъ Таларыкинъ, и объ устройствѣ ихъ счастія хлопочетъ Дремовъ. Между тѣмъ Спесовъ, зараженный барскою спесью, и Геркуловъ хотятъ жениться на дочеряхъ Ворчалкиной для того, чтобъ поправить свое состояніе, разстроенное мотовствомъ. Желая склонить на свою сторону Ворчалкину, легковѣрную и недовольную всѣмъ, что дѣлается въ правительственной сферѣ и въ образованномъ обществѣ, они условились распустить слухъ, что «скоро выйдетъ запрещеніе десять лѣтъ не вѣнчать свадебъ и что въ это время никто ни за мужъ выйти, ни жениться не можетъ». Разговоръ ихъ подслушанъ слугою Антипомъ. Изъ боязни, чтобы дочери не засидѣлись въ дѣвкахъ, Ворчалкина соглашается выдать ихъ за обманщиковъ. Но обманъ открывается, промотавшимся господамъ отказываютъ отъ дому, а Таларыкинъ получаетъ руку Христины. Олимпіада, модная, увлеченная свѣтскими обычаями и французскимъ воспитаніемъ, хотя и добрая, дѣвушка, сама проситъ нать за младшую сестру свою.—Фирлюфюшковъ тоже, что Иванушка, въ «Бригадирѣ», и Вѣтромахъ, въ «Чудакахъ», Княжнина: онъ мѣшаетъ русскія фразы съ французскими; трусъ, хотя и хочетъ казаться храбрымъ; безчестенъ, хотя и толкуетъ о благородствѣ. Геркуловъ бьетъ его палкой, за неплатежъ долга, приговаривая: «не обманывай честныхъ людей; держи данное слово; не дозволяй поступать съ собою, какъ съ бездѣльникомъ». По поводу этой сцены, казавшейся инымъ неприличною, Екатерина писала Новикову: «Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойное поставляютъ, что г. Фирлюфюшковъ за безстыдное слово несдержаніе наказанъ палкою. Я не стану приводить здѣсь, бывало-ль таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ Геркулова: онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются». Некопѣйкинъ—купецъ-банкрутъ, предлагающій свои прожекты каждому, особенно промотавшимся дворянамъ. «Много я видалъ (слова Антипа), какъ господа, ухватившись за прожекты, чтобъ скоро разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ прожектъ не удался, деревни пропали, а господинъ

по міру пошелъ». Примѣръ подобныхъ господъ—прожектеровъ Екатерина представила въ ком.: «Недоразумѣнія (1788)».

[20]) Фирлюфюшковъ говоритъ языкомъ тогдашнихъ щеголей, имѣвшихъ особенныя слова и выраженія, своего рода лексиконъ. Рѣчь Олимпіады испещрена ими: «славенъ безпримѣрно», «ужесть», «маханье» (вежливость, любезничанье), «болванчикъ» (любовникъ), «давать себѣ воздухи» (se donner des airs) и пр.

[21]) Особаго рода спиртъ.

[22]) Hazarder—подвергать опасности.

[23]) и [24]) Особыя матеріи.

[25]) Презрительные.

[26]) Выемка—обыскъ и взятіе бѣглаго человѣка или чего-нибудь запрещеннаго.

[27]) S'encanailler — водиться съ подлыми (низкаго сословія) людьми.

[28]) Комическая опера.

[29]) Ком.: О Время!

[30]) Сличи съ прим. 9.

[31]) Въ Инструкціи кн. Салтыкову исчислены «нарочитыя» книжицы, написанныя Екатериною II для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина: Сказка о Царевичѣ Хлорѣ и Сказка о Царевичѣ Февеѣ (обѣ 1782 г.): изъ послѣдней составлена потомъ (1786) комическая опера, того же имени; Выборныя россійскія пословицы (1782); Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783); Гражданское начальное ученіе, съ россійской азбукой (1783); Китайскія мысли о совѣсти (особаго изданія ихъ не было: онѣ вошли въ Гражданское ученіе).—Всѣ эти книжки, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ театральныхъ піесъ, образовали 9 томовъ, которые Екатерина называла «библіотекой своихъ внуковъ» (Письмо къ Циммерману, 1788 октября 11). Сказка о Царевичѣ Хлорѣ получила особую извѣстность тѣмъ, что подала Державину поводъ къ сочиненію оды: «Фелица», гдѣ упоминаются и Брюзга Султанъ и Лѣньтягъ-Мурза, подъ которыми Екатерина разумѣла кн. Вяземскаго и Потемкина. Достоинство ея, равно какъ и сказки о Февеѣ, заключается въ тѣсной связи съ Инструкціей, которая относится къ нимъ, какъ правила относятся къ образцамъ. Что въ Инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, учтивости, смѣлости, пустомъ страхѣ и опасеніи, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ при разсказѣ о Хлорѣ. Точно также въ разсказъ о воспитаніи, свойствахъ и дѣлахъ Февея вошли почти всѣ существенныя черты педагогическихъ правилъ Инструкціи. Содержаніе сказки о Хлорѣ состоитъ въ томъ, что Хлоръ ищетъ розы безъ шиповъ, т. е. добродѣтели, приносящей намъ полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Въ этихъ поискахъ руководствуетъ его Фелица, давъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощью честности и правды, Царевичъ преодолѣлъ всѣ препятствія и на вершинѣ горы нашелъ желанную розу. Смыслъ аллегоріи тотъ, что истинное счастіе пріобрѣтается только добродѣтелью, невозможною безъ разума. Сказка нап. на нѣм. (въ Берлинѣ и Штетинѣ) и франц. (въ Берлинѣ и Лозанѣ) языкахъ. Франц. переводъ ея помѣщенъ также въ Correspondance de Grimm et de Diderot.

[32]) Печатались въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова (1783—84), издававшемся отъ Россійской Академіи, директоромъ которой въ то время была кн. Е. Р. Дашкова.

[33]) Вымышленное лице, которому авторъ предоставляетъ говорить о недостаткахъ общества прежнихъ и современныхъ, сравнивать прошлое съ настоящимъ, оцѣнивать пользу правительственныхъ учрежденій, разсуждать о дѣйствительныхъ потребностяхъ Россіи.

[34]) Въ воспитаніи Екатерина видѣла главнѣйшее средство къ искорененію преступленій (см. §§ 245 и 248 Наказа); воспитаніе же, по ея мнѣнію, должно было уничтожить пороки и другіе общественные недостатки.

[35]) Объ учрежденіи Совѣстнаго суда см. въ Учрежденіи о губерніяхъ; 7 ноября 1775 г. (П. С. З., № 14392, ст. 40). «Совѣстный судъ есть благотворный и святой судъ, учрежденный Императрицею для защиты угнетаемаго человѣчества. Ему предписаны осторожность, милосердіе, чтобъ ни чью судьбу не отягощать, доставить каждому принадлежащее, примирать, а не обвинять тяжущихся». (Соч. Державина, изд. Смирд. I, 46—47).

[36]) Въ этомъ письмѣ изображены характеры трехъ братьевъ и трехъ сестеръ, какъ типы смѣшныхъ сторонъ общества, представлявшаго, и при Екатеринѣ II, смѣсь старинныхъ нравовъ и обычаевъ съ новыми. Старшій братъ — модникъ и мотъ. Комедія Екатерины: «Имянины госпожи Ворчалкиной», выставляетъ подобный сюжетъ въ лицѣ Фирлюфюшкова. Описаніе платья и уборки волосъ модника напоминаетъ, по тону и содержанію, описаніе тѣхъ же предметовъ въ 1-ой сатирѣ Кантемира: Медоръ состоитъ въ близкомъ родствѣ со старшимъ братомъ. Средній братъ—своего рода недоросль, проводящій жизнь по старинѣ. Младшій, женоподобный и сентиментальный, относится къ

тѣщъ идиллическимъ юношамъ, которые представлены Княжнинымъ, въ комедіи: «Чудаки», подъ именемъ Пріята, и которыхъ въ послѣдствіи оказалось такъ много, когда въ жизни и въ литературѣ развился элементъ ложной чувствительности. Изъ трехъ сестеръ, младшая совершенно сходна съ младшимъ братомъ: модныя причуды ея (близорукость, темность, обмороки) осмѣяны Императрицею въ комедіи: «Глупое пристрастіе къ пословицамъ».Средняя сестра — львица тогдашняго времени, мужеподобная дѣва, въ противоположность женоподобному своему брату. Старшая — неряха и вмѣстѣ модница.

[37]) Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, при назначеніи его воспитателемъ в. к. Александра и Константина, дана 13 марта 1784 г. Она начинается положеніемъ, что воспитаніе должно соотвѣтствовать состоянію того лица, которому дается. Такъ какъ высокому рожденію великихъ князей предлежатъ два великіе пути: справедливость и любовь къ ближнему; то имъ необходимо имѣть точное понятіе о вещахъ, здравое тѣло и разсудокъ. Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе. Умонаклоненіе къ добру заключаетъ въ себѣ четыре предмета: добродѣтель, учтивость, доброе поведеніе и знаніе. Посему инструкція дѣлится на 6 отдѣловъ или наставленій: о здоровьѣ, объ умонаклоненіи къ добру, о добродѣтели, объ учтивости, о поведеніи, о знаніи. Седьмой отдѣлъ касается приставниковъ и обращенія ихъ съ воспитанниками. Каждое наставленіе излагаетъ правила по возрастамъ: младенчеству, отрочеству и юношеству. Инструкція весьма отчетливо разсмотрѣна г. Н. Лавровскимъ въ рѣчи его: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой (1856).

[38]) Понятія Екатерины о наградахъ и наказаніяхъ дѣтей заимствованы изъ сочиненія Локка: О воспитаніи. Она отмѣняетъ строгія мѣры, вида въ нихъ незаконныя понужденія къ успѣхамъ. Единственными средствами направлять дѣтей къ добру и уклонять отъ зла — признаетъ она, слѣдуя Локку, «честь» и «стыдъ», на томъ основаніи, что расположеніе или нерасположеніе ближнихъ, ихъ вниманіе или презрѣніе суть могущественнѣйшіе двигатели души.

[39]) Сличи это наставленіе съ 356 ст. Наказа (стр. 279).

[40]) Понятіе объ ученіи, какъ предметѣ подчиненномъ, наименѣе важномъ при воспитаніи, взято также у Локка. Въ письмахъ къ лорду Петерборо, Локкъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отзывается о школьной учености. Идеалъ его — человѣкъ благовоспитанный, а не ученый. «Хорошая голова», говоритъ онъ, «легко пріобрѣтетъ познанія: Невтонъ, безъ помощи другихъ, самъ собою сталъ величайшимъ математикомъ... Знанія считаю я самымъ маловажнымъ дѣломъ.»

[41]) Сличи съ этимъ мѣстомъ статью въ «Разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому Уставу Сухопут. Кадет. Корпуса (1766 г.), которою уничтожены тѣлесныя наказанія: ими (сказано) не внушишь добродѣтели, которая есть плодъ кротости, почтенія и любви къ родителямъ, наставникамъ и всѣмъ окружающимъ насъ людямъ.

[42]) «Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ, изъ жизни Рюрика. Спб. При И. Ак. Наукъ, 1786 г.» Другія два изданія, съ историческими примѣчаніями Болтина, 1792 и 1793 гг., который старался показать согласіе піесы съ исторіею (не оправдываемое современной наукой) и выписалъ замѣчательнѣйшія изреченія дѣйствующихъ лицъ. Эти изреченія, прибавляетъ Болтинъ, изъявляютъ собственное сердце и душу автора: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, читатель находитъ свойства его характера, черты его умствованій, наклонностей и желаній. Кромѣ того въ «Эрмитажномъ театрѣ, 1802 г.», переведенномъ съ франц. неизвѣстнымъ (другой переводъ Эрмит. театра, также 1802 г., принадлежитъ Пельскому). Франц. переводъ піесы въ Théâtre de l'Hermitage, Кастеры (1799). (Драмат. соч. Екатерины II, г. Лонгинова). Содержаніе піесы: Гостомыслъ, кн. новгородскій, передъ смертію завѣщеваетъ старѣйшинамъ призвать на владѣніе варяжскихъ князей, а внуку Вадиму отказываетъ собственный свой удѣлъ. Честолюбивый Вадимъ возмущаетъ противъ Рюрика новгородскую область; схваченный и представленный Рюрику, получаетъ отъ него прощеніе, такъ что главная идея піесы есть величіе и торжество милосердія. Эта идея даетъ ей значеніе, при малозначительности ея литературнаго достоинства. Между нѣкоторыми рѣчами дѣйствующихъ лицъ и правилами «Инструкціи» и «Гражданскаго ученія» существуетъ видимое согласіе. Сличи Рюриковы слова о любви къ правдѣ (д. IV, явл. 3) съ § 174 Продолженія Гражд. ученія; слова Эдвины (д. V, явл. 2) съ 81, 82 и 88 §§ Наказа и съ наставленіемъ Инструкціи касательно умонаклоненія къ добру (Соч. Екат. II, изд. Смирд. I, 209). Послѣднія сцены V акта явно внушены 8-ою главою Наказа (о наказаніяхъ). Сентенція посадника Добрынина: «кто не

умѣетъ повиноваться, тотъ не способенъ другими повелѣвать (д. I, явл. 4), напоминаетъ такую же сентенцію изъ грамоты дворянству (21 апрѣля 1785): «не бысть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, который въ свое время самъ повиноватися не пріобыкъ» (П. С. З., № 16187). Слова Оскольда: «способность подданныхъ довѣренностію поощряется» относятся къ созванію депутатовъ для сочиненія проекта новаго Уложенія, какъ такому дѣйствію, которымъ Екатерина выразила довѣренность къ своему народу. Такимъ образомъ «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика», по мыслямъ и правиламъ, одного строя съ другими сочиненіями Императрицы.

[43]) Приговоръ.

[44]) Письма къ Румянцову съ 1763 по 1783 г. (всего 70) нап. въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г., ч. 1, 2 и 3. Пять писемъ къ нему же, 1773—74 г., въ «Перепискѣ Императрицы Екатерины II съ гр. Румянцовымъ—Задунайскимъ» (1805). Здѣсь же и рескриптъ (1773 г.) къ кн. Щербатову, автору Россійской Исторіи: «Князь Михайло Михайловичь! Для будущихъ временъ сіи письма будутъ любопытны: велите ихъ вѣрною рукою списывать: оригиналы мнѣ возвратите, а копіи у себя сохраните. Вы увидите изъ оныхъ многое множество вещей, есть ли съ прилѣжаніемъ ихъ прочтете, и думаю, что не Моя сторона останется слабѣйшая». Еще нѣсколько писемъ къ Румянцову въ «Перепискѣ Екатерины II съ разными особами» (1807). При вступленіи Екатерины на престолъ, Румянцовъ, готовившійся начальствовать надъ арміею, назначенною (1762 г.) противъ Датчанъ, для возвращенія Шлезвига, былъ на время удаленъ и, почитая себя въ немилости, просилъ отставки.

[45]) При Петрѣ III.

[46]) Располагаетъ.

[47]) Преимущество.

[48]) Москвит. 1855 г., №№ 17 и 18. Какъ это, такъ и другое къ Олсуфьеву письмо, напеч. съ соблюденіемъ ороографіи подлинника. Олсуфьевъ былъ кабинетъ-секретарь Екатерины II и переводчикъ съ итал. языка оперъ: Евдокія вѣнчанная, Селевкъ, Митридатъ и Беллерофонтъ. Ему же, по мнѣнію кн. Вяземскаго, принадлежитъ «Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку», хотя это сочиненіе приписывалось Фонъ-Визину.

[49]) К. Г. Разумовскимъ, президентомъ Ак. Н.

[50]) Собственноручное, напечатанное въ Oeuvres posthumes de d'Alembert, 2 т., 1799 г., откуда и переведено. Приглашеніе Даламбера въ воспитатели в. к. Павлу Петровичу было сдѣлано, въ 1762 г., чрезъ И. И. Шувалова. Въ тоже время Фридрихъ Великій предлагалъ ему мѣсто президента въ Берлинской Академіи. Въ письмѣ къ Вольтеру, 2 октября 1762 г., Даламберъ говоритъ о предложеніи Шувалова и о своемъ отказѣ, приводя тому и причину: «L'air doux qu'on respire en France me fait supporter l'air du fanatisme dont on voudrait l'infecter, et je pardonne au moral en faveur du physique». См. еще Correspondance de Grimm et Diderot, 3-me partie, t. II, стр. 392, гдѣ сказано, что Даламберу назначалось 100 тысячъ ливровъ ежегоднаго жалованья.

[51]) Басня: «Два повара» въ 6 книгѣ басенъ (Соч. Сум., 2 изд. 1787, ч. VII, стр. 327—329).

[52]) Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія въ этомъ письмѣ, ибо мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ сбиваться съ толку, если уже давно не сбилась. Однимъ словомъ устройте такъ, чтобъ онъ удалялся отъ глупостей или удаляйте ихъ сами.

[53]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, съ 1763 по 1778 г., существуетъ у насъ въ четырехъ переводахъ: неизвѣстнаго, 2 ч. (1802), откуда и взято письмо въ Хрестоматію, Михайлы Антоновскаго, 2 ч. (1803), Ивана Фабіяна, 2 ч. (1803), и Александра Подлисецкаго, 2 ч. (1802). Подлинникъ былъ напечатанъ впервые Бомарше въ изданномъ имъ собраніи сочиненій Вольтера, но не вполнѣ, а съ нѣкоторыми исключеніями, какъ видно изъ книги Ломени: «Beaumarchais et son temps», 1856, ч. 2, стр. 224—225. Для сличенія письма Императрицы, помѣщеннаго въ Хрестоматіи, съ его оригиналомъ, мы пользовались изданіемъ сочиненій Вольтера, 1847 г., т. 10. Оно писано во время путешествія Екатерины по Волгѣ.

[54]) Относится къ «анекдоту о Велизаріи», гдѣ Вольтеръ восхваляетъ терпимость и человѣколюбіе Екатерины: «L'auguste impératrice de Russie vient d'établir la tolérance dans deux mille lieues de pays. Elle a écrit de sa propre main: *malheur aux persécuteurs*», и пр. (Facéties, т. VIII Сочиненій Вольтера, изд. 1847, стр. 650—652).

[55]) См., въ IX т. того же изданія, «Sur les panégyriques» (стр. 261—265): здѣсь Вольтеръ включилъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ къ нему Екатерины, что ей было непріятно.

[56]) Аббатъ Базенъ (Bazin) и племянникъ аббата Базена—псевдонимы Вольтера, который подъ первымъ именемъ издалъ «La Philosophie de l'histoire», служащую введеніемъ къ «Essai sur les moeurs et l'esprit

des nations», а подъ вторымъ—«La défense de mon oncle», когда появилась критика на «Философію исторіи», подъ заглавіемъ: Supplément à la Philosophie de l'histoire.

[57]) Такъ Вольтеръ подписывался иногда подъ своими сочиненіями.

[58]) Работы Коммиссіи по составленію новаго Уложенія (см. прим. 1).

[59]) Въ путешествіи своемъ Екатерина съ нѣкоторыми приближенными особами занималась переводомъ Мармонтелева Велисарія.

[60]) Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ былъ с.п.бургскимъ главнокомандующимъ во время путешествія Екатерины II въ Бѣлоруссію. Дворянство с.п.бургской губерніи вручило ему, чрезъ губернскаго предводителя кн. Александра Борисовича Куракина, прошеніе о поднесеніи Императрицѣ титуловъ «Великой и Матери Отечества». Въ этомъ прошеніи между прочимъ сказано: Екатерина «славна своими побѣдами, славна своими законами, но славнѣе еще своими неутомимыми и тщательными трудами о спокойствіи, о порядкѣ, о возможнѣйшемъ благѣ Отечества». Похвальное Слово Екатеринѣ, Карамзина, приняло тоже дѣленіе въ изображенія ея дѣлъ: «Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями».

[61]) Генералъ-прокурору.

[62]) «Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II съ Докторомъ Циммерманомъ, съ 1785 по 1792 годъ. С.п.б. 1803 г.» Переводчикъ—Иванъ Степановъ. Подлинникъ, на фр. яз., въ сочиненіи Маркарда: «Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard» (Бременъ, 1803). Онъ служитъ приложеніемъ къ книгѣ и содержитъ въ себѣ не всю переписку между Екатериной и Циммерманомъ, а только нѣкоторыя письма, показывающія отношенія между ними. Циммерманъ, родомъ Швейцарецъ (р. 1728, у. 1795), вызванъ былъ, 1768 г., въ Ганноверъ и получилъ мѣсто лейбъ-медика при англійскомъ королѣ; пользовалъ также Фридриха II въ послѣдніе его годы, для чего и жилъ въ Берлинѣ; подъ конецъ своей жизни впалъ въ ипохондрію, разстроившую его умственныя способности. Изъ сочиненій его переведены на рус. яз.: О уединеніи (два перевода, 1791 и 1793: послѣдній, Аннеякова, имѣлъ нѣсколько изданій); О народной гордости)три перевода: 1785, 1788 и 1793); Фридрихъ Великій при смерти (1802).

[63]) Письмо это—отвѣтъ на письмо Циммермана, заключавшее въ себѣ благодарность за полученный, въ 1785 г., отъ Императрицы подарокъ—драгоцѣнный перстень и медаль съ ея портретомъ, при чемъ она написала собственноручно: «Королевско-Великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику господину Циммерману изъ благодарности за многіе хорошіе рецепты, прописанные имъ человѣчеству въ книгѣ его: О уединеніи».

[64]) Въ 1784 г.

[65]) Лейбъ-медикъ Екатерины II, бывшій потомъ частнымъ врачемъ въ Гейльбронѣ и выдавшій 1802 свою автобіографію: «Denkwürdigkeiten aus der Lebens—geschichte des Kayserlich Russischen Stats—Raths Weikard». Цѣль ея—уменьшить значеніе Циммермана и выставить его отношенія къ Императрицѣ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Книга Маркарда есть собственно апологія Циммермана.

[66]) Кн. Григорій Григорьевичъ, отправившійся въ Ганноверъ, съ больной женой своей, для совѣтовъ съ Циммерманомъ. Знакомство ихъ, начавшееся съ 1780 г., обратилось въ дружбу; этимъ объясняются слова: «общій нашъ пріятель».

[67]) Отвѣтъ на письмо Циммермана, отъ 14 ноября 1788 г., не помѣщенное Маркардомъ по разнымъ причинамъ, преимущественно за его длинноту. Можно догадываться, по началу отвѣта и по словамъ: «Кончимъ разговоръ въ царствѣ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ», что Циммерманъ, ставя Екатерину въ число великихъ людей, воображалъ ее въ Елисейскихъ полахъ и заставлялъ бесѣдовать съ другими великими людьми, древними или современными, какъ это было въ обычаѣ многихъ авторовъ, писавшихъ разговоры въ царствѣ мертвыхъ съ цѣлію представить сравнительную характеристику историческихъ дѣятелей. Конецъ письма выпущенъ: онъ содержитъ въ себѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ съ Турками.

[68]) Александръ Семеновичъ, тайный совѣтникъ, находившійся въ Венеціи, куда къ нему долженъ былъ явиться Мельянъ де Сенакъ (Senac de Meilhan, maitre des requêtes, intendant d'Aunis, de Provence, de Hainaut, intendant de la guerre 1775 г.), эмигрировавшій въ Россію, получавшій отъ Екатерины II пенсію и умершій въ Вѣнѣ 1803 г. Сочиненія его: Разсужденіе о началахъ и причинахъ франц. революціи, романъ Эмигрантъ, Разсужденіе о богатствѣ, и пр. Онъ же издалъ Записки Анны Гонзагъ. Письмо замѣчательно по взгляду Екатерины на исторію русскую, который она провела въ своихъ «Запискахъ касательно Россійской Исторіи» (Собесѣдникъ Люб. Рос. слова 1783 г. и особое изданіе въ 6 ч., 1793—1803). Цѣль «Записокъ» —

разсказать древнія доблести русскаго народа и тѣмъ уровнить клеветы, взведенныя на него чужеземными историками, въ родѣ Левека и Леклерка. Другой интересъ письма—понятіе о реформѣ Петра, на которую Екатерина II, вмѣстѣ съ Дашковой (въ ея Запискахъ) и Болтинымъ (авторомъ Замѣчаній на русскую исторію Леклерка), смотрѣли нѣсколько иначе противъ обыкновеннаго о томъ понятія, т. е. не съ такимъ восторгомъ.

XLV.

КНЯГИНЯ Е. Р. ДАШКОВА. (1).

А. Путешествіе по Англіи. (2).

19 числа, поутру выѣхавъ въ пять часовъ и сдѣлавъ 22 мили въ полдесята часа, пріѣхали въ Салисбури; и покуда кормили лошадей, мы, взявъ наемную карету, ѣздили въ соборную церковь (3), которая построена болѣе 500 лѣтъ назадъ. Хотя зданіе сіе преогромное готической архитектуры, однако отмѣнно примѣчательнаго ничего не имѣетъ, кромѣ древности своей и живописи въ сводахъ, гдѣ альфреско греческимъ письмомъ написаны разные образа, въ которыхъ такъ краски живо сохранилися, какъ будто теперь писаны. Есть еще нѣкоторые любопытные монументы и надгробныя надписи: но всего чуднѣе мысль строителя онаго храма, въ коемъ столько придѣловъ, сколько въ году мѣсяцовъ; столько дверей, сколько недѣль; столько окошекъ, сколько дней; и столько столбовъ, сколько въ году часовъ (столбы сіи превеликую красоту дѣлаютъ, составляя въ три ряда галлереи во всю длину онаго зданія). Мы застали ихъ службу, которая съ великимъ благочиніемъ отправлялась при играніи органовъ и пѣтья двухъ крылосовъ; оттуда поѣхали на фабрику слѣсарную; потомъ ходили по лавкамъ, и хотя городъ сей не изъ большихъ, однако лавки онаго наполнены всякими товарами (генерально во всѣхъ и маленькихъ городахъ въ Англіи все сыскать можно). Въ двенатцать часовъ выѣхавъ и сдѣлавъ три мили, остановились въ мѣстечкѣ, называемомъ Вильтонъ (4). Тутъ загородной домъ милорда Пенброка, который какъ вкусомъ, такъ и уборомъ превосходитъ все то, что мы прежде видѣли. Въ немъ 18 комнатъ наполнены картинами лучшихъ мастеровъ, древнихъ и новѣйшихъ, какъ итальянскихъ, такъ и прочихъ школъ; одна галлерея превеликая вся работы славнаго Вандекъ, которая конечно теперь безцѣнная, статуи древнія и новыя мраморныя и другихъ разныхъ каменьевъ, не только во всѣхъ покояхъ съ верьхняго и до послѣдняго этажа, но и во всѣхъ сѣняхъ и кругомъ всѣхъ палатъ въ нишахъ наставлены, и на дворѣ и въ саду во всѣхъ домикахъ и галлереяхъ; столы же яшмовые, агатовые и всякихъ драгоцѣнныхъ мармовъ и гранатъ; однимъ словомъ тутъ такія сокровища, что почти счислить не можно. Въ саду течетъ рѣка, на которой стоятъ разныя суда, въ концѣ саду оная рѣка гораздо шире становится наподобіе полумѣсяца, и во всю ширину онаго сдѣланъ спускъ, вышиною на нѣсколько аршинъ, что составляетъ наипрекраснѣйшую каскаду. Проходя тутъ цѣлые четыре часа, пошли на ковровую фабрику, которая изъ первыхъ въ ономъ родѣ считается. Оттуда, сѣвши въ карету, поѣхали далѣ, и свернувъ двѣ мили въ сторону, заѣхали смотрѣть остатки древняго храма Друидовъ (извѣстно,

что въ Англіи, до проповѣданія Евангелія, то есть до 177 году, было идолопоклонничество. Жрецы ихъ, называемые Друиды, сказываютъ, иногда и людей въ жертву идоламъ своимъ приносили), называемаго Стонгинхесъ ([5]). Зданіе сіе конечно было пречудной архитектуры, наподобіе превеликой залы, которая составлена изъ дикихъ камней такой ужасной величины, что всѣ удивляются, какимъ способомъ они тутъ могли быть привезены и поставлены. Вся вышина теперь видимыхъ остатковъ изъ одного камня состоитъ, изъ чего разсудить можно, сколько онъ длиненъ. Обойдя его вокругъ, поѣхали далѣе; и какъ уже темно становилось, то хотя столбы и на каждой мили по всѣмъ дорогамъ поставлены во всей Англіи, но, не могши читать, кучеръ нашъ сбился на другую дорогу, такъ что мы, не доѣхавъ до опредѣленнаго ночлега, ночевать принуждены были въ маленькой деревенькѣ, называемой Чилъ-Трекъ, въ 14 миляхъ только отъ Салисбури. Мы долго проплутали и въ десятомъ часу на силу, скакавъ очень рѣзво, доѣхали.

---

26 числа, вставши поутру, пошли на фабрики слѣсарныя, гдѣ съ превеликимъ искусствомъ всякія вещи отдѣлываются. Оттуда поѣхали въ домъ загородной герцога Мальборука, которой пожалованъ въ 1708 году славному герцогу Іону Мальборуку королевою Анною и парламентомъ, за знатныя его отечеству услуги, а особливо за баталію Блейгеймскую, по которой и домъ сей названъ Блейгеймъ ([6]). Онъ построенъ на народныя деньги съ такимъ великолѣпіемъ, что конечно достойной сего могущаго народа подарокъ. Палаты преогромныя изъ тесанаго бѣлаго камня; архитектура онаго Коринтическаго ([7]) ордена; внутренніе уборы чрезвычайно хорошаго вкуса и великолѣпны; панели, коробки у окошекъ и дверей всѣ марморныя, такъ какъ и камины во всѣхъ комнатахъ (коихъ болѣе 50) прекрасной работы; обои готлисовыя, тканыя нарочно въ Брюксели, на коихъ побѣды того герцога представлены; библіотека поставлена въ галлереѣ на 183 фута длиною, въ которой не только, какъ и во всѣхъ прочихъ комнатахъ, вмѣсто столярной работы, бѣлымъ марморомъ отдѣлано, но и всѣ колонны, поддерживающія своды, изъ лучшаго мармора. Тутъ поставлена статуя королевы Анны, которую въ благодарность наслѣдникъ перваго герцога въ 1735 году сдѣлалъ лучшимъ тогдашнимъ мастеромъ; на піедесталѣ подписано, что сей монументъ воздвигнутъ благодарными наслѣдниками герцога Іоны великой королевѣ Аннѣ; тутъ считаютъ до 30000 книгъ. Домъ сей наполненъ наипрекраснѣйшими картинами лучшихъ италіанскихъ и прочихъ славнѣйшихъ мастеровъ. Однимъ словомъ весь домъ подобенъ дворцу великолѣпнаго государя. Садъ и паркъ (на нѣсколько миль окружности) наполненъ всякими дикими звѣрьми, которые однако такъ привычны, что стадами передъ нашею каретою бѣгали, когда мы въ немъ ѣздили; тутъ введена рѣка, на которой сдѣланы два каменные прекрасные мосты; она протекаетъ черезъ весь паркъ, составляя въ нѣсколькихъ мѣстахъ вѣчные каскады. Въ срединѣ жъ парка поставленъ монументъ, во 130 футовъ вышиною, на которомъ поставлена мѣдная герцогова статуя, піедесталъ изъ прекраснаго бѣлаго мармора, на коемъ черными словами вырѣзана вся жизнь славнаго сего человѣка и описаны всѣ его побѣды и услуги къ отечеству, за что оное воздвигло ему сей монументъ благодарности, прибавя къ тому ежегодной доходъ, которой наслѣдники его вѣчно получать будутъ на содержаніе онаго мѣста отъ парламента; и чтобъ еще больше отличить сію фамилію, то сдѣлано установленіе, чтобъ всякой годъ въ іюнѣ мѣ-

сидѣ герцогъ Малборукъ привозилъ новое знамя, на подобіе французскаго, съ гербомъ французскимъ, во дворецъ Виндзорской, въ память его побѣды; что и по сихъ поръ ежегодно дѣлается. Пробывъ тамъ до одинатцати часовъ, возвратясь въ обержу и отзавтракавъ, отправились въ Оксфордъ, которой оттуда разстояніемъ въ 8 миляхъ, куда мы чрезъ два часа пріѣхали. Русской нашъ студентъ Никитинъ, который съ шестью студентами нашими обучается въ Оксфордскомъ Университетѣ, тотчасъ пришелъ къ намъ, а потомъ начальникъ, или, такъ какъ они называютъ, дойенъ ([8]) коллегіи Крейстъ Чурчъ, господинъ Вилліамъ Маркгамъ, съ которымъ вмѣстѣ поѣхали въ ту коллегію, въ которой онъ намъ показывалъ всѣ достойныя примѣчанія вещи. Зданіе сіе преогромное, нѣкоторая часть построена съ 900 лѣтъ назадъ готическою архитектурою; но прочее строеніе все новое и архитектуры италіанской. Семь дворовъ сію громаду составляютъ, въ которыхъ живутъ студенты и учители со всѣмъ покоемъ, такъ какъ и восемь канониковъ, которые соборъ сей составляютъ. Они каждой, такъ какъ и дойенъ, имѣютъ особливые огромные домы; въ тѣхъ же связяхъ тутъ четыре комнаты картинныя лучшихъ мастеровъ древнихъ и новѣйшихъ, какъ то: Рафаила, Павла Веронезія, Бурживьіона, Салвато Розы, Титіяна, Михель Анжела, Анибалъ Карача, Вандека, Рюбенса и многихъ древнихъ мастеровъ. Осмотря оныя, прошли въ библіотеку, которая въ превеликомъ порядкѣ и по классамъ разставлена; потомъ въ кабинетъ медалей, гдѣ великое собраніе, какъ греческихъ и римскихъ, такъ и ихъ древнихъ ирландскихъ, шотландскихъ и аглинскихъ медалей и монетъ; потомъ прошли въ ихъ церковь, которая во времена древнихъ Саксоновъ построена; тутъ, сверьхъ архитектуры, примѣчанія достойны два окошка, на которыхъ прекрасная живопись; пробывъ тамъ цѣлые пять часовъ, возвратились домой, куда къ намъ пріѣхалъ господинъ Маркгамъ съ женою и съ ними господинъ Нортъ, братъ перваго министра въ Англіи, кои у насъ до десяти часовъ просидѣли.

---

28 числа поутру пришли къ намъ наши руские студенты; потомъ пріѣхалъ вице-канцлеръ университетской съ жезломъ своимъ и въ мантіи и во всемъ церемоніальномъ видѣ, которой именемъ своимъ и всего Университета поднесъ мнѣ книгу съ эстампами всѣхъ у нихъ хранящихся статуй и барельевовъ древнихъ, которую честь, сказываютъ, рѣдкимъ проѣзжающимъ дѣлаютъ; отпустя его въ девять часовъ, отправились въ путь свой, и переѣхавъ 42 мили, ночевали въ Виндзорѣ.

В. ЗАПИСКИ. ([9]).

Вступленіе кн. Дашковой въ должность Директора Академіи Наукъ.

(Современникъ, 1845 г.).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ([10]) былъ при Дворѣ балъ. Ея Величество, обошедши обычный кругъ и удостоивъ своимъ разговоромъ нѣсколькихъ фрейлинъ и иностранныхъ министровъ, обратилась опять ко мнѣ: «Я должна сказать вамъ кое-что особенное, княгиня, но теперь, какъ вижу, неудобно». Потомъ Она удалилась отъ меня и, еще поговоривъ съ нѣкоторыми министрами на другомъ концѣ залы, вдругъ остановилась посреди небольшаго круга, образовавшагося между обѣими половинами собраннаго общества, и, кивнувъ головою, подозвала меня къ себѣ. Я приблизилась, и если бъ въ самомъ дѣлѣ упала съ облаковъ, то не могла бы почувствовать большаго изумленія, какъ когда Ея Величество предложила назначить меня

Директоромъ Академіи Художествъ и Наукъ.

Мое молчаніе (я сначала не могла произнести ни слова въ отвѣтъ) заставило Ея Величество повторить предложеніе, которое она подкрѣпила множествомъ милостивыхъ и лестныхъ словъ.

«Нѣтъ, Государыня», отвѣчала я, собравшись наконецъ съ силами, «не могу принять должности, для исполненія которой у меня вовсе нѣтъ нужныхъ качествъ, и если бъ я не думала, что Вашему Величеству угодно шутить, я бы сказала, что хоть бы сама и не побоялась сдѣлаться смѣшною, однако жъ никогда бы не согласилась повредить славѣ Вашего Величества принятіемъ должности, къ которой я во всѣхъ отношеніяхъ не способна».

Чтобы побѣдить мои опасенія, Императрица подала видъ, будто принимаетъ отказъ мой какъ знакъ уменьшенія той преданности къ Ней, какую я изъявляла. Конечно всякій, кто имѣлъ счастіе быть близкимъ къ Ея особѣ, испыталъ болѣе или менѣе вліяніе того могучаго красноречія, того искуства, которыя всегда были во власти Ея, когда дѣло шло о убѣжденіи кого-нибудь.

. Со мною Государынѣ не нужно было употреблять ни того, ни другаго, потому-что я, по чувству приверженности, столь же неизмѣнной, какъ и безкорыстной, во всякое время была готова повиноваться Ея приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ власть Ея оставалась безъ дѣйствія. «Назначьте меня», возразила я, «директрисою прачекъ Вашего Величества, и Вы увидите, съ какимъ усердіемъ я буду умѣть служить Вамъ».

«Не я», замѣтила Государыня, «а вы шутите, выпрашивая себѣ такое смѣшное званіе».

«Ваше Величество», сказала я, «изволите полагать, что хорошо знаете мой характеръ, и однакожъ отъ вниманія Вашего скрылось, какъ много гордости въ моемъ вызовѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ облагороживаетъ свое званіе, и еслибъ я по Вашей волѣ сдѣлалась начальницею прачекъ, на меня бы смотрѣли какъ на лице, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ и самыхъ завидныхъ мѣстъ при Дворѣ. Правда, я не посвящена въ искуство мыть бѣлье, но ошибки, какія проистекаютъ отъ незнанія въ этомъ дѣлѣ, не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій, тогда-какъ, напротивъ, всякій промахъ, сдѣланный Директоромъ Академіи Наукъ, былъ бы не только унизителенъ для него самого, но бросалъ бы невыгодный свѣтъ и на виновницу его назначенія».

Ея Величество, не смотря на мои возраженія, настаивала, приводя мнѣ на память тѣхъ людей, которые прежде занимали эту должность, и заставляя сознаться, что они по способностямъ и качествамъ своимъ были ниже меня.

«Тѣмъ хуже для тѣхъ», отвѣчала я, «кто такъ мало себя уважаетъ, что принимается за дѣло, котораго не можетъ исполнить съ честію».

«Хорошо», сказала Государыня, «пусть будетъ по вашему, хотя отказъ вашъ только утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что я никого не могу избрать достойнѣе васъ».

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія бала, чтобы тотчасъ, по возвращеніи домой, написать Государынѣ и еще рѣшительнѣе изложить причины моего отказа. Пріѣхавъ къ себѣ, я тотчасъ сѣла писать письмо, въ которомъ между прочимъ сказала, что природа, создавъ меня женщиною, тѣмъ самымъ отказала мнѣ въ возможности управлять Академіею Наукъ, и что я, чувствуя ничтожество своихъ литературныхъ занятій, никогда не искала чести быть принятою въ какое бы ни было ученое общество, даже когда въ Римѣ имѣла

случай купить это отличіе за нѣсколько червонцевъ.

Была почти полночь, когда я кончила письмо. Нельзя было послать его тогда же къ Государынѣ. Но, не будучи въ состояніи цѣлую ночь терпѣливо ожидать рѣшенія этого дѣла, я поѣхала къ князю Потемкину, у котораго еще ни разу не была во всю мою жизнь, и велѣла доложить ему, что непремѣнно должна его видѣть, хотя бы онъ уже былъ въ постели.

Въ самомъ дѣлѣ онъ легъ уже. Я пересказала ему разговоръ мой съ Императрицею въ тотъ вечеръ.

«Я уже слышалъ о томъ отъ Ея Величества», сказалъ онъ, «и знаю Ея мнѣніе по этому предмету. Она твердо вознамѣрилась ввѣрить Академію Наукъ вашему попеченію».

«Мнѣ никакъ не возможно», прервала я, «принять такую должность вопреки всѣмъ обязанностямъ къ самой себѣ. Вотъ письмо, которое я написала къ Ея Величеству, съ рѣшительнымъ моимъ отказомъ. Прочтите его, князь: тогда я его запечатаю и оставлю въ вашихъ рукахъ съ тѣмъ, чтобы вы потрудились передать его Государынѣ поутру, какъ скоро Она встанетъ».

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ письмо, изорвалъ его на мелкіе лоскутки. Въ крайнемъ удивленіи и гнѣвѣ я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать бумагу, назначенную мною для Ея Величества.

«Успокойтесь, княгиня», сказалъ онъ, «и выслушайте меня. Вы искренно преданы Государынѣ; никто въ томъ не сомнѣвается. За чѣмъ хотите вы огорчать Ее по дѣлу, которое въ послѣдніе два дня исключительно занимало Ея мысли и совершенно овладѣло Ея сердцемъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ неумолимы, вотъ вамъ перо, чернила и бумага — напишите письмо ваше сызнова; но повѣрьте, княгиня, что я, убѣждая васъ, только играю роль человѣка, желающаго вамъ добра. Я долженъ, сверхъ того, прибавить, что Государыня, уговаривая васъ принять предлагаемое мѣсто, имѣетъ въ виду еще и другую цѣль. Она желаетъ упрочить ваше пребываніе въ Петербургѣ, чтобы чаще видѣться съ вами».

Гнѣвъ мой, который рѣдко бываетъ продолжителенъ, уже прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое камердинеръ мой долженъ былъ отнести во Дворецъ для доставленія Императрицѣ при самомъ Ея пробужденіи поутру. Я убѣдительно просила князя вмѣстѣ со мною стараться всѣми мѣрами отклонить Ея Величество отъ такого страннаго назначенія.

Только-что я возвратилась домой, я начала новое письмо къ Государынѣ. Событія вечера до того взволновали и разстроили меня, что я, продолжая писать, до самаго утра даже и не подумала скинуть платье, въ которомъ была при Дворѣ. Въ семь часовъ отослала я свое письмо, и въ отвѣтъ получила отъ Государыни записку, въ которой, послѣ замѣчанія, что я встаю ранѣе Ея Величества, помѣщено было множество лестныхъ и обязательныхъ выраженій, но не сказано ни слова о моемъ отказѣ, который какъ будто остался незамѣченъ.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, я получила письмо отъ графа Безбородки, и при немъ копію указа, уже препровожденнаго въ сенатъ, объ опредѣленіи меня Директоромъ Академіи Наукъ и упраздненіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, Коммиссіи, которая въ послѣднее время завѣдывала дѣлами ея въ слѣдствіе жалобы всѣхъ профессоровъ и другихъ состоявшихъ при ней лицъ на поступки бывшаго директора, г. Домашнева.

Смущенная и отъ безпокойства едва помня себя, я приказала никого не при-

нимать и стала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, размышляя обо всѣхъ трудностяхъ и заботахъ, которымъ подвергнетъ меня новая должность. Въ числѣ самыхъ неиріятныхъ послѣдствій ея представляла я себѣ и то, что она подастъ поводъ ко множеству недоразумѣній между Государынею и мною.

Въ письмѣ графа Безбородки между прочимъ было сказано: «Ея Величество приказала мнѣ увѣдомить васъ, что вы можете, когда вамъ угодно, поутру или вечеромъ объясняться съ Нею по всему, что относится къ подвѣдомственной вамъ части, и что Она всегда будетъ готова устранить всякое затрудненіе, или препятствіе, какое вамъ встрѣтится при исполненіи обязанностей вашихъ».

Положеніе мое точно было въ высшей степени затруднительно. Я вовсе не знала, какими основаніями мнѣ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ моему облегченію не было оставлено даже и Коммиссіи, о которой я сейчасъ говорила и которая, въ первое время, могла бы служить мнѣ существеннымъ пособіемъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было — послать въ Академію списокъ указа съ требованіемъ, чтобы Коммиссія еще два дня оставалась въ дѣйствіи и чтобы мнѣ немедленно донесли объ устройствѣ всѣхъ частей заведенія и о ходѣ дѣлъ типографіи, доставивъ также имена библіотекарей и завѣдывающихъ различными кабинетами; наконецъ, чтобы въ слѣдующій день начальники по всѣмъ вѣтвямъ управленія доложили мнѣ о своихъ обязанностяхъ и о предметахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи каждаго. Въ то же время просила я членовъ Коммиссіи сообщить мнѣ всѣ подробности, какія они могли собрать, касательно должности и обязанностей Директора, чтобы я могла составить себѣ общее понятіе о томъ, что мнѣ слѣдовало дѣлать прежде, нежели приступлю къ самому ничтожному дѣйствію; а въ заключеніе я просила этихъ господъ быть самимъ убѣжденными и увѣрить остальныхъ членовъ Академіи, что я первою и священнѣйшею обязанностію сама уже предписала себѣ ко всякому члену этого ученаго сословія хранить въ полной мѣрѣ то уваженіе и ту довѣренность, какихъ заслуживаютъ разнородныя ихъ достоинства.

Я надѣялась, что такимъ образомъ успѣю въ самомъ началѣ удалить всякій поводъ къ зависти и неудовольствію въ этомъ отношеніи.

На другое утро я была допущена къ Императрицѣ при волосочесаніи. Въ то же время всѣ секретари Ея Величества и управляющіе отдѣльными частями принимали Высочайшія повелѣнія. Между ними я съ удивленіемъ увидѣла и г. Домашнева, который подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ своихъ для наставленія меня на счетъ моей новой должности. Какъ ни была я поражена его храбростью, однако жъ вѣжливо отвѣчала ему, что, при охраненіи выгодъ и чести Академіи, я намѣрена неизмѣнно держаться одного правила, именно — дѣйствовать безпристрастно, и при раздачѣ наградъ ея и почестей не принимать въ уваженіе ничего инаго, кромѣ заслугъ; въ разсужденіи же всего прочаго, прибавила я, я нахожусь въ такомъ совершенномъ невѣдѣніи, что сбираюсь прибѣгнуть къ собственному руководству Ея Величества и къ помощи, которую Она милостиво мнѣ обѣщала.

Онъ сбирался—было начать какое-то возраженіе, какъ вдругъ Государыня отворила дверь. Замѣтивъ насъ, Она въ ту же минуту заперла ее, позвонила и черезъ дежурнаго камеръ-лакея приказала мнѣ явиться въ комнату Ея Величества.

«Очень рада, что вижу васъ, княгиня», сказала Императрица при входѣ

моемъ. «Но скажите, какую надобность могъ до васъ имѣть этотъ..... Денишневъ?»

«Онъ хотѣлъ», отвѣчала я, «дать мнѣ нѣкоторыя наставленія на счетъ моихъ новыхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ я въ добросовѣстности, можетъ быть, буду надежнѣе его, но въ учености, боюсь, должна ему уступить, и потому сравненіе съ нимъ будетъ для меня невыгодно. Я не знаю», продолжала я, «должно ли мнѣ благодарить Ваше Величество за этотъ знакъ добраго мнѣнія обо мнѣ, или, напротивъ, сѣтовать на странное и неслыханное опредѣленіе женщины Директоромъ Академіи Наукъ».

Государыня увѣрила меня, что Она не только вполнѣ довольна сдѣланнымъ выборомъ, но даже гордится имъ.

«Это въ высшей степени лестно», сказала я; «но трудъ вести слѣпца скоро сдѣлается обременительнымъ для Вашего Величества».

«Довольно», возразила Екатерина, «прошу васъ, перестаньте смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной стороны и болѣе не говорите со мною такимъ образомъ».

Выйдя изъ комнаты, я встрѣтила оберъ-гофмаршала. Онъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ Государыня велѣла ему пригласить меня сегодня къ обѣденному столу Ея Величества, за которымъ я и впредь всегда буду принимаема съ удовольствіемъ; что однакоже мнѣ предоставляется полная свобода соображаться въ этомъ отношеніи болѣе съ собственнымъ моимъ удобствомъ и моею охотою, нежели съ желаніями Ея Величества.

Я услышала множество привѣтствій и поздравленій по случаю явнаго доказательства милости и довѣренности Царской. Но нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, видя, что я вовсе не обрадована неждаными отличіемъ, были такъ догадливы, что избавили меня отъ выраженій, которыя могли только увеличить мое замѣшательство. Однакожъ вообще это назначеніе возбудило въ высшей публикѣ зависть. Всѣмъ казалось, что для столь почетнаго мѣста совсѣмъ не годится особа съ такими непридворными пріемами и нравомъ, какъ я.

На третій день послѣ моего назначенія (въ воскресенье), принимала я у себя профессоровъ и другихъ чиновниковъ Академіи. Я сказала имъ, что намѣреваюсь завтра посѣтить Академію, и просила ихъ помнить, что всегда, когда они пожелаютъ объясниться со мною по какому-нибудь дѣлу, домъ мой открытъ для нихъ.

[1]) Екатерина Романовна (р. 1744, у. 1810), дочь гр. Романа Илларіоновича Воронцова, статсъ-дама, директоръ Академіи Наукъ и предсѣдатель Россійской Академіи и членъ иностранныхъ академій, пользовалась многіе годы особеннымъ расположеніемъ и даже дружбою Екатерины II. Она совершила два путешествія по Европѣ: одно (1769—72) для поправленія своего здоровья, другое (1775—82) для воспитанія своего сына въ эдинбургскомъ университетѣ.

[2]) «Путешествіе одной Россійской знатной Госпожи, по нѣкоторымъ Аглинскимъ провинціямъ» (Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 6 ч., 1774—83). «Путешествіе» нап. во 2 ч. Кромѣ того кн. Дашкова помѣстила въ «Трудахъ» нѣсколько своихъ небольшихъ статей оригинальныхъ и переводныхъ: «Письмо къ другу», съ приложеніемъ двухъ переводовъ: «Общество должно дѣлать благополучіе своихъ членовъ» и «О сообщественномъ условіи»; «Опытъ о торгѣ, изъ Гюма» (ч. 1); «О шуткѣ» изъ Англійскаго Смотрителя, т. е. Зрителя (ч. 2).

[3]) Салисбури—небольшой городъ, замѣчательный по своему собору, изящнѣйшему готическому памятнику въ Англіи.

[4]) Недалеко отъ Салисбури. Въ окрестностяхъ его находится владѣніе гр. Пемброкъ.

[5]) Stonehenge.

[6]) Бленгеймъ (въ Баваріи), при которомъ Англичане и Имперцы одержали надъ Баварцами и французами, 1704 г., побѣду

(Гохштетскую). Замокъ Мальборуга въ окрестностяхъ Вудстока.

[7]) Коринескаго.

[8]) Деканъ.

[9]) Записки кн. Дашковой, ею самою составленныя въ послѣднюю эпоху ея жизни, изданы въ Лондонѣ на англ. языкѣ, 1840 г. Издательница ихъ—г-жа Бредфордъ, которая въ 1803 г., бывъ еще дѣвицею (Miss Wilmot), пріѣхала въ Россію изъ родины своей, Ирландіи, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ домѣ кн. Дашковой (см. Современникъ, 1845, № 1). Отрывки изъ нихъ помѣщены въ 1 и 2 №№ Москвитянина 1842 г. и въ 37-мъ томѣ Современника, 1845 г., въ переводѣ Я. Грота. Нѣмецкій переводъ Записокъ вышелъ въ Гамбургѣ, 1857 г., въ 2 ч.

[10]) Въ декабрѣ 1782 г.

XLVI.

БЕЦКІЙ. ([1]).

ДОКЛАДЪ О ВОСПИТАНІИ ЮНОШЕСТВА ОБОЕГО ПОЛА (1764). ([2]).

Съ давняго уже времени имѣетъ Россія Академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ ([3]) отъ того плодовъ собрано.

Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ не доставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было.

Изъ посланныхъ еще при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться.

Другіе, изъ подлости ([4]) къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ сего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ *третьимъ чиномъ* или *среднимъ* называется, Россія до сего времени и произвести не могла ([5]).

Искуство ([6]) доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естьли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными другими примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и *третьяго чина людей* въ государствѣ ожидать—всуе себя и ласкать.

Посему ясно, что корень всему злу и добру *воспитаніе* ([7]): достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя.

Держась сего неоспоримаго правила, *единое* токмо *средство* остается, то есть: произвести сперьва способомъ *воспитанія*, такъ сказать, *новую породу*, или *новыхъ отцовъ и матерей*, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія прави-

ла въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ; и такъ, слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести *воспитательныя училища* для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишне было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще не разсудительнѣе вѣрить, яко бы не прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ *худой нравъ*, чѣмъ онъ уже заразился, и, поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердцѣ его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

И такъ *о воспитаніи* юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестаго до 18 и 20 лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные ихъ дни, но неинако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое *съ людьми безъ разбору* обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей.

При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ и приучить ихъ къ основательнымъ и прилачествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ страшились *праздности*, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ предерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ (8).

Такія и тому подобныя правила, когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно, тѣмъ лучшій плодъ произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостію и непорочностію ихъ возраста. Просвѣщая притомъ ихъ разумъ науками и художествами, по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что, прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту, и выборъ оныхъ оставить ему самому. Душевныя его склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями (9) преимуществовать; ибо давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилѣжать по неволѣ, а не по своему желанію.

Притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ, какъ то въ построенныхъ жилищахъ приво-

домъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, такъ же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе ([10]), а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостію и прискорбіемъ назваться можетъ; и сего правила изъ памяти не выпускать.

Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ перьвому отъ оныхъ *новой породы* происхожденію. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами *директоровъ* и *правителей*. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и праводушія, а поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ, и однимъ словомъ таковымъ, чтобъ воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало, и во всемъ доброй отъ нихъ примѣръ получало.

[1]) Иванъ Ивановичъ (р. 1704, у. 1795), президентъ Академіи Художествъ и директоръ Сухоп. Кадет. Корпуса. Главная заслуга его состояла въ учрежденіи воспитательныхъ заведеній, согласно понятіямъ Екатерины II о воспитаніи, и въ Уставахъ и Докладахъ, раскрывающихъ эти понятія.

[2]) «Докладъ о воспитаніи юношества обоего пола», называемый также «Генеральнымъ учрежденіемъ о воспитаніи обоего пола юношества», изданъ особо 1764 г. Онъ помѣщенъ также въ «Учрежденіяхъ и уставахъ, касающихся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола» (2 ч., 1774) и въ Пол. Собр. Зак. № 12103.

[3]) Существенныхъ.

[4]) Людей простаго званія.

[5]) О заведеніи третьяго чина, или средняго сословія (tiers état) говорится и въ Наказѣ и въ разныхъ докладахъ Бецкаго. Въ 3-ей части Генеральнаго плана Москов. Воспит. Дома, въ ст.: «о надобности воспитанія сходнаго съ намѣреніемъ, съ которымъ заведенъ Воспитательный Домъ», читаемъ: «Въ чужихъ государствахъ *третій чинъ* народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь (*въ Россіи*) сей чинъ еще не находится, то мнится, въономъ и нужда настоитъ».—Разсуждая о званіи, къ которому должно готовить питомцевъ Восп. Дома, Бецкій говоритъ: «Извѣстно, что въ государствѣ два чина только установлены: дворяне и крѣпостные; но какъ по привилегіямъ, жалованнымъ сему учрежденію, воспитанники и потомки ихъ вольными пребудутъ, то они слѣдовательно составятъ третій чинъ въ государствѣ».

[6]) Опытъ.

[7]) Предисловіе къ «Учрежденіямъ и уставамъ» (прим. 2) начинается такъ: «Всякому, состояніе и разныя перемѣны государствъ свѣдущему, извѣстно, что *благонравіе* есть твердѣйшею оныхъ подпорою; ибо имъ направляются сердца къ добродѣтели, и умы разными знаніями просвѣщаются. Первоначальнымъ источникомъ своимъ имѣетъ оно *благое воспитаніе*».

[8]) Это наставленіе помѣщено въ Наказѣ. (Сличи: Хрест., I, стр. 279, § 356).

[9]) Побужденіями, причинами.

[10]) Бодрость духа, которую Екатерина и Бецкій почитаютъ важнѣйшею принадлежностію хорошо воспитаннаго человѣка, самымъ полезнымъ дѣйствіемъ благаго воспитанія.

XLVII.

ПОПОВСКІЙ. ([1]).

А. Опытъ о человѣкѣ (1754). ([2]).

Познайте истину сію, о человѣки!
И будьте ею всѣ довольны вы во вѣки:
Что щастіе ни въ чемъ не состоитъ другомъ,
Какъ въ добродѣтели и житіи честномъ.

Она насъ къ твердому ведетъ едина щастью,
И въ ней лишъ вкусъ добра, несмѣшанный съ напастью.
Одна достойныя даетъ заслугамъ мзды,
И постоянныя награды за труды.
Не меньше милостью живущихъ услаждаетъ,
Какъ благодѣтелей самихъ увеселяетъ.
Веселіямъ ея другихъ подобныхъ нѣтъ,
Когда все по ея желанію идетъ.
Но хоть желанія ея бъ не успѣвали,
Не производятъ въ ней великія печали.
Хотя она всегда довольствуется всѣмъ,
Но ни гнушается ни брѣзгуетъ ничѣмъ.
Въ чемъ болѣе она скудна, тѣмъ больше сыта,
И скудость ей сама отъ скудости защита.
Весьма пріятнѣе потоки горькихъ слезъ,
Изъ добродѣтельныхъ текущія очесъ,
Какъ глупый смѣхъ людей нечувственно безбожныхъ,
Что происходятъ въ нихъ отъ услажденій ложныхъ.
Разсыпано ея добро по всѣмъ вещамъ,
Находитъ щастіе свое по всѣмъ мѣстамъ.
Не устаетъ, хотя всегда она трудится,
И злоключеніемъ другаго не гордится,
Ни щастіемъ другихъ не падаетъ она,
Всегда сама себѣ подобна и равна.
Нѣтъ нужды ей ни въ чемъ, ни въ чемъ нѣтъ недостатку,
Всегда довольна всѣмъ безъ всякаго упадку.
Сверьхъ добродѣтели еще другихъ хотѣть,
Есть то же самое, что ужъ давно имѣть.
То можетъ щастіемъ едино лишь назваться,
Что можетъ всякому отъ Вышней власти даться.
Намъ должно для того объ ономъ разсуждать,
Чтобъ на конецъ его дѣйствительно узнать,
И сладостью его для той причины льститься,
Чтобы дѣйствительно имъ послѣ насладиться.
Злой, нищъ среди богатствъ, и слѣпъ, хоть философъ,
Не можетъ до его достигнуть въ вѣкъ плодовъ:
Но доброй безъ труда до щастья достигаетъ.

8. РѢЧЬ О ПОЛЬЗѢ И ВАЖНОСТИ ФИЛОСОФІИ (1758). (*).

Представьте въ мысленныхъ вашихъ очахъ такой храмъ, въ которомъ вмѣщена вся вселенная, гдѣ самыя сокровеннѣйшія отъ простаго понятія вещи въ ясномъ видѣ показываются; гдѣ самыя отдаленнѣйшія отъ очесъ нашихъ дѣйствія натуры во всей подробности усматриваются; гдѣ все, что ни есть въ землѣ, на землѣ и подъ землею, такъ какъ будто на высокомъ театрѣ изображается; гдѣ солнце, луна, земля, звѣзды и планеты въ самомъ точномъ порядкѣ, каждая въ своемъ кругѣ, въ своихъ другъ отъ друга разстояніяхъ съ своими опредѣленными скоростями обращаются; гдѣ и самое непостижимое Божество, будто сквозь тонкую завѣсу, хотя не съ довольною ясностію всего непостижимаго Своего существа, однако нѣкоторымъ возбуждающимъ къ благоговѣнію понятіемъ себя намъ открываетъ; гдѣ совершеннѣйшее наше благополучіе, котораго отъ начала свѣта ищемъ, но сыскать не можемъ и по сіе время, благополучіе — всѣхъ нашихъ дѣйствій внѣшнихъ и внутреннихъ единственная причина—въ самомъ подлинномъ видѣ лице свое показываетъ; однимъ словомъ, гдѣ все то, чего только жадность любопытнаго человѣческаго разума насыщаться желаетъ, все то не только предъ очи представляется, но почти въ руки для нашей пользы и употребленія предается. Сего

толь чуднаго и толь великолѣпнаго храма, который я вамъ въ неточномъ, но только въ простомъ и грубомъ начертаніи описалъ, изображеніе самое точнѣйшее есть Философія. Нѣтъ ничего въ натурѣ толь великаго и пространнаго, до чего бы она своими проницательными разсужденіями не касалась. Все, что ни есть подъ солнцемъ, ея суду и разсмотрѣнію подвержено; всѣ внѣшніе и нижніе, явные и сокровенные созданій роды лежатъ передъ ея глазами. Отъ нея зависитъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ. Кратко сказать, кто посредственное стараніе приложитъ къ познанію Философіи, тотъ довольное понятіе, по крайней мѣрѣ довольную способность пріобрящетъ и къ прочимъ наукамъ и художествамъ. Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и не обманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависятъ. Подобно какъ архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самые искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ. Множество и различіе вещей, красота, великолѣпіе, происхожденіе, продолженіе и перемѣна естества умъ и сердце человѣческое въ восторгъ и пріятное удивленіе приводитъ. Но я оставлю всѣ сіи преимущества Философіи, которыя, можетъ быть, безъ дальнихъ доказательствъ, примѣровъ и изъясненій не всякому могутъ быть вразумительны: едину необходимую въ Философіи представлю вамъ нужду и потребу. Нѣкоторые погибшіе люди, называемые аѳеисты, заразившись или упрямства или неудобопонятности душевреднымъ ядомъ, бытіе Божіе съ невозвратнымъ отрицаніемъ отвергаютъ, и начало сего свѣта или емужъ самому приписываютъ или различнымъ причинамъ; и такихъ людей мы, христіане, будучи просвѣщенны познаніемъ вѣры, сожалѣя, естьли восхощемъ возвратить отъ заблужденія и погибели на путь истинный—коимъ то образомъ учинить можемъ? откровенной Богословіи имъ и представлять нечего, ибо они какъ Бога не признаютъ, такъ и Богословію и Священное Писаніе отвергаютъ. Прочаго не хочу упоминать, чтобы между всѣми святостьми священнѣйшія имена, о которыхъ и воспоминать должно съ благоговѣйнѣйшимъ почтеніемъ, отъ замерзѣнія ихъ богодосадительныхъ словъ не претерпѣли какого прикосновенія. Такихъ отчаянныхъ людей кто иной можетъ привесть въ чувство? одна только Философія. Она въ своей части, называемой Естественная Богословія, не ссылаясь на Божественное Писаніе и на свидѣтельство Святыхъ Отцовъ, ложныя безбожниковъ возражаетъ мнѣнія и доказательства опровергаетъ, и разсматривая только едину натуру, и разсуждая, что само чрезъ себя ничто не можетъ быть, принуждаетъ ихъ къ признанію, что есть нѣкоторое существо, отъ котораго вся тварь бытіе и пребываніе свое имѣетъ.

в. Письмо къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи. (1756). (1)

Имѣемъ отъ младыхъ ногтей мы свѣтъ природный,
Который насъ ведетъ на путь блаженству сродный;
Имѣемъ сѣмена естественныхъ добротъ,
Которы дать моглибъ плоды своихъ красотъ;
Но вредные людей испорченныхъ примѣры,
И въ ложныхъ мнѣніяхъ погрязши лицемѣры,

Природу нѣжную младенческихъ умовъ,
Доброту красную естественныхъ даровъ,
Въ противу сторону напрасно преклоняють:
Гдѣ былъ бы красный цвѣтъ, тамъ терніе взращаютъ.
Какъ взрытая земля, что влагой смягчена,
Удобно внутрь себя пріемлетъ сѣмена,
Такъ ложны мнѣнія, въ младый умъ впечатлѣнны,
Не трудно могутъ быть на долго вкорененны.
Когда же пустится ихъ корень въ глубину,
И отрасли свои распуститъ въ ширину;
Когда съ годами вдругъ чрезъ возрастъ укрѣпится:
То скоро ли тогда сіе искоренится?
Блаженъ, кто получилъ родителей честныхъ,
Воспитанъ въ строгости обычаевъ святыхъ,
Издѣтска наученъ знать хвально что, безчестно,
И къ честности кому теченіе извѣстно:
Сей радость есть отцевъ, надежда матерей,
Родства сей красота, и честь семьи своей!
Не игры на умѣ и не непостоянство,
Не вкусъ и щегольство, пирушки и убранство;
Но польза общества, потомства похвала,
Чтобъ вѣчность получить чрезъ славныя дѣла.
Таковъ былъ Александръ, въ свои младые годы,
Пока не покорилъ роскошные народы!
Побѣды славные и тяжкіе труды,
Походы дальные ученья суть плоды.
Таковъ былъ Сципіонъ для отчества любови:
Онъ въ жизни не жалѣлъ ни здравія, ни крови;
Но кто тому виной, что жизнь онъ презиралъ?
Родитель въ томъ его наставилъ, воспиталъ.
Опека добрая, прилѣжное ученье,
Примѣръ похвальныхъ дѣлъ, честное обхожденье,
Незараженное сообществомъ худымъ,
Все можетъ произвесть въ младенцахъ, что хотимъ.
Сіе и добрую природу утверждаетъ,
И склонную ко злу способно исправляетъ.
Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзскими дѣлами
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешся ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидишь немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ;
Когда ихъ образомъ тѣснишь безчеловѣчнымъ:
То сынъ твой будетъ ли, то зря, мягкосердечнымъ?
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешъ, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ, и въ словѣ былъ бы вѣренъ.
За то же ремеслю, за кое и отецъ,
Примается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смышляетъ какъ взять втрое,
Смѣкаетъ какъ продать за цѣлое гнилое.

О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ;
И, заразивъ отцовъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.

[1]) Поповскій, Николай Никитичъ (р. 1730, у. 1660), профессоръ краснорѣчія въ Москов. Университетѣ, получилъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, а потомъ въ Акад. Н., гдѣ слушалъ лекціи Ломоносова и былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ его. Лом—въ отзывался о немъ съ большою похвалою въ письмахъ къ Шувалову: отъ 8 мая 1751-го и отъ 23 августа 1753 г. Сочиненія его: Зима, эклога, посланная Лом—мъ къ Шувалову (см. письмо 8 мая 1751 г.); Опытъ о человѣкѣ, Попа, пер. съ фран. въ 1754 г. (нап. 1757 г.); Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы (1754 г.); Рѣчь о пользѣ учрежденія Москов. Университета (1755 г.); Рѣчь въ день коронованія Императрицы Елисаветы (1756); Письмо къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи въ оныхъ юношества (1756); О воспитаніи дѣтей (Локка, переводъ неполный) съ франц. 1759 г.); Оды Гораціевы и письмо его о стихотворствѣ, пер. съ лат. (нап. уже послѣ смерти переводчика, 1801 г.); два перевода съ фр. о добродѣтели и о человѣкѣ (въ Полезномъ увеселеніи, періодическомъ изданіи Хераскова, 1760 г.). Кромѣ того Мерзляковъ приписываетъ Поповскому сочиненіе «Жизнеописанія Ломоносова» (См. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, 1855, ч II).

[2]) «Опытъ о человѣкѣ, господина Попія, переведенъ съ французскаго языка Академіи Наукъ конректоромъ Николаемъ Поповскимъ 1754 года. Второе изданіе 1763 г.» Первое изданіе 1757, другія—1787, 1791, 1802 и 1812. Изданіе 1791 г., напеч. въ Яссахъ, посвящено Потемкину. Переводъ Поповскаго пользовался въ свое время большимъ и совершенно-справедливымъ уваженіемъ, какъ видно изъ упомянутаго письма Лом—ва къ Шувалову (1753 августа 23), отзыва Новикова въ Опытѣ историческаго словаря о рос. писателяхъ, Чистосердечнаго Признанія Фонъ-Визина и другихъ свидѣтельствъ. Нѣкоторые стихи въ переводѣ Поповскаго измѣнены архіепископомъ московскимъ, Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ, и отличены въ печати болѣе крупнымъ шрифтомъ (См. ст. Пекарскаго въ 16 № Библ. Зап. 1858 г.: «Переписка по поводу изданія «Опыта о человѣкѣ», стр. 489—491). «Опытъ о человѣкѣ», дидактическая поэма Попа, явившаяся въ 1733 г., состоитъ изъ 4-хъ частей, или писемъ, разсматривающихъ человѣка въ отношеніи ко вселенной, къ нему самому, къ его счастію и къ обществу. Она излагаетъ особое воззрѣніе на міръ, называемое оптимизмомъ. Цѣль ея доказать, что въ мірѣ все благо; что между страстями и разумомъ нѣтъ противорѣчія, что любовь къ ближнему нераздѣльно связана съ любовью къ самому себѣ; что главнѣйшая наука человѣка — самопознаніе, и что счастіе есть плодъ добродѣтели. (Подробности см. въ ст. Галахова: «Карамзинъ какъ оптимистъ», Отеч. Зап. 1858, № 1).

[3]) «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго Университета русскими профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями, 4 ч. (1819—23)». Рѣчь, говоренная при открытіи философическихъ лекцій въ Москов. Университетѣ, помѣщена въ 1-й час., также въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ : предметъ ея—важность, польза и величество философіи. Она состоитъ изъ двухъ частей: первая (заимствованная въ Христоматію) иносказательно представляетъ философію точнѣйшимъ изображеніемъ чуднаго и великолѣпнаго храма вселенной и главную необходимость этой науки находитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ на богоотступниковъ, приводя ихъ къ богопознанію изслѣдованіемъ законовъ и явленій естества; вторая часть, касаясь трудности философіи, доказываетъ, что наука, разсуждающая обо всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, не можетъ довольствоваться однимъ латинскимъ языкомъ, и что преподаваніе ея у насъ должно производиться на языкѣ русскомъ, способномъ выражать всевозможныя мысли (Біограф. Словарь).

[4]) «Письмо о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества къ И. И. Шувалову, при заведеніи Московскаго Университета 1756 г.» Напеч.. уже по смерти Поповскаго, въ «Живописцѣ, еженедѣльномъ на 1772 г. сочиненіи» (Новикова). Поповскій, исчисляя разные роды суетной славы, видитъ истинную славу въ любви къ наукамъ и приложеніи ихъ къ русскому воспитанію; потомъ указываетъ на идеалъ семейнаго воспитанія и на пороки, которые чаще въ немъ встрѣчаются; наконецъ прославляетъ Шувалова за его заботливость о исправленіи небрежнаго родительскаго надзора надъ дѣтьми (Ib.)

XLVIII.

БАРСОВЪ. ([1]).

РѢЧЬ О ПОЛЬЗѢ УЧРЕЖДЕНІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА (1755). ([2]).

Какая бы точно была толь знатная и великая польза, изливаемая на насъ отъ наукъ, для которой любовь и почтеніе къ ученію какъ рождены съ нами и возращены кажутся? Чтобъ сей вопросъ пристойнымъ удовольствовать отвѣтствіемъ, то надлежитъ разсмотрѣть, на какой мы конецъ всемогущимъ и всеблагимъ Творцемъ нашимъ созданы и въ свѣтъ сей произведены; о чемъ столько мы и естествомъ научены, и особливо неложнымъ Божіимъ словомъ удостовѣрены, что едва кто найдется, чтобъ не исповѣдалъ, что мы съ одной стороны по всемощной власти Творца нашего созданы, такъ какъ и весь сей свѣтъ, и всѣ прочія твари, къ славѣ и прославленію Его самаго, а съ другой по неизреченной онагожъ Создателя благости, къ собственному нашему благополучію, для котораго мы изъ разумной и благую волю имѣющей души и хитросложеннаго тѣла составлены, и для котораго намъ толь многія даны и сообщены душевныя и тѣлесныя силы и дарованія, свойства и склонности. И сія есть причина онаго безмѣрнаго и безсмертнаго нашего желанія и старанія о благополучіи, которымъ всѣ наши мысли объяты и всѣ дѣйствія заняты, котораго мы непрестанно ищемъ, но рѣдко оное находимъ: такъ что, родившись къ крайнему благополучію, не рѣдко почитаемъ себя осужденными ко всегдашнему злополучію. Чтожъ такъ? и для чего? Не ты ли говорилъ, что естество наше отъ безконечной Всевышняго благости одарено душею разумною и имѣющею волю къ добру преклонную? Но было, было то время, что разумъ нашъ довольнъ былъ къ совершенному познанію нашего благополучія, и воля послушна была разуму безъ упорства, и самое благополучіе въ рукахъ нашихъ находилось! Нынѣ же, онымъ преступленіемъ праотца нашего, онымъ оскорбленіемъ Божіяго благоутробія, онымъ громкимъ паденіемъ высоты естества нашего, лишены мы толикихъ преимуществъ и едва не обнажены конечно. Ибо разумная души нашея сила коль нынѣ немощна и воля коль развращенна — кто не чувствуетъ? Уже мы не знаемъ ни самаго благополучія нашего, въ чемъ оное состоитъ, ни пути, который къ оному насъ довести можетъ, ни средствъ, чрезъ которыя оное достигается: обманываемся въ представленіи истиннаго добра, обманываемся въ избраніи принадлежащихъ къ полученію онаго способовъ, и во всемъ къ оному шествіи своемъ заблуждаемъ и запинаемся. Коль неописанная бѣдность сія наша, кто не ощущаетъ съ жалостію? и кто не признаетъ, не говорю уже полезною, но нужною, необходимою и спасительною той вещи, которая бы въ состояніи была, естьли не совершенно, что въ сей жизни не возможно, то хотя отъ части наградить сей уронъ и возвратить намъ естество наше, возвратить насъ естеству нашему? А сіе неоцѣненное сокровище гдѣ можемъ мы индѣ обрѣсти, какъ токмо въ наукахъ, которыя къ тому единственно всѣ склоняются, чтобъ, сколько при сей слабости и растлѣніи естества нашего возможно, учинить насъ совершенными и благополучными?

Но какъ ученіе столько многочастно и науки столько многоразличны, сколько естество вещей имъ подлежащихъ многообразно, то видите, высокопочтен-

нѣйшіе слушатели, коль продолжительна и съ краткостію времени не сходна, и терпѣливости вашей утрудительна рѣчь моя учинилась бы, ежели бы я предпріялъ каждой науки порознь исчитать пользы. Чего ради позволено мнѣ будетъ объ одной токмо Философіи, и то въ краткости, упомянуть; тѣмъ наипаче, что тожъ разумѣться можетъ и о прочихъ наукахъ, которыя всѣ къ Философіи нѣкоторымъ образомъ принадлежать могутъ, поелику она имѣетъ власть разсуждать о всѣхъ безъ изъятія вещахъ по ихъ причинамъ, то есть, поелику она разсматриваетъ союзъ и соединеніе причинъ съ дѣйствіями. И вопервыхъ на какой она конецъ и въ семъ самомъ трудится? Безъ сомнѣнія для того, чтобъ узнать, что̀ можетъ причиною быть нашего благополучія и отъ чего оное, какъ дѣйствіе, послѣдовать можетъ? Притомъ Философія пріобучаетъ разумъ къ твердому познанію истины, чтобъ оный напослѣдокъ знать могъ, въ чемъ наше истинное благополучіе заключается; испытуетъ неиспытанное естество Божіе, разсматриваетъ силы и свойства нашихъ душъ, и изъ того опредѣляетъ наши должности въ разсужденіи Творца нашего, въ разсужденіи населяющихъ съ нами землю человѣковъ, въ разсужденіи вышшихъ, нижшихъ, равныхъ, своихъ, чужихъ, кровныхъ, знаемыхъ, пріятелей, непріятелей. Сіе же для того, что исполненіе оныхъ должностей приноситъ намъ благополучіе: такъ какъ изслѣдованіемъ тѣлесныхъ свойствъ равномѣрно способствуетъ она къ нашему благополучію. Ибо и самыя окружающія насъ тѣла и силы ихъ служатъ нашему тѣлу какъ къ сохраненію здравія въ цѣлости и къ возвращенію онаго въ цѣлость, такъ и къ другимъ потребамъ и удовольствіямъ.

[1]) Барсовъ, Антонъ Алексѣевичъ (р. 1730, у. 1791 г.), профессоръ краснорѣчія въ Москов. Университетѣ, сынъ Алексѣя Кирилловича, переводчика Аполлодоровой Библіотеки о богахъ (см. Хрест. I, 45, прим. 1), учился въ Славяно-греко-латин. Академіи, а потомъ въ Ак. Н. Кромѣ университетскихъ рѣчей по разнымъ торжественнымъ случаямъ (онѣ собраны и изданы 1788 г.; Катал. Смирдина, № 6435), Барсовъ, по мысли Бецкаго, сочинилъ «Генеральный планъ», или «Уставъ Московскаго Воспитательнаго Дома» (1763); по порученію Коммиссіи, собранной (1767 г.) для сочиненія Новаго Уложенія, писалъ проэкты по статьѣ о дворянствѣ; перевелъ съ франц. 2-ую часть «Политическихъ наставленій барона Бильфельда» (1775 г.); составлялъ, по повелѣнію Екатерины II (1783 г.), вмѣстѣ съ другими лицами, записки о древней Исторіи, преимущественно же касающейся до Россіи. Учебныя его сочиненія: Краткія правила Россійской Грамматики (1771 г.); Обстоятельная Россійская Грамматика (ркп. въ Библ. Моск. Унив.), разсмотрѣнная г. Буслаевымъ (Въ воспоминаніе 12 января 1855 г., сборникъ учено-литерат. статей профессоровъ Моск. Унив.). Въ Московскомъ Журналѣ 1792 г. Карамзинъ напечаталъ выписку изъ рукописей Барсова, съ точнымъ соблюденіемъ его орѳографіи, подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій Россійскихъ». Въ этой выпискѣ буква ѣ вездѣ замѣнена буквою і, для которой принятъ знакъ съ краткимъ; буква ъ на концѣ словъ уничтожена, а въ серединѣ ихъ замѣнена апострофомъ (Біографич. Словарь).

[2]) «Рѣчь о пользѣ учрежденія Императорскаго Московскаго Университета, говоренная при начатіи университетскихъ гимназій, 1755 г. Апрѣля 26 дня» (Опытъ трудовъ Вольнаго Рос. Собранія, ч. 1-ая, 1774 г.). Она состоитъ изъ двухъ частей: въ первой приносится благодарность Елисаветѣ за основаніе Университета; вторая (помѣщенная въ Хрест.) излагаетъ пользу наукъ, особенно философіи.

XLIX.

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769—74 ГГ. (1).

А. ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА (1769–70). (2).

На сихъ дняхъ я купилъ картинку на Спаскомъ мостѣ; подпись ея гласитъ тако: «Къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены?»

Третья особа въ сообществѣ со мною для составленія Всякія Всячины есть человѣкъ молодый, который, отъѣзжая въ чужіе краи, отъ отца своего не получилъ никакого предписанія въ разсужденіи предмѣта его ѣзды. Отецъ, прощаяся съ нимъ, молвилъ ему только: живи хорошенько. Сей молодый и острый человѣкъ, сѣвши въ карету, размышлялъ: что такое—живи хорошенько? Онъ зачалъ перебирати всѣхъ своихъ знакомыхъ, дабы узнать, кто изъ нихъ живетъ хорошенько. Молодому человѣку легко покажется, что жить хорошенько состоитъ въ однихъ весельяхъ и въ исполненіи всего того, къ чему стремленіе живыхъ склонностей его влечетъ. Онъ въ мысляхъ попалъ на своего брата двоюроднаго, который ему казался, что живетъ очень хорошо, для того, что сей жилъ весело. Онъ его описываетъ слѣдующими красками.

Вставалъ онъ въ полдень; волосы убирывалъ часа по три, держа книгу въ рукахъ, которыя однако не разкрывалъ никогда; пить и ѣсть умѣлъ требовать на чужихъ языкахъ, и то съ нуждою; у купцовъ все бралъ безденежно; не учась ни чему, о всемъ судилъ, и мало нахаживалъ по своему вкусу; почтенія не имѣлъ ни къ кому: послѣ обѣда ѣзживалъ въ скачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ, насмѣхаяся въ одномъ тому, что видѣлъ во другомъ; въ карты ночи проигрывалъ потихонько съ тѣхъ поръ, какъ запрещено; вѣсти весьма любилъ, и часто самъ оныя выдумывалъ такъ, что уже мало тому вѣрить можно было, что отъ него услышишъ: ибо хотя онъ и пересказывалъ чужіе разказы, но живность не допускивала его дослушивати, что другій говорилъ, и тогда онъ уже прилыгалъ отъ себя, чтобы сказка безъ конца не осталася. Въ прочемъ какъ онъ былъ статенъ собою и очень чисто хаживалъ, то у женщинъ былъ отмѣнно принятъ.

Сію куклу другъ мой, въ каретѣ сидя, избралъ себѣ за образецъ поведенія своего. Съ тѣмъ и выѣхалъ за границу въ намѣреніи послѣдовать оному съ великою подробностію. Ибо отецъ ему сказалъ: живи хорошенько; а что есть жить хорошенько, то батюшка не договорилъ. И сіе недоразумѣніе между ими произвело въ немъ мнѣніе, что одинъ братецъ только живетъ хорошенько, для того, что онъ живетъ весело. Другъ мой столь чистосердеченъ, что онъ божится, что если бы батюшка ему изъяснилъ, въ чемъ состоитъ жить хорошо,—онъ бы изъ его воли не выступилъ ни на черту; и я тому вѣрю, знавъ его склонности добрыя. И такъ недостатокъ объясненія родительскаго о должностяхъ и о предмѣтѣ его ѣзды были причинами, что другъ мой самъ себѣ выбралъ образецъ, коему слѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не попался въ руки двухъ честныхъ и ученыхъ людей, кои показали ему, въ чемъ должности человѣческія состоятъ во всякомъ званіи и случаѣ. Онъ нынѣ часто говоритъ, что прямое удовольствіе состоитъ единственно въ исполненіи оныхъ, и что онъ не такъ былъ радъ, въѣзжая въ Парижъ, какъ онъ нынѣ бываетъ веселъ, когда онъ

въ которой день все то исполнилъ, чего долгъ и должность отъ него требуетъ. Онъ ежедневно мнѣ твердитъ, чтобъ я сына не отпускалъ въ чужіе краи, не означа ему предмѣта, для котораго я его посылаю, если хочу, чтобъ онъ съ пользою ѣздилъ.

Государи мои!

Кто Всякую Всячину пишетъ, никѣмъ гнушаться не долженъ. Въ той надеждѣ, я хотя простый ремесленикъ, однако, не рабѣя, за перо принимаюсь: авосьлибо то, что пишу, вамъ понравится. Слогъ мой не витіеватый: по просту я думаю, по просту и пишу.

Я серебреникъ; хотя не здѣсь родился, а Русь люблю: не одинъ я Нѣмецъ, ково она кормитъ. Дай Богъ, чтобы всѣ къ ней туже благодарность чувствовали; однако мысли не одинаковы. Всякій молодецъ на свой образецъ. Работаю я на многихъ, между прочими на одного учителя Француза. Вы знаете, что у насъ здѣсь въ Москвѣ ихъ тьма. Тотъ, про котораго здѣсь слово, весьма странно въ сіе достоинство попалъ. Былъ онъ сперва сапожникъ; но вдругъ духъ геройства въ него вошелъ, или, лучше сказать, лѣнь и голодъ его принудили записаться въ солдаты: но послѣ Росбахской (3) баталіи въ числѣ многихъ другихъ бѣжалъ, скитался по многимъ службамъ, и наконецъ, прибывъ въ Россію, нашелъ въ себѣ достойныя качества быть кучеромъ(4). Но и тутъ скучилось ему на козлахъ сидѣть—захотѣлъ въ карету. Легчайшаго къ тому способа не нашелъ, какъ быть учителемъ, подражая въ томъ многимъ своимъ землякамъ, которые такъ же, какъ и онъ, иные съ козелъ, а иные съ запятокъ, въ кареты посѣли. Оное ему удалось. И такъ изъ лѣниваго сапожника, бѣглаго солдата и худаго кучера сдѣлался преизрядный учитель. По крайней мѣрѣ для меня онъ хорошимъ для того кажется, что за работу скоро платитъ, и завтраками, такъ какъ многіе господа, не кормитъ. Далъ мнѣ онъ однажды въ домъ между прочими медаль, которая столь странна, что не могу я удержаться, чтобъ вамъ оныя не описать. Представляетъ она съ одной стороны Султана Турецкаго на престолѣ сѣдящаго, окруженнаго вельможами, изъ которыхъ одинъ наднесъ мечь на главу простертаго у ногъ Султанскихъ человѣка: лилеи, изображенныя на порфирѣ его, поднесенныя имъ въ мѣшкахъ деньги, лежащія у подножія престола—все сіе довольно показываетъ, откуда, кто и для чего сей въ рабскомъ видѣ представленный человѣкъ. Но другая сторона медали еще болѣ то изъясняетъ въ слѣдующей надписи: «Другъ Турокъ, другъ Алжирцовъ, другъ варваровъ, ненавистникъ и гонитель христіянъ». Я латыни не разумѣю, а тотъ пріятель мой, который мнѣ сію надпись перевелъ, сказалъ мнѣ: нѣчему де дивиться; что бывало, то есть и будетъ.

Я сіе вамъ сообщаю въ знакъ моей благодарности за то, что я вашею Всякою Всячиною въ свободныя часы забавляюсь, а иногда ею трубку раскуриваю. Прощайте, не поминайте лихомъ.

Вашъ покорный слуга

Адамъ Адамовъ сынъ Варгейтъ (5).

Спасибо господину Варгейту, что онъ свѣту открываетъ такія великія правды. О семъ только сказать можно: o tempora! o mores! то есть: о времена! о нравы!

---

(6). Государь мой! Не болѣе года, какъ я, оставя деревню, въ которой родился и воспитанъ, сюда пріѣхалъ. Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первые лѣта мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ, да и никакого

другаго города до нынѣшняго времени не видывалъ. Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первые мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими рабятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячекъ нашего прихода) жаловаться, то онъ ихъ отгонялъ плетью и бранилъ, что они осмѣливалися просить на своего боярина. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня. И такъ не удивительно, что учитель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отважился меня бранить, то я, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и они говорили мнѣ, гладя по головѣ и утирая слезы: плюнь на него, другъ мой; не слушай его; етакій отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына.

Такимъ образомъ достигъ я тринадцатаго года, и хотя учитель мой, дьячекъ, былъ у меня четыре года, однако съ нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы. Со всѣмъ тѣмъ бабушка моя дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобы взяти для меня учителя Француза, дабы я могъ показаться такъ, какъ должно благородному дворянину. Предложеніе сіе ей не полюбилось и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказывала, басурману. Но усильныя прозьбы отца моего убѣдили наконецъ ее склониться на его желаніе съ тѣмъ, когда я самъ на то соглашуся. Для сей причины призвали меня и спрашивали, имѣю ли къ тому охоту; но я, не обинуяся, сказалъ, что никогда тому не бывать, и немедлѣнно убѣжалъ. Отвѣтъ мой подтвердилъ бабушку въ ея мнѣніи. И такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты, къ которымъ съ малыхъ лѣтъ великую имѣлъ склонность. Между тѣмъ отецъ мой не преставалъ скучать ей, чтобъ нанять для меня учителя; такъ же ласкалъ и меня, уговаривая склониться на то. Наконецъ разными обѣщаніями удалось ему преодолѣть мое упорство и я самъ началъ о томъ бабушку просить. Отецъ мой не пропустилъ сего добраго случая и тотъ часъ отписалъ въ Москву ко своимъ пріятелямъ прислати къ намъ одного, который чрезъ короткое время и пріѣхалъ. Онъ былъ французъ, родомъ изъ Коліура, французкаго города, во графствѣ Руссиліонскомъ (7), человѣкъ лѣтъ сорока и изрядныхъ качествъ. Отецъ мой весьма радовался его пріѣзду; но бабушка, матушка и я не очень тѣмъ веселились. Скоро началъ онъ оказывать свое искуство, давъ мнѣ учить прежде азбуку. Два или три дни были мы съ нимъ добрые пріятели. Азбука стала мнѣ становиться скучна; а онъ, видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день, какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, ударилъ меня линѣйкою по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику. Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и переломилъ мнѣ линѣйкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами. Онѣ бранили бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать;

наконецъ бросились на него, и еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, который всегда держалъ его сторону, то бъ конечно выцарапали ему глаза. Ахъ, проклятый, кричала бабушка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома! пора тебя и съ заступщикомъ твоимъ повѣсить. Потомъ принужденъ былъ отецъ мой, сколько о томъ ни жалѣлъ, отпустить его: ибо они ни на минуту ему покоя не давали, пока онъ на то не согласился.

Поѣхалъ я одиножды ко другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ. Она на тотъ часъ сошла въ дѣтскую. Какъ я въ домѣ очень знакомъ, и я туда же пошелъ и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворилася, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню; и чемъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало; мать ему велѣла плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотыкнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что съ одной стороны дозволяешь мамѣ поваживать сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать притомъ, будто няня досадила ему; въ самомъ же дѣлѣ его обманываютъ. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? и не искореняетъ ли все сіе въ самой нѣжной молодости въ сынѣ твоемъ милосердія и основаній справедливости, когда съ другой стороны ты сама другаго сына учишь мщенію и велишь бить и топтать мѣсто, гдѣ онъ зацепился? Она мнѣ на то отвѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто тоже и съ тобою и со мною не было. Какъ же инако съ рабятами быть? Я старался ей доказать, что и она и я лучше бы были, если бы съ нами инако обходились, и что намъ весьма трудно было отстать отъ дурныхъ и суровыхъ привычекъ, а еще труднѣе основать свои ежедневные поступки на самой истинѣ. Окончa я сіи слова, услышалъ визгъ собаки. Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ. Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ матери: ты сдѣлаешь изъ дѣтей тиранновъ, если ихъ не повадишь миловать ни людей, ни звѣрей; я, право, мужу скажу; и вышелъ вонъ, захлопнувъ дверью. Пришедши домой, я написалъ слѣдующее, дабы барыню отпугать отъ подобнаго воспитанія, показавъ ей слѣдствія, коимъ она по степенямъ дѣтей своихъ подвергаетъ. Суровость есть страсть безчеловѣчная, коя заключаетъ въ себѣ строгость, жестокость для другихъ, немилосердіе, мщеніе, скверное удовольствіе дѣлати зло съ безчувственнымъ сердцемъ или находить веселіе бѣса въ страданіи другаго. Сей омерзѣнія достойный порокъ происходитъ отъ привычки, коя производитъ подлость души и трусость; сія—тиранство съ истребленіемъ естественной чувствительности. Привычка видѣти ужасъ мученій и другихъ безчеловѣчныхъ позорищъ, повадка проливати кровь звѣрей, дурные примѣры другихъ производятъ наконецъ жестокосердіе, къ коему поваживаются съ рабячества уже, когда матери и хожатые таковы умны, какъ вышеписанная.

В. ТРУТЕНЬ (1769—1770). (*).

1. Рецептъ для Его Превосходительства г. Недоума. (9).

Сей вельможа ежедневную имѣетъ го—

рячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего покрайней мѣрѣ за пять сотъ лѣтъ доказать не могутъ; а которыя сдѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мещанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднова нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церьковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, которой непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою; или, лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ которомъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила она ево тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцомъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ со всемъ былъ истребленъ; о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которыя многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехъ сотъ миліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякой шляхтичь можетъ все знать, ни чем у не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моля спасшіяся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскія листы, на которыхъ имена ево предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ произхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, не нѣтъ на нихъ такова гнилова сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ; а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради тово онъ старается не чрезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпныя домы, екипажи и ливрею, не смотря что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излѣченія г. Недоума отъ горячки

Рецептъ.

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что изтребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бѣднымъ быть дворяниномъ или мещаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцомъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, екипажамъ и ливреѣ.

2. *Смѣющійся Демокритъ.*

Ба! ето тотъ въ изорванномъ идетъ лохмотьѣ скупяга, которой во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть; умираетъ съ голоду и холоду; которой подчиненныхъ ему слугъ приучаетъ ѣсть для жизни: то есть, сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ; которой беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился; которой наложилъ на себя и на прочую дворовую ево скотину постъ во весь годъ; которой зимою по однажды въ недѣлю топитъ печь во своей лачугѣ; которой радъ продать самого себя за гривну, и которой накопилъ сорокъ тысячь рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому плѣмяннику, тому семнатцатилѣтнему сквернавцу, которой скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю, которой самъ у себя крадетъ деньги и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и которой во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно ето Мотъ? такъ, онъ и есть. О! етотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки, но вмѣсто того зараженъ другими не лучше тѣхъ. Батюшка ево беззаконно собиралъ деньги; а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой ево родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, чтобы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ того Мотъ то въ день съѣдаетъ, чтобы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади: а сей держитъ шесть коретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верьховыхъ и санныхъ для тово, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить екипажѣ. Тотъ двятцать лѣтъ таскалъ одинъ кавтанишка, а Моту и въ одинъ годъ дватцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и раззореніемъ безпомощныхъ собралъ себѣ великія сокровища; а Мотъ, раззоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки и обѣимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще ковалеръ достойной смѣха. Ето Надмѣнъ. Онъ имѣетъ знатной чинъ, великой достатокъ и малой умъ; ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. Надмѣнъ не говоритъ ни съ кѣмъ ласково за тѣмъ, что не хочетъ себя до тово унизить. Милостей ни кому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ ево искали покровительства: но подъ оное никово почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сію милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничево бы не выигралъ: ибо Надмѣнъ ково больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заключеніе, Надмѣнъ всѣхъ глупяе; а думаетъ, что всѣ его глупяе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться! Ха! ха! ха!

Ето кто такъ прытко скачетъ? ба! Плохъ. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ нинаесть знатномъ домѣ. Плохъ тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще, и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры, и ничево не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничево не понимаетъ; ходитъ въ театръ, критикуетъ актеровъ, и по наслышкѣ затвердя, споритъ: етотъ актеръ хорошъ, а етотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы и старается говорить острыя слова, но всегда не къ статѣ: словомъ, Плохъ

старается себя увѣрить, что поступки ево разумны, однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церькви, раздастъ по полушечькѣ бѣднымъ, ево окружающимъ, и щитаетъ оныя по чоткамъ. Идучи, читаетъ молитвы; отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, чтобы конечно оба ихъ изткнулъ, ежели бы они ево соблазнили. Ханжа, грѣшитъ поминутно, но показываетъ себя праведникомъ, идущимъ по пути устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты не мѣшаютъ ему раззорять и утѣснять сколько возможно подобныхъ себѣ. Ханжа грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни однажды ни котораго не успѣлъ сдѣлать. Ханжа ходитъ всегда смиренно и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, за тѣмъ, что не надѣется обмануть тамъ живущихъ: но, смотря въ землю, обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Я вижу двухъ человѣкъ: одинъ другова увѣряетъ въ своей дружбѣ и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ ево поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Вотъ Г. Кривотолкъ: онъ торопится сдѣлать досаду одному бумагомарателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По нещастію онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха!

В. АДСКАЯ ПОЧТА (1769). (10).

I. Письмо отъ Криваго къ Хромоногому.

Болтуновъ и Хвастуновъ вездѣ, другъ, довольно. Нашъ ** почти промотался, покупая лебедей. И онъ всѣмъ разсказываетъ, что нѣтъ въ свѣтѣ такого искуснаго охотника и знатока, какъ онъ, въ приманиваніи и стрѣляніи лебедей. По утру въ три часа встаетъ и наряжается по охотничьи, будто идетъ стрѣлять птицъ; вмѣсто того явится въ птичьемъ ряду и, доставъ тамъ лебедя за дорогую цѣну, привязываетъ къ дереву и застрѣливаетъ, а временемъ, боясь выстрѣлить изъ ружья, накалываетъ грудь лебедину ножикомъ, чтобъ думали, что это язвы отъ дроби. Онъ мѣшается во всѣ науки; ему оныя также бездѣлицею кажутся, какъ стрѣлять вмѣсто дроби гривенниками въ птичьемъ ряду лебедей. Недавно онъ, разговаривая о Географіи, назвалъ оную Гермалафіею. Видно, что нѣкто сего имени приказный человѣкъ весьма имъ почтенъ, что онъ всѣ науки его именемъ назвать хочетъ.

Вчерашняго дня въ вечеру прогуливался я въ саду, въ который у насъ два раза въ недѣлю почти весь городъ ходитъ для прогулки. Тамъ я сѣлъ съ однимъ знакомымъ на скамейкѣ; мимо насъ прошло четыре человѣка, и всѣ знакомы моему товарищу. Одинъ изъ нихъ былъ отставной, который для того пошелъ въ отставку, чтобъ не служить Государю, обманывать свѣтъ и беззаконнымъ образомъ пабогащаться. Всѣ стряпчіе, и всѣ меньшаго калибера въ приказѣ, а большаго въ ябедѣ люди, ему здѣсь знакомы. Онъ почти не выходитъ изъ вотчинной конторы, да и въ другихъ мѣстахъ почти каждый день отъ него является челобитная. Деревни сомнительныя всѣ его, и онъ часто бьетъ челомъ, чтобъ ему были отданы, доказывая, что его предкамъ принадлежали. Родословій у него въ карманѣ пропасть, и онъ, естьли кто захочетъ, можетъ вывести его родъ изъ такой фамиліи, какая ему угодна. Векселя покупаетъ дешево, а беретъ съ должника деньги со всѣми процентами. А естьли кто у него

занимаетъ деньги, то не беретъ больше пяти копѣекъ на мѣсяцъ съ рубля, и то проценты вычтетъ напередъ.

2. *Отъ Хромоногаго къ Кривому.*

Нѣкоторый здѣшняго Приказа секретарь попалъ было въ бѣду за взятки, но хитростію своею отъ оной скоро избавился. Хотя многіе указы гласятъ, чтобъ приказные не брали взятокъ; но они говорятъ, что ничего не брать отъ челобитчиковъ есть дѣло сверьхъ-естественное. Однако многіе изъ сего рода людей общей приказа страсти нынѣ не повинуются, и живутъ своими доходами или жалованіемъ, но у всѣхъ такихъ карманъ пустъ. Канцеляристъ С. гораздо богатѣе секретаря В. потому, что одинъ изъ нихъ каждый свой шагъ продаетъ, а другой за дѣлами ему препорученными ходитъ даромъ. Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали секретъ воровать политическимъ образомъ, то есть: они сами взятокъ не берутъ, но надобно челобитчику сходить на поклонъ къ хозяюшкѣ, которая весьма ласково его приметъ. Ежели онъ купецъ, то попроситъ у него на пару штофу или атласу, который какъ въ домъ ея будетъ принесенъ, то скажетъ купцу: приди, голубчикъ, чрезъ нѣсколько дней, я деньги заплачу. Купецъ, разумѣя, что это значитъ, и имѣя нужду въ ея мужѣ, пойдетъ домой, попрощавшись на вѣки съ принесеннымъ кускомъ. Когдаже челобитчикъ дворянинъ, то разжалуется ему хозяйка, что у нее нѣтъ ни дѣвки, ни малаго, и что принуждена все сама работать: и сей челобитчикъ, по нуждѣ выучась сему языку, отвѣчаетъ госпожѣ такъ, какъ ей хочется. И такъ во бравіи взятокъ нынѣ сдѣлалась та только перемѣна, что прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою. Есть еще и хитрѣе сихъ нѣкоторые приказные: тѣ крадутъ благороднымъ образомъ. Они того челобитчика, который въ нихъ имѣетъ нужду, попросятъ къ себѣ обѣдать, потомъ сядутъ съ нимъ играть въ карты: проигрывая, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая—чрезвычайно ласковый; и этотъ языкъ скоро стался просителямъ вразумителенъ. Они въ угожденіе хозяина въ ломберѣ въ грандкаскѣ и три матедора сбрасываютъ ([11]), и проигравъ имъ рублевъ съ 200 или сколько хозяину получить отъ нихъ прилично, въ завтрешній же день получаютъ дѣлу своему резолюцію. Теперь и купцы всѣ благородствуютъ и ѣздятъ по домамъ играть въ карты. И такъ заключить намъ слѣдуетъ, что развѣ въ то время многіе приказные перестанутъ брать взятки, когда придутъ въ наше государство, да и то только для того они у насъ отъ взятокъ отвыкнутъ, что тамъ взять и дать нечего.

г. **живописецъ** (1772). ([12]).

1. *Неизвѣстному Г. Сочинителю комедіи: О время! приписаніе.* ([13]).

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія: О время! троекратно представлена была на Императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы перьвой сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы перьвой, съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы перьвой съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшія; и вы перьвой достойны по справедливости великой похвалы, во представленіѣ вашей комедіи оказанной. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ

единоземцовъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру; взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлыя худыя обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратныя наши поступки: вы найдете толпы людей достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Изтребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочной человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенной порочной человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнѣтаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ перьвой разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы перьвой достойны показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя,—имя всеобщія достойное благодарности? я никакой не нахожу къ тому причины. Не ужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда, ко щастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ нами премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіе вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ Ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чегожъ осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя? ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцовъ; вы поострили (14) меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Естьлижъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи и естьли листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки; а я останусь навсегда

вашимъ почитателемъ,

С. Живописца. (15).

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мѣлкихъ сочиненій; но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впротчемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 12 дня, 1772 года.

2. Изъ Письма Щеголихи (16).

Mon coeur, Живописецъ!

Ты, радость, *безпримѣрной* Авторъ. *По чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ*; читая твои листы (17), я *безподобно утѣшаюсь*, какъ все у тебя *славно*: слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ: клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и не льзя не такъ: ты *не грустенъ*, *шутишь*

славно, и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть*, какъ прекрасны твои листы! Но сказать, *вокругъ насъ*, ты много долженъ мнѣ: *уморить ли, радость?* Вѣть мнѣніе-то *Щеголихино* ([18]) ты у меня подтяпалъ: ха! ха! ха! *Клянусь*: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ—они тебѣ скажутъ, что я всегда ето говаривала; но ето ничево не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь*; а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты ето такъ *славно прокричалъ*!—Чортъ меня возьми! *какъ книга*. А притомъ ты всегда стараешся оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторой грубіянъ, сочиня комедію ([19]), одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ.—Куда какъ много онъ выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ *разхохочутся до смерти*: анъ право никто изъ нашихъ сестръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся; а смѣялись только.... Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: совсемъ тѣмъ подобныя ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его Дремовъ ([20]) никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я етова автора, то *оттѣнила* бы сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я ево *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой ево комедіи ([21]), я и сама *до смерти захохоталась*: *ужесть какъ славно шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ; а ета комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на Именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацепился*, но ето шуткою; а за шутки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того, ты бранишъ однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и *безпримѣрно*: *ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ*, въ 5 листѣ твоего Живописца ([22]). Ты *уморилъ* меня: точь въ точь *высказалъ* ты дражайшаго моего *Папахина*. Какой ето несносной человѣкъ! *Ужесть, радость, какъ онъ не ловокъ выдѣланъ*: какой грубіянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать также, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были—брань, пощочины и палка; но она и подлинно была тово достойна: съ едакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрныя люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь*. *Ужесть какъ славны!* Суди, *душа моя*, по етому, въ какой была я школѣ: было чему научиться! По щастью скоро выдали меня за мужъ: я пріѣхала въ Петербургъ, *подвинулась въ свѣтъ*, *разняла глаза* и *выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ*, которой *посадили* мнѣ мои родители; поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась со *щеголями и щеголихами*, и сдѣлалась человѣкомъ.

P. S. Услужи, *радость*, мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*. Ты многихъ одолжишъ, и мы твой журналъ за ето будемъ превозносить. Только *не умори, радость*, напечатай ево маленькою книжкою и *дай ему видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ ево вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили* ([23]).

Сыну моему Ѳалалею. ([24]).

Такъ-то ты почитаешъ отца твоего,

заслуженаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя проклятаго училъ и того ли отъ тебя надѣялся, что бы ты на старости отдалъ меня на посмѣшищѣ цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты ето писмо отдай напечатать (25). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли ето дѣло, что бы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешъ ли ты ето, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты ето позабылъ. Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за ето положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣть недалеко великой постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по прозьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣть ежели ты окажешъ еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешъ, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешъ опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, ето бы свое дѣло; а то вѣть ты знаешъ, что нынча время военное (26); неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешъ ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, асамъ не плошись: уберись-ка въ сторонку, такъ ето здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшъ до сыта, спи сколько хочешъ, а дѣла за тобой ни какова не будетъ. Чего тебѣ лутче етого? За честью, свѣтъ, не угоняешся; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешъ ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поживаютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у инаго голова: такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чемъ жить опричь невѣстина приданаго; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣть это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самые гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всемъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить: ты вѣть уже не малой робенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишъ, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не тоже ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ

собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она голубушка моя какъ услышала, такъ и свѣту божьева не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла ето дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да ктому же выпила студеной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я тово и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшко, раставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу! живы; авось таки, которой нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ едакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшко, съ женою раставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тритцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ етого? живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того! я крутъ больно, а она не уступчива: такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишъ только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичь!

Что ты ето, другъ мой сердечной, накудесилъ?пропала бы твоя головушка; вѣть ты уже не танерь знаешъ Панкратьевича: какъ ты себя не бережешъ? ну кабы ты, бѣднинькой, попался ему въ руки: такъ вѣть бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьева милосердія. Нечево, Ѳалалеюшка; норовок-атъ у него, прости Господи, чертовской; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралѣситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что ето сдѣлалъ! отдай писмо ево напечатать; вѣть ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣть, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешъ; мало ли что лихіе люди говорятъ: Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лутче всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Поберегн ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣть ето не какой грѣхъ, не чужова будешъ обманывать; и всѣ дѣти неправедники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмот-

рѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечево, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣть у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои денжонки, которыя украдкою отъ Понкрантьевича накопила: вѣть для тебя же, мой свѣтъ; отец-атъ тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское: какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? твои, другъ мой, такія еще лѣта, что бы забавляться: мы и сами съ молоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничево не пиши; я ето сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про ето, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюзжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою раставаться будетъ? на ково я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычь когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешъ; что ты съ едакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешъ! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на себя насмотрѣться; сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой: не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье; и желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія.

Было бы тебѣ вѣстию, что мы по отпускѣ сего писма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; также и батюшка твой Трифонъ Панкрантьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: што подымешъ, то и еетъ, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а таперь чай ужъ и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь говорила. Она заочно благословила тебя твоимъ Ангеломъ, да Фарсульской (27) Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣя стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не едакихъ: какъ жаръ вызолочены; а ета братъ Неапалима, подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужъ по христіянски. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалелеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вѣть уже ты въ гробъ глядишъ; такъ нѣтъ, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нее многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: нечево, спасибо твое-

му отцу, не поскупился, да ничево не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одново, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти ея. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣть матушка твоя скончалась; поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ етомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, а какъ умерла, такъ плачетъ. Пріѣзжай, другъ мой, Ѳалелеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не на долго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишъ, што тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскова. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ въ економическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удавалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ полатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ за мужъ. За одной, я слышелъ, чистыми денежками три тысячи далъ, да деревню тысячь въ пять. А не совсѣмъ-таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да ево не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ ету пору.... Не житье имъ, масляница. Я бы-ста и самъ не побрезгывалъ пойти въ едакіе управители. Перепало бы кое что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни, все тѣже деньги, только умѣй концы хоронить. Я и по нынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Я и самъ попался было одинождды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чѣмъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всемъ поговорили лутче на словахъ; а писать-то страховато: неровно кому попадется въ руки, такъ папляшесся до сыта. При семъ во ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай***

¹) Русскіе журналы 1769—74 г.г. отличаются по преимуществу направленіемъ сатирическимъ. Предметъ и значеніе сатиры объяснены въ Ист. Рус. Слов. Здѣсь же исчислимъ главнѣйшія періодическія изданія, которыя состояли въ близкомъ соотношеніи съ современною имъ литературною дѣятельностью вообще и вмѣстѣ отражали въ себѣ то самое, на что обращено было вниманіе просвѣщенной правительственной среды. Съ 1769 по 1774 г. выходили слѣдующіе журналы: «Всякая Всячина», издатель Григорій Козицкій (1769—70), «Трутень», изд. Николай Новиковъ (1769—70), «Смѣсь», изд. неизвѣстенъ (1769), «Адская Почта», изд. Ѳедоръ Эминъ (1769), «Полезное съ Пріятнымъ», при Сухоп. Шляхет. Корпусѣ (1769), «И то и се», изд. Михайло Чулковъ (1769), «Ни то ни се», изд. Василій Рубанъ (1769),

«Поденьщина», изд. Василій Тузовъ (1769), «Парнасскій Щепетильникъ», изд. М. Чулковъ (1770), «Пустомеля», изд. неизвѣстенъ (1770), «Трудолюбивый Муравей», изд. В. Рубанъ (1771), «Живописецъ», изд. Н. Новиковъ (1772), «Вечера», изд. неизвѣстенъ (1772), «Мѣшанина», изд. неизвѣстенъ (1773), «Кошелекъ», изд. Н. Новиковъ (1774). Сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя въ меньшей степени, въ «Разскащикѣ забавныхъ басенъ» (1781), «Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова» (1783—84 г.), «Почтѣ духовъ» (1789), «Зрителѣ» (1792) и пр. Послѣдніе два журнала издавались И. Крыловымъ (Обозрѣніе журналовъ 1769—74 г.г. см. въ соч. Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика, 1854»; подробнѣе въ ст. Аѳанасьева: «Русскіе журналы 1769—74 гг.», напеч. въ 3, 4 и 6 № Отеч. Зап. 1855 г. и отдѣльной книжкой).

²) «Всякая Всячина» издавалась еженедѣльно листами. Первый листъ ея вышелъ съ такимъ объявленіемъ: «Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія впредь изволь покупать». Въ обращеніи «къ читателю» указаны характеръ и цѣль журнала: «Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ полезныя наставленія; иногда будете смѣяться; будутъ и такія времена, въ которыя ожидаю отъ васъ удивленія, также и попреканій». Яснѣе раскрыта задача журнала въ «концѣ» его (стр. 551): «Я хотѣлъ показать—первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ; и третье — говорить Рускимъ о Руских ъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ, слѣдов. не могутъ найти забавы въ нихъ; а гдѣ забавы нѣтъ, тутъ обыкновенно скука недалека, а гдѣ скука есть— тутъ для пріема наставленій расположеніе не весьма способное. Я думаю, что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего третьяго правила, чтобъ Рускимъ представлять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ: ибо маркизъ на русскомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться: незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ». Несмотря на всю законность этого правила, Всякая Всячина многое переводила изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: Зрителя особенно, Новаго Ментора, Мизантропа и Болтуна. Такъ, наприм., разсказъ о суевѣрной жительницѣ Замоскворѣчья (стр. 17—22) заимствованъ, съ измѣненіями и сокращеніями, изъ Адиссонова Зрителя или, быть можетъ, изъ Историч., Генеалог. и Географ. Примѣчаній къ Вѣдомостямъ (1731 г.), въ которыя онъ переведенъ изъ Зрителя. (Сличи: «О смѣшномъ суевѣріи безумныхъ людей», Хрест., 1, стр. 104, и прим. къ этой статьѣ). Объ издателѣ Всякой Всячины, Козицкомъ, который воспитывался въ Кіевской Академіи и потомъ путешествовалъ по Европѣ, см. Христ., I, стр. 249, прим. 42. Новиковъ, въ «Опытѣ истор. словаря о рос. писателяхъ», отзывается о немъ какъ о человѣкѣ съ здравымъ смысломъ, великаго просвѣщенія и совершенно искусным ъ въ славян. греч., лат., франц. и нѣм. языкахъ. Оставшіяся отъ 1769 г. статьи заставили Козицкаго продолжать и въ 1770 г. свое изданіе, которое онъ назвалъ «Барышекъ Всякія Всячины». (См. указанныя статьи г. Аѳанасьева).

³) При Росбахѣ (въ Пруссіи), 1757 г., Фридрихъ Великій одержалъ побѣду надъ французами.

⁴) Иностранецъ, изъ кучеровъ попавшій въ учители, выведенъ въ ком. Екатерины II: «Г-жа Вѣстникова съ семьею» (1772 г.), и въ Недорослѣ, Фонъ-Визина (1783), подъ именемъ Вральмана.—Г-жа Вѣстникова, разсердясь на учителя своего внука, говоритъ: «Ужъ я обѣщали мнѣ достать какого-то другаго учителя, который гдѣ-то былъ прежде скороходомъ, а этотъ пусть себѣ по прежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь».

⁵) Нѣм. слово—Wahrheit (истина, правда).

⁶) Вѣрное описаніе старинняго воспитанія, художественно представленнаго въ Недорослѣ. Гр. Соллогубъ, разсказывая о воспитаніи Василья Ивановича (въ Тарантасѣ), видимо подражалъ этой статьѣ Всякой Всячины.

⁷) Прежняя французская провинція, составляющая теперь часть департамента Восточныхъ Пиринеевъ, гдѣ и городъ Кольюръ (Collioure).

⁸) «Трутень, еженедѣльное изданіе, на 1769 г.» названное такъ въ противоположность Трудолюбивой Пчелѣ, Сумарокова. Издатель его, Новиковъ, объясняетъ въ Предисловіи назначеніе журнала: «Самъ я, кромѣ сего Предисловія, писать буду очень мало, а буду издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ, а особливо сатирическія, кри-

тическія и прочія, но исправленію нравовъ служащія; ибо таковыя сочиненія исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу, а сіе-то и есть мое намѣреніе». Въ «Письмѣ къ Издателю» (стр. 225) сказано, что сатиры на порочныхъ есть зеркало всѣмъ достойнымъ осмѣянія лицамъ и что чтеніе такихъ сатиръ приноситъ удовольствіе добродѣтельнымъ гражданамъ: ибо они, видя порочныхъ критикуемыхъ, надъ оными превозносятся мысленно не пышными титлами и богатствомъ, но добродѣтельными поступками». Трутень имѣлъ большой успѣхъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе и многія статьи его перепечатаны впослѣдствіи въ «Живописцѣ».

[9]) Другіе рецепты написаны судьѣ, военному человѣку, Самолюбу, Начеркалу (сочинителю вздорной піесы), Простосерду, Незрѣлу, купцу и пр. Всѣ они перепечатаны въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Живописца, подъ общимъ заглавіемъ: «Лечебникъ».

[10]) Издатель Адской почты—Ѳедоръ Александровичъ Эминъ, жизнь котораго исполнена романическихъ приключеній, запутанностей и противорѣчій. Ни мѣсто его рожденія, ни мѣсто воспитанія не извѣстны въ точности. Съ однимъ іезуитомъ путешествовалъ онъ по Европѣ и Азіи. Въ Турціи, за какое-то непріятное приключеніе, взятъ былъ подъ стражу. Чтобъ избѣжать неволи, онъ принялъ магометанство и вступилъ въ янычары. Потомъ тайно уѣхалъ на англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ, явился къ русскому посланнику кн. Голицыну и, по собственному желанію, перешелъ въ грекороссійское исповѣданіе. Въ 1761 г. пріѣхалъ въ Спб., былъ учителемъ въ Сухопут. Шляхет. Корпусѣ, а послѣ переводчикомъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и въ Кабинетѣ. Во время путешествій, изучилъ много языковъ европейскихъ и восточныхъ; кромѣ того зналъ древніе языки. Онъ издалъ болѣе 25 книгъ на рус. яз.; между ними: «Путь ко спасенію», романъ: «Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда» и «Россійскую Исторію». Журналъ «Адская Почта» наполненъ адскими вѣдомостями и перепиской двухъ бѣсовъ: хромоногаго и криваго. На эту мысль, Эминъ наведенъ былъ извѣстнымъ романомъ Лесажа: «Le diable boiteux». Въ обращеніи къ читателю, онъ разсказываетъ, какъ оба бѣса, долгое время служившіе адской республикѣ, были отправлены въ здѣшній свѣтъ; они жили въ разныхъ мѣстахъ и вели между собою переписку, которая, такимъ образомъ, изображала обычаи и нравы разныхъ классовъ общества. Изданіе этой переписки, по порученію бѣсовъ, принялъ Эминъ на себя. (См. ст. г. Аѳанасьева).

[11]) Матадоры—старшія карты въ игрѣ Ломберъ.

[12]) «Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе» — лучшій изъ сатирическихъ журналовъ 1769—74 г.г., какъ по важности предметовъ, подвергавшихся обличенію, такъ и по силѣ самаго обличенія. Онъ имѣлъ нѣсколько изданій: второе 1773, третье 1775, четвертое 1781, пятое 1793, шестое 1829 г. Въ 3-ье, 4-ое и 5-ое изданія вошли наиболѣе интересныя статьи изъ «Трутня».

[13]) См. прим. 9, на 306 стр. Христ., ч. I. Вотъ полный отвѣтъ Екатерины II на это посвященіе: «Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія: «О время!» таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи во уединеніи во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи: слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ, къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни желаній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать ихъ болѣ не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтъ въ заглавіи комедіи, что для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. И такъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную «Именины г-жи Ворчалкиной». Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что г-нъ Фирлифюшковъ, за безстыдное словонесдержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что «какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою». Я не стану приводить здѣсь, бывало ль такое гдѣ нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ г-на Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи

жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ г.г. критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу просьбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія нибудь мои сочиненія. Сіе съ охотою впредь я исполню и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлыя пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на ѳеатръ, а прочія тудаже въ походъ собираются. Я впрочемъ есмь, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедія: «О Время.» (Живописецъ, 49—51).

[14]) Поощрили.

[15]) Сочинитель Живописца.

[16]) См. прим. 20, на стр. 308 Христ., ч. I. Слова, напечатанныя курсивомъ, были въ ходу у тогдашнихъ щеголихъ.

[17]) Живописецъ выходилъ листами.

[18]) Помѣщено въ 4-мъ листѣ Живописца, который осмѣиваетъ мнѣнія разныхъ лицъ (Наркиса, Худовоспитанника, Кривосуда и пр.) о безполезности наукъ.

[19]) «Именины г-жи Ворчалкиной». Здѣсь выведена модная барышня—Олимпіада.

[20]) Одно изъ лицъ въ ком.: «Именины г-жи Ворчалкиной», противоположное Фирлифюшкову.

[21]) «О Время!»

[22]) «Отрывокъ путешествія въ *** И.*** Т.***» (стр. 33—40).

[23]) «Опытъ Моднаго Словаря, щегольскаго нарѣчія», помѣщенъ въ 10 листѣ. Здѣсь объясняется значеніе словъ: Ахъ! Безподобно и Безпримѣрно, Болванчикъ.

[24]) Какъ это, такъ и два слѣдующія письма весьма любопытны, какъ яркія изображенія той среды, въ которой жили и дѣйствовали люди, подобные Простаковой и Скотинину (въ Недорослѣ).

[25]) «Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну», въ 15 листѣ «Живописца».

[26]) Первая турецкая война.

[27]) Корсунской.

L.

ЗАПИСКИ ПОРОШИНА (1764—65). ([1]).

1764 Октября 29. Его Высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. Сего утра госп. Клеретъ вырвалъ у него зубъ, который уже гнить было началъ. Великій Князь долго не изволилъ допускать его, но потомъ скрѣпился и дозволилъ зубъ вырвать. Одѣвшись, изволилъ Его Высочество сѣсть учиться. Потомъ ходилъ инкогнито смотрѣть изъ парадной залы своей турецкаго посланника, который былъ у Его Превосходительства Никиты Ивановича ([2]) на аудіенціи. Пріемъ такой же былъ ему какъ и въ первый разъ. Но мнѣ отъ Его Высочества, какъ я пріѣхалъ, пріемъ не столько былъ ласковъ, чтобъ я имѣлъ причину быть имъ доволенъ. Въ изысканіе тому причины особливо здѣсь я входить не хочу. То примѣчу только, что часто на Его Высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого нибудь человѣка, такого человѣка, послѣ видя, Его Высочество склоненъ къ нему является; когда жъ, напротивъ того, говорятъ о комъ не выгодно и хулительно, а особливо не прямо къ Его Высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговорѣ мимоходомъ, то такого Государь Великій Князь, послѣ увиди, холоденъ къ нему кажется. Сѣли за столъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ у насъ не кушалъ. Стороннихъ былъ только гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что происходило: разговорились мы о Государѣ Петрѣ Великомъ; *нѣкто*, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего Монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что Го-

сударь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою; другой *нѣкто*, изъ неосмотрительнаго подражанія такому отнюдь не позволительному разговору въ присутствіи Его Высочества, прибавилъ къ тому, что какъ Государь билъ палкой въ одно время нѣкоего своего генерала, Нѣмца, то сей генералъ послѣ сказалъ изъ Библіи: *Рука Господня прикоснуся мя* и проч. Прежній *нѣкто* продолжалъ, что только-де и извѣстно государей-драчуновъ въ Исторіи, что Петръ Первый, да покойный король прусской ([3]), отецъ нынѣшняго короля. Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него Его Высочество, *не уже-ли это такъ*? На сіе говорилъ онъ Его Высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ Государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что, для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и проч.: то первый *нѣкто* никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что Государь въ нихъ писывалъ иногда: *Минъ-Геръ Адмиралъ*, и подписывалъ: *Питеръ*. Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно-*ли*, чтобъ Его Императорское Высочество, престола Россійскаго Наслѣдникъ и Государя Петра Великаго родной правнукъ, такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Ксенофонтъ представилъ намъ въ Кирѣ ([4]) государя совершеннаго и правленіе его правленіемъ благополучнымъ, слѣдующихъ вѣковъ монархамъ для подражанія. Безтолковые историки опровергаютъ во многомъ исторію Ксенофонтову, и стараются показать, какія герой его имѣлъ слабости. Но люди остроумные и прозорливые, мало заботясь о томъ, былъ ли таковъ Киръ, какимъ его Ксенофонтъ описываетъ, или былъ инаковъ, превозносятъ историка хвалами, что представилъ въ немъ совершенный образецъ для государей, и приводятъ въ примѣръ имъ мудрое его царствованіе. Приводятъ въ примѣръ и иныхъ многихъ монарховъ, которыхъ великія дѣла соблюла до временъ нашихъ Исторія. Не необходимо ли нужно представлять и Его Высочеству хвальныя дѣла именитыхъ героевъ, дабы разжечь въ немъ охоту и благородное рвеніе къ послѣдованію имъ? Это кажется очевидно и безсомнительно. Но чьи дѣла бо́льшее возбудить въ немъ вниманіе, сильнѣйшее произвесть въ немъ дѣйствіе, и для свѣденія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла блаженныя памяти Государя Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ россійскихъ устами. Государь Великій Князь, родной блаженныя памяти Его Величеству правнукъ, рожденъ въ томъ же народѣ и тогожъ народа Божіими судьбами будетъ въ свое время обладателемъ. Если бы не было никогда на россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, каковъ былъ Его Высочества великій прадѣдъ; тобъ полезно было и вымыслить такова, Его Высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго героя,—и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ Государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? Сколько ни извѣстно великихъ мужей по Исторіи, всѣ подвержены были нѣ-

которымъ слабостямъ. Но, представляя ихъ въ примѣръ, не о порокахъ ихъ проповѣдывать должно; надобно ихъ добродѣтели. Пороки могутъ или совсѣмъ быть умолчаны, или и открыты, но мимоходомъ, съ такимъ напоминаніемъ, что представляемый въ образецъ государь всѣми силами старался отъ нихъ избавиться и побѣждалъ ихъ. И вмѣсто того что же?... За столомъ сказывалъ еще князь Борятинскій, что въ бытность его въ Швеціи слышалъ онъ, что короля Карла XII все платье, палашъ, сапоги и прочее хранится въ арсеналѣ. Я говорилъ на то, что и у насъ въ кунсткамерѣ хранится платье и прочее Государя Петра Великаго, но что мы конечно болѣе имѣемъ причины все это сохранять, нежели Шведы; потому что одинъ защитилъ государство свое и привелъ въ цвѣтущее состояніе, другой разорилъ свое такъ, что и до нынѣ опамятоваться не можетъ; что конечно ни одинъ разумный Шведъ имени короля Карла XII не помянетъ безъ отвращенія... Это подтверждалъ и князь Иванъ Сергѣичъ. По семъ разговорились о Кейслеровомъ путешествіи и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и переводили. Первый тотъ *нѣкто* сказалъ на то: «однако жъ они всѣ одной вить смертью умерли, то есть спились.» Тутъ тотчасъ, оборотясь ко мнѣ, изволилъ говорить Великій Князь: *вотъ слышишь ли, вить это не ложь, я думаю?* Я отвѣчалъ, что коротко ихъ не зналъ и о кончинѣ ихъ не извѣстенъ, и что и того не знаю, почему и тотъ господинъ такія подробности могъ вѣдать. Послѣ стола порѣзвясь, Его Высочество изволилъ сѣсть учиться. Потомъ пошли на маскарадъ со всѣмъ маленькимъ нашимъ приборомъ. Его Превосходительства Никиты Ивановича не было: у братца былъ (5). Съ маскараду пришли мы въ девятомъ часу въ началѣ. Его Высочество очень гнѣвнымъ изволилъ себя противъ меня оказывать. А поступки своей истинно никакой не знаю. Опочивать изволилъ лечь Государь Великій Князь въ десятомъ часу въ началѣ.

Декабря 9. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Точить изволилъ и разговаривалъ съ токарнымъ мастеромъ Мюріеленъ о токарномъ дѣлѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, графъ Иванъ Григорьичъ Чернышевъ, г. Салдернъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, который отъ полку своего изъ Лифляндіи вчерась пріѣхалъ. Разговаривали о битьѣ скотины: что у насъ бойни сдѣланы отовсюду открыто; что отъ вони нельзя къ нимъ приближиться; что мясники ходятъ всѣ перемараные, какъ палачи; что въ другихъ мѣстахъ скотину бьютъ на дворахъ и никто того не видитъ. Графъ Петръ Александровичъ говорилъ, что въ Данцигѣ великій въ этомъ порядокъ. Гр. Иванъ Григорьичъ сказывалъ, что и въ Ревелѣ также въ этомъ чистота великая; что въ мясномъ ряду разныя части мяса прицѣплены крючьями къ веревкѣ, которая ходитъ по блокамъ, такъ что, посмотря одну часть, ежели она не полюбится, можно велѣть прицѣпить ее опять и по блоку передвинуть веревку; тогда снимутъ другую часть и такъ далѣе; что въ Парижѣ никто почти не печетъ въ домѣ хлѣбовъ: какой изволишь, можно во всякое время получить изъ харчевенъ; что часа за два передъ обѣдомъ можно заказать себѣ столъ человѣкъ на пятьдесятъ и прочее. «Что до опрятности и до чистоты касается,

говорилъ я, такъ легко бы и у насъ ввесть то можно: зависитъ отъ полиціи.» Его Превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьичъ разсуждали тутъ о полиціи весьма разумно. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что генеральному директору полиціи не льзя никоимъ образомъ на всѣ случаи дать наставленія; что существо должности его такое, чтобъ самому умѣть при разныхъ обстоятельствахъ употреблять и хитрость, и строгость, и принадлежащіе къ соблюденію порядка способы. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ особливый и весьма чудный примѣръ совершенной полиціи, случившійся во Франціи съ нѣкакимъ чужестранцомъ на дорогѣ отъ Ліона къ Парижу. Его же Сіятельство сказывалъ, что въ Вѣнѣ положена смертная казнь, если кто съ двора украдетъ кошку или собаку; кто лошадь украдетъ, тому наказаніе тѣлесное. Сіе узаконеніе сдѣлано въ томъ разсужденіи, что лошадь, привязанную въ стойлѣ, отвязать и свесть не трудно; но что тотъ, кто уведетъ собаку или унесетъ кошку, конечно въ состояніи и другое что украсть; и если не укралъ, то за тѣмъ только, что украсть тутъ было нечего, для того что много надобно злодѣйскаго искуства и отваги, чтобъ поймать и унести со двора сихъ животныхъ. Его Превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что если бы въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, тобъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали: запираемъ ворота деревяннымъ запоромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того что въ другихъ земляхъ строятся замкомъ, и ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому: «croyez moi, que ce n'est que bêtise. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit.» Его Высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: *а что жъ, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. По этому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ.* Разговаривая о полицмейстерахъ, какъ выше упомянулъ я, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: «да гдѣжъ у насъ возмешь такова человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ?» Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: *чтожъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ?* Замолчалъ онъ тутъ. Разговорились о богатствѣ Строганова, и графъ Иванъ Григорьевичъ, исчисляя, торговалъ шуткою пермскихъ его вотчинъ. Послѣ стола, отведши Великаго Князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу. Ухвативъ меня за руку, говорилъ онъ Великому Князю: «Вотъ, Ваше Высочество, и Семенъ Андреичъ конечно это апробуетъ.» Кто и не знаетъ меня, тотъ изъ этого журнала заключить можетъ, была-ли отъ меня въ семъ апробація.

[1]) «Семена Порошина Записки, служащія къ Исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника престола Россійскаго» Спб. 1844. Семенъ Андреевичъ Порошинъ, сынъ генералъ—поручика Андрея Ивановича Порошина, бывшаго главнымъ начальникомъ и преобразователемъ Колывано-Воскресен-

скихъ заводовъ, род. 1741 г. и получилъ воспитаніе въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, очень много читалъ, былъ свѣдущъ въ исторіи древней и современной, и особливо въ математикѣ и въ военномъ искуствѣ. Еще будучи ученикомъ, занимался успѣшно литературою: нѣкоторые труды его напеч. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». По выходѣ изъ Корпуса, находился короткое время флигель-адъютантомъ при Петрѣ III. Съ 1762 г. (имѣя отъ роду 23 года) былъ кавалеромъ при в. к. Павлѣ Петровичѣ, т. е. находился при немъ безотлучно, училъ его математикѣ и во вседневномъ обращеніи съ нимъ старался внушать ему благонравіе и любовь къ отечеству. Каждый вечеръ записывая, для памяти, все, что происходило днемъ у Великагб Князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этого журнала, написать со временемъ полную и связную исторію своего Государя. Въ 1768 г. Порошинъ назначенъ командиромъ староoскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769 г., на походѣ въ Турцію умеръ и похороненъ въ Елисаветградской крѣпости. Записки его (заглавіе которыхъ выставлено выше), съ 20 сентября 1764 г. по 13 января 1766, изданы его внукомъ, В. Порошинымъ, съ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями. По указанію митр. Евгенія, Порошинъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ журналѣ 1760 г.: «Праздное время», и перевелъ двѣ части книги: «Философъ Англинской, или житіе Клевеланда» (Словарь, II). Полный переводъ ея, въ 9 ч., напеч. 1760—1771 г. (Смирдина Катал., № 9525). Авторъ ея— Прево д'Екзиль (Prévost d'Exiles). О ней-то упоминаетъ служанка Мавра въ ком.: «О Время!» (Хрест., I, 280).

[2]) Гр. Панинъ, воспитатель в. к. Павла Петровича.

[3]) Фридрихъ Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго.

[4]) Въ сочиненіи своемъ: «Киропедія».

[5]) Гр. Петра Ивановича Панина.

LI.

ЗАПИСКИ ДАНИЛОВА (1771). ([1]).

Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томже селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, понамарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Понамарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его, и казалось, что у него шеи не было; у него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ; приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и по днесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастова жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель

нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтемъ ученіе• грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сію правду — принудить только робенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало (2).

Выучилъ я у Брудастаго азбуку—отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ была за нашимъ свойственникомъ Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова: по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться, однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица, рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность: я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «полно тебѣ шутить Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; ето такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго апетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ

съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился. Племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки. Она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ: «что дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего», а послѣ, поцѣловавъ его, сказала: чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану (3).

[1]) «Записки Артиллеріи маіора Михаила Василіевича Данилова, написанныя имъ въ 1771 году. Москва. 1842». Изданы П. Строевымъ. Даниловъ (род. 1722, ум. послѣ 1790 г.) обучался въ Артиллерійскомъ Училищѣ, откуда выпущенъ 1743 г. Изъ сочиненій его напечатаны: «Начальное знаніе теоріи и практики въ Артиллеріи» (1762); «Довольное и ясное показаніе, по которому всякой самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи» (1779); «Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ» (1783); «Письмо о совѣсти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. Д.» (1804).

[2]) Отрывокъ этотъ вѣрно знакомитъ съ характеромъ стариннаго ученія, состоявшаго въ механическомъ затверживаніи данныхъ уроковъ. Брудастый—одинъ изъ тысячи старинныхъ учителей.

[3]) Матрена Петровна—истинная Простакова; племянникъ ея воспитывался также, какъ Митрофанъ. Художественная вѣрность лицъ въ «Недорослѣ» всего лучше объясняется такими данными, какъ мемуары.

LII.

ЗАПИСКИ БОЛОТОВА. ([1]).

Теперь, остановясь на минуту, разскажу вамъ нѣсколько болѣе объ этомъ губернаторѣ ([2]), о которомъ я не имѣлъ еще случая съ вами говорить. Онъ былъ одинъ изъ тогдашнихъ нашихъ придворныхъ вельможей, назывался баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, и чиномъ хотя не выше генерал-поручика, но при дворѣ былъ въ нарочитомъ уваженіи и милости у самой тогда царствовавшей императрицы. Эту милость пріобрѣло ему то обстоятельство, что онъ женатъ былъ до того на госпожѣ Скавронской ([3]), находившейся въ особливой милости у императрицы. По ней былъ онъ это время еще въ знати и въ уваженіи, хотя жена его и умерла уже за нѣсколько до того лѣтъ. Ибо какъ другая ея сестра, а его своячена, была за тогдашнимъ великимъ канцлеромъ графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ и этотъ вельможа былъ въ великой силѣ, то поддерживалъ онъ и своего свояка и доставилъ ему это губернаторское мѣсто, которое было тогда весьма значительно; ибо съ должностью

этою сопряжено было управленіе всѣмъ Королевствомъ Прусскимъ.

Будучи опредѣленъ для управленія этимъ важнымъ постомъ, который равнялся съ вицеройскимъ мѣстомъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ Кенигсбергъ съ превеликою толпою и многочисленною свитой. Всѣ городскіе начальники и лучшіе люди встрѣчали его торжественно и препроводили въ замокъ, какъ мѣсто, назначенное ему для жилища. Тутъ расположился онъ въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ живали въ прежнія времена сами герцоги и владѣтели прусскіе, и съ самаго пріѣзда своего началъ жить и вести себя съ такою пышностью и великолѣпіемъ, что съ того времени весь Кенигсбергъ власно (4) какъ оживотворился и пошло въ немъ все другое.

Онъ былъ человѣкъ добрый, но характеръ имѣлъ чрезвычайно вспыльчивый. Относительно его разума, можно сказать, что былъ онъ остеръ, но, какъ думать надобно, недовольно былъ изощренъ при воспитаніи, и потому всѣ знанія этого вельможи пріобрѣтены были имъ по привычкѣ, живучи при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, и потому не столько былъ онъ способенъ къ гражданскому управленію и знающъ въ дѣлахъ, къ нему относящихся, сколько свѣдущъ во всемъ томъ, что принадлежало до придворной и свѣтской жизни.

Слухъ, носившійся у насъ еще до прибытія его, что онъ былъ вспыльчиваго и горячаго нрава человѣкъ, былъ не только справедливъ, но далеко еще недостаточенъ. Практика доказала намъ несравненно еще больше, и я не знаю, какъ и какими словами изобразить мнѣ вамъ нравственной характеръ этого человѣка; коротко только скажу, что теперь, когда я это пишу, идетъ мнѣ уже шестидесятый годъ моей жизни и я, въ теченіе этихъ лѣтъ, хотя многихъ людей видывалъ, но не случилось мнѣ еще ни одного видѣть и найти ему подобнаго и такого, который бы такъ много къ гнѣву былъ склоненъ, какъ былъ этотъ человѣкъ. Всякая бездѣлица и ничего незначащій проступокъ въ состояніи были его раздражить и воспалить наивеличайшимъ образомъ. Съ этой стороны, при всей своей славѣ, величіи, богатствѣ, чести и знатности, былъ онъ несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, потому что духъ его былъ въ безпрерывномъ почти безпокойствѣ и досадѣ, и всѣ почти часы и минуты его жизни заражены были ядомъ неудовольствія, и отъ самаго того наилучшія его забавы и увеселенія были несовершенны. Довольно, онъ до того досерживался, что дѣйствительно отъ того занемогалъ и ложился даже въ постелю. И не одинъ разъ бывало онъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ умильнѣйшимъ образомъ просилъ и умолялъ, чтобъ они его не сердили, но у нихъ всего менѣе на умѣ было умышленно его разсерживать: всякой, для собственнаго своего спокойствія, самъ отъ того наивозможнѣйшимъ образомъ убѣгалъ и остерегался.

Скажу вамъ, однако, что трудно намъ было жить и привыкать, терпѣть вспыльчивость нашего генерала только сначала; впослѣдствіи мы такъ уже къ нимъ привыкли, что ни во что ихъ себѣ не ставили, и вмѣсто того, чтобъ его ненавидѣть, мы всѣ его любили.

Вы удивитесь этому, но вы перестанете удивляться, когда, для растолкованія этой загадки, скажу вамъ далѣе, что генералъ нашъ сколько, съ одной стороны, былъ дуренъ, столько, съ другой, хорошъ тѣмъ, что былъ вовсе не злопамятенъ и отъ природы имѣлъ самое доброе сердце. Не успѣетъ такая его горячность пройти (и, по счастью, продолжалась она обыкновенно самое корот-

кое только время), какъ становился онъ уже смирнѣе агнца и дѣлался наиласковѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, и можно было съ нимъ что хочешь говорить; а это и было причиною, что мы болѣе о немъ сожалѣли, нежели на него досадовали, и охотно ему брани его прощали, ибо удостовѣрены были въ томъ, что не произойдетъ отъ того никакихъ слѣдствій, и что не премѣнится чрезъ то нимало прежнее и хорошее расположеніе его ко всякому. И какъ онъ, сверхъ того, имѣлъ то въ себѣ хорошее, что онъ никакъ дѣйствительнаго зла не дѣлалъ, но болѣе къ благодѣтельству былъ склоненъ, то мы за то его и любили.

Описавъ такимъ образомъ часть нравственнаго его характера, пойду теперь далѣе и разскажу, что мнѣ, впрочемъ, было о немъ извѣстно. Какъ ни великъ въ немъ былъ помянутый недостатокъ, однако онъ умѣлъ весьма счастливо заслужить его блескомъ наружной своей, пышной и великолѣпной жизни и пріятнымъ своимъ и дружелюбнымъ со всѣми жителями этого города обхожденіемъ. Будучи самъ по себѣ довольно богатъ, а притомъ получая превеликое жалованье, а сверхъ того еще по 6,000 рублей ежегодно на столъ, что тогда было очень велико, и будучи бездѣтенъ и не имѣя кому имѣніе свое прочить, жилъ во всю бытность свою въ Кенигсбергѣ прямо, славно и великолѣпно, и не такъ, какъ бы генералъ-поручику, но какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю или, по крайней мѣрѣ, вицерою жить было надобно. Словомъ, онъ проживалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленные доходы. Платье, экипажи, ливреи, лошади, прислуга, столъ и все прочее было у него столь на пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прусскихъ жителей къ себѣ; а какъ присовокупилъ онъ ко всему тому со временемъ и весьма частыя угощенія у себя всѣхъ наизнаменитѣйшихъ жителей кенигсбергскихъ и старался доставлять всякаго рода увеселенія, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ, то чрезъ то власно какъ оживотворился весь городъ и санъ его сдѣлался у всѣхъ такъ важенъ, какъ бы дѣйствительно какого-нибудь владѣтельнаго герцога, и онъ пріобрѣлъ любовь отъ всего Прусскаго Королевства.

Вотъ какого мы имѣли тогда губернатора! Теперь скажу вамъ, что не успѣлъ онъ осмотрѣться, какъ первое его стараніе было познакомиться со всѣми живущими въ городѣ знатнѣйшими прусскими дворянскими фамиліями. Тутъ находилось, около этого времени, ихъ довольно, и въ числѣ ихъ были нѣкоторые графы и бароны, какъ напримѣръ графъ Станиславскій, графъ Кейзерлингъ, графъ Финкъ и нѣкоторые другіе, а изъ госпожъ были не только графини и баронессы, но и самыя принцессы, какъ напримѣръ: принцесса Гольштейн-Бекская; изъ дворянскихъ же фамилій, а особливо госпожъ, было множество. Онъ объѣздилъ тотчасъ всѣ наизнатнѣйшіе дома самъ; а чтобъ и со всѣми прочими ознакомиться, то, чрезъ нѣсколько времени послѣ своего проѣзда, сдѣлалъ для всѣхъ превеликой пиръ, а потомъ далъ балъ, на который званы были всѣ благородные обоего пола.

При этомъ случаѣ, впервые увидѣли мы все прусское находившееся дворянство; и какъ для приглашенія употребленъ былъ его адъютантъ, и по множеству домовъ одинъ этого дѣла исправить не могъ, то употребленъ былъ на вспоможеніе ему, при семъ случаѣ, я.

Для меня дѣло это было совсѣмъ новое и необыкновенное. Мнѣ дали верховую лошадь, и я долженъ былъ, по данному мнѣ реестру, всѣ дворянскіе домы

въ городѣ отъискивать, господъ и госпожъ тамошнихъ звать и потомъ вмѣстѣ съ адъютантомъ ихъ въ замкѣ принимать и во время стола и бала всячески угащивать стараться. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ я никогда еще не обращался, однако, изъ послушанія и въ угодность генералу, старался свою должность какъ можно лучше исправить. Пріятель мой, адъютантъ, помогалъ мнѣ своими совѣтами и примѣромъ и, при помощи его, исправилъ я все такъ хорошо, что генералъ мой былъ мною доволенъ. Впрочемъ, за трудъ мой съ лихвою награжденъ я былъ тѣмъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при присутствіи на этомъ пиру и торжествѣ. Гостей обоего пола, а особливо дамъ и дѣвицъ, было превеликое множество; и какъ до того времени мнѣ никогда еще не случалось бывать на собраніяхъ столь многочисленныхъ и знатныхъ, то какъ самое собраніе, такъ и танцы и музыка плѣняли всѣ мои чувства и мысли, и я не могъ всему насмотрѣться и надивиться; а это и было причиною, что я въ послѣдующее время, когда случались у насъ таковые же праздники, охотно для смотрѣнія ихъ хаживалъ и безотговорочно принималъ на себя труды и коммиссіи, если когда какія мнѣ отъ генерала поручались.

Такимъ образомъ началъ я вести новый и совсѣмъ отъ прежней отмѣнный родъ жизни и мало по малу привыкать къ новой моей должности. И какъ труды мои услаждались тѣмъ удовольствіемъ, что я былъ всегда при людяхъ, могъ слышать, видѣть и узнать все происходившее какъ тутъ въ городѣ, такъ и въ самой арміи, которая находилась въ походѣ и изъ которой получаемыя извѣстія становились съ часу на часъ интереснѣе, любопытнѣе и важнѣе, а при всемъ томъ имѣлъ всегда и хорошій столъ: то и привыкъ я къ ней очень скоро, и она мнѣ не только сдѣлалась сноснѣе, но я началъ находить въ ней уже и удовольствіе и скоро пересталъ совсѣмъ скучать ею.

По прошествіи нѣсколькихъ первыхъ недѣль, письменныя дѣла мои начинали не только уменьшаться ([5]), но нерѣдко и совсѣмъ перемежаться, такъ что иногда по нѣскольку часовъ сиживалъ я совсѣмъ безъ дѣла. По привычкѣ моей съ малолѣтства къ всегдашнимъ упражненіямъ, праздные часы эти стали мнѣ уже и скучны становиться, такъ что я, не занимаясь ничѣмъ, иногда даже тосковалъ оттого. Это обстоятельство причиною было тому, что я вздумалъ въ запасъ на такіе случаи приносить съ собою съ квартиры кой-какія книжки и въ праздное время занимался чтеніемъ ихъ, ибо иного ничего дѣлать было тутъ не можно; а отъ сего и произошли для меня многія пользы: ибо, во первыхъ, занимался въ праздные часы полезнымъ для себя упражненіемъ и снискивалъ часъ отъ часу болѣе себѣ знаній; во-вторыхъ, избавлялся скуки; въ-третьихъ, препятствовалъ мыслямъ своимъ заниматься отъ праздности другими предметами, могущими обратиться мнѣ во вредъ и впредь въ осужденіе, а въ-четвертыхъ, наконецъ, самымъ тѣмъ подалъ поводъ пріятелю моему, адъютанту, расхвалить мнѣ одну знакомую ему книжку, а именно: «Нравоучительныя размышленія» графа Оксенштирна ([6]). Онъ расхвалилъ мнѣ ее до небесъ и тѣмъ такъ меня поджогъ, что я непремѣнно положилъ ее себѣ купить и, сыскавъ свободный часъ, побѣжалъ искать книжной лавки и ее спрашивать.

День, въ который я это учинилъ, былъ для меня поистинѣ блаженнымъ. Не могу довольно изобразить, какимъ восхищеніемъ поразился я, вошедъ въ тамошнюю книжную лавку, въ которой до того не случалось еще бывать мнѣ

ни однажды. Одинъ изъ товарищей моихъ, Нѣмцевъ, взялся проводить меня въ нее и указать тотъ глухой и неизвѣстный мнѣ переулокъ, въ которомъ она находилась. Не бывавъ никогда въ порядочныхъ и большихъ книжныхъ лавкахъ, поразился я воззрѣніемъ на преужасное множество непереплетенныхъ книгъ, лежащихъ не только въ стопахъ по полкамъ, но и разложенныхъ по всѣмъ столамъ и прилавкамъ такъ, что ихъ титлы и заглавія можно было единымъ взоромъ обозрѣвать и видѣть. Я не зналъ, куда мнѣ и на какую изъ нихъ обращать мои взоры и какую разсматривать прежде и какую послѣ. Нѣсколько минутъ препроводилъ я власно какъ въ изступленіи и не пересматривалъ, а пожиралъ глазами всѣ ихъ. Еслибъ можно было, то всѣ бы я ихъ себѣ заграбилъ—такъ прельщался я этимъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ объ Оксенштирнѣ, услышалъ, что она не только есть, но, не смотря на всю величину свою, такъ была дешева, что изъ бывшихъ со мною денегъ еще большая половина осталась, и я могъ купить на нихъ и еще нѣсколько книгъ, которыхъ мнѣ титулы полюбились.

Съ превеликимъ удовольствіемъ побѣжалъ я оттуда къ переплетчику, чтобъ отдать ихъ переплесть, а между тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ улицы и переулки, по которымъ бы ходить мнѣ впредь въ эту лавку. Она и подлинно нерѣдко удостоивалась моего посѣщенія и принесла мнѣ въ послѣдующее время неоцѣненныя пользы.

Получивъ на другой день моего Оксенштирна отъ переплетчика, приступилъ я тотчасъ же къ чтенію. Нѣсколько дней читалъ я эту книгу не уставая; и хотя была она не изъ самыхъ лучшихъ, но для меня послужила тогда въ превеликую пользу. Сочинитель говорилъ въ ней обо всемъ на свѣтѣ и о всей человѣческой жизни; вперилъ въ меня множество весьма хорошихъ и такихъ мыслей, которыя послужили мнѣ великимъ побужденіемъ къ порядочной жизни и къ возможнѣйшему удаленію пороковъ, а что всего лучше, заохотилъ меня и къ дальнѣйшему чтенію подобныхъ книгъ. Словомъ, я книгѣ этой весьма много обязанъ: и такъ я ее полюбилъ, что нѣкоторыя статьи изъ ней даже въ праздное время переводить вздумалъ, и понынѣ не могу на нее взглянуть безъ нѣкотораго чувства благодарности.

Таковое-то стеченіе разныхъ обстоятельствъ было причиною и поспѣшествованіемъ помянутой, сдѣлавшейся тогда во мнѣ первоначальной перемѣны въ мысляхъ и въ поведеніи. Съ того времени, при помощи благодѣтельныхъ ко мнѣ Небесъ или, собственно сказать, пекущагося обо мнѣ промысла Божескаго, пошелъ я часъ отъ часу далѣе и власно какъ по лѣстницѣ: но объ этомъ буду я разсказывать впредь въ свое время.

[1]) «Отеч. Зап. 1851, № 4.» Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ (р. 1738, у. 1833 г.) первыя лѣта жизни провелъ въ Лифляндіи и Финляндіи, служилъ въ военной службѣ и совершилъ кампанію въ Пруссіи (1757—1761 г.); по вступленіи Петра III на престолъ состоялъ адъютантомъ при генералъ-полицмейстерѣ баронѣ Корфѣ. Вышедъ въ отставку, занялся агрономіей: съ 1780 по 1791 г. издавалъ при Москов. Вѣдомостяхъ «Экономическій Магазинъ» (Смирд. № 5134); кромѣ того помѣщалъ статьи въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», котораго былъ членомъ, и сочинилъ «Краткія замѣчанія о электрицизмѣ», нап. 1803 (Смирд. № 4289). Записки свои началъ писать 1789 г. Шесть частей ихъ напеч. въ Отеч. Зап. 1850—51 г.г.

[2]) Николай Андреевичъ Корфъ, назначенный губернаторомъ въ Кенигсбергъ, по вступленіи въ этотъ городъ русскихъ войскъ. При Петрѣ III получилъ онъ мѣсто главнаго директора надъ полиціями.

[3]) Катерина Карловна, родная племянница Екатерины I. Другая ея племянница, Анна Карловна, была за мужемъ за М. Л.

Воронцовымъ, а третья, Софья Карловна, за графомъ Сапѣгою.

[4]) Словно, точно.

[5]) Болотовъ былъ прикомандированъ къ канцеляріи барона Корфа, для перевода съ нѣмецкаго прошеній, подаваемыхъ жителями Кенигсберга.

[6]) Внукъ Акселя Оксенштирна, перваго министра и канцлера при Густавѣ Адольфѣ, бывшій шведскимъ посланникомъ на рисвикскомъ конгрессѣ (р. 1641, ум. 1707). Сочиненіе его переведено на рус. яз. въ 1771 г. П. Нечаевымъ: «Размышленія и нравоучительныя правила гр. Оксенстирна» (Смирд. № 1989). Другой переводъ 1792 г. (ib. № 1302).

LIII.

ПАЛЛАСЪ. ([1]).

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ (1769-74).

Рыбная ловля на Волгѣ.

Не думаю, чтобы какая рѣка въ Европѣ была столь богата рыбою, какъ Волга со всѣми текущими въ ее рѣками. Не токмо близь лежащія страны имѣютъ изобиліе всякой рыбы; но и сія рѣка купно съ Яикомъ снабдѣваетъ цѣлое государство осетрами, бѣлугами и прочею я множествомъ другой рыбы.

Собственныя Волгѣ рыбы, которыя въ малыя при ней рѣки только рѣдко или со всемъ не заходятъ, суть слѣдующія: бѣлуга, осетръ, стерлядь, севрюга, красная рыба, бѣлая рыбица; а наипаче сазанъ, сомъ, желѣзница и чехонь.

Бѣлуга не рѣдко попадается въ Волгѣ длиною отъ 20 до 25 пяденей ([2]), и вѣсомъ бываетъ отъ 30 до 45 пудовъ. Въ протчемъ число малыхъ съ молоками бѣлугъ, которыя длиною до осми пяденей, несравненно больше числа большихъ икряныхъ. Осетровъ ловятъ отъ пяти до осми пяденей длиною, а вѣсомъ отъ 20 до 22 пудовъ. Но отъ бѣлугъ и осетровъ отличаютъ тѣхъ, у которыхъ носъ длиннѣе и острѣе, такъ же тѣломъ тучнѣе и глаже, и особливымъ именемъ, то есть *шипъ* называютъ. Но сіи попадаются въ Волгѣ не очень часто, и по большой части сію рыбу почитаютъ за лучшую; да и вкусомъ она пріятнѣе. У малыхъ Каспійскому морю собственныхъ осетровъ или стерлядей можно примѣтить великую разность въ длинѣ носа: по чему и называютъ ихъ особливымъ именемъ. Сей родъ рыбы длиною не много больше аршина или въ четыре пядени, а вѣсомъ рѣдко бываетъ въ 12 фунтовъ. По величинѣ и по вѣсу средняя между сими и вышеупомянутыми большими рыбами называется севрюга. Въ здѣшнихъ рыболовныхъ мѣстахъ Волги попадается оная чаще, нежели осетры, которыхъ можетъ быть больше ловятъ еще въ нижнихъ поволжскихъ странахъ, или они гораздо меньше заходятъ въ сію рѣку, нежели въ Яикъ. Примѣчанія достойно, что между сими рыбами не находятъ особливой разности въ величинѣ, и что самцы и самки почти всѣ длиною до осми пяденей, а вѣсомъ отъ 20 до 35 фунтовъ.

Волжскіе жители еще отличаютъ одинъ родъ осетровъ, который не много больше стерляди и съ виду подобенъ осетру, но весьма шероховатъ и колокъ. Такую рыбу называютъ они *костерою* и ловятъ только рѣдко. Но я думаю, что по сравненію сихъ многихъ рыбъ и разнаго ихъ возраста можно заподлинно сказать, что костеры суть ни что иное, какъ молодые осетры, и чѣмъ они становятся старѣе, тѣмъ бываютъ тучнѣе и глаже. Хотя костеры и очень рѣдко попадаются,

однако ихъ почти за ни что почитаютъ.

Красную рыбу примѣчаютъ въ Волгѣ только въ двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ года, да и то очень рѣдко. Напротивъ того съ начала генваря даже до іюня тѣмъ многочисленнѣе идетъ бѣлая рыбица въ верьхъ по Волгѣ. Какъ красная, такъ и бѣлая рыбица величиною бываетъ отъ трехъ до пяти пяденей, а вѣсомъ рѣдко до 30 фунтовъ.

Сазаны бываютъ иногда длиною до седьми пяденей, по тому и вѣсомъ больше; но ловятъ ихъ разной величины, и по большой части малыхъ и среднихъ. Сомы хотя величиною и меньше бѣлугъ, однако видали изъ нихъ долѣе, нежели въ десять пяденей, и тяжелиною въ нѣсколько пудъ. По большой части ловятъ ихъ весною и осенью, и вездѣ извѣстны по тому, что быстрымъ своимъ стремленіемъ перескакиваютъ чрезъ сѣть, или оную разрываютъ и другую рыбу съ собою уводятъ.

Желѣзница или бѣшеная рыба идетъ съ начала маія до исхода лѣта большими стадами въ верьхъ по Волгѣ и не рѣдко наполняетъ сѣти къ неудовольствію рыбаковъ; ибо по пудному мечтанію, будто бы отъ употребленія сей рыбы люди съ ума сходятъ, Россіяне не ѣдятъ, но либо бросаютъ, или почти ни за что отдаютъ Мордвинцамъ и Чувашамъ, которые, не будучи заражены онымъ мечтаніемъ, употребляютъ въ пищу безъ всякаго вреда, и рыбу желѣзницу отчасти ѣдятъ свѣжую, а отчасти вялятъ въ запасъ. Въ протчемъ сія рыба, какъ то извѣстно, весьма удобна къ копченію и могла бы быть великою помощію простому народу въ государствѣ, естьли бы только оставили помянутое мечтаніе. Въ Волгѣ находится она превосходной величины, и видъ имѣетъ обыкновенной, выключая токмо то, что нѣтъ на ней ни малѣйшаго слѣда черныхъ пятенъ.

Чехонь ловится вмѣстѣ съ желѣзницею въ весеннее время, и почти съ оною одинакой величины; но по своей сухощавости столь же мало почитается, и только скудные жители ѣдятъ оную отчасти живую, а отчасти соленую.

Кромѣ вышепомянутыхъ находится въ Волгѣ и во всѣхъ въ ее текущихъ рѣкахъ множество другихъ и почти вездѣ извѣстныхъ рыбъ, а именно: весьма много судаковъ и бершиковъ; но сихъ послѣднихъ можно почитать за смѣшеніе судака съ окунемъ. Въ числѣ чешуйчетыхъ рыбъ, коихъ здѣсь много разныхъ родовъ, находятся самые знатные и въ пищу употребляемые лещи, кони или жерехи и головли; а особливо лещей ловятъ несказанное множество, и вмѣстѣ съ сазанами вялятъ на продажу.

Также въ Волгѣ довольно и такъ называемыхъ миногъ; но ихъ мало ловятъ. Въ нѣкоторыхъ, въ Волгу и Свіягу текущихъ, рѣчкахъ водится и обыкновенная рыба крошица. Но только нѣтъ угрей ни въ Волгѣ, ниже во всѣхъ, начиная отъ вершины, впадающихъ въ оную рѣкахъ и рѣчкахъ, или въ близъ лежащихъ озерахъ, да и далѣе во всей Сибири оныхъ не примѣчено. Напротивъ того тѣмъ больше находится налимовъ, и наипаче ловятъ ихъ зимою удами, подъ ледъ опущенными, на которыя насаживаютъ тонкіе кусочки разрѣзанной рыбы. Такъ же въ Волгѣ множество раковъ, и при томъ чрезвычайной величины, но худаго вкуса: и какъ простый народъ въ сихъ дальныхъ странахъ Россіи имѣетъ отъ нихъ отвращеніе, то ловятъ ихъ только въ большихъ городахъ и господскихъ деревняхъ, въ коихъ находятся незараженные пустымъ мнѣніемъ люди; при томъ же ловятъ ихъ больше въ зимнее время, нарочно сдѣланнымъ для того сакомъ ([3]) безъ ручки, въ средину котораго кладется камень, и привязывается кусокъ рыбы; по томъ опускаютъ оной на дно въ проулбяхъ подлѣ берега; и такъ нѣсколько

разъ днемъ вынимаютъ сакъ съ набравшимися въ него раками.

¹) «Палласа путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи, 3 ч. Спб. 1773–88». Палласъ (Петръ Симонъ) род. 1741 г. въ Берлинѣ и обучался въ Лейденскомъ университетѣ. Екатерина II вызвала его въ Петербургъ (1767) и предложила ему мѣсто академика въ Ак. Н. Въ 1768 г. снаряжены были четыре экспедиціи: двѣ «астраханскія» и двѣ «оренбургскія», для описанія Россіи въ естественномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Онѣ имѣли цѣлію производить изслѣдованія и наблюденія касательно всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, показывать выгоды и недостатки разныхъ областей, описывать нравы и обычаи ихъ жителей, изыскивать способы къ улучшенію промышленности. Астраханскія экспедиціи находились подъ начальствомъ академиковъ: Самуила Гмелина и Гильденштедта, и осмотрѣли сѣверную, восточную и западную части Россіи; а оренбургскія ввѣрены были Палласу, къ которому присоединились: Лепехинъ,478Фалькъ, Георги, Зуевъ и Озерецковскій и которые осмотрѣли южную часть Россіи, съ одной стороны до прилежащихъ персидскихъ областей и самую Персію, съ другой до Кавказа и Грузіи, и самыя эти страны. Путешествія продолжались съ 1768 по 1774 г. Путевыя записки, веденныя академиками, содержатъ въ себѣ не только подробное описаніе нашего отечества, познакомившее съ нимъ Европу, но и множество наблюденій и открытій, обогатившихъ естественныя науки. Путевыя записки Палласа, обозрѣвшаго губерніи Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую, Сибирь и Тавриду, изд. на нѣм. яз., въ 3 ч. (1771–76 г.); русскій переводъ, Туманскаго и Зуева, въ 3 ч., (Заглавіе см. выше). Въ 1791 г., по разстроенному здоровью, Палласъ поселился въ Крыму, на пожалованныхъ ему земляхъ, гдѣ завелъ училище винодѣлія и разведенія садовъ. Ум. 1811 въ Берлинѣ, куда поѣхалъ для свиданія съ своимъ братомъ. Отрывки изъ путешествій взяты въ Христоматію, какъ образцы ученаго языка временъ Екатерины, преимущественно въ изложеніи предметовъ естествознанія.

²) Пядень, пядь-длина между протянутыми пальцами—большимъ и указательнымъ.

³) Сѣтяной мѣшокъ.

LIV.

ЛЕПЕХИНЪ. (¹).

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ РОССІИ.

Озеро Эльтонъ.

Подъѣзжая къ Эльтону, представлялося глазамъ нашимъ на небѣ великое зарево, подобное тому, какое въ темныя ночи бываетъ при нещастныхъ пожарныхъ случаяхъ. Зарево сіе происходило отъ озера, въ которомъ тулзукъ или рапа (²) такой же имѣла цвѣтъ. По берегамъ озера съ пріѣзду были построены бѣдные шелаши и землянки, въ которыхъ жили ломщики. Тутъ находится довольная команда козаковъ и другихъ военныхъ людей для предохраненія рабочихъ. Рабочіе люди всѣ вольные и никакой казенной платы не получаютъ, но единственно питаются продажею соли возчикамъ, которую они добываютъ въ озерѣ и привозятъ на озерной берегъ. Возчикамъ за возъ соли платятъ разно, смотря по времени, когда соль добывается. Самая дешевая плата за возъ бываетъ по 50 копѣекъ, а въ трудное добыванье иногда и по рублю. Соль добываютъ они на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ меньше рапы. Солиломное орудіе состоитъ только изъ искривленной съ широкимъ остреемъ пешни, гдѣ при концѣ дратовища дѣлается костыль, дабы способнѣе было налягать грудью. Работу свою всегда отправляютъ артелями: ибо одному отворачивать глыбы не въ мочь. Тотъ, который долѣе работаетъ на озерѣ, выбираетъ мѣсто, гдѣ удобнѣе запустить пешню: ибо каждый годъ новый слой соли нарастаетъ. Пробивъ слой, запускаетъ свою пешню накось и отдѣляетъ оной отъ нижняго; а артельщики съ другихъ сторонъ стараются отдѣлить

тотъ же слой, чтобы вышла глыба. Отдѣливъ глыбу, подымаютъ руками и кладутъ въ лодки, по тому что иногда верстъ шесть и болѣе въ озеро за солью ѣздятъ. Нагрузивъ лодку, отвозятъ къ берегамъ столь далеко, сколько лодка подойти можетъ, ибо къ берегамъ рапа мѣлка; по чему изъ одной лодки принуждены бываютъ перегружать во многія, при которой перегрузкѣ не рѣдко повреждаютъ себѣ члены. Но какъ въ открытое отвсюду озеро много вѣтрами наноситъ пыли, то соль бываетъ чрезмѣрно грязна; по чему приставы смотрятъ строго, чтобы ломщики соль перечищали. Вся перечистка состоитъ только въ промываніи. На такой конецъ всякая ломщиковъ артель дѣлаетъ покатой токъ, которой убиваютъ глиною. Около тока прокапываютъ неглубокіе ручейки, чтобы рапа могла збѣгать въ озеро. На току большія глыбы токмачами разбиваютъ въ мѣлкіе куски и поливаютъ озерною рапою, которая, смывая, дрязгъ съ собою уноситъ, и соль оставляетъ чистую: ибо рапа, будучи сама насыщена солью, оной мало разводитъ.

Самое озеро Эльтонъ въ окружности своей имѣетъ съ лишкомъ шестьдесятъ верстъ. Берега его мѣстами отлогіе, а мѣстами крутоваты, особливо около урочища, Яицкій шляхъ (3) называемаго. Отлогія пади состоятъ по большой части изъ глины разныхъ цвѣтовъ, какъ то: синей, желтоватой, красноватой, изъ которыхъ послѣдняя болѣе всѣхъ изобилуетъ. Крутецы береговъ наполнены известнымъ камнемъ, въ которомъ видны знаки окаменѣлыхъ черепокожныхъ. Съ известнымъ камнемъ перемѣшенъ красноватый камень, шистъ называемый. Дно озера отъ береговъ на нѣсколько саженъ состоитъ изъ вязкаго илу, который имѣетъ вкусъ обыкновенной поваренной соли; прочее дно озера устилаетъ соль. Десять лѣтъ тому назадъ, какъ озеро сіе покрыто было солью на подобіе льду; но нынѣ годъ отъ году рапа прибавляется. Въ нашу бытность въ самыхъ мѣлкихъ мѣстахъ рапы было около пяти четвертей, а въ дождливые годы иногда въ груди человѣку возрастаетъ, что много препятствуетъ рабочимъ людямъ въ ломкѣ: ибо рапа, будучи тяжела, людей подымаетъ наверьхъ, какъ пузырь. Сосудецъ, который съ отварною волжскою водою вѣсилъ одинъ съ половиною унцъ и одинъ съ половиною скрупулъ, эльтонскою рапою наполненный потянулъ одинъ унцъ съ половиною, двѣ драхмы и два скрупула. Вываренные пятнатцать фунтовъ рапы дали пять фунтовъ съ половиною соли, которая, кромѣ обыкновеннаго соленаго вкусу, имѣла въ себѣ и пряность.

Красной рапы цвѣтъ доказать дѣло сверьхъ моего понятія. Хотя химики доказываютъ, что цвѣты по большой части въ бѣлыхъ тѣлахъ раждаются отъ примѣсу къ нимъ въ разномъ количествѣ возгараемаго начала, что разными утверждаютъ опытами. Въ Эльтонскомъ озерѣ такого не достаетъ начала: доказываетъ запахъ гнилыхъ яицъ въ озерномъ илѣ, и слабительная соль, которая попадается между соляными слоями и состоитъ, какъ то всякому извѣстно, изъ купоросная масла, составляющаго большую часть сѣры, и изъ щелочнаго начала поваренной соли. Но къ чему примѣсясь, возгараемое начало сѣры производитъ красноватой цвѣтъ, за подлинно сказать не могу. Къ точному испытанію сего явленія требуется довольное время, способы и опыты.

Остается теперь сказать о причинахъ убыли соли въ Эльтонскомъ озерѣ. Мнѣ нѣтъ нужды упоминать о мнѣніи простолюдиновъ, которые нѣкоторое свѣденіе приписываютъ озеру о качествѣ разнаго народа на немъ работающаго, которымъ

озеро въ возмездіе за ихъ худую жизнь причиняетъ болѣе труда. Я не предвижу такъ же надобности забираться умствованіемъ въ отдаленныя причины, какъ напримѣръ въ изтощенный долготою времени материкъ, который, годъ отъ году убывая, не можетъ столько протекающей чрезъ него водѣ сообщить соли, сколько сообщалъ прежде въ полныхъ своихъ силахъ. Вѣроятнѣе всего, мнѣ кажется, производить сіе отъ чрезмѣрной вывозки соли, несоотвѣтствующей осадкѣ: ибо по справкѣ въ Соляной конторѣ, съ половины маія, въ которое время обыкновенно ломка начинается, до перваго іюля въ одни Дмитревскіе соляные анбары до двухъ миліоновъ пудъ вывезено. Въ Саратовъ и въ разныя мѣста вольновозчики не менѣе сего количества развезли. И такъ естьли вычислить вывозъ цѣлаго лѣта во всѣ мѣста; то безъ дальныхъ замысловъ прибываніе рапы и уменьшеніе соли окажется.

Какъ около Эльтонскаго озера, такъ и на самыхъ падяхъ онаго въ великомъ изобиліи растутъ различныя соляныя травы, какъ то: соляная лебеда, козлиная солянка, розовая солянка, павилишная солянка, соляная солянка, листовая анабазисъ, травяная саликорнія, каспійская саликорнія, желтокорень татарскій, желтокорень чепыжный.

Всѣ сіи травы изобилуютъ солянымъ веществомъ, которыя при пережиганіи травъ въ пепелъ даютъ ископаемую щелочную соль, называемою суда (⁴). Сколько мнѣ извѣстно, суду получаемъ мы изъ другихъ мѣстъ на наши надобности, не смотря на то, что къ дѣланію ея имѣемъ всѣ способы.

Естьли ободрить только самыхъ солевозчиковъ къ пережиганію помянутыхъ соляныхъ травъ; то не малое количество суды можемъ получать съ Эльтонскаго озера и съ окружающей оное степи. Такое учрежденіе со временемъ можетъ не только дѣлать великое подспорье въ казнѣ, которая ежегодно на покупку суды тратится, но еще много будетъ служить къ сбереженію нашихъ лѣсовъ, употребляемыхъ на поташное дѣло: ибо сія щелочная соль почти на всѣ потребы пригодна, на какія и поташъ употребляется.

¹) «Дневныя записки путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 г. въ 4 ч. Спб. 1771—1805.» Иванъ Ивановичъ Лепехинъ, академикъ по классу ботаники, род. 1737 г., обучался въ Спб., въ Академической Гимназіи, а потомъ въ страсбургскомъ университетѣ. Въ 1768 г. отправленъ Палласомъ для описанія нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверныхъ областей Россіи. Въ первое путешествіе Лепехинъ осмотрѣлъ степь между Волгою и Ураломъ, Уральскія горы, Вятку, Архангельскъ и Бѣлое море; во второе — Псковъ, Торопецъ, Великіе Луки, Могилевъ, берега Западной Двины, Ригу, Перновъ. Ум. 1802 г.

²) Рапа или Ропа—соляной разсолъ самосадочныхъ озеръ, сгустившійся отъ естественнаго испаренія, до степени кристаллированія, или садки соли.

³) Дорога, трактъ.

⁴) Тоже, что сода.

LV.

РЫЧКОВЪ. (¹).

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ КИРГИСЪ-КАЙСАЦКОЙ СТЕПИ (1771).

Обряды погребенія у Киргизцевъ.

Киргизы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе; могилы свои осыпаютъ они каменьемъ, землею, а иногда поставляютъ надъ ними зданія изъ дерева, или изъ дикаго камня сооруженныя. Посреди оныя включается тѣло усопшаго, положенное на коврѣ.

Тамъ родственники и пріятели его, окруживъ оное, изъявляютъ знаки своего сокрушенія и горести, и внемлютъ молитву, читаемую ихъ Муллою, который вмѣстѣ съ симъ моленіемъ прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство и его храбрость въ военныхъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, наслѣдникъ имѣнія усопшаго приуготовляетъ публичной пиръ, употребляя при томъ слѣдующіе обряды. Онъ долженъ жертвовать при семъ празднествѣ нѣкоторою частію своего имѣнія, какъ то: однимъ или двумя плѣнниками, толикимъ же числомъ верблюдовъ, панцыремъ, десятью или дватцатью лошадями, нѣкоторымъ числомъ барановъ, и тому подобнымъ. Основаніе сего празднества есть то, чтобы сею частію поставленнаго имѣнія награждать тѣхъ людей, кои окажутъ при семъ многочисленномъ стеченіи народа отмѣнное искуство въ рыстаніи; по чему каждый пріуготовляетъ для себя наилучшую лошадь, не изключая изъ того и самаго наслѣдника. Но чтобы сіе было безмятежно, то къ сему избираютъ они двухъ знатныхъ посредственниковъ изъ старшинъ своихъ, дабы тѣмъ удобнѣе было засвидѣтельствовано проворство сихъ дикихъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начнется рысталище; другій тамо, гдѣ назначено имъ съѣзжаться. Не извѣстно имъ, коликое число верстъ составитъ то разстояніе, которое скачутъ они въ запуски; но по словамъ ихъ надобно думать, что сіе сдѣлаетъ не менѣе 40 верстъ: ибо приуготовляющіеся къ сему рыстанію обще со своими посредственниками ѣдутъ съ начала весьма тихою ѣздою съ вечера до полудни другаго дня; а въ сей день, когда свалитъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать возвратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ назначенныя имъ корысти, и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ и веселіе обыкновенное въ ихъ землѣ. Плѣнника, такъ какъ наилучшую вещь изъ поставленныхъ въ награжденіе симъ рыцарямъ, беретъ тотъ, который опередитъ всю толпу народа, торжествующаго на семъ празднествѣ; панцырь беретъ послѣдующій за нимъ; третій верблюда; четвертый кармазинный кафтанъ и хорошую шапку; пятый лошадь со всемъ приборомъ; послѣдніе довольствуются лошадьми и баранами. Сверьхъ сего наслѣдникъ имѣнія долженъ выставить на смотръ всему народу наилучшія сокровища умершаго. Любимая его лошадь въ наилучшемъ своемъ убранствѣ должна стоять покрыта черным сукномъ; на другихъ лошадахъ положены наилучшая его одежда, военные снаряды, богатые ковры и кибитки. Всѣ они по порядку привязываются къ протянутой веревкѣ: подлѣ нихъ стоятъ его жены, надрывающіяся со слезъ, такожде и всѣ его плѣнники и плѣнницы. Сей обрядъ основанъ на томъ, чтобы показать народу, сколь много приобрѣлъ онъ имѣнія во время жизни своей, и чрезъ то оставить его въ добромъ мнѣніи у всѣхъ бывшихъ свидѣтелями приобрѣтенныхъ имъ корыстей. Надъ тою кибиткою, гдѣ было жилище усопшаго, выставляется черный значикъ, въ знакъ сокрушенія оставшейся семьи.

[1]) «Дневныя записки путешествія Капитана Николая Рычкова въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 г. Спб. 1772 г.» Николай Петровичъ Рычковъ, адъюнктъ Ак. Н., отправленный съ Палласомъ въ путешествіе, описалъ мѣста по западному берегу рѣкъ Бѣлой и Камы и далѣе до Кунгура и Челябинска, и Киргизскую степь. Записки его путешествія нап. въ 2 ч. (1770—1772 гг.), подъ заглавіемъ: «Журналъ, или дневныя записки путешествія Капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 гг.»; путешествіе по Киргизъ-Кайсацкой степи издано особо, подъ заглавіемъ, выписаннымъ выше.

LVI.

ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ОЗЕРАМЪ ЛАДОЖСКОМУ И ОНЕЖСКОМУ.

Островъ Валаамъ.

Островъ Валаамъ въ окружности имѣетъ 27 верстъ. Берега его индѣ состоятъ изъ каменныхъ утесовъ, которыхъ верьхи покрыты лѣсомъ; индѣ изъ отлогихъ скатовъ и подоловъ горъ, которыми испещренъ весь островъ. Во внутренность его съ разныхъ сторонъ простираются изъ озера великія губы или заливы, коихъ направленія, длина и ширина весьма различны. При одномъ изъ сихъ заливовъ находится Валаамской монастырь въ сѣверной сторонѣ острова и лежитъ по лѣвую сторону залива, которымъ съ озера къ нему подъѣзжаютъ и которой около трехъ верстъ длины въ себѣ имѣетъ. Заливъ сей позади монастыря не въ дальномъ разстояніи оканчивается, и предъ концемъ его, по туже сторону съ монастыремъ, построены для ярманки деревянныя лавки и свѣтлицы для постоя пріѣзжимъ. Сіи послѣднія лежатъ близь губы подъ горою, а монастырь стоитъ на высокой горѣ.

Поверьхность горы, на которой лежитъ монастырь, состоитъ изъ пространной ровной площади, откуда немалую часть острова и Ладожскаго озера видѣть можно. Вообще мѣстоположеніе монастыря весьма красиво, и, можно сказать, величественно.

На всемъ островѣ Валаамѣ кромѣ монастыря нѣтъ никакого другаго селенія; а находятся только въ разныхъ мѣстахъ пустыя хижинки, нарочно построенныя для большаго уединенія валаамскимъ пустынникамъ, изъ коихъ иные удаляются туда отъ своей собратіи, и живутъ въ нихъ по нѣскольку недѣль и мѣсяцовъ. Для сихъ пустынекъ избраны мѣста самыя красивыя, гдѣ взоръ наслаждается пріятностію деревъ, произрастѣній, каменныхъ утесовъ и долинъ, а душа питается размышленіями, кои раждаетъ тишина и уединеніе. Но и безъ сихъ пустынекъ пребываніе въ самомъ монастырѣ столь уединенно, что кромѣ годовой ярманки очень рѣдко бываютъ тамъ пріѣзжіе люди. Окружающее островъ сей Ладожское озеро отдѣляетъ валаамскихъ пустынниковъ отъ сообщенія съ набережными жителями, и никто изъ нихъ туда не ѣздитъ какъ развѣ по случаю.

Кромѣ пахотныхъ мѣстъ, луговъ и лѣсу, находится на островѣ хорошая глина, которая употребляется на дѣланіе кирпичей для начатаго каменнаго строенія. Кирпичи дѣлаются верстахъ въ трехъ отъ монастыря наемными работниками, которые за тысячу кирпичей съ подрядчика получаютъ по полтора рубля, а подрядчикъ за туже тысячу беретъ съ монастыря по три рубли. Возлѣ глины, которая цвѣтомъ свѣтлосиняя и лежитъ въ долинѣ подъ самою поверьхностію земли, находится и песокъ по край бора, соснягомъ покрытаго. При самомъ семъ мѣстѣ сдѣланы печи для обжиганія кирпича и большая изба для житья работникамъ, которыхъ въ бытность мою было тамъ 42 человѣка, и всѣ они пришельцы изъ Ярославля. Известь жгутъ близь монастыря изъ мраморнаго щебня, которой привозятъ на судахъ съ острова Ювеня, лежащаго верстахъ въ тридцати отъ Валаама близъ города Сердоболя, гдѣ добывается блѣднозеленой марморъ для казенныхъ въ С.Петербургѣ строеній. Деньгами на строеніе, по сказкамъ валаамскаго стро-

ителя и монаховъ, снабдѣваетъ обитель сію новогородскій и с. петербургскій митрополитъ Гавріилъ.

Кромѣ всего сказаннаго имѣютъ валаамскіе пустынники на островѣ своемъ великое множество такого вещества, которымъ они не пользуются, а именно желѣзной руды, которая лежитъ на самой поверьхности земли сливными камнями темнокраснаго цвѣта и составляетъ цѣлыя горы и стоячіе надъ водою утесы. Руда сія находится и въ той самой горѣ, на которой стоитъ монастырь. Съ перваго виду кажется она твердымъ дикимъ камнемъ; но когда ударишь о такой камень молотомъ, то онъ растрескивается и распадается наконецъ въ разнообразныя глыбы, кои зернисты и сложеніемъ своимъ походятъ на дресву. Естьли же кусокъ такого камня разобьешь молотомъ въ мелкой порошокъ и приложишь къ порошку сему магнитъ, то желѣзныя частицы прилипаютъ къ нему въ такомъ множествѣ, что весь почти разбитой камень безъ большаго остатка пристаетъ къ магниту, изъ чего смѣло заключить можно, что руда сія желѣзомъ должна быть изобильна. Заключеніе сіе подтверждаетъ извѣстной желѣзной песокъ, которой въ С.Петербургѣ продается въ лавкахъ и привозится съ острова Валаама, гдѣ находится онъ въ трехъ только мѣстахъ, а именно: у Креста неподалеку отъ монастыря, въ Никоновой пристанѣ и на Баенномъ островкѣ въ Баенной пристанѣ. Онъ выметывается изъ озера на упомянутыя мѣста сильнымъ волненіемъ во время жестокихъ бурь, а въ тихую погоду совсѣмъ его тамъ не бываетъ. Весьма вѣроятно, что тяжелой сей песокъ не изъ дали водою туда приносится, а вымывается сильными ударами волнъ изъ самаго берега, водою окруженнаго; изъ чего явствуетъ, что желѣзная руда отъ поверьхности острова далеко внутрь земли простирается, и судя по песку, которой походитъ на чистое желѣзо, въ порошокъ превращенное, не безъ основанія думать можно, что въ глубинѣ земли желѣзная руда еще добротнѣе, нежели какова она на поверхности острова. Но и сія столько имѣетъ хорошихъ признаковъ, что заслуживаетъ испытаніе искусныхъ рудоплавильщиковъ. Я знаю, что на островѣ Валаамѣ не найдутся всѣ удобности къ заложенію на немъ желѣзноплавильнаго завода, потому что нѣтъ тамъ рѣки для заводскаго пруда потребной и не имѣетъ онъ столько на себѣ лѣсу, чтобъ на многіе годы для завода стать его могло: но какъ островъ сей лежитъ недалеко отъ выборгскаго берега, которой и рѣками и лѣсомъ изобилуетъ, то желѣзную руду, добывая на Валаамѣ, водою можно возить на берегъ и тамъ плавить.

Лѣсъ на Валаамѣ наибольше изобилуетъ сосннгомъ, которой на каменистыхъ борахъ рѣдокъ, но по низкимъ и суземистымъ мѣстамъ ростутъ всякія другія деревья, между которыми нерѣдко попадается кленъ. Возлѣ монастыря находится цѣлая кленовая рощица, въ которой показываютъ пустынники могилу нѣкотораго шведскаго принца. Могила сія не имѣетъ никакого надгробнаго камня и слѣдовательно никакой надписи, а лежитъ на ней тонкая большая плита, которая по небреженію жителей раздавлена лошадью. По сказкамъ монаховъ, погребенной тамъ нѣкогда принцъ занесенъ былъ на Ваaламъ сильною бурею, и, потерявъ у сего острова свое судно, остался на немъ до конца своей жизни. На каменныхъ холмахъ по острову между мхами попадается шиповникъ (дикая роза), которая вышиною бываетъ не болѣе фута, однакожъ приноситъ блѣднокрасные цвѣтки и ягоды. Въ тѣнистыхъ мѣстахъ между деревьями растетъ волчья липа, которой

ѣдкая кора нарываетъ на тѣлѣ человѣческомъ пузыри, а ягоды причиняютъ жаръ и опухоль на щекахъ, естьли ими натереться, какъ то дѣлаютъ иногда деревенскіе ребята, но, не смотря на сію ѣдкость, избные тараканы весьма до деревца сего жадны, объѣдаютъ на немъ листья и оглодываютъ кору до самаго дерева, что много разъ извѣдать мнѣ случилось, когда, принося изъ лѣсу его вѣтьви, оставлялъ ихъ на ночь въ крестьянскихъ избахъ. Всѣ другія деревья, какія въ сѣверныхъ странахъ водятся, растутъ такъ же и на семъ островѣ, на которомъ изъ плодоносныхъ кустовъ плодовитѣе всѣхъ малина.

Изъ звѣрей на Валаамѣ видѣлъ я однихъ зайцовъ, а въ губахъ, которыя отъ озера внутрь острова простираются, показываются временемъ небольшіе черные тюлени, которые выходятъ изъ воды на камни и на нихъ покоятся. Они нерѣдко заползаютъ въ мережи, кои ставятся для рыбы въ узкихъ перешейкахъ заливовъ. Сюда заходятъ они для поядения рыбы, въ мережи набившейся, которую пожравъ прогрызаютъ и самыя снасти, чтобъ выдраться изъ нихъ опять на волю. Часто такъ же хватаютъ тюлени за рыбокъ, на крючки насаженныхъ, и попадаются вмѣсто рыбы, для которой крючки въ озеро опускаются. Случается иногда вытаскивать тюленей и въ неводахъ, которыми ловятъ рыбу; но обыкновенно бьютъ ихъ изъ ружей, и сала снимаютъ съ тюленя около двухъ пудовъ.

[1]) «Путешествіе по озерамъ Ладожскому, Онежскому и вокругъ Ильменя (1785 г.) Спб. 1792 г.» Николай Яковлевичъ Озерецковскій (р. 1750, у. 1827), академикъ и членъ Главнаго Правленія училищъ, обучался въ академической гимназіи, а потомъ довершилъ свое образованіе въ Лейденѣ и Страсбургѣ. Съ 1768 по 1774 г. находился въ путешествіи съ Лепехинымъ.

LVII.

ХЕРАСКОВЪ.

А. РОССІЯДА (1779). ([1]).

1. Вступленіе ([2]).

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну ([3]),
Попранну власть Татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, крovаву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянъ, спокойствія начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло ([4]).
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ пышной гордости льстецы не почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный стонъ и плачь, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность! мнѣ, да лирою моей
Вниманье услажду народовъ и царей.

Тоже по изданію 1786 г. ([5]),

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,

Попранну власть Татаръ и гордость униженну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россія торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
О ты, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! пріиди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искуство, озаренье!
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ гордости похвалъ льстецы не соплетаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.

2. *Казанскій лѣсъ* (6).

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучій лѣсъ.
Въ немъ рѣдко видимо сіяніе небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчныя лежатъ густыя мраки,
Прохожимъ дивныя являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжныя среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплитъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, зжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы кастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ;
Лѣсъ воетъ—адъ ему стѣнаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

3. *Превратности свѣта* (7).

Колико бѣдственной судьбѣ подверженъ свѣтъ!
Въ немъ благо твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ;
Великія моря, высоки горы скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава римская изчезла яко дымъ;
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бъ лучей ничто не помрачало;
Не можетъ щастія не меркнуть красота:
И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста (8).

4. *Злочестіе* (9).

Есть бездна, солнечный куда не входитъ свѣтъ,
Во мракахъ вѣчныхъ тамъ Злочестіе живетъ;

Оно Стигійскими окружено струями;
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Геенски помыслы—печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все является тому;
Злочестіе войны во свѣтѣ производитъ;
Рукой писателей оно безбожныхъ водитъ,
И, ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ строптивымъ,
За щастьемъ въ слѣдъ летитъ, предъидетъ нечестивымъ;
Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой;
Его изчадіе—гоненье, страхъ, разбой;
Свирѣпство мечь остритъ вокругъ его престола;
Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
Колеблетъ день и нощь ограду общихъ благъ;
Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;
Среди нечестія, между развратовъ скрыто;
Но, сѣя зло вездѣ, злодѣйствомъ въ вѣкъ не сыто.

5. *Зима* (10).

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчныя сводъ твердый составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цепенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ:
Тамъ буря, тамо хладъ, тамъ стужъ различны роды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времянъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Столпы, изъ свѣтлаго кристала сотворенны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ.
Тамъ воздухъ застуженъ; токъ водный каменѣетъ;
Стѣсненный мразомъ огнь и гаснетъ и блѣднѣетъ;
И будто въ зеркалѣ тамъ видны небеса;
Тамъ снѣжныя цвѣты, кристальны древеса;
Тамъ зрится перлами усыпанное поле;
Тамъ жизнь не дѣйствуетъ, натура тамъ въ неволѣ;
Сѣдыя мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Навислыхъ льдовъ слои подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима порфиру простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесныя сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи

И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Тоже по изданiю 1807 г.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода, растопленна надъ сводами лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями;
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова ([11]),
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ иніи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣсненны мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга;
Оттолѣ къ намъ Зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ,
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ,
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковру изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуры сонъ и страхъ она наводитъ.

В. ВЛАДИМІРЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ (1785). ([12]).

1. Чародѣй Зломиръ ([13]).

Между песчаныхъ горъ, гдѣ бурный Днепръ свои
Влечетъ сквозь тростники шумящія струи,
Томленны жаждою долины орошаетъ
И шумомъ пѣсни птицъ въ дубравахъ заглушаетъ,
Со брегу надъ водой угрюмый лѣсъ нависъ
И выдался въ рѣку крутой безплодный мысъ,—
Видна глубокая кремнистая пещера;
Кругомъ ея растетъ кудрявая гедера;
Изсохши древеса дрожащу мещутъ тѣнь,

Пещеру никогда не посѣщаетъ день;
Тамъ, кажется, нощныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;
Тамъ вѣчный одръ себѣ устроилъ томный сонъ
И скука мрачная соорудила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмуренны туманы,
Слетаются кругомъ стадами черны враны.
Зломиръ тамъ обиталъ, безбожный чародѣй,
Врагъ неба, врагъ земли, врагъ Богу, врагъ людей;
Во чернокнижіи искусенъ былъ глубокомъ,
Именовался онъ у Кіевлянъ пророкомъ,
Въ пещерѣ съ сонмищемъ бесѣдовалъ духовъ,
Защитникъ идоловъ и другомъ былъ жрецовъ;
Тамъ человѣчіи изсохши кости видны,
Шипящія змін и лютыя ехидны;
Тамъ ненависть, людей ни Бога не любя,
Терзаетъ грудь свою и ѣстъ сама себя,
Но паки внутренна ко скорбямъ въ ней родится,
И паки пищею злодѣйства становится;
Тамъ злоба рветъ власы, тамъ бѣдный страхъ дрожитъ;
Цѣпями совѣсть тамъ окованна лежитъ;
Обманъ и лесть сидятъ украшенны вѣнцами,
Готовы царствовать надъ слабыми сердцами.
Межъ ими, день и ночь волшебствуя, Зломиръ
Геэнской прелестью обворожаетъ міръ;
Изъ сей губительной, подобной аду, бездны
Взираетъ чародѣй въ нощи на круги звѣздны.
Наукой злыхъ духовъ сей таинствъ нѣкихъ тать
Грядущее хотѣлъ на небѣ прочитать:
Но будто молніи сверкнувшее блистанье
Повергло крестное волшебника сіянье;
Бія себя во грудь, на землю онъ падетъ,
Погибли боги! вы погибли! вопіетъ.

Погибли! мрачныя пещеры отвѣчаютъ,
И паче злобный духъ его ожесточаютъ.
Бѣжитъ со трепетомъ, бѣжитъ ужасныхъ мѣстъ;
Ему грядущее являютъ круги звѣздъ:
Въ разверзтой будто бы онъ хартіи читаетъ,
Что вскорѣ истинна въ Россіи возсіяетъ,
Безбожны капища Владиміръ истребитъ,
Что крестъ, пресвѣтлый крестъ язычество затьмитъ.
Какъ тѣнь тоскующа, Зломиръ во градъ влечется,
Зіяетъ адъ подъ нимъ, земля кругомъ трясется
И небо пламенно въ него кидаетъ громъ.

2. *Духъ тьмы* (14).

Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силы естества питаютъ круги звѣздны,
И перстомъ Божіимъ начертанное въ нихъ
На здѣшній шаръ земной течетъ вліянье ихъ,
Преобращается для чистыхъ душъ во благо,
Въ злощастіе и въ смерть для грѣшника живаго;
Въ воздушной безднѣ сей, утративъ прежній свѣтъ,
Противникъ Божества изъ древнихъ дней живетъ.
Изъ тмы сгустившейся престолъ его устроенъ;
На немъ сѣдящій царь быть думаетъ спокоенъ;
Повсюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть.
Но тотъ ли щастливъ есть, не можетъ кто любить?

Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творить, добра не хощетъ видѣть?
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плоть сгущенный мракъ;
Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ немъ сердце есть гора, дыхающа огнемъ,
Какъ искры, мещуща лежащи злости въ немъ;
Убійство взоръ его, дыханіе отрава,
Утѣха общій плачь, мучительства забава;
Но злобный міра князь хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ,
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли,
Распростирается князь міра по земли,
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ поражаетъ,
Въ дубравахъ Нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ,
Во мрежи онъ влечетъ повсюду смертныхъ родъ,
Таится въ тмѣ ночной, таится въ нѣдрѣ водъ;
Крылами воздухъ весь невидимо объемлетъ;
Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ нее и въ ней поставитъ тронъ.
Блаженъ, кто къ сердцу дверь содержитъ затворенну
И волю Божеству имѣетъ покоренну!
Любовью къ ближнему и святостію дѣлъ
Мы гонимъ князя тмы, какъ горькимъ дымомъ пчелъ;
Но дѣлаемъ въ сердцахъ мы совѣстью нечистой,
Какъ будто бы въ горѣ разсѣлины кремнистой,
Въ которую вползетъ, какъ змій, грѣха отецъ,
И разродится онъ въ утробѣ наконецъ;
Ненасытимый гладъ къ богатству производитъ,
Въ нощи со грѣшнымъ спитъ, во дни ему предходитъ,
Склоняетъ мысли всѣ и духъ ко суетѣ,
Въ подданство отдаетъ разсудки красотѣ;
Досады, зависть, гнѣвъ, раздоры насаждаетъ
И, яко мощный царь, сердцами обладаетъ.

В. ВАХАРІЯНА, или НЕИЗВѢСТНЫЙ (1803). (15).

Различными заря цвѣтами
Небесный расписала сводъ,
Луна блѣднѣетъ со звѣздами,
Выходитъ царь планетъ изъ водъ.
Мой витязь, будто левъ, проснулся,
На щитъ волшебный оглянулся
(Онъ щитъ нечистымъ почиталъ) (16):
Геройской славѣ не потребны
Очарованія волшебны,
Идущъ сквозь гору, размышлялъ;
Пошелъ прохладною долиной
Вдоль берега прозрачныхъ водъ;
Имѣлъ въ пути полетъ орлиной,
Или отважный львиный ходъ.
Три воина ему явились,
Они щитами заслонились;
Стѣной сомкнувъ другъ съ другомъ грудь,
Героя не пускаютъ въ путь;
Не шествуй далѣ! восклицаютъ:
Иди назадъ! нейди въ передъ!
Тебя соблазны ожидаютъ,
Ты шествуешь въ долину бѣдъ!

Щитая новымъ чародѣйствомъ,
Или Злодуминымъ злодѣйствомъ

Совѣты и слова мужей,
И чая слышать гласъ небесный,
Исторгнулъ мечь свой Неизвѣстный,
Ихъ гонитъ, гонитъ отъ очей.
Отправился полями далѣ,
Ко хижинѣ приходитъ онъ;
Все было тихо при началѣ,
Какъ будто царствовалъ тутъ сонъ;
Но блѣдная жена выходитъ
Въ одеждахъ черныхъ изъ нее,
Печаль и жалость производитъ
Въ душѣ умильный взоръ ее;
Промолвить рѣчь она хотѣла
(Для ней удобны тѣ часы);
Но вдругъ музыка загремѣла,
Залаяли въ долинѣ псы;
Трубы звучатъ—жена сокрылась,
И колесница вдругъ ему,
Какъ свѣтлая луна, явилась,
Ночную освѣщая тму:
Блистаетъ златомъ колесница,
Въ ней львовъ двѣ пары впряжены;
Тамъ царь сидѣлъ, а не царица,
Но царь, имѣющъ видъ жены;
Порфира камнями блистала,
Какъ звѣздны небеса на немъ;
Корона солнце представляла,
Сіяюще весеннимъ днемъ.

Признаться должно безъ прибаски,
Читатель добрый, предъ тобой,
Что въ этой пѣснѣ, ради сказки,
Высокъ не множко голосъ мой:
Пониже опускаю струны;
Стиховъ надутыхъ не люблю;
Гдѣ будутъ надобны перуны,
Гремушку тамъ употреблю.
Пріятенъ въ сказкѣ слогъ шутливой,
Но разноцвѣтенъ долженъ быть—
Лилѣей, розою, крапивой;
То наставлять, то веселить;
Стихи великолѣпны, пышны
Не рѣдко производятъ шумъ,
Но годъ пройдетъ—совсѣмъ не слышны,
А простота прельщаетъ умъ.

Труба умолкла, псы притихли;
Въ недоумѣньи рыцарь былъ;
Владѣтель, царскій сынъ, женихъ ли,
Къ нему подъѣхавъ, говорилъ:
Благодари судебъ десницу,
Хранящую тебя отъ бѣдъ;
Садись со мною въ колесницу,
Садись и въ новый шествуй свѣтъ!
Не царствую, не обладаю
На тронѣ въ щастливой странѣ:
Семействомъ подданныхъ щитаю,
Они друзья и дѣти мнѣ.

Къ добру, не знаю, или къ худу,
Гдѣ стихъ ложится—рифма тутъ,
Кидается и льнетъ повсюду,
Какъ въ игрищахъ народныхъ шутъ;
Не дѣлаютъ мнѣ рифмы бремя,
Но я не ради рифмъ пишу:
Пускай они придутъ въ то время,
Когда ихъ въ строку приглашу.

И такъ въ блестящей колесницѣ
Отправились герои въ путь;
Крылами тишина ихъ крыла;
Не смѣютъ въ полѣ вѣтры дуть.
Тебѣ, какъ другу, я признаюсь,
Герою вѣнценосецъ рекъ:
Я царь—Софантомъ нарицаюсь,
Я царь, но паче человѣкъ.
За правило святое ставлю,
Какъ братьевъ, странныхъ принимать,
Безъ подозрѣнія дружиться,
Безъ любопытства угощать.
Свободенъ жизнь ты мнѣ повѣдать,
Свободенъ имя утаить;
Но, честь храня и добродѣтель,
Ты можешь здѣсь безпечно жить.

[1]) «Россіяда ироническая поема. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1779 года.» Предметъ ея—покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Названіе, слишкомъ обширное для предмета, объясняется взглядомъ автора на событіе: «Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоеніе, славу и торжествен-

ную побѣду «всего Россійскаго государства»; знаменитые подвиги не одного Государя, но «всего Россійскаго воинства»; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но «всему отечеству»: почему сіе твореніе и названо «Россіядой» (Историческое предисловіе къ Россіядѣ). Біографію Хераскова и обзоръ его литературной дѣятельности см. въ моей Ист. Рус. Слов., также въ ст. о Херасковѣ (Москов. Вѣдом. 1857, № 157, Литерат. отдѣлъ).

[2]) Вступленіе содержитъ въ себѣ указаніе предмета поэмы и воззваніе къ вѣчности (въ другихъ изданіяхъ этому воззванію предшествуетъ другое—къ духу стихотворенья).

[3]) Критика справедливо замѣчала, что этотъ стихъ противорѣчитъ исторіи: Россія освободилась отъ Татаръ не при Іоаннѣ Грозномъ, а при Іоаннѣ III. П. Строевъ, которому принадлежитъ первая справедливая оцѣнка Россіяды (Современный Наблюдатель Россійской Словесности, 1815, №№ 1 и 3), говоритъ по сему случаю: «отъ какихъ варваровъ освободилась Россія? чью власть она попрала? почему именно началась въ Россіи заря спокойствія? Все это происходитъ отъ незнанія исторіи. Херасковъ взятіе Казани почиталъ освобожденіемъ Россіянъ отъ татарскаго ига. Казанское царство и Золотая Орда, по его мнѣнію, одно и тоже.

[4]) Этотъ стихъ, преувеличивающій событіе, подвергался критикѣ; но преувеличеніе объясняется вышеуказаннымъ взглядомъ Хераскова, который въ «Историческомъ предисловіи» выражаетъ ту мысль, что «только при Іоаннѣ Грозномъ, и именно съ покоренія Казани, Россія перешла изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство.» «Горе тому Россіянину (говоритъ онъ во «Взлядѣ на эпическія поэмы», предпосланномъ Россіядѣ), который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства!».

[5]) Первый и пятый отрывки вполнѣ напечатаны по двумъ изданіямъ, для того чтобы не пестрить примѣчаній варіантами.

[6]) Изъ 4-ой пѣсни (всѣхъ пѣсенъ въ Россіядѣ 12). Она начинается описаніемъ дремучаго лѣса, близь Казани, въ которомъ находилось кладбище съ гробницами Батыя, Сартака, Менгу-Темира, Нагая и другихъ. Въ этомъ описаніи Херасковъ подражалъ 13-ой пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима», въ которой также изображается очарованный лѣсъ.

[7]) Начало седьмой пѣсни.

[8]) Очень хорошій стихъ, который во многихъ литературныхъ произведеніяхъ употреблялся какъ пословица.

[9]) Изъ 7-ой пѣсни. Въ другомъ изданіи «Злочестіе» замѣнено «Безбожіемъ».

[10]) Описаніемъ «Зимы» начинается 12-ая пѣснь. Волшебникъ Нигринъ (созданный въ подобіе волшебнику Исмену, въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ»), на драконахъ отправляется къ горѣ Кавказской и приводитъ съ собою въ Казань лютую Зиму.

[11]) Г. Строевъ находилъ этотъ стихъ единственно—поэтическимъ въ цѣлой поэмѣ.

[12]) «Владиміръ Возрожденный, эпическая поэма М. Х. Иждивеніемъ типографической компаніи. Въ Москвѣ. Въ университетской типографіи у Н. Новикова. 1785 года». Предметъ ся — просвѣщеніе Россіи христіанствомъ. Впрочемъ поэма эта не столько повѣствовательная, сколько дидактическая, «изъясняющая сокровенныя чувствованія души, съ самой собою борющейся». Да и не было бы возможности наполнить 18 пѣсенъ разсказомъ о немногосложномъ, хотя и важномъ событіи: поэтому Херасковъ совѣтуетъ читать «Владиміра» какъ повѣсть «о странствованіяхъ человѣка путемъ истины, на которомъ онъ, послѣ долгой борьбы со страстями, достигнувъ просвѣщенія, возрождается». Руководствомъ стихотворцу служили «многія духовныя книги, бесѣды съ цѣломудренными мужами и собственный опытъ». Поэма состоитъ въ связи со многими сочиненіями мистическаго характера, въ то время явившимися.

[13]) Изъ 2-й пѣсни. Волхвъ Зломиръ, живущій въ пещерѣ на берегу Днѣпра, силою чародѣйства хотѣлъ узнать будущее: онъ ужаснулся, увидѣвъ крестъ, какъ знаменіе близкаго паденія язычества.

[14]) Изъ 6-ой пѣсни. Изображеніе князя тьмы, который приходитъ въ отчаяніе при видѣ наступающей благодати въ Кіевѣ.

[15]) «Бахаріана, или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ. Москва. 1803». Раздѣлена на 14 главъ (кромѣ вступленія). Кромѣ поэмъ и нравоучительныхъ романовъ, Херасковъ писалъ стихотворныя повѣсти, имѣющія предметомъ, какъ онъ самъ говоритъ, не героевъ и важныя событія, а «бездѣлки». Такихъ повѣстей двѣ: «Пилигримы или искатели счастія» (1795) и Бахаріана. Прологъ къ «Пилигримамъ» показываетъ взглядъ автора на свойство подобныхъ произведеній:

....Я въ моихъ стихахъ намѣренъ быть
«развязанъ»,
Во слогахъ «вольный ходъ» поэтамъ не
заказанъ.

Вольный ходъ—то есть отсутствіе важнаго, эпическаго тона, простота и легкость изложенія, переходъ отъ риѳмованныхъ стиховъ къ бѣлымъ и на оборотъ, наконецъ разнообразіе метровъ: ямба, хорея и пр. Достоинство Бахаріаны (аллегорической, холодной повѣсти) именно и состоитъ въ простомъ и свободномъ разсказѣ, который прерывается нерѣдко лирическими или дидактическими отступленіями и образецъ котораго былъ уже указанъ «Душенькой» Богдановича. Предметъ Бахаріаны—странствованія Оріона, сына Тризонія, царя Лицерискаго. Подпавъ гнѣву отца, по навѣтамъ мачихи, волшебницы Зміоланы, Оріонъ, подъ именемъ Неизвѣстнаго, отправился странствовать. Почти въ самомъ началѣ пути своего, переправившись въ лодкѣ на другой берегъ одной рѣки, увидалъ онъ Фелану, дочь восточнаго владѣтеля, и влюбился въ нее. Но Фелана была похищена волшебницей Злодумой. Съ этого времени всѣ похожденія Оріона имѣли цѣлью отыскать свою подругу. При помощи феи Цвѣтовы и добродѣтельнаго Макробія (своего рода Ментора), поиски его увѣнчиваются успѣхомъ: онъ возвращается къ отцу, который радостно принимаетъ его и Фелану. Смыслъ повѣсти истолкованъ Херасковымъ въ заключительной главѣ: «Воображая Неизвѣстнаго, обрати вниманіе на самого себя, читатель; разсмотря свои собственныя приключенія: не такъ ли и ты плылъ рѣкой бытія въ бренной лодкѣ? не такъ ли въ цвѣтѣ лѣтъ повстрѣчался съ непорочностью, будто съ Феланою? не такъ ли страсти, какъ прельщенія Злодумины, скрыли отъ тебя непорочность и заставили искать ее? Счастливъ, кто нашелъ добродѣтельнаго Макробія, т. е. чистое просвѣщеніе, мудрое ученіе истины и, полюбивъ его, не разлучался съ нимъ!» Отрывокъ, помѣщенный въ Хрестоматіи, взятъ изъ 4-ой главы: «Софисты». Неизвѣстный пріѣзжаетъ къ царю Софанту, лжемудрецу и эпикурейцу, котораго «главнымъ правиломъ было—жить безъ правилъ и ввѣряться уму, а не Промыслу».

[6]) Щитъ, на которомъ лежалъ змѣй, убитый Неизвѣстнымъ.

LVIII.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

А. КОМЕДІЯ: БРИГАДИРЪ. (1764). (1).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбурѣ.

Совѣтникъ (смотря въ календарь).

Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ.

Hélas!

Бригадиръ.

Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница.

Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша.

Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (указывая на Совѣтника) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? А чтобъ лучше на Него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница.

Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ (вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака).

Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша.

О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымѣщалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ.

Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ.

Полно, сосѣдушка, не грѣши, ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ—вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

Бригадиръ.

Премудра! Вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь; а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако, ей-ей, радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ.

Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ! Батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше!

Совѣтникъ.

А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ.

Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ.

Читать Артикулъ и Уставъ Военный; не худо прочесть также Инструкцію Межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ.

Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша.

Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки: лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница.

Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ.

Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья (въ сторону).

Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ.

Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья.

То, что я о васъ думаю.

Сынъ.

А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ.

Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ.

О, это пройдетъ! У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

Бригадирша.

Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ.

Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница (вздыхаетъ).

Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне, мы всѣ равны.

Совѣтникъ.

Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница.

Не уже ли ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать (²). Я капабельна (³) съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить (⁴) станешь.

Совѣтникъ.

Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Сѵнода развестись намъ не возможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ.

Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе — любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ.

Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! Какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя. У Него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша.

Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, мы и деньги считать лѣнимся, деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ.

Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у когоже и считать ихъ Ему?

Бригадирша.

Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ и оберъофицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ.

Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся: или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала по-

больше, такъ бы ты такой пустоши не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, Который все знаетъ, не извѣстна будто наша табель о рангахъ? Стыдное дѣло!

Совѣтница.

Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать (5)? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ.

Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что бы...

Совѣтникъ.

Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье..

Бригадирша.

Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. (Къ Совѣтницѣ) Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ: застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленый?

Сынъ.

C'est plus intéressant.

Совѣтница.

Шутишь, радость! Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ (къ женѣ).

Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна! Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша.

Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ (въ сторону).

Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ.

Что ты это говоришь, сватъ? (Въ сторону) Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ.

Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ.

Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша.

Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ: такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ.

Слушай, жена! Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей, ей, будетъ худо!

Сынъ.

Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ.

Что не горячитесь?

Сынъ.

Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ.

Да перваго-то слова, чёртъ те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ.

Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по французски не знаете.

Бригадиръ.

Экъ онъ горло-то распустилъ! Да ты, смысля по русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ!

Совѣтница.

Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ дол-

женъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша.

Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? Ученье свѣтъ, а неученье тма.

Совѣтникъ.

Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотѣй у насъ развелось! И то—то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде бывало, кто писывали хорошо по русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ.

На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша.

Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь; а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница.

Чёртъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ.

J'en suis d'accord: на что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu ma reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 1.

Бригадиръ.

Слушай, Иванъ, я рѣдко съ молоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

Сынъ.

Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бригадиръ.

Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ.

Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ французской.

Бригадиръ.

Однако ты все таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ.

Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ.

Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакой оселъ!

Сынъ.

Этакой оселъ! (Въ сторону) Il ne me flatte pas.... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ.

Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь,

такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ.

Je m'en moque.

Бригадиръ.

Что это за манмокъ?

Сынъ.

То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ, я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ....

Бригадиръ.

О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ.

Батюшка, вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ.

Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ.

Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ.

Этакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю! развѣ я на него похожъ?

Сынъ.

Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ.

Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ.

Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ.

Это къ чему? Конечно всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ.

Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ.

Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ.

Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ; то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ.

Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцемъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Бригадирша.

Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ.

И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша (запыхаясь).

Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ.

Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша (отдыхая).

Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что нибудь.

Бригадиръ.

А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша.

Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ.

Безъ него? А безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ: пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка, нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (зѣваетъ).

Quelles espèces!

Бригадиръ.

Вотъ, говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

В. ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ (1777—78). (*).

Монпелье, 22 ноября (3 декабря н. с.) 1777.

Изъ Ліона пріѣхалъ я сюда въ пять дней. Монпелье городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе; улицы его узки и скверны, но дома есть очень хорошіе. Университетъ здѣшній основанъ въ 1180 году, и медицинскій его факультетъ славенъ въ Европѣ. Внѣ города есть place du Peyrou, пріятнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. На немъ прогуливается цѣлый городъ всedневно. Мѣсто высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взоръ славнымъ aqueduc (водопроводъ), длины превеликой и работы, достойной вниманія. Отсюда вода идетъ во весь городъ. Средиземное море видно съ сего мѣста, а при восхожденіи солнца видна, сказываютъ, и Испанія. Сіе прекрасное мѣсто заслуживаетъ и быть въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, гдѣ гулянье во всѣ времена года составляетъ наилучшую забаву.

Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc собрались сюда по обыкновенію на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего Земскаго Суда имѣетъ предметомъ своимъ расположеніе дѣлъ Лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой don gratuit. Знатнѣйшіе члены суть: первый комендантъ сей провинціи и кавалеръ ордена Святаго Духа графъ Перигоръ, архіепископъ нарбонскій, комендантъ графъ Монканъ, комендантъ виконтъ де Сент-При, первый баронъ и кавалеръ ордена Святаго Духа маркизъ де Кастръ и первый президентъ города Кларнеъ; все люди знатные и почтенные. Они имѣютъ открытые домы и чужестранцевъ съ отличною ласкою принимаютъ. Мы, съ своей стороны, весьма довольны ихъ гостепріимствомъ и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, милостивый государь, включить здѣсь то описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ou-

verture des Etats, которое имѣлъ я честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ его сіятельству, братцу вашему (7). Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ Нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искуства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ Нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со сторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему, за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взялибъ съ нихъ насильно.—Le don gratuit съ капитаціею (*) состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской провинціи на наши деньги 920,000 рублей (8).

Монпелье, 24 декабря 1777 (4 января 1778 н. с.).

Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, позволяетъ себѣ бережливость, мотъ щедрость, а легкомысленные и трусливые люди вѣжливость. И въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша ложь или ошибку, не смѣетъ или не смыслитъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ Французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій Французъ, если спросить его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*; а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ, имѣя случай раз-

(*) Capitation (taxe par têtes)—подушный окладъ.

говаривать съ отличными людьми, напримѣръ, о вольности, началъ я рѣчь мою тѣмъ, что, сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется; на что съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ, que le Français est né libre; что сіе право составляетъ ихъ истинное счастіе; что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что желательно бъ было, если бъ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, милостивый государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностію, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: o monsieur, vous avez raison! le Français est écrasé, le Français est esclave. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія, и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и унижать свое состояніе.

Если такое разнорѣчіе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума. Можно, кажется, быть вѣжливому, и соображать при томъ слова свои и мысли. Вообще, надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ мастерски, и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще, что сказать; а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего незначущихъ, которыми однако жъ отдѣлывается при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ.

Ахенъ, 18 сентября (29 сентября н. с.) 1778.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ (9). И такъ, относительно воспитанія, Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ, но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно (10).

Дворянство французское по большой части въ крайней бѣдности, и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Лудовика не мѣшаетъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійство для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія, и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

в. Комедія: Недоросль. (1782). (¹¹).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (осматривая кафтанъ на Митрофанѣ).

Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку (Еремѣевна отходитъ). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (Митрофанъ отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова (Тришкѣ).

А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка.

Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова.

Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка.

Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова.

Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка.

Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (вбѣгаетъ).

Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова.

Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ.

Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Простаковъ.

Г-жа Простакова.

Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (отъ робости запинаясь).

Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова.

Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ.

Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова.

А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ.

При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова.

Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ.

Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова.

Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи....

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Скотининъ.

Скотининъ.

Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за чтожъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова.

Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ.

Нѣтъ.

Простаковъ.

Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ.

Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Гжа Простакова (Тришкѣ).

Выди вонъ, скотъ. (Еремѣевнѣ) Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Еремѣевна.

Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова.

Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе, изволь смотрѣть!

Еремѣевна.

Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова.

Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Такъ, матушка, вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ.

Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ.

А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ.

Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ.

Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна.

Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ.

И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова.

Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова.

Какъ же это?

Митрофанъ.

Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (въ сторону).

Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ (разнѣжась).

Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (съ досадою).

Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ.

Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова.

Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

Скотининъ.

Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ.

По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ.

Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова.

Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ.

Митрофанъ.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгут-ка теперь на голубятню, такъ авось либо....

Г-жа Простакова.

Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка (Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова.

Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ.

Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова.

А тамъ и женишься.

Митрофанъ.

Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова.

Придетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ.

Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Г-жа Простакова.

А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ.

Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ.

Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая).

Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ.

За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ.

Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ.

Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова.

Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ.

Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ).

Трое.

Цыфиркинъ.

На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ.

Триста.

Цыфиркинъ.

Дошло дѣло до дѣлежа. Смекнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ).

Единожды три-три; единожды нуль-нуль; единожды нуль-нуль.

Г-жа Простакова.

Что, что? До дѣлежа?

Митрофанъ.

Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова.

Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ.

Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ.

Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ.

Десять.

Цыфиркинъ.

Теперь, правда не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (пишетъ).

Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ..

Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ).

Нуль, да нуль — нуль; одинъ да одинъ... (задумался).

Г–жа Простакова.

Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье, я все вижу пустота. Денегъ нѣтъ — что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошенько.

Кутейкинъ.

Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ.

Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай–ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (открываетъ Часословъ, Митрофанъ беретъ указку).

Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ.

Азъ же есмь червь....

Кутейкинъ.

Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ.

Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (учебнымъ голосомъ).

А не человѣкъ.

Митрофанъ (также).

А не человѣкъ.

Кутейкинъ.

Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ.

Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ.

И уни....

Дѣйствіе IV, явленіе 8.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Простакова, Простаковъ, Скотининъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г–жа Простакова (входя).

Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ.

Ну, да ужъ не заботься.

Г–жа Простакова (Стародуму).

Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ.

О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежелибъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ.

Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г–жа Простакова.

А я такъ за своей. (Стародуму)

Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (Мужу и сыну) Кланяйтесь.

Стародумъ.

Какою, сударыня?

Г–жа Простакова.

Во–первыхъ, прошу милости садиться. (Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ

Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ.

О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (Къ Правдину) Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецъ— отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова.
Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ.
Всему, мой отецъ.
Митрофанъ.
Всему, чему изволишь.
(Вмѣстѣ)

Правдинъ (Митрофану).

Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ (подаетъ ему книгу).

Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ (взявъ книгу).

Вижу, это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ.

Много. Существительное, да прилагательное...

Правдинъ.

Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное, или прилагательное?

Митрофанъ.

Дверь? котора дверь?

Правдинъ.

Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ.

Эта? прилагательная.

Правдинъ.

Почему жъ?

Митрофанъ.

Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ.

Такъ по этому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ.

И вѣдомо.

Г-жа Простакова.

Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ.

Каково, мой отецъ?

Правдинъ.

Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ.

Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова.

Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (Митрофану).

А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ.

Далеко-ли? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ.

А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Скотининъ.

Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ.

Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова.

Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ.

Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа Простакова (сыну).

Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (тихо матери).

А я почемъ знаю!

Г-жа Простакова (тихо Митрофану).

Не упрямься, душенька; теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (тихо матери).

Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (Правдину).

Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ.

Географія.

Г-жа Простакова (Митрофану).

Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ.

Да что такое? Господи Боже мой! пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (Правдину).

И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ.

Описаніе земли.

Г-жа Простакова (Стародуму).

А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ.

На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-жа Простакова.

Ахъ, мой батюшка! да извощики-то на чтожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь ([12]). Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ.

О, конечно, сударыня: въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова.

Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ.

Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ.

Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ.

Чтожъ такое?

Скотининъ.

Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ.

Вы, господинъ Скотининъ, сами при-

знаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (Милову).

Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова.

Батюшка мой, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ.

А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

г. ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ. (13).

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, то отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія. И такъ», продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, «извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него

было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ борчищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное Море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ: ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійской языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ (14) вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета (15) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтныхъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій, и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ. Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По-латини», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но Государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ Двора нашей Императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у Двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть Дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе Двора и слышать пріятную музыку; но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ

писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Перинлла. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность; хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ, и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ. Онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предприняль и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ Сифа, царя египетскаго, но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его Альзиру. Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ ([16]) и привезъ со собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ Государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ присылалъ ко мнѣ спросить, ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою комедію Бригадира. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: Ея Величество приказала послѣ балу вамъ быть къ Себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко Государыни, признаюсь,

что я началъ-было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ Ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ Нею съ обыкновеннымъ моимъ искуствомъ. Во время же чтенія, похвалы Ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ Ея десницу, вышелъ, имѣя отъ Нея Всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: «слуга покорный», сказалъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня.— Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. «А мы завтра», сказалъ графъ; «я еще хочу, сударь», продолжалъ онъ, «попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше, и для того, по пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ Великому Князю и вы можете прочитать ее намъ».—Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями Его Императорское Высочество и Ваше Сіятельство. — «Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще довольны», говорилъ графъ.—Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда Ваше Сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я.—«Мнѣ будетъ очень пріятно», сказалъ онъ, «если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ». Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. «Я тотчасъ одѣнусь», сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною». Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ Великому Князю, и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда», сказалъ графъ, «Ваше Высочество ее услышите». Потомъ, подошедъ ко мнѣ: «Вы», сказалъ, «извольте остаться при столѣ Его Высочества». Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и Его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми Двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу», сказалъ онъ мнѣ, «что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или ка-

кую-нибудь свойственницу». По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія», говорилъ онъ», «и я удивляюсь вашему искуству, какъ вы, застава говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія».

[1]) Небрежность первыхъ изданій Бригадира и Недоросля заставила меня напечатать отрывки изъ этихъ піесъ по изданіямъ новымъ. Лонгиновъ относитъ появленіе Бригадира не къ 1764, а къ 1765 г. (Библіогр. Записки, 1858, стр. 752—754). Узелъ комедіи— взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына Иванушку, и комическія отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника къ Бригадиршѣ. Развязка—раскрытіе этихъ отношеній, въ слѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся и Софья становится невѣстой Добролюбова. О значеніи обѣихъ комедій Фонъ-Визина см. въ моей Ист. Рус. Слов. и въ статьѣ объ изд. г. Перевлѣсскаго: «Избранныя сочиненія Фонъ-Визина» (Атеней, 1858, № 47).

[2]), [3]) и [4]) Слова изъ лексикона модныхъ барынь, надъ которымъ такъ много издѣвались сатирическіе журналы и комедіи (См. Письмо Щеголихи, Хрест., I, стр. 336). Капабельна—способна.

[5]) Разсуждать.

[6]) Два письма (изъ Парижа $^{14}/_{25}$ іюня и изъ Ахена $^{18}/_{29}$ сентября 1778 г.) напечатаны въ первый разъ въ сентябрской и октябрской книжкахъ С.п.бургскаго журнала, издававшагося Н. Пнинымъ, 1798 г. Вполнѣ и съ нѣкоторыми варіантами явились они въ изданіяхъ сочиненій Фонъ-Визина.

[7]) Н. И. Панину, который завѣдывалъ иностранными дѣлами и у котораго служилъ Фонъ-Визинъ.

[8]) Вѣрность описаній Фонъ-Визина касательно взиманія податей и вообще управленія провинцій интендантами вполнѣ подтверждается книгой Токвиля: «L'ancien régime et la révolution» (1856). Лангедокъ и Бретань пользовались еще большими льготами сравнительно съ другими областями (Токвиль, стр. 326).

[9]) Въ «Письмахъ» Фонъ-Визина есть заимствованія изъ сочиненія Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle», указанныя кн. Вяземскимъ. Во 2-й главѣ: Sur l'éducation et sur les préjugés, Дюкло говоритъ: «On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On forme des savants, des artistes de toute espèce, mais on ne s'est pas encore avisé de former des hommes» (Moralistes francais, 1855, стр. 679).

[10]) Также заимствовано у Дюкло (Mor. fran., стр. 680).

[11]) «Драматическій Словарь» (1787 г.), ошибочно относитъ первое представленіе Недоросля къ 1772 г. Это извѣстіе опровергается и разными изданіями комедіи, которыя согласно означаютъ время представленія. 24 сентября 1782 г., и—главное—словами Правдина Милону: «гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи» (дѣйствіе II, явл. 1). «Учрежденіе» же о губерніяхъ—обнародовано въ 1775 г. Какимъ же образомъ Фонъ-Визинъ могъ, въ 1772 г., говорить о томъ, что явилось черезъ три года послѣ 1772 г.?

[12]) Заимствованіе изъ повѣсти Вольтера: «Jeannot et Colin», указанное Тихонравовымъ (Замѣтки по поводу Смирдин. изданія рус. авторовъ. Сочиненія Фонъ-Визина. Москов. Вѣд. 1853, № 6). Маркизъ, отецъ Jeannot, спрашиваетъ гувернера: «ne pourrait-on pas lui montrer un peu de géographie?» Гувернеръ отвѣчаетъ: «A quoi cela lui servira—t—il? quand monsieur le marquis ira dans ses terres, les postillons ne sauront-ils pas les chemins?» (Oeuvres de Voltaire, изд. 1846, т. VIII, стр. 420).

[13]) Книга первая и большая часть второй (всѣхъ книгъ три; изъ нихъ третья не кончена) напечатаны были въ іюльской и августовской книжкахъ С. п. бургскаго Журн. 1798 г.

[14]) Въ 1758 г.—Директоръ Университета—Мелиссино.

[15]) И. И. Шувалову.

[16]) Въ 1764 г., послѣ временной поѣздки въ Москву.

LIX.

ЛУКИНЪ. ([1]).

КОМЕДІЯ: МОТЪ, ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ. ([2]).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 6.

Добросердовъ, Пролазинъ и Василій.

Василій.

Вотъ, сударь, его милость, за кѣмъ меня посылать изволили.

Добросердовъ (Пролазину).

Я очень радъ, что вы просьбы моей не ослушались.

Пролазинъ.

Я всѣмъ честнымъ людямъ служить долженъ; но прошу вашего высокоблагородія на меня не прогнѣваться, что вчера у васъ не былъ. Уже десятый годъ я въ этотъ день по обѣщанію пощуся, никакихъ дѣлъ не дѣлаю, и положенную на себя клятву храню очень твердо, такъ, какъ всякому христіанину довлѣетъ. И меня за это обѣщаніе Богъ почти мертваго съ одра поднялъ.

Василій (въ сторону).

Лучше бы было, ежели бъ ты издохнулъ: многихъ бы людей отъ бѣдъ избавилъ.

Пролазинъ.

Да извольте же, милостивый государь, объявить, въ чемъ я, нижайшій слуга, могу помочь вамъ? Мнѣ долго мѣшкать нельзя; а надобно въ Чудовѣ по обѣщанію отслужить молебенъ и побывать у вечерни.

Василій (въ сторону).

О проклятый святоша! Обманывай людей, Бога не обманешь.

Добросердовъ.

Ваша помощь потребна мнѣ въ слѣдующемъ. Я многимъ долженъ, а особливо двумъ купцамъ, которыхъ, уповаю, и вы по слуху знаете: Докукину и Безотвязному; первому 10, а другому 15 тысячъ. Векселямъ уже сроки минули. Они на меня въ магистратѣ просятъ; и мнѣ хочется ихъ уговорить, чтобы еще нѣсколько обождали.

Пролазинъ.

На что ихъ уговаривать? Мы сыщемъ способъ съ ними раздѣлаться; и я для моего милостивца, его высокородія господина Злорадова, готовъ вамъ помогать всѣмъ моимъ знаніемъ. Я думаю, что вы желаете съ ними и вовсе развязаться.

Добросердовъ.

Очень бы желалъ, да теперь нечѣмъ. А когда буду въ состояніи....

Пролазинъ.

Оставьте эти разсужденія, а послушайте моихъ совѣтовъ. Я знаю много способовъ. Первый и самый легкій: ежели вы въ неуказныхъ были лѣтахъ тогда, когда векселя давали, и ежели только двух часовъ въ назначенное время не доставало; то они (поднявъ поропинку съ полу) ни эстолько не получатъ!

Добросердовъ.

Эдакимъ образомъ я не хочу; и мнѣ совѣстно и стыдно....

Пролазинъ.

Совѣстно и стыдно! Къ чему вы такъ разборчивы, милостивецъ мой? Нужда и законъ перемѣняетъ; и между нами сказано—стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ! Притомъ же я точно знаю, что эти бездѣльники сами васъ безбожно обманывали; и когда они по законамъ за то не наказываются, такъ довлѣетъ мнѣ по должности христіанской за васъ вступиться и лишить ихъ наворованнаго незаконно.

Добросердовъ.

Нѣтъ! Я на это не соглашусь. Не мо-

жете ли чѣмъ другимъ мнѣ пособить?

Пролазинъ.

Есть еще средствъ сотня-другая, и я ими много молодыхъ людей отъ хлопотъ избавлялъ. Напримѣръ: отпереться отъ векселя; сказать, что онъ не вашей руки, что развѣ васъ, пьянаго напоивши, обманомъ подписать принудили, или что вы въ карты проиграли. А наконецъ: ежели заимодавцы въ судъ съ вами пойдутъ, такъ тамъ не только что ничего не получатъ, коли я за васъ стану стряпать, но и сами тысячи по двѣ потеряютъ и вамъ еще безчестіе заплатятъ. Надобно искусненько сперва забѣжать къ судьямъ, и ихъ хотя бездѣлкою задобрить, а тамъ уже можно будетъ на нихъ ѣздить; и они, замаравши руки, станутъ насъ бояться и потянутъ на нашу сторону, а брать будутъ съ тѣхъ бездѣльниковъ. .. Вы задумались! Конечно, выбираете, какой способъ лучше? Мнѣ кажется, что всего легче отпереться. Тутъ дѣло присягою кончится, и вы будете не первый, который въ нуждѣ присягнетъ ложно.

Добросердовъ.

Я не способенъ ложно клясться: это грѣшно и безчестно.

Пролазинъ.

Бросьте, сударь, пустую разборчивость. Какой грѣхъ обманщика обмануть? этимъ еще спасеніе душѣ получишь. Да притомъ нынѣ ваша братья, молодые люди, клятву шуткою почитаютъ и чрезъ нее показываютъ свой разумъ. Подумайте, будто вы въ то время какой ни есть красавицѣ клянетесь, которую черезъ часть обмануть намѣрены. Вѣдь это у васъ нынѣче въ великомъ обыкновеніи, и я о томъ отъ васъ же, господъ щегольковъ, наслышался; а всякій обманъ равенъ. И такъ....

Добросердовъ.

Нѣтъ, я на все, что ни говоришь, не....

Пролазинъ.

Еще есть предорогой способъ, и такой, который въ самомъ безнадежномъ случаѣ употреблять довлѣетъ. Я вамъ скажу его потихоньку. Отойдемте къ сторонѣ, чтобы служитель вашъ не подслушалъ: дѣло чрезъ него надобно исполнить. А именно (въ то время, какъ они говорятъ, Василій, приближаясь къ нимъ, слушаетъ): велите ему позвать къ себѣ обоихъ плутовъ съ векселями и подпоить ихъ хорошенько, а потомъ векселя у нихъ мастерски изъ кармановъ спроворить; а ежели того не удастся, такъ отнять и изодрать. А когда они за то попросятъ, такъ въ томъ не вы будете виноваты, а слуга вашъ. Его высѣкутъ кнутомъ и пошлютъ на каторгу, чрезъ что вы одного холопа потеряете, а тысячу сбережете, и сами при честномъ имени останетесь.

Василій (про себя).

Голову прозакладую, ежели это не Злорадова выдумка.

Добросердовъ.

Нѣтъ, сударь, я ко всему этому приступить не соглашуся.

Пролазинъ.

Да для чего же?

Добросердовъ.

Дайте мнѣ нѣсколько подумать. Я пришлю за вами слугу моего, ежели мнѣ которое нибудь предложеніе покажется; а теперь прошу не прогнѣваться, что съ вами разстанусь.

Пролазинъ.

Хорошо, сударь; и мнѣ также идти давно пора. Вѣдь пѣшкомъ изъ слободы въ городъ не скоро дотащишься, а въ Чудовѣ вечерни ранѣе всѣхъ мѣстъ служатъ. Простите, ваше высокоблагородіе; я и о васъ помолюся. (Уходитъ).

Василій (идетъ дверь притворять).

О нечестивецъ! молись о себѣ, чтобы избавиться отъ сатаны, которому ты

здѣсь лучше дьяволовъ къ погибели людской служишь.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Добросердовъ, Василій и Правдолюбовъ.

Правдолюбовъ (входитъ тогда, когда Василій, провожая Пролазина, двери запирать хочетъ и, не видя Добросердова, который, задумавшись, сидитъ въ креслахъ, говоритъ Василію).

. Пожалуй, доложи обо мнѣ своему боярину и скажи, что я пришелъ не о долгѣ его безпокоить, а для важной нужды. (Въ сторону) Надобно показать, что и въ нашей братьѣ есть честные люди.

Василій (услышавъ послѣднія его слова).

Мы это знаемъ и въ васъ образцоваго видимъ.

Правдолюбовъ.

Не до похвалы дѣло; а скажи Николаю Петровичу....

Василій.

Вотъ онъ!

Добросердовъ (оглянувшись, увидитъ Правдолюбова и говоритъ въ сторону).

Какъ же мнѣ этого честнаго человѣка стыдно! Я разъ со сто его обманывалъ. Чѣмъ начать съ нимъ рѣчь, и что? (Поклонясь Правдолюбову, смятенно говоритъ) Государь мой! я передъ вами такъ виноватъ, что и глядѣть на васъ стыжуся. Сдѣлайте милость и не смутите болѣе правильными своими выговорами такого несчастнаго, который всякія укоризны достоинъ.

Правдолюбовъ.

Пожалуй, не тревожься такъ много. Я не выговаривать вамъ и не безпокоить требованіемъ денегъ пришелъ сюда; но хочу доказать мое о вашемъ состояніи сожалѣніе. Правда, что всякому, кто трудами деньги наживаетъ, потерять ихъ жалко; однако я хочу ихъ потерять, или хочу обязать васъ, чтобы вы со временемъ безъ векселя мнѣ заплатили. Вотъ вашъ вексель и съ протестомъ. Посмотрите, вашей ли руки.

Добросердовъ.

Моей, сударь! Но къ чему же о томъ меня спрашиваете?

Правдолюбовъ.

Къ тому, чтобы вы не подумали, будто бы я не вашъ вексель изодралъ. (Въ это время деретъ вексель и протестъ) Теперь вы вольны заплатить мнѣ тогда, когда въ силахъ будете, и я на вашу совѣсть отдаюся. Но притомъ сказываю вамъ, что не для того я обязательства ваши изодралъ, чтобы вовсе уплаты получить не надѣялся. Нѣтъ, сударь! мнѣ также, какъ и другимъ заимодавцамъ, магистратъ, продавши ваши деревни, часть заплатить долженъ; но я для того это сдѣлалъ, чтобы освободить васъ отъ принужденія, и чтобъ вы, пришедши въ неправу, добровольно со мною раздѣлалися и тѣмъ бы перемѣну жизни своей доказали.

Добросердовъ (въ сторону).

О Боже! онъ меня со стыда умереть принуждаетъ.

Правдолюбовъ.

Никогда бы я вамъ въ долгъ не повѣрилъ, ежели бы сидѣлецъ мой меня спросился: не для того, чтобы уплаты вовсе не чаялъ, но для того, чтобы не быть въ одномъ счетѣ съ тѣми бездѣльниками, которые молодыхъ людей разоряютъ и непозволеннымъ образомъ наживаются. Да сверхъ того я зналъ коротко покойнаго вашего батюшку. Онъ былъ прямо честный господинъ; и я бы не только не захотѣлъ разорять его сына, но колибъ могъ, тобъ и отъ мотовства воздержать постарался.

Добросердовъ (въ сторону).

Какая это честность! (Правдолюбову) Ты своимъ великодушіемъ пуще требованія денегъ меня смущаешь. Чѣмъ возмогу я доказать мою за то благодарность?

Правдолюбовъ.

Ничѣмъ, кромѣ того, что старайтесь

поправиться и, гнушаясь прежними поступками и тѣми людьми, которые васъ въ нихъ привели и приводятъ, будьте впередъ осторожнѣе и не всякому легко вѣрьте. Я не скрою отъ васъ, что мнѣ и всѣмъ вашимъ заимодавцамъ тайно знать дано, что вы завтра изъ города скрыться хотите, къ чему васъ, конечно, не допустятъ, ежели сегодня не уѣдете. Пользуйтесь моимъ увѣдомленіемъ и избавьтесь отъ безчестія (Уходитъ).

[1]) Лукинъ, Владиміръ Игнатьевичъ, служилъ секретаремъ при И. П. Елагинѣ, кабинетъ-министрѣ Екатерины II. Между нимъ и Фонъ-Визинымъ, также служившимъ у Елагина, были самыя непріятныя отношенія. Фонъ-Визинъ отзывается о немъ весьма невыгодно какъ въ «Письмахъ» къ Елагину и родителямъ, такъ и въ «Чистосердечномъ исповѣданіи». Другіе писатели (между прочими и Сумароковъ) тоже не любили Лукина, почему онъ и комедіи его часто подвергались нападкамъ въ журналахъ, особенно въ «Трутнѣ» и «Всякой Всячинѣ», которую издавалъ Козицкій, пріятель Сумарокова. Причины такого нерасположенія надобно искать частію въ характерѣ Лукина, вѣроятно тяжеломъ и неуживчивомъ, а частію и въ томъ, что онъ выражалъ свои мнѣнія прямо и рѣзко, не стѣсняясь литературными авторитетами, въ числѣ которыхъ состоялъ тогда Сумароковъ. (См. ст. Пыпина: «Владиміръ Лукинъ», въ 8 и 9 №№ Отеч. Зап. 1853 г.).

[2]) «Сочиненія и переводы Владиміра Лукина. 2 части. Спб. 1765». Посвящены И. П. Елагину. Лучшая изъ піесъ его—«Мотъ, любовію исправленный, въ 5 д.» (въ первый разъ представлена 19 января 1765). Предисловіе къ ней показываетъ, что авторъ въ молодости страстно предавался игрѣ, но что потомъ освободился отъ своей страсти и въ назиданіе другимъ написалъ комедію. «Мнѣ опытами извѣстно, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ и сколь многіе отъ того приходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, а отъ крайности въ дѣла предосудительныя, навлекающія вѣчный стыдъ не только имъ, но и всѣмъ ихъ родственникамъ. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдясь, что я самъ въ ономъ вредномъ ремеслѣ долго упражнялся... Я могу сослаться на Сердцевѣдца нашего, что, губя время въ семъ позорномъ упражненіи, чувствовалъ неумолкное раскаяніе и боль сердечную, и наконецъ предпріялъ его оставить: ибо въ немъ и безъ убійственнаго желѣза нерѣдко другъ у друга жизнь отъемлютъ». (ч. I, стр. V—VI, VIII). Главное лице комедіи—старшій Добросердовъ. Онъ ввѣрился негодяю Злорадову, въ два года промоталъ отцовское имѣніе и дошелъ до того, что заимодавцы хотятъ посадить его въ тюрьму. Дѣйствіе начинается въ то время, когда Добросердовъ, полюбивъ Клеопатру, племянницу какой-то княгини, раскаялся въ своемъ поведеніи и началъ вести иную жизнь: «ея наставленіями», говоритъ онъ, «обратился я къ добродѣтели». Чтобъ избавиться отъ тюремнаго заключенія, онъ рѣшился уѣхать тихонько къ родному дядѣ своему, не имѣвшему дѣтей, представить ему Клеопатру, какъ невѣсту, потомъ обвѣнчаться съ нею и уплатить долги. Но этотъ планъ разстроиваетъ Злорадовъ, имѣвшій виды на княгиню: онъ увѣдомляетъ ее о намѣреніи Добросердова увезть ея племянницу и вмѣстѣ даетъ знать кредиторамъ, которые приводятъ съ собой магистратскаго чиновника. Въ такую критическую минуту является изъ деревни Добросердовъ младшій: онъ привезъ извѣстіе о смерти дяди, который отказалъ все свое наслѣдство племянникамъ. Мотъ становится богатымъ, выплачиваетъ долги свои и женится на Клеопатрѣ. Злорадовъ же отводится въ тюрьму кредиторами Добросердова, которые ссужали и его деньгами въ благодарность за то, что онъ помогалъ имъ обманывать ввѣрившагося ему неопытнаго молодаго человѣка. Піеса оканчивается словами Василія, вѣрнаго слуги Добросердова: «Богъ не оставляетъ злодѣйства безъ наказанія». Отрывки, помѣщенные въ Хрестоматіи, относятся къ тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ кредиторы Добросердова одинъ за другимъ приходятъ къ нему съ своими претензіями.

LX.

ПЕТРОВЪ. (1).

1. На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ (1770). (2).

О радость! торжество! о слава нашихъ дней,
Безмрачныхъ съ красотой сравнившася лучей!
Полпочны Тифисы, защитники Россіи
Летятъ среди валовъ! гремящи въ облахахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ стихіи!

Преходятъ морь стези, гдѣ кроется ихъ врагъ;
Очами ищутъ, гдѣ турецкій вѣетъ флагъ.
Нашли, обрадуясь пустились, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударъ простерты, взнесены!
Всѣ гнѣвомъ разжены!
Постигли, загремѣли!

Я зрю пловущихъ Етнъ побѣдоносный строй,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый герой (3)!
Ихъ парусы крылѣ, ихъ мачты лѣсъ дремучій!
Вдругъ ступятъ, вдругъ блеснутъ! вновь грянутъ, вновь грозятъ!
И идутъ и разятъ,
Какъ громомъ тяжки тучи!

Іануарій (4) тамъ, и Святославъ (5) летитъ,
И вихремъ за собой и хлябь и дымъ крутитъ!
И горнихъ именемъ поборниковъ зовомый (6),
И Ростиславъ (7), и съ нимъ Европа (8) межъ валовъ
Пускаютъ на враговъ
Безпрерывны громы!

Евстаѳій (9) весь въ огнѣ, бросаетъ огнь и смерть,
Крутится, движется, колеблетъ понтъ и твердь!
Тамъ страшная гора, привязанна цѣпями,
Какъ разродившійся Везувій воздухъ рветъ (10),
Не престая реветъ
И борется съ горами!

Не молкнетъ трескъ снастей, желѣзныхъ свистъ шаровъ;
Густится дымъ, столбомъ всходя до облаковъ;
Стѣсненны межъ громадъ въ громады волны плещутъ;
И вѣтрилъ бѣлизна и дневныхъ свѣтъ лучей
Сокрылись отъ очей:
Одни перуны блещутъ!

О опытъ тягостный нетрепетныхъ сердецъ!
Ужасенъ взору бой, ужаснѣе конецъ.
Тамъ двѣ крылатыя, двѣ грозныя махины,
Какъ Етна съ Геклою (11), одна съ другой слетясь,
Всей тяжестью сразясь,
Вспылали средь пучины!

Ихъ звукомъ понтъ, брега и воздухъ потрясенъ;
И Грекъ и Туркъ вдали содрогся ужасенъ;
Недвижимъ Россъ стоитъ и смертью смерть срѣтаетъ!
Ахъ, горе! всѣмъ тонуть погибели въ рѣкѣ!
Съ корыстью онъ въ рукѣ
Со флагомъ отлетаетъ.

О странно зрѣлище! среди валовъ пожаръ!

Побѣда къ намъ летитъ, однимъ врагамъ ударъ;
Горятъ, отъ дыма мрутъ, полусожженны тонутъ;
Герои Сѣвера, виновники сихъ бѣдъ,
Какъ претерпѣвши вредъ,
Какъ побѣжденны, стонутъ!

Кто тучу сей бѣды, о небо! имъ наслалъ?
Что вижду я? ихъ вождь полмертвъ межъ ними палъ!
Отъемлется отъ нихъ, кто больше всѣхъ имъ нуженъ!
Онъ палъ: здѣсь щитъ, тамъ мечъ, тамъ шлемъ его главы!
Печалію, увы,
Герой обезоруженъ!

Пришедъ въ себя и мракъ отъ мыслей отряся,
Онъ руки на суда расторженны взнося,
«Мой братъ (12).... о небо! рекъ, плачевнѣйша утрата!
Воздвигнемъ паруса, о други! полетимъ,
Умремъ иль отомстимъ;
Въ Стамбулѣ взыщемъ брата!»

Летитъ.... Смягчись, Герой, судъ Промысла правдивъ;
Твой братъ, твой храбрый братъ, и съ нимъ Спиридовъ живъ.
Не Дельфинъ (13) на хребтѣ, то Небо ихъ спасаетъ,
Которое, твой духъ и подвиги любя,
Симъ страхомъ днесь тебя
Толь строго искушаетъ.

Исчезла, какъ туманъ, безвременна мечта;
Сіяетъ полная побѣды красота;
Тамъ гласомъ радости въ восторгѣ всѣ взываютъ;
Объемлютъ всѣ вождя и друга своего;
Лобзая, зракъ его
Слезами омываютъ!

«Когда нашъ громъ, гласятъ, не вовсе истощенъ,
И небо насъ хранитъ: Россъ будетъ отомщенъ;
Мы живы—сопостатъ сторицею утратитъ;
Мы живы—вновь должна вострепетать земля;
Онъ гибель корабля
Всѣмъ флотомъ намъ заплатитъ».

Что тако озаренъ средь темной ночи понтъ?
Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
Нѣтъ, вижду—мстятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!
Секвана (14)! встань, взгляни,
Какъ гибнутъ чалмоносцы!

Тамъ портъ вмѣстилище неизреченныхъ мукъ;
Тамъ сѣра, огнь, смола, смрадъ дыма, вопль и звукъ;
Реветъ, разинувъ тамъ рокъ челюсти не сыты,
Геенна носится по хладной быстринѣ,
Мятутся въ глубинѣ
Встревоженные киты;

Клокочетъ, какъ котелъ, вздымаясь, океанъ,
Багрѣетъ, аки кровь, весь трупами устланъ!
Ихъ жретъ, мутясь, волна, ихъ жретъ свирѣпый пламень!
Восхитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну,
Бросаетъ вдругъ ко дну,
Какъ олово, какъ камень!

О горькихъ сонмъ смертей! о грозный лютый часъ!
Тамъ всѣ стихіи вдругъ.... Прерви свой, муза, гласъ,
И страшный адъ, гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ,

Скорѣй завѣсою молчанія закрой;
Я вижду—тамъ Герой
Отъ жалости рыдаетъ!

Великій именемъ, великій дѣломъ Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ нѣдръ;
Возари на чудеса, Твоимъ рожденны ботомъ!
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ!
Надъ росскимъ какъ паритъ
Трубяща слава флотомъ!

Нептуна Бельту зрѣлъ Тебя Копенгагенъ;
Теперь Твой грозный флагъ близь Чесмскихъ вѣетъ стѣнъ,
Готовитъ ужасъ несть на понтъ несчастной Геллы ([15]).
Со страхомъ близкую внимающа напасть
Ужъ Смирна хочетъ пасть ([16]);
Трясутся Дарданеллы!

Крѣпи, и громомъ ихъ, сколь можешь, Галлъ ([17]), снабжай,
Себѣ и своему студъ роду умножай,
Прапрадѣды твои въ непросвѣщенны лѣта
Въ слѣдъ Римлянина шли въ далекій юга край ([18]):
Ты днесь воюешь втай
На Россовъ за Махмета!

Но гдѣ невинность, тамъ споспѣшество Небесъ;
Екатерина гдѣ, тамъ будетъ перевѣсъ.
Когда подпора царствъ монархи суть доброты,
Намъ, намъ въ подсолнечной всѣхъ паче должно цвѣсть;
Завистна наша честь,
Недвижимы оплоты.

Еще, орелъ, еще воздвигнись, воскрились;
Не вѣетъ ли гдѣ флагъ турецкій, оборись.
Чесменскій гаснетъ портъ—да новый воскурится;
Смущай пучину волнъ въ противничей крови,
Топи ихъ, жги и рви—
Да злоба усмирится.

Судьбой возставленъ ты отъ смертнаго одра
Для многихъ счастія, для общаго добра;
Судьбой внезапу сталъ вождь флота не постыденъ,
И безопасности чужой и нашей стражъ:
О Римляне! намъ вашъ
Дуилій ([19]) не завиденъ.

Мы столбъ изъ мрамора воздвигнемъ къ небеси,
Со водъ средьземныхъ ты корысти къ намъ неси,
Пріобрѣтенные близь Хіоса трофеи;
То будетъ нашей знакъ побѣды межь валовъ,
То честь тебѣ, Орловъ,
Содѣйственникъ Астреи!

О есть ли бы мой духъ, тобой плѣненный духъ,
Съ великостью твоихъ къ отечеству заслугъ,
Съ горящей ревностью души твоей сравнился:
Ты въ новыхъ бы стихахъ Героемъ былъ моимъ;
Со Гамой бы своимъ
Камоенсъ посрамился!

Подъ именемъ внести къ невѣждамъ свой законъ,
Съ избраннымъ воинствомъ, какъ дерзостный Язонъ,
Онъ шелъ злато руно въ чужой землѣ похитить:
Потрясшаго законъ ты идешь потрясти.

Отечество спасти
И Грецію защитить.

Пускай воспѣть тебя я слабъ, не дерзновенъ:
Но подвигъ твой во вѣкъ пребудетъ незабвенъ.
Героевъ смертныхъ родъ по долгу величаетъ,
Кто любитъ отчество, Монархиню, себя,
Тотъ лаврами тебя
Отсутственна вѣнчаетъ.

Но естьли обуздавъ неистовство врага,
На вѣкъ сломивъ Луны гордящейся рога,
Со славой Бельта ты пройдешь врата широки:
Кто, слыша вашъ поѣздъ и усмотря съ земли
Россійскій флагъ вдали,
Удержитъ слезъ потоки!

Я зрю текущій вамъ во срѣтенье народъ,
Отягощенный нашъ корыстьми юга флотъ:
Тамъ дѣвы, юноши и старцы поспѣшаютъ;
Тамъ дѣти, веселясь и перстомъ возводя
На храбраго вождя,
У рождшихъ вопрошаютъ:

«Не сей ли, что орломъ по безднѣ водъ леталъ,
Россійские огни въ турецкій флотъ металъ,
Багровилъ синій понтъ кровьми иноплеменныхъ?
Не онъ ли именемъ и ревностью Орловъ,
Кичливыхъ бичъ враговъ,
И слава современныхъ?

«Онъ, онъ, являетъ то и взоръ его и станъ;
Онъ здѣсь, а тамъ еще дымится океанъ!
Се братъ его, что текъ въ кровавый первый бой!
Се грозный варварамъ, Спиридовъ, исполинъ!
Се Грейгъ [20], и съ нимъ Ильинъ [21],
Нетрепетны герои!»

Но что вѣщаю я, мечтаній лестныхъ полнъ?
Орлы мои еще среди азійскихъ волнъ!
Я мыслію одной на ихъ взираю слѣды
Чрезъ горы, чрезъ моря, чрезъ токи многихъ рѣкъ.
О громкій бранью вѣкъ!
Неслыханны побѣды!

И море и земля и высота небесъ
Екатерининыхъ свидѣтели чудесъ.
Балтійскихъ волнъ брегамъ власть Павлова не вмѣстна,
Въ немъ чтитъ Архипелагъ Нептуна своего;
Наслѣдіе его
Не Сѣверъ–Поднебесна!

2. *Къ...., изъ Лондона* [22].

Монархи межъ собой нерѣдко брань творятъ;
Военнымъ духомъ всѣ писатели горятъ.
Коль такъ, піиты суть тѣ власти остроумны,
Что для такихъ же винъ войны заводятъ шумны;
Въ послѣдокъ, о царяхъ даютъ потомки судъ,
Тужъ съ ними честь пѣвцы и жеребій несутъ.
Не всякій славу царь могъ въ вѣчность распростерти,
Не всякій и піитъ былъ славенъ съ годъ по смерти,
Хоть въ жизни принималъ отъ многихъ плески рукъ,
Какъ царь, привѣтства въ знакъ, изъ многихъ пушекъ звукъ.

Хвалъ нашихъ въ жизнь труба—знакомыхъ намъ ватага—
Реветъ, что мы уже безсмертія у прага,
Руками что уже касаемся верей:
Мы пишемъ, умерли—верстъ со сто отъ дверей.
Честь наша послѣ насъ подвержена опалѣ;
Что больше дней, то мы отъ храма славы далѣ;
Со мрущей такъ хвалой сквозь время чуть бредемъ,
Пока въ бездонну хлябь забвенья упадемъ.
Вотъ наше кончится чѣмъ въ свѣтѣ стихотворство!
Пѣвцы! чѣмъ отвратить въ потомкахъ къ намъ презорство?
Сатиру ли, нашъ мечъ, на нихъ употребить,
Или заранѣе ихъ имномъ ухлѣбить?
О просвѣщенные вѣковъ грядущихъ роды,
Примите вы мои всемилостиво оды!
Не баснословный бредъ, не обща то дрема,—
Препоручаю вамъ сокровище ума.
Я пѣлъ, струны мои казались очень звонки;
Пріятелей моихъ разсудки сильно тонки;
Бывало какъ стихи прочту я въ ихъ кругу,
Свидѣтель Аполлонъ, всѣ хвалятъ—я не лгу.
Я въ жизни не съ однимъ имѣлъ знакомство домомъ:
Гдѣ ни обѣдывалъ, меня зывали громомъ;
Я прахъ теперь: моя живаль-то въ свѣтѣ честь?
Молю, стихи мои не дайте моли съѣсть.
Но дойдетъ ли сія къ потомкамъ челобитна,—
То тайна, ни кому изъ смертныхъ неиспытна.
Коль стихотворну плоть червь въ гробѣ могъ поясть,
Диковинка ль стихамъ отъ червя же пропасть?
То правда, въ разныя идутъ они потребы:
Ихъ подъ исподъ кладутъ, какъ въ печь сажаютъ хлѣбы;
Купцы, что продаютъ различный смертнымъ злакъ,
Завертываютъ въ нихъ хрѣнъ, перецъ и табакъ;
Идутъ они въ дѣла, идутъ и въ забабоны:
На мѣрки для портныхъ и войску на патроны;
Ребятамъ на змѣи, хлопушки и пыжи,
Свѣчамъ, окорокамъ копченымъ на брыжи.
Плодъ разума, стихи ко всячинѣ пригодны;
Со жребіемъ людей судьбой своею сходны:
Всѣмъ общъ намъ къ жизни входъ—въ ней разны тьмы смертей;
Стихамъ въ свѣтъ путь одинъ—изъ свѣта сто путей.
Я признаюсь, въ стихахъ я самъ жужжу, какъ муха,
Но это моего не оскорбляетъ уха:
Не всякій Папою быть можетъ кардиналъ;
Всякъ ждетъ, чтобъ на него сей жеребій упалъ.
Спроси писца стиховъ, желаетъ ли онъ славы,—
Смиренный дастъ отвѣтъ: онъ пишетъ для забавы,
Избытокъ въ томъ лишь дней препроводить хотя;
Онъ межь Парнасскихъ чадъ невинное дитя.
Но загляни сему ты въ сердце отрочати,—
Тамъ найдешь: я піитъ, стихи мои въ печати.
Но если дѣло все въ печати состоитъ,
То всякій грамотѣй въ мигъ можетъ быть піитъ:
Поставь слова твои въ пристойныя шеренги,
Поди въ печатный домъ и заплати тамъ деньги;

Тамъ въ мигъ твой тиснутъ слогъ и выйдетъ мокрый листъ;
Ты въ тужъ минуту сталъ сатирщикъ иль лиристъ,
Пошелъ въ домъ съ вѣчною въ своемъ карманѣ славой;
Дерзай—ты деньги далъ, ты стихотворецъ правой.
Теперь друзей своихъ къ обѣду пригласи,
И слогъ твой по большимъ боярамъ разнеси:
Блаженства твоего и возсіяло время;
Смотри—и канулъ лавръ на стихотворче темя.
Вотъ тайна вся стиховъ: рука да голова,
Чернилица, перо, бумага да слова;
И диво ль, что у насъ піиты столь плодятся,
Какъ отъ дождя грибы въ березникѣ родятся!
Однако мнѣ жалка такихъ піитъ судьба,
Что ихъ и слогъ стоитъ не долѣе гриба.
Когда же всѣ мы толь недолговѣчны крайне,
Другой какой нибудь тутъ должно крыться тайнѣ;
Знать не отъ риѳмъ однѣхъ и точныхъ стопъ числа
Зависитъ нашего удача ремесла.
Какъ тѣ, что зрѣлища въ театрѣ представляютъ,
Людьми со стороны лицъ скудость добавляютъ,—
Я зрѣлъ, толпился въ нихъ безграмотный игрокъ;
Но что онъ значитъ тамъ? какой его урокъ?
Пусть онъ въ театрѣ былъ и въ платье наряжался,
Стоялъ съ копьемъ въ рукахъ и раза съ два сражался,
Съ Дмитревскимъ рядомъ шелъ: ктожъ скажетъ—онъ игрецъ?
Онъ силы дѣйствъ не зналъ: такъ точно и писецъ.
Какъ путный, на театрѣ онъ риѳменный выходитъ;
Беретъ перо межъ перстъ и по бумагѣ водитъ;
Вотъ етто, говоритъ, поставилъ я «творогъ»,
Такъ долженъ ужъ стоять въ другой строкѣ «пирогъ»;
Прибравши такъ слова, онъ, мыслитъ, сдѣлалъ чудо,
Что предъ читателя вдругъ выставилъ онъ блюдо.
Со всею худобой нескладицы, бредни,
Слыветъ онъ у своей писателемъ родни,
Великій умница и со смѣха уморецъ;
У знатоковъ прямыхъ онъ жалкій риѳмотворецъ.
Межъ нимъ и игрокомъ въ томъ только разность вся:
Тотъ кликнутъ въ дѣло былъ, а этотъ самъ вплелся.
Обоимъ, станется, имъ быть въ театрѣ любо:
Тотъ малый съ проста радъ, нашъ писарь буй сугубо.
Природа, видитъ всякъ, въ дарахъ къ нему скупа;
Онъ мыслитъ: голова другихъ людей тупа,
И, не сошлясь на свѣтъ, себя всѣхъ выше ставитъ;
Другой кто стань писать—онъ къ буйству злость прибавитъ,
Вдругъ вышлетъ на тебя сто надписей, сатиръ:
Ты смѣлъ потрясть его въ умахъ людскихъ кумиръ.
Дастъ жалоиъ знать, кто онъ: онъ колоколъ зазвонный,
Горацій онъ въ Морской и Пиндаръ въ Милліонной;
Въ приказахъ, и въ рядахъ, гдѣ Мойка, гдѣ Нева,
Неугомонная шумитъ объ немъ молва;
Ходя изъ дома въ домъ, онъ самъ ее сугубитъ;

Всякъ четъ свои стихи; чужихъ на смерть не любитъ (23).
И то сказать, онъ правъ: кому не милъ свой трудъ?
Стихи намъ вмѣсто чадъ; мы мозгъ ломаемъ тутъ.
Кто знаетъ? можетъ быть, при каждой онъ страницѣ
Пыхтѣлъ и мучился, подобно роженицѣ;
Такъ пусть, когда онъ чадъ съ такимъ трудомъ родитъ,
Пусть матерски на нихъ любуется, глядитъ.
Гляди, лишь не кричи: мои другой породы!
Мои какъ ангелы, у всѣхъ другихъ уроды!
Коль ты бъ за ангеловъ мнѣ ихъ не навязалъ,
Я дѣтушекъ твоихъ за обезьянъ бы взялъ.
Въ чужихъ они глазахъ толико не красивы:
Горбаты, сплющенны, и хворы, и паршивы,
И живости-то нѣтъ, и въ каждомъ три бѣльма,
И мысль-то свихнута, и рифма-то хрома;
Совсѣмъ увѣчные и гнусные калеки;
Отъ совершенства миль на тысячу далеки;
Иной бы отъ людскихъ въ подпольѣ крылъ ихъ глазъ,
А ты нарочно ихъ всѣмъ суешь на показъ.
Да какъ же? скажешь ты, мой люди слогъ читаютъ
И хвалятъ: толку въ немъ знать много обрѣтаютъ.
Я чаю, хаживалъ ты въ театральный домъ,
Комедіантовъ въ честь слыхалъ въ немъ плесковъ громъ:
Какъ скоро князь иль графъ ударитъ тамъ въ ладони,
То каждый изъ простыхъ, подобіемъ догони,
Безъ пощаженья рукъ сугубитъ общій трескъ,
Хотя не знаетъ самъ, чему сей платитъ плескъ.
Спроси, за чѣмъ онъ бьетъ: ударилъ-де вельможа;
Толпа твоихъ чтецовъ на чернь сію похожа.
Какой-то тамъ живетъ на Мойкѣ Меценатъ,
Что мѣстуетъ твой слогъ, а ты тому и радъ,
И думаешь, что въ немъ невѣдь какая сдоба:
Но истинныхъ красотъ не знаете вы оба;
Не видитъ проку онъ кромѣ тебя ни въ комъ,
Причина вся тому, что ты ему знакомъ.
Такъ съ Богомъ успѣвай; пиши, братъ, прѣсны души;
Безхитростны сердца, гдѣ Мидасовы уши.
Какъ такъ? ты говоришь, я мѣлюсь на словаря:
Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фонаря;
Смотри-тко, тамо я, какъ солнышко, блистаю,
На самой маковкѣ Парнасса процвѣтаю.
То правда, косна желвь (24) тамъ сдѣлана орломъ,
Кокушка лебедемъ, ворона соколомъ;
Тамъ монастырскіе запечны лежебоки
Пожалованы всѣ въ искусенни глубокій;
Коль вѣрить словарю, то сколько есть дворовъ,
Столь много на Руси великихъ авторовъ;
Тамъ подлый на ряду съ писцомъ стоитъ алырщикъ (25),
Игуменъ тутъ съ клюкой, тутъ съ мацами батырщикъ (26),
Здѣсь дьяконъ съ ладономъ, тамъ пономарь съ кутьей,
Съ баклагой сбитеньщикъ и водоливъ съ бадьей;
А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до сихъ поръ сплошностью забыты.
Теперь свѣтъ умному обязанъ молодцу,
Что поину ихъ именъ составилъ памятцу;

Въ дни древни, въ старину, жилъ—былъ-де царь Ватуто,
Онъ былъ, да жилъ да былъ, и сказка-то вся туто.
Такой-то въ этакомъ писатель жилъ году;
Ни строчки на своемъ не издалъ онъ роду;
При всемъ томъ слогъ имѣлъ, повѣрьте, молодецкій,
Зналъ греческій языкъ, китайскій и турецкій.
Тотъ умныхъ столько-то наткалъ проповѣдей,
Да ихъ въ печати нѣтъ. О, былъ онъ грамотѣй!
Въ семъ годѣ цвѣлъ Ѳома, а въ этакомъ Ерема;
Какая же по немъ осталася поэма?
Слогъ пылокъ у сего и разумъ такъ летучъ,
Какъ молнія въ эѳиръ сверкающа изъ тучъ.
Сей первый издалъ въ свѣтъ шутливую піесу,
По точнымъ правиламъ и хохота по вѣсу.
Сей надпись начерталъ, а этотъ патерикъ (27);
Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ четверикъ;
Тотъ истину хранилъ, чтилъ сердцемъ добродѣтель,
Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣднымъ благодѣтель,
Въ великомъ тѣлѣ духъ великій же имѣлъ,
И, видя смерть въ глазахъ, былъ мужественъ и смѣлъ.
Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ;
Разсудковъ и добротъ онъ вѣрный есть оселокъ.
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ.
О други, что своимъ дивитеся работамъ,
Сію вы памятку читайте по субботамъ!
Когда жь возлюбленный всероссійскій нашъ словарь
Плохъ разумовъ судья, плохъ нашихъ хвалъ звонарь:
Ктожъ будетъ цѣновщикъ сложеній стихотворныхъ,
Кто силенъ различить хорошія отъ вздорныхъ?
Бери сто разъ перо и по бумагѣ мычь,
Со всѣхъ концовъ земли къ себѣ идеи кличь,
Три лобъ свой, пружься, рвись, въ мигъ скажутъ наши строки,
Лжевдохновенны мы иль истинны пророки.
Оставь читателей судьями думъ твоихъ:
Есть Аполлоновы наперсники и въ нихъ;
Имъ шепчетъ въ уши Фебъ, чей лучше слогъ, чей хуже,
Кто въ Ипокренѣ пилъ, кто черпалъ въ мутной лужѣ.
Прямой стиховъ творецъ и таинственникъ Музъ
Есть тотъ, что въ жизнь блюдетъ съ добротами союзъ;
Изъ сердца истины въ другихъ сердца преноситъ,
И никого, чтобъ челъ стихи его, не проситъ.
Свѣтъ знаетъ и безъ насъ, полезно что ему,
Гдѣ сердце зиждется, гдѣ пища есть уму;
Пчела не черезъ чуръ віется кругъ навоза:
Любимы ей мѣста нарцисъ, піонъ иль роза.
Купцы товаръ лицемъ, не горломъ продаютъ,
И только лишь въ набатъ, коль нездорово, бьютъ.

[1]) Петровъ, Василій Петровичъ (р. 1736, у. 1799), обучался въ Московской Духовной Академіи, гдѣ, по окончаніи курса, преподавалъ піитику, реторику и греческій языкъ. Рекомендація Потемкина, товарища его по ученію, доставила ему, въ 1769 г.,

мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца Государыни; почему въ письмѣ своемъ къ Государынѣ изъ Лондона 1774 г. онъ говоритъ: «я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ» (Библ. Зап. 1858, стр. 528). Вскорѣ послѣ 1769 г., вмѣстѣ съ Силовымъ, отправленъ въ Англію для образованія. Здѣсь выучился онъ англійскому языку и познакомился съ англійской литературой, которая, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на его собственныя стихотворенія. Особенно нравился ему Аддисонъ, пріобрѣтшій славу трагедіею «Катонъ». Въ посланіи къ Силову, Петровъ, желая, чтобы «лучъ британскихъ умовъ озарилъ росскую грудь», упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, какъ выраженіе стоической морали, выучивались наизусть любителями стихотворства и преимущественно стихотворства дидактическаго, съ нравственными тенденціями:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Аддисона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ....

По возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ придворнымъ библіотекаремъ. Вышелъ въ отставку 1780 г. Сочиненія Петрова изданы его вдовою въ 3 ч. (1811 г.).

²) При Чесмѣ, гдѣ, 26 іюня 1770 г., сожженъ былъ турецкій флотъ.

³) Гр. А. Г. Орловъ, начальникъ флота.

⁴)⁵)⁷)⁸ и ⁹) Названія кораблей.

⁶) Корабль трехъ святителей.

¹⁰) Корабль трехъ іерарховъ, гдѣ находился гр. А. Г. Орловъ.

¹¹) Корабли адмирала Спиридова и Гассанъ-бея, командовавшаго турецкимъ флотомъ, взлетѣли на воздухъ.

¹²) Съ гр. А. Г. Орловымъ находился братъ его Өедоръ Григорьевичъ.

¹³) Корабль.

¹⁴) Сева.

¹⁵) Геллеспонтъ (Дарданельскій проливъ), названный по имени Геллы, которая утонула въ немъ, плывя на златорунномъ овнѣ.

¹⁶) Во время сраженія, въ Смирнѣ было землетрясеніе.

¹⁷) Франція дѣйствовала противъ Россіи. Французскій агентъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Тоттъ, укрѣпилъ Дарданеллы.

¹⁸) За Юліемъ Цесаремъ въ Александрію.

¹⁹) Консулъ римскій, одержавшій надъ Карөагенянами большую морскую побѣду.

²⁰ и ²¹) Грейгъ былъ въ то время капитанъ-командоромъ. Ильинъ и Дугдаль вошли съ двумя брандерами въ средину турецкаго флота и зажгли его.

²²) Время сочиненія посланія относится къ 1772—74 г. г. Это—одна изъ остроумныхъ сатирическихъ піесъ. Въ ней осмѣивается страсть къ стихотворству и тѣ стихотворцы, которыхъ произведенія восхваляются или пріятелями, или невѣжественными меценатами. Написано оно по случаю изданнаго Н. Новиковымъ, въ 1772 г., «Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», который неблагопріятно отозвался о Петровѣ, какъ авторѣ торжественныхъ одъ: «Вообще о сочиненіяхъ его (Петрова) сказать можно, что онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Вотъ почему послѣднія страницы «Посланія», отъ стиха:

Какъ такъ? ты говоришь, я плюсь на *словаря*,

содержатъ въ себѣ сатирическія выходки противъ книги Новикова. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ доставлены Новикову Сумароковымъ, который, какъ извѣстно, не любилъ чужихъ успѣховъ въ литературѣ. Можетъ быть, ему же принадлежитъ и отзывъ о Петровѣ, такъ что стихи Посланія:

Онъ мыслитъ: голова другихъ людей тупа,
и проч.

по всей вѣроятности относятся къ нашему Расину, какъ называли Сумарокова. Стихи:

Смотритко: тамо я какъ солнышко блистаю,
На самой маковкѣ Парнасса превитаю,

указываютъ на Аблесимова, которымъ открывается «Опытъ Словаря». Аблесимовъ писалъ критики на нѣкоторыхъ современныхъ ему литераторовъ. Нѣкоторыя мѣста «Посланія» не остались безъ подражанія: такъ въ сатирѣ И. Дмитріева «Чужой толкъ» можно указать стихи, написанные подъ вліяніемъ сатиры Петрова, который имѣлъ сатирическій талантъ. Извѣстно, что онъ написалъ піесу: «Приключеніе Густава III, короля шведскаго (1788 іюля 6)», начальныя страницы которой перепечатаны въ 19 № Библ. Зап. 1859 г.

²³) Вся эта выходка, вѣроятно, направлена противъ Сумарокова.

²⁴) Черепаха.

²⁵) Футляръ, фокусникъ.

²⁶) Печатникъ, набивающій чернилами набранныя для печати буквы. Мацы—кожаныя круглыя подушки для набиванія чернилами.

²⁷) Сборникъ житій святыхъ.

LXI.

БОГДАНОВИЧЪ.

ДУШЕНЬКА (1778). (1).

1. Плаваніе Венеры.

Богиня древній свой устроила парадъ (2),
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ, на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки (3) волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ (4) на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ всѣмъ приказы (5) строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею (6) громко трубитъ въ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ,
О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, красотамъ дивясь (7),
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру могутъ (8) лобызать (9).

2. Чертоги Душеньки (10).

....Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всемъ къ тому прибором.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,

Который былъ простѣе,
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, Душенькину въ томъ послѣдуя (11) уставу,
Сей домъ представить поспѣшу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ (12) забаву.
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла
И не оставила, тамъ бѣгая, угла (13),
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала;
Одни Зефиры лишь (14) ей слѣдовать могли
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ, какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всякія рѣдкости натуры,
Которы Душенька, осматривая (15) вкругъ,
Желала видѣть вдругъ,
И что смотрѣть, не знала;
Едина отъ другой смотрѣнье (16) отвлекала,
И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когдабъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.
Для отдыха она на время отъ (17) трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ (18).
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея,
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но по срединѣ ихъ въ началѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ
Тамъ образъ Душенькинъ (19) стоялъ
И паче (20) красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя въ ней видѣлась (21) тогда,
Какой никто потомъ (22) не видѣлъ никогда.
Тутъ долгобъ Душенька (23) осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.
Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,

Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли ([24]) она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ([25]) ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ ([26]);
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложе ([27]),
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки,
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету,
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очьми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихій нравъ:
Полей не обагрятъ кровью
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ представлена ([28]) она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ
И вымыслами игръ различныхъ ([29]) производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
И можетъ быть ([30]) странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно ([31]), чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ ([32]):
Въ другихъ мѣстахъ ([33]) ея портреты
Одни ([34]) являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша ([35]),
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

3. Змѣй-Горыничъ ([36]).

Не знаю, въ первый день иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня, въ мщеніи, послала царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:

Кто первую ([37]) попьетъ—здоровье получаетъ,
Вторую кто ([38]) попьетъ—здоровье потеряетъ;
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто счастливъ ([39]).
Пошла царева дочь тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ ([40])
Подъ плечи два кувшина ([41]),
Пошла на всѣ труды—
Искать такой воды.
Пошла куда? и кто съ ней ([42]) будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Ей на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ напоитъ кто змѣя ([43]) питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою ([44]) флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить ([45]).
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть ([46]) разинетъ,
Онъ ([47]) голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ ([48]),
И ([49]) Душенька найдетъ себѣ свободный путь—
Живую ль, мертвую ль тамъ воду ([50]) почерпнуть.
Не въ долгомъ времени ([51]) царевна путь скончала:
Чрезъ н[illegible]
И, вспомнивъ [illegible]
Котору выдала впослѣд[illegible]
«О змѣй-Горыничъ [illegible]
Ты сытъ во всяки вре[illegible]
Ты ростомъ превзошелъ сл[illegible]
И видомъ краше ты ([54]) верблю[illegible]
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
Широко ([55]) разѣваешь пасть
И можешь всѣхъ давить когтями.
Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
Пусти ты Душеньку ([56]) къ водамъ».
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица ([57]),
Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца ([58]),
Заснулъ и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ ([59]).
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды ([60]):
Въ свободѣ Душенька ([61]), попивъ живой воды,
Забыла всѣ ([62]) труды
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь сопернницѣ досадъ,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить ([63]);
Но просто случаемъ иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился
И умыселъ въ дѣло не годился.

4. Душенька въ аду ([64]).

Къ успѣху мщенія, пришло на умъ богинѣ

Представилъ Душеньку со всею

Какой дотолѣ умъ вообра

Но хочетъ ли (24) она

Въ иной, Зефиръ

И сыпля

Въ

Старушка ей вру... ю-

жъ

И отведетъ ее въ кутокъ (70),
Въ куткѣ (71) покажетъ въ низъ ступенія,
По коимъ въ Адъ нисходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ,
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ-послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручитъ,
Горшечикъ получитъ,
И службу надлежащимъ рядомъ
Исправно совершитъ.
Послѣдуя сему закону,
Пошла царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.
Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры:
Тризѣвны въ Тартарѣ Церберы
Распространяли страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять;
Замерзлый Тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ, начавши рѣчь запнулся,
И съ роду въ первый разъ
Въ то время улыбнулся.
Узрѣвъ толь сильную посольску полномочь,
Какую при письмѣ казала царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И, по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

[1]) Этотъ годъ сочиненія «Душеньки» показанъ Карамзинымъ въ ст.: «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» (Вѣст. Европы 1803 г.). Митр. Евгеній говоритъ, что первая книга поэмы (всѣхъ книгъ три) издана гр. Михаиломъ Ѳедотовичемъ Каменскимъ 1778 г.; но каталоги Сопикова и Смирдина о томъ не упоминаютъ. Первое полное изданіе Душеньки принадлежитъ давнишнему пріятелю Богдановича, Алексѣю Андреевичу Ржевскому, автору многихъ стихотвореній и трагедіи «Смердій и Презеста», представленной 1769 г. (Словарь свѣт. пис., II). Оно явилось въ Спб., 1783 г., подъ заглавіемъ: «Душинька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ». Имъ руководствовались мы, при помѣщеніи отрывковъ въ Хрестоматію; но не держались его ороографіи, представляющей многія явныя небрежности. Въ небольшомъ предисловіи, издатель исчисляетъ достоинства поэмы: «непринужденную вольность стиля, чистоту стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній». Первая и третья книги этого изданія, которое тогдашнии зна-

токами словесности уважалось болѣе, чѣмъ послѣдующія, исправленныя, перепечатаны Сопиковымъ во 2 т. его «Опыта Рос. Библ.» (стр. 397—461). Второе, исправленное изданіе—1794, третье—1799, четвертое—въ Собраніи сочиненій и переводовъ Богдановича, изданномъ Платономъ Бекетовымъ 1809—1810 г.г., въ 6 ч.; пятое отнесено Сопиковымъ къ 1811 г. (оно сгорѣло въ Москвѣ, при нашествіи Французовъ). Кромѣ того митр. Евгеній указываетъ изданіе 1803 г., принадлежащее гр. А. И. Мусину-Пушкину. Къ 4-му изданію Душеньки, въ Собр. сочин. Богдановича (1809—10 г.г.), напечатанному безъ всякихъ перемѣнъ съ 3-го (1799 г.), приложены варіанты 1-го (1783) и 2-го изданій (1794). Миѳическая исторія Психеи (Души) разсказана впервые Апулеемъ, платоническимъ философомъ, жившимъ въ Римѣ во 2-мъ в. по Р. Х. Она составляетъ эпизодъ романа его: «Превращенія» или «Золотой Оселъ» и помѣщена въ 4, 5 и 6 книгахъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Въ Греціи жили нѣкогда царь и царица. Изъ трехъ дочерей ея, двѣ не отличались красотою, но младшая, Психея, такъ была прекрасна, что прослыла Венерой: ей воздавали божескія почести, приносили жертвы. Венера, раздраженная такимъ поклоненіемъ земнородной, повелѣла сыну своему строго наказать Психею. Но Купидонъ, при первомъ взглядѣ на красавицу, почувствовалъ къ ней любовь. Вскорѣ, по повелѣнію оракула, родители Психеи отводятъ ее на вершину одной горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому она обречена въ супруги. Едва они покинули дочь, какъ Зефиръ переноситъ ее въ богатый чертогъ, гдѣ Купидонъ посѣщаетъ ее только ночью и оставляетъ на утренней зарѣ. Психея, тронутая печалью сестеръ, которыя оплакиваютъ ея кончину, призываетъ ихъ, чрезъ Зефира, къ себѣ. Зависть наполняетъ сердца ихъ при видѣ счастія Психеи. Онѣ даютъ ей гибельный совѣтъ—умертвить супруга (предполагаемаго дракона) во время сна. Готовясь совершить убійство, Психея, при свѣтѣ лампады, увидѣла спящаго, поражена была небесной красотой его и въ волненіи пролила на него горячее масло. Пробужденный, Купидонъ улетаетъ, упрекая свою супругу за роковое любопытство. Психея отправляется отыскивать Купидона. Когда она явилась къ Венерѣ, разгнѣванная богиня осуждаетъ ее на различныя испытанія. Психея счастливо преодолѣваетъ ихъ, даже послѣднее, состоявшее въ томъ, что она должна была сойти въ подземное царство и получить отъ Прозерпины ящикъ, наполненный благоуханіемъ красоты. Хотя ей и запрещено было открывать его, но она не могла воздержаться отъ любопытства: тогда смертоносное испареніе, вылетѣвшее изъ ящика, повергло ее на землю. Купидонъ, прикосновеніемъ стрѣлы, воззвалъ ее къ жизни. По волѣ Юпитера, Психея становится безсмертною и соединяется съ Купидономъ. Блистательный бракъ, плодомъ котораго было Наслажденіе, оканчиваетъ ея страданія.—Разсказу Апулея подражалъ Лафонтенъ, въ своей повѣсти: «Les amours de Psyché et de Cupidon», а сему послѣднему Богдановичъ.

2) Вар.: «Богиня, учредивъ старинный свой парадъ.

(Варіанты взяты по 4-му изд.).

3) Вар.: «И дерзки».

4) «Сбираетъ жемчуги».

5) «Вокругъ кидаетъ взоры».

6) «Въ коральный».

7) «На струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой.»

8) «Смѣютъ».

9) Изъ 1-ой книги. Венера, принеся жалобу на Психею своему сыну, возвращается на островъ Цитеру, гдѣ находился ея храмъ. Отрывокъ, помѣщенный въ Хрестоматіи, представляетъ картину этого возвратнаго плаванія Венеры.

10) Изъ 2-ой книги. И. Дмитріевъ подражалъ этому описанію въ сказкѣ своей: «Причудница».

11) Вар.: «Я, въ томъ послѣдуя Царевнину».

12) «Тамъ принесть».

13) «И, тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала
Покоя, ни угла».

14) «Зефиры лишь одни».

15) «Оглядывая».

16) «Одна передъ другой со споромъ взоръ».

17) «Во отдыхѣ жъ она, отъ сихъ тогда».

18) «Въ народахъ и вѣкахъ».

19) «Самой Царевны ликъ».

20) «И болѣ».

21) «Казалась въ ней».

22) «Во вѣки свѣтъ».

23) «Конечно Душенька и долѣ бъ такъ».

24) «Желаетъ ли».

25) «Фауны».

26) «И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ,
И пѣсни ей дудятъ и скачутъ въ круговинахъ».

27) «Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе».

28) «Является».

29) «Повсюду».

30) «Иль будто-бы».

[31]) «И многія изъ нихъ, конечно».
[32]) «Вездѣ въ чертогахъ тамъ,
Царевниныиъ очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчалися предметы».
[33]) «Вездѣ».
[34]) «Одни» исключено.
[35]) «Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша».
[36]) Изъ 3-ей книги. Желая погубить Душеньку, Венера посылаетъ ее принести живой и мертвой воды, которую сторожитъ страшный змѣй.
[37]) Вар.: «Отъ первой кто».
[38]) «А отъ другой».
[39]) «Но въ семъ пути никто не возвращался живъ».
[40]) Вмѣсто двухъ одинъ стихъ:
«Царевна, къ службѣ сей, какъ должно прицѣпивъ».
[41]) Послѣ этого новый стихъ:
«Пошла безъ дальна чина».
[42]) «Куда? и кто въ пути ей».
[43]) «Какъ развѣ кто его забавитъ».
[44]) «Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ».
[45]) «Въ гортань ему воткнуть».
[46]) «Когда-же пасть свою при пойлѣ змѣй»
[47]) «И».
[48]) «Въ то время разодвинетъ».
[49]) «То».
[50]) «Водицу».
[51]) «Зефиръ лишь то сказалъ».
[52]) «Чрезъ нѣсколько минутъ» — исключено.
[53]) «И змѣю поклонясь, умильну»
[54]) «Красою помрачилъ».
[55]) «И смѣло».
[56]) «Пусти меня, пусти».
[57]) Послѣ этого новый стихъ:
«Притомъ склоняяся ко сласти питьеца»
[58]) Этого стиха нѣтъ.
[59]) «И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ».
[60]) Послѣ этого стиха:
«И разны къ нимъ слѣды.
Праслужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно Душеньку въ дорогахъ не покинулъ».
[61]) «Она, въ свободѣ тамъ».
[62]) Прибавлено: «свои дорожные».
[63]) Предъидущіе шесть стиховъ замѣнены слѣдующими:
«Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ,
Въ отмѣнной красотѣ, какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
И будто бы тогда Богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить».
[64]) Послѣдняя служба, которую Венера заставила служить Душеньку, въ видахъ ея погибели.
[65]) Дочь Цереры, похищенная Плутономъ.
[66]) Послѣ этого новые стихи:
«Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы, спустился паки въ свѣтъ».
[67]) «И ей полезный далъ».
[68]) «Въ лѣсу, онъ ей сказалъ».
[69]) «А въ той избушкѣ ей представится».
[70]) «Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ».
Кутъ, кутокъ—задній уголъ въ крестьянской избѣ.
[71]) «Оттоль».

LXII.

АБЛЕСИМОВЪ. ([1]).

МЕЛЬНИКЪ, КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА (1779). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, а съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди жъ всего дерево.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Мельникъ (одинъ).

(Онъ, стругая доску, поетъ только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ:)

Какая бишь это пѣсня?... Да: «Какъ вечоръ у насъ со полуночи».... такъ.... (начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу).

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта....

Какой проливной было—пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро. (Также поетъ и продолжаетъ работу).

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца....

Ну, ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-то мою совсѣмъ не спорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да немного; а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла (Приноравливаетъ доску). Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять за-ново. (Подошедъ къ оркестру) Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ-де мельникъ всякій не простъ: они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ.... ха! ха! ха!... какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарѣлся на мельницѣ; а ни одного домовова съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ.... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ міряномъ,
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ (его увидя).

А! это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. (Къ Филимону) Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ.

Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ.

Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?

Филимонъ.

Не пуще дальное дѣло.

Мельникъ.

Да волею, или неволею?

Филимонъ.

Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-то, кони-то какіе добрые были. (Особливо) Это онъ-то ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (Къ Мельнику) Што, старинушка, хочу спросить тебя....

Мельникъ.

О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимонъ.

Доброе дѣло! и мы вамъ плательщики. И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

Мельникъ.

Найдутся ли кони?

Филимонъ.

Такъ, старинушка: мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ.

А вотъ, эдакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? (подставливаетъ руку).

Филимонъ.

Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ (отворачивается, сердится и начинаетъ пѣть:)

Угадать —
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

Филимонъ.

Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

Мельникъ.

На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ.

Ни изъ чего не солгу, повѣрь пожалуй.

Мельникъ.

Въ тотъ чередъ,

Напередъ,
Эти басни не подъ нужу,
Вынь-ка мошну-то наружу,
И пустаго не болтай,
Да намъ денежки считай.
(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза.)

Филимонъ.

Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копѣекъ.

Мельникъ.

Это только-то?

Филимонъ.

Будетъ покамѣстъ, чего больше?

Мельникъ (особо).

Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ.

А какъ теперь на дворѣ рано?

Филимонъ.

Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ.

Перевернись же три раза по солнцу.

Филимонъ.

Што бы такъ?

Мельникъ.

Што бы такъ! въ ворожбѣ это надо. Ну, дѣлай што велятъ!...

Филимонъ.

Во твою угоду мы и повернемся. (Вертится одинъ разъ).

Мельникъ.

Еще противъ солнца.

Филимонъ (вертясь).

Еще таки и противъ солнца.

Мельникъ.

Теперь стань вотъ къ этому дереву. (Филимонъ хочетъ идти, а Мельникъ говоритъ): Нѣтъ, нѣтъ, постой.... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ (вынимаетъ платокъ).

Есть, вотъ.

Мельникъ.

Зажми-же глаза плотно, завяжи платомъ крѣпче.... еще крѣпче.... ну! ладно.... теперь слушай-же: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и ни кому не аукайся; а я пойду къ старшому....

Филимонъ (исполняя все, что Мельникъ ему ни приказывалъ).

А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?

Мельникъ.

Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ.

А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ.

Всполошишь всѣхъ; не надо.

Филимонъ (про себя).

Эдакая причина!

Мельникъ.

Стой же плотно.

Филимонъ.

Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ).

Мельникъ.

Тють!.... тють!... што ты это чудесишь?... эдакой рахманный (3), вѣдь испужаешься.... (взявъ его за руку) поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево (потомъ очерчиваетъ его мѣломъ). Ну, стой-же, слышь ли ты, плотно; не трошься и за черту ни ногою, а то быть худу (Отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Филимонъ (одинъ).

Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда Мельникъ ушелъ, слушаетъ).

Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ! (Открываетъ немного глаза) Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... што жъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи; нѣтъ! ста-

ну курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся.
Спою пѣсню; да какую жъ я спою?..
А! любиму свою...

(Музыка начинаетъ, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы.)

Филимонъ (продолжаетъ пѣть на голосъ: «Какъ ходилъ гулялъ молодчикъ»).

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Ходилъ молодецъ на Прѣсню
Изъ Сесвяцкова села (4),
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Изъ Сесвяцкаго села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается).

Дѣвка.... ду.... ша.... тамъ хо.... ро.... ша..., (оканчиваетъ дикимъ голосомъ).

Мельникъ.

Разступись вода!... растворись мельница!... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!... (вертитъ опять жерновомъ и производитъ шумъ).

Филимонъ (дрожитъ).

Чуръ меня!... чуръ мёня!... съ нами невидимая сила!...

Мельникъ (подбѣгая къ Филимону).

Ухватись, ухватись за дерево плотнѣя.

Филимонъ (хватясь за дерево, самъ дрожитъ).

Мельникъ (обходя его кругомъ).

Будутъ кони?... будутъ кони?... Таки будутъ?... (сиповатымъ голосомъ) нѣтъ, не будутъ (Обходитъ другой разъ). Придутъ кони?... таки придутъ ли кони?... (также сиповато) нѣтъ, не придутъ. Што за дьявольщина! (обходитъ третій разъ). Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони? (притворнымъ голосомъ съ сердцемъ) хоть найдутся, да не скоро.... (своимъ голосомъ) Исчезни жъ, окаянный!... (самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оное; потомъ, подошедъ къ Филимону) Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ (развязавъ глаза).

У!.. (дрожа поетъ).

О, ты дѣдушка Ѳаддей!
И ты сильный ворожища!
Ты могучій чародѣй!

Мельникъ.

Кабы ковшъ теперь пивища,
Я въ него бы поглядѣлъ;
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

Филимонъ.

Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ (особо).

Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба.

Фил. Ты намъ, дѣдушка, } помога.
Мел. Я вамъ, дѣтушки, } помога.
Фил. } У кого } кручины } много.
Мел. } У кого } есть денегъ } много.

Филимонъ.

Итакъ, дѣдушка, пропали мои кони?

Мельникъ (поетъ).

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ (еще поетъ).

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ.

Да вотъ, пожалуй, я и еще дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ (даетъ ему денегъ).

Мельникъ (заикаясь).

А!... а кармливалъ ты ихъ овсомъ?

Филимонъ.

О, нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

Мельникъ.

Ну, такъ вѣкъ не найдутся.

Филимонъ.

Эдакое мое горе!

Мельникъ.

Постой еще: подай-ка мнѣ свою руку! (Филимонъ кажетъ руку, а Мельникъ водитъ на ладони пальцемъ).

Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердцѣ кручина пала....

Филимонъ (особливо).

Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

Мельникъ.

Погляди-ка сюда пряменько! што-то есть у тебя на мысли?

Филимонъ.

Охъ! старинушка, есть.... да боюсь молвить.

Мельникъ.

Не бось, не бось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу: авось-либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ.

Нѣтъ, дѣдушка, кажется несбыточное дѣло, и статца-то этому не можно.

Мельникъ.

Не болтай пустова.

Филимонъ (поетъ на голосъ: «Западала путь-дороженька моя»).

Я повѣдаю тоску печаль ему,
Отъ чего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожища,
И мнѣ сталcя быть дружища:
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю....

Мельникъ.

Не утай, не утай ничего; а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ.

Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрелъ-было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ добрый молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ несогласны; старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство по неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка.... и за то-то мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ.

О! о! это плевое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! что за работу?

Филимонъ.

Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ.

Ну-тка по рукамъ.... ладно!...
(Поетъ на голосъ: «Вы рѣченьки, рѣченьки»).

Не кручинься молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ;
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ;
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимонъ.

О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

Мельникъ.

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ вѣкъ не буду!..

Филимонъ.

Чудеса ты все творишь:
Какъ рублемъ меня даришь.

Мельникъ.

Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться.

Филимонъ.

Пойдемъ къ дѣлу поспѣвать.

Мельникъ.

Пойдемъ свадьбу затѣвать.

Оба.

А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И приттить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачокъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ.

[1]) О жизни Александра Онисимовича Аблесимова мало извѣстно. Служилъ онъ сначала въ лейбъ-компанской канцеляріи при А. П. Сумароковѣ, стихотворенія котораго часто переписывалъ на бѣло, что возбудило и въ немъ склонность къ стихотворству. Потомъ опредѣлился онъ въ ом

миссію проэкта новаго Уложенія, а отсюда перешелъ въ военную службу, дослужился до капитанскаго чина и былъ экзекуторомъ при московской управѣ благочинія. Ум. 1784 г. (Слов. Евгенія, I; Энцикл. Лекс., I).

[2]) «Комическая опера Мѣльникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ. Въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена А. Аблесимовымъ. Представлена въ первый разъ, на московскомъ театрѣ, генваря 20 дня 1779 года. Печатана въ типографіи Императорскаго Московскаго Университета».—Годъ изданія не означенъ. Вѣроятно, это первое, явившееся въ самый годъ представленія піесы. Второе изд. 1782 (въ Москвѣ), третье 1792 (въ Спб.). Послѣ того піеса неоднократно была перепечатываема. Означенныя изданія весьма небрежны, почему и не было надобности сохранять ихъ орѳографію. Содержаніе заключается въ томъ, что Мельникъ Ѳаддей устроиваетъ свадьбу крестьянской дочери Анюты и однодворца Филимона. Пользуясь народнымъ суевѣріемъ, онъ выдаетъ себя за колдуна, получаетъ за колдовство деньги и ловко примиряетъ желанія родителей Анюты, изъ которыхъ отецъ хотѣлъ непремѣнно выдать ее за крестьянина, а мать за дворянина, такъ какъ она сама дворянскаго происхожденія. Филимонъ—однодворецъ, а однодворецъ, по словамъ Мельника, и дворянинъ и крестьянинъ вмѣстѣ, что выражается имъ въ загадкѣ:

Еще што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, и оретъ,
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

«Мельникъ» пользовался большимъ успѣхомъ въ представленіи. «Сія піеса (сказано въ «Драматическомъ Словарѣ») столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ С.п.бургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя г. Книпера была играна сряду 27 разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектатеровъ и плесканія». Успѣхъ объясняется тѣмъ, что Мельникъ» написанъ въ русскихъ народныхъ нравахъ, что въ немъ есть элементъ дѣйствительно національный, тогда какъ другія комедіи переносили на нашу сцену вовсе не русскіе обычаи и нравы. Содержаніе ихъ чужеземное, хотя дѣйствующія лица назывались русскими именами и говорили русскимъ языкомъ. Комическія оперы являлись и до Аблесимова, но онѣ страдали искуственностью, въ ложномъ цвѣтѣ представляли дѣйствительность: такъ въ 1772 г. играна была «Анюта», Михайлы Попова, а въ 1777 г. «Перерожденіе», съ русскими пѣснями. Замѣчательно, что образованная публика, привыкшая къ такъ называемой «высшей комедіи», подозрительно и даже презрительно смотрѣла на комическія оперы, которыя выводили на сцену иную, болѣе простую и близкую къ намъ жизнь. «Прежде оперы «Перерожденіе», говоритъ «Драматическій Словарь», никакихъ еще оперъ на московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную рѣшились играть, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ между большою комедіею и сею оперою». Въ какомъ отношеніи комическая опера находилась къ высокой комедіи, въ такомъ же отношеніи стояла ложно-классическая, героическая трагедія къ трагедіи мѣщанской или «слезной комедіи»: извѣстно, какъ Сумароковъ смотрѣлъ на переводъ «Евгеніи», Бомарше. Но большинство зрителей врожденнымъ чувствомъ и здравымъ смысломъ цѣнило и «Евгенію» и «Мельника», какъ такія піесы, въ которыхъ природа беретъ верхъ надъ искуственностью. Напротивъ, образованное меньшинство склонялось на сторону искуственности, находя въ ней, по ученію господствовавшей тогда теоріи, облагороженіе, возвышеніе природы.—Талантливое сочиненіе производитъ всегда подражанія: за «Мельникомъ» слѣдовали: «Деревенская судьба», Прокудина-Горскаго (1782), «Выдуманный кладъ», Ивана Соколова (1782), «Сбитеньщикъ», Княжнина (1783), «Колдунъ, Ворожея и Сваха», Ивана Юкина (1789) и др.

Въ эпоху господства французскихъ воззрѣній на искуство, успѣхъ «Мельника» объяснялся согласіемъ его съ законами ложно-классической драмы. Мерзляковъ никакъ не хотѣлъ приписать популярность піесы тому только, что она «сочинена въ русскихъ нравахъ». Онъ ищетъ другихъ, эстетическихъ причинъ и въ одномъ изъ своихъ чтеній (Вѣст. Евр. 1817, № 6) доказываетъ, что «Мельникъ», подобно всѣмъ лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ оправдываетъ законы Аристотеля, наставленія Горація и Буало, вообще правила науки о вкусѣ. Доказательство его слѣдующія:

а) Комическая піеса тѣмъ продолжительнѣе дѣйствуетъ (Чтеніе Мерзлякова

напечатано через 38 лѣтъ послѣ появленія піесы, которая все еще прочно держалась на театрѣ), чѣмъ слабость, порокъ или предразсудокъ, въ ней осмѣиваемый, менѣе частный и временный, но болѣе общій и господствующій. Притомъ содержаніемъ комедіи должно быть смѣшное, пріятное или забавное, которое не унижало бы нашей природы или нашего о себѣ мнѣнія и льстило бы самолюбію нашему пріятнымъ времяпровожденіемъ на счетъ другаго. Въ «Мельникѣ» все это имѣется: его басня—свадьба, устроенная хитростію. Когда же этого не было, нѣтъ и не будетъ?

б) Всѣ лица просты, но не глупы до отвратительности, не надуты сверхъ своего званія.

в) Завязка лежитъ въ характерахъ и въ существѣ басни; развязка происходитъ также изъ характеровъ званія самыхъ лицъ.

г) При хорошо выдержанныхъ характерахъ, при сохраненіи нравовъ и обычаевъ, соблюдена чистота и свобода слога. Пѣсни вообще хороши, забавны, пріятны. Слогъ разговора натуральный, простой, народный, но не низкій.

д) Ходъ дѣйствія натураленъ и простъ. Всѣ приходятъ и уходятъ въ свое время и съ намѣреніемъ. Есть, кажется, недостатокъ въ сохраненіи единства времени.

[3]) Не бойкій, не расторопный.

[4]) Прѣсня — улица въ Москвѣ; Всесвятское—село въ 5 верстахъ отъ Москвы.

LXIII.

ВЕРЕВКИНЪ. ([1]).

ТАКЪ И ДОЛЖНО, КОМЕДІЯ (1773). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 3.

Маланья, Угаръ и Афросинья Сысоевна.

Афросинья Сысоевна.

Къ чему, мать моя, эдакая люминація? Вѣдь еще почти бѣлый день: свѣтлымъ свѣтлехонько, а она дай свѣчи переводить. Уткни носокъ ко всякому дѣлу! эдакому песту можно бы и самой догадаться! А, да и ты Угаръ здѣсь? Объ немъ и не скажетъ негодная.

Угаръ.

Михайла Николаичъ приказалъ поклониться и доложить вамъ, позволите ли ему, сударыня, теперь къ вамъ быть.

Афросинья Сысоевна.

Добро-дескать, батюшка, пожаловать (Угаръ, поклонясь, уходитъ). А ты, повѣса, позови ко мнѣ Софьюшку.

Маланья.

Слышу, сударыня (Выходя, говоритъ сама съ собою). Кабы за всякое бранное слово хотя бы по волосу у тебя рвать, такъ бы скоро мы тебя въ паричину нарядили.

Афросинья Сысоевна.

Долго ли тебѣ бормотать—то? Что ей ни молви, нѣтъ таки того, чтобъ ей сквозь зубы чего не проворчать. Добро, мой другъ, я тебя отъ этой болѣсти вылечу. Забудешь ты у меня по сорочьему-то щекотать. Ужъ нѣтъ ли тутъ какого подвоху? Я лишь было собралась къ стряпчему-то писать, анъ отъ него и бракъ ко мнѣ отписка съ почты.... Что-то онъ въ ней размазываетъ, посмотримъ (надѣваетъ очки и читаетъ): Государынѣ Афросиньѣ Сысоевнѣ, холопъ вашъ Тришка Анкудиновъ челомъ бьетъ. Вѣдомо тебѣ, государыня, буди, что въ московскомъ вашемъ, государыня, домѣ обстоитъ все благополучно, а что вы, государыня, поволили писать съ ходокомъ Филаткою, чтобъ я справился, гдѣ надлежитъ, всѣ ли по присланной, государыня, съ нимъ запискѣ вотчины состоятъ за господиномъ Доблестинымъ (остановясь и подумавъ, сама съ собою говоритъ): экая память! и позабудь, что ужъ къ нему объ этомъ писала! (Продолжаетъ читать) И я, государыня, справлялся; только отъ имени его милости купчихъ, закладныхъ и векселей въ протестѣ нигдѣ не оказалось. А на оное истрясъ господскихъ вашихъ денегъ полто-

ра рубли (срывая очки съ носа кропчется): о своемъ ли ты умѣ? полтора рубли! будто это шутка! заглянуть въ книгу, да и полтора рубли! Изрядно, хорошо: какъ поживешь ты у меня безъ мѣсячины полгода мѣста, такъ и будетъ-те, полтора рубли; да и ништо! станешь лучше беречь господскія денежки, благо не ты ихъ наживаешь, и не спросишь, что у барыни.. отъ нихъ голова кругъ вертится..... Да полно что и на малаго-то пенять!. попадись только крапивному-то сѣмени, такъ и животу не будешь рада. Ненасытная проклятая глотка! суй имъ, какъ въ адово дно; а они только тебя завтраками кормятъ. Узнала я васъ за грѣхи мои, злодѣевъ. Легко-то молвить, высосали они у меня однажды рублей право съ тридцать. А запасу-то, а вина-то сколько вытрескали! насилу-то на великую добилась отъ нихъ толку. Однако, слава Богу, что деревеньки у жениха-то не промахнуты. Во святой часъ! дѣвку взрослую сживай съ рукъ скорѣе: не домашній это товаръ. Женишки-то нынѣче въ сапожкахъ ходятъ, а дѣвками-то хоть прудъ пруди. Кто-то пріѣхалъ! Карета загремѣла.... Дѣвка! дѣвка! Малашка! глухой чертъ! докличусь ли я тебя?

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Маланья.

Маланья (бѣжитъ изо всей мочи запыхавшись).

Чего изволите, сударыня?

Афросинья Сысоевна.

Чего изволите, сударыня! съ одного слова никогда, проклятая, не войдешь! посмотри, кто взъѣхалъ на дворъ?

Маланья (смотря за кулисы).

Знать женихъ, сударыня, барышнинъ; вонъ и Угаръ принимаетъ кого-то изъ кареты. Ахъ, какой же красавецъ! какъ же разряженъ! какъ же распудренъ! таки леткомъ летитъ на крыльцо-то. Въ сорочкѣ ты, сударыня, родилась. Пойду, побѣгу, безъ памяти къ ней побѣгу, съ радошною вѣсточкою (Софья выходитъ). А, вотъ она и сама. Ну, матушка, можно сказать, что молодецъ, хотя бы за нимъ душеньки-то христіанской не было! его одной души, право, съ васъ полно. То-то, что говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

Афросинья Сысоевна.

Вѣтреная мѣльница! похабница безстыдная! трещотка дьявольская! зажмешь ли ты, проклятая, поганый свой ротъ?

Маланья.

Развѣ вы, сударыня, мнѣ его заприте замкомъ, да и запечатайте.

Софья.

Перестань, Маланья, вотъ онъ уже входитъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ судейскую комнату. Протазанъ сидитъ за столомъ; между тѣмъ какъ Урывай читаетъ дѣло, начинаетъ скоро зѣвать, а потомъ и засыпаетъ.

Урывай.

Почасту заслушиванному, но никогда не дослушанному вашимъ высокородіемъ отвѣту въ Провинціальную Канцелярію, не поволите ли окончательное учинить разсмотрѣніе?

Протазанъ.

Ну, да вѣдь ты читалъ: коли ладно, такъ дѣло-то и въ шляпѣ.

Урывай.

Однакожъ-де не худо бы и попрослушать со вниманіемъ.

Протазанъ.

Инъ читай, коли-те хочется, да поспроворь пожалуй: мнѣ еще къ ратману не опоздать бы на крестинный пиръ; чай и ты туда же званъ.

Урывай.

При милости, осударь, вашей и мы нижайшіе не преминемъ, ещё что отъ Бога не зайдетъ. (Надѣвъ очки, канця-

етъ и, перекрестяся по раскольничьи, съ разстановкою и крѣпко начинаетъ читать) Въ Провинціальную Канцелярію (еще кашляетъ и утирается) покорнѣйшее доношеніе: Понеже указомъ оныя Провинціальныя Канцеляріи, отъ тридесять перваго февраля мѣсяца тысяча седмь сотъ шестьдесятъ перваго года. А полученнымъ того же теченія въ первый день апрѣля повелѣно прислать въ самой скорѣйшей скорости отвѣтъ: 1) (кашляетъ) Чего ради не имѣется въ полученіи многократно требованныхъ именныхъ списковъ содержащимся колодникамъ, съ точнымъ показаніемъ, кто именно, съ котораго году, мѣсяца и числа, и по какимъ винамъ содержатся, и чего ради тѣ колодники задолжаются чрезъ многіе годы въ тюрьмѣ безъ всякаго рѣшенія ихъ дѣлъ? (Снявъ очки, сморкаетъ носъ, и потомъ, ихъ надѣвъ, продолжаетъ) 2) Чего ради реченной Канцеляріи съ приписью Урывай Алтынниковъ, въ противность указовъ, покупаетъ въ уѣздѣ правленія означенной Канцеляріи находящіяся между владѣльцами въ спорахъ земли и людей на вывозъ, какъ о томъ значится по учиненнымъ съ Крѣпостною Конторою справкамъ и въ поданныхъ о томъ прошеніяхъ? (кашляетъ). 3) Понеже многія знатныя особы приносили его превосходительству господину губернатору жалобы, да и самъ его превосходительство, въ нынѣшній свой объѣздъ губерніи, частію самъ усмотрѣть и частію слышать изволилъ, что, по всѣмъ вѣдомства оной Канцеляріи мѣстамъ, большія дороги находятся въ крайнемъ запущеніи и почти нигдѣ нѣтъ надлежащихъ мостовъ и перевозовъ; что какъ въ городѣ, такъ и по торговымъ селамъ происходитъ обмѣръ вина и обвѣсъ соли, да и хлѣбъ покупается и продается не въ одну мѣру; что при платежѣ подушныхъ денегъ и всякихъ государственныхъ податей, а наипаче при наборахъ рекрутскихъ происходятъ великія плутовства, лакомства и безпорядки (кашляетъ и вздыхаетъ). 4) Что его превосходительство съ нарочнымъ подтвердилъ особливо смотрѣть за таковыми неустройствами часто упоминаемой Канцеляріи воеводѣ Протазану Безсчетному, но отъ него Безсчетнаго никакого репорта не имѣетъ, и обо всемъономъ прислалъ его превосходительство въ Провинціальную Канцелярію предложеніе съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ непремѣнно чрезъ одну недѣлю оною Воеводскою Канцеляріею присланъ былъ о вышеписанномъ упущеніи должности своей, для положенія штрафа, отвѣтъ, а при ономъ и приписаннаго тоя Канцеляріи Алтынникова прислать же бы скованнаго за карауломъ. (Урывай, положа бумагу на столъ, снимаетъ очки, и потомъ будитъ Протазана, подергивая его за полу).

Урывай (тихо).

Ваше высокородіе! (погромче) ваше высокородіе! (очень громко) ваше высокородіе! (изо всей мочи) ваше! ваше! ваше высокородіе!

Протазанъ.

Ухъ! ухъ!... Что такое сдѣлалось? (протираетъ глаза, потомъ потягивается и зѣваетъ).

Урывай.

Дѣло-то, осударь, плохонько. Надобѣ неукоснительно секретарю нашея провинціи Силуяну Кипріановичу его благородію Обиралову отдать поклонъ; а то хлопотно и вамъ милостивому отцу, да и мнѣ мизирному не пригоже быть можетъ. Заутрешняго числа имѣетъ отъ меня быть посланъ парень, куда надлежитъ, да и повытчики наши — спасетъ (крестится) ихъ Богъ! — посложилися по силѣ помочи, малую толику. Не соизволили ли запамятовать и вы, осударь, объ иноходчикѣ-то? Такъ бы совокупно и отправили: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Протазанъ.

Помню, братъ; какъ не помнить! да

игренька-то лиха добра: разстаться-то мнѣ съ нею больно не по-нутру! (зѣваетъ и потягивается).

Урывай.

Наживное, осударь, дѣло: вѣдь не деньги платить.

Протаганъ.

Не скоро, братъ, гдѣ эдакую (зѣваетъ) подцѣпишь. (Урывай надѣваетъ очки и, покашлявъ, принимается за бумагу) Полно, братъ, барабанить-то, подавай-ка сюда: я подмахну. Вѣдь ты подпишешь же: такъ что тебѣ, то и мнѣ; по нашей бы по драгунской совѣсти, сѣчь, рубить, жечь, потрошить, такъ то наше дѣло: а грамотку-то мы по середнему знаемъ; ты чай и крещенъ въ чернилахъ-то, такъ тебя не объѣдутъ. (Подписываетъ, не читавъ).

Урывай.

Инъ воля вашего высокородія: мы недѣльку другую жевали это дѣльце; кажется, написано на-стать.

[1]) Веревкинъ, Михайло Ивановичъ (ум. 1795), воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ военную службу 1742 г.; при открытіи Московскаго Университета (1756) опредѣленъ въ него ассесоромъ; 1758 г. назначенъ въ Казань директоромъ учрежденной тамъ гимназіи, которую и открылъ 1759 г., а въ слѣдующемъ году (1760) губернаторскимъ товарищемъ. По доносу учителей на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства (1761). Въ 1763 г. повелѣно ему быть при Кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на русскій языкъ книгъ. Во время Пугачевскаго бунта состоялъ директоромъ походной канцеляріи гр. П. И. Панина, Снова опредѣлился на службу, 1776 г., членомъ учрежденнаго при новгородской губернской канцеляріи Департамента для рѣшенія старыхъ дѣлъ; отсюда, того же года, перешелъ совѣтникомъ въ тверское, а изъ Твери (1777) совѣтникомъ въ новгородское намѣстническое правленіе. Въ 1778 г. получилъ мѣсто предсѣдателя тверской гражданской палаты; вышелъ въ отставку 1781 г. Между бумагами Веревкина найдена роспись его литературныхъ трудовъ, показывающая, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ и сочинителей. Главнѣйшіе его переводы: Записки Сюлли 10 ч. (1770—76); Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная Лагарпомъ изъ Исторіи Прево, 22 ч. (1782—87); Записки о Китайцахъ, 6 ч. (1786—88); Миллотовы Исторіи: Англійская, 3 ч. (1786—88) и Французская, 3 ч. (1788); Исторія Турецкая, Миньота, 4 ч. (1790); Словарь географическій, Вожьеня, 5 ч. (1791), Наставникъ или всеобщая система воспитанія, 12 ч. (1789—92), и мн. др. Изъ сочиненій его извѣстнѣе всего комедіи: Такъ и должно (1773), Именинники (1774) и Точь въ точь (1785). (См. послужной списокъ Веревкина въ 12 № Москвит. 1842, стр. 398—402).

[2]) «Такъ и должно. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Печатана при И. Московскомъ Университетѣ, 1773 года» (второе изд. 1774, третье 1788). Посвящена князю Петру Ивановичу Репнину: «Удостоенъ будучи обхожденія Вашего (говоритъ Веревкинъ въ Посвященіи), съ неизреченнымъ услажденіемъ души моей я насмотрѣлся, что отличныя дѣйствія добродѣтели не токмо въ самыхъ ихъ существахъ, но даже и въ книгахъ описываемыя, и рукою искуснаго художника изображаемыя, приводятъ васъ въ пріятный восторгъ, а нерѣдко и самыя извлекаютъ слезы, толико вкусныя чувствительнымъ сердцамъ. Сіе первое мое драматическое покушеніе, хотя въ слабыхъ весьма чертахъ, но замыкаетъ однакоже въ себѣ сіи божественныя дѣйствія человѣковъ». Слова эти показываютъ, какъ замѣтилъ уже кн. Вяземскій, что Веревкинъ цѣнилъ болѣе драматическій интересъ своей піесы, чѣмъ комическій, т. е. что піеса его принадлежитъ къ такъ называемымъ слезнымъ драмамъ или слезнымъ комедіямъ, въ родѣ драмъ Лашоссе, Мариво, Дидро и другихъ. Дѣйствіе происходитъ, по словамъ самого автора, «въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ». Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, внуку уѣздной дворянки, Афросиньи Сысоевны, страшно недовольной настоящимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ, фармазоновъ. Софья также любитъ Доблестина, и къ свадьбѣ ихъ нѣтъ никакого препятствія; но Веревкинъ ввелъ въ піесу дядю Доблестина и сдѣлалъ изъ него лице мелодраматическое. Старый Доблестинъ, записанный въ службу еще въ 1704 г., былъ во всѣхъ шведскихъ и турецкихъ походахъ. Въ послѣднюю турецкую кампанію (1739) попался онъ въ плѣнъ, былъ отведенъ въ Царьградъ и проданъ какому-то фанатику, который принуждалъ его перейти въ магометанство, подвергая за отказъ страшнымъ

мучительствамъ. Сынъ фанатика отпустилъ его, и онъ, по 20-ти лѣтнемъ странствованіи, достигъ отечества при самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Стыдясь нищеты, Доблестинъ хотѣлъ выпросить у правительства вознагражденіе за свои бѣдствія, чтобы потомъ показаться къ родственникамъ въ приличномъ видѣ. Съ этою цѣлью явился онъ въ провинціальную канцелярію за надлежащимъ свидѣтельствомъ, но воевода ему не повѣрилъ, принялъ его за бродягу и посадилъ въ тюрьму, откуда выпускали его просить подаянія. Въ этомъ-то колодникѣ-нищемъ молодой Доблестинъ узналъ своего дядю, котораго уважалъ какъ отца, устроилъ его дѣло и пригласилъ жить къ себѣ. Софья совершенно раздѣляетъ благородныя чувства жениха. Афросинья Сысоевна остановилась было своимъ согласіемъ на бракъ, когда племянникъ хотѣлъ уступить дядѣ половину своего имѣнія; но упорство старой и брюзгливой скопидомки побѣждается тѣмъ, что женихъ отказывается отъ приданаго Софьи. Многія мѣста комедіи доказываютъ въ Веревкинѣ живой и острый умъ и несомнѣнный драматическій талантъ. Вотъ какъ отзывается о ней кн. Вяземскій: «Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламаторскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушіи и прочихъ театральныхъ пружинахъ. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны: старуха Афросинья Сысоевна, воевода Протазанъ Безсчетный, Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій, суть лица истинно комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю, сцены въ судейской комнатѣ, когда Урывай читаетъ дѣла, а воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ, или когда молодой Доблестинъ приходитъ требовать освобожденія дяди своего изъ беззаконнаго заточенія, должны производить сильное впечатлѣніе на зрителей: онѣ вообще набросаны живо и не безъ душевной теплоты. Тутъ есть Фока, домовый дуракъ; но характеръ его блѣдно назначенъ. Напрасно комики наши мало пользовались симъ лицемъ, принадлежностью барскаго дома въ старину: въ нашей старой комедіи домашніе дураки и дуры могли бы замѣнять французскихъ Фронтиновъ и Лизетъ, которыя у насъ совершенно не у мѣста». (Фонъ-Визинъ, стр. 195—196).

LXIV.

ХЕМНИЦЕРЪ. (1).

1. *Два сосѣда* (*1778*). (2).

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица (3) старинна говоритъ,
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ:
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А есть ли и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская въ даль, прервать съ начала ихъ,
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться (4),
Чѣмъ (5) дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла,
Въ саду бѣдъ пропасть накутила,
И гряду цѣлую (6) изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали;
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,

Что свинью наконецъ убили:
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая (7) между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба:
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили;
И первый говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но къ стати ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда;
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда.
И подлинно суда (8) искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали.
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора;
Тогда судьи имъ говорили:
Мы дѣло ваше ужъ рѣшили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

2. Богачъ и Бѣднякъ (1778).

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
(9) Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь какъ дѣтина;
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое отъ всѣхъ богатымъ отдается (10).

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто (11) и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое: иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался;
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ (12)!
Всѣ встали передъ богачемъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ;
То тутъ, то тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
(13) За чѣмъ, онъ говоритъ ему:
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?—
Легко, мой другъ, понять:
Достоинства не льзя занять,
А деньги всякій занимаетъ.

3. Мартышка, обойденная при произвожденіи (1778). (14).

Случилося у льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать;

Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
Мартышка говоритъ
На льва разсержена.
Обижена была она
И обойденною считалась:
«Передъ лицемъ служа, мартышкой я осталась [15]!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ радить:
Случится же судью такъ къ—стати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба льву моя;
Извѣстно, кто чего достоинъ.» —
Да гдѣ жъ служила ты? барсукъ ее спросилъ [16]. —
Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Шутила всякій день, а онъ меня сравнилъ [17]
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ.» —
Шутила ты [18] вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно,
Твой также трудъ не малъ,
Барсукъ ему сказалъ [19];
Но произвесть тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

4. *Хитрецъ (1781).* [20].

Когда-то въ Лондонѣ Хитрецъ одинъ сыскался,
Который публикѣ въ листочкахъ обѣщался,
Что въ узенькій кувшинъ онъ весь, каковъ онъ есть
Съ руками
И съ ногами,
Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.
При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ
За входъ по стольку-то платить;
Начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть.
Пошли по городу листы. «Ба! что такое?
Въ кувшинъ залѣзть? что онъ съ ума сошелъ! пустое!
Гдѣ это слыхано! Да и дуракъ пойметъ,
Что способу тутъ нѣтъ,
Хоть какъ ни сталъ бы онъ ломаться!
Однако, чтобы посмѣяться,
Пойдемъ и поглядимъ, что это за чудакъ.»
Ужъ съ черныо въ запуски кареты поскакали,
И ѣдучи купецъ съ милордомъ доказали,
Что нѣтъ физической возможности никакъ
Ему въ кувшинѣ умѣститься.
Положимъ, говоритъ
Купеческа жена, что это онъ смудритъ,
И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснится;
Да вотъ что мудрено: какъ въ шейку—то пролѣзть?
Однако-же пора: ужъ безъ четверти шесть.
Эй, кучеръ, погоняй!—Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,

Который Хитреца великаго вмѣстить.—
Чтожъ, скоро ли? одинъ другому говорить:
Пора бы ужъ начать. Кто палкою стучитъ,
Кто топаетъ ногой. Но долго дождавшись,
Узнали, что Хитрецъ и съ деньгами пропалъ.
Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
Тотъ тѣмъ, другой другимъ обманщикъ промышляетъ.
Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать и съ ними говорить,
Болѣзни всѣ лечить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе, нежели отъ прочихъ, умирали.

5. *Домовой* (*1781*). ([21]).

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!
Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домоваго
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладаномъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ черта не поставилъ;
Но ни молитвой, ни крестомъ,
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться,
Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда нечистый появится,
Зоветъ онъ автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье,
Прочесть ему свое творенье.
И стихотворецъ въ угожденье
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ
(Однако имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,
Да сочинитель восхищался.
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ,
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
И стало не видать.—Хозяинъ догадался,
Что Домовой чего-то не взлюбилъ.
Другаго вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ.
И онъ читаетъ....
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.
Постой-же! разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ сатаною.
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.
Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ. Но чуть лишь только показался,

Эй, малый, поскорѣй! хозяинъ закричалъ:
Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.
Вотъ, естьлибы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ:
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться* стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться.

6. *Лисица и Сорока* (22).

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
Я чаю, есть что перенять,
Когда ты станешь разсуждать.—
Все, что я говорю, Сорока отвѣчала,
Относится къ тому, чтобъ, истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ жука до орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
И толкъ дала.
Большое, говоритъ Лисица, одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла.
Какъ иногда педантъ глубоко-изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,
Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры залагаетъ,
И важно въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока повертясь
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала:
Потомъ, принявъ ученый видъ,
Я рада, говоритъ,
Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малый и большой,
Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай! о тебѣ самой
Теперь я разсуждала:
Ты, вѣдь, четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя
Покажется; но знай, все, чтобъ я ни сказала,
Не доказавъ, не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда.
Примѣтила ли ты: когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что теперь я буду выводить:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То все нога твоя не по землѣ-ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,
То съ нею тожъ и хвостъ подается твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ;

А изъ того теперь и нужно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье.—
Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла и всю дорогу
Твердила: стало быть не межъ однихъ людей,
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

7. *Метафизикъ* ([23]).

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ по просту болталъ:
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
«Сыскать начало всѣхъ началъ»,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье....»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка, ухватися!
Я потащу тебя, держися! —
«Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ,»
Понесъ студентъ обычный бредъ:
«Веревка вещь какая?» —
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ.
Вопросъ ученый оставляя,
Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.—
«На этобъ выдумать орудіе другое!»
Ученый все свое несетъ:
«А это что такое! ..
Веревка!... вервіе простое!»—
Да время надобно, отецъ ему на то;
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.
«Да время что?...»
А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.—
Что еслибы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

[1]) Изданія басенъ Хемницера (р. 1737, у. 1784):
а) «Басни и сказки N.... N.... Въ Спб. (безъ означенія года)». Посвящены N.... N.... N.... (Марьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, какъ значится во 2 изд.) Всѣхъ басенъ 31, и кромѣ того двѣ (Львиный указъ и Заяцъ, обойденный при произвож-

денія), названныя «Чужими баснями». Хотя годъ изданія не выставленъ на заглавномъ листѣ, но изъ жизни Хемницера, написанной Н. Львовымъ и приложенной къ 3 изданію, видно, что оно вышло 1778 г.

б) «Басни и сказки N.... N.... Изд. 2. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1782». Составъ первой части совершенно тотъ же, какъ и въ 1 изд.; только въ оглавленіи указано, откуда переведены нѣкоторыя басни (13 изъ Геллерта и 1 изъ Лафонтена). Во 2-ой ч. 35 басенъ (между ними 7 изъ Геллерта и 4 изъ Лафонтена).

в) «Басни и сказки И. И. Хемницера, въ 3 частяхъ. Спб. 1799». Издано Н. А. Львовымъ, по смерти автора. На заглавномъ листѣ двустишіе:

«Въ природѣ, въ простотѣ онъ истину искалъ:
Какъ видѣлъ, такъ ее списалъ».

За тѣмъ слѣдуетъ краткая «жизнь сочинителя» и посвятительное письмо въ стихахъ М.... А.... Д.... Отличія этого изданія отъ первыхъ двухъ состоятъ въ исключеніи и перемѣнѣ названій нѣкоторыхъ басенъ, въ иномъ ихъ размѣщеніи, исправленіи первыхъ двухъ книгъ по рукописи, оставшейся между бумагами Хемницера, и-главное въ прибавленіи 23-хъ новыхъ басенъ, образующихъ 3-ью ч.—Басни, помѣщенныя въ Хрестоматіи, напечатаны по этому, исправленному изданію, а варіанты приведены по первому. — Послѣ 1799 г. басни Хемницера издавались очень часто и издаются теперь. Перечислять всѣ изданія нѣтъ надобности. Г. Сахаровъ указалъ одиннадцать въ своемъ, 12-мъ изд. (Спб. 1838), къ которому приложено и болѣе подробное жизнеописаніе Хемницера. Еще болѣе подробное см. въ 3 т. «Словаря достоп. людей, Бантышъ-Каменскаго» (1847).—Большею частію Хемницеръ подражалъ Геллерту, басни котораго переведены на рус. яз. въ прозѣ М. Матинскимъ (2 ч., 1775 г.; 2-ое изд. 1788).

[2]) Изъ Геллерта, у котораго названа Тяжбой (Der Process). Хемницеръ во многомъ передѣлалъ ее по русскимъ нравамъ, почему и не указалъ заимствованія.

[3]) Прибавлено: «уже».

[4]) Вар.: «Хотя ни съ чѣмъ мириться».

[5]) «Какъ».

[6]) «Гряду».

[7]) «Неутолимая».

[8]) Прибавлено: «Потудова».

[9]) Передъ этимъ еще два стиха:

«И будь скотина;
И кто бы ни былъ ты таковъ».

[10]) «Какое богачу всегда ужъ отдается».

[11]) «Ниже никто».

[12]) Предъидущіе четыре стиха замѣнены слѣдующими:

«И не имѣлъ богачъ сей ни заслугъ, ни чина,
И былъ прямая онъ скотина.
Чтожъ? богачу сказать нельзя какой пріемъ».

[13]) Отсюда, до конца басни:

«И говоритъ ему:
Возможноль, какъ людей богатство ослѣпляетъ!
Достоинства того, кто бѣденъ, помрачаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ:
Куда какъ это огорчаетъ!—
Дивишься ты чему?
Другой на это отвѣчаетъ:
Достоинствъ вѣдь въ займы не ищутъ никогда,
А денегъ завсегда».

Басня эта переведена тоже изъ Геллерта.

[14]) Въ первыхъ двухъ изданіяхъ: «Заяцъ, обойденный при произвожденіи».

[15]) Вмѣсто предъидущихъ пяти стиховъ:

«Такъ Заяцъ говорилъ.
Обиженъ Заяцъ былъ
И обойденъ считался:
Я предъ лицемъ служу, а зайцемъ же остался!»

[16]) Вмѣсто двухъ три стиха:

«Извѣстно я чего достоинъ.
Да гдѣ ты, другъ, служилъ?
Барсукъ его спросилъ».

[17]) Этотъ стихъ замѣненъ двумя:

«Я всякій день шутилъ,
А онъ меня сравнилъ».

[18]) «Ты шутствовалъ».

[19]) «Ей отвѣчалъ».

[20]) Басня «Хитрецъ» принадлежитъ Геллерту, у котораго она названа «Hanns Nord». Хемницеръ примѣнилъ ее къ Каліостро, бывшему въ Петербургѣ въ 1780 г.

[21]) Изъ Геллерта: «Das Gespenst». Въ подлинникѣ стихотворецъ читаетъ трагедію; Хемницеръ вывелъ его съ слезной комедіей, особымъ родомъ драмы, который въ то время входилъ въ моду (См. 51 примѣч. къ Сумарокову стр. 250, ч. I).

[22]) Эта и остальныя басни напеч. въ 3 изд. (1799), послѣ смерти автора. Басня Геллерта: «Der Fuchs und die Elster», изображаетъ, подъ видомъ сороки, нѣмецкихъ педантовъ, зараженныхъ страстію къ софизмамъ и искуствомъ доказывать ихъ по правиламъ Логики.

[23]) Противъ направленія современной Геллерту эпохи къ занятіямъ и изслѣдованіямъ метафизическимъ.

LXV.

КНЯЖНИНЪ.

А. ДИДОНА, ТРАГЕДІЯ. (1769). ([1]).

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 4.

Дидона и Елиза.

Елиза.

Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставилъ здѣсь Эней.
Ты, можетъ быть, найдешь къ утѣхѣ что твоей...

Дидона.

Подай.... подай!... чего теперь еще страшиться?
Почти мнѣ трепетать? онъ можетъ возвратиться....
Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать....
Онъ, можетъ быть.... Прочтемъ; возможно ль все узнать?. .
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть....
Чего жъ страшиться мнѣ? могу ль несчастнѣй быть? (Читаетъ):
«Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
«Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны;
«Опредѣлили мнѣ, тебя на вѣкъ лишась,
«Въ путь славы шествовать, во горести крушась.
«Дидона! покорись боговъ безсмертной волѣ,
«Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
«Коль хочешь ты, чтобъ твой на свѣтѣ жилъ Эней,
«Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей!»
Живи!... Нѣтъ, я умру! ты жить повелѣваешь,
А самъ, жестокій! самъ меня ты убиваешь!...
Стремись, бѣги, скорѣй направити вели
Врагамъ бѣгущимъ вслѣдъ изъ града корабли!

Елиза.

Но солнца лучъ еще земли не освѣщаетъ,
И ночь бѣгущихъ путь отъ нашихъ глазъ скрываетъ.

Дидона.

О ночь! престрашна ночь! покровъ злодѣйскихъ дѣлъ,
Въ которую Эней въ невѣрности успѣлъ!
О льстивый сонъ! почто не сталъ ты сномъ мнѣ вѣчнымъ?
И вмѣсто, чтобъ манить спокойствіемъ сердечнымъ,
Почто призракомъ ты, внушить могущимъ страхъ,
Спокойства не прервавъ, въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Не предвѣщалъ ты мнѣ свершаемаго бѣдства?
Я, востревоженна, еще нашла бы средства
Клятвопреступника жестока удержать;
Въ отчаяньи я все дерзнула бъ предпріять:
Я, грудь его пронзивъ, свою бы поразила
И смертію бъ себя съ невѣрнымъ съединила.

Елиза.

Престань, терзаяся, царица насъ крушить:
Страданіемъ нельзя утраты возвратить,
И всѣ стенанія твои уже напрасны.

Дидона.

Сокройтесь отъ меня: мнѣ смертны всѣ ужасны!

Все полно кажется измѣною въ сей часъ.
Сокройтесь отъ меня, подите прочь отъ глазъ!

Елиза.

Или виною мы твоей напасти были?

Дидона.

Вы, боги и Эней, и всѣ мнѣ измѣнили!
Почто не знали вы, что сей пергамскій льстецъ
Коварствомъ мнѣ плететъ толь пагубный конецъ?
Вы видѣть то могли, но видѣть не хотѣли;
О счастьи вы своей царицы не радѣли.
Вы знали все; и какъ, увы! всего не знать?
Старался ль онъ свое намѣренье скрывать?
Злодѣйствія его всѣ были откровенны.
Давно ли корабли злодѣя сооруженны?
Въ которые часы ходилъ онъ ко брегамъ
Готовить смерть и все мое несчастье тамъ?
Въ срединѣ ль дня, или въ срединѣ темной ночи?
Что, ахъ! того мои не смѣли видѣть очи,
Не чудно то; я весь теряла разумъ въ немъ,
Казался богомъ мнѣ во сердцѣ онъ моемъ....
Сокройтесь отъ меня, несчастную оставьте,
И мукъ моихъ своимъ отсутствіемъ убавьте.
Вы всѣ противны мнѣ; со мной Энея нѣтъ!

В. РОССЛАВЪ, ТРАГЕДІЯ (1784). (²).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Росславъ, Зафира, Христіернъ (*съ воинами*).

Христіернъ.

Ужели жалость въ томъ Зафирина успѣла,
Въ чемъ власть царя доднесь успѣха не имѣла?
Открыто ль таинство? могу ль, его познавъ,
Не быть жестокъ?

Росславъ.

Или я больше не Росславъ?

Христіернъ.

Оставимъ лютости: я оными скучаю,
И гнѣвъ, хоть праведный, однакожъ укрощаю.
Съ престола преклоню къ щедротѣ я себя;
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу,—и можешь все имѣти.

Росславъ.

Оставь твое сребро, сіи тирановъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель,
Возьми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель.

Христіернъ.

Когда бы ты былъ царь, несчастьемъ вверженъ въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ:
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты, въ плѣненіи противъ меня дерзая
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ,
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Росславъ.

Я Россъ!

Христіернъ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

Росславъ.

Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

Христіернъ.

Внемли....хочу тебя въ послѣдне пощадить
И дерзости твоей въ послѣдній разъ простить.
Хочу тебя спасти....зрю, что тебя смущаетъ,
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ:

Страхъ злобу заслужить отъ князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола;
Чего желаешь ты, скажи?

Росславъ.

Ниже престола.

Христіернъ.

Умри, злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росславъ.

На себя.

Христіернъ.

Во узахъ и въ моей стѣсненъ все-властной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть,
Что можешь ты?

Росславъ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

Христіернъ.

Увидь мученія: ужь смерть тебѣ готова;
Когда велю терзать, откроешь все.

Росславъ.

Ни слова.
Хотя бы за предѣлъ простерти могши гнѣвъ,
Дышалъ ты муками, какъ ада страшный зѣвъ,
Хотя бы на землѣ ты тартаръ мнѣ устроилъ,—
Чтобъ сдѣлалъ тѣмъ? мою бъ лишь славу ты удвоилъ.

Христіернъ.

Увидимъ.... воины....

Росславъ.

О Россы!

Зафира (съ ужасомъ).

Государь!

Христіернъ (съ яростію).

Зафира!

Зафира.

Плѣнникъ онъ, а ты здѣсь сильный царь:
Во власти онъ твоей, не помрачай короны.

Христіернъ (къ Зафирѣ).

Смятеніе твое, твой плачъ, твой ужасъ, стоны
Не для меня все то; и вижу ясно я,
Чѣмъ страждетъ днесь душа растерзанна твоя.

Зафира (съ смятеніемъ).

Кто? я? я стражду? нѣтъ....но ты невинность гонишь....
Но ты....ахъ! ежели на жалость не преклонишь
Ты сердца твоего....когда Росславъ падетъ....
Когда....остави мнѣ....

Христіернъ.

Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь!... воины!...

Зафира.

Не плачу.... умираю (упадаетъ).

Христіернъ.

А я ужаснѣйшу мнѣ тайну открываю!
Безсиленъ изъяснить, что въ серцѣ я терплю;
Лютѣйшей казнію я вамъ сіе явлю;
Въ мученіяхъ своихъ познаете, какъ стражду:
Готовьтеся на смерть, я вашей крови жажду.

в. Софонизва, трагедія. (1786). ([2]).

Дѣйствіе V, явленіе 6.

Сципіонъ, Лелій, Массинисса.

Сципіонъ (къ Массиниссѣ).

Мой духъ меня ко другу привлекаетъ.
Прости, что, устрашась въ прощаньи мукъ твоихъ,
Чтобы тебя спасти, пришелъ нарушить ихъ,
Спѣша утѣху дать...

Массинисса.

Поди, твой другъ утѣшенъ.

Сципіонъ.

Что къ славѣ мой совѣтъ не будетъ безуспѣшенъ,
Того я ожидалъ, и зналъ, что ты герой;
Что, превзошедъ себя и властвуя собой,

Достоинъ будешь ты Римляниномъ назваться;
Что съ нами духомъ ты возможешь уравняться.

Массинисса.

Сравнялся съ вами я! достойный васъ злодѣй!

Лелій.

Считаешь лютостью то въ слабости твоей,
Что съ Римомъ днесь тебя навѣки сопрягаетъ,
Что грозною его рукою ограждаетъ
Воздвигнутъ имъ свой тронъ.

Массинисса.

Мнѣ страшенъ сей престолъ!

Сципіонъ.

Но гдѣ жъ несчастная?

Массинисса.

Она отъ всякихъ золъ
Свободна, Рима узъ не можетъ устрашаться;
Отъ звѣрства вашего не станетъ содрогаться.
Коль боги есть, она, на небо возлетѣвъ,
Съ презрѣньемъ зритъ теперь безплодный Рима гнѣвъ.
Избѣгнувъ вашего свирѣпства недостойна.
(При семъ словѣ раскрывая совсѣмъ занавѣсы трона, показываетъ мертвую Софонизбу).
Увидьте, какъ она блаженна и спокойна!
Увидьте вы сіи кровавые ручьи,
И нестерпимы зря страданія мои,
Насытьте ваши вы сердца толь крови жадны
И восхищайтесь, зря красы безъ чувствій, хладны,
Которы не могли васъ, варвары, тронуть.

Сципіонъ.

Что сдѣлалъ ты?

Массинисса.

Не я, ей вы пронзили грудь.
Вы вашею рукой тѣ прелести затмили,
Которы Небеса на то производили,
Чтобъ на землѣ свой образъ предъявить;
А вы могли то все въ ничто преобратить!
А вы!... а громомъ васъ не поражаютъ боги,
И не падутъ на васъ обрушася чертоги,
Гдѣ вы, злодѣйствіе неслыханно сверша,
Скверните воздухъ сей, симъ воздухомъ дыша!...
О Римъ! прими мои послѣдніе обѣты:
Да всѣ цари, твоей жестокости предметы,
Униженны тобой, почувствовавъ себя,
Совокупя свой громъ, низринутъ на тебя!
Съ Востока, съ Запада возставшіе народы,
Со пламенемъ, съ мечемъ, ища своей свободы,
Да съединятся всѣ тебя разрушить въ прахъ!
Да гордость вся твоя преобращенна въ страхъ,
Предъ коей алтари вселенныя курятся,
Униженна у ногъ гнуснѣйшихъ пресмыкаться,
Увидитъ въ рабствѣ всѣхъ твоихъ надменныхъ чадъ!
Да истребится твой мучителей сенатъ!
Да капитолія и всѣ твои вертепы
Изчезнутъ и падутъ во адовы заклепы!
Поросшій терніемъ и прахомъ покровенъ,
Изъ смертныхъ памяти да будешь истребленъ!
Вотъ все, чего тебѣ, желая, предвѣщаю,
И съ симъ предвѣстіемъ спокойно умираю. (Закалается).

Лелій.

За дерзки толь слова достоинъ умереть.
Кто Риму хощетъ золъ, не стоитъ солнце зрѣть.

Сципіонъ.

Кто смерти не страшась, страшится униженья,
Достоинъ римскихъ слезъ, достоинъ тотъ почтенья.

Г. ХВАСТУНЪ, КОМЕДІЯ (1786). (1).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 4.

Чванкина, Полистъ, Марина, Верхолетъ. (Предъ нимъ выходитъ толпа лакеевъ, скороходовъ, гайдуковъ).

Верхолетъ (держа пукъ бумагъ и притворясь, что никого не видитъ, говоритъ самъ съ собою громко).

Какъ скучны мнѣ невѣжды
Просители! они прохода не даютъ;
Какъ-будто лишь для нихъ всѣ знатные живутъ.
Да если бъ были хоть ихъ просьбы справедливы!
Безъ основанія докучливы, брюзгливы,
Ихъ всѣ желанія лишь только вздоръ одинъ.

Полистъ (къ Чванкиной).

Смотрите, знатный какъ страдаетъ господинъ.

Марина.

За то какая жъ честь ему!

Чванкина.

Какая слава!

Верхолетъ (не примѣчая никого, развертываетъ одну изъ бумагъ).

Вотъ-на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи! нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами.
(Развертываетъ другую бумагу)
А этотъ что поетъ?... «Я разными стихами
«Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу, вельможей тѣшу, Дворъ;
«Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ;
«А старшинство мое другіе отнимаютъ
«И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ.
«Не льзя ли, государь, мнѣ выходить указъ,
«Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ».
Ну вотъ желаніе, достойное поэта!
(Развертываетъ еще бумагу).
Посмотримъ, это что? «Изъ странъ далекихъ свѣта,
«Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.
«Когда изволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
«Въ которомъ кроются проэктовъ важныхъ силы;
«Для государства всѣ они златыя жилы.
«Лишь только надо мнѣ впередъ сто тысячъ дать».
Всѣ можно ль глупости людей перечитать!
Гей! господинъ Полистъ! гдѣ вы?

Полистъ.

Что графъ прикажетъ?

Верхолетъ.

Любезный секретарь меня весьма обяжетъ. (Отдаетъ бумагу)
Все это разсмотрѣвъ, доложишь послѣ мнѣ.

Полистъ (указываетъ на Чванкину).

Оборотитеся вы къ этой сторонѣ.

Верхолетъ (къ Чванкиной).

Вы здѣсь! простите мнѣ, я васъ и не примѣтилъ.
Народъ просителей меня вокругъ осѣтилъ
И голову вскружилъ.

Чванкина.

Извольте продолжать,
Не безпокойтеся.

Верхолетъ.

Мнѣ слова два сказать.
Вы не повѣрите, какъ жить намъ знатнымъ тошно.

Чванкина.

Я это чувствую.

Верхолетъ (тихо Полисту).

Такъ можно ль жить оплошно?
Въ передней я нашелъ заимодавцевъ тьму;
Они надѣлали бъ ужасну кутерьму.

Полистъ (тихо).

Но вы умѣете все такъ облагородить;

Вашъ умъ изо всего вамъ выгоды выводитъ.

Верхолетъ (громко Полисту).

Отправилъ ли мои ты письма къ королямъ?

Полистъ (громко).

Уже ко всѣмъ, сударь, отправлены Дворамъ.

Чванкина (Маринѣ).

Онъ пишетъ къ королямъ—ты слышишь ли, Марина!

Марина.

Предъ знатностью его все червь и паутина.

Верхолетъ (Полисту).

Тотъ князь, который мнѣ отдыха не давалъ?....

Полистъ.

Уже опредѣленъ.

Верхолетъ.

А этотъ генералъ,
Который къ моему такъ дому былъ привязанъ.

Полистъ.

Онъ вамъ за пенсіонъ во весь свой вѣкъ обязанъ.

Верхолетъ.

Я очень радъ тому; доволенъ я теперь:
Сегодня запереть могу щедроты дверь.
(Къ своимъ слугамъ).
Скажите всѣмъ, что я въ сей день невидимъ болѣ. (Къ Чванкиной).
Теперь, сударыня, я весь, весь въ вашей волѣ.

Чванкина.

Сіятельнѣйшій графъ, какъ рада я тому,
Что дѣлаете честь вы роду моему
И милостиво дочь мою....

Верхолетъ.

Моя то должность—
Служить, угоднымъ быть колико есть возможность.
Готовъ начатое сегодня окончать....
Вотъ—на! еще забылъ я нѣчто приказать.
Простите мнѣ.

Чванкина.

О, графъ! со мною не чинитесь
И какъ съ покорнѣйшей своею обходитесь.

Верхолетъ (пошептавъ на ухо Полисту). (Къ Чванкиной)

И такъ сегодня мы....
(Опять къ Полисту).
Послушай—ка, мой другъ,
Имѣя пропасть дѣлъ, всего не вспомнишь вдругъ....
Къ знатнѣйшимъ барамъ я въ сей день на ужинъ прошенъ,
Тамъ, въ спальнѣ на окнѣ, билетъ зазывный брошенъ.... (Къ Чванкиной).
Я буду ль ужинать, сударыня, у нихъ?

Чванкина.

Ахъ, графъ, за что лишать насъ милостей своихъ?
Иль свадьбу ужъ свою отсрочить вы хотите?

Марина (на ухо Чванкиной).

Поберегитеся, его не упустите.

Чванкина.

Ахъ, графъ, не сдѣлайте несчастными вы насъ.

Верхолетъ

Ужъ я сказалъ, что я завишу весь отъ васъ. (Къ Полисту).
Вы послѣ съѣздите сказать, что къ нимъ не буду. (Къ Чванкиной).
Не знаете, меня какъ ловятъ всѣ на уду.

Д. ЧУДАКИ, КОМЕДІЯ (1793). (*).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Лентягина, Улинька, Вѣтромахъ, Марина.

Вѣтромахъ.

Ma charmante Улинька! ахъ, какъ же вы прелестны!
Tous ces gens, madame, какъ глупы, какъ безчестны,
Которы не найдутъ у васъ того въ глазахъ,
Что вижу я.

Улинька.

А что изволите вы видѣть?

Вѣтромахъ.

Friponne! будто бы не вѣдаешь того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть;
Что вы прекраснѣе и неба самого!
(Улинька присѣдаетъ).
Вы присѣдаете! какое просвѣщенье!
Имѣть такую дочь какое утѣшенье!
(Лентягиной).
Неправда ли, maman?

Лентягина.

Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду;
И въ обращеніи имѣя всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
Отъ низостей, сударь, она весьма далека;
И крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плесть,
То все для чернаго оставя человѣка;
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ;
И какъ Француженка умѣя по-французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по-русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ,
Проводитъ два часа всегда у туалета.

Вѣтромахъ.

Браво, мадамъ! вотъ все, что надобно для свѣта
И для людей—какъ бишь? pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, мадамъ, должны немного
Въ томъ, что и я, храня свою честь такъ же строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon.
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знать французскаго—я былъ бы дуракомъ.
Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
Je brule, je languis! мнѣ какъ бы то сказать
Прелестной Улинькѣ?—не ужъ то бы мычать:
Я млѣю, я горю—fi donc! мнѣ думать должно,
Что по-французски вы и также вашъ epoux....

Лентягина (скоропостижно).

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez-vous?

Вѣтромахъ.

Браво, мадамъ!

Лентягина.

Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

Вѣтромахъ.

Je vous jure, мадамъ, что русскій мнѣ языкъ
Какъ будто кляпъ во рту; притомъ же очень вреденъ.
Вы не повѣрите, я сколько съ Русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, не великъ!
А по-французски: о, que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой par une grande porte.
Я разскажу о томъ, случилось что со мной:
Однажды я сидѣлъ у дамы молодой;
Французскихъ ни двухъ словъ она не разумѣла,
И отъ того ma tête horriblement болѣла,
Такъ что я цѣлый день былъ дома не одѣтъ.

Лентягина.

Не думала бы я, чтобъ могъ такой быть вредъ:
Отъ нажинаціи конечно боль случилась.

Вѣтромахъ.

Imagination хотѣли вы сказать?

Лентягина.

Такъ точно. Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французскимъ украшать
Презрубый нашъ языкъ, который мнѣ противенъ.
Какъ мой ероих мнѣ тѣмъ всегда казался дивенъ,
Что по-французски онъ умѣя, какъ Французъ,
Прелестнымъ языкомъ не хочетъ забавляться.

Вѣтромахъ.

Тому, сударыня, я долженъ удивляться.
И дворянинъ....

Лентягина.

О! родъ его, что въ картахъ тузъ,
И древностью никто не можетъ съ нимъ сравняться:
За тысячу онъ лѣтъ умѣетъ предковъ счесть.

Вѣтромахъ.

И такъ теперь мнѣ нѣтъ нималаго препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть! (Улинька присѣдаетъ).
И все у насъ равно: и грасы, и пріятства,
И умъ, je m'en flatte, и даже рода честь. (Улинька присѣдаетъ).
По чести выдумка прекрасна присѣданье:
Оно другой языкъ, и можетъ сокращать
De discours frivoles, излишнее болтанье.
На все умѣетъ та прелестно отвѣчать
И съ скромностью казать несокровное желанье,
Подобно Улинькѣ умѣетъ кто присѣсть.
(Увидя мужа Лентягиной)
Скажите, къ намъ какой медвѣдь изволитъ лѣзть?

Лентягина.

Мой мужъ.

Вѣтромахъ.

Вы шутите! не тотъ ли это предокъ,
Что лѣтъ за тысячу въ свѣтъ издалъ родъ его?

Лентягина.

Наружность, знаете, не значитъ ничего.
На свѣтѣ вѣдь, сударь, такой примѣръ не рѣдокъ,
Что знатность скрытая обманываетъ глазъ;
Хоть не блеститъ въ корѣ алмазъ, но все алмазъ.
Онъ знатный дворянинъ, могу увѣрить смѣло,
Да, не прогнѣвайтесь, немного философъ.

Вѣтромахъ.

Не стыдно ли себя поставить въ счетъословъ?
И философствовать дворянское ли дѣло?

Лентягина (Улинькѣ).

Теперь ты, Улинька, не можешь съ нами быть:
Намъ должно о тебѣ съ отцомъ поговорить.
(Улинька, присѣвъ, уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 3.

Лентягинъ, Лентягина, Вѣтромахъ.

Лентягина (сама съ собою).

О Небо! помоги окончить мнѣ все славно.
Дрожу, боюсь, что мужъ меня изобличитъ,
Что по-французски онъ никакъ не говоритъ,
И что, къ несчастію, онъ дворянинъ недавно.
Какъ злополучна я! какъ то мнѣ можно снесть? (Мужу)
Вы видите того презнатна кавалера,
Который дѣлаетъ отмѣнную намъ честь.

Вѣтромахъ (искривясь, щегольски кланяется).

Желая зятемъ быть, сударь....

Лентягинъ (садясь).

Кто хочетъ еѣсть,
Тотъ сядетъ. Не люблю я вашего манера,
Чтобъ принуждать сидѣть. Ну, знатный кавалеръ....
(Вѣтромахъ также щегольски кланяется).
Да перестань водить ты вензели ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано межъ нами,
Немного у меня найдешь себѣ ты мѣръ.
Со всѣми этими козлиными прыжками
Мнѣ всякій кажется лишь съ вѣтромъ безъ души.
Пожалуй же, въ умѣ ты это запиши,
Коль хочешь зятемъ быть.

Вѣтромахъ.

Хочу ли я? o ciel!
Въ томъ только tous mes voeux!— сама Agnès Sorel
Французскимъ королемъ такъ не была любима,
Какъ мною ваша дочь. Je jurerai toujours,
Что я могу сказать, не дѣлая ей куръ,
И тѣмъ не сдѣлаю ни малаго я крика:
Она—divinité!

Лентягинъ (женѣ съ удивленіемъ):

Гдѣ Богъ тебѣ послалъ,
О женушка моя, такого кавалера?

Вѣтромахъ.

Beaucoup d'honneur, monsieur! Такъ я угоденъ сталъ?
Я зналъ то напередъ. Не найдете примѣра
Другаго мнѣ, monsieur!

Лентягинъ.

Опомниться мнѣ дай,
Мосье!... Изъ милости....

Вѣтромахъ.

Но вы меня етыдите;
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто отъ меня забылись.

Лентягинъ.

Продолжай,
Мучитель!

Вѣтромахъ.

Правда то, что еть во мнѣ меритъ;
Безъ хвастовства, j'ose vous это dire;
Однако, чтобъ онъ могъ васъ привести въ délire,
Не чаю,—только свѣтъ весь это говоритъ,
Что, кто бъ ни былъ, меня въ талантахъ не объѣдетъ;
Qu'un homme tel que moi....

Лентягинъ.

Не вѣрь, свѣтъ часто бредитъ.

Вѣтромахъ.

Comment?

Лентягинъ.

Скажи-ка мнѣ, ты Русскій иль Французъ?

Вѣтромахъ.

Helas! я не Французъ!

Лентягинъ.

О чемъ же ты стонаешь?

Вѣтромахъ (съ жалостію).

Я Русскій! у меня на сердцѣ это грузъ.

Лентягинъ.

И такъ, ты Русскимъ быть обидой почитаешь?—
Вотъ знатный дворянинъ!

Вѣтромахъ.

Я очень, очень радъ,
On ne peut plus, что вамъ, мосье, попалъ я въ ладъ;
Que мысли vous avez со мною одинаки.
И благородство чѣмъ мы можемъ доказать?
По-русски не умѣть, все наше презирать:
Вотъ это знатности veritables признаки.

Лентягинъ.

Хоть не могу тебя я очень разумѣть,
Не зная словъ чужихъ, однакожъ по примѣтамъ....

Вѣтромахъ.

Vous vous moquez, monsieur. Извольте умѣть
Вы по-французски.

Лентягинъ (съ сердцемъ).

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Вѣтромахъ.

По вашимъ лѣтамъ
Обманывать меня, monsieur, не должно бъ вамъ;
Вы точно какъ Французъ, иль такъ же, какъ я самъ.

Лентягинъ (съ нетерпѣніемъ).

Жена, увѣрь его и кончи эту вздорность.

Вѣтромахъ (съ досадою).

Je ne le crorai point! какая жъ въ васъ упорность!

Лентягинъ (съ сердцемъ).

Чтобъ чортъ....

Лентягина (торопливо).

Душа моя, пожалуй, не сердись.

Лентягинъ (съ запальчивостію).

Пожалуй съ нимъ, душа моя, ты провались!
Во вѣкъ не видывалъ такого человѣка!

Лентягина.

Ты философъ, и то ль, сударь, велитъ Сенека?

Лентягинъ (съ хладнокровіемъ).

Готовъ скрѣпиться я, лишь-только бъ онъ болталъ
Со мной по-русски.

Вѣтромахъ.

Какъ, вы очень знатна рода,
А пикируетесь!

Лентягинъ (скоропостижно).

А кто тебѣ сказалъ?
Моя мѣщанская, но добрая порода.

Вѣтромахъ.

Уже лѣтъ тысячу, мосье, вы дворянинъ.

Лентягинъ.

Вѣрь мнѣ, недавно я еще спеченый блинъ;
Но я жирнѣе тѣхъ, которы зачерствѣли.

Лентягина.

Оставьте то....

Лентягинъ.

Чтобъ мы другъ друга разумѣли,
Скажу я на отрѣзъ, покойный мой отецъ,
Запомнятъ это всѣ, пречестный былъ кузнецъ.

Вѣтромахъ.

Qu'entends-je!

(уходитъ, запѣвъ французскую пѣсню).

Лентягинъ.

Прощай!

Лентягина (упадая въ обморокъ).

Погибла я! охъ, тошно!

Лентягинъ.

Какія дурости! тошнится отъ того,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отецъ кузнецъ. Не должно бъ такъ оплошно,
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нѣтъ, Улинькѣ моей за этимъ не бывать.

[1]) «Собраніе сочиненій Якова Княжнина, 4 тома. Спб. Въ типографіи Горнаго Училища (1787)». Второе изданіе, въ 5 ч. М. (1802—1803); третье, въ 5 ч., съ краткой біографіей автора, въ 5 ч. Спб. (1817—1818); четвертое въ Смирдин. изд. сочин. рус. авторовъ, 2 ч. (1847—1848). При помѣщеніи сценъ изъ Дидоны, Софонисбы и Хвастуна основнымъ текстомъ принято первое изданіе, отпечатанное на глазахъ самого автора.—Въ Словарѣ свѣт. писателей, Евгенія, сказано, что Княжнину было 27 лѣтъ, когда онъ написалъ Дидону; а такъ какъ Княжнинъ род. въ 1742 г., то мы и относимъ ее къ 1769.—Исторія Дидоны, поэтически представленная въ 4-ой пѣснѣ Энеиды, послужила сюжетомъ для многихъ драматическихъ піесъ: «Оставленной Дидоны», Метастазія, «Дидоны», Лефрана Помпиньяна. Княжнинъ подражалъ Помпиньяну. Сцена 4-ая акта 5-го, взятая въ Хрестоматію, показываетъ душевное состояніе Дидоны, при отплытіи Энея въ Италію. Предавшись отчаянію, она бросается въ огонь, охватившій чертоги. Вмѣсто сестры Анны (выведенной у Виргилія), Дидона Княжнина имѣетъ при себѣ двухъ наперсницъ: Елизу и Арсину. Соперникъ Энея въ любви, Ярбъ, царь гетульскій, предлагалъ руку Дидонѣ, которая отказала ему изъ памяти къ своему супругу Сихею. Онъ является снова, узнавъ объ отплытіи Энея, и становится свидѣтелемъ трагической смерти Дидоны.

[2]) «Росславъ, трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія Якова Княжнина, Императорской Россійской Академіи Члена. Въ первый разъ представлена въ Спб. 1784 г. февраля 8 дня. Спб., при Ак. Н. иждивеніемъ сочинителя 1784 г. - Посвящена кн. Е. Р. Дашковой. Въ посвя-

щенія замѣчателенъ открытый отзывъ Княжнина о благородномъ направленіи его авторства: «Никто меня низостью лести обвинить не можетъ;

Однѣ заслуги чтя, моя не подла Муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда».

Трагедія «Росславъ» имѣла чрезвычайный успѣхъ по чувству патріотизма, одушевляющему героя, и по искусной игрѣ Дмитревскаго въ этой роли. Жаль только, что героизмъ Росслава не является въ дѣйствіи, а просто высказывается и притомъ имъ самимъ. Сюжетъ и характеры трагедіи не выдерживаютъ критики. Мерзляковъ произнесъ о томъ и другомъ строгое, но справедливое сужденіе (Вѣст. Евр 1817, № 10). Дѣло въ томъ, что Христіернъ,страшный тиранъ,коварствомъ похитилъ шведскій престолъ. На защиту изгнаннаго законнаго наслѣдника, Густава, Россія послала войско подъ начальствомъ Росслава, который въ одномъ сраженіи попадается въ плѣнъ. Христіернъ предлагаетъ ему свободу, если онъ откроетъ ему убѣжище Густава. Росславъ съ гордостью отвергаетъ это условіе; храненію тайны приписываетъ онъ—впрочемъ безъ ясной причины—величайшую важность, какъ видно изъ его словъ:

....Ежели Густава я открою,
Россіи измѣню, и чести, и герою;
И если жизнь мою ничтожную спасу,
Два царства въ жертву я тирану принесу,

т. е. Швецію и Россію. Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы. Напрасно русскій посолъ Любомиръ предлагаетъ отдать Христіерну всѣ завоеванные города, только бы возвратили Росслава: Христіернъ не соглашается. Кромѣ упорнаго храненія тайны, Росславъ возбуждаетъ гнѣвъ датскаго короля еще тѣмъ, что любитъ княжну Зафиру, «остатокъ рода прежнихъ шведскихъ правителей», и взаимно любимъ ею, тогда какъ бракъ съ нею есть единственное для Христіерна средство къ прочному обладанію похищеннымъ престоломъ. Въ припадкѣ ревности, Христіернъ хочетъ заколоть Зафиру, но, при появленіи Густава у городскихъ стѣнъ, народъ возмутился и освободилъ Росслава. Трагедія заключается смертію тирана и торжествомъ главнаго героя. Въ 3-мъ явленіи 3-го акта (помѣщенномъ въ Хрестоматіи), по остроумному замѣчанію Мерзлякова, Росславъ, какъ молотомъ, поражаетъ Христіерна высокими словами, заимствованными изъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера.

[3]) Исторія Софонисбы, дочери кареагенскаго полководца Аздрубала и жены Сифакса, царя нумидійскаго, изображена во многихъ трагедіяхъ. Первая между ними (1554 г.) принадлежитъ италіянскому поэту Триссино. Ему подражали Мере (Mairet), Лантенъ (Lantin) и Вольтеръ. Піеса послѣдняго (1774 г.) послужила образцомъ Княжнину, который во многихъ мѣстахъ просто переводилъ ее. Изъ описи комедій, хранившихся въ Посольскомъ Приказѣ по 30 мая 1709 г., видно, что еще до этого времени представляли у насъ «Сципій Африканскій, погубленіе королевы Софонисбы». Сюжетъ всѣхъ означенныхъ піесъ заимствованъ изъ разсказа Тита Ливія: Сифаксъ заключилъ съ своимъ тестемъ наступательный и оборонительный союзъ и такимъ образомъ измѣнилъ прежнимъ обязательствамъ, которыя онъ далъ Сципіону и на которыхъ послѣдній основывалъ успѣхъ африканской экспедиціи. Начинается война. Въ ней принимаетъ участіе Массинисса, лишенный наслѣдственнаго престола Сифаксомъ. Софонисба преклоняетъ своего мужа на помощь Кареагену. Патріотизмъ—главное ея чувство. Она столько же любитъ свое отечество, сколько ненавидитъ враговъ его—Римлянъ. Сифаксъ исполнилъ желаніе своей супруги, но въ сраженіи съ Леліемъ, римскимъ военачальникомъ, и Массиниссою взятъ въ плѣнъ. Непріятели завладѣли Циртой, главнымъ городомъ Сифаксовыхъ владѣній. Когда Массинисса вошелъ во дворецъ, Софонисба умоляла его не выдавать ея Римлянамъ. Массинисса, плѣненный Софонисбою (которая была за него помолвлена прежде, чѣмъ Сифаксъ предложилъ ей руку), обѣщалъ исполнить эту просьбу. Чтобы сдержать свое слово, онъ женится на Софонисбѣ. Узнавъ о томъ, Сципіонъ осыпалъ своего союзника упреками и показалъ ему все неприличіе его поступка. Тогда Массинисса отправилъ съ невольникомъ ядъ къ Софонисбѣ, которая приняла его и тѣмъ освободилась отъ позора—идти, при вступленіи въ Римъ, за колесницей Сципіона. Пылкій Нумидіецъ утѣшился титуломъ царя и возвращеніемъ своихъ владѣній —Трагедія оканчивается иначе: Массинисса въ отчаяніи закалывается, передъ смертію осыпавъ Римъ проклятіями. Такимъ образомъ въ піесѣ противополагается вѣчно живое и обще-человѣческое чувство, любовь, интересамъ политическимъ и государственнымъ.

[4]) Комедія «Хвастунъ» есть весьма близкое подражаніе, можно сказать даже переводъ комедіи де Брюйе (de Brueys): «L'important de cour» (1693). Главное лице

во французской піесѣ графъ-самозванецъ Клэнканъ (Clincan), выдающій себя за важнаго, значительнаго (l'important) человѣка. Онъ разыгрываетъ роль случайной при дворѣ особы, чтобы жениться на дочери богатой, но недалекой и тщеславной маркизы. Слуга Лабраншъ исполняетъ при немъ троякую должность: въ гостинницѣ онъ просто слуга, въ Версали слыветъ секретаремъ, въ домѣ маркизы—конюшимъ. Вотъ какъ онъ, въ разговорѣ съ Корнишономъ, дядею Клэнкана, характеризуетъ разрядъ тѣхъ людей, къ категоріи которыхъ относится и его баринъ: ils vont à la cour, chez les princes, chez les ministres; ils s'intriguent dans les bureaux; ils n'y ont pas véritablement un grand crédit, mais ils trouvent des gens à qui ils persuadent qu'ils en ont beaucoup. Cela leur donne un grand relief dans le monde.... Comme pour exercer cette profession il ne faut pas ni provisions, ni brevets, ceux qui s'en mêlent ne prennent point de qualités; mais ceux qui les connaissent bien les appellent.... je crois.... oui, importans». (Oeuvres de Brueys, t. II, стр. 76—78). Въ Хвастунѣ, графу Клэнкану соотвѣтствуетъ Верхолетъ, Лабраншу—Полистъ, Корнишону—Простодумъ, сельскій дворянинъ, недавно пріѣхавшій изъ деревни, Маркизѣ—Чванкина, богатая провинціальная дворянка, Маріаннѣ, дочери Маркизы — Милена, Мартонѣ, служанкѣ Маркизы—Марина, служанка Чванкиной. Сцена, помѣщенная въ Хрестоматіи, есть переложеніе 2-ой сцены 1-го акта комедіи де Брюйе. Способъ, употребляемый Верхолетомъ для выказыванія своей значительности — ложь, хвастовство: отъ этого комедія получила свое названіе. Затѣямъ Верхолета полагаетъ конецъ Благочинный, который уничтожаетъ мнимое графство, открываетъ всѣмъ глаза и отводитъ обманщика въ смирительный домъ. На Миленѣ женится Замиръ, сынъ Честона, совѣтника изъ намѣстничества.—Въ стихахъ: «Я разными стихами», и пр. указаны сочинители похвальныхъ одъ, представленные Княжнинымъ въ ком. «Чудаки», подъ именемъ Трompетина, Крыловымъ въ повѣсти «Каибъ» и Клушинымъ въ «Портретахъ», въ лицѣ Одохвата (Зритель, еженедѣльное изданіе, 1792 г.). Лице, о которомъ идетъ рѣчь въ стихахъ: «Изъ странъ далекихъ свѣта», и пр.—Мерсье де ла Ривьеръ, приглашенный Екатериною II въ Россію (1775 г.), но своими проэктами, самолюбіемъ и хвастовствомъ заслужившій общій смѣхъ. Его-то графъ Кобенцель изобразилъ въ пьесѣ «Управлялевъ» (Эрмитажный театръ Екатерины II). Могли найтись и другія подобныя личности, описанныя «Зрителемъ» въ пьесѣ: «Передняя знатнаго барина» (ч. I, стр. 189). Стихъ Марины: «Предъ знатностью его все червь и паутина»—подражаніе стихамъ Димитрія Самозванца, обращеннымъ къ Георгію (въ трагедіи Сумарокова):

Ты князь—князь галицкій и отрасль Константина,
Однако предо мной ты тѣнь и паутина.

[8]) «Чудаки, комедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. При Ак. Н. 1793 г.» Время сочиненія этой піесы, напечатанной уже по смерти автора, неизвѣстно. Оригиналъ ея—комедія Детуша: L'homme singulier. Главная разница въ томъ, что Княжнинъ выставилъ цѣлую галлерею чудаковъ: Лентягина, недавно вышедшаго во дворянство, весьма богатаго и по-своему философствующаго человѣка, Лентягину, женщину знатнаго рода, тщеславную и недалекую, Вѣтромаха, знатнаго, но бѣднаго галломана, Пріята, сентиментальнаго селадона, аркадскаго пастушка, влюбленнаго въ Улиньку (дочь Лентягиныхъ), Трусима, всемірнаго пріятеля, поставщика жениховъ для Улиньки, изъ которыхъ являются: судья и маіоръ, оба отставные, и два стихотворца: Тромпетинъ (одописецъ) и Свирѣлкинъ (идилликъ). На любви къ Улинькѣ, на желаніи получить руку богатой дѣвушки основано все дѣйствіе комедіи: Лентягинъ, чуждый всякихъ предразсудковъ, хочетъ выдать дочь свою за слугу Пріята, Пролаза, который овладѣлъ его полною довѣренностью, а Лентягина за Вѣтромаха. Улинька, «смиренная вѣтренница», влюблена въ Вѣтромаха и позабыла прежнюю любовь свою—Пріята, но потомъ, по внушеніямъ Пролаза, нарочно поступившаго къ ея отцу въ услуженіе, и служанки Марины, вновь обратилась къ Пріяту, за котораго и выходитъ замужъ. Комедію заключаетъ Пролазъ такими стихами:

....Всякій, много ли, иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

Вѣтромахъ, весьма хорошо нарисованный, имѣетъ много общаго и съ Иванушкой (въ Бригадирѣ), и съ Фирлюфюшковымъ (въ Именинахъ Ворчалкиной). Это—хвастунъ, щеголь, фатъ, помѣшанный на чванствѣ знатнымъ своимъ родомъ и глупомъ пристрастіи ко всему французскому. Онъ рѣшился жениться на Улинькѣ, ради ея приданаго, необходимаго ему для уплаты долговъ. Узнавъ же, что ея дѣдушка былъ «пречестный кузнецъ», онъ оставляетъ свое намѣреніе. Французолюбіе осмѣивалось весьма часто и до Княжнина, и

послѣ Княжнина, который, кромѣ Чудакова, выставилъ его еще въ комической оперѣ: «Несчастіе отъ кареты» (1779 г.) и въ сатирическомъ посланіи къ сочинителю былей и небылицъ: «Исповѣданіе жеманихи» (1783). (Для подробностей см. мою статью о сочиненіяхъ Княжнина Отеч. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12, отдѣлъ критики; также статьи г. Стоюнина: «Я. Б. Княжнинъ», въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для Чтенія 1850, и г. Лонгинова: «Княжнинъ», въ 4 № Рус. Вѣстн. 1860 г.).

LXVI.

ДЕРЖАВИНЪ.

1. *Ода на Знатность* (*1774*). (1).

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристалломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

На стогнъ поставленъ, на позоръ (2),
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной!
Статуи безъ достоинствъ—вы!

При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Ѳемиды свято мѣсто тутъ,
Бѣги изъ зазерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой Шемякинъ онъ? (3).

Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужитъ вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька (4) съ Катилиной змѣй,
Разбойникъ, распренникъ, грабитель,
И царь, невинныхъ утѣснитель,—
Равно вселенной всей злодѣй.

Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Іюлій таждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обагритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душею благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

Дворянства взводитъ на степень
Заслуга, честь и добродѣтель (5);
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:

вс... › мой сіяетъ духъ;
...оль страстьми владѣю;
...ль за всѣхъ болѣю,
...рденъ для услугъ.

Предъ нами древностью своей,
О князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгень, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь;
Но въ россномъ множествѣ дворянъ
Герои славнѣя бывали,
И нынѣ царство подпирали;
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ данъ:

Отечеству Румянцовъ другъ
И прямо свѣта хвалъ достоинъ:
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой (6).

2. *Пѣснь Петру Великому* (*1776*). (7).

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Хоръ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ! (*)

Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая (8),
Науки въ полночь (9) водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая (10),
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Какъ Богъ—великимъ провидѣньемъ
Онъ все собою озиралъ,
Какъ рабъ—неслыханнымъ раченьемъ
Онъ все собою исполнялъ.

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить (11).

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искуству (12) научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Вселенну храбрость (13) устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.

Владыка (14) будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ (15) давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Вѣнцы, тріумфы (16), колесницы
Не для себя онъ учреждалъ;
Отличность, блески (17) багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ (18).

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;

(*) Это двустишіе образуетъ хоръ и повторяется послѣ каждой строфы.

Довольство ввелъ ([19]) въ свои народы,
Съ востокомъ западъ съединилъ.

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ ([20]).

Поднесь вселенну изумляетъ ([21])
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

([22]) О Россы, славой лучезарны!
О родъ ([23]) героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да въ вѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

3. На смерть князя Мещерскаго (1779). ([24]).

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ ([25]),
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей ([26]) свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ ([27]),
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никакая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ ([28])—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры ([29]) воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся ([30]).
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся ([31]),
И всѣмъ мірамъ ([32]) она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ ([33]).
Гдѣжъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ? ([34]) Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ ([35]), тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Глядитъ на всѣхъ,—и на царей ([36]),
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,—
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ ([37]) красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей ([38]) размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы ([39]) шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите щастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ ([40])! должно намъ конечно:
Почтожъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

4. *На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока (1779).* ([41]).

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная ([42]) его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время, столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей:
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки,
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи:
Знать родился нѣкій Богъ ([43]).
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній ([44]) къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство;
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство;
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Заражаючи ([45]) въ немъ, рекъ:
Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

Всѣ крылами восплескали,
Каждый геній восклицалъ:
Се божественный, вѣщали (46),
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезну міру!
Даръ добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!
Будетъ — и Судьбы гласили —
Онъ монархамъ образецъ!
Лѣсъ и горы повторили:
Утѣшеніемъ сердецъ!
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролія;
На колѣни преклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ!
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!

5. Фелица (1782). (47).

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ;
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица (48)! наставленье:
Какъ пышно (49) и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ (50)
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскерады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь (51),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь (52),
Не ходишь съ трона на востокъ:
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ (53).

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ;
Шампанскимъ вафли запиваю;

И все на свѣтъ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами ([54])
И пляской веселю мой духъ;
Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Иль надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ ([55]).

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся;
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю ([56]).

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой ([57]),
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ—но льзя ль не заблуждаться
Намъ слабымъ смертнымъ въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ:
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣжъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ ([58])?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Церевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь ([59]) никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть;
А что сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,

Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о Себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить (60).

Стремятся слезъ пріятныхъ (61) рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить (62);
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ (63),
Не щелкають въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ (64).

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей;
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго,
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ (65);
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ.

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить (66).

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай, гдѣ ты ни живешь:
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета

ъ Тебя желалъ.
› добра пріятство
;уши богатство,
ѣ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша (67) тока
И лицезрѣнья насладжусь!
Небесныя прошу я Силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

6. *Видѣніе Мурзы* (*1784*). (68).

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны (69) разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.

Природа въ тишину глобоку
И въ крѣпкомъ погружемна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, и со звономъ лиры
Мой тихій голосъ согласяя,
Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ, и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всё сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира (70)
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды (71)!
Блаженъ и тотъ, кому (72) Царевны
Какой бы ни было (73) орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ (74),
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ (75),
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что нибудь,
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ (76) червонцы шлютъ!
Блаженъ!—Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
(77) Сошла со облаковъ жена, —
Сошла—и жрицей очутилась,
Или Богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десн аго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру (78);
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышнему Божеству.

Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Со свѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.—
Пребудетъ образъ въ вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла (79)! —
«Мурза! она вѣщала мнѣ:
Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, Мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли!
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумазбродство,
Но вышній даръ Боговъ—тогда
Сей даръ Боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣже;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели, не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».—
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?

Кто ты? Богиня, или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.—
Она рекла мнѣ: «Я Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась (80).
Мой Богъ! мой Ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не могъ идти:
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ.
Но токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
Возможно ль, кроткая Царевна!
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ (81)!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ Тобой Мурза Твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ.
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ (82).

Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты ([83]),
А то, чему весь міръ ([84]) свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу:
Татарски пѣсни изъ—подъ—спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю ([85])
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

7. *Богъ* (*1784*). ([86]).

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ ([87]).

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь въ-вѣкъ!

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплятся, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день ([88]) зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости ([89]) текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?—
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міра умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить ([90]) съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,

Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есть и Ты!

Ты есть! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ,
Ты есть—и я ужь не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю ([91]);
Я царь—я рабъ,—я червь—я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность ([92]) облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе ([93]) Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

8. Изъ оды: Осень во время осады Очакова (1788). ([94]).

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ:
Ужасныя крилѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ— и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.

Уже румяна Осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ.

Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Борей на Осень хмуритъ брови,
И Зиму съ сѣвера зоветъ:
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ;
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ;
А на коврахъ полей зеленыхъ

Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ,
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ Нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы
И легъ въ туманы отдохнуть.

9. Изъ сатиры: На счастіе (1789). (95).

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделѣнное отъ всѣхъ,
О ты, великомощно счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненастье,
Мавръ, Лопарь, пастыри, цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ восклицновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ алтари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины,
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Твой взоръ и на меня всемѣстный
Простри, о надъ царями царь!
Простри, и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ,
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Бывало, милыя науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ,
И все мое усядутъ ложе:
А я, свирѣль настроя тутъ,
Съ ихъ каждой лирой тоже, тоже
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! за васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

Услышь, услышь меня, о счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни;
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творишь добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрыпицы
И вьется локономъ хохолъ (96).

Но ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монгольфіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя—ты не глядишь:
Но шаръ твой часто упадаетъ
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое ([97]),
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны,
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты.

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно—школярнымъ
Разсудка выше вознесусь,
И ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
—Беатусъ! братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орющій,
Или стада свои пасущій!—
Я буду восклицать въ пирахъ ([98]).

Увы! еще ты не внимаешь,
О счастіе! моей мольбѣ,
Мои обѣты презираешь:
Знать не угоденъ я тебѣ;
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ,—
Внемли: шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, королямъ и принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

10. Изъ Описанія торжества по случаю взятія Измаила (1791). ([99]).

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аматистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ,
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

11. Изъ оды: Водопадъ (1791). ([100]).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами:
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ,

Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ ([101]):
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски ([102]);
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ?
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ ([103]).

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину приклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится ([104]).

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями,
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи ([105])?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи ([106]),
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близь трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ Музъ—другъ Аполлона;
На полѣ Марса—вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ;
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины ([107]),
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами ([108])?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, и шумъ

Оставилъ по себѣ въ потомки!
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искуство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ,
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ,
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ—но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близь тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала (109),
Мечъ въ полножны войти чуть могъ (110),
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

Оливы свѣжи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ (111) по Меценатѣ рвется,

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,
На златозарномъ фаетонѣ,
Во сонмѣ всадниковъ блисталъ
И въ смертный черный одръ упалъ (112)!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ;
Напишется Потемкинъ трудъ.

Театръ его—былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнцемъ—Екатерина;
Гремяща слава—ѳиміамъ;
Жизнь-жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи

Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
И слышанъ стонъ: что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ (113).
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ—и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды;
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды (114);
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь (115).

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ (116),
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Въ дали бѣлѣетъ на Лиманахъ:
Какое чувство въ Россіянахъ?

Восторгъ, восторгъ они—а страхъ
И ужасъ Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ
И паръ вокругъ холмовъ віется,
Пришедши старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Альцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ (117)? Увы!
И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
Чтожъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.

Услышьте жъ, водопады міра,
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имѣли только мету,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! а тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать,
Рѣка на сѣверѣ гремяща,
О Суна (118)! коль съ высотъ блистать
Ты можешь, и отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,

Мила, быстра и не въ стремленѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги;
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

12. Изъ оды: Памятникъ Герою. (1791). ([119]).

Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближ-нимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣньи твердъ и мудръ въ на-пасти,
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣш-никъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ—
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ.
Его Царь—долгъ, его Богъ—правда;
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, не быстръ ко славѣ.

Дѣлами исполнитель вѣры;
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ;
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Который миръ даруетъ царствамъ.

Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки,
Не мраморомъ, не мѣдью тверды;
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

13. Вельможа (1794). ([120]).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристаллом,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы Перскія ([121]) на васъ
И не Бразильски звѣзды—ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны;
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла ([122]).

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,

Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ, въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, сопостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ ([123])
Въ Мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Болярнинъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть—польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія ([124]), мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай—густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ—
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ,
И въ пресыщеніи зѣвалъ ([125])?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ:
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ.

. . . .

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,—
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга ([126]);

Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами, —
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—Ты спишь
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь яр-
момъ,
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!»—
Злодѣй, увы! и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ Царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ ([127]),
Ей взоръ и ухо предлагаетъ:
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ:
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правди-
вымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить.

О Россій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ? —
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ зву-
ковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла ([128]),
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ!

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей;
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще Царя.

Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря.

14. Мой истуканъ (1794). ([129]).

Готовъ кумиръ, желанный мною:
Рашетъ ([130]) его изобразилъ!
Онъ хитрою своей рукою
Меня и въ камнѣ оживилъ.
Готовъ кумиръ!—И будетъ чтиться
Искуство Праксителя въ немъ:
Но мнѣ какою честью льститься
Въ безсмертномъ истуканѣ семъ?
Безъ славныхъ дѣлъ, гремящихъ въ мірѣ,
Ничто и царь въ своемъ кумирѣ.

Ничто! и не живетъ тотъ смертный,
О комъ ни малой нѣтъ молвы,
Ни зломъ, ни благомъ не примѣтный,
Во гробѣ погребенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава,
Убійство! я не льщусь тобой;
Батыевъ и Маратовъ слава
Во ужасъ духъ приводитъ мой:
Не лучше ли мнѣ быть забвенну,
Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу
Готовъ я управляться властью;
А если ею и стѣснюсь
Чрезъ зло: моей я низкой частью
Съ престоломъ свѣта не смѣнюсь.
Та мысль всѣхъ казней мнѣ страшнѣе:
Представить въ вѣчности злодѣя!

Злодѣй, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всѣмъ жертвуетъ; его орудью
Преграды нѣтъ, алчбѣ цѣпей;
Внутрь совѣстью своей размученъ,
Внѣ съ радостью губитъ другихъ;
Пусть дерзостью, удачей звученъ:
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хотя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Быть не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣть заставить,
До Герострата только шагъ;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя въ сердцахъ:
Вѣкъ должно, добрымъ быть, намъ тщиться,
И плодъ намъ время дастъ одно;
На зло лишь только бы рѣшиться —
И въ мигъ содѣлано оно.
Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель,
И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣтель.

Онъ рѣдокъ! Но какая разность
Межъ славой доброй и худой?
Чтобъ имя пріобрѣсть намъ, знатность,
И той гремѣть или другой—
Не все ль равно, когда лишь будетъ
Потомство наши знать дѣла,
И злыхъ и добрыхъ не забудетъ?
Ахъ, нѣтъ! Природа въ насъ влила
Съ душой и отвращенье къ злобѣ,
Любовь къ добру и сущимъ въ гробѣ.

Мнѣ добрая пріятна слава:
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной.

По ней, котора составляетъ
Вождей любезныхъ и царей;
По ней, котора извлекаетъ
Сладчайши слезы изъ очей.
Эпаминондъ ли защититель,
Или благотворитель Титъ,
Сократъ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристидъ —
Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
И истуканы ихъ священны.

Священъ мнѣ паче зракъ героевъ,
Моихъ любезныхъ согражданъ,
Предъ трономъ, на судѣ, средь боевъ
Душой великихъ Россіянъ.
Священъ! Но если здѣсь я чести
Современныхъ не возвѣщу,
Боясь подозрѣнья въ лести:
То васъ ли, васъ ли умолчу,
О праотцы, дѣлами славны,
Которыхъ вижу истуканы?

А если древности покровомъ
Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,
Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
Великій Петръ, какъ живъ, стоитъ;
Монархи мудры, милосерды,
За нимъ отецъ его и дѣдъ;
Отечества подпоры тверды,
Пожарскій, Мининъ, Филаретъ ([131]),
И ты, другъ правды, Долгоруковъ,
Достойны вѣчной славы звуковъ.

Достойны вы! Но мнѣ ли права
Желать—быть съ вами на ряду?
Что обо мнѣ разскажетъ слава,
Коль я безвѣстну жизнь веду?
Не спасъ отъ гибели я царства,
Царей на тронъ не возводилъ,
Не стеръ терпѣніемъ коварства,
Богатствъ моихъ не приносилъ
На жертву, въ подкрѣпленье трона,
И защитить не могъ закона.

Увы! Почтожъ сему болвану
На свѣтѣ мѣсто занимать,
Дурную, лысу обезьяну
На смѣхъ ли дѣтямъ представлять,
Чтобъ видѣли меня потомки
Подъ паутиною въ пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нѣтъ! лучше быть отъ всѣхъ забвеннымъ,
Чѣмъ брошеннымъ и въ вѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истуканъ, Рашетъ!
Румянцова лица ваятель ([132])
Себѣ мной чести не найдетъ.
Разбей!... Или постой немного:
Поищемъ, нѣтъ ли дѣлъ какихъ,
По коимъ бы, хотя не строго
Судя о качествахъ моихъ,
Ты могъ отвѣтствовать вселенной
За трудъ, надъ мною понесенной.

Поищемъ!—Нѣтъ. Мои бездѣлки
Безумно столько уважать,
Дѣла обыкновенны, мелки,
Чтобъ насъ заставить обожать.
Хотябъ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы,
Законъ и правду сохранилъ,
Отеръ сиротски, вдовьи слезы,
Невинныхъ оправдатель былъ,
Органъ Монаршихъ благъ и мира ([133])—
Не стоилъ бы и тутъ кумира.

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести,
Дозволенны самимъ себѣ,
Плоды тщеславія и лести,
Монархъ! постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
По смерти слава хороша;
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ.

Но если дѣлъ и не имѣю,
За что бъ кумиръ мнѣ посвятить:
Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ ту Царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь, въ пространствѣ міра:
Хвались моя, хвались тѣмъ, лира ([134])

Хвались! и образъ мой скудельной

Въ храмъ славы вознося съ собой;
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой нѣкогда слезой
Ты, взоръ кропя Екатерины,
Могла пріятною ей быть;
Взносись, и достигай вершины,
Чтобы на ней меня вмѣстить,
Завистниковъ моихъ къ досадѣ
Въ ея прекрасной колоннадѣ (135).

На твердомъ мраморномъ помостѣ,
На яшистыхъ сводахъ межъ столповъ,
Въ мѣди, въ величественномъ ростѣ,
Подъ сѣнью райскихъ вкругъ деревъ,
Поставь со славными мужами!
Я стану съ важностью стоять;
Какъ отъ зарей, всякъ день лучами
Отъ свѣтлыхъ царскихъ лицъ блистать,
Недвижимъ вихрями, ни громомъ,
Подъ ихъ божественнымъ покровомъ (136).

Прострется облакъ благовонный,
Коврами вкругъ меня цвѣты. —
Постой, піитъ, восторга полный!
Высоко залетѣлъ ужъ ты;
Въ пыли валялись и Омиры;
Потомство—грозный судія:
Оно разсматриваетъ лиры,
Услышитъ гласъ и твоея,
И пальмы взвѣситъ и перуны,
Кому твои гремѣли струны.

Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ;
Кого днесь тайно злоба гложетъ,
Тотъ будетъ завтра въявь врагомъ;
Трясутъ и троны люди злые:
То, можетъ быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни.

Почто жъ позора ждать такова?
Разбей, Рашетъ, мои черты!
Разбей!... Нѣтъ, нѣтъ, еще полслова
Позволь сказать себѣ мнѣ ты.
Пусть тотъ, кто съ большимъ дарованьемъ
Могъ добродѣтель прославлять,
Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я, стараньемъ
Желать добра и исполнять,
Пусть тотъ не медля и рѣшится:
И мой кумиръ имъ сокрушится.

Я радъ отечества блаженству:
Дай больше небо таковыхъ,
Россійской силы къ совершенству,
Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
Опредѣленія судьбины
Тогда исполнятся во всемъ:
Доступимъ міра мы средины,
Съ Гангеса злато соберемъ,
Гордыню усмиримъ Китая (137),
Какъ кедръ, нашъ корень утверждая.

Тогда, каменосѣчецъ хитрый!
Кумиры твоего рѣзца
Живой струей испустятъ искры
И въ внучатахъ возжгутъ сердца.
Смотря на образъ Мараѳона,
Зальется Ѳемистоклъ слезой,
Отдастъ Арману (138) Петръ полтрона,
Чтобъ править научилъ другой (139);
Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся
И въ слѣдъ ихъ славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга!
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга,
Его въ серпяный твой диванъ;
И съ бюстомъ тамъ своимъ, мнѣ милымъ,
Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ поставь,
Во знакъ, что съ сердцемъ справедливымъ
Не скрытъ нашъ всѣмъ и виденъ нравъ.
Что слава? Счастье намъ прямое
Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ.

15. Приглашеніе къ обѣду (1795). (140).

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ крафинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,

Плоды среди коранн сміются;
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкругъ ожидая;
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давный,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра ([141])!
Приди—и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой нельстивый нравъ;
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность—
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ одну благопріятность:
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, ангелъ мой, благотворитель!
Приди—и насладися благъ:
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ ([142]).
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,
По платью ноги протягать.

А если ты, иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей ([143]),
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать—
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа;
Умѣренность есть лучшій пиръ ([144]).

16. Памятникъ (*1796*). ([145]).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный:
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

17. Изъ стихотворенія: Атаману и войску Донскому (1807). ([146]).

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно ([147]),
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь.
Въ расплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Падешь, какъ снѣгъ ты съ тучъ иль дождь.

По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью ([148]), видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ;
И зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу, иль противу солнца,
Свой учреждаешь ертаулъ
И тайный ставишь караулъ ([149]).

Въ травѣ идешь—съ травою равенъ;
Въ лѣсу—и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь—конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой.
По камнѣ ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ.
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ.

Орломъ ли въ иглѣ паришь сгущенной,
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, бромя петли округъ шей,
Фазановъ удишь ([150]), какъ ершей.

Разилъ ты льва, лунѣ гнулъ роги,
Ходилъ противу солнца въ бой ([151]);
Медвѣдей, тигровъ, средь берлоги
Могучей задушалъ рукой:
Почтожъ вепря щетино-черна,
Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ ([152]),
Съ клыковъ котораго кровь, пѣна
Течетъ—зловоніе и ядъ—
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревомъ покрыли весь—
Арканомъ не схватилъ поднесь?

Чтожъ сталъ? Борза ль коня не стало?
Возьми коверъ свой самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лѣсъ падетъ.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? ступни самоходны,
Надѣнь перчатки самородны
И дуй на огнь, на мразъ, на гладъ:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ ([153]).

Бывало вѣдь и въ прежни годы:
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Былъ грѣхъ, отъ сваръ своихъ кряхтѣли,
Теряли янствомъ и главы:
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрянули будто львы.
Былъ врагъ Чипчакъ—и гдѣ Чипчаки?
Былъ недругъ Ляхъ—и гдѣ тѣ Ляхи?
Былъ сей, былъ тотъ — ихъ нѣтъ: — а Русь?...
Всякъ знай, мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось?

Заботились, какъ днесь, Цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри:
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ ([154]);
Чернецъ Донскаго—исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы
Крушили зубы въ дни Петровы;
Побѣдъ Екатерины лавръ:
Чесьма, Кагулъ, Крымъ. Римникъ, Тавръ.

Не ужъ-то Альны въ мірѣ шашка?
Тамъ молньи Павла видѣлъ Галлъ;
На клячѣ бѣлая рубашка ([155])
Не разъ его въ усы щелкалъ.
Или теперь у Александра
При войскѣ нѣту молодца?
Съ крестомъ на адска Саламандра ([156])
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
Въ четыре стороны поклонъ,
И изъ ноженъ булатъ ты вонъ!

И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ,
Разбойника сбрось соловья
Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ,
И будь у насъ второй Илья;
И заперши въ желѣзной клѣткѣ,
Какъ желтоглазаго сыча,
Уранга, сфинкса на веревкѣ
Примчи, за плечьми въ тороча ([157]).
Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,
Лицемъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,
Пошли ты за себя за злымъ:
Двадцатый хоть пріѣдетъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги,
Ты разскажи имъ русску быль,
Что старики, бывъ въ службѣ строги,
Всѣ невозможности чли въ пыль:
Сжигали грады воробьями ([158]),
Ходили въ лодкахъ по землѣ ([159]),
Топили вражій станъ прудами ([160]),
Имѣли пищу въ киселѣ ([161]),
Спускались въ мрачны подземелья ([162]),
Животъ считали за бездѣлья;
Къ отчизнѣ ревностью горя,
За вѣру мерли и Царя.

18. Жизнь Званская (1807). ([163]).

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

За чѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ;
Мой утренніоетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую, и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змія мнѣ сердце угрызала,
О коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу розъ,

Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ (164) въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ (165) и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурскій иль левантской (166),
Иду за круглый столъ: и тутъ-то раздобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской;

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,

Въ которой по утру, иль къ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ (167), въ газетахъ, иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ, и кружевъ, и вязаньи;

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ, и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица, въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста иль скопидомъ брюхатой
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;

И гдѣ случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы—въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельскую жизнь, пою на лирѣ.

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ и драки человѣковъ.

Все суета суетъ! я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна,
О коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бремению?
Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя имъ доля.

Дворовыхъ между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Ренейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ—
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ.

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ странъ приправой:
А что опрятно все и представляетъ Русь;
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ:
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ: бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ,
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса—лежитъ вся міра красота

В глазахъ, искуствъ черезъ коварства.

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ,
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча огнь, толчетъ и мелитъ.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу, льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Марінной [168] рукой прядутся.

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы берутся съ поль Царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ
Куется въ бердыши милицы.

И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ:
За вѣру, за Царя, мы—говорятъ—помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ верейницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю степень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно! въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно! тихіе, отлогіе брега,
И рѣдки холмики, селеній рѣдкихъ полосы,
Какъ, полосаты их клоня поля, луса,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ [169] народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,

На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ въ стрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ:
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать — музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плетень иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя прорывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома ([170]) съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ—и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣжъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце—тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны ([171]).

Умолкнутъ ли они?—Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ строй какой, ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому, подъ Пультускомъ, Прейсшъ-лау ([172]);
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.

Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ,
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный ([173]),
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва, гробъ кроетъ мрачный.

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ, и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь — блѣдну зависть — въ бездны.

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близь сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, въ дали какъ тихій громъ ([174]):
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы ([175]).

¹) «Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 года» (экземпляръ И. П. Б.). Изданы въ 1776 г.; но на заглавномъ листѣ не означено ни имени автора, ни времени и мѣста изданія. Гора Читалагай, по словамъ Державина, находится въ саратовской губерніи въ колоніи Шафгаузенъ, которая лежала у верховья рѣки: «Малый Караманъ» (въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ Самар. губ.). Колоніи иностранныхъ поселенцевъ, заведенныя въ 1764 г., расположены были на лѣвой сторонѣ Волги, въ той части вольскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ самарской губ.—Всѣхъ одъ восемь. Первыя четыре переведены прозой изъ сочиненій Фридриха Великаго, написанныхъ на франц. языкѣ: на ласкательство (la flatterie), на порицаніе (la calomnie), на постоянство (la fermeté), къ Мовтерпію (т. е. къ Мопертюи, французскому астроному). Нѣкоторые германизмы показываютъ, что Державинъ переводилъ оды Фридриха не съ французскаго подлинника, а съ нѣмецкаго переложенья. Послѣднія четыре оды, въ стихахъ: на великость, на знатность, на смерть Бибикова и на рожденіе Екатерины II, суть оригинальныя піесы. Читалагайскія оды, говоритъ Я. Гротъ, составляютъ едва ли не единственный образчикъ того, какъ Державинъ писалъ въ самый ранній періодъ своего поэтическаго поприща: правда, въ собраніи его стихотвореній есть піесы, отнесенныя имъ даже еще къ 70-му году, но онѣ въ первый разъ напечатаны были не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и, судя по языку ихъ, который гораздо новѣе и вообще лучше, нежели въ Читалагайскихъ одахъ, передъ тѣмъ были значительно исправлены. Оды эти замѣчательны и какъ любопытный ма-

теріалъ для изученія исторіи литературнаго развитія Державина: едва ли отыщется гдѣ-нибудь примѣръ другаго писателя, который тридцати одного года отъ роду былъ бы такъ нетвердъ въ употребленіи литературнаго языка, а въ послѣдствіи шагнулъ бы такъ далеко въ силѣ и яркости поэтическаго выраженія». (Читалагайскія оды Державина, Библ. Зап. 1859, № 16).—Сличи оду на знатность съ одой Вельможа (1794 г.), которой она послужила основаніемъ.

²) На позорище, на показъ.

³) Къ этому стиху Державинъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: «Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ: судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи».

⁴) Емельянъ Пугачевъ.

⁵) Сличи съ словами Наказа: «*Добродѣтель съ заслугою* возводитъ людей на степень дворянства» (§ 363). Добродѣтель и *честь* должны быть оному (*дворянству*) правилами (§ 364).

⁶) Изъ этой строфы видно, что ода на знатность сочинена въ 1775 г., послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира, который заключенъ 10 іюля 1774 г., а праздновался ровно черезъ годъ, того же мѣсяца и числа (См. указанную статью г. Грота).

⁷) Какъ эта, такъ и всѣ слѣдующія піесы напечатаны по второму изданію Сочиненій Державина (Спб. 1808 г., 4 части, къ которымъ въ 1816 г. присоединена 5-ая часть). Первое изданіе—1798 г., вышло въ Москвѣ, подъ надзоромъ Карамзина, подъ названіемъ: «Сочиненія Державина, часть I». Важнѣйшіе варіанты къ «Пѣсни Петру Великому» взяты изъ первой ея редакціи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ «С. п. бургскаго Вѣстника, 1778 г.». Въ «Объясненіяхъ на сочиненія Державина, имъ самимъ диктованныхъ родной его племянницѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, въ 1809 г., и изданныхъ Ѳ. П. Львовымъ, въ 4 ч.» (1834 г.), сказано: «Пѣснь эта была въ великомъ употребленіи въ масонскихъ ложахъ, въ которыя авторъ хотя и привлекаемъ былъ неоднократно, но никогда въ оныхъ не участвовалъ». Чѣмъ именно возбудила она сочувствіе масоновъ — неизвѣстно. По основной мысли, піеса Державина не разнится отъ Надписи Ломоносова къ статуѣ Петра Великаго (См. Хрест., ч. I, стр. 190). Въ нѣкоторыхъ стихахъ Пѣсни, на пр.:

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ ...
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ....

повторяется сказанное Ломоносовымъ:

Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки....
Послѣдній принялъ чинъ и, царствуя, служилъ....

Стихъ: «Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?» выражаетъ также мысль Ломоносова, который нерѣдко уподоблялъ Петра I-го божеству и называлъ его богомъ России.

⁸) Вар.. «Чтобъ вѣчный мракъ нашъ побѣдити».

⁹) «Онъ намъ науки».

¹⁰) «За грубость нашу чтобъ отмстити».

¹¹) «Царей чтобъ послѣ удивить».

¹²) «Безстрашнымъ быти».

¹³) «Бодрость».

¹⁴) «Владѣтель».

¹⁵) «Не ставилъ въ стыдъ».

¹⁶) «Тріумфы, чести».

¹⁷) «Считалъ въ томъ свѣтлость».

¹⁸) «Когда заслуги награждалъ».

¹⁹) «Далъ».

²⁰) «Преемниковъ его державы
Въ предѣлахъ свѣта нынѣ чтутъ».

²¹) «Во всей вселенной слухъ взываетъ».

²²) Передъ этимъ, въ первой редакціи, цѣлый куплетъ:

«Когда бы нынѣ возвратился
Ко просвѣщеннымъ Россамъ онъ,
Дѣламъ своимъ бы веселился,
Узря Екатерининъ тронъ».

²³) «Полки».

²⁴) Напечатана въ 1-ый разъ въ сентябрской книжкѣ С.п.б. Вѣстника на 1779 г., подъ заглавіемъ: «Ода на смерть К. М., къ ***,» а потомъ, съ перемѣнами, помѣщена въ 1 ч. Собесѣдника любителей русскаго слова (1783). Варіанты внесены по начальной редакціи. Кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, главный судья таможенной канцеляріи, былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно, на что указываютъ стихи: «Гдѣ столъ былъ яствъ», и пр. Ода Державина дѣлится на пять частей, или обращеній къ предметамъ, естественно представляющимся мысли нашей при видѣ смерти: къ звону колокола (глаголъ временъ! металла звонъ!), призывающему насъ отдать послѣдній долгъ умершему; къ лицу, пораженному смертію (Мещерскому); къ смерти, которой могущество противополагается человѣческой ничтожности; къ себѣ самому, подлежащему общей участи смертныхъ; наконецъ къ другу покойнаго, болѣе другихъ огорченному его смертью.

²⁵) Вар.: «Зоветъ меня отъ жизни онъ».

²⁶) «Узрѣлъ я только сей лишь».

²⁷ и ²⁸) Подражаніе Галлеровымъ одамъ: «На вѣчность» и «Солнце неподвижно между планетами». Переводъ обѣихъ напеч.

въ 1 и 2 №№ С.п.бургскаго журнала, Пинна (1798). Въ первой читаемъ: «Едва вчера исшелъ я изъ ничтожества, завтра половина моего существованія паки обратится въ ничто. Жизнь моя преходитъ аки сонъ». Во второй:

«И только жить лишь начинаемъ,
Появимся и исчезаемъ,
Какъ прахъ, мгновенный блескъ лучей».

29) «Монархъ и рабъ есть».

30) «Текутъ какъ въ море рѣчны».

31) «И міры ею разрушатся». Стихи, прекрасные въ поэтическомъ отношеніи, но они грѣшатъ противъ Астрономіи: солнце и звѣзды — одно и тоже.

32) «Твореньямъ всѣмъ».

33) «А духъ твой тамъ».

34) «Онъ тамъ, онъ тамъ, а гдѣ».

35) «Гдѣ вкуса столъ».

36) «И на князей». Подражаніе Горацію (кн. I, ода 4): «Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas, regumque turres».

37) «Жжетъ мя».

38) «Желаньемъ пышности».

39) «Влечетъ меня и чести». Эта и слѣдующая строфы изображаютъ юность, мужество и старость. Характеръ первой — увлеченіе красотою, легкомысленность, чувство непосредственнаго счастія; характеръ втораго — желаніе почестей, стремленье къ славѣ; характеръ третьей—стяжаніе богатствъ.

40) Степанъ Васильевичъ, генералъ маіоръ, другъ Мещерскаго, состоявшій при воспитаніи Павла I кавалеромъ.

41) Напечатано впервые въ декабрьской книжкѣ С.п.бургскаго Вѣстника, 1779, подъ заглавіемъ: «Стихи на рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока декабря въ 12 надесять день, въ который солнце начинаетъ возвратъ свой отъ зимы на лѣто»; а потомъ съ измѣненіями вошло въ I ч. «Собесѣдника» (1783). По первой редакціи взяты варіанты. Вся ода исполнена представленій чудеснаго: сначала олицетвореніе зимы, въ образѣ Борея; потомъ быстрый переходъ зимы къ веснѣ при рожденіи царственнаго отрока; далѣе появленіе геніевъ съ дарами; наконецъ олицетвореніе Россіи. Мысль піесы заключается въ словахъ послѣдняго генія: «Будь на тронѣ *человѣкъ*!» Человѣчность (гуманность) — наилучшій, божественный даръ каждаго, особенно владыки, имѣющаго великія средства проявлять его въ своихъ дѣйствіяхъ.

42) «Хладъ нося».

43) «Полубогъ».

44) «Изъ нихъ каждый».

45) «Возраждаючи».

46) «Сказали».

47) Написана въ исходѣ 1782 г., напечатана въ 1 ч. Собесѣдника: «Ода къ премудрой Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведено съ арабскаго языка 1782 г.». Въ выноскѣ сказано: «Хотя имя сочинителя намъ и неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ». Подъ видомъ Фелицы изображена Екатерина II (См. Хрест. I, стр. 308, прим. 31). У Державина были деревни въ оренбургской губ., въ сосѣдствѣ Киргизской орды. Онъ называетъ себя Мурзою, потому что родъ его происходитъ отъ Багрима Мурзы, выѣхавшаго изъ золотой орды въ Россію при Василіи Темномъ. Всѣ почти примѣчанія взяты изъ объясненій Львова, приложенныхъ къ Смирд. изд. сочиненій Державина. Вскорѣ послѣ «Фелицы» явилось нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору: одно подписано буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), другое принадлежитъ Кострову (10 кн. Собесѣдника). Въ «Письмѣ къ Ломоносову» (13 кн. того же журнала) говорится, что

Изъ новыхъ здѣсь творцовъ, послѣдователь твой
На верхъ Парнасса намъ *путь новый* проложилъ....
. . . . Кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть *иной хорошій родъ*.

«Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги: «Собесѣдникъ» замѣчаютъ, что оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ, и что Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались.

48) При этомъ въ «Собесѣд.» выноска: «Подъ именемъ Фелицы разумѣется здѣсь премудрость, а сынъ ея—разсудокъ».

49) «Честно» (варіанты взяты изъ Собесѣд.).

50) Въ то время Императрица занималась сочиненіемъ Грамоты дворянства, Устава благочинія, и другими учрежденіями.

51) Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру, на пр. въ письмѣ отъ 20 мая 1771 г.: «De ma vie je n'ai su faire *ni vers, ni musique*». То и другое исключено было изъ ученія ея внуковъ: «Виршамъ и музыкѣ учить не для чего» (Инструкція кн. Салтыкову). Въ завѣщаніи Былей и Небылицъ сказано: «Стихотворческія изображе-

нія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи». Стихи въ операхъ и сказкахъ Екатерины II сочинялись Елагинымъ, Храповицкимъ и другими.

[53]) Императрица не любила масоновъ и не ѣзжала въ ихъ ложи, подобно многимъ знатнымъ особамъ. Многіе масоны вѣровали въ возможность имѣть сообщенія съ духами и вызывать ихъ.

[53]) Эта строфа относится къ Потемкину.

[54]) Относится къ гр. А. Г. Орлову, любившему русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

[55]) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[56]) Служа при генералъ-прокурорѣ въ сенатѣ, кн. Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ, Державинъ читалъ ему разные романы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Случалось, что во время чтенія и тотъ и другой дремали.

[57]) Въ сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ выведены Мурза Лѣньтягъ, любившій покойную жизнь и нѣгу, и Султанъ Брюзга, который никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Екатерина II разумѣла подъ ними кн. Потемкина и кн. Вяземскаго.

[58]) Относится къ сказкѣ о Царевичѣ Хлорѣ.

[59]) Вар.: «Не ненавидишь».

[60]) Императрица, подобно Траяну, была снисходительна къ злорѣчію на ея счетъ: можно много представить тому примѣровъ. Посвятивъ ей 1-ую ч. своихъ стихотвореній, Державинъ беретъ въ эпиграфъ слѣдующія слова Тацита, какъ характеристику ея царствованія: «О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовмѣстимыя — владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія прочнымъ образомъ желаемаго». (Соч. Державина, ч. I, Спб. 1808 г.).

[61]) «Текутъ пріятныя слезъ».

[62]) Предъидущіе семь стиховъ напоминаютъ въ противоположность тѣ времена, когда и незначительные случаи были почитаемы преступленіями.

[63]) Относится къ извѣстному ледяному дому, который былъ построенъ въ царствованіе Анны Іоанновны для свадьбы кн. Голицына.

[64]) Относится къ бывшему обычаю держать при Дворѣ разныхъ забавниковъ, отличавшихся веселыми, а часто и грубыми шутками.

[65]) Фелица написана по окончаніи первой турецкой войны (1774 г.), когда возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, въ томъ числѣ и публичныя больницы.

[66]) Екатерина II издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго и предоставила ихъ въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде они должны были поступать въ казну; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ; разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ мануфактуръ—коллегіи нельзя было дѣлать.

[67]) «Да сладкаго твоихъ словъ».

[68]) Сочинена 9 мая 1783 г.; напечатана въ 1 кн. Московскаго журнала за 1791 г., изд. Карамзина (а не въ Собесѣдникѣ, какъ сказано въ «Объясненіяхъ»).

[69]) «Мечты и грезы» (варіанты взяты изъ первой редакціи).

[70]) Такъ Державинъ называлъ въ стихотвореніяхъ первую свою супругу, урожденную Бастидонову.

[71]) «Часы дѣлить уединенны
Съ нимъ могутъ скуки и труды!»

[72]) «Блаженъ, какъ если и».

[73]) «Кому какой ни есть».

[74]) Къ этимъ стихамъ примѣчаніе въ Москов. журн.: «Древніе лѣтописцы увѣряютъ, что у сей Царевны были преудивительныя палаты, какъ то: сафиро-золотыя, серебряныя и янтарныя». Въ «Объясненіяхъ» читаемъ: «Въ Царскомъ Селѣ находится донынѣ одна комната Екатерины II, убранная вся янтарями; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра».

[75]) Екатерина показывала видъ, что не къ ней относилась ода къ Фелицѣ, и потому подарокъ автору (500 червонцевъ въ золотой, осыпанной бриліантами табакеркѣ) посланъ былъ безъ огласки.

[76]) Небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разныя туалетныя мелочи (мушки, булавки и пр.).

[77]) Отсюда до стиха: «Держалъ какъ будто бы уснувъ»—описаніе портрета Екатерины II, написаннаго Левицкимъ для гр. Безбородки, по изобрѣтенію Н. А. Львова, а теперь находящагося въ одной изъ залъ И. П. Библ. Въ 6 кн. «Собесѣдника», Левицкій, благодаря Богдановича за стихи, въ честь ему сочиненные (4 кн. Собесѣд.), приложилъ вмѣстѣ и описаніе этого портрета.

[78]) Описаніе Владимірскаго ордена, который Екатерина, по написаніи ею Учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя въ

награду за труды свои, объявивъ себя гроссмейстеромъ этого ордена.

[79]) Державинъ представленъ былъ Екатеринѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при многихъ особахъ. Подходя къ нему, Императрица въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась, окинула его быстрымъ взоромъ и подала ему руку. Этого взора авторъ не могъ забыть никогда.

[80]) «Мнѣ зрилась».

[81]) Авторъ даетъ чувствовать Государынѣ, что и безъ ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ она подарила экземпляры Фелицы, подчеркнувъ то, что до каждаго изъ нихъ относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: одни говорили, что она слишкомъ льстиво, другіе, что слишкомъ смѣло писана; почему Державинъ и повторилъ нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками: «иной отнесъ себѣ къ безчестью», и пр.

[82]) Указаніе на прихоти знатныхъ особъ, жившихъ роскошно и причудливо. Кому неизвѣстно, что нарочные курьеры скакали за капустою и солеными огурцами.

[83]) «Что только сотворила ты».

[84]) «Я пѣлъ, чему весь свѣтъ».

[85]) Прим. Моск. журн.: «Древніе поэты героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небесныхъ».

[86]) Помѣщена въ 13-ой кн. Собесѣдника. Много было говорено о происхожденіи этой оды. Г. Полторацкій, издавшій въ Лейпцигѣ, 1855 г., книжку: «Dieu. Hymne du poëte russe Derjavine (Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne)», и приложившій два перевода, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ г. Ferry de Pigny (1849 г.), а другой г. Hainglaise (того же года), упоминаетъ о замѣчаніи перваго переводчика, что Державинъ заимствовалъ оду «Богъ» изъ стихотвореній маркиза Ботты, италіянскаго поэта XVI в. — «Вѣсти изъ Германіи» (фельетонъ С.п.бургскихъ Вѣдомостей 1855, № 236) прибавляетъ къ этому замѣчанію слѣдующія подробности: одинъ греческій священникъ описываетъ этотъ предметъ въ прозѣ; италіянскій поэтъ (Ботта) перелагаетъ прозу въ стихи; италіянское стихотвореніе переводится на русскій языкъ прозой и служитъ матеріаломъ Державину. Такъ разсказываетъ авторъ фельетона, А. фонъ-Видертъ, видѣвшій г. Полторацкаго въ Берлинѣ. На сколько все это вѣрно, можно рѣшить, сличивъ оду Богъ съ піесой италіянскаго стихотворца, если только подобная находится между его сочиненіями. Нѣкоторыя мѣста оды «Богъ» заимствованы изъ стихотворенія Галлера: «Вѣчность». Привожу выписки по переводу его въ 1 кн. С.п.бургскаго журнала, Пнина (1798):

«Я соединяю милліоны съ милліонами, совокупляю безчисленныя числа, сношу во едино вѣки и міры, и когда съ сей ужасной высоты возвожу къ тебѣ смятенный взоръ свой—не составляютъ (они) малой частицы твоей неизмѣримости.... У тебя всякое мгновеніе вѣчность» (Держ.: «Въ воздушномъ океанѣ ономъ».... и «Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ»...)

«Безпредѣльно-великое Существо! кто я, дабы равнятися съ тобою? Червь, зерно песка въ сей вселенной, которая сама, въ сравненіи съ тобою, одна пылинка» (Держ.: «Какъ капля въ море опущенна»....)

Мысль о величіи человѣка, какъ подобія Божества («Ничто, но ты во мнѣ сіяешь»...), выражена также въ піесѣ: «Тоска души», переведенной Державинымъ изъ Козегартена:

Его подобіе есть ты (*человѣкъ*),
Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.

Нѣкоторыя мысли оды «Богъ» повторены въ другой одѣ Державина: «Человѣкъ» (см. ниже).

[87]) Какъ въ вѣчности прошедшій годъ (Ода Человѣкъ).

[88]) «Какъ въ ясный день когда» (вар. взяты изъ «Собесѣдника»).

[89]) «Въ бездонной пустотѣ».

[90]) «Какъ ежели сравнять».

[91]) Сличи съ стихами изъ оды «Человѣкъ»:

Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Какъ Богъ, всемощною рукой;
Міры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты мыслью бездны проникаешь,
Ты персть—и съ перстью истлѣваешь;
Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ—
Ты прахъ, ты мощный Энкеладъ.

(Соч. Держ., изд. Смирд., I, 368—369).

[92]) «Перстью».

[93]) «Въ объятіе».

[94]) Осада Очакова началась въ августѣ 1788 г. Взятъ онъ приступомъ 6 декабря того же года, въ жестокій морозъ. Державинъ, бывшій въ то время тамбовскимъ губернаторомъ, послалъ оду къ Варварѣ Васильевнѣ Голицыной (урожденной Энгельгартъ), племянницѣ кн. Потемкина, которая жила тогда недалеко отъ Тамбова, въ своемъ помѣстьѣ, занималась словесностью и перевела съ фр. яз. «Заблужденія отъ любви, или письма отъ Фанелія и Мильфорта» (2 ч. Тамбовъ. 1790 г.). Мужъ ея, кн. Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, находился въ Екатеринославской арміи, которая, подъ начальствомъ Потемкина дѣйствовала про-

тивъ Очакова. Въ Хрестоматію взято начало стихотворенія, описывающее осень и зиму.

[95]) Сочинено въ Москвѣ, гдѣ Державинъ жилъ по увольненіи его отъ должности тамбовскаго губернатора. Въ утѣху себѣ и для шутки, хотѣлъ онъ посмѣяться надъ суетностію и непостоянствомъ свѣтской жизни. Это одна изъ лучшихъ сатирическихъ піесъ его.

[96]) Эти два стиха относятся къ гр. Гудовичу и Завадовскому, малороссу по происхожденію.

[97]) Народныя выраженія, которыя Державинъ вводилъ нерѣдко въ свои оды и сатиры.

[98]) Подражаніе Горацію:

Beatus ille, qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis....

(Блаженъ, кто, свободный отъ дѣлъ, подобно первобытнымъ людямъ, обработываетъ на своихъ волахъ отцовское поле).

[99]) Торжество происходило въ домѣ Потемкина, въ присутствіи Императрицы, 1791 г. апрѣля 28. Въ Описаніи проза перемѣшивается съ стихами. Помѣщенные стихи относятся къ слѣдующему мѣсту: «Начался ужинъ. Порядокъ поставленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія. Всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилася освѣщенная гора съ приборами, услугою и гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стеклянные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться ея лицезрѣніемъ».

[100]) Написано въ память Потемкина (ум. 1791 г.), къ которому и относится вторая половина стихотворенія, начиная съ стиха: «Но кто тамъ идетъ по холмамъ». Первая же, не помѣщенная въ Хрестоматіи, отъ стиха: «Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ», имѣетъ предметомъ Румянцова-Задунайскаго. Начальныя семь строфъ описываютъ Кивачъ, водопадъ въ Олонецкой губ., въ 40 верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода. Онъ стремится съ высотъ между четырехъ гранитныхъ скалъ. Державинъ посѣщалъ его, бывши олонецкимъ губернаторомъ.

[101]) Въ сильную погоду по вѣтру слышно на водопадѣ дѣйствіе заводскихъ машинъ.

[102]) Державинъ приказалъ на высотахъ водопада срубить сосну и бросить ее въ стремленіе воды: въ нѣсколько минутъ выплыли одни обломки и щепы.

[103]) Кивачъ никогда не замерзаетъ.

[104]) Въ предъидущихъ трехъ строфахъ описаны свойства трехъ звѣрей. Волкъ изображаетъ злобу, которая отъ ужаса свирѣпѣетъ; лань—робость въ опасности; конь—гордость или честолюбіе, которое отъ препятствій раздражается и усиливается.

[105]) Потемкинъ умеръ на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. Тѣло его цѣлую ночь лежало на степи, покрытое плащемъ.

[106]) Гусаръ, бывшій при Потемкинѣ, положилъ ему на глаза двѣ денежки, чтобы закрыть ихъ.

[107]) Разумѣются намѣренія Потемкина: выгнать Турковъ изъ Европы, смирить Китайцевъ и установить торгъ съ Индіею. Они соотвѣтствовали видамъ Екатерины.

[108]) Уничтоженіе Запорожской Сѣчи и освобожденіе Крыма отъ Татаръ; заселеніе губерній Екатеринославской и Таврической; основаніе Черноморскаго флота, который угрожалъ Константинополю, подъ начальствомъ адмирала Ушакова.

[109]) Лавровый вѣнокъ изъ богатыхъ бриліантовъ, пожалованный Потемкину за побѣды. Булава—знакъ гетманства.

[110]) Изображеніе мира съ Турціей, предварительныя условія котораго подписаны 1 августа 1791 г. (Потемкинъ ум. 5 октября).

[111]) Виргилій.

[112]) При погребеніи принца Виртембергскаго, брата Императрицы Маріи Θеодоровны, скончавшагося въ арміи, Потемкинъ, выходя изъ церкви, такъ былъ тронутъ печальной церемоніей, что забылся и, вмѣсто своего экипажа, сѣлъ на погребальную колесницу.

[113]) Генералъ Вейсманъ, убитый въ первую турецкую войну за Дунаемъ и погребенный въ Измаилѣ, гдѣ 40 тысячъ гарнизона пали во время приступа Русскихъ, подъ начальствомъ Суворова.

[114]) Отъ пожаровъ, при взятіи крѣпостей и при пораженіи турецкаго флота, стояло на небѣ зарево въ видѣ огненныхъ столповъ.

[115]) Очаковъ взятъ 6 декабря въ такой жестокій морозъ, что замерзала кровь, текущая изъ ранъ.

[116]) Въ тихій лѣтній день виды въ водѣ облака, отъ чего и кажется, что рыбы какъ будто плаваютъ по небу.

[117]) Θерситъ (въ Иліадѣ Гомера).

[118]) Въ Олонецкой губ., образующая Кивачъ. Матерью водопадовъ названа по отношенію къ Императрицѣ, которая чрезъ

сильныхъ людей, ею возвышенныхъ, блистала и дѣлами и побѣдами.

[119]) Написана въ честь кн. Н. В. Репнина, который одержалъ побѣду надъ Турками при Мачинѣ.

[120]) Одна изъ лучшихъ сатиръ Державина. Первый видъ ея—«Ода на знатность» (Хрест. I, стр. 439). Сличеніе этихъ піесъ между собою покажетъ, какъ Державинъ черезъ 20 лѣтъ переработалъ начальный матеріалъ.

[121]) Отъ слова: «Перу».

[122]) Извѣстно, что Калигула далъ своей любимой лошади званіе консула.

[123]) Гжатскій купецъ, торговавшій въ Спб. пенькою. Пострадавъ отъ пожара, онъ объявилъ себя банкрутомъ и, для избѣжанія преслѣдованій отъ кредиторовъ, притворялся сумасшедшимъ: говорилъ, что Марокская принцесса въ него влюблена и прислала ему ордена. Кромѣ того онъ получалъ отъ нѣкоторыхъ насмѣшниковъ медали и разноцвѣтныя ленты, которыя тоже носилъ на себѣ.

[124]) Мозаика.

[125]) Предъидущіе три строфы относятся къ Потемкину.

[126]) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги Потемкину и былъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, былъ убитъ на дуели. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ Потемкину просить помощи.

[127]) Сильные люди отнимаютъ иногда у чиновниковъ возможность дѣйствовать по долгу ихъ званія. Авторъ извѣдалъ это на опытѣ.

[128]) Камиллъ, римскій консулъ и диктаторъ, когда отечество не имѣло въ немъ нужды, слагалъ съ себя это званіе и удалялся въ деревню. Державинъ сравниваетъ съ нимъ Румянцова-Задунайскаго, который, хотя и носилъ въ это время званіе фельдмаршала, но по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей ничѣмъ не начальствовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ.

[129]) Бюстъ Державина.

[130]) Ваятель, сдѣлавшій изъ мрамора бюстъ автора, съ непокрытой головой; второй бюстъ, въ шапкѣ и шубѣ, сдѣланъ съ портрета, писаннаго живописцемъ Тончи; третій—въ обыкновенной домашней одеждѣ, въ халатѣ и колпакѣ.

[131]) Когда Станиславъ Августъ подписалъ, на Гродненскомъ сеймѣ (1793), договоръ съ Россіею, по которому присоединялись къ ней древнія ея области: Волынская, Подольская и Минская, Екатерина выражала свою радость по случаю этого событія Державину. Державинъ отвѣчалъ ей: «Счастливы вы, Государыня, что у короля польскаго нѣтъ такихъ вельможъ, каковъ былъ Филаретъ; а если бъ былъ хотя одинъ, подобный ему, то договоръ не былъ бы подписанъ».

[132]) Статуя во весь ростъ Румянцова, сдѣланная Рашетомъ по заказу гр. П. В. Заводовскаго, поставлена была у него въ домѣ въ знакъ уваженія и благодарности къ полководцу. Завадовскій служилъ въ канцеляріи у Румянцова и писалъ реляціи, по которымъ Императрица узнала его. Это было основаніемъ его счастія.

[133]) Державинъ освободилъ около 1500 поселенцевъ, взятыхъ въ плѣнъ Киргизами; служа сенаторомъ, старался давать истинную цѣну слезамъ вдовъ и сиротъ; при торжествѣ мира съ Турками, читалъ у трона объявленіе объ этомъ событіи и о награжденіи отличившихся: слѣд. былъ органомъ благъ и мира.

[134]) Сличи съ указаніемъ достоинствъ Державина, какъ поэта, въ стихотвореніи: «Памятникъ» (Хрест. I, стр. 461).

[135]) Въ Царскосельскомъ саду, въ колоннадѣ, устроенной Камерономъ, между колоннами стояли бюсты знаменитыхъ мужей, между прочимъ Ломоносова и Сумарокова, по назначенію самой Императрицы.

[136]) Въ Камероновой колоннадѣ Екатерина II часто прогуливалась; здѣсь же давались и небольшіе балы для приближенныхъ ко Двору особъ.

[137]) Екатерина II сказала однажды при Державинѣ: «Я не желала бы умереть прежде, пока не выгонимъ Турокъ изъ Европы, т. е. пока не доступимъ средины міра, не учредимъ торга съ Индіею, не соберемъ золота съ Гангеса и не усмиримъ гордыню Китая».

[138]) Ришелье.

[139]) Разсказываютъ, что когда Петръ I былъ въ Парижѣ, то, увидѣвъ бюстъ Ришелье, обнялъ его и сказалъ: «Великій мужъ, еслибъ ты былъ у меня, я отдалъ бы тебѣ половину моего царства съ тѣмъ, чтобы ты научилъ меня править другою».

[140]) И. И. Шувалова и гр. Безбородко.

[141]) Относится къ Шувалову.

[142]) Сличи со стихами о кратковременности жизни въ «Одѣ на смерть кн. Мещерскаго».

[143]) Кн. П. А. Зубовъ, обѣщавшій пріѣхать, но незадолго передъ обѣдомъ приславшій сказать, что не можетъ быть: послѣдняя строфа относится къ нему.

[144]) Эту мысль трудно согласить съ роскошнымъ обѣдомъ, описаннымъ въ первой строфѣ.

[145]) Подражаніе одѣ Горація: «Мельпо-

менѣ» (кн. III, ода 30). Многіе наши стихотворцы переводили ее. Пушкинъ также подражалъ ей, въ піесѣ «Памятникъ». Любопытно сличить эти три стихотворенія (Горація, Державина и Пушкина), чтобы видѣть, что именно каждый поэтъ признавалъ въ своей дѣятельности заслуживающимъ безсмертія. Горацій говоритъ о себѣ слѣдующее (по переводу Фета):

Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый—
Что изъ ничтожности былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи.

«Ауфидъ»—рѣка въ Апуліи, родинѣ Горація; «Давнъ»— первый царь Апуліи; «Эолійскій голосъ»—Горацій первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.—«Памятникъ», Пушкина, см. во 2 ч. Хрестоматіи.

[146]) Сочинено по случаю успѣховъ, одержанныхъ, 1807 г., надъ Французами легкими войсками нашими подъ командою Платова, атамана донскихъ казаковъ. Піеса эта весьма замѣчательна бойкимъ, народнымъ складомъ рѣчи, заимствованнымъ изъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ. Жуковскій подражалъ ей, изображая подвиги Платова («Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ»).

[147]) Платовъ прославился въ войнѣ съ Французами, 1807 г.

[148]) Казаки дѣлаютъ разныя замѣчанія о движеніи непріятеля по полету птицъ, по направленію дыма, по эху, звѣздамъ, и пр.

[149]) По тусклости или свѣтлости золотой монеты казаки узнаютъ, какова будетъ погода, и сообразно тому ставятъ караулъ. Когда отводный или часовой завидитъ непріятеля, то вертится на конѣ по солнцу или противъ солнца, давая тѣмъ знать, далеко ль или близко непріятель, въ большомъ или маломъ числѣ. Ертаулъ—авангардъ легкихъ войскъ.

[150]) Фазанами называетъ авторъ Французовъ, намекая на ихъ тщеславіе.

[151]) Гербы вмѣсто народовъ: левъ—Шведы, луна—Турки, солнце—Персіяне.

[152]) Геркулесъ убилъ вепря эриманѳскаго, подъ которымъ Державинъ разумѣетъ здѣсь непріятеля, всю зиму стоявшаго въ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ защитою артиллеріи.

[153]) Въ этой строфѣ указаны недостатки, бывшіе въ то время въ русской арміи, о которыхъ Императоръ писалъ военному министру Вязмитинову, и за что многіе провіантскіе и коммиссаріатскіе чиновники подпали взысканію.

[154]) Змѣя Горынича (въ народной былинѣ).

[155]) Суворовъ,такъ иногда являвшійся передъ войскомъ.

[156]) Фантастическое существо, живущее среди пламени, какъ сильфы живутъ въ воздухѣ, а гномы подъ землею.

[157]) Торока—ремни у задней сѣдельной луки.

[158]) При Ольгѣ, сжегшей древлянскій городъ Коростень.

[159]) При Олегѣ, подступившемъ такимъ образомъ, по преданію, къ Царьграду.

[160]) Въ смутное время, одинъ изъ самозванцевъ засѣлъ въ Тулѣ и такъ укрѣпился, что невозможно было захватить его: тогда запрудили рѣку, которая, затопивъ городъ, заставила самозванца бѣжать изъ него.

[161]) При Владимірѣ, Печенѣги, осадивъ Бѣлгородъ, думали, что онъ отъ голода сдастся. Жители, по совѣту одного старца, прибѣгли къ хитрости: насыпали въ колодцы ржаной и овсяной муки и увѣрили непріятеля, что у нихъ неистощимый запасъ хлѣба. Тогда Печенѣги отступили. (Полн. Собр. Лѣтоп., V, 123—124).

[162]) Патр. Филаретъ, вмѣстѣ съ другими послами, долгое время томился въ Польшѣ въ подземной темницѣ.

[163]) Напеч. въ первый разъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1807 г., С. Глинки, подъ заглавіемъ: «Евгенію. Жизнь Званская». Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевскій, извѣстный своими историческими трудами, былъ съ 1804 по 1808 г. епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ. Онъ часто посѣщалъ Державина лѣтомъ, въ имѣніи его Званкѣ (Новг. губ.). Между ними велась переписка.

[164]) Барашекъ—бекасъ.

[165]) Желна—птица изъ породы дятловъ.

[166]) Чай или кофе.

[167]) Журналъ: Русскій Вѣстникъ.

[168]) Вторая супруга Державина — урожденная Дьякова, которую онъ въ стихотвореніяхъ своихъ называлъ Миленою.

[169]) Вм. гамъ—шумъ.

[170]) Переводъ слова: фортепьяно.

[171]) Война съ Французами за Пруссію.

[172]) Прейсишъ—Эйлау.

[173]) Въ Званкѣ, неподалеку отъ дома Державина, находился курганъ, подобный многимъ другимъ, въ тѣхъ мѣстахъ разсѣяннымъ. Курганы эти, по открываемымъ въ нихъ остаткамъ костей человѣческихъ, означаютъ могилы людей знаменитыхъ, витязей древнихъ битвъ. По преданію одинъ

изъ новгородскихъ вождей почитался волхвомъ, который имѣлъ способность превращаться въ крокодила и другихъ чудовищъ и губилъ людей, плывшихъ по рѣкѣ и по озеру Ильменю.

[174]) «Шепчешь», какъ тихій «громъ»—неправильное соединеніе двухъ дѣйствій.

[175]) Сознаніе поэтическаго своего достоинства, полнѣе выраженное въ «Памятникѣ».

LXVII.

КОСТРОВЪ. (1).

А. *Изъ оды на открытіе губерніи въ Москвѣ (1782).* (2).

Раждають мудрые законы
Спокойство, миръ и тишину;
Оливой осѣняютъ троны,
Ведутъ съ зефирами весну:
Отъ нихъ прохладны росы льются
И дружества вѣнцы плетутся;
Течетъ согласіе въ сердца;
Мятежъ, насиліе, раздоры
Во мракъ свои скрываютъ взоры
Отъ ихъ пресвѣтлаго лица.

Не внѣшній сопостатъ ужасенъ,
Коль твердъ исчадіями домъ;
Но врагъ имъ внутренній опасенъ:
Онъ мещетъ тайный въ злобѣ громъ.
Ловецъ спокоенъ, безмятеженъ,
На лукъ и мѣткость стрѣлъ надеженъ,
Идетъ въ лѣса противъ звѣрей;
Но долженъ часто озираться,
Блюстись и мудро удаляться
Отъ скрытыхъ подъ травою змѣй.

Источникъ радостей обильныхъ,
Царица мыслей и сердецъ,
Владычица народовъ сильныхъ,
Носяща мудрости вѣнецъ!
Тобой начертанны скрижали
Твердыни крѣпки основали.
Что можетъ злобный врагъ успѣть?
Побѣдой мудрость вознесется,
Надменный во стезяхъ преткнется,
Падетъ въ свою коварство сѣть.

Се холмъ высокъ и возвеличенъ
И твердъ отъ низу до высотъ,
Древесъ обиліемъ отличенъ
И токами кристальныхъ водъ;
Къ нему стремятся вихри яры,
Летятъ громовые удары:
Но онъ съ кремнистыя главы
Ихъ бурну ярость презираетъ
И грозны тучи отражаетъ.
Богиня! Россы таковы (3).

Но опытъ намъ вѣщаетъ ясно:
Законъ безъ вѣрныхъ стражей слабъ,
Его прещенье тѣмъ опасно,
Кто бѣденъ, беззащитенъ, рабъ.
Чтобъ зла сего изъять отравы
И чтобъ суды явились правы,
Минерва показала путь:
Она отъ скиніи Ѳемиды
Женетъ творящихъ злы обиды,
Женетъ клятвопреступну грудь.

О вы, что истины священной
Избранны присидѣть стопамъ,
Я голосъ лиры восхищенной
Въ восторгѣ обращаю къ вамъ!
Не отъимите гладнымъ пищу,
Судите правдой сиру, нищу,
Не презрите вдовицы слезъ;
Ни санъ, ни блески пышной чести,
Ни лучъ сребра, ни хитры лести
Да вашихъ не затмятъ очесъ.

Екатеринино избранье
Чрезъ то потщитесь оправдать,

На вашу ревность упованье
Не ложнымъ тщитесь показать;
Какъ воды рѣкъ въ моря катятся,
Къ блаженству Россовъ такъ стремятся
Пусть ваши мысли, сердце, духъ.
Тогда пожнете сладки класы,
И благодарны купно гласы
Во кроткій вашъ прострутся слухъ.

Огня первоначальна сыне,
О солнце! удержи свой бѣгъ.
Что клонишься морей къ пучинѣ,
Гдѣ шумныхъ волнъ хребетъ возлегъ?
Но запада отверзлись двери,
Тебя морей срѣтаютъ дщери;
Нептуна озаряетъ свѣтъ;
Тритоны радости сугубятъ,
Въ зеленый рогъ семькратно трубятъ
Величество царя планетъ (4).

Почилъ, и любопытны волны
Приблизиться къ тебѣ спѣшатъ,
Да, радости и страха полны,
На красоту твою воззрятъ:
Трепещущи главы подъемлютъ,
Въ тебѣ валамъ горящитъ внемлютъ
И Божества зерцало чтутъ;
Веселье зря въ лицѣ священно,
Москвы отрадой впечатлѣнно,
Благоговѣя вспять текутъ (5).

Почій въ величествѣ и мирѣ,
Чтобъ вновь прехвальный путь начать!
И пусть сестра твоя въ порфирѣ
Изыдетъ смертныхъ осѣнять.
Но се, она уже восходитъ
И Нимфъ прелестныхъ ликъ изводитъ,
Кротка, блистательна, скромна;
Средь осени, какъ будто лѣтомъ,
Дѣвическимъ сіяетъ свѣтомъ,
Великолѣпна и нѣжна (6).

Сестра огнеобразна Феба,
Ты съ нимъ блаженство раздѣляй,
И по чредѣ съ высока неба
На росски торжества взирай!
Ты видишь огненные блески
И слышишь радостные плески;
Но вникни въ нашу грудь лучемъ:
Ты узришь алтари и храмы,
Возженны узришь ѳиміамы
Священнымъ кротости огнемъ (7).

в. Иліада (1787). (8).

Единоборство Менелая съ Парисомъ (9).

Улиссъ со Гекторомъ измѣрить мѣсто тщатся,
Гдѣ два противника между собой сразятся;
По семъ, ихъ жребія въ шлемъ мѣдный положивъ,
Трясутъ, дабы изъявъ, увидѣть кто счастливъ,
Дабы ему врага копьемъ разити прежде;
Народы же межъ тѣмъ во страхѣ и надеждѣ,
Воздѣвши длани ввыспрь, мольбы ліютъ къ богамъ;
Единъ несется гласъ по воинскимъ рядамъ:
«О покланяемый на Идѣ Зевсъ державный,
Безсмертный, вѣчный царь, въ величествѣ преславный!
Да снидетъ въ мрачный адъ, противникомъ сраженъ,
Злодѣй, кѣмъ страшный огнь войны сея возженъ,
И кто низвергъ Троянъ и Грековъ въ бѣдства слезны,
А мы да заключимъ союзъ и миръ любезный».
Рекли—но Гекторъ шлемъ великій сотрясалъ,
Се братній жребій онъ, взирая вспять, изъялъ.
Тогда всѣ ратники въ строяхъ своихъ возсѣли,
Коней, оружія вблизи себя имѣли.
Еленинъ же супругъ, божественный Паридъ,

Уже оружіемъ покрыть себя спѣшитъ;
Вначалѣ сапоги на ноги надѣваетъ,
И сребряными ихъ застежками скрѣпляетъ;
И Ликаоновой онъ братнею броней
Вооружаетъ грудь для крѣпости своей;
Она сразмѣрна, въ ней онъ движась, испытуетъ,
Потомъ себя мечемъ драгимъ препоясуетъ,
Пріемлетъ въ шуйцу щитъ, преграду страшныхъ силъ,
Главу же лѣпую прекрѣпкій шлемъ покрылъ,
На коемъ конскій хвостъ колеблясь сотрясался:
Въ героѣ гордый видъ тѣмъ вящше умножался,
Десница тяжкое вращаетъ копіе,
Велико, но во всемъ способно для нее.
Подобно Менелай, вооруженъ ко брани,
Готовъ является вознесть геройски длани.
И се они текутъ двухъ воинствъ на среду,
Лія отъ взоровъ огнь и пламенну вражду;
Всѣхъ зрящихъ въ хладный страхъ и ужасъ приводили,
И въ мѣсто, къ подвигу назначенно, вступили;
Трясутся копья ихъ, въ очахъ же гнѣвъ горитъ.
Паридъ копье свое въ противну грудь стремитъ:
Летитъ оно во щитъ, щита не проницаетъ;
Мѣдь тверда остріе копейно отражаетъ.
Но Менелай, стремясь копьемъ разить его,
Вознесъ къ Зевесу гласъ моленія сего:
«Державный царь! мнѣ даждь низринуть въ адъ Парида!
Отмстится пусть мое безчестіе, обида,
Дабы и въ поздній родъ страшился всякъ дерзать
Гостепріимцу зло за дружбу воздавать».
Скончалъ—и копіе изъ рукъ его пустилось,
Пробивши крѣпкій щитъ, въ броню, жужжа, вонзилось,
Близь ребръ Паридовыхъ хитонъ разсѣкло бѣлъ;
Паридъ, уклоншися, пребылъ безвреденъ, цѣлъ;
Но Менелай, свой мечъ извлекши въ гнѣвъ яромъ,
Вознесъ надъ шлемъ врага, и мстительнымъ ударомъ
Разитъ, но мечъ, о шлемъ сокрушись, въ части палъ;
Герой, на небо зря, вздыхая, вопіялъ:
«Зевесъ! нѣтъ божества, какъ ты, немилосерда:
Мнѣ злость врага карать была надежда тверда;
Но се мой грозный мечъ на части раздробленъ,
Се тщетно копіе, Паридъ несокрушенъ».
Онъ рекъ, и, устремясь поспѣшною стопою,
Схватилъ врага за шлемъ безтрепетной рукою,
Влечетъ къ своимъ полкамъ, не ослабляя длань,
Въ Паридѣ духъ тѣснитъ и нѣжну жметъ гортань,
Искуснымъ швеніемъ блестящъ ремень жестокій,
Чѣмъ подъ браду скрѣпленъ былъ шлемъ его высокій,
Влечетъ; не медля бы пріялъ безсмертну честь,
Но дщерь царя боговъ, Венера, видя месть,
Спѣшитъ къ наперснику и рветъ ремень воловой;
Шлемъ праздный слѣдуетъ за дланію суровой;
Герой его сотрясъ и ринулъ въ дружню рать,
Клевреты же спѣшатъ корысть сію поднять;

Онъ ринулъ, и летитъ, питая гнѣвну злобу,
Да погрузитъ копье въ Паридову утробу;
Но сей Венерою отъ смерти вмигъ отъятъ,
Зане безсмертные преградъ ни въ чемъ не зрятъ;
Она подъ мглой его ввела въ чертогъ пріятный.

В. ОССІАНЪ, СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ (1792). ([10]).

Бой Сварана съ Фингаломъ. Повѣсть о Локлинскомъ вождѣ Орлѣ ([11]).

Кто сей толико ужасный, толико стремительный въ теченіи своемъ ратоборецъ?

Кто, кромѣ сына Старнова, дерзнетъ летѣть во срѣтеніе владыкѣ Морвенскому? Взирай на противоборствіе сихъ вождей. Таковы сражаются на океанѣ два духа и спорятъ, кто изъ нихъ долженъ возвышать его волны. Звѣроловецъ, стоящъ на холмѣ, слышитъ звуки ихъ усилій; онъ видитъ, волны подъемлются и стремятся ко брегамъ Арвена. Тако вѣщалъ Конналъ ([12]), когда два героя сближились посреди своихъ ратниковъ, упадающихъ на всѣ страны ([13]). Въ семъ ужасѣ, въ семъ кровопролитіи внемлются звуки паденія оружій и удвоенныхъ ударовъ. Ужасно противоборствіе двухъ вождей; ужасны очей ихъ взоры; щиты ихъ разрушаются, и сталь ихъ шлемовъ летитъ раздробленна въ мелкія части; они повергаютъ рукояти своихъ оружій, и каждый стремится схватиться за тѣло своего противника; жилистыя руки ихъ сплетаются; они объемлются, они влекутъ къ себѣ другъ друга, колеблясь на десную и на шуюю страну; въ сей кровопролитной борьбѣ твердыя ихъ жилы напрягаются и распростираются. Но когда уже пламенное свирѣпство ихъ воскрилило и напрягло всѣ ихъ силы и крѣпость, тогда колеблемый отъ ихъ усилій холмъ потрясся и вострепеталъ отъ основанія до высоты своей. Наконецъ Сваранъ изнемогаетъ: онъ палъ, и надменный Локлинскій владыка связуется узами.

Тако зрѣлъ я на высотѣ Коны ([14]), сей Коны, которыя очи мои уже не видятъ, тако зрѣлъ я два холма отторженные отъ своихъ основаній наглостію бурнаго и стремительнаго источника; они, тяжестію своею склоняясь другъ ко другу, сближаются; древа ихъ касаются въ воздухѣ своими верхами; вдругъ оба они упадаютъ и, катясь, влекутъ съ собою свои древеса и камни; теченіе рѣкъ премѣняется, и багровыя развалины обрушенной ихъ земли издалече еще поражаютъ взоръ путешественника.

Чада владыки Морвенскаго, рѣкъ Фингалъ, стрегите вождя Локлинскаго, зане крѣпость его есть крѣпость тысящи разъяренныхъ волнъ; его мышца научена на брань; онъ облеченъ во все мужество древнихъ героевъ своего племени. Храбрый Галлъ, и ты, Оссіанъ, сопутствуйте брату Агандеки ([15]), и вселяйте радость въ унылую душу его. Но вы, Оскаръ, Филланъ и любезный Рино ([16]), вы стремитесь во слѣдъ разсѣянныхъ чадъ Локлинскихъ: да ни единъ ихъ корабль не дерзнетъ впредь уничижать морей нашихъ. Онъ рекъ — они воздвинулись, и летятъ яко молнія. Фингалъ шествуетъ за ними тихими стопами, подобенъ облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ перуны, когда поля и долины безмолвствуютъ, опаляемы зноемъ лѣтнимъ. Его мечъ блистаетъ предъ его взоромъ. Онъ видитъ одного изъ вождей Локлинскихъ и вѣщаетъ ему: кто сей ратникъ, зримый мною и опершійся о твердый камень? Онъ не можетъ перескочить источника: его станъ и видъ являютъ въ немъ героя, щитъ его при немъ, и его копіе возвышается яко пустынное древо.

Храбрый юноша, сподвижникъ ли ты мнѣ, или одинъ отъ сопостатъ Фингала?

— Я сынъ странъ Локлинскихъ, возопилъ воитель, и моя десница крѣпка. Супруга моя рыдаетъ въ моихъ чертогахъ, но мужественный Орла никогда въ нихъ не возвратится.

— Покоряешься ты власти моей, или хочешь противоборствовать? рекъ Фингалъ. Сопостаты не торжествуютъ предъ лицемъ моимъ, и [17] друзья мои прославляются въ моихъ чертогахъ. Юный пришлецъ, сопутствуй мнѣ, и гряди участвовать въ торжественныхъ моихъ пиршествахъ; гряди поражать быстротечныхъ сернъ въ моихъ пустыняхъ.

— Да не будетъ, вѣщаетъ герой, я защитникъ слабыхъ; моя крѣпость всегда готова на помощь изнемогающаго. Мечъ мой еще не срѣталъ себѣ равнаго: да уступитъ мнѣ владыка Морвена.

— Вѣдай, храбрый Орла, никогда Фингалъ, никогда не покорялся смертному. Извлеки твой мечъ, избирай себѣ сопостата изъ моихъ бранноносцевъ.

— Но владыка ихъ или не хочетъ противостать мнѣ? рѣкъ мужественный Орла; одинъ Фингалъ во всемъ племени своемъ, одинъ Фингалъ достоинъ противоборствовать Орлѣ.

Но внемли, сильный царь Морвена, если паду пораженъ тобою, зане и мужественный долженъ нѣкогда погибнуть, воздвигни мнѣ гробъ посреди Лены, возвысь его, да царствуетъ онъ надъ всѣми прочими. Мечъ Орлы возврати чрезъ пространство морей нѣжной его супругѣ, чтобъ, орошаема слезами, могла она показать его моему сыну и воспламенить въ сердцѣ его любовь ко брани.

— Несчастный юноша, рекъ Фингалъ, для чего печальною сею бесѣдою обновляешь ты мою горесть? Такъ, предписано время, чтобъ низвергались во гробъ и сильные, и чтобъ юныя чада ихъ взирали на праздное ихъ оружіе, висящее на стѣнахъ ихъ чертоговъ; но твои желанія, Орла, совершатся. Я возвышу тебѣ гробъ, мечъ твой будетъ орошенъ слезами нѣжной твоей супруги.

Они сражаются, но мышца Орлы уже изнемогла; мечъ Фингаловъ спускается и разсѣкаетъ на полы щитъ его. Раздробленная сталь летитъ и блистаетъ на земли, подобно лунѣ, сіяющей во время ночи надъ струями источника.

Владыка Морвена, рекъ герой, возвысь твой мечъ и пронзи грудь мою. Уязвленъ во брани, остался я здѣсь безсиленъ и забвенъ отъ всѣхъ друзей моихъ; скоро, скоро печальная вѣсть о смерти моей разнесется на брегахъ Лоды, и притечетъ къ моей возлюбленной въ тѣ часы, когда уединенна странствуетъ она въ густыхъ рощахъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морвенскій владыка, ты никогда не будешь пронзенъ мечемъ моимъ: я хочу, да нѣжная твоя супруга еще увидитъ тебя на брегахъ Лоды, избѣгша отъ рукъ смертоносной брани; я хочу, да почтенный твой родитель, который старостію лишенъ уже, можетъ быть, зрѣнія, хотя услышитъ голосъ твой въ своемъ жилищѣ.... Онъ востанетъ, исполненъ радости, и его заблуждающія руки будутъ искать Орлу, чтобъ осязать его съ веселіемъ.

— Они уже вѣчно его не осяжутъ, Фингалъ! я умру на поляхъ Лены; иноплеменные барды будутъ о мнѣ бесѣдовать; широкій мой поясъ скрываетъ глубокую и смертную язву; виждь, я его отторгаю отъ персей моихъ и повергаю на воздухъ.

Черная кровь, кипя и пѣнясь, стремится изъ ребръ его. Онъ истощается, блѣднѣетъ, упадаетъ, и Фингалъ, тронутый сожалѣніемъ, уклоняется къ умирающему герою. Онъ призываетъ своихъ юныхъ ратниковъ: Оскаръ, Филланъ, любезныя мои чада, воздвигните гробъ мужественному Орлѣ; онъ почіетъ на

семъ полѣ, удаленъ отъ пріятнаго журчанія Бады, удаленъ отъ несчастной своей супруги; нѣкогда слабые ратники увидятъ лукъ его, висящій въ его чертогахъ; они потщатся его напрягать, но тщетно; вѣрные псы его воютъ на холмахъ печально; дикіе звѣри, бѣжавшіе прежде отъ стрѣлъ его, радуются о его смерти: уже онъ бездыханенъ, уже безоружна сія крѣпкая мышца браней, первый изъ мужественныхъ уже въ объятіяхъ смерти!

¹) Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, сынъ государственнаго крестьянина вятской губ., род. въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, учился сперва въ вятской семинаріи, потомъ въ московской славяно-греко-латинской академіи и наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Ум. 1796. Костровъ былъ привиллегированнымъ, оффиціальнымъ поэтомъ москов. университета, отъ имени котораго писалъ стихотворенія на замѣчательныя событія. Сочиненія и переводы его имѣли два изданія, оба неполныя: первое—1802, въ 2 ч., второе 1849 (въ Смирд. изд. русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Аблесимова). Переводы его, въ стихахъ — Тактика, изъ сочиненій Вольтера (1779), Эльвирь, соч. Арно (1779), восемь съ половиною пѣсенъ Иліады, изъ которыхъ первыя шесть напечатаны особою книгой (1787 г.), а остальныя, найденныя по смерти переводчика, въ 14 и 15 №№ Вѣст. Евр. 1811 г.; въ прозѣ: поэма Зенотемисъ, соч. Арно (нап. вмѣстѣ съ поэмой Эльвирь 1779), Превращеніе или золотой оселъ, Апулея (1780—81), Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка: Гальскія стихотворенія (1792). (Подробности см. въ ст. моей о сочин. Кострова и Аблесимова, Отеч. Зап. 1851, № 9).

²) «Полное собраніе всѣхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ г. Кострова, 2 ч. Спб. 1802». Оды Кострова, по направленію и формѣ, принадлежатъ къ отдѣлу Ломоносовской лирики. Если есть въ нихъ какое нибудь отличіе отъ однородныхъ піесъ Ломоносова, Сумарокова, Петрова и другихъ, то оно объясняется вліяніемъ Апулеева романа (особенно басни о Психеѣ) и Оссіановыхъ стихотвореній, и состоитъ въ томъ, что Костровъ по мѣстамъ вводилъ въ нихъ элементъ идиллическій или эротическій, на ряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Минервы, Аполлона ставилъ образы нѣжныхъ миѳологическихъ существъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Грацій, Нимфъ, Нереидъ и пр.

³) Подражаніе Оссіану, гдѣ Фингалъ и другіе вожди уподобляются высокому холму.

⁴ и ⁵) Заимствовано изъ Оссіана. Бардъ Уллинъ такъ пѣлъ при возвращеніи Фингала съ брани Конской: «Златовласый тверди сыне! и тако оставилъ ты уже лазоревыя поля небесъ? Западъ отверзъ тебѣ врата своя. Тамо сооруженъ великолѣпный твой одръ, на которомъ ты покоишься. Волны океана приближаются, чтобъ взирать на твою красоту; онѣ подъемлютъ свои трепещущія главы, и зря тебя, исполнена величества въ самыхъ объятіяхъ сна, убѣгаютъ вспять съ благоговѣніемъ. Покойся въ ночномъ твоемъ убѣжищѣ, о солнце! чтобъ съ радостію обновить свое блистательное теченіе» (въ переводѣ Кострова, I, 257—258).

⁶ и ⁷) Описаніе луны также служитъ примѣромъ болѣе нѣжнаго элемента, введеннаго въ похвальную оду.

⁸) «Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ. Во градѣ С. Петра. 1787». Переводъ посвященъ Екатеринѣ II. Посвятительные стихи касаются видовъ ея на Грецію. Гомеръ, пишетъ Костровъ, еще въ древности изобразилъ торжество сѣвера надъ югомъ; въ наше время Россія увидѣла героевъ, устремившихся на Стамбулъ и Крымъ; русскій флагъ надъ Геллеспонтомъ есть ужасъ варварамъ, а Грекамъ-источникъ благъ. Въ концѣ обращеніе къ Гомеру:

О Россахъ истинно предчувствіе твое:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіе.

См. еще прим. 1.

⁹) Изъ 3-ей пѣсни.

¹⁰) «Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка: гальскія (иначе эрскія, или ирландскія) стихотворенія. Переведены съ французскаго Е. Костровымъ. 2 ч. (1792)». Второе изданіе—1818. Вопросъ объ Оссіанѣ приведенъ теперь въ ясность: пѣсни его суть не что иное, какъ сочиненія англичанина Макферсона, который написалъ ихъ въ духѣ ирландскихъ сагъ и народныхъ пѣсенъ и выдалъ 1760 г. за открытые имъ поэтическіе памятники древняго барда. Французскій переводъ (1777) этихъ подложныхъ пѣсенъ принадлежитъ Летурнеру, познакомившему своихъ соотечественниковъ съ Шекспиромъ, Юнгомъ, Ричардсономъ и другими англійскими писателями, въ то время, когда еще господствовали стѣснительныя теоріи псевдокласицизма. Этотъ-то переводъ передалъ Кост-

ровъ слишкомъ буквально, посвятивъ свой трудъ Суворову, который на стихотворное его посланіе отвѣчалъ также стихами. Суворовъ любилъ читать Оссіана, и Державинъ въ двухъ одахъ: «на переходъ чрезъ Альпійскія горы» и «на побѣды въ Италіи», старался подражать Оссіановскому тону. См. въ послѣдней піесѣ стихи:

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка, щитъ, и пр.

Другіе стихотворцы черпали нерѣдко сюжеты изъ того же источника: въ трагедіи Озерова: «Фингалъ», многія пѣсни бардовъ взяты изъ Оссіана; Капнистъ переложилъ «Гимнъ къ солнцу слѣпаго старца Оссіана»; единоборство Мехмета-Кула съ Ермакомъ, И. Дмитріева (въ піесѣ: «Ермакъ»), есть подражаніе единоборству Сварана, сына Старнова, съ Фингаломъ. Пѣсни Оссіана состоятъ изъ нѣсколькихъ поэмъ. Главный герой ихъ — Фингалъ, «Ахиллъ сѣверныхъ странъ». Первая поэма, называемая его именемъ, заключаетъ въ себѣ шесть пѣсенъ. Дѣйствію ея предшествовали слѣдующія событія: Арто, царь ирландскій, умеръ въ дворцѣ своемъ Теморѣ, оставивъ по себѣ малолѣтняго сына Кормака. Племена собралось для выбора наслѣднику попечителя. Выборъ палъ на Кушуллина, сына Само, владѣтеля Гебридскихъ островов. Едва вступилъ онъ въ управленіе, какъ получаетъ извѣстіе, что Сваранъ, царь локлинскій (въ Скандинавіи), угрожаетъ высадкой на берега Ирландіи. Кушуллинъ отправляетъ одного изъ вождей, Морана, просить помощи у Фингала, царствовавшаго надъ Каледонянами, которые обитали въ сѣверо-западной части Шотландіи. Фингалъ отправляется на помощь, но прежде его прибытія Сваранъ уже приближается къ ирландской провинціи Ульстеру. Кушуллинъ устроиваетъ въ боевой порядокъ лучшія войска свои подъ стѣнами Туры; сторожевые отряды его наблюдаютъ за непріятелемъ вдоль берега. Отсюда начинается дѣйствіе, которое продолжается пятеро сутокъ и происходитъ на поляхъ Лены, близъ горы Кромлы, на берегу Ульстера. Фингалъ, отецъ Оссіана и царь морвенскій (Морвена—цѣпь высокихъ горъ) есть герой поэмы.

[11]) Изъ 5-ой пѣсни.

[12]) Другъ Кушуллина, владѣтель Тогормы (одного изъ островов Гебридскихъ).

[13]) Tombant de toutes parts.

[14]) Небольшая рѣка.

[15]) Агандека, сестра Сварана, дочь Старна.

[16]) Галлъ, Оскаръ, Филланъ, Рино—вожди, пришедшіе съ Фингаломъ. Оссіанъ—сынъ его.

[17]) Но (et).

LXVIII.

В. И. МАЙКОВЪ. [1].

ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХЪ (1775). [2].

Разсказъ Елисея о битвѣ Зимогорцевъ съ Валдайцами за сѣнокосъ.

Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали,
По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали,
Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ;
Настало время намъ идти на сѣнокосъ.
А наши пажити, какъ всѣмъ сіе извѣстно,
Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно;
Ихъ некому развесть опричь межевщика;
Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука;
И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
Вотъ вся вина была къ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день, пошли мы на луга,
И взяли молока, яицъ и творога,
Обременилися со квасомъ бураками,
Блинами, ситными, виномъ, крупениками;
Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ,
Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:

Стоятъ съ оружіемъ тамъ гордые Валдайцы.
Мы дрогнули и всѣ побѣгли яко зайцы,
Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья—
Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ;
Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ;
Начальникъ нашея Ямскія слободы,
Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
Лишь собралъ, взялъ перо, бумагу имъ мараетъ;
Хоть не былъ онъ Французъ и не былъ также Грекъ,
Онъ Русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ,
И былъ коришневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
Тогда какъ нашу боль ужъ чувствуетъ спина
Отъ ниспаденія къ намъ каменнаго града.
И можноль, чтобъ была при писарѣ Паллада!
Онъ пишетъ имена, а насъ Валдайцы бьютъ;
Старухи по избамъ на небо вопіютъ;
Ребята малые, всѣ дѣвки, бабы, куры
Забились подъ печи и спрятались въ конуры.
Мы видимъ, что не быть письму его конца,
Не стали слушаться мы болѣе писца,
Какъ вихри ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
И, ощетинясь, кучею ко брани устремились!
Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать,
Валдайцамъ лишь одно спасеніе бѣжать.
Однако противъ насъ стоятъ они упорно
И дѣйствуютъ своимъ дреколіемъ проворно.
Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь:
Летятъ съ обѣихъ странъ на насъ каменья, грязь,
Неистовыхъ людей военные снаряды;
Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады.
Но наши такъ стоятъ, какъ твердая стѣна.
Прости, что я теперь напомню имена,
Которыя сюда вносить хотя бъ не кстати,
Однако безъ нихъ не льзя бъ побѣды одержати;
Хотя бы нашъ писецъ еще мудрѣе былъ,
Не онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
Которую сама мы кольемъ раздробили.
Ужъ мы каменьями другъ друга больно били,
Какъ первый Стенька нашъ, ужасный озорникъ,
(Хотя не взраченъ онъ, но сильный былъ мужикъ),
Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился
И въ кучу толстую къ Валдайцамъ проломился:
Біетъ уразиной ([3]), возсталъ межъ ними крикъ,
А Стенька дѣйствуетъ надъ ними какъ мясникъ;
Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
Гдѣ рѣзвый на него Валдаецъ наскочилъ
И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ;
Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи,
Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи,
И превознесся тѣмъ надъ всею онъ ордой:
Онъ началъ битвою, а кончилъ шахардой ([4]).

Но шутка такова окончилась бѣдою:
Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
Племянникъ Степкинъ, взявъ Валдайца за кушакъ,
И тропнулъ о землю сего героя такъ,
Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ какъ площадку;
Съ тѣхъ поръ онъ на носъ свой кладетъ всегда заплатку.
И се увидѣли мы всѣ тогда вдали —
Несется человѣкъ замаранъ весь въ пыли;
То былъ прегордый самъ Валдайцевъ предводитель,
Сей скотъ былъ нашему подобный управитель;
Свирѣпствуя на насъ, во внутреннемъ огнѣ,
Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ.
Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
Окончатъ общій бой одни между собою;
Всѣ смотримъ, всѣ стонимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ:
Уже съѣзжаются герои на коняхъ.
Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:
Они не билися, но только побранились,
Оставя кончить бой единымъ только намъ;
Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
Межъ тѣмъ ужъ солнышко, коль хочешь это вѣдать,
Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать;
И если бы не бой проклятый захватилъ,
Я, можетъ быть, куска бъ ужъ два-три проглотилъ:
Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
Не шли на умъ мнѣ щи, ниже крутая каша.
Когда начальниковъ лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели:
Не стало между всѣхъ порядка никакова,
И съ тѣмъ не стало вдругъ большова ни меньшова,
Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны.

Вдругъ братъ мой въ помощь намъ какъ ястребъ налетѣлъ,
Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
Но не поставь мнѣ въ ложь, что я скажу о братѣ:
Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.
Уже онъ близь часа Валдайцевъ поражалъ,
И словомъ, отъ него тамъ каждый прочь бѣжалъ,
Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился;
Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился;
Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ
И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
И тако братецъ мой возлюбленный Илюха
Пришелъ на брань съ ушьми, а прочь пошелъ безъ уха;
Тащится какъ свинья, совсѣмъ окровавленъ,
Изъѣденъ, оборванъ, а пуще осрамленъ:
Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата:
Лишился уха онъ, а я лишился брата!
Съ тѣхъ поръ за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію:
Когда онъ былъ еще съ обоими ушами,
Тогда онъ трогался несчастливыхъ словами;
А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена,
И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: на!
А «дай», — сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ,

И лѣвымъ ухомъ просьбъ ни чьихъ онъ не пріемлетъ:
Въ пустомъ колодезѣ не скоро найдешь кладъ,
А мнѣ безъ этаго не надобенъ я братъ.

(¹) Майковъ, Василій Ивановичъ (у. 1778), пріобрѣлъ извѣстность преимущественно комическими поэмами, пародіями на поэмы героическія, написанными въ Скарроновскомъ духѣ. Этихъ поэмъ двѣ: «Игрокъ Ломбера», въ трехъ пѣсняхъ, (1763 года) и «Елисей, или раздраженный Вакхъ, въ пяти пѣсняхъ» (1775 года). Онѣ нравились современной публикѣ шутливымъ тономъ, удачнымъ остроуміемъ и главное—эпическимъ представленіемъ предметовъ вовсе неэпическихъ. Сочиненія Майкова изданы 1809 въ Спб. Здѣсь по ошибкѣ приписаны ему четыре стихотворенія Чулкова: «Плачевное паденіе стихотворцевъ, поэма въ 3 пѣсняхъ», «Стихи на качели», «Стихи на Семикъ», и «На Масляницу», явившіяся прежде въ журналѣ: «И то и се» (1769) и потомъ изданныя отдѣльно.

²) «Елисей, или Раздраженный Вакхъ. Изданіе 2-ое. Москва. Въ типографіи компаніи типографической. 1788». Первое изданіе 1775 г. Помѣщена также въ «Сочиненіяхъ». Сюжетъ ея состоитъ въ томъ, что Вакхъ, въ гнѣвѣ на откупщиковъ за дороговизну вина, пива и меду, выбираетъ ямщика Елисея (изъ Зимогорья) орудіемъ своего мщенія. Елисей, дѣйствительно, причиняетъ много бѣдъ одному откупщику, но потомъ, по суду Зевса, отдается въ солдаты.

³) Толстая дубина, орясина.

⁴) Зихарда—простонародная игра.

LXIX.

М. Н. МУРАВЬЕВЪ. (¹).

1. Посланіе къ И. П. Тургеневу (1774). (²).

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла,
Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности стенящаго своей.
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянья желаетъ:
Свѣтъ, зримый всякій день, его не забавляетъ;
И между тѣмъ какъ все въ движеньи вкругъ его,
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
Напрасно бы жезломъ какой всесильной феи,
Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны затѣи—
Онъ тысящи бы вновь желаній соплеталъ
И посреди воды былъ жажденъ какъ Танталъ.
Того лишь, кто владѣть умѣетъ самъ собою,
Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
Но всегду слѣдуетъ призванію ея,
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
Раскаянья онѣ и скуки не приводятъ;
Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искуства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ,
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;

Но щ... ...в священные союзы
Ва... ..., пріемлетъ легки узы.
... ... счастливый отецъ,
...тію облеченъ по выбору сердецъ.
Счастливъ, кто можетъ быть семейства благодѣтель!
Что нужды, домъ тому иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно достоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.
Конечно жребій тѣхъ достоинъ удивленья,
Кто поприще честей прошли безъ умедленья:
Служить отечеству-верховный душъ обѣтъ!
Нашъ долгъ туда спѣшить, куда оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей по славѣ
Мнѣ должно уступить: уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ—только что служить, отчизнѣ-награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета:
«Хвала богамъ!» сказалъ, народа не виня,
«Есть триста человѣкъ достойнѣе меня!»
Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ;
Срѣтаютъ счастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близь Тарента макъ и розы поливалъ,
И, въ позднюю ночь подъ кровъ склоняяся домашній,
Столы отягощалъ некупленными брашны,
Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ
И пышныхъ богачей душой превосходилъ.
Ахъ! можетъ ли привесть ко счастію богатство?
Желанье собирать есть болѣе препятство,
Чѣмъ способъ къ счастію. «Ахъ! еслибъ къ кучѣ той
«Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!»
Вотъ собирателя одно воображенье.
Для роскоши его отверстия душа,
Всечасно къ новому веселію спѣша,
Отъ коей прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ,
И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
Богатъ, кто, знаючи своимъ достаткомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;
И словомъ счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ
И скуку житія ученьемъ услаждаетъ.
Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріятны старости готовишь вспоминанья;
Съ тобою почерпать мы прежде тщились знанья,
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ віючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристалловъ;
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шуваловъ;
Гдѣ, Ломоносова пріемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель росска слова
И Шаденъ (*) истину являетъ безъ покрова:

Тѣмъ дружбы сладостной услышали мы гласъ—
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

2. Предпочтеніе природнаго языка (4).

Не можно исчислить, сколь много способствуетъ къ сіянію, славѣ и просвѣщенію государства попеченіе, прилагаемое къ очищенію языка, и одобреніе превосходныхъ писателей. Чѣмъ болѣе вкусъ чтенія становится общимъ, тѣмъ болѣе число полезныхъ истинъ увеличивается, тѣмъ болѣе просвѣщеніе разливается во всѣхъ состояніяхъ народа. Не многіе пользуются выгодами тщательнаго воспитанія; но всѣ, привлекаемые прелестію чтенія, отлагаютъ нѣсколько минутъ отъ обыкновенныхъ упражненій своихъ или самаго отдохновенія, на возобновленіе прежнихъ знаній или пріобрѣтеніе новыхъ. Писатели, въ новыхъ и пріятныхъ видахъ представляя общія истины нравоученія, наблюденія, учиненныя надъ сердцемъ и разумомъ человѣческимъ, и важныя правила государственнаго благополучія, пріучаютъ нечувствительнымъ образомъ разсматривать съ большимъ вниманіемъ все, что происходитъ вокругъ насъ. Они даютъ цѣлому народу всеобщій взоръ на вещи, болѣе откровенія въ разумѣ, болѣе кротости во нравахъ. Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ какъ въ католицкихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостію суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англинскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ именамъ Лессинга, Виланда, Клопштока. Перемѣна въ разсужденіи нѣмецкаго языка была столь быстра и внезапна, что Великій Фридрихъ, воспитанный во вредномъ предразсужденіи противъ своего природнаго языка, не могъ быть переувѣренъ въ томъ, что современные съ нимъ стихотворцы и писатели нѣмецкіе не имѣютъ уже ничего общаго съ педантами, которые имъ предшествовали. Напрасно славный министръ его, Герцбергъ, съ которымъ онъ иногда нисходилъ отъ государственныхъ дѣлъ къ предметамъ вкуса и умствованія, старался ему доказать, что презрѣніе его къ отечественному языку несправедливо: Фридрихъ Великій предпочиталъ французскій языкъ своему природному. Онъ не принималъ въ уваженіе, что и французскій языкъ достигъ сего сіянія въ столѣтіе Лудвига XIV по большой части помощію сильнаго покровительства, коего монархъ сей удостоивалъ великихъ писателей. Расинъ и Буало, принятые въ отборное его общество, послѣдовали ему въ блестящихъ его походахъ или увеселительныхъ путешествіяхъ. Корнель на одрѣ смерти чувствовалъ доказательства благоволенія его. Часто Мольеръ читывалъ ему еще неоконченныя свои комедіи, и между тѣмъ, какъ лицемѣріе и безразсудное мщеніе хотѣли похитить торжество его запрещеніемъ играть Тартюфа, оскорбленный живописецъ сердца посылалъ одного изъ товарищей своихъ во Фландрію, въ лагерь Лудвига Великаго, съ прошеніемъ защитить безсмертное его произведеніе. Монархъ-побѣдитель не считалъ за униженіе покровительствовать дарованіе, которое дѣлало честь вѣку его и можетъ быть будущимъ. Кромѣ сихъ великихъ писателей, не было придворнаго человѣка, благородной женщины, которые не умѣли бы изъясняться съ пріятностію и не полагали въ числѣ отли-

Но ш[illegible] хорошо гово-
Ва[illegible] [illegible]омъ языкѣ. [illegible]ла своего, [illegible]аемыя пріе[illegible]нія, но ви[illegible]тщательныя, но къ [illegible] не можетъ поддѣлаться никакое искуство: госпожа Севинье, Лафаетъ и другія. Уединенный ученый не можетъ перенять сихъ нѣжныхъ оборотовъ языка, введенныхъ употребленіемъ общества. Прилежаніе и разсѣяніе попеременно способствовали къ обогащенію языка толь многими пріятностями, что онъ внесенъ почти въ число классическихъ языковъ Европы, не преставъ быть, какъ древніе, живымъ языкомъ народнымъ.

3. *Обитатель предмѣстія. (1790).* ([5]).

Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, за тѣмъ что живу въ предмѣстіи. Я вижу жатву изъ окошка. Съ восхожденія солнца земледѣлецъ жнетъ неутомимо полосу свою и связываетъ снопы. Косцы, поставленные строемъ одинъ за другимъ, вмѣстѣ взносятъ и опускаютъ косы свои. Какой пріятный запахъ отъ сѣна, разбросаннаго по лугу! съ какимъ удовольствіемъ, когда скажу трудолюбивымъ селянамъ, проходя мимо ихъ: Богъ помочь, друзья! они отвѣтствуютъ мнѣ: спасибо, добрый баринъ! Мой домикъ очень малъ и не виденъ; но я не промѣняю его на великолѣпнѣйшія зданія, восходящія къ облакамъ и поддерживаемыя столпами.

Хотите ли видѣть описаніе моего дома? Онъ стоитъ на концѣ широкой уединенной улицы, которая выходитъ въ поле. Передъ нимъ, со стороны города, строеніе обывательское перерывается. Въ пріятной лощинѣ извивается ручей, по берегамъ котораго разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника. Ручей бѣжитъ по песку и по камешкамъ. Вода его чиста и холодна.

Напротивъ дома приходская церковь весьма древняго строенія. Одинъ князь, котораго не упомню имени, построилъ ее въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Татарами. Основаніе ея вросло въ землю. Оградою служатъ ей старые дубы, которые далеко кругомъ себя кидаютъ тѣнь свою.

Подлѣ церкви живетъ священникъ, старый и почтенія достойный человѣкъ. Онъ имѣетъ попеченіе о своихъ прихожанахъ, такъ какъ отецъ о дѣтяхъ, помогаетъ бѣднымъ, утѣшаетъ несчастныхъ. Онъ всѣхъ старѣе въ приходѣ, и почти каждаго запомнитъ рожденіе и младенчество. Мы его слушаемся, за тѣмъ что опытомъ своимъ знаемъ благоразуміе его совѣтовъ. Въ нашемъ предмѣстіи очень много счастливыхъ; ибо онъ научилъ насъ находить счастіе въ добродѣтели и исполненіи должностей нашихъ, а не въ удовольствованіи ежечасныхъ прихотей, которыя никогда не кончатся.

Домъ мой на возвышеніи. Позади высокая роща изъ кленовыхъ и ясеневыхъ деревьевъ. Я пью иногда чай въ прохладной темнотѣ ихъ, когда посѣтитъ меня священникъ или человѣкъ-другой пріятелей.

Я имѣю пріятелей, потому что безъ дружества человѣку жизнь была бы непріятна. Какъ можно жить одному! любить только самого себя! никому не быть полезну!... Нѣтъ, чувствую живо въ сердцѣ моемъ, что человѣкъ сотворенъ для общества: я получаю отъ него столько выгодъ! Оно имѣло попеченіе о воспитаніи моемъ; оно меня покровительствуетъ, защищаетъ отъ насилія непріятелей оружіемъ, отъ обидъ согражданъ законами. Оно меня удостоиваетъ довѣренности, украшаетъ честями и общимъ почтеніемъ, которое еще драгоцѣннѣе почестей. Оно снисходитъ даже до изысканія мнѣ невинныхъ забавъ; а я не захочу служить ему! Я отгину руку свою отъ

участія въ общихъ трудахъ; не раздѣляю ни бдѣній градоначальника, ни опасностей воина, когда отечество благоволитъ пріобщить меня къ онымъ! Да удалится отъ меня такое чувствованіе! Я желаю любить друга своего, сродника, благодѣтеля, болѣе нежели самого себя, и болѣе нежели ихъ, если возможно, мое отечество.

Воспоминаю примѣръ сего славнаго грека, который вознесъ отечество свое на верхъ сіянія и могущества, но съ удовольствіемъ и съ почтеніемъ исполнялъ самыя низкія должности, наложеніемъ которыхъ неблагодарное гражданство думало его унизить.

Сколь пріятно отдохновеніе, когда вкушаешь его послѣ трудовъ своей должности! самыя простыя и ежедневныя забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься къ нимъ съ покойною совѣстію.

При окончаніи такого дня съ умиленіемъ возвращаюся въ мою хижину. Въ ней, кажется, нашелъ бы я счастіе, если бы уже не имѣлъ его въ моемъ сердцѣ. Тутъ уединяюся, вхожу въ самого себя, вопрошаю въ безмолвіи сердце мое о всѣхъ движеніяхъ, о всѣхъ помыслахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ, и ежели найду подозрѣніе худаго дѣла, кроющагося во глубинѣ сердца, краснѣюся и пріемлю твердое намѣреніе исправить себя.

Потомъ оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробѣгаю горы и долы. Дышу свѣжимъ воздухомъ при захожденіи солнечномъ, или развожу маленькій садикъ свой и поливаю благоуханныя розы и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, какъ смѣлый всадникъ, стремлюся на рѣзвомъ конѣ; посѣщаю хижину земледѣльца и спокойное хозяйство деревенскаго помѣщика. Въ другое время ищу произведеній природы, цвѣтовъ, растѣній, камней, и стараюся проникнуть силы и свойства ихъ.

Наконецъ журчаніе источника и колеблющаяся тѣнь ивы или тополя приманиваютъ меня къ себѣ. Сажуся на раждающійся дернъ и читаю книгу полезную или пріятную: повѣсти прошедшихъ вѣковъ, или трогающія истины нравоучителей. Въ такомъ упражненіи находитъ на меня сонъ сладкій и безпрерывный до тѣхъ поръ, когда заря, озлативъ горы, возвѣститъ слѣдующее утро.

¹) Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ (р. 1757. у. 1807), по административной дѣятельности относится къ царствованію Александра I, а по литературной ко времени Екатерины II. Воспитывался въ гимназіи при московскомъ университетѣ и въ самомъ университетѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Служа въ гвардіи, онъ посѣщалъ лекціи профессоровъ академіи наукъ. Образованіе Муравьева, по справедливому отзыву Батюшкова (письмо къ И. М. М. А. (*) о сочиненіяхъ г. Муравьева), было классическое и многостороннее: онъ зналъ латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій языки, имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ исторіи, словесности и математикѣ. Еще въ 1773 г., бывши каптенармусомъ измайловскаго полка, напечаталъ онъ «Переводныя стихотворенія», между которыми есть переводы нѣсколькихъ одъ Горація и стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ, и «Басни въ стихахъ» (одна книга). Въ 1775 г. изданы «Оды Лейбъ-гвардіи измайловскаго полка сержанта Михайла Муравьева». Нѣкоторыя стихотворенія помѣщены въ «Опытахъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія» (1774—78), и между прочими одно, написанное гекзаметромъ: «Роща» (ч. IV). Въ 1785 г. Екатерина опредѣлила Муравьева наставникомъ при в. к. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ: онъ преподавалъ имъ русскую словесность, русскую исторію и нравоученіе. Для чтенія великимъ князьямъ писалъ онъ небольшія піесы, преимущественно касавшіяся предметовъ его преподаванія; онѣ изданы въ 1796 г., подъ заглавіемъ: «Опыты исторіи, письменъ и нравоученія». Кромѣ того, по порученію императрицы, перевелъ съ англ. Шериданову комедію: «Школа злословія» (1794 г.). При вступленіи на престолъ Александра I, Муравьевъ назначенъ былъ сенаторомъ (1800), и вскорѣ (1801) повелѣно ему быть при особѣ государя, у принятія подаваемыхъ

(*) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ—Апостолъ.

на высочайшее имя прошеній. Въ 1802 г., при учрежденіи министерствъ, Муравьевъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (гр. П. В. Завадовскаго) и попечителемъ московскаго университета. Карамзинъ, многимъ обязанный его покровительству, издалъ его сочиненія, подъ названіемъ: «Опыты исторіи, словесности и нравоученія, 2 ч.» (1810). Здѣсь въ 1 ч. содержатся небольшія піесы по тремъ предметамъ, означеннымъ въ заглавіи, и «Разговоры мертвыхъ», написанные въ подражаніе Фонтенелю; во 2-ой ч.: «Обитатель предмѣстія», «повѣсть Оскольдъ» и «Краткое начертаніе Россійской Исторіи». Въ небольшомъ предисловіи (отъ издателей), принадлежащемъ Карамзину, представлена слѣдующая характеристика Муравьева: «Мысли и правила автора изображають прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ.... Всѣ главныя произведенія разума человѣческаго, древніе и новые языки, науки историческія, умозрительныя и естественныя были ему извѣстны.... Онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной хорошей книги, выходившей въ свѣтъ на какомъ-нибудь языкѣ европейскомъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ только съ страстію къ добродѣтели». «Обитатель предмѣстія» вмѣстѣ съ продолженіемъ его: «Эмиліевы письма» и небольшими прозаическими статьями, означенными названіемъ «Тетради для сочиненій», изданы особо 1815 г. (здѣсь включено и вышеуказанное письмо Батюшкова къ И. М. М. А., содержащее въ себѣ разборъ сочиненій Муравьева). Такъ называемое «Полное собраніе сочиненій Муравьева» имѣло два изданія: первое, въ 3 ч., 1819—20 г., и второе (Смирдинское)—1847.

[2]) Напеч. въ 9 № Вѣстн. Европы на 1810 г. Иванъ Петровичъ Тургеневъ, товарищъ Муравьева по гимназіи, принадлежалъ, вмѣстѣ съ И. В. Лопухинымъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ и другими, къ Дружескому обществу Новикова, которому рекомендовалъ Карамзина, вызвавъ его въ Москву изъ Симбирска. Когда въ 1792 г. Новикова арестовали и отправили въ Шлюссельбургъ, Тургеневъ былъ сосланъ на житье въ свою деревню. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, назначилъ его директоромъ университета (1796 г.).

[3]) Шаденъ, профессоръ философіи въ москов. университетѣ, ум. 1797 г. Онъ пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ слушателей за свое преподаваніе.

[4]) «Опыты Исторіи, словесности и нравоученія, 2 ч. (1810)». Они относятся ко времени нахожденія Муравьева наставникомъ при великихъ князьяхъ.

[5]) «Обитатель предмѣстія и Эмиліевы письма. 1815». Издатели, въ краткомъ предисловіи, отзываются такимъ образомъ объ этихъ сочиненіяхъ Муравьева: «Обитатель предмѣстія и Эмиліевы письма замѣнять отчасти недостатокъ въ книгахъ для воспитанія. Здѣсь авторъ часто говоритъ о Россіи, о древней и новой словесности, какъ пламенный любитель всего прекраснаго. Каждое письмо можетъ служить урокомъ словесности и нравственности. Вообще къ нашему писателю можно примѣнить стихи Дмитріева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велитъ труды его читать.

LXX.

ЕФИМЬЕВЪ. [1].

КОМЕДІЯ: ПРЕСТУПНИКЪ ОТЪ ИГРЫ ИЛИ БРАТОМЪ ПРОДАННАЯ СЕСТРА. (1788). [2].

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Семенъ (одинъ).

Раненько, баринъ мой, раненько ты встаешь.
Да это не къ добру: онъ ѣдетъ на картежъ.
Прекрасную себѣ игрушечку находитъ!
Мнѣ диво, что у насъ на картахъ не уходитъ;
А деньги и душа давно ужъ у чертей.
Не очень хорошо головушкѣ моей.
Себя онъ и сестру безпутно разоряетъ,
А деньги промышлять вездѣ меня цыряетъ.
Все я: бѣги, займи, гдѣ хочешь доставай,
Записывай расходъ и векселя давай.

Тьфу пропасть! все на мнѣ, все мнѣ валитъ на шею.
Какъ буду отвѣчать? придумать не умѣю;
Да, правду говорить, и шутка не проста.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Безразсудовъ и Семенъ.

Безразсудовъ (выходитъ изъ-за кулисъ и говоритъ, обернувшись къ онымъ).
Бѣгите поскорѣй за нимъ во всѣ мѣста,
Чтобъ былъ ко мнѣ сей часъ, не мѣшкая ни мало;
Бѣгите же скорѣй.

Семенъ (въ сторону).
За кѣмъ-то дѣло стало?

Безразсудовъ.
Ты здѣсь, Семенъ, сидишь; а я тебя искалъ.
Куда ты уходилъ?

Семенъ.
Да я васъ одѣвалъ:
Совсѣмъ одѣлъ, и вы мнѣ сами жъ приказали
Карету подвозить; а тамъ вѣдь вы писали,
И я пришелъ сюда немного отдохнуть.

Безразсудовъ.
У васъ одно въ умѣ: напиться, да заснуть.

Семенъ.
Побудьте-ка, шутя, вы мною хоть недѣлю:
Я думаю, сударь, вамъ будетъ не до хмѣлю.

Безразсудовъ.
Ну, полно говорить. Поди къ тому купцу,
Который намъ знакомъ. Скажи ему глупцу,
Чтобъ онъ по векселямъ немного взялъ терпѣнья:
Чрезъ десять дней отдамъ всѣ деньги, безъ сомнѣнья,
Проценты, капиталъ, и сверхъ еще всего
Дамъ двадцать пять рублей. Тебѣ же для того
Довѣренность даю: ты будь ему въ поруку,
И къ обязательству свою приложишь руку.

Семенъ (въ сторону).
Вотъ выдумалъ еще. (Громко) Нашли вы простачка!
Да онъ за это мнѣ по шеѣ дастъ толчка,
Какъ плуту, и при всѣхъ прогонитъ такъ какъ вора,
Изъ лавки вонъ.

Безразсудовъ.
Того не сдѣлаетъ позора.
Для прибыли такой смягчится онъ, повѣрь;
Но ты при томъ ему божись и лицемѣрь....

Семенъ.
Хоть бѣсомъ передъ нимъ я буду разстилаться,
Но лучшаго, сударь, мнѣ право не дождаться.

Безразсудовъ.
Не будетъ ничего.

Семенъ.
Безъ денегъ будетъ брань.

Безразсудовъ.
Пустое! вздоръ!

Семенъ.
Не вздоръ!

Безразсудовъ.
Пожалуй, перестань,
И дѣлай, что велятъ.

Семенъ.
Извольте, перестану.
Инъ будетъ по сему; пойду гадать цыгану (хочетъ идти).

Безразсудовъ.
Постой, еще не все. Къ каретнику зайди
И новую мою карету погляди:
Когдажъ она совсѣмъ исправна и готова,
Ко мнѣ ее вези, я буду у Жлудова.

Семенъ.
Такъ надобно, сударь, извощика нанять,
И денегъ для того....

Безразсудовъ.
Тебя мнѣ не унять!
Ну, братецъ, положи на то свою полтину:
А я отдамъ.

Семенъ.
Да гдѣ?...

Безразсудовъ (перебивая его).
Повѣрь же господину.
Но прежде забѣги вотъ съ этимъ письмецомъ:
Оно къ Ростовщику, его ты знаешь домъ.

Коль спросить про меня, что я къ нему не ѣду, —
Къ пріятелю-де онъ сегодня званъ къ обѣду.
Какъ можешь, передъ нимъ меня ты извиняй.
Бѣги, да поскорѣй приказы исполняй.
(Семенъ хочетъ бѣжать).

Безразсудовъ.

Постой. Ты нынче, братецъ, клюнулъ:
Ты вовсе безъ ума.

Семенъ (въ сторону).

И ты съ нимъ не въ связи.

Безразсудовъ.

Подай сюда мой плащъ. Карету подвези.
(Семенъ уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Безразсудовъ и Семенъ.

Безразсудовъ.

Купецъ, ты говоришь, на срокъ еще согласенъ?

Семенъ.

Куды! Отказъ его мнѣ слишкомъ былъ ужъ ясенъ.

Безразсудовъ.

Да ты съ нимъ поступилъ, конечно, какъ буянъ;
Я бьюся объ закладъ, что ты былъ вѣрно пьянъ.

Семенъ.

Все пьянъ! Пришелъ къ нему съ большимъ, сударь, поклономъ.
Смиренно, какъ должникъ, сказалъ я полутономъ:
Какъ можете, сударь? Здоровъ-ли вашъ сынокъ?
Супруга какова?—Здоровы: а должокъ
Принесъ-ли, а?—Принесъ отъ барина почтенье,
И съ тѣмъ пришелъ я къ вамъ, чтобъ разрѣшить сомнѣнье.
Мой баринъ справедливъ, и честенъ онъ въ дѣлахъ;
Мы знаемъ, что давно у васъ ужъ мы въ долгахъ;
Намъ совѣстно, сударь! Мы вашу милость носимъ,
Но на десять мы дней еще отсрочки просимъ:
Клянусь за барина и небомъ и землей,
Что сверхъ всего онъ дастъ вамъ двадцать пять рублей,
Въ чемъ я покорную писать готовъ росписку...
Какъ онъ меня схватилъ, такую далъ мнѣ тиску,
Что право я тогда желалъ, сударь, стократъ,
Чтобъ вмѣсто бы меня давилъ бы онъ хоть васъ.

Безразсудовъ.

Меня?

Семенъ.

Вѣдь вы должны.

Безразсудовъ.

Бездѣльникъ! какъ ты смѣешь!
Я бъ бестію убилъ.

Семенъ (въ сторону).

Пустое, оробѣешь,
Какъ заяцъ побѣжишь.

Безразсудовъ.

Каретникъ что поетъ?

Семенъ.

Да съ мѣста ни на шагъ, ни тпру, ни ну, нейдетъ.
Безъ денегъ вамъ не дамъ ниже одной рессоры.
Хлѣбъ дорогъ, говоритъ....

Безразсудовъ.

О, алчные прожоры!
У нихъ все ѣсть, да пить, да насъ лишь обдирать.

Семенъ (въ сторону).

А вамъ одно свое: занять, да проиграть.

Безразсудовъ.

А Ростовщикъ? ну, что жъ хоть тотъ по крайней мѣрѣ?

Семенъ.

Не вѣритъ слову онъ.

Безразсудовъ.

Сомнѣнье въ рендерфѣ!

Семенъ.

О, нѣтъ! онъ вамъ даетъ: да только лишь съ умомъ.
Извольте прочитать закладную съ письмомъ (Подаетъ ему бумаги).

Безразсудовъ.

Увидимъ. Дай сюда. (Читаетъ).
«Любезный мой пріятель!
Несчастья твоего я вѣрный сострадатель:
И сколько силъ моихъ, тебѣ я помогу.
За триста душъ крестьянъ ты двадцать тысячъ просишь:
Нѣтъ оныхъ у меня, я восемь дать могу,
Хотя ты черезъ то убытокъ мнѣ приносишь:
Ты знаешь, у меня не малая семья;
Но лучше потерплю и покажу услугу
Терпящему напасть, любезнѣйшему другу,
Которому душа вся предана моя.
Іюда Ростовщинъ».
Пребеззаконникъ дерзкій!
И другомъ ты меня зовешь! о плутъ премерзкій! (подумавъ).
Безъ денегъ я пропалъ! что дѣлать? подпишу:
Авось въ послѣдніе судьбу я упрошу!
Когда мнѣ рокъ отдастъ мое опять обратно,
Клянуся я игру оставить невозвратно;
Не буду имя я картежника вести.
Воздержность!..

Семенъ (въ сторону).

Не бывать тебѣ у насъ въ чести.

Безразсудовъ.

Но если счастіе толико мнѣ сурово,
Что и послѣднее отнять изъ рукъ готово—
Какому лютому подверженъ я стыду!
Я трепещу! Рѣшить судьбу свою иду. (Садится къ столу).

Семенъ (подходитъ къ нему).

Въ числѣ ли я, сударь, трехсотенной дружины?

Безразсудовъ.

Отстань: не отобьюсь отъ этой я скотины. (Читаетъ закладную).
И сроку годъ! О плутъ! О ты, порочный свѣтъ!
Гдѣ правду у людей найдешь?

Семенъ.

Гдѣ денегъ нѣтъ.

Безразсудовъ.

Что дѣлать?... (подписываетъ).

Семенъ (въ сторону).

Подписать по силѣ договора,
Скорѣе отнести и деньги взять у вора.

Безразсудовъ (встаетъ).

Семенъ!

Семенъ (въ сторону).

Ужъ такъ.

Безразсудовъ.

Бѣги, отдай Ростовщину.
Въ минуту здѣсь! а я къ сестрѣ лишь загляну.

Семенъ.

Она въ тоскѣ....

Безразсудовъ.

Поди! и безъ тебя утѣшу.
Я думаю, себя въ безуміи повѣшу,
Когда я это все оставлю на игрѣ.
Что будетъ—посмотрю; зайти, добро, къ сестрѣ.

[1]) Ефимьевъ, Дмитрій Владиміровичъ (р. 1768, у. 1804), полковникъ артиллеріи, воспитывался въ сухопут. кадет. корпусѣ, куда поступилъ 1773 г. и откуда выпущенъ 1787 въ артиллерію подпоручикомъ. Находясь при военной коллегіи, сочинилъ первую піесу: «Преступникъ отъ игры».

[2]) «Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра, комедія въ стихахъ, въ 5 д. Сочиненіе Дмитрія Ефимьева. Представлена въ первый разъ августа 27 дня 1788 г. Напеч. въ Спб. 1790 г.» Другое изданіе—въ Спб. 1793 г.; третье—въ Смоленскѣ (а также въ Орлѣ). Но это послѣднее изданіе, съ означеніемъ мѣста печати (Орелъ), ничѣмъ не разнится отъ изданія, на которомъ выставленъ городъ Смоленскъ: то и другое напечатаны страница въ страницу, въ одной и тойже типографіи (Сытина), однимъ и тѣмъ же шрифтомъ. Значитъ, изданіе вышло въ одномъ какомъ-либо изъ двухъ означенныхъ городовъ, и въ оставшихся отъ продажи его экземплярахъ перепечатанъ заглавный листъ, съ указаніемъ другаго мѣста печатанія. Комедія посвящена

Екатеринѣ II. Въ посвященіи авторъ называетъ себя питомцемъ государыни (по мѣсту своего воспитанія). Главное лице піесы — молодой офицеръ Безразсудовъ, предавшійся игрѣ. Съ нимъ живетъ сестра его Прелеста, умная и добронравная дѣвушка. Проигравъ все свое имущество, онъ рѣшился продать сестру, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку, которую мать его любила какъ родную и по смерти своей поручила его надзору. Покупщикъ нашелся въ Честонѣ, знакомомъ Безразсудова и влюбленномъ въ Прелесту. Когда открылось, что купленная Честономъ—та самая, которую онъ любитъ, онъ уничтожилъ купчую, заплатилъ долги Безразсудова и женился на Прелестѣ. Мораль комедіи выражена словами главнаго лица ея:

Примѣромъ, игроки, моимъ вы устрашитесь:
Коварныхъ прелестей игры вы берегитесь.
Единый стоитъ разъ въ порокъ лишь намъ попасть:
Порокъ влечетъ другой и страсть другую страсть.

Но этотъ моральный выводъ тутъ же низвергается остроумнымъ замѣчаніемъ слуги Семена:

Плоха матерія преступниковъ закона!
Не всякій попадетъ на нашего Честона.

Другія двѣ пьесы Ефимьева: «Слѣдствіе братомъ проданной сестры» и «Волжоръ, или воспитаніе безъ успѣха», игранныя также съ большимъ успѣхомъ, не были напечатаны.

LXXI.

КЛУШИНЪ. (1).

КОМЕДІЯ: СМѢХЪ И ГОРЕ (1793). (2).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Хохоталкинъ, Плаксинъ (выходя, плачетъ постепенно).

Плаксинъ.

Творенье жалкое, несчастный человѣкъ!
Живи, крушись, страдай, и плачь ты цѣлый вѣкъ!
Ты во грѣхахъ рожденъ, въ грѣхахъ и умираешь,
И гроба за дверьми несчастій окончаешь.
Ты учишься къ чему? къ погибели своей!
Ты ѣшь и пьешь какъ звѣрь—и самъ себѣ злодѣй.
Хотя пришлецъ ты въ міръ, но въ вѣчность не стремишься;
Мечтою омраченъ, величіемъ гордишься;
Не знаешь истинныхъ для смертнаго утѣхъ;
И что ты шагъ ступилъ, то сдѣлалъ тяжкій грѣхъ.
Войди въ себя, себя ты убѣгать старайся,
И цѣлый вѣкъ потомъ слезами обливайся.
Бѣги отъ женщинъ прочь! одинъ ихъ нѣжный взглядъ
Преобращаетъ нашъ покой въ смертельный ядъ.
Театра берегись, и берегись собраній;
Не исполняй своихъ ни мало ты желаній....
Ѣшь мало, меньше пей, старайся болѣ спать,
Чтобъ отъ грѣховъ хоть тѣнь, сколь можно, избѣжать.

Хохоталкинъ.

Ты плачешь все, мой другъ?

Плаксинъ.

Ты все таки смѣешься?
Ты жалокъ!

Хохоталкинъ.

Ты смѣшонъ! когда отъ слезъ уймешься?

Плаксинъ.

Когда отъ слезъ уймусь! Мнѣ случай подаютъ:
Сегодня дѣвушку здѣсь замужъ отдаютъ.
Вѣдь это жалко! ась?

Хохоталкинъ.

Тѣмъ для меня смѣшнѣе!
Коль люди женятся, для свѣта прибыльнѣе:
Прибавится глупцовъ. Тебя я удивлю,

Когда мое таинство по дружбѣ объявлю:
На ней женюся я!

Плаксинъ.

Ты думаешь жениться?...
Ты?... ахъ!...

Хохоталкинъ.

Я, я, мой другъ: чему же тутъ дивиться?

Плаксинъ.

Ахти, не умножай ты на душу грѣха!
Ну, ну, похожъ ли ты хоть чуть на жениха?
Всмотрися ты въ себя, но только безпристрастно:
Для женщинъ самое творенье ты несчастно!
Чѣмъ мыслишь въ дѣвушкѣ любовь къ себѣ снискать?
Разъ пристально взглянетъ, такъ будетъ убѣгать.

Хохоталкинъ.

Что слышу? ты меня столь худо разумѣешь?
Ты унижать мои достоинства столь смѣешь?
Не зная чувствовать, не смысля разсуждать,
Умѣй, сударь, во мнѣ таланты почитать.

Плаксинъ.

Таланты! а, мой другъ! таланты! да какіе?

Хохоталкинъ.

Которыхъ нѣтъ въ тебѣ.

Плаксинъ.

Ну, право дорогіе.
Природа для тебя, братъ, столь скупа была...

Хохоталкинъ.

Что умъ въ меня, въ тебя дурачества влила;
И сколько надъ тобой всей силой ни трудилась,
Необработаннымъ пустить тебя рѣшилась.

Плаксинъ.

Однакожъ Ведерову....

Хохоталкинъ.

Ты долженъ позабыть!...
Да ты какъ возмечталъ, что льзя тебя любить?
Умѣя начертать мое изображенье,
На самого себя ты обратилъ ли зрѣнье?
Всмотрись: окладъ лица какъ плоской челночекъ;
Въ тамбурѣ шитыя черты, какъ рѣпеекъ;
Какъ бородавка носъ....

Плаксинъ.

Ну, можноль не сердиться?
За это ...

Хохоталкинъ.

Шпагою не хочешь ли рубиться?

Плаксинъ.

Не страхомъ удержусь, но къ смертнымъ изъ любви.

Хохоталкинъ.

Когда ты храбръ: умри; когда ты трусъ: живи.

Плаксинъ.

Жить буду для того, чтобъ на своемъ поставить.

Хохоталкинъ.

Увидимъ мы, изъ насъ кто долженъ все оставить!

Дѣйствіе III, явленіе 5.

Вѣтронъ, Плаксинъ, Хохоталкинъ.

Вѣтронъ (сперва напѣваетъ, потомъ смотрится въ зеркало, оглядывая всего себя).
Не много низокъ лифъ!... да, но длины довольно.
Что спинка? широка! куда какъ это больно!
Ты такъ скотамъ велишь, а сдѣлаютъ не такъ.
Я, какъ мужикъ... купецъ... иль истинный дуракъ.

Плаксинъ.

Вы и въ другомъ, сударь, кафтанѣ тоже были.

Вѣтронъ.

Да то-то, что не такъ скоты портные сшили!
Причиною они; однакожъ я и самъ
Умѣю отплатить: я денегъ не отдамъ.

Хохоталкинъ.

Но что вы таковы, виновна въ томъ природа!

Вътронъ.

Не смыслишь ты, мой другъ: теперешняя мода!

Плаксинъ.

О платьѣ думаютъ! гдѣ тутъ природы гласъ?
О смерти ничего, къ ней близясь всякій часъ!

Вътронъ.

Что? что? мой миленькій?—Но оба вы педанты;
Я знаю то, что вамъ не нравимся мы франты:
Тотъ плачетъ, а другой смѣется изъ всего;
А вы не смыслите и оба ничего.

Плаксинъ.

Да не похвалится никто предъ человѣки!

Вътронъ.

Прекрасно! ну, теперь пролей же слезны рѣки.

Плаксинъ.

Что вы достойны слезъ, я вамъ въ глаза скажу,
И сожалѣть объ васъ за долгъ я нахожу.

Вътронъ.

Но почему, скажи, сокровище драгое?

Плаксинъ.

Когдабъ я только смѣлъ вамъ мнѣніе прямое....

Вътронъ.

Ну, ну, безъ робости меня ты опиши;
Лишь безъ пристрастія, и въ краскахъ не грѣши.

Плаксинъ.

Вы съ ногъ до головы похожи на машину,
Котора дѣйствуетъ черезъ свою пружину.
Когда ту заведутъ, лепечетъ и визжитъ:
И франтъ теперешній такъ точно говоритъ.
Поспѣшно съ стороны кидаясь на другую,
Найдетъ ли мать, отца, сестру, иль дорогую:
Bon jour, monsieur!... madame! ma chère! comment vous va!
Дрягаетъ, корчится, французски вретъ слова,
А русскаго совсѣмъ почти не понимаетъ,
То ногу дернетъ такъ, то рожицу кривляетъ;
То прибоченится, то пѣсню запоетъ;
То вдругъ съ презрѣніемъ глаза на всѣхъ ведетъ.
Науки, умъ его — въ жаботахъ и манжетахъ;
Неустрашимый духъ — въ рисованныхъ жилетахъ.
А свѣдѣнья: болтать пыль, вздоръ безъ головы.
Кто это? спросите. Всѣ франты таковы!

Хохоталкинъ.

Прибавь, что глупости однѣ ихъ занимаютъ;
Что гонятъ здравый умъ, а должность презираютъ;
Что мода идолъ ихъ, французы божество;
Что франтъ премелкое на свѣтѣ существо.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Плаксинъ и Вѣтронъ.

Вътронъ (*хохочетъ*).

Прекрасно! думалъ онъ, что я могу сердиться?
Нѣтъ! сердца нѣтъ во мнѣ — я тѣмъ могу гордиться.
Кто что ни говори, а нынѣ люди есть,
Которымъ въ платьѣ вкусъ приноситъ прямо честь.
Незнающи въ дѣлахъ они — то можетъ статься;
Однакожъ мастерски умѣютъ одѣваться.
Нѣтъ, можетъ, въ нихъ ума—да и на что бы онъ?
Для черни надобенъ; франтъ будетъ съ нимъ смѣшонъ.
Конечно! должно такъ — чинъ, знатное богатство

И разумъ имъ даетъ, вкусъ тонкій и
пріятство.
Ба! въ клубѣ, кажется, сегодня маска-
радъ?
Тѣмъ лучше: я могу тамъ показать свой
взглядъ.

(¹) Клушинъ, Александръ Ивановичъ (р. около 1780, у. 1804), служилъ при директорѣ с.п.бургскаго театра А. Л. Нарышкинѣ, въ которомъ видѣлъ своего благодѣтеля и которому посвятилъ ком. въ 1 д., въ прозѣ: «Худо быть близорукимъ» (Спб. 1800). Изъ посвященія видно, что авторъ терпѣлъ многія непріятности по театру: «Не смотря на блистательный успѣхъ молодой, двадцатилѣтней музы моей, я оставилъ тогда театръ, когда рукоплесканія публики меня призывали. Сердце мое отвратилось отъ похвалъ. Легко сжать все,—мудрено дать душу былинкѣ... Вы явились для меня, какъ величественное свѣтило. Все во мнѣ ожило — и я показался вновь на сцену». Другимъ покровителемъ Клушина былъ Д. П. Трощинскій, которому посвящена ком. въ 3 д., въ прозѣ: «Услужливый» (Спб. 1800), подражаніе Ласалю: «Вы, съ самаго моего младенчества, были моимъ благотворителемъ; создали изъ меня поэта, создали—въ тысячу разъ болѣе—честнаго человѣка». Другія драматическія піесы Клушина: 1) Американцы, комич. опера въ 2 д. (Спб. 1800). Основа ея принадлежитъ И. А. Крылову, но она передѣлана Клушинымъ, сохранившимъ только нѣкоторые стихи нашего баснописца; 2) Разсудительный дуракъ, комедія, имѣвшая хорошій успѣхъ, какъ показываетъ предисловіе къ Американцамъ; 3) Словарь Евгенія говоритъ также о ком. «Алхимистъ», игранной 1790 г. (ч. II, стр. 287). Клушинъ былъ недоволенъ театральными піесами современниковъ, какъ оригинальными, такъ еще болѣе переводными: «Многіе пишутъ для русскаго театра. Я сохраняю уваженіе къ ихъ дарованіямъ, но не хотѣлъ бы принять на счетъ моего пера нѣкоторыхъ сочиненій и ни одного перевода» (предисл. къ оп. «Американцы»).—Вмѣстѣ съ Крыловымъ, Клушинъ издавалъ, на 1793 г., сатирическій журналъ: «С. п. бургскій Меркурій». Это—продолженіе того сатирическаго направленія журналистики, которое началось еще въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка. Статьи, написанныя Клушинымъ, свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ его талантѣ. Наконецъ, въ подражаніе Гете, Клушинъ сочинилъ разсказъ: «Вертеровы чувствованія, или несчастный М.» (Масловъ), Спб. 1802. Основа разсказа дана истиннымъ происшествіемъ.

²) «Смѣхъ и Горе, ком. въ 5 д., въ стихахъ» (представлена 1793 г., напеч. того же года въ XL части Россійскаго Өеатра). Названіе піесѣ дано отъ двухъ лицъ: Хохоталкина и Плаксина, забавныхъ quasi-философовъ, изъ которыхъ одинъ смотритъ на міръ глазами Демокрита, другой—глазами Гераклита. Завязка піесы въ любви Пріяты, племянницы Вздоровой, къ Пламену. Но Вздорова сама заинтересовалась Пламеномъ, которому готова отдать все свое имѣніе, если только онъ будетъ отвѣчать ей взаимностью. Отсюда препятствіе, устраняемое хитростію Пламена, при помощи слуги его и служанки Пріяты: молодой человѣкъ притворяется влюбленнымъ во Вздорову, ѣдетъ съ нею въ маскарадъ, гдѣ и оставляетъ ее, а самъ въ это время обвѣнчивается съ Пріятой.

LXXII.
СУДОВЩИКОВЪ. (¹).

КОМЕДІЯ: НЕСЛЫХАННОЕ ДИВО, ИЛИ ЧЕСТНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (²).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 5.

Кривосудовъ и Проворъ, а послѣ Подрядчикъ.

Проворъ (при входѣ).

Подрядчикъ ждетъ, сударь.

Кривосудовъ.

Пошли его сюда.

Проворъ (рукою даетъ знакъ, отворивши дверь. Подрядчикъ входитъ).

Подрядчикъ (кланяясь въ поясъ у дверей).

Я вашей честности надѣлалъ тьму труда.

Проворъ.

О!... честность наша спитъ; за ней не
много дѣла.

Подрядчикъ (подходя ближе, продолжаетъ).

Не слыша правды гласъ... (недоговоривши, кашляетъ).

Проворъ (подхватя, говоритъ подрядчику).

Она ужъ онѣмѣла.

Ну! что ты лжешь?

Подрядчикъ (еще подойдя ближе къ Кривосудову, который, не слыша ихъ разговора, не преставалъ писать).

И такъ осмѣлился придтить,
Съ покорностію васъ всещедраго трудить
О выдачѣ должку.

Кривосудовъ (гордо).

А сколько за казной?

Подрядчикъ (вынувши изъ за пазухи бумагу, говоритъ по ней).

Оставшихъ тысяща; да нынѣшней весной
Дрова я поставлялъ—за то мнѣ девять сотъ.
Четыреста додать еще за прошлый годъ.
Да по внесенному мной счету къ вамъ въ Палату
Я долженъ получить седьмь сотъ еще въ уплату;
А вкратцѣ объявить: три тысячи какъ разъ.

Кривосудовъ.

Подпишемъ завтра же для выдачи указъ;
Явись поранѣе.

Подрядчикъ.

Въ присутство—иль...

Кривосудовъ (перехватываетъ).

Конечно!

Подрядчикъ.

Благодарю тебя, отецъ мой, всесердечно.
Ввѣкъ богомолецъ я съ дѣтями и съ женой,
И всепреданнѣйшій до гроба рабъ я твой.
(Кланяясь, хочетъ идти вонъ).

Проворъ (останавливая).

Не думаешь ли, братъ, свернуться здѣсь на балахъ?

Подрядчикъ.

Скажите, нужда здѣсь въ какихъ матеріалахъ?

Проворъ.

Какой же ты простакъ! вѣдь здѣсь судейскій домъ.
Что хочешь, то неси: отказу нѣтъ ни въ чемъ.

Подрядчикъ (почесавъ голову, вынимаетъ бумажникъ и покуда развязываетъ).

Нѣтъ, видно финтами опять не отвиляться:
Приходитъ съ сотенкой, хоть жаль, да разставаться.
Ой, праведны судьи! вотъ тутъ-то ужъ вы мнѣ (показывая на макушку).
Попробуй же не дать, такъ погостишь въ тюрьмѣ:
Резонты подведутъ (Подходитъ съ бумагою).

Всещедрый благодѣтель!
Я дерзость возъимѣвъ, за вашу добродѣтель,
Осмѣлюся ли вамъ представить сей презентъ (подаетъ).

Кривосудовъ (развернул).

О! о! да это, братъ, исправный документъ;
Спасибо!

Подрядчикъ (кланяясь).

Не на чемъ—прошу не прогнѣваться.

Кривосудовъ.

Да чтоже ты стоишь? Изволь-ка здѣсь садиться (показываетъ подлѣ себя).

Подрядчикъ (кланяясь).

Не въ трудъ и постоять.

Кривосудовъ.

Пожалуйста садись:
Со мною на чинахъ, прошу, не обходись;
Терпѣть ихъ не могу.

Подрядчикъ (кланяясь).

Доволенъ вашей честью! (садится).

Кривосудовъ.

А я горюю все: слугу послалъ къ помѣстью,
Чтобъ выслали сюда запасу и оброкъ:
Дождаться не могу. Давно, давно бы срокъ
Оттудова ему каналье возвратиться;
Пропалъ—и слуху нѣтъ. Не можно надивиться,
Куда дѣвался онъ!...

Проворъ (въ сторону).

Какія пули льетъ!

Кривосудовъ (продолжая).

А у меня теперь всего не достаетъ:

Ни масла, ни крупы; муки хоть бы пылинка;
А въ домѣ ѣсть хотятъ и люди и скотинка,
На рынкѣ дорого—не знаю какъ и быть!

Подрядчикъ.

Въ причинахъ таковыхъ мы можемъ пособить,
Буде въ угоду вамъ.

Проворъ (въ сторону).

Насилу догадался!

Подрядчикъ.

Я въ случаяхъ торга доселѣ обрѣтался:
Продукты оные имѣются у насъ;
Заутражъ предъявимъ— лишь только бы указъ....

Кривосудовъ.

Заутро, братецъ, вѣдь судейское есть слово;
А у просителей, чтобъ было въ мигъ готово.
У насъ такъ водится....

Подрядчикъ (кланяясь).

Инъ буди ваша власть:
Сегодняжъ сообщимъ. (Въ сторону) Чтобъ въ адъ тебѣ попасть!...
Хоть несомнѣнную надежду въ васъ имѣю,
Но объ указцѣ-то напомянуть вамъ смѣю.

Кривосудовъ.

Все будетъ сдѣлано—все завтра же рѣшу;
Надѣйся на меня.

Подрядчикъ (кланяясь).

Прощенія прошу (идетъ).

Кривосудовъ (вслѣдъ).

Впередъ ходи ко мнѣ, а я твоимъ слугою.

Подрядчикъ (обернувшись).

(громко) Дай Богъ! (тихо) чтобъ не бывать во вѣкъ здѣсь ни ногою.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 4.

Кривосудовъ и Крючкострой.

Кривосудовъ (голосомъ больнымъ).

Ба! зятикъ нареченный,
Желаю здравствовать.

Крючкострой.

Поклонъ мой препочтенный
Поутру вамъ еще хотѣлъ икскузовать,
Да время не имѣлъ. Еще—было дневать
На съѣзжей частный мнѣ велѣлъ другія сутки;
Но тутъ отдѣлался, пошелъ—смотрю у будки
Десятскіе мои дерутся межъ собой:
Давай я ихъ мирить, и такъ на мировой—
Признаться нечего—изрядно куликнули,
Легли поотдохнуть: да плотно такъ заснули,
Какъ мертвые—и я теперь лишь только всталъ.
А въ слѣдствіе сего къ вамъ быть и опоздалъ.
Проступку моему прошу явить прощенье.

Кривосудовъ.

Къ чему тутъ лишнее такое извиненье
Между пріятелей изволишь затѣвать?

Крючкострой.

Я долженъ васъ отцомъ моимъ решпектовать,
И съ праздникомъ мой долгъ поутру бы поздравить.

Кривосудовъ (ласково).

Не льзя ль излишнія учтивости оставить?
Садись-ко да скажи, здорово ли живешь.

Крючкострой.

Все потихохоньку, впередъ таки—ползешь
По власти Божеской, и вкупѣ командерской.
Былъ, правда, на меня одинъ нахалъ продерзкой,
Однакожъ я его кой-какъ таки спехалъ!
(усмѣхаясь).
Въ невинности себя сотнягой оправдалъ.
Да вамъ, что сдѣлалось? что вы такъ подвязались?

Кривосудовъ (притворившись больше больнымъ).

Въ гостяхъ я былъ вчерась; да знаешь, понабрались
Пивца и пуншику, съ того и охмѣлѣлъ.

Потомъ домой пѣшкомъ; да такъ переколѣлъ,
Что съ нуждою большой я до дому добрался,
И эту ноченьку глазѣ съ глазомъ не смыкался:
Колотье страшное, а ломъ во всѣхъ костяхъ;
И зубы поднялись... (охаетъ).

Крючкострой.

Да есть въ вѣдомостяхъ
На прошлой, помнится, объявлено седьмицѣ,
Что новой дохтуръ здѣсь находится въ столицѣ.
Какой-то онъ привезъ изъ за моря бульонъ,
Что лѣчитъ всяку боль; а жительствуетъ онъ
Въ Рожественской части, въ тринадцатомъ кварталѣ,
Отъ брата, думаю, двора чрезъ три не далѣ;
Такъ не прикажете ль?

Кривосудовъ.

Охъ! нѣтъ, я не хочу;
Его лѣкарствами я боль не излѣчу.
Заморски доктора для знатныхъ лишь годятся:
Въ нихъ всѣ нѣмецкіе недуги состоятся;
А мнѣ не надобно. Спасибо за совѣтъ.
Мнѣ, право, не совсѣмъ наскучилъ этотъ свѣтъ.
Я знаю, каковы всѣ эти шарлатаны!
Они лишь набивать умѣютъ здѣсь карманы;
А тамъ хоть уморятъ, имъ это ничего—
Вѣдь явочной тогда не брякнешь на него.
(Охаетъ).

Крючкострой.

Конечно.

Кривосудовъ.

Я теперь лишь вотъ о чемъ жалѣю,
Что долженъ твой сговоръ съ Миленушкой моею—
(Охъ, колетъ какъ меня!) сего-дня отложить.
Охъ! знаю это я, что будешь ты тужить;
Но право не могу—престрашная ломота,
То судорога гнетъ, то сильна потягота.
(Гнется и потягивается).

Крючкострой.

Что дѣлать мнѣ теперь? Ну! какъ не горевать?
По крайней мѣрѣ я могу ли уповать,
Что, оздоровѣвши, свершите это дѣло?

Кривосудовъ.

О, въ этомъ на меня ужь ты надѣйся смѣло!
Я всею честностью судейскою божусь:
Какъ скоро отъ своей болѣзни свобожусь,
Или хоть мало я начну перемогаться,
Такъ это первое, что буду я стараться
Безъ дальнѣйшихъ чиновъ скорѣй васъ обвѣнчать.

Крючкострой.

Дай Богъ, чтобъ поскорѣй намъ это окончать!
Однакожъ бы я вамъ совѣтовалъ лѣчиться;
Быть можетъ, что болѣзнь безъ этого продлится.
Коль въ страхѣ вы себя французу поручить,
У насъ есть будочникъ — ужасно золъ лѣчить.

Кривосудовъ.

Да развѣ медикѣ вашъ будочникъ учился?

Крючкострой.

Онъ прежде въ конюхахъ придворныхъ находился;
А тамъ какой-то былъ изъ нѣмцевъ коновалъ,
Всю хиромантію и дохтурство онъ зналъ—
Такъ этотъ вкругъ него всегда почти вертѣлся
И медицинія препропасть насмотрѣлся:
Припарку-ли сварить, проносное ли дать—
Все знаетъ. Мнѣ вотъ онъ старался помогать (показываетъ на щеку).

Кривосудовъ.

Что это у тебя?

Крючкострой (смѣючись).

За храбрость дали звѣзду.

Третьяго дни я былъ въ театрѣ у разъѣзду:
Такъ кучеръ тамъ меня нечаянно задѣлъ
По рожѣ кулакомъ.

Кривосудовъ.

И ты не возъимѣлъ
Претензій на него?

Крючкострой.

Да гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться!
Тебя же обвинятъ. Ну какъ-дескать связаться
Не стыдно съ кучеромъ! Да это мнѣ пустякъ:
Случается, что насъ колотятъ и не такъ.

Кривосудовъ.

Да, должность такова! тутъ нечему дивиться;
За то въ другой статьѣ ущербъ вознаградится.

Крючкострой.

Чуть, чуть я новость вамъ сказать не позабылъ.
Въ прошедшемъ мѣсяцѣ одинъ въ театрѣ былъ
Знакомый мнѣ купецъ, изъ англичанъ природныхъ;
Въ карманѣ у него вещей какихъ-то модныхъ
Случилося тогда на тысячу рублевъ.
Стянули это все. Ну, гдѣ искать воровъ?
Такъ дѣло кончено, вещицы всѣ пропали.
Случилось, мы въ одну бесѣду съ нимъ попали.
Не знавши, чѣмъ завесть получше разговоръ,
Спросилъ я у него: не слышенъ ли тотъ воръ,
Который обокралъ васъ очень преисправно?
Въ отвѣтъ онъ мнѣ на то: я слышалъ-де недавно,
Что вещи у меня Юпитеръ всѣ покралъ;
Живетъ въ Олимпѣ онъ, но я не отъискалъ
Квартиры-де его. Но я это все знаю,
Сказалъ ему: тотчасъ и вора вамъ поймаю.
Ушелъ не медливши, но думаю: постой!
Въ Олимпѣ? въ городѣ нѣтъ улицы такой:
Ошибся точно онъ; въ Коломнѣ это вѣрно!
Лизнулъ туда—нашли кой-какъ раненманерно
Съ квартальнымъ тамошнимъ искавшій нами домъ;
Взошли въ него—сидитъ хозяинъ за столомъ
Сапожникъ старичекъ, фамиліей онъ Питеръ.
Конечно это онъ! одной лишь нѣтъ изъ литеръ:
Такъ это пустяки. Тотчасъ его въ допросъ:
Послушай, нѣмчура! ты мебели унесъ
Недавно у купца въ театрѣ изъ кармана?—
«Ни шнаитъ эта мой».—Мы на цѣпь бусурмана
И въ съѣзжій дворъ, а тамъ давай его тузить.
Въ три дня проклятаго не могъ я согласить,
Что называется по русски онъ Юпитеръ.
«Нишнай мой ни шаво, фамилія мой Питеръ»,
Ну только и твердитъ проклятый нѣмчура.
Послушай! говорю, опомнися! пора—
Зовешься Питеръ ты?—«Та!»—Это по французски,
А быть Юпитеромъ ты слѣдуешь по русски;
Ну бился, бился,—тамъ и бросилъ я его.

Кривосудовъ.

Скажи же наконецъ, что вышло изъ того?

Крючкострой.

Купцу я разсказалъ, какъ съ нѣмцемъ я промался;
Онъ со смѣху часа четыре надрывался,
А послѣ плакать сталъ, когда окончилъ смѣхъ;

«Вѣдь я–де пошутилъ; ну какъ тебѣ не грѣхъ!
Юпитеръ и Олимпъ—однѣ лишь только басни
Изъ острологіи».—Забылъ я, хоть изгасни,
Въ исторьи римской самъ я про это читалъ.

[1]) Судовщиковъ, Николай Родіоновичъ, служилъ въ Петербургѣ и Казани по департаменту удѣловъ, учрежденному въ 1797 г., а потомъ при театрѣ. Комедія его въ 3 д., въ стихахъ: «Неслыханное диво, или честный секретарь», долгое время ходившая въ рукописи, напеч. при Александрѣ (М. 1802; второе изданіе—М. 1829; третье, Смирдинское—въ Пол. Собр. соч. рус. авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Нахимова и Милонова—Спб. 1849). Къ молодому государю относятся слова ротмистра Прямикова:

....Если отобьютъ и руки мнѣ и ноги,
Такъ къ нашему отцу извѣстны мнѣ дороги:
Для милостей вѣдь онъ дверей не запираетъ,
И щедрою рукой несчастныхъ надѣляетъ,
Наукамъ, ремеслу, художествамъ покровъ,
Прибѣжище сиротъ, защита бѣдныхъ вдовъ.

Другая ком., также въ стихахъ, въ 1 д.: «Опытъ искуства», помѣщена въ Смирд. изданіи. Третья ком., въ стихахъ, въ 1 д.: «Не знаешь—не ревнуй, а знаешь — такъ молчать», написанная около 1790 г., появилась въ XI № Драматическаго Журнала, издававшагося Михайломъ Макаровымъ въ 1811 г.

[2]) Цѣль ком.: «Неслыханное диво»—представить лихоимство въ лицѣ предсѣдателя Кривосудова и честное, правдивое служеніе законамъ въ лицѣ секретаря Правдина. Хотя она напеч. въ 1802, но сочинена раньше. Нѣкоторое вліяніе на нее «Ябеды» Капниста (см. ниже) доказывается тѣми же именами дѣйствующихъ лицъ: Кривосудовъ, Прямиковъ; кромѣ того, Крючкострой соотвѣтствуетъ Праволову, Правдинъ — Доброву, и отношенія къ Софьѣ двухъ женниховъ одинаковы съ отношеніями двухъ же жениховъ къ Миленѣ. Стихи, гладкостію своею и по мѣстамъ сатирическою силою, не уступаютъ иногда стихамъ Ябеды. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что Кривосудовъ хочетъ выдать дочь свою Милену за квартальнаго Крючкостроя, человѣка глупаго, но зажиточнаго, тогда какъ она любитъ Правдина, который, не смотря на бѣдность, не поддается обольщеніямъ предсѣдателя и отказывается даже отъ руки Милены, если надобно получить ее цѣною кривосудія. Прямиковъ, двоюродный братъ Кривосудова и крестный отецъ Милены, пріѣхавъ изъ деревни, развязываетъ дѣло благополучнымъ образомъ: онъ передаетъ крестницѣ свое имѣніе съ тѣмъ, чтобъ она вышла за Правдина, а Крючкострой, въ страхѣ отъ его угрозъ, самъ отказывается отъ Милены.

LXXIII.

КАПНИСТЪ. ([1]).

ЯБЕДА, КОМЕДІЯ (1796). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 4.

Ѳекла, Софья, Анна, Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ и Наумычъ (выходятъ всѣ полупьяные).

Хватайко.

Ну, столъ! ужъ прямо столъ! все вмѣстѣ: сытъ и пьянъ.

Паролькинъ.

Десертъ!

Бульбулькинъ.

Напиточки!

Атуевъ.

Откудова что взято!

Кривосудовъ.

Нѣтъ, что-то поваръ нашъ сегодня плоховато....

Ѳекла.

Не много запился.

Бульбулькинъ.

Да празднику кто радъ (къ Хватайку),

Тотъ до свѣта ужъ пьянъ. А что? не правда-ль, братъ?

Хватайко.

Пословица не лжетъ.

Праволовъ.

А тотъ, кто время тратитъ,
Она-жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ.

Хватайко.

Къ чему словцо?

Праволовъ (указывая на карты).

Къ тому, что множество червей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ своей.

Паролькинъ (къ Кривосудову).

Онъ правъ: пора пустить ихъ по зелену полю.
Ну, прокуроръ, рѣши колодничью неволю;
Тебѣ вступиться долгъ.

Кривосудовъ.

Изволь, мой другъ! изволь.
Кто какъ?

Праволовъ (раздаетъ карты).

Мы наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ. (Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту).

Парольникъ.

А кто-жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.

Праволовъ.

Добро, и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ! ты мечи (даетъ ему ассигнаціи),
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Ѳекла.

А ктожъ со мной въ пикетъ?

Праволовъ.

Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.
Я къ вамъ. (Кривосудову) А за себя, чтобъ васъ не разлучить,
Позвольте моего мнѣ друга посадить.
(Указывая на Кохтина).

Кривосудовъ.

По мнѣ вы какъ хотя.

Бульбулькинъ.

А я и радъ размѣну.

Кривосудовъ.

Какую жъ нашей мы игрѣ поставимъ цѣну?

Праволовъ.

Я по пяти рублей, а меньше николи.
(Къ Кохтину) Садись, мой другъ, но лишь пожалуй не соли.

Бульбулькинъ.

Да годовой окладъ съ насъ эдакъ сбрить изволишь
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.

Кривосудовъ.

Не горячись: а то и впрямь какъ разъ бобыль.

Бульбулькинъ.

Я радъ бы, но когда пожалуетъ шпадиль —
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(Всѣ садятся: по срединѣ въ ломберъ играющіе; на одной сторонѣ Ѳекла съ Праволовымъ, а на другой играющіе въ банкъ. Близь Ѳеклы на канапѣ Софья, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку, читаетъ).

Наумычъ.

Да что же на столѣ наличнаго нѣтъ мѣла?

Хватайко.

А много-ль въ банкѣ-то наличныхъ?

Наумычъ.

Сотни три.

Праволовъ.

Наумычъ! не ударь ты въ грязь лицемъ, смотри.

Паролькинъ.

Какъ ни смотри, ни зги въ двѣ таліи не взвидитъ.

Атуевъ.

А я боюсь, что онъ вельми насъ всѣхъ обидитъ.

Хватайко.

Снимайте: полно вамъ пороть-та дребедень.

Ѳекла.

А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнъ?

Праволовъ.

Когда угодно вамъ.

Ѳекла.

И также все съ рефетомъ?

Праволовъ.

На что, сударыня! и спрашивать объ этомъ.

Кривосудовъ.

Жена! рефетомъ ты не замори гостей.

Ѳекла.

Ахъ, кстати-ль! Софьюшка! ну, встань, почародѣй,
И пуншикъ изготовь.

Софья.

Ахъ! я вѣдь не умѣю.

Ѳекла.

Какая ты и впрямь! (Аннѣ) А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко.

Нѣтъ, дама не везетъ.
Такъ атанде: авось мнѣ вывезетъ валетъ.
Тьфу пропасть! съ онника: и этотъ вонъ изъ кона!

Кривосудовъ.

Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,
И въ запрещенную игру...

Хватайко.

Да видно намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ
Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.

Бульбулькинъ.

Ха, ха, ха, экой вздоръ! какое заключенье!
Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ
Ты предлагаешь намъ, почтенный прокуроръ!
Ну, отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?

Хватайко.

Да отъ кого нибудь, а надобно жъ....

Паролькинъ.

Тьфу! даму.
Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.

Праволовъ.

Позвольте, чтобы я за прокурора сталъ.
И я готовъ теперь представить вамъ урода,
Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,
Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ
Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Прямиковъ.

Бульбулькинъ.

Ну, докажи же намъ: то быть такъ, всѣмъ соборомъ
Пожалуемъ тебя мы нашимъ прокуроромъ.

Атуевъ (въ полголоса).

Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!

Паролькинъ (въ полголоса).

Ей, ей, не безъ ума.

Хватайко (въ полголоса).

Великій тутъ скачекъ, хоть линія пряма!

Радбынъ (въ полголоса.)

Отъ Пря-Прямико-кова до-до-Ада-дама?

Паролькинъ.

На силу наконецъ мнѣ выиграла дама.

Праволовъ (оборачивается къ нимъ; а между тѣмъ Ѳекла подбираетъ карты).

Охотно, и на вашъ я посылаюсь судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ: скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.
Но звался онъ Ѳедотъ: такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;
И такъ вы видите, что явный тутъ обманъ:
И что чрезъ хищное, неправедное средство,

Өедотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

Наумычъ (Хватайку).

Вы лишній уголокъ....

Бульбулькинъ (Праволеву).

Прямой ты прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.

Хватайко (Бульбулькину).

Кто? я? да я не воръ.

Бульбулькинъ (Хватайку).

Льнетъ развѣ и къ тебѣ?

Хватайко.

Не гну и пальца даромъ.

Наумычъ (Хватайку).

Берете шутку вы съ такимъ, какъ правду, жаромъ.

Радбынъ.

Ра-развѣ Бо–Богданъ не не Өе-Өе-Өедотъ?

Атуевъ.

Ты видишь тутъ сбылось: Өедотъ–де, да не тотъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же.

Кривосудовъ.

Что жъ пуншу?

Өекла.

Анна! что жъ? проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.

Бульбулькинъ.

Мы скоро у нея ужъ милости попросимъ.

Кривосудовъ.

Когдабъ кто пѣсенку....

Пародькинъ.

Да лучше карты бросимъ:
Не стала дама везть.

Атуевъ.

Ты тяжело кладешь.

Кривосудовъ (Хватайку).

Любезный прокуроръ! ты хорошо поешь:
Запой намъ.

Хватайко.

Радъ душой, да голоса-то нѣту.

Кривосудовъ.

Ну! какъ нибудь.

Бульбулькинъ.

Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

Хватайко (поетъ).

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?
(Всѣ повторяютъ: «брать, брать, брать».
Софія, заткнувъ уши, уходитъ).

Кривосудовъ.

Ей браво! хорошо!

Хватайко.

Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульбулькинъ.

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца?

Хватайко (поетъ).

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобь брать? (размахивая руками).
(Всѣ повторяютъ: «брать, брать, брать».
А Наумычъ: «и драть»).

Хватайко.

Вѣдь безъ указа намъ не стать
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!
(Всѣ повторяютъ: «То свято!»)

Кривосудовъ (поетъ).

Но надо, чтобъ уйти прижимки,
И чтобъ не оплошать,
Перчатки невидимки
На мигъ не скидывать.
(Хватайко поетъ и всѣ акомпанируютъ:
Бери, большой тутъ нѣтъ науки, и прочая).

Кохтинъ.

Но подъ шумокъ-атъ я безъ бета, какъ безъ шляпы.

Паролькинъ (Наумычу).

Да слышь, укороти вотъ эти хищны лапы.
Ты доберешься такъ и до послѣднихъ крохъ:
Ужъ въ проигрышѣ я почти что сотъ до трехъ.

Наумычъ.

Да наши деньги вѣдь изъ вашего кармана.

Бульбулькинъ.

Вы вспомните лишь имъ Өедота иль Богдана,

То счастіе тотчасъ возьметъ къ вамъ оборотъ.

Парольнинъ.

Поди съ Ѳеклотомъ прочь: ему, слышь, не везетъ,
И хлапъ ужъ проигралъ. Такъ къ дамѣ я пригнуся
Еще хоть разъ.

Атуевъ.

Постой: а я такъ уцѣплюся
За хлапа.

Наумычъ (по знаку Праволова дѣлаетъ талію фосъ).

Хлапа я что хлопну, то убью.

Парольнинъ.

Фальшива талія.—Ну! заплати-жъ мою.

Атуевъ.

Мои двѣ пароли.

Хватайко.

Мнѣ за туза съ транспортомъ.

Радбынъ.

И ба-ба-банкъ чи-чистъ.

Парольнинъ.

На силу съ этимъ чортомъ
Мы сладили.

Праволовъ.

А что, схватили?

Парольнинъ.

Наконецъ.

(Встаютъ и попиваютъ, Наумычъ имъ подноситъ).

Кохтинъ.

Такой же и моей игрѣ, сударь, вѣнецъ.
Безчетно проигралъ.

Праволовъ.

И такъ спустилъ я много!
Но какъ быть? не всегда щечиться изъ чужаго (смѣется).

Ѳекла.

Не такъ-то много: вотъ почти и ничего.

Праволовъ.

Да такъ, сударыня, четыреста всего.
(Встаетъ онъ и Ѳекла).

Ѳекла.

Да что же, Анна, ты на стѣны зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ избаловалась.

Бульбулькинъ.

На силу вотъ и мы послѣднее беремъ;
Конецъ (встаютъ и они).

Праволовъ.

А сколько же считается на немъ?

Бульбулькинъ.

Почти что на тебѣ весь счетецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.

Кривосудовъ.

Мнѣ сорокъ доведется. (Къ Бульбулькину):
Съ васъ восемь.

Бульбулькинъ.

Такъ.

Праволовъ.

Ну! я довольно просолилъ. (Платитъ Кривосудову и Бульбулькину).
Извольте-жъ проигрышъ.

Кривосудовъ.

Да я бы погодилъ.

Праволовъ.

Нѣтъ, я люблю платить: вѣдь денежка счетъ любитъ.
(Платя Бульбулькину, въ полголоса)
Мой проигрышъ никто, я чаю, не раструбитъ.

Бульбулькинъ (въ полголоса).

Никто, никто (къ Кривосудову въ слухъ):
А съ васъ по старымъ сколько я?..

Кривосудовъ (вынимая записную книжку).

Сочтемъ тотчасъ; при мнѣ записочка моя.

Праволовъ (къ Атуеву).

Я въ дѣлѣ лишь на васъ надежду неизмѣнну....

Атуевъ (насилу стоя на ногахъ).

Надѣйся на меня какъ на Кремлевску стѣну.

Праволовъ (къ Парольнину).

Могу ли въ дѣлѣ я на васъ?...

Парольнинъ (обливъ руку пуншемъ).

Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука, коли не подпишу.

Праволовъ (къ Радбыну).

На васъ надѣяться я какъ на друга стану.

Радбынъ (указывая на товарищей, попивающихъ и поющихъ: «бери»).

Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не от–от–от–стану (выпиваетъ стаканъ).

Праволовъ (къ Бульбулькину).

Позволите-ль на васъ надежду въ дѣлѣ класть?

Бульбулькинъ.

Скажи секретарю; а онъ что мнѣ по–дасть....

(Кохтинъ подаетъ ему покалъ, а онъ беретъ его и выпиваетъ).

То я хоть этими обѣими руками...

Праволовъ (къ Хватайку).

Я васъ межъ лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе ищу.

Хватайко.

Свахляютъ пусть они; а я ужъ пропущу (Выпиваетъ стаканъ).

Праволовъ (къ Кривосудову).

На васъ я въ дѣлѣ ужъ....

Кривосудовъ.

Да дѣло–то худенько!
Вѣдь штрафъ пять сотъ рублей; такъ надо бережненько!...

Праволовъ (дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія. Ласково).

Когда случится что, я ихъ плачу за васъ;
Надежны будьте.

Кривосудовъ.

Такъ, но лучше бы въ запасъ...
(Дѣлаетъ будто деньги считаетъ).

Праволовъ.

Такъ я ихъ по утру пришлю въ сохранность вашу.

Кривосудовъ (указывая на членовъ, поющихъ: «бери»...).

Инъ быть такъ: съ ними ужъ я не поразноглашу.

Праволовъ (Кохтину).

У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ:
Ты помощь окажи. А это на въ закладъ.
Могу-ль надѣяться? (даетъ ассигнацію).

Кохтинъ (подставляя карманъ кафтанной).

Извольте положить–ся.

Праволовъ (ко всѣмъ).

Однако не пора–ль съ хозяиномъ проститься?

Бульбулькинъ.

Пора, покойна ночь!

Атуевъ.

Прощайте, ужъ пора.

Хватайко.

Слуга вамъ.

Паролькинъ.

Сладка сна!

Радбынъ.

Пора-ра насъ съ двора (гости уходятъ обнявшись и припѣвая: «бери, бери», а Ѳекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова).

[1]) Капнистъ, Василій Васильевичъ, род. 1757 г. полтавской губ. миргородскаго уѣзда въ деревнѣ своей Обуховкѣ, которую изобразилъ въ особомъ стихотвореніи (Обуховка), подражая Горацію (кн. II, ода 18) и Державину, описавшему также свое помѣстье (Званка). Ум. тамъ же 1824 г. Первымъ сочиненіемъ его была ода, на фран. яз., по случаю Кайнарджійскаго мира съ Турціею (1774); напечатанная особо 1775 г., она перепечатана потомъ въ августовской книжкѣ С.пбургскаго Вѣстника, 1780 г. За нею слѣдовала «Сатира первая» (Спб. Вѣст. 1780, іюнь), передѣланная и помѣщенная въ 5 ч. Собесѣдника, 1783 г., подъ именемъ «Сатиры первой и послѣдней», и возбудившая полемику. Первое собраніе сочиненій Капниста вышло въ Спб. 1796: здѣсь находятся оды торжественныя (въ томъ числѣ на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второю, 1786 г.), оды на разные случаи, лирическія мелочи, сатира первая и послѣдняя и эпиграммы. Въ «Лирическихъ сочиненіяхъ» его (Спб. 1806), посвященныхъ Александру I, оды раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: духовныя, торжественныя (въ которыя вошла и ода «На рабство», 1783 г., исключенная изъ изданій 1796 и Смирдинскаго 1849 г.), нравоучительныя и элегическія, гораціанскія и анакреонтическія. Смирдинское изданіе, удержавъ эти рубрики, пополнило ихъ новыми піесами, написанными послѣ 1806 г., и кромѣ того присоединило еще четыре отдѣла: драматическія піесы (см. ниже), посланія, смѣсь и проза. О жизни Капниста см. во 2 т. Словаря достоп. людей, Бантышъ-Каменскаго, 1847 г.

[2]) «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798». Посвящена императору Павлу I. Посвятительные стихи указываютъ какъ предметъ піесы, такъ цѣль ея и благородное назначеніе литератора:

Ты знаешь разные людей строптивых нравы:
Иным не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Талія порок изобразил:
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажил,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ них страшуся я навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но, бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Другіе драматическіе труды Капниста: «Сганаревъ, или мнимая невѣрность, ком. въ 3 д. Мольера, переложенная стихами» (Sganarelle, ou le cocu imaginaire), была представлена 1806 г.; «Антигона, трагедія въ 5 д., въ стихахъ» (представлена 1815 г.). Обѣ эти піесы, вмѣстѣ съ Ябедой, напеч. въ Смирд. изд. сочиненій Капниста, 1849 г. (Полн. собр. сочин. рус. авторовъ). Капнистъ самъ осмѣялъ и Сганарева и Антигону въ нѣсколькихъ эпиграммахъ:

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ Сганаревѣ смѣлъ такъ осрамить Мольера;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то Капнистъ.

Любезну Антигону,
Которой прелестьми насъ Озеровъ (*) плѣнилъ,
Капнистъ, чтобъ угодить Креону (**),
Въ трагедіи своей убилъ.

«Ябеда» принадлежитъ къ числу тѣхъ комедій, которыя, по важности своего содержанія, называются «общественными». Онѣ обличаютъ господствующій недостатокъ цѣлаго общества или какого-либо его сословія въ извѣстную эпоху. Чѣмъ вреднѣе этотъ недостатокъ дѣйствуетъ на нравы и чѣмъ обширнѣе его вліяніе, тѣмъ болѣе возвышается значеніе піесы, выставляющей его на судъ и осмѣяніе публики. Главный предметъ комедіи Капниста — ябеда, какъ показываетъ самое ея названіе. Лице злаго ябедника Праволова рѣзкими чертами описывается въ первой сценѣ перваго акта. Чѣмъ страшенъ мой соперникъ? спрашиваетъ полковникъ Прямиковъ у повытчика Доброва, единственнаго честнаго человѣка изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты. Что за вопросъ такой! отвѣчаетъ Добровъ: соперникъ вашъ — ябедникъ; этимъ все сказано. Въ другомъ мѣстѣ Добровъ говоритъ: противъ ябеды ничто не помогаетъ; ее-то надобно бояться. Другой предметъ комедіи — взяточничество, что узнаемъ изъ той же сцены, которая хотя знакомитъ зрителей съ обстоятельствами дѣйствія посредствомъ разговора между Добровымъ и Прямиковымъ, и слѣдов. составляетъ такъ называемую экспозицію, неумѣстную въ драмѣ, однакожъ, при характеристикѣ членовъ палаты, исполнена меткихъ и сатирическихъ изображеній, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются и теперь, какъ типическія поговорки, на прим.:

....Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
....Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ онъ далеко.—
А о секретарѣ дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ.—
....Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.—

Двоякій предметъ піесы указанъ самимъ авторомъ въ посвященіи ея Павлу I (см. выше): «Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ». Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выводъ ея относится во первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. Что ни говори, а дѣло плоховато! восклицаетъ судья Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ другими членами гражданской палаты. Въ чемъ состоитъ это плоховатое дѣло—объясняется словами служанки Анны: «Жить ябедой, и тѣмъ, что взято, то и свято». Сюжетъ комедіи простъ. По обычаю всѣхъ французскихъ комедій, она не обходится безъ любви и свадьбы. Праволовъ затѣялъ процессъ съ Прямиковымъ и хочетъ оттягать у него имѣніе, доставшееся ему по законному наслѣдству. Чтобы вѣрнѣе склонить на свою сторону предсѣдателя палаты Кривосудова, онъ сватается за его дочь Софью, въ которую давно влюбленъ Прямиковъ. Всѣ члены палаты: Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ и Паролькинъ, равно прокуроръ Хватайко и секретарь Кохтинъ, задаренные ябедникомъ и его повѣреннымъ Наумычемъ, рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Сцена, въ которой всѣ они пируютъ у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены Ѳеклы и сговора его дочери, ярко представляетъ ихъ безцеремонное обращеніе съ законами; и какъ пирушка доходитъ до оргіи, такъ ничѣмъ несдержанное самовысказываніе

(*) Въ трагедіи: Эдипъ въ Аѳинахъ.
(**) Дѣйствующее лице въ трагедіи: Антигона.

служителей Өемиды обращается въ цинизмъ. Но мѣра ябедничества и кривосудія наконецъ исполнилась: сенатъ, узнавъ многія беззаконныя дѣла Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ гражданской палаты предать суду уголовному. Пiеса оканчивается свадьбой: Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку. Кромѣ того, отцу представляется въ перспективѣ и другое утѣшеніе, которое могло бы сдѣлаться предметомъ новой комедіи. «Авось—либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка», замѣчаетъ служанка Анна. Добровъ говоритъ на это:

Вирямь: моетъ, говорятъ вѣдь, руку де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей. частехонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

Успѣхъ «Ябеды» былъ чрезвычайный. Какъ публика приняла ее при постановкѣ на сцену, какое раздраженіе произвела она на людей, причастныхъ ябедѣ и подкупности, и какимъ опасностямъ подвергся было авторъ за свою сатирическую смѣлость, см. въ Библ. Зап. 1859 г., стр. 47 (анекдотъ изъ жизни Капниста).»Ябеда» долго держалась на сценѣ, вытѣсненная только комедіями Грибоѣдова и Гоголя (Горе отъ Ума и Ревизоръ). И теперь, конечно, представленіе ея, по язвительной сатирѣ многихъ мѣстъ, по вѣрности дѣйствій, въ ней изображенныхъ, наконецъ по сильнымъ стихамъ, не потерявшимъ своего достоинства, не было бы анахронизмомъ. Бантышъ-Каменскій разсказываетъ анекдотъ, которому онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, во время представленія Ябеды, когда Хватайко запѣлъ: «Бери, большой тутъ нѣтъ науки», зрители начали рукоплескать, и многіе изъ нихъ, обратясь къ чиновнику, занимавшему мѣсто, соотвѣтственное должности прокурора, произнесли въ одинъ голосъ, называя его по имени: это вы! это вы! (Словарь, т. 2).

LXXIV.

ПЛАВИЛЬЩИКОВЪ (¹).

КОМЕДІЯ: СГОВОРЪ КУТЕЙКИНА. (1799). (²).

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Театръ представляетъ комнату).

Власъ, Соломонида и Прасковья.

Соломонида.

Помилуй, батюшка Власъ Трифоновичъ! Затѣваешь ты нынче сговоръ; вѣдь ты дѣвку-то уморишь: развѣ она не дочь тебѣ? Не уже ли, кромѣ дьячка Кутейкина, не льзя сыскать ей жениха? Да ты же самъ слово далъ Савелья Тарасьевича сыну. Онъ поѣхалъ не надолго и сегодня сюда будетъ.

Власъ.

Какая нужда, что будетъ: я ему откажу.

Соломонида.

Да вѣдь они купцы не послѣдніе.

Власъ.

Послѣдніе ли, первые ли, только откажу.

Соломонида.

Да хорошее ли дѣло не держать слова.

Власъ.

Хорошее ли, не хорошее ли, только откажу.

Соломонида.

Безтолковый Торопчанинъ! они другъ друга полюбили, а Параша этого дьячка видѣть боится; да и Ерастъ Савельичъ не стерпитъ твоего отказу.

Власъ.

Стерпитъ ли, не стерпитъ ли, только откажу.

Соломонида.

Откажу, да откажу: наладилъ, какъ сорока Якова. Параша и такъ горюетъ: она умретъ съ тоски.

Власъ.

Умреть ли, не умреть ли, только откажу.

Соломонида.

Такъ не откажешь.

Власъ.

Вотъ откажу.

Соломонида.

Не бывать по твоему.

Власъ.

Вотъ будетъ.

Соломонида.

А вотъ не будетъ.

Власъ.

Соломонида! не кочевряжься: а то въ мигъ виски отстучу.

Прасковья.

Батюшка!

Соломонида.

Что? драться? Нѣтъ, муженекъ, погоди: тебѣ прежде всю бороду выщиплю, нежели ты меня щелчкомъ тронешь.

Прасковья.

Матушка!

Соломонида.

Когда тебѣ милъ этотъ долгополый Кутейкинъ, такъ повѣсь его себѣ на шею, да и цѣлуйся съ нимъ. Ты бы еще радовался, отецъ добрый, что за дочь сватается такой достойный женихъ.

Власъ.

Кто? этотъ щелкоперъ, бусурманъ, который пьетъ табакъ, да волосы корчитъ? Парашѣ за нимъ не бывать. Ты, проклятая, заставила ее учиться: не бывать бы тому, какъ бы меня бывшій мой хозяинъ не услалъ въ Сибирь на Кяхту. Да за чѣмъ ты безъ меня велѣла ее учить? По-пусту теряла только деньги: вотъ она и научилась какой-то Грамматикѣ, да Ергафіи, да всякому вздору; а я этой тарабарщины не люблю. Нашимъ дѣвкамъ и грамота-то не годится; она мастачка лебезить кружева, да пѣть заунывно; да какъ выдетъ за мужъ, такъ умѣла бы на мужа рубашку сшить; а это все на кой чертъ? да къ тому жъ еще смыслитъ она и полюбитъ. А ты, мать, потакаешь: она стала бусурманка, да и хочетъ за бусурмана же. Нѣтъ, другъ мой! выдь-ка за благочестиваго человѣка; онъ самый християнинъ. И его въ школахъ-то учили, да вотъ въ комъ искра-то Божья есть: какъ дошелъ до какой-то Риторики, а по нашему ереси, такъ и уперся: не хочу, да не хочу. Что сдѣлали? лихъ отпустили; за то-то самое и взялъ его къ себѣ въ село Тарасъ Ѳедуловичъ Скотининъ; и, слышь ты, любитъ его безъ памяти. О, этотъ самый состоятельный человѣкъ! онъ тебя, Прасковьюшка, опять обратитъ въ христіанскую вѣру.

Прасковья.

Я никогда ее не покидала.

Власъ.

Что? и ты со мной заспорила? а знаешь ли пословицу: которая овца умпѣе отца, тое волкъ съѣстъ. Слышала ль?

Соломонида.

Когда онъ такой благочестивый, какъ ты говоришь, такъ возьметъ ли онъ бусурманку?

Власъ.

Ужъ я знаю, что возьметъ.

Соломонида.

А я знаю, что не возьметъ. Ужъ я на то пошла, чтобъ это разорвать, такъ вѣрно разорву: во что Богъ ни поставитъ, а Кутейкину моей дочери не видать, какъ ушей своихъ.

Власъ.

Развѣ твоему Ерасту Савельичу.

Соломонида.

Онъ можетъ тебя принудить сдержать слово.

Власъ.

Право? Ай, хозяйка! попѣвай, небойсь! Чертъ возьми этакаго дьявола; не хочу я имѣть зятя умницу: чего ждать отъ него? подвоху развѣ? Когда это видано, чтобъ нашъ братъ купецъ и приходъ и расходъ писалъ въ книгу! да еще и

говоритъ: тутъ можно-де обо всемъ справиться яснѣе! да о своей ли онъ головѣ? да не услышь лукавый лихова слова! Нѣтъ, я его боюсь, какъ дьявола: провались онъ, окаянный!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Прасковья, Соломонида, Скотининъ, Кутейкинъ, Цыфиркинъ, Власъ и Еремеевна.

Власъ (отворяя дверь).

Просимъ еще жаловать, Тарасъ Ѳедуловичъ!
(Скотининъ входитъ; за нимъ сваха, за свахой женихъ, а за женихомъ дружко).

Скотининъ.

Здравствуйте на здоровье. (Уставилъ глаза на невѣсту). Ба! да невѣста-то хороша; да и не по купецки одѣта. Ай, братъ да Сидорычъ! выхватилъ дѣвку.

Власъ.

Садиться, милости просимъ, гости дорогіе! Хозяйка! кланяйся; пожалуйте. (Кланяется).

Скотининъ.

Ну, вотъ и сѣлъ. Давай-ка, хозяинъ, выпить-то.

Власъ (Кутейкину).

Пожалуйте, прошу жаловать-сте, о сажденіи прошу. Хозяйка! кланяйся.

Цыфиркинъ.

У насъ въ стары годы водилось, что жениха сажаетъ невѣста.

Власъ.

И въ заподлинную-сте такъ! Хозяйка! кланяйся. Параша! поклонись.

Прасковья.

Сядьте, пожалуйте.

Цыфиркинъ.

А жениху надо стоять до урочнаго времени.

Скотининъ.

Вотъ-те на! садись добро: за нашими пустаками да мнѣ не подносятъ; садись. да и всѣ садитесь (Прасковья подноситъ рюмки, за ней мать съ подносомъ, на коемъ дары).

Скотининъ.

Вотъ спасибо! ай да невѣста! (пьетъ). Тѣ-то добрая сивуха!

Власъ.

Пѣнникъ, ваше благородіе. (Соломонида подноситъ дары).

Скотининъ.

Это на что? да вѣдь платкомъ-то закусить не льзя.

Власъ.

Такъ водится; прошу о принятіи. Хозяйка! кланяйся.

Скотининъ.

Ну, инъ коли взять, такъ взять.

Власъ.

Всеуниженно благодарствуемъ. Хозяйка! кланяйся. (Послѣ чего всѣмъ, тѣмъ же порядкомъ, подносятъ вина и дары).

Скотининъ.

Ну, вотъ мы всѣ здѣсь сѣли, да и сидимъ. Нутка братъ, женихъ; ба, да ты мнѣ сказывалъ, что невѣста-то умнѣе тебя.

Кутейкинъ.

Воистинну такъ.

Власъ.

Училась кое-чему.

Скотининъ.

Бывало я ученыхъ умницъ не любилъ; а нынѣче съ тѣхъ поръ, какъ Сидорычъ у меня въ селѣ, я ученье полюбилъ; а пуще всего какъ онъ съ сосѣдскимъ дьячкомъ у меня споритъ; ну вотъ, слышь ты, забудешь и свиней, глядя на нихъ.

Цыфиркинъ.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Скотининъ.

А я больше свиней ничего не люблю. Да, хозяинъ, слышалъ я, что твоя дочь еще пѣть мастерица.

Власъ.

Преузорочно-сте поетъ, ваше благородіе.

Скотининъ.

То, братъ, и жениха-то изъ десятка не выкинешь. Вотъ какъ мы съ нимъ

да подопьемъ гораздо: я сяду подъ окно, да велю выпустить свиней; я на нихъ любуюсь, а онъ запоетъ; а особливо мастеръ: *во ржи береза*, сердце такъ и радуется. Онъ поетъ въ горницѣ, а на дворѣ свиньи визжатъ: ну, что твоя музыка!

Кутейкинъ.

Вы, жалуя меня, такъ шутствовать изволите.

Скотининъ.

Хотѣлъ бы я теперь послушать, какъ тебѣ невѣста ошибетъ крылья. Ну, поспорь-ка съ ней: это не сосѣдскій дьячекъ.

Кутейкинъ.

Что касается до ученья, не отъ діавола ниспосланнаго на землю, воистинну ни предъ кѣмъ не потрушу.

Власъ.

И покорно-сте просимъ поглядѣть: больно у меня болитъ сердце; а особливо, когда подумаю, что въ такомъ городѣ учена, гдѣ нѣмецъ на нѣмцѣ, французъ на французѣ. Хозяйка, кланяйся.

Кутейкинъ.

Воля дому владыки: егда угодно, приступлю къ эксамену. Изучена ли латынскому языку?

Парасковья.

Нѣтъ-съ.

Кутейкинъ.

Оный языкъ всѣмъ языкамъ мать; о чемъ и говорить. Вы до піитики и до риторики не доходили.

Парасковья.

Нѣтъ-съ; а училась я между прочими упражненіями словеснымъ наукамъ. Про піитику и не слыхала; а о стихотворствѣ понятіе имѣю; до риторики же не доходила, а училась ей.

Власъ.

Сердце слышало, что она эту ересь знаетъ.

Кутейкинъ.

Не ересь, но великая наука. Умѣете ли вы дѣлать хрію?

Скотининъ.

Что за дуракъ! умѣетъ ли она дѣлать хрю: развѣ она свинья? Коли ваша риторика учитъ дѣлать хрю, или хрюкать: такъ мои свиньи великія въ ней мастера.

Кутейкинъ.

Не хрю, но хрію.

Скотининъ.

Все одинъ чертъ: что хрію, что хрю. Да эта риторика очень весела; я горазо люблю слушать, какъ свиньи хрюкаютъ.

Кутейкинъ.

Не свиньи по риторикѣ хрюкаютъ, но люди компанируютъ хрію; сіе называется: размноженіе данной пропозиціи.

Скотининъ.

То дѣло другое: давно бы ты и говорилъ. Да не та ли это диспозиція, какъ я бывало служивалъ въ гвардіи капраломъ? тамъ выгонятъ насъ на парадное мѣсто на ученье, да всему полку и дадутъ диспозицію.

Кутейкинъ.

Не диспозиція, но пропозиція; сирѣчь по нашему предложеніе, а предложеніе изъ одной мысли состоитъ; къ нему же должно придать много единогласныхъ другихъ, къ тому пригодныхъ, и будетъ изъ того эксордіумъ, трактаціо и конклюзія; тогда учинится хрія.

Скотининъ.

Этого я не знаю; это что-то мудрено.

Кутейкинъ.

Мудреность побѣждаютъ наукою.

Еремеевна (Соломонидѣ).

Каковъ, моя матушка, женихъ—то! что ни скажетъ, какъ соловушекъ свиснетъ. Батька ты мой, Сидорычъ, какъ бы ты научилъ Митрофана Терентьевича своей премудрости: великъ бы ужъ онъ о сію пору былъ человѣкъ.

Соломонида.

Повѣсься ты съ нимъ на горькой осинѣ.

Скотининъ.

Хозяинъ! диспозиція, или по Кутей—

кину распозиція: поднеси-ка по хорошенькой, такъ веселѣе будетъ слушать.

Власъ.

Всенижайше больно радошенъ я тому. Не соизволите ли ю стопочкѣ воронку? преузорочный есть у меня! самъ сбилъ. Сватенька дорогая! поднеси-ка, пожалуй.

Скотининъ.

Ха, ха, ха! Еремеевна! ну-ка, поднеси; да смотрижъ непроворнѣе: у сестры такъ ты леткомъ летала.

Еремеевна (въ сіе время приноситъ кулганъ со стопкой и наливаетъ).

Ворога моего избавь, Господи, отъ нея.

Власъ.

Во здравіе, государь, прошу выкушать. Хозяйка! кланяйся.

Скотининъ.

Ай да воронокъ! ого, братъ, да эта стопа такъ заберетъ, что ну да на.

Власъ.

Что, осударь! благодаря Творца, вамъ на здравіе пенять невозможно. (Въ сіе время всѣхъ обносятъ).

[1]) Плавильщиковъ, Петръ Алексѣевичъ (р. 1759, у. 1812), сынъ купца, обучался въ москов. университетѣ и, по окончаніи курса, поступилъ въ драматическую труппу с.-п.бургскаго театра, которая состояла тогда изъ отличныхъ артистовъ: Дмитревскаго, Гаврилы Волкова (брата Ѳедора Григорьевича), Попова, Соколова, Шумскаго, Лапина. Служа при театрѣ, онъ преподавалъ русскую словесность въ Академіи Художествъ и реторику въ Горномъ корпусѣ. Многія статьи его, въ стихахъ и прозѣ: «О врожденномъ свойствѣ Россіянъ», «Театръ», «Передняя знатнаго барина» и др., помѣщены въ ежемѣсячномъ изданіи И. Крылова: «Зритель» (1792). Кромѣ того писалъ онъ трагедіи, комедіи и драмы, изъ которыхъ особенною извѣстностію пользовались комедіи: Бобыль (1792), Мельникъ и Сбитенщикъ соперники (1793) и Сговоръ Кутейкина (1799). Всѣ три піесы имѣли по два изданія. Изъ Петербурга Плавильщиковъ перешелъ на московскую сцену, гдѣ съ Шушеринымъ, Померанцевымъ, Ожогинымъ и другими артистами раздѣлялъ вниманіе публики. Какъ образованный литераторъ, онъ былъ выбранъ (1811) въ члены Общества Любителей Рос. Словесности. О степени его образованія ясно свидѣтельствуютъ «Отвѣты» на предложенные г. Саларевымъ три вопроса и напеч. въ 4 ч. Трудовъ означеннаго общества (стр. 160). Вопросы состояли въ слѣдующемъ: 1) Почему трагедіи древнихъ не основывались на любви, подобно трагедіямъ новѣйшихъ писателей, и которыя изъ нихъ преимущественнѣе? 2) Приличенъ ли характеръ Эдипа трагедіи? 3) Почему у Римлянъ не было знаменитыхъ трагиковъ, подобныхъ греческимъ? (Труды, ч. IV, стр. 40; Слов. Евгенія II). О достоинствахъ Плавильщикова, какъ артиста, см. въ Вѣст. Евр. 1815, № 10, стр. 156. Статья написана Николаемъ Ильинымъ, переводчикомъ «Нѣмецкаго Жильблаза» (1795—97), Характеровъ Лабрюйера (1812) и многихъ франц. піесъ, издателемъ Друга дѣтей на 1809 г. и авторомъ драмъ, имѣвшихъ въ свое время огромный успѣхъ: «Лиза, или торжество благодарности» (1802), и «Великодушіе, или рекрутскій наборъ» (1804). Похвальные отзывы объ игрѣ Плавильщикова даны также Каменевымъ (см. его письма въ 1-ой кн. сборника гр. Сологуба: «Вчера и Сегодня», стр. 40 и дал.).

[2]) «Сочиненія Петра Плавильщикова, 4 ч. Спб. 1816». Въ піесѣ есть нѣсколько забавныхъ сценъ, но цѣлое неважно. Еремѣевна, няня Митрофанушки, сватаетъ Кутейкина за купеческую дочь Прасковью, у которой есть другой женихъ по сердцу, молодой купецъ Пименъ. Отецъ невѣсты, Преслѣпъ, на сторонѣ Кутейкина; мать ея, Соломонида, на сторонѣ Пимена. Дѣло улаживается тѣмъ, что въ рукахъ Пимена вексель Преслѣпа, уплатить по которому онъ не въ силахъ. Пименъ, вступая въ семейство Преслѣпа, считаетъ вексель уплаченнымъ и раздираетъ его. Успѣхъ «Недоросля» произвелъ многія ему подражанія. Можно сказать, что у піесы Фонъ-Визина образовалось цѣлое потомство, въ которомъ встрѣчаются прежнія лица: Простаковы, Митрофанъ, Скотининъ, Еремѣевна, Кутейкинъ, Цыфиркинъ; но какъ эти копіи блѣдны въ сравненіи съ своими подлинниками! Кромѣ «Сговора Кутейкина» мы имѣемъ комедіи: «Митрофанушка въ отставкѣ», Городчанинова (1800), и «Митрофанушкины имянины, россійское сочиненіе» (1807). Послѣдняя рѣшительно ничтожна. Въ отдѣльныхъ изданіяхъ «Сговора Кутейкина» (1-ое 1799 г. и 2-ое 1821 г.) имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ другія: Преслѣпъ вм. Власъ, Неохъ вм. Савелья Тарасьевича, Пименъ вм. Ерастъ. Сверхъ того Пименъ—офицеръ, а не купеческій сынъ, какъ Ерастъ.

LXXV.

НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ. (1).

1. Пѣсня: «Выду я на рѣченьку». (2).

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изныває́тъ,
Страсть мучительну тая:
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что́ душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его—мой весь законъ;
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь;
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

2. Пѣсня: «У кого душевны силы».

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится!
Казнь—и благо дней моихъ!
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божествомъ (3).
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить,

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей.

Еслижъ будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей:
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

3. *Къ Лунѣ.* (4).

Въ вечерній мирный часъ, когда природа дремлетъ,
Какъ царствуетъ вездѣ любезна тишина:
Безмолвный твой глаголъ душа и сердце внемлетъ,
Другъ меланхоліи! сребристая луна!
Лучемъ волшебнымъ ты смиряешь чувствъ волненье;
Надежды сладкое питаешь упоенье;
Стенящему несешь отраду въ злой судьбѣ,
И образъ кротости являешь намъ въ себѣ.

Краса величія и благости подруга!
О кротость! первое сокровище царей!
Бесѣды избранной средь счастливаго круга,
Ты все животворишь въ странѣ прелестной сей.
Въ ней геній благости, тобою къ намъ сіяя,
Благоговѣнье въ насъ воззрѣньемъ осмѣляя,
Къ пристойной вольности здѣсь каждаго зоветъ,
И чистыхъ намъ утѣхъ примѣръ въ себѣ даетъ.

Свѣтило милое! Цинтія (5) дорогая!
Свой дѣвственный къ намъ взоръ умильно обращая,
Когда среди небесъ являешься безъ тучъ:
Утѣхамъ здѣшнимъ твой тогда подобенъ лучъ.

4. *Стихи на заданныя риѳмы.* (6).

Бывалъ я молодецъ: сталъ мокрая *тряпица*;
Что прежде было медъ, теперь мнѣ то *горчица*.
Бывало, поясомъ свой сдѣлавши *платокъ*,
Пуститься въ плясуны и въ зубы взять *свистокъ*
Довольно, чтобъ забыть большое *огорченье*;
А нынѣ! грусть пришла... и тщетно все *раченье*.
Ко счастью человѣкъ ползетъ какъ будто *ракъ*:
Ему бы все впередъ—онъ пятится *дуракъ*!
Играетъ съ молоду, какъ въ чистой рѣчкѣ *щука*;
А съ лѣтами придутъ заботы, грусть и *скука*.

1) Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ (р. 1751, у. 1829), обучался дома, а потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ. По окончаніи наукъ поступилъ въ военную службу. Послѣ первой турецкой войны при Екатеринѣ II, кончившейся Кайнарджійскимъ миромъ (1774 г.), состоялъ кавалеромъ посольства въ Константинополѣ при кн. Репнинѣ. За тѣмъ поступилъ въ корпусъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, и въ 1786 г. вышелъ въ отставку. Вновь поступилъ на службу при Павлѣ I (1796), статсъ-секретаремъ при принятіи прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Въ 1800 г. пожалованъ въ сенаторы. Кромѣ того Нелединскій былъ почетнымъ опекуномъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Стихотворенія Нелединскаго печатались въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ: Собесѣдникѣ, Московскомъ Журналѣ, Вѣстникѣ Европы, Трудахъ Общества Любителей Рос. Словесности и др. Смирдинъ издалъ ихъ вмѣстѣ съ сочин. Дельвига въ 1850 г. (Полн. Собр. сочин. рус. авторовъ). Нелединскій особенно славился пѣснями и романсами, заслужившими ему названіе «русскаго Шолье». (См. стихотвореніе «Погребъ» въ Вѣст. Евр. 1816, №№ 17 и 18, стр. 11).

2) Эта пѣсня пользовалась долгое время общею извѣстностью, на ряду съ пѣснями: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ» (Богдановича), «Стонетъ сизый голубочикъ» (И. Дмитріева), «Вечеркомъ въ румяну зорю» (Николева), «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина). Другія пѣсни и романсы Нелединскаго: «У кого душевны силы», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», имѣли, для своего времени, такое же значеніе, какое въ послѣдствіи пріобрѣли пѣсни Мерзлякова и Дельвига (см. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева, въ 23 № Москвит. 1853 г.).

³) Сличи предъидущіе шесть стиховъ съ «Посланіемъ къ Нинѣ», Жуковскаго:

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели съ послѣднемъ дыханьемъ угаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Ужели во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?...
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?...

⁴) «Въ Павловской фермѣ 1810 г. велѣно было написать стихи на сіявшую тогда луну». (Изд. Смирд., стр. 85).

⁵) Другое названіе Діаны, богини луны.

⁶) Буримe (bouts-rimés) — стихотворная игрушка, бывшая въ большой модѣ во Франціи (XVII и XVIII в.), а оттуда пришедшая и къ намъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы данныя слова помѣстить на концахъ стиховъ. Чѣмъ меньше соотношенія между данными словами, тѣмъ, конечно, труднѣе пристроить ихъ такъ, чтобъ въ піесѣ была выражена извѣстная мысль.

LXXVI.

КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКІЙ. (¹).

1. Каминъ въ Пензѣ (1794). (²).

Каминъ, товарищъ мой любезной!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко —
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ (³):
Дубовыми топлю дровами,
Своими попросту руками
И самъ расклалъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотря на быстрый бѣгъ дымовъ, —
Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ—мигомъ жжетъ.

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ,
Царей даю смятеннымъ градамъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью обольщенныхъ,

Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить;
Злыхъ ябедъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлавъ пропасть славныхъ дѣлъ,
Опять къ любезному предмету
Несу убогій свой удѣлъ:
Каминъ полѣньями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый?»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый,
Чего не достаетъ тебѣ?
Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
Жену прекрасную лобзаешь,
Дѣтей любезныхъ тормошишь;
Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

«Ты всуе молишь Провидѣнье,
Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
Сребро и злато—обольщенье:
Бѣднякъ покойнѣе стократъ.
Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
Тотъ сколько золота ни сплавитъ,
Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
Кто, по прибаскѣ русской, ножки
Тянуть умѣетъ по одежки,
И мѣдный грошъ цѣнитъ рублемъ.

«Напрасно и о томъ скучаешь,
Что не живешь въ иномъ краю:
Не ужъ ли ты воображаешь,
Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
Вездѣ тѣжъ были человѣки;
Богъ міру далъ все пополамъ;
Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства:
Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ».

Такъ думу думалъ и, вздыхая,
Воображалъ нашъ краткій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли», мнилъ я, «человѣкъ?
Постигнетъ и его кончина
Такъ точно, какъ среди камина
Теперь огонь щепы палитъ.
Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
Въ лѣсу ни съ кѣмъ онъ не былъ равенъ:
Сегодня срубленъ—и горитъ.

«Колико мы ни нарохтимся
Одинъ другаго выше стать,
Напрасно, право суетимся:
Хоть титло въ листъ, а умирать!
Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ.
Нельзя противиться намъ силѣ
Законовъ вѣчныхъ естества (4);
Конца достигнетъ вся вселенна,
И скотъ и тварь одушевленна
Въ свой часъ лишатся существа».

И такъ-то, бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ:
То рубль одинъ мильономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ, къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великій другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь,

Со всякимъ вздоромъ книгъ посѣтешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Не рѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
Съ лучинной вмѣстѣ зажигалъ;
Огонь физическій съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны:
Вамъ царство радостей дано.
Стократъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда?... въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные, учитесь
Во всемъ средину ([5]) познавать,
И буи міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сплю и грѣюсь:
Каминъ мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенный пожаръ:
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ—погасъ каминъ.

2. *Авось* (*1798*). ([6]).

Хочу стихи писать отъ скуки—
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей, ей, не знаю.
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться—
По мнѣ такъ это не годится:
Нѣтъ! лучше выдумать свое.

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣстъ жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ!
Съ чего?—Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, кстати ты пришлось!

О слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты русское, прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь:
Куда съ копытомъ конь помчится,
Тудаже ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, Авось!
Скажу—и это, чай, не ложно,—
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая темы,
Исчерпай естества системы,—
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за Авось возьмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь-ли поспорить,

Высокомудрый философъ?
Напрасно станешь умъ задорить:
На правду-матку мало словъ.
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть—
Такъ тутъ у всѣхъ Авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ:
Пойдешь Авось—вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ—все буеракъ.
Удача—матушка ты наша;
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло:
Коль тутъ Авось—все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя,
Давно сей сякнетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ:
Откуда что у нихъ взялось?
Что былъ бы Ромулъ, витязь бравый,
Сей Римлянъ царь превеличавый,
Что былъ бы, еслибъ не Авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина не пьющихъ мусульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша христіанъ?
Что Магометъ богохулитель,
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Чтобъ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ Авось? Точь-въ-точь, что я!

Колико нѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ!
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждый грошъ промочитъ—
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ;
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ:
И гдѣ не сѣялъ—пожинаетъ,
Что восхотѣлъ—то и творитъ.

Вѣщайте, мудрецы, вѣщайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное;
Хотя и мнится, что пустое (7),
Да вѣдь его не стать учить.
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая:
Авось она не разглядитъ;
Растетъ—тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ Авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячитъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякій самъ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду,

И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслятъ управлять?
Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его Авось вѣдь удается:
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой—правда, Богъ—мой щитъ!

И такъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего,
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подъ часъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся:
Не посрами мёня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,
Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но средствъ на то честныхъ не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся;
Въ оврагъ спихнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О часъ досуга вожделѣнна!
Прошелъ и въ вѣчность канулъ ты!
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Исчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось;
Согрѣй ты тамъ возлѣ Камина (8)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ?.... Авось!

3. Завѣщаніе (1799). (9).

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ.
Тогда со всѣхъ концевъ вселенной
На страшный судъ, нелицемѣрной,
Стекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжей столкнется изувѣръ.

Въ пространномъ царствѣ всей природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ;
Увидимъ разные народы,
Колико ни было до насъ.
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
Которыхъ вовсе не знавали,
Потомковъ тмы явятся тутъ;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчелы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притуплятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ доколь въ земной утробѣ,
И былъ-ли онъ парчей одѣтъ,
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили.
Вопросъ: какъ жилъ? – давай отвѣтъ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями ([10]) за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй.
Съ друзьями тамъ соединюся;
Съ отцомъ, съ сестрой, съ дѣтьми сойдуся,
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сей освященной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
Никто не возьметъ отъ меня.

О вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны:
Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схоронится,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!

Добро, какое я имѣю,
Даю женѣ и дѣтямъ все:
Давать могу—доколь владѣю;
Умру—ничто ужъ не мое.
Печальныхъ картъ не посылайте,
И черныхъ платьевъ не вздѣвайте:
Пустой убытокъ, пышный вздоръ!
Ни въ дождь, ниже во время ясно,
Не мучьте вкругъ меня напрасно
Богатыхъ пастырей соборъ.

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
Чтобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемскій рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много:
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ Самъ ее намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами:
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы—
Вотъ монументовъ красота!

4. *И что для весельчаковъ* (*1815*). ([11]).

Скажи, пожалуй, мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь!
Кто выдумалъ законъ, который всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ правахъ у Римлянъ, ни въ книгахъ баснословныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своей.
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ,
И часто старику мальчишкой быть велятъ.

Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душею чтить родства священны узы,

На чести основать житейскіе союзы,
Чужаго ничего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать,
И, словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.
Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ батюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй,—коль мастеръ, докажи?

Я знаю тму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ наперечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ,
И, чистое добро за правило принявъ,
По немъ кроятъ и мысль и образуютъ нравъ.

Приличіе въ глазахъ моихъ не что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,—
Не принято, бѣда—тотчасъ и закричатъ.
Не принято! да кѣмъ? Господь ихъ, право, знаетъ,—
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ; но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ, — прощай, навѣки сталъ чудакъ!

Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ, такимъ покроемъ сшитъ,
Который въ декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ вздрогни на диванѣ,
И вѣтеръ пропусти сквозь десять дыръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль любишь яркій цвѣтъ;
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ, еще темнѣй жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такова,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ не свой—другова.
На балъ ли позовутъ,—не ѣзди въ семь часовъ:
Какая старина! нашъ вѣкъ ужъ не таковъ!
Старайся трафить такъ, чтобъ, около полночи
Пріѣхавши, торчать до бѣла дня сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, и спи хоть цѣлый годъ;
Хворай, лежи, умри,—знакомства не бывало,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ ни мало.
Общественный законъ ни въ чемъ не пророни!
Обѣдать въ два часа—Владыко сохрани!
А голодъ коль пройметъ—ему вѣдь нѣтъ уставу—
Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;
Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподобныхъ (12),

Въ карету—и качай искать обѣдовъ сдобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи.
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ превосходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время
Такое выносить обязываютъ бремя?
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть,
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ крышку запереться—
Двѣ трети года снѣгъ, вѣдь надобно погрѣться—
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято! не такъ! и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тащи во всю палату
Гостиныхъ цѣлый рядъ—что нужды до климату!
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,
Чтобъ вѣтеръ въ ноябрѣ взывалъ какъ на паромѣ,
А баринъ бы не зналъ, куда дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено!
Злодѣи! тамъ печетъ, тамъ можетъ быть оно;
А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю сдернетъ,
Не только въ жилахъ кровь,—и ртуть на стѣнкахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй: что Негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.
А болѣе всего жена визитъ замучитъ!
Кому сей площадной обычай не наскучитъ!
Изъ края въ край возни безъ пользы, безъ утѣхъ,
Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать—зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день
Толкнися къ нимъ присѣсть на полчаса, какъ пень.
Или—еще того забавнѣе затѣя —
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея:
Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ возьметъ,
Въ знакъ дружбы къ господамъ—швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки:
Визиту не отдай—поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою заростетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Но смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть—хоть не зачѣмъ, да такъ,—
Прощенія себѣ не ожидай никакъ;
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня?
Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копейку раздѣлю; а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки

Тому, о комъ слышалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ Первый жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходскій попъ грузилъ?
Роднымъ зову того, кто мыслитъ благоправно!
Во счастьи твердый другъ, въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ
На этотъ же предметъ. Онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по-французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;
Охотникъ всякій споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть;
Еще что?—въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться не годится.
Конечно! я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;
Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно какъ и вы, и въ тотъ же самый часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ сходно!
Но кто жъ вамъ не велитъ? ударилъ какъ въ набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистый отоматъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не умолкнетъ,
И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зубомъ щелкнетъ:
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противный образецъ?—
Какъ кто, сударь? какъ кто? приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшный судъ повѣсъ,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.—
Сидите дома.—Ахъ! душею бы я радъ;
Да хвостъ великъ, нельзя—ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей содомъ,—
По милости Творца, большой имѣю домъ,—
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,

Роскошный въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ сгладить,
И были по зимѣ рога у насъ въ торгу—
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу:
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь,— ошибешься;
Устанешь, отдохнешь, задремлешь и проснешься,
А милые мои голубчики точь-въ-точь,
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь,
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня и—не подстереги
Лихова слова врагъ—хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не выпуститъ изъ строю.
И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшище за все, не рады ничему.
На что встрѣчать гостей и требовать поклона?
Учтивость такова худаго признакъ тона.
Зачѣмъ горятъ свѣчи? сто кратъ милѣй пикетъ;
Къ чему огроменъ столъ, какъ свадебный банкетъ?
Не лучше ли вкругъ дамъ, взявъ вилку, на-удачу
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу,
И въ страшныхъ тороняхъ, какъ будто сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься, ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять.
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять!
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь толькобъ язычкомъ на счетъ другихъ остриться.
И такъ-то нынѣ всѣ, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: не всяко лыко въ строку.

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла.
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искуство на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину;
Живой роднѣ помочь не тронется ногой:
По мертвымъ то и знай, что правитъ упокой;
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты.
Помилуйте! рекла, прихоливщись, она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или какой-нибудь въ угодность Дульцинеи,
Хотите расплодить Жанъ-Жаковы идеи?
Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
Зачѣмъ живете здѣсь? бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсъ чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ—бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня, не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо.
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Къ чему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ,—вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ:
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.

На четвереньках ползть нимало не забавно,
Да и зачѣмъ? когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползетъ,
Что самый гнусный червь того не переймет.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу,
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу.
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги,
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ.
Веселью не злодѣй—кляну лишь принужденье:
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Послушайте меня, Дельфина въ рѣчь вступила,—
Нашъ домъ она давно и искренно любила,
Дельфина, нѣжный другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ, ума и сердца къ славѣ
Предъ свѣтомъ развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ.
Свѣтъ созданъ не теперь, онъ былъ всегда таковъ;
Вотще хотите вы громадою стиховъ
Исправить смертныхъ родъ, какъ школьника лозою:
Обычая никто не сломитъ головою.
Вамъ должно напередъ весь міръ переродить,
И за-ново потомъ вселенну сотворить;
Иначе, мой совѣтъ: съ приличьемъ соглашаться,
Чтобъ страннымъ чудакомъ въ собраньяхъ не казаться,
Тѣмъ болѣе, что сколь неволя ни тяжка,
Не людямъ, вѣдь, безъ васъ, а вамъ безъ нихъ тоска;
И что за похвальба, при разумѣ не маломъ;
Обычаю на зло прослыть оригиналомъ?
По чести, торжества не вижу вовсе тутъ;
Живите лучше такъ, какъ люди всѣ живутъ.

Какъ люди! я вскричалъ съ горячностью душевной;
Изъ устъ ли вашихъ ждалъ сей общій крикъ вседневный?
И вы ли, отъ кого назадъ бѣжитъ порокъ,
Со всѣми сговорясь, даете сей урокъ?
О! если перенять, что въ людяхъ-то ведется,
То, думаю, едва ль и въ Африкѣ найдется
Такой ужасный звѣрь, какимъ въ нашъ мудрый вѣкъ
Состроенъ на-показъ изящный человѣкъ.
Все въ свѣтѣ прощено намѣреньямъ постыднымъ,
Лишь только ихъ прикрой предлогомъ благовиднымъ.
Оставя шутки всѣ, дадимъ уму просторъ;
Коль можетъ быть терпимъ безъ лести разговоръ,
Взгляните на людей отличнѣйшаго свѣта!
Душа какъ уголекъ, но щегольски одѣта.
Иной у всей родни имѣнье отобралъ —
Прекрасный человѣкъ! — онъ праздники давалъ;
Другой съ своихъ крестьянъ сдираетъ по три кожи —
Не тронь его—смотри—съ нимъ всѣ за свой вельможи;
Мондоръ почасту пьетъ, да только по ночамъ,
А днемъ любезенъ всѣмъ за колкость эпиграммъ;

Въ кругу большихъ господъ, разсыпавъ денегъ слитки,
Проигрывай шутя все, до послѣдней нитки,
Ты принятъ какъ родной, зовутъ тебя вездѣ;
Лишь карты подадутъ—да гдѣ же онъ? да гдѣ?
Невинность оболги поносной клеветою,
И, добродушія ругаясь надъ слезою,
Безсовѣстнымъ лицемъ вдругъ рѣжь и лобызай,
Мышонка бей съ плеча, а крысу не замай —
Ты будешь слыть дѣльцомъ и станешь въ рядъ чинами
Со всѣми лучшими отечества сынами;
Тихонько, безъ ножа, шпіонскою тропой,
Любова приколи,—да вслухъ молебны пой.
Вотъ что между людьми, кощунствуя безбожно,
Временщики ([13]) зовутъ жить въ свѣтѣ осторожно!
Похожъ на это будь, и страннымъ въ наши дни,
Не бось, не прослывешь; тѣ странны лишь одни,
Кто правду говорить готовъ непринужденно,
Чтитъ доблесть въ нищетѣ и рубищѣ смиренно,
Кто друга, для того, чтобъ кстати притакнуть,
Въ компаніи не дастъ злорѣчію кольнуть.
Мы въ совѣсти своей хотя всю цѣну знаемъ
Сердечной правоты, но внѣ уничижаемъ;
Ревнивой злобы духъ геройскій малитъ ростъ,
Подобно какъ лиса, подрѣзавши свой хвостъ,
Хотѣла, чтобъ у всѣхъ лисицъ его не стало.
Я часто примѣчалъ, на пиршествахъ бывало
Явится мужъ какъ лунь, и спросишь: кто таковъ?
Отвѣтъ : Маѳусалемъ, педантъ, иль философъ,
И думаютъ, что тѣмъ возвысили отчизну,
Когда кому-нибудь изволятъ въ укоризну
Такія имена безъ смысла придавать,
Какія древній міръ любилъ провозглашать.

Когда такую часть имѣютъ добры нравы,
Чего же могутъ ждать невинныя забавы,
Къ которымъ, признаюсь, не равнодушенъ я,
И кои рветъ изъ рукъ обычай у меня?
Еще бы иногда, по милости природы,
Я могъ забыть мои пятидесяты годы;
Одышки не страшась, я могъ бы танцовать
И въ обществѣ друзей комедіи играть;
Вреда нѣтъ никому,—да говорятъ, что стыдно,
Благопристойности, приличію противно.
Бесѣду бы завелъ,—да развѣ ты Вольтеръ,
Все хочешь жить на свой особенный манеръ?
Сберешься посмотрѣть въ деревнѣ хороводовъ,
Наскучивши толпой вертлявыхъ сумасбродовъ,—
И тутъ все не въ-попадъ, наскажутъ тотчасъ всѣмъ:
Сосѣдей разогналъ! не знается ни съ кѣмъ!
Пошутишь ли въ семьѣ,—пасквиль прескверный сложатъ
И къ сочиненіямъ твоимъ его приложатъ.
Отъ шуму не уйдешь,—вертись и такъ и сякъ.
Уменъ ли?—все ты плутъ! а скроменъ?—все дуракъ!
Вотъ такъ-то волю жмутъ въ желаніяхъ сердечныхъ
Законодатели обрядовъ безконечныхъ.

Дельфина! можетъ быть, я вышелъ изъ себя
И слишкомъ горячо оспаривалъ тебя,
Тебя, въ комъ зрю добротъ столь многихъ совершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!

Прости, я виноватъ! Желалъ бы такъ, какъ ты,
Оставя далеко владычество мечты,
Отъ общества сокрывъ сердечныя вздыханья,
Природы лишь одной вкушать очарованья:
Гулять, писать, цвѣты рукой своей садить,
И чтеньемъ отъ друзей сладчайшихъ писемъ жить;
Но, ахъ! сама велитъ въ томъ истина признаться,
Что въ твердости души съ тобой нельзя равняться.
Не всѣмъ дано сіе небесное добро,
Терпѣньемъ что нарекъ языкъ нашъ и перо.

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣстникъ,
Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстникъ,
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны.
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ — не будетъ здѣсь житья.
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться,
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ — внесите въ свой журналъ.
Піитъ одинъ давно въ побасочкѣ сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи».
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я намекнуть,
И полно! ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

—

5. *Изъ стихотворенія*: *Я*. (14).

Ты хочешь знать меня?—Изволь, мой другъ, скажу,
И съ радостью тебѣ портретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я предстану;
Пороковъ убирать моихъ отнюдь не стану.
Такъ слушай-же теперь, кто я, чей сынъ, чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ порукъ.

Я мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ князь и громкій человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ (15).
Внукъ этого—мой дѣдъ—позналъ, какъ говорятъ,
Что правду близь царя—близь смерти всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали,
Тамъ сосланъ и казненъ, и поминай какъ звали (16)!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, среди Кіева скончалась (17).
Отецъ мой (и того ужъ къ себѣ взялъ Богъ)
Душею былъ богатъ, а счастіемъ убогъ (18).
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнуряясь, вседневно смерти проситъ.
А я Jeannot tout court и голъ, такъ какъ соколъ.

Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю—но и подчасъ трясу ее какъ грушу.
Дѣтей вокругъ себя привелъ Богъ восемь счесть;
Но двухъ спросилъ назадъ, осталось только шесть.
Творецъ да будетъ имъ прибѣжище и сила,
И что восхощетъ Онъ, чтобъ съ ними то и было!
За Нимъ, увѣренъ я, ничто не пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза—все мзду свою найдетъ.
Доволенъ будь, мой другъ, ты сею родословной.
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать.
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила.
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можнобъ изъ нея по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать;
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То есть я близорукъ,—лорнета ненавижу;
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутскій наборъ и мой годится станъ.
Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила!
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила,
Но вмѣстѣ все смѣшавъ, нельзя ей попенять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.
Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно;
Учился я всему, чему придумать можно,
Да что-то я на все тупенекъ смалу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки;
Латинь, одну латинь—по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ—и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А математики совсѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ ни смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну.
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали,
Но всуе затѣвать, чего нѣтъ на роду.
Не только что съ коня, съ клячонки упаду.
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
И такъ въ моихъ словахъ, пожалуй, будь увѣренъ.
Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скоморохъ:
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю.
Спасибо, что хотя на что-нибудь да гожъ!
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень схожъ;
Жаль только, что моя пропала штукатура.
Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила матьнатура.
Слыхалъ я отъ жены, что-будто я уменъ;
Быть можетъ, что и вправь въ своемъ углу смышленъ.
Когда о чемъ-нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства, не все же привираю;
Да въ этомъ вслухъ нельзя признаться мнѣ никакъ,
А то вѣдь скажутъ всѣ: какой-ста онъ дуракъ!

Пусть буду я таковъ, я право не сержуся,
За то что въ списокъ вашъ, людъ умный, не гожуся.
Не чванъ ли я?—О, нѣтъ! и если бъ знатенъ былъ,
За всякій бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолюбивъ ли я?—Къ несчастью, очень много,
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять?
Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять?
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ каждый часъ,
Все бойся, какъ бы имъ не трафить камнемъ въ глазъ?
Пріятно ль встрѣтить вдругъ на рыцарской ходули
Того, кто въ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?
Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ,
А ты, когда предъ нимъ какъ подлый рабъ стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь.
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю.
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ.
Я вспыльчивъ, но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится
И мщеніемъ моя душа не возгорится.
Коварствовать ни съ кѣмъ не смыслю никогда,
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда.
Здоровьемъ не богатъ, однако же доволенъ,
И, слава Богу! я не очень часто боленъ.
Въ герои не влечетъ меня мой тихій шагъ;
По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ.
Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ:
Пырнуть ножемъ въ углу, иль дать туза изъ пушекъ,
По логикѣ моей давно расположилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.
Мнѣ мамки натверда: вонъ, батюшка-князь, бука!
Пугнули такъ, что я боялся долго жука;
А нынче, какъ ужъ сталъ немножко смышленѣй,
Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ, людей,
И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,
Изъ-за угла на ихъ проказы я смѣюся:
Подобно какъ въ лѣсу громовою стрѣлой
Падетъ, разбитъ въ щепы, кудрявый дубъ большой;
Громадою его весь мелкій лѣсъ разится;
Что прежде защищалъ, то вмигъ стремглавъ валится;
Въ то жъ время деревцо въ кустарникѣ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздались стихіевъ пря и громъ,
Отъ солнышка въ тѣни, отъ бурь въ уединеньи
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненьи.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь тутъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.

—

6 Изъ Записокъ. (19).

1769 г. Кончина дяди моего, князя Димитрія Ивановича (20), нанесла дому нашему чувствительную печаль. Его не стало 26 ч. мая; онъ жилъ въ Кіевѣ, состоялъ послушникомъ въ Никольскомъ монастырѣ; прожилъ или, лучше сказать, продышалъ 31 годъ. Тѣло его погребено въ преддверіи Кіево-Печерской Лавры. Войдемъ въ краткую біографію сей плачевной отрасли несчастныхъ супруговъ.

Князь Димитрій Ивановичъ родился въ заточеніи и вывезенъ оттуда $1\frac{1}{3}$ году. На пути занемогъ оспой и оставленъ во Владимірѣ: оттуда, по излеченіи, привезенъ въ Москву уже двухъ лѣтъ. Тутъ воспитывался онъ вмѣстѣ съ отцемъ моимъ. Войдя въ возрастъ, почувствовалъ страсти и, къ несчастію, предметомъ склонности его сдѣлалась одна бѣдная и незнатная барышня. Родственники вооружились противъ союза съ ней. Князь Димитрій долго боролся съ чувствомъ сильной любви, но сердце превозмогло разсудокъ и онъ лишился ума. Ему было уже 20 лѣтъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи не оставалось инаго средства помочь ему, какъ удалить отъ свѣта. Подъ присмотромъ матери своей, началъ онъ жить въ Кіевѣ и въ Никольскомъ монастырѣ проходилъ монашескій искусъ. Жизнь пустынная успокоила, но не исправила разстроеннаго воображенія. Бабушка, ни о чемъ уже не помышлявшая, какъ о душѣ и спасеніи ея, возжелала постричь его и открыть ему тѣмъ надежнѣйшій путь къ Небу. Она прибѣгнула къ престолу съ прошеніемъ о дозволеніи сыну ея принять монашескій санъ. Екатерина, столь же премудрая, какъ и сострадательная, не согласилась на то, и рескриптъ, писанный ею къ Нектаріи, котораго за симъ помѣстится точная копія, свидѣтельствуетъ, сколь вѣдомо было ей сердце человѣческое и сколь уважала она душевныя свойства постригшейся княгини Долгорукой. И такъ князь Димитрій остался послушникомъ, ходилъ въ церковь, постился и, проведя остатокъ дней своихъ во власяницѣ, переселился въ общую отчизну—небо. Наружность его была прекрасна, ростъ сановитый, умъ имѣлъ пылкій, сердцемъ одаренъ былъ нѣжнымъ; съ отцемъ моимъ жилъ въ неразрывномъ союзѣ, и даже, находясь въ поврежденіи ума, когда узнавалъ его, бросался со слезами въ его объятія и не скрывалъ отъ него ни одной своей мысли.

Кто изъ чувствительныхъ людей не раздѣлитъ здѣсь прискорбія бабушки моей и не удивится мужеству, съ какимъ переносила она житейскія напасти, кои даже и подъ схимою не щадили ея сердца и вкрадывались въ сокрушенную ея душу! Мало было потерять драгоцѣннѣйшаго друга, оплакать его мучительную кончину, оставить свѣтъ, — надлежало еще оплакивать безуміе любимаго сына, видѣть его мученія, да еще наконецъ и схоронить его въ сущей молодости, въ самомъ красномъ цвѣтѣ лѣтъ.

Праведная жена! если, предстоя у престола Царя славы, ты на дѣянія чадъ своихъ долу взирать можешь, то не возгнушайся принять здѣсь отъ меня, недостойнаго твоего потомка, жертву того безпредѣльнаго уваженія, какое душа моя, умъ и всѣ чувства къ тебѣ сохранили, и зри, съ какимъ благоговѣніемъ я внутренно чествую память твою, воспоминая о каждой минутѣ безподобной твоей жизни.

Скоро, по полученіи сей печальной вѣсти, родители мои собрались въ Кіевъ навѣстить страдалицу Нектарію и всѣхъ насъ взяли туда съ собою. Такъ-то въ старину дѣти чтили отцевъ своихъ! Ни отдаленность, ни убытки, ничто не удержало ихъ отъ намѣренія летѣть въ Кіевъ, дабы хоть мало уврачевать рану дра-

жайшей матери, видѣть ее, обнять и благословеніемъ ея усладить собственную свою горесть. Мнѣ было только еще пять лѣтъ, и хотя мы прожили тамъ полгода, но я ничего видѣннаго въ тѣхъ мѣстахъ на память себѣ нынѣ привесть не могу, кромѣ кельи бабушки и неоцѣненныхъ ея милостей ко мнѣ. Она безмѣрно жаловать меня изволила и, признаться велитъ наслышка, даже и баловала.

Копія съ рескрипта:

Честная мать Монахиня!

Письмо ваше Мною получено, на которое, по прошенію вашему, иной резолюціи дать не можно, какъ только ту, что Я позволяю сыну вашему князь Димитрію жить, по желанію его, въ монастырѣ, а постричься въ разсужденіи молодыхъ его лѣтъ дозволить нельзя, дабы время, какъ его въ раскаяніе, такъ и насъ объ немъ въ сожалѣніе не привело.

Доброжелательная Екатерина.

ВъС. Петербургѣ, октября 27 дня 1769.

1771 г. Сей годъ особеннаго замѣчанія требуетъ не только въ моей лѣтописи, по частнымъ приключеніямъ, въ домѣ нашемъ послѣдовавшимъ, но знаменитую составитъ эпоху и въ дѣеписаніяхъ Россійскаго государства: а потому изложу сперва вкратцѣ бѣдствія столицы; за тѣмъ распространюсь на счетъ собственныхъ нашихъ огорченій.

Въ Москвѣ стала показываться чума— турецкій подарокъ. Сперва носился о томъ глухой гулъ въ народѣ, но молвѣ не вѣрили. Приверженный къ нашему дому лекарь, человѣкъ вообще добрый, по имени Грaзе, самымъ скромнымъ образомъ извѣстилъ отца моего, что на Суконномъ Дворѣ уже оказались знаки моровой язвы, и совѣтовалъ до вскрытія рѣкъ выѣхать изъ города Батюшка рѣшился дать ему вѣру, и марта 24 переѣхали мы всѣмъ домомъ въ подмосковное наше село Волынское. Оно стояло въ 7 верстахъ отъ Москвы. Домъ большой, старинный, помѣстительный; изъ каждаго окна видна столица какъ на ландшафтѣ.

Скоро вспыхнулъ огонь въ Москвѣ, и язва зачала косить ея жителей. Зараза, большую получивъ силу, опустошала всѣ домы. На улицахъ поднимали сотни труповъ, ею пораженныхъ; въ августѣ уже не было отъ нея никакого убѣжища: ежедневно кладбища въ глазахъ нашихъ принимали въ себя кучи мертвыхъ тѣлъ. Въ домѣ нашемъ всякія приняты были предосторожности. Нельзя было прекратить вовсе сообщенія съ городомъ: оттуда доставлялись съѣстные припасы и необходимыя потребности. На половинѣ пути отъ насъ учрежденъ былъ крестьянскій пикетъ. Все привозимое изъ Москвы тутъ складывали и, окуривъ уксусомъ съ прочими,годными къ тому лекарственными вещами, вывѣтривъ порядочно, привозили наконецъ къ намъ. Сами мы ни на шагъ отъ деревни не отлучались, и такъ прожили все опаснѣйшее время.

Одно бѣдствіе всегда сопровождается другимъ. Есть и пословица народная: придетъ бѣда, отворяй ворота; такъ и нынѣ. Чума породила другое пагубное зло. Народъ, видя ежеминутно смерть предъ собою, не имѣлъ другого прибѣжища, кромѣ молитвы предъ иконами святыхъ. Въ это время всѣхъ болѣе прославилась икона Боголюбскія Божіей Матери, на Варварскихъ Воротахъ. Туда кидался народъ толпами. Но чѣмъ болѣе собиралось черни къ одному пункту, тѣмъ естественнѣе сообщалась между ними зараза и умножались ея успѣхи. Правительство сочло необходимымъ пресѣчь такой притокъ народа къ одному мѣсту, и въ слѣдствіе сего образъ тихо ночью вывезенъ. Чернь, узнавъ о семъ, взволновалась. Открылся общенародный бунтъ, и 14 сентября московскій архіерей, совер-

давшій въ Донскомъ монастырѣ литургію, убитъ разъяренною сволочью ([21]). Шайка бродягъ вломилась въ храмъ. Святитель скрылся за иконостасомъ; ребенокъ это видѣлъ и объявилъ мятежникамъ. Тѣло страдальца погребено въ томъ же Донскомъ монастырѣ.

Милость Божія между тѣмъ явилась снова надъ Москвою. Чума стала терять свою силу. Волненіе народное утихло. Съ зимою вмѣстѣ исчезла гнилость въ воздухѣ, и къ концу года зараза миновалась.

Во все время этой напасти мы прожили въ Волынскомъ. Телескопъ, не снимаясь съ окошекъ, наведенъ былъ поминутно то на Москву, то на кладбище. Все видѣли, все слышали и отъ всякаго слуха содрогались; но Господь помиловалъ насъ, и зло физическое къ намъ не прикоснулось. Всѣ поселяне наши, смирные, какъ овцы, ниже пошевелились и не приняли никакого участія въ возмущеніи. Похвально для нихъ, славно и для помѣщиковъ! Это означало кротость родителей моихъ въ управленіи домовнемъ. Никто подъ крышей нашей и во дворѣ не заразился; всѣ въ деревнѣ были живы, здоровы. Благополучно, преблагополучно протекла для насъ въ семъ отношеніи ужасная для многихъ и прискорбная година. Въ память сего благоволенія Божія и въ возблагодареніе Творцу отъ недостойной твари, учредилъ отецъ мой крестный ходъ въ деревнѣ, который совершается донынѣ, и на источникѣ, близь села, въ деревнѣ Давыдковѣ отправляется водосвященіе 26 числа августа въ день Владимірскія Божія Матери. На мѣстѣ томъ поставлена тогда же и часовня.

Но увы! Избавившись отъ язвы тѣлесной, не освободились мы отъ язвы сердечной.

Мать моя лишилась брата своего роднаго, барона Сергѣя Николаевича ([22]). Потеря сія тѣмъ для нея была чувствительнѣе, что онъ скончался очень молодъ, оставя послѣ себя жену съ малолѣтнымъ сыномъ. Хотя со стороны достатка ребенокъ былъ весьма обезпеченъ, даже богатъ, но что замѣнитъ отца или мать? Дѣти безъ нихъ при всякомъ избыткѣ всегда сироты.

Приспѣлъ рокъ и бабушки моей, старицы Нектаріи. Она не пережила сего лютаго для Россіи года, и іюля 3 числа скончалась. Скоро дошло до насъ сіе извѣстіе. Оно всѣхъ поразило. Отецъ мой, привыкшій чтить ее, любить и повиноваться, такъ тронутъ былъ симъ несчастіемъ, что у него отнялась рука. Всѣ плакали объ усопшей. И какъ иначе? Кого изъ насъ она не жаловала, не тѣшила? Меня ласки ея отъ всѣхъ прочихъ отличали. Часто, держа меня на колѣнахъ, она сквозь слезъ восклицала: Ванюша, другъ мой, чье ты имя носишь? Несчастный супругъ ея безпрестанно жилъ въ ея мысляхъ. Но я, при извѣстіи о кончинѣ ея, въ томъ еще былъ возрастѣ, въ которомъ чего-нибудь другаго не жаль, кромѣ игрушекъ. За то нынѣ, вспоминая объ ней, я каждую строку сей тетради орошаю слезами. Конецъ ея былъ подобенъ смиренной ея и надежной жизни. Приготовясь вѣрою къ вѣчному животу, она переселилась въ небесныя обители безъ трепета и унынія. Въ послѣднее время у нея часто шла кровь горломъ, и тѣмъ прекратились дни сей необыкновенной женщины.

Она какъ-будто предузнала приближеніе своей смерти и заочно всѣхъ насъ благословила разными иконами. Мнѣ присланъ послѣ нея крестъ съ мощами, а дому нашему вообще пожалованъ ею большой образъ нерукотворенный Спасителя, съ слѣдующей достопамятной для насъ на дскѣ его надписью:

«1771 года мая 28-го дня образъ сей нерукотворенный Спаса нашего Іисуса

Христа, чудотворный, истинный, неложный, сыну моему князю Михаилу Иванову Долгорукову даю съ тѣмъ благословеніемъ, что 1770 года въ Кіевѣ и во Фроловскомъ монастырѣ въ бывшую моровую язву благодатію того же Спаса нашего Іисуса Христа отъ сего образа, въ моей кельи въ то время бывшаго, какъ я сама и мои келейныя отъ оной моровой язвы спасены, такъ и съ нимъ, княземъ Михайломъ Ивановичемъ, того же Спаса Христа Сына Божія на семъ образѣ изображеннаго, благодать да будетъ, и его жену и чадъ отъ всякія скорби и болѣзни и весь домъ его всегда да спасетъ; а имѣть сей образъ, яко чудотворный, истинный, дознанный и неложный, въ домѣ его князя Михайлы Ивановича Долгорукаго въ роды родовъ на благословеніе».

По кончинѣ ея доставлены къ отцу моему разныя ея бумаги, между коими занимательны для каждаго записки ея руки о томъ, какъ она помолвлена, вѣнчана и потомъ отправилась въ Сибирь. Сокращенный журналъ сей, спустя много лѣтъ, былъ напечатанъ ([23]). Всѣ читали его въ Москвѣ со слезами, и жалѣть по справедливости можно, что она изволила его кончить на самомъ томъ мѣстѣ, какъ началось пребываніе ея въ ссылкѣ. Думаю, что чувства ея не сильны были выдержать новаго испытанія, и она не разсудила волновать своего сердца такимъ горестнымъ повѣствованіемъ. Изъ переписки ея съ отцемъ моимъ впишу я здѣсь послѣднее ея письмо, которое покажетъ, въ какомъ твердомъ духѣ и съ какимъ благоволеніемъ искреннимъ къ намъ она оставляла свѣтъ и готовилась разорвать земныя узы.

«Князь Михайла Ивановичъ, Княгиня Анна Николаевна!

Не хотѣла пропустить почты, не давъ вамъ знать о себѣ, что я еще жива. Благодарю Бога, хотя въ слабости нахожусь, однако все съ радостію пріемлю, и васъ Богомъ прошу не тужить обо мнѣ. Богъ властенъ изъ мертвыхъ воскресить. Вѣдь когда нибудь умирать! Надо во всемъ повиноваться власти Божіей, только бы Богъ грѣхи мои отпустилъ. Великую нужду терплю въ питьѣ: все сиропы сладкіе, и тѣ опротивѣли; когда бы можно достать хотя лимоновъ пять—прислать; тоже моя бѣда, что кашлю не чѣмъ помочь, теплаго нельзя пить.

Препоручаю васъ Богу, оставляю миръ и благословеніе. С. N.» ([24]).

Тутъ нѣтъ витійства; но кто прочтетъ первыя строки и не умилится? кто не заплачетъ? Такая участь смертныхъ: доколѣ мы дышимъ и бѣдствуемъ, насъ уничтожаютъ; умремъ—и тѣ же бѣдствія наши влекутъ общія слезы.

Вмѣстѣ съ рескриптомъ Императрицы Екатерины II на счетъ меньшаго сына ея, князя Димитрія, о которомъ я уже упомянулъ, доставленъ къ намъ и другой, съ котораго не неприличнымъ считаю приложить здѣсь также точную копію; изъ оной видно, сколько уважала сію женщину сама Государыня:

«Честная мать! письмо ваше отъ 12 іюня я получила, за которое и за присланную притомъ икону Пресвятыя Богоматери, также усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонная

Екатерина.

Въ Петергофѣ 26 іюня 1763 г.

Я бы желалъ, не смотря на слабость моихъ къ тому способностей, приняться написать исторію сей героини нашего времени: ибо великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ; но недостатокъ рукописей принуждаетъ меня оставить сіе намѣреніе. Нечѣмъ руководствоваться, кромѣ

слуховъ. Они разсыпаны повсюду, но, можетъ быть, не всѣ достовѣрны. Впрочемъ весьма довольно и того, что въ разныя позднѣйшія времена было о ней писано и печатано; довольно и самыхъ историческихъ событій, дабы о княгинѣ Наталіи Борисовнѣ Долгорукой сдѣлать заключеніе неложное, что она одарена была характеромъ превосходнымъ и приготовлена отъ юности къ душевному героизму. Вотъ какъ воспитывали женщинъ въ старинной Россіи!

[1]) Кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій (1764—1823), внукъ Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, обучался сначала дома, а потомъ (1777—80 г.) въ москов. университетѣ. Первымъ опытомъ его литературныхъ трудовъ былъ переводъ книги Мерсье: «Les songes philosophiques» (1780—81), посвященный И. И. Шувалову. По выходѣ изъ университета, поступилъ въ военную службу, въ которой оставался до 1791 г. Въ 1793 г. назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу, гдѣ началъ дѣятельно заниматься литературою и гдѣ написалъ стихотвореніе «Каминъ въ Пензѣ», имѣвшее необычайный успѣхъ. Къ поэзіи прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ, счастливыхъ и несчастныхъ. «Стихотворство (говоритъ онъ) я почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наипріятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и злоключенія изживутъ дѣлаютъ намъ годы». «Я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не назидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать всегда были мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству». Изъ Пензы кн. Долгорукій былъ перемѣщенъ въ Москву въ Главную Соляную Контору. Въ 1802 г. опредѣленъ губернаторомъ во Владиміръ. Первое изданіе сочиненій кн. Долгорукаго, посвященное прекрасному полу, подъ названіемъ: «Бытіе сердца моего», и съ эпиграфомъ:

Угоденъ—пусть меня читаютъ,
Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ:
Труды похвальной не ищу,

нап. 1802 г. Названіе книги объяснено самимъ авторомъ въ предисловіи: она служитъ выраженіемъ всего моральнаго бытія его. «Въ стихахъ моихъ хотѣлъ я сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Всякій стихъ напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали сердцемъ. Вотъ ключъ той оригинальности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать». Второе изданіе «Бытія», съ тѣмъ же посвященіемъ, вышло 1808 г.; третье (1817—1818), въ 4-хъ книжкахъ, посвящено московскому университету. По выходѣ въ отставку (1812 г.), кн. Долгорукій жилъ въ Москвѣ, гдѣ и ум. 1823 г. (См. статью М. Дмитріева въ 3 № Москвит. на 1851 г.).

[2]) «Каминъ» нѣсколько разъ былъ издаваемъ отдѣльно: въ 1-й разъ—1791 г.; во 2-ой, съ франц. переводомъ, 1799 (Кат. Смирд., 8096); 3-ье изд., 1801 г., указано Сопиковымъ (III, 5013). Въ Хрестоматіи нап. по послѣднему изд. сочин. кн. Долгорук. Нѣкоторые варіанты приведены по 2 изд. Бытія сердца моего (1808). Успѣхъ этой піесы былъ чрезвычайный: она прославила имя автора, котораго стали съ того времени называть «пѣвцомъ Камина». Ее не только читали наперерывъ, но и знали наизусть. Любители стиховъ переписывали ее въ сборники отборныхъ, всѣмъ нравящихся стихотвореній, вмѣстѣ съ лучшими піесами Державина. Успѣхъ ея доказывается и тѣмъ, что самъ авторъ написалъ еще двѣ подобныя піесы: «Каминъ въ Москвѣ» и «Война Каминовъ.»

[3]) Раздувальный мѣхъ.

[4]) Вар.:

Рожденья мигъ есть шагъ ко смерти;
Не льзя никакъ статьи сей стерти
Изъ Уложенья естества.

Первый стихъ—подражаніе Державину.

[5]) Горацієво правило, которое проповѣдывалось многими нашими писателями, преимущественно стихотворцами: Кантемиромъ, Державинымъ, Капнистомъ.

[6]) Въ первый разъ нап. въ 19-ой ч. «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» (1798). Отсюда взятъ варіантъ. Этой піесой, не вполнѣ здѣсь помѣщенной, возвысилась и утвердилась извѣстность Долгорукаго: дѣйствительно, она вѣрно знакомитъ съ оригинальнымъ характеромъ его поэтическаго таланта.

[7]) Вар.:

Вы то, а свѣтъ иное поритъ.
Хотя и мнится, что онъ вздоритъ.

[8]) Говорится о піесѣ: «Каминъ въ Пензѣ».

[9]) Во 2-мъ изд. Бытія сердца моего (1808), «Завѣщаніе не имѣетъ двухъ послѣднихъ строфъ, которыя находятся въ позднѣйшихъ изданіяхъ и въ которыхъ авторъ обращается сначала къ умершей сестрѣ своей, гр. Ефимовской:

Таковъ его здѣсь воздвигаю
Тебѣ, любезная сестра!

а потомъ къ Раидѣ. Безъ этихъ прибавочныхъ строфъ піеса выходитъ ровнѣе, законченнѣе: въ такомъ видѣ здѣсь она и помѣщена. Кн. Долгорукій сочинилъ ее въ селѣ Веденскомъ, принадлежавшемъ гр. Ефимовскому.

[10]) Фили—деревня подъ Москвой. Здѣсь, послѣ Бородинской битвы, 1 сентября 1812 г. происходилъ военный совѣтъ, на которомъ положено было оставить Москву.

[11]) Напеч. въ 5 и 6 №№ Вѣст. Евр. на 1815, съ значительными исключеніями, почему и помѣщена въ Хрестоматію по позднѣйшей редакціи. Это одна изъ лучшихъ нашихъ сатиръ. Предметъ ея—такъ называемое приличіе (обычаи моднаго свѣта), которому весьма часто приносится въ жертву здравый смыслъ и уставъ природы. Значеніе и цѣль ея весьма ясно указаны заключительными стихами. Ж. Ж. Руссо, упоминаемый въ піесѣ, былъ любимымъ писателемъ Долгорукаго, именно по своему стремленію обратить человѣка, удалившагося отъ природы, къ познанію ея законовъ и къ устройству жизни согласно этимъ законамъ. Противоположность между естественнымъ бытомъ человѣка, какъ истиною, и бытомъ общества искуственнымъ, какъ порчею и ложью, выставлена также въ «Хижинѣ на Рпѣни» (рѣчк , недалеко отъ Шуи, въ деревнѣ кн. Долгорукаго) и многихъ другихъ піесахъ.

[12]) Вм. «православныхъ».

[13]) Т. е. современники, люди нынѣшняго вѣка.

[14]) Тоже характеристическая піеса, ясно обозначающая особенности кн. Долгорукаго, какъ стихотворца.

[15]) Яковъ Ѳедоровичъ, при Петрѣ.

[16]) Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра II.

[17]) Наталья Борисовна, дочь гр. Шереметева, бабка стихотворца (см. въ Хрест. примѣч. къ ея Запискамъ).

[18]) Михаилъ Ивановичъ, одинъ изъ сыновей Натальи Борисовны.

[19]) Подробныя записки кн. Долгорукаго о собственной жизни, въ нѣсколькихъ томахъ, хранятся у его сына. Изъ нихъ напечатаны только отрывки, относящіеся къ 1764—80 г. г (Изд. Смирд , т II).

[20]) Другой сынъ Натальи Борисовны.

[21]) Амвросій Зертисъ-Каменскій.

[22]) Строгонова.

[23]) См. примѣчанія къ Запискамъ кн. Долгорукой

[24]) Старица Нектарія.

LXXVII.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ. ([1]).

А. ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ (1770—92). ([2]).

Царствованіе Владиміра послѣ его крещенія.

Премѣнившійся идолопоклоненія мракъ во свѣтъ святаго Евангелія новое состояніе намъ Россіи представляетъ: смягченныя жестокія сердца благимъ нравоученіемъ уже не варварами намъ являются, и хотя древняя суровость, остатки нѣкія идолослуженія и часто видны бываютъ, но имъ же равныя или и превышающія добродѣтели тогда же предъ чи наши предстаютъ.

Владиміръ, крестивъ своихъ сыновъ и большую часть Россійскаго народа, началъ строить церкви, и первую церковь поставилъ деревянную во имя святаго Василія на холму, гдѣ прежде стоялъ идолъ Перуна, яко нѣкій трофей въ знакъ побѣды святаго Евангелія надъ прелестію бѣсовскою; также и по другимъ градамъ велѣлъ церкви строить; и тогда же разсуждая, что всѣянное сѣмя святаго Евангелія не можетъ довольно вкорениться во вновь обращенныхъ изъ идолопоклоненія народахъ, если прежняя суровость

и невѣжество въ нихъ пребудетъ: чего ради онъ повелѣлъ учредить училища, куда коихъ охотою, а большая часть неволею опредѣляли младыхъ дѣтей, для наученія грамотѣ и христіанскаго закону. Тщетно матери и сродники, не привыкшіе научать своихъ дѣтей, роптали и сіе имъ благодѣяніе Владимірово за безчеловѣчіе почитали, и дѣтей своихъ оплакивали при отпускѣ, якобы мертвецовъ: Владиміръ, не взирая на молву несмышленныхъ людей, мудрыя свои постановленія продолжалъ. Митрополитъ же Михаилъ частыми своими наставленіями увѣщевалъ учителей о порядочномъ ученіи и благосклонномъ обхожденіи со учениками, также и о внушеніи симъ юношамъ добродѣтельныхъ мыслей.

Владиміръ, желая нѣсколько сложить съ себя тягость ига правленія раздѣленіемъ онаго, далъ удѣлы своимъ сыновьямъ: Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ, котораго, по смерти старшаго своего сына Вышеслава, перевелъ потомъ въ Новъ-городъ, а на его мѣсто посадилъ Бориса, Глѣбу Муромъ, Святославу землю Древлянскую, Всеволоду Владиміръ, Мстиславужъ Тмутаракань.

Но полезныя старанія Владиміровы были прерываемы частыми набѣгами Печенѣгъ, которые въ началѣ сего году учинили на Россію нападеніе, и были прогнаны и разбиты, такъ что весьма малое отъ нихъ число осталось.

Простирая равно свои попеченія о распространеніи вѣры и о пользѣ государства, Владиміръ, видя великія степи вокругъ Кіева и разсуждая, что если оныя заселятся, то пріумноженіе поселянъ пріумножитъ силу государства, торговлю, и учинитъ страну болѣ въ состояніи дѣлать отпоръ часто чинящимъ набѣги непріятелямъ: сего ради началъ строить грады по рѣкамъ, по Деснѣ, по Рети, по Трубешеви, по Сулѣ и по Стугнѣ, которыя населилъ лучшими мужьми Славянами, Кривичами, Чудью и Вятичами, что учинило его въ состояніи, ради продолжающейся войны съ Печенѣгами, всегда въ скорости имѣть сильное воинство. Между сими градами построилъ Бѣлъ-градъ, и лучшими также множайшими изъ всѣхъ людьми населилъ его, ибо особливо его любилъ.

Владиміръ часъ отъ часу болѣе прилѣплялся къ христіанскому закону, всѣхъ женъ своихъ, окромѣ греческой царевны, распустилъ, изъ которыхъ прежде отпущенная уже имъ Рогнѣда не токмо приняла христіанскій законъ, но и въ монашество вступя, приняла имя Анастасіи. И простирая свое тщаніе о распространеніи ученія Святаго Евангелія, послалъ нѣкоего философа Марка Македонянина проповѣдывать Болгарамъ христіанство, но проповѣданіе сіе никакого успѣху не имѣло, окромѣ что четыре князя болгарскіе, пришедши въ Кіевъ ко Владиміру, пріяли законъ христіанскій.

Около сего же времени пошелъ Михаилъ, первый митрополитъ кіевскій, съ другими епископы и съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, сокрушить идолы въ Новѣ-городѣ, что, хотя съ нѣкою трудностію, имъ было и учинено. При семъ баснословно повѣствуютъ, что якобы когда идола Перуна влекли ввергнуть въ воду, то отъ него стенаніе происходило, и когда уже былъ кинутъ въ рѣку, поплылъ въ верхъ воды, и какъ приближился къ мосту, съ великимъ воплемъ возопивъ и вынувъ палицу свою на мостъ, сказалъ: се вамъ въ память Новогородцы оставляю, потомъ утонулъ.

8. РАЗСУЖДЕНІЕ О НЫНѢШНЕМЪ ВЪ 1787 Г. ПОЧТИ ПОВСЕМѢСТНОМЪ ГОЛОДѢ ВЪ РОССІИ (1787). (*).

Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, по-

чися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся онѣ бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмяна желаемую жатву принести. Часы, посвященные мною къ таковымъ писаніямъ, я драгоцѣннѣйшіе въ жизни моей считаю, а предпринимая сіи разсужденія, изъ драгоцѣнныхъ драгоцѣннымии ихъ называю, ибо удовлетворяю въ оныхъ разные предметы, пріятные душѣ моей, то есть, воздаю долгъ отечеству, предлагаю то, что полезно мнѣ быть является, и подаю способы спасти отъ несчастія и жесточайшей гладной смерти многія тысячи людей. Пріими во мракѣ моего кабинета приносимую сію жертву, источникъ всея добродѣтели, пріими тѣмъ благопріятнѣе, что тебѣ извѣстны внутреннія движенія моего сердца. Ты вѣсть, что въ дѣлахъ отечества моего и въ дѣлахъ приватныхъ предпочиталъ ли я когда собственную пользу общему благу, и не за первое ли счастіе всегда считалъ быть отечеству и подобнымъ себѣ полезенъ? Пятьдесятъ четыре года уже протекло сего дня отъ дня рожденія моего, и я, при многихъ перемѣнахъ, стѣсняющихъ мою душу, и въ самыхъ заблужденіяхъ младости моей всегда въ исполненіи должностей моихъ отраду себѣ обрѣталъ. Да пребудутъ такія мысли въ сердцѣ моемъ до конца жизни моей, и да будутъ онѣ навсегда наслѣдственны потомству моему!

Приступая же къ самой причинѣ моего сочиненія, кажется, во первыхъ, должно разсмотрѣть, отъ чего сперва дороговизнъ хлѣбу, а наконецъ и голодъ произошелъ.

Многія обстоятельствы стеченіемъ своимъ спомоществовали къ произведенію сперва дороговизни, а наконецъ и голоду: 1) вкрадшееся сластолюбіе во всѣ чины государственные, даже и до крестьянъ; 2) умноженіе народа; 3) умноженіе разныхъ мастеровыхъ; 4) умноженіе винокуренныхъ заводовъ и корчемства; 5) малое прилежаніе о земледѣліи и недостатокъ земель; 6) неразсмотрительный выпускъ хлѣба въ чужія государства; 7) уменьшеніе доброты земель; 8) недостатокъ запаснаго хлѣба, и 9) оставленіе монастырскихъ запашекъ и малое попеченіе о хлѣбопашествѣ государевыхъ и экономическихъ крестьянъ.

Дабы все сіе яснѣе показать, § 1, что сластолюбіе вкралось во всѣ чины государственные, никто сему, взирая на наши столы, житье и зданія, оспорить не можетъ; а самое сіе сластолюбіе, проникши и до крестьянъ, заставляетъ ихъ излишнее употреблять на свои издержки, такъ что то, что прежде довольно было для содержанія двухъ семей, едва ли нынѣ и одну семью содержать довольно. Сластолюбіе обыкновенно влечетъ за собою лѣность, а лѣность людей ослабляетъ въ земледѣльческой работѣ; привязанность къ роскоши, производимый оною недостатокъ, понудилъ множество крестьянъ, оставя ихъ желанія, идти въ торги, въ мастерства и въ другіе промыслы; они роскошь свою удовлетворяютъ, слаще пьютъ и ядятъ, но земли, обработыванныя ими, праздны остаются. А если которыя обработаны, и тѣ обработаны наемниками, гораздо съ меньшимъ тщаніемъ, нежели бы могли они сами оныя обработать; да и самые сіи наемщики, работая со тщаніемъ чужую землю, свою уже совсѣмъ не обработываютъ; и се есть явное уменьшеніе земледѣлія.

§ 3. По мѣрѣ размноженія сластолюбія, пріумножилися всѣ мастерства, рукодѣлія и промыслы, и самыя хотя нужныя государственныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ представ-

ляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возмемъ въ примѣръ одну Москву и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, жившихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь каретный рядъ вмѣщался за Петровскими воротами по Земляной городъ по большой улицѣ; а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города и завороть въ обѣ стороны по Землякому городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки: нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичу въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось: нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строенья были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строенія не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ, или приходящихъ на время лѣтнее, яко кирпичниковъ, каменьщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіеся или утроившіеся на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ проиэращенію пропитанія, быть истребителями съѣстныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ намѣстничествахъ, огромныя всенародныя и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ яко бы волшебствомъ какимъ произведенныя, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей, Россію ослабляютъ.

§ 5. Достойно есть удивленія, что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая надъ нами Императрица утвердила сію великую истину, что земледѣліе есть наиполезнѣйшій трудъ, когда сочиненіями своими Экономическое Общество тщилося всѣ роды домостройства побуждать, и когда самыя нужды наши должны бы наиболѣе побудить насъ къ земледѣлію, оно тогда совершенно упало. И вмѣсто, что у непросвѣщенныхъ нашихъ предковъ, не знающихъ и слово домостройства, не читающихъ никакихъ ученыхъ сочиненій, скирды хлѣба погнивали, мы, со всѣмъ просвѣщеніемъ и со всѣми побужденіями, и въ обильные годы сѣмянъ не имѣемъ. Мой бывшій добрый пріятель, Григорій Николаевичъ Тепловъ, представлялъ сенату, въ поданномъ своемъ мнѣніи о дороговизнѣ хлѣба въ С.Петербургѣ, что сіе отъ излишнихъ поборовъ со крестьянъ происходитъ; но я говорю, что сіе происходитъ отъ нераченія крестьянъ и помѣщиковъ, и отъ неимѣнія людей для употребленія надзирать надъ симъ нужнымъ трудомъ государству. Причины нераченія крестьянъ довольно выше изъяснены, ибо крестьянинъ, убѣгая отъ труда земледѣлія, отъ неподлиннаго же прибытку, который онъ можетъ надѣяться отъ земледѣлія, располагаетъ свой трудъ такимъ образомъ, чтобъ и лакомство его было удовольствовано, и вѣрность въ полученіи денегъ ему безопаснѣе и точнѣе была, кидаетъ свою пашню и стремится въ разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшійся, худое имѣя знаніе о земледѣліи, послѣдуя токмо обычаямъ своихъ предковъ, не имѣя ни наставника, ни понудителя къ его трудамъ, съ небреженіемъ къ земледѣлію прилежитъ, и худымъ урожаемъ пуще огорчается, и трудъ, долженствующій составить его благосостояніе, въ ненависть пріемлетъ. Экономическіе и государственные крестьяне, оставленные на

собственное ихъ попеченіе, не болѣе о семъ нужномъ трудѣ раченія прилагаютъ, но каждый болѣе старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тѣмъ, что мать и питательница роду человѣческому, то есть земля, ему обѣщаетъ. Помѣщики изъ дѣтства отдалены отъ своихъ деревень, худо и понимаютъ всѣ тонкости земледѣлія, кладутъ свои деревни на оброкъ, получаютъ великіе доходы, пребываютъ въ службѣ, живутъ или по опредѣленіямъ въ мѣста или по выборамъ въ городахъ, не имѣя ни времени, ни удобности войтить во всѣ подробности домостройства, а иные, ради удовольствія своего, и безъ привязанности къ должности тоже дѣлаютъ. Наконецъ, бѣдные дворяне, которые до сего наиболѣе прилежали къ земледѣлію, бывъ должностями отвлечены и получая болѣе жалованья, нежели бы могли доходовъ съ деревень получить, малыя свои селенія оставляютъ, и не токмо сами, но и съ людьми своими, которые во время ихъ пребыванія въ деревняхъ пахали; самыя лошади, служащія къ унавоживанью и обработыванью ихъ полей, живутъ съ ними въ городахъ. Наконецъ, достаточные и благоразумные помѣщики, чувствующіе, какую пользу можно отъ земледѣлія получить, имѣя въ разныхъ уѣздахъ свои деревни, за недостаткомъ людей для присмотру, принуждены и въ плодоноснѣйшихъ областяхъ деревни свои на оброкъ класть, ибо каждый освобожденный единожды человѣкъ становится свободенъ на вѣкъ, а потому изъ вольныхъ брать въ крѣпость никого не можно; а вольные требуютъ великаго жалованья, а заслужать ли, или нѣтъ его, то неизвѣстно; да который бы и довольно знающъ былъ, имѣя въ предметѣ токмо обогатиться и войти или въ офицеры, или въ приказные служители, или въ купцы, сію должность нимоходящей почитаютъ и усердія къ господамъ не имѣютъ. А и самые оставшіеся въ крѣпости, при самыхъ знакахъ ихъ усердія, токмо ищутъ время или случая отбыть отъ своихъ господъ, и къ сему нерачѣніями о пользѣ господской, по разореніямъ помѣщика и крестьянъ, себя приготовляютъ. А потому хотя бы и желалъ какой помѣщикъ употребить свои старанія о земледѣліи, но за недостаткомъ, кому препоручить смотрѣніе за крестьянами, ихъ ущербомъ себѣ, равно и государству, долженъ проживать.

§ 8. Сластолюбіе и роскошь, проникшая во всѣ чины государства, учиняетъ, что какіе бы ни имѣли доходы, они все для удовольствія нашего суть недостаточны: а потому ничего не оставляемъ себѣ впередъ и не запасаемъ хлѣба; но какъ скоро есть урожай, стараемся его продать, дабы, получа деньги, на другое оныя истратить. Правда, что нѣкоторые помѣщики сборомъ съ самихъ крестьянъ старались хотя малыя запасныя засыпи доставить; но духъ неподвластія, вкоренившійся въ крестьянъ, и недостатокъ людей, которые бы за сими сборами хлѣба и за храненіемъ его наблюдали, учинили, что и сіи засыпи были въ прежніе годы безъ крайней нужды растащены, а когда пришелъ совершенный недостатокъ, то уже сего хлѣба не было. Равнымъ образомъ, при взятьи монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ въ государево вѣдомство, почти вездѣ оставленъ былъ крестьянамъ засыпной хлѣбъ, яко и точно о семъ извѣстенъ о владимірской губерніи; но и тотъ также былъ растащенъ крестьянами, а при наступленіи нужды, его четверика не было.

В. О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ ВЪ РОССІИ (¹).

(Библіографич. Записки, 1859, №№ 14 и 15).

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное

испытаніе недало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, но могу я не удивляться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Воистинну могу я сказать, что если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда-же гораздо съ вящшей скоростію бѣжали къ повреждению нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получать себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіеже, не зная и не стараясь познавать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Несть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противуборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Несть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостію отдаютъ воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ..... Несть искренней любви между супруговъ, которые... за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо не стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Несть родственничкенія связи, ибо имя родовъ своихъ за ничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвуютъ другомъ для пользы своея. Несть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ—обманывать своего государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Несть любви къ отечеству, ибо всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозащее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя во первыхъ я потщуся открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждалисъ, даже дошли до настоящія развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое повреждение нравовъ, а однако главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе; ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои охулительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получать такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе; то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть,

т. е. чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ не достигнуть до своего предмету и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ.

Отложа всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и неистребленныя, вліянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти не слышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не токмо безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все что общество трудами пріобрѣтаетъ, то все ровно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобъ дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ (5) трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что несть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ, имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе; приступлю теперь показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ единоземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую. Дворцы ихъ были не обширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія государя. Оныя состояли: крестовая, она-же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали государя бояре и другіе сановники; столовая гораздо небольшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у государя; а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей предспальная; но, кажется, по расположенію старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня—и оныя были не разныя съ царицами, но всегда одна; за спальнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ, и обыкновенно оная была одна и для малолѣтныхъ дѣтей царскихъ, которые по два и по три въ одной комнатѣ живали; когда-же возрастали, то давались имъ особливые покои, но и оные не больше состояли изъ трехъ комнатъ, то есть: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ; а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, и если было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя и царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ; я уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню, съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ; ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не

на серебрѣ, но потому, что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушивали на оловѣ, а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись токмо въ торжественные дни. Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индейскія, утки, куры русскія, тетеревы и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее-же великолѣпіе состояло, чтобъ кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить, и подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготовленій для побужденія апетиту; но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало, и не имѣли искуства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить; да къ тому же государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И тако въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильство рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ-рѣкѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили; а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ государевѣ, то сего ради какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государственнымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ; впрочемъ-же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ дань оная была положена, какъ мнѣ случилось самому видѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальнихъ мѣстъ рыбу мерзлую и засольную, которая къ столу государей употреблялась.

Десертъ ихъ такой-же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, чернословъ и медовыя постилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще и виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія не имѣли привозить; ибо оный уже на моей памяти въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны тщаніемъ Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ немного бы освѣщенія надобно; но и тутъ не токмо не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды. изъ простаго вина сдѣланная водка, вины: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское— подъ симъ именемъ разумѣлся не токмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино, романея, то есть греческія сладкія вина, и аликантъ,—которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе; потому что какъ первые оные, а паче греческіе получались чрезъ фрян-

новъ, а другіе знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ въ разсужденіи кушанья и напитковъ; посмотримъ, какіе были ихъ экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государской великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги седлъ были съ каменьями, стремена золотые или съ каменьями, мунштуки также драгоцѣнными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней; попоны, тому-же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксамитныя золотыя, съ шитьемъ, или съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубыточно было; ибо сдѣланные единожды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родѣ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фургановъ, гдѣ не было ни мѣста, чтобъ сидѣть, ни окошекъ; но клали внутри пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ—опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобъ наружную кожу, мѣстами позолоченную и тисненную, употребить. Каретъ же не токмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли; ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, человѣкъ пребогатой, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую украшенную рѣзьбою карету, съ точеными стеклами; по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоцѣнной вещію, хотя и снова тысячи рублевъ не стоила, что К. М. дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которые бы надлежало ему наслѣдовать послѣ супруги к. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; и торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носимыя одежды и почитать не должно, но были онѣ яко какіе коронные сосуды, опредѣленные для показанія токмо великолѣпія монарша; и если не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ сдѣланы изъ золотыхъ блякъ, жемчугу и камней, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ изъисскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей; но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому плеча (*) своего платья пожалуютъ.

Главный же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли; но мѣхи сіи не купленные и не изъ чуждыхъ государствъ привезен-

иные были, но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, царицы имѣли обычай носить длинные тонкіе полотняные у сорочекъ рукава, которые на руку набирали, и сіи были иногда толь длины, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житья, убранству и одежды царской; а сіе самое и показуетъ, коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники по мѣрѣ ихъ состоянія подобную же жизнь вели, стараяся притомъ изъ почтенія къ царскому сану никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды нашивали, то и внучата, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя богатыя одѣянія, которыя просто золотами называли и не инако надѣвали, когда для какого торжественнаго случая повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться; а посему сіи одежды имъ надолго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдилися и сыновья по кончинѣ родителей своихъ тоже платье носить. Однако несть никакого общества, куда бы великолѣпіе и роскошь не вкрадывался; то, колико кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей, — великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведенное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ: ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воины государственные, и защитники въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токмо куда въ знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило. Давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а въ прочемъ они содержались своимъ искуствомъ; дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи какой у кого получше кафтанъ сыщется, ибо тогда ливреи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званыхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случатся.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единаго, кто-бы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые, и могли сидѣть по утру до часа обѣденнаго, а ввечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія; ибо лучше никто и не зналъ. А къ тому-же воспитаніе въ набожіи хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ, и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконеніи государства; и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ и въ родѣ своемъ имѣю при-

примѣры, что князь Димитрій Ѳедоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князь Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по причинѣ разоренія дома его купно съ убіеніемъ дѣда его князь Савы.... Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ, и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Цареградѣ и Англіи, а наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей всегда хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпринять, а тогда же и налагало узду кому что недостойное имени своего сдѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симской-Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ-Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти чего недостойнаго роду своему не учинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгій обычай царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и брались быть поруками впредь за поступки тѣхъ, яко свидѣтельствуютъ сіе многія сохраненныя грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подлинны есть. И дѣдъ мой князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ не устрашился у разгнѣваннаго государя Петра Великаго по царевичеву дѣлу за родственника своего, веденнаго на казнь, прощеніе просить, прося, что если не учинено будетъ милосердія, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да не увидѣть очи его безчестія роду и имени своего; и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо, бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода, и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своимъ поступкамъ, такъ какъ защитниковъ (7) во всякомъ случаѣ. Самые еще хотя мало оставшіеся обычаи мнѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые въ младости моей, помню, яко священные законы хранилось, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія имъ, и чтобъ ближніе родственники и свойственники съѣзжались заговливаться и разговляться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа: такъ наши государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также признавая предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ; и мы находимъ въ родѣ

[illegible] Ростовскихъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалося въ обиду другимъ, но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ: и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе государей, получали они, что находили въ благородныхъ — вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ памятныхъ примѣровъ предложить. Аѳанасій Нагой, бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ ханомъ изъ Крыму, — чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того не поѣдетъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и винному родственнику своему пощаду живота испросилъ. Прозоровскій, во время трудныхъ обстоятельствъ начала шведскія войны, соблюлъ великое число казны, и государственныя вещи, повелѣнныя государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить», и не устрашился гнѣву государева, который нѣсколько времени на него былъ, дабы внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ многія дѣла, государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ государскій за частое его противоборство воли его на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь общe и къ славѣ своего государя, и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

¹) Кн. Михайло Михайловичъ Щербатовъ (р. 1733, у. 1790), получившій отъ Екатерины II титулъ исторіографа, обучался дома, служилъ сначала въ военной службѣ, изъ которой вышелъ въ отставку 1762 г. Въ 1767 г. былъ избранъ отъ ярославскаго дворянства депутатомъ въ коммиссію составленія новаго уложенія. Съ 1768 по 1771 г. занимался, по порученію Императрицы, разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ кабинетнаго архива Петра Великаго. Важнѣйшій трудъ Щербатова: «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», 7 томовъ или 15 книгъ (1770—91), доведенная до 1610 г. Когда Болтинъ, въ Примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Россіи, Леклерка (см. ниже), указалъ ошибки Щербатова, послѣдній написалъ «Письмо къ пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя скрытныя и явныя охуленія, учиненныя его Исторіи отъ Болтина (1789)». Болтинъ, въ томъ же 1789 г., издалъ «Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи». «Примѣчанія» Щербатова на этотъ отвѣтъ изд. уже по смерти его (1793 г.) Другія сочиненія кн. Щербатова: О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи (1784); Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей россійскихъ, происшедшихъ отъ в. к. Рюрика (1785); Размышленія утѣшительныя слезящаго отца о смерти любезнаго сына (1790). Изданія его: Царственная книга (1769); Журналъ, или поденная записка Петра В., 3 ч. (1770—72); Царственный лѣтописецъ (1772); Лѣтопись о многихъ мятежахъ (1773); Житіе Петра В., изданное въ Венеціи типографщикомъ Дмитріемъ Ѳеодози и перепечатанное въ Спб. съ поправками Щербатова и Троепольскаго (1774); Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774); Тетради записныя всѣмъ письмамъ и дѣламъ 1704, 1705 и 1706 г. г. (1774).

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, кн. Щербатовымъ написаны многія другія сочиненія, остававшіяся неизвѣстными до 1855 г., когда М. П. Заблоцкій нашелъ ихъ между его бумагами, принадлежащими внукамъ

его; княжнѣ Е. Д. Щербатовой и княгинѣ Н. Д. Шаховской. «Сочиненія эти (сказано въ 14 № Библіогр. Зап. 1859 г.) представляютъ весьма важный матеріалъ и для исторіи XVIII-го в. и для біографіи ихъ автора. Нравственный характеръ кн. Щербатова, степень его образованія, сила убѣжденія отразились въ нихъ отчетливо и ярко. Здѣсь онъ является читателю уже не историкомъ, а публицистомъ, который занятъ современными государственными и политико-экономическими вопросами; патріотомъ, которому дорого благо его отечества; гражданиномъ, который смѣло высказываетъ свое искреннее мнѣніе о дѣйствіяхъ правительства». Изъ этихъ любопытныхъ сочиненій слѣдующія напечатаны вполнѣ:

а) Статистика въ разсужденіи Россіи (Чтен. 1859, № 3).

б) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго (Библ. Зап. 1859, № 12, и Чтен. 1860, кн. 1).

в) Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 сентября 5. (Ib. № 13).

г) Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ (Ib.).

д) Состояніе Россіи до Петра Великаго (Чтен. 1860, кн. 1).

е) Размышленіе о смертномъ часѣ (Ib.).

ж) Разныя разсужденія о правленіи (Ib.).

з) Прошеніе Москвы о забвеніи ея (Ib.).

и) Размышленіе о смертной казни (Ib.)

і) Отвѣтъ на вопросъ: что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденіи нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведскія войны, и о прочемъ тому подобномъ. Писано 1788 г. (Ib.).

к) Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи (Ib.).

л) Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, при началѣ турецкой войны, 1788 г. (Ib.).

м) Размышленіе о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры (Ib.).

Нѣсколько краткихъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ: а) о турецкой войнѣ, 1769—74 г.г., б) не надлежитъ, чтобъ въ одномъ городѣ разныя неподчиненныя единое другому правительства были, в) о вотчинной коллегіи, г) примѣчанія для предбудущія турецкія войны, помѣщено въ 13 № Библ. Зап. 1858 г. Въ томъ же изданіи на 1859 г., №№ 14 и 15, сдѣланы выписки изъ неизданныхъ сочиненій кн. Щербатова, между которыми первое мѣсто принадлежитъ историческому мемуару: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Г. Ешевскій далъ основательный о немъ отчетъ въ 3 № Атенея, 1858 г. Политико-экономическія возрѣнія Щербатова изложены М. Щепкинымъ въ ст.: «Экономическія понятія въ Россіи въ XVIII в.» (Моск. Вѣд., 1859, №№ 142, 143, 154, 172 и 177).

[2]) Изъ 3-ей книги 1-го тома, излагающей событія отъ времени крещенія в. к. Владиміра до раздѣленія Россіи послѣ Ярослава. О значеніи Исторіи Щербатова см. въ ст. Соловьева: «Писатели русской исторіи XVIII вѣка» (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, книги 2-ой половина 1-ая).

[3]) Чтенія, 1860, кн. 1. Въ разсужденіи двѣ части: первая разсматриваетъ причины голода и дороговизны хлѣба; во второй, показывающей способы помочь голоду, говорится о двухъ предметахъ: о настоящемъ пропитаніи жителей и о снабженіи ихъ сѣменами, дабы голодъ не продолжался отъ посѣва и на другіе годы.

[4]) О главной идеѣ этого сочиненія Щербатова см. въ ст. Ешевскаго (прим. 1).

[5]) Дурная разстановка словъ, вм: «похитили труды своихъ собратій».

[6]) Пропущено «съ» (съ плеча).

[7]) Пропущено «и» (и защитниковъ).

LXXVIII.

БОЛТИНЪ. (1).

ПРИМѢЧАНІЯ НА ИСТОРІЮ РОССІИ, ЛЕКЛЕРКА (1788). (2).

О языкѣ русскомъ входитъ авторъ въ пространное разсужденіе, однакожъ весьма мало дѣльнаго и нужнаго представляетъ; но по большей части или блестящимъ суесловіемъ красуется, или разсказываніемъ о постороннихъ вещахъ недостатокъ знанія своего въ настоящей предлежности закрыть тщится, или, потерявшися въ разнообразности мыслей, самъ себѣ противорѣчитъ.

«Языкъ русскій», говоритъ, «будучи прекрасенъ и богатъ самъ по себѣ, имѣетъ ту выгоду еще, что можетъ находить, въ случаѣ нужды, новыя богатства въ языкѣ славянскомъ».

Въ подтвержденіе сего называетъ языкъ русскій «богатымъ, весьма выразительнымъ, способнымъ какъ къ произведенію сочиненій трудныхъ, такъ равно надѣвочныхъ и стихотворныхъ». Но чрезъ три страницы послѣ первыя рѣчи, говоритъ совсѣмъ противное тому: «почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей не подпадающихъ чувствамъ, не достаетъ въ русскомъ языкѣ реченій». Кажется сія рѣчь съ вышепрописанными никакого согласія не имѣетъ. Еслибы сіе было правда, то бы не могли быть переведены съ греческаго языка на славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ отцевъ восточныя церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе еллинского витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, пренесены въ языкъ славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меньшею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на греческомъ. Русскій языкъ не столь богатъ какъ славянскій, однакожъ и на него многія книги важныхъ и глубокомысленныхъ творцовъ переведены безъ потери ясности и красоты. Я не скажу того, чтобы всѣхъ языковъ слова въ русскомъ языкѣ тождезначущія и равносильныя обрѣталися. Всякій языкъ имѣетъ нѣчто особенное и единому ему свойственное, и въ семъ разумѣ можно сказать, что и въ самомъ недостаточномъ найдутся такія слова, кои на самые изобильнѣйшіе однимъ словомъ не могутъ быть переведены. Правда и то, что въ русскомъ языкѣ недостаетъ многихъ словъ относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде. Но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы, вводя новую науку или художество, не заимствовалъ или не вводилъ и новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? Но сіе есть явная клевета, якобы въ недостаткѣ реченій условныхъ, къ выраженію умоначертаній сложныхъ, принуждены были ввести въ языкъ природный безобразное смѣшеніе языковъ различныхъ. Всѣ, знающіе языкъ русскій хорошо, согласятся со мною, что въ реченіяхъ сказанныхъ недостатку мы не имѣемъ и что страннаго смѣшенія разныхъ нарѣчій въ языкѣ нашемъ никогда не бывало и нѣтъ. Авторъ слыхалъ, будучи въ Россіи, отъ Русскихъ жалобу, что въ разговорахъ употребляютъ много словъ иностранныхъ безъ нужды, и, не понявъ того, отнесъ оную къ недостатку языка. Жалоба ихъ вотъ въ чемъ состояла: въ царствованіе Императрицы Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большой части люди безграмотные. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно ещё осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ французскихъ. Знающіе же природный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть г. Леклерку случалося таковыхъ французо-русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они. Однако не надлежало

бы, кажется, о незнаемой вещи говорить такъ увѣрительно.

«Чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Русскимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего».

Запрещенія ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ Россію никогда не бывало, напротивъ старалися о приглашеніи ихъ; да и въ самой вещи многіе художники и ученые при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и прежде еще призываны были, что и самъ авторъ сими словами свидѣтельствуетъ: «Иванъ Васильевичъ II просвѣщаетъ свой народъ, учреждаетъ мудрѣйшіе законы, яко отецъ его и дѣдъ, покровительствуетъ ученыхъ и художниковъ», и проч.

Запрещено было Русскимъ выѣзжать изъ государства, не испроса дозволенія у правительства, дабы не всякій могъ безъ разбора выѣзжать, а только тѣ, кои безъ опасности отпущаемы быть могли. Требовался къ сему зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ вѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и проч.; и такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія.

Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожидаемой пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда познавъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются на исправленіе поврежденнаго благонадежнѣйшія средства, коихъ мудрое предрасположеніе подаетъ великую въ успѣхѣ надежду. Потомки наши увидятъ оныхъ плоды, восчувствуютъ благодарность къ виновницѣ учрежденія и постановленія ихъ, и познаютъ цѣну и важность сего великаго ея благодѣянія къ россійскому роду (³).

Неправда и то, чтобъ училища, служащія къ просвѣщенію разума, запрещены были. Училищъ завести несчастныхъ временъ обстоятельства, въ коихъ чрезъ нѣсколько вѣковъ погружена была Россія, не допускали; а едва только избавилися они, то и учреждены были оныя въ Москвѣ, но принести плода не успѣли: просвѣтить цѣлое государство потребны вѣки.

«Почти нѣтъ художниковъ и ремесленниковъ русскихъ, работающихъ на публику».

Весьма много и больше нежели потребно, ибо сверхъ того, что каждый помѣщикъ имѣетъ, въ числѣ дворовыхъ своихъ людей, всѣхъ нужныхъ ремесленниковъ, кои, по умноженію въ нихъ надобности, и-

отпускающихся отъ нихъ въ города для работы; множество есть и въ числѣ мѣщанъ, а во крестьянствѣ и того еще больше. Надлежитъ для сего знать, что въ Россіи не всѣ крестьяне земледѣліемъ однимъ кормятся, но многіе изъ нихъ живутъ какъ купцы и о сельскомъ домоводствѣ никакого понятія не имѣютъ. Причиною тому не лѣность или отвращеніе отъ земледѣлія, какъ г. Леклеркъ мечтаетъ, а недостатокъ или неимѣніе вовсе земли (каковымъ преимуществомъ есть имѣть въ Россіи, не взирая на обширность ея, и что на многихъ мѣстахъ удобныя къ пашнѣ земли лежатъ впустѣ) и частію привычка съ малолѣтства къ промыслу или ремеслу, которымъ отцы и дѣды ихъ кормилися. Нѣкоторыхъ провинцій жители почти на-половину упражняются въ одномъ промыслѣ или ремеслѣ, однакожъ и земледѣлія вовсе не покидаютъ. Напримѣръ, Галицкій и Олонецкій уѣзды довольствуютъ всю Россію плотниками; Балахна, Городецъ, Ярославль доставляютъ каменщиковъ, штукатуровъ, каменосѣчцевъ и печниковъ; огородники въ обѣихъ столицахъ большею частію Ростовцы; Суздальцы не только на всю Россію пишутъ образа, но даже въ Польшу, Силезію, Сербію и въ другія единовѣрныя государства ѣздя продаютъ; садовники изъ Гороховца и Вязниковъ. Многія также есть знатныя села, коихъ жители однимъ ремесломъ кормятся: славные рыбаки Осташковцы, они по зимамъ по всей Россіи и Польшѣ ѣздятъ, промысломъ симъ кормятся. Село Лысково, лежащее на Волгѣ противъ Макарьева, довольствуетъ низовыя провинціи всѣми нужными художниками и ремесленниками, яко столярами, рѣзчиками, иконописцами и проч. Село Павлово, Арзамаскаго уѣзда, знаменито по великому количеству въ немъ слесарей. Павловскіе замки, ножи и подобныя тому мелочныя желѣзныя работы не только по всей Россіи развозятся, но въ немаломъ количествѣ въ Польшу и въ азіатскія пограничныя государства отпускаются. Нѣкоторые изъ сказанныхъ ремесленниковъ, каковы суть плотники, каменщики, огородники и проч. ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ отходятъ артелями въ Петербургъ, въ Москву и частію въ другіе города, и работаютъ въ нихъ до самой глубокой осени; по окончаніи работъ возвращаются въ свои домы, и въ нѣдрѣ семействъ своихъ всю зиму препровождаютъ. Въ небытность ихъ, остающіеся въ домѣхъ старики, малолѣтные и женскъ полъ исправляютъ полевыя и домашнія работы, для прокормленія семьи своей. Другіежъ ремесленники, каковы суть овчинники, горшечники, рукавичники и проч., не выходя изъ домовъ своихъ, въ свободное отъ земледѣлія время, работаютъ и развозятъ издѣлія своя по базарамъ. Многіе вельможи и знатное число дворянства не однимъ полученіемъ оброка съ крестьянъ своихъ и упражненіемъ въ земледѣліи довольствуются, но имѣютъ въ деревняхъ своихъ различныя фабрики, на которыхъ мастера суть ихъ крѣпостные люди, доставляющіе имъ несравненно большіе доходы, нежели бы они отъ земледѣлія получить могли. Дворянство россійское не заразилось еще безмѣстнымъ чванствомъ французскаго, признающимъ низкимъ для себя упражняться въ подобныхъ промыслахъ (*). Воспитаніе французское не успѣло еще истребить изъ насъ истинныхъ началъ благоразумія, устраненіе отъ коихъ произвело въ учителяхъ нашихъ ложныя понятія о честномъ и о полезномъ.

Правда, что въ столицахъ много есть художниковъ и ремесленниковъ иностранныхъ, каковы суть инструментальные мастера, золотари, серебренники, часовщики, каретники и другіе, и предпочитаются большая часть изъ нихъ русскимъ, по превосходству ихъ работъ въ чистотѣ, прочности и исправности; однакожъ и русскихъ есть не мало, и больше нежели

желательно въ разсужденіи общія пользы и благосостоянія.

Художества и ремесла, къ роскоши служащія, должны не прежде, по мнѣнію моему, заводимы быть, когда ремесла, нужныя для земледѣльцевъ и обработыванія земли своея произведеній, до такой степени распространены и усовершенствованы будутъ, что въ покупкѣ таковыхъ у иностранныхъ нужды не будетъ, и когда собственныхъ произращеній необдѣланныхъ оставаться не будетъ. За наполненіемъ всѣхъ сихъ мануфактуръ потребными работниками и за обработаніемъ всѣхъ земель лежащихъ впустѣ, излишнихъ людей, чтобъ не оставались они безъ пропитанія, позволительно обратить въ художества роскоши и въ мореходцы. Покамѣстъ же не исполнены будутъ всѣ сказанные предметы, таковыя художества заводить болѣе вреда, нежели пользы государству послѣдовать можетъ. И такъ все то, что служитъ къ роскоши, да будетъ заимствовано отъ услугъ иностранныхъ, а своихъ оставимъ упражняться въ существенныхъ потребностяхъ для жизни: земледѣлецъ и воинъ да будутъ свои. Въ Спартѣ Лакедемонцы были всѣ воины, а Илоты всѣ земледѣльцы: имъ не нужны были художества и ремесла, служащія къ роскоши. Мы, по несчастію, не менѣе въ нихъ надобности нынѣ имѣемъ, какъ въ хлѣбѣ: пусть, по крайней мѣрѣ, иностранныхъ руки употреблены будутъ къ сей подлой должности, а нашимъ останется въ удѣлъ благородная и полезная служба, то есть земледѣліе и ратоборство. Съ земледѣліемъ связываю я всѣ тѣ ремесла, коими обработываются собственныя произведенія и кои необходимыя потребности общежитія, пользы, выгоды и спокойства удовлетворяютъ; слѣдовательно не другія отметаю, какъ токмо служащія прихотямъ, излишествамъ, для коихъ и людей употреблять должно не иныхъ какъ излишнихъ, а сихъ-то у насъ и нѣтъ.

«По угодности Русскаго народа, зима, хотя весьма жестокая, есть прекраснѣйшее время въ году. Сіи краткіе дни доставляютъ счастіе для народа лѣниваго, который очень любитъ спать и сидѣть когда хочетъ».

Зиму Русскіе не признаютъ за лучшую въ году пору, но за выгоднѣйшую для многихъ способовъ, приносимыхъ ею, въ разсужденіи домовыхъ ихъ работъ и отвоза въ дальнія стороны своихъ издѣлій. Зима есть такое время, въ которое крестьянинъ долженъ заплатить за весь годъ всѣ государственныя подати и помѣщичьи оброки; для себя и для своего семейства припасти платье и обувь; для домашняго быта всякую посуду, а для полевыхъ работъ всю сбрую, ибо лѣтомъ не останется ему время ни о чемъ другомъ помышлять, кромѣ земледѣлія. По сей причинѣ и государственныя подати лѣтомъ не собираются, чтобъ тѣмъ не сдѣлать земледѣльцамъ въ работахъ ихъ помѣшательства. Зимою женскъ полъ вообще, а изъ мужчинъ престарѣлые токмо и малолѣтные остаются дома, для исправленія домашнихъ работъ и посмотра за скотиною; а прочіе всѣ ходятъ по дорогамъ, отвозя свой хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города, или нанимаясь подъ извозъ разныхъ товаровъ къ портамъ, для отпуска оныхъ весною въ чужестранныя государства. Какія переносятъ они труды въ продолженіи пути своего, многократно былъ я самовидцемъ. Стоятъ они на дворахъ въ сутки не болѣе осьми или девяти часовъ, въ кои должно имъ два раза поѣсть, два раза лошадей выпрячь и запрячь, два раза ихъ напоить и столько же разъ дать имъ сѣна и овса; а за исправленіемъ всѣхъ сихъ нуждъ, небольше какъ три, а много четыре часа останется имъ на сонъ и отдохновеніе. Достальные 15 или 16 часовъ должны они, каждый за возомъ своимъ, идти пѣшки, да еще на косогорахъ, раскатахъ и въ выбояхъ придерживать возъ, чтобъ не упалъ;

и при всемъ томъ сносятъ вѣтръ и морозъ, которые иногда столь бываютъ неумѣрны, что лишаютъ носовъ, ушей, перстовъ, а не рѣдко и жизни противоборствующихъ имъ. Тѣ, которые въ дороги не ѣздятъ, упражняются или въ ловлѣ звѣрей и рыбъ, или въ разныхъ ремеслахъ, или въ рубкѣ лѣсовъ и отвозѣ оныхъ на пристани для сплавки весною въ тѣ мѣста, гдѣ есть въ нихъ недостатокъ, сверхъ молотьбы хлѣба и прочихъ домашнихъ исправленій, и хотя меньше переносятъ трудовъ и не подвергаются такимъ опасностямъ, какъ находящіеся въ отсутствіи, но едвали больше ихъ имѣютъ покоя.

Впрочемъ отсюда не есть то чудно, что народъ русскій, по словамъ нашего автора, тогда спитъ, когда хочетъ, ибо тожъ дѣлаютъ и всѣ народы; но то было бы удивительно, еслибъ тогда онъ спалъ, когда не хочетъ.

¹) Болтинъ, Иванъ Никитичъ (1735—1792), генералъ-маіоръ, учился дома и въ частныхъ пансіонахъ, потомъ служилъ въ военной службѣ. Первымъ его сочиненіемъ была «Хорографія сарептскихъ цѣлительныхъ водъ» (1782), которыми онъ самъ пользовался во время двухлѣтняго своего путешествія на югѣ Россіи. При появленіи Русской Исторіи Леклерка (см. ниже прим. 2), Болтинъ написалъ на нее критическія примѣчанія, которыя рѣшился напечатать по совѣту Потемкина, бывшаго его товарища по службѣ въ гвардіи, а потомъ начальника (Болтинъ управлялъ нѣкоторое время его канцеляріей). Они изданы по повелѣнію Екатерины; изданіе вышло въ 2 т., 1788 г., въ Спб. подъ заглавіемъ: «Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка». О полемикѣ Болтина съ кн. Щербатовымъ сказано выше, въ примѣчаніяхъ къ сему послѣднему. Сюда относятся два сочиненія: Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова (1789) и Критическія примѣчанія на исторію Щербатова, 2 т. (1793—94). Кромѣ того Болтинъ издалъ Правду Русскую, вмѣстѣ съ гр. А. И. Пушкинымъ (1792), и написалъ примѣчанія ко 2-му изд. (1792) Историч. представленія изъ жизни Рюрика (см. 12-ое прим. къ сочин. Екатерины II). По званію члена Россійской Академіи, участвовалъ въ заготовленіи матеріаловъ для толковаго славяно-русскаго словаря, написавъ объясненія словъ, начинающихся съ буквы А. Между оставшимися послѣ него бумагами находился переводъ французской энциклопедіи до буквы К.

²) Леклеркъ (Le Clerc Nicolas Gabriel), членъ академій петербургской, безансонской и руанской (1720—1798), пользовался въ свое время извѣстностью, какъ искусный медикъ. Ему многимъ было обязано правильное устройство госпитальной части. Въ 1759 г., вызванъ императрицею Елисаветою въ Россію и поступилъ домашнимъ врачемъ къ К. Г. Разумовскому, съ которымъ путешествовалъ по Европѣ. Потомъ возвратился во Францію, но въ 1769 г. снова прибылъ въ Россію и былъ назначенъ главнымъ медикомъ при наслѣдникѣ престола (Павлѣ I) и инспекторомъ Павловской больницы (въ Москвѣ). Сверхъ того преподавалъ воспитанникамъ сухоп. кадет. корпуса физику, химію и натуральную исторію. Рѣчь его читанная при открытіи этого курса, переведенная Сухиной, изд. 1773, подъ названіемъ «Философическія разсужденія о воспитаніи, каково должно быть для произведенія желаемыхъ плодовъ». Въ это вторичное пребываніе свое въ Россіи, Леклеркъ, по желанію Людовика XV, занялся собраніемъ матеріаловъ для русской исторіи, которую началъ писать, возвратясь въ свое отечество (1777), и издал. 1783—94 гг. въ 6 т.: «Histoire de la Russie ancienne et moderne». Имъ переведены съ рус. языка на франц. сочиненія Бецкаго: «Уставы и учрежденія» и «Докладъ о воспитаніи» (см. 2-ое прим. къ Бецкому). По желанію Екатерины написалъ для в. к. Павла Петровича повѣсть: Yu-le-Grand et Confucius (1769), а для дѣтей 5-го возраста: L'art de débuter dans le monde avec succès (1774.) (Biographie universelle). Леклерку служила большимъ пособіемъ Исторія Россіи, Левека (Pierre Charles Levesque, р. 1736, у. 1812), изд. въ Парижѣ 1782—83, въ 8 т., изъ коихъ первый перев. на рус. яз. и изд. 1787 г. По рекомендаціи Дидро, Екатерина II вызвала Левека, въ 1773 г., на каѳедру словесныхъ наукъ въ кадетскомъ корпусѣ, которую онъ и занималъ въ теченіи семи лѣтъ (1773—80). Въ 1780 г. воротился въ Парижъ и былъ членомъ Академіи Надписей. Здѣсь-то видѣлъ его Карамзинъ, въ 1790 г., изложившій свое мнѣніе объ его Исторіи (Соч. Карамзина, изд. Смирдина, 1848, т. 2, стр. 511—516). Примѣчанія Болтина въ основаніи своемъ согласны со взглядомъ Екатерины какъ на исторію русскую вообще и понятія о ней иностранцевъ,

такъ и на отношенія Петровой реформы къ новому періоду русскаго образованія (сличи письмо ея къ Мордвинову). О значеніи Болтина какъ историка см. въ ст. Соловьева: «Писатели рус. исторіи XVIII в.» (Архивъ Калачова, 2-ой книги 1-ая половина, 1855). Эпиграфомъ для «Примѣчаній» Болтинъ выбралъ слова самого Леклерка: Il n'y a que la fureur d'écrire sur les sujets qu'on ignore ou que le besoin de vivre qui puisse faire servir l'art de l'imprimerie au trafic de mensonges». Въ предисловіи разсказанъ поводъ къ примѣчаніямъ, цѣль которыхъ—защищеніе правды и отечества: «Прежде нежели началъ я читать сію книгу, многими причинами предубѣжденъ былъ въ ея пользу: десятилѣтнимъ пребываніемъ сочинителя въ Россіи, коего главное намѣреніе, какъ самъ онъ говоритъ, живучи здѣсь, состояло въ томъ, чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія къ сочиненію исторіи россійской, и въ чемъ онъ, по своимъ словамъ, получилъ совершенный успѣхъ; знаніемъ и способностями, каковыхъ должно было чаять въ членѣ многихъ академій; сильными его увѣреніями о истинѣ, безпристрастіи и совершенномъ знаніи предлагаемаго имъ; огромнымъ и многообѣщавающимъ титуломъ сочиненія (*Исторія естественная, нравственная, гражданская и политическая древнія и нынѣшнія Россіи*); и наконецъ типографическимъ украшеніемъ, оное сопровождающимъ. Но по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, разрушилося во мнѣ сіе пріятное предубѣжденіе, возбуждавшее любопытство и охоту къ чтенію: ложь и клевета, съ коими сочинитель злословитъ вообще Россію; пристрастіе, съ коимъ переиначиваетъ онъ дѣла наиболѣе извѣстныя; наглость, съ которою рѣшительно говоритъ о вещахъ совершенно ему неизвѣстныхъ; нелѣпость разсужденій, пустота доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки (оставляя осмѣянія достойную надменность слога и образъ писанія странный и необыкновенный) заставили меня возъимѣть мнѣніе противное прежнему и о сочиненіи и о сочинителѣ.

«Подвигнутъ усердіемъ къ истинѣ и къ моему отечеству, предпріялъ я сдѣлать примѣчанія на сію книгу, чтобъ уличить и устыдить наглаго и лживаго ея сочинителя. По мѣрѣ чтенія ея, замѣчалъ я важнѣйшія въ ней ошибки и злоумышленныя отъ истины устраненія, и, не ограничиваяся опроверженіемъ оныхъ, старался показать вещи, къ коимъ тѣ ошибки относятся, въ точномъ ихъ видѣ; отражая клевету и злословіе безъ рвенія, противопоставлялъ лжи истину, заблужденію исправленіе, не сущему сущее; справедливость моихъ доводовъ и безпристрастіе моихъ мнѣній и разсужденій подкрѣплялъ свидѣтельствомъ писателей достовѣрныхъ. Почему ласкаться смѣю, что труды мои будутъ удовлетворительнѣе тѣхъ, каковы суть полемическія сочиненія, имѣющія по большей части предметомъ своимъ не стоящія вниманія распри писателей».

³) Сличи эту статью съ Докладомъ Бецкаго (Хрест., I, стр. 319).

⁴) Многіе короли ихъ, между прочими Іоаннъ, Францискъ I, Генрихъ III, Генрихъ IV, Людовикъ XIII и особливо Людовикъ XIV, тщетно стараяся истребить сіе предубѣжденіе, противное истиннымъ благоразумія началамъ, дозволяя или приглашая дворянство къ промысламъ торговли и мореплаванія: осталося оно и понынѣ существующимъ въ полной силѣ, въ доказательство, что власть его сильнѣе законовъ. *Прим. Болтина.*

LXXIX.

ЕЛАГИНЪ. (1).

ОПЫТЪ ПОВѢСТВОВАНІЯ О РОССІИ: ([illegible]). (2).

Какову должно быть повѣствователю?

Повѣствователь занимаетъ краткостію наше соображеніе и остротою разсудокъ. Онъ учитъ насъ любомудрію и политикѣ, но не вводитъ въ скучное училищъ преподаваніе. Се есть существенная его должность! ибо подобаетъ ему, изслѣдуя бытію причины, извлекать вредныя или полезныя слѣдствія, и отверзая душу и сердце дѣйствующихъ лицъ, открывать добродѣтель къ подражанію и порокъ къ отвращенію; его легкій и пріятный слогъ замѣняетъ тягостные долговременнаго ученія труды, и, услаждая читателя, впечатлѣваетъ въ чувствованія его нравственныхъ строгость правилъ. Онъ не беретъ ничего изъ древнихъ лѣтописей, какъ токмо лѣтоисчисленій, дѣяній и состояніе государства въ томъ времени,

о которомъ онъ предлагаетъ, и изъ сего выбираетъ тогдашніе законы, нравы и характеры дѣйствующихъ лицъ и достойнѣйшій къ предложенію приключенія. Все сіе вносить онъ въ свое совоображеніе, разбираетъ, вѣситъ и, оправдавъ или обвинивъ доказательствъ приводами, потомству предлагаетъ. Таковы суть древніе повѣствователи, коихъ новые въ образецъ себѣ принимать долженствуютъ. Плутархъ насильно любить добродѣтель принуждаетъ. Титъ Ливій восхищаетъ объятіемъ и приведеніемъ въ единство разсѣянныхъ предметовъ. Саллустій краткостію выборныхъ изреченій и остротою удивляетъ; а Тацитъ, испытуя глубину политики, отверзаетъ тайныя тиранства козни и, гнусность ихъ потомству обнажая, жалѣетъ о человѣчествѣ, кровопролитныя брани властолюбивыхъ Римлянъ повѣствуя. Иродотъ, хладность землеописанія распаляя жаромъ сказаній о разнонародныхъ нравахъ и обычаяхъ, нудитъ забыть его путешествіе и басни, и прилѣпиться къ истинѣ вѣщаній. Таковымъ совокупно образцамъ слѣдуя, надлежало бы и нашему повѣствованію быть сочинену; но трудность предлежитъ едва ли преодолимая. Великіе люди рѣдко подражаемы бываютъ. А сверхъ того въ нашемъ единомъ о единой монархіи повѣствованіи долженствуетъ сочинитель заниматься сказаніемъ многочисленныхъ дробныхъ монархіи дѣяній; ибо всѣ удѣльныя княжества собственною политикою и властолюбіемъ отъ средоточія или великаго княженія отдаленныя, въ томъ же и единомъ кругѣ вмѣщенныя суть, и въ отношеніи къ средоточію единое политическое Россіи составляютъ тѣло, подобно Германіи, когда она на феодальныя правленія была раздроблена. Притомъ нашему писателю подобаетъ начать трудъ свой побѣдою суевѣрія и страха, сихъ двухъ издревле въ насъ впечатлѣнныхъ страшилищъ. Не легкая однакожъ побѣда толь сильныхъ исполиновъ, которые многіе вѣки всѣхъ дѣеписателей нашихъ въ узахъ рабства содержали. За симъ обязуется принимающійся за сочиненіе прямаго повѣствованія нашего дать источникамъ, изъ коихъ почерпать будетъ, на мѣсто излишней ихъ протяжности, краткость нужную, и баснословіе замѣнить истиною; усладить суровость ихъ слога краснорѣчіемъ, и безпорядокъ наградить единствомъ и простотою сказанія. Подобаетъ ему спомоществовать невѣжеству и предубѣжденіямъ[1] любомудрія разсужденіемъ, которое, объемля всѣ части начертаемыя картины, свойственныя растворитъ ей краски и неискуство древнія кисти исправитъ лѣпотою новѣйшихъ живописцевъ.

[1]) Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ (р. 1725, у. 1796), обучался въ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ 1743 г. Служилъ въ военной службѣ, а потомъ въ придворномъ вѣдомствѣ: былъ членомъ Кабинета и Дворцовой Канцеляріи и находился у принятія прошеній. Въ это время состояли при немъ Фонъ-Визинъ и Лукинъ (см. примѣчанія къ ихъ сочиненіямъ). Въ 1767 г. назначенъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ придворной музыки и театра; въ 1788, оберъ-гофмейстеромъ. Елагинъ, членъ Лейпцигскаго ученаго общества словесныхъ наукъ и Россійской Академіи, считался въ свое время замѣчательнымъ литераторомъ. По любви къ занятіямъ словесностью, онъ покровительствовалъ писателямъ и цѣнилъ ихъ дарованія. Извѣстно его уваженіе къ Сумарокову, которому онъ посвятилъ сатиру на петиметра и кокетокъ, возбудившую негодованіе въ Ломоносовѣ (см. письмо послѣдняго въ Смирд. изд. его сочиненій, I, 708—711) и другихъ стихотворцахъ (Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія, Библ. Зап. 1859, № 15). Сочиненія и переводы его: Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, соч. аббата Прево, пер. съ фр. вмѣстѣ съ Лукинымъ, 6 ч. Спб. 1765—66 (Mémoires du marquis *** ou Aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde, par Prévost d'Exiles); Безбожный, траг. Браге, пер. съ нѣм. (Спб. 1771); Мизантропъ, или нелюдимъ, Мольера, съ фр. (М. 1788); Опытъ

повѣствованія о Россіи, М. 1803 (Слов. Евг.; Словарь дост. людей, Бант.—Кам., I).

³) «Опытъ повѣствованія о Россіи», начатый 1789 г., доведенъ до 1389 г. (до смерти Димитрія Донскаго). Полное сочиненіе состоитъ изъ 5 ч. или 15 книгъ. Напечатано, уже по смерти автора, только 1-ая часть, т. е. 3 книги, заключающія въ себѣ исторію Россіи отъ древнихъ временъ до смерти Владиміра I. Елагинъ начинаетъ свое повѣствованіе приношеніемъ Премудрости (божественной Софіи), за которымъ слѣдуетъ обширное предувѣдомленіе читателю, излагающее качества и знанія, потребныя повѣствователю, литературу исторіи Россіи и взглядъ на предстоящую задачу. О значеніи «Опыта» см. въ Словарѣ Евгенія и въ указанной, въ примѣч. къ Щербатову, статьѣ Сол—на. Помѣщенное въ Хрестоматіи сличи съ отрывкомъ, взятымъ изъ исторіи Татищева.

LXXX.

ХРАПОВИЦКІЙ. (¹).

Изъ его записокъ. (²).

1789. Марта 30. «Принятіе иностранцевъ въ нашу службу дѣлаетъ эмюлацію (³) въ Русскихъ. Петръ I симъ воспользовался, и наши скоро наметаны быть могутъ. Есть двѣ эпохи, во время которыхъ Русскіе отъ Европы отстали: время власти татарской и время междуусобія, когда Шведы и Поляки большую партію имѣли. Тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и тутъ вышли великіе люди» (⁴). Я сказалъ: «les malheurs font les grands hommes». Повторено и мысль сія утверждена.

Апрѣля 23. Разговаривая о княгинѣ Дашковой, отдавали ей справедливость въ томъ, что имѣетъ познанія и умнѣе многихъ мущинъ, но дивились, что ее никто не любитъ. Даже дочь, въ нынѣшнихъ недостаткахъ и бывъ подъ опекою, не соглашается жить съ матерью. Княгиня больше приписывала сыну, чего онъ стоилъ: онъ простъ и пьяница.

Іюля 11. Читалъ просьбу Державина и поднесъ оду Фелицѣ. Въ ней прочтено при мнѣ:

> Еще же говорятъ неложно,
> Что будто завсегда возможно
> Тебѣ и правду говорить.

Приказано сказать Державину, что докладъ и просьба его читаны, и что Ея Величеству трудно обвинить автора оды къ Фелицѣ: «cela le consolera». Донесъ о благодарности Державина: «on peut lui trouver une place» (⁵).

Іюля 31. Письмо княгини Дашковой о внучкѣ славнаго Эйлера, оставшейся вдовою послѣ Бернулли, въ объясненіе на ея просьбу: ей княгиня даетъ мужнина жалованья только за два мѣсяца. Дополнили годовое изъ кабинета. «Княгиня Дашкова ни съ кѣмъ не уживется. Je peux m'accommoder de tous les caractères. Je suis comme Alcibiade à Sparte et dans Athènes».

Августа 1. Провелъ Державина въ Китайскую и ждалъ въ Ліонской (⁶). «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ; въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться (⁷). Надобно искать причину въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation». Велѣно выдать неполученное имъ жалованье, а гр. Безбородко прибавилъ въ указѣ, чтобы и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту.

Августа 28. Разговоръ объ Олегѣ (⁸): «cette pièce ne souffre rien de médiocre et elle fera un grand effet».

Сентября 6. Спросили о неконченномъ Игорѣ (⁹). «Nous verrons quel succès aura Oleg; il n'y a pas d'unité de lieu: c'est plutôt un opéra». Читаютъ

Pratique du théâtre, par l'abbé d'Aubignac (10).

Сентября 7. Хотѣлъ писать комедію, но не выбрали сюжета. Я предложилъ l'Inconstant и подалъ la pièce de Collin d'Harleville. Купалъ и поднесъ la Clarisse de Richardson.

Декабря 1. О малодѣліи: «не знаю, что дѣлала до 9 часовъ, или не додаютъ мнѣ дѣла». Я: quand on fait le bien, on fait déjà beaucoup, — «Чтожъ?»—Отъ двухъ непріятелей насъ защищаете (11). — «C'est l'affaire des généraux».—Mais ils ne font qu'exécuter vos ordres.—«Нѣтъ, еще что-то дѣлала».—Упражнялась въ законодательствѣ и въ исторіи.—«Теперь за законы не могу приняться, но думаю, что могу взяться за исторію».

1790. Февраля 2. Отдали для переписки конецъ жизни Алкивіада (12). Тутъ замѣтили, что, по его славѣ, всѣ неудачи не относили къ невозможности, а къ нехотѣнію: «а признаюсь, что и со мной тоже случилось».

Апрѣля 27. Отдавая листъ перевода изъ Плутарха, сказано: «Это одно только утѣшаетъ; cela me fortifie l'âme» (13).

Августа 14. Отвѣтъ къ шведскому королю на его письмо о мирѣ и по размѣнѣ ратификацій на миръ: qu'il ne faut pas prêter l'oreille aux tracasseries. Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опытамъ знаю, que l'écueil de toutes les intrigues est la parfaite équité et la justice. J'aime à dire avec Racine:

Celui qui met un frein à la fureur des flots,
Sait aussi des méchans arrêter les complots;
Soumis avec respect à sa volonté sainte,
Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte (14).

Августа 22. При Васильевѣ (15) разговоръ объ окончаніи войны. «Я правила войсками, какъ командующій генералъ, и много было заботъ».—Послѣ него я напомнилъ о намѣреніи съ резервомъ идти къ Осиновой рощѣ. «Да, буде бы нужда потребовала, въ послѣднемъ баталіонъ-каре сама бы голову положила. Я никогда не трусила».

Сентября 20. Разговоръ объ Олегѣ. Спрашивали, въ чемъ надобно поправить Дмитревскаго (16). «Онъ уменъ, а многое вчера игралъ à contre sens. Oleg est un grand caractère; il est affecté de ce qui arrive, mais son jeu théâtrale ne souffre pas d'emphase.

1791. Генваря 25. Отданъ мнѣ годовой отчетъ въ ученіи великихъ князей, отъ И. И. Салтыкова присланный. Сказано, что Александръ Павловичъ сколько ростомъ, столько же и остротою превосходитъ Константина Павловича, который и въ ростѣ и въ ученіи отъ него отсталъ.

Апрѣля 17. Такъ долго не говоря со мною о дѣлахъ, сказано съ примѣтнымъ на лицѣ удовольствіемъ, что въ парламентѣ спорили очень жарко противъ Питта о войнѣ съ нами. Фоксъ, Портландъ и Девонширская партія за насъ. Многіе друзья отъ Питта отстали. Призывали гр. Безбородко, чтобъ скорѣе сообщилъ гр. С. Р. Воронцову всѣ бумаги, до дѣлъ съ Англіею касающіяся, для отдачи оппозиціи, ибо министерство ихъ не открываетъ, а мы чрезъ то докажемъ, что справедливость на сторонѣ нашей (17).

Мая 6. Mr. Senac de Meilhan étant en France gouverneur d'une province, имѣетъ по 500 руб. на мѣсяцъ изъ Кабинета: homme lettré и знающъ въ финансахъ, въ городѣ былъ представленъ въ эрмитажѣ и сегодня послѣ обѣда былъ болѣе часу у Ея Величества (18).

Мая 28. Lisant la lettre de Mr. Senac de Meilhan, «онъ скучно: il tient trop aux principes français».

Іюля 22. Принялись за россійскую исторію; говорили со мной о Несторѣ. Я: «nous l'avons vu en original».

Іюля 23 и 24. Упражняются въ продолженіи исторіи россійской. Поднесъ книги и выписки, къ тому принадлежащія.

Сентября 8. Принесенъ бюстъ Фокса. Велѣно мнѣ поставить его въ эрмитажѣ и сдѣлать бронзовый, для помѣщенія въ колоннадѣ въ Царскомъ Селѣ, между Демосѳена и Цицерона.

Октября 13. Державинъ явился; объ немъ докладывали — недосугъ. Послѣ былъ впущенъ — приласкали.

1792. Февраля 13. Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, что онъ ходитъ съ такими просьбами, какими разжалобили тещу и жену его ([19]). Я промолчалъ.

Марта 4. Говорили мнѣ о Державинѣ по случаю просьбы купца Милютина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссылается на просьбу, Державину поданную, что Державинъ принимаетъ всѣ прошенія о деньгахъ, готовъ принять на милліонъ. Это работа его тещи. Говорено съ жаромъ.

Апрѣля 21. По просьбѣ Елагиной велѣно ей сказать: «j'ai un coeur de roche», и спросить Державина, не знакома ли ему. «Теща его всѣхъ просителей знаетъ».

Апрѣля 30. При отдачѣ мнѣ бумагъ для доклада, графъ Безбородко сказывалъ, что и съ нимъ говорили о Державинѣ. Графъ внушилъ, что по меморіямъ именныхъ указовъ давать сенату нельзя. Сказалъ я графу о предположеніяхъ князя Потемкина-Таврическаго, поданныхъ Поповымъ. Онъ дополнилъ, что сказали: «давай ихъ сюда», думая найти проэкты какіе, но увидѣли только записки о дачѣ Державину 2 ст. Владиміра, о помѣщеніи бывшаго въ Астрахани губернатора Алексѣева, о гвардейскихъ майорахъ, подполковникахъ и полковники. Все очень худо принято и особенно о Державинѣ отвѣчали, «что долженъ быть моимъ доволенъ, что взять изъ подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается».

Іюня 17. Увидя кучу галокъ и воронъ, сказали: «послѣ дождя выползли изъ земли червяки; они ихъ ѣдятъ», и прибавили: tout se mange dans ce monde-ci.

---

¹) Храповицкій, Александръ Васильевичъ (р. 1749, у. 1801), обучался въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ прежде въ штатѣ К. Г. Разумовскаго, а потомъ при генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, который рекомендовалъ его Екатеринѣ II. Съ 1782 по 1793 находился при Императрицѣ у принятія прошеній (статсъ-секретаремъ). Въ этотъ-то періодъ времени велъ онъ дневникъ, въ которомъ кратко отмѣчалъ все болѣе или менѣе примѣчательное. Кромѣ того, Храповицкій, съ 1789 по 1791 г., управлялъ театрами вмѣстѣ съ Соймоновымъ. Въ 1793 г. пожалованъ сенаторомъ, вмѣстѣ съ Державинымъ. «Находясь при Императрицѣ у принятія прошеній (говоритъ Н. В. Сушковъ въ своихъ Запискахъ), Храповицкій былъ вмѣстѣ и ея приватнымъ секретаремъ, редакторомъ, корректоромъ, переписчикомъ бумагъ, писемъ и сочиненій ея. Занятія его были многосложны и разнообразны: онъ подносилъ доклады, свѣдѣнія, объясненія по всѣмъ почти вѣтвямъ государственнаго управленія; при нездоровьѣ Императрицы, читалъ ей сказки, *для разбитія мыслей*; отыскивалъ и выбиралъ древности: рѣзные камни, медали, статуи, бюсты; подклеивалъ географическія карты, или доставлялъ запасы и данныя для русской исторіи; прочитывалъ и пробѣгалъ внутреннюю почту; подавалъ къ подписанію Высочайшія повелѣнія, указы и манифесты; сочинялъ куплеты, планы, хоры для оперъ; обработывалъ дипломатическіе отзывы; составлялъ словарь рифмъ или дѣлалъ выписки изъ книгъ и законовъ; писалъ «Карантинное положеніе», «Уставъ о соли»; распоряжался постановкою піесъ въ театрѣ и эрмитажѣ; разъѣзжалъ по разнымъ порученіямъ, словеснымъ или написаннымъ на клочкахъ бумаги. Во время путешествія Екатерины II въ Тавриду, Храповицкому поручено было объяснять посламъ Кобенцелю, Фицгерберту и Сегюру все достопримѣчательное, выставлять все хорошее въ Крыму и Новороссіи, отвѣчать на ихъ вопросы;

о народѣ, древнихъ бытѣ, исторіи, законахъ и т. п. Государыня прозвала его Souffre-douleur (терпи-горе). Много любопытнаго и въ оставшихся послѣ Храповицкаго рукописяхъ (Раутъ, историч. и литерат. сборникъ, кн. 3. Изданіе Н. В. Сушкова. 1851). Храповицкій имѣлъ пріятельскія связи со многими литераторами: Державинымъ (посвятившимъ ему два посланія), Капнистомъ, И. Дмитріевымъ, Озеровымъ и др. Сочиненія и переводы его помѣщались въ современныхъ журналахъ. Одинъ изъ переводовъ: «Похожденія Неоптолема, сына Ахиллесова» имѣлъ два изданія (1762 и 1788). Храповицкій написалъ также оперу Пѣснолюбіе (1790) и трагедію Идамантъ (не напеч.). Нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ піесъ напеч. въ 3 кн. Раута. Братъ А. В. Храповицкаго, Михаилъ Васильевичъ (р. 1758, у. 1819), извѣстенъ въ литературѣ слѣдующими сочиненіями: Благодѣтельный грубіянъ, ком. Гольдони, пер. съ франц. (1772); Любовникъ, сочинитель и слуга, ком. (1773); Похвальное слово Екатеринѣ II (1802); Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи, указомъ 1803 г. (Чтен. 1858, кн. 2); Ода на постановленіе о состояніи свободныхъ хлѣбопашцевъ (Библ. Зап. 1858). Свѣдѣнія о М. В. Храповицкомъ см. въ Раутѣ на 1852 г.

²) Дневникъ, или «Памятныя записки А. В. Храповицкаго» напеч. въ Отечеств. Зап. 1821—28 г. г., но съ исключеніемъ многихъ подробностей. Онѣ идутъ съ 18 апрѣля 1782 г. до 28 ноября того же года; потомъ снова начинаются съ апрѣля 1786 г. и продолжаются по 7 сентября 1793 г. Нѣкоторыя дополненія къ нимъ помѣщены въ Атенеѣ (1858, № 26) и Библ. Зап. (1858, № 5, и 1859, № 19). Отрывки въ хрестоматіи взяты изъ этихъ трехъ источниковъ.

³) Возбуждаетъ соревнованіе.

⁴) Это слова Екатерины.

⁵) Въ 1789 г., Державинъ, уволенный отъ должности тамбовскаго губернатора, пріѣхалъ въ Петербургъ и подалъ Императрицѣ объясненіе.

⁶) Комнаты во дворцѣ Царскаго Села.

⁷) У кн. Вяземскаго, у намѣстника олонецкаго и архангельскаго Тутолмина (будучи олонецкимъ губернаторомъ) и у намѣстника рязанскаго и тамбовскаго гр. Гудовича (будучи губернаторомъ тамбовскимъ). Представленіе Державина Екатеринѣ описано въ его Запискахъ (Рус. Бесѣда, 1859, кн. 4, стр. 291—297).

⁸) Драмат. представленіе, сочин. Екатерины II.

⁹) Тоже.

¹⁰) Своего рода комментаріи на Піитику Аристотеля, развивающій подробно правила о трехъ единствахъ въ драмѣ.

¹¹) Турковъ и Шведовъ.

¹²) Екатерина переводила Плутарховы жизнеописанія великихъ мужей.

¹³) Тогда была война съ Шведами.

¹⁴) Гоѳолія (Athalie), актъ 1, сцена 1.

¹⁵) Графъ Алексѣй Ивановичъ, государственный казначей.

¹⁶) Извѣстнаго трагика.

¹⁷) Относится къ непріятностямъ съ Англіею, причиною которыхъ была вторая турецкая война.

¹⁸) См. письмо Екатерины II къ Мордвинову, въ Хрест.

¹⁹) Первая супруга Державина — урожденная Бастидонова. Державинъ былъ въ это время статсъ-секретаремъ Императрицы.

LXXXI.

ГРИБОВСКІЙ. (1).

Изъ его записокъ (2).

Время и занятія Императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ. Она вставала въ 7 часу утра и до 9-го занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣднее время сочиненіемъ сенатскаго устава). Однажды она между разговорами сказала, что, не пописавши, нельзя и одного дня прожить. Въ это же время пила одну чашку кофею безъ сливокъ; въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной подлѣ стѣны садилась на стулъ; имѣя предъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и предъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней обыкновенно былъ

бѣлый гродетуровый шлафорокъ и капотъ, а на головѣ флеровый бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Не смотря на 65 лѣтъ, Государыня еще имѣла довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отъ чего говорила твердо, безъ шамшанья; только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ. Однажды, позванъ будучи съ докладами, увидѣлъ ее читающую такимъ образомъ. Она, улыбаясь, сказала: «Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?» И когда я сказалъ: двадцать шесть, то она прибавила: «А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены по необходимости очки употреблять». Мнѣ показалось, что «мы» сказано было не для изъявленія величества, а въ простомъ смыслѣ. Въ другой разъ, отдавая мнѣ собственноручную записку о пріисканіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиненнаго ею устава для сената, она сказала: «Ты не смѣйся надъ моею русскою ореографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». Впрочемъ государыня говорила по-русски довольно чисто, и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала. «Я очень рада, сказала она мнѣ, что ты знаешь канцелярскій порядокъ. Ты первый будешь сенату исполнитель моего устава. Но я васъ предупреждаю, что сенатская канцелярія одолѣла сенатъ, который хочу я отъ канцеляріи освободить. За несправедливыя же рѣшенія положу наказаніе: да будетъ ему стыдно». При семъ я сказалъ: кромѣ сената и во другихъ мѣстахъ, которыя руководствуются Генеральнымъ Регламентомъ, существуютъ въ производствѣ дѣлъ большія неудобства и затрудненія, требующія исправленія. «Я очень бы желала видѣть эти неудобства и эти затрудненія, о которыхъ ты мнѣ такъ сильно изволишь говорить. Генеральный Регламентъ есть одинъ изъ лучшихъ уставовъ Петра Великаго». — Въ послѣдствіи представилъ я Ея Величеству замѣчанія мои на Генеральный Регламентъ, которыя въ каждые почти послѣ обѣда, во время пребыванія Государыни въ Царскомъ Селѣ 1796 года, я предъ нею читалъ, и которыя въ полной мѣрѣ удостоены были всемилостивѣйшаго одобренія. (Замѣчанія сіи съ прочими дѣлами должны находиться въ Архивѣ Иностранной Коллегіи). — Государыня, занявъ вышесказанное свое мѣсто, звонила въ колольчикъ, и стоявшій безотходно у дверей дежурный камердинеръ туда входилъ и, вышедъ, звалъ кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полицiймейстеръ и статсъ-секретари; въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; для другихъ же чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора, губернскаго прокурора петербургской губерніи — суббота; для генералъ-прокурора — понедѣльникъ и четвергъ; среда для синодальнаго оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера; четвертокъ для главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ. Но всѣ сіи чины въ случаѣ важныхъ и не терпящихъ времени дѣлъ могли и въ другіе дни пріѣзжать и по онымъ докладывать.

Первый по позыву являлся къ Государынѣ оберъ-полицiймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о другихъ происшествіяхъ, и съ запиской, на одной чет-

вертк листа написанной въ полиціи некрасиво и неправильно, о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города, наканунѣ того дня, разныхъ званія людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать, ибо часовые никого чрезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шлагбаумовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицы не былъ воспрещенъ; каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время и безъ всякой платы и выѣзжалъ изъ города, когда хотѣлъ: посему реэстръ пріѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный. По выходѣ оберъ-полицiймейстера, статсъ-секретари, имѣвшіе дѣла, чрезъ камердинера докладывались и поодиночкѣ были призваны; въ семъ числѣ и я находился. При входѣ въ спальню наблюдался слѣдующій обрядъ: дѣлалъ Государынѣ низкій поклонъ, на который отвѣчала она наклоненіемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я, взявъ въ свою, цѣловалъ и чувствовалъ сжатіе моей собственной руки; потомъ говорила мнѣ садиться. Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочіе докладчики при входѣ къ Государынѣ тоже самое дѣлали и такой же пріемъ имѣли.

Около 11-го часу пріѣзжали и по докладу были передъ Государыню допускаемы прочіе вышеупомянутые чины, а иногда фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, бывшій тогда послѣ завоеванія Польши въ С. Петербургѣ. Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земные поклона предъ образомъ Казанскія Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ лампада горѣла неугасимая; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать и говорила, поднимая его за руку: «Помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать!» Но герой обожалъ и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе (³). Государыня подавала ему руку, которую онъ цѣловалъ какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и чрезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и гр. Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ, въ Зимнемъ и Таврическомъ дворцахъ, военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ; а статскіе въ будни въ простыхъ французскихъ кафтанахъ, а въ праздничные дни въ нарядныхъ платьяхъ; но въ Царскомъ Селѣ, въ будни, какъ военные, такъ и статскіе, носили фраки, и только въ праздники надѣвали: первые—мундиры, а послѣдніе—французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ, а послѣ, во внутренней уборной, старый ея парикмахеръ Козловъ убиралъ волосы. Прическа ея была по старинной модѣ, съ небольшими назади ушей буклями, невысокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобы ее увидѣть, и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія Государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, М. С. Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Государыня терла лицо, можетъ быть въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, А. А. Полокучи, накалывала флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время Государыня разговаривала съ кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывалъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Сергѣевичъ Нарышкинъ, а иногда графъ

А. С. Строгоновъ, всегдашніе ея собесѣдники. Раскланявшись съ предстоящими, Государыня возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню, гдѣ, при помощи ихъ и Марьи Савишны, одѣвалась для выхода къ обѣду, а мы всѣ во-свояси отправлялись. Платье Государыня носила въ простые дни шелковое, однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда молдаванскимъ; верхнее было по большой части лиловое или дикое, безъ орденовъ, а подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое съ тремя орденами: звѣздами андреевскою, георгіевскою и владимірскою, а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала и малую корону; башмаки носила на каблукахъ, не очень высокихъ.

Обѣденный столъ ея былъ въ сіе время во 2-мъ часу по полудни. Въ будни обыкновенно приглашаемы были къ столу изъ дамъ камеръ-фрейлина Протасова и графиня Браницкая, а изъ мужчинъ тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы: дежурный генералъ-адъютантъ П. Б. Пассекъ, А. А. Нарышкинъ, графъ Строгоновъ, два эмигранта французскіе: добрый графъ Эстергази и черный маркизъ де-Ламбертъ; иногда вице-адмиралъ Рибасъ, генералъ-губернаторъ польскихъ губерній Тутолминъ и наконецъ гофмаршалъ кн. Барятинскій; въ праздничные дни сверхъ сихъ были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, въ Петербургѣ бывшихъ, до 4-го и въ чрезвычайныя торжества до 6-го класса. Ежедневный обѣдъ Государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ она была крайне воздержна: никогда не завтракала, и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила, и никогда не ужинала; чрезъ что до 65 лѣтъ, не смотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодра. Хотя же иногда на ногахъ у ней и оказывалась опухоль и открывались раны, но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно къ поддержанію здоровья; и увѣряютъ, что смерть ей приключилась единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня оставалась одна; лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечерняго же собранія иногда слушала иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ камеевъ, что̀ случалось и при слушаніи почты, которую часто читали или П. А., или графъ Марковъ, или Поповъ, который, однакоже, по худому выговору французскаго языка, рѣдко былъ для чтенія сего призываемъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился. Въ шесть часовъ собирались вышеупомянутыя и другія извѣстныя Государынѣ и ею самою назначенныя особы, для препровожденія вечернихъ часовъ. Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, которые послѣ спектакля домой уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ Государыни. Она играла въ рокомболь или вистъ, по большей части съ П. А., Е. В. Чертковымъ и съ гр. А. С. Строгоновымъ; также и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. Въ 10 часу Государыня уходила во внутренніе покои; гости уѣзжали; въ 11 часу она была уже въ постелѣ, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

[1]) Грибовскій, Адріанъ Моисеевичъ (р. 1766, у. 1833), обучавшійся въ москов. университетѣ, служилъ сначала въ Коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, а потомъ у Державина, при управленіи его олонецкою губерніею (1784). Въ 1788 г. находился въ военно-походной канце-

ляріи кн. Потемкина и велъ журналъ военныхъ дѣйствій арміи, состоявшей подъ его начальствомъ (онъ напеч. 1789, подъ названіемъ: «Собраніе разныхъ, полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами къ двору донесеній, Спб. 1789»). По смерти Потемкина (1791), Грибовскій былъ въ числѣ конференцъ-секретарей на переговорахъ о мирѣ съ Турками, въ Яссахъ. Когда гр. Безбородко, какъ главное лице на этихъ переговорахъ со стороны Россіи, отправился изъ Спб. въ Яссы, онъ сдалъ дѣла свои кн. П. А. Зубову, который назначилъ Грибовскаго управляющимъ этими дѣлами. Въ 1795 г. Грибовскому повелѣно было находиться у принятія прошеній при императрицѣ, въ которомъ званіи онъ и оставался до ея смерти.

²) «Записки о Екатеринѣ Великой, состоявшаго при ея особѣ статсъ-секретаря Адріана Моисеевича Грибовскаго. Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни. М. 1847». До отдѣльнаго изданія, онѣ были напеч. во 2 № Москвит. 1847 г. Грибовскій смотрѣлъ на свои мемуары, какъ на дополненіе къ изображенію Екатерины Великой, написанному принцемъ де-Линь въ исходѣ 1796 г. Поэтому книжка, заглавіе которой означено выше, начинается этимъ изображеніемъ, или портретомъ; потомъ слѣдуютъ нѣкоторыя записки изъ жизни Екатерины; далѣе—ея мысли о франц. революціи, и наконецъ записки, касающіяся до службы Грибовскаго и другихъ лицъ (гр. Н. И. Салтыкова, А. И. Остермана, гр. Безбородко, гр. Моркова, Алтести, В. С. Попова, Д. П. Трощинскаго). Грибовскій перевелъ съ франц. повѣсть Арно: «Опасность городской жизни» (Спб. 1784).

³) Въ другомъ мѣстѣ Записокъ сказано, что Суворовъ отвѣчалъ ей на это: «Матушка, послѣ Бога ты одна моя надежда!»

LXXXII.

ЛОПУХИНЪ. (¹).

Изъ его записокъ. (²).

(Чтенія Общества Исторіи, 1860, кн. 2).

Я родился 24-го февраля, 1756 года. Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые и бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи; но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По французски училъ Савоаръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка. По нѣмецки Берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я, выучась только читать по нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ послѣ окончанія моего такого ученья, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же, какъ и обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей

при себѣ, не дозволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по Пюисегюру и Фоларду ([3]). Кампаніями армій нашихъ противъ Турокъ войны, начавшейся въ 1769 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операцій. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія князя Голицына подъ Хотинымъ, и хотя почти уже 40 лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа.

Около сего времени лишился я моей матери. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобъ онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардіи унтеръ-офицеромъ и въ 1775 году имяннымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка. Это время, въ самыя бурныя лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся притомъ нѣкоторый припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою въ гражданской. Особливо занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всѣ возможныя по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ, и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года по просьбѣ моей, за болѣзньми, отставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ уголовной палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинный не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія, но, по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Невѣдежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному или потерянію свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣ-

жить такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ, ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенными и такія, что исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ: И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такіе, по несчастію, очень рѣдкіе судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, в случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «что же? и такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно». — Нѣтъ: надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ онѣ недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать, и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ спѣшать осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столькожъ по вліянію чрезъ

примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплію не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящеѣ сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли и такъ распредѣлены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе кажется есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо человѣчества на землѣ и всевозможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ, конечно. Цѣль наказаній и мѣры ихъ должны быть не иныя, какъ выше сказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Если бъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни. И тогда многія дѣла или вменяемыя, или за преступленія не считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, или и въ нихъ даже часто не примѣчаемыя.

На примѣръ, судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько жъ самъ ее заслуживаетъ, и столько жъ преступникъ, если не больше, какъ неумышленный убійца, и даже такой, который убилъ, разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ корыстолюбія, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно, не меньше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія.

Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для

государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предавшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ: но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ случаѣ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1795 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми ([4]); въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими туже склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и по нынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его потому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей Картинѣ Парижа, называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги: *О заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст. Мартенъ*, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями ([5]).

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія о качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22) ([6]), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здра-

вый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной погрѣшности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной,—заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобіемъ Божіимъ и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божіей есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякій скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ: въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуетъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ?

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія

вездѣприсутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ Него, а изъ любви къ Нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самыя наказанія Божіи въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи, и проч?

*) Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ (р. 1756, у. 1816), воспитывался дома. Образованіе его было неважное: «я прямой самоучка (говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ») и можно сказать, что, по грамматикѣ, аза въ глаза не знаю». Весьма часто сознается онъ въ невѣжествѣ, въ отсутствіи авторскаго таланта, хотя и не мало случилось ему написать на своемъ вѣку: «писалъ я всегда по нуждѣ или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, по моему мнѣнію, могло принести пользу». Службу началъ онъ въ гвардіи и въ 1775 г. получилъ чинъ прапорщика преображенскаго полка. Шестилѣтняя болѣзнь, въ продолженіи которой онъ большею частію жилъ въ отпуску, занимаясь изученіемъ уголовныхъ законовъ, заставила его перейти изъ военной службы въ гражданскую? Изъ литературныхъ трудовъ его этого времени извѣстны: «Торжество вѣры надъ любовью, переводъ съ франц. изъ Юнга (1780)» и «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ, сочиненное Россіаниномъ (1780)», по поводу Гольбаховой Системы природы (Système de la nature). Уволенный 1782 года изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи полковникомъ, Лопухинъ, въ томъ же году, при открытіи, по Учрежденіямъ о губерніяхъ, московской губерніи, получилъ мѣсто совѣтника уголовной палаты. Въ отправленіи этой должности, онъ руководствовался врожденнымъ ему сильнымъ чувствомъ человѣколюбія, равно какъ идеями «Наказа» и Беккаріева трактата «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Черезъ три года (1785 г.) вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Періодъ времени съ 1785 по 1792 г.—самый замѣчательный въ жизни Лопухина: онъ принималъ ревностное участіе въ дѣлахъ «Дружескаго ученаго общества» (основаннаго въ 1782 г.), вмѣстѣ съ Н. И. Новиковымъ, И. П. Тургеневымъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ и другими членами. Общество было фран-масонскимъ союзомъ, усвоившимъ преимущественно ученіе мистика Сенъ-Мартена, котораго книга: «О заблужденіяхъ и истинѣ» въ русскомъ переводѣ напеч. 1785 г. и послѣдователи котораго получили названіе «мартинистовъ». «Цѣль Общества, по Запискамъ Лопухина, состояла въ изданіи книгъ духовныхъ и наставляющихъ въ нравственности истинно евангельской, въ переводѣ глубочайшихъ о семъ иностранныхъ писателей, въ содѣйствіи хорошему воспитанію, въ оказаніи пособій готовящимся на проповѣдь Слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать нужныя для того знанія и качества.... Члены его упражнялись въ познаніи самихъ себя, творенія и Творца, по правиламъ науки,

содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей никогда истинно извѣстна быть не можетъ. Они имѣли предметомъ—добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства; система ихъ, въ противоположность французскому энциклопедизму, основывалась на твердомъ убѣжденіи, что Христосъ есть начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей». Чтобы познакомить публику съ истиннымъ духомъ Общества и разсѣять возникшія противъ него предубѣжденія, иначе: чтобы представить въ краткихъ чертахъ начала его науки (догматики) и нравственности (нравоученія), Лопухинъ издалъ «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф—къ М—въ (Франкъ-Масоновъ)». Книжка эта, продававшаяся отдѣльно въ переводѣ на франц. яз., присоединена также къ двумъ другимъ сочиненіямъ Лопухина: «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости (1791 г.)» и «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели» (написано 1789 г., напеч. 1798 г.). Въ послѣднемъ сочиненіи Катихизисъ названъ «Краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутымъ изъ Слова Божія и расположеннымъ по вопросамъ и отвѣтамъ».

По уничтоженіи Дружескаго общества (1792 г.), до кончины Екатерины II, Лопухинъ жилъ въ Москвѣ, занимаясь переводами и сочиненіями, изъ которыхъ напечатаны: Изліянія сердца, чтущаго благость единоначалія (1794); Надгробная похвала Тюренну, Флешье, съ фран. (1794); Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья, драма въ 5 д. (1794); Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ (1796).

По вступленіи Павла I на престолъ, когда С. И. Плещеевъ, членъ Дружескаго Общества, и кн. Н. В. Репнинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ такъ называемыхъ мартинистовъ, получили сильное значеніе при дворѣ, Лопухинъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія мѣста статсъ-секретаря. Въ началѣ 1797 г. воротился въ Москву, пожалованный тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ пятый департаментъ сената (что нынѣ 6-ой, уголовный): здѣсь онъ дѣйствовалъ также, какъ и въ уголовной палатѣ, т. е. заботился о смягченіи наказаній. Въ 1800 г., вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, ревизовалъ губерніи казанскую, вятскую и оренбургскую; способъ ревизованія изложенъ имъ въ брошюрѣ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ г.г. сенаторами при осмотрѣ вятской губ. въ мартѣ 1800 г. (1800 г.)», представляющей первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Въ 1801 г. Александръ I предписалъ ему и Нелединскому-Мелецкому осмотрѣть слободско-украинскую губернію. Благодушный образъ дѣйствій Лопухина, особенно по вопросу о сектѣ духоборцевъ, поставленъ былъ въ примѣръ начальникамъ губерній высочайшимъ указомъ. По случаю толковъ объ этомъ, Лопухинъ написалъ, 1806 г., записку: «Гласъ искренности» (напеч. 1817 г. въ декабрской книжкѣ Сіонскаго Вѣстника). Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму; уволенный отъ этой должности, 1805 г., началъ по прежнему присутствовать въ сенатѣ. Для наблюденія за правильнымъ и скорѣйшимъ ходомъ учрежденія милиціи (1806 г.), былъ отправленъ въ губерніи тульскую, калужскую, владимірскую и рязанскую, за что пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1812 г. выѣхалъ изъ Москвы въ помѣстье свое, село Савинское (орлов. губ.), гдѣ и жилъ до самой кончины своей.

Кромѣ указанныхъ сочиненій, Лопухину принадлежатъ еще: Вѣра въ Іисуса, или кратчайшій путь къ Богу, пер. (1804); Отрывки для чтенія вѣрующимъ (1805); Замѣчаніе на Contract social, Руссо (1805); Письма о томъ, сколь нужно и полезно всегда помнить о присутствіи Вездѣсущаго и Всевѣдущаго Бога, пер. (2-ое изд.—1813 г.); нѣсколько статей въ Другѣ юношества и всякихъ лѣтъ, М. Невзорова (1813 г.) (Записки Лопухина, въ Чтеніяхъ 1860 г., кн. 2 и 3; И. В. Лопухинъ, ст. А. Н. Аѳанасьева въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, Калачова, 1860—61 г., кн. 1). О Дружескомъ обществѣ см. Матеріалы для исторіи рус. литературы въ концѣ 18-го в., М. Лонгинова (Рус. Вѣст. 1857, №№ 19 и 21; 1858, №№ 4 и 15).

[4]) «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ». Двѣ части. Онѣ диктованы Лопухинымъ въ 1809 г.

[5]) Puysegur, Jacques-François de Chastenet, франц. маршалъ (1655—1743). Сочиненіе его: «Art de la guerre».—Folard—знаменитый тактикъ, прозванный французскимъ Вегеціемъ (1669—1752). Соч. его: «Nouvelles dé-

couvertes sur la guerre», «Défense des places».

⁴) Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безумія, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчальный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу: Système de la nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, Разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ въ 1787 году, съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ, 1809, въ февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія «Другъ юношества.» Сіе происходило года за два до вступленія моего въ Общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: «О заблужденіяхъ и истинѣ», и Арндта «О истинномъ христіянствѣ.» *Примѣч. Лопухина.*

⁵) Мерсье (1740—1814) извѣстенъ болѣе «Опытомъ о драматическомъ искуствѣ». Книга его: «Tableau de Paris» нап. 1781 г.— Сенъ-Мартенъ (1743—1803), теозофъ, писавшій подъ именемъ «Неизвѣстнаго философа». Книга его: Des erreurs et de la verité вышла въ 1775 г. Подробности см. въ статьяхъ г. Лонгинова и г. Аѳанасьева (см. прим. I).

⁶) Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра, и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны, и измѣненія временъ, лѣтъ круги, и звѣздъ расположенія, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе, и помышленія человѣковъ, разнство лѣторасдемъ, и силы кореній. (Прем. Соломона, VII, 17—22).

LXXXIII.

ГЕОРГІЙ КОНИСКІЙ. (¹).

ИСТОРІЯ РУСОВЪ, или малой россіи. (²).

Сраженіе при Зборовѣ (³).

Гетманъ Хмельницкій по донесенію Богуна выступилъ за-разъ съ главнымъ войскомъ на встрѣчу короля и его арміи, а при Збаражѣ оставилъ писаря Кривоноса съ достаточнымъ корпусомъ. Въ два дни пути отъ Збаража освѣдомился Хмельницкій, что армія королевская при самомъ королѣ весьма къ нему близка. Онъ, избравъ за-разъ мѣсто удобное при мѣстечкѣ Зборовѣ, построилъ войска свои въ ордеръ баталіи: умноживъ пѣхоту свою спѣшенными казаками, поставилъ ее тремя фалангами въ обширную линію, а на интервалахъ или промежуткахъ между фалангами и на ихъ флангахъ построилъ крѣпкія батареи, обведенныя глубокими и широкими рвами. Фланги линій примкнуты были: одинъ къ болоту и проведенному къ нему рву, а другой къ лѣсу, также окопанному въ довольное разстояніе. Линія пѣхотная для того растянута и укрѣплена была, чтобы непріятель многолюдствомъ своимъ не могъ ее окружить. Позади линій на самой срединѣ оставленъ резервъ изъ пѣхоты и конницы, который могъ всѣ слабыя мѣста сикурствовать. Знатная часть лучшей конницы поставлена была впереди линіи, на ея лѣвой сторонѣ, за лѣсомъ, и начальникамъ ея отданъ приказъ, коль скоро армія непріятельская минуетъ ихъ дистанціи и сбли-

зится съ пѣхотной казацкой линіей, то тотчасъ сдѣлать разсыпную атаку конницею во фланги и въ тылъ непріятельской арміи и развлечь тѣмъ вниманіе ея и осторожность во всѣ стороны, и чтобы она, сочтя себя атакованною со всѣхъ сторонъ, не смѣла прорываться за линію. Между тѣмъ всѣмъ воинамъ сдѣлалъ Хмельницкій краткое, но важное увѣщаніе, доказывая, «что отъ нынѣшняго сраженія зависитъ все счастіе и все несчастіе наше и всего отечества нашего, въ которомъ отцы, братія и дѣти наши простираютъ къ намъ руки, прося освобожденія своего изъ постыднаго и тиранскаго невольничества польскаго, а мертвецы наши, избитые и измученные Поляками, заклиная насъ самимъ Богомъ и вѣрою въ Него, отъ Поляковъ поруганною, требуютъ праведнаго мщенія за кровь ихъ, неповинно Поляками пролитую и всегда попираемую». Но притомъ крѣпко гетманъ приказывалъ всему воинству своему, чтобы никто, во время сраженія, не дерзалъ поднять убійственной руки на короля и прикасаться къ нему, яко къ особѣ освященной, сирѣчь помазаннику Божію, но при всякомъ случаѣ чтилъ бы его съ благоговѣніемъ.

Іюня 17-го, въ середу, 1649 года, есть тотъ пресловутый день, который долженъ быть всегда достопамятнымъ въ исторіи малороссійской. Онъ есть рѣшитель освобожденія народа рускаго отъ ига польскаго, и въ немъ положенъ камень основанію новой эпохи того народа. Предъ восходомъ солнца стала многочисленная армія польская въ виду арміи казацкой; она многолюдствомъ своимъ подобилась грозной тучѣ, закрывающей горизонтъ и помрачающей солнце. Всадники ея, блестящіе сбруею и богатымъ убранствомъ, представляли страшную молнію, сверкающую въ темнотѣ ночной, а отъ множественной конницы подымающаяся пыль возносилась вихрями своими до облаковъ и помрачала зрѣніе человѣческое, опускаясь на землю. Гетманъ, разъѣзжая безпрерывно по своимъ фалангамъ, приказывалъ не спѣшить выстрѣлами, а допускать непріятеля въ самую ближайшую дистанцію, не смотря на его пальбу и порывчивость. Но какъ только онъ сблизился довольно къ линіямъ, то открыта вдругъ пальба изъ пушекъ и ружьевъ казацкихъ, а отъ скрытой конницы произведена разсыпная атака во флангъ и тылъ непріятельскій. Громъ пальбы, съ обѣихъ сторонъ производимой, и круженіе дыма, сдѣлавшееся отъ безпрерывныхъ выстрѣловъ, закрывали на долгое время рѣшимость сраженія; наконецъ, поднявшійся крикъ въ срединѣ арміи польской далъ знать, что дѣлается для воспрещенія ухода новыхъ войскъ изъ линій, которыя во многихъ мѣстахъ разорвали свой фронтъ и подѣлали въ немъ пространные интервалы, перемѣшавъ и разстроивъ старыхъ своихъ воиновъ. Гетманъ, тое примѣтивши, выслалъ на слабыя мѣста непріятельскія одну фалангу своей пѣхоты, съ частію конницы, взятой изъ резерва; и пѣхота сія, ударивъ на разстроеннаго непріятеля копьями, тотчасъ обратила его въ бѣгъ. Покушавшійся непріятель окружить высланную пѣхоту былъ встрѣченъ резервомъ казацкимъ и обращенъ также въ бѣгство; а за тѣмъ и вся армія польская, первѣе подаваясь понемногу назадъ, наконецъ совсѣмъ побѣжала въ разстройствѣ, и гетманъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія для осторожности одну только фалангу, велѣлъ всѣмъ прочимъ войскамъ гнать и поражать непріятеля. Убійство при семъ надъ Поляками было страшное и повсемѣстное. Вся конница, дѣлавшая прежде разсыпную атаку, нападала на бѣгущаго непріятеля цѣлою лавою или фронтомъ, и онъ, бывши въ разстройкѣ, не могъ стоять и обороняться противъ копьевъ, а спасался однимъ бѣгствомъ. Самъ ко-

роль нѣсколько разъ былъ окруженъ казаками; но къ нему никто не прикасался и даже ничѣмъ на него не металъ, а пропускали его съ почтеніемъ, и онъ бросилъ отъ себя въ одну партію кошелекъ съ деньгами, а въ другую партію далъ часы золотые ея командиру, который принялъ ихъ, снявши съ себя шляпу и съ великимъ почтеніемъ, увѣривъ притомъ короля, чтобы онъ изволилъ ѣхать спокойно и ни о чемъ не тревожась; ибо его никто не тронетъ, а всякъ чтитъ съ благоговѣніемъ, яко особу священную. Король, вздохнувъ и приподнявъ руки, выговорилъ старшинѣ казацкому: «Какъ я обманутъ отъ льстецовъ своихъ, называвшихъ васъ, казаковъ, грубіянами и варварами! Напротивъ, вижу я въ васъ благородныхъ воиновъ и великодушныхъ христіанъ». Погоня и убійство надъ Поляками продолжались до заходу солнца; дороги и поля покрыты были мертвыми и умирающими Поляками на пятнадцать верстъ разстоянія. На мѣстѣ сраженія сочтено и погребено ихъ мертвецовъ до 20 тысячъ, и въ томъ числѣ генералъ Осолинскій, со многими другими изъ вельможъ и знатныхъ чиновъ польскихъ, кои погребены въ одной каплицѣ католической, а въ добычу остался обширный станъ арміи польской со всѣми обозами и запасами, вся артиллерія съ ея парками и весь станъ королевскій и вельможескій съ богатыми палатками, сервизами и экипажами; словомъ сказать: обогатили и обременили добычею сею всю армію казацкую.

Гетманъ, воротившись съ арміею своею къ Збаражу, послалъ въ городъ нѣсколько чиновниковъ польскихъ, взятыхъ въ плѣнъ и близкихъ гетману, князю Вишневецкому, между коими былъ одинъ изъ его родни. Чрезъ нихъ уговаривалъ Хмельницкій Вишневецкаго сдать городъ, яко безнадежный, пощадить невинный народъ, въ немъ гибнущій. Чиновники оные, побывши въ городѣ, скоро воротились къ Хмельницкому съ тремя чиновниками изъ города, посланными Вишневецкимъ. Они, предлагая сдачу города, разсказывали ужасное зрѣлище въ городѣ: войска и народъ, въ немъ запертый, лишившись человѣческой пищи, болѣе уже мѣсяца питались однимъ мясомъ лошадинымъ, собачьимъ, кошечьимъ и мышечьимъ, а теперь питаются они всякими кожами и ремнями, и даже ѣдятъ обувь свою ременную; и самого князя Вишневецкаго нашли, при пользованіи его отъ ранъ, питающагося супомъ, съ мышечьимъ мясомъ свареннымъ, и что множество уже народа померло, а остальные порываются одинъ другаго ѣсть. Хмельницкій тотчасъ повелѣлъ одному отряду войскъ своихъ занять городъ, а войска, въ немъ запертыя, выпустить обезоруженными изъ города. Гетмана жъ Вишневецкаго со всѣми чиновниками и шляхтою перемѣстить въ замокъ и содержать подъ стражею до дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Войска, вышедшіе изъ города, похожи были на нѣчто чудовищное: они, слоняясь по землѣ, представляли изъ себя одни скелеты тѣлъ человѣческихъ и просили у казаковъ пищи, падая на землю. Хмельницкій, тотчасъ снабдивъ ихъ довольною пищею, приказалъ важнѣйшимъ изъ нихъ беречь одинъ другаго, чтобы употребляли пищу съ великою осторожностію, дабы вдругъ не объѣдались и не померли, и за тѣмъ распустилъ ихъ въ свои жилища. Князю Вишневецкому предложилъ Хмельницкій писать отъ себя къ королю и послать къ нему своихъ чиновниковъ, кого изберетъ, и чтобы они скоро возвратились съ точною и надежною рѣшимостію, чего ему ожидать—мира или войны. Сей князь, презлихо гнавшій народъ рускій и всегда разрывавшій съ нимъ заключаемые мирные договоры, писалъ къ королю весьма убѣдительно, прося о заключеніи съ казаками вѣчнаго и прочнаго мира,

чего бы онъ ни стоилъ: » ибо видно,» говорилъ онъ, «ненависть наша къ народу рускому превзошла мѣру свою, и судъ Божій видимо гонитъ насъ, за его отмщевая.»

¹) Георгій Кониссій, архіепископъ бѣлорусскій (р. 1717, у. 1795), обучался въ кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должности ректора и профессора богословія, будучи притомъ архимандритомъ кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. былъ посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Православная церковь въ Бѣлоруссіи, находившейся въ то время подъ владычествомъ Польши, терпѣла сильныя притѣсненія отъ духовенства латинскаго и уніатскаго. Управляя ею, Георгій выказалъ большую дѣятельность и энергію, не смотря на всѣ опасности и гоненія, которымъ подвергался. Первое свое вниманіе обратилъ онъ на устройство въ Могилевѣ семинаріи (1757 г.), чтобы поднять духовное образованіе, пришедшее въ крайній упадокъ. Тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой напечаталъ Катихизисъ Өеофана Прокоповича, со многими своими дополненіями, и разослалъ его во всѣ православныя церкви своей епархіи. Кромѣ того, собраны имъ въ особый архивъ, учрежденный при архіерейской каѳедрѣ, значительное число разныхъ старинныхъ актовъ, послужившихъ любопытными матеріалами для исторіи бѣлорусскаго края. По вступленіи на престолъ Станислава Августа (Понятовскаго), Георгій отправился (1765 г.) въ Варшаву и, вручивъ новому королю рекомендательную грамоту Екатерины II, произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ гоненія, терпимыя православными въ областяхъ польскихъ и литовскихъ. Не смотря на королевское обѣщаніе въ покровительствѣ законовъ, гоненія не прекращались. Диссиденты, какъ православные такъ и протестанты, составили (1767 г.) конфедерацію въ Слуцкѣ, для разсужденія о средствахъ возстановить свои права и привилегіи; а Поляки открыли особую противъ нихъ конфедерацію въ Барѣ. Для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между враждебными сторонами, учрежденъ былъ (1768 г.) въ Варшавѣ обоесторонній судъ. Поступивъ въ члены этого суда, Георгій заботился о собраніи и объясненіи древнихъ грамотъ, привилегій, постановленій и другихъ актовъ, на которыхъ православные основывали неприкосновенность своихъ правъ и свободы. Когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи (1773 г.), Георгій отправился въ Петербургъ и произнесъ Екатеринѣ II благодарственную рѣчь. Въ 1780 г. онъ встрѣчалъ ее въ Могилевѣ, при обозрѣніи ею новоприсоединеннаго края. Въ 1783 г., Кониссій пожалованъ архіепископомъ и членомъ синода. Въ 1787 г. снова видѣлъ Императрицу, въ путешествія ея въ Тавриду, при проѣздѣ черезъ городъ Мстиславль; тогда-то произнесъ онъ извѣстную рѣчь: «Оставимъ астрономамъ доказывать», и пр. Сочиненія Кониссаго: а) Нѣсколько драмъ духовнаго содержанія, которыя онъ, бывши учителемъ піитики въ кіевской академіи, написалъ, по тогдашнему академическому обычаю, для майскихъ прогулокъ (рекреацій); одна изъ этихъ драмъ: «Воскресеніе мертвыхъ» (1747 г.) показана въ Опис. рук. Толстова (VI, 4); б) Полная система философіи, 1749 (рукоп. въ петербургской духовной академіи); в) Права и вольности жителей, грековосточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдующихъ вѣру, на пол. яз. (1767); г) Историческое извѣстіе о епархіи могилевской (въ Собраніи сочиненій Кониского, ч. II); д) О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, 1776 (написана вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Пароеніемъ); е) Исторія Русовъ, или Малой Россіи, доведенная до 1769 г. (Чтен., 1846, № 1—4); ж) Слова и рѣчи, грамоты, письма, мысли и силлабическія стихотворенія (въ Собраніи сочиненій, изданныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, въ 2 ч. Спб. 1835. Здѣсь же и Жизнь Кониского, написанная издателемъ).

²) Чтенія, 1846, № 4. О сраженіи при Зборовѣ, происходившемъ 5 августа (15-го н. ст.) 1649, а не 17-го іюня, какъ пишетъ Кониссій, см. въ сочиненіи Костомарова: «Богданъ Хмѣльницкій» (Отеч. Зап., 1857, № 3). Исторія Русовъ не принадлежитъ къ достовѣрнымъ историческимъ источникамъ.

LXXXIV.

ПЛАТОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ. (1).

1. Слово о воспитаніи (2).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія Художествъ, и сіе святаго храма основаніе довольную подаютъ къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобъ быть мѣстомъ добродѣтели; а церковь освящается, чтобъ быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердецъ къ принятію всякаго добра; здѣсь духъ святый на предуготовленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды; здѣсь духовное успокоеніе и награжденіе. Разныя подлинно дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны бъ были всѣ наши предпріятія, ежелибъ они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама церковь не малой бы лишилася помощи, ежелибъ не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, церковь будетъ вопить, чтобъ тотъ вознесъ на небо сердце свое, который такъ воспитанъ, что кромѣ земнаго ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщавать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать тому ученіе добродѣтели, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И для того кажется мнѣ, что церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всѣмъ попечителямъ сими говоритъ словами: «горькая печаль сердце мое снѣдаетъ, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей. Труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я подлинно спасительное сѣмя; но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія, но добрымъ воспитаніемъ ихъ сердца, яко благую землю, мнѣ представляйте». Сей умиленный церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобъ не пренебрегать святую воспитанія должность? А наипаче, что, видится мнѣ, и самые младенцы слабыя свои намъ простираютъ руки и нѣмотствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ: Богъ насъ произвелъ на свѣтъ животныхъ другихъ слабѣе, неотмѣнно съ тѣмъ, что онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное еіе обязательство и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло самого Бога.

Я уже оставляю то, что мы не можемъ инымъ чѣмъ заплатить долгъ своимъ родителямъ, какъ равнымъ о воспитаніи другихъ попеченіемъ.

Надобно знать, *въ чемъ состоитъ воспитаніе*. Изъ преждереченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. Не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно, чтобъ взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего; на семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ пріуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ

пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила (3).

Но нѣтъ, думаю, столь малопросвѣщеннаго, который бы не зналъ того. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло, въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность причиною есть, что великіе бываютъ въ воспитаніи непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ. Онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣютъ совершеннаго въ разсужденіи употребленія. Они управляются почти одними чувствами: и потому ежели что видятъ, ежели что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣютъ въ памяти. Сіи укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время служить имъ будутъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ; ибо чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобъ тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые благочестія знаки: неотмѣнно и младенецъ тѣмъ же напоенъ будетъ благочестія духомъ. Ежели же имѣетъ суевѣрныхъ или къ закону презрительныхъ: нельзя, чтобъ и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели малое дитя во всегдашнемъ домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее къ веселостямъ и другимъ наружностямъ пристрастіе: весьма трудно, чтобъ сія язва слабыхъ младенческихъ чувствъ не коснулася. Не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ? не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть, но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ, а сердце имѣть привязано къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящіяся совѣсти? Что пользы человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ? говоритъ Евангеліе (Марк. VIII, 36). Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ въ нѣкоторый придетъ возрастъ: но что, ежели онъ въ самомъ началѣ своихъ дней, ежели въ самой почти колыбели пригладится къ такимъ примѣрамъ, которые его нимало къ принятію добра́ не расположили? Тщетны тогда будутъ науки и безполезны. Да что, говорю, безполезны? не можетъ быть вреднѣе того человѣка, который бы имѣлъ науки, но не имѣлъ исправленной совѣсти. И потому несомнительно, что самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть евангельская, ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобъ не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Оно хочетъ, чтобъ его послѣдователь былъ яко свѣтило въ мірѣ: «Тако да просвѣтится

свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ (Мате. V, 16). Почему нельзя не признаться, чтобъ сей способъ, то есть добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Сіе принявъ основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія, а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ бы имѣли и духъ патріотическій.

При семъ не безполезно помянуть и о томъ, что наипаче примѣрами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца. Первѣе всего надлежитъ имъ внушать страхъ Божій: ибо начало премудрости страхъ Господень (Прит. I, 7). Симъ необузданный человѣкъ, трудно, чтобъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя совсѣмъ тѣмъ непрестанно воюютъ на разумъ. Положимъ, что онъ откровенно и по наружности нѣкоторый будетъ притворять себѣ видъ честности, боясь наказанія отъ законовъ правительства; но притомъ, коли страха Божія нѣтъ, наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло. Но связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, невозбранный чрезъ то отворится ко всякому честному дѣлу путь. Послѣ сего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Полезны подлинно науки, но полезны и художества. Науки просвѣщаютъ мысль: художества не допускаютъ до душевнаго разслабленія. Науки показываютъ ко всякому добру путь: художества дѣйствительно тѣмъ пользуются. Науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе: художества самымъ дѣломъ въ томъ состоятъ. Я могу прибавить въ похвалу художествъ и то, что науки легко употребить можно во зло, и злоупотребленныя великій причиняютъ вредъ. А художества, не знаю, можно ли употребить во зло: и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ и тѣмъ пользуетъ себя, пользуетъ общество и духомъ своимъ премудраго поетъ Творца.

Такъ ктожъ теперь не видитъ, что, ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, несомнительно можемъ надѣяться, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный товарищъ. Всего сего тѣмъ удобнѣе отъ дѣтей надѣяться можемъ, что ихъ и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть.

Но почто много говорить мнѣ о воспитаніи и слушателей моихъ утруждать рѣчію о томъ, чего они видятъ предъ своими очами самую вещь? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь: ибо что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполняли самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ одно другому предпочесть: столь они превосходны всѣ!

Сія основанная Вашимъ Величествомъ Академія Художествъ, трудно сказать, больше ли есть доказательствомъ милосердія Вашего къ подданнымъ, или му-

дрости въ изобрѣтеніи столь честнаго къ благополучію ихъ способа. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія посвятили. Что все дабы было надежнѣе, и первую воспитанія должность въ уваженіе принять не оставили. За сіе высокоматернее попеченіе одолженными Вашему Величеству себя признаютъ церковь, отечество, юношество. И я сознаю себя слабымъ, чтобъ могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣетъ отсюду ожидать добрыхъ христіанъ, отечество—честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнію, Вашему Величеству будутъ одолжены доброю жизнію. Жалуются они на свою натуру, что не поспѣшила она дать имъ столько способности, чтобъ могли то изъяснить словомъ, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, должайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и мы всѣ молимъ премилосердаго Господа, дабы Онъ сіе благословенное Ваше тщаніе увѣнчалъ дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

2. РѢЧЬ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, НА КОРОНОВАНІЕ ЕГО (1801). (4).

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійстіи сынове? Возблагодаримъ ли Вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря и предъ лицемъ Бога и ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О, забвена буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О, прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія! Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе, но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя (5).

Бремя понстинѣ и подвигъ! Представетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая

въ свѣтѣ имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, прострегъ она свои руки и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для Себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія.

Но съ ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки-бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои!

Се подвигъ твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мірѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать! Но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ царя Из-

ранлю и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ:. и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ. Сіе Духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь, тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

. Но се и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою супругу, Ея Императорское Величество, сотворивши участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во-едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно, оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Θеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: «аще корень святъ, то и вѣтви». Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоносньмъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачали мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, сына Своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы вѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся! могущіи, покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

---

3. Изъ записокъ (⁶).

Воспослѣдовалъ того года (⁷) въ маѣ мѣсяцѣ паки Императрицы походъ въ Ростовъ, для перекладыванія мощей Димитрія Ростовскаго въ новую раку, и далѣе въ Ярославль; почему паки Императрица прибыла въ лавру. Платонъ, яко намѣстникъ, встрѣтилъ Императрицу у креста съ привѣтствіемъ; и по прибытіи на другой день говорилъ проповѣдь о пользѣ благочестія, которую Государыня столь приняла благоволительно, что тотчасъ повелѣла оную напечатать и удостоила его съ архимандритомъ быть при своемъ царскомъ столѣ. Случилось ему за столомъ сѣсть съ г. генералъ-прокуроромъ княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который былъ тогда въ особливой у Императрицы милости. Князь за столомъ съ намѣстникомъ непрестанно говорилъ о разныхъ матеріяхъ. Императрица, примѣтивъ сіе, говоритъ князю: «вы никакъ полюбили отца намѣстника, что, не перестая, съ нимъ говорите?» На что князь: «это, Государыня, не человѣкъ, а уродъ».—«Почему такъ? какой онъ уродъ?» возразила Императрица.—На сіе князь: «я, Государыня, съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь исправно отвѣтствуетъ и все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ. И какъ я его о многомъ и до иныхъ странъ касающемся вопрошалъ, онъ все такъ объяснялъ, какъ будто въ чужихъ краяхъ учился. Я его спрашивалъ, не былъ ли онъ въ чужихъ краяхъ, и гдѣ учился, —онъ говоритъ, что нигдѣ не былъ, а учился только въ Москвѣ, въ Спасской школѣ. Сіе все, Государыня, меня удивило, что сей монахъ, въ столь молодыхъ лѣтахъ, столько знанія имѣетъ; и потому я его называю уродомъ». И притомъ прибавилъ: «дай Богъ, чтобъ наши дѣти, столько учась и столько издерживая, до такого просвѣщенія достигли». Таковый отвѣтъ князя много увеселилъ Императрицу, да и всѣхъ за столомъ сидящихъ взоръ и вниманіе на Платона обратилъ: ибо князь говорилъ весьма громко. Сіе слыша, Платонъ внутренно Бога благодарилъ за таковое милостивое судебъ его дѣйствіе. И потомъ Императрица приглашала намѣстника ѣхать съ собою въ Ростовъ. Но онъ извинился болѣзнію; бывъ разными пріуготовленіями крайне утружденъ и утомленъ, желалъ сколько-нибудь успокоиться.

Положено великому князю ученіе преподавать три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по часу, назначивъ къ тому 12 часъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ предъ обѣднею читать Священное Писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволятъ. И такъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ великимъ княземъ, августа 30 дня, сказавъ рѣчь, въ коей, объяснивъ пользу сего ученія, увѣщавалъ высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому всякое вниманіе и прилежаніе. Великій князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ.... Однако высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли или разговоръ относительно Бога и вѣры были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, еще ему внѣдрено было со млекомъ покойною Императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но притомъ великій князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного

предмета на другой. Платонъ проходилъ свою должность съ надлежащимъ тщаніемъ, не упуская никогда назначеннаго дня и часа. Ободряло его то, что онъ отъ высокаго воспитанника имѣлъ счастіе весьма любимъ быть. А порядокъ ученія тотъ точно былъ слѣдованъ, какой имъ изданъ въ напечатанной Богословіи. Между тѣмъ Платонъ, по своей волѣ и избѣгая праздности, а времени къ тому имѣя довольно, нерѣдко говорилъ проповѣди, всегда въ Высочайшемъ присутствіи; особливо охоту его къ тому умножало, что оныя всегда заслуживали похвальные отзывы; и тѣ всѣ проповѣди напечатаны. Не оставлялъ также при дворѣ въ большіе праздники служить съ придворными священниками, вмѣсто духовника Дубянскаго, который по престарѣлости охотно на то соглашался, да еще и упрашивалъ; и всякій годъ въ великій постъ Платонъ служилъ въ особой церкви и преподавалъ великому князю святое причастіе, къ коему всегда набожный воспитанникъ приступалъ со благоговѣніемъ и въ тотъ день былъ особенно доволенъ и веселъ. Когда отсутствіе двора было въ Царское Село, Платонъ тамъ же имѣлъ пребываніе, а когда въ Петергофъ, тогда жилъ въ пустынѣ Новосергіевской и въ назначенные дни туда ѣздилъ.

Живучи и при дворѣ, не оставилъ своей любви къ уединенію; рѣдко куда выѣзжалъ, и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, яко то: грековъ, сербовъ, далматовъ, французовъ, нѣмцевъ, италіанцевъ и другихъ; ибо онъ съ ними обращаться и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему или на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ таковаго обращенія онъ много пользовался; ибо изъ нихъ многіе были люди ученые и свѣтъ знающіе. Почему многихъ вещей знаніе, кое чрезъ науки получить нельзя, отъ нихъ пріобрѣлъ. А притомъ какъ онъ возъимѣлъ охоту учиться французскому языку, то обращеніе съ людьми, сей языкъ знающими, много ему помогало. Почему онъ и успѣлъ въ томъ языкѣ, нѣсколько могъ разговаривать, а читать и разумѣть французскія книги удобно могъ.

Сему призыву (8) не радовался Платонъ; ибо, любя уединеніе, и наскучивъ суетами міра сего, и приближаясь къ старости, боялся, чтобъ не принужденъ былъ жить въ С. Петербургѣ и не привязанъ былъ къ какимъ-либо дѣламъ. Однако положилъ ѣхать, хотя былъ въ великой слабости здоровья, ибо до сего за день случилась ему жестокая колика. Но не разсудилъ скоро въ путь отправиться; ибо не сказано ему, чтобъ ѣхать не медля, но, напротивъ, сказано, чтобъ прежде распорядить по епархіи, въ коей уже онъ болѣе году не былъ. А притомъ въ тотъ же день получилъ и отъ градоначальника изъ Москвы, Измайлова, письмо, коимъ просилъ онъ митрополита пріѣхать въ Москву и совершить съ нимъ новое торжество. И такъ на другой же день, по полученіи сего извѣстія, отправился онъ въ Москву, куда, при слабости здоровья въ тотъ же день прибывъ, и ожидалъ указа о торжествѣ, но сего ни тогда, ни послѣ не воспослѣдовало.

Всѣ обратили взоры свои на Платона, не только въ Россіи, но, можетъ быть, и внѣ предѣлъ, какъ то онъ могъ усмотрѣть изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Всѣ почитали, что онъ у новаго Императора въ особой будетъ довѣренности: ибо, кромѣ должности учительской, которую онъ проходилъ при новомъ Государѣ еще съ девяти его лѣтъ, всегда былъ имъ любимъ Платонъ, и, по отбытіи отъ двора, всегдашнюю съ нимъ любовную велъ переписку лѣтъ чрезъ пятнадцать; даже не упускалъ Го-

сударь того, когда былъ и въ чужихъ краяхъ, какъ то своеручныя письма его, коихъ до 200 и кои хранятся донынѣ цѣлы, свидѣтельствуютъ. Всегда удостоивалъ къ нему въ письмахъ: вашъ вѣрный другъ. Да и въ самые изъ Москвы въ С. Петербургъ пріѣзды не иначе съ нимъ обходился, какъ съ другомъ. Онъ за долго предъ симъ временемъ, когда заходила рѣчь о царствованіи Павла I и о имѣющемъ быть для него особливомъ тогда счастіи, всегда и многократно говаривалъ, что при новомъ царствованіи того себѣ ожидаетъ счастія, что новый Государь, помня его заслуги и дружбу, наградитъ его покоемъ, являя къ нему отличное свое благоволеніе, и чрезъ то со удовольствіемъ дастъ ему въ уединеніи окончать дни свои.

Платонъ просилъ Императора, чтобъ, по случаю его отъѣзда въ Петербургъ, пожаловать повелѣть викарію, епископу дмитровскому, присутствовать въ синодальной конторѣ, что и прежде бывало при отлучкѣ въ Петербургъ, что викарій его, епископъ сѣвскій, въ синодальной конторѣ присутствовалъ; чѣмъ хотѣлось ему ободрить своего сотрудника, а себя совсѣмъ отъ оной освободить.

Пославъ таковое письмо и получивъ отъ Императора побужденіе, чтобъ онъ не медлилъ отправиться въ путь, тотчасъ отправился въ лавру, а оттуда въ Петербургъ, декабря 2 дня. Но на дорогѣ, не доѣзжая Твери, въ селѣ Городнѣ, встрѣтилъ его нарочно посланный курьеръ. Вручилъ онъ отъ Государя письмо, а отъ синода указъ. Прочетши и то и другое, митрополитъ пораженъ былъ смущеніемъ и рѣшился возвратиться въ лавру. Пріѣхавъ въ лавру и болѣзненъ и горестенъ, описалъ Государю все обстоятельно: и почему медлилъ, и почему отважился къ нему писать, и для чего возвратился назадъ, а притомъ просилъ и увольненія отъ епархіи. И на сіе получилъ отвѣтъ прежняго благосклоннѣе, что требовалъ его по привычкѣ быть съ нимъ и чтобъ дать ему кавалерію, и что онъ надѣялся, что еще потрудится въ правленіи епархіи. А отъ пріѣзду его въ Петербургъ увольняетъ, поелику самъ скоро сбирается въ Москву. Получивъ таковое отъ Государя письмо, нѣсколько отдохнулъ отъ тягости душевной Платонъ, а паче радъ былъ, что отъ поѣздки въ Петербургъ уволенъ. Находясь послѣ сего въ слабости здоровья, однако сбирался въ Москву, куда въ концѣ генваря 1797 года и отправился; ибо назначенъ былъ пріѣздъ Государевъ въ Москву 10 марта. Живъ въ Москвѣ, митрополитъ, чувствуя слабость здоровья, и въ уныніи, не оставлялъ и епархіескія дѣла по возможности производить; а какъ въ Москву прибылъ и синодъ, гдѣ и ему велѣно присутствовать, то и въ синодъ ѣздилъ, хотя очень рѣдко. Какія же притомъ терпѣлъ отъ своихъ собратій искушенія, трудно все подробно объяснить [9].

Но вотъ искушеніе и отъ Бога, по неиспытаннымъ судьбамъ. За день до пріѣзда Государева, случилась Платону самая мучительная болѣзнь, какой Платонъ никогда не испыталъ: колика и съ камнемъ въ почкахъ. Былъ отъ жестокости мученія почти безъ памяти и чувствія. Въ самый день пріѣзда Государева нѣсколько болѣзнь облегчилась; однако такъ, что онъ съ трудностію могъ по покою пройти. Что дѣлать? Ѣхать ли на срѣтеніе Государя или нѣтъ? Ѣхать препятствовала крайняя слабость и чувствуемая по временамъ жестокая боль въ почкахъ; не ѣхать опасался, чтобъ сіе не было принято въ одинъ видъ, и тѣмъ бы Государя на гнѣвъ не привести. Однако совсѣмъ такъ рѣшился, а паче по совѣту другихъ; не ѣхать и велѣть себя везти въ Петровскій подъѣздный дворецъ.

Туда пріѣхалъ съ мученіемъ, легъ на лавкѣ и ожидалъ прибытія Государева. Предъ самымъ прибытіемъ нѣсколько болѣзнь отдала, такъ что онъ могъ выдти на крыльцо и срѣтить Императора и Императрицу. Государь,увидѣвъ его, сказалъ, что онъ очень радъ, что его увидѣлъ. Потомъ въ покоѣ привѣтствовалъ Государя пристойною рѣчью, тотчасъ отправился домой, куда какъ его отъ жестокости болѣзни привезли, едва помнить могъ. Легъ и былъ внѣ чувствія. Но тотчасъ отъ Государя посланный привезъ своеручное письмо, въ коемъ, изъясняя свое удовольствіе за рѣчь, просилъ его на другой день пріѣхать къ нему, чтобъ расплатиться, чѣмъ онъ обязанъ ему предъ собою и предъ свѣтомъ. Митрополитъ едва-едва могъ посланному сказать, чтобы онъ донесъ Государю, въ какомъ его видитъ состояніи. На другой день, по самомъ маломъ облегченіи, едва могъ подписать Государю письмо, что онъ крайне боленъ, и ежели хотя мало пооблегчится, не преминетъ явиться лицу его. По пяти дней, по маломъ облегченіи, явился къ Государю. Государь не медля его допустилъ, и тотчасъ по входѣ, ничего не говоря, возложилъ на него Андреевскій орденъ. По окончаніи сего Государь, посадя, долго съ нимъ разговаривалъ любовно. И такъ его отпустилъ, оставляя у себя при столѣ; но онъ слабостію здоровья извинился. Потомъ Императрица ему показала всю Императорскую Фамилію, которую всю имѣлъ счастіе видѣть онъ въ первый разъ. Въ великую субботу, митрополитъ въ Чудовѣ служилъ и пріобщилъ всю Императорскую Фамилію св. таинъ, по Государеву изволенію, и послѣ обѣдни былъ въ архіерейскихъ покояхъ, гдѣ стоялъ Государь Наслѣдникъ и благосклонно съ митрополитомъ разговаривалъ. Въ теченіе сихъ дней Государь самъ собою далъ указъ въ троицкой семинаріи быть больницѣ съ назначеніемъ на оную по двѣ тысячи рублей въ годъ. По совершеніи коронаціи, на другой день Платонъ былъ съ прочими духовными на аудіенціи и говорилъ привѣтственную рѣчь, потомъ на четвертый день былъ онъ у Государя, по случаю порученной ему отъ Государя 90.000 р. суммы на раздачу бѣднымъ; гдѣ долго Государь съ нимъ разговаривалъ и склонялъ, чтобъ ѣхать въ Петербургъ, отъ чего митрополитъ всячески, представляя свою слабость и старость, отрицался. Къ чему и Императрица прежде много его уговаривала, но онъ и ей тоже представлялъ. Въ разговорѣ своемъ Государь благоволилъ ему открыть многіе на него, митрополита, наговоры, и не безважные, которые всѣ были сущая и злобная клевета: ибо многіе и свѣтскіе и духовные всемѣрно старались, и нынѣ, можетъ быть, стараются, чтобъ его до Государевой довѣренности не допустить. Слыша то митрополитъ изъ устъ Государевыхъ, просилъ Государя, стоя на колѣняхъ, чтобъ онъ учинилъ правосудіе, повелѣлъ бы изслѣдовать; и ежели онъ окажется виноватъ, то бы его наказалъ по строгости законовъ, а ежели другіе окажутся клеветниками, то и ихъ клевету и злобу унять. Но на сіе Государь не иное что говорилъ, какъ только, что ему о семъ говорили.

По коронаціи и по прошествіи праздниковъ пасхи, митрополитъ, зная, что Государь намѣренъ посѣтить лавру, ходилъ къ Государю просить его о посѣщеніи, и притомъ дозволилъ бы ему напередъ отправиться въ лавру, каковое обѣщаніе и дозволеніе и получилъ. И Платонъ, при слабости здоровья, которая продолжалась во всю бытность Государеву въ Москвѣ, отправился въ лавру, куда, пріѣхавъ, надлежащее къ принятію Государя Императора и Высочайшей Фамиліи чинилъ распоряженіе. Въ лавру Государь Императоръ и съ Императри-

цею и со всею фамиліею прибылъ 23 апрѣля въ вечеру, въ 8 часу. По надлежащемъ срѣтеніи и по входѣ въ покои архимандричьи, Государь тотчасъ митрополиту говоритъ, что онъ завтра будетъ обѣдать въ Виѳаніи. Удивился сему Платонъ и нѣсколько смутился; ибо все пріуготовленіе сдѣлано въ лаврѣ, а въ Виѳаніи ничего, кромѣ того, что покои были поубраны. Зная, что Государь Виѳанію посѣтитъ на полчаса или на часъ, и осмѣлился ему представить, что въ Виѳаніи покои малы и пріуготовленія никакого для стола тамъ не сдѣлано. Но Государь подтвердилъ, что хотя въ уголку, но тамъ будетъ обѣдать. Послѣ сего поговорилъ Государь съ нимъ, что отмѣняетъ походъ свой въ Казань и о другихъ матеріяхъ, отпустилъ Платона готовиться къ служенію. На другой день поутру, бывъ у Государя и кой о чемъ доложивъ, пошелъ на служеніе въ Троицкій соборъ, и служилъ, а послѣ обѣдни былъ молебенъ. Потомъ, возвратясь въ покои, и изъ оныхъ, со всѣми, посѣтилъ всѣ церкви и ризницу, и потомъ семинарію, гдѣ привѣтствованъ былъ отъ семинаристовъ, и принималъ все съ отличнымъ удовольствіемъ. Наконецъ отправился въ Виѳанію, гдѣ его паки митрополитъ встрѣтилъ. Былъ въ большой церкви и изволилъ хвалить; потомъ въ домовой, которая ему еще больше понравилась, и хотѣлъ у себя такую сдѣлать. Потомъ и покои изволилъ похвалять, и говорилъ: вотъ какъ тѣсны у тебя покои; на что болѣе! Потомъ открывалъ нѣкоторые клеветническіе наговоры, которые ему внушали о Виѳаніи: «а теперь-де самъ вижу, что это неправда»; и видя митрополитъ, что Государь веселъ и все хвалитъ, осмѣлился ему, яко въ шуткахъ, сказать: когда, Государь, все здѣсь удостоилось вашей похвалы, то хотя бъ игуменство здѣсь благоволили учредить. Но Государь отвѣчалъ: «на что тебѣ игуменство? ты самъ здѣсь игуменъ». Потомъ пошли къ столу Государь Императоръ съ Императрицею и со всею Императорскою Фамиліею. Государь былъ веселъ и весь столъ проговорилъ съ митрополитомъ, а между тѣмъ семинаристы разные читали разговоры изъ географіи, изъ исторіи, изъ философіи и прочаго, что Государю весьма было угодно и семинаристовъ цѣловалъ. За столомъ Государь дозволилъ въ семинаріи обучать французскому языку, который былъ воспрещенъ. Послѣ стола скоро изволилъ отправиться въ лавру и, приложившись къ мощамъ, хотѣлъ выходить изъ церкви. Но митрополитъ тутъ же, поднеся всѣмъ образа въ благословеніе, подалъ Государю прошеніе о увольненіи его отъ епархіи. Государь, принявъ, спросилъ: что такое? На то Платонъ: Государь! извольте прочесть и увидите. Потомъ, открывъ и нѣсколько усмотрѣвъ, сказалъ, что сему быть нельзя. И сколько митрополитъ ни просилъ, чтобъ явилъ милость, но онъ нѣсколько разъ повторилъ тоже: «сему быть нельзя»; вышелъ изъ церкви и сѣлъ въ карету, сказавъ только, чтобъ скорѣе пріѣзжалъ въ Москву къ церемоніи, которая положена въ преполовеніевъ день, при крестномъ ходѣ на Москву рѣку. По несчастію, наканунѣ прибытія день былъ хорошъ, и на другой день по отъѣздѣ, 25, самый теплый и прекрасный, а въ самый день присутствія весь день былъ дождь и самый густой туманъ; почему и дорога вся вдругъ испортилась, и Государь ѣхалъ съ безпокойствомъ, и въ Виѳаніи мѣстоположеніе не могло себя открыть; поелику и прудъ еще былъ подъ льдомъ, и въ лѣсу снѣгъ, а дорога очень грязна.

Такимъ образомъ проводивъ Государя и отдохнувъ отъ трудовъ, митрополитъ отправился въ Москву 28 апрѣля и по пріѣздѣ отправилъ службу и крестный

ходъ; церемонія была весьма великолѣпная: Государь самъ войсками командовалъ, гдѣ митрополитъ, осѣняя его крестомъ, и кропилъ святою водою его и знамена, и все войско, по пути стоящее.

На другой день пріѣхалъ къ нему отъ Государя секретарь его Трощинскій съ объявленіемъ, что Государю Императору угодно учредить въ Виѳаніи второклассный монастырь и устроить при немъ семинарію; и потому повелѣлъ съ нимъ поговорить, на какомъ всему тому быть основаніи. Посланный понуждалъ, чтобъ о семъ положить не медля. И такъ на другой день подалъ записку, а по той запискѣ, на другой потомъ день, перваго мая, состоялся указъ, чтобъ Виѳанію сдѣлать второкласснымъ монастыремъ и учредить семинарію, и о прочемъ, что явствуетъ въ томъ указѣ, а между тѣмъ прислано 2000 р. на семинаристовъ троицкихъ, а ректору часы золотые съ каменьями. Поспѣшилъ митрополитъ принесть благодареніе за таковыя милости, и ожидая во дворцѣ, вынесли ему отъ Государя брилліантовый орденъ Андреевскій, а Государыня Императрица въ день преполовенія пожаловала ему крестъ золотой, изъ хрисолраосовъ и съ брилліантами.

*) Платонъ (въ свѣтскомъ званіи Петръ Левшинъ), митрополитъ московскій (р. 1737, у. 1812), обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ занимался не только предметами, составлявшими курсъ академическій, но и другими, которые не были преподаваемы: онъ (какъ сказано въ его Запискахъ) самъ собою выучился географіи, а «знаніе исторіи пріобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе исторіи, всей вообще и своей отечественной». Черезъ два года по вступленіи въ богословскій классъ, онъ былъ опредѣленъ учителемъ піитики и катихизаторомъ: обязанность его состояла въ толкованіи катихизиса, по воскреснымъ днямъ. «Во всю жизнь мою не былъ я такъ счастливъ», говоритъ Платонъ, какъ въ это время: «стеченіе людей всякаго состоянія было столь велико, что подобнаго ему прежде не случалось. Міряниннъ и двадцатилѣтній юноша, я видѣлъ такое усердіе въ слушателяхъ, какого уже не встрѣчалъ послѣ; возведенный въ санъ архіерея». Въ 1758 г., по приглашенію Гедеона Криновскаго, архимандрита Троицко-Сергіевой лавры, переведенъ въ лаврскую семинарію для преподаванія риторики и въ томъ же году принялъ монашество. Въ 1759 г., назначенный префектомъ и учителемъ философіи, а въ 1761-мъ—ректоромъ и учителемъ богословія, по вызову Гедеона, своего благодѣтеля, жилъ онъ нѣкоторое время въ Петербургѣ (1759 и 1760 г.г.), гдѣ познакомился съ гр. А. Г. Разумовскимъ и И. И. Шуваловымъ; послѣдній хотѣлъ его отправить въ Сорбонну для усовершенствованія въ наукахъ, но Гедеонъ на то не согласился. Въ 1763 г., сохраняя званіе ректора и богословскіе уроки, Платонъ опредѣленъ намѣстникомъ лавры. Того же года Екатерина II, отправляясь въ Ростовъ для переложенія мощей св. Димитрія Ростовскаго въ новую раку, посѣтила лавру. «Слово о благочестіи», произнесенное при этомъ случаѣ Платономъ, обратило на него особенное вниманіе Императрицы, которая выбрала его въ законоучители наслѣднику престола. Въ Петербургѣ Платонъ провелъ десять лѣтъ (1763—73), до бракосочетанія великаго князя. Обращаясь между царедворцами и литераторами, онъ, для умноженія своихъ знаній о европейскомъ просвѣщеніи, любилъ бесѣдовать съ иностранцами, изъ которыхъ многіе были люди ученые, видѣвшіе свѣтъ. Въ 1766 г. назначенъ архимандритомъ Троицкой лавры, а въ 1770-мъ, сохраняя это званіе—архіепископомъ тверскимъ. Онъ жилъ въ Твери въ два пріѣзда: въ первый разъ (1771 г.)—полгода, во второй (1774 г.)—годъ, занимаясь устройствомъ духовнаго управленія, уничтоженіемъ вкравшихся въ него злоупотребленій, изысканіемъ болѣе значительныхъ средствъ къ содержанію типографіи. Въ 1773 г. избранъ въ законоучители гессенъ-дармштадтской принцессѣ Вильгельминѣ (Наталіи Алексѣевнѣ), невѣстѣ в. к. Павла Петровича. Въ 1775 г. переведенъ изъ Твери въ Москву архіепископомъ московскимъ и калужскимъ. Дѣла епархіи, которою въ теченіе трехъ лѣтъ управляли попеременно три епископа, находились въ совершенномъ разстройствѣ: духовенство, набранное послѣ моровой язвы (1771 г.), не имѣло ни просвѣщенія, ни качествъ, свойственныхъ его званію. Платонъ смѣнилъ недостойныхъ священнослужителей, уничтожилъ многія злоупотребленія, издалъ инструкцію для благочинныхъ іереевъ и протоіереевъ.

Московская духовная академія начинаетъ со времени его управленія новый періодъ своего существованія. Платонъ былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ Петръ Могила былъ для академіи кіевской: введеніемъ новыхъ предметовъ ученія, значительно распространилъ кругъ наукъ; ввелъ въ преподаваніе великорусскій элементъ, на мѣсто южнорусскаго, или кіевскаго, отличавшагося схоластицизмомъ; увеличилъ комплектъ воспитанниковъ и преподавателей; обратилъ вниманіе на нравственное образованіе питомцевъ, устроилъ для бѣднѣйшихъ учениковъ бурсу; издалъ подробное наставленіе учителямъ всѣхъ классовъ. Для приготовленія учениковъ въ академію, Платонъ основалъ училища на Перервѣ, въ Звенигородѣ и Дмитровѣ. Въ 1776 г., находясь въ Петербургѣ, преподавалъ Законъ Божій новой невѣстѣ наслѣдника престола, принцессѣ виртембергъ-штутгартской Софіи Доротеѣ (въ послѣдствіи Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ). Въ 1783 г. основалъ, близь лавры, Виѳанскій монастырь; 1787 г. пожалованъ митрополитомъ московскимъ. Съ 1792 г. Платонъ большею частію жилъ въ Троицкой лаврѣ и въ Виѳаніи, поручивъ дѣла своему викарію. Въ 1801 г., при короновaніи Императора Александра, произнесъ одно изъ лучшихъ своихъ словъ. Въ 1804 г. совершилъ поѣздку въ Кіевъ, описаніе которой издано послѣ его смерти. Въ 1811 г. испросилъ себѣ увольненіе отъ епархіальныхъ дѣлъ. Умеръ и погребенъ въ Виѳанскомъ монастырѣ.

Платонъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей русской церкви, снискавшій европейскую извѣстность и пользовавшійся уваженіемъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ. Сочиненія его относятся къ тремъ предметамъ: богословскому ученію и церковному управленію, духовному краснорѣчію, исторіи.

А) Сочиненія по предметамъ богословія и церковнаго управленія:

а) Катихизисъ, или первоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ, толкованное въ академической аудиторіи 1757—58 г., 2 ч. (1781 г. и въ 8 и 9 т.т. Собранія сочиненій Платона).

б) Православное ученіе, или сокращенная христіанская богословія, сочиненная для употребленія в.к. Павла Петровича (1765 г. и въ 7 т. Соч.).

в) Увѣщаніе раскольникамъ (1766 и въ 6 т. Соч.).

г) Краткій катихизисъ для обученія малолѣтныхъ дѣтей христіанскому закону (1775 г. и въ 6 т. Соч.). Есть изданіе вѣнское 1773 г.

д) Сокращенный катихизисъ для обученія отроковъ (въ 6 т. Соч.).

е) Сокращенный катихизисъ для священнослужителей (1775 г. и въ 6 т. Соч.).

ж) Инструкція благочиннымъ (1775 г. и въ 6 т. Соч.).

Б) Сочиненія по духовному краснорѣчію:

а) Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни. Собраны и исправлены, а нѣкоторыя вновь сочинены и изданы, вмѣстѣ съ митрополитомъ новгородскимъ Гавріиломъ, 3 ч. (1776—77).

б) Поучительныя слова, съ 1763 по 1806, составляющія 16 томовъ въ Собраніи сочиненій (1779—1806).

В) Историческія сочиненія:

а) Краткое историческое описаніе Троицкой Сергіевой Лавры 1790 г.: (Рус. Вѣст. 1841, № 9).

б) Путевыя записки о путешествіи въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Кострому и Владиміръ, 1792 г. (въ сочин. И. Снегирева: Жизнь Платона, нов. изд. 1856 г.).

в) Путешествіе въ Кіевъ и по другимъ россійскимъ городамъ въ 1804 г. (Ib. и особою книжкой 1813 г.).

г) Краткая церковная россійская исторія, 3 ч. (1805).

д) Записки о собственной жизни, писанныя имъ самимъ до 1807 г. и доведенныя Самуиломъ Запольскимъ, епископомъ костромскимъ, до 1812-го (часть ихъ нап. въ Москвит. 1849, №№ 4, 13, 18 и 24; вполнѣ въ означенномъ сочиненіи г. Снегирева).

Священникъ Іоаннъ Кандорскій издалъ въ 2 ч., 1804 г.: «Духъ или избранныя мысли изъ поученій Платона (Записки о жизни Платона; Жизнь Платона, соч. И. Снегирева).

[1]) Произнесено 1765 г.; нап. въ 1 т. Поучит. словъ. Въ немъ развивается мысль о томъ, въ чемъ состоитъ воспитаніе: «Воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели». Этимъ положеніемъ слово примыкаетъ къ педагогическимъ воззрѣніямъ Екатерины, изложеннымъ въ «Наказѣ и Инструкціи кн. Салтыкову».

[2]) Сличи съ ст. Наказа «о воспитаніи» и съ ст. 2 и 3 въ Инструкціи (Хрест. I, 278 и 295).

[4]) «Рѣчь Александру I по совершеніи короновaнія (1801)». Въ ней четыре части: приступъ, предложеніе, главная часть и заключеніе. Въ приступѣ исчисляются разныя чувства подданныхъ послѣ вѣнчанія царя ихъ на царство. Предложеніе выражаетъ мысль, что царствованіе для царя есть подвигъ и бремя, а для подданныхъ спокойствіе и утѣшеніе. Главная часть подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ представлены трудности царствованія, во

второмъ средства преодолѣвать ихъ. Въ заключенія проповѣдникъ обращается къ матери вѣнчаннаго царя, а потомъ ко всѣмъ Россіанамъ, приглашая ихъ радоваться, веселиться и благодарить Господа.

[5]) Подражаніе Ѳеофану Прокоповичу, въ его Словѣ на коронованіе Анны Іоанновны: «Твой престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченіи, но для чего? чтобъ главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали».

То, что именно называется ораторствомъ, рѣдко представляютъ проповѣди Платона: рѣчь на коронованіе Александра I и нѣсколько другихъ словъ или мѣстъ въ словахъ служатъ какъ бы исключеніями. Проповѣданіе его отличалось простотою и ясностью—качествами, наиболѣе приличными тому роду духовнаго краснорѣчія, который означается именемъ «поученій». Эти качества явились не безсознательно, а какъ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. «Признаюсь», говоритъ Платонъ, «что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія; а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ. По симъ причинамъ я все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго; чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ; доказательства на всякое предложеніе были бъ приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ими не было, чтобы слушателю показалось сомнительнымъ или бы онъ на что возраженіе сдѣлать могъ. Къ сему единственно простиралось всегда мое вниманіе, и притомъ я всегда себя увѣрялъ, что если слово съ таковымъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать въ сердцѣ слушателя и больше къ его пользѣ послужитъ, нежели то, которое надымается одною разновидныхъ выраженій красотою и токмо производитъ одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, ни духа не имѣющій». Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго словолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: «Витійство полезно, чтобъ истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишно, но и вредно. Излишно: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія.... Къ чему такой пышный и сладоточный словъ приборъ? Открой самую истину въ существенномъ видѣ ея. Она есть величественная жена: заставляетъ себя любить и почитать своею сановитостію, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренныя. Чѣмъ одержало верхъ и ложь посрамило Евангеліе? простотою слова. Ибо когда сокровенно оно отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открыто младенцамъ, доказываетъ сіе святѣйшую ея (*истины*) простоту. Чѣмъ увѣрили міръ апостолы и вывели его изъ заблужденія? простотою слова» (Слово въ 1-ую недѣлю поста, въ 5 т. Поучит. Словъ).

[6]) Москвит. 1849 г., №№ 4, 13, 18 и 24.

[7]) 1763-го.

[8]) Въ Петербургъ, при вступленіи Императора Павла I на престолъ.

[9]) Для объясненія сего мѣста см. Жизнь Платона, ч. I, стр. 89 и 90, гдѣ между прочимъ сказано: «Первенствующимъ членомъ синода былъ въ то время Гавріилъ, митр. новгородскій, прежній товарищъ Платона, оспорившаго у него честь быть законоучителемъ наслѣдника престола. Одаренный большимъ умомъ, онъ скрытностью и холодностью своего характера представлялъ противоположность съ простосердечіемъ и чувствительностью Платона».

LXXXV.

АНАСТАСІЙ БРАТАНОВСКІЙ. (1).

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНІЕ И. И. ШУВАЛОВА (1797). (2).

И чтобы значили тѣ воздыханія наши, коими безсмертный духъ, преселяющійся во страну небесную, сопровождаемъ? И чтобы значили надъ гробомъ добродѣтельнаго проливаемыя слезы? Или сердце дружелюбное скорбитъ, что новый житель небесъ, лишаясь земли, лишается и благъ ея? Но о насъ, о насъ-то паче воздыхаютъ небожители, что мы, все имѣя, все пріобрѣтая на землѣ, ничего не имѣемъ. Или чувствительное сѣтуетъ сердце, что смерть на полѣ свѣта сего хищнымъ серпомъ равно пожинаетъ и плевелы и пшеницу, равно подсѣкаетъ и терніе и гроздіе винограда? Но добродѣтельная душа, исходя торжественно изъ смертнаго жилища, сѣтуетъ о насъ, о насъ, что мы многократно принуждены вопіять: окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. VII, 24)? Гдѣ вѣра святая воздыхаетъ, гдѣ надежда евангельская проливаетъ слезу, тамо вздохъ есть сей Давидовъ гласъ: когда пріиду и явлюся лицу Твоему, Боже (Псал. XLII, 3.)? Тамо слеза есть сей Апостола Павла восторгъ: недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ (2 Кор. IV, 17).

Тако христіанинъ, умирающему последователю евангельскихъ добродѣтелей съ воздыханіемъ закрывая вѣжди, радуется, что врата вѣчности блаженныя отверзаются для принятія странственника міра. Тако христіанинъ, проливая слезу надъ гробницею благочестиваго, веселится, что любитель закона увѣнчавается праведнымъ воздаяніемъ въ невечернемъ дни царствія Божія. И что будетъ вся слава, воздаваемая отъ человѣкъ добродѣтели? что будетъ тамо, гдѣ Богъ прославляющихъ Его прославляетъ? Нѣтъ для добродѣтельныхъ достойнѣе памятника на землѣ, какъ незабвенная память, что добродѣтель совершенное воздаяніе получаетъ токмо на небеси.

Судъ человѣческій положивъ на мѣрилѣ съ судомъ Божіимъ, могутъ ли смертныхъ помышленія столь же погрѣшительныя, какъ и кратковидныя, дать совѣтамъ, намѣреніямъ, дѣламъ ту цѣну, какову опредѣляетъ сердцевѣдецъ Богъ? Вотъ для чего Апостолъ Павелъ не за велико почитаетъ, да истяжется отъ человѣкъ: востязуяй бо, говоритъ, мене есть Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечные (1 Кор, IV, 5). Добродѣтель если не имѣетъ корня въ сердцѣ человѣческомъ; если сердце человѣческое не утверждено на законѣ Господнемъ; если любовь къ закону не основана на любви Бога: то вся правота дѣлъ есть тогда одинъ токмо притворъ добродѣтели. Не на сей ли поверхности останавливаются почти обыкновенно и сужденіе, и воздаянія тѣмъ подвигамъ добрымъ, каковыми одинъ отличается отъ другаго? И вы, совѣсти непорочныя! вы, кои иногда колеблетесь, міръ грѣшниковъ зря (Псал. XII, 3), и вы блюдитесь, да не погрѣшите, заключая рѣшительно изъ внѣшности поступковъ о нечистой внутренности сердца. Сколь много есть тѣхъ мирныхъ, тѣхъ кроткихъ юдолей сердечныхъ, на кои взоръ суда человѣческаго никогда не проникаетъ! Ужели не видитъ оныхъ Богъ? И златая одежда должна быть покровомъ тѣмъ чистѣйшимъ добродѣтелей; и сквозь рубища тѣмъ удобнѣе должны мы прозрѣвать правоту души; но все сіе совершенно единъ вѣдаетъ Богъ. Гдѣ же твоя, о добродѣтель! награда на землѣ,

когда ты или по смиренію своему удаляешься отъ воздаяній, или не получаешь оныхъ по невѣдѣнію другихъ о тебѣ? Ужели благость Божія ограничивается только вѣдѣніемъ твоея истины и вмѣстѣ твоихъ бѣдствованій, твоея непорочности и вмѣстѣ твоихъ страданій, твоея приверженности къ Богу и вмѣстѣ лишенія даровъ, восхищаемыхъ порокомъ?

Подлинно, и во времени на все счастіе земное имѣетъ право едина добродѣтель. Но кто откроетъ книгу судебъ промысла Божія и покажетъ вины, по коимъ десница Господня сего смиряетъ, того возноситъ; сего убожитъ, онаго богатитъ (1 Царст. II, 3)? По сему невѣдомому намъ опредѣленію Божію можно токмо опредѣлительно заключить, что счастіе земное есть больше подвигъ и опытъ для добродѣтели, нежели воздаяніе. Чѣмъ преимущественнѣе кто предъ другими, тѣмъ разительнѣйшаго совершенствъ явленія требуетъ отъ него Богъ, отечество, ближній, знаменитость, чести, богатство, слава. Се суть оныя таланты, въ коихъ расчетъ должно намъ нѣкогда отдать Богу! Таланты Богъ усугубляетъ талантами, но предполагая вѣрность (Матѳ. V, 16). Чтожъ сіе значитъ, какъ не то, что отъ одной степени счастія возводитъ Богъ на другую, да свѣтъ добродѣтелей вяще просвѣтится предъ человѣки (Лук. XIX, 17)? О вы, умаленные по состоянію, по выгодамъ, по могуществу! вы или въ напастѣхъ прибѣгая къ покровительству сильныхъ, или въ крайностяхъ ища помощи могущихъ, или, при истинѣ безгласной, требуя заступленія отъ правоправящихъ: вы силѣ ли сильныхъ, могуществу ли могущихъ, правовѣдству ли правящихъ удивляетесь? Или сердцемъ и устами благословите сихъ великихъ великія благотворенія? Если гдѣ гласъ народа есть гласъ Божій: то въ тѣхъ признательныхъ хвалахъ, коими униженные возносятъ добродѣтели превознесенныхъ. Гласъ народа, проповѣдуя благотворенія благотворящихъ, запечатлѣвается симъ гласомъ Божіимъ: понеже сотвористе единому сихъ братій меншихъ, мнѣ сотвористе (Матѳ. XXV, 40). Мнѣ, ибо по намѣренію Моему употребисте данная вамъ отъ Меня благая земли; Мнѣ сотвористе: ибо униженные предъ вами были пробнымъ камнемъ, на коемъ Я испытывалъ вашу любовь къ человѣчеству, вашу любовь ко Мнѣ. Не можетъ любить Бога, кто ненавидитъ человѣковъ. Такъ счастіе земное есть яко огнь, искушаяй драгоцѣнность добродѣтели, а не мзда. Гдѣ кротость величественнѣе? Тамъ, гдѣ воля можетъ быть закономъ для другихъ. Гдѣ смиреніе любезнѣе небесамъ? Тамъ, гдѣ достоинствъ и совершенствъ своихъ самолюбіе почти не примѣчаетъ. Гдѣ непристрастность къ видимостямъ преславнѣе? Тамъ, гдѣ все течетъ по желанію сердца. Гдѣ упованіе на промыслъ Божій уважительнѣе? Тамъ, гдѣ вся безпечность земная совѣщавается, какъ бы привязать сердце къ землѣ, отвратить отъ Неба. Гдѣ страхъ Божій священнѣе? Тамъ, гдѣ можетъ самонадѣяніе сказать: не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ! Счастіе убо земное есть обязанность быть больше добродѣтельнымъ, а не добродѣтели награда.

Но пусть будетъ оно и наградою добродѣтели. Чѣмъ же накажется порокъ? На семъ-то превратѣ древле еще торжествовало нечестіе, дерзкими устами изрыгая хулу на промыслъ Божій, глаголя: «Самослучайно рождены есмы, и по семъ будемъ яко же не бывше. Пріидите убо, и насладимся настоящихъ благъ. Насиліе сотворимъ убогу праведному, не пощадимъ вдовицы, ниже старца устыдимся сѣдинъ многолѣтныхъ. Пусть блажатъ послѣдняя праведныхъ, пусть славятся отца имѣти Бога. Намъ Богъ да будетъ наше чрево. Увидимъ, чьи словеса суть истина (Прем. Солом. гл.

III)?» Пусть счастіе земное будетъ и наградою добродѣтели: но если оно можетъ позлатить непорочныя рубища, то чѣмъ украситъ богоподобныхъ добродѣтелей порфиру? Если счастіе земное можетъ смиренную хижину превратить въ чертоги, то чертоги, сіе святилище правды, и истины, и суда, въ какое велелѣпіе больше уже облещи возможетъ? Если счастіе земное можетъ сотворити алчущую невинность, да къ тому не алчетъ, то чѣмъ оно напитаетъ того, кто съ человѣколюбивѣйшимъ сердцемъ питаетъ алчущихъ? Если счастіе земное можетъ облегчить благословенные труды орющаго въ свое время нивы, то чѣмъ оно возрадуетъ того, кто благовременно и безвременно печется о благосостояніи промыслу его врученныхъ? Если счастіе земное можетъ бѣдственную жизнь премѣнить въ благоденственную, то что оно воздастъ тому, кто за вѣру и вѣрность къ своему государю и отечеству полагаетъ душу свою, душу, коей цѣнѣ всѣ драгоцѣнности міра противовѣсить не могутъ? А та сокровенная вѣра во Евангеліе, то тайное усердіе и ревность къ истинѣ благочестія, то сердечное покореніе волѣ Божіей и Его закону, то внутреннее доброжелательство даже и врагамъ, тѣ безмолвно воспѣваемыя хвалы Богу ужели должны оставаться не посѣщаемыя счастіемъ земнымъ потому, что сіи добродѣтели сокровенны? Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы! коль многіе воскликнутъ съ Апостоломъ Павломъ (1 Кор. XV, 19). Убо Богъ, Богъ праведный, совершенно наградить добродѣтель предоставилъ на небесѣхъ. Се конецъ Евангелія! се предметъ вѣры! се слава безсмертія!

Пусть же искуство человѣческое воздвигаетъ надъ добродѣтельными памятники для потомства; но родъ сей прейдетъ, камни распадутся, сей же глаголъ во вѣки не прейдетъ: праведный Богъ воздастъ коемуждо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный (Рим. II, 7). Пусть рука человѣческая начертываетъ на гробницѣ благочестивыхъ остатковъ надписанія; но время сотретъ оныя и изгладитъ. Сіе же духа Божія начертаніе пребудетъ неизгладимо: блаженны умирающіи о Господѣ: ей да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. XIV, 13). Се тотъ памятникъ добродѣтели, столь же достойный ея, какъ и единственный для нея! Его водружаетъ Богъ, а не человѣкъ. Ободряйтесь убо въ подвигахъ вашихъ, о вы, истинные любители вѣры, закона, благочестія!

Совершенное добродѣтели воздаяніе въ вѣчности, отъ Бога; но блаженъ, кто и временное счастіе пріобрѣтаетъ чрезъ добродѣтель. Вѣрный сему свидѣтель собственная совѣсть; а внѣшняя хвала есть дань, признательностію приносимая. Кто не почитаетъ добродѣтельныхъ, тотъ самую добродѣтель не уважаетъ.

Сей избранный мужъ, коего душа преселилась въ непремѣняемое блаженство, прежилъ на землѣ странствованія человѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастія многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобы благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ. О, сколько оплакиваютъ свою судьбу, которые лишились плодовъ его человѣколюбія! Вы, которые ввѣрены были его попеченію и правленію, можете ли воспомянуть безъ скорби о добродѣтеляхъ его?

Свидѣтели достоинствъ его суть вниманія Монарховъ, которые его отличали, удостоивая довѣренности въ важныхъ дѣлахъ. Свидѣтели державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся.

Свидѣтели Академія Художествъ и Университетъ. О, если образуемое юношество можно нарещи обновляющеюся юношестію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ ([3]). Остается желать, дабы они совершили согласно Евангелію и закону доброе намѣреніе его. Удалился онъ на время изъ отечества, но сіе удаленіе умножило любовь его къ нему. Онъ первымъ долгомъ почиталъ споспѣшествовать благу его. Благочестивѣйшій нашъ Монархъ паче открылъ его заслуги наградами своими. Если можетъ быть сладчайшее утѣшеніе для сѣтующаго сердца о потерѣ столь же вѣрнаго друга, какъ и брата; то оно есть самыя слезы, проливаемыя облагодѣтельствованными отъ него: ибо онѣ не на землю упадаютъ, но, подобно утренней росѣ, восходятъ въ выспрь, къ превѣчному солнцу, Богу.

Вы убо, которыхъ жизнь была подкрѣпляема его попеченіями и благотвореніями! вы со слезами воспліите къ Содержащему въ рущѣ всѣхъ насъ моленія своя; излейте предъ Богомъ усердіе, да вчинитъ его въ жилищѣ святыхъ своихъ.

Боже, Спасителю нашъ, у Тебе воздаяніе вѣрнымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ: увѣнчай душу раба Твоего, болярина Іоанна, вѣчнымъ блаженствомъ по Евангельскому обѣщанію Твоему! Аминь.

[1]) Анастасій Братановскій, архіепископъ астраханскій (р. 1761, у. 1806), обучался въ переяславской семинаріи. Въ 1790 г. принялъ монашество. Въ 1792 г. былъ архимандритомъ зеленецкаго монастыря, откуда 1795 г. переведенъ въ Сергіеву пустынь, а 1796-го въ московскій новоспасскій монастырь и пожалованъ въ члены синода. Званіе епископа бѣлорусской епархіи получилъ 1797 г.; въ 1801-мъ пожалованъ архіепископомъ; въ 1805-мъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ и скончался. Сочиненія его: Поучительныя слова съ 1792 по 1806 г., 4 ч. (1796—1807); Трактатъ о расположеніи проповѣдей, на лат. яз., 1806 г. (Tractatus de concionum dispositionibus). Переводы съ франц.: Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія (1794); Плачъ Іереміи пророка, поэма Арнода (1797); Истинный Мессія, или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ (1801); Опытъ о совершенствѣ, Формея (1805). Въ 1801 г., въ бытность Павла I въ Москвѣ, Анастасію повелѣно было именнымъ указомъ разсмотрѣть и исправить книгу Гиббона: о паденіи римской имперіи. Къ 4-му т. Поучительныхъ словъ приложены: мысли Анастасія и біографія его, написанная Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

[2]) Слово это, по содержанію и формѣ, имѣетъ много общаго съ Словомъ того же проповѣдника на погребеніе Бецкаго (1795 г.). Приступъ того и другаго заключаетъ въ себѣ рядъ вопросовъ, выражающихъ недостаточность земныхъ наградъ добродѣтельному мужу. Въ предложеніяхъ тоже значительное сходство: Слово на погребеніе Бецкаго развиваетъ ту мысль, что «смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія и блаженства добродѣтели въ будущей жизни»; Слово на погребеніе Шувалова выбрало своимъ предметомъ мысль, что «счастіе земное не можетъ служить наградою добродѣтели, которая получаетъ совершенное воздаяніе токмо на небеси». Оба слова не только доказываютъ справедливость выбранныхъ темъ, но и отвергаютъ темы противоположныя. Догматизмъ идетъ рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи французскаго энциклопедизма.

[3]) «Здѣсь духовный ораторъ разумѣлъ не одну внѣшнюю учтивость, требуемую свѣтскими приличіями. Въ благородномъ учтивствѣ Шувалова отражалась внутренняя людскость, сознаніе человѣческаго значенія въ себѣ самомъ и другихъ. И здѣсь, въ словѣ оратора, какъ въ сочиненіяхъ другихъ лучшихъ писателей времени, выставлено двойное требованіе отъ просвѣщеннаго человѣка, требованіе, чтобы въ немъ украшенному наукою уму соотвѣтствовали поступки, удовлетворяющіе нравственнымъ требованіямъ, нравственному достоинству человѣка» (Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь С. Соловьева въ собраніи москов. университета 1855 г).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 23, строка 3-я лѣвой колонны. Напечатано: (1)—слѣдуетъ (2).

Стр. 43, прим. 2. Напеч.: «вѣроятно пропущенъ предлогъ *о* (о Улиссѣ).»— Вѣрнѣе: Улисс*а*, а не о «Улиссѣ» (см. текстъ на стр. 42).

Стр. 54, прим. 11. Первое изданіе Камня Вѣры—1728; другія: 1729, 1730, 1749 (Опытъ библіографіи Сопикова. I, №№ 513—516).

Стр. 125, стихъ 13-й правой колонны: «Ни связи. *должность* о томъ тужить дворянину.»—Не стояло ли въ рукописи: «должноль» вмѣсто «должность»?

Стр. 219, прим. 90. Напеч. «10 дня 1850 г.»—слѣдуетъ: «10 дня 1750 г.».— Вмѣсто «Короволдай» читай «Каравалдай» (тоже на стр 221, въ прим. 123).

Стр. 223, прим. 156. Напеч. «Костром.»; слѣдуетъ: «Вятской».

Стр. 223, прим. 157. По нынѣшнему раздѣленію губерній, Вѣтка находится Могилевсвой губ., въ Гомельскомъ уѣздѣ.

Стр. 249, прим. 33. Нап. «обувь безъ подошвъ»; читай: «коты,» «башмаки».

Стр. 257, прим. 1. Нап.: «ум. 1742 г.»; читай: «ум. 1743 г.».

Стр. 307, прим. 10. О Клевеландѣ см. стр. 338, прим. 1.

Стр. 325. прим. 1. Нап.: «у. 1650»; читай: «у. 1760.»

Стр. 403, прим. 1 Первое изданіе сочиненій Петрова, въ одной части, издано имъ самимъ 1782 г.

Стр. 414. О службѣ Аблесимова см. въ I т. Энциклопедическаго Словаря (1861), стр. 92.

Стр. 446. Видѣніе Мурзы сочинено 1783 г., а не 1784.

Стр. 470, прим. 41. Напеч.: въ 12 надесять день»; читай: «въ 2 надесять день.»

Стр. 475, прим. 163. Напеч.: «въ Русскомъ Вѣстникѣ 1807 г.»; читай: «въ Вѣстникѣ Европы 1807».

Стр. 485, прим. 2. Напеч. «первое изданіе 1775 г.»; читай: «первое изданіе 1769 г.».

Стр. 490, прим. 1. Третье изданіе сочиненій Муравьева—1856 г., въ 2 т.